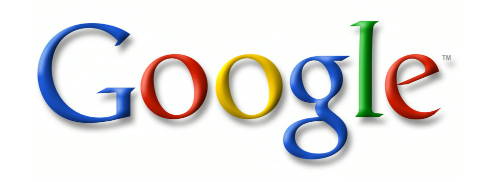
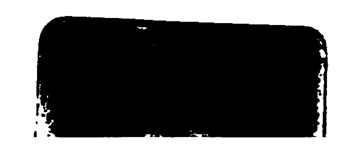
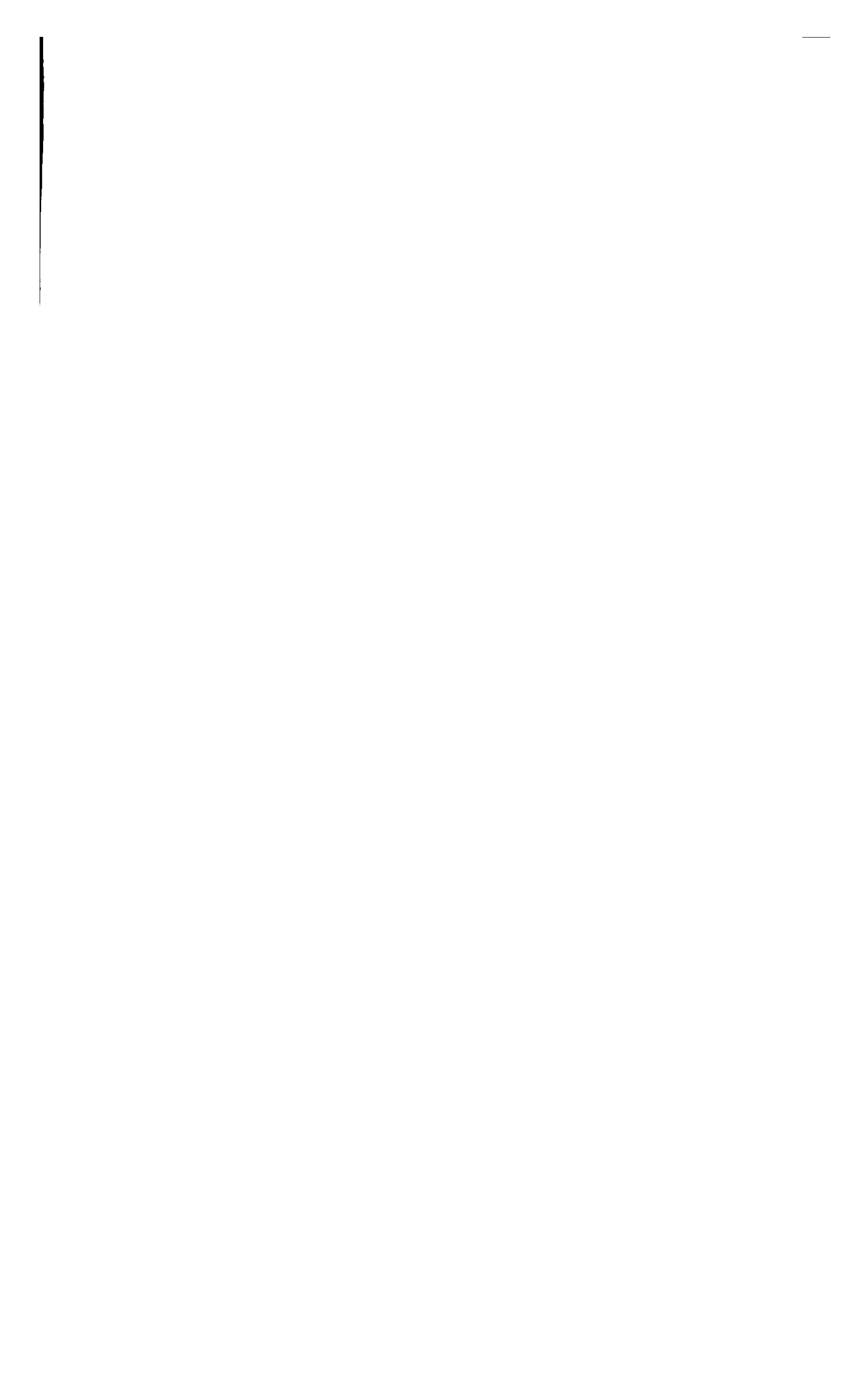

ТОМЪ II. — ІЮНЬ 1867.

Въ слѣдующемъ томѣ начнется печатаніе «Воспоминаній» В. И. Панаева.

„VESTNIK EVROPY"

„1867 t. 2

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

Second year

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ъ XXXI. — Томъ CLXXX. — 9/21 іюня 1867.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Галерная, 20.

1867.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Źródło tey sprawy, z którego następuiące płynęli potoki, wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego, coby na potym przestrzedz nieprzyjaciela miało *).»

(Рукоп. библіот. Красинск. В. 1. 8.)

III.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ **).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Грамата изъ-подъ Смоленска.— Грамата московская.— Ляпуновъ.— Заруцкій.— Сапѣга.— Воззваніе Ляпунова.— Возстаніе разныхъ городовъ.

Между тѣмъ, какъ польскіе паны въ лагерѣ подъ Смоленскомъ употребляли напрасныя усилія къ тому, чтобы склонить московскихъ пословъ и дворянъ разныхъ городовъ въ свою пользу,

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ *тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». *(Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени.)*

**) Первая глава въ т. I, отд. I, стр. 1—74.

эти послѣдніе написали, вѣроятно, съ вѣдома самихъ пословъ, и отправили въ Москву грамату, списки съ которой должны были разослаться по Московскому государству. Очень можетъ быть, что ушедшіе еще прежде отъ посольства въ Москву и сложили ее, но уже, конечно, она явилась въ Москвѣ за тѣмъ, чтобы списки ея были разосланы по Московскому государству. Грамата обращалась къ москвичамъ. «Мы пришли (говорилось въ ней) изъ своихъ разоренныхъ городовъ и уѣздовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленскъ, и живемъ тутъ болѣе года, чуть не другой годъ, чтобы выкупить намъ изъ плѣна, изъ латинства, отъ горькой, смертной работы, бѣдныхъ своихъ матерей, женъ и дѣтей. Никто не жалѣетъ объ насъ, никто не пощадитъ насъ. Иные изъ нашихъ въ Литву и въ Польшу ходили за своими матерями, женами и дѣтьми, и потеряли тамъ головы. Собранъ былъ христовымъ именемъ окупъ — все разграбили; ни одна душа изъ литовскихъ людей не смилуется надъ бѣдными плѣнными, православными христіанами и беззлобивыми младенцами». Всѣ они, будучи пришельцами изъ различныхъ городовъ и волостей Московскаго государства, свидѣтельствовали о томъ, какъ поработители повсюду поругались надъ святынею, жизнью и достояніемъ русскаго народа. «Во всѣхъ городахъ и уѣздахъ — было сказано въ томъ же посланіи — гдѣ завладѣли литовскіе люди, не поругана ли тамъ православная вѣра, и не разорены ли божіи церкви? не сокрушены ли, не поруганы ли злымъ поруганіемъ божественные законы и божіе образы? Все это зрятъ очи наши. Гдѣ наши головы, гдѣ жены и дѣти, и братья, и сродники, и друзья? Не остались ли изъ тысячи десятый, изъ сотни одинъ, и то съ одной душой и тѣломъ.... Имъ было извѣстно, что̀ затѣваютъ поляки. Мы здѣсь не малое время живемъ, и подлинно знаемъ то, про что̀ пишемъ». Они сообщали москвичамъ, ка̀къ въ своихъ письмахъ къ польскимъ панамъ предатели Салтыковъ и Андроновъ совѣтовали королю скорѣе идти съ войскомъ въ Москву, вывести изъ нея лучшихъ людей и завладѣть столицею. «Не думайте и не помышляйте, — писали они — чтобы королевичъ былъ государемъ въ Москвѣ. Всѣ люди въ Польшѣ и Литвѣ никакъ не допустятъ этого. У нихъ въ Литвѣ на сеймищѣ было много думы со всею землею, и у нихъ на томъ положено, чтобъ вывести лучшихъ людей и опустошить всю землю и владѣть всею Московскою землею. Ради Бога, положите крѣпкій совѣтъ между собою. Пошлите списки съ нашей граматы въ Новгородъ, и Вологду, и въ Нижній, и свой совѣтъ туда отпишите, чтобы всѣмъ про то было вѣдомо, чтобы всею землею, обще стать намъ за православную христіанскую

вѣру, покамѣстъ еще мы свободны, и не въ рабствѣ, и не разведены въ плѣнъ» [1]).

Въ Москвѣ эта грамата была переписана во многихъ спискахъ и разослана по городамъ, а къ ней приложили и послали вмѣстѣ еще свою, московскую, писанную съ благословенія Гермогена. Москва напоминала о своемъ первенствѣ, называла себя корнемъ древа и указывала на важность своей мѣстной святыни: «Здѣсь образъ Божіей матери, Богородицы заступницы крестьянской, еяже евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы; или это для васъ православныхъ крестьянъ ничего не значитъ? Такъ говорить и писать страшно. Не вѣрьте глупому и льстивому слову, чтобъ вамъ быть пощаженнымъ, если не будете съ нами обще страдать, сколько силы станетъ и сколько милосердый Богъ поможетъ. Повѣрьте этому нашему письму. Не многіе идутъ вслѣдъ за предателями христіанскими Михайломъ Салтыковымъ и за Ѳедоромъ Андроновымъ и ихъ совѣтниками. У насъ первопрестольной апостольской церкви святой патріархъ Гермогенъ прямъ яко самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ несомнѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдствуютъ, только неявственно стоятъ» [2]). Москва призывала города освободить ее изъ бѣды, а города и земли нуждались въ средоточіи, куда должны были обращаться ихъ взаимныя дѣйствія.

Когда эти воззванія изъ-подъ Смоленска и изъ Москвы дошли до Рязани, тамъ Прокопій Ляпуновъ приказалъ переписать съ нихъ списки и разослалъ, съ нарочными, по ближнимъ городамъ, да приложилъ еще отъ себя воззваніе. Рязанская земля давно уже привыкла повиноваться голосу Прокопія Ляпунова. Знали этотъ голосъ во всей московской украинѣ. Ляпуновъ назначилъ сборъ ратной силы подъ Шацкомъ. Туда, по зову его, пришло ополченіе михайловскихъ дѣтей боярскихъ. Потомъ пристали къ нимъ темниковцы и алатырцы, пришли отряды инородцевъ, мордвы, чувашей и черемисъ [3]), и пестрая шайка подъ начальствомъ Кернозицкаго. Въ Коломнѣ, воевода Василій Сукинъ держался поляковъ, но коломенскіе черные люди, дворяне и дѣти боярскіе снеслись съ Ляпуновымъ и объявляли, что готовы идти за одно съ рязанцами. Присталъ къ Ляпунову Заруцкій съ своими донцами. Этотъ, какъ мы видѣли, ранній по-

---

[1]) А. Э. II. 300.
[2]) А. Э. II. 299.
[3]) А. Э. II. 312.

собникъ вора, послѣ бѣгства послѣдняго изъ Тушина, присталъ-было къ Жолкѣвскому. Вмѣстѣ съ поляками побивалъ онъ войска Шуйскаго подъ Клушинымъ; вмѣстѣ съ ними подошелъ къ Москвѣ. Самолюбивый и задорный, хотѣлъ онъ играть первую роль, но какъ увидалъ, что Салтыковъ и Андроновъ стоятъ выше его, не захотѣлъ служить дѣлу Владислава, ушелъ снова къ калужскому вору. Послѣ его убійства, Заруцкій вызвался быть защитникомъ Марины, съ которой, кажется, былъ въ связи. Не прошло послѣ того и двухъ мѣсяцевъ, Заруцкій сошелся съ Ляпуновымъ, пріѣхалъ въ Рязань, обязался служить противъ поляковъ за русскій народъ, которому до сихъ поръ дѣлалъ одно зло. Его послалъ Ляпуновъ въ Тулу. Тамъ съ нимъ была Марина. Туда стекались къ нему донцы. Стали подъ его начальство тульскіе дѣти боярскіе. Заруцкій долженъ былъ идти на Москву изъ Тулы, когда рязанцы пойдутъ на нее изъ-подъ Шацка. Московскіе бояре, узнавши, что Заруцкій собираетъ ополченіе въ Тулѣ, отправили къ тулякамъ грамату, увѣщевали не приставать къ Ляпунову и давали знать, что на Ляпунова посылается сильная польская рать подъ начальствомъ Сапѣги и Струся. Но туляки не приняли увѣщаній и отослали боярскую грамату къ Ляпунову. Вѣрный видамъ Марины, Заруцкій думалъ: авось удастся провозгласить царемъ ея новорожденнаго сына, но, покамѣстъ, скрывалъ это намѣреніе; надо было подвизаться противъ одного общаго врага — поляковъ [1]). Соединились съ Ляпуновымъ и калужане. Царика у нихъ не стало; имъ ничего не оставалось, какъ стать за одно съ прочими русскими противъ поляковъ. Знатнѣйшимъ лицомъ въ Калугѣ надъ калужанами былъ бояринъ Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, прежній слуга вора, человѣкъ высокаго рода, потомокъ Гедимина. Калужане дали обѣщаніе идти изъ-подъ Калуги къ Москвѣ разомъ съ другими, которые пойдутъ изъ Рязани и изъ Тулы, и вмѣстѣ съ ними сойтись подъ Москвою въ одинъ день. Къ Ляпунову пристала и Кашира. Тамошній воевода Михайло Александровичъ Нагой, также изъ прежнихъ сторонниковъ вора, 10 февраля написалъ Ляпунову, что каширяне, служилые и неслужилые люди, будутъ стоять за православную вѣру, за одно съ Ляпуновымъ, противъ богохульныхъ еретиковъ, польскихъ и литовскихъ людей [2]).

Тогда въ ополченіе русской земли готовился войти Янъ Сапѣга. Стоя подъ Мещевскомъ, онъ услыхалъ, что собираются

---

[1]) Кобѣрж. 371.
[2]) А. Э. II. 312.

московскіе люди идти на поляковъ. На ту пору, онъ, съ своими сапѣжинцами, былъ недоволенъ королемъ. Не хотѣли имъ заплатить жалованье за тѣ годы, которые они провели на службѣ вору. Разсерженный на короля и на пановъ, Сапѣга писалъ въ Калугу и предлагалъ свои услуги русскому дѣлу. «Мы хотимъ — выражался онъ — за православную вѣру и за свою славу отважиться на смерть, и вамъ было бы съ нами совѣтоваться; сами знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ; стоимъ при своихъ заслугахъ; мы не мыслимъ на васъ никакого лиха, не просимъ отъ васъ никакой платы, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ намъ и заплатитъ». Калужскіе бояре не кинулись сразу довѣрчиво въ объятія бывшаго врага Московскаго государства; не разъ онъ принужденъ былъ писать къ нимъ о томъ же, предлагалъ закладъ, извѣщалъ, что бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ, приглашаютъ его идти на Ляпунова за королевское дѣло, но онъ не хочетъ, и просилъ, по крайней мѣрѣ, сообщить о его желаніи Прокопію Ляпунову. Калужане, наконецъ, послали къ нему боярина Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и дворянина Игнатія Ермолаевича Микулина. Переговоры ихъ съ Сапѣгою не повели къ согласію. Посланные не могли не припомнить, что сапѣжинцы оскорбляли православную вѣру, разоряли церкви, ставили въ нихъ лошадей. «Это неправда — возражалъ на это Сапѣга въ новомъ письмѣ своемъ къ калужанамъ — у насъ въ рыцарствѣ половина русскихъ людей; мы запрещаемъ имъ безчинство; мы смотримъ накрѣпко, чтобы не было никакого разоренія церквей божіихъ, но отъ воровъ вездѣ не убережешься: иное сдѣлаютъ въ отъѣздѣ» [1]) (то-есть, когда выѣдутъ изъ воинскаго стана). Какъ ни старался Сапѣга прильнуть къ русскимъ, ему не повѣрили калужане, и онъ обратился къ Ляпунову прямо. Ляпуновъ велѣлъ передать ему, чтобы онъ шелъ, если хочетъ сразиться за православную вѣру, только не въ одномъ полку съ русскими, а особно, самъ по себѣ, на Можайскъ, и старался бы не допускать помощи отъ короля въ Москву полякамъ. Но Ляпуновъ не иначе приглашалъ этого союзника, какъ потребовавши лучшихъ людей въ заложники. «Надобно — писалъ Ляпуновъ — чтобы такая многочисленная рать во время похода къ Москвѣ не шла бы у насъ за хребтомъ, и не чинила бы ничего дурного надъ городами [2])». Въ то же время къ Сапѣгѣ обращался Гонсѣвскій [3]), и приглашалъ его съ войскомъ на помощь къ Мос-

---

[1]) А. Э. II. 311.
[2]) А. Э. II. 312.
[3]) Życ. Sapieh. II. 283.

квѣ противъ угрожающаго возстанія. Сапѣга отвѣчалъ, что рыцарство не имѣетъ ничего твердаго и ручательнаго отъ короля, и не хочетъ идти, а пойдетъ тогда, когда отъ короля увидитъ себѣ какую-нибудь вѣрную пользу.

Въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, еще прежде сношенія съ Ляпуновымъ сдѣлалось возстаніе. Нижегородцы сообщили Ляпунову свою крестоцѣловальную запись, заключенную вмѣстѣ съ балахонцами. Ляпуновъ, въ отвѣтъ на это, 27 янв. 1611 г. отправилъ въ Нижній, со стряпчимъ Ив. Биркинымъ и дьякомъ Степаномъ Пустошкинымъ, списки съ граматъ смоленской и московской, и собственное посланіе въ «преименитый» Нижній-Новгородъ, извѣщалъ, что уже украинные города поднимаются, и приглашалъ нижегородцевъ идти вмѣстѣ съ собою да разомъ отправить въ поморскіе и понизовые города списки съ посланныхъ граматъ, чтобы вездѣ знали, что̀ дѣлаютъ поляки, чтобы вездѣ собирались отстаивать русскую землю, и отовсюду шли бы разомъ на Москву. Нижегородцы должны были идти къ Москвѣ на Владиміръ, когда рязанцы пойдутъ къ ней черезъ Коломну. Въ другой граматѣ, 8 февраля, Ляпуновъ прибавлялъ, что нужно взять съ собою запасъ, потому что у него мало, а въ Москвѣ поляки отняли оружіе у жителей и трудно достать пороху. Нижній-Новгородъ отъ лица архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ, воеводъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, нѣмцевъ, литвы, стрѣлецкихъ, казачьихъ головъ, земскихъ старостъ, всѣхъ посадскихъ людей, пушкарей, стрѣльцовъ, казаковъ разныхъ городовъ, послалъ въ разные города списки граматъ, подклеивши ихъ подъ свою собственную. Такъ, въ граматѣ, отправленной 1 февраля въ Вологду, сказано: «Вамъ бы, господа, пожаловать однолично на Вологдѣ и во всемъ уѣздѣ собраться со всякими ратными людьми, на коняхъ и съ лыжами, идти со всею службою къ намъ на сходъ тотчасъ же къ Москвѣ, чтобъ дать помочь государству Московскому, пока Литва не овладѣла окрестными городами, пока не прельстились многіе люди, и не отступили еще отъ христіанской вѣры [1])». Въ тотъ же день, съ подобными граматами поѣхали изъ Нижняго гонцы въ Кострому [2]), въ Ярославль [3]), Муромъ [4]), Владиміръ [5]). Нижегородцы приглашали всякихъ чиновъ людей главныхъ городовъ собрать народъ изъ окольныхъ меньшихъ городовъ на совѣтъ и постановить, какъ

[1]) С. Г. Гр. II. 500.
[2]) А. Э. II. 303.
[3]) Ibid. 305.
[4]) Ibid. 302.
[5]) Ibid. 306.

идти всею силою земли подъ Москву. Нижегородскія и рязанскія воззванія встрѣтили уже готовыя возстанія. Въ Ярославлѣ народъ уже вышелъ изъ терпѣнія; туда изъ Москвы пріѣзжали поляки за сборомъ и брали болѣе сколько было нужно, да еще безчинствовали. Ярославцы сначала повиновались, сохраняли вѣрность крестному цѣлованію. Но чѣмъ русскіе были кротче, тѣмъ поляки наглѣе. Тогда ярославцы, собравшись, постановили, что болѣе не станутъ давать кормовъ полякамъ, и цѣловали крестъ на томъ, чтобы ни въ Москвѣ, ни въ окрестныхъ городахъ полякамъ не быть, и готовились идти хотя бы на смерть по крестному цѣлованію. Въ такія-то минуты пришли къ нимъ граматы отъ нижегородцевъ [1]). Ярославцы составили съ этихъ граматъ списки, приложили отъ себя увѣщательную грамату, и разсылали въ Угличъ, Бѣжецкъ, Кашинъ, Романовъ; въ этихъ городахъ жители, какъ прочитали присланныя изъ Ярославля граматы, тотчасъ цѣловали крестъ—стоять за православную вѣру противъ польскихъ и литовскихъ людей [2]). Между тѣмъ, въ самомъ Ярославлѣ съ воеводою Иваномъ Волынскимъ собрались всѣ дѣти боярскіе ярославскаго уѣзда, да триста старыхъ казаковъ, да къ нимъ еще пристали астраханскіе стрѣльцы и стрѣльцы приказа Шарова, которые возвращались изъ Новгорода. Сверхъ того, пять сотъ человѣкъ стрѣльцовъ, выправленныхъ изъ Москвы въ Вологду въ предупрежденіе мятежа въ Москвѣ, не пошли далѣе, и пристали къ ярославскому ополченію [3]). 16 февраля, для большей крѣпости дѣла, въ другой разъ ярославцы цѣловали крестъ на соединеніе съ рязанскими, украинскими и понизовыми городами Московскаго государства.

Пришли нижегородскія граматы во Владиміръ, и тамъ [4]) собрались всѣ люди и цѣловали крестъ на томъ, что стоять имъ, володимирцамъ, со всѣми городами за одно противъ польскихъ и литовскихъ людей за королевскую неправду. Сдѣлали списки съ нижегородскихъ граматъ, приложили свою, и отправили гонцовъ въ Суздаль, въ Переяславль-Залѣсскій, въ Ростовъ; и эти города пристали къ общему дѣлу [5]). Въ Суздалѣ, сверхъ граматъ нижегородскихъ, ярославскихъ и володимирскихъ, явился Андрей Просовецкій, прежде сподвижникъ тушинскаго вора, разорявшій сѣверныя русскія области; теперь, съ толпою своихъ

---

[1]) А. Э. II. 306.
[2]) А. Э. II. 313.
[3]) А. Э. II. 322.
[4]) А. Э. II. 306.
[5]) А. Э. II. 322.

необузданныхъ казаковъ, онъ вызывался служить общему дѣлу русской земли. Изъ Суздаля онъ писалъ въ Володимиръ, въ Ярославль, въ Кострому и въ другіе города, а тамошнимъ жителямъ поручалъ писать отъ себя къ сосѣдямъ. Въ Муромѣ тоже, подъ предводительствомъ воеводы князя Масальскаго, собирались и ополчались ратные люди, какъ только получена была нижегородская грамата. Кострома получила граматы изъ Нижняго-Новгорода 7 февраля, и тотчасъ же костромичи цѣловали крестъ стоять за домъ пречистой Богородицы и за чудотворныя мощи, за святыя Божіи церкви и за православную христіанскую вѣру, и послали отъ себя грамату, со списками присланныхъ къ нимъ граматъ, въ Галичъ и другіе города. Галичъ, получивши изъ Костромы списки граматъ, тотчасъ, со всею волостью и съ пригородами, постановилъ взять съ черносошныхъ людей по десяти человѣкъ съ каждой сохи. Изъ Галича посланы были граматы въ Соль-Галицкую, а изъ Соли-Галицкой — въ Тотьму, изъ Тотьмы — въ Устюгъ. Въ Устюгѣ, получивъ изъ Тотьмы списки съ граматъ смоленскихъ, московскихъ и нижегородскихъ, вмѣстѣ съ тотемскою грамотою, отослали съ нихъ списки въ Пермь, въ Холмогоры, на Вычегду, въ Соль-Вычегодскую, на Вагу, на Вымь, а пермичей просили, списавъ эти списки, разослать ихъ въ Верхотурье и въ Сибирь, чтобы изъ отдаленныхъ земель и волостей собирались люди и шли на сходъ къ Москвѣ избавлять Московское государство [1]). Въ Вологду прислано разомъ нѣсколько посланій изъ разныхъ городовъ. Нижегородцы поручили вологодцамъ собрать съ Вологды, вологодскихъ пригородовъ и изо всѣхъ уѣздовъ ратныхъ людей, приставить къ нимъ головъ, идти на сходъ во Владимиръ къ воеводѣ Рѣпнину [2]), а костромичи просили, чтобы они шли черезъ Кострому и пристали къ костромскому ополченію. Вологда, съ своей стороны, разсылала гонцовъ въ тѣ поморскіе города, въ которые граматы доходили также изъ Галича. Устюгъ, Тотьма и пригороды ихъ, получивъ разными путями граматы, всѣ порѣшили стоять за одно съ другими землями, собирать людей и посылать подъ Москву. Сѣверъ весь присталъ къ возстанію. Отъ 12 марта, соловецкій игуменъ писалъ къ шведскому королю Карлу IX, что въ соловецкомъ и сумскомъ острогѣ и во всей поморской области было извѣстно, что патріархъ благословилъ всѣ русскія земли идти противъ поляковъ; всѣ собираются на рать, всѣ единомысленно порѣшили: не хотимъ на Московское государство царей иновѣрныхъ,

---

1) А. Э. II. 295.
2) А. Э. II. 303.

кромѣ своихъ прироженныхъ бояръ Московскаго государства [1])! Впрочемъ, Пермь, какъ и при Скопинѣ-Шуйскомъ, лѣнивѣе другихъ земель помогала общему дѣлу и на первый разъ немного людей послала; это видно изъ наказа пермскимъ цѣловальникамъ, которымъ поручили вести подъ Москву пятьдесятъ человѣкъ на помощь [2]). Казань и все нижнее Поволжье не только слабѣе участвовали въ общемъ ополченіи противъ поляковъ, чѣмъ костромичи, нижегородцы и ярославцы, но не пристали къ нему тотчасъ вмѣстѣ съ другими. Когда въ Казань пришло извѣстіе о томъ, что Русь признала Владислава и поляки вошли въ Москву — воеводы Морозовъ и Богданъ Бѣльскій да дьякъ Никаноръ Шульгинъ и большая часть казанцевъ не хотѣли присягать и держались Димитрія, а въ январѣ Богданъ Бѣльскій сталъ уговаривать казанцевъ покориться общему приговору земли; но противъ него повелъ интригу дьякъ Шульгинъ, возмутилъ казанцевъ: во имя Димитрія схватили Бѣльскаго, взвели на башню и сбросили внизъ. Такъ окончилъ свой вѣкъ этотъ замѣчательный человѣкъ, повидимому, одинъ изъ важнѣйшихъ зачинщиковъ смутъ [3]). Проѣзжали казанцы черезъ Ярославль, видѣли собраніе ратныхъ людей и молились вмѣстѣ съ ними мѣстной святынѣ ярославской; имъ вручили ярославцы граматы, чтобы они везли ихъ въ казанское государство и убѣждали казанцевъ помогать другимъ землямъ; и это не подѣйствовало. Казанцы и вятчане держались еще упорно Димитрія, не зная или не вѣря, что того, кто назывался этимъ именемъ, нѣтъ на свѣтѣ. Въ этихъ земляхъ была своемѣстная неурядица: взбунтовались черемисы; къ нимъ пристали и русскіе разбойники. Земли должны были отбиваться отъ внутреннихъ враговъ. Ненавидя поляковъ, въ этихъ земляхъ не довѣряли и Ляпунову.

Охотнѣе откликнулся на присланныя изъ Ярославля граматы Великій Новгородъ. Какъ только тамъ узнали, что уже изъ разныхъ городовъ пошли ратные люди подъ Москву, то и сдѣлалось волненіе. Люди новгородскіе собрались и просили благословенія своего владыки Исидора на ратное дѣло. Исидоръ благословилъ ихъ. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, чтобы стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей и послать воеводъ съ ратнымъ ополченіемъ. Заключили въ тюрьму воеводу Ивана Салтыкова и Кирилла Чоглокова — предателей, сторонниковъ

---

[1]) А. Э. II. 308.
[2]) А. Э. II. 309.
[3]) Голик. 160.

польскихъ [1]). Въ города новгородской и псковской земли и въ другіе окрестные, во Псковъ, въ Иванъ-городъ, въ Великіе Луки, въ Порховъ, Невель, въ Торопецъ, въ Яму, въ Заволочье, въ Копорье, въ Орѣшекъ, Ладогу, Устюжну, въ Тверь, въ Торжокъ, были посланы изъ Новгорода списки граматъ, вмѣстѣ съ увѣщательною граматою отъ самого Великаго Новгорода; посланы также отписки о готовности новгородцевъ въ Ярославль, Угличъ, Кострому [2]). Псковъ и прежде ни за что не хотѣлъ цѣловать крестъ Владиславу и не цѣловалъ вовсе. Но тамъ продолжались смятенія, недопускавшія народъ стать воедино и воодушевиться общею доблестью. Бывшее, съ 1609 — 1610 годъ, господство черни прекратилось, но, въ свою очередь, бояре, гости и лучшіе люди захватили власть и стали дѣлать насилія. Тогда опять поднялась чернь на Запсковьи и на Полонищѣ и выгнала лучшихъ людей, а весною 1611 года, когда другіе города шли къ Москвѣ, на псковскую землю напали литовцы; Ходкѣвичъ, литовскій гетманъ, стоялъ подъ Печорами, а Лисовскій, съ своею шайкою, опустошалъ предѣлы Псковской земли, и псковичи, приставши сначала къ дѣлу общаго ополченія, потомъ извѣщали, что не могутъ помогать ему [3]).

Повсюду бѣгали изъ города въ городъ гонцы, иногда по два и по три, иногда по нѣскольку человѣкъ. То были дѣти боярскіе и посадскіе; они возили граматы, черезъ нихъ городъ извѣщалъ другой городъ, что онъ съ своею землею стоитъ за православную вѣру, и идетъ на польскихъ и литовскихъ людей за Московское государство. Изъ городовъ бѣгали посыльщики по селамъ, сзывали помѣщиковъ, собирали даточныхъ людей съ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ; вездѣ, по приходѣ такихъ посыльщиковъ, звонили въ колокола, собирались люди на сходки, дѣлали приговоръ, вооружались чѣмъ ни попало, и спѣшили въ свой городъ кто верхомъ, кто пѣшкомъ, а въ городъ везли порохъ, свинецъ, сухари, толокно, разныя снасти. Передъ соборнымъ духовенствомъ происходило крестное цѣлованіе всего уѣзда [4]). Тутъ русскій человѣкъ присягалъ и обѣщался передъ Богомъ стоять за православную вѣру и Московское государство, не отставать отъ Московскаго государства, не цѣловать креста польскому королю, не служить ему и не прямить ни въ чемъ, не ссылаться письмомъ и словомъ ни съ нимъ, ни съ поляками.

---

[1]) А. Э. II. 341.
[2]) А. Э. II. 314.
[3]) Псковск. 329.
[4]) А. Э. II. 308.

и Литвою, ни съ московскими людьми, которые королю прямятъ, а биться противъ нихъ за Московское государство и за всѣ россійскія царствія, и очищать Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей; во все время войны быть въ согласіи, не произносить смутныхъ словъ между собою, не дѣлать скоповъ и заговоровъ другъ на друга, не грабить и не убивать, и, вообще, не дѣлать ничего дурного русскимъ, а стоять единомышленно за тѣхъ русскихъ, которыхъ пошлютъ куда-нибудь въ заточеніе или предадутъ какому-нибудь наказанію московскіе бояре. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщались заранѣе—служить и прямить тому, кого Богъ дастъ царемъ на Московское государство и на всѣ государства русскаго царствія. Ополчаясь противъ короля, не желая и королевича съ поляками, русскіе въ своей крестоцѣловальной записи, однако, не исключали возможности признать царемъ и королевича, согласно данному прежде крестному цѣлованію, но сомнѣвались, чтобъ это случилось, ибо не приняли бы его русскіе иначе, какъ свободно, съ такими условіями, какихъ сами захотятъ, на которыя поляки не согласились бы ни за что. Въ этой записи говорится: «А буде король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, и польскихъ и литовскихъ людей съ Москвы и изъ всѣхъ московскихъ и изъ украинскихъ городовъ не выведетъ, и изъ-подъ Смоленска не отступитъ, и воинскихъ людей не отведетъ, и намъ битися до смерти».

II.

Противодѣйствіе поляковъ. — Движеніе русскихъ ополченій. — Тревога въ столицѣ. — Стѣсненіе патріарха.

Поляки не ждали такого единодушія. Поляки видѣли, какъ бояре и дворяне раболѣпно выпрашивали у Сигизмунда имѣній и почестей, какъ русскіе люди продавали свое отечество чужеземцамъ за личныя выгоды. Поляки думали, что, какъ только бояре склонятся на ихъ сторону, какъ только они однихъ купятъ, другихъ обманутъ, то можно совладать съ громадою простого народа, не знающею политическихъ правъ, — съ этимъ стадомъ рабовъ, привыкшихъ повиноваться тяготѣющимъ надъ ними верхнимъ силамъ. Они ошиблись. Они не разсчитали, что, мимо политическихъ правъ, которыми Польша такъ гордилась, и которыхъ Русь не знала, была на Руси животворная сила, способная привести въ движеніе неповоротливую громаду — это была православная вѣра! Она-то соединила русскій народъ; она

для него творила и государственную связь, и замѣняла политическія права. Знаменемъ возстанія была тогда единственно вѣра: во всѣхъ граматахъ выставлялось на первомъ планѣ побужденіе религіозное, необходимость защищать церкви, образа и мощи, которымъ творили поруганіе польскіе и литовскіе люди. Эти-то драгоцѣнные для сердца и воображенія предметы подняли тогда русскихъ всѣхъ земель. Они же, между прочимъ, привязывали области и къ Москвѣ, гдѣ было много и церквей, и образовъ, и мощей.

Ни тогдашнее московское правительство, ни поляки, не употребили энергическихъ мѣръ, чтобы подавить это возстаніе въ началѣ. Въ январѣ, узнавъ о волненіи рязанской земли, московскіе бояре извѣстили Сигизмунда, что Ляпуновъ — въ рязанской землѣ, не хочетъ видѣть въ Московскомъ государствѣ успокоенія, не велитъ слушать повелѣній королевскихъ, посылаетъ воеводъ и головъ по городамъ, прельщаетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, устращиваетъ простыхъ людей и сбираетъ себѣ денежные и хлѣбные запасы, слѣдуемые въ царскую казну [1]). Указывали на брата его Захара, бывшаго тогда въ королевскомъ обозѣ подъ Смоленскомъ, какъ на тайнаго пособника Прокопію. Въ то же время, московскіе бояре послали черкасъ воевать рязанскія мѣста, послушныя Ляпунову. Неизвѣстно, откуда пришли эти черкасы: были ли это бродячіе казацкіе отряды, или, всего вѣроятнѣе, то были малоруссы, поселенные въ рязанской землѣ, ибо, впослѣдствіи, тамъ оказываются на жительствѣ малоруссы. Но какъ бы то ни было, только къ этимъ черкасамъ пристали русскіе измѣнники Исай Сумбуловъ съ товарищи. Ляпуновъ пошелъ на нихъ съ дѣтьми боярскими, рязанскими и коломенскими, выгналъ ихъ изъ Пронска и занялъ этотъ городъ. Тутъ подоспѣли къ черкасамъ на помощь еще новыя ихъ силы и осадили въ Пронскѣ Ляпунова. На счастье ему, вышелъ изъ Зарайска тамошній воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и пошелъ на выручку Ляпунова. Черкасы отошли отъ Пронска къ Михайлову (гдѣ, вѣроятно, пребывали постоянно). Воеводы разошлись: Ляпуновъ отправился въ Переяславль-Рязанскій продолжать свое дѣло, а Пожарскій — въ свой Зарайскъ. Тогда черкасы ударили на Зарайскъ, взяли острогъ, осадили въ городѣ воеводу. Но Пожарскій сдѣлалъ вылазку, выгналъ ихъ изъ острога и прогналъ далеко. Сумбуловъ оставилъ черкасъ и убѣжалъ въ Москву [2]). Современники приписали эту удачу чудотворной силѣ Николы Зарайскаго.

---

[1]) С. Г. Гр. II. 489.

[2]) Ник. Л. 130.

Въ февралѣ, князь Иванъ Куракинъ, сторонникъ поляковъ, воевода въ Юрьевѣ-Польскомъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ услышали, что во Владимирѣ происходитъ сборъ возстанія, пошли туда съ войскомъ, но вѣсть объ ихъ походѣ въ пору дошла въ Суздаль до Просовецкаго, и онъ послалъ на помощь владимирцамъ своихъ ратныхъ людей—казаковъ. 11 февраля, подъ Владимиромъ произошла битва: Куракинъ былъ разбитъ, Черкасскаго взяли въ плѣнъ, остальные разбѣжались [1]). Неудачно пошло дѣло королевской стороны и въ Новгородѣ: въ первыхъ числахъ марта, польскій отрядъ, который пришелъ изъ Великихъ-Лукъ въ Старорусскій уѣздъ, узнавъ, что въ Новгородѣ волненіе, спѣшилъ на выручку Салтыкова, но новгородцы вышли противъ него и разбили [2]). Такимъ образомъ, первыя столкновенія русскаго возстанія съ врагами могли только ободрить русскихъ.

Восточныя ополченія выходили изъ своихъ земель къ назначеннымъ мѣстамъ скоро. Еще 8 февраля, нижегородцы отправили передовой отрядъ во Владимиръ. Онъ состоялъ изъ нижегородскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, поселенныхъ въ Нижегородской землѣ литвы и нѣмцевъ, и стрѣльцовъ. Затѣмъ, 11 февраля, двинулось и все большое нижегородское ополченіе вмѣстѣ съ ополченіями окольныхъ городовъ, тянувшихъ къ Нижнему. Съ ними сошлось воедино муромское ополченіе подъ начальствомъ князя Василія Ѳедоровича Мосальскаго; въ немъ, кромѣ муромцевъ, были дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и казаки другихъ сосѣднихъ городовъ [3]). Они пришли во Владимиръ 1 марта, а изъ Владимира, вмѣстѣ съ владимирскимъ ополченіемъ, двинулись къ Москвѣ 10 марта [4]). Къ нимъ пристали суздальцы, подъ начальствомъ Артемія Измайлова, и пестрая толпа казаковъ и черкасъ Просовецкаго.

Костромичи вышли, 24 февраля, подъ начальствомъ князя Ѳедора Волконскаго. Они прибыли къ Ярославлю; тамъ пристало къ нимъ ополченіе ярославское и вышло съ ними къ Москвѣ въ началѣ марта, подъ начальствомъ Ивана Ивановича Волынскаго, оставивъ въ городѣ другого Волынскаго, со старыми дворянами. Въ Романовѣ къ нимъ пристало и романовское ополченіе, подъ начальствомъ князя Василія Пронскаго. Они всѣ вмѣстѣ прибыли въ Ростовъ, и тутъ соединилось съ ними ро-

¹) А. Э. II. 307.
²) А. Э. II. 317.
³) А. Э. II. 302.
⁴) А. Э. II. 325.

стовское ополченіе, подъ начальствомъ Ѳедора Волконскаго. Изъ Ростова пошли на Переяславль. Переяславцы приняли ихъ съ образами и примкнули къ нимъ. Отсюда съ новоприбывшими они шли на Александровскую слободу, на соединеніе съ владимирцами и нижегородцами. Тутъ напалъ на нихъ отрядъ, посланный изъ Киржача, гдѣ стоялъ князь Куракинъ. Они разбили его и наловили плѣнниковъ [1]).

Къ Ляпунову въ рязанскую землю, весь февраль, стягивались ополченія украинскихъ городовъ; войско его было очень велико. Но главная сила украинскаго возстанія заключалась въ казачествѣ. Заруцкій въ наборѣ войска дѣйствовалъ съ тою же казацкою широтою, съ тѣмъ же взломомъ общественнаго строя, какъ нѣкогда Болотниковъ. Въ граматѣ, написанной отъ имени князя Трубецкаго, которымъ руководилъ Заруцкій, призывались люди боярскіе крѣпостные и старинные, всѣмъ обѣщалась воля и жалованье какъ и другимъ вольнымъ казакамъ [2]). Такихъ-то пособниковъ не страшился набирать Ляпуновъ [3]). Въ началѣ марта, Ляпуновъ двинулся въ Коломну.

---

[1]) А. Э. II. 324.

[2]) Солов. VIII. 395.

[3]) Въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. (Польск. Ист. кварт. № 30) есть посланіе или грамата Ляпунова въ Нижній, передѣланная на польскорусскую рѣчь, вѣроятно, для распространенія между казаками, нахлынувшими громадами въ Московское государство. Вотъ, она:

В высоко збовенный в замокъ Нижній воеводомъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и головомъ, и всихъ чиновъ приказнымъ людемъ и стрѣльцомъ и козакомъ и пушкаромъ и затинщикомъ и всемъ служилымъ и купцомъ рознымъ людемъ и во всякихъ кондыцыяхъ,—ажъ до остатнего стопня, всемъ в Хрыстусе православному народови здорово будучы в пану весельтесе. Прокоѳей Ляпуновъ и дворяне и дети боярскіе и всихъ становъ всякие люди резанскаго повета чоломъ бьютъ. Для греховъ нашыхъ отнесетсе на насъ правдивый гневъ божій, и довгій часъ не престаетъ ажъ до нынѣшнего, часу водле Христова слова: повстанет много ѳальшывыхъ хрыстовъ, в которых зраде змешалася вся земля, и есть опустошеніе ей велми брыдкое и пустое, злымъ хитрымъ караnемъ завсегды злого дьявола непріятеля и противника народу человеческого вечную згубу прыносит, жебы могъ зъ своими угодниками богоотступцами, геретыки гадними вовками, усе Христа названое стадо узогнат, укрыт и погубит. Сами ведаете: в теперешние войны полскій король Жикгимонтъ прислал гетмана своего пана Жолковскаго до королюючаго места Москвы, хотечы дать на Московское государство сына своего королевича Владислава Жикгимонтовича, окрестывшы его водлугъ правилъ светыхъ апостоловъ и богоносныхъ святыхъ Отцовъ семи соборовъ, по греческому закону, и на томъ (съ) предними людми се земли гетманъ Жолкевскій крестъ целовалъ Господній, же быть королевичу Владиславу Жигмонтовичу на московском государстве государемъ царемъ и великимъ князем всея Руси (въ) правдивой православной вере греческого закона в высоко поставленую светыхъ божіихъ церквей светечы (?) веру Ісуса Христа яко при прежнихъ высокозацныхъ государехъ московскихъ царехъ, никакимъ способомъ обычаемъ земли нашое неотменяючы и польскимъ людемъ в московскомъ го-

Впродолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, когда происходилъ сборъ всего русскаго народа и походъ подъ Москву, въ самой Москвѣ одушевленіе, оживлявшее всю русскую землю, стало выражаться

сударстве не быть, а теперь по своей обѣтницы указалсе ложъ; лечь отмовили слова покорнего в зраде, яко нам барзо лагодно мовили, а гневъ зрады потаемно мыслили, зновившисе зъ собою умыслили всихъ высокозацныхъ московское монархие христианъ безъ вести отторгнувши згасит насенне веры у верных, и зъ собою у згубу укинут, а намъ кручинитсе и болет душою и теломъ приходитъ. Сами головнѣтые люди московское земли славою света сего уведени и темностю солодкихъ роскошей затмившисе одное правдивое веры светое всходнее церкви и проосвященнего патріархи зо всимъ светымъ соборомъ, пастырей нашыхъ и научителей повшехных отступили, къ заходнимъ прыложывшисе, такъ еще ложжу лицемѣрности свое, яко овечою скуркою, закрываючы у собе нутреного вовка, яко хрыстопродавца Юдашъ зъ жиды указуютца, упокараючисе царству света сего, переменяючисе в постат овчую, на свои овца обернулысе, хотечы ихъ погубит. Штожъ речемъ и што больш мовит будемъ? Нездолеет часъ слепоты и зрады ихъ объявит; о такихъ то пророкъ Давидъ мовит: мовили проожности и зрады и весь день сей учыли, и вси замыслы на лихо засадили, слова ихъ яко олей, а то суть стрелы, яко змеинъ ядъ и аспидовъ подъ устами ихъ. Про то просимъ васъ, именемъ господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, всихъ высокозацных (въ) вере жывущых одное правдивое веры зъ сторожомъ светое всходнее церкви и правдивое матки сынов в вашей власти сполжывущыхъ и по всихъ странахъ господства московского, же бы намъ быт всим в правой вере стоячым моцно узмагатсе о Господу в силе и крепкости его одевшисе и оборону правды прынявшы, всиоружыя господне прышовшы, станемъ противъ таковыхъ, противныхъ спасеня нашого, недруговъ божых, геретыков, стоячых но то всею моцю, абы насъ отлучыли отъ светое соборное всходнее церкви, для которое отцы нашы от початя сына Божего Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, ажъ до нынешнего дня, каждый в свой часъ чыстымъ жытемъ и верою Исуса Христа осветившы насъ, вечне съ Хрыстомъ царствуют, намъ зоставившы светые свои мощы ненарушные, велмя пахнучые великою вонею, правдивые чуды и православные чынячы у добромъ здорове, слепымъ видъ, хромымъ ходъ, чортов одогнане и всякую всякимъ прыходючымъ к нымъ з верою корыст водле чоломбите ихъ деютъ, а тепер, о правдивые и верные в Хрысте, закрычыте овцы до Крыста, научывшисе не слухат чужого голоса. Якъ слухат почнемъ вовчого всетеряющого голосу, и якъ отпадемъ от таковое ласки и от таковых даров, якихъ чуд отнесемъ, если намъ вынищон будет крест Хрыстов и высокая краса дому Божого и место вседенное славы его, будеть обрыдливость и вынищенне, и ласка обернетсе в неласку. Чи не лепѣшъ померет кажному правоверному нижли, чуть таковую згубу, а укрый же Боже видет? Але узнаймысе вси однако, вся Русь церковная, узнаймысе быт сынми царства и наследовцами жывота вечного, поднесем сердца нашы, очы ку скруше и розумы нашы обернимо ку Вышнему, сполне заволаймо одногласно со слезами, такъ глаголючы: соблюди насъ, Господи, со небес и смотры, наведи виннацу тую, которую насадилъ еси десницою твоею, не выдавай насъ, рабъ своихъ, зверятомъ, хотечым пожырать насъ кожного дня! Такъ молечысе в горкости душы, станемъ крепко за землю нашу, пойдемъ против тыхъ, которые пустошат правдивую веру, возмемъ вси оружя Божыи и щыт веры, а в чаще госдне порушымсе добрымъ порушенемъ за светые церкви, за правдивую веру, за светые монастыры, за веру душы нашы кладучы, подвинемсе всею землею до царствуючого града Москвы, з своеми странами всеми православными христіаны всею землею московскаго государства, раду зделаемъ, кому быт на московскомъ государстве государемъ; а есъли здержыт слово

смѣлыми поступками. Къ Гонсѣвскому явились дворяне и обыватели московскіе [1]). «Мы терпѣли притѣсненія отъ твоихъ людей — говорили они — они ругаются надъ святынею, не уважають службы божіей, въ образа стрѣляютъ, нашихъ людей бьютъ, въ дома наши насильно врываются; казна царская тратится, земля наша истощается, каждый мѣсяцъ большія деньги платятся, чтобъ содержать шесть тысячъ вашихъ людей, а выбранный нами царь не пріѣзжаетъ; народъ скорбитъ, думаетъ, что король хочетъ разорить, а не устроить нашу землю, говоритъ, что король, по своему крестному цѣлованію, намъ сына своего не пришлетъ».

Гонсѣвскій отвѣчалъ имъ: «Вы сами смотрите, чтобъ не подать повода къ несчастію, а объ насъ ничего дурного не думайте; у короля есть свои дѣла въ государствѣ, а какъ онъ ихъ окончитъ, то и пришлетъ сына своего такъ, чтобы сохранить честь и славу какъ польскаго, такъ и русскаго государства. Надобно прежде, чтобы Смоленскъ сдался, чтобы потомъ ему,

---

польской король, што даст сына своего королевича Владыслава Жыкгимонтовича на московское государство, окрыстывше его по греческому закону, а не по богоотступному рымского папы, литовскихъ людей зъ земли выведет, водле своее обѣтницы на чомъ его душою Жолковскый крест целовал, и вси городы московские очыстыт, я самъ от Смоленска отступит, и мы ему, государу, всею землею рады, и крест ему, государу, целуемъ правыми душами, и будемъ ему, государу, холопы, яко и прежнимъ своимъ государемъ московского государства. А всхочет ли насъ моцю поконат без правды, зменяючы свое хрестное целоване и веру загубывшы, и намъ всимъ православнымъ хрыстианомъ стать за веру за светые церкви божыи и за вси православности и за вси стра̂ны россійскіе земли, помнечы што глаголалъ и Спасъ нашъ, проповедаючы намъ навалности великыхъ клопотов и бедъ, коли се будет прыближат антыхрыстово царство; а насъ ужо часъ минает, яко намъ есть часъ повстат и ку целемудрости прыклонитисе, ничого не смотречы на теперешние мимотекучые и псуючысе дела, помнечы толко на тое коженъ з насъ, же безсмертную душу маем, над которую ничого дорогшого не маш, и хотя бы хто посел вес свет, ничого псуючыхсе богацтв з собою не берет; наги родимсе и наги ворочаемсе зъ сего света, и для того печалмысе смертью вечного живота набыват, смотречы на нескончоное бство, а и подавцу веры Исуса Христа, за которымъ бы намъ набыт вечныхъ добръ, а цару славы одному премудрому Богу честь и слава навеки вековъ, амин. И вам бы, панове, писать о том не от себе, во вси городы околичные, якая будет во всихъ городех околичных дума: усхочут ли стоят за свою православную веру хрестьянскую, або ли подадутсе богоотступным геретыком. А наша всихъ дума такая: альбо веру православную очыстыт, альбо за веру по одному померет, и вам бы о том до нас вскоре отписат, же бы нам было видимо и надежно.»

Заглавіе этого акта означено въ рукописи по польски: Uniwersał Lepunowa Rezańskiey prowincyi pobudzaiący do woyny przeciwko Króla J. Mości. 11 Lut. 1611 г. (Универсалъ Ляпунова Рязанской провинціи, возбуждающій къ войнѣ противъ его величества короля. 11 Февраля 1611 г.)

[1]) Буссовъ показываетъ. что это происходило 25 января, но числа въ этой хроникѣ не вѣрны.

королю, не имѣть спора съ сыномъ своимъ. А я, съ своей стороны, буду просить, чтобы молодой царь прибылъ какъ можно скорѣе; а кто изъ нашихъ людей станетъ вамъ дѣлать обиды, то я такихъ накажу безпощадно».

«Пусть скорѣе ѣдетъ царь — подтверждали москвичи — а то народъ станетъ искать другого государя; для такой невѣсты, какъ наша Русь, женихъ найдется».

Польскіе лазутчики рыскали всюду, и приносили злыя вѣсти; съ каждымъ днемъ слухъ о возстаніи по русскимъ краямъ становился для поляковъ грознѣе и грознѣе. Поляки смотрѣли осторожнѣе и подозрительнѣе, а москвичамъ, по мѣрѣ бо̀льшихъ надеждъ, труднѣе было сдерживать свою злобу. Еще было свѣжо у поляковъ воспоминаніе о страшной ночи, погубившей перваго Димитрія. «Москвичи — народъ вѣроломный, говорили они, могутъ внезапно напасть на насъ.» Строже стали караулы; всѣ возы, въѣзжавшіе въ городъ, подвергались старательному осмотру, чтобы русскіе не ввезли въ городъ оружія. Жолнѣры присматривались ко всякимъ сборищамъ, входили безъ запинки въ дома, гдѣ являлось подозрѣніе. «Что же это такое?—говорили имъ русскіе—развѣ мы враги ваши?» — «Не мѣшаетъ быть осторожными съ вами — отвѣчали имъ поляки — насъ немного, а васъ тысячи. Мы знаемъ, что вы, москвичи, насъ не любите. Мы дурного не затѣваемъ и не будемъ ссориться съ вами: государь намъ того не приказываетъ; вы только сидите спокойно и не учиняйте буйствъ, а насъ бояться вамъ нечего». Прислушиваясь къ толкамъ, поляки услыхали, что москвичи такъ поговаривали между собою: «Теперь еще пока ихъ немного, а что̀, какъ прибавится у насъ этихъ лысыхъ головъ? развѣ не видно, что у нихъ на умѣ? Они хотятъ насъ подъ собою держать и овладѣть нами современемъ. Мы выбрали польскаго королевича не на тотъ конецъ, чтобы всякій безмозглый полякъ помыкалъ нами.... а намъ, московскимъ людямъ, пропадать пришлось! Король — старая собака, цѣлый годъ не будетъ пускать къ намъ своего щенка. Если онъ къ намъ теперь не хочетъ приходить, пусть навѣки-себѣ въ своей землѣ остается. Не хотимъ, чтобы онъ былъ у насъ государемъ; если эти шесть тысячъ глаголей добромъ отсюда не уберутся, то перебьютъ ихъ какъ собакъ — даромъ, что они такъ здѣсь усѣлись. На 7,000 у насъ найдется.... стоитъ только взяться дружно за дѣло.... много можно сдѣлать!» Когда услышали, наконецъ, москвичи, что возстаніе охватило почти всѣ города и земли, нѣкоторые до того стали отважны, что собирались толпами, подсмѣивались надъ поляками и задѣвали жолнѣровъ, когда они проходили отрядами на караулъ, или когда

являлись для покупокъ на рынкѣ. «Эй вы, хари — кричали имъ москвичи — не долго вамъ тутъ сидѣть! скоро собаки потащутъ васъ за хохлы, если добромъ не выйдете изъ нашего города.» — «Смѣйтесь себѣ — отвѣчали имъ поляки — сколько хотите ругайтесь; мы будемъ терпѣть, и безъ большой нужды не начнемъ кровопролитія; а вотъ, вы попробуйте что-нибудь затѣять, тогда посмотрите, какъ мы васъ заставимъ каяться!» Когда поляки что-нибудь покупали, съ нихъ брали вдвое. Однажды, по сказанію Буссова [1]), 13 февраля, польскіе шляхтичи послали своихъ пахолковъ покупать овса на хлѣбномъ базарѣ, который былъ тогда за Москвою-рѣкою на берегу; пахолки присмотрѣлись, что москвичи покупаютъ овесъ и платятъ за бочку талеръ, и сами тоже хотѣли заплатить. Москвичъ-торгашъ потребовалъ съ поляка вдвойнѣ. Полякъ вышелъ изъ терпѣнія, началъ ругаться: «Какъ смѣешь грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» — «Коли не хочешь столько дать, такъ убирайся; полякамъ не покупать его дешевле». Полякъ выхватилъ саблю. Москвичъ пустился съ жалобнымъ крикомъ бѣжать; вдругъ бросилось на поляка москвичей человѣкъ сорокъ, или пятьдесятъ, съ дубьемъ. Полякъ, въ свою очередь, закричалъ и пустился бѣжать; на его крикъ поспѣшили пахолки; за ними также погнались москвичи. Поляки кричали, будто москвичи убили изъ нихъ троихъ за то, что тѣ хотѣли платить, сколько другіе платятъ. Тогда двѣнадцать жолнѣровъ, что̀ сидѣли на рынкѣ, бросились къ своимъ на помощь; произошла свалка; убито было до тринадцати человѣкъ. Въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ поднялась тревога; бѣжали москвичи, кричали, что поляки бьютъ ихъ; поляки кричали, что москвичи бунтуютъ, и готова была разыграться полная битва, но тутъ прибѣжалъ самъ Гонсѣвскій съ офицерами; разогнали драку, и Гонсѣвскій, въ качествѣ правителя столицы и намѣстника королевскаго, говорилъ такую рѣчь:

«Вы, москвитяне, считаете себя самыми истинными христіанами. Зачѣмъ же вы не боитесь Бога, хотите кровь проливать, быть вѣроломными? Вы думаете, Богъ васъ за это не накажетъ? Вы уже убили столько своихъ государей, нашего короля сына выбрали себѣ государемъ, дали ему крестное цѣлованіе, и за то, что онъ не можетъ такъ скоро пріѣхать, какъ бы вамъ хотѣлось, вы поносите его и отца его: его самого щенкомъ, а короля, отца его, старой собакой называете! Богъ своими намѣстниками поставилъ ихъ, а вы ихъ своими свиными пастухами считаете! Вы не хотите быть тверды на вашемъ крестномъ цѣ-

---

1) Стр. 121.

кованія: вѣдь вы сами же государемъ выбрали его и короля просили, чтобы онъ изволилъ вамъ дать сына на царство, и насъ, поэтому, приняли въ Кремль! А теперь вы его людей бьете! Не помните, что мы васъ избавили отъ вашего врага, Димитрія! Что̀ вы дѣлаете нашему государю Владиславу, то вы не человѣку дѣлаете, а самому Богу; онъ не дозволитъ ругаться надъ собою; не полагайтесь, милые друзья, на ваше множество; насъ только шесть тысячъ, а васъ будетъ тысячъ семьсотъ, но побѣда не отъ множества, а Богъ даетъ помощь и малому числу: вы сами на себѣ это не разъ испытали. Многія тысячи вашихъ бѣгали отъ малыхъ отрядовъ нашихъ съ поля. Зачѣмъ вы бунтуете? Мы служимъ тому же, чьи и вы слуги и подданные; вашъ государь и нашъ государь. Если вы начнете убійства и кровопролитія, то не вамъ Богъ дастъ счастье, а намъ; наше дѣло право; мы за своего государя сражаемся.»

Тутъ нѣкоторые смѣльчаки изъ чернаго народа сказали: «Вы всѣ намъ — плёвое дѣло! мы, безъ оружія и безъ дубинъ, васъ шапками забросаемъ!»

Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Э, любезные, вашими войлочными шапками вы не управитесь съ шестью тысячами дѣвокъ: и тѣ васъ утомятъ; а куда вамъ съ такими военными людьми, вооруженными богатырями, какъ мы! Я прошу васъ и умоляю— не начинайте кровопролитія!»

На это сказали ему: «Такъ уходите отсюда и очистите нашъ Кремль и городъ!»

Гонсѣвскій на это возразилъ: «Этого не дозволяетъ присяга наша. Нашъ государь не на то насъ здѣсь поставилъ, чтобы мы бѣжали отсюда, когда намъ захочется, или когда вы потребуете. Намъ должно здѣсь оставаться, пока царь самъ сюда пріѣдетъ».

— Ну, такъ не долго вамъ быть! крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Это — сказалъ Гонсѣвскій — въ божіей волѣ, а не въ вашей. Если вы что-нибудь начнете, то пусть Богъ сжалится надъ вами и надъ братьями вашими. Я васъ довольно уговаривалъ. Сами подумайте: Богъ — съ нами, и вы ничего не выиграете!

Онъ удалился въ Кремль, и горожане разошлись.

Еще прошло время. Уже былъ мѣсяцъ мартъ. Наступила распутица. Польскіе лазутчики принесли извѣстіе, что сила возставшаго русскаго народа приближается къ Москвѣ тремя дорогами. Поляки узнали, что патріархъ писалъ возбудительныя граматы; подозрѣвали и дворянъ, и даже бояръ. Гонсѣвскій созвалъ ихъ и говорилъ:

«Мнѣ извѣстно вѣроломство, измѣна крестному цѣлованію. Покажите, что вы — противъ намѣреній измѣнниковъ; подавите дерзость заговорщиковъ, и ничего не бойтесь отъ войска, которое поставлено на защиту, а не на погибель городу. А если измѣнники будутъ упрямиться, знайте, что мнѣ приказано охранять дѣло государя своего и выбраннаго царя вашего, какъ надлежитъ храбрымъ воинамъ, и не давать себя въ обиду, хоть бы пришлось проливать народную кровь, и наказать городъ огнемъ и мечомъ» [1])!

По его приказанію, бояре приступили къ патріарху. Михаилъ Салтыковъ на челѣ ихъ говорилъ Гермогену: «Ты писалъ по городамъ, велѣлъ имъ собираться да идти подъ Москву; теперь отпиши имъ, чтобъ не ходили»! Онъ прикрѣпилъ свое требованіе бранью.

Патріархъ отвѣчалъ: «Коли ты и всѣ измѣнники, что съ тобою, а съ вами и королевскіе люди, коли всѣ вы выйдете изъ Москвы вонъ,—я отпишу къ нимъ, чтобы воротились назадъ. Ты клевещешь на меня, будто я писалъ къ нимъ; я не писалъ, а буду писать, когда вы не выйдете. Я, смиренный, благословляю ихъ, чтобъ они совершили начатое непремѣнно, не уставали бы, пока увидятъ желаемое: уже я вижу, что истинная вѣра попирается отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и приходитъ Москвѣ конечное разореніе и запустѣніе св. божіихъ церквей; не могу слышать латинскаго пѣнія, а латины костелъ устроили на дворѣ Бориса».

Послѣ крупныхъ разговоровъ, бояре постановили—около патріарха поставить стражу. Гонсѣвскій, по свидѣтельству Кобѣржицкаго [2]), самъ обращался къ патріарху и говорилъ ему: «Ты, Гермогенъ, первый зачинщикъ измѣны, ты заводчикъ всего возмущенія; не пройдетъ тебѣ это даромъ; дождешься ты достойной кары; не думай, что охранитъ тебя твое достоинство; не благочестіемъ ты отличаешься, а оскверняешь свой санъ гнусною измѣной». Патріархъ отвѣчалъ Гонсѣвскому, что онъ не писалъ граматъ; но Гонсѣвскому было ясно, что все отъ него идетъ; казалось ему при этомъ, что все дѣлается не безъ согласія кое-какихъ бояръ, которые ему въ глаза казались вѣрными видамъ польскаго короля [3]).

Разнеслась по Москвѣ вѣсть, что патріарху учинили оскорбленія. Народъ заволновался. Тутъ еще раздражило народъ и то,

---

1) Кобѣр. 372.
2) Hist. Vlad. 372.
3) Кобѣр. 373.

что поляки потребовали отъ москвичей съѣстныхъ припасовъ для себя. «Ничего имъ нѣтъ, кромѣ пороху и свинца — говорили москвичи — пусть идутъ къ своему государю за жалованьемъ!» Неистово ненавидѣлъ народъ бояръ, особенно Салтыкова, Андронова и дьяка Грамотина. До трехъ тысячъ молодцовъ бросились къ Кремлю, кричали, ругали бояръ, требовали ихъ выдачи. Но полковникъ нѣмецкаго отряда, Борчковскій, ударилъ въ барабаны; мушкетеры взялись за оружіе. Толпа разбѣжалась.

Бояре сильно стали трусить послѣ этихъ попытокъ. Они знали, что, какъ только народъ поднимется—ихъ ожидаетъ бѣда. Приближалось Вербное воскресенье. Тогда, по обычаю, стеклось въ Москву множество всякого народа смотрѣть на торжество, какъ патріархъ ѣздитъ на осляти. День этотъ казался страшенъ боярамъ. Было подозрѣніе, что тогда, подъ предлогомъ стеченія народа къ празднику, нахлынетъ въ Москву толпа мятежниковъ, и весь народъ поднимется. Бояре и Гонсѣвскій рѣшили-было не дѣлать праздника и не пускать въ городъ никого; но какъ только въ народѣ разошлась вѣсть, что праздника не будетъ, поднялся крикъ и ропотъ. Это казалось явнымъ поруганіемъ святыни, и Гонсѣвскій разсудилъ, что такъ будетъ хуже: москвичи еще скорѣе разъярятся и поднимутся. Онъ приказалъ освободить патріарха изъ-подъ стражи и велѣлъ ему совершить обрядъ. Въ обычное время, когда патріархъ ѣхалъ на осляти, самъ царь велъ его осла за узду. Въ этотъ разъ, такую должность царя исполнялъ бояринъ Гундуровъ. По извѣстію бывшаго въ Москвѣ поляка, народу было много [1]); а русскій лѣтописецъ говоритъ, что москвичи не пошли на праздникъ; они подозрѣвали, что, по наущенію бояръ, поляки въ этотъ день хотятъ стрѣлять въ толпу, чтобы выгнать жителей изъ города [2]).

Тутъ, гдѣ-то въ отдаленныхъ мѣстахъ города, произошла свалка между поляками и русскими; нѣсколько поляковъ было убито, другихъ поколотили. Послѣ окончанія обряда, пришла объ этомъ вѣсть въ Кремль, но польскіе начальники не рѣшились приступить къ чему-нибудь рѣшительному противъ всего народа. Тогда Салтыковъ сказалъ Гонсѣвскому: «Вотъ вамъ! Москва сама дала поводъ, — вы ихъ не били; смотрите же: они васъ станутъ бить во вторникъ! А я не буду ждать, возьму жену и убѣгу къ королю [3]).»

---

[1]) Маск. 204.

[2]) Новг. Лѣт. 132.

[3]) Марх. 103.

III.

Приближеніе русскихъ ополченій. — Рѣзня надъ москвичами, и сожженіе столицы.

Въ понедѣльникъ, лазутчики дали Гонсѣвскому знать, что русскія ополченія уже недалеко отъ Москвы. Надобно было думать, что Москва вся поднимется, какъ только завидитъ ратную русскую силу. Велѣно было всѣмъ жолнѣрамъ уходить въ Китай-городъ и Кремль. Тогда столпилось по улицамъ множество извозчиковъ, которые всегда стояли въ Москвѣ, зимою съ санями, лѣтомъ съ возами, и нанимались возить кому куда нужно [1]; подозрѣвали, что это дѣлается для того, чтобы въ то время, какъ явится ополченіе, загородить улицы и не допустить полякамъ развернуться.

Наступилъ вторникъ. Какъ будто ничего не ожидая, московскіе торговцы отворили свои лавки; народъ спокойно сходился на рынокъ для дѣлъ своихъ. На улицахъ и площадяхъ опять, какъ и вчера, стали съѣзжаться извозчики. Одинъ изъ польскихъ начальниковъ, Николай Коссаковскій, началъ принуждать этихъ извозчиковъ встаскивать на стѣны Кремля и Китай-города пушки. Поляки хотѣли громить ими Москву, когда горожане поднимутся, увидавши русскую рать. Коссаковскій предлагалъ извозчикамъ деньги; извозчики не брали денегъ и ни зачто не хотѣли встаскивать пушекъ. Понятно стало, что эти извозчики толпились не съ добрыми, для поляковъ, замыслами. Поляки стали ихъ бить, а тѣ стали давать сдачи; за нихъ заступились свои. Поляки, уже раздосадованные прежними поступками москвичей, ожидая притомъ, въ тотъ самый день, что вся Москва на нихъ поднимется, начали русскихъ рубить саблями. Въ это время, другіе извозчики, вмѣсто того, чтобъ, какъ хотѣли поляки, поднимать пушки на стѣны, стаскивали со стѣнъ Китай-города тѣ пушки, которыя тамъ прежде стояли. Къ Срѣтенскимъ воротамъ Бѣлаго-города подходилъ уже отрядъ князя Димитрія Пожарскаго. Гонсѣвскій, когда дали ему знать, что въ Китай-городѣ — драка, поспѣшилъ туда, думалъ разнять ее, но, узнавши, что къ городу приступаетъ ополченіе, понялъ дѣло такъ, что вѣрно москвичи, по условію со своими, напали, въ назначенное время, на поляковъ и хотятъ занять Китай-городъ, прежде чѣмъ ихъ братья успѣютъ ворваться въ Бѣлый-городъ. Онъ не только не мѣшалъ полякамъ раздѣлываться

---

[1] Марх. 114.

съ русскими, а еще приказалъ самъ бить ихъ, чтобы вытѣснить изъ Китай-города. Тогда поляки и нѣмцы бросились въ ряды москвичей и начали рубить, рѣзать и убивать безъ разбора — и старыхъ и малыхъ, и женщинъ и дѣтей. Тутъ былъ убитъ бояринъ Андрей Васильевичъ Голицынъ. По извѣстіямъ очевидцевъ, въ короткое время погибло отъ шести до семи тысячъ народа. Остальные покинули свои домы, лавки, занятія, и пустились въ Бѣлый-городъ. Поляки высыпали въ погоню за ними. Тутъ въ Бѣломъ-городѣ москвичи загородили улицы извозчичьими возами, столами, скамьями, кострами дровъ; поляки бросились на нихъ; русскіе за своими загородками отбивались. Поляки отступили, чтобы броситься на другія улицы; тогда русскіе кидались за ними сами, били ихъ столами и скамьями, метали на нихъ полѣнья и каменья; иные стрѣляли изъ ружей, у кого ружья были. Въ другихъ улицахъ тоже все было загорожено; какъ только поляки верхомъ бросятся впередъ съ копьями, русскіе отстрѣливаются и отбиваются отъ нихъ, заслонившись; а какъ только поляки отступятъ, чтобы идти на другую улицу, русскіе поражаютъ ихъ въ тылъ; съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ стрѣляли въ поляковъ, били ихъ каменьями и дубьемъ. Москвичамъ помогало то, что улицы въ Москвѣ были со множествомъ переулковъ и тупиковъ; тутъ-то и допекали поляковъ перекрестными ударами. Въ это время, по всѣмъ московскимъ церквамъ раздавался отрывистый набатный звонъ, призывавшій русскихъ къ возстанію.

Самая важная схватка была на Никитской улицѣ. Тутъ поляки и нѣмцы нѣсколько разъ силились пробиться сквозь поставленныя на улицѣ загороды, но каждый разъ пятились назадъ. Вдругъ даютъ знать, что русскія ополченія вступаютъ въ Бѣлый-городъ, заняли Тверскія ворота, а князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій уже на Срѣтенкѣ. Поляки бросились на Тверскую, но оттуда отбили ихъ стрѣльцы; поляки ударились на Срѣтенку — Пожарскій выпалилъ по нимъ изъ пушекъ. Поляки отступили, а Пожарскій, захвативши часть Срѣтенки, приказалъ наскоро сдѣлать острогъ, около церкви Введенія Пресвятыя Богородицы (на Лубянкѣ), и сталъ въ немъ со своимъ отрядомъ и пушкарями. Тамъ поляки оставили его: они услышали, что къ Яузѣ приближается еще одинъ русскій отрядъ, бросились туда черезъ Кулишки; но и тамъ москвичи загородили тѣсныя улицы и бились отчаянно, напирая со всѣхъ сторонъ. Поляки увидѣли, что имъ приходится плохо; русскія ополченія уже ворвались въ Бѣлый-городъ. Вся Москва поднялась какъ одинъ человѣкъ; съ такимъ числомъ воиновъ, какое было у польскаго военачальника, нельзя было прорваться и дать бой внѣ города; оставалось вести

оборонительную войну и запереться въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Но если оставить въ цѣлости Бѣлый-городъ, то это значило дать пришедшимъ безопасное убѣжище и средства къ пропитанію, допустить безпрепятственно москвичей, со всѣми выгодами жилья и имущества, дѣйствовать противъ поляковъ. Кто-то закричалъ въ толпѣ: «Огня, огня—жечь домы!» Военачальники тотчасъ поняли, что это мысль удачная. Огонь и дымъ заставятъ русскихъ отступить изъ своихъ засадъ; сами поляки займутъ тогда пепелище; имъ будетъ свободно развернуться. Гонсѣвскій далъ приказаніе жечь Москву. Русская лѣтопись говоритъ, что этотъ совѣтъ подалъ ему Салтыковъ въ ревности къ королю, и еще больше — для собственнаго спасенія. Онъ самъ первый подложилъ огонь въ своемъ домѣ. Пожаръ принимался нескоро, вѣроятно, по причинѣ сырой погоды. Подъ иной домъ раза четыре подложатъ огонь: не горитъ. Домъ заколдованъ! говорятъ поляки, и съ большимъ трудомъ успѣваютъ зажечь его. Въ разныя стороны бѣгали толпами жолнѣры съ насмоленою лучиною, прядевомъ, хлопьями, и усердно работали; наконецъ, пожаръ принялся разомъ во многихъ мѣстахъ. На счастье полякамъ, вѣтеръ подулъ на москвичей; пламя разливалось имъ въ лицо; они отступили, а поляки за вѣтромъ стрѣляли по москвичамъ.

Пожаръ усиливался. У поляковъ были квартиры въ Бѣломъ-городѣ; тамъ у нихъ пропадало все имущество; у иныхъ были тамъ лошади, которыхъ они должны были побросать, когда москвичи прижали ихъ въ тѣсныхъ улицахъ. Все пропадало. Надобно было запереться въ Китай-городѣ. Вечеромъ, случайно, огонь занесся-было и туда; но сколько полякамъ хотѣлось зажечь Бѣлый-городъ, столько же хотѣли они сохранить отъ пожара Китай-городъ, гдѣ у нихъ было пристанище. Тѣ, что̀ занимали Бѣлый-городъ, бѣгутъ поспѣшно въ Китай-городъ. «Самъ Богъ намъ помогъ, что Москва тогда не бросилась за нашими по слѣдамъ въ ворота» — говоритъ полякъ-очевидецъ [1]). Принялись тушить. Ксендзы обошли занявшіеся дворы съ св. дарами. Этой процессіи поляки приписывали скорое погашеніе пожара въ Китай-городѣ.

Наступила ночь. Отъ пожара въ Бѣломъ-городѣ было свѣтло такъ, что можно было разсмотрѣть иголку. Москвичи усердно тушили огонь; раздавались въ Бѣломъ-городѣ ихъ громкіе крики и набатный звонъ колоколовъ.

Гонсѣвскій съ предводителями держалъ совѣтъ; всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что надобно добиться — сжечь всю Москву.

---

[1]) Мархоцкій, 116.

Бояре налегали особенно, чтобы сжечь Замоскворѣчье. «Хоть весь Бѣлый-городъ выжгите — говорили они — не пустятъ васъ стѣны, а надобно зажечь зарѣчный городъ: тамъ деревянныя укрѣпленія; тогда будете имѣть свободный выходъ, и помощь можетъ прійти отъ короля [1]).

Поляки рѣшили разомъ жечь и Бѣлый-городъ и Замоскворѣчье. Въ среду, еще до разсвѣта, вышли изъ города двѣ тысячи нѣмцевъ, подъ начальствомъ Якова Маржерета [2]), да отрядъ польскихъ пѣшихъ гусаръ, да двѣ конныя хоругви, съ зажигательными снарядами, на ледъ Москвы-рѣки. Они увидали, что русскіе съ двухъ сторонъ силятся охранить свою столицу. Къ Чертольскимъ воротамъ подошелъ съ коломенскимъ ополченіемъ Плещеевъ, занялъ эти ворота, захватилъ уголъ Бѣлой стѣны, доходившей до рѣки, на стѣнѣ поставилъ стрѣльцовъ и затинщиковъ; москвичи стали загораживать улицы, чтобы не давать жечь города. На другой сторонѣ, на Замоскворѣчьи, явилось ополченіе Ивана Колтовскаго, и уже на берегу поставлены были пушки. Вышедшій на ледъ польскій отрядъ отправился по льду къ Чертольскимъ воротамъ, а за нимъ вслѣдъ вышли изъ Кремля другіе жолнѣры и стали въ боевой порядокъ на льду. Московскіе ратные люди оплошали: оставили отворенными Водяныя ворота, подъ Пятиглавою башнею, на мосту, построенномъ для сообщенія съ другимъ берегомъ; этимъ воспользовались высланные поляки, ворвались черезъ эти ворота въ Бѣлый-городъ. Плещеевъ бѣжалъ. Его воины побросали даже свои щиты. Поляки и нѣмцы зажгли церковь св. Иліи, Зачатейскій монастырь, и близкіе къ нимъ дворы. Въ это время, поставленная на Ивановской колокольнѣ польская стража закричала: «Изъ Можайска Струсь идетъ! Москвичи не пускаютъ его подъ деревянною стѣною на Замоскворѣчьи». — Гонцы поскакали по льду и приказали тѣмъ, которые прогнали Плещеева, идти на другой берегъ, жечь Замоскворѣчье и помогать Струсю. Къ нимъ послали еще другихъ нѣмцевъ. Пожаръ на Замоскворѣчьи принялся очень скоро. Жолнѣры добрались до деревянной стѣны и зажгли ее. Стѣна распадалась. Струсь съ своими удальцами бросился въ прогалину, кричалъ: «За мной!» и его жолнѣры перескочили за нимъ вслѣдъ черезъ развалины горящей стѣны. «Не мы ему помогали, а онъ, герой сердцемъ и душой, помогъ намъ» — говоритъ польскій дневникъ. Ополченіе Ивана Колтовскаго, защищавшее Замоскворѣчье, разбѣжалось.

[1]) Марх. 116.

[2]) Послѣ смерти перваго названаго Димитрія, Маржеретъ удалился изъ Руси и теперь вернулся въ знакомую ему Москву ея врагомъ.

Струсь благополучно вошелъ въ Кремль. Замоскворѣчье запылало на всѣхъ концахъ. Послѣ того, поляки стали жечь Бѣлый-городъ, по направленію къ Лубянкѣ. Пожарскій, съ своимъ отрядомъ, вышелъ изъ острожка своего, и не давалъ столицы на сожженіе. Битва въ улицахъ была упорная; но огонь заставилъ русскихъ отступить. Самъ Пожарскій былъ раненъ, и, упавши на землю, горько плакалъ о разрушеніи царствующаго града, о крайнемъ бѣдствіи русской земли. Окровавленный, вопилъ онъ: «О, хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что довелось увидѣть!» Ратные люди подняли предводителя, положили въ повозку и повезли изъ пылающей столицы по троицкой дорогѣ. Весь его отрядъ отправился туда же. Это былъ послѣдній отпоръ. Послѣ того русскіе не отстаивали столицы. Жители ея, какъ увидали, что пришедшіе къ нимъ на помощь не въ силахъ спасти города, впали въ отчаяніе, и бѣжали, безъ оглядки, толкая другъ друга и падая на снѣгъ. Много ихъ пошло вслѣдъ за Пожарскимъ къ Троицѣ; иные толпились въ Симоновомъ монастырѣ, иные прятались въ слободахъ, которыя еще не были сожжены. Но много было такихъ, что не успѣвали убѣгать и погибали въ пламени; а иныхъ поляки догоняли и убивали. Послѣ того, зажигатели доканчивали истребленіе Москвы безпрепятственно, и, поздно вечеромъ, вернулись въ Кремль и Китай-городъ съ полнымъ успѣхомъ.

Слѣдующая ночь была свѣтлѣе прошлой: горѣлъ Бѣлый-городъ на всѣхъ концахъ, горѣло все Замоскворѣчье; нестерпимый дымъ душилъ поляковъ въ Китай-городѣ, вмѣстѣ съ зловоніемъ отъ труповъ, которые лежали, еще непогребенные, грудами выше человѣческаго роста, около опустѣлыхъ рядовъ.

Въ четвергъ, поляки дожигали то, что еще не успѣло сгорѣть въ среду. Бояре, державшіе сторону поляковъ, и теперь сильно настаивали, чтобы не оставить въ столицѣ бревна на бревнѣ, чтобы не дать никакимъ образомъ оправиться непріятелю короля польскаго. Оставшіеся москвичи кланялись въ ноги полякамъ и просили пощады. Гонсѣвскій приказалъ протрубить приказъ не убивать никого изъ тѣхъ, которые поддаются. Онъ велѣлъ раздавать москвичамъ бѣлыя полотенца и подпоясываться ими: это былъ знакъ покорности; по нимъ поляки могли отличать покорныхъ отъ непокорныхъ; заставили москвичей снова произнести присяги Владиславу. Трупы изъ Китай-города свалили въ Москву-рѣку.

Впродолженіе трехъ дней Москва сгорѣла. Стѣны Бѣлаго-города съ башнями и множество почернѣвшихъ отъ дыма лишенныхъ стеколъ церквей, печи уничтоженныхъ домовъ, камен-

ныя подклѣти и погреба торчали посреди развалинъ и угольевъ. Много набрали поляки богатыхъ одеждъ и утвари въ погребахъ и подклѣтяхъ. Иной вошелъ въ Бѣлый-городъ въ дырявомъ запачканномъ кунтушѣ, а ворочался въ шитомъ золотомъ и саженомъ жемчугами кафтанѣ. Оставленныя церкви надѣлили ихъ золотомъ и серебромъ. Жемчугу поляки набрали столько, что, ради потѣхи, заряжали имъ ружья и стрѣляли въ москвичей. Добрались жолнѣры и до боярскихъ бочекъ съ виномъ и медами, и перепивались на радости. Шелъ пиръ на славу послѣ трудовъ: растлѣвали дѣвицъ, насиловали красивыхъ женщинъ, проигрывали въ карты московскихъ дѣтей для забавы! Но семь сотъ человѣкъ отвлечены были отъ общаго пира и отправились, со Струсемъ и Зборовскимъ, противъ Просовецкаго, который съ своими казаками подходилъ къ Москвѣ. Въ Великую пятницу [1]) они встрѣтились съ нимъ верстахъ въ 25 отъ столицы. Просовецкій шелъ подъ защитою «гуляй-города», то-есть, за круговымъ рядомъ саней съ воротами на колесахъ, а въ воротахъ сдѣланы были отверзстія для стрѣльбы. За такой подвижной оградой шло казацкое войско. Каждыя сани двигало десять стрѣльцовъ, и, въ то же время, стрѣляли изъ отверзстій въ воротахъ, которые укрывали ихъ отъ непріятеля [2]). Струсь приказалъ спѣшиться, ударилъ на нихъ, прорвалъ ихъ «гуляй-городъ». «Никого не берите въ плѣнъ, всѣхъ бейте и колите!» приказывалъ самъ Струсь. Просовецкій повернулъ назадъ; полякамъ это и нужно было. Струсь не сталъ его преслѣдовать; довольно было, что отбилъ его отъ столицы.

IV.

Осада поляковъ въ Москвѣ русскими. — Битвы. — Усиленіе возстанія.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ, приблизился Ляпуновъ къ Симонову монастырю, занялъ монастырь, заложилъ свой обозъ и окружилъ его плотнымъ «гуляй-городомъ». Въ среду, на другой день, пришелъ Заруцкій съ тулявами и казаками, и сталъ о-бокъ Ляпунова по берегу Москвы-рѣки. Стягивались къ столицѣ и другія ополченія. Ляпуновъ изъ Симонова монастыря подвинулся къ Яузѣ и Коломенской башнѣ (Деревяннаго или Земляного города [3]). Пришли калужане, подъ предводительствомъ Димитрія

[1]) Diar. Sapiehy.
[2]) Pamiętn. Mask. 52.
[3]) Krasszewsk. Chronol.

Тимоѳеевича Трубецкого, и стали противъ Воронцова-поля; пришли ополченія владимирское, костромское, ярославское, романовское, и стали у Петровскихъ воротъ. У Срѣтенскихъ воротъ сталъ Артемій Васильевичъ Измайловъ, а у Тверскихъ — князь Василій Ѳедоровичъ Масальскій: съ нимъ стали двѣсти стрѣльцовъ и троицкіе слуги, присланные изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря подъ начальствомъ Андрея Ѳедоровича Палицына. Послѣдній привезъ извѣстительныя граматы отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія къ боярамъ и воеводамъ и всѣмъ служилымъ людямъ; именемъ вѣры и состраданія къ разоренной землѣ русской возбуждали ихъ трудиться на изгнаніе чужеземныхъ враговъ и русскихъ измѣнниковъ. По извѣстіямъ поляковъ [1]), у русскихъ воеводъ и казаковъ Просовецкаго было тогда тридцать тысячъ. Земляной городъ весь былъ у нихъ въ рукахъ.

Городскія стѣны были распредѣлены у поляковъ такимъ образомъ: въ Кремлѣ стояли полки Казановскаго, Гонсѣвскаго, какъ и прежде были тамъ конныя сотенныя роты Фирлея, Казановскаго, Голятиновскаго, Роговскаго, Гречанина, Абраима, и двухъ-сотенная рота Гонсѣвскаго, да еще иныя роты и, сверхъ того — 1,500 нѣмцевъ. Въ Китай-городѣ стоялъ Зборовскій съ своимъ полкомъ; въ четырехъ его ротахъ было 1,200 человѣкъ конныхъ. У Неглинной держали стражу ротмистры Соколовскій и Струсь; Мархоцкій стоялъ на Глухой башнѣ, а Млоцкій на слѣдующей за нею башнѣ; у рѣки Яузы, гдѣ стѣна Китай-города сходилась съ Бѣлогородскою, на башнѣ, стоялъ Бобовскій; подъ низомъ тѣхъ двухъ башенъ, гдѣ стояли Бобовскій и Млоцкій, были блокгаузы, съ орудіями на нихъ. По стѣнѣ Китай-города, на одной сторонѣ вплоть до Кремля, а на другой до Водяныхъ воротъ на мосту, находилась польская пѣхота. Чертольскіе ворота и двѣ сосѣднія съ ними башни держали нѣмцы пополамъ съ польскою пѣхотою.

У русскихъ воеводъ было намѣреніе захватить скорѣе всѣ бѣлогородскіе ворота и войти въ Бѣлый-городъ. Большое пространство, при малочисленности наличныхъ силъ, не давало полякамъ возможности укрѣпить всѣ ворота въ Бѣломъ-городѣ, чтобы не пропустить туда русскихъ.

6-го апрѣля, поляки вывели войска свои, съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе и выбить русскихъ изъ занятыхъ подгородныхъ слободъ. Почти все войско вышло изъ города; оставили только сторожи по стѣнамъ и башнямъ. Русскіе ударили на нихъ съ двухъ боковъ: поляки побѣжали къ городу; русскіе погнались за

---

[1]) Krajewski.

ними. Поляки остановились. Тогда русскіе побѣжали сами, чтобы заманить за собою поляковъ и отрѣзать отъ города. Поляки не пошли на уловку и сейчасъ, какъ русскіе побѣжали, пошли назадъ къ городу. Тогда русскіе пустились опять за ними въ погоню. Поляки остановились. Русскіе тотчасъ же, какъ это увидѣли, пустились снова бѣжать, думая хоть на этотъ разъ заманить поляковъ, но поляки опять не пошли за ними, и поворотили къ городу [1]). Тѣмъ битва и кончилась.

Русскіе успѣли захватить въ Бѣломъ-городѣ ворота Яузскіе (къ нимъ придвинулся Ляпуновъ), Покровскіе, Срѣтенскіе, Петровскіе, Тверскіе. У поляковъ оставались Никитскіе, Арбатскіе, Чертольскіе, да сверхъ того Водяные къ Москвѣ-рѣкѣ и Пятиглавая башня у моста. Они поставили въ этихъ башняхъ пѣшую сторожу, но не въ большомъ количествѣ.

Нѣсколько времени враги ограничивались небольшими драками. Безъ войны не проходило дня. Поляки дѣлали вылазки, чтобы достать корму для лошадей, дровъ для топлива, и соли для себя. Въ Бѣломъ-городѣ былъ соляной буянъ; кругомъ его все выгорѣло, а соль уцѣлѣла; поляки ходили туда, и русскіе тоже; тамъ и въ другихъ мѣстахъ враги сталкивались между собою. Случалось, что жолнѣръ залѣзетъ въ каменный погребъ и встрѣтитъ тамъ русскаго: оба бросаются одинъ на другого и дерутся до смерти. Толпа русскихъ или поляковъ засѣдала гдѣнибудь въ церкви и выжидала толпу противниковъ, чтобы стрѣлять въ нее изъ оконъ; иногда за печь сгорѣвшаго дома присядетъ русскій въ надеждѣ выстрѣлить въ поляка, который пройдетъ мимо; за другую печь садится полякъ и ожидаетъ также прохожаго русскаго: увидѣвши другъ друга, враги перестрѣливались изъ-за печей, бросали одни въ другихъ кирпичами. Труповъ не хоронили, и по развалинамъ Москвы была нестерпимая вонь, особенно когда стало тепло. Стаи собакъ прибѣгали отовсюду, привлекаемыя падалью; слышался по ночамъ страшный вой ихъ, прерываемый крикомъ караульныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Уже въ апрѣлѣ поляки стали нуждаться, писали къ Потоцкому и жаловались, что имъ недостатокъ въ ѣдѣ и питьѣ. Послѣ сожженія Москвы, въ ихъ руки попадалось столько припасовъ, что стало бы имъ на продолжительное время; но поляки бросались только на шелковыя ткани да на золотыя и серебряныя вещи, пили дорогія вина, и тѣшились, что достаютъ даромъ то, за что обыкновенно платили большія деньги; сберечь мяса, муки,

[1]) Марх. 119.

рыбы, солоду—никто не думалъ; даже пиво и горѣлку проливали съ пренебреженіемъ, когда всякій могъ пить дорогія вина. Въ необгорѣвшихъ погребахъ было много съѣстного, и поляки не думали перевезти это въ Кремль и Китай-городъ; а когда русскіе завладѣли Бѣлымъ-городомъ, все это попалось на продовольствіе русскому ополченію. Кромѣ этого, русскіе получали припасы изъ разныхъ мѣстъ своего отечества, а полякамъ неоткуда было достать ихъ. Итакъ, въ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ первыхъ дней роскоши, они начали уже платить за кружку пива ползлотый, за окорокъ свиного сала — 12 злотыхъ, за корову по 50 злотыхъ [1]), а злотый въ то время былъ въ шесть или семь разъ дороже нынѣшняго. Очевидно, что съ этой стороны перевѣсъ клонился явно на сторону русскихъ; въ добавокъ, русскія войска безпрестанно прибывали, а поляки оставались въ одномъ и томъ же количествѣ.

Бояре и Гонсѣвскій опять принялись за патріарха. Салтыковъ говорилъ ему: «Если ты не напишешь къ Ляпунову и товарищамъ его, чтобы они отошли прочь, самъ умрешь злою смертью.» Патріархъ отвѣчалъ: «Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ, и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать къ полкамъ, стоящимъ подъ Москвою,—ужъ я говорилъ вамъ, и ничего другого отъ меня не услышите [2])!» Тогда его посадили въ заточеніе въ Чудовомъ монастырѣ, приставили стражу и отдали подъ надзоръ Мархоцкому. Никто, безъ вѣдома послѣдняго, не смѣлъ говорить съ патріархомъ, а самому архипастырю не позволяли переступить черезъ порогъ своей комнаты. Содержали его дурно, обходились съ нимъ неуважительно, и не считали болѣе патріархомъ. Вмѣсто него вывели изъ Чудова монастыря заточеннаго Василіемъ Шуйскимъ, Игнатія, и признали снова въ патріаршемъ званіи.

4-го іюня, прибылъ къ Москвѣ Сапѣга. Вызывавшись много разъ служить православной вѣрѣ и русской землѣ, онъ въ то же время посылалъ къ королю просить уплаты жалованья за тѣ годы, которые провелъ съ своимъ войскомъ на службѣ у вора, а потомъ, по приговору генеральнаго кола, самъ лично отправился къ королю, оставилъ свое войско подъ Козельскомъ 17 марта, но, вмѣсто того, чтобы ѣхать подъ Смоленскъ, гдѣ былъ король, поѣхалъ въ свое староство Усвятъ и тамъ засѣлъ. Король приглашалъ его; Сапѣга медлилъ: раздумье его брало; наконецъ, 8-го мая, онъ поѣхалъ къ королю. Сигизмундъ принялъ его лас-

---

[1]) Buss. 129.

[2]) Ник. лѣт. 135.

ково, надавалъ ему обѣщаній и послалъ московскимъ боярамъ указъ выдать Сапѣгѣ три тысячи рублей изъ московской казны. Съ этимъ поѣхалъ Сапѣга къ своему войску, но все еще въ раздумьи, и съ намѣреніемъ пристать туда, гдѣ выгоднѣе, готовый воевать и противъ короля, если русскіе посулятъ ему больше. Между тѣмъ, его войско получило безъ него отъ короля ассекурацію или письменное обѣщаніе заплатить жалованье [1]), когда король овладѣетъ Москвою окончательно, съ правомъ — самимъ добыть его въ Сѣверской землѣ, если обѣщаніе не было бы исполнено. Король приглашалъ его идти скорѣе къ Москвѣ. Сапѣжинцы хоть не очень были довольны, но пошли къ Москвѣ, стали у Можайска и тамъ дождались своего предводителя. Онъ двинулся съ ними къ столицѣ и, не доходя семи верстъ, остановился и послалъ Гонсѣвскому сказать, что его войско не идетъ иначе, какъ только тогда, когда ему будетъ уплачено за двѣ четверти, сообразно съ королевскимъ словомъ. На это Гонсѣвскій и бояре отвѣчали, что въ казнѣ денегъ нѣтъ, но обѣщали дать вещами на 4,000 злотыхъ. Тогда у Сапѣги зародилась мысль: не выберутъ ли царемъ его; онъ придвинулся къ Москвѣ и рѣшался открыто идти противъ своихъ, если русскіе выскажутся яснѣе, сообразно съ его задушевными мыслями. Онъ стоялъ на Поклонной горѣ, въ виду Дѣвичьяго монастыря, который тогда находился еще во власти поляковъ. Въ это время, 16 іюля, пришли къ Сапѣгѣ послы отъ Ляпунова: Плещеевъ съ товарищи (Лопухинъ, Сильверстъ Толстой, Нехорошій) обѣщали заплатить ему сколько онъ требовалъ, лишь бы онъ сталъ съ ними за одно. Ляпуновъ писалъ, что Московское государство не хочетъ болѣе королевича и желаетъ избрать другого государя. Въ сношеніяхъ съ Плещеевымъ и его товарищами, Сапѣга до того показывалъ себя расположеннымъ къ русскому дѣлу, что въ русскомъ ополченіи распространилась увѣренность, что онъ съ своимъ отрядомъ пришелъ какъ ихній человѣкъ. «Вотъ, ляхи, идетъ къ намъ Сапѣга!» — кричали русскіе изъ Бѣлаго-города, перебранивались съ поляками, ходившими по стѣнамъ, и поляки стали побаиваться. Нѣсколько дней стояло войско сапѣжинцевъ; никто изъ нихъ не приходилъ къ Гонсѣвскому. Сапѣга не давалъ ему знать о своемъ прибытіи, а, между тѣмъ, изъ войска Ляпунова ѣздили къ нему посланцы, и поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, это знали. Поляки рѣшились испытать, чѣмъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ для нихъ теперь смѣлый богатырь. Они начали битву съ русскими, а Сапѣгѣ послали извѣстіе объ этомъ. Сапѣга отпра-

[1]) По 30 зл. гусару, 20 зл. пятигорцу и 20 зл. казаку.

вилъ къ нимъ гонца сказать, чтобы они сошли съ поля. Поляки продолжали биться. Прискакалъ другой гонецъ отъ Сапѣги и говорилъ имъ: «Сапѣга приказалъ сказать, что если вы не пойдете съ поля, то онъ на васъ ударитъ сзади.» Польскіе предводители сочли благоразумнымъ поворотить назадъ и уйдти; иначе, этотъ день рѣшилъ бы положеніе Сапѣги: онъ сдѣлался бы врагомъ своихъ.

Сапѣга увидѣлъ скоро, что русскіе не цѣнятъ его на столько, чтобы могли ему черезъ чуръ много обѣщать, и не вѣрятъ на столько, чтобы могли на него слишкомъ положиться. О царскомъ вѣнцѣ, котораго желалъ Сапѣга, русскіе не заикнулись. Поэтому, Сапѣга разсчиталъ, что съ русскими нечего ему возиться и надобно сойтись съ своими. Но сначала, не дѣлаясь прямо изъ союзника открытымъ врагомъ русскихъ, Сапѣга попробовалъ-было играть роль посредника и послалъ къ Ляпунову предложеніе заплатить ему за четверть, дать продовольствіе на войско, признать королевича и разойтись. Ему, разумѣется, отказали, потому-что не за что было платить Сапѣгѣ за такого рода пособіе. «Грубый москвитинъ ни на что не поддавался» — говоритъ современникъ. Тогда Сапѣга послалъ къ Гонсѣвскому и объявилъ, что будетъ служить королю; однако, все еще не присоединялся къ своимъ, продолжалъ стоять особымъ станомъ на Поклонной горѣ и не нападалъ на русскихъ. Но вотъ, 23-го іюня, Струсь, съ конницею, сдѣлалъ вылазку на Замоскворѣчье, гдѣ, у Лужниковъ, русскіе поставили острогъ, чтобы перерывать сообщеніе Москвы съ смоленскою стороною. Русскіе сбили его и погнали; тутъ Сапѣга въ первый разъ ударилъ на нихъ изъ своего стана и далъ возможность Струсю благополучно вернуться въ Кремль. Этимъ Сапѣга, наконецъ, показалъ своимъ соотечественникамъ, что готовъ дѣйствовать съ ними за одно. Гонсѣвскій послалъ Сапѣгѣ такое предложеніе: въ войскѣ большой недостатокъ запасовъ; невозможно посылать малыхъ отрядовъ, а сапѣжинцы стоятъ не въ осадѣ; было бы хорошо, еслибъ Сапѣга отправился съ своимъ войскомъ разорять окрестности и собирать запасы. Первое — войско получило бы отъ этого прокормленіе, а второе — русскіе должны были бы раздѣлить свои силы и отрядить часть ополченія противъ Сапѣги. Сапѣга согласился: ему и скучно было стоять на одномъ мѣстѣ. Съ своей стороны, Сапѣга далъ совѣтъ Гонсѣвскому: «Сойдитесь съ Заруцкимъ, склоните его на нашу сторону; это возможно; тѣмъ раздвоите непріятельскія силы».

Послѣ этихъ переговоровъ, Сапѣга (по дневнику, 2-го іюля ст. ст., а по Краевскому 29-го іюня) снялся съ Поклонной горы,

перешелъ Москву-рѣку, потомъ двинулся къ Тверскимъ воротамъ, побился тамъ немного съ русскими, а 4-го іюля отправился съ войскомъ изъ пяти тысячъ къ Переяславлю. Гонсѣвскій отправилъ съ нимъ своихъ 1,500, подъ начальствомъ Руцкаго-Шиша, а отъ бояръ отправился съ нимъ бояринъ Григорій Петровичъ Ромодановскій. Пошла и челядь. Это, дѣйствительно, заставило ополченіе развлечь свои силы. Сапѣгу пустились преслѣдовать Просовецкій да кн. Петръ Владиміровичъ Бахтеяровъ.

Дожидаясь, пока Сапѣга достанетъ имъ продовольствіе, поляки каждый день то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, вступали въ драку съ русскими, но не могли похвалиться успѣхами. Такъ, по приказанію Гонсѣвскаго, капитанъ Борковскій отправился строить городокъ у Тверскихъ воротъ, но русскіе напали на него, разбили и перебили весь отрядъ изъ двухъ-сотъ человѣкъ, а самъ капитанъ едва-едва спасся съ немногими. Черезъ три дня, послѣ ухода Сапѣги, русскіе сдѣлали покушеніе на Китай-городъ, но имъ не удалось ночью, незамѣтно для поляковъ, взойти по лѣстницамъ на стѣны: поляки открыли ихъ замыселъ и отбили ихъ. Но въ то время, когда на этой сторонѣ поляки взяли верхъ, ударили русскіе на Никитскіе ворота, которые находились еще во власти поляковъ съ прочими воротами налѣво отъ Никитскихъ. Въ башнѣ Никитской было до трехсотъ нѣмцевъ. Эти нѣмцы скоро изстрѣляли свой порохъ; дошло до рукопашки: не въ силахъ обороняться отъ напиравшей на нихъ большой силы, нѣмцы сдались на вѣру. Русскіе дали слово выпустить ихъ живыми, а когда взяли, то перебили. Только двадцать изъ нихъ убѣжали въ Дѣвичій монастырь [1]). Другое русское полчище ударило на Арбатскіе и на Чертольскіе ворота; обои были взяты. Въ нихъ было сторожей очень мало, человѣкъ по сорока, не болѣе. Всѣ достались въ руки русскимъ. Упорнѣе защищалась послѣдняя башня, стоявшая надъ Москвой-рѣкою. Въ ней было человѣкъ до трехсотъ пѣхоты. Она была высока; съ верхнихъ поясовъ трудно было достать поляковъ; но какой-то добышъ, передавшись русскимъ, объявилъ, что въ нижнемъ поясѣ лежатъ гранаты и разные зажигательные снаряды. Туда было отверзстіе; въ это отверзстіе, по совѣту перебѣжчика, русскіе пустили зажженную стрѣлу. Занялось въ срединѣ; вслѣдъ затѣмъ загорѣлись деревянныя стѣны башни; поляки изъ четвертаго пояса стали спускаться черезъ окна къ Москвѣ-рѣкѣ, но русскіе окружили башню, хватали спустившихся и убивали [2]). Другіе, побоявшись

---

[1]) Krajewski.

[2]) Ibid.

спуститься внизъ на явную смерть, сгорѣли, когда дошелъ до нихъ пожаръ. Остались въ живыхъ поручикъ Пѣньонжекъ и его хорунжій. Они такъ неустрашимо оборонялись, что, когда ихъ, наконецъ, взяли московскіе люди, то, изъ уваженія къ ихъ мужеству, отпустили, даже не вымѣнявши на своихъ плѣнниковъ, да еще и ставили ихъ своимъ въ примѣръ [1]). Послѣ этой башни, вся бѣлогородская стѣна была у русскихъ во владѣніи, а поляки очутились запертыми въ Кремлѣ и Китай-городѣ. На Замоскворѣчьи русскіе устроили два острожка, оба прямо противъ Кремля, и прокопали отъ одного къ другому глубокій ровъ. Изъ острожковъ безпрестанно палили [2]).

Гонсѣвскій, однако, успѣлъ дать знать о своемъ положеніи. Нѣсколько удальцовъ прорвались и убѣжали, чтобы сообщить королю о томъ, что̀ сдѣлалось въ Москвѣ.

Стѣны Бѣлаго-города были чрезмѣрно толсты (три или три съ половиною сажени), сдѣланы изъ крѣпкаго кирпича и извнутри подбиты широкимъ землянымъ валомъ. Полякамъ, которые пришли бы на помощь своимъ, слѣдовало взять эти стѣны прежде, чѣмъ высвободить запертыхъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ земляковъ. Полякамъ было трудно; но, чтобы скрыть свое положеніе, они распустили слухъ, что ожидаютъ литовскаго гетмана, начали звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ. Но русскихъ не провели этимъ: тѣ лучше ихъ знали, что литовскій гетманъ— далеко. Русскіе подсмѣивались надъ поляками, когда тѣ выходили на стѣны: «Къ вамъ литовскій гетманъ идетъ, великую силу, пять сотъ человѣкъ, съ собою ведетъ», кричали они. Въ другой разъ, русскіе кричали: «Конецъ польскій идетъ (т. е. конецъ полякамъ приходитъ), живность вамъ везетъ, только одну кишку». Они дѣлали намекъ на ротмистра, по фамиліи Кишка.

Тогда, какъ поляки слабѣли, русское возстаніе возрастало. Воззванія изъ подмосковскаго войска возбуждали народъ въ отдаленныхъ земляхъ. Казань, получивъ въ началѣ мая, увѣщаніе изъ-подъ Москвы, цѣловала крестъ—быть со всею землею своею въ соединеніи и любви противъ враговъ, разорителей христіанской вѣры польскихъ и литовскихъ людей, и идти подъ Москву на сходъ очищать Московское государство. По отпискамъ изъ Казани поднялись поволжскіе города Свіяжскъ и Чебоксары, съ своими уѣздами. Денежныя средства казанской земли были скудны. Казанцы жаловались, что, впродолженіе трехъ годовъ, не собрано ни одной деньги съ чувашей и черемисовъ, а сверху и

---

[1]) Krajewsk.

[2]) Мархоцкій, 130.

снизу не ходятъ по Волгѣ суда съ солью и съ другими товарами, и не съ чего сбирать пошлинъ; и, потому, Казань обращалась съ просьбой о денежномъ пособіи къ Перми. По казанской отпискѣ, Пермь цѣловала крестъ на той же граматѣ и отправила списки съ нея въ Солькамскую, Кай-городокъ, Верхотурье, Вычегду. Вездѣ на сходкахъ читались граматы, вездѣ посадскіе и уѣздные люди цѣловали крестъ быть въ любви и соединеніи и идти на сходъ къ Москвѣ [1]). Воеводы изъ-подъ Москвы писали отъ себя въ сѣверовосточные города и въ отдаленную Сибирь, сообщая тамошнему русскому населенію о бѣдѣ, постигшей Московское государство, и просили цѣловать крестъ на общее дѣло и приводить къ шерти татаръ, остяковъ и, вообще, тамошнихъ инородцевъ [2]). Если на особенную помощь отъ этихъ далекихъ земель мало было надежды, то все-таки важно было то, что онѣ удерживались въ единствѣ съ остальными русскими землями.

Въ это время раздался голосъ троицкаго архимандрита Діонисія — на всю Русь. То была крѣпкая, высокая душа, способная уговорить и ободрить народъ, падающій подъ невыносимымъ бременемъ бѣдъ. Родомъ онъ былъ изъ Ржева, въ мірскомъ званіи назывался Давидъ, былъ священникомъ, овдовѣлъ, поступилъ въ Старицкій Богородицкій монастырь, и, въ началѣ смутнаго времени, сдѣлался архимандритомъ. При царѣ Василіѣ, онъ полюбился патріарху Гермогену. Когда народъ требовалъ низложенія Шуйскаго, Діонисій, случившійся тогда въ Москвѣ, останавливалъ мятежную толпу. Гермогенъ ставилъ его въ примѣръ добродѣтелей духовенству. Послѣ освобожденія Троицко-сергіевскаго монастыря отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго, его выбрали архимандритомъ этой обители. Этотъ доблестный архимандритъ началъ свое новое поприще дѣлами любви. Лѣтомъ 1611 года, когда Москва была опустошена, сапѣжинцы разошлись по окрестностямъ. Діонисій устроилъ у себя въ монастырѣ пріютъ для несчастныхъ, избѣжавшихъ жолнѣрскаго и казацкаго звѣрства. Діонисій предложилъ кормить ихъ, надѣлять одеждою; устроилъ страннопріимницы и больницы, особыя для мужчинъ и женщинъ. Келарь и братія сначала представляли ему, что на это не станетъ средствъ. Діонисій говорилъ имъ: «Вотъ, государи мои, былъ намъ великій искусъ. Отъ большой бѣды избавилъ насъ Господь молитвами Богородицы и св. угодниковъ Сергія и Никона; а теперь, за лѣность и ску-

---

[1]) А. Э. II. 325, 329, 330.
[2]) С. Г. Гр. 548.

постъ, можетъ безъ осады насъ смирить и оскорбить. У насъ есть монастырская казна, да еще, и послѣ умершихъ осадныхъ людей-вкладчиковъ, которые по душамъ своимъ въ святую обитель покладали свои имѣнья, осталось: будемъ изъ этого давать бѣднымъ кормъ, одежду, обувь и на лечбу, и платить работникамъ, которые возьмутся стряпать, служить и лечить больныхъ, собирать мертвыхъ; за головы свои и за жизнь не постоимъ». Слова его убѣдили братію. Не только въ монастырѣ, но и въ монастырскихъ слободахъ, Служней, въ Клементьевой, а также въ женскомъ Пятницкомъ монастырѣ, монахи и служки день и ночь трудились: одни ухаживали за больными, другіе готовили имъ ѣсть, третьи обшивали ихъ, четвертые разъѣзжали по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ, раненыхъ, мученыхъ, и привозили въ монастырь; возили также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Ужасно было смотрѣть на страдальцевъ, наполнявшихъ дворъ Троицкаго монастыря: одни были испечены, у другихъ содраны со спины ремни кожи, у тѣхъ вырваны волосы, у другихъ выпечены глаза. Тѣ, которые не могли оправиться, сподоблялись, по крайней мѣрѣ, напутственнаго причащенія св. тайнъ. Архимандритъ этими дѣлами милосердія не ограничился. Вмѣстѣ съ келаремъ, Аврааміемъ Палицынымъ, онъ составлялъ воззванія, давалъ ихъ переписывать борзописцамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Алексѣй Тихоновъ, пріобрѣлъ извѣстность. Гонцы развозили ихъ повсюду. Воззванія его проникнуты столько же благочестивымъ чувствомъ христіанина, сколько и практическимъ смысломъ гражданина. «Помогайте, смилуйтесь надъ явною общею погибелью — писалъ онъ казанцамъ — пока васъ самихъ не постигла лютая смерть: пусть служилые люди, безъ мѣшканья, поспѣшаютъ къ Москвѣ на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ, и ко всему множеству всего православнаго христіанства. Сами знаете, что всякому дѣлу свое время, и несвоевременное начинаніе всякого дѣла бываетъ суетно. Если между вами есть какіе недоволы, — все отложите на время для Бога, чтобъ всѣмъ намъ съ вами положить единый подвигъ — страдать для избавленія православной христіанской вѣры, покамѣстъ къ намъ долгимъ временемъ какая помощь не пришла [1].»

Такой голосъ возвышался на Руси вмѣсто Гермогена, которому болѣе было невозможно говорить во всеуслышаніе православнаго народа.

---

[1]) Житіе препод. Діонисія. — А. А. Э. II, 328.

V.

Раздоры подъ Москвою въ русскомъ станѣ. — Гибель Ляпунова.

Но подъ Москвою, куда должна была собираться земля русская, возникали раздоры, которые дали возможность полякамъ спасти себя и пріостановить дѣло русское. Русскіе военачальники составляли тріумвиратъ, правившій не только войскомъ, но и всею русскою землею, а дворяне и дѣти боярскіе составляли около нихъ земскую думу. Такимъ образомъ, подмосковное войско изображало собою всю русскую націю, все ея управленіе. Былъ приговоръ, не дошедшій до насъ, по которому трое предводителей признаны правителями. Это были: князь Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій. Къ нимъ и обращались съ челобитными, и граматы во всѣ русскія земли писались отъ имени трехъ; они предписывали городамъ высылать ополченія, собирать и доставлять и употреблять на мѣстѣ, указаннымъ способомъ, денежные сборы, раздавали и отбирали помѣстья. Ими было постановлено, что тѣ дворяне и дѣти боярскіе, которые не явятся къ 29 мая на службу, потеряютъ свои помѣстья. Московской земли служилые люди такъ же легко обращались къ нимъ за справою помѣстій, какъ и къ Сигизмунду, по пословицѣ: что ни попъ, то батька, кто бы ни далъ, лишь бы далъ. Прежде, въ одно и то же время, давали помѣстья и вотчины и царь Шуйскій, и тушинскій самозванецъ, и Сигизмундъ, и мѣстные воеводы—въ разныхъ земляхъ; теперь стали давать предводители войска, будто бы по совѣту всей земли, и такъ-какъ между ними не было согласія, то эта раздача усиливала безпорядки. Бояринъ Димитрій Михайловичъ Трубецкой, человѣкъ небольшого ума, безъ душевной силы, по имени занималъ первое мѣсто, потому-что, по рожденію, былъ выше двухъ другихъ, но первенство его тѣмъ только и сказывалось, что въ челобитныхъ и граматахъ имя его ставилось прежде другихъ. Ляпуновъ считался у дворянъ и дѣтей боярскихъ заправщикомъ. Онъ всѣмъ распоряжался: первый въ битвѣ, первый въ совѣтѣ. Во всей русской землѣ его знали за перваго человѣка. Это былъ человѣкъ земскаго начала; дума у него была—выгнать иноземцевъ, прекратить на Руси своевольство, выбрать царя всею землею и возстановить прежній порядокъ въ потрясенномъ Московскомъ государствѣ. Нравомъ онъ былъ очень крутъ и настойчивъ; его не останавливала боязнь оскорбить чужое самолюбіе; онъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и небогатыхъ, со всѣми хотѣлъ

обращаться съ властью и рѣшительно. Это стало многимъ не по нраву; иные обращались къ нему за своими дѣлами: ихъ принуждали дожидаться очереди, стоя у избы военачальника, а онъ занимался другими дѣлами и, пока не кончалъ ихъ, не выходилъ хоть бы къ самому знатному лицу. Строго преслѣдовалъ онъ неповиновеніе и своевольство; онъ зналъ, что, пока русскіе не отвыкнутъ отъ разнузданности, къ которой пріучились за нѣсколько смутныхъ лѣтъ, то великое дѣло — спасеніе земли, не пойдетъ успѣшно. Многіе знатные терпѣли отъ него брань и укоризны, и соблазнялись тѣмъ, что онъ ниже ихъ происхожденіемъ, но выше властью; а онъ не сдерживалъ себя, чтобы иной разъ не помянуть о Тушинѣ и о Калугѣ тѣмъ, которые служили вѣдомому вору и признавали его царемъ. За это-то его особенно не любили, роптали и говорили объ немъ: «Не по своей мѣрѣ онъ поднялся и загордился!» Всего непріязненнѣе онъ сталкивался съ казаками, съ полчищемъ Заруцкаго, которое явилось къ Москвѣ не для того, чтобы спасать отечество, котораго для него, собственно, и не было, а для грабежей и своевольства. Казацкія шайки скитались по окрестностямъ и дѣлали безчинства не хуже сапѣжинскихъ шаекъ. Ляпуновъ хотѣлъ ихъ взять, какъ говорится, въ ежовыя рукавицы, обращался съ ними сурово, наказывалъ жестоко. Заруцкій увидалъ, что не только невозможно склонить Ляпунова къ содѣйствію его замысламъ доставить престолъ сыну Марины, но даже и заикнуться объ этомъ было опасно. Заруцкій былъ душа казачества, какъ Ляпуновъ — душа земщины. Заруцкій съ казаками, Ляпуновъ съ земскими, одинъ противъ другого,—и тотъ и другой, наперекоръ другъ другу, давали распоряженія. Тѣ приходили просить помѣстій къ Ляпунову, тѣ къ Заруцкому. Заруцкій раздавалъ ихъ казакамъ и людямъ своей партіи, самовольно принималъ деньги, присылаемыя изъ разныхъ сторонъ русской земли, и надѣлялъ ими однихъ казаковъ, а Ляпуновъ ласкалъ и жаловалъ однихъ земскихъ ратныхъ людей. Случалось, одни и тѣ же помѣстья и вотчины давалъ Ляпуновъ своимъ, а Заруцкій своимъ. Ляпуновъ отнималъ у тѣхъ, которымъ давалъ Заруцкій, и отдавалъ тѣмъ, которые не были прежде въ станѣ вора и оставались вѣрны Шуйскому. Раздоръ, естественно, распространился между подчиненными въ лагерѣ: получавшіе отъ Ляпунова были врагами получавшихъ отъ Заруцкаго, и наоборотъ; по этому поводу происходили безпрестанно драки, убійства и буйства всякаго рода. И тогда, когда искатели помѣстій и вотчинъ вырывали другъ у друга такого рода добычу, бѣдняки умирали съ голоду, потому-что, отъ неустроенія и неурядицы, раздавалось жалованье самымъ неспра-

ведливѣйшимъ образомъ: одни получали все, другимъ не давали ничего. Тогда дворяне и дѣти боярскіе, пришедшіе съ ополченіями, собрались на совѣтъ и написали челобитную къ тремъ предводителямъ, чтобы они собрали думу и установили между собою жить въ любви и совѣтѣ, дѣло всякое дѣлали бы съобща; тѣ, которые не служили въ Тушинѣ, не попрекали бы служившихъ тамъ; жаловали бы ратныхъ людей по числу и достоинству, а не такъ, что одни получили бы черезъ мѣру, а другимъ недосталось бы ничего; предлагали взять имѣнья тѣхъ бояръ, которые сидѣли въ Москвѣ вмѣстѣ съ поляками, чтобы каждый изъ предводителей взялъ себѣ имѣніе одного изъ такихъ бояръ, а имѣнія прочихъ бояръ и дворянъ, которые тамъ находились, взять въ казну; устроить управленіе надъ дворцовыми и черными волостями, и изъ ихъ доходовъ содержать ратныхъ людей; а, равнымъ образомъ, сдѣлать приговоръ о служащихъ въ казакахъ боярскихъ людяхъ тѣхъ бояръ, которые находятся въ Москвѣ. Заруцкому не люба была эта челобитная, но онъ долженъ былъ согласиться на созваніе думы. Казаки надѣялись, что ихъ голосъ на думѣ можетъ повернуть дѣло въ ихъ пользу, а потому, вмѣстѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими, подписали челобитную и казацкіе старшины.

Дума собралась 30 іюня. Она хоть и казалась собраніемъ чиновъ всей земли, но не была тѣмъ на самомъ дѣлѣ, потомучто въ ней не видно духовныхъ. На этой думѣ постановили правила для возстановленія порядка. Видно было, что челобитная о конфискаціи имѣній была написана подъ вліяніемъ страсти. Этого не приняли и не внесли въ приговоръ. Возстановлены были приказы — большой или разрядный, помѣстный, разбойный и земскій. Въ большомъ—должны были вѣдаться ратныя дѣла; этотъ приказъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы заслуги убитыхъ и изувѣченныхъ не были забыты. Помѣстный приказъ долженъ былъ возстановить порядокъ въ запутанномъ дѣлѣ раздачи помѣстій и вотчинъ по правиламъ, которыя тогда были начертаны. Положено было не отбирать имѣній ни у тѣхъ, которые были въ Москвѣ съ поляками, ни у тѣхъ, чтò служили царику въ Тушинѣ, а отобрать у нихъ всѣ дворцовыя и черныя волости, которыя они получили въ послѣднее время не по своей мѣрѣ, и оставить за ними только то, что прежде было получено законнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, земскій приговоръ уничтожалъ дѣйствительность граматъ короля Сигизмунда, который раздавалъ множество помѣстій и вотчинъ безъ всякаго порядка, по челобитнымъ, лишь бы увеличить запасъ своихъ приверженцевъ. Уничтожались также всякія присвоенія помѣстій, учиненныя

какимъ бы то ни было образомъ, если это было безъ земскаго приговора. Но тѣ, у которыхъ больше не было никакихъ помѣстій, кромѣ данныхъ королемъ, удерживали ихъ въ своей собственности. Равнымъ образомъ, положено — не отнимать, никакимъ способомъ, помѣстій у тѣхъ, которые были отправлены при посольствѣ подъ Смоленскъ, и у тѣхъ, которые сидѣли въ Смоленскѣ, а также у женъ и дѣтей ихъ, если они убиты. Какимъ бы способомъ ни были пріобрѣтены ихъ имѣнія, они оставались неприкосновенными — за явныя заслуги землѣ русской. Это правило простиралось и на сподвижниковъ Михайла Васильевича Скопина. Учрежденный помѣстный приказъ долженъ былъ испомѣстить всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, разоренныхъ и обѣднѣвшихъ, въ томъ числѣ тѣхъ, которые владѣли помѣстьями въ порубежныхъ мѣстахъ и пострадали отъ литвы и крымцевъ; имъ слѣдовало давать помѣстья во внутреннихъ замосковныхъ краяхъ. Всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые находились въ городахъ на воеводствахъ или отправлены были на посылки, если они молоды и здоровы, слѣдовало возвратить къ военной службѣ, а на ихъ мѣсто отправлять старыхъ, или нездоровыхъ, негодныхъ къ службѣ. Прежде былъ изданъ приговоръ, что тѣ, которые не явятся къ 29 мая, лишаются помѣстій, но такъ какъ возникли жалобы, что многіе не могли сдѣлать этого по бѣдности, то дума постановила, чтобы такая строгость не простиралась на тѣхъ, которые докажутъ по обыску, что они замедлили по бѣдности; равнымъ образомъ, слѣдовало возвращать отобранныя помѣстья и тѣмъ, которые въ это время хоть и находились въ Москвѣ, но по неволѣ, или же которыхъ помѣстья были отняты и розданы по ложному челобитью. Послѣдняя статья подрывала произвольную раздачу, сдѣланную Заруцкимъ въ пользу своихъ приверженцевъ, которымъ онъ раздавалъ имѣнія, отнимая у другихъ, безъ обыска, единственно по одной поданной ему челобитной. Постановлено было: крестьянъ и людей, бѣглыхъ или выведенныхъ насильно помѣщиками и вотчинниками въ смутное время, возвращать прежнимъ владѣльцамъ. Это было также противно казацкому духу, въ какомъ дѣйствовалъ Заруцкій, объявляя всѣмъ свободу. Разбойный и земскій приказы должны были ловить и судить разбойниковъ и своевольниковъ, а чтобы предупредить, на будущее время, своевольства, совершаемыя преимущественно казаками, постановлено: не посылать казацкихъ атамановъ однихъ съ казаками по волостямъ и по городамъ за кормами, а посылать дворянъ и дѣтей боярскихъ со стрѣльцами и съ казаками. Это послѣднее постановленіе явно было направлено противъ Заруцкаго, въ угодность партіи Ляпу-

нова. Никто не могъ никого казнить смертью, безъ земскаго приговора, и всякое буйство строго должно было наказываться. Главными правителями оставались три военачальника: Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій. Имъ поручалась печать, ихъ подпись значила утвержденіе верховной властью; но эти три боярина не могли править самовольно, безъ земской думы, не могли никого казнить смертью, не поговоря съ землею, ни ссылать въ ссылку. Если о нихъ о всѣхъ, или о комъ-нибудь изъ нихъ окажется, что они не радятъ о земскихъ дѣлахъ и не чинятъ правды, или не станутъ ихъ слушать, и черезъ нихъ, вообще, земскія дѣла пріостановятся, то вольно всею землею ихъ сложить, и вмѣсто нихъ выбрать другихъ, признанныхъ болѣе годными и способными. Этотъ приговоръ былъ подписанъ дворянами и дѣтьми боярскими отъ двадцати пяти городовъ, которыхъ они являлись какъ бы представителями въ этой походной думѣ (Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Ярославля, Можайска, Калуги, Мурома, Владимира, Юрьева, Нижняго-Новгорода, Пошехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельска, Переяславля, Костромы, Воротынска, Юрьева-Польскаго, Болхова, Звенигорода).

Приговоръ этой думы постановилъ, чтобы полководцы прекратили свои ссоры; но, послѣ того, взаимная ненависть разгорѣлась еще сильнѣе. Казаки злились на Ляпунова и на людей его партіи; люди порядка думали, что теперь смирили казачество и можно преслѣдовать казацкія своевольства всякими способами; но были и изъ важныхъ особъ такія, что изъ зависти не хотѣли добра Ляпунову: такимъ былъ Иванъ Шереметевъ, возбуждавшій противъ него умы.

Дворянинъ Матвѣй Плещеевъ поймалъ у Николы на Угрѣшѣ двадцать восемь своевольныхъ казаковъ, и посадилъ ихъ въ воду: неизвѣстно, самовольно ли это онъ сдѣлалъ, или по приказанію Ляпунова. Казаки вытащили тѣла товарищей изъ воды, и принесли въ кругъ. Поднялся шумъ. Казнь казаковъ была противна смыслу только-что составленнаго приговора; тамъ было сказано, что нельзя казнить смертью безъ земской думы. Все полчище поднялось на Ляпунова, давно ненавидимаго казаками; кричали: «Тащить его сюда и убить». Волненіе такъ неожиданно и внезапно охватило все казачество, бывшее подъ Москвою, что Ляпуновъ пустился бѣжать къ Рязани; за нимъ бросились въ погоню, вѣроятно уже свои, и уговаривали его вернуться. Догнали его подъ Симоновымъ монастыремъ, вечеромъ. Онъ воротился, ночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ. На другой день, рать его приверженцевъ узнала про казацкій замыселъ и при-

шла къ Ляпунову большимъ сборомъ. Онъ подумалъ, что теперь можетъ быть безопасенъ, и, по просьбѣ подчиненныхъ, воротился на прежнее мѣсто. Но тутъ было только начало зла. Заруцкій распалялъ противъ него казаковъ; Иванъ Шереметевъ тоже. Узнали поляки, что̀ дѣлается въ русскомъ лагерѣ. Они понимали, что всему душа—Ляпуновъ, что все возстаніе держится на немъ. Избавиться отъ него значило—свалить съ себя половину бѣды; избавиться отъ него казалось легко, послѣ того, какъ казаки были противъ него. И вотъ, представился случай погубить Ляпунова.

Поляки нашли возможность поддѣлаться подъ почеркъ его руки. Это было тѣмъ легче, что воззваній, имъ писанныхъ или подписанныхъ, расходилось вездѣ множество. Написали, какъ будто отъ Ляпунова, письма или посланія въ города̀. Попался полякамъ въ плѣнъ какой-то казакъ; товарищъ его, атаманъ Исидоръ Заварзинъ, просилъ объ обмѣнѣ этого плѣнника. Гонсѣвскій назначилъ ему разговоръ, велѣлъ отпустить казака и, вмѣстѣ съ нимъ, послалъ письмо, подписанное подъ руку Ляпунова. Въ немъ говорилось, что казаки — враги и разорители Московскаго государства, что ихъ слѣдуетъ брать и топить, куда только они придутъ. «Когда, Богъ-дастъ, Московское государство успокоится, тогда мы истребимъ этотъ злой народъ», было тамъ сказано. Самъ казакъ, освобожденный изъ плѣна, говорилъ Заварзину: «Вотъ, братъ, видишь, какую гибель готовитъ намъ, казакамъ, Ляпуновъ; вотъ письмо, которое перехватила литва. Онъ разсылалъ такія письма по разнымъ городамъ.» — «Теперь мы его, б...... сына, убьемъ!» сказалъ Исидоръ, по извѣстію одного изъ поляковъ, которымъ, вѣроятно, сообщали о ходѣ устроенной козни [1]). Исидоръ принесъ это письмо въ кругъ; оно казалось какъ нельзя правдоподобнѣе не только по рукѣ Ляпунова, но и по содержанію, послѣ того, какъ сторонникъ Ляпунова, Плещеевъ, утопилъ самовольно двадцать восемь человѣкъ. 25 іюля, казацкій кругъ потребовалъ Ляпунова къ отвѣту. За нимъ пошли. «Я не пойду— сказалъ Ляпуновъ—пускай присылаютъ разрядныхъ людей». За нимъ въ другой разъ пошли. Онъ опять не пошелъ. Въ третій разъ пришли за нимъ люди болѣе степенные: Сильверстъ Толстой и Юрій Потемкинъ. Они говорили: «Мы соблюдемъ тебя; не будетъ тебѣ никакого зла.» Ляпуновъ пришелъ въ кругъ. —«Ты писалъ?» спрашивалъ атаманъ Карамышевъ. «Нѣтъ, не я— отвѣчалъ Ляпуновъ; рука похожа на мою, но это враги сдѣ-

---

[1]) Мархоц. 124.

лали; я не писывалъ». Казаки слишкомъ разъярены были прежде противъ него, не слушали его оправданій и бросились на него съ саблями. Тогда Иванъ Ржевскій, прежде бывшій ему врагомъ, увидѣлъ, что казаки поступаютъ лицепріятно и понялъ, что тутъ обманъ, сталъ заступаться за Ляпунова и кричалъ: «Прокопій не виноватъ!» Казаки изрубили Ляпунова, потомъ и Ржевскаго. Въ эти минуты ни Заруцкаго, ни Трубецкого не было въ собраніи. Заруцкій нарочно устранилъ себя отъ этого дѣла, чтобы не принять на себя отвѣтственности за смерть человѣка, любимаго всею русскою землею, и не лишиться черезъ то власти. Трубецкой поступалъ по наущенію Заруцкаго [1]).

И вотъ, такимъ образомъ, полякамъ удалось избавиться отъ опаснаго врага и разъединить силы русскаго народнаго ополченія подъ стѣнами разоренной Москвы.

VI.

Послѣднее совѣщаніе съ послами.—Отправленіе ихъ въ Польшу.—Приступъ и взятіе Смоленска.

Въ январѣ, какъ было сказано, пословъ долго не звали къ переговорамъ; между тѣмъ, Смоленскъ съ часу на часъ приходилъ въ стѣсненное положеніе; поляки постоянно похвалялись, что пойдутъ на приступъ. Тогда Василій Голицынъ, для спасенія Смоленска, далъ мысль—сдѣлать уступку, предложить полякамъ впустить въ Смоленскъ, для королевской чести, немного королевскихъ людей, напримѣръ, человѣкъ сто, съ тѣмъ, чтобы король не принуждалъ Смоленска цѣловать себѣ крестъ и отошелъ отъ города. Митрополитъ и дворянство не соглашались; съ трудомъ ихъ уговорилъ Голицынъ. Но когда, по этому поводу, начались переговоры, то поляки давали согласіе не принуждать смольнянъ присягать королевичу, и вмѣстѣ королю, и требовали впустить въ Смоленскъ восемь сотъ человѣкъ. Послы же представили, что такое большое число будетъ тягостью для жителей, и соглашались сначала на пятьдесятъ, потомъ на шестьдесятъ человѣкъ, а, наконецъ, на сто. Не сторговались и разошлись. Вслѣдъ затѣмъ запрещено было посламъ сноситься съ смольнянами. Поляки подозрѣвали Голицына, что онъ тайно подущаетъ смольнянъ не сдаваться и не слушаться боярскаго

---

[1]) Лѣт. о мят. 236—Никон. VIII. 167.—Врем. XVI. 120.—Пов. о Рос. Ар. III. 291. 296.—Рукоп. Хроногр. Имп. Публ. Библ.—Videk. 289.

указа. Въ концѣ января, Иванъ Салтыковъ и Иванъ Безобразовъ привезли новую боярскую грамату изъ Москвы, гдѣ, какъ и въ прежней, приказывалось сдать Смоленскъ и присягать на имя короля вмѣстѣ съ сыномъ. 30 января, призвали пословъ, прочитали грамату. Послы сказали: «И эта грамата писана безъ патріаршаго согласія; притомъ, его величество король уже объявилъ намъ черезъ васъ, пановъ, что не велитъ присягать смольнянамъ на королевское имя.»

«Вы врете — закричали паны — мы никогда не оставляли крестнаго цѣлованія на королевское имя.»

«Намъ — возразили смольняне — на послѣднемъ съѣздѣ объявлено отъ маршала и канцлера, что его величество крестное цѣлованіе свое оставилъ и насъ не неволитъ, а велѣлъ только говорить о людяхъ, сколько мы впустимъ въ Смоленскъ.»

«Вы врете!» — закричали на нихъ снова паны.

Тогда Филаретъ сказалъ: «Если у насъ объявилась неправда, то, пожалуйте, побейте челомъ объ насъ его величеству, чтобы насъ отпустилъ къ Москвѣ, а въ наше мѣсто велѣлъ выбрать и прислать иныхъ пословъ. Мы никогда ни въ чемъ не лгали, а что говоримъ, что отъ васъ слышали, то все помнимъ; и таково посольское дѣло изъ начала ведется: что говорятъ, того послѣ не переговариваютъ, и бываютъ слова ихъ крѣпки; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему же впередъ вѣрить? Итакъ, ничего нельзя болѣе дѣлать, коли въ насъ неправда показалась.»

Сидѣвшій тутъ же Иванъ Салтыковъ, подслуживаясь полякамъ, возвысилъ голосъ и началъ говорить съ жаромъ: «Вы, послы, должны вѣрить ихъ милостямъ панамъ раднымъ: они не солгутъ; а вы ихъ огорчаете, и великаго государя короля приводите на гнѣвъ. Вы, послы, должны безпрекословно исполнять королевскую волю по боярскому указу, а вмѣшиваться въ государственныя дѣла — не патріаршая должность; знать патріарху только свои поповскія дѣла. Его величеству, простоявъ два года подъ такимъ лукошкомъ, отойдти стыдно, а вы, послы, должны вступиться за честь королевскую, и велѣть смольнянамъ цѣловать крестъ королю.»

Послы на это сказали: «Ты опомнись, съ кѣмъ говоришь! не твое дѣло вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, избранныхъ всѣмъ государствомъ, а еще непристойнѣе оскорблять ихъ непристойными словами.» — «Паны радные! сказалъ митрополитъ, обратясь къ польскимъ панамъ — если у васъ есть къ намъ дѣло, то и говорите съ нами вы, а не другіе, которымъ до насъ нѣтъ дѣла; мы съ ними не хотимъ словъ терять, а если и вамъ нѣтъ

дѣла до насъ, то просимъ: отпустите насъ; я вамъ обѣщаюсь Богомъ: хотя бы мнѣ смерть принять, я безъ патріаршей граматы о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами ничего не буду дѣлать! Святѣйшій патріархъ — духовному чину отецъ, и мы подъ его благословеніемъ; ему, по благодати св. Духа, дано вязать и прощать, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не токмо царь, но и Богъ не разрѣшитъ.»

Тогда паны сказали: «Когда вы по боярской граматѣ не дѣлаете, то ѣхать вамъ въ Вильну къ королевичу.»

Черезъ нѣсколько дней, въ февралѣ мѣсяцѣ, снова позвали пословъ, убѣждали ихъ побудить смольнянъ присягнуть на королевское имя, и, получивши отъ нихъ такой же отвѣтъ, сказали: «Когда такъ, то вамъ до насъ болѣе нѣтъ дѣла: собирайтесь ѣхать въ Вильну.»

Тогда митрополитъ сказалъ: «Буде королевское величество велитъ насъ везти въ Литву и Польшу неволею, въ томъ его государская воля, а намъ и подняться нечѣмъ и не въ чемъ: что̀ было, то все проѣли. Болѣе полугода живемъ подъ Смоленскомъ безъ королевскаго жалованья и безъ подмоги; платье свое и рухлядь распродали, и лошади отъ безкормицы вымерли; товарищи наши и духовный чинъ отпущены къ Москвѣ и намъ дѣлать нечего.»

«Вамъ велятъ ѣхать — гнѣвно закричали на нихъ паны — собирайтесь въ Вильну!»

Паны написали къ московскимъ боярамъ грамату отъ имени Сигизмунда. Король увѣрялъ бояръ, что слухи, распространенные его врагами, будто онъ не хочетъ прислать сына на Московское государство и думаетъ разорить греческую вѣру въ Московскомъ государствѣ, неосновательны; жаловался на упорство смоленскихъ сидѣльцевъ и на пословъ, въ особенности на Голицына. Паны еще нѣсколько разъ, въ февралѣ, пытались склонить пословъ повиноваться королевской волѣ. Паны снова отрекались отъ крестнаго цѣлованія на королевское имя, но требовали, чтобы впущено было восемьсотъ человѣкъ въ Смоленскъ. Послы соглашались только на двѣсти. Имъ позволили еще разъ снестись съ смольнянами, и послы потомъ говорили, что они насилу убѣдили смольнянъ принять двѣсти человѣкъ. Напротивъ, поляки приписывали упорство смольнянъ и теперь, какъ прежде, наущенію Голицына. Поляки требовали, чтобы, впустивши королевскихъ людей, оставить одни ключи у городского начальника, другіе—у польскаго; чтобы смольняне, какъ виновные въ упрямствѣ, заплатили всѣ убытки, понесенные королевскими войсками, и чтобы тѣ, которые прежде изъ нихъ покорились королю, находились подъ судомъ и вѣдѣніемъ польскаго, а не русскаго на-

чальства. Король обѣщалъ снять осаду только тогда, когда смольняне исполнятъ его требованія. Но какъ исполнить ихъ было нельзя, особенно заплатить издержки въ то время, то ясно видно было, что король, послѣ этого договора, останется съ войскомъ и только воспользуется введеніемъ своихъ людей для удобнаго взятія города. И послы, и смольняне—отказали; переговоры снова перервались.

Сильно были раздражены паны противъ пословъ. Они упорствовали, а, между тѣмъ, русская земля ополчалась; вѣсти приходили все грознѣе и грознѣе. Возникло подозрѣніе, что послы сносятся съ Ляпуновымъ, что они тайно помогаютъ русскимъ въ возстаніи. Голицына обвиняли также въ прежнихъ сношеніяхъ съ Тушинскимъ воромъ, когда онъ еще былъ живъ, и съ Делагарди. Перехвачено было письмо къ нему отъ шведскаго генерала, гдѣ послѣдній уговаривалъ отстать отъ поляковъ и признать царемъ шведскаго королевича, который крестится въ греческую вѣру. Наконецъ, пришла вѣсть, что ополченія возставшаго народа подходятъ съ разныхъ сторонъ къ Москвѣ. Уже рѣшили арестовать пословъ, пресѣчь ихъ сообщенія съ московскою землею. 26-го марта, ихъ позвали, и Левъ Сапѣга сказалъ имъ:

«Мы знаемъ ваши коварства и хитрости, неприличныя посламъ; вы нарушили народное право, преступили границы вашихъ посольскихъ обязанностей, пренебрегали указами бояръ московскихъ, отъ которыхъ посланы; народъ тайно поджигали къ неповиновенію и мятежу, возбуждали ненависть къ королю и королевичу Владиславу, давали совѣты мятежникамъ, отклоняли Шеина отъ сдачи Смоленска, обнадеживая его скорою помощью отъ Ляпунова, дожидались, пока измѣна и мятежъ созрѣютъ. Вы должны отправляться въ Польшу» [1]).

«Позвольте — сказали послы — взять наше имущество».

«Этого вамъ не будетъ позволено», былъ отвѣтъ. Тотчасъ явились триста жолнѣровъ, окружили ихъ и повели во дворъ. Филарета посадили въ одной избѣ; Голицына, Луговскаго и Мезецкаго — въ другой. Арестовано нѣсколько дворянъ, и вокругъ посольскаго стана, гдѣ оставались другіе дворяне, поставили стражу [2]). Наступила святая недѣля. Послы написали челобитную королю. Сигизмундъ прислалъ имъ разговѣться (станъ говядины, старую баранью тушу, два молодыхъ барашка, одного козленка, четырехъ зайцевъ, четырехъ поросятъ, одного тетерева, четы-

---

[1]) Kobierżycki.

[2]) Голиковъ, 208.

рехъ гусей и семь курицъ; все это было битое). Послы удержали себѣ одну половину, а другую, съ позволенія пристава, отправили дворянамъ разговѣться.

Изъ Москвы прибыли съ новою граматою Иванъ Никитичъ Салтыковъ и Безобразовъ. Паны послали Салтыкова уговаривать пословъ—уступить королевской волѣ, и, въ то же время, приказали черезъ приставовъ сказать посламъ, что если они и теперь станутъ противиться, то ихъ повезутъ въ Польшу.

На увѣщанія Салтыкова, послы отвѣчали такъ: «Тебѣ, Иванъ Никитичъ, надобно попомнить Бога и нашу православную вѣру, и свое отечество, и за Московское государство стоять, а на разореніе государства не посягать. Сами видите, что надъ нами дѣется». Они показывали ему статейный списокъ и доказали, что исполнить требованія, противныя первоначальному наказу, невозможно. Ихъ слова, а еще болѣе, ихъ примѣръ проникли въ сердце Ивану Салтыкову: онъ раскаялся, что служилъ врагамъ, и рѣшился служить отечеству.

Вѣсть о томъ, что ополченіе уже находится въ Москвѣ, устрашила пановъ. Они побаивались, какъ бы съ ихъ войскомъ въ Москвѣ не сдѣлалось чего-нибудь худого. При огромности возстанія, разсчитывали, что если теперь уладится дѣло о Смоленскѣ, то это произведетъ впечатлѣніе, которое обезсилитъ возстаніе московской земли. Они предложили посламъ уступку, отрекались отъ того, чтобы Смоленску съ его землею, какъ прежде требовалось, платить военныя издержки, и соглашались только на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ гарнизона. Уже составили условія [1]), какъ вдругъ пришло извѣстіе, что польскій гарнизонъ въ Москвѣ предалъ огню столицу и произвелъ повальное кровопролитіе. Призвали пословъ. Паны говорили имъ, что виною всей бѣдѣ—московскіе люди. Послы говорили, что виною всему король: зачѣмъ не утвердилъ договора, не отошелъ отъ Смоленска.

«Нашимъ людямъ нельзя было не жечь Москвы — сказалъ Левъ Сапѣга—иначе ихъ всѣхъ самихъ побили бы; что сталось, тому такъ и быть. Король и мы хотимъ знать, а вы намъ скажите, какъ злу помочь и кровопролитіе унять?»

«Мы сами не знаемъ, чтò теперь дѣлать — отвѣчали послы — насъ отправила вся земля, а, во-первыхъ—патріархъ. Теперь же патріархъ, нашъ начальный человѣкъ — подъ стражею. Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и бьются съ королевскими людьми. Мы не знаемъ, за кого себя признавать, и о Смоленскѣ не знаемъ, что дѣлать: какъ смоль-

---

[1]) С. Г. Гр. II. 530—534.

няне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ москвичи впустили къ себѣ, сожгли Москву, то побоятся, чтобы и съ ними того же не сдѣлали, если впустятъ къ себѣ королевскихъ людей». Впрочемъ, послы предлагали одно послѣднее средство поправить сколько-нибудь дѣло: отойти отъ Смоленска и утвердить всѣ статьи договора, съ которымъ они пріѣхали. Въ такомъ случаѣ сами послы вызывались писать къ подмосковному войску и требовать, чтобы оно разошлось.

Сталъ король совѣтоваться съ панами. Хотѣли, во что бы то ни стало, оставить гарнизонъ въ Смоленскѣ, въ знакъ побѣды: иначе, казалось постыднымъ возвращаться, ничего не сдѣлавши и такъ долго добивавшись Смоленска. Въ Польшѣ сочли бы это безчестіемъ для націи; поднялся бы ропотъ на безполезную трату силы и казны; проснулись бы вновь едва уснувшія враждебныя побужденія противъ короля; русскіе же не примирились бы отъ этого съ поляками; московскій пожаръ и кровопролитіе не такія были событія, чтобы могли изгладиться отступленіемъ короля отъ Смоленска. Самое это отступленіе объяснили бы невольною уступкою, и еще сильнѣе вошли бы въ задоръ противъ поляковъ.

Думный дьякъ Луговской принесъ Сапѣгѣ черновые отпуски граматъ, которыя обѣщали послы отправить къ патріарху, и къ начальникамъ подмосковнаго ополченія, если король согласится отойти отъ Смоленска. Сапѣга прочелъ отпуски и спросилъ:

«Хотите ли вы впустить въ Смоленскъ королевскихъ людей?»

Луговской отказалъ, а Сапѣга прибавилъ: «Ну, такъ васъ пошлютъ всѣхъ въ Вильну!»

«Надобно прежде кровь христіанскую унять, а Польшей насъ стращать нечего, Польшу мы знаемъ!» — отвѣчалъ дьякъ.

Тутъ случилось событіе, раздражившее еще болѣе пановъ противъ русскихъ. Проявилось въ Дорогобужѣ ополченіе, которое готовилось идти на помощь Ляпунову. Поляки послали противъ него Ивана Никитича Салтыкова. Тронутый убѣжденіями и примѣромъ пословъ, раздраженный поступками поляковъ въ Москвѣ, этотъ, преданный до сихъ поръ Сигизмунду, человѣкъ, прибывши къ Дорогобужу, объявилъ себя сторонникомъ возстанія и написалъ въ Смоленскъ грамату, гдѣ уговаривалъ смольнянъ — не сдаваться. Поляки приписали эту перемѣну вліянію пословъ. Поляки говорили, что тогда открылось ясно, что послы сносились съ Ляпуновымъ. Вѣроятно, тогда узнали они о томъ воззваніи, которое написано было отъ смоленскихъ дворянъ и первое возбудило людей Московскаго государства къ возстанію;

обвиняли пословъ еще въ томъ, будто они прямо сносились съ смольнянами и убѣждали ихъ не сдаваться.

Послѣдній разъ Сапѣга потребовалъ, угрожающимъ тономъ, отъ митрополита Филарета, чтобы онъ написалъ къ подмосковнымъ начальникамъ объ отходѣ отъ столицы, а къ Шеину въ Смоленскъ, чтобы тотъ сдалъ городъ. Филаретъ отвѣчалъ: «Я все согласенъ перетерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего, отъ насъ поданнаго въ договорѣ.»

Послѣ этого отвѣта, 12-го апрѣля, посламъ объявили:

— Вы завтра поѣдете въ Польшу.

— У насъ нѣтъ указа изъ Москвы, отвѣчали послы, чтобы ѣхать въ Польшу, и нечѣмъ намъ подняться.

— Вы поѣдете безотговорочно на одномъ суднѣ, сказали имъ. Такъ велитъ его величество король.

На другой день, 13-го апрѣля, ко двору, гдѣ содержались послы, подвезли судно и приказали имъ садиться. Когда слуги посольскіе стали собираться, приставы Самуилъ Тышкевичъ и Кохановскій велѣли выбросить изъ судна ихъ пожитки, лучшее взяли себѣ, а слугъ перебили: холопская кровь не стоила большого вниманія! Плѣнниковъ окружили жолнѣры, съ заряженными ружьями, и судно поплыло внизъ по Днѣпру. За ними, въ двухъ негодныхъ суденышкахъ, повезли посольскихъ дворянъ.

Поступокъ съ московскими послами показывалъ, что король польскій смотритъ на Московское государство какъ на страну не только покоренную, но порабощенную; поляки уже не считали себя обязанными признавать посольской чести за тѣми, которые были представителями этой страны передъ польскимъ правительствомъ. Только Жолкѣвскій, когда пословъ везли мимо его имѣнія, выслалъ къ нимъ спросить о здоровьѣ.

Сенаторы много разъ совѣтовали королю оставить осаду Смоленска и идти прямо въ Москву; по ихъ мнѣнію, онъ тамъ появленіемъ своимъ могъ бы измѣнить дѣла и усмирить возстаніе. Этого домогались и поляки, осажденные въ Москвѣ, и русскіе бояре, королевскіе приверженцы. Но Сигизмундъ говорилъ, что не взять Смоленска—оскорбительно для его чести. Находились у него приближенные, которые поддерживали это мнѣніе, желая польстить ему.

Время проходило. Все ждали, что смольняне доведутся до крайности, не станутъ болѣе терпѣть и сдадутся. Но смольняне не сдавались. Уже и послы отвезены были въ Польшу — смольняне все упорствовали. Между тѣмъ, соперникъ Жолкѣвскаго, Янъ Потоцкій, умеръ. Тогда посланъ былъ гонецъ къ Жолкѣвскому, уѣхавшему въ Оршу, съ приказомъ остановиться;

потомъ другой гонецъ побѣжалъ къ гетману и привезъ ему королевское приглашеніе воротиться къ войску и принять надъ нимъ начальство. Король даже прислалъ за особою гетмана три цуга лошадей. Жолкѣвскій прежде былъ оскорбленъ: во-первыхъ, король отдавалъ предпочтеніе его сопернику, во-вторыхъ—не слушалъ его совѣтовъ. Жолкѣвскій видѣлъ и не разъ представлялъ королю, что дѣло, счастливо имъ устроенное, пропадетъ, оттого, что король не присылаетъ сына въ Москву, а самъ стоитъ подъ Смоленскомъ, раздражаетъ московскій народъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ему время собраться для возстанія. Жолкѣвскій и теперь не надѣялся, чтобъ король сталъ поступать такъ, какъ гетману казалось лучшимъ. Онъ уклонился и отвѣчалъ, что уже услалъ лошадей впередъ въ Могилевъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, король перемѣнилъ свое намѣреніе. Онъ ясно увидѣлъ, что Жолкѣвскій не хочетъ болѣе вести московскаго дѣла, сообразилъ, что съ Жолкѣвскимъ нельзя ему сойтись въ планахъ, и назначилъ предводителемъ войска подъ Смоленскомъ Якова Потоцкаго, брата умершаго Яна, а къ Жолкѣвскому послалъ еще разъ гонца съ приказаніемъ не ворочаться и продолжать свой путь въ Русь [1]).

Рѣшено было: не двигаться съ войскомъ къ Москвѣ, а оставаться подъ Смоленскомъ, пока не возьмутъ этого города.

Еще нѣсколько недѣль прошло. Король все ждалъ, что смольняне сдадутся. Поляки примѣчали, что ряды годныхъ къ оружію на смоленскихъ стѣнахъ всё рѣдѣли и рѣдѣли, но смольняне не думали сдаваться. Шеинъ не даромъ удерживалъ ихъ и ободрялъ. «Шеинъ—говорили поляки—помнитъ геройскую смерть отца своего, павшаго при взятіи Сокола, во время войны съ Баторіемъ [2]).»

Проходилъ май. Смоленскъ не сдавался. Между тѣмъ, въ последніе дни сентября назначенъ былъ въ Польшѣ сеймъ. Королю къ этому времени слѣдовало воротиться въ отечество. Король хотѣлъ и долженъ былъ явиться передъ лицомъ своего народа побѣдителемъ; надобно было, во что бы то ни стало, взять Смоленскъ, иначе пришлось бы ему терпѣть насмѣшки. И вотъ, въ первыхъ числахъ іюня назначенъ былъ генеральный приступъ. Приготовлены были для забросанія рва мѣшки съ землею и со всякою тяжестью, вѣсомъ по 20 центнеровъ [3]). Войско польское поставлено было на всѣхъ четырехъ сторонахъ осажденнаго города. На восточной сторонѣ, гдѣ стояли казаки, занявши Духовъ

---

[1]) Pisma Żolk. 118.
[2]) Ibid. 122.
[3]) Relazione, 4 стр.

монастырь, почти противъ Аврамiевскихъ воротъ, находился самъ главный предводитель польскаго войска, староста каменецкiй Яковъ Потоцкiй; на сѣверной сторонѣ, гдѣ протекалъ Днѣпръ, противъ Крылосовскихъ воротъ, стояли литовскiй маршалъ Кристофоръ Дорогостайскiй и Бартоломей Новодворскiй; на западѣ— братъ Якова Потоцкаго, Стефанъ Потоцкiй староста фелинскiй; здѣсь же стояла баттарея и былъ проломъ, сдѣланный польскими орудiями; но за проломанной стѣной былъ насыпанъ высокiй валъ, защищавшiй городъ, и окопанный пространнымъ глубокимъ рвомъ. Между южной и западной стороной стояли нѣмцы, пѣхота, подъ начальствомъ Яна Вейгера. Недалеко отъ Крылосовскихъ воротъ, противъ которыхъ стоялъ литовскiй маршалъ, была яма для стока нечистотъ. Какой-то москвичъ-перебѣжчикъ явился къ Новодворскому и извѣстилъ его, что туда можно подложить порохъ и, такимъ образомъ, взорвать стѣну. Новодворскiй осмотрѣлъ яму, и затѣмъ поляки всыпали туда пороху.

Въ полночь съ 2 на 3 iюня, когда уже занималась лѣтняя сѣверная заря, поляки пошли на приступъ. Первый полѣзъ на стѣну Стефанъ Потоцкiй; по его приказанiю, жолнѣры быстро бросились приставлять къ стѣнамъ лѣстницы; самъ предводитель показывалъ имъ примѣръ, и несъ собственноручно лѣстницу. Этотъ приступъ былъ сдѣланъ внезапно и стремительно: осажденные никакъ его не ожидали. Въ то же время, нѣмцы пѣхоты Вейгера съ другой стороны приставили такъ же быстро лѣстницы къ стѣнамъ и полѣзли по нимъ вверхъ. Русскiе подняли тревогу, скликали другъ друга къ оружiю, звонили въ колокола и бросились на стѣны. Въ Смоленскѣ стѣны были тридцать локтей въ ширину; на нихъ было гдѣ разойтись и помѣряться. Завязался кровавый рукопашный бой на стѣнахъ. Русскiе работали усердно и кричали для собственнаго ободренiя. Поляки подались, принуждены были сходить со стѣнъ. Ихъ дѣло казалось тутъ проиграннымъ, и поправилось неожиданно. Когда русскiе, стоявшiе на стѣнахъ, дружно и удачно сгоняли враговъ со своихъ стѣнъ, вдругъ вспыхнулъ порохъ, подложенный поляками въ подстѣнную канаву. По однимъ извѣстiямъ, его зажегъ своеручно Новодворскiй, бросивъ въ яму, недалеко отъ входа канавы въ Днѣпръ, петарду; другiе говорили, что осталось неизвѣстнымъ, кто зажегъ его—поляки или московскiе люди [1]). Взорвало стѣны на тридцать локтей въ длину и на двѣнадцать въ ширину [2]). Пораженные неожиданнымъ взрывомъ стѣны, русскiе пришли въ

[1]) Кобѣрж. 407. — Жолк. 216. — Relaz. 5.

[2]) Кобѣрж. 407. — Въ длину на 10 саж., а въ ширину на 4 саж. (Relaz.).

паническій страхъ, оставили стѣны и валы, и метались въ безпорядкѣ. Они никакъ не думали, что съ этой стороны можно было подложить мины и сдѣлать взрывъ. Вслѣдъ затѣмъ, Дорогостайскій и Новодворскій бросились во вновь сдѣланный проломъ, но увидѣли, что черезъ него нельзя пробраться за грудами разметанной стѣны и вала, и повернули на Княжескіе ворота. Жолнѣры разбили разметанныя кучи земли и бревна, которыя перегораживали дорогу къ воротамъ, пробили ворота и вломились въ городъ. Въ это время, самъ главный предводитель, Потоцкій, стоявшій на западной сторонѣ, противъ того мѣста, гдѣ прежде была проломана стѣна, бросился въ глубокій ровъ; жолнѣры его быстро перелѣзли этотъ ровъ, съ великимъ трудомъ взлѣзли на высокій валъ, и, не встрѣчая отпора, очутились въ городѣ. Вдругъ загорѣлась башня, стоявшая близъ Княжескихъ воротъ; въ башнѣ былъ порохъ; огонь скоро дошелъ до пороха: башню взорвало, и тотчасъ же загорѣлись близъ стоявшіе дома. Пожаръ распространился по городу съ чрезвычайною быстротою. Загорѣлись другія три башни изъ семи, стоявшихъ по стѣнѣ, примыкавшей къ рѣкѣ, на сѣверной сторонѣ крѣпости; съ грохотомъ падали стропила и кровли. Дорогостайскій приказывалъ тушить пожаръ, обѣщалъ награду, но это было невозможно. Русскіе сами зажигали дома, чтобъ не доставалось имущество побѣдителямъ. Къ тому же, поднялся сильный вѣтеръ — пламя достигло до архіерейскихъ палатъ; тамъ были сложены и деньги и имущество жителей, и служилыхъ и уѣздныхъ людей; тамъ было много узорочья, и золота, и одеждъ.... и въ погребѣ лежало 150 пудъ пороха. Толпы народа бѣжали въ соборную церковь. Владыка смоленскій, Сергій, во всемъ облаченіи, стоялъ передъ престоломъ и гласно молился за души погибшихъ и готовыхъ погибать. Тогда русскіе, видя, что все уже пропадаетъ, зажгли пороховой складъ подъ домомъ владыки. Владычнія палаты съ громомъ полетѣли на воздухъ; треснула и отвалилась одна стѣна въ соборѣ; кое-какіе поляки, гнавшіеся за русскими, были ранены, иные погибли; жолнѣры ворвались въ полуразрушенныя стѣны собора; тамъ, среди развалинъ и дыма, лежала, склонивъ головы, толпа народа, женщинъ и дѣтей; надъ ними стоялъ въ царскихъ дверяхъ въ блестящемъ облаченіи владыка. Враги были поражены его видомъ; онъ былъ прекрасенъ, съ бѣлокурыми волосами, съ окладистою бородой. Первая ярость прошла; поляки не стали болѣе умерщвлять никого; но сами русскіе, предводимые священниками и монахами, бросались въ огонь, рѣшаясь лучше погибать, чѣмъ терпѣть поруганіе и униженіе отъ побѣдителей. «Гдѣ Шеинъ?» — кричали

поляки. Имъ указали на одну башню. Тамъ заперся Шеинъ съ женою, съ сыномъ-дитятею, съ товарищемъ своимъ княземъ Горчаковымъ, и съ нѣсколькими дворянами. Толпа нѣмцевъ бросилась на эту башню; русскіе побили ихъ. Тогда самъ Стефанъ Потоцкій приблизился къ башнѣ и звалъ Шеина на объясненіе. Шеинъ показался наружу съ сыномъ. Потоцкій уговаривалъ, чтобъ онъ пощадилъ свою жизнь. Не столько самъ Шеинъ, какъ другіе, съ нимъ бывшіе, рѣшились сдаться. Шеинъ сошелъ и отдалъ свое оружіе; за нимъ то же сдѣлали и другіе.

14 іюня, были представлены плѣнные торжествующему королю [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дорогостайскій представлялъ королю отличившихся при взятіи крѣпости. Кромѣ такихъ, которые безпрестанно досаждали королю требованіемъ жалованья, были также служившіе безъ жалованья, которые, въ надеждѣ староства и каштелянства, прибыли служить безплатно для славы Рѣчи Посполитой и распространенія католической вѣры; между ними обратилъ тогда на себя вниманіе одинъ мальтійскій кавалеръ; когда его представили Сигизмунду, онъ сказалъ, что не хочетъ никакихъ наградъ, кромѣ королевской милости къ ордену, къ которому онъ принадлежитъ. Шеина приняли сурово и ему, какъ преступнику, дали вопросные пункты. Преимущественно хотѣли узнать — съ кѣмъ онъ былъ въ умышленіи, въ сношеніяхъ, въ совѣтѣ. Шеинъ ничего не говорилъ. Архіепископъ Сергій и товарищъ Шеина, Горчаковъ, какъ видно, выгораживали себя передъ побѣдителями и говорили, что они совѣтовали ему сдаться; Шеинъ показалъ, что онъ отъ Горчакова ничего не слыхалъ, а Сергій хоть и сказалъ какъ-то разъ, что ужъ не сдаться ли имъ, но на это не было обращено вниманія, и послѣ того архіепископъ ничего не говорилъ подобнаго. На вопросъ: что̀ бы онъ дѣлалъ, еслибъ отсидѣлся въ Смоленскѣ, Шеинъ отвѣчалъ: «Я всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу, а если бы король сына на царство не далъ, то, такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто былъ бы царемъ на Москвѣ.» Между тѣмъ, Сигизмундъ не оцѣнилъ прямоты его: допросъ сопровождался пыткою. Поляки думали, что въ Смоленскѣ остались сокровища, и хотѣли отъ него дознаться, но ничего не добились. Послѣ пытки, его отправили въ Литву въ оковахъ, разлучили съ семьею; сына взялъ себѣ король, а жену и дочь—Сапѣга [2]). Впрочемъ, впослѣдствіи, его судьба улучшилась. Онъ сошелся съ Новодворскимъ, главнымъ

---

[1]) Relaz. 6.

[2]) Такъ сообщаютъ русскія извѣстія. Арцыбыш. Пов. о Росс. III, 290.

виновникомъ взятія Смоленска; оба оцѣнили другъ друга и сдѣлались друзьями.

Не смотря на то, что городъ былъ весь поврежденъ взрывомъ, поляки, однако, нашли въ немъ значительные запасы съѣстного: овса, ржи, гусей, куръ, павлиновъ, поросятъ и, къ удивленію побѣдителей, только одну корову для молока къ столу архіепископа. Взято до 200 орудій, кромѣ потерпѣвшихъ отъ взрыва. Это сохранилось въ тѣхъ башняхъ, которыя уцѣлѣли отъ взрыва; найдено нѣсколько пороху, а ядеръ было такъ много, что ихъ, какъ говорятъ современники-поляки, достаточно было бы на нѣсколько крѣпостей. Во время взрыва, засыпало развалинами парня съ дѣвушкой, такъ-что надъ ними образовалось просторное мѣсто, и они могли дышать. На шестнадцатый день послѣ того, гайдуки, перебирая щебень съ цѣлью отыскать что-нибудь, услышали стоны и откопали ихъ. Дѣвушка испустила дыханіе, какъ только ея коснулся свѣжій воздухъ и свѣтъ, а парень имѣлъ еще силы попросить водки и бани. Поляки привезли его въ свой обозъ, и онъ, какъ только отвѣдалъ водки, тотчасъ умеръ [1]).

Такъ палъ Смоленскъ, долгое время не поддававшійся волѣ короля; давнее желаніе короля исполнилось! До сихъ поръ онъ давалъ себѣ предлогъ — что честь его страдаетъ оттого, что Смоленскъ не сдается; теперь честь его удовлетворилась. Оставалось кончить начатое. Нѣкоторые сенаторы и военачальники совѣтовали теперь не медлить и идти съ войскомъ прямо подъ Москву, освободить осажденныхъ въ стѣнахъ Кремля поляковъ, упрочить власть надъ Московскимъ государствомъ, приласкать бояръ; можно, думали они, кротостью и раздачею жалованья склонить на свою сторону многихъ изъ тѣхъ, которые были противъ короля. Жалованье войску могло быть заплачено изъ царской казны, и войско было бы спокойно. Сенатъ и сеймъ нетолько не поставили бы ему въ вину этого похода, а еще были бы довольны, что уплата войску производится не изъ народныхъ суммъ, а на счетъ чужого государства. Противъ этого возражали, что сеймъ соберется въ сентябрѣ, и король долженъ находиться на сеймѣ; если же онъ пойдетъ къ московской столицѣ, то принужденъ будетъ войти въ продолжительную войну съ московскимъ полчищемъ, осадившимъ столицу; а платежъ войску должно будетъ производить польское государство, потому-что не станетъ московской казны; произойдетъ задержка жалованья: войско начнетъ роптать. Между тѣмъ, сеймъ, собравшись безъ короля, не будетъ слишкомъ довольствоваться тѣмъ,

---

1) Кобѣрж. 416. — Жолк. 126.

что Сигизмундъ хочетъ завоевать чужую землю для своей фамиліи. Представляли, что прежде, чѣмъ король рѣшится на окончательное дѣло съ Москвою, надобно испросить мнѣнія Рѣчи Посполитой. Договоръ, который заключилъ съ Московскимъ государствомъ Жолкѣвскій, еще не былъ подвергнутъ обсужденію и одобренію сейма; а это было необходимо въ странѣ, гдѣ верховная власть истекала отъ воли народа. Король присталъ къ послѣднему мнѣнію. Ему, между прочимъ, хотѣлось вступить побѣдителемъ въ свою столицу; его плѣняло ожиданіе торжества и народнаго ликованія. Тогда—надѣялся онъ—сеймъ будетъ болѣе расположенъ къ его видамъ. Поправить дѣло въ Москвѣ, подвезти осажденнымъ живность и отбить московитянъ отъ города, можно, казалось, и безъ присутствія короля. Сигизмундъ поручалъ это дѣло литовскому гетману Ходкѣвичу, стоявшему тогда въ Ливоніи. Въ Смоленскѣ былъ оставленъ воевода брацлавскій, Якубъ Потоцкій; ему поручалъ король устроить все, что нужно, для охраненія и укрѣпленія Смоленска, и для приведенія въ покорность новозавоеванной Смоленской земли.

VII.

Торжество Польши и Рима. — Приведеніе плѣннаго царя Василія въ Варшаву.— Юрій Мнишекъ.

Вся Польша торжествовала. Повсюду совершались празднества, молебствія, процессіи, пирушки, всевозможнѣйшія увеселенія. Въ Краковѣ, три дня и три ночи, съ 30 іюня, не умолкала музыка... выстрѣлы, потѣшные огни, представленія, изображавшія взятіе Смоленска, апотеозы языческихъ божествъ, поражающихъ Московское государство. Радость была чрезвычайная въ Римѣ, когда дошла туда вѣсть о побіеніи схизматиковъ, о событіи столь утѣшительномъ для католичества. 7-го августа, св. отецъ провозгласилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, которые посѣтятъ церковь св. Станислава, патрона Польши, находившуюся въ Кампидоліо, подлѣ самаго іезуитскаго дома. Тамъ цѣлый день отправлялось богослуженіе и воспѣвались хвалебныя пѣсни. Въ особенности красовались при этомъ іезуиты и, въ присутствіи ихъ генерала Аквавивы, полякъ-іезуитъ Рахоцкій произнесъ высокопарную рѣчь. Посреди множества потѣшныхъ огней, народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ выпущено было два изображенія орла: одинъ, бѣлый, изображалъ вѣрную Польшу; другой, черный, означалъ невѣрную Московію: бѣлый пустилъ огонь на чернаго;

черный треснулъ и разсыпался искрами. И народъ восклицалъ на голоса іезуитовъ: «О, даруй, Боже, яснѣйшему королю польскому, для блага христіанской церкви, уничтожить коварныхъ враговъ московитянъ [1]).»

Со всѣмъ дворомъ король пріѣхалъ въ Вильну. Здѣсь ему воздвигли тріумфальныя ворота; городъ, недавно, впрочемъ, пострадавшій отъ пожара, былъ освѣщенъ потѣшными огнями. Тамъ встрѣтила его супруга, королева Констанція, и сынъ Владиславъ, нареченный московскій царь; веселая музыка провожала его отъ тріумфальной арки до дворца, и толпа народа громкими криками восхваляла его геройскіе подвиги.

Изъ Вильны Сигизмундъ отправилъ въ Москву Адама Жолкѣвскаго—извѣстить бояръ, что онъ долженъ быть на сеймѣ, и потому-то не можетъ самъ идти къ Москвѣ, а послалъ литовскаго гетмана Ходкѣвича; обвинялъ пословъ Голицына и митрополита ростовскаго въ измѣнѣ подъ Смоленскомъ, и требовалъ, чтобы бояре отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства прислали другихъ пословъ на сеймъ, для совѣщанія о добрыхъ дѣлахъ [2]).

Въ Варшавѣ короля ожидало еще бо̀льшее торжество. Сенатъ и сеймъ поздравляли его. Явился Жолкѣвскій со всѣми своими полковниками, ротмистрами. Королю устроили торжественный въѣздъ. Воображенію поляковъ рисовались древнія торжества римскихъ полководцевъ. Подобно Павлу Эмилію, Жолкѣвскій везъ съ собою плѣннаго царя. Сослуживцы Жолкѣвскаго выказали весь блескъ своихъ одеждъ и вооруженій, все достоинство и убранство своихъ боевыхъ коней. Самъ коронный гетманъ ѣхалъ въ открытой, богато убранной коляскѣ, которую везли шесть бѣлыхъ турецкихъ лошадей. Непосредственно за нимъ везли Шуйскаго въ королевской каретѣ: она была открыта, чтобы всѣ могли видѣть знатныхъ плѣнниковъ. Бывшій царь сидѣлъ посреди двоихъ братьевъ; на немъ былъ длинный бѣлый, вышитый золотомъ кафтанъ, а на головѣ горлатная шапка изъ черной лисицы. Поляки съ любопытствомъ присматривались къ его сухощавому лицу, окаймленному маленькою кругловатою бородою, и ловили мрачные суровые взгляды въ его красноватыхъ, больныхъ глазахъ. За нимъ везли плѣннаго Шеина со смольнянами, а потомъ Голицына и Филарета со свитою. За плѣнниками, пѣхота и гетманскіе казаки оканчивали поѣздъ. Это было 29 октября. Плѣнныхъ повезли чрезъ Краковское предмѣстье въ зàмокъ. Тамъ, въ сенаторской

---

[1]) Narratio brevis Chlebowsky.

[2]) Собр. Госуд. Гр. II, 571.

избѣ, гдѣ собранъ былъ весь дворъ, весь сенатъ, паны Рѣчи Посполитой,—сидѣлъ на тронѣ король Сигизмундъ, съ королевой, а близъ нихъ была вся королевская семья его. Ввели туда плѣнныхъ. Впереди поставили московскаго царя съ братьями. Василій съ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны и повсюду встрѣчалъ взоры состраданія и участія. Поляки, съ чувствомъ величія торжествующей націи, смотрѣли на него дружелюбно. Но въ ряду сенаторовъ Рѣчи Посполитой глаза Василія сошлись съ страшными глазами Юрія Мнишка. Жолкѣвскій выступилъ передъ тронъ, и во всеуслышаніе съ жаромъ говорилъ рѣчь. Сначала онъ восхвалялъ добродѣтели, доблести и всякія достоинства Сигизмунда; прославлялъ его подвигъ завоеванія Смоленска; потомъ, перешедши къ завоеванію Москвы, немного повернулся, указалъ на плѣннаго царя и сказалъ: «Вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ московскихъ царей, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшными и грозными коронѣ польской и королямъ ея, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его, Димитрій, предводительствовавшій шестидесяти-тысячнымъ войскомъ, мужественнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ. Недавно еще они повелѣвали царствами, княжествами, областями, множествомъ подданныхъ, городами, зàмками, неисчислимыми сокровищами и доходами, и по волѣ и благословенію Господа Бога, дарованному вашему величеству, мужествомъ и доблестью нашего войска, нынѣ они стоятъ здѣсь жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества, и, падая на землю, молятъ пощады и милосердія.» При этихъ словахъ гетмана, низложенный царь, держа въ одной рукѣ шапку, поклонился, прикоснулся пальцами другой руки до земли, и потомъ поднесъ ихъ къ губамъ; Димитрій поклонился до земли головою одинъ разъ; Иванъ Шуйскій, по обычаю московскихъ холопей, отвѣсилъ три земныхъ поклона; Иванъ при этомъ плакалъ. Гетманъ продолжалъ свою рѣчь и сказалъ: «Ваше величество! примите ихъ не какъ плѣнныхъ; я умоляю за нихъ ваше величество; окажите имъ свое милосердіе и милость: помните, что счастіе непостоянно, и никто изъ монарховъ не можетъ быть названъ счастливымъ, прежде чѣмъ не окончитъ своего земного поприща.» Рѣчь его была украшена всѣмъ блескомъ риторики; при этомъ гетманъ не упустилъ случая вспомнить о разныхъ римскихъ герояхъ. По окончаніи рѣчи, плѣнники, одинъ за другимъ, начиная съ царя Василія, были допущены къ рукѣ королевской. Потомъ канцлеръ, отъ лица короля, говорилъ, во всеуслышаніе, благодарственную рѣчь. «Чего (говорилъ онъ въ этой

рѣчи) прежніе наши короли не могли надѣяться, о чемъ не смѣли совѣтовать мужественные полководцы, чего не думали рачительные сенаторы дождаться, то совершила смѣлость вашего величества и мужество его милости пана гетмана, польскою рукою.»

За канцлеромъ всталъ маршалъ посольской избы и изъявилъ отъ имени всей Рѣчи Посполитой признательность гетману и всему войску, которое участвовало въ московской войнѣ и доставило своими побѣдами великую славу и честь всей польской націи. Когда окончилась эта рѣчь, всталъ съ своего мѣста Мнишекъ и громогласно потребовалъ правосудія. Онъ вспоминалъ о тайномъ убійствѣ Димитрія, царя коронованнаго и всѣми признаннаго; объ оскорбленіи своей дочери, царицы Марины; припоминалъ, какъ онъ самъ терпѣлъ отъ Шуйскаго поруганія, неволю, заточеніе, какъ онъ его ограбилъ, морилъ голодомъ и нищетою; доказывалъ притомъ, что Шуйскій, будучи царемъ, наносилъ тяжелыя оскорбленія королю и всей Рѣчи Посполитой, измѣннически перебилъ гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, задержалъ пословъ, въ противность всѣмъ правамъ. Но не тѣ были уже времена, чтобы Мнишекъ могъ возбудить всеобщее сочувствіе. Поведеніе Марины, которая въ то время стояла во враждебномъ положеніи къ королю и Рѣчи Посполитой, не могло располагать никого къ участію въ томъ, что̀ соединялось съ дѣломъ самозванцевъ. На Мнишка смотрѣли какъ на честолюбца, который не разбиралъ средствъ къ возвышенію семьи своей. Никто не вѣрилъ въ его *Димитріевъ*, никто не вѣрилъ въ невинность Мнишка въ этихъ дѣлахъ. Мало было такихъ, которые находили бы справедливымъ мстить плѣнному царю за Мнишковъ; напротивъ, большинство наклонялось къ несчастному узнику. Мнишекъ проговорилъ свои обвиненія. Василій стоялъ молча. Но и все собраніе пановъ Рѣчи Посполитой молчало, и этимъ безмолвіемъ всѣ показали, что не хотятъ въ угоду Мнишку огорчать и безъ-того горькую судьбу низложеннаго царя. Король отпустилъ его милостиво. Царя съ братьями отправили въ Гостынскій замокъ, недалеко отъ Варшавы, и тамъ назначили имъ пребываніе подъ стражею. Впрочемъ, ихъ содержали не скудно, какъ видно изъ описи вещей и одеждъ, послѣ Василія оставшихся, большею частію подаренныхъ Сигизмундомъ [1]). Неволя и тоска свели царя черезъ годъ въ могилу. Въ томъ же за̀мкѣ скончался, послѣ него, Димитрій — братъ его, и жена Димитрія,

---

[1]) А. И. II. Прилож.

подозрѣваемая въ отравленіи Скопина. Много лѣтъ спустя, костямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю.

Мнишекъ, еще до представленія плѣннаго царя, выдержалъ нападеніе. Кто-то изъ важныхъ пановъ подалъ жалобу на сендомирскаго воеводу, и требовалъ предать его суду сената за поступки, которыми онъ наложилъ пятно на Рѣчь Посполитую. Ему поставлено было нѣсколько обвинительныхъ пунктовъ: изъ нихъ, кромѣ утайки королевскихъ доходовъ съ самборской экономіи, всѣ относились до поведенія воеводы въ московскомъ дѣлѣ. Зачѣмъ — гласили эти пункты — панъ-воевода призналъ царемъ обманщика Отрепьева, проводилъ его на царство; обманщикъ, впослѣдствіи, какъ было доказано, злоумышлялъ на короля, сносился съ его врагами, хотѣлъ овладѣть короною польскою, пользуясь начавшимися въ Польшѣ смутами, а Мнишекъ повезъ ему дочь, конечно, въ надеждѣ, что онъ достигнетъ польской короны. Мнишекъ былъ въ соумышленіи съ своимъ зятемъ: это видно изъ того, что Мнишекъ дружился съ врагами короля, и принималъ къ себѣ въ домъ Стадницкаго. Сверхъ того, Мнишекъ, возвращаясь изъ плѣна, присталъ ко второму обманщику, призналъ его истиннымъ Димитріемъ, оставилъ у него дочь, а самъ пріѣхалъ въ отечество и тутъ дѣйствовалъ на сеймикахъ во вредъ королю. Мнишекъ говорилъ передъ сенатомъ оправдательный отвѣтъ: прежде всего, онъ оскорбился, что его бывшаго зятя безъ церемоніи называли Отрепьевымъ, съ голоса москвитянъ; увѣрялъ, что зять его былъ не Отрепьевъ, а истинный Димитрій. «Ваше величество (сказалъ Мнишекъ) и многіе паны сенаторы и жители короны польской, признавали его, какъ и я—Димитріемъ. И акты пословъ вашихъ и письма вашего величества о томъ свидѣтельствуютъ. Чѣмъ же я виноватъ? Я проводилъ на царство не обманщика, а истиннаго Димитрія; и Москва его признала, и города ему сдавались, и его посадили на тронъ и короновали. Впрочемъ, я объ этомъ въ началѣ объявлялъ покойному гетману; ему хотя это и не понравилось, но онъ мнѣ не запретилъ рѣшительно.» Легко было Мнишку ссылаться на умершаго Замойскаго. Обвиненіе въ соумышленіяхъ съ Димитріемъ онъ отрицалъ, ссылался на неимѣніе доказательствъ на то: «Ни о чемъ подобномъ я не говорилъ съ своимъ зятемъ, да и некогда было, и всѣ сношенія мои съ нимъ клонились къ пользѣ Рѣчи Посполитой: на это указываютъ его письма и привилегіи. Да; я принималъ Стадницкаго, но что же? Это былъ долгъ гостепріимства и родства; а пусть покажутъ письма, которыя я писалъ къ нему. Я приводилъ его къ покорности.» Что касалось до второго самозванца, Мнишекъ увѣрялъ, что его насильно

затащили въ тушинскій таборъ поляки: «Мы кричали: для чего насъ останавливаете, зачѣмъ заворачиваете? А они не слушали, и панъ Сапѣга не могъ насъ оборонить, хоть и хотѣлъ. Потомъ, я думалъ уѣхать въ Дубровну, но москвитяне-приставы такъ говорили пану радомскому (Олесницкому): «жаль васъ намъ; человѣкъ, который называется теперь Димитріемъ, не прежній; но вы сдѣлайте такъ, какъ они хотятъ. Мы приведемъ это дѣло къ тому, чтобы король или королевичъ сдѣлался нашимъ государемъ.» И они ушли въ Москву, предпринимая уничтожить тамошняго; не знаю, толковали они объ этомъ въ Москвѣ; только панъ радомскій довѣрилъ это нѣкоторымъ надежнымъ особамъ, но, потòмъ, видя непостоянство, уѣхалъ: его, догнавши, убили бы, еслибъ знали, что онъ вашему величеству эти дѣла порицалъ. Потомъ меня пригласили на разговоръ. Я выѣхалъ съ позволенія князя Рожинскаго. Они спрашивали: тотъ-ли это Димитрій, что̀ прежде былъ? Я отвѣчалъ по правдѣ—не тотъ. Они на это сказали: смотрите, чтобъ вамъ самимъ не пропасть.» Мнишекъ и въ этомъ обстоятельствѣ сослался на мертваго,— на убитаго въ Москвѣ князя Андрея Голицына; но прибавилъ, что, вѣроятно, это извѣстно и тому Голицыну, который находится теперь въ плѣну. «Я—продолжалъ Мнишекъ—уѣзжая изъ табора, хотѣлъ взять съ собою и дочь свою, но фальшивый Димитрій соображалъ вѣрный успѣхъ, и себѣ, а не мнѣ хотѣлъ угодить, ибо уже города ему начали сдаваться; а супружество было не невольное. Я говорилъ своей дочери: этотъ человѣкъ не удержится; да хоть бы какія сокровища ты имѣла и царицею московскою стала—лучше тебѣ выпросить у короля и у Рѣчи-Посполитой какой-нибудь уголокъ; что же дѣлать, когда не угодно было ея милости стараться объ этомъ! А что я писалъ къ дочери, такъ развѣ отецъ не могъ писать къ дочери и къ тому, который звалъ меня отцомъ, а я его—сыномъ? Пусть покажутъ мои письма: въ нихъ видна моя вѣрность и непорочность.» Такъ отдѣлывался, такъ изворачивался тогда Мнишекъ, и не только остался безъ преслѣдованія, но еще самъ возвысилъ голосъ противъ короля. Онъ еще разыгрывалъ роль охранителя шляхетской свободы противъ тѣхъ сенаторовъ, которые слишкомъ превозносили подвиги короля, и заявилъ, что еслибъ король пріобрѣталъ новыя провинціи для польскаго королевства, и тогда нельзя одобрить его, коль скоро онъ дѣйствовалъ безъ согласія сейма, потому-что такіе поступки ведутъ къ абсолютному господству. Подобныя фразы въ устахъ человѣка, котораго поступки возбуждали уже презрѣніе честныхъ людей, побудили подканцлера Крискаго воскликнуть: «Матерь Божія! на какихъ низкихъ условіяхъ хотятъ

держать короля! Какое тутъ абсолютное господство? Въ кармане оно у кого-нибудь было! Узнать слѣдовало бы получше объ Отрепьевѣ, что объ его титулѣ былъ споръ! Вишь ты: польскому шляхтичу можно назвать обманщика царемъ, приголубить его въ своемъ домѣ, и своими средствами проводить на царство, а королю нельзя оборонять своими средствами границъ Рѣчи-Посполитой!»

Вообще, на послѣдовавшемъ за тѣмъ сеймѣ, не оправдывали принципа, чтобы король могъ вести войну безъ согласія государственныхъ чиновъ, но извиняли короля Сигизмунда за его успѣхи. Сторонники его оправдывали его тѣмъ, что онъ, вступая на престолъ, далъ присягу—распространять предѣлы королевства. Въ пропозиціи, посланной передъ сеймомъ на повѣтовые сеймики, а также и въ рѣчи, которою, по обычаю, открывалъ сеймъ, отъ имени короля, канцлеръ, король объявлялъ польской націи, что отнюдь не хочетъ пріобрѣтать Московскаго государства ни для себя, ни для своего потомства, а желаетъ его присоединить къ польской коронѣ. Это очень понравилось полякамъ. Со стороны короля представлялась необходимость окончить войну, воспользоваться случаемъ и покорить «грубый» московскій народъ, который, иначе, можетъ быть очень опасенъ для Рѣчи-Посполитой, если усилится. «Давно-ли — было замѣчено — обманщикъ Гришка Отрепьевъ замышлялъ овладѣть короною польскою? Живы тѣ, которые знаютъ о его продѣлкахъ: вотъ и Димитрій Шуйскій говоритъ, какъ онъ хотѣлъ воспользоваться несчастнымъ смятеніемъ у насъ, и собирался двинуть сорокъ тысячъ къ Смоленску. Пусть спросятъ его тѣ, которые тогда приглашали Отрепьева на польскій престолъ. Даже и второй обманщикъ,—и тотъ мечталъ о польской коронѣ, надѣясь овладѣть прежде московскими сокровищами.» Поставленъ былъ вопросъ, что̀ дѣлать съ послами, и продолжать ли начатые переговоры о воцареніи Владислава? Тогда подканцлеръ Криській, всегда говорившій согласно съ королемъ, сказалъ: «Съ кѣмъ вести переговоры? Отъ кого эти послы? Какіе тутъ переговоры, когда и столица и государство Московское у насъ въ рукахъ? Должны они принять такое правленіе, какое дастъ имъ побѣдитель. Рабскій духъ только страхомъ можетъ обуздываться. Куда хочешь поведи москвитина, — онъ перемѣнитъ страну, а души своей не измѣнитъ! Въ рабствѣ онъ родился, къ рабству привыкъ. Оружіемъ слѣдуетъ кончать съ нимъ дѣла, какъ начали. Нельзя отдавать королевича на растерзаніе. Этотъ народъ, со временъ царя Ивана, своихъ государей отравлялъ и убивалъ. Если мы станемъ съ нимъ толковать, то онъ подумаетъ, что

мы его боимся.» И всѣ согласились, что слѣдуетъ кончить войну; но когда дошло дѣло до поборовъ, которыми должны покрыться издержки войны, то сеймъ назначилъ очень мало. Положили: заплатить сто тысячъ злотыхъ тѣмъ, которые воротились изъ похода, а войску, которое оставалось въ Московской землѣ, предоставляли уплату изъ тамошнихъ доходовъ. Тогда думали и говорили, что Московская земля уже покорена, москвитяне безсильны, и не нужно большихъ издержекъ со стороны Рѣчи-Посполитой, чтобы привести въ повиновеніе какіе-нибудь ничтожные остатки непокорныхъ. На все это достанетъ тамошнихъ средствъ. О посылкѣ Владислава не могло быть болѣе рѣчей. Поляки считали Московское государство уже принадлежащимъ Польшѣ, и вѣковой споръ съ Русью поконченнымъ.

VIII.

Взятіе Новгорода шведами.

Тѣмъ временемъ, сѣверъ русскаго міра подпалъ подъ иное чужое владычество. Послѣ сверженія Василія и признанія Владислава, Швеція неминуемо должна была изъ союзницы сдѣлаться враждебною Московскому государству. Кровная вражда шведскаго короля Карла къ Сигизмунду, который оспаривалъ у него право на престолъ, вражда, соединенная съ религіозною рознью, не могла терпѣть усиленія соперника. Политика Швеціи, въ видахъ самосохраненія, должна была противодѣйствовать возрастанію сосѣдней Польши. Притомъ же, для шведовъ, естественно, была заманчива возможность воспользоваться печальнымъ состояніемъ сосѣдняго государства, чтобы отхватить отъ него что-нибудь для себя, когда многое уже достается въ добычу другимъ. Какъ только услышалъ Делагарди о выборѣ Владислава, тотчасъ изъ Торжка, гдѣ остановился послѣ клушинскаго дѣла, написалъ боярской думѣ такое дружеское замѣчаніе: «Вы берете государя слишкомъ молодого, въ такое смутное время, когда нужна сильная власть, чтобы водворить порядокъ. Поляки во всемъ разнятся отъ русскихъ и не любятъ васъ; извѣстна ихъ наглость, высокомѣріе. Они воспользуются положеніемъ Московіи, измученной мятежами, обезсиленной пораженіями, утомленной войнами, раздираемой самозванцами; подъ предлогомъ установленія спокойствія, подчинятъ васъ своему королю и себѣ, а Владиславъ,

---

[1]) Bibl. Kras. 18.

данный вамъ, по милости поляковъ, будетъ ихъ подручникомъ какъ воевода валахскій.» Мало проку надѣясь отъ этого замѣчанія, Делагарди двинулся изъ Торжка къ границамъ, чтобы поскорѣе захватить Корелу, уступленную по выборгскому трактату. Король Карлъ, съ согласія сейма, хотѣлъ, чтобы Делагарди шелъ съ войскомъ въ средину Московской земли, и, во что бы то ни стало, препятствовалъ воцаренію польскаго королевича. Но Делагарди отсовѣтовалъ и разсчиталъ, что лучше захватить поскорѣе сѣверныя области, чтобы, когда Владиславъ сдѣлается царемъ, Швеція уже овладѣла частью русской земли и получила въ ней опору для себя. Такимъ образомъ, Делагарди оставался въ Выборгѣ, и послалъ отряды для взятія Иванъ-города, Ладоги, Орѣшка и Корелы. Осада Иванъ-города пошла неудачно. Наемное войско, состоявшее изъ иноземцевъ — французовъ и шотландцевъ, взбунтовалось, ограбило кассу, находившуюся въ рукахъ шведовъ, и разошлось, такъ-что шведы должны были обращаться съ нимъ какъ съ непріятелемъ. Не удалось шведамъ овладѣть и Ладогою. Пьеръ де-ла-Валле захватилъ-было крѣпкій городъ, обведенный водою, но остался въ немъ съ небольшимъ гарнизономъ. Пошелъ на отбой Ладоги, съ новгородцами, Иванъ Салтыковъ, не допустилъ подвоза къ ней припасовъ, а потомъ голодомъ принудилъ сдаться. 8 января 1611 года, де-ла-Валле оставилъ Ладогу, выговоривъ себѣ условіе свободнаго выхода съ своимъ гарнизономъ и со всѣмъ имуществомъ. Орѣшекъ отбивался отъ шведовъ упорно. Они надъ нимъ употребляли огромныя усилія, думали разбить его стѣны машинами и ядрами, и, наконецъ, должны были отступить. Корела, осаждаемая Лаврентіемъ Андрю, держалась всю зиму до марта, наконецъ, предложила переговорить съ выборгскимъ комендантомъ Арвидомъ Вильдманомъ о сдачѣ. Шведы думали, что корельцы сдаются оттого, что дошли до крайности, и предложили тяжелыя условія: оставляли жителямъ только жизнь, и соглашались выпустить ихъ съ тѣмъ, чтобы они покинули все свое имущество. Корельцы отвѣчали, что они еще не дошли до послѣдней бѣды, какъ себѣ воображаютъ шведы; у нихъ еще есть тысяча бочекъ хлѣбнаго зерна, изобильно сала; они готовы защищаться до послѣдняго, и прибавили: если терять послѣдніе животы, то лучше ужъ потерять и жизнь; они взорвутъ свой городъ и погибнутъ всѣ. «Вотъ, видите — говорили корельцы — ивангородцы отдавались вашимъ также, какъ мы теперь; ваши не согласились и не взяли Иванъ-города.» Шведы разсудили, что въ Корелѣ есть нѣсколько шведовъ-плѣнниковъ, въ томъ числѣ двое братьевъ Бойе, знатнаго рода, взятые подъ Иванъ-городомъ; для спасенія своихъ,

они согласились на болѣе мягкія условія, оставляли корельцамъ имущества и требовали, въ свою пользу, имущества умершихъ. Нельзя было болѣе упрямиться корельцамъ: изъ трехъ тысячъ человѣкъ, бывшихъ въ городѣ, у нихъ осталась только какая-нибудь сотня; прочіе погибли отъ войны да отъ скорбута, свирѣпствовавшаго въ городѣ. Корела сдалась.

По взятіи Корелы, Делагарди написалъ къ королю, что теперь идетъ на Новгородъ, и собиралъ войско. Наступала весенняя распутица; за нею долженъ былъ послѣдовать разливъ Волхова, который въ это время мѣшаетъ подступить къ городу. Поэтому, Делагарди долженъ былъ двигаться съ войскомъ медленно, и впередъ послалъ въ Новгородъ съ мирными предложеніями капитана Коброна [1]).

Новгородъ тогда былъ сильно вооруженъ противъ польской власти, и новгородцы пристали къ ляпуновскому ополченію. Освободитель Ладоги, Салтыковъ, видя, что въ Новгородѣ—заговоръ противъ польской партіи, хотѣлъ-было уйдти въ Москву; новгородцы его поймали и посадили въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени, когда ненависть къ полякамъ, возбужденная вѣстями о сожженіи Москвы, о насильствахъ сапѣжинцевъ, о несправедливостяхъ Сигизмунда,—дошла до высшихъ предѣловъ, его вывели изъ тюрьмы, пытали и приговорили къ смерти. Молодой Салтыковъ хотѣлъ спасти жизнь увѣреніями, что будетъ служить дѣлу русской земли. «Пусть — говорилъ онъ — мой отецъ прійдетъ съ литовскими людьми,—такъ и противъ отца я пойду биться съ вами!» Ему не повѣрили; его посадили на колъ [2]). Вмѣсто него прибыли воеводы Бутурлинъ и Одоевскій. Первый былъ заклятой ненавистникъ поляковъ и ихъ власти. Къ нимъ обратился капитанъ Коброн; онъ, отъ имени Делагарди, предложилъ только дружбу и размѣнъ плѣнныхъ. Новгородъ отпустилъ шведскаго посланца въ сопровожденіи двухъ знатныхъ русскихъ, которые обѣщали выпустить всѣхъ шведскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Новгородѣ и въ Орѣшкѣ, согласились прекратить всякія непріятельскія дѣйствія и заключить окончательный миръ до избранія новаго государя всею землею. Делагарди подалъ имъ письмо, присланное къ нему королемъ его. Въ немъ король дружелюбнымъ тономъ уговаривалъ новгородцевъ не отдаваться полякамъ, которые думаютъ ввести іезуитовъ въ Россію и дѣйствуютъ за одно съ испанцами, а послѣдніе хотятъ послать нѣсколько тысячъ своего войска въ гавань св.

---

[1]) Videk. 191—193; 205—209; 216—221.

[2]) Никон. Лѣт. 262.

Николая. Делагарди собственно отъ себя просилъ только скорѣйшаго выпуска плѣнныхъ и, кромѣ того, уплаты жалованья войску по выборгскому договору со Скопинымъ. Между тѣмъ, онъ послалъ къ Орѣшку, приказывалъ вести скорѣе къ Ладогѣ шведскія суда, державшія въ блокадѣ Орѣшекъ. Было соображеніе — оставить этотъ городъ, потому-что есть возможность захватить главный городъ края.

Проходилъ апрѣль. Волховъ разлился. Делагарди все ближе и ближе подвигался къ Новгороду и сталъ верстъ за сто-двадцать отъ Новгорода, на берегу Волхова, станомъ, продолжалъ дружескія сношенія, и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ русскимъ, скрывая отъ нихъ свои намѣренія покорить Новгородъ, съ его землею; уже у него была составлена и карта береговъ и окрестностей Ладожскаго озера: онъ отослалъ ее къ королю, съ замѣчаніями о важности разныхъ пунктовъ.

Въ концѣ апрѣля, прибыли изъ Новгорода къ шведскому королю посланцы, принесли письмо отъ воеводъ Бутурлина и Одоевскаго и, вмѣстѣ, запись въ постоянной выплатѣ денегъ. Они просили, чтобъ Делагарди отошелъ отъ новгородскихъ предѣловъ, обратился бы противъ поляковъ, и помогалъ бы русскимъ очищать ихъ землю, по-прежнему, отъ этихъ враговъ.

«Я — отвѣчалъ Делагарди — больше всего желаю идти противъ нашихъ общихъ враговъ, но долженъ обождать, пока придетъ ко мнѣ королевское повелѣніе.»

Обмѣнъ плѣнныхъ былъ сдѣланъ. Новгородцы выпустили содержавшихся въ своемъ городѣ, и послали приказаніе то же сдѣлать и въ Орѣшкѣ; а Делагарди выпустилъ на свободу русскихъ, содержавшихся въ Выборгѣ.

Наступилъ май. Волховъ сталъ входить въ берега. Делагарди двинулся далѣе, но медленно, потому-что къ нему подходили свѣжія силы. 2 іюня, онъ прибылъ къ Хутыню; тамъ сталъ онъ лагеремъ. Къ нему выѣхалъ воевода Бутурлинъ и просилъ назначить переговоры. Они состоялись 4 іюня. Со стороны русскихъ былъ самъ Бутурлинъ, выѣхавшій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ князей, воеводъ и старостъ, отъ концовъ новгородскихъ.

«Мы уполномочены — сказалъ Бутурлинъ — отъ всего Московскаго государства заключить дружественный союзъ съ главнымъ начальникомъ шведскаго войска, Яковомъ Понтусовичемъ Делагарди. Мы просимъ и молимъ прекратить всякія ссоры и нелюбовь, какая была до сихъ поръ между шведами и русскими, отложить конечное разсужденіе до того времени, когда выберется всею землею новый государь, а Яковъ Понтусовичъ Дела-

гарди пусть поможетъ намъ освободить Москву отъ поляковъ, которые ее заняли. Надѣемся, что и король Карлъ того желаетъ, особенно, когда польскій король, взявши Смоленскъ, пойдетъ всѣми силами на городъ Москву.»

«Желаніе это исполнится — отвѣчалъ Делагарди — если новгородцы примутъ на себя часть уплаты жалованья войску, и заложатъ Швеціи пограничные города. Съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою тратою казны освобождена ваша столица отъ обманщика, а еще до сихъ поръ не выплачено жалованье за такіе утомительные труды! Корелу должны были бы отдать по выборгскому договору, а мы ее взяли осадою и войною, потратили казну, кровь, труды — надобно же вознагражденіе за взятый городъ, который слѣдовало получить безъ войны.»

Русскіе сказали: «Мы все это запечатлѣемъ въ памяти, и все будетъ вознаграждено, когда воцарится новый государь. Мы за прежнія ваши услуги благодаримъ отъ всей Московской земли.» — «Мы просимъ — прибавилъ Бутурлинъ — указать намъ, какіе именно города вы желаете получить?»

Делагарди далъ ему два письма отъ короля: одно къ новгородцамъ, другое къ московскимъ боярамъ и жителямъ. Не читая письма, Бутурлинъ съ таинственнымъ видомъ сказалъ Делагарди:

«Есть у меня передать тебѣ тайну, Яковъ, отъ Великаго-Новгорода.»

Делагарди увелъ въ сторону Бутурлина, и Бутурлинъ сказалъ ему:

«Великій-Новгородъ желаетъ имѣть государемъ котораго-нибудь сына его шведскаго величества. Мы не сомнѣваемся, что Москва на то согласится, если намъ только будетъ предоставлена свобода нашей православной греческой вѣры. Мы уже научились изъ примѣра царя Василія, что̀ значитъ выбирать царей изъ своихъ; только зависть боярская отъ этого!»

«Я напишу объ этомъ королю и надѣюсь, что онъ согласится» — сказалъ Делагарди.

Тѣмъ временемъ, письмо короля было прочитано новгородцами въ городѣ. На третій день послѣ первыхъ переговоровъ, сошлись на другіе.

«Изъ письма его величества — сказали русскіе — мы увидѣли имена городовъ, которыхъ вы желаете, именно: Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иванъ-города и Гдова. Это показалось всѣмъ намъ тяжело, и, можемъ сказать, что это будетъ намъ не помощь, а разореніе; мы уповаемъ, что король согласится на уступки посходнѣе для насъ, когда все это еще не находится въ его власти.»

«Не удивляйтесь, добрые московитяне — сказалъ имъ Делагарди — что король пожелалъ этихъ городовъ отъ васъ, когда многіе изъ нихъ уже и безъ того обѣщаны бывшимъ вашимъ государемъ Василіемъ Шуйскимъ. Сверхъ того, чины Московскаго государства дали намъ сами свободу выбирать по нашему желанію. Король нашъ вовсе не жаденъ; по вашему желанію, онъ послалъ свое войско черезъ моря и земли, содержалъ его на свой счетъ; оно перенесло столько битвъ, завоевало столько городовъ, столько бѣдъ приняло отъ болѣзней и мятежей, терпѣло столько отъ вашей вины; и теперь мы готовы идти въ отдаленныя страны, лишь бы довести дѣло до славнаго конца. Нѣтъ тутъ ничего необыкновеннаго и страннаго; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были строены королемъ шведскимъ Ладулеемъ, и были въ шведской власти нѣкогда, и были уже отняты на войнѣ королемъ шведскимъ Іоанномъ у царя вашего Василія Васильевича. Совершенно справедливо, если нашъ дружелюбный вамъ король потребовалъ ихъ себѣ за то, что освободитъ вашу землю отъ хищныхъ враговъ, которые ее завоевали оружіемъ и овладѣли ею. До сихъ поръ вы не исполнили ничего по договору съ нами; не обошлось безъ вѣроломства! Если вы хотите съ нами по правдѣ, а не по хитрости поступать, то отдайте эти города въ знакъ вашей вѣрности: король поступаетъ съ вами по сущей справедливости и не требуетъ отъ васъ ничего выше вашихъ силъ, больше того, что̀ можетъ снести цѣлость обоихъ государствъ. Этимъ вы дадите безсмертную славу королю, и обоимъ народамъ будетъ отъ того большая выгода, если Швеція съ Московіею соединится въ одинъ дружескій союзъ; въ одной будетъ управлять отецъ, въ другой сынъ, и когда, такимъ святымъ союзомъ, соединятся два государства — никакой врагъ намъ не страшенъ; чего будетъ недоставать имъ для величайшаго могущества?!»

Русскіе сказали: «Если суждено Московскому государству терпѣть разореніе и насильства отъ поляковъ, и въ послѣдней мѣрѣ имъ же и отдаться, такъ намъ не остается другого спасенія, какъ отдаться въ защиту шведскому королю, потому-что мы узнали его доброту: онъ помощь намъ оказалъ.»

«Въ знакъ вашего постоянства и правды вашихъ словъ, отдайте намъ теперь хоть два города на двухъ концахъ Ладожскаго озера, Ладогу и Орѣшекъ — сказалъ Делагарди. Тогда вамъ будетъ помощь отъ шведскаго короля.»

«Мы поговоримъ объ этомъ съ своими братьями въ Москвѣ — отвѣчали новгородцы; дайте намъ четырнадцать дней срока, а мы будемъ стараться, чтобы они скорѣе назначили

отдать эти города, и мы, съ своей стороны, пошлемъ пословъ въ Москву.»

Делагарди согласился. Между тѣмъ, условлено было, чтобы по Волхову невозбранно ходили суда съ запасами для шведскаго войска, чтобы позволено было новгородцамъ и жителямъ новгородскихъ селъ продавать шведамъ средства къ содержанію.

Такъ проходило время. Делагарди ожидалъ возвращенія посла своего изъ московскаго лагеря, а своего товарища Эдуарда Горна, изъ Выборга—съ боевыми запасами. У Делагарди не было еще достаточно стѣнобитныхъ орудій и огненныхъ снарядовъ; онъ ожидалъ ихъ отъ Горна; онъ разсчитывалъ, что такъ-ли, иначе-ли, а придется побудить русскихъ страхомъ къ скорѣйшему соглашенію. Въ Новгородѣ, однако, не всѣ, какъ Бутурлинъ, были расположены отдаться шведамъ. Другіе не хотѣли добровольно признавать иноземца, кто бы онъ ни былъ. Товарищъ Бутурлина, Одоевскій, былъ противъ дружбы съ шведами, и видѣлъ, съ ихъ стороны, одно коварство. Стрѣльцы изъявляли охоту лучше биться со шведами, чѣмъ кланяться имъ. Столкновенія съ ними русскихъ начались прежде, чѣмъ получено было рѣшительное посольство отъ Ляпунова. Какой-то крестьянинъ явился въ шведскій лагерь отъ новгородцевъ, жаловался, что шведы противъ договора захватили принадлежащія Московскому государству земли и города, и просилъ удалиться отъ окрестностей Новгорода. «Это значитъ—говорили тогда шведы — что русскіе хотятъ съ нами войны и пренебрегаютъ нашею дружбою и союзомъ.» Они приписывали эту выходку счастливому, для русскихъ, обороту обстоятельствъ. До нихъ доходили извѣстія, что поляки стѣснены въ Кремлѣ и Китай-городѣ, и пропадаютъ отъ голода. «Русскіе (какъ дѣлали свои догадки шведы) готовы признать нашу власть, когда имъ угрожаютъ поляки, а какъ только они понадѣятся избавиться отъ поляковъ, то будутъ стараться и отъ насъ отдѣлаться...»— Новгородцы стали поступать съ пришельцами по-непріятельски: шведы пасли лошадей; на нихъ нападали и прогоняли ихъ, жалуясь, что они травятъ поля; нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и убиты, а другихъ увели въ городъ. Когда подходили шведы къ городу, по нимъ стрѣляли со стѣнъ.

Посланники отъ Ляпунова воротились и привезли отвѣтъ, повидимому—удовлетворительный. Бояре соглашались избрать сына шведскаго короля на престолъ Московскаго государства и отдать въ залогъ города Ладогу и Орѣшекъ; предоставляли подробнѣйшія условія воеводѣ Бутурлину, но умоляли шведовъ поспѣшить на помощь подъ Москву, пока Сапѣга еще не воротился и не привезъ осажденнымъ полякамъ продовольствія. Въ письмѣ къ

Бутурлину, которое, впослѣдствіи, нашли шведы, Ляпуновъ сообщалъ, что главные бояре въ войскѣ, стоявшемъ подъ Москвою, дѣйствительно собирали думу, гдѣ порѣшили: избирать въ цари сына короля Карла IX. Соглашались на сдачу Ладоги и Орѣшка, но съ тѣмъ, чтобы содержаніе для шведскаго гарнизона собирали сами русскіе, а не шведы; Ляпуновъ предупредилъ Бутурлина съ товарищи, ни въ какомъ случаѣ не отдавать Кольскаго острòга и крѣпостей на сѣверѣ, чтобы оставить свободными торговые пути по Сѣверному морю.

Бутурлинъ сообщилъ шведскому военачальнику, что Ляпуновъ не велитъ отдавать шведамъ Орѣшка съ округомъ иначе, какъ только съ тѣмъ, чтобъ гарнизонъ въ немъ состоялъ на половину изъ шведовъ и изъ русскихъ, и чтобы Делагарди немедленно двинулся въ Московскую землю противъ поляковъ. Делагарди отвѣчалъ: «Дайте мнѣ заложниковъ и введите сто человѣкъ моихъ солдатъ въ Орѣшекъ; тогда я пойду, и когда дойду до Торжка, до границы между новгородскими и московскими землями, тогда вы должны вывести своихъ людей изъ Орѣшка и совсѣмъ передать его нашимъ людямъ, а мнѣ заплатить 1,500 рублей впередъ.» — «У насъ нѣтъ столько денегъ въ наличности — отвѣчали новгородцы—а въ городъ не пустимъ шведовъ больше двадцати человѣкъ.» — Делагарди разсердился.

По единогласному сказанію и шведскихъ и русскихъ современныхъ извѣстій, Бутурлинъ хотѣлъ не только признать шведскаго королевича кандидатомъ на русскій престолъ, но и отдать Новгородъ въ руки шведовъ, надѣясь, что шведы послѣ того пойдутъ далѣе на помощь Московскому государству. Онъ обѣщалъ подробнѣе объ этомъ изложить въ посольствѣ, которое готовились снарядить къ королю Карлу IX. Но съ Одоевскимъ нельзя было ему сойтись. Одоевскій упорно твердилъ, что все-равно — поляки или шведы — одинакіе враги русской земли. Видекиндъ говоритъ, что Бутурлинъ сталъ тогда переговариваться съ Делагарди тайкомъ отъ своего товарища, и сказалъ шведскому военачальнику такъ: «Надобно вамъ отойти хоть нѣсколько верстъ по ямской и по копорьинской дорогѣ, и показать видъ, будто вы идете за тѣмъ, чтобы эти мятежные города покорить Московскому государству; тогда народъ успокоится и большую часть его можно будетъ послать на помощь подъ Москву Ляпунову, а вы воротитесь. Въ городѣ тогда людей будетъ меньше, и я вамъ сдамъ тогда Новгородъ.» Предложеніе Бутурлина не прельстило Делагарди; напротивъ, онъ заподозрилъ искренность совѣтчика. Въ совѣтѣ начальныхъ людей разсуждали объ этомъ такъ: «Какъ можно вѣрить дружелюбію предателя! вѣрнѣе брать

городъ силою, чѣмъ полагаться на измѣну. Прежде, чѣмъ русскіе не исполнятъ требованій и не заплатятъ жалованья, у насъ съ ними не можетъ быть взаимной дружбы и союза.» — Войско, услышавши, что русскіе хотятъ спровадить шведовъ къ Ямѣ и Копорью, подняло ропотъ и кричало, что если такъ, то лучше пусть начальники откроютъ битву. Вспоминали, какъ новгородцы убивали шведовъ, которые пасли лошадей; что пролитая кровь товарищей требуетъ возмездія. Было рѣшено — не поддаваться увѣщаніямъ русскихъ, не ходить никуда отъ Новгорода, а, прежде всего, взять самый Новгородъ.

8-го іюля, Делагарди перешелъ черезъ Волховъ, на Софійскую сторону, сталъ подъ Колмовымъ монастыремъ, и отправилъ Рехенберга съ отрядомъ, на лодкахъ, по Волхову, на юго-восточную часть Торговой стороны, чтобы сдѣлать оттуда нападеніе на городъ, окопанный съ этой стороны валомъ. Новгородцы, какъ только увидали, что на городъ направляются шведы, зажгли посады и монастыри, сперва на Торговой сторонѣ, потомъ на Софійской; жители перебрались изъ нихъ въ осаду, въ городъ. Это было сдѣлано для того, чтобы не допустить иноземцевъ расположиться близко къ городу, въ жилищахъ. Съ Волховца начали стрѣлять по Торговой сторонѣ. Делагарди повелъ приступъ на Софійскую отъ Колмовскаго монастыря. Спѣшилъ къ нему Даніилъ Свезенъ, съ стѣнобитными орудіями. Поплеръ и Кобронъ заходили съ правой стороны копорьинской дороги; къ нимъ присоединился, съ тысячью конницы и пѣхоты, Эдуардъ Горнъ. Бой былъ сильный. Одни изъ новгородцевъ выскакивали на поле за валъ, и тамъ бились со шведами; другіе стояли на валахъ и стрѣляли въ непріятеля изъ пушекъ и ружей. Женщины и дѣти вопили, бѣгая по Новгороду. Въ этотъ день новгородцы отбили приступъ.

На другой день, митрополитъ Исидоръ совершилъ крестный ходъ къ церкви Знаменія; взяли оттуда чудотворную знаменскую икону, нѣкогда заступницу древняго Великаго-Новгорода, понесли ее по забралу. Цѣлый день до вечера молился народъ, въ виду непріятеля, о спасеніи Новгорода. Послѣ того, шведы не начинали приступа и стояли тихо подъ городомъ семь дней. Бутурлинъ продолжалъ сноситься съ Делагарди, думалъ быть большимъ политикомъ, но игралъ жалчайшую роль. Русскіе подозрѣвали его въ предательствѣ; Делагарди не довѣрялъ ему. Въ сущности, Бутурлинъ дѣйствовалъ сообразно съ волею Ляпунова. Ляпуновъ сильно ухватился за мысль объ избраніи королевича Филиппа, и, вслѣдъ за письмомъ своимъ къ Бутурлину, отправилъ въ Новгородъ пословъ князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, Бориса Сте-

пановича Собакина и дьяка Сыдавнаго-Васильева [1]), съ изъявленіемъ согласія имѣть Филиппа царемъ, лишь бы онъ принялъ греческую вѣру, и лишь бы это избраніе совершилось съ честью для русской земли. Ляпуновъ только, по-прежнему, условіемъ ставилъ, чтобъ Делагарди немедленно шелъ съ войскомъ на помощь къ русскимъ [2]). Заруцкій и его казацкая партія были сильно противъ этого; Заруцкій видѣлъ въ этомъ препятствіе своимъ замысламъ—возвести на престолъ сына Марины, и это, быть можетъ, ускорило трагическій конецъ Ляпунова; но тогда еще могучъ былъ Ляпуновъ и повелѣвалъ силами, изображавшими русскую землю подъ разоренною Москвою. Бутурлинъ, видя, что тамъ, гдѣ тогда было средоточіе власти, хотятъ дружбы со шведами, самъ старался дружелюбно уладить споры съ Делагарди, и отправилъ присланныхъ отъ Ляпунова съ согласіемъ избрать шведскаго королевича—къ нему самому. Но Делагарди не прельщался обѣщаніями, не склонялся ни на какія просьбы и требовалъ сдачи Новгорода. 15-го іюня, Бутурлинъ послалъ къ шведскому военачальнику сказать, чтобъ онъ уходилъ отъ города, иначе придутъ войска и прогонятъ его. «Бутурлинъ меня обманываетъ, Бутурлинъ смѣетъ мнѣ угрожать! Пусть же онъ знаетъ, что я непремѣнно буду въ Новгородѣ.» Такъ сказалъ Делагарди присланному дьяку Аѳанасію Голенищеву.

Семь дней молчанія, послѣ неудачнаго приступа, возгордили новгородцевъ. Они считали себя побѣдителями и, на радостяхъ, пьянствовали. «Не бойтесь, братцы, нѣмецкихъ нашествій!» кричали по новгородскимъ улицамъ гуляки-забіяки. «Не взять имъ нашего города; у насъ много людей!» Въ упоеніи отъ собственной силы, они взбѣгали на валы и съ хвастливымъ видомъ отпускали шведскому войску насмѣшки, приправленныя безстыдною бранью по домашнему обычаю. Люди степенные не одобряли такихъ выходокъ, напротивъ, наложили на себя постъ и надѣялись на чудотворную икону знаменской Богородицы. Делагарди нарочно не велѣлъ задирать русскихъ и вступать съ ними въ перебранки и пересмѣшки, чтобы они сдѣлались еще самонадѣяннѣе и оплошнѣе. Онъ замышлялъ внезапное нападеніе.

Попался къ нему въ плѣнъ Иванко Шваль, русскій родомъ, человѣкъ Ивана Лутохина, который разсудилъ, что это приключеніе ему въ пользу. Онъ зналъ входы и выходы въ новгородскихъ стѣнахъ, и вызвался провесть ночью шведовъ въ городъ. Выбрана была ночь съ 16-го на 17-е іюля. Стража на валахъ была очень

---

[1]) Ник. 165.

[2]) Собр. Гос. Гр. II, 552.

плоха и ни за чѣмъ не слѣдила. Шваль провелъ иноземцевъ въ городъ черезъ Чудинцовы ворота. Потомъ шведы петардами пробили сосѣднія съ Чудинцовыми, Прусскія ворота; туда посыпали шведскіе солдаты и начали убивать жителей. Воевода Бутурлинъ, который передъ тѣмъ ограбилъ съ ратными людьми лавки съ товарами и богатые дворы на Торговой сторонѣ (вѣроятно, на жалованье войску), убѣжалъ изъ города къ Бронницамъ, не успѣвши захватить ни своего, ни награбленнаго. Всполошенный народъ бѣгалъ туда и сюда съ плачемъ и крикомъ. Многіе, не понимая что̀ случилось и чего кричатъ другіе, бѣжали изъ города, сами не зная куда; иные, такимъ образомъ, въ безпамятствѣ попа̀дали въ воду. Явленіе шведовъ было тѣмъ неожиданнѣе и поразительнѣе, что оно произошло на такихъ мѣстахъ городскихъ укрѣпленій, которыя считались особенно неприступными. Небольшая толпа молодцовъ стала-было давать отпоръ; тутъ были: стрѣлецкій голова Василій Голютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ, Василій Орловъ, да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками.— «Сдайтесь! вамъ ничего не будетъ», кричали имъ шведы.— «Не сдадимся, умремъ за православную вѣру» — кричали молодцы. Всѣ погибли въ сѣчѣ. Не уступилъ имъ въ мужествѣ софійскій протопопъ Аммосъ: заперся онъ во дворѣ у себя съ ближними своими и сталъ отстрѣливаться съ забора противъ иноземцевъ. Делагарди приказалъ не дѣлать убійствъ; шведы кричали ему, чтобы онъ не бился и сдался, но протопопъ Аммосъ рѣшился лучше умереть за вѣру, и продолжалъ, съ своими совѣтниками, стрѣлять на чужеземцевъ. Онъ былъ за что-то въ запрещеніи у митрополита. Отстрѣливаясь отъ шведовъ, увидѣлъ онъ на стѣнѣ Дѣтинца митрополита Исидора: владыка пѣлъ молебенъ съ софійскимъ причтомъ; Аммосъ, находясь подъ запрещеніемъ, не могъ быть вмѣстѣ съ нимъ на молитвѣ, и замѣнялъ церковный подвигъ воинскимъ. Ихъ глаза встрѣтились. Митрополитъ издали обратилъ благословляющія руки на дворъ Аммоса и тѣмъ разрѣшилъ его. Въ то время шведы, чтобы не тратить времени и крови на драку съ упорнымъ протопопомъ, подложили огонь къ его двору. Протопопъ Аммосъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ своими товарищами; живой никто изъ нихъ не достался побѣдителямъ. Солдаты бросились по дворамъ на Софійской сторонѣ, грабили, насиловали, убивали; вспыхнулъ пожаръ. На Торговой тогда еще не было ни одного шведа, но тамъ русскіе ратные люди, по примѣру своего воеводы Бутурлина, не хуже непріятеля ограбили имущества, и дворы, и лавки своихъ соочечественниковъ, и убѣгали изъ Новгорода по московской дорогѣ. Въ Дѣтинецъ набѣжало множество народа и съ Торго-

вой, и съ Софійской стороны. Въ Дѣтинцѣ такъ было мало военныхъ людей, что только и слышны были вопли да безсильныя молитвы. Делагарди скоро остановилъ безчинства своего войска, приказалъ протрубить сборъ и повелъ войско на осаду Дѣтинца. Съ востока, близъ Волхова, сталъ Поплеръ; съ запада, отъ Прусской улицы — Жакъ Бусе; самъ Делагарди установился между ними приказалъ бить въ ворота.

Одоевскій съ Исидоромъ собралъ въ Дѣтинцѣ почетнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ на совѣтъ — что̀ дѣлать? «Защищаться невозможно — рѣшили всѣ; остается намъ просить милости: пусть не до конца погибнетъ городъ. Мы отдадимся шведскому королю, пусть присылаетъ намъ своего сына, какъ было говорено.» Послѣ этого совѣта, Одоевскій послалъ къ Делагарди сказать, что Великій-Новгородъ со всею землею желаетъ отдаться шведскому королю, съ тѣмъ, чтобы присланъ былъ на правленіе Новгородскаго государства королевичъ Филиппъ, и соглашался передать въ руки Делагарди какъ Дѣтинецъ, такъ и весь городъ. Делагарди былъ радъ этому предложенію, потому-что не легко было ему взять Дѣтинецъ съ его толстыми стѣнами, воротами, засыпанными землею, и глубокимъ рвомъ. Онъ отвѣчалъ, что согласенъ на все, и тотчасъ приказалъ своему войску прекратить битву. Изъ Дѣтинца выѣхали переговорщики. Стали совѣщаться. Хотѣли-было упереться на желаніе, объявленное Ляпуновымъ, но побѣдитель сразу далъ имъ почувствовать, что теперь иначе уже нельзя договариваться, какъ по волѣ той стороны, которая взяла верхъ въ битвѣ. Такимъ образомъ, написанъ былъ договоръ, съ одной стороны, по повелѣнію короля шведскаго отъ имени Делагарди, барона Экгольмскаго, владѣтеля въ Колкѣ и Рунзѣѣ, слуги короля Карла IX, съ другой — по благословенію митрополита Исидора, отъ духовенства, отъ воеводы князя Одоевскаго и отъ людей всѣхъ сословій великаго Новгородскаго государства, какъ настоящихъ, такъ и ихъ потомковъ. Сказано и написано было, что договоръ этотъ заключается непринужденно и добровольно [1]).

Новгородцы отдавались подъ покровительство шведскаго короля и шведскаго королевства, и обязывались не принимать короля польскаго и его наслѣдниковъ мужескаго пола и, вообще, поляковъ и литовцевъ, и лишались права заключать миръ или союзъ безъ вѣдома шведскаго короля. Новгородцы избирали одного изъ сыновей короля Карла IX, какого отецъ пожелаетъ имъ дать, либо̀ Густава-Адольфа, либо Карла-Филиппа, русскимъ

[1]) Videk. 252.

наслѣдственнымъ государемъ въ мужескомъ колѣнѣ, надѣясь, что и государство Московское и Владимирское послѣдуютъ примѣру Новгородскаго государства; обѣщали послать просьбу объ этомъ въ Стокгольмъ. Ничего не сказано было, что̀ дѣлать тогда, когда не состоялась бы надежда на согласіе остальныхъ земель— поступить подобно Новгороду; и это молчаніе показывало, что шведы считали уже себя вправѣ смотрѣть на Новгородскую землю, какъ на отрѣзанную отъ Руси, преданную иной судьбѣ, независимо отъ того, какъ устроится прочая Русь.

Признавши, такимъ образомъ, своимъ государемъ шведскаго принца, Новгородская земля не будетъ присоединена къ шведскому королевству, и будетъ особымъ государствомъ съ такими же границами, въ какихъ находилась прежде, исключая города Корелы или Кексгольма, съ его уѣздомъ, который долженъ отойти отъ Новгородской земли къ Швеціи за издержки, употребленныя на защиту русскаго государства при царѣ Василіѣ Шуйскомъ. Делагарди обѣщалъ, именемъ своего государя, не нарушать православнаго исповѣданія, не разрушать храмовъ, уважать духовенство, не трогать церковныхъ и монастырскихъ имѣній и доходовъ, не вывозить въ Швецію товаровъ иначе, какъ по взаимному соглашенію двухъ государствъ, сохранять всѣ права и обычаи, наблюдаемыя русскими издревле, все древнее законодательство, а для дѣлъ, возникающихъ между шведами и русскими устроить смѣсный судъ, въ которомъ должно быть одинакое количество какъ русскихъ, такъ и шведскихъ судей. Обезпечивалась неприкосновенность частныхъ имѣній въ Новгородской землѣ, но, съ согласія русскихъ бояръ, слѣдовало дать шведамъ за ихъ заслуги помѣстья въ русской землѣ. Вообще, въ отношеніяхъ между двумя народностями положено равенство; но такое равенство явно потянуло бы къ перевѣсу шведской народности. Шведы, получивъ позволеніе внѣдряться въ русской землѣ и владѣть тамъ имѣніями, конечно, очень скоро захватили бы господство. Обѣщались не дѣлать никакого насилія переводомъ жителей кудабы-то ни было. До прибытія королевича, Делагарди принималъ на себя верховное управленіе Новгорода и Новгородской земли, а митрополитъ, воевода князь Одоевскій и другія власти должны были сообщать ему все, не скрывать ничего, заблаговременно увѣдомлять обо всемъ, что̀ услышатъ изъ Москвы и изъ другихъ русскихъ земель, не предпринимать ничего безъ его вѣдома, объявлять ему о всѣхъ доходахъ Новгородской земли, обо всѣхъ съѣстныхъ и военныхъ запасахъ, о денежной казнѣ, доставлять его войску все нужное, привести въ повиновеніе города̀ Орѣшекъ, Ладогу и другіе; всѣ жители обязаны были до-

ставлять деньги и припасы для войска, а за это Делагарди не позволитъ помѣщаться шведскому гарнизону въ городскихъ концахъ [1]).

Итакъ, сѣверная часть русской державы была силою отрѣзана отъ общей націи. Русскіе должны были убѣдиться, что искать царя между чужими принцами и просить помощи у чужихъ народовъ не слѣдуетъ. Отъ всѣхъ будетъ то же, что̀ отъ поляковъ. Сосѣди станутъ порицать поступки поляковъ, соболѣзновать объ участи русской державы, а когда имъ русскіе люди довѣрятся, то они будутъ съ ними дѣлать то же, что̀ поляки. Пришла пора окончательно убѣдиться, что негдѣ искать Руси выхода и избавленія, кромѣ самой себя.

IX.

Новый воръ.

Послѣ того, какъ Новгородская земля подпала подъ власть шведовъ, въ Псковской землѣ опять завелось воровское гнѣздо, и Псковъ сталъ также, какъ и Новгородъ, безполезенъ для дѣла освобожденія Руси отъ поляковъ. Еще весною, когда Делагарди только покушался на Новгородъ, въ Иванъ-городѣ появился новый Димитрій — воръ Сидорка, какъ его называютъ русскія лѣтописи; по другому извѣстію [2]), это былъ московскій дьяконъ изъ церкви за Яузою, по имени Матвѣй. Онъ прибѣжалъ изъ Москвы сначала въ Новгородъ; тамъ онъ не могъ прельстить никого; на рынкѣ узнали, кто̀ онъ. Изъ Новгорода онъ убѣжалъ въ Иванъ-городъ, и тамъ, 23-го марта, объявилъ, что онъ — спасенный Димитрій. Три дня поэтому звонили въ колокола и палили изъ пушекъ въ знакъ радости, а онъ разсказывалъ вымышленную исторію своего спасенія и свои чудесныя похожденія. Что̀ было въ сосѣдствѣ и въ Псковской землѣ казацкаго, — все это обрадовалось возрожденію Димитрія и спѣшило къ нему. Воръ завелъ переговоры со шведскимъ комендантомъ Нарвы — Филиппомъ Шедингомъ. Король, когда ему донесъ объ этомъ нарвскій комендантъ, послалъ Петрея, знавшаго лично перваго Димитрія, узнать, что̀ это за личность. Петрей удостовѣрился, что этотъ новый пройдоха не похожъ на прежнихъ. Тогда, по

---

[1]) О взятіи Новгорода см. 3-й Новгор. Лѣт. 264—266.

[2]) Новый Лѣт. 142.

приказанію короля, Делагарди запретилъ Шедингу сноситься съ нимъ [1]).

Казачество, сбѣжавшись къ вору въ Иванъ-городъ, собиралось везти его во Псковъ. Тогда Псковъ съ своей землей страдалъ отъ нападеній Литвы. Шесть недѣль въ мартѣ и въ апрѣлѣ, стоялъ подъ Печорами Ходкѣвичъ; отряды его разоряли земли. Послѣ семи приступовъ, Ходкѣвичъ отошелъ, чтобы везти припасы осажденнымъ въ Москвѣ соотечественникамъ. Но только-что изъ Псковской земли ушло войско Ходкѣвича, какъ пришла туда шайка Лисовскаго и стала опустошать въ конецъ и безъ-того уже разоренныя окрестности Пскова и Изборска. Псковскою областью правилъ дьякъ Луговскій, съ посадскими; воеводъ не было. Угрожаемые и отъ Литвы, и отъ шведовъ, и отъ своихъ русскихъ своевольныхъ людей подъ именемъ казаковъ, хотѣвшихъ ввести въ городъ новаго Димитрія, въ апрѣлѣ псковичи послали просить помощи и совѣта подъ Москву, къ воеводамъ русской земли. Челобитчики возвратились въ іюлѣ (4-го числа) съ граматами, которыхъ содержаніе вполнѣ неизвѣстно; но изъ нихъ было видно, что Москва не могла помочь отдаленной землѣ, когда сама нуждалась болѣе въ ея помощи, наравнѣ съ помощью отъ всѣхъ другихъ земель. 8-го іюля, явился подъ Псковомъ воръ съ своею шайкою и началъ забирать скотъ близъ города. Собирались къ нему новые охотники и цѣловали крестъ. Псковичи еще разъ послали къ главнымъ воеводамъ челобитье съ Никитою Вельяминовымъ; но воръ также послалъ подъ Москву атамана Герасима Попова и надѣялся найти себѣ подмогу въ казакахъ, готовыхъ признать всякаго обманщика подъ именемъ Димитрія. Воръ стоялъ подъ Псковомъ до 23-го августа [2]). Тутъ напали на Псковъ шведы съ покоренными уже ими новгородцами. Завладѣвши Новгородомъ, они объявляли притязаніе и на псковскую область, по прежней ея связи съ Новгородскою землею; притомъ, во Псковѣ была партія, приглашавшая шведовъ освободить ихъ отъ вора [3]). Испугавшись шведовъ, воръ ушелъ съ своею казацкою шайкою въ Гдовъ. Псковичи, освободившись отъ него, должны были защищаться теперь противъ новыхъ враговъ. Предводителемъ шведскаго отряда, въ 4,500 человѣкъ [4]), былъ Эдуардъ Горнъ, вмѣсто Делагарди, который тогда поѣхалъ къ своему королю. Онъ предложилъ Пскову сдаться

---

[1]) Videk. 232.

[2]) Псков. Лѣтоп. 329.

[3]) Видекиндъ, 280.

[4]) Тамъ же, 300.

и принять шведскій гарнизонъ. Охотниковъ покориться чужеземцамъ было мало. Псковъ отвергъ предложеніе. Горнъ началъ приступъ ко Взвозной башнѣ, стоявшей тамъ, гдѣ рѣка Псковa входитъ въ городъ. Поставили петарды, начали сперва удачно, вышибли Взвозные ворота; но потомъ французъ, зажигавшій петарду, закричалъ окружавшимъ. «Отступитесь!» (Retirez vous!). Это приняли за тревогу; воины, непонимавшіе французской команды, пустились бѣжать. Страхъ сообщился цѣлому войску; все пришло въ безпорядокъ. Горнъ, впослѣдствіи, жаловался, что офицеры дурно исполняли его распоряженія и, вообще, мало показывали храбрости и заботливости. Наступили осенніе дожди, дорога до Новгорода испортилась, а нарвскій комендантъ, Филиппъ Шедингъ, отъ зависти не оказывалъ Горну надлежащаго пособія. Это заставило Горна отступить прочь. Отошедши отъ Пскова, онъ пошелъ на вора и осадилъ его въ Гдовѣ. Сначала онъ писалъ къ нему мирное предложеніе, напоминалъ ему что не считаетъ его настоящимъ царемъ, а такъ какъ его признаютъ уже многіе, то шведскій король даетъ ему удѣлъ; онъ же пусть откажется отъ своихъ притязаній въ пользу шведскаго принца, котораго русскіе желаютъ въ цари. Воръ, разыгривая законнаго царя, съ презрѣніемъ отвергъ такую унизительную, для его царскаго достоинства, сдѣлку.

Казаки сдѣлали вылазку изъ Гдова, были отбиты, но чуть-чуть прорвались сквозь непріятеля назадъ съ своимъ царикомъ, а потомъ бѣжали изъ Гдова въ Иванъ-городъ. Воръ былъ раненъ. Но дѣла его поправилъ посланный подъ Москву Герасимъ Поповъ. Тамъ множество казаковъ провозгласило его царемъ, и двое изъ нихъ отправлено было во Псковъ: то были Иванъ Лазунъ Плещеевъ и Казаринъ Бѣгичевъ съ казацкимъ отрядомъ. Между тѣмъ, Псковской землѣ не было легче послѣ ухода шведовъ: Лисовскій, съ своею шайкою, опустошалъ Псковскую землю и доходилъ до Завеличья. Тогда псковичи готовы были уцѣпиться хоть за что-нибудь. Въ Псковѣ образовалась сторона за вора; нѣкоторые повѣрили въ тождество его съ первымъ, потому-что перваго никогда не видали; но большая часть пристала къ нему оттого, что псковичамъ черезъ чуръ мерзкимъ казалось чужое господство, хоть польское, хоть шведское, и они готовы были на время признать лучше вѣдомаго вора, лишь бы не какого-нибудь иноземнаго королевича. Такое настроеніе всего понятнѣе во Псковѣ, гдѣ, по вѣковому преданію, не терпѣли, вообще, всѣхъ тѣхъ, кого называли общимъ именемъ нѣмцевъ. Дали знать вору въ Иванъ-городъ; онъ съ небольшимъ отрядомъ

проскользнулъ, не попавшись въ руки шведовъ, и, 4-го декабря, явился въ Псковъ и былъ признанъ царемъ [1]).

X.

Месть казачества надъ земщиною. — Странствованіе Сапѣги за припасами. — Прибытіе его къ Москвѣ. — Отнятіе Водяныхъ воротъ у русскихъ. — Смерть Сапѣги. — Посольство къ королю. — Положеніе польскаго войска.

Смерть Ляпунова отразилась побѣдою стороны казацкой и пораженіемъ земской. Заруцкій сдѣлался главнымъ дѣятелемъ, отклонивши себя отъ явнаго участія въ гибели Ляпунова. Онъ хотѣлъ себя поставить такъ, какъ будто кровь Ляпунова не ложится на немъ; онъ былъ прежде начальникомъ выбранныхъ и остался имъ — не за-что было смѣнять его. Слабый Трубецкой дѣлалъ, думалъ и говорилъ то, чему его научалъ Заруцкій, а, впослѣдствіи, оправдывалъ свои поступки тѣмъ, что онъ все дѣлалъ неволею; и то была правда: его неволя была въ слабости его собственной воли и ума.

Началось гоненіе на дворянъ и дѣтей боярскихъ; Заруцкій отрѣшалъ ихъ отъ начальствъ въ ополченіи, ставилъ на ихъ мѣсто своихъ угодниковъ — атамановъ казацкихъ, жаловалъ послѣднимъ цѣлые города и волости, и не сдерживалъ никакого своевольства, лишь бы мирволить казацкой толпѣ и имѣть ее за собою. Но, избавивши поляковъ отъ Ляпунова, ни Заруцкій, ни его казаки, не пристали черезъ то къ полякамъ. Если казакамъ не хотѣлось порядка, какой желала водворить земщина, то не менѣе было имъ ненавистно панское могущество польскаго строя, который поляки и ихъ русскіе пособники хотѣли водворить въ Московскомъ государствѣ. Гонсѣвскій, узнавъ, что продѣлка съ Ляпуновымъ такъ счастливо удалась для него, думалъ-было сначала, что теперь-то на его сторону перейдетъ часть казаковъ и отдѣлится отъ ополченія, надѣялся, что найдутся измѣнники: онъ воспользуется этимъ. Его подручники-поляки разсыпались и въ казацкомъ ополченіи, и подговаривали казаковъ, чтобы они, какъ будутъ занимать башни Бѣлаго-города, покинули ихъ въ то самое время, когда поляки сдѣлаютъ вылазку, и, такимъ образомъ, Бѣлый-городъ достался бы снова во власть поляковъ. Гонсѣвскій разсчитывалъ и на раздоръ, который непремѣнно долженъ произойти въ русскомъ ополченіи, и ему удастся

---

[1]) Псков. Лѣтоп. 330.

въ суматохѣ выгнать русскихъ изъ обоза. Но случилось, что одинъ изъ служившихъ въ польскомъ войскѣ чужеземцевъ, которымъ, вообще, все равно было — что поляки, что москвитяне, ушелъ къ казакамъ и разсказалъ ихъ атаманамъ, что̀ дѣлается у нихъ въ войскѣ. Лазутчиковъ, посланныхъ для возмущенія казаковъ, схватили, пытали и, вынудивъ признаніе, посадили на колъ [1]).

Заруцкій былъ казакъ душою; ненавидя все польское, какъ и все земское московское, онъ ревностно продолжалъ начатое, какъ будто хотѣлъ доказать всей Руси, что со смертью Ляпунова дѣло народное не проиграло ничего, а, напротивъ, еще выиграло. Нѣсколько дней спустя послѣ убійства Ляпунова, принесли изъ Казани списокъ съ славной чудотвореніями казанской иконы Богородицы. Земскіе служилые люди пошли встрѣчать ее пѣшкомъ, казаки верхомъ. Тутъ казаки стали поносить земскихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ; и всѣ—говоритъ лѣтопись [2])—ожидали тогда на себя убійства, какое постигло Ляпунова. Но на другой день Заруцкій приказалъ бить тревогу — не на бѣду земскимъ людямъ, какъ они ждали, а на приступъ къ Дѣвичьему монастырю, который оставался еще во власти поляковъ. Тамъ было болѣе 200 нѣмцевъ, служившихъ въ польскомъ войскѣ, и четыреста казаковъ. Заруцкій двинулъ туда сначала понизовую силу, только-что пришедшую изъ Нижняго-Новгорода, изъ Казани и изъ странъ Нижняго Поволжья. Бились день и ночь. Нѣмцы оборонялись храбро, выдержали восемь приступовъ. Заруцкій двинулъ туда еще новыя силы. У осажденныхъ въ монастырѣ не стало пороха. Гонсѣвскій успѣлъ прислать туда двадцать казаковъ; у нихъ у каждаго было по мѣшку пороха, но его скоро изстрѣляли. Нѣмцы послали Заруцкому предложеніе выпустить ихъ живыми. Заруцкій обѣщалъ. Но какъ только они вышли, казаки, неуважавшіе, вообще, никакихъ договоровъ, бросились на нихъ и начали убивать. Не всѣхъ, однако, перебили. Вѣрно, предводителю удалось-таки остановить ихъ своевольство. Оставшихся въ живыхъ разослали по тюрьмамъ въ города, а нѣкоторыхъ Заруцкій оставилъ у себя въ таборѣ [4]) на случай, когда можно будетъ обмѣнять ихъ на русскихъ плѣнниковъ. Всѣхъ черницъ изъ Дѣвичьяго монастыря отослали во Владиміръ. Многихъ изъ нихъ, прежде отсылки, изнасиловали и всѣхъ ободрали [4]).

---

[1]) Мархоц. 225.
[2]) Никон. 168.
[3]) Krajewski.
[4]) Diar. Sapiehy. — Hist. Dm. falsz. Рук. Имп. П. Библ. № 33. Польск.

Въ числѣ черницъ были двѣ царскаго рода — королева ливонская, вдова Магнуса, дочь Владимира Андреевича, и дочь Бориса Годунова, Ксенія, въ монашествѣ Ольга. «Казаки — говоритъ одна современная грамата — ободрали ихъ до-нага, хотя прежде на нихъ и смотрѣть не посмѣли бы [1].»

Продолжалась месть казачества надъ побѣжденною земщиною. Тогда, по сказанію русскихъ лѣтописцевъ [2], дворяне, стольники, дѣти боярскіе, и всѣ, вообще, которые могли, по происхожденію и по прежнему своему положенію, быть названы людьми *честными*, терпѣли такія насилія и поруганія отъ казаковъ, что сами себѣ искали смерти. Заруцкій не давалъ земскимъ людямъ ни жалованья, ни корму; всѣ доходы, присылаемые изъ городовъ, обращались на однихъ казаковъ. Земскіе люди должны были содержать себя на свой счетъ; но Заруцкій лишалъ ихъ и такихъ средствъ: отбиралъ у нихъ помѣстья и отдавалъ атаманамъ. Такъ, въ Ярополчѣ, близъ Москвы, помѣщены были дѣти боярскіе, которые пришли изъ Вяземскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ, выгнанные оттуда поляками. Заруцкій приказалъ взять у нихъ помѣстья, изгнать оттуда ихъ семьи на голодную смерть, а земли ихъ роздалъ своимъ [3]. Отъ такихъ обидъ дворяне и дѣти боярскіе и, вообще, люди, принадлежавшіе земской сторонѣ, которой представителемъ былъ Ляпуновъ, бѣжали изъ табора и разносили по Руси ненависть и озлобленіе противъ казаковъ.

14-го августа, возвратился къ Москвѣ Сапѣга съ своею шайкою. Онъ странствовалъ съ нею мѣсяцъ. Вышедши изъ столицы 14-го іюля, сапѣжинцы въ эту же ночь напали на Братошинскій острожекъ, взяли его и перебили всѣхъ русскихъ, кого только тамъ нашли. Самый острожекъ былъ обращенъ въ пепелъ. 16-го іюля, сапѣжинцы напали на Александровскую слободу; тамъ сидѣлъ, съ своею шайкою, Просовецкій; завидѣвши Сапѣгу, этотъ предводитель такой же своевольной шайки, какими были его тогдашніе непріятели, ушелъ скоро къ Переяславлю; онъ боялся — говоритъ дневникъ сапѣжинцевъ — чтобы Сапѣга не предупредилъ его и не занялъ Переяславля [4]. Въ Александровской слободѣ было мало людей, способныхъ къ битвѣ. Ее взяли. Толпа женщинъ и дѣтей убѣжала на колокольницу, но сапѣжинцы стали громоздить бревна до оконъ и подложили

---

[1] С. Г. Гр. II. 285.
[2] Ник. 168. — Новг. Лѣт. 140.
[3] Новг. Лѣт. 140.
[4] Польск. рук. И. П. Библ. IV, № 33.

огонь; сидѣвшіе въ башнѣ сдались. Одна дѣвушка не хотѣла имъ сдаться: въ виду всѣхъ она перекрестилась, бросилась внизъ и убилась до смерти.

Изъ Александровской слободы сапѣжинцы пошли до Переяславля, 18-го іюля; Просовецкій заперся въ острогѣ. Переяславль не такъ легко можно было взять, какъ Александровскую слободу. Правда, сначала объявилось въ немъ много такихъ нехрабрыхъ, что поскорѣе сѣли въ лодки и дали тягу по озеру. Но Просовецкій съ казаками стойко отбилъ первое нападеніе. Сапѣжинцы заложили станъ подъ городомъ, бродили отрядами по околицѣ, а, въ началѣ августа, снялись и двинулись обратно въ Москву. Дѣло, за которымъ ходилъ Сапѣга, было сдѣлано: удальцы набрали запасовъ. Въ эти дни, думая навести страхъ и расположить къ повиновенію русскій народъ, они мучили и старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, отрѣзывали носы, уши, отрубливали руки и ноги, жарили людей на угольяхъ, обсыпали порохомъ и зажигали жилища, куда приходили. Толпы измученныхъ приходили нагишомъ и приползали въ Троицкій монастырь умирать, оставляя братіямъ русскимъ завѣтъ мщенія и ненависти къ польскимъ и литовскимъ людямъ — мучителямъ русской земли.

Сапѣжинцы приблизились къ Москвѣ въ такую пору, когда въ таборѣ, вслѣдствіе убійства Ляпунова, было торжество казаччины, а земскіе люди терпѣли поруганія отъ казаковъ и бѣжали изъ стана. Они напали на передовые отряды, находившіеся за станомъ, и начали ихъ гнать въ таборъ. По крикамъ и стрѣльбѣ, польское войско, сидѣвшее въ осадѣ, догадалось, что пришелъ Сапѣга, и обрадовалось: но теперь предстояла ему трудность пробиться черезъ непріятельскій станъ и провезти осажденнымъ въ Китай-городъ и Кремль возы съ запасами. Для этого нужно было, чтобы сидѣвшіе въ Москвѣ поляки сдѣлали, съ своей стороны, вылазку и напали на русскихъ въ то время, какъ Сапѣга, съ противоположной стороны, будетъ напирать на нихъ и пробиваться съ запасами.

Наступалъ праздникъ Успенія, торжествуемый поляками съ особенною честью. Шестнадцати хоругвямъ было назначено въ этотъ день сдѣлать вылазку изъ Китай-города. Надѣялись, что, въ то же время, сапѣжинцы будутъ поддерживать нападеніе съ поля. Два бернардина служили обѣдню, одинъ въ Кремлѣ, другой въ Китай-городѣ: оба говорили жолнѣрамъ утѣшительныя рѣчи, и предрекали, что Божія Матерь ознаменуетъ день своего перехода изъ міра въ небесныя жилища оказаніемъ помощи католикамъ противъ отщепенцевъ.

Еще не кончилось богослуженіе, какъ стражи замѣтили, что Сапѣга удаляется съ своего мѣста, гдѣ стоялъ, противъ Тверскихъ воротъ, и двигается къ Дѣвичьему монастырю. Такъ какъ знали, что Сапѣга сегодня можетъ поступить наперекоръ тому, что дѣлалъ вчера, то поляки сначала побаивались, не хочетъ ли онъ оставить своихъ и удалиться прочь, но, къ ихъ утѣшенію, оказалось не то. Сапѣга, оставивъ часть своего отряда въ 500 человѣкъ, съ остальною въ 3,000 человѣкъ, послалъ Руцкаго мимо Дѣвичьяго монастыря. Они ударили на одни ворота Бѣлаго-города: не удалось; перешли къ другимъ — и тамъ отбили ихъ русскіе. Тогда сапѣжинцы, на пространствѣ между Дѣвичьимъ монастыремъ и городомъ, бросились вплавь черезъ Москву-рѣку, проскочили на другой сторонѣ между острожками, которые на Замоскворѣчьи надѣлали себѣ русскіе; ратныхъ людей тамъ было мало, и тѣ не ждали нападенія; изъ перваго острожка они разбѣжались. Сапѣжинцы не стали удерживать за собою острожка, бросились ко рву, забросали его щебнемъ, хворостомъ, деревомъ, перешли черезъ него на лошадяхъ, и потомъ кинулись опять вплавь черезъ рѣку на прежнюю сторону. Они хотѣли прорваться въ Кремль. Въ Кремлѣ и Китай-городѣ ударили въ колокола на тревогу. Поляки высыпали оттуда въ Бѣлый-городъ и напали на Водяные ворота, извнутри города, въ то время, какъ изъ войска Сапѣги Борковскій, съ восемьюдесятью нѣмцевъ и пахолковъ, напалъ на тѣ же ворота извнѣ. Стѣсненные съ двухъ сторонъ, русскіе, державшіе тамъ стражу, убѣжали къ башнѣ съ пятью верхами, но и тамъ не устояли. Поляки, овладѣвши Водяными воротами и Пяти-угольною башнею, повернули на Чертольскіе ворота, сбили русскихъ со стѣнъ, вломились въ Чертольскіе ворота. Потомъ, ободренные поляки изъ Кремля усилили вылазку, напали на Арбатскіе ворота. Здѣсь не такъ легко имъ посчастливилось, какъ у Чертольскихъ. Часть караула убѣжала, но за-то восемьдесятъ молодцовъ засѣли въ башнѣ и поражали оттуда нападавшихъ; потерявъ нѣсколько товарищей, поляки оставили Арбатскіе ворота и бросились на Никитскіе. Ихъ взяли сначала легко. Но, потомъ, русскіе нахлынули, отбили ворота; драка была сильная. Передъ солнечнымъ закатомъ поляки опять завладѣли Никитскими воротами. Наступила ночь. Не дождавшись отъ Гонсѣвскаго на смѣну другого караула ко взятымъ воротамъ, поляки разложили на башнѣ и около стѣны огни, чтобы русскимъ показывалось, что ворота заняты, а сами всѣ ушли. Эта хитрость удалась. Русскіе не пытались больше отнять у поляковъ Никитскіе ворота. За-то и русскіе, такимъ же образомъ, провели поляковъ, оставивши у Тверскихъ воротъ

только двадцать человѣкъ, и поляки не смѣли напасть на нихъ, думая, что тамъ людей много.

Отнятіе воротъ дозволило Сапѣгѣ ввести въ Кремль возы, нагруженные запасами. Тогда самолюбивый полководецъ достигъ самой высокой чести. Его послѣдній подвигъ считался героическимъ дѣломъ, которое, думали, увѣковѣчитъ его имя въ исторіи, но тѣмъ самымъ онъ дѣлался высокомѣрнѣе, а его войско своевольнѣе и требовательнѣе. Сапѣжинцы заволновались, домогались уплаты, а такъ какъ ее дать было невозможно, то составили коло и постановили ждать только до 15-го сентября, а потомъ идти въ Польшу. Сапѣга стоялъ обозомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ; хоть онъ и дѣйствовалъ за-одно съ Гонсѣвскимъ, но не только ему, — никому въ свѣтѣ не хотѣлъ повиноваться, никого не считалъ выше себя, ничѣмъ не хотѣлъ быть связаннымъ, никакого долга не признавалъ—хотѣлъ быть вполнѣ вольнымъ человѣкомъ, самъ по себѣ. Поляки должны были благодарить его, превозносить, да, въ то же время, и побаивались: онъ могъ легко очутиться и союзникомъ Заруцкаго. При посредствѣ Валавскаго (вѣроятно, того, что̀ былъ когда-то канцлеромъ тушинскаго вора), у Сапѣги завязались-было переговоры съ Заруцкимъ. Самъ Сапѣга выѣзжалъ къ нему на разговоръ. Казаки предлагали какія-то статьи, которыхъ Сапѣга не принялъ; тѣмъ переговоры и кончились [1]). Въ концѣ августа, онъ заболѣлъ, и это заставило его пріѣхать въ Кремль для спокойствія и удобства. Болѣзнь оказалась не пустою. Съ 14 на 15 сентября, въ 4 часа утра, скончался храбрый вождь, поручивъ передъ смертью свое войско пану Будзилу. О смерти его на Руси осталось такое преданіе: во время осады Троицы, Сапѣга, дѣлая походы по окрестностямъ, пріѣхалъ съ отрядомъ въ Борисоглѣбскій монастырь на рѣкѣ Устьѣ, гдѣ спасался тогда преподобный Иринархъ, отшельникъ, который даже при жизни славился святостью и духомъ прорицанія. Говорили, что, вначалѣ царствованія Шуйскаго, онъ предрекъ бѣду, постигшую послѣ него русскую землю. Сапѣга вошелъ къ нему, сказалъ: «Благослови батько!» Святой принялъ его ласково, благословилъ и далъ ему совѣтъ тотчасъ оставить воровскія дѣла и удалиться въ отечество; если же онъ будетъ оставаться и держать сторону враговъ Руси, то смерть его внезапно настигнетъ прежде окончанія дѣла, и онъ не увидитъ своей родины. Такъ теперь и сталось.

Со смертью Сапѣги, его войско, сдерживаемое прежде волею полководца, должно было сдѣлаться необузданнѣе. Была у

1) Życ. Sap. II, 193.

поляковъ надежда на прибытіе гетмана Ходкѣвича, о которомъ писалъ король въ Москву еще 26 августа [1]), но Ходкѣвичъ медлилъ долго въ Шкловѣ [2]), ожидая сбора полковъ, и потомъ шелъ медленно. У него было только тысячи три, и не прежде, какъ подъ Бѣлой, присталъ къ нему Станиславъ Конецпольскій съ 1,300 конныхъ изъ того войска, что̀ осаждало Смоленскъ; а тѣмъ временемъ, его сторонники, между сидѣвшими въ кремлевской осадѣ, возбуждали войско противъ Гонсѣвскаго и твердили: «Ненадобно совершать ничего важнаго. Зачѣмъ давать славу Гонсѣвскому и отнимать ее у гетмана!» И, такимъ образомъ, распространилось непослушаніе къ Гонсѣвскому.

Между тѣмъ, припасовъ, привезенныхъ Сапѣгою, не достало бы на долгое время. Жолнѣрамъ не платили жалованья, а только обѣщали; король не присылалъ сына и какъ будто забылъ о подданныхъ, которые берегли для него столицу завоеваннаго государства. Отвсюду доходили до поляковъ, сидящихъ въ Кремлѣ, слухи, что московскій народъ ожесточенъ до крайности и рѣшился, такъ или иначе, устроить свою судьбу, но полякамъ не поддаться. Даже тѣ русскіе, что̀ сидѣли съ поляками въ осадѣ, не сдерживали своего ропота. Когда подъ Смоленскомъ посолъ отъ сидѣвшаго въ Москвѣ польскаго гарнизона просилъ у короля Сигизмунда уплаты жалованья, король далъ отвѣтъ, что предоставляетъ въ уплату этому войску казну русскихъ царей, пока ея станетъ. Но русская казна, уже безъ того обобранная, не могла своими остатками на долгое время поддерживать гарнизонъ. Въ послѣднее передъ тѣмъ время, денегъ уже не доставало; бояре выдавали полякамъ мѣха изъ царскихъ кладовыхъ; на нихъ трудно было полякамъ купить хлѣба, а щеголять въ соболяхъ голодному было не подстать. Притомъ же, не ладно шелъ дѣлежъ этого жалованья у жолнѣровъ. Выбраны были депутаты, которые должны были оцѣнивать мѣха и раздавать ихъ такъ, чтобы приходилось суммою въ 30 злотыхъ на каждаго коннаго товарища. Эти депутаты плутовали, обрѣзывали хвостики и удерживали ихъ себѣ, или продавали боярамъ, а мѣха безъ хвостиковъ цѣнили какъ бы съ хвостиками, когда послѣдніе считались цѣннѣе самыхъ спинокъ [3]).

Въ такомъ положеніи войско отправило пословъ на сеймъ— требовать уплаты жалованья и скорѣйшаго окончанія дѣла. Оно заявило, что намѣрено терпѣть только до 6 января, а потомъ

---

[1]) С. Г. Гр. II, 531.
[2]) Hist. Jana Kar. Chodk. 291.
[3]) Mackiew. Pamiętn. 64.

пусть себѣ король Сигизмундъ приготовляетъ другія военныя силы для удержанія покоренной столицы. Отправили особо съ ними пословъ къ королю и сапѣжинцы, просили себѣ въ назначенный срокъ уплаты четырехъ старыхъ и двухъ новыхъ четвертей; просили о покровительствѣ семейству умершаго своего предводителя.

Посламъ отъ войска, сидѣвшаго въ Кремлѣ, дали порученіе разослать по всѣмъ землямъ Рѣчи-Посполитой протестаціи, гдѣ описывалось печальное положеніе войска, державшаго Москву: неуплата жалованья, невозможность противостоять многочисленному непріятелю; заявлялось передъ польской націей, что безчестіе не должно падать на войско, въ случаѣ, если ему придется самовольно уйдти изъ столицы. Требованія сапѣжинцевъ для многихъ показались до крайности несправедливыми. Сапѣжинцы служили прежде не королю, какъ сидѣвшіе въ осадѣ, а вору и себѣ самимъ; притомъ же, въ Польшѣ знали, что у Сапѣги было сношеніе съ московскимъ ополченіемъ не въ пользу польскаго короля. Сапѣжинцы оправдывались и объясняли, что это сношеніе вели не они, а ихъ покойный предводитель, который ихъ увѣрялъ, будто ему далъ на то право самъ король. Сверхъ того, они лгали, увѣряя, будто не получали никакого жалованья, когда за нѣсколько недѣль подъ Москвою уже взяли одиннадцать четвертей.

Разомъ съ этимъ посольствомъ, отправились новые послы къ королю и отъ московскихъ бояръ. Это было сдѣлано по приказанію короля, непризнававшаго послами прежнихъ. Но когда они съ послами польскаго гарнизона доѣхали до Вязьмы, то встрѣтили Ходкѣвича. Гетманъ хотѣлъ воротить назадъ это посольство какъ отъ поляковъ, такъ и отъ московскихъ бояръ; онъ находилъ, что смыслъ этого посольства былъ неумѣстенъ и не приходился къ волѣ короля. Польскіе послы не послушались его, и потому, что они были поляки, а онъ гетманъ литовскій,—и потому еще, что поляки всегда считали себя вправѣ относиться къ высшему правительству мимо ихъ непосредственнаго начальства. Московскіе люди, напротивъ, привыкшіе къ повиновенію, почувствовали себя на этотъ разъ въ необходимости послушаться вельможнаго пана, когда онъ на нихъ прикрикнулъ, и вернулись въ Москву; но бояре въ Москвѣ рѣшили, что посольство снаряжено по волѣ короля, что нечего слушаться литовскаго гетмана, и опять отправили ихъ [1]). Отправленному въ это по-

---

[1]) Эти вторичные послы, снаряженные на сеймъ, были: Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Юрій Никитичъ Трубецкой, и думный дьякъ Яновъ, съ товарищи.

сольство Салтыкову, съ братіею, было кстати избѣжать неминуемой бѣды, которая постигла бы его въ Москвѣ, если бы русскіе выгнали оттуда поляковъ. Въ граматахъ, которыя это посольство повезло къ королю, къ Владиславу и сенаторамъ Рѣчи-Посполитой, не посмѣли, какъ прежде, написать имени патріарха противъ его ясной воли, хоть и поставили имя всего освященнаго собора; первымъ членомъ собора назвали Арсенія, архангельскаго епископа; это былъ захожій грекъ, нѣкогда славный заведеніемъ школъ въ южной Руси. Онъ названъ въ граматахъ архангельскимъ оттого, что отправлялъ богослуженіе въ Архангельскомъ соборѣ. Давали видъ, будто граматы посылаются по совѣту всѣхъ думныхъ и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства. Бояре не раздѣляли уже короля отъ его сына въ дѣлѣ царскаго избранія. Въ граматахъ къ королю былъ такой смыслъ, что они дали уполномочіе посламъ бить челомъ отъ государства не одному Владиславу, но его королевской милости и сыну его, а въ граматахъ къ сенаторамъ просили, чтобы король, вмѣстѣ съ сыномъ, и самъ прибылъ въ Московское государство. Ясно показывалось, что бояре должны были писать и говорить то, что имъ поляки приказывали. Это посольство опоздало на сеймъ.

IX.

Шиши. — Казанское воззваніе. — Ходкѣвичъ подъ Москвою. — Стычки. — Отступленіе Ходкѣвича. — Конфедераты. — Битва съ шишами. — Бѣдствіе Руси. — Лихолѣтье.

Послѣ того, какъ поляки отняли у русскихъ часть Бѣлагорода, нѣсколько времени съ русской стороны не было покушеній. Неурядица сильнѣе терзала русское войско: таборъ рѣдѣлъ; недовольные казацкимъ управленіемъ земскіе люди уходили толпами. Но какъ ни велико было у русскихъ разстройство, передачи на польскую сторону не было. Бѣглецы изъ табора составляли шайки, но нападали не на своихъ недруговъ русскихъ, а на поляковъ, шатавшихся по околицамъ, наскакивали на нихъ изъ лѣсовъ и овраговъ. Вѣсть о томъ, что скоро придетъ новая сила на помощь къ осажденнымъ въ Москвѣ, вызывала такой образъ войны: нужно было не допустить къ столицѣ и свѣжихъ силъ, и продовольствія. Такія шайки получили въ то время названіе шишей, конечно, насмѣшливое прозвище, но оно скоро стало повсемѣстнымъ и честнымъ. Люди всякаго званія, дворяне, дѣти боярскіе, не находившіе себѣ мѣста въ таборѣ подъ Мо-

свою, посадскіе крестьяне, лишенные крова,—шли въ эти шайки и скитались по лѣсамъ, претерпѣвая всяческія лишенія и выжидая непріятеля.

Между тѣмъ, по близкимъ и далекимъ краямъ русскаго міра пронеслось извѣстіе о плачевной смерти Ляпунова, опечалило всю земщину, вооружило противъ казаковъ, но не привело въ отчаяніе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани, на Поволжьѣ укрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ на единодушную борьбу противъ поляковъ. Изъ Казани писали въ Пермь, что услышавъ, какъ казаки убили промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ, Прокопія Петровича Ляпунова, митрополитъ и всѣ люди казанскаго государства съ татарами, чувашами, черемисами, вотяками, въ согласіи съ Нижнимъ-Новгородомъ, съ поволжскими городами, постановили: стоять за Московское и Казанское государства, другъ друга не грабить, не перемѣнять воеводъ, дьяковъ и приказныхъ людей, не принимать новыхъ, если имъ назначатъ, не впускать къ себѣ казаковъ, выбирать государя всею землею россійской державы, и не признавать государемъ того, кого выберутъ одни казаки. Такимъ образомъ, казачество хоть и уничтожило главнаго своего противника, но не въ силахъ было захватить господства на Руси; противъ него тотчасъ же становилась грудью вся сила русской земщины [1]).

Само казачество, какъ ни было враждебно къ земщинѣ, не переставало давать чувствовать свою вражду къ полякамъ. Послѣ того, какъ поляки отправили посольство къ королю, 23 сентября,—казаки, въ восточной сторонѣ Бѣлаго-города, пустили въ Китай-городъ гранаты; при сильномъ вѣтрѣ сдѣлался пожаръ и распространился съ такой быстротой, что не было возможности тушить его. Поляки поспѣшили перебраться въ Кремль. Многое изъ ихъ пожитковъ не могло быть спасено и перевезено, и сгорѣло, а между тѣмъ, другъ у друга они похищали добро. Это событіе если не передало Китай-города русскимъ, все-таки сильно стѣснило ихъ враговъ. Они не могли жить въ Китай-городѣ, хоть и владѣли еще пространствомъ его; но кромѣ каменныхъ стѣнъ, да лавокъ, да церквей — все тамъ превратилось въ пепелъ. Въ Кремлѣ пришлось полякамъ жить въ большей тѣснотѣ; въ добавокъ, ихъ обезпокоило такое происшествіе: когда они размѣстились въ Кремлѣ, — за недостаткомъ жилищъ, нѣкоторые думали жить въ погребахъ, и человѣкъ восемнадцать заняли какой-то погребъ, а въ немъ прежде былъ порохъ, и никто его не выметалъ съ тѣхъ поръ. Ротмистръ Рудницкій

---

[1]) Собр. Гос. Гр. II, 562.

сталъ осматривать свое новое жилище, а слуга несъ свѣчу: искра упала, и погребъ подняло на воздухъ, и люди пропали. Послѣ того никто не осмѣливался жить въ погребахъ и разводить тамъ огонь.

Въ началѣ октября, Ходкѣвичъ, приближаясь къ Москвѣ, отправилъ впередъ Вонсовича съ 50-ю казаковъ извѣстить Гонсѣвскаго. Но всѣ окрестности столицы, верстъ на 50, были наполнены бродячими шайками шишей. Они напали на отрядъ Вонсовича, разсѣяли его, многихъ побили. Самъ Вонсовичъ чуть спасся. Однако, онъ извѣстилъ осажденныхъ земляковъ, что къ нимъ идетъ на выручку литовскій гетманъ. На встрѣчу ему послали ротмистра Маскѣвича съ отрядомъ. Шиши напали на него среди бѣла дня и разграбили. Маскѣвичъ разсказываетъ, что, оберегая свои драгоцѣнности, доставшіяся ему по дѣлежу изъ московской казны, онъ сложилъ богатыя персидскія ткани, собольи и лисьи мѣха, серебро, платье, въ кошель для овса, и привязалъ его на спину коня, на которомъ сидѣлъ его пахолокъ и неотступно слѣдовалъ за своимъ паномъ. Шиши отняли этотъ кошель, да еще, въ добавокъ, увели у Маскѣвича четырнадцать лошадей; изъ нихъ однѣ были строевыя, я другія запрягались въ возы: за каждымъ шляхтичемъ въ походѣ всегда шло нѣсколько возовъ съ его пожитками, которые пробавлялись грабежемъ. «Все досталось шишамъ, и остался я — говоритъ Маскѣвичъ — съ рыжею кобылою, да съ чалымъ мериномъ.» Въ Кремлѣ, куда онъ воротился, его ожидало новое горе. Его пахолокъ укралъ у него ларецъ, гдѣ сложена была другая половина его драгоцѣнностей, и ушелъ служить русскимъ. Такъ-то легко улетало отъ поляковъ добытое въ Московской опустошенной землѣ.

Ходкѣвичъ подошелъ къ Москвѣ 4 октября[1]) и сталъ у Андроньева монастыря станомъ. Радость, которую предощущалъ гарнизонъ, думавшій видѣть сильную помощь, внезапно пропала, когда поляки узнали, съ какими малыми силами пришелъ литовскій гетманъ. Возникли важныя неудовольствія. Ходкѣвичъ, какъ главный полководецъ, посланный королемъ, сталъ наказывать за проступки, учиненные военными людьми. Онъ объявилъ, что не хочетъ держать подъ своей булавой разныхъ негодяевъ, и прогонялъ ихъ изъ обоза. Это были, преимущественно, ливонскіе нѣмцы. Въ отмщеніе, они подстрекали противъ гетмана товарищей подъ самымъ чувствительнымъ предлогомъ: «Ходкѣвичъ, прежде, чѣмъ взыскивать и наказывать — кричали они — долженъ былъ бы привезти вамъ всѣмъ жалованье и запасы!»

---

[1]) Krajewski.

Въ добавокъ, полковникъ Струсь, родственникъ Якуба Потоцкаго, соперника Ходкѣвича, доказывалъ, что Ходкѣвичъ — литовскій гетманъ, а въ Москвѣ войско коронное, и потому онъ надъ нимъ не имѣетъ права распоряжаться. Отъ такихъ подущеній все войско заволновалось. Стали составлять конфедерацію. Ходкѣвичъ, чтобы занять войско, объявилъ, что идетъ на непріятеля. У поляковъ случалось, что между собой они не ладятъ, а какъ нужда имъ явится идти на непріятеля, то оставляютъ свои недоразумѣнія и идутъ на общаго всѣмъ имъ врага. И теперь они повиновались. 10 октября, Ходкѣвичъ поручилъ лѣвое крыло Радзивиллу, а правое Станиславу Конецпольскому; самъ принялъ начальство надъ срединою, и двинулся на непріятеля. Въ задней сторонѣ у него были сапѣжинцы. Русскіе вышли противъ него, но побившись немного, ушли за развалины печей домовъ, и оттуда стали стрѣлять въ непріятеля. У Ходкѣвича войско было конное, негдѣ было развернуться лошадямъ; когда оно бросилось-было на русскихъ, тѣ выскакивали изъ-за печей, поражали поляковъ и литовцевъ выстрѣлами, а сами тотчасъ опять укрывались за развалинами [1]). Ходкѣвичъ отступилъ. Русскіе считали за собою побѣду. Гетманъ сталъ обозомъ тамъ, гдѣ стояли сапѣжинцы, на западной сторонѣ, между городомъ и Дѣвичьимъ монастыремъ.

Было еще нѣсколько незначительныхъ стычекъ, неудачныхъ для поляковъ. Наконецъ, перестали сходиться. Казаки въ своихъ таборахъ не тревожили Ходкѣвича, а Ходкѣвичъ не трогалъ казаковъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Гетманъ стоялъ съ войскомъ своимъ лагеремъ у Краснаго села. У него шли переговоры съ гарнизономъ. Сначала, показавши начальническую строгость, Ходкѣвичъ долженъ былъ сдѣлаться мягче. Жолнѣры начали требовать, чтобы ихъ перемѣнили. «Вотъ, пришло новое войско — представляли они — пусть же оно займетъ столицу, а насъ слѣдуетъ выпустить. Мы уже и такъ стоимъ въ чужой землѣ больше года, теряемъ жизнь и здоровье, терпимъ голодъ. Мѣшокъ ржи стоитъ дороже мѣшка перцу; голодныя лошади прогрызаютъ дерево, а искать травы для нихъ приходится за непріятельскимъ обозомъ, да притомъ теперь осень, и травы нигдѣ не найдешь! Москва хватаетъ у насъ безпрестанно челядь; а главное — не платятъ намъ жалованья; мы служимъ даромъ. Возьми, панъ гетманъ, Москву на себя, а насъ отпусти.» Ходкѣвичъ доказывалъ имъ, что честь воина, долгъ вѣрности своему государю и слава требуютъ, чтобы тѣ, которые начали дѣло, довели

[1]) Krajewski.

его до конца. Подождите, пока сеймъ въ Польшѣ окончится — говорилъ онъ — король съ королевичемъ скоро къ вамъ прибудутъ.» Жолнѣры этимъ не успокоивались. Много дней прошло въ спорахъ. Гетманъ, наконецъ, порѣшилъ такъ: тѣ, которые не захотятъ оставаться въ стѣнахъ Москвы, за недостаткомъ припасовъ для многолюднаго гарнизона, пусть выступаютъ изъ столицы вмѣстѣ съ нимъ собирать запасы по Московскому государству, а тѣ, которые пожелаютъ остаться въ Москвѣ, получатъ за это, сверхъ жалованья обыкновеннаго, еще прибавочное, за стѣнную службу, товарищамъ по 20 злотыхъ, а пахолкамъ по 15 въ мѣсяцъ. Но это было только на словахъ: на самомъ дѣлѣ выплатить жалованье было не легко; для этого нужно было, по опредѣленію сейма, собрать въ польскомъ государствѣ деньги; а польское королевство не считало тогда законнымъ принимать на себя издержки по московскому дѣлу. Въ Польшѣ было тогда такое общее мнѣніе, что издержки для войска, занявшаго Москву, должны выплачиваться изъ московской казны, а не изъ польской; но изъ московской казны уже нельзя было вытянуть наличныхъ денегъ. Жолнѣрамъ ждать надоѣло, и они указывали на послѣднее средство, — на сокровища царскія. «У бояръ въ царской казнѣ — говорили поляки — много богатыхъ одеждъ, золотой и серебрянной посуды, дорогіе столы и стулья, золотые обои, вышитые ковры, кучи жемчугу.» Ихъ соблазняли и дорогіе ковчеги со мощами. «Они — говоритъ одинъ изъ нихъ [1]) — хранятся подъ сводомъ длиною сажень въ пять, и сложены въ шкапы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка, съ золотыми ящиками, а на концахъ подъ ними надписи: какія мощи положены; да еще есть особо такихъ же два шкафа съ золотыми ящиками.» Этого добивались поляки. Но бояре упорно стояли не только за ящики со святынею, не хотѣли даже отдавать царскихъ одеждъ и утвари, говорили, что они не смѣютъ этого тронуть до пріѣзда королевича, что эти вещи необходимы для торжества царскаго вѣнчанія. Бояре согласились дать имъ кое-что въ залогъ, съ обѣщаніемъ въ скоромъ времени выкупить, выплативъ деньгами, но и то опредѣлили на это такія вещи, которыя принадлежали царямъ, не оставившимъ воспоминанія о своей законности; то были двѣ царскія короны — одна Годунова, другая — названаго Димитрія; богатое, осыпанное дорогими каменьями гусарское сѣдло послѣдняго царя; царскій посохъ изъ единорога, осыпанный бриллiантами, да еще два или три единорога. Это нѣсколько успокоило на время жолнѣровъ. Тысячи три ихъ оста-

[1]) Pamiętn. Mackiew. 70.

лось въ городѣ съ Гонсѣвскимъ. Лошадей своихъ они передали товарищамъ, которые предпочли ходить за продовольствіемъ по Московской землѣ. Приманкою для тѣхъ, которые рѣшились еще терпѣть тяжелую службу въ Москвѣ, была надежда — въ крайности расхватать царскія сокровища. Кромѣ товарищей, оставлено было въ городѣ челяди гораздо болѣе, чѣмъ самыхъ товарищей; да и тѣ, которые пошли на поиски, оставили слугъ въ Кремлѣ съ имуществами, а сами отправились налегкѣ, надѣясь скоро вернуться. Въ заключеніе, всѣ объявили гетману, что они соглашаются служить только до 6 января 1612 года[1]), и если король не перемѣнитъ ихъ свѣжимъ войскомъ, они будутъ считать себя уволенными и вправѣ уйдти въ отечество.

28-го октября, гетманъ попрощался съ оставшимися, и двинулся къ Рогачеву. Путь его былъ не легокъ; сдѣлался падежъ на лошадей, осталось у него не болѣе 1,500 конныхъ, которые терпѣли отъ грязи, осенней мокроты, недостатка въ пищѣ, въ одеждѣ. Случалось, что обозовые должны были на грязной дорогѣ покидать возы съ имуществомъ, потому-что нечѣмъ было вытаскивать ихъ изъ грязи. Если бы—говорили современники—непріятель догадался и напалъ на нихъ, то не только разбилъ, живьемъ бы всѣхъ забралъ[2]). Гдѣ было сто лошадей, тамъ остался какой-нибудь десятокъ. Сапѣжинцы особо пошли къ Волгѣ, собирать запасы и доставлять гетману, а тотъ долженъ былъ отправлять ихъ въ Москву. Польскій современникъ разсказываетъ, что когда поляки подошли къ Волгѣ, то русскіе бросали въ Волгу восковыя свѣчи, чтобы рѣка не замерзала; но поляки накидали соломы и полили водою: она затвердѣла, и они переправились. Но теперь уже нельзя было полякамъ разгуливать по Руси такъ, какъ прежде. Толпы шишей вездѣ провожали ихъ и встрѣчали, отнимали награбленное и не допускали до грабежа. Такъ, 19-го декабря, изъ отряда подошедшихъ къ Волгѣ, Каминскій хотѣлъ-было напасть на Суздаль; шиши отбили его. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Зезулинскаго, 22-го ноября былъ разбитъ на-голову подъ Ростовомъ; самъ предводитель попалъ въ плѣнъ. Отъ этого сборъ запасовъ не могъ идти скоро, а въ Кремлѣ, между тѣмъ, стала уже большая дороговизна: кусокъ конины, которою должны были, по необходимости, кормиться, стоилъ мѣсячнаго жалованья товарищей, 20 злотыхъ, солонины 30 злотыхъ, четверть ржи 40 злотыхъ, кварта польской водки 12 злотыхъ. По 15 грошей продавали сороку или ворону, а по

[1]) Hist. J. Kar. Chodkiew. VI, 12.
[2]) Krajewski.

10 грошей воробья. Уже были примѣры, что жолнѣры дѣтей ѣли. Гетманъ не могъ отправить имъ запасовъ ранѣе 18-го декабря. Отряду въ семь сотъ человѣкъ, который повезъ въ Москву эти запасы, на каждомъ шагу приходилось отбиваться отъ шишей, которые отнимали возы. Маскѣвичъ, бывшій въ этомъ отрядѣ, говоритъ, что онъ одинъ потерялъ пять возовъ. Въ добавокъ, настали жестокіе морозы. До 300 человѣкъ, а по другому извѣстію до 500 [1]), замерзли въ дорогѣ. Изъ нихъ были поляки и русскіе, служившіе полякамъ; многіе отморозили себѣ руки и ноги. Самъ предводитель приморозилъ себѣ пальцы на рукахъ и на ногахъ. «Бумаги не стало бы — говоритъ современный дневникъ польскій — если бы начать описывать бѣдствія, какія мы тогда перетерпѣли. Нельзя было разводить огня, нельзя было на минуту остановиться — тотчасъ откуда ни возьмутся шиши; какъ только роща, такъ и осыпятъ насъ они. Сильный морозъ не давалъ брать въ руки оружія. Шиши отнимали запасы и быстро исчезали. И вышло то, что, награбивши много, поляки привезли въ столицу очень мало.»

Наступилъ срокъ, по который они обѣщались служить. Со стороны короля не видно было сильныхъ мѣръ къ окончанію дѣла. Жолнѣры подъ Рогачевымъ стали составлять конфедерацію. Въ военныхъ нравахъ того времени, это были узаконенные общимъ мнѣніемъ заговоры противъ правительства; недовольные неуплатой жалованья отрекались отъ повиновенія установленному начальству, сами выбирали другихъ начальниковъ, сами произвольно пріискивали средства вознаградить себя, нападали на королевскія имѣнія, расписывали и сбирали съ нихъ доходы, при этомъ дозволяли себѣ насилія надъ жителями, и, вообще, становились вооруженною силою противъ закона и государственнаго порядка. Подъ начальствомъ выбранныхъ по своему желанію предводителей, мятежные жолнѣры самовольно двинулись къ Москвѣ для соединенія и совѣщанія съ тѣми, которые сидѣли въ осадѣ. На пути, то-и-дѣло, что безпокоили ихъ шиши. Ходкѣвичъ шелъ за ними вслѣдъ. Они дошли до столицы. Здѣсь, 14 января, въ согласіи съ сидѣвшими въ Кремлѣ, составилось генеральное коло. Образовалась окончательно конфедерація. Выбрали маршаломъ ея Іосифа Цѣклинскаго. Стали сдавать покоренную столицу Ходкѣвичу. Литовскій гетманъ отрекался и доказывалъ, что у него недостаточно войска для того, чтобы удержать Москву. Онъ не надѣялся на скорую помощь отъ короля, хотя и манилъ ею другихъ. Онъ разсчитывалъ, что неблагора-

---

[1]) Krajewski.

зумно принимать на свою шею чужія ошибки. У поляковъ вчастую такъ дѣлалось: заупрямятся, нашумятъ, надѣлаютъ предположеній, а потомъ поддадутся убѣжденіямъ и покорятся сильной волѣ. Такъ и теперь случилось. Ходкѣвичъ уговорилъ ихъ подождать до 14-го, по другимъ [1]) до 19-го марта; къ этому времени онъ обѣщалъ непремѣнно перемѣнить ихъ. Тѣмъ, которые согласились остаться въ столицѣ, Ходкѣвичъ обѣщалъ по 30 злотыхъ. Въ это время, сапѣжинцы подвезли запасовъ кремлевскому гарнизону. Это содѣйствовало успокоенію. Часть войска осталась въ Кремлѣ и Китай-городѣ; къ ней присталъ отрядъ сапѣжинцевъ подъ начальствомъ Стравинскаго и Будзила; другая пошла сбирать запасы по Московской землѣ. Струсь и князь Корыцкій ушли въ отечество.

Конфедерація не распустилась. Конфедераты въ своемъ новосоставленномъ порядкѣ пошли разомъ съ Ходкѣвичемъ сбирать запасы, но отдѣльно отъ него. Гетманъ сталъ въ селѣ Ѳедоровскомъ, недалеко отъ Волока-Ламскаго. Конфедераты стали отъ него верстахъ въ пятидесяти, между Старицею, Погорѣлымъ Городищемъ и Волокомъ: всѣ эти города находились во власти у русскихъ. Поляки за продовольствіемъ выходили изъ своихъ становъ отрядами, и нападали на русскія селенія, но снѣга въ тотъ годъ были такъ велики, что люди съ лошадьми проваливались; полякамъ приходилось, идя конницею, впереди себя приказывать разчищать дорогу, а шиши то-и-дѣло нападали на нихъ со всѣхъ сторонъ, отнимали возы и людямъ наносили удары, быстро исчезали, потомъ, когда нужно, опять появлялись. «Въ деревнѣ Роднѣ—говоритъ Маскѣвичъ, очевидецъ и участникъ событій — нашли мы у крестьянъ бѣлую, очень вкусную капусту, квашеную съ анисомъ и кишнецомъ. Эта деревня была дворцовая и обязана была доставлять ко двору капусту. Поляки принялись ѣсть капусту и забыли поставить сторожу: вдругъ набѣжали на деревню шиши, — одни верхомъ, другіе на лыжахъ. Поляки не успѣли ни осѣдлать лошадей, ни взять оружія, которое развѣсили по избамъ, и не только не удалось имъ полакомиться вдоволь капустою, но они покинули лошадей, оружіе и все свое имущество, и разбѣжались во всѣ стороны, спотыкаясь по сугробамъ. Я — говоритъ Маскѣвичъ — тогда потерялъ всѣ свои сундуки и лошадей, и самъ едва успѣлъ убѣжать на клячѣ.» Другой разъ, велъ ротмистръ Бобовскій въ станъ къ гетману отрядъ и уже былъ недалеко отъ стана; вдругъ окружили его шиши. Успѣли-было дать знать Ходкѣвичу, но гет-

[1]) Krajewski.

манъ не могъ скоро подать имъ помощи за снѣгами: весь почти отрядъ Бобовскаго пропалъ, и самъ предводитель чуть улепетнулъ.

Такъ проводили поляки конецъ зимы. Наступало 14-е марта. Ходкѣвичъ получилъ письмо отъ короля. Сигизмундъ извѣщалъ, что скоро прибудетъ съ сыномъ. Сообщили гетману, что на помощь его изнуренному войску прибылъ въ Смоленскъ тысячный отрядъ. Гетманъ передалъ эти утѣшительныя вѣсти конфедератамъ [1]). Но онѣ не удовлетворили конфедератовъ, которые все болѣе и болѣе терпѣли отъ шишей. Цѣклинскій послалъ съѣстныхъ припасовъ въ Москву подъ начальствомъ Косцюшкевича. Путь ихъ лежалъ мимо стана гетманскаго. Послали къ гетману депутацію съ требованіемъ, чтобы гетманъ, сообразно своему обѣщанію, въ назначенный срокъ перемѣнилъ московскій гарнизонъ, а имъ далъ людей до Москвы. Гетманъ просилъ обождать до тѣхъ поръ, пока не воротится челядь изъ-за Волги и не прибудетъ изъ Смоленска отрядъ, который долженъ перемѣнить стоящихъ въ Москвѣ. Конфедераты на это не согласились и рѣшились продолжать свой путь. Но только-что они двинулись далѣе, на нихъ со всѣхъ сторонъ посыпались шиши; съ поляками были русскіе: они тотчасъ передались своимъ землякамъ-шишамъ и загородили полякамъ путь ихъ же повозками, которыя везли. Дорога была узкая, снѣга глубокіе. Кто только рѣшался поворотить въ сторону, тотъ съ конемъ — въ снѣгъ. Шиши разорвали отрядъ конфедератовъ: одни изъ послѣднихъ воротились и пристали къ гетману, другіе бросились къ Можайску, третьи поворотили лошадей не къ русской столицѣ, а къ литовскимъ предѣламъ. Одна бѣжавшая толпа, страшась заблудиться, наняла въ проводники русскаго крестьянина: тотъ нарочно повелъ поляковъ на Волокъ, чтобы отдать въ руки землякамъ, которые сидѣли въ этомъ городѣ. На счастье ихъ, встрѣтился съ ними ротмистръ Руцкій, проѣзжавшій къ гетману отъ московскаго гарнизона. Онъ разъяснилъ имъ ошибку, и крестьянину отрубили голову. Тѣ жолнѣры, которые воротились въ отечество, вознаграждали свои потери, понесенныя отъ московскихъ шишей, грабежемъ королевскихъ и духовныхъ имѣній, и оправдывали свои поступки тѣмъ, что они этимъ способомъ получали слѣдуемое имъ жалованье.

Гетманъ, простоявъ зиму въ селѣ Ѳедоровскомъ, весною перешелъ къ Можайску. Его войско должно было усилиться отрядомъ Струся, который снова возвращался на войну въ Мо-

---

[1]) Hist. J. Kar. Chodk. VI. 14. — Письма Ходк. Рук. И. П. Б. Автогр. № 281.

сковское государство, побуждаемый своимъ родственникомъ, Якубомъ Потоцкимъ, съ надеждою пріобрѣсти главное начальство надъ войскомъ. Струсь прибылъ въ Смоленскъ и сталъ выходить изъ него по дорогѣ къ Москвѣ, какъ на Днѣпрѣ со всѣхъ сторонъ посыпали на него шиши, отняли багажъ, много жолнѣровъ перебили, и съ самого Струся сорвали ферезію. Онъ воротился въ Смоленскъ и тамъ оставался до времени. Эти событія показываютъ, какъ сильно возбужденъ былъ народъ.

Между тѣмъ, Московское государство, повидимому, все болѣе и болѣе разлагалось. На сѣверѣ, вслѣдъ за Новгородомъ, сдались шведамъ новгородскіе пригороды: Яма, Копорье, Ладога, Тихвинъ, Руса, Порховъ. Торопецъ прислалъ къ Делагарди дворянъ и купцовъ съ изъявленіемъ подданства отъ города и уѣзда. Устюгъ, съ уѣздомъ, отвѣчалъ на окружное посланіе Делагарди, что ожидаетъ прибытія обѣщаннаго шведскаго королевича и признаетъ его царемъ, когда онъ пріѣдетъ. Противодѣйствіе шведской власти прорывалось въ сѣверныхъ земляхъ, но отъ разбойничьихъ казацкихъ шаекъ, а не отъ земщины. Запорожскіе казаки, съ туземными сорвиголовами подъ предводительствомъ какого-то Алексѣя Михайловича, подъ Старою-Русою разсѣяли шведскій отрядъ и взяли его въ плѣнъ. На нихъ отправился Эдуардъ Горнъ, съ большою силою, и сначала разбилъ казацкій отрядъ Андрея Наливайка, потомъ напалъ на Алексѣя Михайловича и, послѣ кровопролитной схватки, взялъ въ плѣнъ его самого. Это пораженіе заставило казаковъ покинуть Новгородскую землю, покоренную шведами. Въ Псковѣ засѣлъ воръ, назвавшій себя Димитріемъ: сторона его возрастала. Казацкій атаманъ Герасимъ Поповъ, посланный изъ Пскова подъ Москву, сдѣлалъ тамъ свое дѣло: казаки, стоявшіе подъ столицею, признали Димитріемъ псковскаго вора. Дворяне и дѣти боярскіе противились; дошло до кровавой свалки; дворяне и дѣти боярскіе, разбитые, бѣжали. Подмосковный станъ еще болѣе прежняго обезлюдѣлъ. Самъ Заруцкій присталъ къ волѣ казаковъ и вмѣстѣ съ ними провозгласилъ Димитрія царемъ. И князь Димитрій Тимоѳеевичъ, угождая казакамъ, также призналъ его, изъ желанія удержать вліяніе на дѣло, въ надеждѣ скораго поворота. Такъ неожиданно и сильно возрастало дѣло псковского Димитрія; но, въ то же время, ему явился соперникомъ другой Димитрій, провозглашенный въ Астрахани, и къ нему склонялось Нижнее-Поволжье. Вообще, украинные города и Сѣверская земля повиновались Заруцкому, и въ его ополченіе прибывали изъ Каширы, Тулы, Калуги и другихъ городовъ, а сѣверское ополченіе было подъ начальствомъ Беззубцова и также осенью шло на помощь къ Заруцкому. Но

въ этихъ странахъ шатались шайки всякого сброда и дрались между собою. Въ краѣ, прилежащемъ къ столицѣ, бродили польскія шайки; особенно свирѣпствовали сапѣжинцы. Злодѣйства ихъ были ужаснѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ. Толпы народа изъ сожженныхъ жолнѣрами селъ и деревень замерзали по полямъ. Троицкіе монастырскіе приставы ѣздили по окрестностямъ, подбирали мертвецовъ, и везли ихъ въ обитель. Тамъ, неутомимый Діонисій приказывалъ ихъ одѣвать и хоронить прилично. «Я самъ — говоритъ очевидецъ, составитель Діонисіева житія — съ братомъ Симономъ погребли четыре тысячи мертвецовъ; кромѣ того, по Діонисіеву велѣнію, мы бродили по селеніямъ и деревнямъ и погребли по смѣтѣ болѣе трехъ тысячъ впродолженіе тридцати недѣль; а въ монастырѣ весною не было ни одного дня, чтобы погребли одного,—а всегда пять, шесть, а иногда и по десять тѣлъ сваливали въ одну могилу».

Къ довершенію бѣдствій, тогда былъ неурожай, а за нимъ голодъ. «И было тогда—говоритъ [1]) современное сказаніе—такое лютое время божія гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время — *лихолѣтье*, потому-что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра: великій гнѣвъ божій на людяхъ, глады, трусы, моры, зябели на всякій плодъ земной; звѣри поѣдали живыхъ людей, и люди людей ѣли; и плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ польскій король велѣлъ все Московское государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской, за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ некрещенаго сына его, Владислава... Но Господь — говоритъ то же сказаніе— услышалъ молитву людей своихъ, возопившихъ къ нему великимъ гласомъ о еже избавитися имъ отъ лютыхъ скорбей, и послалъ къ нимъ ангела своего, да умиритъ всю землю и сойметъ тягость со всѣхъ людей своихъ....»

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Рукоп., доставлен. г. Рыбниковымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

II.

КНЯЗЬ

АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Изъ біографіи Кантемира: 1732 — 1738.)

III.

Частныя порученія изъ Россіи. — Сношенія съ графомъ М. Головкинымъ, съ Остерманомъ, Ягужинскимъ. — Стихотворное посланіе Волчкова. — Заботы Кантемира о полученіи книгъ. — Отношеніе его къ Петербургской Академіи наукъ. — Взглядъ на нее современниковъ. — Переписка Кантемира съ президентомъ Академіи барономъ Корфомъ, съ академикомъ Гроссомъ, съ Ильинскимъ, съ Левенвольдомъ. — Хлопоты о пѣвцахъ для итальянской оперы. — Письмо Ѳеофана Прокоповича. — Тяжба Кантемира съ мачихой. — Поѣздка его въ Парижъ. — Предложенія англійскихъ прожектеровъ. — Сношеніе русскаго двора съ Кантемиромъ по поводу петербургскаго пожара.

Русскому посланнику, въ XVIII столѣтіи, кромѣ оффиціальныхъ дѣлъ и хлопотъ, какъ мы то видѣли *), приходилось еще исполнять разныя частныя, нерѣдко самыя мелочныя порученія отъ вельможныхъ лицъ, съ которыми необходимо было поддерживать связи. Отношенія ихъ къ посланнику весьма интересны. Представитель русскаго правительства въ Англіи въ то же

*) См. выше, т. I, отд. I, стр. 224—273.

время является какимъ-то коммиссіонеромъ придворныхъ особъ; а самыя коммиссіи отлично рисуютъ образъ жизни и тѣ мысли, которыя болѣе всего занимали людей того круга. Роскошь, щегольство, тщеславіе возбуждали потребность во многихъ предметахъ, которыми славились Парижъ и Лондонъ. Съ Парижемъ прямыя сношенія въ то время были затруднительны, по причинѣ несогласій, возникшихъ изъ-за польскихъ дѣлъ; а въ Лондонѣ мы имѣли посланника, еще молодого человѣка, къ которому можно было безцеремонно обращаться.

Вотъ, какъ описываетъ Манштейнъ придворную жизнь того времени, которая имѣла притязанія на европейскую внѣшность: «Биронъ былъ большой любитель празднествъ и торжествъ; этого было довольно, чтобы одушевить императрицу желаніемъ — сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ во всей Европѣ, и на это употребить огромныя деньги. Впрочемъ, желаніе государыни было достигнуто не сразу. Часто богатѣйшее платье соединялось съ парикомъ совсѣмъ нечесаннымъ, или красивѣйшая матерія была испорчена неискуснымъ портнымъ, или, если все было исправно въ одеждѣ, то чѣмъ-нибудь страдали экипажи. Господинъ, превосходно одѣтый, являлся въ дрянной коляскѣ, запряженной клячами. Тотъ же вкусъ былъ и въ меблировкѣ и прочемъ въ домахъ; съ одной стороны—кучи золота и серебра, съ другой — величайшая неопрятность. Платья дамъ соотвѣтствовали одеждѣ мужчинъ: на одну даму, хорошо наряженную, можно было насчитать десять дурно одѣтыхъ..... Было очень немного домовъ, особенно въ первые годы, гдѣ все было въ совершенной гармоніи, и только мало-по-малу другіе стали подражать примѣру тѣхъ, которые отличались вкусомъ.... Но эта крайняя роскошь стоила при дворѣ огромныхъ суммъ. Невѣроятно, сколько вышло казенныхъ денегъ на этотъ предметъ. Придворный, тратившій въ годъ на свой гардеробъ двѣ или три тысячи рублей (что составляетъ отъ 12 до 15 тысячъ французскихъ ливровъ), нисколько не выдавался впередъ.... Чтобъ дойти до этого, тѣ, которые имѣли честь служить при дворѣ, рѣшительно разорялись. Достаточно было какому-нибудь молодому торговцу прожить два или три года въ Петербургѣ, чтобы нажить состояніе, хотя онъ пріѣхалъ бы съ товарами, взятыми на кредитъ.... При дворѣ играли въ большія игры. Многіе черезъ игру составили себѣ состояніе, а еще большее число отъ нея совершенно разорились. Я часто видѣлъ, какъ проигрывали по двадцати тысячъ рублей въ одинъ присѣстъ.... [1])».

---

[1]) Memoires sur la Russie, par Manstein, p. II.

При такомъ направленіи придворной жизни, разумѣется, болѣе всего обращались къ русскому посланнику за нарядами. Такъ, графъ Михаилъ Головкинъ просилъ купить ему: «Аглицкую дамскую эпанчу, долгую, чтобъ на все платье надѣвать, камлотовую, готовую, цвѣтомъ сѣренькую, съ позументомъ серебрянымъ, и бандалетъ къ ней, и прислать въ С.-Петербургъ; также табаку рапе съ віолетомъ, двѣ баночки натертаго, да шесть палокъ не тертаго» (отъ 2 іюня 1733 г.). Ему же понадобились «шесть тростей дѣланныхъ, т. е. *роровъ*, которыми на басахъ играютъ» (19 авг.); и за ними шлетъ онъ въ Лондонъ къ Кантемиру! Но вотъ, опять летитъ посланіе: «Прислать англійскаго сукна разныхъ цвѣтовъ образциковъ, ибо я чрезъ васъ намѣренъ выписать себѣ суконъ разныхъ на нѣсколько паръ, такожъ подъ всякую пару такого же цвѣту подкладки, пуговицы и гарусъ; почему всяка пара провозомъ обойдется?» Тутъ же кстати просьба: «прислать на кораблѣ лошадь ѣзженную, а лѣтами чтобъ была не молода и не стара, лѣтъ семь или восемь, а больше десяти лѣтъ не было бы, съ ходу также смирна и собою плотна и крѣпконога и не пуглива, и стрѣльбы не боялась» (отъ 5 апр. 1735). За тѣмъ и другого рода требованіе: «Купить въ Лондонѣ дюжину шелковыхъ чулковъ, половину бѣлыхъ стрѣлками, а другую половину другими цвѣтами, да два гобоя отъ каммортона и два флейта...» (отъ 15 мар. 1735).

Куракинъ просилъ заказать ему золотые часы и цѣпочку новой моды, «двѣ хорошенькія, но не очень дорогія печатки».

Много еще пришлось бы намъ писать, еслибъ мы захотѣли представить всѣ просьбы въ этомъ же родѣ, адресованныя къ Кантемиру въ Лондонъ. Изъ всѣхъ выдается только Остерманъ, заказомъ совершенно особеннымъ: онъ проситъ «купить нѣкоторые математическіе инструменты на употребленіе дѣтямъ моимъ» (нояб. 10 д. 1737). Здѣсь, по крайней мѣрѣ, видѣнъ отецъ, заботящійся объ образованіи своихъ дѣтей, чего нельзя сказать о всѣхъ прочихъ.

Обращались къ Кантемиру съ подобными же порученіями и русскіе посланники при другихъ дворахъ. Вотъ, напримѣръ, оригинальная *епистола* отъ Сергѣя Волчкова [1]), служившаго у на-

[1]) О немъ въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей Евгенія (ч. I, стр. 99) несправедливо говорится, что онъ съ 1731 г. былъ Имп. Академіи наукъ секретаремъ и переводчикомъ. Приводимое нами письмо изъ Берлина помѣчено *2 апр. 1732 г.*, слѣд., онъ могъ вступить въ службу Академіи наукъ послѣ этого года, по всей вѣроятности, въ 1736 г., когда Ягужинскій возвратился въ Петербургъ съ своего посольскаго поста. Первый литературный трудъ Волчкова былъ переводъ (*Балтазара Граціана придворный человѣкъ*), сдѣланный въ 1735 г. и напечатанный черезъ семь лѣтъ; первая

шего посланника въ Берлинѣ, графа Ягужинскаго. Проѣздомъ чрезъ Берлинъ въ Лондонъ, Кантемиръ провелъ нѣкоторое время съ графомъ и графинею Ягужинскими и далъ Волчкову нѣсколько порученій, между прочимъ—хлопотать о вышитомъ платьѣ, о чемъ сохранилось нѣсколько писемъ Волчкова. Считая Кантемира поэтомъ, Волчковъ почелъ приличнымъ обращаться къ нему со стихотворной рѣчью. Вотъ образецъ его поэзіи:

Monseigneur,

Хотя при отъѣздѣ вашемъ не имѣлъ я чести
Видѣть, какъ изволили въ коляску вы сѣсти,
И при томъ вашей свѣтлости нижайше благодарить
За милость, что мнѣ въ Берлинѣ изволили явить,
И желать отъ сердца счастливой дороги.
Нонѣ, какъ милости вашей участникъ убогій,
Чрезъ сіе мою усердно должность исполняю
И благополучныхъ успѣховъ въ Англіи желаю,
Да Богъ ваши благословитъ и Росіи услуги
Да склонитъ къ вамъ дворъ и дастъ многи други.
Мнѣ, государь, пришелъ слухъ повсюды,
Что въ Лондонѣ есть хорошія уды,
Которыя съ принадлежности вложены въ тростяхъ,
Носятся на ремняхъ и на лентныхъ лопастяхъ;
Такихъ здѣсь никакъ не можно достать,
Чего ради прошу парочку прислать,
Чтобъ оными могли рыбу мы ловить,
И тѣхъ долгость дней лѣтнихъ съ скукой проводить,
Понеже живемъ въ домѣ лѣтнемъ надъ водою,
А сей забавы нѣтъ нынѣ съ собою.
Сіе прекращаю и, больше не смѣя
Трудить вашу свѣтлость, но токмо имѣя
Природное почтеніе къ вашей я персонѣ,
Пребуду всегда яко есмь и нонѣ.

Въ постскриптумѣ на французскомъ языкѣ извиненіе, что утруждаетъ такими пустяками, но объ этомъ проситъ его свѣт-

---

печатная книга съ его именемъ явилась въ 1738 г.: *Флоринова экономія*, въ девяти книгахъ, и до 1794 г. выдержала пять изданій. Въ «Реестрѣ съ имяннымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждаго работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и протчихъ чиновъ служителей на 1737 г.» значится: «Волчковъ, секретарь, употребляется въ переводахъ ... по переводѣ Скифской исторіи трудится нынѣ надъ древнею хроникою, которая къ россійскимъ книгамъ впредь присовокуплена быть имѣетъ. Онъ же переводитъ русскія вѣдомости, впредь будетъ тоже дѣлать и надъ Примѣчаніями (къ вѣдомостямъ) трудиться» (V т. Лѣт. русск. лит. и древ. мат. для истор. Акад. н., стр. 25). Волчковъ перевелъ много книгъ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Впослѣдствіи, онъ былъ директоромъ сенатской типографіи въ чинѣ коллежскаго совѣтника. (Слов. р. св. пис. митр. Евгенія).

лость ея превосходительство графиня и самъ графъ, которыхъ онъ обяжетъ[1]) (2 апр. 1732).

Въ 1736 году, Ягужинскій, увѣдомляя Кантемира, что онъ оставляетъ свой посольскій постъ и ѣдетъ въ Петербургъ, въ то же время проситъ его купить въ Лондонѣ «нѣсколько паръ чулковъ шелковыхъ и гарусныхъ» и прислать за нимъ туда же.

Посланникъ при голландскомъ дворѣ, графъ Головкинъ, также выписывалъ себѣ изъ Лондона черезъ посредство Кантемира «нюхательный табакъ, тертый и нетертый»[2]).

Самъ же Кантемиръ обращался къ разнымъ личностямъ только съ просьбами о прибавкѣ жалованья, о чемъ мы уже говорили, и не разъ тревожилъ, по этому случаю, даже самого сіятельнаго Бирона, который обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими учтивыми письмами, но тѣмъ дѣло и ограничилось. Корреспонденція съ лицами не-вельможными касалась преимущественно присылки книгъ. Въ этихъ письмахъ Кантемиръ представляется намъ такимъ же, какимъ мы видѣли его и прежде. Политическая карьера не уменьшила въ немъ прежняго влеченія къ наукѣ и чтенію. Какъ видно, въ это время занимала его всего болѣе исторія, и интересовала, по преимуществу, литература французская. Книги доставлялъ ему Курбатовъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Голландіи. Давая Кантемиру отчетъ въ его порученіяхъ, онъ тщательно выписывалъ полныя заглавія купленныхъ и посланныхъ въ Лондонъ книгъ, что̀ и даетъ намъ возможность судить, какого рода чтеніе занимало тогда русскаго посланника. Такъ, между прочимъ, мы находимъ: Methode pour étudier l'histoire avec une catalogue des principaux historiens et des remarques sur la bonté de leur ouvrages et sur le choix des meilleurs editions, par l'abbet Lenglet du Frenay. 4 vol. in 4⁰. Находимъ также: L'histoire des anciens, par Rollin; — L'histoire de Louis XIII, par Dupin; — La vie du Mazarin.

Сношеніе Кантемира съ Петербургскою Академіею наукъ также заслуживаетъ вниманія по тому сочувствію, которое питалъ онъ къ этому ученому учрежденію, сохраняя старую связь съ нимъ, какъ съ мѣстомъ своего окончательнаго образованія. Академія,

---

[1]) Son excellence M-me la comtesse m'en a donné les ordres d'en prier votre altesse aussi bien que mons. le comte m'a chargé de cette commission par la quelle vous les obligerez tous deux.

[2]) Отъ него даже сохранился счетъ по этому предмету: «За первую посылку табаку для пробы 8 флорина, за субскрипцію 5 фл., за 20 фун. таб. 44 фл., за ящикъ, горшки и прочія мелкія издержки — 5 флор. 15 штиверовъ.

ни въ это время, ни долго послѣ того, далеко не была въ цвѣтущемъ положеніи [1]).

Не вдаваясь въ разсужденія, мы представимъ переписку Кантемира съ членами Академіи: она, отчасти, рисуетъ академическую сферу этого времени. Президентъ Академіи, баронъ Корфъ, часто обращается къ русскому посланнику съ порученіями и съ

[1]) Вотъ, что о ней говоритъ умный наблюдатель Манштейнъ: «Въ 1717 году, Петръ Первый, находясь во Франціи, былъ принятъ въ члены парижской Академіи наукъ, что̀ возбудило въ немъ желаніе основать подобную же академію въ Петербургѣ. Научныя понятія этого государя не были на столько ясны, чтобы онъ могъ выбрать наиболѣе согласное съ потребностями своего государства, а совѣщанія со многими учеными людьми, изъ которыхъ никому Россія не была знакома, еще болѣе затемнили его идеи.... Большая часть министровъ была противъ этого учрежденія, какъ совершенно безполезнаго; но Блюментростъ (съ трехтысячнымъ пенсіономъ) съумѣлъ-таки удержаться даже при Петрѣ Второмъ. Съ воцареніемъ императрицы Анны, онъ попалъ въ немилость. Но какъ академія была основана Петромъ Первымъ, то Анна и захотѣла сохранить ее. Мало того, что она подтвердила ей всѣ ея прежніе доходы въ 25,000 р., она даже заплатила академическіе долги, доходившіе до 30,000 р., и назначила президентомъ Академіи Кейзерлинга. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Кейзерлингъ былъ посланъ, въ качествѣ министра, въ Польшу, а вмѣсто него президентство получилъ каммергеръ баронъ Корфъ.... Хозяйство Академіи всегда велось чрезвычайно странно. Когда Корфъ отправился посломъ въ Копенгагенъ, долги ея опять успѣли возрасти до 30,000 р., и хотя императрица Елисавета потомъ снова ассигновала значительную сумму для уплаты ея долговъ, дѣла ея оттого не пришли въ лучшій порядокъ. Россія никакъ не можетъ похвастаться, что извлекла изъ нея существенную выгоду. Весь плодъ, какой выростила Академія, въ первыя двадцать восемь лѣтъ, развѣ тотъ, что у русскихъ есть свой календарь по петербургскому меридіану, что они могутъ читать газеты на своемъ языкѣ, и что нѣсколько нѣмецкихъ адъюнктовъ сдѣлались довольно способными въ математикѣ и философіи, чтобы получать пенсіонъ отъ шести до восьми сотъ рублей. Между русскими оказывается еще очень мало людей, свѣдущихъ для занятія профессорскихъ мѣстъ. Наконецъ, Академія не такъ поставлена, чтобы государство могло когда-нибудь ожидать отъ нея большой для себя выгоды, потому-что предметы, о которыхъ трактуется тамъ, не касаются ни русскаго языка, ни морали, ни гражданскаго права, ни исторіи народовъ, ни практической математики, словомъ—наукъ, которыя могли бы быть полезны Россіи. Что же касается до алгебры и разныхъ трудныхъ проблемъ отъ математики до критики, древностей и языковъ нѣсколькихъ древнихъ народовъ или анатомическихъ наблюденій надъ конструкціею человѣка и звѣрей, то русскіе смотрятъ на всѣ эти науки, какъ на пустыя и безполезныя, и потому не удивительно, что они не отдаютъ своихъ дѣтей изучать ихъ, хотя обученіе и даровое. И это доходитъ до того, что очень часто въ Академіи оказывается больше учителей, чѣмъ учениковъ, и она принуждена привозить молодыхъ людей изъ Москвы и давать имъ содержаніе, чтобы заставить ихъ учиться и чтобы было кому слушать профессоровъ. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній можно вывести то, что побольше хорошихъ школъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ нѣсколькихъ другихъ русскихъ городахъ, гдѣ бы обучали обыкновеннымъ наукамъ, было бы гораздо лучше и полезнѣе для Россіи, чѣмъ Академія наукъ, которая постоянно сто́итъ ей большихъ суммъ и не даетъ никакого плода» (Memoires sur la Russie, par Manstein. t. II. Supplement). Почти то же самое говорилъ и Локателли (см. стат. I) въ своихъ письмахъ, что̀ показываетъ, какъ самые иностранцы смотрѣли на Петербургскую Академію.

разными извѣстіями, пользуясь всегда случаемъ благодарить князя за то вниманіе, какое онъ постоянно выказываетъ Академіи. Просьбы президента были различны: то купить въ Лондонѣ механическіе и математическіе инструменты, какъ, напр., при снаряженіи извѣстной камчатской экспедиціи; то прислать подробное описаніе какой-то машины, по которому академическій механикъ могъ бы сдѣлать подобную же. Кантемиръ писалъ ему, отъ 25 марта 1735 года: «Я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ берусь исполнить ваше порученіе, что оно касается успѣха наукъ въ Россіи. Будьте увѣрены, что я всегда почту за истинное счастіе служить для пользы нашей Академіи.... Вамъ вѣрно описали инструментъ. Я и прежде видѣлъ его, но не разсматривалъ такъ подробно, какъ сдѣлалъ это послѣ вашего письма. Называется онъ универсальный астрономическій инструментъ (l'instrument astronomique universel); устроенъ такъ, что посредствомъ его можно рѣшать всевозможныя астрономическія задачи. Этотъ инструментъ только что изобрѣтенъ Сисіонъ-Онорусомъ, который и дѣлаетъ и продаетъ его; до сихъ поръ изготовлено ихъ пока только два: одинъ у Милорда Ойлея (Oily), другой же еще у мастера и почти ужъ оконченъ; недѣль черезъ пять или шесть будетъ готовъ навѣрно. Инструментъ превосенъ и, какъ мнѣ кажется, очень полезенъ; посылаю вамъ чертежъ его, объ остальномъ же предоставляю судить вамъ самимъ. Милордъ Ойлей придаетъ ему большое значеніе и всѣ здѣшніе ученые, повидимому, также имъ довольны. Стоитъ онъ 200 фунтовъ стерлинговъ. Мастеръ по образцу большого дѣлаетъ маленькіе, и продаетъ по 25 гиней за штуку.... Я думаю, вамъ лучше бы было сначала пріобрѣсти маленькій, чтобы имѣть возможность судить о немъ: если онъ негодится, то казна потеряетъ только 25 гиней; въ противномъ же случаѣ, стоитъ только отослать людей къ мастеру: онъ приметъ ее назадъ и пришлетъ большой инструментъ; все это будетъ стоить тѣ же 200 фунтовъ стерлинговъ [1]).

Въ другомъ письмѣ, отъ 25 іюня того же года, Кантемиръ увѣдомляетъ Корфа, что универсальный астрономическій инструментъ, который президентъ поручилъ ему купить, отправленъ изъ Лондона въ Петербургъ [2]).

Въ письмѣ отъ 2 декабря, снова говорится о какой-то машинѣ: «Согласно съ вашимъ письмомъ я разсматривалъ машину,

[1]) Арх. Импер. Акад. наукъ. Einkom. Brief. von 1734 bis 1736. Переписка была ведена на французскомъ языкѣ.

[2]) Тамъ же.

о которой въ немъ упоминается. Это вещь самая простая, какъ вы увидете изъ приложеннаго мною чертежа, и я не сомнѣваюсь, что по этому описанію легко сдѣлать модель [1].»

Извѣстія, сообщаемыя Кантемиру Корфомъ, касались открытій, которыя не могли не быть пріятны такому человѣку, какъ Кантемиръ, напр., извѣстіе, что въ Уфѣ нашли множество минераловъ, разныхъ мраморовъ и порфира, а въ Сибири богатѣйшія жилы яшмъ, отъ которыхъ отрываютъ куски необыкновенной толщины (des morceaux d'une grosseur toute extraordinaire) [2]. На это извѣстіе Кантемиръ отвѣчалъ: «Радуюсь со всѣми подданными нашей августѣйшей монархини новымъ прекраснымъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ Сибири, и очень вамъ обязанъ за то, что вы сообщили мнѣ объ этомъ [3]).

Съ своей стороны, Кантемиръ рекомендовалъ президенту Академіи иностранныхъ ученыхъ и, между прочими, въ особенности какого-то француза, о которомъ онъ много заботился. «Парижскій уроженецъ — пишетъ онъ — отлично владѣетъ французскимъ языкомъ, довольно хорошо говоритъ и пишетъ по-англійски, порядочно знаетъ итальянскій языкъ и хорошо — латинскій. Онъ увѣряетъ меня, что въ непродолжительное время изучитъ и русскій и уже читаетъ по-русски довольно хорошо. Когда-то онъ былъ преподавателемъ математики, но обстоятельства заставили его бросить эти занятія. Впрочемъ, если математическія познанія могутъ быть ему полезны, то онъ обѣщаетъ легко возобновить ихъ въ своей памяти, хотя онъ уже восемь лѣтъ не занимается ими....» (25 марта 1735 года) [4].

Въ другомъ письмѣ Кантемиръ благодаритъ Корфа за вниманіе къ рекомендованному французу: «Онъ все еще не оставляетъ желанія служить ея императорскому величеству; проситъ 600 руб. жалованья, кромѣ квартиры, дровъ и на переѣздъ въ Россію, сколько нужно. За это вознагражденіе онъ обязуется преподавать французскій языкъ и работать въ помощникахъ у Делиля, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобъ ему дали время возобновить свои познанія въ наукѣ, которою не занимался восемь лѣтъ: въ это время онъ преподавалъ французскій и латинскій языки, чѣмъ и содержалъ свое семейство» (2 декабря 1735 г.) [5].

Но французъ остался непристроеннымъ, что̀ видно изъ слѣдующаго письма Корфа:

---

1) Тамъ же.
2) Москов. арх. иностр. дѣлъ. Анг. дѣла 1735.
3) Арх. Акад. наукъ.
4) Архивъ Академіи наукъ. Einkommende Briefe von 1734 bis 1736.
5) Тамъ же.

«Въ вашемъ письмѣ есть одна прискорбная для меня статья: настоящія обстоятельства нашей Академіи не позволяютъ мнѣ пригласить въ нее того ученаго француза, котораго вы мнѣ рекомендуете; но, такъ какъ въ адмиралтейской коллегіи основано нѣчто въ родѣ академіи, гдѣ будутъ учить молодыхъ людей, назначенныхъ въ морскую службу, мореплаванію, а для этого и началась математика, то я думаю, что если французскому математику придется такая должность по душѣ, онъ можетъ обратиться къ графу Головкину, а слово вашей рекомендаціи ему будетъ большой помощью въ этомъ дѣлѣ» [1]).

Черезъ нѣсколько времени, Корфъ снова писалъ, для успокоенія Кантемира, что не упускаетъ изъ виду французскаго математика, рекомендованнаго княземъ, и такъ какъ къ будущему году Академія ждетъ увеличенія суммъ, то онъ и думаетъ пригласить француза въ помощники къ академическому механику для астрономическихъ наблюденій [2]). Но суммы не были увеличены, и приглашенія не послѣдовало.

Сообщалъ Кантемиръ президенту Академіи извѣстія и о своихъ литературныхъ трудахъ. Такъ въ письмѣ, отъ 2 декабря 1735 года, онъ пишетъ: «Если переводъ Юстина на русскій языкъ можетъ принести какую либо пользу нашему юношеству, то я почту за истинное удовольствіе продолжать его; я перевелъ изъ него уже около половины. Представляю вамъ на обсужденіе, можетъ ли напечатаніе подобной книги принести какую либо выгоду и способствовать успѣхамъ литературы въ странѣ, для славы которой мы совокупно трудимся» [3]).

Этотъ переводъ Кантемира никогда не былъ напечатанъ и неизвѣстно, куда дѣлась самая рукопись.

Не безъ интереса также письма Кантемира о печатаніи другого литературнаго труда его — перевода «Разговоровъ о множествѣ міровъ» Фонтенеля. Хотя его окончилъ онъ еще въ 1730 г. въ Москвѣ, но не спѣшилъ печатать, занимаясь исправленіемъ и дополняя примѣчаніями. Въ письмѣ къ Корфу, отъ 10 апрѣля 1738 года, мы читаемъ слѣдующее: «Узнавъ изъ письма вашего, отъ 14 февраля, къ вашему брату, что вамъ извѣстно отъ совѣтника Шумахера о моемъ переводѣ «Pluralité des mondes» и объ эстампахъ портретовъ Петра Великаго и нынѣ царствующей императрицы, осмѣливаюсь препроводить къ вамъ съ лейтенантомъ Брандомъ ящикъ съ рукописью и портретами....

[1]) Москов. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Англ. дѣла 1733 — 37.

[2]) Тамъ же.

[3]) Арх. Импер. Академ. наукъ. Einkommende Briefe, von 1734—1736.

Что касается рукописи, то я прошу г. Шумахера, если онъ еще намѣренъ напечатать ее, обратить вниманіе на маленькія замѣчанія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ на французскомъ языкѣ, въ особенности прошу его замѣтить въ концѣ мое предположеніе о формѣ изданія. Въ случаѣ же, если печатаніе окажется безполезнымъ, то удержите пожалуйста рукопись у себя» [1].

Въ письмѣ, отъ 27 іюня того же года, Кантемиръ замѣчаетъ: «Время печатанія рукописи зависитъ совершенно отъ Шумахера; но я буду ему очень благодаренъ, если при печатаніи онъ закажетъ для меня шесть экземпляровъ въ большомъ форматѣ: что будетъ стоить, я заплачу. Послѣ отсылки рукописи я замѣтилъ въ своихъ *примѣчаніяхъ* нѣсколько погрѣшностей: въ № 36, въ статьѣ о Декартѣ надобно выпустить описаніе его философіи, такъ какъ оно больше идетъ къ Ньютону; № 65, въ статьѣ Иессо, вмѣсто: «немного отдалено отъ Камчатки», надобно: «нѣкоторые чаютъ быть самую Камчатку»; № 1, въ статьѣ о Маркѣ Тулліи, надобно зачеркнуть: «и по убіеніи Юлія Кезаря учиненъ тріумвиромъ.» Можетъ быть есть и другія ошибки, которыя я не могъ замѣтить, и потому вы очень меня одолжите, если просмотрите всѣ примѣчанія и исправите недостатки» [2].

Нельзя не замѣтить, что въ печатной редакціи перевода Кантемира не сдѣлано ни одной изъ этихъ поправокъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 7 іюня, Кантемиръ пишетъ: «Изъ письма г. Гросса (академика) я узналъ, что вы уже получили рукопись перевода Discours de M-r de Fontenelle sur la pluralité des mondes, и что вы имѣете намѣреніе напечатать его, перемѣнивъ заглавіе. Увѣренный, что на это у васъ есть основательныя причины, я старался угадать ихъ и нашелъ двѣ: первая — чтобъ отнять всякій поводъ къ придиркамъ со стороны изувѣровъ и людей слишкомъ щекотливыхъ въ дѣлѣ вѣры, а другая — чтобы облегчить сбытъ книги. Если первая побуждаетъ васъ перемѣнить заглавіе книги (хотя уже есть подобное произведеніе г. Гюйгенса [3]), напечатанное въ Россіи по приказанію Петра Великаго), то можно дать такое заглавіе: «Разговоры астрономическіе, въ которыхъ той науки нужнѣйшія знанія

---

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Гюйгенсъ (Huyghens), извѣстный въ свое время астрономъ; изъ сочиненій его переведено на русскій языкъ Kosmoteros sive de terris coelestibus earumque ornatu conjecturae. Переводъ имѣлъ два изданія: въ 1717 и 1724 году. Въ немъ говорится объ обитаемости планетъ и звѣздъ и доказывается, что онѣ созданы не для человѣка, такъ какъ многія изъ нихъ даже недоступны человѣческому глазу. (Наука и литература при Петрѣ Вел., Пекарскаго, т. I, стр. 282, 283.)

кратко и разумительно къ общества понятію изъяснены черезъ господина Фонтенелля»; если же вы имѣли въ виду вторую причину, то я думаю, можно оставить заглавіе, данное авторомъ, прибавя коротенькое объясненіе содержанія, какъ-то: «Разговоры о множествѣ міровъ, въ которыхъ той науки астрономической нужнѣйшія знанія и пр. Вотъ, что я думаю объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, дѣлайте, какъ вамъ будетъ угодно и будьте увѣрены, что я чувствительно благодаренъ вамъ за участіе, которое вы приняли въ этомъ дѣлѣ» [1]).

Чтобъ понять опасенія, какія высказываетъ Кантемиръ относительно изувѣровъ, надо знать, кàкъ въ то время смотрѣли необразованные религіозные люди на систему Коперника: имъ казалось, что она противорѣчитъ сказаніямъ Библіи и, слѣдовательно, стремится ввести ересь. Приведемъ, для примѣра, слѣдующій фактъ: въ 1728 году 2 марта, въ публичномъ засѣданіи Академіи наукъ, академикъ Николай Іосифъ Делиль произнесъ рѣчь о томъ, движется ли земля, и, конечно, защищалъ систему Коперника, съ чѣмъ соглашался и другой академикъ Бернулли, отвѣчавшій ему отъ имени Академіи. Но когда зашло слово о напечатаніи этой рѣчи въ русскомъ переводѣ, то президентъ Академіи, Блюментростъ, не рѣшился дать на то дозволенія, не смотря на то, что самый вопросъ о движеніи земли былъ поставленъ очень осторожно и рѣшенъ только въ сферѣ науки, безъ всякого отношенія къ религіозной сферѣ [2]).

Книга Кантемира вышла изъ печати уже въ 1740 г., посвященная Академіи наукъ. Самъ переводчикъ въ это время жилъ въ Парижѣ. Его предположеніе, что къ книгѣ могутъ придраться изувѣры—сбылось. Одинъ изъ тогдашнихъ грамотѣевъ, Абрамовъ, отличавшійся религіознымъ фанатизмомъ, поспѣшилъ высказать о книгѣ свое мнѣніе: «Изъ Гюйгенсовой и Фонтенелевой печатныхъ книжичищъ—пишетъ онъ—сатанинское коварство явно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра еще напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣзды многіе толиkими же солнцы быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ

---

[1]) Архивъ Императорской Академіи наукъ.

[2]) Записки Академіи наукъ 1864 г., т. V, кн. 1, рѣчь Пекарскаго: Очеркъ дѣятельности акад. наукъ по отношенію къ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Стр. 101.

свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ онаго глобусахъ таковыми же землями якоже и наша быти научаютъ, и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, якоже и на нашей землѣ быти, утверждаютъ, и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и грады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыка, и дѣтородные уды, и рожденіе, и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждыхъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнцы и луны быти утверждаютъ и множественное ихъ число исчисляютъ, и на нихъ земли съ жители, звѣри, и гады, и пажити такожде, яко и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминаютъ, яко бы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей даетъ твари, и тако вкрадчися хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжищи авторъ написалъ еще, егда 25,000 лѣтъ пройдетъ, паки полярная звѣзда на тое же мѣсто пріидетъ, идѣже нынѣ стоитъ. И прочая басенные атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныхъ книжищахъ разсѣваютъ и самихъ ихъ въ почтенныхъ достоинствахъ и во властѣхъ быти допускаютъ. Прилично здѣсь заградить ихъ нечестивыя уста» [1]).

У насъ въ рукахъ есть еще одно письмо, гдѣ говорится о другомъ литературномъ трудѣ Кантемира, но мы не можемъ сказать, кѣмъ оно писано, такъ какъ нельзя разобрать въ немъ подписи: «Приложенная похвальная пѣснь — говорится тамъ — трудами вашего сіятельства сочиненная о ученыхъ людяхъ, заслуживаетъ себѣ полную похвалу; мнѣ только видится два слова перемѣнить надлежитъ, что я и учиню, сыскавъ къ тому надежнаго человѣка.... а какъ переправлю пришлю вашему сіятельству, почему сами и изволите уразумѣть, для чего перемѣнено» [2]).

Мы не можемъ сказать утвердительно, слѣдуетъ ли подъ этой похвальной пѣснью разумѣть «Пѣснь о пользѣ наукъ и художествъ», напечатанную въ первомъ изданіи стихотвореній Кантемира 1762 г. (стр. 150—157), или это другое затерявшееся стихотвореніе, что также очень возможно.

Академикъ Христіанъ Гроссъ [2]), бывшій профессоръ Канте-

---

[1]) Наука и литература при Петрѣ Вел., Пекарскаго, т. I, стр. 511.

[2]) Арх. мин. иностр. дѣлъ. Анг. дѣла.

[3]) Въ «Реестрѣ съ имяннымъ описаніемъ и проч.» на 1737 г. о немъ говорится: Гроссъ — профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ географическомъ департаментѣ содержитъ протоколъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на французскій языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся письма на французскій языкъ переводитъ; впредь будетъ то же

мира, также былъ съ нимъ въ перепискѣ и сообщалъ ему извѣстія о трудахъ Академіи. По его ходатайству, Кантемиръ принялъ въ посольскую службу въ Лондонѣ младшаго брата его, Гейнриха, которому потомъ оказывалъ большое довѣріе.

«Наша Академія, писалъ Гроссъ въ 1734 г. (6 мая), перевела и напечатала исторію Японіи [1]). Это первая русская книга въ такомъ родѣ. Окончена генеральная карта Россіи, которую отгравировалъ Иванъ Кириловъ [2]). На прошедшей недѣлѣ она была представлена ея величеству императрицѣ. Пока еще нельзя достать такихъ картъ раскрашенныхъ, иначе, я послалъ бы вамъ экземпляръ съ его превосходительствомъ милордомъ Форбесомъ (англійскимъ посломъ), который во время своего пребыванія здѣсь почтилъ меня своимъ расположеніемъ и дружбой. Впрочемъ, я постараюсь воспользоваться другимъ случаемъ, чтобы вамъ переслать ее. Хотя, по правдѣ сказать, я предпочитаю ей генеральную карту Россіи Штраленберга, такъ какъ она полнѣе. Но когда будетъ окончена карта Делиля [3]) (de l'Isle), то, конечно, она будетъ лучше этихъ обѣихъ».

дѣлать, и притомъ съ другими надъ россійскимъ географическимъ лексикономъ трудится, въ гимназіи по французски учитъ и для оныя французскую граматику пишетъ».

[1]) Въ «Вѣдомости о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ академической книжной палатѣ въ 1738 г.», эта книга значится подъ № 22: «Исторія о Японіи на русскомъ языкѣ по 40 коп. (V т. Лѣт. рус. лит. и древ.).

[2]) Вотъ, что сообщаетъ въ своемъ словарѣ митр. Евгеній объ этомъ Кириловѣ: «Былъ родомъ изъ простолюдиновъ, но прилежаніемъ, трудами и остротою дослужился въ канцеляріи сената съ нижнихъ чиновъ еще при Петрѣ Великомъ до секретарскаго званія и былъ извѣстенъ ему своею ревностью и охотою къ ландкартамъ и землеописаніямъ. Рычковъ говоритъ (въ Оренбургской исторіи), что онъ, не учившись по методѣ, самоучкою пріобрѣлъ свѣдѣнія въ математикѣ, механикѣ, исторіи, экономіи и металургіи, не жалѣя притомъ никакого труда и иждивенія; а притомъ былъ великій ревнитель къ славѣ отечества. Когда съ 1719 г. по указу государеву разосланы были по Россіи геодезисты для снятія со всѣхъ провинцій ландкартъ съ описаніями и велѣно имъ было немедля прислать оныя въ Сенатъ, то Кириловъ, получая сіи ландкарты и описанія, возревновалъ составить изъ нихъ первый и подробный атласъ россійскій, и, вырѣзавъ своимъ иждивеніемъ на мѣди, издать въ свѣтъ. Испросивъ на то дозволеніе отъ Сената, онъ началъ сіе дѣло съ 1726 г. Будучи произведенъ въ 1728 г. оберъ-секретаремъ Сената, онъ тѣмъ ревностнѣе занялся симъ трудомъ и издалъ до 1734 г. 14 картъ спеціальныхъ, а, сверхъ того, *генеральную карту* всей Россіи — всѣ въ листъ». Объ этой-то послѣдней картѣ и извѣщаетъ Гроссъ Кантемира.

[3]) О немъ говорится въ Реестрѣ на 1737 г.: «Первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ старается, чтобъ свой 21 генв. 1737 г. поданный прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской имперіи въ дѣйство произвести, и когда сіе начнется, то онъ потребныя къ его намѣренію астрономическія примѣчанія въ Россійскихъ провинціяхъ дѣлать будетъ». Этотъ атласъ издала Академія наукъ уже въ 1746 г. въ 19 спеціаль-

Гроссъ былъ также комиссіонеромъ Кантемира въ пересылкѣ ему книгъ, напечатанныхъ въ академической типографіи, что видно изъ слѣдующаго письма:

«По приказу вашей свѣтлости, я послалъ вамъ все, что было напечатано въ академической типографіи за шесть мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ эстампами, которые должны войти въ четвертый томъ Centurice Buxbaumii[1]). Я отдалъ пакетъ здѣшнему купцу Ретлинку; онъ мнѣ скажетъ имя судовщика, который возьмется доставить его вашей свѣтлости. Я позабочусь также обозначить, для вашей свѣтлости, сколько это возможно, цѣну русскихъ книгъ, которыя вамъ угодно купить здѣсь. Въ листѣ нѣкоторыя обозначены, а между тѣмъ ихъ нельзя достать ни за какую цѣну, какъ напр. Табели военныя. Для меня нѣтъ ничего пріятнѣе какъ имѣть честь получать ваши приказанія, которыя буду всегда исполнять съ возможной точностью, сколько позволитъ мнѣ мое слабое здоровье».

При этомъ письмѣ приложенъ каталогъ отправленныхъ книгъ: Уложеніе, два тома von Sammlung zur Russischen Historie, эстампы къ т. IV Centurice Buxbaumii.

Бывшій учитель Кантемира, Ильинскій, поступившій на службу въ Академію наукъ переводчикомъ при самомъ ея основаніи, продолжалъ завѣдывать домашними дѣлами своего ученика, и въ письмахъ къ нему нерѣдко касался и дѣлъ академическихъ. Вотъ, одно изъ нихъ, болѣе интересное, отъ 18 іюня 1736 г.: «Нынѣ, работою по домамъ, а наипаче тридневною по вся недѣли поутру и пополудни въ Академію броднею, весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ, розданныхъ намъ россійскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинскій языкъ, а бродня въ установленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русскій переводъ читаетъ, а прочіе всѣ обще для лучшей чистоты разсуждать и исправлять должны, и потому малѣйшее насъ число *россійскимъ*

ныхъ и одной генеральной картѣ. Въ немъ извѣстный академикъ Миллеръ (въ соч. о россійскихъ ландкартахъ) находитъ тѣ же недостатки, какіе указалъ и въ атласѣ Кирилова, кромѣ того, что, у этого, послѣдняго видна еще черта патріотическая: онъ не хотѣлъ предѣлы Россіи считать чужестранными меридіанами, и хотя, по словамъ Миллера, Академія сей счетъ его не одобрила, потому что на островахъ Даго и Эзелѣ и на Камчаткѣ тогда не дѣлали еще астрономическихъ наблюденій, но уступила упорству Кирилова, издававшаго безъ нея и на свой счетъ свой атласъ. (Словарь свѣтск. писат. митр. Евгенія). Конечно, въ числѣ не одобрявшихъ патріотическаго упорства Кирилова былъ и академикъ Гроссъ.

[1]) Въ «Вѣдомости о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ академической книжной палатѣ къ 1738 г.», обозначено: Буксбаумово описаніе травъ не весьма знаемыхъ, 3 части по 1 руб. 16 коп.» (Матерьялы для исторіи Акад. н. въ V т. Лѣт. русск. лит. и древн.).

собраніемъ[1]) наречено.... Въ доплату за собакъ денегъ, его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ (Кантемиръ) не отрицается, только я не смѣю докучать, понеже великое и безпокойное принужденіе отъ полиціи происходитъ о достройкѣ каменнаго двора, чтобъ и по задней линіи двойныя апартаменты построены были и внутри двора, чтобъ ничего деревяннаго не было[2]). Требуемыя свѣтлостью вашей книги отъ Шумахера[3]) на счетъ получилъ и для отсылки вручилъ здѣшнему купцу Вульфу. Онъ обѣщался на первомъ кораблѣ отправить къ корреспонденту своему, г. Голдену. Въ зачотъ оныхъ книгъ отдалъ я г. Шумахеру тринадцать портретовъ[4]) по шестидесяти копеекъ, также и двадцать пять шеленговъ за математическій инструментъ обѣщалъ онъ въ счетъ принять. Атласъ Ивана Кирилова, который нынѣ на Уфѣ въ рангѣ бригадира[5]), еще долго, какъ сказывалъ мнѣ Шумахеръ, свѣта не увидитъ. Г. Хрипуновъ сказалъ, что книга его умерла, попався въ нѣкото-

---

[1]) Въ Реестрѣ на 1737 г. значатся слѣдующія лица, упражнявшіяся въ *Россійскомъ собраніи* при Академіи наукъ: *Ададуровъ* — адъюнктъ профессора физики свои труды читаетъ въ Россійскомъ собраніи, а притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которыя другія читаютъ, и старается чтобъ оныя переводы на россійскомъ языкѣ исправно въ печать выходили. *Таубертъ*—студентъ, содержитъ въ Россійскомъ собраніи протоколъ, читаетъ въ ономъ свои собственные переводы и въ исправленіи отъ другихъ предлагаемыхъ переводовъ свое мнѣніе объявляетъ. *Эмме*—каморъ-конторы совѣтникъ, упражняется въ переводахъ и бываетъ трижды въ недѣлѣ въ Россійскомъ собраніи; читаетъ свои труды или чтенія другихъ переводовъ слушаетъ и въ поправленіи оныхъ помогаетъ. *Тредіаковскій*—секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при Россійскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ. *Волчковъ*—секретарь, употребляется въ переводахъ, бываетъ съ вышеозначенными въ Россійскомъ собраніи (V т. Лѣт. рус. лит. и древ. Матер. для ист. Акад. наукъ).

[2]) Распоряженіе вслѣдствіе большого пожара въ Петербургѣ. См. ниже.

[3]) По Реестру съ имяннымъ описаніемъ... на 1737 г. значится: «Шумахеръ, библіотекарь, имѣетъ смотрѣніе надъ библіотекою и кунстъ-каморою, и всему, что въ оныхъ находится, содержитъ обстоятельную роспись, также и о томъ старается, чтобъ небреженіемъ какимъ что испорчено не было; показываетъ тѣмъ, которыя хотятъ кунстъ-камеру видѣть все, что находится въ ней примѣчанія достойнаго, изъясняетъ вкратцѣ оныя вещи; теперь готовитъ онъ къ печати особливыя каталоги, а кромѣ того имѣетъ еще въ канцеляріи надзираніе и помогаетъ во всемъ президенту.

[4]) Портреты Петра Великаго и Анны Ивановны, гравированные въ Лондонѣ.

[5]) Въ 1734 г., Кириловъ подалъ въ кабинетъ представленіе о заведеніи русской торговли чрезъ Бухарію съ индѣйскими владѣніями, и по указу императрицы былъ отправленъ въ оренбургскую экспедицію главнымъ начальникомъ для устройства тамошнихъ коммерческихъ дѣлъ и для основанія города Оренбурга, и произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника. Тамъ онъ продолжалъ трудиться надъ своимъ атласомъ, который, дѣйствительно, не увидалъ свѣта. Кириловъ умеръ отъ чахотки, въ Самарѣ, въ 1738 г., не успѣвъ кончить своего труда. (Словарь Евгенія, ч. II стр. 284 — 285.)

рыя руки, а въ чьи—того именно не объявилъ. О двухъ свѣтлости вашей книгахъ исторіи россійской его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ сказалъ, что оставлены въ Москвѣ и съ прочими вещами въ сундукахъ запечатаны, которыя безъ ихъ прибытія камарашу вынуть не можно».

Въ другомъ письмѣ, отъ 1 февраля 1737 г., Ильинскій извиняется, что пишетъ «не на томъ діалектѣ», на которомъ написано письмо Кантемира, такъ какъ онъ «теперь не только по-латыни, а съ трудомъ и по-русски пишетъ»: упалъ на льду затылкомъ и расшибъ голову, отчего не можетъ поправиться. Да къ тому же, прибавляетъ онъ, избѣгая *злобы іезавелиной*, переѣхалъ на Васильевскій островъ и сжегъ всѣ свои бумаги, въ томъ числѣ попали и письма Кантемира, такъ что онъ теперь не знаетъ, какія книги ему посланы, какія нѣтъ. Съ этимъ вмѣстѣ, онъ проситъ доставить ему реестръ присланныхъ и неприсланныхъ книгъ.

Судя по этой перепискѣ о книгахъ, мы можемъ заключить, что Кантемиръ очень прилежно занимался чтеніемъ, и вдали отъ Россіи интересовался ея маленькою литературою, не смотря на то, что легко могъ имѣть подъ рукою всѣ французскія книги, если и затруднялся въ чтеніи англійскихъ. *Злоба іезавелина*, по всей вѣроятности, относится къ дѣлу Кантемира съ его мачихой, о чемъ мы будемъ говорить.

Послѣ смерти Ильинскаго [1]), Кантемиръ писалъ къ Христіану Гроссу—позаботиться объ его вещахъ, бывшихъ на сохраненіи у Ильинскаго, на чтò Гроссъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Ваша свѣтлость почтили меня своимъ приказомъ отъ 21 іюня, по которому я немедленно и освѣдомился въ канцеляріи Академіи о пожиткахъ покойнаго г. Ильинскаго. Тамъ мнѣ дали копію съ прошенія его племянника, по которому видно, что онъ присвоиваетъ себѣ сказанныя пожитки [2]). Я постарался возвратить два глобуса вашей свѣтлости, и буду хранить ихъ у себя, согласно съ вашимъ желаніемъ. Я не замедлю также отыскать

---

[1]) Въ Словарѣ русск. свѣтскихъ писателей митроп. Евгенія и въ Словарѣ достопамят. людей Бантышъ-Каменскаго говорится, что Ильинскій умеръ въ 1735 г.; но это несправедливо, чтò доказываютъ письма Ильинскаго къ Кантемиру въ 1736 и 1737 г. Кромѣ того, въ дошедшемъ до насъ «Реестрѣ съ имяннымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждаго работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и протчихъ чиновъ служителей на 1737 годъ» мы находимъ при имени Ильинскаго замѣтку: «былъ переводчикомъ, умеръ 20 марта 1737 года». (Матерьялы для исторіи Акад. наукъ, въ V томѣ Лѣтописей рус. лит. и древн.).

[2]) По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, бумаги и книги Ильинскаго перешли въ руки къ профессору Тредьяковскому. (Словарь достопамят. людей, ч. II стр. 481).

у него и купить, для вашего сіятельства, русскую библію и русско-латинскій лексиконъ, о которыхъ вы упоминали. Между тѣмъ, имѣю честь приложить здѣсь копію сказаннаго прошенія, равно какъ и письмо вашей свѣтлости, которое за нѣсколько недѣль вы прислали мнѣ для передачи г. Ильинскому: я тогда же послалъ его въ академическую канцелярію, откуда теперь мнѣ его возвратили».

Приведя письма, по которымъ можно судить о вниманіи Кантемира къ наукѣ вообще и къ петербургской Академіи въ особенности, мы не обойдемъ и тѣхъ писемъ, въ которыхъ, отчасти, высказывается отношеніе его къ искусству. Во французской его біографіи, 1749 года, мы читаемъ, что въ обществѣ итальянцевъ у него развился вкусъ къ живописи и музыкѣ.

Передъ нами письма оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, извѣстнаго, въ свое время, любителя музыки при русскомъ дворѣ. Все, что здѣсь касалось искусства, относилось къ нему. Отвѣчая на письмо Кантемира, приславшаго рисунокъ какой-то изящной вазы, съ предложеніемъ, не купитъ ли ее императрица, — Левенвольдъ, какъ истинный любитель изящнаго, восхищается рисункомъ, говоритъ и о хорошемъ отзывѣ государыни, которая, впрочемъ, не нашла удобнымъ пріобрѣсти вазу. Но этимъ сообщеніемъ онъ не ограничивается. Пользуясь случаемъ, онъ проситъ Кантемира увѣдомить его, въ какомъ состояніи находится музыка въ Англіи, при дворѣ и въ столицѣ. «Мнѣ много хвалили извѣстную пѣвицу Целестину, которая теперь должна быть въ Лондонѣ. Мнѣ очень любопытно знать достоинство какъ ея музыкальныхъ силъ, такъ и методы пѣнія, и дѣйствительно ли она тамъ ангажирована».

Надо замѣтить, что въ это время Левенвольдъ хлопоталъ объ устройствѣ итальянской оперы на придворномъ петербургскомъ театрѣ, и присматривалъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. По этому случаю, онъ обмѣнялся съ Кантемиромъ нѣсколькими письмами, изъ которыхъ отвѣтныя письма Кантемира, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны. Но изъ содержанія писемъ Левенвольда видно, что Кантемиръ приглашалъ въ Петербургъ извѣстнаго итальянскаго композитора Порпора, который, въ то время, находился въ Лондонѣ при итальянской оперѣ. Это дѣло не могло состояться, потому-что Левенвольдъ передъ тѣмъ уже заключилъ контрактъ съ другимъ итальянскимъ композиторомъ—Арайя (Araya). Подъ его-то управленіемъ и началась у насъ итальянская опера въ 1736 году, а на Кантемира возложена была непріятная обязанность извиниться передъ Порпора. Вотъ, что̀ по этому случаю писалъ Левенвольдъ къ русскому посланнику:

«Я уже давно имѣлъ бы честь сообщить вамъ о себѣ извѣстія, если бы пришелъ раньше отвѣтъ, который я ожидалъ изъ Италіи отъ г. Арайя; наконецъ, съ послѣднею почтою я получилъ его, но къ несчастію не такой, какого бы мнѣ хотѣлось. Рѣшительно нѣтъ средства честно отдѣлаться отъ этого господина. Такъ какъ контрактъ его уже былъ подписанъ, то онъ думаетъ, что потерпитъ его репутація, если онъ отступитъ отъ даннаго ему слова; такимъ образомъ, дѣла нельзя поправить. Я очень сожалѣю объ этомъ, потому, что лишаюсь въ настоящее время всякой возможности думать о г. Порпора. Прошу васъ, любезный князь, сообщить ему объ этомъ въ самыхъ легкихъ и ласковыхъ выраженіяхъ, и, передавъ ему мой поклонъ, увѣрить его, что я никакъ не забуду о немъ, лишь только представится благопріятный случай.... Надѣюсь, что буду счастливѣе съ г. Авигони и что въ скоромъ времени получу отъ васъ извѣстія по этому дѣлу. Я льщу себѣ, что они будутъ благопріятны, потому что дѣло устраиваете вы....» (22 марта 1735 г.).

Послѣдствія этихъ переговоровъ намъ неизвѣстны. 6 августа 1737 года, Левенвольдъ сообщаетъ Кантемиру извѣстіе о новой оперѣ Арайя, и проситъ представить экземпляръ ея англійскому королю отъ имени автора, «что доставитъ огромное удовольствіе — прибавляетъ онъ — не только автору, но и мнѣ».

Какъ къ знатоку и любителю музыки, къ Кантемиру обращается и русскій посланникъ при шведскомъ дворѣ—Бестужевъ, въ письмѣ отъ 1 августа 1735 года. Здѣсь онъ рекомендуетъ ему Романи, управляющаго королевскою капеллою, «который отправился въ Англію нарочно для того, чтобъ послушать такихъ виртуозовъ какъ Гассъ и другіе» [1]).

Въ письмахъ Христіана Гросса также попадаются музыкальныя извѣстія, которыя, какъ видно, интересовали Кантемира; такъ онъ пишетъ отъ 6 мая 1734 года: «На прошедшей недѣлѣ, при здѣшнемъ дворѣ праздновали коронованіе ея величества, и юный графъ Биронъ, меньшой сынъ [2]) его превосходительства оберъ-камергера, имѣлъ честь пѣть во все время, пока обѣдала ея величество въ публикѣ; арію, которую онъ

---

[1]) Всѣ эти письма на французскомъ языкѣ хранятся въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, анг. дѣла 1735—37.

[2]) Одинъ изъ иностранныхъ агентовъ, описывая русскій дворъ въ 1737 году, замѣчаетъ: «Два принца (сыновья Бирона), еще очень молоды. Разно говорятъ объ ихъ происхожденіи, особенно о младшемъ. Правда, что царица, кажется, на него обратила всю свою привязанность, и я самъ видѣлъ ее проливающею слезы, когда ребенокъ, нынѣшней зимой, былъ въ оспѣ. (Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи — Пекарскаго, 2 стр.).

пѣвъ, я имѣю честь при этомъ послать вамъ. Онъ исполнилъ ее съ такою граціею, что заслужилъ большія похвалы».

Изъ переписки Кантемира съ Корфомъ видно, что нашъ посланникъ присылалъ въ Россію эстампы портретовъ Петра Великаго и Анны Ивановны, которые дѣлалъ художникъ Амигони, по 54 коп. за экземпляръ. Въ обмѣнъ на нихъ, Кантемиръ требовалъ книгъ изданія Академіи наукъ.

Другого рода корреспонденція была у Кантемира съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Какой-то милордъ изъявилъ желаніе перейти въ православіе. Кантемиръ послалъ его съ письмомъ въ Петербургъ, свидѣтельствуя, что «сперва онъ былъ папежскаго а потомъ реформаторскаго исповѣданія, родомъ французъ, но давно живетъ въ Англіи». Ѳеофанъ Прокоповичъ принялъ его, но при этомъ сильно подозрѣвалъ, нѣтъ ли у него какой задней мысли, и его желаніе перейти въ православіе не имѣетъ ли какой связи съ прежнимъ предложеніемъ англійскихъ епископовъ— соединить православную и англиканскую церкви. По этому случаю, въ 1733 году, онъ и писалъ Кантемиру, сообщая ему, что личные его разговоры, устные и письменные, съ милордомъ подали ему причину не торопиться этимъ дѣломъ, «чтобъ въ чаяніи смоквей и гроздей не возъимѣть рѣпія и тернія». Затѣмъ, онъ поручаетъ Кантемиру справиться: «Обрѣтаются ли въ живыхъ и гдѣ нынѣ четыре или пять епископовъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ до преставленія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя императора Петра Великаго какъ съ восточными патріархи, такъ и съ нашимъ россійскимъ синодомъ о соединеніи вѣры трактовали? И кто они по именамъ и которой партіи или факціи и закона, и подлинно ли они епископы, и которыхъ мѣстъ, и знали ль они сего милорда и съ котораго времени и въ чемъ?...»

Если мы не имѣемъ возможности разрѣшить удовлетворительно всѣ тѣ вопросы, которые встрѣчаются въ приводимыхъ письмахъ, такъ какъ не знаемъ отвѣтныхъ на нихъ писемъ, то тѣмъ не менѣе, они все же остаются для насъ интересными, знакомя насъ съ разнообразною дѣятельностью русскаго посланника. Онъ не могъ сосредоточиться на одной дипломатіи и ею только ограничиться. Ему приходилось быть посредникомъ между Англіею и Россіею не въ однихъ вопросахъ политическихъ, но рѣшительно во всѣхъ, какой бы сферы ни касались они, даже въ дѣлахъ частныхъ лицъ. Вотъ, напр., графиня Матвѣева безпокоится, что юный ея сынъ, отправившись за границу, такъ загулялся, что забылъ и о матери, и два мѣсяца заставляетъ ее ждать письма. Какимъ образомъ успокоить мать? Шлется письмо

въ Лондонъ къ посланнику съ просьбою собрать свѣдѣнія о молодомъ графѣ Матвѣевѣ и сообщить о немъ что-нибудь тоскующей графинѣ. Просьба, повидимому, незначительная, а, между тѣмъ, требуетъ и времени, и особыхъ распоряженій. А сколькихъ справокъ и разспросовъ требовали вопросы Ѳеофана Прокоповича, чтобы отвѣчать на нихъ обстоятельно! Намъ остается только сожалѣть, что до насъ не дошло отвѣтное письмо Кантемира. О смерти Прокоповича Кантемиръ узналъ отъ какого-то Михайла Петрова, который въ письмѣ, отъ 2-го октября 1736 года, писалъ слѣдующее: «Увѣдомясь черезъ письмо ко мнѣ старика барона Гизена [1]) о кончинѣ преосвященнаго Теофана, архіепископа новгородскаго, не могу преминуть, дабы о томъ вашей свѣтлости не донести, и понеже онъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ особливый вашей свѣтлости пріятель, слѣдовательно чрезъ такой упадокъ можетъ вашей свѣтлости причиниться оскорбленіе».

Извѣстны тѣ дружескія отношенія, какія существовали между старымъ Прокоповичемъ и юнымъ Кантемиромъ, когда этотъ жилъ еще въ Россіи. Сообщеніе Петрова свидѣтельствуетъ, что они продолжались до самой смерти Прокоповича.

---

[1]) Гюйссенъ (von Hüyssen), или какъ его у насъ называли, баронъ Гизенъ, бывшій учитель и гофмейстеръ при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ — лицо, по словамъ г. Пекарскаго, замѣчательное въ царствованіе Петра, по тому роду дѣятельности, на который себя обрекъ по собственной волѣ и даже на основаніи контракта. Петръ Великій понималъ очень хорошо силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, какое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII ст. журналистика и разныя политическія изданія. О Россіи петровскихъ временъ европейскіе журналисты и публицисты говорили или съ насмѣшками, когда дѣло шло объ умственномъ состояніи страны, или съ опасеніями, похожими на страхъ римлянъ при слухахъ о варварахъ, когда получались извѣстія о воинскихъ успѣхахъ русскаго царя. Видя это, Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т. е., они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что, напротивъ, тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые, всѣ безъ исключенія—отличнѣйшіе и образованнѣйшіе люди, и т. д. Чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ — и это было спеціальностью барона Гюйссена. Въ то время, имъ написано было множество сочиненій о Россіи въ упомянутомъ родѣ. Въ 1736 г., къ которому относится приведенное нами письмо М. Петрова, датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ встрѣчалъ Гюйссена въ Петербургѣ уже дряхлымъ старикомъ, полупомѣшаннымъ отъ лѣтъ и бѣдности, который говорилъ о заслугахъ своихъ русскому правительству и о томъ, что, со смертію Петра, забыли его службу и не обращаютъ на него никакого вниманія. (Подробности см. въ книгѣ г. Пекарскаго — Наука и литер. въ Рос. при Петрѣ Вел., ч. I, стр. 90 — 105; также Словарь свѣтскихъ писат. митр. Евгенія, ч. I, стр. 117 — 119).

Кромѣ хлопотъ о прибавкѣ жалованья, о которомъ какъ мы видѣли, Кантемиръ писалъ къ разнымъ лицамъ, нѣкоторое время онъ былъ сильно озабоченъ другимъ дѣломъ, грозившимъ разорить его. Въ 1735 году, онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что мачиха его, княгиня Анастасія Ивановна [1]) начала со всѣмъ ихъ семействомъ тяжбу за наслѣдство, которое, послѣ смерти молдавскаго господаря, будто бы неправильно перешло къ братьямъ Кантемирамъ, ея пасынкамъ, тогда какъ ей слѣдовало бы получить его. Съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ соединялось и другое: по случаю тяжбы, двѣ деревни князя Антіоха, пожалованныя ему въ 1731 году императрицею Анною, секвестрованы для обезпеченія претензіи мачихи. Намъ неизвѣстны подробности этого дѣла о наслѣдствѣ, и потому мы не въ состояніи разъяснить нѣкоторыхъ темныхъ обстоятельствъ. Намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ князь Антіохъ могъ быть привлеченъ къ тяжбѣ, когда всѣмъ было хорошо извѣстно, что все недвижимое имѣніе молдавскаго господаря перешло въ руки второго его сына, князя Константина, и что меньшой сынъ при этомъ остался безо всего? Отказываясь отъ разгадки этой странности, мы изложимъ только тѣ факты, которые успѣли собрать по этому дѣлу. Княгиня Анастасія Ивановна еще представляла свои права на наслѣдство тотчасъ же по смерти своего мужа; но, въ то время, обстоятельства ей не благопріятствовали. Ея падчерица княжна Кантемиръ имѣла большое вліяніе на Петра Великаго, который и рѣшилъ дѣло не въ пользу двадцатилѣтней вдовы. Получивъ отказъ, она стала выжидать благопріятнаго случая, и, наконецъ, дождалась его слишкомъ черезъ десять лѣтъ. Имѣя при дворѣ сильныхъ родственниковъ и обставивъ себя такъ, чтобъ можно было надѣяться на успѣхъ, она рѣшилась смѣло дѣйствовать. Въ одинъ вечеръ, находясь у императрицы, она улучила удобную минуту и, упавъ на колѣни, подала удивленной государынѣ прошеніе, умоляя ее приказать пересмотрѣть дѣло о наслѣдствѣ, рѣшенное несправедливо. «Хорошо ли ты подумала о томъ, какія послѣдствія могутъ выдти изъ твоей дерзости?» строго спросила императрица. Княгиня отвѣчала, что она все обдумала и надѣется легко доказать свои права, увѣренная, что ея дѣло прежде было представлено въ ложномъ свѣтѣ. Императрица согласилась исполнить ея просьбу, угрожая при этомъ примѣрно наказать ее, если, по суду, жалоба ея окажется неосновательною. Назначено было

[1]) Урожденная княжна Трубецкая. Въ 1719 г., шестнадцати лѣтъ, считаясь одною изъ первыхъ красавицъ, она вышла замужъ за шестидесятилѣтняго молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, и овдовѣла въ 1723 году.

слѣдствіе, которое, по словамъ современнаго разсказщика [1]), возбудило общее вниманіе. «Князь Антіохъ Кантемиръ — говоритъ аббатъ Венути — дѣйствовалъ здѣсь согласно со своими братьями, и, защищая свои права, написалъ много писемъ и прошеній [2]). Но ничто не помогло: процессъ былъ проигранъ. Вотъ, письмо по этому случаю отъ неизвѣстнаго корреспондента, написанное къ Кантемиру изъ Петербурга отъ 10 августа 1736 года:

«О прибавкѣ жалованья хотя тысячу рублей чаялъ было, однако же воспрепятствовало тому дѣло брата вашего (Константина) съ мачихою вашею, по которому вы всѣ обвинены и на вашу персону положено иску двадцать одна тысяча слишкомъ, кромѣ того, что впредь прибавится, да съ того иску пошлины; однако же во извѣстіе ваше доношу, что мачиха съ вашей персоны и съ князь Сергѣя (брата Антіоха) ничего брать не намѣрена, а говоритъ, что ежели де онъ отпишетъ ко мнѣ, да пришлетъ какую галантерею, то на томъ де у насъ и сдѣлка будетъ, и крѣпость, какую де хочетъ, дамъ. Того ради не соизволите ли отписать къ ней въ почтительныхъ и благопріятныхъ терминахъ и притомъ прислать ей изъ галантереи какую-нибудь ефимковъ десятка два или три, а паче такую, какая къ уборамъ женщины прилична или шитыхъ или тканыхъ что только бъ курьезно и новомодно было. Дай Боже чтобъ сія тягость съ васъ благополучно сошла, а о снятіи пошлины въ покорныхъ терминахъ изволите черезъ письмо просить оберъ-камергера (Бирона) и притомъ напомянуть прошеніемъ о прибавкѣ жалованья. Сія прошу изодрать».

Изъ этого письма видно, что княгиня Кантемиръ дѣйствовала, преимущественно, противъ своего пасынка Константина, получившаго главное наслѣдство отца; противъ другихъ же братьевъ не имѣла особенной злобы, и только требовала отъ нихъ должнаго къ себѣ вниманія. Князю Антіоху заплатить въ это время двадцать одну тысячу со всѣми пошлинами значило совершенно разориться; а князь Сергѣй и безъ того былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и случалось, нуждался въ самой небольшой суммѣ. У насъ есть его письмо къ Антіоху отъ 3-го іюня 1735 г., гдѣ онъ объявляетъ, что отправляется «волентиромъ въ Цесарію на своемъ коштѣ, а для моего туды и назадъ проѣзду и для тамошнихъ моихъ расходовъ будетъ мнѣ

---

[1]) Anecdotes interessantes et secrètes de la cour de Russie tirées de ses archives, publiées par un voyageur, qui a séjourné treize ans en Russie. Londre, 1792. t. IV p. 197 — 199.

[2]) Satyres du pr. Cant. avec l'histoire de sa vie. Londre, 1749.

въ деньгахъ недостатокъ, и для того васъ прошу, чтобы съ первою почтою въ Цесарію отписать, можете ли вы заплатить въ Лондонѣ мой вексель до пяти сотъ рублей, которые, по возвращеніи моемъ въ Россію, паки вамъ заплачу по возможности своей».

Послѣдовалъ ли князь Антіохъ совѣтамъ своего доброжелательнаго корреспондента — расположить къ себѣ мачиху просьбами и подарками, намъ неизвѣстно; но изъ предсмертнаго завѣщанія его, писаннаго спустя нѣсколько лѣтъ, мы видимъ, что его деревни были ему снова возвращены въ 1736 году «со всѣмъ собраннымъ черезъ два года въ конфискаціи доходомъ» [1]). Впрочемъ, изъ другого письма видно, что княгиня Кантемиръ не совсѣмъ отказалась отъ того, что̀ судъ присудилъ ей взыскать съ ея пасынковъ. 29 октября 1737 года, тотъ же корреспондентъ сообщаетъ князю Антіоху, что «процесъ съ мачихою по указу ея императорскаго величества и по здѣшнимъ правамъ уже вершенъ, и мачиха братьямъ вашимъ для уплаты иску своего отсрочила, а чтобъ изъ онаго еще что уступила, того отнюдь учинить не хочетъ, развѣ токмо склониться можетъ для общаго вашего исправленія оный срокъ еще на нѣсколько времени продолжить.» Здѣсь же слѣдуетъ приписка, что прибавки жалованья не послѣдовало, а что посланники польскій и шведскій получили прибавки по двѣ тысячи рублей, поэтому совѣтуется и Кантемиру еще разъ обратиться съ просьбою въ кабинетъ, «который все можетъ сдѣлать.»

Эта рѣчь о прибавкѣ жалованья продолжалась уже шестой годъ; процессъ съ мачихою только вредилъ этому дѣлу, хотя и непонятно, какая могла быть связь между тѣмъ и другимъ.

Произведя разстройство въ семействѣ своего покойнаго мужа, княгиня Кантемиръ, на слѣдующій годъ (1738), перемѣнила и имя, выйдя замужъ за ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, послѣ пятнадцатилѣтняго вдовства. Объ этомъ принцѣ мы не знаемъ ни одного благопріятнаго отзыва современниковъ [2]).

---

[1]) Въ книгѣ Байэра о жизни Дим. Кантемира.

[2]) Вотъ, портретъ его, по описанію безпристрастнаго Манштейна: «Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, точно также, какъ и младшій братъ его, вступилъ въ русскую службу полковникомъ въ 1724 году. Братъ его, о которомъ говорили много хорошаго, черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Предположеніе Петра I было женить его на принцессѣ Елисаветѣ; но, по смерти государя, объ этомъ бракѣ не было больше и рѣчи. О принцѣ Людвигѣ рѣшительно не знаемъ что̀ сказать хорошаго. Безъ воспитанія, безъ хорошаго обращенія, безъ здраваго разсудка, онъ былъ сплетникъ, способный на всякія низости. Не смотря на это, онъ быстро шелъ впередъ въ военной службѣ. При Екатеринѣ I и Петрѣ II, онъ дошелъ до чина генералъ-лейтенанта, а при Аннѣ онъ былъ сдѣланъ фельдцейхмейстеромъ, обязанности котораго, впрочемъ, исполнялъ

Принцесса Гессенъ-Гомбургская, въ началѣ царствованія Елисаветы, была пожалована статсъ-дамою и екатеринниским орденомъ, и пережила второго мужа десятью годами, оставшись памятною какъ въ семействѣ Кантемировъ, такъ и Голицыныхъ. Тяжба ея съ пасынками погубила князя Димитрія Михайловича Голицына, одного изъ главныхъ дѣятелей при избраніи герцогини курляндской на русскій престолъ. Въ то время, онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ Долгорукими, и только лишился должностей. «Вѣроятно—говоритъ Бантышъ-Каменскій—въ семъ случаѣ вспомоществовалъ ему братъ его, генералъ-фельдмаршалъ, жившій и дѣйствовавшій—по словамъ Карамзина—умомъ князя Димитрія». Но Биронъ не терпѣлъ его за ненависть къ иностранцамъ и выжидалъ случая, чтобы погубить его. Конечно, не безъ содѣйствія свирѣпаго временщика, и княгиня Кантемиръ рѣшилась смѣло обратиться къ императрицѣ съ своею просьбою; такія дѣла не могли дѣлаться помимо оберъ-камергера, который безъ себя или безъ своей жены никого не оставлялъ наединѣ съ государынею, а она дѣлала только такія распоряженія, которымъ онъ выказывалъ сочувствіе. Не безъ его вліянія была рѣшена и тяжба въ пользу вдовы Кантемиръ. Это нужно было Бирону, чтобы имѣть предлогъ обвинить князя Голицына въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о наслѣдствѣ въ пользу своего зятя, князя Константина Кантемира, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Голицына, въ самомъ дѣлѣ, обвинили, и, лишенный, въ 1737 году, чиновъ и знаковъ отличія, онъ былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ черезъ четырнадцать мѣсяцевъ [1]).

такъ дурно, что всѣ дѣла по его управленію пришли въ страшное разстройство. Съ 1737 года, его уже не назначали противъ непріятеля. При началѣ шведской войны, онъ командовалъ войскомъ, стоявшимъ лагеремъ у Красной-Горки, такъ какъ были увѣрены, что тамъ ему будетъ нечего дѣлать. При воцареніи Елисаветы, онъ былъ произведенъ ею въ генералъ-фельдмаршалы, и, въ первые мѣсяцы ея царствованія, былъ въ большой милости, но вскорѣ выказалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, и уже не пользовался при дворѣ такимъ почетомъ, какъ въ предъидущее царствованіе. Пренебрегаемый въ арміи, предметъ смѣха при дворѣ, онъ не назывался иначе, какъ маршалъ комедіантовъ. Бывъ въ дурныхъ отношеніяхъ со всѣми въ Петербургѣ, онъ захотѣлъ отправиться въ Гомбургъ, въ свое княжество, и умеръ въ Берлинѣ въ концѣ 1745 года». (Memoires sur la Russie, par Manstein, t. II).

[1]) См. Словарь достопамятныхъ людей Бантыша-Каменскаго, ч. II, стр. 78—79. Бантышъ-Каменскій ничего не говоритъ о тяжбѣ княгини Кантемиръ, и, напротивъ, начало ея приписываетъ князю Антіоху, который будто бы воспользовался благоволеніемъ императрицы Анны и, по совѣтамъ друзей своихъ, вступилъ въ тяжбу съ своимъ братомъ Константиномъ, несправедливо владѣвшимъ всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ. При этомъ, будто бы Биронъ способствовалъ князю Антіоху одержать верхъ

Имѣя въ виду всѣ изложенные нами факты, мы не можемъ назвать лондонскую жизнь Кантемира спокойною. Какъ проводилъ онъ время въ часы досуга, мы имѣемъ возможность судить только по свидѣтельству его біографа и друга—аббата Венути, и внука его Бантыша-Каменскаго, который, впрочемъ, по большей части повторяетъ перваго [1]; другихъ источниковъ у насъ нѣтъ. «Государственныя дѣла — говоритъ онъ — не препятствовали Кантемиру заниматься литературой: онъ продолжалъ писать сатиры [2]) для исправленія нрава соотечественниковъ. Домъ его сдѣлался собраніемъ ученыхъ, находившихъ удовольствіе бесѣдовать съ умнымъ, привѣтливымъ хозяиномъ, который въ кругу ихъ старался извлекать для себя пользу, но еще болѣе самъ удивлялъ всѣхъ основательнымъ сужденіемъ о наукахъ. Королева изъявляла ему отличное уваженіе. По просьбѣ ея, князь Антіохъ препоручилъ перевести на англійскій языкъ и напечатать «Исторію Оттоманскую» [3]. У его французскаго біографа находимъ извѣстіе, что между его друзьями было довольно итальянцевъ, которые и возбудили въ немъ охоту учиться по-итальянски. Скоро онъ такъ успѣлъ въ этомъ языкѣ, что говорилъ на немъ какъ природный итальянецъ, а чтобъ совершенно усвоить себѣ всѣ обороты итальянской рѣчи, онъ принялся за переводъ на этотъ языкъ «Оттоманской исторіи» своего отца, подъ руководствомъ Ролли; но другія занятія не позволили ему кончить этотъ трудъ. Кромѣ того, онъ переводилъ съ итальянскаго «Разговоры о свѣтѣ» — Альгаротти, который и высказалъ ему за это признательность при изданіи своей книги въ Неаполѣ, въ 1739 году. Этотъ трудъ Кантемира до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Полюбивъ всей душою итальянскій языкъ, Кантемиръ сталъ собирать и всѣ лучшія произведенія итальянской литературы. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ продолжалъ заниматься и греческимъ языкомъ, переводя съ него русскими стихами пѣсни Анакреона и составляя къ нимъ комментаріи. Непрестанныя занятія повредили его зрѣніе, ослабленное оспой еще въ дѣтствѣ.

Эта болѣзнь заставила Кантемира обратиться къ медикамъ; но леченіе въ Лондонѣ шло неуспѣшно. Ему совѣтовали ѣхать

надъ противной стороной, послѣ чего и послѣдовало заключеніе Голицына — все это искаженные факты.

[1]) Біографія Кантемира, при изданіи его сатиръ 1762 года, также не что иное, какъ переводъ сокращенной французской его біографіи.

[2]) Въ Лондонѣ написана имъ только VI сатира, четыре пѣсни или философскія оды, и двѣ басни: «Городская и полевая мышь» и «Чижъ и Снигирь». Все это было напечатано въ изданіи 1762 года.

[3]) Словарь дост. людей Бант.-Кам., ч. III, стр. 18.

въ Парижъ и тамъ обратиться къ извѣстному окулисту Жандрону. Кантемиръ, въ 1736 году, послалъ въ Петербургъ прошеніе объ отпускѣ; а, между тѣмъ, амстердамская французская газета поспѣшила заявить, что русскій посланникъ въ Лондонѣ получилъ позволеніе на время ѣхать въ отечество. Вмѣсто того, онъ вдругъ явился въ Парижѣ инкогнито, что̀ и произвело подозрѣніе и толки въ политическихъ кружкахъ, такъ какъ, въ то время, между Россіей и Франціей еще не возобновлялись дипломатическія сношенія. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того времени мы читаемъ извѣстіе изъ Парижа, отъ 7 сентября 1736 года: «Живетъ здѣсь князь Кантемиръ нѣсколько времени въ незнаемости (incognito). Подлинная и, можетъ быть, единая причина ѣзды его та, что онъ отъ очной своей болѣзни пользоваться намѣренъ, и лучше нашему славному окулисту Жандрону, нежели англійскому Тайлеру ввѣрился. Онъ ни къ кому изъ нашихъ министровъ не ѣздилъ, ни ихъ посѣщеній не принималъ, чрезъ что всѣ о его пріѣздѣ бывшія политическія разсужденія уничтожились» [1].

Конечно, не безъ порученій прожилъ онъ и въ Парижѣ. Тамъ приказано ему было купить для нашего двора шесть пищалей, а графъ Головкинъ просилъ выслать въ Петербургъ «французскую легкую дамскую фузею». Надо замѣтить, что въ это время императрица Анна полюбила стрѣльбу, въ чемъ, по свидѣтельству графа Миниха-сына, пріобрѣла такое искусство, что безъ ошибки попадала въ цѣль и на лету птицу убивала. «Сею охотою — продолжаетъ онъ — занималась она дольше другихъ, такъ что въ ея комнатахъ стояли всегда заряженныя ружья, которыми, когда заблагоразсудится, стрѣляла изъ окна въ мимопролетающихъ ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ [2]).

Жандронъ совершенно излечилъ опасную болѣзнь Кантемира и, по словамъ его біографа, сдѣлался, съ того времени, его другомъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» извѣстили, что 14 сентября 1736 г. князь Кантемиръ выѣхалъ въ Лондонъ [3]).

Говоря о занятіяхъ русскаго посланника, мы еще не упомянули о предложеніяхъ разныхъ англійскихъ прожектёровъ, которыя ему приходилось разсматривать и отсылать въ Петербургъ. Въ нихъ высказывается слабая и вмѣстѣ—честолюбивая сторона тогдашняго русскаго двора, который, подражая стремленіямъ

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1736 г. № 79, стр. 628.

[2]) Записки графа Миниха, сына фельдмарш., 1817 г., стр. 184.

[3]) С.-Петерб. Вѣдом. 1736 г. № 81.

Петра Великаго, хотѣлъ слыть въ Европѣ за образованнаго, сочувствующаго всѣмъ интересамъ науки и искусства. «Цѣль русскаго двора — говоритъ Лалли — бросать пыль въ глаза цѣлой Европѣ. Нѣтъ такого дорогого и необыкновеннаго проекта, который, бывъ предложенъ ему, не былъ бы принятъ: такъ, напримѣръ, проектъ о торговлѣ съ Японіей черезъ Камчатку, проектъ объ открытіи новыхъ земель въ Америкѣ, проектъ о веденіи торговли съ бухарцами и монгольцами, проектъ о сдѣланіи петербургскаго порта судоходнымъ, проектъ о соединеніи Волги съ Дономъ. Я знаю еще двѣсти такихъ проектовъ, на которые уже затрачено сто-тысячъ экю, потому что прожектеры получаютъ хорошее жалованье и содержаніе. Отъ времени до времени посылаютъ пять-шесть нарочныхъ, чтобы ожидать ихъ на границѣ. Цѣль двора достигнута, если въ Европѣ говорятъ, что Россія богата: посмотрите какіе чрезвычайные расходы дѣлаетъ Россія [1])!»

Подобное покровительство иностраннымъ прожектёрамъ вызывало множество проектовъ изъ разныхъ мечтательныхъ головъ, между которыми англичане занимали не послѣднее мѣсто. Такъ, одинъ изъ нихъ предлагалъ черезъ русскаго посланника сыскать морскую дорогу изъ Архангельска въ Японію, Китай и Америку, обѣщая развить выгодный китовый промыселъ, и прося при этомъ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Все это изложено имъ въ подробномъ писанномъ проектѣ [2]). Или цѣлая компанія англійскихъ «знатныхъ купцовъ» обѣщаетъ пріискать удобное мѣсто въ Америкѣ для «новой слободы»; разумѣется, при этомъ сулитъ большія выгоды, съ условіемъ, чтобы имъ дали два военные корабля [3]). По рѣдкому изъ проектовъ не приходилось писать въ Петербургъ по нѣскольку докладовъ или отвѣтовъ на новые запросы петербургскаго кабинета.

Другого рода щекотливость русскаго правительства въ XVIII в., относительно Европы, заключалась въ опасеніи, чтобъ о немъ не думали чего-нибудь такого, что свидѣтельствуетъ объ его непрочности или незрѣлости, или непопулярности. Такъ, академикъ Миллеръ, выбравшій, для своихъ историческихъ изслѣдованій, смутныя времена Годунова и Лжедимитрія, долженъ былъ выслушать обвиненіе, что онъ своими изслѣдованіями даетъ иностранцамъ поводъ имѣть дурное мнѣніе о Россіи [4]). Въ предѣлахъ Россіи,

---

[1]) Марк. де-ла-Шетарди. Пекарскаго, стр. 20.

[2]) Моск. арх. минист. иностр. д. Англ. дѣла 1732 г. 39 дек.

[3]) Моск. арх. минист. иностр. д. Англ. дѣла 1735 г. августа, 22 и окт. 11.

[4]) Записки имп. Акад. наукъ 1864 года, т. V, кн. I. Рѣчь Пекарскаго о дѣятельности Академіи по отношенію къ Россіи. Стр. 106.

противъ этого употребляли систему зажиманія ртовъ, на которую былъ большой мастеръ Биронъ съ нѣмецкой компаніей; но за границей такая система оказалась непримѣнимою; поэтому, прибѣгали къ мѣрамъ болѣе европейскимъ — къ газетнымъ объявленіямъ и опроверженіямъ, особенно въ Англіи, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, неудалось сдѣлать никакой сдѣлки съ англійскимъ правительствомъ, которое всегда отвѣчало, что англичане — народъ вольный, и что заставить его молчать нѣтъ никакой возможности.

До какой степени доходила эта щекотливость русскаго правительства, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1736 и 1737 годахъ, въ Петербургѣ были большіе пожары. «Сперва учинился пожаръ наивеличайшій—сообщаетъ современный писатель [1])—который загорѣлся тогда въ самыя полдни внутри Мытнаго двора [2]), который яростію своей испепелилъ не только одинъ каменный Мытный дворъ, но премножество обывательскихъ домовъ отъ Тріумфальныхъ воротъ [3]) и продолжался до Вознесенской улицы. Потомъ, въ 1737 году, учинился вторично великій пожаръ позади Миліонной линіи въ Греческой [4]), которымъ пожаромъ не только вся Греческая улица сгорѣла, но и палатамъ каменнымъ не малый вредъ учинился. Въ томъ же году почти въ то же самое лѣтнее время, загорѣлся подъ линіею, то-есть, гдѣ въ 1736 году кончился у Синяго моста, съ того самаго мѣста начался и продолжался пожаръ до Крюкова канала».

По другому описанію: «Въ августѣ 1736 года, ровно въ полдень, одинъ изъ домовъ, находившихся на лѣвомъ берегу Мойки возлѣ Зеленаго моста, загорѣлся отъ неосторожности жив-

---

[1]) Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга отъ начала заведенія его съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Богдановымъ, а нынѣ дополненное и изданное В. Рубаномъ, 1779 г., стр. 206.

[2]) Онъ былъ построенъ въ 1719 году на Мойкѣ, тамъ, гдѣ теперь домъ Елисѣева (бывшій Косиковскаго), у нынѣшняго Полицейскаго моста, который тогда назывался Зеленымъ мостомъ.

[3]) Они назывались Адмиралтейскими и были построены у Морской улицы въ 1782 году, для встрѣчи императрицы Анны Ивановны, ѣхавшей изъ Москвы, послѣ коронованія.

[4]) Нынѣшняя Малая Милліонная; она продолжалась до нынѣшней Большой Милліонной и считалась главною улицею въ столицѣ; потомъ была названа Нѣмецкою и, наконецъ, Луговою Милліонною, такъ какъ пространство между нею и Зимнимъ дворцомъ называлось Лугомъ; Большая же Милліонная называлась набережною Милліонною линіею. «Называется же Милліонная потому,— говорится въ старинномъ описаніи Петербурга, что она самая первоначальная, зачата строиться линіею и знатными персонами и богатыми людьми, и за честь ея первоначальства названа Милліонною, понеже отъ тогдашняго времени богатѣе строеніемъ оной не было, и нынѣ благодатію Вышняго таковыхъ еще и лучше Милліонныхъ линій застроено много».

шихъ въ немъ слугъ персидскаго посла Ахметъ-хана. Они курили трубки на дворѣ; незамѣченная искра запала въ сѣно, и чрезъ полчаса не только этотъ домъ, но и сосѣдственные пылали. День былъ чрезвычайно жаркій и вовсе безъ вѣтра; въ то время какъ старались остановить дѣйствіе огня, съ неимовѣрною быстротою охватившаго сухія деревянныя зданія на значительномъ пространствѣ лѣваго берега Мойки, гостиный дворъ (мытный) стоявшій на правомъ берегу, вспыхнулъ отъ чрезвычайнаго жара. Три обширные деревянные корпуса съ большимъ числомъ лавокъ, вмѣщавшихъ почти безъ изъятія всѣ богатства города, съ тремя дворами, набитыми пенькою, лѣсомъ, саломъ, дегтемъ, пряжею и проч., въ нѣсколько минутъ сдѣлались пищею пламени. Тогда представилась картина смятенія и ужаса, которой описать невозможно. О пресѣченіи пожара, стремившагося все далѣе и далѣе перестали и думать. Люди, забывая себя, съ воплями отчаянія кидались въ жерло пожара, чтобъ спасать гибнувшее имущество. Многіе не выходили оттуда вовсе; счастливѣйшіе, съ неимовѣрными усиліями успѣвъ въ трудномъ дѣлѣ сквозь огонь и дымъ, осыпаемые горящими головнями, выносили товаръ въ близъ-лежащія улицы, но и здѣсь уже владычествовала разрушительная стихія — товары снова были бросаемы ей на жертву, грудами догарали на срединѣ улицъ, загороженныхъ остатками рушившихся домовъ, и пылающими развалинами преграждали спасавшимся дорогу. Дѣйствовать не было возможности; ужасъ былъ всеобщій, да и что значили существовавшія средства, тогда какъ на пространствѣ четырехъ почти верстъ, все слилось въ одну огненную массу? Сады, домы, мосты, мостовыя укрѣпленія береговъ, все горѣло; воздухъ жегъ прикосновеніемъ, небо померкло и густые клубы чернаго удушливаго дыма, при совершенномъ безвѣтріи, непроницаемою пеленою разостлались надъ городомъ. Огонь свирѣпствовалъ восемь часовъ; усилія людей, спасавшихъ свою собственность, были отчаянны; не менѣе того почти ничего не было спасено съ мѣста пожара. При чрезвычайно тихой погодѣ уничтожено было огромное застроенное пространство по діагонали отъ Зеленаго моста до Вознесенской церкви» [1]).

По современнымъ свѣдѣніямъ, болѣе тысячи домовъ и нѣсколько сотъ жителей погибли въ два первые пожара [2]); къ нимъ скоро присоединились значительные убытки и третьяго.

Приступили къ слѣдствію о причинѣ двухъ послѣднихъ пожа-

---

[1]) Панорама С.-Петербурга, Башуцкаго, ч. III, стр. 187—189.

[2]) Тамъ же.

ровъ, и обвинили двухъ мужиковъ, поджигавшихъ въ виду грабежа, и бабу, «занимавшуюся блудомъ». Мужиковъ присудили сжечь живьемъ, а бабѣ отрубить голову. Между тѣмъ, за границею, и особенно въ Англіи, стали ходить толки неблагопріятные для русскаго правительства: люди, которые занимались политикою и почему-либо интересовались Россіею, были настроены уже прежде разными описаніями, въ родѣ локателліевскихъ, и предсказаніями, что нѣмецкое правительство въ Россіи не можетъ долго держаться по ненависти къ нему народа; они стали объяснять причины такихъ ужасныхъ пожаровъ народными волненіями и дикими демонстраціями, къ которымъ народъ прибѣгаетъ за невозможностью дѣйствовать болѣе законнымъ образомъ. Эти толки задѣли за живое правительственныхъ нѣмцевъ, которые всегда маскировались передъ Европою, и къ Кантемиру было послано объявленіе, гдѣ говорится о злоумышленномъ поджогѣ и о казни преступниковъ, число которыхъ не превышало трехъ, чѣмъ и доказывалось, что народнаго дѣла, народныхъ манифестацій нелѣпо было искать въ пожарахъ. Кантемиру предписывалось напечатать это объявленіе въ одной изъ лондонскихъ газетъ. О томъ, что приказаніе было исполнено, русскій посланникъ увѣдомлялъ счетомъ: «За напечатаніе вѣдомости о пожарѣ 4 шилинга».

IV.

Русская придворная политика. — Объявленіе англійскому двору объ избраніи Бирона герцогомъ курляндскимъ. — Перемѣна политики. — Приказъ Кантемиру вступить въ сношеніе съ французскимъ министромъ. — Назначеніе его посломъ въ Парижъ. — Новые хлопоты о жалованьи. — Непріятности по поводу клеветы. — Соображенія Кантемира объ улучшеніи русской торговли съ Англіей.

Въ 1738 г., французскій агентъ въ Петербургѣ, Лалли, въ письмѣ къ первому французскому министру кардиналу Флери, метко сравнивалъ Россію съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ, наконецъ, на свѣтъ, открываетъ глаза, видитъ предметы на него похожіе, протягиваетъ свои руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться, чувствуетъ свои силы, но не знаетъ на что̀ ихъ употребить. «Нѣтъ ничего удивительнаго—прибавляетъ Лалли — что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы (если можно такъ назвать сборище датчанъ, пруссаковъ, вестфальцевъ, голштинцевъ, ливонцевъ и курляндцевъ) были этими первыми встрѣчными: они воспользовались руками и но-

гами этого народа и управляютъ его движеніями. Вѣнскій дворъ, внимательный къ своимъ выгодамъ, умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи и, можно сказать, управлялъ петербургскимъ дворомъ съ самаго восшествія на престолъ нынѣ царствующей императрицы: онъ снабжалъ лицами для замѣщенія первыхъ должностей въ министерствѣ и войскахъ; онъ, по своей волѣ, заставлялъ заключать миръ, объявлять войну; по его же внушенію, Россія предприняла и настоящую (турецкую) войну... Дворы вѣнскій, англійскій и голландскій всегда хлопотали о прекращеніи всякой связи между дворами русскимъ и французскимъ, и теперь для того поселяютъ между ними духъ недовѣрія и даже отвращенія, чему, чтобы повѣрить, надобно быть свидѣтелемъ самому. Я имѣлъ случай испытать послѣдствія того: нынѣшней зимой была публикована въ Петербургѣ статья (а здѣсь не смѣютъ говорить публично ничего такого, что̀ не шло бы изъ министерства), въ которой прямо говорится, что Франція употребляетъ все свое вліяніе и даже деньги въ Турціи, чтобы заключенъ былъ съ императоромъ (германскимъ) миръ отдѣльно (отъ Россіи), что она старается возбудить и Швецію. Биронъ не скрываетъ, что въ его выгодахъ было ухаживать за вѣнскимъ дворомъ, чтобы тотъ не помѣшалъ ему въ его видахъ на Курляндію» [1]).

Все это хорошо представляетъ намъ положеніе тогдашней русской придворной политики. Оно было необходимымъ слѣдствіемъ владычѐства нѣмецкой партіи. Нѣмцы, составившіе русское правительство, иначе не могли и дѣйствовать, какъ въ нѣмецкихъ интересахъ. Выборъ здѣсь могъ быть только между двумя сосѣдними нѣмецкими державами—Пруссіей и Австріей. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ, петербургскій дворъ, можетъ быть, подчинился бы и прусскому вліянію; но такъ какъ между всѣми нѣмцами сильнѣе всѣхъ былъ курляндецъ Биронъ, который мечталъ о курляндскомъ герцогствѣ, то, разумѣется, его интересы должны были направлять и русскую политику. Само собою, онъ болѣе всѣхъ тутъ и выигралъ. 21 апрѣля 1737 года, умеръ курляндскій герцогъ Фердинандъ, послѣдній изъ дома Кетлеровъ. Вожделѣнная минута для Бирона настала. Черезъ сорокъ дней, онъ уже могъ назваться владѣтельнымъ герцогомъ Курляндіи. Объ этомъ событіи русскій дворъ поспѣшилъ сообщить и дружественнымъ дворамъ. Такъ, Кантемиръ получилъ высочайшій рескриптъ съ извѣстіемъ, что «курляндскіѐ чины и рыцарство въ элекціи поступили и нашего оберъ-камергера имперскаго графа

---

[1]) Маркизъ де-ла-Шетарди. Изданіе Пекарскаго. 1862 г., стр. 15—17.

фонъ-Бирона своимъ герцогомъ *единогласно* избрали и яко мы въ томъ, что до *благополучія сихъ герцогствъ и содержанія и соблюденія правъ и вольностей* оныхъ касается, всегда весьма особливое участіе воспріимали, тако намъ и сіе избраніе не инако, какъ весьма пріятно быть могло, ибо мы увѣрены, что новоизбранный герцогъ какъ *благополучію земли удобенъ*, такъ и сосѣдямъ совершенно пристоенъ будетъ, толь наипаче, понеже онъ изъ курляндскаго рыцарства, потому всѣ столкновенія религіозныя, національныя и другія обстоятельства, какія могли бы быть при избраніи чужеземнаго принца, легко теперь могутъ уладиться и не поведутъ къ безпокойствамъ... Мы обнадежены находимся, что и тамошнему (англійскому) двору для вышеизображенныхъ причинъ вѣдомость о семъ избраніи совершенно пріятна будетъ.»

Судя по этому рескрипту, легко можно себѣ представить, какъ мирно, согласно и добровольно курляндское дворянство выбрало себѣ въ герцоги имперскаго графа Бирона, котораго еще не такъ давно не хотѣло даже принять въ свою дворянскую среду. Но вотъ, что̀ разсказываетъ Манштейнъ объ этомъ избраніи: «Петербургскій дворъ, получивъ извѣстіе о смерти герцога Фердинанда, тотчасъ же приказалъ рижскому коменданту генералу Бисмарку [1]) ввести въ герцогство войско, какое было подъ его командою, чтобы поддерживать избраніе новаго герцога. Между тѣмъ, курляндское дворянство собралось въ каѳедральный соборъ въ Митавѣ, гдѣ, послѣ пѣнія Veni Creator, и былъ избранъ курляндскимъ герцогомъ, по большинству голосовъ, Эрнестъ-Іоганъ Биронъ. Нужно замѣтить, что, передъ этимъ, генералъ Бисмаркъ расположилъ нѣсколько отрядовъ кавалеріи на кладбищѣ и въ самомъ городѣ, такъ, чтобы избранію не было никакой помѣхи.

«Курляндское дворянство, которое, въ былое время, было довольно мятежно и пользовалось большою свободою въ правленіе прежнихъ герцоговъ, вмигъ оказалось въ такомъ прискорбномъ положеніи, что никто не смѣлъ открыть рта, не подвергая себя опасности быть схваченнымъ и сосланнымъ въ Сибирь. У новаго герцога было совершенно особенное средство останавливать разговоры. Кого подозрѣвали, что онъ говоритъ немного громко, того схватывали замаскированные люди, и именно въ ту минуту, когда онъ считалъ себя въ безопасности, садили его въ закрытую карету и отвозили въ самыя отдаленныя провинціи Россіи. Такихъ похищеній было много въ теченіе трехъ лѣтъ царствованія дюка Эрнеста-Іогана» [2]).

---

[1]) Женатый на сестрѣ графини Биронъ.

[2]) Memoires sur la Russie, par Manstein, t. I.

Конечно, подобныя же сообщенія послали и иностранные агенты къ своимъ дворамъ, такъ-что оффиціальное сообщеніе со стороны русскихъ посланниковъ о мирномъ и единодушномъ избраніи курляндскаго герцога, представляло уже много комичнаго. Въ этомъ случаѣ, иностранный дворъ зналъ дѣло лучше, подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ посланникъ, до котораго извѣстія доходили оффиціальнымъ путемъ, тѣмъ болѣе, что частнымъ лицамъ посылать черезъ почту подробныя и вѣрныя описанія было очень неудобно. Англійскій агентъ въ своихъ депешахъ, между прочимъ, сообщалъ [1]), что Бирону очень хотѣлось принять въ Варшавѣ лично инвеституру на герцогство, но слезы царицы помѣшали ему это сдѣлать: «она не соглашалась — прибавляетъ онъ — ни за что на свѣтѣ, даже на самую короткую его отлучку, боясь потерять его изъ виду....»

Достигнувъ цѣли своихъ желаній, Биронъ уже не имѣлъ нужды угождать Австріи, въ союзѣ съ которою Россія истощалась войною. Теперь ему былъ необходимъ миръ для того, чтобы привести въ исполненіе свои другіе замыслы.

Честолюбивый, надменный и дерзкій, онъ, въ то же время, не умѣлъ быть скрытнымъ, такъ-что въ планы его проникали посторонніе наблюдатели. Тотъ же Лалли писалъ кардиналу Флери: «Теперь сынъ его—наслѣдный принцъ герцогства, смежнаго съ русскими предѣлами, и не сомнѣваются, чтобы виды герцога не простирались на доставленіе русской короны своему роду, и чтобы онъ не успѣлъ въ томъ, если царица проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ ея кончины прежде исполненія этого плана, выгоды герцога потребуютъ устроить себѣ безопасное удаленіе въ свои владѣнія, гдѣ онъ займется освобожденіемъ ихъ отъ долговъ и закладовъ, которыми они обременены. Въ противномъ случаѣ, миръ необходимъ для его плановъ: армія занята, деньги русскія истощены въ войнѣ. Императоръ (германскій) не въ состояніи ссужать его, а по герцогству онъ долженъ десять милліоновъ, и двѣ трети его владѣній заложены. Выкупя ихъ, у него было бы дохода 150,000 ливровъ, а теперь онъ только получаетъ 50....»

Около того же времени сообщалъ и Рондо англійскому двору: «Говорятъ, что герцогъ курляндскій имѣетъ намѣреніе женить своего сына на юной принцесѣ Аннѣ (Леопольдовнѣ) мекленбургской, племянницѣ императрицы. Надо признаться, что это предпріятіе было весьма смѣлымъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, но теперь, послѣ того, какъ онъ сдѣлался владѣтельнымъ прин-

[1]) La Russie il y a cent ans, p. 51.

цемъ и всемогущимъ по милости ея величества, никто не можетъ предвидѣть, куда поведетъ его безграничное честолюбіе, если онъ будетъ продолжать нравиться государынѣ [1])...»

Что у Бирона дѣйствительно были такія намѣренія, это вполнѣ объяснилось въ скоромъ времени. Чтобъ привести ихъ въ исполненіе, нужно было удалить принца Антона-Ульриха Беверна, жениха Анны Леопольдовны, который нѣсколько лѣтъ воспитывался при русскомъ дворѣ. Такъ какъ онъ былъ племянникъ германской императрицы, то, разумѣется, нельзя было сдѣлать этого дѣла, не придя въ столкновеніе съ вѣнскимъ дворомъ. Поэтому, русская политика должна была измѣниться. Представлялась выгода войти въ сношеніе съ Франціей, которая до сихъ поръ возбуждала противъ Россіи и Турцію и Швецію, и сильно тревожила русское правительство своими враждебными замыслами. Миръ казался возможнымъ только при посредствѣ Франціи и въ союзѣ съ нею. Рѣшено было сдѣлать первый приступъ черезъ Кантемира и, притомъ, какъ можно искуснѣе, чтобы французскіе министры не могли и замѣтить, будто Россія нуждается во Франціи. 31 мая 1737 года, къ Кантемиру былъ посланъ приказъ вступить въ корреспонденцію съ французскимъ министромъ Шавиньи по дѣлу о возобновленіи съ французскимъ дворомъ дружбы. «Наше намѣреніе есть, какъ всегда было, по счастливомъ окончаніи польскихъ дѣлъ съ Франціею, добрую дружбу и кореспонденцію содержать, а нашъ интересъ есть, чтобъ Францію при нынѣшнихъ случаяхъ отъ всякихъ въ пользу Отоманской порты служащихъ поступковъ сколько можно отвращать, и къ тому клонятся всѣ о семъ дѣлѣ отправленныя къ вамъ наставленія».

Въ наставленіяхъ заключаются указанія, какъ Кантемиръ долженъ вести себя съ французскимъ министромъ.

«Содержаніе сего рескрипта къ такому искусному исполненію вашему рекомендуется, дабы съ одной стороны сей нашъ поступокъ не показался, яко бъ мы съ чрезмѣрною горячностію и эмпресементомъ французской дружбы ищемъ, отчего бъ сіе возстановленіе больше остановлено нежели поспѣшествовано быть могло бъ, также чтобъ и съ другой стороны другимъ державамъ оттого какого безвременнаго подозрѣнія быть не могло.... Можете вы, но едино токмо будто отъ себя, дать знать, что вы весьма бъ себѣ за немалое счастіе имѣли, ежели бы вы къ сему возстановленію (дружбы) какимъ инструментомъ были, понеже вы не можете утаить, что вы всегда къ оному особливу склон-

[1]) La cour de la Russie il y a cent ans.

ность имѣли и дружбу сихъ обоихъ государствъ обоихъ сторонъ интересамъ всегда за полезную почитали, и что вы для того въ прошедшей войнѣ съ особливымъ удовольствіемъ усмотрѣли, съ какимъ особливымъ разсужденіемъ съ нашей стороны при всякихъ случаяхъ къ Франціи поступлено, и не смотря на войну комерція не пресѣчена, хотя извѣстно, что ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ французскихъ продуктовъ въ Россію привожены и проданы бываютъ, безъ которыхъ однако же Россія пробыть могла бъ, а во Францію россійскихъ продуктовъ, сколько вамъ извѣстно, ни на одну копѣйку не берется, и что однимъ словомъ сказать, что вы отъ возстановленія сего добраго согласія и тѣснѣйшей дружбы между обоими государствами не малой обоихъ сторонъ интересамъ пользы предусматриваете и совершенно надѣяться причину имѣете. Ежели бъ и съ французской стороны о нынѣшней турецкой войнѣ притомъ толковать и оную въ препятствіе сему доброму согласію вмѣнить похотѣли, то можете имъ на то объявить, что сія война никакимъ препятствіемъ оному отнынѣ быть не можетъ, но паче еще къ лучшему между обоими дворами согласію служить имѣетъ, понеже мы въ сей войнѣ никакихъ дальновидныхъ намѣреній не имѣемъ, но единую только на предбудущія времена свою безопасность желаемъ. Вы можете имъ, притомъ будто отъ себя всегда, дать знать, какія французскому двору и кардиналу де-Флери о такихъ будто дальновидныхъ нашихъ намѣреніяхъ лживыя и неосновательныя внушенія чинятся, а именно будто мы намѣрены Крымомъ и всѣми берегами Чернаго моря овладѣть, Царь-градъ весьма блокировать и левантскую кòмерцію въ предосужденіе другихъ державъ овладѣть, со многими иными намъ приписуемыми шимерическими проэктами. Но понеже мы отъ такихъ шимерическихъ намѣреній весьма далеко отстоимъ, того ради легко разсудить можно, въ какой видъ всѣ такія внушенія чинятся, а именно, чтобъ возстановленію того добраго согласія по своимъ партикулярнымъ видамъ и интересамъ мѣшать и препятствовать. И что наши виды и намѣренія такъ справедливы и умѣренны, что они не токмо никому на свѣтѣ никакой омбражъ подать не могутъ, но и мы отъ извѣстнаго праводушія его королевскаго величества и кардинала де-Флери весьма обнадежены, чтò сами признать изволятъ, что меньше того для нашей безопасности требовать невозможно, и дабы ихъ о томъ толь наивящше увѣрить, то можете вы, однако же всегда будто отъ себя, имъ наши кондиціи сообщить...»

Въ этомъ рескриптѣ Кантемиру давался прекрасный случай выказать свои дипломатическія способности, которыя, по поня-

тіямъ вѣка, составляли только хитрость, притворство, умѣнье провести другого въ свою пользу. Всѣ эти качества, какъ мы видѣли, не были въ характерѣ Кантемира; ему по душѣ была дѣятельность открытая, прямая. Онъ могъ буквально исполнять всѣ предписанія нашего двора, но собственной изобрѣтательности отъ него нельзя было ожидать тамъ, гдѣ требовались особенныя качества. Онъ вступилъ въ сношеніе съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ такъ, какъ ему было приказано. Посолъ передалъ свой разговоръ парижскому кабинету; завязались сношенія, но дѣло долго не подвигалось впередъ. Наконецъ, Кантемиръ получаетъ увѣдомленіе изъ Петербурга, отъ 20-го декабря 1737 года, что «извѣстное дѣло о французской медіаціи къ возстановленію съ турками мира происходило, и оная медіація дѣйствительно отъ насъ безъ всякаго затрудненія принята, то уповательно, что такой нашъ поступокъ французскому двору не инако какъ пріятенъ быть и къ довольному знаку нашихъ къ оному добрыхъ намѣреній служить можетъ [1])».

Первые переговоры съ Турціею о мирѣ, какъ извѣстно, кончились ничѣмъ. Война продолжалась. Франція дѣйствовала попрежнему, поддерживая Турцію и возбуждая противъ Россіи Швецію. Кантемиръ снабжалъ рекомендательными письмами къ Остерману тѣхъ англійскихъ офицеровъ, которые являлись къ нему, выражая желаніе сражаться въ русскихъ войскахъ съ невѣрными. Отыскивать же адмираловъ въ русскую морскую службу лежало на его посольской обязанности по слѣдующему предписанію изъ Петербурга: «Имѣете вы послѣ прежнихъ нашихъ указовъ трудиться пріискивать и призывать въ службу нашу въ контр-адмиралы изъ англійскихъ морскихъ капитановъ искусныхъ съ обыкновенною платою нашего годоваго жалованья [2])». Между прочимъ, Кантемиръ уговаривалъ перейти на службу въ Россію капитана Обріэна, который скоро получилъ тамъ чинъ вице-адмирала, и, какъ опытный и искусный въ своемъ дѣлѣ, занялъ почетное мѣсто.

Между тѣмъ, Бирону хотѣлось ускорить ходъ дѣлъ. Недовольный медленностью, съ какою шли переговоры, онъ рѣшился самъ войти въ сношеніе съ кардиналомъ Флери, и выбралъ для этого посредникомъ французскаго агента Лалли, уполномочивая его писать къ кардиналу даже «отъ имени царицы», отъ чего осторожный Лалли отказался. Увѣдомляя о всемъ этомъ перваго французскаго министра, Лалли замѣчаетъ: «Россія только и меч-

[1]) Моск. арх. мин. ин. д. Англ. дѣла 1737 г. № 4.

[2]) Жалованье контр-адмираламъ было 9,000 руб.

таетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное присловье, что графъ Остерманъ прозрѣетъ и получитъ способность ходить [1]) только при заключеніи мира; съ самаго начала послѣдней войны этотъ министръ не являлся при дворѣ и не выходилъ изъ своей комнаты».

При этомъ письмѣ Лалли сообщаетъ записку о состояніи Россіи, касаясь ея правительства, финансовъ, доходовъ, расходовъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ. «Обо всѣхъ дѣлахъ докладывается герцогу (Бирону) — замѣчаетъ онъ — царица только черезъ него и видитъ, и слышитъ, и говоритъ. Его приказанія и предположенія сообщаются графу Остерману, а этотъ долженъ придумывать средства и изыскивать способы къ осуществленію ихъ... Трудно, чтобъ не сказать невозможно, знать настоящее количество обращающихся въ Россіи денегъ, потому-что въ странѣ, гдѣ не существуетъ собственности, господа и крестьяне одинаково хлопочутъ скрывать отъ своихъ властей имѣющіяся у нихъ деньги, такъ какъ эти власти въ правѣ отнять ихъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ старается закопать свои деньги въ землю, а баринъ передаетъ ихъ въ иностранные банки.» Указавъ на дурное управленіе финансами и на незначительность доходовъ, онъ продолжаетъ: «Удивляются, что Россія, при такихъ скромныхъ доходахъ, въ состояніи покрывать издержки, которыхъ требуютъ, повидимому, ея огромныя предпріятія. Царь Петръ I велъ 23 года непрерывныя войны противъ Турціи, Персіи, Швеціи, татаръ и калмыковъ, которыхъ онъ подчинилъ своей власти, создалъ въ то же время огромный флотъ, строилъ порты и города, заводилъ училища для усовершенствованія искусствъ и наукъ, и привлекалъ въ свое государство изумительное множество иностранцевъ, которымъ платилъ огромное жалованье. При всемъ томъ, умирая, онъ оставилъ значительныя суммы, достаточныя для окончанія задуманныхъ имъ предположеній. Кажется, что послѣдующія три царствованія употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить даже слѣды основанныхъ Петромъ учрежденій: морскія силы совершенно уничтожены, мануфактуры въ упадкѣ, искусства и науки въ небреженіи, кредитъ потрясенъ, казна истощена — вотъ, доказательства моихъ словъ. Правда, Россія всегда вела войны со временъ Петра I, но не война истощила государство, такъ какъ деньги, которыми снабжаетъ царица армію, опять скоро къ ней возвращаются: она даетъ одною рукою, а другою получаетъ большую часть ихъ чрезъ кабаки; — государство исто-

[1]) Остерманъ, въ затруднительныхъ для себя случаяхъ, всегда ссылался на болѣзнь глазъ и на подагру, и никуда не выѣзжалъ изъ дому.

щено роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министерствъ, переводами за границу суммъ, которые дѣлали и дѣлаютъ иностранцы и даже высшее дворянство; наконецъ, безплодная распущенность, тщеславіе и суетность разоряютъ государство. Необходимые расходы, которые должна дѣлать Россія, соразмѣрны съ ея доходами.... Работы, на которыя употребляются солдаты и крестьяне, не стоютъ казнѣ ничего, и вообще здѣсь ни во что ставятъ потерю людей.»

Въ заключеніе, Лалли указываетъ на выгоды Франціи отъ союза съ Россіею: «Русскія силы заключаются въ 90 т. хорошихъ войскъ, хорошо дисциплинированныхъ, которыя ведутъ войну постоянно въ продолженіи 38 лѣтъ; дворъ, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, употребляетъ всѣ старанія для поддержанія этой арміи, и передвигаетъ ее безъ большихъ издержекъ, куда захочетъ. Франція издавна уплачиваетъ субсидіи дворамъ сѣвера, которые часто не соотвѣтствовали ожиданіямъ, возлагаемымъ на нихъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Швеція подаетъ разительный примѣръ своего безсилія; и я не на-обумъ увѣряю вашу эминенцію, что во власти Россіи подавить Швецію въ продолженіе 10 лѣтъ, не обнажая меча. Россія въ состояніи снабжать мѣдью цѣлую Европу за $^2/_3$ цѣны, за которую теперь снабжаетъ ее Швеція. Предложенія уже были сдѣланы промышленниками, и русскому двору не достаетъ только денегъ на задатки за работу. Удаленіе отъ Франціи, которое безпрестанно стараются внушить русскому двору императоръ (германскій), Англія и Голландія, служитъ доказательствомъ той выгоды, которую могли бы извлечь эти два двора отъ союза между собою. Обстоятельства къ тому благопріятны: русскій дворъ началъ питать недовѣріе къ вѣнскому; *виды того, кто управляетъ Россіею, не согласны съ видами вѣнскаго кабинета: онъ работаетъ самъ для себя*; торговля англичанъ и голландцевъ въ Россіи есть торговля по необходимости для нихъ. Россія не опасается за потерю ея; для нея выгоднѣе пріобрѣтать французскіе товары изъ Франціи изъ первыхъ рукъ, чѣмъ покупать ихъ у англичанъ, которые привозятъ товары поддѣльные. Тогда Франція воспользуется выгодами, которыя теперь въ рукахъ голландцевъ и англичанъ. Впрочемъ, Россія подвержена столь быстрымъ и столь чрезвычайнымъ переворотамъ, что польза Франціи требуетъ необходимо имѣть лицо, которое бы готово было извлечь изъ того выгоды для своего государя [1]».

На это послѣднее выраженіе мы просимъ читателя обратить

[1]) Маркизъ де-ла-Шетарди, Пекарскаго, стр. 28—29.

особенное вниманіе, такъ какъ, впослѣдствіи, оно и было приведено въ дѣло, когда при русскомъ дворѣ явился французскій посланникъ.

Всѣ представленія Лалли были взяты во вниманіе парижскимъ кабинетомъ, въ которомъ выразилась мысль, что Россія, въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ, достигла слишкомъ высокой степени могущества — мысль, названная давнишнею мыслью его величества (короля французскаго или, вѣрнѣе, его министровъ), и что, въ отношеніи настоящихъ и будущихъ дѣлъ Австріи, союзъ Россіи съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ (въ виду брака принцессы Анны съ принцемъ Беверномъ). Видѣли, по дѣламъ Польши, какъ злоупотреблялъ вѣнскій дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10 т., то, когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи запрудить всю Германію толпами «варваровъ». Германскіе владѣтели слишкомъ разъединены и слишкомъ слабы, чтобы можно было отъ нихъ однихъ ожидать твердой рѣшимости предотвратить такое великое несчастіе — предвѣстникъ ихъ будущаго паденія [1]).

Въ виду такой грозы, французскому кабинету нужно было обдумать способы удалить ее. Разорвать связи между русскимъ и вѣнскимъ дворами ему казалось невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіею; но, съ другой стороны, по его мнѣнію, эти сношенія должны еще болѣе увеличить значеніе Россіи, а это было бы противно видамъ его. Необходимость французскому двору—имѣть своего посланника при русскомъ дворѣ, вызывалась еще слѣдующими соображеніями: «Состояніе Россіи еще не обезпечено на столько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобы утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало, для притѣсненія старинныхъ русскихъ фамилій; но, не смотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ — они вѣроятно прервутъ молчаніе и остановятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Не имѣя своего посланника при русскомъ дворѣ, король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи; но, вспоминая незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини голштейнской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія.... Различныя донесенія,

---

[1]) Инструкція маркизу де-ла-Шетарди въ книгѣ Пекарскаго.

которыя послѣдовательно представлялись о состояніи финансовъ и войскъ сухопутныхъ и морскихъ въ Россіи, такъ разнорѣчивы между собою, что король не можетъ составить о нихъ точнаго понятія. Великолѣпіе и роскошь, которыя приписываются русскому двору, мало согласуются съ мнѣніемъ объ истощеніи тамошнихъ финансовъ съ издержками во всѣхъ родахъ, которыя съ давнихъ временъ дѣлаетъ Россія. Извѣстія о томъ необходимы, чтобы можно было судить о помощи, которую можетъ оказать Россія императору (германскому) въ новой войнѣ противъ имперіи Оттоманской, и о пожертвованіяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которыхъ король, какъ посредникъ, можетъ требовать отъ той или другой стороны для достиженія мира [1]).»

Всѣ эти соображенія взяли перевѣсъ надъ другими, которыя могли удерживать Францію отъ союза съ Россіей. Вслѣдствіе этого, поручено было французскому посланнику въ Лондонѣ, де-Камби (de Cambis), передать Кантемиру, что король не прочь завязать прямыя сношенія съ Россіею и послать туда своего посла, если и русскій дворъ сдѣлаетъ то же. Кантемиръ поспѣшилъ передать это заявленіе въ Петербургъ, откуда, въ скоромъ времени, пришло приказаніе «сказать французскому министру, что императрица никакой трудности не имѣетъ поступить къ назначенію своего министра и всемилостивѣйше дѣйствительно назначаетъ къ тому его, Кантемира, въ такомъ характерѣ, каковъ и король французскій своему отправляемому въ Петербургъ дать соизволитъ».

Кантемиръ совсѣмъ не ожидалъ такого назначенія, и такъ какъ оно служило доказательствомъ, что службой его были довольны, то онъ, пользуясь случаемъ, въ отвѣтномъ письмѣ, и благодаря императрицу за милость, просилъ заплатить за него «небольшіе долги въ Англіи съ небольшимъ пять сотъ фунтовъ или по крайней мѣрѣ выдать эту сумму въ зачетъ жалованья», такъ какъ не расплатившись, онъ не можетъ выѣхать изъ Лондона. Въ этотъ же годъ, пришлось дѣлать особенныя издержки по причинѣ смерти англійской королевы [2]).

Затѣмъ онъ прибавляетъ, что «во Франціи ему должно будетъ жить по образцу другихъ пространнѣе, хотя всѣ вещи

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Вотъ, счетъ издержекъ на трауръ: за обивку кареты 42 фунт. стер., за пару платья себѣ съ плерезами, черными пряжками, шляпою съ флеромъ и пр. — 13 фунт. 14 шиллин. 6 пенс.; за другую пару себѣ съ пуговицами безъ плерезовъ — 10 ф. 8 шил.; за пару платья Генриху Гроссу и Александру Мозалевскому по 10 ф. 2 шил. 6 пенс.; за пару платья дворецкому и камердинеру по 7 ф. 16 шил. 10 пенс.; за пять ливрей по 6 ф. 8 шил. 5 пенс. Всего же на 184 ф. 4 шил. 10 пенс.

тамъ и дешевле, поэтому необходимо увеличить жалованье и ассигновать на экипажъ, иначе съ перваго же начала придется войти въ долги.» Въ заключеніе, Кантемиръ проситъ «отправить будущею весною черезъ Голландію священника съ нужною походною церковью и съ принадлежащими церковными приборами и книгами».

Между тѣмъ, де-Камби сообщилъ Кантемиру письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Амелота, который писалъ, что король очень доволенъ назначеніемъ къ его двору Кантемира, какъ «особы высокаго происхожденія и со многими достоинствами.» Все это было передано и русскому двору.

Русское правительство хотѣло, чтобы Кантемиръ отправился въ Парижъ тогда, когда оттуда поѣдетъ посланникъ, назначенный въ Петербургъ. Это требованіе протянуло переговоры. Французскій король требовалъ, чтобъ Россія сдѣлала первый шагъ и что онъ объявитъ о назначеніи своего посла тогда, когда русскій посолъ пріѣдетъ въ Парижъ. При этомъ выказано было такое упорство, что Кантемиръ уже началъ сомнѣваться въ успѣхѣ переговоровъ, и въ своей депешѣ поспѣшилъ оговориться, что не онъ тому причина.

Наконецъ, кое-какъ произошло соглашеніе. Россія должна была объявить, что она назначаетъ во Францію своего посла въ лицѣ Кантемира, послѣ чего уже Франція объявитъ, что она также отправитъ въ Петербургъ своего посла; тогда Кантемиръ оставитъ Англію и переѣдетъ въ Парижъ, а, по его пріѣздѣ, и французскій посолъ отправится въ Россію.

Эпизодомъ этихъ переговоровъ служитъ строжайшій выговоръ, полученный Кантемиромъ изъ Петербурга. Ему ставили въ вину, будто онъ сказалъ французскому посланнику въ Лондонѣ, что германскій императоръ совѣтовалъ нашей императрицѣ «не принимать христіаннѣйшаго (французскаго) короля посредства въ примиреніи (съ Турціею), къ которому противу ихъ воли онъ воюющія державы принудить ищетъ; но что императрица, не внимая тому совѣту, хочетъ принять помянутаго короля добрыя официи для споспѣшествованія сею зимою мира [1]).

Много листовъ пришлось исписать Кантемиру, чтобъ оправдаться отъ такого обвиненія, которое было не что иное, какъ клевета. Онъ вызывался даже на присягу; наконецъ, вытребовалъ отъ французскаго посланника въ Лондонѣ письмо, въ которомъ тотъ удостовѣрялъ, что никогда не слыхалъ отъ Кантемира такой рѣчи. Послѣ нѣсколькихъ депешъ, наполненныхъ

---

[1]) Моск. арх. мин. ин. д. Анг. д. 1738 г. № 8.

разными оправданіями, ему, наконецъ, удалось убѣдить русское правительство въ своей невинности. Оправданіе его было принято благосклонно и, какъ бы въ вознагражденіе за несправедливый выговоръ, на него посыпались царскія милости. Не получая до сихъ поръ никакихъ наградъ, ни повышеній, онъ вдругъ произведенъ былъ въ камергеры, жалованье его увеличено, и опредѣлено выдать ему на проѣздъ въ Парижъ и на экипажъ пять тысячъ рублей.

Въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Англіи, Кантемиръ обратилъ вниманіе на русскую торговлю, и по этому случаю писалъ на имя императрицы свои соображенія: «Чтобы русскимъ купцамъ выдерживать возрастающую конкурренцію съ Америкой, необходимо, чтобы русскіе товары дешевле американскихъ въ Англіи продавать, а для этого нужно: 1) Навыкать вашихъ подданныхъ, чтобы сами сюда свои товары вывозили, понеже англичане покупая оные малою цѣною, не довольствуются продавать оные здѣсь съ малымъ прибыткомъ. 2) Для ободренія вашихъ подданныхъ къ тому нужно бы компанію аглицкую, такъ какъ здѣсь руская, уставить и дать подобныя здѣшнимъ привилегіи, такъ, имѣть здѣсь консула, который бы ихъ противъ обидъ защищать могъ. 3) Тѣхъ товаровъ, которые въ Америкѣ заводятся, при привозѣ изъ портовъ вашихъ пошлину сбавить. 4) Понеже заводы полотняные здѣсь гораздо умножены, необходимо нужно на ленъ и пеньку (которыхъ изъ Америки до сихъ поръ вывозу не было и тамошніе въ томъ заводы мало весьма плода обѣщаютъ) пошлину въ вашего императорскаго величества портахъ прибавить. 5) Форма нѣкоторыхъ россійскихъ товаровъ не мало продажѣ ихъ препятствуетъ; такъ, напр., здѣсь жалуются, что тонкое и толстое русское полотно чрезмѣрно узко, и потому (будучи пошлина здѣсь установлена на тотъ товаръ съ аршина) въ высокую цѣну приходитъ. Смола и смолчугъ приходятъ въ бочкахъ не ровной мѣры, для чего купцамъ бываетъ часто великой убытокъ, претерпѣвая обманъ отъ прикащиковъ и корабельщиковъ; желѣзо въ прутьяхъ чрезмѣрно толстыхъ и долгихъ посылается, для разжиганія которыхъ требуется гораздо больше угольевъ, нежели для шведскаго, и въ дѣлѣ за своею тягостью не столько сручно» [1].

Тогда же Кантемиръ узналъ, что въ парламентъ намѣрены внести билль объ увеличеніи пошлины на иностранныя полотна. Это сильно могло бы повредить русской коммерціи. Кантемиръ поспѣшилъ о томъ увѣдомить русское правительство и предста-

---

[1]) Депеша, отъ 24 января 1738 года.

вилъ Вальполю, что увеличеніе пошлины, во вредъ русской торговлѣ, можетъ повредить всей англійской торговлѣ въ Россіи, потому что никто изъ иноземцевъ не пользуется въ русскомъ государствѣ такими торговыми привилегіями, какъ англичане, которые своимъ биллемъ хотятъ теперь уничтожить прежніе торговые трактаты. Вальполь на это отвѣчалъ Кантемиру уклончиво. Англійскіе купцы, производившіе торговлю съ Россіею, также были противъ билля. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ Вальполемъ и нѣкоторыми депутатами, Кантемиръ, наконецъ, обратился къ королю, хотя и выразился въ депешѣ, что на подобныя представленія всегда получается отъ короля одинъ отвѣтъ: онъ не въ силахъ противиться тому, что англійскій народъ находитъ для себя полезнымъ. За многими дѣлами въ парламентѣ, разсужденіе о биллѣ было отложено. Кантемиръ оставилъ Англію, не дождавшись, чѣмъ кончится дѣло.

Думая облегчить труды русскаго посланника, который будетъ послѣ него назначенъ въ Лондонъ, онъ и написалъ ту краткую характеристику государственныхъ лицъ, имѣвшихъ въ Англіи вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, которою мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же онъ сообщаетъ, что «французскаго двора нынѣшнее доброе согласіе съ цесарскимъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ господъ безпокоитъ, но министры рѣдко когда о томъ думаютъ, довольствуясь тѣмъ, что, въ такомъ состояніи дѣлъ, цесарскій дворъ помощи отсюду не требуетъ, и что нѣкакимъ образомъ продолжается тишина европейская, ничего не ищутъ только чтобъ оная тянулась во все ихъ правленіе, мало печалися, что потомъ случиться имѣетъ. Въ негоціаціи турецкой, для примиренія вашего императорскаго величества и высокаго вашего союзника съ Портою, участіе всякое здѣсь охотно бы приняли, и хотя во всѣхъ своихъ разговорахъ недовольства никакого не оказали, однакожъ не безревностны, что французскій дворъ одну оную отъ большей части производитъ, и чаю, что мой туды отъѣздъ не совсѣмъ нравенъ.»

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1738 года, Кантемиръ былъ уже въ Парижѣ.

В. Стоюнинъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Мы описали государственный быть крымскихъ татаръ, какъ онъ сложился отчасти подъ вліяніемъ ихъ отношеній къ сосѣдямъ. Намъ остается разсмотрѣть ихъ юридическій быть въ его связи съ явленіями внутренней домашней и общественной жизни, и съ понятіями того времени объ общественномъ порядкѣ и благоустройствѣ. Очеркомъ состоянія образованности крымскихъ татаръ въ эпоху, предшествующую Кучукъ-Кайнарджійскому миру, мы заключимъ наше изслѣдованіе.

Жизнь крымскихъ татаръ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, тѣсно связана съ ихъ религіею, которая, вообще, служитъ основаніемъ законодательства всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Въ монархіи Чынгызъ-хана, и еще долгое время послѣ нея въ Золотой ордѣ, единственнымъ законодательнымъ кодексомъ была «ясà», данная грознымъ завоевателемъ своему народу, и отличавшаяся жестокостью наказаній — результатъ необходимости приспособляться къ нравамъ и обычаямъ людей, насильственно подчиненныхъ одной волѣ. Въ иныя отношенія къ народу стало мусульманское законодательство, которому, впослѣдствіи, подчинились и крымскіе татары путемъ пропаганды.

---

*) См. въ 1866 г., т. II, отд. I, стр. 182 и слѣд.

Но и въ распространеніи законодательства Магомета, рядомъ съ проповѣдью являлось и оружіе, а потому и мусульманство, въ свою очередь, также не могло не понести на себѣ слѣдовъ насилія. Уже въ первомъ вѣкѣ своего существованія, исламъ, толкуемый различными учеными, распался на секты и толки, между которыми главнѣйшими были два толка: суннитскій и шіитскій. Турки, слѣдуя сами суннитскому толку, передали его и своимъ соплеменникамъ — татарамъ.

Новая религія должна была на первыхъ порахъ существовать у татаръ рядомъ съ древнимъ шаманствомъ. Это видно изъ Плано-Карпини, писавшаго незадолго передъ переселеніемъ татаръ въ Крымъ. Какъ въ Золотой ордѣ, такъ и въ Крыму, магометанство брало верхъ надъ язычествомъ только совокупными усиліями государства и мечети, и мусульманство окончательно водворилось въ Крыму только съ началомъ династіи Гиреидовъ. На это обстоятельство указываетъ, между прочимъ, отсутствіе магометанскихъ памятниковъ при прежнихъ правителяхъ.

Всѣ дошедшія до насъ извѣстія говорятъ о правосудіи крымскихъ татаръ съ большою похвалою. Пейсоннель, въ XVIII вѣкѣ, лично видѣвшій суды крымскихъ татаръ и турокъ, отдаетъ преимущество судамъ первыхъ предъ судами послѣднихъ [1]). Михалонъ Литвинъ (его нѣкоторые обвиняютъ въ пристрастіи) говоритъ, что суды крымскихъ татаръ были правосуднѣе, чѣмъ суды его соотечественниковъ — литовцевъ. Онъ жилъ вѣкомъ раньше Пейсоннеля [2]). Преимущество судовъ крымскихъ татаръ надъ судами османскихъ турокъ понятно при томъ различіи, какое существовало въ самомъ государственномъ бытѣ тѣхъ и другихъ. Государство Османовъ было деспотическимъ, между тѣмъ, какъ крымскій юртъ, до самаго паденія своего, представлялъ собою государство съ формами, ограничивавшими восточный произволъ.

Вотъ, главныя черты и существенныя основы суда у крымскихъ татаръ, представляющія много общаго съ феодальною юрисдикціею, какъ было много общаго у татаръ съ феодальными порядками средневѣковой Европы: а) татарскій родоначальникъ, еще въ эпоху полнаго процвѣтанія родового быта, будучи представителемъ военной и судебной власти, какъ своего рода, такъ и прочихъ своихъ родичей, для общей безопасности составлявшихъ союзъ, удержалъ эту власть и при переселеніи въ Крымъ—

---

[1]) Peyssonnel, II, 258.

[2]) Сочиненіе Михалона о нравахъ татаръ, москвитянъ и литовцевъ напечатано въ «Архивѣ» Калачова.

если и не надъ многими родами, то, по крайней мѣрѣ, надъ своимъ, какъ бы этотъ родъ развѣтвленъ ни былъ; b) владѣніе этого родоначальника, на-сколько то замѣтить можно, не дробилось между его вассалами, были ли они благороднаго происхожденія или нѣтъ — все равно, онъ считался и былъ его верховнымъ владѣтелемъ и судьею, отчего самое владѣніе имѣло характеръ общины, пользовавшейся землею на общинныхъ началахъ; и c) крымскіе феодалы до самаго паденія юрта удержали свою власть всецѣло, не нарушая тѣмъ ни государственнаго, ни народнаго единства. Мы уже говорили, что татарскіе феодалы въ Крыму и, въ особенности, пять знаменитыхъ родовъ, имѣли свой дворъ, своихъ пословъ и свой диванъ. Этотъ диванъ былъ верховнымъ судилищемъ всего рода или бейлыка. Кромѣ этихъ пяти родовъ, въ Крыму было еще десять, также не лишенныхъ значенія, и множество другихъ съ меньшимъ значеніемъ [1]). Каждый феодалъ, будучи верховнымъ судьею въ своемъ бейлыкѣ, назывался кадіемъ, отчего и самый бейлыкъ назывался *кадылыкомъ*. Этихъ кадылыковъ въ Крыму было 48 [2]); всѣ вмѣстѣ они заключали въ себѣ 1,604 деревни [3]). Бей получалъ на званіе *кади* грамату отъ казы-аскера, и его юрисдикція не подчинялась хану [4]). Само собою разумѣется, что диванъ бея состоялъ не только изъ представителей дворянъ, находившихся съ нимъ въ кровномъ родствѣ, но и изъ тѣхъ, которые хотя и утратили съ нимъ родственную связь, но все же жили въ предѣлахъ его владѣній и подчинялись его верховности.

Пейсоннель говоритъ, что «всѣ мурзы — такъ онъ называетъ все дворянство вообще, включая сюда и беевъ — были паціентами кади-аскера и не вели своихъ процессовъ въ судахъ кадылыковъ.» Эти неопредѣленныя слова могутъ дать поводъ думать, что дворянство судилось въ особыхъ судахъ и, слѣдовательно, эти суды должны были непремѣнно имѣть характеръ ассизъ, ибо дворянство не признавало юрисдикціи хана. Рѣшенія этихъ ассизныхъ судовъ могли быть утверждаемы кади-аскеромъ. Кади-аскеръ, по своему значенію въ государствѣ, не былъ выше каждаго изъ беевъ, особенно пяти родовъ, и въ рѣшеніяхъ своихъ руководствовался совѣтами муфти, а этотъ, хотя и былъ первымъ духовнымъ лицомъ въ государствѣ, но въ верховномъ диванѣ сидѣлъ послѣ ширинскаго бея, — слѣдовательно,

---

1) Pallas, Bemerkung. II т. 357.
2) Peyssonnel, II т. 279.
3) Сумарокова: «Досуги крымскаго судьи». II т. 29.
4) Peyssonnel, II т. 280.

кади-аскеръ могъ давать санкцію ассизнымъ рѣшеніямъ, не претендуя стать черезъ это выше своихъ паціентовъ, а дворянство, въ свою очередь, не исключая даже и пяти родовъ, могло соглашаться съ его рѣшеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ утверждалъ то, что рѣшалось большинствомъ голосовъ.

Къ подобнымъ же судамъ относятся и суды духовенства, имѣвшаго сословный характеръ. Крымско-татарское духовенство, ведя свое начало съ первыхъ дней магометанства въ Крыму, мало по малу размножилось, черезъ передачу своего званія потомкамъ и, съ теченіемъ времени, образовало отдѣльное сословіе, раздѣлившееся на четыре рода, Оно также владѣло землями, извѣстными и теперь подъ именемъ *«вакуфъ»* и, подобно феодаламъ, передавало ихъ по наслѣдству старшему въ родѣ.

Иновѣрцы имѣли въ Крыму также свои суды. Христіанское населеніе Крыма состояло изъ грековъ, потомковъ жителей государствъ Босфорскаго и Херсонесскаго (послѣднее съ республиканской формой правленія существовало до XIV в. по Р. Х.), генуезцевъ, пришедшихъ въ Крымъ почти одновременно съ татарами и основавшихъ торговыя поселенія, существовавшія до конца XV вѣка, и армянъ; время пришествія послѣднихъ опредѣлить трудно.

Кромѣ христіанъ, въ Крыму жили евреи. Всѣ иновѣрцы, жившіе отдѣльными общинами, составляли какъ бы отдѣльныя сословія. Они не были рабами татаръ (рабами въ полномъ смыслѣ были только одни военноплѣнные), но, лишенные строгаго покровительства законовъ государства, представляли средину между рабомъ и полноправнымъ гражданиномъ.

Христіанское и, вообще, иновѣрческое населеніе жило, преимущественно—въ южномъ Крыму. Христіане составляли отдѣльныя эпархіи, и получали епископовъ и митрополитовъ: одни отъ византійскихъ патріарховъ, другіе отъ римскихъ папъ; такъ было на полуостровѣ еще до владычества татаръ.

Всѣ вассалы, вообще, судились въ бейлыкахъ или кадылыкахъ своего феодала, а потому все низшее сословіе Крыма по частямъ подсудно было тому или другому феодалу. Ханъ, какъ феодалъ, назначалъ отъ себя кадіевъ въ своемъ собственномъ кадылыкѣ и въ томъ числѣ въ Бахчисарай, Акмечеть (Симферополь), Гёзлевъ (Эвпаторія), Оръ-капы (Перекопъ), на-сколько эти города принадлежали ему, какъ феодалу. Онъ рекомендовалъ кадіямъ и сераскирамъ ногайскихъ ордъ, а сераскиры уже сами размѣщали ихъ по ауламъ. Турецкій султанъ, какъ владѣтель южнаго Крыма, назначалъ кадіевъ въ свои четыре кадылыка: кафскій, судагскій, мангупскій и Ени-кале. Всѣ кадіи, установ-

ленные властью хана и султана, рѣшая дѣла окончательно, не могли казнить смертью. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло переносилось въ диванъ [1]). Были суды и другого рода. Когда у крымскихъ татаръ появились города, то городское населеніе — торговое и промышленное, было изъято отъ притязаній феодаловъ и судилось особенными судьями, которые назывались *шегеръ-кади*, то-есть — городскіе судьи: они назначались кади-аскеромъ. Эти судьи имѣли право засаживать въ тюрьму, облагать денежнымъ штрафомъ, наказывать палками, но также не могли приговорить къ смерти. На судѣ у этихъ кадіевъ присутствовалъ *наибъ*, помощникъ кади-аскера, вѣроятно, въ качествѣ надсмотрщика за правильностью слѣдствій и рѣшеній [2]).

Наконецъ, всѣ дѣла, не подлежавшія ни юрисдикціи сословныхъ судовъ, ни шегеръ-кади и т. д., вѣдались въ государственномъ совѣтѣ или диванѣ. Здѣсь, въ длинномъ ряду государственныхъ сановниковъ, встрѣчаются и такіе, какъ начальникъ ханскихъ рабовъ и т. п. Государственный совѣтъ представлялъ такую же разнохарактерную шайку, какъ и само государство. Пейсоннель видѣлъ этотъ совѣтъ и перечисляетъ его членовъ въ такомъ порядкѣ: *калга*, *нуреддинъ*, *шырынъ-бей*, *муфти*, *прочіе главы пяти родовъ*, *кади-аскеръ*, *оръ-бей*, *сераскиры трехъ ногайскихъ ордъ*, *казнадаръ-башы*, *дефтердаръ-башы*, *актачы-башы*, *везиръ* (т. е. ханъ-агасы), *киллардж*ы*-башы* и т. д., и т. д. Кромѣ того, здѣсь засѣдали и представители отъ каждой вѣтви пяти родовъ. Если, по маловажности засѣданія или по нежеланію, кто-нибудь изъ беевъ пяти родовъ не явился въ диванъ, то посылалъ отъ себя депутата. У дверей дивана всегда стояли сеймены — ханскіе охотники. Въ этомъ совѣтѣ, похожемъ на ордынскій курылтай (военный совѣтъ), рѣшались всѣ дѣла внутренняго управленія, все, что̀ касалось объявленія и веденія войны, числа войскъ, направленія походовъ, и т. д. Предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ правитель юрта, и онъ утверждалъ его рѣшенія. Пейсоннель прибавляетъ: «если совѣтъ что-нибудь рѣшалъ, то ханъ не могъ того отмѣнить силою своей власти.»

Судъ происходилъ по корану, но коранъ ограждалъ лица и имущества только въ общихъ чертахъ. Отсюда вытекала необходимость для мусульманъ многоразличныхъ толкованій общихъ мѣстъ корана, которыя составляютъ массу философско-юридическихъ сочиненій, раздѣлившихъ мусульманство на секты и вѣроисповѣданія, и развившихъ общія законоположенія до такой

---

[1]) Peyssonnel, II т. 289.

[2]) Peyssonnel, II т. 289.

степени, что они стали примѣнимы къ самымъ обыденнымъ случаямъ государственной и частной жизни.

Уголовными преступленіями у крымскихъ татаръ, какъ и, вообще, у всѣхъ мусульманъ были: *отступленіе отъ вѣры, прелюбодѣяніе, грабежъ, убійство, воровство и пьянство*[1]. Всѣ эти преступленія наказывались по корану или шаріату строго,

---

[1] Такъ какъ у насъ немногіе знакомы съ шаріатомъ, то и считаемъ нелишнимъ указать на тѣ наказанія, которыя онъ опредѣляетъ за уголовныя преступленія. Статьи, назначающія наказанія, разбросаны по всему корану въ такомъ безпорядкѣ, что, для того, чтобы узнать, какъ наказывается то или другое преступленіе, нужно со вниманіемъ прочесть весь коранъ.

1) Отступленіе отъ вѣры считается, по шаріату, самымъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое виновный подвергается смерти безъ всякого сожалѣнія, безъ всякого суда и разслѣдованія, если онъ тотъ же часъ не обратится на путь истинный. Женщина, за отступничество, подвергается тюремному заключенію и ежедневно, до возвращенія ея въ лоно вѣры, наказывается 39 ударами плетей.

2) За прелюбодѣяніе наказывали плетьми, ссылали и побивали камнями. «Пусть сожалѣніе не отвлекаетъ васъ отъ этого правила, если вы вѣруете въ Бога и въ послѣдній день», говоритъ пророкъ (Сура XXIV, ст. 2) Когда побивали камнями, то мужчину связывали, а женщину закапывали въ землю по грудь. Первые бросали камни— свидѣтели.

3) Воровство и грабежъ наказываются строго. Изобличенный въ воровствѣ вещи, стоющей болѣе 7 р. 50 к. на наши деньги, наказывается отрубленіемъ правой руки. За грабежъ, безъ убійства, отрубливается правая рука и лѣвая нога; но, если грабежъ сопровождается убійствомъ — смерть.

4) Убійство, если оно умышленное, то наказывается по закону возмездія, заимствованному изъ пятокнижія Моисея, т. е.—око за око, зубъ за зубъ, рука за руку; и, такимъ образомъ, убійца наказывается смертью. Сообщники подвергаются той же участи. Отецъ, дѣдъ и прадѣдъ не подвергаются за убійство смерти. Но чаще всего, убійство наказывалось денежною пенею, которая состояла въ слѣдующемъ: родня убійцы даетъ роднѣ убитаго цѣну крови, которая состоитъ изъ ста верблюдовъ слѣдующихъ возрастовъ: 25—одного года, 25—двухъ лѣтъ, остальные по три и по четыре года. Кто убьетъ безъ умысла, тотъ долженъ освободить невольника и заплатить цѣну крови (Сур. IV. 94). За убійство невольника не платится ничего.

5) Пьянство также, по шаріату, преслѣдуется строго. Совершившій это преступленіе публично, или во время священнаго мѣсяца рамазана, наказывается смертью или же 80-ю ударами плетей. Но это больше острастка и предостереженіе, потому-что правовѣрные, и въ томъ числѣ крымскіе татары, никогда не отказывали себѣ въ этомъ удовольствіи, равно какъ и теперь употребляютъ вино въ достаточномъ количествѣ. Если слѣдовать шаріату, то и въ настоящее время въ Крыму, послѣ каждой свадьбы, приходилось бы перепарывать всѣхъ принимающихъ въ ней участіе. Мусульманскіе юристы (какъ, напр., Бурганъ-эддинъ) старались, подъ словомъ «вино», понимать исключительно виноградное вино, а потому и доказывали, что вино, перегнанное черезъ кубъ и, стало быть, добытое при посредствѣ огня, можно употреблять безъ грѣха. Да и самъ Магометъ, въ другой статьѣ, явно снисходитъ къ слабости людской, говоря: «О вѣрующіе! не молитесь, когда вы пьяны; погодите, пока будете въ состояніи понимать слова, которыя произносите». (Сур. IV. 46).

6) Къ уголовнымъ преступленіямъ относятся и ложныя свидѣтельства, за которыя шаріатъ назначаетъ 80 ударовъ плетьми. Если же тотъ, на котораго сдѣлано лжесви-

но къ практикѣ эта строгость рѣдко примѣнялась. Такъ, воръ наказывался только тогда, когда онъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ и, притомъ, самъ сознавался. По понятіямъ мусульманскихъ юристовъ, если воръ украдетъ вещь и при поимкѣ скажетъ, что онъ ее не укралъ, а *взялъ*, то за вора не считается. Бурганъ-эддинъ полагаетъ даже, что если два человѣка условились учинить воровство, и если одинъ изъ нихъ вошелъ въ чей-нибудь домъ, укралъ вещь и бросилъ ее, черезъ окно, на улицу, гдѣ она попадала въ руки пріятеля, то оба вора за воровъ не считаются. Прелюбодѣяніе наказывалось смертію, но необходимо было, чтобы четыре человѣка постороннихъ честныхъ людей видѣли преступленіе, и чтобы преступникъ самъ, явясь предъ судьями, сознался въ немъ. Чтобы обличить человѣка въ пьянствѣ, нужно поймать его въ такой мѣрѣ пьянымъ, чтобы онъ не въ состояніи былъ отличить мущину отъ женщины. Потому неудивительно, что русское владычество въ Крыму нашло здѣсь прелюбодѣяніе (говоримъ о мущинахъ) и пьянство обыкновенными и общераспространенными пороками. Грабежи, не считавшіеся за преступленія тогда, когда совершались надъ невѣрными, — наказывались строго, когда совершались надъ единовѣрцами. За тиранство надъ людьми постановлено было: виновному прорѣзывать ухо и ноздри и въ прорѣзы протягивать шерстяную веревку [1]).

Правительство крымскихъ татаръ ограждало собственность и личность гражданина только тогда, когда къ нему обращались за помощью. Разбирательство дѣла производилось, при малограмотности, словесно. Юридической казуистики не существовало. Наказаніе преступника по закону возмездія предоставлялось истцу, который имѣлъ право платить «окомъ за око», «смертью за смерть» или довольствоваться пенею. Обыкновеніе мстить у татаръ было въ большомъ ходу и часто сопровождалось потоками крови. Бей, обиженный другимъ беемъ, начиналъ междоусобную войну, въ которой принимали участіе не только всѣ чины рода, но и вассалы. Преданія объ этихъ междоусобіяхъ у крымскихъ татаръ, съ подробностями сохранились и до сихъ поръ. Каждая корпорація, если былъ убитъ одинъ изъ ея членовъ, обязана была омыть преступленіе кровью преступника.

Преступленій политическихъ въ Крыму не было, какъ въ государствѣ, гдѣ верховная власть часто переходила изъ рукъ

дѣтельство, приговоренъ къ смерти и казненъ, то лжесвидѣтель долженъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія, заплатить семейству казненнаго — цѣну крови.

[1]) Тáрыхы Раммалъ-Ходжа, въ рукописи Акад. Наукъ.

въ руки. Высшее дворянство, которому принадлежало право вчина, какъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, такъ и въ политическихъ движеніяхъ, всегда предупреждало и дѣлало излишними всякія отдѣльныя попытки. Политическіе же замыслы высшаго сословія, за которымъ шелъ и народъ, всегда оканчивались успѣшно, и ханы были безсильны имъ противодѣйствовать. Неисправность на войнѣ, трусость при исполненіи воинскихъ обязанностей и уклоненіе отъ опасностей наказывались строго. Виновнымъ разрѣзывали животъ, вынимали желудокъ и надѣвали его на голову преступника.

Законоположенія о гражданскихъ отношеніяхъ подданныхъ всякого мусульманскаго государства, выраженныя въ коранѣ неопредѣленно и кратко, развитыя у законовѣдцевъ, составляютъ подробный гражданскій кодексъ, предусматривающій всѣ возможные случаи. Изъ простого перечня главъ и параграфовъ видно, что законоположенія эти разсматриваютъ слѣдующіе предметы: *о торговлѣ, о домовыхъ обязательствахъ, о ссудѣ, объ отдачѣ на сохраненіе, о наймѣ, товариществѣ, порученіяхъ, о пожизненномъ и временномъ владѣніи, о закладахъ* (пари) *по скачкамъ и стрѣльбѣ, о залогахъ, поручительствахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, банкротствѣ, о наложеніи запрещенія*, и множество другихъ, свидѣтельствующихъ, что мусульмане далеко не стѣснялись буквою корана. О гражданскомъ бытѣ крымскихъ татаръ не сохранилось подробныхъ свѣдѣній, но, судя по отрывочнымъ извѣстіямъ, разбросаннымъ по рукописнымъ документамъ архивовъ таврическаго дворянскаго собранія и губернскаго правленія, можно и у нихъ допустить такую же полноту гражданскихъ законоположеній. Такъ, напр., мы находимъ у нихъ обряды при совершеніи *векселей, духовныхъ завѣщаній, купчихъ крѣпостей,* находимъ, кромѣ того, сужденіе *о незаконномъ нарушеніи обязательствъ*, и т. д. и т. д. Все это совершенно сходно съ тѣмъ же самымъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ. Это совпаденіе, нисколько не будучи случайнымъ, показываетъ, что крымскіе татары руководствовались, подобно всѣмъ мусульманскимъ народамъ, одними и тѣми же толкованіями корана, и д-ръ Вормсъ справедливо говоритъ, что всѣ мусульманскія государства представляютъ собою какъ бы отдѣленія одного и того же государства, одного и того же общества, подчиненныя одному и тому же закону, имѣющія одни и тѣ же административные и политическіе кодексы; въ нихъ все носитъ характеръ тождества и общности, не исключая и самыхъ незначительныхъ обычаевъ [1]).

---

[1]) Journal. Asiat. 1843 г. 140.

Въ архивѣ таврическаго губернскаго правленія находится до 200 дефтеровъ — сборниковъ рѣшеній кадіевъ; въ нихъ, между прочимъ, есть и порядокъ наслѣдованія, очень сложный. Каждый татаринъ имѣлъ право жениться на четырехъ женахъ, отъ которыхъ иногда имѣлъ по нѣскольку дѣтей. Каждый изъ его дѣтей мужескаго пола могъ жениться на двухъ, трехъ и четырехъ женахъ и имѣть отъ нихъ также по нѣскольку дѣтей, которые, въ свою очередь, еще при жизни отца и дѣда, могли также жениться на нѣсколькихъ женахъ. Все это поколѣніе находилось въ полномъ распоряженіи живого дѣда, но имѣло и свою долю въ его имуществѣ. Женское поколѣніе, выходя изъ семейства замужъ, уносило съ собою и свою долю. Впрочемъ, многоженство у крымскихъ татаръ, какъ теперь, такъ и въ прошлыхъ вѣкахъ, не было въ большомъ ходу; даже нѣкоторые изъ хановъ, какъ, напр., Мурадъ-Гирей, имѣли по одной женѣ [1]). Многоженство замѣнялось наложничествомъ, но тѣмъ не менѣе, законъ, допускавшій многоженство, долженъ былъ установить для него и порядокъ наслѣдованія. Въ числѣ имущества, предметомъ наслѣдованія были также и рабы.

У всѣхъ мусульманъ бракъ сходенъ, но у крымскихъ татаръ, судя по примѣрамъ временъ начала русскаго владычества и даже настоящаго времени, представлялъ особенности. У крымскихъ татаръ бракъ былъ въ полномъ смыслѣ гражданскій договоръ, совершался внѣ мечети, которой до него не было дѣла. Прочность этого договора обезпечивалась денежнымъ или какимъ-нибудь другимъ вкладомъ, который, въ случаяхъ расторженія брака, поступалъ въ пользу того, кто неповиненъ въ этомъ расторженіи. Такой вкладъ назывался «магръ».

У крымскихъ татаръ не только мужъ приноситъ женѣ приданое (калымъ), но и наоборотъ, и это взаимное обдариваніе извѣстно подъ именемъ *«никъягъ»*. У пяти первостепенныхъ княжескихъ родовъ никъягъ, состоя изъ множества лошадей, верблюдовъ и разныхъ другихъ вещей, доходилъ, какъ объ этомъ сохранились свидѣтельства, до громадной стоимости. Покупки дѣвицъ въ жены въ прямомъ смыслѣ не было, равно какъ и умычки безъ ихъ согласія. Юридическій обычай, получившій силу закона, даже запрещалъ отдавать дочерей замужъ насильно. Каждая невѣста передъ посланными жениха, стоя за ширмою, сама изъявляла свое желаніе или нежеланіе. Въ первомъ случаѣ, на троекратный вопросъ пословъ жениха, она отвѣчала высунутымъ изъ-подъ ширмы концомъ платья — во второмъ, не пока-

---

[1]) Статейный списокъ 1681 г.

зывала и молчала. Родители, если дочь ихъ достигла извѣстныхъ лѣтъ, должны были отдавать ее за перваго правовѣрнаго, просившаго ея руки, иначе — отвѣчали передъ Богомъ за каждую менструацію, какъ за дѣтоубійство. Такъ какъ между татарами жили и христіане, принявшіе исламъ, то и постановлено было, что ренегаты могутъ жениться на правовѣрныхъ, если докажутъ, что предокъ ихъ въ седьмомъ восходящемъ колѣнѣ былъ уже магометаниномъ.

Обычай, безъ сомнѣнія порожденный многоженствомъ, обязывалъ мужа каждую пятницу раздѣлять съ женою брачное ложе, въ противномъ случаѣ ей предоставлялось право искать на мужа за неисполненіе супружескихъ обязанностей [1]). Въ высшихъ сословіяхъ женщина составляла отдѣльный міръ, ограниченный семейнымъ очагомъ, и голосъ ея не проникалъ въ общество; въ низшемъ сословіи она пользовалась гораздо большею свободою. Бракъ, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ прочно, расторгался рѣдко, и теперь еще, когда у крымскихъ татаръ случится примѣръ расторженія, то онъ дѣлается извѣстнымъ чуть ли не на весь Крымъ.

Гражданское судопроизводство, со всѣми его обрядами и формами, сходно съ мировыми учрежденіями [2]).

---

[1]) Обязательное посѣщеніе жены на брачномъ ложѣ у крымскихъ татаръ извѣстно подъ именемъ *«джумалыкъ»* т. е., пятничникъ (отъ джума — пятница).

[2]) Вотъ, два образчика судебнаго разбирательства кадія: I. Въ 1668 году, одинъ изъ жителей богданскаго квартала (города?) Куба, по имени Хассанъ-Суфи, явился въ присутствіе кадія вмѣстѣ съ жителемъ того же квартала, Хассанъ-Хаджы, и подалъ на него такую жалобу: «Я имѣлъ въ богданскомъ кварталѣ домъ, граничившій съ юга, востока и сѣвера улицею, а съ запада—имѣніемъ Муссалія, и въ этомъ домѣ жилъ 20 лѣтъ. Года два тому назадъ, домъ разрушился и мѣсто осталось пустымъ. Теперь вотъ этотъ Хассанъ-Хаджы построилъ тамъ домъ и незаконно распорядился моею землею. Прошу кадія оказать мнѣ правосудіе и сдѣлать надлежащее по сему дѣлу распоряженіе».—«Тогда я—говоритъ кади—началъ допрашивать Хассанъ-Хаджы, и когда тотъ отвѣчалъ отрицательно, то я потребовалъ у Хассанъ-Суфи доказательствъ. Такъ какъ два свидѣтеля изъ честныхъ людей утвердили показаніе Хассанъ-Суфи, то я и отдалъ ему вышеупомянутую землю». Справедливость рѣшенія засвидѣтельствовали своею подписью: Рехметъ-мулла и проч. семь человѣкъ. II. Въ томъ же году, житель деревни Кара-Хаджы, по имени Абдуллатифъ, явился съ жителемъ Кара-су (такъ татары и теперь называютъ Карасу-базаръ) въ присутствіе кади и подалъ такую жалобу: «Я купилъ вотъ у этого Газы (имя обидчика) въ Ферхъ-Керманѣ (Перекопѣ), когда онъ былъ въ обратномъ пути изъ похода, невольника-казака по имени Мартына, за 80 золотыхъ, съ тѣмъ условіемъ, что слѣдуемый, въ такихъ случаяхъ, его величеству хану саугатъ (подарокъ, пошлина) долженъ быть уплаченъ имъ, Газы. Прошу кадія разобрать мою жалобу и дать нашей сдѣлкѣ законную форму». — «Удостовѣрившись въ справедливости иска Абдуллатифа, я утвердилъ ихъ сдѣлку», говоритъ кади. (Изъ дефтеровъ арх. Тавр. губ. правл.)

Нѣкоторые несправедливо утверждаютъ, что съ самымъ пришествіемъ татаръ въ Крымъ, для христіанства настали времена тяжкія. Полуязычники, не могли питать къ евангельскому ученію вражды, да къ тому же, они не могли даже и поселиться тамъ, гдѣ жили христіане — именно въ южной части Крыма. По принятіи ислама въ XV вѣкѣ, миролюбивый Хаджы-Девлетъ-Гирей не только не питалъ вражды къ христіанамъ, но, напротивъ, искалъ ихъ дружбы, ставилъ ихъ въ примѣръ своимъ кочевымъ подданнымъ и помогалъ даже ихъ монастырямъ, а сынъ его, Менгли-Гирей, царствовавшій до 1515 года, восемь лѣтъ воспитывался у генуэзцевъ и ими же возведенъ былъ на престолъ. При такихъ отношеніяхъ хановъ къ христіанамъ, гоненій быть не могло. Начало упадка христіанства зависѣло отъ причинъ, возникшихъ между самими христіанами. Торговое соперничество между генуэзцами и Херсонесомъ, кончилось тѣмъ, что генуэзцы окончательно подорвали торговлю и могущество Херсонеса и тѣмъ положили, въ XIV вѣкѣ конецъ, его существованію. Въ свою очередь, и генуэзская республика, отважившись на войну съ Турціею, въ концѣ XV вѣка пала, и жители ея разбѣжались куда попало. Только съ этихъ поръ начинается, для христіанства, тяжелое время, и въ подготовкѣ его татары не принимали участія: доказательствомъ тому служитъ то, что все пространство, на которомъ жили обѣ республики, перешло подъ владычество Турціи, и крымскіе ханы не имѣли на него притязаній до самаго договора въ Кучукъ-Кайнарджы.

Крымскіе христіане, послѣ ихъ подчиненія двумъ мусульманскимъ государствамъ — татарскому и турецкому, обременены были тягостными податями и налогами, и подвергались, сверхъ того, нападеніямъ и грабежамъ со стороны господствующаго населенія. Искать защиты въ духовномъ управленіи христіане не могли: это управленіе было безсильно и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Всѣ церковные обряды: крещеніе, вѣнчаніе, похороны — стали доходною статьею мѣстнаго духовенства. Кромѣ того, установился обычай собирать съ христіанъ доброхотныя подаянія. Іеромонахи, священники и прочее духовенство, съ увѣщевательными граматами отъ митрополита, ходили изъ города въ городъ, изъ села въ село и вымогали у христіанъ все, что могли—деньгами и натурою, во имя Христа и всѣхъ святыхъ. Въ этихъ граматахъ говорилось о важномъ значеніи подаяній для спасенія души, о христіанской кротости, о нелюбостяжаніи, и т. д. Такой сборъ подаяній, какъ частный промыселъ, обложенъ былъ пошлиной по 1 червонцу въ годъ съ каж-

даго просящаго монаха [1]). Отъ этого сбора доброхотныхъ подаяній христіане уклонялись всѣми способами, и духовенство, лишенное права на полицейскія понужденія, постоянно употребляло религію и проповѣдь для корыстныхъ цѣлей, и этимъ подрывало въ христіанахъ уваженіе къ церковнымъ установленіямъ, а тѣмъ понижало уровень общественной нравственности: христіане, при жизни своихъ женъ, женились на другихъ, а священники охотно совершали такіе беззаконные браки. Общепринятость этого беззаконія видна изъ того, что оно вызвало, даже со стороны турецкаго, слѣдовательно, иновѣрнаго правительства, законъ, по которому запрещалось предавать землѣ, по христіанскому обряду, тѣла тѣхъ священниковъ, которые не въ мѣру злоупотребляли своимъ правомъ совершать браки [2]).

Плачевное состояніе христіанъ въ Крыму, подъ гнетомъ татаръ, вообще преувеличено въ разсказахъ духовенства, которое старалось возбудить состраданіе путешественниковъ и ревнителей христіанства. Такимъ образомъ, разсказывали, что окаянные рѣзали языки христіанамъ, говорившимъ на своемъ нарѣчіи, жгли ихъ храмы и книги церковныя, для того, чтобы уничтожить ихъ религію. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго не было. Какъ митрополитамъ, такъ и священникамъ дозволялось отправлять службу торжественно; безъ разрѣшенія митрополита, никому изъ мусульманъ не дозволялось присутствовать при богослуженіи и запрещалось принуждать къ принятію мусульманства [3]). И въ наше время, говоря о насиліяхъ надъ христіанами, духовные писатели иногда смѣшиваютъ туземныхъ христіанъ съ христіанами-плѣнниками. Туземные христіане не были въ рабствѣ; имъ даже мусульманскій законъ позволялъ имѣть своихъ рабовъ, пріобрѣтаемыхъ покупкою; не дозволялось только покупать рабовъ-мусульманъ [4]). Положеніе же плѣнныхъ христіанъ, дѣйствительно,

---

[1]) Крымское духовенство просило подаяній и въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Подобно татарамъ, крымскіе митрополиты слали къ русскимъ царямъ просительныя грамоты, гдѣ описывали свое положеніе въ самомъ жалкомъ видѣ и просили подаяній. Русскіе цари назначали духовенству въ Крыму опредѣленные дары. Съ 1596 года, Успенскій скитъ получалъ по 15 руб. (Дѣла посольск. прик.). Въ дѣйствительности, христіанскіе монастыри не были такъ бѣдны, какъ описываютъ ихъ митрополиты. Это видно изъ того, что когда Магометъ Гирей, въ 1657 году, вздумалъ ограбить Георгіевскій монастырь, то онъ одними деньгами взялъ 200,000 ефимковъ (т. е. піастровъ) — сумма, которая, по тогдашней цѣнности денегъ, далеко не можетъ быть признана маловажною, если принять въ соображеніе, что обыкновенная лошадь стоила всего 30 піастровъ. (Тамъ же).

[2]) Фирм. Мустафы, § 11.

[3]) Фирм. Мустафы, §§ 3, 12, 14, 26 и 31.

[4]) Peyssop. 1. 348.

мало чѣмъ отличалось отъ скотовъ. Раммалъ-Ходжа съ подробностями описываетъ, какъ ихъ съ поля битвы гнали въ Крымъ, по нѣскольку тысячъ, окруживъ цѣпью верховыхъ и подхлестывая нагайками, и клеймили тавромъ, раскаленнымъ въ огнѣ, на тѣхъ же самыхъ частяхъ тѣла, какъ и у животныхъ [1]). Само собою разумѣется, что и туземные христіане подвергались различнымъ случайностямъ, каковы, напримѣръ, разореніе, въ 1634 г., Георгіевскаго монастыря, о чемъ говоритъ, можетъ-быть и не безъ преувеличеній, митрополитъ Серафимъ, въ своей граматѣ къ царю Михаилу Θеодоровичу; такія случайности были, впрочемъ, рѣдки и преслѣдовались государственными постановленіями. Но если жестокости татаръ не были главною причиною упадка христіанства въ Крыму, то вредно дѣйствовало на него вліяніе татарской культуры путемъ ежедневныхъ мирныхъ сношеній, при неумѣніи духовныхъ поддержать въ христіанахъ ревность къ вѣрѣ. До насъ дошли извѣстія о неуваженіи къ религіи самихъ духовныхъ.

Такъ, въ 1630 году, херсонесскій митрополитъ Серафимъ пріѣхалъ въ русскій станъ въ Крыму, и, вручивъ русскому посланнику, Степану Тередееву, руку отъ мощей св. Меркурія, предупредилъ всѣхъ бывшихъ при немъ русскихъ людей, чтобы они отъ грековъ, безъ его вѣдома, не брали мощей, потому-что греки, ради корысти, отрѣзываютъ члены простыхъ покойниковъ и продаютъ ихъ за мощи [2]). Рядомъ съ холодностью къ религіи, у христіанъ, мало по малу, развилось и равнодушіе къ своей національности; сравнявшись съ татарами въ невѣжествѣ, они начали поддаваться и вліянію ихъ жизни, которое было до того сильно, что въ XVII вѣкѣ отступничество отъ религіи и націи дѣлается нерѣдкимъ: въ 1634 году, священникъ Іаковъ съ прискорбіемъ говоритъ, что «по горамъ (въ южномъ Крыму) живетъ много грековъ, но отъ насилія агарянъ благочестіе изсякло» [3]). Въ 1778 году, во всѣхъ городахъ Крыма и въ 60 селахъ осталось всего около 15 тысячъ греческихъ христіанъ. Духовенство само забыло свой языкъ и усвоило татарскій. Школъ не было; въ одной граматѣ митрополита, на татарскомъ языкѣ, видимъ только сожалѣніе о ихъ несуществованіи. Величественные храмы знаменитыхъ херсонесцевъ, съ ихъ великолѣпною мраморною колоннадою, замѣнились церквами, сложенными неискусной рукой изъ простой глины: монастырь св. Георгія имѣлъ: вышины 2

---

[1]) Тарыхы Раммалъ-Ходжа.

[2]) Дѣла посольск. приказа.

[3]) Зап. Одесск. Общ. ист. и др., т. II. 685.

саж., ширины 3 саж. и 2 арш., церковь великомученицы Варвары — выш. 1 саж., шир. 2 саж. [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ христіане, оставшіеся въ Крыму въ такомъ ничтожномъ количествѣ, въ 1778 году не были переселены въ Россію, они отатарились бы окончательно и не оставили бы слѣдовъ своего существованія [2]). Изъ инородцевъ, жившихъ между татарами, уцѣлѣли только армяне и евреи; изъ нихъ первые, при религіи, удержали и языкъ, а вторые остались только при религіи, но во всемъ остальномъ сдѣлались татарами. Армяне и караимы въ борьбѣ съ магометанствомъ оказались сильнѣе грековъ и генуэзцевъ, потому-что ихъ общины носили характеръ строго замкнутыхъ религіозныхъ сектъ, отличительная черта которыхъ состоитъ въ отсутствіи свѣтскаго образованія и свѣтскихъ учрежденій. Такія общины не поддаются вліянію высшей цивилизаціи, но за то онѣ не поддаются также и вліянію поглощающихъ элементовъ. При самыхъ выгодныхъ условіяхъ, онѣ живутъ и вѣруютъ такъ точно, какъ и при самыхъ дурныхъ; между тѣмъ греки и генуэзцы въ первомъ случаѣ высоко развили свою культуру — во второмъ, утратили ее совершенно и сами стушевались въ массѣ татарскаго населенія.

---

1) Зап. Одесск. Общ. ист. и древн. I. Статья архіеписк. Гавріила.

2) Вотъ, образчикъ языка греческихъ христіанъ XVIII вѣка. Изъ него видно, что языкъ грековъ этой эпохи потерялъ свое сходство съ эллинскимъ на столько, на сколько въ этомъ вѣкѣ христіанскія церкви не были похожи на великолѣпные храмы знаменитаго Херсонеса. Этотъ языкъ до такой степени подчинился татарскому, что утратилъ различіе родовъ и, вмѣсто трехъ, подобно татарскому, принялъ одну общую форму для всѣхъ трехъ родовъ. Въ немъ звуки: *αι*, *ει*, *υ*, *οι*, *ι*, *η*, *ου* и *ȣ* потеряли свое фонетическое и ороографическое значеніе и замѣнялись одинъ другимъ безразлично, Такъ, напр., *ι* ставилось вмѣсто всѣхъ созвучныхъ ему *ει*, *οι*, и т. д. Въ этотъ языкъ вошли татарскіе звуки *дж*, *ч*, *ш*, и проч., для которыхъ употреблялись условные знаки. Мы будемъ замѣнять ихъ соотвѣтствующими имъ русскими буквами. Изъ множества имѣющихся у насъ пѣсенъ, приведемъ, какъ обращикъ языка, отрывокъ изъ одной:

Ενα μερα τȣν καλȣκερι Καπλαν Χανς προσταζι
Να σȣρεβȣν τȣ γιασαχι; κι μιρζα σεὶς φȣναζι
Παρι τα γιανκιЧαρȣς κι κατεβι σ'τα χȣρια, и т. д.

Возможно близкій переводъ этихъ и послѣдующихъ стиховъ такой:

«Однажды лѣтомъ Капланъ-Ханъ повелѣлъ собирать ясакъ (подати); сердитый Мирза-бей взялъ съ собою янычаръ и ворвался въ села. А когда пришелъ булукъ-баши съ тридцатью янычарами, то онъ ворвался въ концѣ села въ домъ одной вдовы и нашелъ ее во дворѣ вмѣстѣ съ ея дочерью. Вошедши (во дворъ) стали дѣлать угрозы — и мать съ дочерью испугались. Булукъ-баши грозно закричалъ: «Ты должна заплатить (дать) свои подати»! Вдова стала говорить: «Мою подать отдалъ сынъ мой Константинъ». Тогда взяли ее (вдову) и привязали къ большому камню, а дочери завязали глаза и увезли съ собою въ лѣсъ, связавъ и ей руки, какъ и вдовѣ» и пр. Подобныя пѣсни и теперь еще поются на берегу Азовскаго моря.

Татары, занявши крымскій полуостровъ, не были, впрочемъ, варварами, безъ всякихъ зачатковъ культуры. «Эски-Крымъ (первая столица крымскихъ хановъ) — говоритъ Дегинь, — въ 1266 году, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Азіи; онъ былъ такъ великъ, что искусный ѣздокъ едва могъ его объѣхать, на хорошемъ конѣ, въ полъ-дня. Въ немъ была великолѣпная мечеть; стѣны ея были покрыты мраморомъ, а верхъ — порфиромъ; тамъ были высшія духовныя училища, гдѣ преподавались науки; были и другія зданія, достойныя удивленія. Городъ кипѣлъ торговою дѣятельностью» [1]).

Эти похвалы крымско-татарской культурѣ преувеличены и относятся къ тому періоду татарской исторіи, о которомъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій; за-то есть свидѣтельства болѣе достовѣрныя о временахъ Гиреевъ. Такъ, въ 1500 году, какъ это видно изъ одной надписи, сохранившейся въ Бахчисараѣ, Менгли-Гирей, сынъ Хаджы-Девлетъ-Гирея, построилъ высшее духовное училище или медресé [2]), именемъ котораго на татарскій языкъ переводится европейское слово «университетъ»; вѣроятно, что такіе же медресé существовали и въ другихъ городахъ, каковы, напр., Кара-су-базаръ, Эски-Крымъ, Акмечеть, и т. д. Судя по тѣмъ медресé, которые найдены у татаръ во время покоренія Крыма, и которые, безъ сомнѣнія, сохранили первоначальный свой видъ, это были училища съ исключительно-духовнымъ направленіемъ: ихъ программа ограничивалась изученіемъ корана по толкованіямъ мусульманскихъ ученыхъ; изъ нихъ выходили ученые люди и столпы мусульманства, какъ, напр.: кади-муфти, суфи, эфендіи, и т. д. Медресé не выпускали мудрецовъ и ученыхъ, но выучивали своихъ питомцевъ арабскому языку и необходимымъ пріемамъ для дальнѣйшаго самообразованія; отдавалось на волю и способности каждаго—сдѣлаться мудрецомъ или ученымъ. Единственнымъ источникомъ, откуда можно было черпать знанія и идеи, была — арабская философія.

Татарскіе ученые и мыслители относились къ этой философіи съ раболѣпствомъ, сознавая, что она стояла выше ихъ понятій и запросовъ ума, и заимствовали изъ нея терминологію и правила философическихъ построеній.

У татарскихъ книжниковъ находились въ обращеніи идеи Аристотеля и Сократа, усвоенныя арабами. Мухамедъ-Риза, въ своемъ сочиненіи «Семь планетъ», упоминаетъ съ особеннымъ

---

[1]) De Guignes, Histoire generale des Huns, etc. XXI.

[2]) Надпись на самомъ медресé въ Бахчисараѣ. Всѣ бахчисарайскія надписи переведены и напечатаны въ Зап. Одесск. Общ. ист. и древн., т. II. 491—528.

уваженіемъ объ одномъ свѣтилѣ татарской учености и просвѣщенія, въ XVII вѣкѣ, и излагаетъ его философію. Это свѣтило—Абдулъ-Азизъ-Эфенди. Философія его представляетъ смѣсь скептицизма съ религіознымъ мистицизмомъ. Какъ истинно добродѣтельный человѣкъ и, слѣдовательно, религіозный мусульманинъ, онъ смотрѣлъ на всѣ явленія духовно-нравственнаго міра съ точки зрѣнія той религіи, какую исповѣдывалъ; но скоро убѣдился, что она находится въ большомъ противорѣчіи съ его разумомъ, и позволилъ себѣ отнестись критически къ ея основамъ. Но прежде, чѣмъ начать такую работу, онъ, подобно арабскому философу XII вѣка Абу-Гаметъ-Магометъ-Аль-Гацали, задумалъ заглянуть въ самого себя, сосредоточиться въ самомъ себѣ и произвести повѣрку своимъ знаніямъ. Такимъ путемъ, онъ въ самомъ себѣ отыскалъ ничтожество и отсутствіе всякихъ знаній. Это побудило Абдулъ-Азиза обратиться къ богомыслію. Долго мучился онъ надъ разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, но, наконецъ, «попугай души его» вознесся къ Богу и тамъ нашелъ всестороннее разрѣшеніе всему въ познаніи единства Божія. Какъ извѣстно, нѣчто похожее на это сдѣлалъ и Аль-Гацали: и онъ оказался въ собственныхъ глазахъ неспособнымъ къ разрѣшенію своихъ скептическихъ проблемъ путемъ философіи, и онъ также убѣдился, что безъ помощи Божіей человѣку недоступно обсужденіе высочайшихъ истинъ; что для этого необходимъ лучъ свѣта, посланный въ его душу самимъ Богомъ, и этотъ лучъ есть нечто иное, какъ экстазъ, т. е.—ея восторженное состояніе, или «попугай души» Абдулъ-Азиза. Конечнымъ результатомъ обоихъ философовъ былъ религіозный аскетизмъ. «О, идущіе по пути Божію,—говоритъ Абдулъ-Азизъ—тотъ, кто проводитъ жизнь въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ, кто, ради этихъ удовольствій, питаетъ привязанность къ бренному міру, тотъ на пути жизни не можетъ найти истинныхъ наслажденій». Подобно Сократу, Абдулъ-Азизъ считалъ себя мудрецомъ только потому, что онъ лучше другихъ сознавалъ свое ничтожество, и въ этомъ сознаніи видѣлъ свое счастіе. Онъ совѣтовалъ всѣмъ углубляться въ самого себя, чтобы всѣ пришли къ такимъ убѣжденіямъ, къ какимъ пришелъ самъ. «Если ты самъ себѣ нуженъ—говоритъ онъ—то узнай самого себя. Такъ я поступилъ самъ съ собой и въ себѣ самомъ нашелъ для самого себя [1]) лекарство, которымъ помогъ своему мученію».

Такимъ образомъ, идеи арабскихъ философовъ XII вѣка пережовывались татарскими еще въ XVII вѣкѣ, не смотря на то,

[1]) Игра словъ въ подлинникѣ, вѣроятно, очень нравившаяся философу.

что въ это время арабская философія уже сдана была въ архивъ. Нѣтъ сомнѣнія, что философія Абдулъ-Азиза не была одиночнымъ явленіемъ въ умственной жизни крымскихъ татаръ и, конечно, какъ до него, такъ и послѣ него, были философы, которые прибѣгали къ тому же единственному источнику для своихъ измышленій—къ давно отжившей философіи арабовъ. Но такіе философы мало могли имѣть вліянія на умственный кругозоръ всей массы татаръ. Философія ихъ была недоступна обыкновенному пониманію. Мухамедъ-Риза, относясь къ Абдулъ-Азизу съ большой похвалой, говоритъ, что онъ былъ такъ уменъ, писалъ такъ глубокомысленно и такимъ труднымъ языкомъ, что его съ трудомъ могли понимать даже и самые ученые люди [1]. Въ этомъ случаѣ, татарскій философъ былъ не хуже нѣмецкихъ философовъ, излагавшихъ свои мысли въ формѣ недоступной не только для массы, но и для людей развитыхъ, но не привыкшихъ къ ихъ образу выраженія. Не смотря на всю трудность, однако, кое-что изъ татарской философіи проводилось въ народъ многочисленными его духовными, обязанными знать дѣла религіи и проповѣдывать. Изъ надгробныхъ надписей бахчисарайскаго ханскаго кладбища видно, что, сходно съ философіей Абдулъ-Азиза, идеаломъ земной жизни человѣчества принималось полное отрѣшеніе отъ земныхъ интересовъ и стремленіе къ будущей вѣчной жизни за гробомъ. Земная жизнь представляется бренною, ничтожною, не заслуживающею привязанности. «О сердце! не вѣрь суетному міру: рано или поздно, ты, наконецъ, раскаешься и увидишь, что этотъ міръ вѣроломенъ; онъ безпрестанно смѣется тебѣ въ глаза и унижаетъ тебя. Много было въ мірѣ царей — всѣ они переселились въ вѣчность [2]. Земной міръ, съ его благами и наслажденіями, представляется цвѣтникомъ, гдѣ отдѣльные счастливцы цвѣтутъ какъ розы, но эти розы, какъ и все земное, рано или поздно, должны разсыпаться въ прахъ и, поэтому, не слѣдуетъ прельщаться земными благами. Не слѣдуетъ также прельщаться и почестями ничтожнаго міра, ибо нѣтъ ничего вѣчнаго. Не слѣдуетъ заботиться и о красотѣ: какъ бы тѣло красиво и нѣжно ни было, оно сравняется съ землей и достанется въ добычу червямъ». Представляя себѣ земную жизнь человѣка въ самомъ непривлекательномъ видѣ, надгробныя надписи изображаютъ жизнь за гробомъ въ самыхъ заманчивыхъ чертахъ. Смерть есть общій удѣлъ людей. «Она есть чаша съ

---

[1]) Переводъ отрывка изъ Абдулъ-Азиза сдѣланъ нами при помощи знатока татарскихъ нарѣчій — эфендія (собственнаго Е. И. В. конвоя) Магомета Османова.

[2]) Надгробіе Ферахъ-султаны.

виномъ, изъ которой пьетъ все живое, а могила есть жилище, въ которое неизбѣжно входитъ всякій человѣкъ [1])». «Земная жизнь есть тѣсный домъ временной жизни, а загробная — широкій лугъ вѣчности [2])». На этомъ лугу есть рай, гдѣ помѣстятся всѣ праведные и будутъ увеселяться прелестными гуріями. Этимъ праведнымъ, при постоянно 30-ти лѣтнемъ и никогда не увядающемъ возрастѣ, съ его вѣчною физическою бодростью, будутъ доступны всѣ роды чувственныхъ наслажденій. Разумѣется, такое содержаніе надгробныхъ надписей въ значительной степени выражало личный взглядъ и лирическое настроеніе поэтовъ, на обязанности которыхъ лежало ихъ составленіе, но, съ другой стороны, оно нисколько не шло въ разрѣзъ съ общими понятіями народа, и, вытекая изъ основныхъ началъ философіи, составляло постоянный мотивъ духовной культуры крымскихъ татаръ.

Историческая литература крымскихъ татаръ бѣдна. Занятіе свѣтской литературой, не считаясь занятіемъ почетнымъ, не давало писателямъ средствъ къ существованію и, потому, было дѣломъ досуга. Книги не-духовнаго содержанія не имѣли запроса въ публикѣ, и авторъ долженъ былъ отдавать имъ свой досугъ только изъ любви къ искусству. Оттого, во всякомъ мусульманскомъ государствѣ свѣтская литература могла процвѣтать только при покровительствѣ государей; золотыя времена персидской и арабской литературы и науки всегда совпадали съ царствованіемъ какого-нибудь умнаго и могущественнаго государя. Крымскіе ханы не могли быть такими покровителями; они были бѣдны и, притомъ, часто низвергались съ престола. Туземныхъ историковъ Крыма было мало, и изъ нихъ для насъ доступны только три: Раммалъ-Ходжа, Мухамедъ-Риза и неизвѣстный авторъ исторіи крымскихъ хановъ. Кромѣ этихъ трехъ, исторію Крыма писалъ, по свидѣтельству Дегиня, Абдулъ, сынъ Махмета, бывшаго пашой въ Кафѣ, въ 1610 г., а Мухамедъ-Риза сохранилъ для насъ имена еще двухъ историковъ: Хейръ-Заде-Эфенди и Абдулъ-вели-Эфенди. Оба они описывали Крымъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Сочиненіе Раммалъ-Ходжа занято описаніемъ жизни и дѣяній Сагибъ-гирея, жившаго въ половинѣ XVI вѣка. Историкъ, современникъ Сагибъ-гирея, слѣдилъ за всѣмъ, что̀ происходило въ царствованіе этого хана, и записывалъ въ свою книгу, не обращая вниманія на связь совершавшихся событій. Его

---

[1]) Надгр. Селимъ-гирея.

[2]) Надгр. Мухамеда-Гирея.

занимали, преимущественно, военные подвиги героя, потому-что только эти подвиги находилъ онъ совмѣстными съ высокимъ саномъ государя. Изъ сочиненія его видно, что ханъ постоянно находился на войнѣ, постоянно былъ грозою своихъ непріятелей и постоянно ихъ грабилъ. Каждый набѣгъ описанъ подробно, но всѣ эти многочисленные набѣги похожи одинъ на другой во всѣхъ отношеніяхъ. Передъ каждымъ набѣгомъ ханъ совершалъ ночной намазъ и исповѣдывался предъ Богомъ въ грѣхахъ; послѣ опустошительнаго грабежа, онъ дѣлился добычею съ князьями и воинами. По словамъ историка, Сагибъ-Гирей былъ грознымъ государемъ на войнѣ, страшнымъ и карающимъ внутри государства; «какъ царь, онъ былъ мудръ, правосуденъ и благодѣтель подданныхъ; въ послѣднемъ качествѣ онъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Въ его царствованіе богатый и бѣдный одинаково благоденствовали. Владѣтельные князья, беи, лишены были всякой возможности быть тиранами подданныхъ, потому-что въ его царствованіе и волки и овцы ходили вмѣстѣ. Беи имѣли съ нимъ свиданіе одинъ разъ въ году, и въ его присутствіи не знали, существуютъ ли они или нѣтъ, а когда получали разрѣшеніе уѣзжать обратно домой, то посылали извѣщать свои семейства, что они возвращаются къ нимъ живыми и благополучными».... «Князь — продолжаетъ далѣе историкъ — выходя въ народъ, имѣлъ при себѣ нукера, а во время народныхъ праздниковъ князья имѣли при себѣ по 200 нукеровъ.» Пристрастіе къ хану и преувеличеніе его могущества и храбрости у Раммалъ-Хаджа доходитъ до такихъ необузданныхъ размѣровъ, что, описывая одну стычку съ черкесами, онъ говоритъ, что ханъ съ самымъ незначительнымъ отрядомъ разбилъ пятнадцатитысячный отрядъ, при чемъ ни одинъ изъ его воиновъ не расшибъ себѣ и носа. Описывая, какъ, однажды, ханъ, при помощи Бѣльскаго, бѣжавшаго къ нему отъ гнѣва Ивана Грознаго, собирался внести въ русскую землю ужасъ и опустошеніе, онъ говоритъ, что ханъ собралъ столько войска, что подъ нимъ земля дрожала. Съ этимъ войскомъ, онъ отправился къ р. Окѣ, черезъ которую Бѣльскій долженъ былъ указать ему удобное, для переправы, мѣсто. Но передъ тѣмъ самымъ, когда хану нужно было разразиться ужасомъ и направиться къ самой Москвѣ, упрямый и честолюбивый владѣтельный князь Бакы-бей измѣнилъ ему, и потому онъ долженъ былъ поспѣшить обратно въ Крымъ. Впрочемъ, ханъ написалъ Ивану Грозному ругательное письмо, въ которомъ обозвалъ его «проклятымъ богоотверженнымъ и рабомъ, способнымъ только пахать земли могущественнаго хана,» при чемъ предлагалъ ему молить Бога за Бакыбея, по милости котораго онъ не могъ переправиться черезъ Оку.

Эту неудачу придворный історіографъ приписываетъ не безсилію и ничтожеству хана, а вѣроломству людскому. Такимъ образомъ, сочиненіе Раммалъ-Хаджа, не представляя ничего относящагося до внутренней исторіи Крыма, не можетъ служить и матеріаломъ для характеристики описываемаго имъ хана, какъ исторической личности.

Сочиненіе Шеихъ-Мухамедъ-Риза, какъ историческій матеріалъ, обладаетъ большими достоинствами. Хотя Риза жилъ въ концѣ XVIII вѣка, но его всеобщая исторія Крыма отличается довольно строгимъ историческимъ повѣствованіемъ, основаннымъ не на преданіяхъ и разсказахъ, а на письменныхъ источникахъ, и всегда сопровождается хронологіею. Главное вниманіе онъ обращаетъ на событія, относящіяся къ царствованію семи хановъ, отчего и сочиненіе свое назвалъ «Ассебъ-Оссейяръ», т. е., семь планетъ. Риза описываетъ событія крымскаго юрта въ тотъ его періодъ, когда имъ управляла династія Гиреидовъ; неизвѣстно, почему онъ началъ съ Менгли-Гирея, не включивъ въ свое повѣствованіе и отца его Хаджы-Девлетъ-Гирея, родоначальника всѣхъ Гиреидовъ. Сочиненіе Риза, за исключеніемъ многочисленныхъ цитатъ изъ различныхъ стихотвореній, также занято описаніемъ военныхъ событій и внѣшнихъ сношеній хановъ. По обычаю восточныхъ историковъ, онъ начинаетъ съ сотворенія міра, и, дойдя до главнаго своего предмета, описываетъ извѣстныя ему подробности царствованій. Изложеніе у него однообразно и утомительно, какъ у всѣхъ восточныхъ историковъ. Подъ исторіею, онъ понимаетъ описаніе жизни и дѣяній царей, которымъ народы отданы въ полное распоряженіе — исторія же самыхъ народовъ есть только придаточное къ исторіи царей. Свою обязанность, какъ историка, онъ полагаетъ въ томъ, чтобы сохранить, для памяти потомства, только то, что̀, совершившись одинъ разъ, не могло совершиться въ другой. Для національнаго историка крымскихъ татаръ, не свойственнно было подробное описаніе народной жизни, государственныхъ и общественныхъ учрежденій; все это существовало предъ глазами каждаго, извѣстно было во всѣхъ подробностяхъ и, встрѣченное въ историческомъ сочиненіи, возбудило бы смѣхъ. То же самое было бы, еслибъ историкъ вздумалъ это сдѣлать, говоря и о временахъ минувшихъ. Крымскіе татары были народъ исключительно военный, и въ исторіи временъ прошедшихъ искали только описанія военныхъ подвиговъ своихъ предковъ, ни мало не любопытствуя узнать ихъ частный бытъ. Съ другой стороны, живя во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ жили ихъ предки, не отступая ни на шагъ, и усвоивая себѣ преемственно ихъ понятія и взгляды на

жизнь, они сами очень хорошо знали, какъ въ старину жили ихъ отцы и дѣды. При значительно-меньшемъ количествѣ историческаго матеріала, исторія крымскихъ хановъ неизвѣстнаго автора отличается такимъ же характеромъ, и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы и сочиненія двухъ вышеупомянутыхъ историковъ—Абдула сына Магомета и Хейръ-заде-Эфенди—отличались какими-нибудь особенными достоинствами содержанія, такъ какъ и они, безъ малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, написаны въ такомъ же духѣ.

Надгробныя надписи бахчисарайскаго ханскаго кладбища, а также и надписи ханскаго дворца, можно разсматривать какъ историческіе памятники; въ нихъ, кромѣ поэзіи и философіи, есть много историческихъ фактовъ. По этимъ надписямъ можно составить довольно подробную родословную крымскихъ хановъ; въ нихъ означается, какой ханъ когда умеръ и чей былъ сынъ; говорится, когда и кѣмъ выстроена та или другая мечеть, училище, пристройка къ ханскому дворцу, и т. д. Онѣ даже представляютъ характеристику когда-то дѣйствовавшихъ историческихъ лицъ. Но на характеристику надписей нельзя слишкомъ полагаться: онѣ всегда преувеличиваютъ личныя достоинства и могущество хановъ. Такъ, напр., если надъ дверьми дворца Менгли-Гирея написано, что дворецъ принадлежитъ «повелителю двухъ материковъ и хакану (т. е. властителю) двухъ морей», то это нисколько не значитъ, что Менгли-Гирей былъ такимъ на самомъ дѣлѣ. Или, напр., Кырымъ-гирей, никогда почти не сходившій «съ потнаго коня», постоянно занимавшійся грабежами и опустошеніями, изнурявшій народъ тяжелыми работами, при раскопкѣ крымскихъ горъ, въ которыхъ хотѣлъ найти металлы, наконецъ, нѣсколько разъ низвергаемый съ престола,—въ надписи на дверяхъ его дворца охарактеризованъ такъ: «*Краса крымскаго престола, повелитель великаго царства, рудникъ кротости и великодушія и тѣнь милости Божіей на землѣ. Смотри! вотъ державная звѣзда его взошла на горизонтѣ славы и освѣтила цѣлый міръ.*»

Изящная литература у всѣхъ восточныхъ народовъ имѣла широкое развитіе—у крымскихъ татаръ видимъ то же самое. Многіе ханы и государственные люди оставили по себѣ память своими произведеніями въ томъ или другомъ родѣ; такъ, напр.: Мухамедъ-Риза приводитъ образцики поэтическаго дарованія Батыръ-Гирея, Газы-Гирея, Сафа-Гирея и многихъ другихъ. Самобытнаго у крымскихъ татаръ въ этомъ родѣ не было; выступивъ очень поздно на поприще государственной и умственной дѣятельности,

они позаимствовали отъ арабовъ и персовъ готовые образцы изящной литературы. Общепринятая форма этой литературы — стихотвореніе, въ которомъ, точно также, какъ и въ стихотвореніяхъ арабовъ и персовъ, одна и та же риема проходитъ чрезъ все произведеніе или ставится чрезъ стихъ, два, и т. д. Даже отрывки изъ философіи Абдулъ-Азиза, сохраненные Мухамедомъ-Риза, написаны стихами. Искусственныя поэтическія произведенія крымскихъ татаръ, также какъ и народныя, впадаютъ часто въ повѣствовательный тонъ, и, не будучи героическими поэмами, вдаются въ длинныя описанія военныхъ происшествій; но есть, однако, и такія, которыя чужды повѣствованія и заняты сатирическимъ изображеніемъ времени и общества. Изъ поэтовъ въ этомъ родѣ можно указать на Газы-Гирея хана, который, безспорно, обладалъ талантомъ и былъ лучшимъ поэтомъ крымскихъ татаръ. Онъ былъ ханомъ съ 1588 г., и оставилъ собраніе своихъ одъ и стихотвореній всякого рода подъ общимъ заглавіемъ «Гюль ве бюльбюль», т. е., роза и соловей. Мухамедъ-Риза приводитъ довольно много отрывковъ изъ его сочиненій. Сочиненія Газы-Гирея замѣчательны въ томъ отношеніи, что онъ, какъ ханъ и, слѣдовательно, первое лицо въ государствѣ, могъ излагать все въ томъ видѣ, въ какомъ оно ему казалось, безъ нужды льстить кому-нибудь и чему-нибудь, безъ боязни преслѣдованій, чего въ магометанскомъ государствѣ не могъ дѣлать обыкновенный смертный. Чуждый заносчивости, напыщенности и самохваленія, онъ въ сочиненіяхъ своихъ является не царемъ, а обыкновеннымъ смертнымъ, и съ такой точки зрѣнія смотритъ на окружающій его порядокъ государственнаго управленія, и на состояніе современнаго ему общества. Онъ крайне недоволенъ и государствомъ и обществомъ. Недовольство его доходитъ до скорби и жёлчи. Ему казалось, что сила невѣрныхъ государей мало-по-малу увеличивается, и они, постепенно стѣсняя мусульманскія владѣнія, лишаютъ ихъ средствъ обогащенія. Онъ сѣтовалъ на то, что Крымъ въ его время былъ страною смутъ и междоусобій, и что многіе, блаженствуя «въ долинахъ веселія», безучастны къ этому разрушительному злу. Онъ совѣтовалъ государственнымъ сановникамъ выдрать уши тому, кто не знаетъ законовъ управленія государствомъ, или, въ противномъ случаѣ, имъ самимъ предстоитъ опасность. «Если вы будете безпечны—говоритъ онъ—и если эти смуты продлятся еще дня два, то убѣдитесь на опытѣ, что вы лишитесь власти. Если мнѣ не вѣрите—спросите у окружающихъ васъ.» Не будучи еще ханомъ, Газы-Гирей относился съ негодованіемъ о томъ порядкѣ вещей, во главѣ котораго,

впослѣдствіи, долженъ былъ стать самъ [1]. «О друзья—говоритъ онъ—не будьте оплошны, потому-что настало время быть осторожнымъ; всѣ дѣла перевернулись вверхъ дномъ! Тотъ ханъ, котораго въ нашемъ государствѣ всѣ обязаны называть правосуднымъ, отдалъ бразды правленія въ руки тирановъ. Всякій проситель, ищущій ихъ суда или спрашивающій ихъ о чемъ-нибудь, не получитъ по желанію отвѣта раньше, чѣмъ муфти не получитъ взятки. Казы-аскеры отдаютъ высшіе чины такимъ невѣждамъ, которые на испытаніи не оказали никакихъ успѣховъ. Если поставить имъ это на видъ—не обратятъ вниманія, потому-что они привыкли только къ лести двуличныхъ людей. На содержаніе учениковъ (въ медресе̇), они, кромѣ церковныхъ денегъ, ничего не расходуютъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ нихъ платы за ученіе. Считая себя мудрецами, они устанавляютъ порядки и сами же ихъ и нарушаютъ. Своею двуличностью они могутъ поселить раздоръ между неразлучными друзьями. Шейхъ-эфенди (духовное лицо) хандритъ въ тотъ день, когда его не пригласятъ на даровой обѣдъ и, сидя въ своей кельѣ, видитъ предъ собой какой-то черный призракъ, какъ худое предзнаменованіе такой же неудачи и на другой день. Суфи (монахи), вооружившись званіемъ святошъ, подобно воинамъ, ѣздятъ изъ дома въ домъ, имѣя, вмѣсто фужія—чалму. Въ началѣ каждаго года вымогаютъ они установленный зекятъ, чтобы пополнить тѣ свои убытки, какихъ никогда не имѣли. Такъ-называемые хорошіе люди не дадутъ и поцѣлуя тому, кто готовъ даже отдать за нихъ свою душу. Безумцы теперь сдѣлались мудрецами, хотя, въ сущности, они тысячу разъ унизятся, ни разу не сваривъ каши.»

Кромѣ сатиръ, Газы-гирей писалъ и лирическія оды. Онѣ служатъ образчикомъ свѣтской поэзіи, и знакомятъ съ жизнью и удовольствіями крымскихъ хановъ. Въ одной одѣ своей, философствуя на тему, что всѣ блаженства этого ничтожнаго міра не прочны, и совѣтуя другимъ не обольщаться ими, онъ самъ, тѣмъ не менѣе, не отказываетъ себѣ въ удовольствіяхъ, и, пользуясь скоротечностью земного существованія, спѣшитъ ими насладиться. Нарисовавъ картину благоухающей весны и чарующаго неба, онъ говоритъ: «Заботы всторону! во имя Бога, посмотрите, сколь пріятенъ юноша, подносящій вино. Какъ волшебная роза, предсталъ онъ предъ нами—невѣждами. Время веселія!... оно возвѣщается намъ соловьемъ, который своею нѣж-

---

[1] Впрочемъ, онъ, въ стихотвореніяхъ своихъ, называлъ себя не Газы, а Газаі, что даетъ поводъ думать, что у него былъ псевдонимъ.

ною и очаровательною пѣснью зоветъ насъ въ садъ къ красному вину и наслажденіямъ.» Въ особой одѣ, Газы-гирей воспѣлъ предметъ своей страсти, юношу, котораго воображаетъ передъ собой съ кубкомъ, полнымъ вина. «Я не могу, говоритъ Газы, питать страстнаго чувства къ другому (юношѣ), будь онъ прекраснѣе самаго ханскаго Іосифа; не посмотрю я на другое лицо, будь оно свѣтлѣе самаго солнца! Мнѣ нуженъ только одинъ предметъ любви—другого не нужно. О, прекрасный юноша! если ты радъ моей любви къ твоимъ рубиновымъ губкамъ, я сразу подниму этотъ кубокъ, за твое здоровье, хотя бы онъ наполненъ былъ кровью. Не могу я любить другихъ, будь они подобны гіацинту или благоухающему цвѣтку райскихъ садовъ. Душою и сердцемъ я преданъ тебѣ, о лунолицый! и воображеніе мое слѣдуетъ за тобой даже и тогда, когда меня обуреваетъ горе, и когда изъ очей моихъ текутъ слезы!...»

Другіе поэты, имена и произведенія которыхъ сохранены въ сочиненіи Мухамеда-Риза, уступаютъ Газы-Гирею и въ талантѣ и въ содержаніи; вообще, крымскіе татары были большіе охотники до поэзіи, а потому поэтовъ у нихъ было много. По обычаю, существовавшему у нихъ до самаго паденія ихъ государства, ни одно событіе, бывшее предметомъ общаго любопытства, не оставалось не воспѣтымъ пѣснью поэта. Человѣкъ, пользовавшійся любовью народа, совершившій какіе-нибудь подвиги, по смерти долженъ быть воспѣтымъ; и изъ имущества, оставшагося послѣ него, опредѣлялось вознагражденіе тому изъ поэтовъ, кто лучше умѣлъ его воспѣть. Этотъ обычай далъ профессіи поэтовъ характеръ ремесла. Всякій, кто хотѣлъ превознести предметъ своей страсти, или оплакать любимаго человѣка, обращался къ поэту, который, за условленное вознагражденіе, вдохновлялся — или для любовной пѣсни, или для надгробной эпитафіи. Сатирическая муза также отдавалась на-прокатъ, и если кто хотѣлъ осмѣять кого-нибудь, то обращался къ поэту. Ему не было надобности близко знакомиться съ тѣмъ, кого нужно было воспѣть — онъ ограничивался одними разсказами, и воспѣвалъ или бичевалъ, такъ сказать, со словъ просителя. Пѣсни, гдѣ удачно выражено то или другое чувство, ѣдко осмѣянъ тотъ или другой порокъ, и вообще, тѣ, которыя приходились по вкусу толпы, бывъ положены на голосъ, соотвѣтствующій содержанію, дѣлались народными. Поэты, кромѣ искусства писать пѣсни по обдуманному плану, должны были обладать и искусствомъ импровизаціи. Сохранившійся при покореніи Крыма обычай говорить стихи ex promptu и состязаться въ этомъ искусствѣ съ противникомъ, ведетъ свое начало изъ древнихъ временъ и имѣетъ, безъ со-

мнѣнія, связь съ арабскимъ моаллакатомъ, по которому стихотвореніе поэта, одержавшаго побѣду надъ противникомъ, вывѣшивалось на воротахъ Каабы.

У крымскихъ татаръ было похвальное обыкновеніе записывать свои народныя пѣсни, а потому у нихъ сохранилось огромное количество сборниковъ [1]) (джонкъ). Татарская поэзія имѣла большое сходство съ поэзіей османскихъ турокъ; между многими ихъ пѣснями попадаются и такъ-называемыя «истамболъ-туркусы», т. е., истамбольскія, бывшія въ ходу и у татаръ. Турецкая поэзія имѣла на татарскую и нравственное вліяніе, такъ какъ литературная культура турокъ была выше татарской. По совершенно справедливымъ словамъ Гаммера, основная черта османской литературы есть рабское подражаніе арабскимъ и персидскимъ произведеніямъ, безъ самобытнаго характера; тѣмъ не менѣе, она все-таки имѣла свой золотой вѣкъ (при Сюлейманѣ, въ XV в.) и произвела множество поэтовъ. Гаммеръ самъ сообщаетъ свѣдѣнія о 2,200 поэтахъ, между которыми есть и женщины. Для крымскихъ татаръ, отъ XVI и до XVIII в., Константинополь былъ тѣмъ же, чѣмъ Аѳины для римскаго міра и Парижъ для новѣйшей Европы. Мухамедъ-Риза говоритъ, что крымскіе ханы получали образованіе въ Константинополѣ, и, нѣтъ сомнѣнія, что тамже довершали свое образованіе крымскіе ученые и поэты.

Сказки крымскихъ татаръ многочисленны и, за исключеніемъ пѣсни, замѣняли собою всѣ роды изящной литературы. Еслибъ мы вздумали сказать объ нихъ что-нибудь въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ у нихъ и турокъ въ настоящее время, то пришлось бы повторить то, что̀ Гаммеръ и Шерръ говорятъ о сказкѣ арабовъ X в. и раньше. Татары страстно любили чудесное. Ихъ сказки двухъ родовъ: однѣ чисто миѳическія, другія — основанныя на дѣйствительности. Послѣднія заключаютъ въ себѣ любовныя и разныя приключенія героевъ и, соотвѣтствуя европейскимъ романамъ, особенно любимы. Эти сказки имѣли, и теперь еще имѣютъ, своихъ рапсодовъ, которыхъ татары слушаютъ толпами. Наибольшею популярностью у крымскихъ татаръ пользуются семь сказокъ: *Хоршутъ-бей*—предметъ *Меги-меріе; Меджнунъ*—предметъ любви *Лейля; Керемъ*—предметъ любви *Асли-ханымъ;Ферадъ* — предметъ любви *Шырынъ; Гамберъ*—предметъ любви *Арзы; Ашыхъ-гарыпъ*—предметъ любви *Шасне*, и *Ашыхъ-Омеръ*—предметъ любви *Урю*. Всѣ эти

[1]) Одинъ изъ такихъ сборниковъ, содержащій въ себѣ около 300 пѣсенъ, подаренъ нами Импер. Рус. Географ. Обществу въ Петербургѣ.

герои выставляются людьми сильными, красивыми, умными, ловкими, въ трудныхъ обстоятельствахъ находчивыми и изворотливыми. Отъ героинь, кромѣ красоты, и разумѣется, неописанной, ничего не требуется. Интересъ этихъ романовъ заключается въ томъ, что герои ставятся во всевозможныя затруднительныя обстоятельства, и выпутываются изъ нихъ силою и умомъ. Содержаніе ихъ разжигаетъ чувственныя страсти. Кромѣ этихъ героевъ, существовали еще и другіе, изъ которыхъ, въ XVII в., всеобщую извѣстность получилъ уроженецъ сѣвернаго Хорассана, поэтъ и наѣздникъ *Керъ-оглу* (сынъ слѣпца), съ своимъ быстрымъ и неутомимымъ конемъ *Керъ-атъ*. Эти сказки излагаются прозою, и только патетическія мѣста декламируются и поются стихами [1]).

Наука татаръ выражалась исключительно въ юридическо-богословскихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ видно, что болѣе обширныя научныя знанія не чужды были нѣкоторымъ ханамъ. Сестренцевичъ-Богушъ говоритъ, что Кырымъ-Гирей-ханъ занимался физикой, химіей, астрономіей и фортификаціей, и его разсужденіе о лучшемъ способѣ управленія и о свободѣ не отвергъ бы во многомъ и самъ Монтескье [2]). Изъ наукъ свѣтскихъ, у крымскихъ татаръ болѣе любима была астрономія. Наука эта, какъ извѣстно, у арабовъ была въ большомъ ходу. Татары имѣли свой собственный календарь, ясно показывающій, что онъ составленъ былъ въ Крыму. Этотъ, въ высшей степени, оригинальный календарь, очевидно, составлялся на основаніи долгихъ и самыхъ точныхъ климатическихъ наблюденій, которыя предполагаютъ знаніе дѣла — иначе, составители не могли бы вѣрно подмѣтить закона и характера физическихъ явленій своей страны и открыть послѣдовательности въ смѣнахъ этихъ явленій. Календарь крымскихъ татаръ таковъ. Лѣтосчисленіе свое они ведутъ отъ геджры, т. е., отъ бѣгства Магомета, что̀ совершенно сходно съ лѣтосчисленіемъ всѣхъ мусульманъ. 586 лѣтъ, прибавленные къ этому лѣтосчисленію, даютъ христіанскую эру. Годъ раздѣляется на 12 мѣсяцевъ. Такое измѣреніе времени принято только относительно опредѣленія эпохи историческихъ событій, а въ народномъ быту употреблялось иное. Весна у крымскихъ татаръ начинается съ 23 апрѣля и продолжается 60 дней, до 22 іюня. Съ этой поры наступаетъ время, называемое *«долгимъ лѣтомъ»;* оно продолжается всего

---

1) Сказка объ Ашыхъ-Гарыпѣ, украшенная картинками похожденій героя, отдана нами также въ Географ. Общество.

2) Исторія о Тавріи. II т. 370 — 371.

40 дней, до 1 августа. Слѣдующіе 25 дней, до 25 августа, нѣкоторымъ образомъ выходятъ изъ системы раздѣленія года и называются «агостосъ». Съ 25 августа начинается осень, и продолжается 60 дней, до 26 октября. Слѣдующіе 36 дней не образуютъ никакого времени года. Затѣмъ наступаетъ такъ-называемая «большая зима». Она начинается съ 1 декабря, продолжается 66 дней и оканчивается 4 февраля. Слѣдующіе 24 дня, до 1 апрѣля, составляютъ самое несносное для татаръ время года подъ именемъ «*кучукъ*», т. е., небольшое. Время отъ 1 до 23 апрѣля образуетъ особое время года подъ именемъ «*мартъ*». Въ мартѣ, татары замѣчаютъ три періода: *зиму старыхъ бабъ*, *зиму скворцовъ* и *зиму потатуекъ*. У крымскихъ татаръ существовало нѣчто въ родѣ обсерваторіи, обязанность которой заключалась въ наблюденіи за появленіемъ рамазанной луны. Это наблюденіе лежало на обязанности духовенства, какъ ученаго сословія, которое опредѣляло для этого особенныхъ дервишей, освобожденныхъ за-то отъ всякихъ податей и налоговъ. О появленіи луны они давали знать муфти, а этотъ—хану. Появленіе луны возвѣщалось народу пушечной пальбой [1]).

Татарская музыка состояла изъ: оглушающаго барабана (дасулъ), бубна (даріе) и пронзительной зурны (родъ кларнета); ихъ было нѣсколько видовъ. Раммалъ-Хаджа говоритъ о военной музыкѣ; вѣроятно, и она состояла изъ этихъ же инструментовъ. Эта же музыка существуетъ и теперь, съ прибавленіемъ скрипки (киманѐ). Живопись и скульптура у крымскихъ татаръ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, были запрещены кораномъ. Домъ мусульманина слѣдовало украшать только стихами корана, вышитыми золотыми буквами на шолковыхъ и другихъ матеріяхъ. Этимъ объясняется совершенное отсутствіе ханскихъ портретовъ. Впрочемъ, Шаганъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, не любимый народомъ за его приверженность къ европейскимъ нравамъ, въ числѣ прочихъ беззаконій, позволилъ снять съ себя портретъ, хранящійся нынѣ въ Одесскомъ музеѣ [2]). Другой примѣръ отступленія отъ заповѣди пророка позволилъ себѣ Кырымъ-Гирей, велѣвъ нарисовать на одной изъ стѣнъ своего дворца одинъ видъ (неискусно сдѣланный). За-то искусство крымскихъ татаръ во всей красотѣ и силѣ сохранилось въ архитектурѣ и рѣзьбѣ ханскаго дворца Бахчисарая, съ его кладбищемъ. Татары умѣли этимъ искусствомъ показать своеобразный характеръ. Мен-

---

[1]) Сумарокова: «Досуги крымскаго судьи». I, 222.

[2]) Портретъ Шаганъ-Гирея напечатанъ нами въ «Иллюстраціи» вмѣстѣ съ біографическою замѣткой.

гли-Гирей построилъ себѣ дворецъ по образцу лучшихъ дворцовъ восточныхъ властителей. Сожженный въ 1740 году Минихомъ окончательно, дворецъ бахчисарайскій былъ возобновленъ, безъ всякихъ отступленій отъ плана и архитектуры стараго. Этотъ дворецъ первоначально былъ не великъ, но со временемъ разросся: почти каждый ханъ дѣлалъ къ нему пристройки; работы производились туземцами, съ участіемъ, можетъ быть, и турецкихъ мастеровъ изъ Константинополя. Многочисленныя комнаты и цѣлыя отдѣленія распредѣлены такъ, что, при обозрѣніи дворца, не представляется никакихъ трудностей. Самыя возвышенія и навѣсы, при необыкновенно-оригинальной красотѣ, соединены съ необыкновенною прочностью. Въ отдѣльныхъ частяхъ зданія, стѣнахъ, окнахъ, рѣшеткахъ, и т. д., нѣтъ той симметріи, какою отличается новая архитектура, но въ общемъ, всѣ украшенія стѣнъ, и оконъ и т. д., съ ихъ рѣзьбою и со всею пестротою ихъ цвѣтовъ и фигуръ, представляютъ такую гармонію и такое искусство, которому новая архитектура не можетъ подражать, — это показали тѣ починки, какія сдѣланы во дворцѣ хановъ въ наше время: искусный рѣзецъ современнаго художника не могъ вырѣзать ни одной звѣздочки, ни одного кружка и ничего такого, что̀ бы не отличалось отъ стараго съ перваго взгляда. Въ самыхъ стѣнахъ дворца и во дворѣ было множество фонтановъ, сдѣланныхъ съ большимъ искусствомъ, въ затѣйливыхъ формахъ паденія воды. Изъ нихъ особенно замѣчательны три: *«Сельсебійль»*, названный такъ по имени райскаго ручья, *«Магзубъ»* (золотой), и *Аглай-чешме*, или, иначе—*Гіашь-чешме* (т. е. фонтанъ плачущій, или фонтанъ слезъ) [1]. Этотъ дворецъ, со всѣми его фонтанами, со всею пестротою стѣнъ и навѣсовъ, съ величавыми тополями и благоухающимъ садомъ, съ минаретами и башнями и, наконецъ, съ живописностію мѣстоположенія, много выигрываетъ оттого, что окруженъ сравнительно ничтожными жилищами простыхъ смертныхъ. Объ немъ справедливо можно сказать словами надписи надъ однимъ изъ его входовъ: «Это зданіе, подобно солнечному сіянію, озарило Бахчисарай. Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурій, что красавицы сообщили ему свою прелесть, что это нитка морского жемчуга, это неслыханный алмазъ. Смотри! вотъ предметъ, достойный золотого пера. Окрестъ дворца свѣжія лиліи, розы,

[1]) Это тотъ самый фонтанъ, который былъ воспѣтъ Пушкинымъ. Что онъ построенъ въ память христіанки, показываетъ знакъ креста на немъ, встрѣчаемый также въ покояхъ, гдѣ, какъ говорятъ, она помѣщалась, и на памятникѣ, подъ которымъ она погребена.

гіацинты. Садъ, разумно расположенный, говоритъ, какъ бы языкомъ. Любовникъ розы, соловей, палъ бы въ праху ногъ сада, еслибъ его увидѣлъ. Это привлекательное мѣсто есть рудникъ радости, и каждое на него воззрѣніе будетъ волнующимся моремъ наслажденія.» Татары, очень искусно рѣзавшіе на деревѣ, умѣли рѣзать и на камнѣ. Это видно изъ памятника, поставленнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ всю жизнь безпокойнаго Кырымъ-Гирея.

Начало промышленной дѣятельности, сельскаго хозяйства и правильной торговли у крымскихъ татаръ, совпадаетъ съ началомъ осѣдлой жизни и съ появленіемъ городовъ [1]). Они промысламъ приписывали божественное происхожденіе [2]).

Въ XVIII вѣкѣ, когда культура крымскихъ татаръ была въ полномъ своемъ развитіи, несправедливо мнѣніе, будто крымскіе татары жили исключительно на счетъ набѣговъ и инородной промышленности, они воспользовались, насколько имъ нужно было, богатствами своей страны и унаслѣдовали искусство генуезцевъ и херсонесцевъ, давъ ему своенародный характеръ. Заведено въ Крыму много родовъ фруктовыхъ деревъ, и плоды ихъ были извѣстны въ Россіи и Европѣ. Всѣ роды фруктовыхъ деревъ носили національныя названія [3]). Виноградничество доходило у татаръ до страсти, и они привозили въ Крымъ лозы всѣхъ странъ: при началѣ русскаго владычества найдено здѣсь 56 сортовъ виноградныхъ лозъ. Винодѣлію посвящалось много рукъ: по свидѣтельству Сумарокова, въ одномъ южномъ Крыму

[1]) Любознательный Пейсоннель, коротко знакомый съ жизнью крымскихъ татаръ, сохранилъ подробныя свѣдѣнія о ихъ промышленности и торговлѣ въ XVIII вѣкѣ, и сочиненіе его «Traité sur le commerce de la mère Noire» спеціально посвящено этому предмету.

[2]) Священное преданіе крымскихъ татаръ говоритъ, что однажды Магометъ послалъ зятя своего Али съ отрядомъ изъ 32 джигитовъ (удальцовъ) противъ вздумавшихъ не признать пророка намѣстникомъ божіимъ. Джигиты одержали блистательную побѣду, и между ними отличился отчаянною храбростью знаменоносецъ Шеихъ-мухамедъ, получившій за это сердце и руку единственной дочери Али. Отъ зарѣзанныхъ для пира по этому поводу 33 барановъ, 33 козловъ и 33 быковъ остались кожи, которыя отданы также въ подарокъ Шеихъ-Мухамеду, и изъ нихъ онъ первый выдѣлалъ цвѣтную кожу и сталъ родоначальникомъ этого промысла. Али, взявъ одну изъ выдѣланныхъ кожъ на жезлъ, сталъ ее гладить рукояткою своей плети, отчего кожа получила блескъ. «Теперь усовершенствовалось ремесло», воскликнули джигиты, и каждый изъ нихъ избралъ для себя ту или другую его отрасль, ставъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея родоначальниками или изобрѣтателями (пиръ). Вотъ почему, всѣ виды татарской промышленности должны относиться къ этимъ 33 ея родамъ.

[3]) Количество національныхъ сортовъ фруктовыхъ деревъ на Крымскомъ полуостровѣ было такое: однѣхъ грушъ было 37 сортовъ, яблоковъ 17, сливъ 18 и черешень 10.

добывалось до 300 тысячъ ведеръ вина. Наибольшее количество вина выдѣлывалось на рр. Качѣ и Бельбекѣ. Судакское вино извѣстно было въ Россіи и Европѣ, и воспѣвалось въ татарскихъ пѣсняхъ. Давленіе вина производилось первобытнымъ способомъ. Табачныя плантаціи не могли не процвѣтать, потому-что татары очень любили курить: «Кто послѣ ѣды не куритъ табаку, у того табаку нѣтъ, или ума нѣтъ», говоритъ татарская поговорка. Табакъ производился въ громадныхъ размѣрахъ, и имъ снабжались казаки и русскіе; самые высшіе сорта его получались татарами извнѣ. Были у нихъ шелководныя плантаціи, но ленъ и шелкъ, добывавшіеся на нихъ, были довольно грубы. Пчеловодство у татаръ было въ большомъ ходу. Крымъ славился своимъ медомъ, который былъ несравненно выше турецкаго. Медъ деревни Османчикъ, по своей сладости и пріятному запаху, считался лучшимъ во всемъ Крыму и доставлялся ко двору султана. Изъ него дѣлали и конфекты. Вся Турція, чрезъ посредство Константинополя, получала крымскій медъ. Скотоводство, овцеводство и коноводство у татаръ было въ цвѣтущемъ состояніи. Коноводство обращало на себя особенное вниманіе татаръ, такъ какъ безъ хорошихъ лошадей невозможны были удачные набѣги и войны. Съ этою цѣлью, ханскимъ указомъ запрещено было продавать лошадей за предѣлы Крыма. Отличительныя свойства татарскихъ лошадей заключаются въ небольшомъ ростѣ, быстротѣ, необыкновенной силѣ и способности выносить всякія невзгоды [1]). Хлѣбопашество развито было на столько, что татары не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ. Они производили пшеницу, овесъ, ячмень, просо. Рожь мало употреблялась: татары ѣли, преимущественно, хлѣбъ пшеничный. По народнымъ пѣснямъ, эпоха ржаного хлѣба настала для нихъ съ русскимъ владычествомъ. Хлѣбъ молотили лошадьми, привязанными рядомъ одна къ одной; ихъ гоняли по снопамъ кругомъ столба. Для сбереженія хлѣба на зиму не строили амбаровъ. Хлѣбъ сохранялся въ глубокой ямѣ (орузъ), выкопанной въ землѣ и обложенной сухой соломой, которая, будучи худымъ проводникомъ сырости и влаги, предохраняла зерновой хлѣбъ отъ всякой порчи. Такой способъ сохраненія хлѣба былъ выгоденъ и въ томъ отношеніи, что, во время опустошительныхъ пожаровъ и грабежей со стороны непріятелей, платившихъ татарамъ набѣгами за набѣги, хлѣбъ застрахованъ былъ и отъ огня, и нелегко дѣлался добычею непріятелей, такъ какъ отверстія ямъ незамѣтны были на поверхности земли.

---

[1]) Андрей Лызловъ: Скиѳская ист. Кн. 4, 15.

Изъ видовъ мануфактурной промышленности, наибольшимъ почетомъ пользовалось кожевенное производство, потому-что, по мнѣнію татаръ, оно было причиною изобрѣтенія всѣхъ ремеслъ и удостоилось особеннаго благоволенія пророка. Этимъ объясняется общераспространенность этого производства во всемъ Крыму. Города Гёзлевъ и Карасубазаръ спеціально занимались имъ и продолжаютъ до сихъ поръ заниматься. Выдѣлывались всевозможные сорты сафьяновъ, юфти и шагрени и, притомъ, разныхъ цвѣтовъ. Этотъ товаръ въ громадномъ количествѣ расходился по Крыму и вывозился за предѣлы его. Въ связи съ этою промышленностью была дѣятельность различныхъ артелей, приготовлявшихъ сѣдла, подушки всѣхъ родовъ, туфли, башмаки, и т. д. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ кожевенныхъ издѣлій было издѣліе сѣделъ, которыя, по удобству своему для верховой ѣзды, по легкости и красотѣ, требовались въ разныя страны въ безчисленномъ количествѣ — ихъ покупали даже и черкесы, столь свѣдущіе во всемъ, что̀ относится до верховой ѣзды. Пейсоннель совѣтовалъ французамъ употреблять эти сѣдла для легкихъ войскъ.

Фабрикація пороху и всякого оружія, у воинственныхъ татаръ была предметомъ особеннаго вниманія. Въ XVIII вѣкѣ, по свидѣтельству Пейсоннеля, въ одной Кафѣ было десять пороховыхъ заводовъ (барутъ хане); пороху производилось такъ много, что его вывозили и въ другія страны. Въ связи съ фабрикаціею пороха, было и селитрянное производство, въ Карасубазарѣ. Оружіе всякого рода дѣлалось исключительно въ Бахчисараѣ и составляло его славу. Изъ многихъ родовъ ружей особенно хороши были карабины. Одинъ карабинъ цѣнился отъ 15 до 200 піастровъ, въ то время, какъ 30 піастровъ составляли цѣну обыкновенной лошади. Этихъ карабиновъ расходилось въ разныя страны отъ 500 до 2,000 въ годъ. Въ Бахчисараѣ было до 20 ружейныхъ лавокъ. Въ искусствѣ дѣлать ружья, турки уступали татарамъ и всегда покупали ихъ работу. Татарскіе пистолеты также славились и требовались за предѣлы Крыма. Ножи и кинжалы отличались достоинствомъ лезвея и изяществомъ рукоятокъ, для которыхъ употреблялись рыбьи зубы, роги и ноги дикихъ козъ. Ножи обдѣлывались въ золото и серебро. Пейсоннель говоритъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Парижѣ знатоки хвалили достоинство татарскихъ ножей.

Производствомъ свѣчей заняты были цѣлые заводы; изъ нихъ заводъ въ Кафѣ принадлежалъ султану, въ Бахчисараѣ и Гёзлевѣ — хану, а въ Перекопѣ—оръ-бею. Свѣчные заводы Карасубазара пользовались ханскою привилегіею (береатъ), по которой жители города обязаны были довольствоваться исключительно ихъ

свѣчами и ежегодно покупать ихъ въ опредѣленномъ количествѣ. Приготовленіемъ восковыхъ свѣчей занимались особые заводы. Восковыя свѣчи освѣщали ханскій дворъ, мечети и христіанскія церкви. Свѣчи, сало и воскъ были предметомъ вывоза.

Соляныя озера и солончаки занимали большія пространства около Керчи и Гёзлева, и выварка изъ нихъ соли составляла обширный промыселъ. Всѣ озера, какъ видно изъ ханскихъ ярлыковъ, были въ частныхъ рукахъ; они жаловались ими или отдавались на откупъ. Крымская соль въ громадныхъ размѣрахъ расходилась по окрестнымъ странамъ, особенно же вывозъ соли изъ Крыма былъ любимымъ занятіемъ украинскихъ казаковъ. Не видно, чтобы рыбныя ловли татаръ были многочисленны. Они не очень любили рыбу и предпочитали ей мясо. Рыба шла на продажу, ее сушили разными способами. Рыбная икра, выдѣлывавшаяся подъ именемъ «кавьяръ», была въ большомъ употребленіи у казаковъ. Всѣ необходимыя принадлежности рыболовнаго промысла, какъ-то сѣти, лодки и т. д., татары дѣлали сами.

Охота за дикими животными для высшаго сословія татаръ составляла предметъ развлеченія, а для низшаго—выгодный промыселъ. Крымскія степи и горы, покрытыя небольшимъ, но густымъ лѣсомъ, изобиловали зайцами, волками, лисицами, дикими козами, кабанами, и т. п. Дикихъ козъ ловили татары арканами, хвалясь быстротою своихъ лошадей и, собственно — ловкостью набрасывать арканы. Добыча этой охоты составляла, впрочемъ, предметъ незначительной торговли, и расходовалась между низшимъ сословіемъ; высшее сословіе получало мѣха отъ русскаго двора.

Горнозаводской промышленности у татаръ не было. Кырымъ-Гирей, одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ хановъ Крыма, убилъ много людей и денегъ въ поискахъ за золотомъ и серебромъ, желѣзомъ, и т. п., но всѣ его труды по раскопкѣ горъ оказались напрасными, и татары довольствовались привозными металлами. Металлическими издѣліями занимались цѣлыя артели, приготовлявшія золотыя, серебряныя, мѣдныя и другія вещи. Всѣ металлическія украшенія, относившіяся къ наряду мужчинъ и женщинъ: пояса, брошки, браслеты, запонки, кольца и другія побрякушки, до которыхъ татары были большіе охотники, дѣлались въ Крыму. Отдѣлка ихъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ экземпляровъ, была довольно прихотлива. Мѣдныя и оловянныя издѣлія были въ большомъ употребленіи; ими также заняты были цѣлыя артели. Татары не любили глиняной посуды и, при малѣйшей возможности, замѣняли ее мѣдною и оловянною, считая ее и предметомъ домашняго украшенія. Татарскіе

водоносы имѣли прихотливую и красивую форму. Кузнецы занимались ковкою колесъ, лошадей и производствомъ всѣхъ вещей, необходимыхъ въ сельско-хозяйственномъ быту. Каменистая почва Крыма сдѣлала необходимою и ковку воловъ.

Пейсоннель, подробно описывающій ремесла татаръ, ничего не говоритъ о ихъ токарныхъ издѣліяхъ. Но русское владычество застало ихъ въ Крыму общераспространенными. Особенно обращали на себя вниманіе, по своей оригинальности и искусству, дѣтскія колыбельки, состоящія изъ однихъ точеныхъ балясъ, искусно сцѣпленныхъ между собою.

Всѣ ремесленники и промышленники въ Крымскомъ юртѣ составляли особое сословіе, занимавшее средину между высшимъ и низшимъ классами народа, и раздѣлялись на цехи и артели. Въ цехи входили всѣ тѣ, которые занимались однимъ и тѣмъ же производствомъ; цехъ раздѣлялся на столько отдѣльныхъ артелей, сколько было въ зависимости отъ главнаго производства ремеслъ. Такимъ образомъ, кожевенное производство составляло цехъ; сѣдельники же составляли свои артели, башмачники свои, и т. д. Слово артель, по отношенію къ татарамъ, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ у насъ теперь. Устройство этихъ артелей было таково: во главѣ всего ремесленнаго сословія стоялъ *«наибъ»* — ремесленный голова или цехмейстеръ; у него былъ помощникъ *«серъ-чешміе.»* Во главѣ отдѣльной артели стоялъ *«уста-башы»*, т. е., главный мастеръ, игравшій роль хозяина и учителя. Болѣе опытный и искусный изъ мастеровъ (усталаръ) дѣлался главнымъ подмастерьемъ или *«халфа-башы»;* онъ повѣрялъ работы мастеровъ, а надъ новопоступившими учениками назначался второй подмастерье или *«игитъ-башы»* (т. е. глава молодцовъ). О существованіи государственнаго ремесленнаго устава нигдѣ не упоминается; это даетъ поводъ полагать, что онъ замѣнялся обычаями, выработанными самими артелями. По этимъ обычаямъ, никто не имѣлъ права носить имя мастера и открывать заведенія безъ разрѣшенія цеховой администраціи. Всякій, кто хотѣлъ быть мастеромъ, долженъ былъ выдержать установленный экзаменъ и доказать предъ ремесленнымъ сословіемъ, что онъ знаетъ свое дѣло. По установленнымъ правиламъ, утвержденіе въ званіи мастеровъ дѣлалось не часто; оно бывало въ 10, 15 и 20 лѣтъ разъ, смотря по большему или меньшему числу ищущихъ это званіе. Утвержденіе это дѣлалось и теперь еще дѣлается—торжественно, при многочисленномъ стеченіи народа, на шумномъ празднествѣ въ честь *пировъ*, покровителей ремеслъ. Эти празднества происходили близъ Бахчисарая (въ 6 верстахъ)

въ живописной долинѣ рѣки Качи; на нихъ присутствовали всѣ цехи, каждый подъ своимъ знаменемъ (санджакъ). Ремесленный голова, подойдя къ будущимъ мастерамъ, обвивалъ станъ каждаго поясомъ три раза и громогласно произносилъ такія слова: «*Не запирай никогда своихъ дверей, не открывай дверей твоего ближняго (т. е. не воруй), и работай столько, сколько это необходимо для сохраненія твоей жизни*». Эти празднества носили имя «реванъ». Послѣдній реванъ былъ въ 1827 году.

Вся промышленная и торговая дѣятельность крымскихъ татаръ сосредоточивалась въ городахъ, изъ которыхъ въ XVI и XVII вѣкахъ, по свидѣтельству Боплана и Пейсоннеля, главнѣйшими были:

Бахчисарай, съ XV вѣка столица и важнѣйшій городъ крымскаго юрта. Имѣлъ 2,000 домовъ, 25 тысячъ жителей и былъ центромъ татарской образованности.

Гёзлевъ принадлежалъ хану и имѣлъ также 2,000 домовъ. Здѣсь же имѣлъ постоянное пребываніе турецкій гарнизонъ.

Кефѐ (Өеодосія) былъ самымъ большимъ городомъ въ Крыму. Татаръ здѣсь жило мало. Въ XVII вѣкѣ, онъ имѣлъ 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и одну католическую. Въ немъ было 6,000 домовъ, отчего и назывался Ярымъ-Истамболъ, т. е., полъ-Константинополя. Резиденція турецкаго губернатора.

Кара-су-базаръ, послѣ Кафы и Бахчисарая, былъ самымъ значительнымъ городомъ въ Крыму. По Боплану, въ немъ было 2,000 домовъ, а по Пейсоннелю—10 тысячъ жителей. Здѣсь сосредоточивались всѣ произведенія территоріи, составлявшей владѣніе ширинскихъ беевъ.

Перекопъ, при важномъ военно-административномъ значеніи, былъ незначительнымъ городомъ въ 400 домовъ. Бопланъ называетъ его «ничтожнымъ городкомъ».

Арбатъ былъ только укрѣпленіемъ при началѣ Арбатской стрѣлки; у Арбата паслись ханскіе табуны, въ которыхъ Бопланъ насчитывалъ до 70 тысячъ лошадей.

Керчъ, *Акмечъ* и *Балаклава* были небольшіе города, имѣвшіе по 100 и по 150 домовъ. Другіе города, какъ Мангупъ, Крименда и др., не заслуживаютъ вниманія.

Подобно многимъ народамъ невысокой степени развитія, крымскіе татары и, въ особенности, ихъ высшее сословіе, котораго потребности не удовлетворялись туземною мануфактурою, получали многіе предметы изъ-за границы, напр., сукно и бархатъ всевозможныхъ родовъ, сортовъ и цвѣтовъ, шерстяныя, шолковыя и бумажныя ткани, золотыя вещи и драгоцѣнныя камни. Роскошное убранство ханскаго дворца никогда не нуждалось въ

коврахъ, люстрахъ, зеркалахъ, и т. д., привозимыхъ черезъ посредство Константинополя. На одежду хановъ и, въ особенности, ихъ женъ и многочисленнаго семейства, шли иностранныя матеріи. Примѣру хана слѣдовало и все то, что̀ служило при дворѣ или вращалось около него. То же самое дѣлало и высшее дворянство, любившее роскошь жизни. Жены беевъ и мурзъ не довольствовались, въ своемъ герметическомъ заточеніи, туземной мануфактурой. Ихъ національная одежда, при большой пестротѣ цвѣтовъ, была чрезвычайно дорога; кромѣ богатыхъ матерій, нужно было еще и много драгоцѣнныхъ камней. Заморскія вещи до того были въ ходу у женщинъ, что даже пештималы, т. е., матеріи для покрытія лица во время выходовъ на улицу, получались изъ чужихъ краевъ. Коранъ дозволялъ женщинамъ пополнять недостатки физической красоты разными искусственными средствами, напримѣръ: окраскою волосъ и ногтей; вещество для этого, извѣстное у татаръ подъ именемъ «кхна», получалось изъ Константинополя. Для нихъ же получались шкатулки съ зеркалами, кольца, мониста, жемчугъ, и т. п. вещи. Но кромѣ предметовъ роскоши, татары получали различныя вещи, необходимыя и для ремесленниковъ: листовое золото, мишуру, шолковыя нитки, золото и серебро для вышиванія подушекъ, сѣдельныхъ чапраковъ, различные сорты гвоздей, желѣзныя и мѣдныя проволоки, и т. д. Не смотря на то, что татары вели постоянныя войны и, слѣдовательно, имѣли военно-плѣнныхъ рабовъ въ избыткѣ, они, кромѣ того, и покупали ихъ. Для этого татарскіе купцы ѣздили по Кавказу и другимъ мѣстамъ. Рынокъ въ Кафѣ всегда открытъ былъ для привоза рабовъ, которыхъ тамъ постоянно было до 30 тысячъ. Тутъ они раскупались желающими по выбору. Ханъ имѣлъ право выбирать первый и получать пошлину за всякаго, кѣмъ бы то ни было купленнаго, раба. Изъ женщинъ дороже всѣхъ цѣнились черкешенки: лучшія изъ нихъ стоили до 6 т. піастровъ. Ханы и султаны всегда отдавали преимущество черкешенкамъ за ихъ красоту, граціозность, изящество формъ и движеній [1]). Ханъ всегда посылалъ султану въ подарокъ черкешенокъ.

Ѳ. Хартахай.

---

[1]) Пейсоннель разсказываетъ, что одинъ усланъ, взявшій въ жены грузинку, спросилъ ее: «Приближается ли утро?»—«Нѣтъ, отвѣчала она, потому-что я не чувствую въ желудкѣ того, что бываетъ утромъ всегда въ одинъ и тотъ же часъ.» Разсерженный такимъ цинизмомъ, султанъ прогналъ ее отъ себя. Нѣсколько дней спустя, онъ сдѣлалъ такой же вопросъ черкешенкѣ, замѣнившей мѣсто грузинки. «Да, отвѣтила черкешенка, утро приближается, потому-что я чувствую, какъ утренній зефиръ играетъ моими кудрями.» Султанъ такъ былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, что повелѣлъ: «Ему и наслѣдникамъ его впредь никого, кромѣ черкешенокъ, не доставлять».

IV.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О ВРЕМЕНИ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.

......Не многимъ изъ государственныхъ людей временъ Екатерины II довелось продолжать—болѣе, менѣе—свою опытную дѣятельность въ царствованіе Александра I. За-то многіе изъ его министровъ, сановниковъ и полководцевъ были подготовлены ею, и при ней уже достигли нѣкоторой извѣстности и почета. Въ числѣ ихъ былъ и Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій.

Въ 1814—1817 годахъ, я служилъ по министерству юстиціи, видалъ его почти каждый день, и не все министромъ, а больше частнымъ человѣкомъ.

Трощинскій, уроженецъ Малороссіи, и вдали отъ родины сохранилъ независимость стойкаго малороссійскаго характера и малороссійскій *юморъ* — тонкую, но необидную насмѣшливость. Жилъ онъ въ Малой-Морской, не помню въ чьемъ домѣ, наискосокъ съ домомъ, занимаемымъ тогда Д. М. Полторацкимъ, гдѣ, какъ мы увидимъ, постоянно встрѣчались большіе и малые того времени литераторы съ большими и малыми представителями всѣхъ слоевъ петербургскаго общества. Собственный кругъ знакомства Дмитрія Прокофьевича мало соприкасался знати. Кой-когда утромъ и очень рѣдко вечеромъ встрѣтишь, бывало, у него какого-нибудь сановника, мимолетомъ, или по дѣламъ. Изъ дипломатовъ, придворныхъ, военныхъ — не многихъ прини-

малъ онъ въ своемъ замкнутомъ кружкѣ будничныхъ посѣтителей.

Одинъ только графъ М. А. Милорадовичъ, въ качествѣ земляка и витязя 1812 года, былъ допущенъ въ этотъ полумалороссійскій, патріархальный міръ. И любили графа въ этомъ мірѣ. Всегда веселъ, говорливъ, привѣтливъ, даже «за-панибрата» со всѣми, онъ никого не тяготилъ своими тяжелыми эполетами съ алмазными вензелями. Живо помню, какъ онъ, бывало, постоянно преслѣдовалъ меня за мой статскій мундиръ, и чуть не завербовалъ въ свой любезный Апшеронскій полкъ. Дѣло было такъ: великій узникъ бѣжалъ съ Эльбы; Европа пришла въ ужасъ; новая борьба съ Наполеономъ неизбѣжна; гвардію нашу приказано снарядить къ походу; въ порывѣ юношескаго патріотизма я написалъ стихи на выступленіе гвардіи и принесъ ихъ показать графу:

— Богъ мой! (поговорка его) такъ вы хотите въ военную службу?

— Надѣюсь на ходатайство вашего сіятельства.

— Очень радъ.

Онъ беретъ бумагу и отмѣчаетъ, чтобы заготовить докладную записку государю о переименованіи меня въ подпоручики Апшеронскаго полка, съ тѣмъ, чтобы мнѣ состоять при немъ, за адъютанта.

— Черезъ пять-шесть дней записка будетъ отправлена. Готовьтесь въ походъ.

Я поблагодарилъ и ушелъ.

Но вотъ—походъ гвардіи отмѣненъ. Я въ отчаяньи. Спѣшу къ графу. Къ счастью, онъ не отдалъ еще приказанія о составленіи всеподданнѣйшаго обо мнѣ доклада, и я прошу его не хлопотать о переводѣ меня въ армію.

— Богъ мой! раздумали?

— Не хочется быть мирнымъ воиномъ.

— А случится война?

— Тогда — иное дѣло.

— Не распускать же арміи на мирное время.

— Я люблю нашу гражданскую независимость, наше равенство....

— Богъ мой! Какъ угодно.

Дочь Трощинскаго, княгиня Н. Д. Хилкова, любила потанцовать, повеселиться съ своими пріятельницами. Помню изъ нихъ графиню Іевличъ, дѣвицъ Есиповыхъ, Шидловскую—одна другой красивѣе! Изъ молодыхъ людей бывали-таки на ея *вечерницахъ* и любезники высшаго полета; но за-то ужъ изъ по-

сѣтительницъ очень немногія были извѣстны въ пышныхъ домахъ графа Кочубея, дюка Серракапріолы, свѣтлѣйшихъ Салтыковыхъ, графа Гурьева, графини Васильевой, и т. д. Это не мѣшало, однако, намъ веселиться, влюбляться, танцовать до упаду. И чего тутъ не было! и пляска на-выходъ, и хороводъ, и краковьякъ, и манимаска, и горлица, и казачекъ.... Это просто было зарожденіе панславизма: и русское и польское и малороссійское — все сливалось и въ движеніяхъ и въ говорѣ нечопорной молодежи, на которую любовались старички и старушки.

Любила княгиня и русскую поэзію. Аркадій Родзянка все, что̀ ни напишетъ, всегда бывало принесетъ ей на судъ. Удостоивалъ насъ, порой, чтеніемъ своихъ произведеній и Капнистъ и Гнѣдичъ. Большею же частью, мы читали баллады Жуковскаго, стихотворенія Батюшкова, комедіи князя Шаховскаго и всякую стихотворную новинку, и свою и чужую. Въ числѣ нашихъ слушателей бывали и графъ Милорадовичъ и Василій Назарьевичъ Каразинъ, поклонникъ малороссійскаго философа Сковороды. Василію Назарьевичу приписывали два подвига, изъ которыхъ, однако, одинъ не ему принадлежитъ, и двѣ остроты, изъ которыхъ одна увѣнчалась трагическимъ послѣдствіемъ. Не ручаясь за правдивость преданія, приведу, что̀ слышалъ. Возстаніе противъ всесильнаго Аракчеева — подвигъ А. Ѳ. Лабзина, какъ удостовѣряетъ М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, что̀ подтвердила мнѣ и племянница Александра Ѳедоровича, Екатерина Степановна Бартенева (по рожденію Микулина), жена Юрія Никитича. О немъ я упоминаю въ другомъ отдѣлѣ моихъ записокъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что Дмитріевъ или смягчилъ свой разсказъ, или неточно вспомнилъ выраженія Лабзина; а въ нихъ-то и вся сущность. Вотъ, какъ было дѣло: когда Академія наукъ вознамѣрилась принять въ число членовъ своихъ графа Аракчеева, то Лабзинъ запальчиво заговорилъ объ искательствѣ, о раболѣпствѣ, и т. п. На замѣчаніе, что графъ близокъ къ государю, — «я знаю — возразилъ Каразинъ — человѣка, который еще ближе.» — «Кто же?» — «Кучеръ Илья: онъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, сидитъ къ нему спиной.»

Другая острота, приписываемая, а, можетъ быть, также взваленная на Каразина, по французской поговоркѣ: «on ne prête qu'au riche», или по русской пословицѣ: «ученому и книги въ руки», это — извѣстное двустишіе:

Вотъ памятникъ, двумъ царствіямъ приличный,
Низъ — мраморный, а верхъ — кирпичный!

Шалость скоро огласилась, и двустишіе было даже написано на стѣнѣ или на дверяхъ Исакіевскаго собора. Велѣно отыскать виновнаго. Ловецъ преступниковъ тотчасъ поймалъ одного изъ кандидатовъ жертвъ. Хульный языкъ усѣченъ.

Сановникъ-ловецъ нескромныхъ велъ списокъ лицамъ подозрительнымъ, въ который, для полноты, попадали и люди малоизвѣстные, не сильные связями, богатствомъ, значеніемъ, особенно же, круглыя въ свѣтѣ сироты, безъ рода и племени. При такомъ дипломатическомъ распорядкѣ, ловля всегда удавалась блюстителямъ порядка: кто первый кандидатъ по списку, того и брали. Пусть виноватый—Каразинъ-ли то былъ, или кто другой — ускользнулъ, да вина-то наказана, зло прекращено, страхъ наведенъ и спокойствіе возстановлено.

Вспомнивъ о ловлѣ, о которой я узналъ изъ разсказовъ графа Д. Н. Блудова, припоминаю еще печально-забавный случай. Какой-то итальянецъ, кандидатъ «въ спискѣ жертвъ», былъ сосланъ въ Сибирь. Впослѣдствіи, онъ возвращенъ на берега Невы, Какое же было его первое слово, при свиданіи съ родными, друзьями и знакомыми? «C'est *bene* que de donner de la knouta, ma perchè gâter la figura que le bon Dieu m'a donnée?» Тогда еще облегчали носы отъ ноздрей.

Приходилъ иногда на наши чтенія у княгини Хилковой и самъ министръ — отдохнуть отъ служебныхъ трудовъ. За обѣдомъ онъ также охотно развлекался разговоромъ съ гостями—и уже тутъ ни слова о дѣлахъ. Радушно было гостепріимство его. Любопытны были разсказы старца о быломъ, о друзьяхъ, о сослуживцахъ своихъ. Какъ теперь гляжу на его сѣдую голову, на умное, спокойное лицо, на тихую походку. Всегда въ мирномъ расположеніи духа, онъ никогда не возвышалъ голоса, не обнаруживалъ досады или нетерпѣнія ни въ какомъ спорѣ. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ (знакомство мое съ нимъ, независимо отъ перехода моего подъ другое начальство по службѣ, продолжалось отъ 1814 по 1822), я никогда не видалъ его сердитымъ. Одинъ только разъ, Дмитрій Прокофьевичъ возвратился отъ государя нѣсколько взволнованнымъ: ему было предложено графское достоинство; онъ на-отрѣзъ отказался отъ этой чести, подъ предлогомъ неимѣнія ни сыновей, ни внуковъ, которымъ бы могъ передать свое графство. Вотъ, слова, сказанныя имъ дочери: «Авжежъ нехай, я зостанусь старымъ дворяниномъ, нижъ новоспеченымъ *грапомъ*.»

До какой степени онъ былъ нечестолюбивъ, неискателенъ и, особенно, невластолюбивъ, обнаруживаетъ записка его «о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ комитетъ минист-

ровъ, а требуютъ личнаго доклада государю императору»[1]). Всегда и вездѣ, окружающіе царственный престолъ, министры, приближенные, любимцы и т. д. дорожатъ правомъ доступа къ повелителю, ловятъ случаи, придумываютъ поводы къ открытію завѣтной двери въ кабинетъ царскій. Отсюда частые «личные доклады». И чѣмъ они чаще, тѣмъ болѣе и болѣе значеніе одного, вліяніе другого, произволъ третьяго, и соревнованіе всѣхъ и каждаго проторить себѣ дорожку къ безотчетности. «А между тѣмъ, Высочайшія повелѣнія, по личнымъ докладамъ, были въ такой силѣ, говоритъ Трощинскій: «обратить на дѣло особенное вниманіе,» или «кончить немедленно», или: «предоставить вѣдаться формальнымъ порядкомъ», или: «оградить просителей законною защитою», или: «дать дѣлу законное теченіе», тако-жъ: «учредить опеку», или: «перевести оную изъ одной въ другую губернію», или: «отрядить сенатора изъ одного департамента въ другой, для рѣшенія какого-либо дѣла», и проч. тому подобное... Всѣ таковыя дѣла, наипаче просительскія, докладываемы были Его Императорскому Величеству лично, не только безъ надобности и къ вящшему обремененію Государя Императора, но и къ разстройству существующаго на законахъ порядка, ибо сіе служило поводомъ къ тому, что всякій, надѣясь миновать присутственныя мѣста, бросался къ Государю съ прошеніемъ и, такимъ образомъ, кабинетъ его Величества содѣлывался *нижнею инстанціею*».

Трощинскій, какъ министръ юстиціи, имѣлъ неограниченное право на личные доклады, по указаніямъ Петра I и Екатерины II[2]). Но, ненавистникъ всякого преобладанія и произвола, истинный блюститель законовъ, порядка и правды, онъ, не домогаясь расширенія своихъ правъ, и оставаясь въ предѣлахъ своей должности, старался доказать въ «Запискѣ» *безполезность* и *суетность* частныхъ докладовъ. Кромѣ «особенныхъ случаевъ», довольно бы для министровъ, по мнѣнію его, «имѣть свободный доступъ къ Его Величеству одинъ или два раза въ мѣсяцъ». Вотъ, какъ безкорыстный слуга отечества дорожилъ временемъ государевымъ, и своимъ, и своихъ товарищей, прочихъ министровъ. И этотъ-то человѣкъ, сказавшій, что «должно *публиковать* опредѣленія сената со всѣми ихъ подробностями, дабы сужденія его были, такъ сказать, *открыты предъ лицомъ цѣлаго государства*, дабы пристрастіе, быть могущее, находило въ семъ обузданіе, а твердость и нелицепріятіе свою цѣну, и дабы при-

---

[1]) «Чтенія» въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859 г., кн. VI.

[2]) Инструкція генералъ-прокурора и секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому.

сутственныя мѣста имѣли всегда предъ собою примѣръ законныхъ сужденій [1]), — человѣкъ, добивавшійся гласности, когда о гласности никто у насъ еще и не думалъ, посвятившій всю жизнь свою государственной службѣ, всегда доступный меньшей братіи и душою чуждый сильныхъ міра сего,—словомъ, неподкупный никакими покушеніями гражданинъ—не удостоился добраго слова отъ Г. Р. Державина, тогда какъ другіе, напримѣръ, И. В. Лопухинъ, упоминаютъ о немъ съ уваженіемъ. Если уже не въ природѣ Державина плѣняться достоинствомъ ближняго, то онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, хоть разсказать извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Екатерина, желая испытать честность и безпристрастіе еще молодого Трощинскаго, поручила ему *по казусному дѣлу* составить докладную записку въ пользу, не *праваго*, а *виноватаго;* какъ онъ, сообразивъ всѣ обстоятельства въ дѣлѣ, не исполнилъ воли императрицы, и на вопросъ ея: почему? отвѣчалъ: «Не могу; это было бы противъ моей совѣсти.»

Не смотря, однакожъ, на всю твердость свою, что̀ касается справедливости, будущій блюститель правосудія не пренебрегалъ еще въ то время царедворскими обычаями, случаями выгодно показаться при дворѣ и, особенно, *входами* во внутренніе покои государыни (entrées). Въ дневникѣ Храповицкаго, подъ 6-мъ ноября 1791 года, отмѣчено: «Велѣно сказать Трощинскому: зачѣмъ ходитъ въ уборную? Я и сама, бывъ великой княгиней, не смѣла ходить въ уборную къ Елисаветѣ Петровнѣ.»

Грустно становится, какъ порой, читая записки поэта, невольно подумаешь: неужели не было ни одного человѣка честнаго въ новой Петровой Россіи, отъ Екатерины II и *до него*, кромѣ его одного, даромъ-что онъ-таки побаивался иныхъ господъ, а къ инымъ, напримѣръ, къ Зубову, къ Потемкину—и подслуживался. Грустно чувствовать конечное отсутствіе любви въ пламенномъ служителѣ Музъ и Ѳемиды! Кого онъ похвалилъ отъ чистаго сердца? Кого оцѣнилъ безпристрастно? Чего не взвелъ на всѣхъ почти изъ своихъ товарищей, начальниковъ и знакомыхъ? Какъ, напримѣръ, отзывается онъ о князѣ А. А. Вяземскомъ (хотя въ честь ему и жены его сочинялъ хвалебные стихи)? тогда какъ другой современникъ князя, князь М. М. Щербатовъ, вовсе не превознося и даже осуждая его въ иныхъ случаяхъ, не наводитъ, однако, тѣни на безкорыстіе генералъ-прокурора. Историкъ нашъ сказалъ про него, что хотя онъ человѣкъ *недальнихъ мыслей*, но любитъ *скоплять казну государеву даже алтынами*. Давай намъ Богъ почаще такихъ *недально-*

---

[1]) «Чтенія», I книга 1860 г., стр. 104, въ Смѣси.

мыслящихъ алтынниковъ по всѣмъ частямъ! Также невѣрны отзывы Державина и о графѣ А. И. Васильевѣ, о которомъ въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату, 18-го августа 1807 года, между прочимъ, сказано: «Сверхъ таковыхъ (изложенныхъ въ указѣ) достоинствъ и заслугъ государственнаго человѣка, представилъ онъ собою *въ домашней жизни* примѣръ добродѣтельнаго гражданина.» Правда, наука государственнаго хозяйства (политическая экономія) въ его время была у насъ еще въ младенчествѣ; однакожъ, едва-ли когда финансы наши были—относительно — въ лучшемъ состояніи, какъ при немъ и при государственномъ казначеѣ Голубцовѣ, который также не по душѣ нашему барду.

Невѣрны, наконецъ, и выходки его на Репнина, на А. А. Беклешова, на Трощинскаго. Не хороши были, по его мнѣнію, и Т. И. Тутолминъ, и фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, и графъ Завадовскій, и Самойловъ, и графъ А. Р. Воронцовъ, и даже Суворовъ не совсѣмъ-то хорошъ (стр. 305). Если повѣрить ему на-слово, то всѣ почти изъ его начальниковъ, сослуживцевъ и подчиненныхъ—глупцы или подлецы, корыстолюбцы или предатели. Такъ, напримѣръ, Кочубей — невѣжда въ дѣлахъ; И. И. Дмитріевъ — лѣнтяй; Безбородко — чуть не воръ; Румянцевъ— «изъ подлой трусости» хлопоталъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ; Чарторыскій и Новосильцевъ — якобинцы; Сперанскій — взяточникъ: *его гласно подозрѣвали и въ корыстолюбіи* — точныя слова «Записокъ» (стр. 480). Многіе, однакожъ, изъ очерненныхъ и слегка укоренныхъ, изъ злобно-оклеветанныхъ и мимоходомъ задѣтыхъ имъ лицъ, донесли до потомства имена незапятнанныя, честныя, славныя. Вѣрно поняла его Екатерина, и *справедливо* (по сознанію самого Державина), замѣтила ему: «Не имѣете-ли вы чего во нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» То же отмѣчено и въ дневникѣ Храповицкаго: «Я (Екатерина) ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ.»

Какъ бы то ни было, «Записки» Державина, по содержанію своему и по времени, какое обнимаютъ, заслуживаютъ строгой критической повѣрки съ историческими источниками и записками другихъ лицъ о событіяхъ и людяхъ, промелькнувшихъ предъ глазами самолюбиваго и невоздержнаго въ самооцѣнкѣ Державина. Покуда нельзя отрицать въ немъ чувствъ недоброжелательства, пристрастія и зависти. Еслибы онъ нападалъ только на своихъ личныхъ враговъ или недруговъ, на опасныхъ соперниковъ, на сильныхъ сановниковъ, это могло бы еще

извиниться запальчивостью характера, приливами желчи, ревнивымъ нравомъ; но онъ, словно *по предчувствію зависти*, зацѣплялъ и незначительныхъ еще тогда людей, предвидя ихъ возвышеніе въ будущемъ. Такъ, нелюбовно молвилъ онъ о только-что появившемся на служебномъ поприщѣ Иванѣ Петровичѣ Колосовѣ. Я коротко зналъ этого святого—можно сказать—человѣка, по службѣ моей, въ 1817 — 1819 годахъ въ канцеляріи комитета министровъ. Онъ тогда былъ правителемъ дѣлъ его.

Въ канцеляріи были у меня добрые и образованные товарищи, не изъ кантонистовъ, которыхъ особенно любили Аракчеевъ и Клейнмихель, напримѣръ, А. А. Жандръ, тогда стихотворецъ, позже, довѣренное и почотное лицо при свѣтлѣйшемъ князѣ Меншиковѣ; князь Мещерскій, казавшійся намъ, стиходѣямъ, чрезъ-чуръ степеннымъ и важнымъ не по лѣтамъ; Суровщиковъ, сродни Колосову, по женѣ его Баташевой; Безкоровайный, пострадавшій вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ за смоленское шоссе, своротившій волею-неволею съ большой дороги въ глушь, и впослѣдствіи, къ чести правосудія, оправданный, очищенный и обмытый отъ шоссейной грязи, которою, щебнемъ бросая въ Хмѣльницкаго, закидала-было его своенравная судьба. Хмѣльницкаго давно ужъ нѣтъ! О немъ скоро забудутъ какъ о смоленскомъ губернаторѣ, а долго будутъ помнить какъ о писателѣ.

Ближайшіе начальники наши были тогда: А. А. Казариновъ— не быстрый дѣлецъ, не рьяный законникъ, а разумный, осторожный и честный исполнитель служебныхъ обязанностей; Сухопрудскій—простодушный, сговорчивый, опытный, но небойкій и нерѣшительный; наконецъ, Гежелинскій—ловкій, смѣлый, вкрадчивый и, впослѣдствіи, несчастный! Кто не знаетъ, какъ шумно свалился онъ съ верха силы и почестей на низшую ступень военной службы?.. Тяжело изъ царскаго докладчика оборотиться въ солдата!.. Правда, что и образованіе его было только развѣ грамотное. Вотъ, образчикъ его знаній: приходитъ донесеніе, помнится, изъ Малороссіи, о чрезвычайномъ происшествіи.—Что такое? — Гермафродитъ родился! — Что же тутъ такого? имя, какъ имя; о чемъ же тутъ доносить? Вотъ, еслибъ уродъ какой родился — иное дѣло.

— Да онъ-таки уродъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, шепнулъ я сквозь смѣхъ.

— Гдѣ же вы это видите, г. поэтъ?

— Я это вижу не изъ донесенія, а знаю изъ миѳологіи....

— Какъ-съ?...

Тутъ я растолковалъ ему, что̀ такое гермафродитъ, произ-

ведя это сложное слово, преученымъ образомъ, отъ Меркурія и Венеры, или отъ Гермеса и Афродиты.

Какъ, въ этомъ собраніи государственныхъ дѣятелей и канцелярскихъ дѣльцовъ, былъ замѣчателенъ и высокъ управлявшій канцеляріею комитета министровъ—И. П. Колосовъ! Незнатный, небогатый, неискательный, онъ трудами цѣлой жизни достигъ этой должности. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ немногіе изъ литераторовъ, онъ не только писалъ прекрасно, но и говорилъ такъ стройно, сильно, увлекательно, что я во всю жизнь мою встрѣтилъ одного только митрополита московскаго Филарета, съ которымъ забудешь краснорѣчиво-логичнаго Колосова. Нравственно-духовное образованіе, просвѣщенный умъ, прямота твердаго характера, сострадательное сердце и евангельская любовь къ ближнему—все это выражалось на каждомъ шагу его домашней и служебной дѣятельности. При всѣхъ трудныхъ занятіяхъ своихъ, при ежедневныхъ разъѣздахъ по министрамъ и министерствамъ, при непосредственной подчиненности Аракчееву, при повременныхъ докладахъ, въ отсутствіе Аракчеева, императору по дѣламъ комитета, при частыхъ пріемахъ гостей и просителей, при неизбѣжной тратѣ времени на посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ,—не проходило дня, чтобы великодушный Колосовъ не позаботился о какомъ-нибудь добромъ дѣлѣ: кого пристроить къ мѣсту, кого избавить отъ бѣды, кому выпросить пенсію, кому пособіе въ нищетѣ или сиротствѣ,—и на все это, не имѣя празднаго досуга, онъ удѣлялъ часы отъ сна. Какъ онъ бывалъ доволенъ, когда успѣвалъ усладить или облегчить участь ближняго! какъ печалился, когда не удавалось ему пособить иному бѣдняку! Тутъ онъ видѣлъ руку Провидѣнія, и часто говаривалъ: всякому—свое счастье! объ одномъ, десять разъ пускаюсь изъ дому, спозаранка, хлопотать—нѣтъ удачи! о другомъ, нéхотя, безъ живого участія, съ лѣнью, ради совѣсти только, кой-какъ сберешься замолвить гдѣ нужно словечко—полный успѣхъ!....

Разскажу одинъ изъ множества примѣровъ его правдивости и самоотверженія. Дядя мой, Михаилъ Васильевичъ Храповицкій, удалясь совершенно отъ человѣческаго общества, умеръ, какъ бы сирота, безъ рода и племени, въ своей деревнѣ «Бережковъ» Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи. Подробности о его жизни, странностяхъ, сочиненіяхъ, и т. д. изложены въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній.

Главный любимецъ и уполномоченный правитель Бережковской республики, лично извѣстный графу Аракчееву, подсунулъ умирающему Михаилу Васильевичъ письмо къ графу объ обращеніи его поселянъ въ вольные хлѣбопашцы, *безъ всякаго воз-*

награжденія наслѣдниковъ. Схоронивъ покойника, и деньги, и всѣ вещи его, Николай Васильевичъ Большаковъ (такъ звали любимца) пріѣхалъ въ домъ Аракчеева, плакалъ съ нимъ о «незабвенномъ благодѣтелѣ» и радѣлъ о точномъ исполненіи его послѣдней «священной воли»—лишить наслѣдства небогатыхъ племянниковъ и отдать все челядинцамъ. Императоръ, прочитавъ письмо покойника, приказалъ, для соблюденія порядка, передать его въ комитетъ министровъ, гдѣ Колосовъ долженъ былъ *понять* волю временщика и желаніе монарха.

Я махнулъ рукой: «нельзя противъ рожна прати;» а Аракчеевъ порядочный рожонъ. Однакожъ, Колосовъ, котораго вся судьба зависѣла отъ него, доложилъ дѣло такъ, что, не смотря на полную готовность членовъ угодить Аракчееву, комитетъ министровъ принужденъ былъ основаться не на послѣднемъ письмѣ Храповицкаго, а на законѣ, по смыслу котораго, обращеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы допускалось не иначе, какъ по обоюдному однихъ съ другимъ (крестьянъ съ помѣщикомъ) условію, съ высочайшаго утвержденія, и не по смерти владѣльца, а за-живо.

Предваренный Аракчеевымъ, государь оставилъ «меморію» по этому дѣлу у себя; а впослѣдствіи, отправясь въ одно изъ стольких своихъ путешествій, въ сопровожденіи статсъ-секретаря Николая Назарьевича Муравьева, писателя-агронома и отца графа Амурскаго, изволилъ всемилостивѣйше повелѣть изъ Архангельска: обратить крестьянъ Храповицкаго, не въ примѣръ другимъ, въ вольные хлѣбопашцы.

По восшествіи уже на престолъ Николая I, наслѣдникамъ выдано въ вознагражденіе 50 т. р. ассигнаціями за имѣніе, которое не купить бы и за 50 т. р. серебромъ. Тутъ уже подоброхоталъ министръ финансовъ графъ Канкринъ, который находилъ очень *не деликатнымъ* со стороны наслѣдниковъ, жаловаться на рѣшеніе дѣла по высочайшей волѣ... «Я, *батушка*— сказалъ мнѣ однажды Егоръ Францовичъ — никогда не прощу дерзость противъ моего благодѣтеля вашему брату. Петръ Васильевичъ затѣялъ эту тяжбу съ покойнымъ императоромъ.»

Въ первый разъ я видѣлъ графа Аракчеева въ 1816 году, когда мой дядя гостилъ у него въ домѣ на Литейной. Передъ отъѣздомъ въ свою Вышневолоцкую деревню, онъ спросилъ меня, хочу-ли я быть камеръ-юнкеромъ?

— Не хочу, отвѣчалъ я.

— Какъ! едва коллежскій ассессоръ и не хочешь надѣть себѣ на голову пѣтуха?

— Пѣтухъ-то бы еще туда и сюда, да нѐ начто сшить ни праздничнаго, ни будничнаго мундира.

Дядя замолчалъ. Я думаю: разсчитываетъ, сколько нужно ему пожертвовать на укопорку мою въ золотой чехолъ—и продолжаю:

— Теперь, я ѣзжу на извощикахъ, тогда нужна будетъ карета. Купить ее и пару лошадокъ, да увеличить прислугу, состоящую изъ одного и единственнаго Григорія — на это много понадобится денегъ.

Дядя еще пуще замолчалъ.

Честолюбіе, однако, во мнѣ зародилось и я, нѣсколько времени позже, пустилъ преглупое къ графу Аракчееву письмо о желаніи моемъ поступить въ канцелярію государя императора. Въ этомъ письмѣ я надѣялся совершить всевозможные подвиги на благо отечеству и заслужить такой же девизъ, какъ его: «Безъ лести преданъ.»

Жаль мнѣ, что мое смиренно-гордое посланіе было написано экспромтомъ прямо на-бѣло. Посмотрѣлъ бы теперь на незрѣлость юношескихъ моихъ мнѣній и о службѣ, и объ исполинѣ, какого я видѣлъ въ Аракчеевѣ, всемогущемъ и *небранимомъ* — такъ боялись его въ столицѣ!.. А какъ честили его тогда всѣ царедворцы и властители по разнымъ частямъ военныхъ и гражданскихъ отраслей государственнаго управленія! Они безпрерывно слонялись по дорогѣ отъ Петербурга до Грузина, куда еще ихъ и не всегда пускали; а если и пускали кого, по выбору, такъ прежде должно было доложить о счастливцѣ черезъ телеграфъ, чуть-ли не первый въ Россіи, на послѣдней отъ грузинскаго шоссе станціи.

Какая низкопоклонность!... и какъ она заразительна, словно духовная чума!... Такъ, напримѣръ, кто бы подумалъ—грустно сказать — даже рыцарь благородства, прямодушный, независимый, безстрашный графъ М. А. Милорадовичъ ухаживалъ за любимцемъ Александра I, какъ за дамой! Я самъ видѣлъ, кàкъ въ храмовой праздникъ Преображенскаго полка, онъ расчищалъ ему дорогу отъ его дома на Литейной до церкви Спаса Преображенія!... Это торжественное шествіе происходило въ тотъ самый часъ, когда храбрый артиллеристъ Н. П. Демидовъ и рубака Горголи, петербургскій оберъ-полицiймейстеръ, поссорились за непропускъ перваго послѣднимъ на площади за веревку. Поединокъ долженъ былъ закончить на другой день ихъ ссору. Къ счастію, поединщиковъ помирили. Н. П. Демидовъ занимался не однѣми военными науками; онъ не былъ чуждъ и вопросовъ политическихъ, юридическихъ, финансовыхъ, и т. п. У меня сохранились имъ подаренныя мнѣ брошюры своего сочиненія: 1) Du principe

de la justice, ou Commentaire sur le manuel du juré. 1837. 2) Etudes politiques. 1843. 3) О государственной кредитной системѣ. 1842. 4) О теоріи владѣнія. 1843. Всѣ онѣ изданы авторомъ въ Москвѣ, и напечатаны въ типографіи Семена. Не вспомню всего, что̀ писалъ Демидовъ, укажу только еще на его разборъ сочиненія Н. И. Тургенева: «Теорія государственныхъ налоговъ». Критику на эту книгу напечаталъ Демидовъ въ 1830 году.

Вотъ, еще примѣръ угодливости новому Годунову. Нужно было отвлечь вниманіе народныхъ балясниковъ отъ вѣсти объ убійствѣ кѣмъ-то изъ дворовыхъ графа Аракчеева людей какой-то Настасьи, властелинши властелина, и въ народъ пущена сказка о попѣ-козлѣ, и народъ заговорилъ о попѣ-козлѣ, и многіе видѣли попа-козла, и слышали попа-козла. Кто повстрѣчался съ нимъ на Волковомъ кладбищѣ, кто столкнулся съ нимъ лобъ въ лобъ у Сальнаго-буяна; кому-то, чуть вышелъ изъ кабака 10-й линіи Васильевскаго Острова, онъ погрозилъ пальцемъ; одна дѣвушка насилу спаслась отъ погони его, ночью, по Царицыну-Лугу... въ казармы; а одинъ, очень почтенный мужъ-чиновникъ, или докторъ, жены-чиновницы, или докторши, также препочтенной, — какъ ни потушитъ огонь въ спальнѣ, все видитъ въ зеркалѣ, при свѣтѣ луны, крутые рога попа-козла... и забыта Настасья!... Сказка эта была пущена въ междуцарствіе, когда Александра I не было, а Николай I еще не вступалъ на престолъ, и Петербургъ не чаялъ паденія любимца двухъ покойныхъ императоровъ—Павла Петровича и Александра Павловича. Правда, въ концѣ царенія перваго, Аракчеевъ былъ въ опалѣ; но послѣдній до того любилъ его, что даже, узнавъ о насильственной смерти Настасьи, написалъ, незадолго до кончины своей, изъ Новороссійскаго края, къ юрьевскому архимандриту Ѳотію, чтобъ онъ утѣшалъ графа въ его несчастіи.

Глупое письмо мое, къ счастію, осталось безъ послѣдствій. Разузнавъ поближе, каковы требованія графа Аракчеева по службѣ, я отказался отъ сіятельнаго покровительства, объяснивъ, чрезъ одного изъ его любимцевъ, что мое здоровье не позволяетъ мнѣ сидѣть за бумагами отъ утра до ночи. Легко сказать: съ разсвѣтомъ являться въ канцелярію, уйти домой только пообѣдать и бѣжать опять на работу до поздняго вечера.

Возвращаюсь къ Трощинскому. Въ государственномъ совѣтѣ разсматривали, въ 1815 году, проектъ гражданскаго уложенія, составленіе котораго приписываютъ графу М. М. Сперанскому. Но источники, на которыхъ основывается это предположеніе, требуютъ еще критической разработки и сличенія съ главными источниками: *во-первыхъ*, съ черновыми бумагами Коммиссіи со-

ставленія законовъ, хоть за нѣсколько лѣтъ до Сперанскаго и Розенкампфа (одного изъ его дѣятелей) и до внесенія «проекта» въ государственный совѣтъ; *во-вторыхъ*, съ дѣлопроизводствомъ самаго совѣта и съ разными голосами его членовъ. Трощинскій опровергнулъ новое законоположеніе отъ первой строки до послѣдней [1]). Приведу нѣкоторыя изъ его указаній, положеній, замѣчаній и выводовъ. Они пригодятся впередъ.

I. «Нельзя предоставить Коммиссіи составленія законовъ *сочиненіе* законовъ новыхъ, или введеніе чуждыхъ образу правленія, и мѣстному положенію Россіи несоотвѣтственныхъ.

II. «Достоинство общаго законоположенія (по разуму Наказа Екатерины II, и высочайше утвержденнаго доклада князя П. В. Лопухина 28 февраля 1804 года) заключается въ слѣдующемъ:

а) Когда законы утверждены на непоколебимыхъ основаніяхъ права (principia juris).

б) «Когда они точно опредѣляютъ всѣ части государственнаго управленія, образованіе и предѣлы властей, также всѣ права и обязанности подданныхъ сообразно духу правленія, характеру народному, политическому и естественному положенію государства.

в) «Когда они расположены съ соблюденіемъ надлежащаго *приличія* и строгаго *порядка*, и предложены *во всей ясности*.

г) «Когда содержатъ въ себѣ твердыя и непреложныя правила отправленія правосудія.

III. «Надлежитъ привести оныя (уложенія, указы, наказъ и проч.) въ систематическій порядокъ, взять во уваженіе время, въ которое были они изданы, отношенія ихъ къ тогдашнимъ и настоящимъ нравамъ и обстоятельствамъ, и сообразить съ принятыми основаніями права.

IV. «По какому случаю твердыми содѣлались извѣстныя XII римскихъ таблицъ? *Во-первыхъ*, по такому, что общая теорія приложена была къ мѣстной практикѣ; *во-вторыхъ* — что законоискусство совокупилъ опытный умъ съ дѣйствіями, на таблицахъ изображавшимися, поколику законы должны быть *составлены*, а не *написаны*.

«Книги законовъ, наполненныя *искусственными изворотами*, представили бы намъ болѣе или менѣе *умозрительныхъ* истинъ, тогда, когда не можетъ она (книга законовъ) быть *учебною* книгою, но *дѣйствующею* по прямому направленію на обузданіе непостоянной силы человѣческой, на благосостояніе каждаго гражданина и на блаженство цѣлаго народа, будучи книгою дѣй-

---

[1]) «Мнѣніе» его въ III кн. «Чтеній» 1859 г. въ Общ. ист. и древ. Рос.

ствій человѣческихъ, въ извѣстность приведенныхъ, а не мнѣній, до безконечности расплoжаемыхъ. Здѣсь должна быть употреблена обыкновенная рѣчь, а вещи долженствуютъ находиться въ естественномъ и ближайшемъ одна отъ другой разстояніи. Тогда книга законовъ будетъ вразумительна *не для однихъ ученыхъ, но и для простолюдиновъ*, коимъ наиболѣе должно быть внятно вѣщаніе сего оракула, чрезъ что они сами могли бы различать правду отъ лжи и сіе доказывать словами законовъ; но испещрять законы множествомъ искусственныхъ умословій—значило бы разсѣвать въ народѣ сѣмена всякихъ толковъ, значило бы также ввѣрять судьбу законовъ въ руки небольшого числа людей, приготовленныхъ къ умственнымъ *хитростямъ*, отъ коихъ правосудіе болѣе можетъ *страдать*, нежели получать услуги. Никогда столько нельзя ожидать оправданія виноватымъ и обвиненія правымъ, какъ во время существованія такихъ законовъ, которые, по составу своему, *принуждаются* много разговаривать и мало разрѣшать.

V. «Законы отнюдь не требуютъ многословія въ родѣ метафизическихъ тонкостей, до которыхъ присутственнымъ мѣстамъ и тяжущимся нѣтъ никакой нужды. Напротивъ, они требуютъ ясности, естественной простоты, чистой логики, правильныхъ умозаключеній, изящной выкладки словъ безъ многорѣчія и развлеченій. Они требуютъ полноты, которая должна состоять въ томъ, чтобъ не входить въ исчисленіе излишнихъ подробностей.

VI. «Въ составѣ проекта гражданскаго уложенія: тамъ противорѣчія, тамъ несвойственныя выраженія, тамъ безполезныя вещи, тамъ пустота, тамъ многословіе, тамъ упущеніе, тамъ смѣшеніе судной части съ межевой, тамъ сцѣпленіе духовной власти съ свѣтскою; да и вообще, какое вездѣ сплетеніе обстоятельствъ! какое противоборство теоріи съ практикой! сколько разъ и на сколькихъ мѣстахъ, одно отъ другого отдаленныхъ, говорится объ одномъ и томъ же предметѣ: о раздѣлѣ и раздѣлѣ!... Находя все сіе въ такомъ видѣ, погрѣшилъ бы я противъ справедливости, ежели бъ не сказалъ, что столь очевидное нестроеніе никакъ не должно быть допущено въ россійскихъ узаконеніяхъ. Я примѣчаю, что, въ семъ сочиненіи, классификація вещей употреблена совсѣмъ не такова, каковой быть надлежало: теоріи много, а мѣстныхъ практическихъ наблюденій совсѣмъ непримѣтно; къ тому же, всѣ почти частныя раздѣленія выработаны не съ такимъ логическимъ единствомъ и не съ такимъ достоинствомъ, каковыхъ требуетъ главная цѣль, а паче — величіе предмета.»

Далѣе, вникая въ подробности нѣкоторыхъ частей проекта (стр. 13—18), Трощинскій говоритъ, что «проектъ гражданскаго

уложенія собственно есть испорченный переводъ Наполеонова кодекса, съ которымъ онъ только и разнствуетъ, что многія части, переставленныя съ однѣхъ мѣстъ на другія, производятъ вящее замѣшательство въ понятіяхъ и сугубую недовѣрчивость къ его духу. Сколь скоро все сіе несомнѣнно, то нѣтъ уже нужды искать особенныхъ причинъ, для чего смѣшанными оказались власти судебныхъ мѣстъ и дѣла духовныя съ гражданскими.»

Дѣйствительно, одинъ изъ главныхъ работниковъ въ Коммиссіи составленія законовъ, и прежде и послѣ Сперанскаго (удаленнаго изъ Петербурга съ 1812 по 1821 г.), баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ, главный секретарь, первый референдарій, начальникъ отдѣленія и, наконецъ, непосредственный хозяинъ въ Коммиссіи, первоначально вызванный изъ Лейпцигскаго университета еще студентомъ въ 1785 году, слѣдовательно, тогда уже знакомый съ мыслью Петра Великаго установить законодательство въ Россіи, долго ли пробылъ онъ въ Петербургѣ или нѣтъ,—Розенкампфъ (даромъ-что изучилъ Кормчую книгу) мало обращалъ вниманія на русское законодательство, на историческое зарожденіе и развитіе его, на права и обычаи, на нравы, свойства и привычки народныя, на степень разнослойнаго просвѣщенія въ Россіи. Онъ хотѣлъ безусловно перенести къ намъ кодексъ Наполеона. Подчиненные его взапуски переводили, по указаніямъ худо говорившаго по-русски начальника, выдержки изъ кодекса въ раздробѣ, для внесенія ихъ въ проектъ уложенія, куда что̀ кстати придется.

Въ 1814 году, служа по министерству юстиціи, я думалъ было причислиться и къ Коммиссіи составленія законовъ, по совѣту и примѣру А. И. Тургенева, который, состоявъ при князѣ А. Н. Голицынѣ, занималъ, въ то же время, разныя должности и по другимъ вѣдомствамъ. Явясь къ барону на испытаніе, я съ разу убѣдился, что въ Коммиссіи не составляютъ и не собираютъ законовъ, а просто-на̀-просто занимаются переводами съ французскаго на русскій. Розенкампфъ, словца не проронивъ о направленіи работъ, о цѣли занятій, далъ мнѣ изъ середины книги нѣсколько страничекъ для перевода — и былъ таковъ!... Понявъ, что тутъ я немногому научусь въ дополненіе того, что̀ принесъ на службу изъ пансіона и университета, изъ уроковъ Горюшкина, Цвѣтаева, Сандунова, я, черезъ пять-шесть дней, возвратилъ тетрадку Розенкампфу, объяснивъ, что занятія мои, по департаменту министерства юстиціи, лишаютъ меня чести поступить подъ его начальство.

Въ запискахъ своихъ, однако, Густавъ Андреевичъ слагаетъ

всю вину на Сперанскаго: онъ говоритъ въ нихъ, что ему поручено составить гражданское уложеніе «по данному плану, содержавшему въ себѣ однѣ *заголовки*, почти то же, что и въ Наполеоновскомъ кодексѣ», что «уже прежде приверженный отъ души къ французской системѣ централизаціи и усердный почитатель Наполеоновскаго кодекса, онъ (Сперанскій), съ тѣхъ поръ, какъ побылъ вблизи самаго источника, вполнѣ увѣрился, что подобное можно и должно сотворить и у насъ. Дѣло же было и не слишкомъ мудреное: французскій кодексъ состоитъ всего-на-все изъ 1,800 параграфовъ, и передать ихъ въ прекрасныхъ русскихъ фразахъ можно, безъ большого труда, въ какой-нибудь годъ [1])».

Противъ этого можно сказать, не защищая графа Михайла Михайловича, *во-первыхъ*, что изъ трехъ частей гражданскаго уложенія (право лицъ, право вещественное и право договоровъ), если первыя двѣ и вполнѣ были бы кончены, пересмотрѣны и редакціонно утверждены при Сперанскомъ, то все же 3-я часть составлена во время его изгнанія; *во-вторыхъ*, что въ государственный совѣтъ внесенъ этотъ трудъ въ 1815 году, въ отсутствіе Сперанскаго и, стало-быть, вся отвѣтственность тутъ падаетъ на Коммиссію составленія законовъ, какъ одобрившую незрѣлое твореніе, кѣмъ бы и когда бы оно ни было произведено, или подготовлено; *въ-третьихъ*, что переложеніе Наполеонова кодекса, съ французскаго на русскій, постоянно и усердно продолжалось и послѣ Сперанскаго, подъ руководствомъ Розенкампфа.

— И такъ, qui s'excuse, s'accuse.

Благодаря Трощинскому и мнѣнію многихъ лицъ, напримѣръ: Карамзина, графа Строганова, А. С. Шишкова и другихъ, чуждое, неловко принаровленное къ намъ законоположеніе отринуто, и великое дѣло «Полнаго собранія законовъ» (начатое, къ сожалѣнію, съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, тогда какъ, для истинной полноты, оно должно бы включить въ собраніе законовъ и Русскую Правду Ярослава, и Кормчую книгу, и оба Судебника царей Іоанна III и Іоанна IV), и особенно трудное дѣло «Свода Законовъ» досталось совершить графу Сперанскому. Непостижима быстрота его служебной дѣятельности! Необъятна за-то и громадность порожденной имъ переписки, при безчисленности формъ, путей, обрядности, для теченія отвсюду и повсюду бумагъ и дѣлъ, и при сосредоточеніи судебъ всей Россіи въ одномъ Петербургѣ!...

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго.

Бюрократія, или бюрократство (по простонародному—бюрокрадство) при немъ расло и расширялось, и, наконецъ, легло непрерывною сѣтью на всю землю русскую. При немъ, чиновничество роилось какъ пчелы въ ульяхъ, и впослѣдствіи достигло до ужасающей цифры. Не сосчитать обитателей муравейниковъ, не сосчитать и чиновниковъ служащихъ, выслужившихъ и отслужившихъ!

При всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ и дарованіяхъ, Сперанскій постоянно увлекался за черту опытной мудрости, мечтательностью набожно-поэтической души своей, прелестью нововведеній и нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе преобразовать правительство и достичь не только славы въ глазахъ современниковъ, но и безсмертія въ потомствѣ. Послѣ этого, нельзя уже безусловно согласиться съ такимъ мнѣніемъ, что онъ—*первый* изъ насъ, людей новаго поколѣнія, что онъ *первый* проговорилъ у насъ *сознательно* слово истинной законности» [1]).

Неужели до него не было у насъ никакого понятія о законности, хоть бы въ головѣ Петра I и въ сердцѣ Екатерины II?! Неужели изъ всѣхъ сподвижниковъ, только хоть этихъ двухъ законодателей, двухъ перлъ новой Россіи, никто словца не молвилъ сознательно о законности?! Что до первенства Сперанскаго въ новомъ поколѣніи, то, *во-первыхъ*, онъ принадлежитъ, по рожденію своему въ 1772 году, къ людямъ не нашего поколѣнія; а *во-вторыхъ*, не уступятъ ему *первенства* многіе и изъ дѣятелей его времени, по всѣмъ министерствамъ, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, какъ напримѣръ: графъ Васильевъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, Державинъ, графъ Аракчеевъ, князья А. Н. Голицынъ, Куракинъ, Кочубей, Репнинъ, графъ Каподистріо, графъ Мордвиновъ, А. С. Шишковъ, Трощинскій, Чичаговъ, графы Марковъ, Завадовскій, Безбородко, Румянцовы, Воронцовы, Разумовскіе, князь Барклай де-Толли, графъ Ростопчинъ, П. И. Аверинъ (пріятель Сперанскаго), Голубцовъ, А. А. Столыпинъ, Д. О. Барановъ и другіе, не говоря уже о многихъ еще изъ полководцевъ, хоть только отъ Италійскаго до Смоленскаго, изъ духовныхъ пастырей, ученыхъ, писателей, изъ членовъ «Дружескаго Общества», которые, и прежде и послѣ Сперанскаго, понимали и проповѣдывали, словомъ и дѣломъ, иные всею жизнью своею — законность на Руси. Не въ законахъ людскихъ законность, а въ нравственной природѣ человѣка, въ его духовныхъ силахъ.

---

[1]) «Сперанскій» въ №№ 19 и 20 Рус. Вѣст.

Докончу мои воспоминанія о Трощинскомъ. Онъ служилъ не все въ Петербургѣ. Служилъ онъ и на родинѣ—полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1822 году, онъ окончательно удалился, отъ столичныхъ суетъ и тревогъ, въ свой сельскій пріютъ Скибинцы, Миргородскаго уѣзда. Дмитрій Прокофьевичъ любилъ домашніе театры и нерѣдко потѣшалъ своихъ земляковъ комедіями на малороссійскомъ языкѣ. Однимъ изъ главныхъ актеровъ скибинской сцены былъ отецъ Н. В. Гоголя. Послѣдній говаривалъ, что его родитель и писалъ для театра. Кой-что онъ даже привелъ изъ его піесъ въ своихъ сочиненіяхъ, не называя, впрочемъ, автора. Такъ, напримѣръ, въ «Сорочинской ярманкѣ» приведено нѣсколько заглавныхъ строкъ (эпиграфовъ) изъ малороссійской комедіи, изъ старой легенды и изъ какихъ-то пѣсенъ. Одинъ изъ друзей-земляковъ автора «Мертвыхъ Душъ» утверждаетъ, что эпиграфы изъ малороссійской комедіи и нѣкоторые стихи дѣйствительно принадлежатъ отцу Гоголя.

Мирно провелъ остатокъ дней своихъ, мирно и умеръ, 26-го февраля 1829 года, Д. П. Трощинскій, на 76 году отъ рожденія...

Разбирая связки старинныхъ и давнихъ бумагъ въ моемъ семейномъ, литературномъ и служебномъ архивѣ, встрѣтилъ я, между прочимъ, различныя письма лица̀, подписавшагося «Неизвѣстнымъ обитателемъ Уральскаго хребта.» Подъ этимъ именемъ скрывался не кто иной, какъ отецъ извѣстной писательницы графини Е. П. Растопчиной.

Онъ страстно любилъ русскую словесность, особенно поэзію и театръ. Все, что̀ только появлялось новаго не печатнаго и запрещеннаго, онъ добывалъ, списывалъ и складывалъ въ свой завѣтный архивъ. Такъ, не упоминая уже о стихотвореніяхъ, остались въ немъ между прочими важными и неважными бумагами: письмо главнокомандующаго арміей въ Финляндіи графа Буксгевдена къ бывшему военнымъ министромъ графу Аракчееву, отъ 13 сентября 1809 г.; изображеніе военныхъ дѣйствій первой арміи въ 1812 г. (донесеніе императору Александру I главнокомандовавшаго ею и въ то же время военнаго министра Барклая-де-Толли), отчетъ гр. М. С. Воронцова государю императору, отъ 20 декабря 1818 г., по выходѣ изъ Франціи ввѣреннаго графу корпуса. Все это теперь ужъ не тайна, благодаря «Чтеніямъ» въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.

Но вотъ едва ли кому извѣстная рукопись. Въ ней рѣчь идетъ о какомъ-то предположеніи въ видахъ преобразованій того времени. Не знаю и даже не догадываюсь, отъ кого и къ

кому это письмо? Вверху первой страницы поставлено: «Село Космо-Демьянское, 19 сентября 1824 г.» *). Въ то время, мысль объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ по многимъ отраслямъ правительства проявилась во всѣхъ образованныхъ головахъ и отозвалась на всѣхъ концахъ русской земли. Проводниками ея были, предпочтительно, военные люди; скитаясь изъ края въ край, отъ взятія Парижа до возвращенія въ отечество, они вездѣ толковали о своихъ мечтахъ, надеждахъ, гаданіяхъ—на благо и славу Россіи. Такъ, и то предположеніе написано было подъ вліяніемъ господствовавшей, посреди передовыхъ людей, мысли. Но авторъ, назвавъ просмотрѣнное имъ предположеніе *памфлетомъ*, не увлекся современными ему мечтаніями, и призналъ Россію еще неготовою тогда къ кореннымъ преобразованіямъ и столько же невозмужалою, не просвѣщенной, какъ во времена неколебимо-смѣлаго преобразованія Петра I и женственно-осторожной преобразовательницы Екатерины II. Вотъ, самое письмо:

Село Космо-Демьянское, 19 сентября 1824 г.

Любезный другъ! Я читалъ памфлетъ, который ты у меня оставилъ; нахожу его справедливымъ вообще, но мечтательнымъ и вреднымъ въ приложеніи. Кто не чувствуетъ, что законы, опредѣляемые авторомъ подъ именемъ *основныхъ*, составляютъ истинное благо народовъ? Но во всѣ ли эпохи народнаго просвѣщенія, во всякомъ ли возрастѣ и состояніи государства полезно ихъ установленіе? Еслибъ, напримѣръ, Петръ I, вмѣсто всего того, что̀ онъ сдѣлалъ для преобразованія тогдашней Россіи, ввелъ въ ней британскую конституцію, которая въ его время уже утвердилась, что̀ бы изъ того вышло?

Полвѣка послѣ Петра, Екатерина сзывала депутатовъ. Одинъ—всѣ улучшенія своей области заключилъ въ новой кровлѣ воеводскаго дома; другой, который почиталъ себя умнѣе и либеральнѣе прочихъ, послѣ вопроса: будутъ ли, за изданіемъ уложенія, именные указы въ употребленіи? объявилъ, что депутатамъ дѣлать нечего!

Я увѣренъ, что еслибъ и Александръ рѣшился на подобный опытъ, то слѣдствія будутъ не лучше. На пути просвѣщенія, далеко ли мы

---

*) Въ издаваемыхъ нами «Запискахъ», эта рукопись приложена въ оригиналѣ, который носитъ на себѣ всѣ слѣды несомнѣнной подлинности; бумага, чернила, видно, испытали на себѣ довольно времени; характеръ почерка — старинный. Самое содержаніе, какъ увидятъ читатели, находится въ тѣсной связи съ политическими событіями 20-хъ годовъ и представляетъ ретроспективный взглядъ современника на характеръ времени Александра I, высказанный, очевидно, съ цѣлью отрезвить несбыточныя надежды, волновавшія извѣстную часть тогдашняго общества. Желчь и горечь выраженій автора говорятъ ясно, что онъ самъ изъ того же лагеря, съ которымъ борется, и потому такъ хорошо ему извѣстны слабыя стороны противниковъ. — *Ред.*

ушли отъ той точки, гдѣ Петръ оставилъ насъ? А къ основнымъ законамъ, т. е. къ конституціи, къ представительному правленію, должны быть приготовлены народы вѣками успѣховъ гражданскихъ и нравственныхъ. Убѣдительный примѣръ тому видимъ на Франціи: въ 1814 году, проектъ конституціи, начертанный подъ диктатурою Таллейрана, одного изъ лучшихъ умовъ земли, опередившей насъ цѣлыми столѣтіями въ политикѣ, заключалъ одни мелочные, своекорыстные виды деспотическаго сената, которымъ хотѣли принести на жертву свободу и истинныя блага націи. Но король, озаренный, во мракѣ бѣдствій своихъ, свѣтильникомъ полититическихъ установленій Англіи, присягнулъ хартіи, которая въ главныхъ основаніяхъ подобна англійскому государственному уложенію. Между тѣмъ, не прошло пяти лѣтъ, какъ нація сама собою склонилась подъ монархическія формы: изъ 80 тысячъ избирателей составилось только 15, изъ погодныхъ депутатовъ — семилѣтніе; изъ свободныхъ—на жалованьи правительства. Произволъ (l'arbitraire) сталъ вкрадываться во всѣ отрасли правленія; королевскій министръ объявилъ въ палатѣ, что выборы должны подлежать вліянію министерства; въ департаментѣ финансовъ, сумма 200 милліоновъ выписана въ расходъ подъ статьею: *confusion;* правая сторона вошла въ пропорцію къ лѣвой, едва не 10 къ 1; Мансоэля выгнали изъ камеры; протестантовъ губили, какъ въ оную ночь св. Вареоломея!... не говоря уже о пастырскомъ увѣщаніи труасскаго изувѣра, которое проникнуто началами гнуснѣйшаго деспотизма! — Доказательство, что нація еще не созрѣла для конституціонныхъ формъ.

Призвать ли въ свидѣтели Англію? раскроемъ ея исторію: уже шесть вѣковъ, съ 1215 года, островъ сей питалъ корни личной свободы гражданъ и право суда присяжныхъ; но грѣшили что-нибудь во тмѣ! Мракъ невѣжества, покрывавшій націю, какъ и всю Европу въ средніе вѣки, не допустилъ расцвѣсть симъ прекраснымъ сѣменамъ до 1688 года, т. е. до истеченія 500 лѣтъ послѣ подписанія Іоанномъ-Безземельнымъ Великой хартіи (Magna-Charta). Она была безпрестанно раздираема, и Эдуардъ I-й одиннадцать разъ присягалъ ей: слѣдственно, еще чаще ее нарушалъ. Спустя 200 лѣтъ, Генрихъ IV хотѣлъ ее возобновить и обѣщалъ уважать права и свободу націи: но нація сама себя еще уважать не умѣла; и ни въ какое время не совершалось болѣе насильствъ, пытокъ, заговоровъ и междоусобныхъ дракъ, какъ на сихъ кровавыхъ страницахъ исторіи. Кончилось тѣмъ, что при Генрихѣ VII возникъ деспотизмъ наисовершеннѣйшій, а при Генрихѣ VIII—наикровожаднѣйшій. Въ его адской политикѣ погибъ великодушный Томасъ-Морусъ, и парламентъ обезславилъ себя рабствомъ, варварствомъ и жестокостями безпримѣрными. Четыре раза перемѣнялъ вѣру; и кто исчислитъ всѣ казни, всѣ жертвы тиранства и фанатизма сего времени? При Елисаветѣ умы утопали еще въ томъ же духѣ невольничества, и раболѣпный парламентъ осудилъ

Марію Стуартъ въ угоду личной ненависти и мести королевы. Революція возстала при Карлѣ I; народъ и парламентъ отъ успѣховъ торговли были ужъ умнѣе; но Кромвель, Карлъ II и Яковъ II были тираны, потому что истинный свѣтъ еще не озарялъ умовъ; Оксфордскій университетъ провозглашалъ догматы рабства, и Локкъ былъ выгнанъ изъ университета за несогласіе съ постыднымъ его ученіемъ. Актъ Habeas Corpus, основаніе личной свободы англичанъ, состоялся при Карлѣ II; и между тѣмъ, никогда не было болѣе насилія свободы, какъ въ это царствованіе. При Яковѣ, безчеловѣчный полковникъ Киркъ и лютый инквизиторъ Жеффрейсъ розлили рѣки невинной крови. Такъ было еще въ 1686 году! Два лѣта спустя, свержёнъ Яковъ II и утвердилась конституція; но еще до 1746 года, т. е. до половины XVIII столѣтія, эпоха, въ которую философія, политика и науки озарили Англію свѣтомъ благотворнымъ, были явленія, гдѣ духъ партій и нетерпимости торжествовалъ надъ истиной и правами человѣчества. Такъ справедливо, что самые лучшіе законы, самыя твердыя установленія не служатъ ни къ чему, если семена просвѣщенія не возрастили въ умѣ народа благодѣтельныхъ плодовъ!

Теперь, сослаться ли на примѣръ сѣверной Америки? Отъ чего сія народная держава такъ быстро возвысилась и достигла на нашихъ глазахъ такого совершенства политическаго? Отъ того, что при самомъ началѣ своей независимости, вся нація состояла изъ гражданъ, исполненныхъ духомъ религіи, справедливости и семейственныхъ добродѣтелей; отъ того, что нація наслаждалась уже сокровищами своего внутренняго трудолюбія, которое есть прекраснѣйшій плодъ наукъ и искуствъ, переплывшихъ океанъ вмѣстѣ съ умами, ихъ вмѣщавшими; отъ того, что въ числѣ сихъ умовъ были геніи — гордость и удивленіе человѣчества. Спрашиваю васъ: чѣмъ подобнымъ можемъ похвастать мы?

Дайте эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе; — чтожъ? думаете ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! Гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ, почему въ Россіи незачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ.

Не говорите мнѣ о побѣдахъ, о военной славѣ! И монголы, и турки побѣждали! Но военные успѣхи не имѣютъ, къ несчастію, ничего общаго съ успѣхами разума. Тамъ торжествуютъ: сила, удача, ошибки; здѣсь — общее чувство справедливости, самоотверженіе воли, совершенство мыслей и мирныхъ трудовъ, и благіе нравы.

Какая, напримѣръ, мнѣ выгода въ судѣ присяжныхъ, когда они будутъ судить меня безсовѣстнѣе неприсяжныхъ, не понимая святости

клятвъ и продавая свою присягу моему обвинителю, какъ теперь торгуютъ ею цѣлыя селенія и продаютъ первому, кто явится купить?!

Вообразите богатаго русскаго провинціала, который, владѣя десятью тысячами душъ, и наслаждаясь тремя стами тысячъ дохода, пріѣхалъ въ Петербургъ и влюбился въ Елагинскій дворецъ. Онъ разорился на построеніе подобнаго въ своемъ помѣстьѣ; зданіе кончено: но въ немъ жить не кому! Оно стояло пусто и разрушилось прежде, нежели на что-нибудь годилось! Вотъ — изображеніе Россіи, еслибъ она стала домогаться конституціоннаго правленія въ наше время.

Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состояніе? Екатерина дала намъ право избирать своихъ судей и полицейскихъ агентовъ: какъ пользуемся мы симъ правомъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? — Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ наслѣдственныя дарованія будущихъ перовъ? Къ чему готовятся и кàкъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ? Положимъ, напримѣръ, что Мордвиновъ, Растопчинъ, Кочубей не уронили бы аристократической камеры; что Гурьевъ, Куракинъ могли бы еще быть терпимы: но сыновья и наслѣдники ихъ куда годятся?

Литература народа есть вѣрное мѣрило его просвѣщенія. Сообразите всѣ произведенія нашихъ литературныхъ талантовъ, и скажите безпристрастно: не есть ли это лепетаніе младенцевъ? Кромѣ исторіи Карамзина, теоріи налоговъ Тургенева и немногихъ страницъ Батюшкова, переживетъ ли хоть одно твореніе десятилѣтіе, въ которое родилось? Поэзія, правда, имѣетъ образцы высокіе и языкъ ея достойный; но успѣхи поэзіи свойственны дѣтскому возрасту народовъ; а свобода, безъ сомнѣнія не можетъ быть ни нуждою, ни достояніемъ дѣтей. Воспитаніе — вотъ все, что имъ нужно и полезно; и, слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельная учителя, который съ отеческою заботливостію и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ другой Петръ I со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Лудовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями.

Жертва правленія Александра, я, конечно, не могу быть его льстецомъ; но, какъ другъ истины, могу ли не признать превосходства его личнаго характера? Скорѣе обвиню его въ слабости, нежели въ злоупотребленіи власти, которая находитъ границы въ однихъ побужденіяхъ его собственной души. Онъ несчастливо выбираетъ людей и можетъ быть не довольно строгъ, скажу болѣе: не довольно дѣятеленъ въ управленіи внутреннемъ.... вотъ все, что можно поставить въ вину его; но и тутъ вина падаетъ болѣе на вѣкъ и на народъ его, нежели на личный характеръ. Онъ уже ввелъ нѣкоторый родъ ограниченія установленіемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, т. е. возвратилъ государ-

ство къ его древнимъ аристократическимъ формамъ, уничтоженнымъ могуществомъ Петра. Но что же сдѣлали совѣтъ и министры достойнаго благодарности народа и памяти потомства? Въ двадцать три года сего, безъ сомнѣнія, кроткаго царствованія возникло ли хоть одно гражданское достоинство? Дворянство вспомоществовало ли трону въ намѣреніяхъ ко благу общему? Въ годину испытанія, т. е. 1812 года, не покрыло ли оно себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что̀ расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ, и рекрутъ, и плѣнныхъ, — не смотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что̀ бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ?! — Двадцать лѣтъ существуютъ университеты: кто въ нихъ учится? Спрашивать ли: кто доучивается? — Дворянскій полкъ, изъ котораго выходятъ въ армію 20 и 25 лѣтніе офицеры, не наводнилъ ли сію армію гнуснѣйшими образцами невѣжества и пороковъ? Молодые дворяне, которые на нашихъ глазахъ вступили въ службу, не отличаются ли отсутствіемъ всего, что̀ дворянство и человѣчество имѣетъ благороднаго и достойнаго? Я имѣю честь служить въ полку, который смѣло можно назвать однимъ изъ лучшихъ въ арміи, счастливымъ соединеніемъ въ немъ отличныхъ офицеровъ; но я съ прискорбіемъ видѣлъ, что въ четыре года моей фрунтовой службы, изъ 30 или 40 вновь вступившихъ въ полкъ дворянъ, только одинъ нравами и просвѣщеніемъ своимъ способенъ украсить свое званіе; десять, можетъ быть, не уронятъ его, а остальное число могло бы, безъ потери для общества, остаться въ кругу родныхъ холоповъ, рысаковъ и собакъ.

Нѣсколько электрическихъ головъ, къ которымъ принадлежитъ и твоя — любезный другъ! — можетъ быть и моя, кружатся теперь надъ суевѣріемъ свободы и конституціонныхъ теорій, несвойственныхъ и несвоевременныхъ для націи, какъ выше доказано. Но почему же ни одна изъ сихъ головъ не доступна къ идеямъ объ ограниченіи нашихъ собственныхъ правъ надъ дѣйствительными рабами, крѣпостными крестьянами нашими? — Самый человѣколюбивый, самый великодушный изъ нашихъ помѣщиковъ, не располагаетъ ли произвольно семействами, отнимая сына, брата, дочь, часто мужа, жену изъ земледѣльческой хаты — для накопленія своей дворни, псарни, коровни, винокурни? Мысли императора объ этомъ предметѣ не подлежатъ ни какому сомнѣнію: въ 23 года своего царствованія, онъ не прибавилъ ни одного раба, а нѣсколько тысячъ выкупилъ; лифляндскихъ рабовъ освободилъ всѣхъ; и извѣстно нѣсколько примѣчательныхъ словъ его, сюда относящихся, изъ которыхъ достовѣрно, что всякій подвигъ дворянства въ семъ отношеніи былъ бы у Трона принятъ съ благоговѣніемъ, что̀ доказываютъ примѣры свободныхъ хлѣбопашцевъ. Но мы проповѣдуемъ предѣлы власти надъ собою, а не своей надъ тѣми, коихъ жребій зависитъ отъ нашего про-

извола гораздо болѣе и чаще, нежели нашъ отъ самодержавія; ибо должно, наконецъ, сказать безпристрастно, что Александръ гораздо меньше деспотъ, нежели Аракчеевы, Гурьевы, Волконскіе, которыхъ невѣжество и самоволіе не тяготятъ только надъ ихъ собственными твореніями. Но сіи орудія тиранства, ежели оно существуетъ, возникли посреди насъ; они принадлежатъ къ нашему сословію; соучастники и угодники ихъ—къ нашему поколѣнію; и многіе, если не каждый изъ насъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть не погнушались бы такъ же раздѣлить преступное упоеніе ихъ всемогущества.... Не очевидно ли, послѣ всего сказаннаго, что мы не созрѣли для чистыхъ наслажденій гражданской свободы? и что въ государствѣ, гдѣ привилегированный классъ народа не спѣшитъ присвоить себѣ плодовъ чужеземныхъ наукъ и искусствъ; гдѣ сей классъ не возвышается надъ самымъ послѣднимъ отчужденіемъ его пороковъ (я говорю объ общей заразѣ сребролюбія и нетрезвости въ жизни); гдѣ безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ гражданскія добродѣтели; гдѣ, наконецъ, умы даже сіяющіе блестками превосходства надъ другими (я говорю даже о себѣ) не болѣе суть какъ полу-умы, по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи — тамъ нечего думать объ *основныхъ законахъ*, въ смыслѣ конституціи, опредѣляющихъ составъ государственнаго тѣла и мѣры его движенія; тамъ остается только желать болѣе любви къ просвѣщенію и справедливости, болѣе нравственныхъ успѣховъ, болѣе чистоты въ исполненіи законовъ уже существующихъ, которые, какъ бы ни противорѣчили другъ другу, но ни одинъ не противорѣчитъ совѣсти, и всѣ имѣютъ одну цѣль—безопасность лицъ и неприкосновенность собственности.

Страсти и пороки человѣчества заразительны; но сердцу утѣшительно вѣрить, что и добродѣтели заразительны такъ же; а въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что родъ человѣческій стремится къ совершенству. Станемъ ждать съ теплою вѣрою въ благость Провидѣнія, что, при быстротѣ взаимныхъ сообщеній народовъ, отличительной чертѣ XIX вѣка, нравственные и гражданскіе успѣхи Англіи и сѣверной Америки перенесутся благодѣтельнымъ ходомъ времени и въ наше хладное отечество, и озарятъ его свѣтомъ своихъ добродѣтелей и общественнаго порядка.

Александръ теперь въ цвѣтѣ возраста и силы; онъ видѣлъ собственными глазами большую половину областей своихъ; ему могутъ, наконецъ, наскучить разводы и парады; онъ можетъ, обманутый такъ часто въ довѣренности, заняться самъ постепеннымъ улучшеніемъ разныхъ частей государственнаго устройства, исправлять одно, заводить другое, уничтожать невѣжество, питать семена ученія и духъ чести, сближать націю съ вѣкомъ и съ собою, допускать публичную извѣстность о дѣйствіи всѣхъ пружинъ правленія.... Онъ не геній, но близокъ къ нему силой

духа и благостью сердца. Онъ сражался какъ герой: а когда хорошій воинъ былъ дурнымъ человѣкомъ? Онъ далъ Европѣ миръ и оградилъ его твердость: а когда миротворецъ былъ врагомъ общественнаго порядка? Онъ велъ себя великодушно и съ французами и съ поляками, съ побѣжденнымъ и съ завоеваннымъ народомъ: будетъ ли хотѣть порабощенія своего? Онъ, въ упоеніи славы и власти безпредѣльной, не можетъ желать ничего, кромѣ счастія своему отечеству; надобно только, чтобъ онъ видѣлъ источники, гдѣ почерпать его. Двадцатипятилѣтній опытъ долженъ показать ихъ не хуже умозрѣній. Будемъ ждать желательныхъ послѣдствій съ терпѣніемъ и упованіемъ. Время есть лучшій лекарь болѣзней; а гражданское общество безсмертно, и на развалинахъ одного возвышается другое. Но Россія юная, сильная, богатая, полная жизни— далека отъ паденія; младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ.... тогда, сами цари дарують ей *основные законы;* ибо они не могутъ быть щастливы и истинно-велики безъ щастія и величія своихъ народовъ. Будемъ благодарны фамиліи Романовыхъ! Она, не исключая даже и .... Павла, постоянно выдвигала колоссъ нашъ изъ мрака на видъ и изумленіе всего земнаго шара.... Только чернь, возникшая изъ пыли, не уважаетъ воспоминаній, освященныхъ правами на народную благодарность.

P. S. Авторъ ошибается въ главномъ: въ мнимомъ договорѣ между монархомъ и народомъ, котораго никогда и нигдѣ не было.... Le premier Roi etait l'heureux soldat, говоритъ Вольтеръ. Вотъ тебѣ и договоръ!

Приведемъ еще нѣсколько строкъ того же почерка:

Въ политикѣ нашего вѣка главное заблужденіе состоитъ въ томъ, что вниманіе обращено на массы, на народы, а не на *лица по одиночкѣ* (individus); какъ будто уничтожить, притѣснить *одного* ничего не значитъ! Какъ будто сей *одинъ* не принадлежалъ къ цѣлому обществу гражданскому и не могъ имѣть его правъ! Но общество составляется изъ *одних*ъ, какъ число изъ единицъ. Какая же польза принадлежать къ сему обществу въ массѣ, когда его не щадятъ порознь?—Меня, напримѣръ, безъ суда, безъ способовъ оправданія, отторгнутъ отъ моихъ занятій, отъ моихъ привычекъ, отъ того мѣста, гдѣ я что́ нибудь значилъ въ кругу согражданъ, знавшихъ меня по уму, правиламъ и трудамъ моимъ, и съ оными соразмѣрявшихъ свою довѣренность ко мнѣ; меня переселятъ въ другую сферу дѣйствія, въ кругъ людей неизвѣстныхъ, которымъ и я чуждъ совершенно. Чувство моего политическаго ничтожества, безсиліе воли моей быть полезнымъ, холодность тѣхъ, посреди которыхъ я живу — не сдѣлаютъ ли меня нещастнымъ? Какая же мнѣ польза въ правѣ не быть наказаннымъ безъ суда, которое законъ предоставилъ моему обществу? — Но вы и не наказаны, возразятъ мнѣ: исполнительная власть должна имѣть право думать о способностяхъ своихъ чиновниковъ; признавъ васъ неспособнымъ при одномъ мѣстѣ, она назначила вамъ другое: это не есть наказаніе. — Но если это *другое* противорѣчитъ моимъ физическимъ силамъ и нравственнымъ свойствамъ; если оно принуждаетъ меня отка-

заться отъ него и остаться совсѣмъ безъ занятія, безъ общественныхъ обязанностей, безъ политическаго существованія: положеніе мое не сдѣлается ли тогда наказаніемъ, и жизнь — бременемъ? Тогда, не понесу ли я наказанія, не заслуживъ его? — Если я съ дарованіями, добрыми правилами и просвѣщеніемъ, то въ правленіи представительномъ могу еще у согражданъ своихъ найти вознагражденіе тому, чего лишенъ исполнительною властію; могу быть выбранъ въ народные депутаты, въ представители своего сословія; могу имѣть участіе въ общественныхъ дѣлахъ; могу, по крайней мѣрѣ, надѣяться: но въ другой формѣ правительства, что мнѣ остается, кромѣ ничтожества, уныніи, отчаянія и ненависти къ людямъ и къ жизни? — Но погибель *одною* въ наше время не значитъ ничего! Мы проповѣдуемъ благоденствіе *всѣхъ!*

Ливны, 1823. *Ротмистръ*
(бывшій дипломатъ).

Вотъ тебѣ extrait изъ моихъ записокъ. Если твоя цензура одобритъ: получишь другіе. Каковъ ты сего дня, и какъ намѣренъ провесть время?

По всему видно, что *неизвѣстный* — человѣкъ образованный и любознательный. Независимо отъ дипломатическихъ и военныхъ занятій своихъ по службѣ (въ качествѣ *ротмистра и дипломата*, какъ подписана имъ критика на *памфлетъ*), онъ углублялся въ политику, изучалъ исторію, слѣдилъ за современными событіями и за новыми открытіями въ ученомъ мірѣ, даже и по врачебной части. Въ бумагахъ моего брата нашелся, его же почерка, переводъ (съ латинскаго или французскаго) «окружнаго къ врачамъ всей Европы письма медика Лоренти», предлагавшаго какой-то, своего изобрѣтенія, сахаръ, въ замѣнъ кровопусканій, потогонныхъ, очистительныхъ и прочихъ, разслабляющихъ больного средствъ.

Не назоветъ ли кто изъ оренбургскихъ старожиловъ *неизвѣстнаго?* Могли они знать о его отношеніяхъ къ начальнику оренбургскаго таможеннаго округа; могли слышать о его службѣ; могли читать его переводъ письма Лоренти. Столько указаній должны, кажется, открыть имя неизвѣстнаго....

Н. Сушковъ.

Москва.

V.

ОЧЕРКИ

из исторіи

КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

Долго господствовалъ въ наукѣ взглядъ, что крѣпостное право возникло въ западной Европѣ какъ слѣдствіе завоеванія, раздѣлившаго населеніе ея на двѣ неравныя части: германскихъ побѣдителей — дворянъ, и побѣжденныхъ римлянъ — горожанъ и крестьянъ. Новѣйшія изслѣдованія убѣдили, однако, что мнѣніе это не выдерживаетъ исторической критики. Варвары, нахлынувъ на римскую имперію, захватывали (за исключеніемъ однихъ вандаловъ, получившихъ печальную извѣстность) въ свою собственность не болѣе двухъ третей покоренной территоріи (напр., бургунды и вестготы); иногда даже довольствовались только одною третью (герулы, остготы), оставляя другія части земли во владѣніи побѣжденныхъ. Франки же удовлетворились захватомъ только той части покоренной территоріи, которая принадлежала въ собственность римскимъ императорамъ, ихъ чиновникамъ, солдатамъ или бѣжавшимъ, при ихъ нашествіи, римлянамъ. Частную собственность франки щадили, если только владѣльцы ея не оказывали вооруженнаго сопротивленія. Подобный образъ дѣйствія былъ прямымъ послѣдствіемъ здравой политики завоевателей: послѣдніе очень хорошо сознавали,

при своей сравнительной немногочисленности, всю опасность поголовнаго захвата собственности частныхъ владѣльцевъ, которыхъ этимъ самымъ они довели бы до открытаго сопротивленія, что̀ могло бы кончиться изгнаніемъ малочисленныхъ побѣдителей, какъ это и случалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Притомъ, завладѣніе и незначительною частью собственности покоренныхъ народовъ вполнѣ удовлетворяло насущныя потребности немногочисленныхъ побѣдителей.

Политику, которой слѣдовали побѣдители относительно собственности, они примѣняли и къ личности побѣжденныхъ. Только тѣ изъ послѣднихъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ попадали къ нимъ въ плѣнъ, были обращаемы, по древнему германскому обычаю, въ рабовъ. Остальные мирно пользовались своей свободой и даже, въ большей части случаевъ, жили подъ управленіемъ оставленныхъ имъ римскихъ законовъ.

Конечно, выходцы изъ первобытныхъ лѣсовъ Германіи на арену исторіи руководствовались не гуманностью, которую въ нихъ странно было бы и предполагать, а чистѣйшимъ разсчетомъ, составляющимъ привилегію не однихъ гордыхъ сыновъ цивилизаціи, но и грубыхъ дикарей. Къ такому дѣйствію побуждало ихъ, какъ уже упомянуто выше, сознаніе числительнаго превосходства побѣжденныхъ, которое, въ особенности, могло быть опасно побѣдителямъ во время начавшихся, послѣ разгрома римской имперіи, усобицъ между отдѣльными племенами завоевателей. Каждое изъ нихъ алкало получить львиную долю добычи. Во время этихъ войнъ между побѣдителями, еслибы они лишили свободы и собственности побѣжденныхъ, послѣднимъ не трудно было бы возвратить себѣ и ту и другую; потому-то простое благоразуміе и чувство самосохраненія заставляло германцевъ щадить побѣжденныхъ римлянъ, или, вѣрнѣе—ихъ бывшихъ подданныхъ. Не менѣе сильнымъ побужденіемъ щадить ихъ было обстоятельство, что новые пришельцы, совершенно незнавшіе свойствъ почвы и климата вновь завоеванныхъ странъ, и притомъ занятые легкимъ искусствомъ разрушенія, вынуждены были предоставлять обработку земель туземцамъ, практически уже съ нею знакомымъ. Значительное количество несвободныхъ, встрѣчаемыхъ на пространствѣ бывшей римской имперіи, не было, слѣдовательно, плодомъ завоеванія. Оно истекало изъ совершенно другихъ причинъ. Уже одно то обстоятельство, что большинство несвободныхъ состояло изъ людей *германскаго* же племени, заставляетъ искать причину неволи ихъ внѣ общепринятаго доселѣ объясненія. Самый строй римской государственной жизни завѣщалъ побѣдителямъ огромное число невольниковъ:

достаточно вспомнить, что юристъ Ульпіанъ († 228) отсовѣтовалъ императору Александру Северу возстановленіе вышедшаго изъ употребленія закона, по которому рабы обязаны были носить одежду особеннаго покроя. Онъ опасался, что они, замѣтивъ свой числительный перевѣсъ надъ другими сословіями, возстанутъ противъ существующаго порядка вещей. Какъ громадно было число рабовъ въ это время, можно заключить уже изъ того, что двѣ трети населенія Галліи, въ эпоху ея покоренія франками, составляли — рабы.

Кромѣ этого контингента несвободныхъ, завѣщанныхъ вновь образующимся государствамъ средневѣковой Европы самою римскою жизнью, число ихъ значительно увеличилось военно-плѣнными *изъ германцевъ* же, которыхъ захватывали племена одно у другого во время послѣдовавшихъ войнъ на развалинахъ западной римской имперіи. Почти такимъ же изобильнымъ источникомъ неволи является древне-германскій законъ, лишавшій свободы несостоятельныхъ должниковъ, хотя и принявшій болѣе мягкія, чѣмъ въ древнемъ мірѣ, формы. Такъ-какъ домашнія работы исполнялись, какъ и въ настоящее время въ Германіи, женами и дѣтьми, то зависимость несвободныхъ проявлялась не въ личныхъ прислугахъ, всегда тяжелыхъ и болѣе или менѣе унизительныхъ, а въ дани, которую они обязаны были платить своимъ владѣльцамъ—хлѣбомъ, скотомъ и одеждой. Побои не были въ большомъ ходу. Законодательство возникавшихъ государствъ, введеніемъ довольно тяжелыхъ денежныхъ пеней за разныя преступленія, тоже не мало способствовало увеличенію числа несвободныхъ. При дикости тогдашнихъ нравовъ, законъ принужденъ былъ часто карать провинившихся, а при бѣдности ихъ—замѣнять денежный штрафъ лишеніемъ свободы. Этимъ путемъ много свободныхъ сыновъ Германіи, при первобытномъ буйствѣ нравовъ ихъ, перешли въ неволю. Но самымъ богатымъ источникомъ ея были — насиліе и хитрость. Каждый, кто только могъ, старался, при посредствѣ этихъ средствъ, распространить свою власть на счетъ ближняго, чему необыкновенно способствовали безурядицы въ сферѣ церковной и государственной. Въ особенности стали подвизаться на этомъ поприщѣ окружавшіе новыхъ королей, главные военачальники, сановники, фавориты ихъ, положившіе начало дворянскимъ родамъ. Они, подъ многообразными и часто пустѣйшими предлогами, старались оттягать собственность отъ мелкихъ владѣльцевъ; а если это не вполнѣ удавалось, то, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ сдѣлать такія уступки, которыя приводили послѣднихъ въ очень тяжелую отъ нихъ зависимость. Духовенство, если не съ подобнымъ дворянству нахаль-

ствомъ, то съ неуступавшей ему хитростью, стремилось тоже къ захвату собственности своей паствы, употребляя католичество, выродившееся въ идолопоклонническій формализмъ, какъ средство для достиженія этихъ, вовсе нехристіанскихъ цѣлей. Такъ, Творца вселенной оно изображало какимъ-то пугаломъ, одареннымъ разными страстями и слабостями, раздражительнымъ, мстительнымъ, жаднымъ. Для примиренія съ нимъ, по ученію католическаго духовенства того времени, недостаточно было покаянія, исправленія. Нѣтъ, оно учило грубыя массы, что только матеріальныя жертвы ему угодны и могутъ помирить съ нимъ грѣшниковъ; что духовенство, будучи посредникомъ между Творцомъ и смертнымъ, предназначено имъ принимать эти даянія и употреблять согласно съ его волей; что только оно имѣетъ право карать и миловать не только въ настоящей, но и въ будущей жизни. Какъ дальнѣйшее развитіе этого взгляда корыстолюбиваго духовенства является—ученіе, что ничѣмъ лучше нельзя превратить гнѣвъ Творца въ милость, какъ принесеніемъ въ даръ церкви не только имущества, но и самой личности христіанина. Неудивительно, что невѣжественное населеніе, вѣря нà-слово этимъ служителямъ Мамона, а не послѣдователямъ Христа, чувствуя за собою прегрѣшенія, и не имѣя достаточно средствъ искупить ихъ своими ограниченными матеріальными даяніями, предлагали, вмѣсто платы, свою личность въ кабалу. Этимъ путемъ перешло въ руки духовенства и монастырей, кромѣ огромнаго количества свѣтскихъ имѣній, еще множество прежде свободныхъ людей, сдѣлавшихся крѣпостными мнимыхъ представителей Христа. Когда вѣра въ лжеученія духовенства насчетъ ихъ дѣйствительности поколебалась въ народѣ, и привязанность его къ свободѣ и собственности одержала верхъ надъ истязаніями чистилища, духовенство придумало, въ началѣ VI вѣка, новую уловку, посредствомъ которой оно воспользовалось земными благами своихъ прихожанъ, не давая имъ сразу чувствовать всей тяжести ихъ лишеній.

Такъ, тогда стали совершаться сдѣлки, вслѣдствіе которыхъ набожнымъ, или кающимся лицамъ, и ихъ потомкамъ до 3-го или 4-го колѣна, предоставлялось сохранять за собою собственность, которою они должны были искупить свои прегрѣшенія, уплачивая за пользованіе ею легкую подать. Въ полную собственность духовенства имѣніе переходило только послѣ смерти опредѣленнаго въ сдѣлкѣ отдаленнаго потомка лица, совершившаго ее. Внукъ или правнукъ имѣлъ два исхода: идти по-міру, т. е., воспользоваться такъ-называемой волчьей волей, или же,— остаться хозяиномъ дѣдовскаго или прадѣдовскаго имѣнія, но подъ

условіемъ — сдѣлаться крѣпостнымъ церкви или монастыря, въ пользу котораго была устроена уступка его прародителемъ!!

Едва ли не пагубнѣе были послѣдствія разорительной воинской повинности и грабительства чиновниковъ въ новообразовавшихся государствахъ. Карлъ Великій, для приведенія въ исполненіе своихъ обширныхъ замысловъ, нуждался въ войскѣ и нещадно истощалъ страну этимъ налогомъ крови, особенно отяготительнымъ для мелкихъ собственниковъ. Онъ смотрѣлъ на имперію какъ на вотчину свою, а на обитателей ея—какъ на крѣпостныхъ. Такъ, онъ повелѣлъ, чтобы каждый владѣтель четырехъ дворовъ (mansi) долженъ былъ самъ выступать въ походъ; кто владѣлъ только тремя дворами, долженъ былъ соединяться съ имѣющимъ одинъ, и одинъ изъ нихъ стать подъ знамена, а другой — нести издержки его вооруженія, и т. д. Неисполненіе этого закона влекло за собою жестокія наказанія. Легко вообразить, какія были послѣдствія этого драконова закона. При безпрерывныхъ войнахъ въ царствованіе Карла Великаго, мелкіе собственники были въ постоянномъ походѣ, или, иными словами — ежегодно повторялся для нихъ призывъ къ смерти, вдали отъ семейства, родины и домашняго крова. Собственность въ это время была для селянина не обезпеченіемъ, а бременемъ. Если онъ уходилъ лично въ походъ, семейство его оставалось безъ работника, а хозяйство приходило въ разстройство; если онъ оставался дома, — онъ разорялся на вооруженіе и снаряженіе товарища, приходя въ неоплатные долги. Неудивительно послѣ этого, что мелкіе поземельные собственники искали выхода изъ этого отчаяннаго положенія—въ крѣпостной зависимости. Такъ-какъ каждый епископъ или настоятель монастыря имѣлъ право, при объявленіи похода, удерживать при себѣ, для необходимой прислуги, двухъ, годныхъ для ратной службы, человѣкъ (графы даже четырехъ), то понятно, что крестьяне искали спасенія отъ нея, отдаваясь духовенству и дворянству въ крѣпость, и надѣясь, принесеніемъ въ жертву личной свободы и собственности, освободиться отъ набора, равнявшагося смерти, или—вѣрному имущественному разоренію.

Дворянство, находя это легальное, по выраженію Гиббона, самоубійство мелкихъ собственниковъ для себя выгоднымъ, старалось всѣми средствами довести до него и тѣхъ изъ нихъ, которые, исполняя описанныя выше жертвы военной повинности, не доходили до него. Высшіе классы, постоянно призывая къ знаменамъ даже тѣхъ крестьянъ, которые, по значительности владѣемой ими собственности, не обязаны были выступать въ походъ, заставляли и ихъ искать спасенія отъ постоянныхъ тре-

вогъ въ крѣпостномъ подданствѣ. Въ годы мира, они прибѣгали къ другимъ, не менѣе вѣрнымъ средствамъ. Постоянные призывы къ дачѣ отвѣта, подъ различными вздорными предлогами, отрывали крестьянъ отъ занятій. Произвольное усиленіе тяжелыхъ повинностей, опредѣленныхъ для содержанія дорогъ, мостовъ и другихъ, имѣли ту же цѣль. Работы необязательныя, но на которыя крестьяне временно давали согласіе, по своей ограниченности или добродушію, — обращались въ обязательныя и требовались, какъ слѣдующія по закону. Нерѣдко случалось, что дворяне, безъ обиняковъ, не прибѣгая даже къ псевдо-законнымъ или вымышленнымъ предлогамъ, употребляли просто насиліе для обращенія свободныхъ сельскихъ обывателей въ крѣпостные. И это дѣлали не только свѣтскіе, но и служители алтаря, аббаты, епископы!

Какъ ни тяжело было положеніе крестьянъ при Карлѣ Великомъ, оно еще ухудшилось при слабыхъ его преемникахъ, съ развитіемъ ленной системы. Обычай германскихъ предводителей награждать своихъ сподвижниковъ частью своей добычи—сохранился и тогда, когда они сдѣлались королями новыхъ государствъ. Пока они имѣли достаточно силы, чтобы лишать своихъ чиновниковъ и военачальниковъ, въ случаѣ ихъ проступковъ, дарованныхъ имъ, вмѣсто жалованья, имѣній, до тѣхъ поръ народъ имѣлъ возможность, хотя изрѣдка, искать защиты своихъ правъ у короля. Съ обезсиленіемъ же власти королей, съ умноженіемъ раздоровъ и войнъ между преемниками Карла, при постепенно дробившемся наслѣдіи его, они принуждены были согласиться на требованія своихъ вассаловъ — отдать имъ имѣнія въ потомственное владѣніе. Съ этой минуты исчезаетъ для сельскаго населенія и призракъ защиты. Оно переходитъ въ полнѣйшую зависимость охватившей всѣ сферы государственной жизни ленной аристократіи. Только богатство, личная храбрость, вѣроломство и жестокость вели къ власти. Сельское населеніе, беззащитное и безотвѣтное, разбросанное на большихъ пространствахъ рѣдкими поселеніями, не имѣя никакихъ средствъ сопротивляться хищническимъ набѣгамъ феодальныхъ грабителей, и не находя защиты у потерявшихъ власть королей, готово было принять самыя тяжкія условія—лишь бы сохранить жизнь свою и своего семейства. Съ тѣхъ поръ, какъ оно убѣдилось, что только служба у сильныхъ міра сего представляетъ нѣкоторые шансы обезпеченія отъ набѣговъ всѣхъ и каждаго, сельское населеніе рѣшилось пожертвовать своей независимостью. Прежде, гордое сознаніемъ своей самостоятельности, оно, обработывая свои мелкіе участки, считало себя не только равнымъ, но даже

высшимъ всѣхъ графовъ, герцоговъ и т. п. титулованныхъ слугъ королей. Какъ ни громко звучали ихъ разнообразныя имена, какъ ни блестящимъ казалось ихъ положеніе на выходахъ, въ свитѣ монарховъ, но все-таки селянинъ древнегерманскій не завидовалъ этому положенію. Онъ зналъ, что подъ этимъ громкимъ титуломъ кроется пустота содержанія, что лица эти не имѣютъ своей воли, что они не болѣе — какъ слуги короля, принужденные подчиняться всѣмъ прихотямъ его. Но когда обстоятельства перемѣнились, когда королевская власть перешла въ руки ленной аристократіи, мелкій поземельный собственникъ увидѣлъ невозможность пользоваться своими правами, и какъ человѣкъ неразвитой, вмѣсто защиты ихъ и борьбы за нихъ, поплылъ по теченію, сдавшись на произволъ могущественнаго дворянства. Вскорѣ даже тѣ изъ крестьянъ, которымъ независимость была дороже матеріальныхъ благъ, силой обстоятельствъ пошли по пути своихъ предшественниковъ. Непрестанно повторявшіеся, съ половины IX вѣка, голодные годы, набѣги норманновъ, аравитянъ и венгерцевъ, принудили ихъ, изъ-за насущнаго хлѣба и ради спасенія жизни за стѣнами зàмковъ и монастырей, отдать себя подъ покровительство дворянства и духовенства. Понятно, что послѣдніе соглашались на это не даромъ. Искавшій у нихъ защиты, начиналъ съ того, что отдавалъ подъ верховную власть своего будущаго покровителя свой участокъ, который возвращалъ его обратно ему, какъ ленъ, на болѣе или менѣе тяжелыхъ условіяхъ. Въ началѣ, условія эти были не особенно тягостны, но при постоянно усиливавшейся государственной безурядицѣ, съ половины IX до половины X вѣка, они превратились въ совершенно произвольныя, ничѣмъ неограниченныя. Съ первоначальными условіями ни одинъ помѣщикъ не справлялся, требуя отъ своихъ крѣпостныхъ, что̀ ему заблагоразсудится. Такимъ образомъ, сельское населеніе западной Европы, изъ свободнаго, какимъ оно является при началѣ среднихъ вѣковъ, съ каждымъ столѣтіемъ теряло все болѣе и болѣе свои политическія права, а наконецъ, лишилось даже человѣческихъ. Его приравняли съ вещью; сдѣлали собственностью! Путемъ насилія, захвата, притѣсненій и неправды, потомки *равноправныхъ* завоевателей западной римской имперіи, втеченіе среднихъ вѣковъ, раздѣляются на два лагеря: привилегированнаго меньшинства — дворянъ, и безправнаго большинства — крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ.

Таково было начàло судьбы крестьянства вообще въ западной Европѣ. Обратимся теперь къ частностямъ, и начнемъ, именно, съ Франціи.

Во Франціи, ленная система, охватившая, при преемникахъ Карла Великаго, всѣ стороны жизни и не мало способствовавшая уничтоженію мелкихъ, не-дворянскаго происхожденія, самостоятельныхъ землевладѣльцевъ, заплатила, при дальнѣйшемъ развитіи, свой историческій долгъ за эту неправду — существеннымъ улучшеніемъ въ бытѣ сельскаго населенія.

Населеніе это состояло, въ то время, изъ попавшихъ въ крѣпость потомковъ германскихъ завоевателей, покоренныхъ ими романовъ, и изъ потомковъ крѣпостныхъ тѣхъ и другихъ. Существовавшія между ними различія, по закону и въ жизни, утратились во время безурядицы, начавшейся во Франціи съ половины IX вѣка, и длившейся нѣсколько поколѣній.

Иначе и быть не могло. Въ эпоху феодальнаго разгара, когда высокое дворянство разныхъ титуловъ не только помыкало королевскою властью, но выступало противъ нея открытою враждою — когда всемогущее, въ другихъ сферахъ жизни, въ средніе вѣка духовенство преклонялось передъ дворянствомъ, могло ли разсѣянное по цѣлой территоріи Франціи сельское населеніе представить надежный оплотъ кулачному праву дворянъ?? Оно нивеллировало всѣ историческіе оттѣнки сельскаго населенія, обративъ его, за немногими исключеніями, въ крѣпостныхъ, низведенныхъ, въ юридическомъ отношеніи, на уровень движимаго (или, вѣрнѣе, подвижного) имущества.

Въ этомъ, повидимому, безвыходномъ положеніи французскаго сельскаго населенія, возникаетъ для него мощный союзникъ — и кто бы могъ предполагать — въ томъ же учрежденіи, которое, какъ мы только-что видѣли, грозило подавить его окончательно. Ленная система, создавшая крѣпостныхъ, сама же спасаетъ ихъ отъ конечной гибели. Основанная на наслѣдственности, она, изъ самосохраненія, должна была признать ея обязательность и въ отношеніи своихъ подвластныхъ. Крупные ленники, такъ ревниво отстаивавшіе свои привилегіи и захваченныя территоріи противъ королей, такъ чадолюбиво передававшіе ихъ своимъ наслѣдникамъ, не въ силахъ были бы сохранить ни тѣхъ, ни другихъ, если бы не признавали и за своими вассалами того же принципа наслѣдственности, на которомъ были основаны ихъ права. Отказавши имъ въ этомъ, они перевели бы ихъ въ королевскій лагерь. Начало это, въ своей постепенности, переходя ленную лѣствицу, отъ крупныхъ и нисходя до мельчайшихъ вассаловъ, доходило и до сельскаго жителя, до крѣпостного, получившаго въ ленъ поземельный участокъ.

Можетъ быть, крѣпостные, безоружные и безотвѣтные, и не были бы допущены участвовать въ выгодахъ начала наслѣд-

ственности, если бы разныя современныя политическія обстоятельства не вынудили французскую ленную аристократію распространить это начало и на нихъ. Главнѣйшею побудительною причиною къ этому было — чрезвычайное обезлюденіе Франціи, обусловленное страшными притѣсненіями сельскаго населенія, свѣтскою и духовною аристократіей, при преемникахъ Карла Великаго. Безнаказанныя и постоянныя вторженія норманновъ, грабежи ихъ во всѣхъ областяхъ тогдашней Франціи, служатъ подтвержденіемъ этого явленія. Съ послѣдней четверти IX вѣка, мы не видимъ ни одного поголовнаго возстанія народа для отраженія незваныхъ гостей, какъ это случалось прежде, а объ этомъ, конечно, позаботилось бы, если бы только то было удобоисполнимо—духовенство, которому приходилось, вслѣдствіе своей состоятельности, расплачиваться своими сокровищами.

При всей своей неразвитости, французскіе аристократы не могли, однакожъ, не понять и не замѣтить всѣхъ вредныхъ для страны, а въ особенности для нихъ самихъ, послѣдствій ея обезлюденія. Потому-то они прибѣгали къ разнымъ средствамъ привлеченія рабочаго люда въ свои помѣстья, и самымъ дѣйствительнымъ оказывалось — распространеніе на крѣпостныхъ своихъ начала наслѣдственности, господствовавшаго въ ленной іерархіи. Потому-то начало временного пользованія землею они принуждены были замѣнить началомъ постояннаго, наслѣдственнаго въ родѣ крѣпостныхъ людей, права пользованія ею. Такимъ образомъ, крестьяне являются, въ силу исторической и экономической необходимости, низшею ступенью въ ленномъ государствѣ.

Немало также этому способствовали частые неурожаи и голодъ. Читая современныхъ лѣтописцевъ, постоянно встрѣчаешь ихъ жалобы на этотъ бичъ средневѣковой Европы и его послѣдствія — чуму и разбои. Желая избѣжать лежавшей на нихъ обязанности—заботиться о пропитаніи своихъ крѣпостныхъ, дворяне французскіе охотно мѣняли ихъ на скотъ, котораго содержаніе, въ голодное время, обходилось дешевле. Одного коня вымѣнивали на трехъ человѣкъ!!! Но такъ-какъ охотниковъ къ подобнымъ сдѣлкамъ оказывалось немного, то дворяне рѣшились освободиться отъ издержекъ пропитанія своихъ людей предоставленіемъ имъ земли въ потомственное владѣніе, съ условіемъ, чтобы они сами себя содержали изъ ея произведеній, и несли всѣ повинности, съ владѣніемъ ея сопряженныя и прежде на нихъ лежавшія. При этомъ, дворяне оставались еще въ выигрышѣ — за ними оставалось право собственности на людей!!

Возстанія крестьянъ противъ ихъ помѣщиковъ, хотя и подавляемыя съ жестокостью, повторялись слишкомъ часто и повсе-

мѣстно. Они не могли не открыть дворянству глазъ на причину ихъ: они были протестомъ угнетенныхъ, невыдержавшихъ давленія сверху. Естественно, что крестьянство, на каждомъ шагу встрѣчая привилегіи дворянства, смотрѣло завистливымъ глазомъ на нихъ, и было въ правѣ требовать отъ него, по крайней мѣрѣ, матеріальнаго обезпеченія своей жизни, т. е.—наслѣдственнаго владѣнія землею, которую оно воздѣлывало въ потѣ лица своего. Дворянство, не столько изъ чувства справедливости и гуманности, сколько изъ разсчета, желая избѣжать потерь, неразлучныхъ съ часто повторяющимися возстаніями, принуждено было уступить.

Мы напрасно стали бы искать общаго закона, въ силу котораго произошло это улучшеніе въ положеніи французскихъ крестьянъ. Оно совершилось путемъ частныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными и, потому, весьма медленно. Начало ему было положено во владѣніяхъ духовенства и новаго королевскаго дома Капетинговъ.

Существенное улучшеніе въ бытѣ французскихъ крестьянъ состояло именно въ томъ, что они перешли изъ servitude въ servage; изъ вещи, которою они были прежде, они стали юридическою помѣсью вещи и личности; получили хотя нѣкоторыя человѣческія права. Конечно, помѣщикъ имѣлъ право ихъ дарить, продавать и т. п., но уже не иначе, какъ съ землею, на которую крестьянинъ и его потомки имѣли право наслѣдственной аренды.

Бросимъ теперь взглядъ на положеніе французскаго крестьянина въ тотъ моментъ феодализма, когда онъ едва успѣлъ стряхнуть съ себя самыя тяжкія крѣпостныя оковы, и составлялъ низшую ступень ленной іерархіи. Начнемъ съ повинностей — этихъ привилегій податного сословія. Онѣ были трехъ родовъ: личныя, вытекавшія изъ личной зависимости; вещественныя, платимыя за пользованіе землею, и ленныя, которыя отправлялись крестьяниномъ, какъ вассаломъ, какъ владѣльцемъ лена, за защиту, предоставляемую ему помѣщикомъ.

Изъ личныхъ, главною была подушная или поголовная подать, которая равнялась 4 денаріямъ въ годъ (женщины платили половину), и подымная (poule de coutume), приносимая на Рождество съ каждаго дыма. Самыми значительными личными повинностями были барщинныя, corvées, но онѣ были строго опредѣлены и не могли быть помѣщикомъ произвольно увеличиваемы, т. е., число ихъ не могло превосходить 12 дней въ году, и изъ числа ихъ никакъ не болѣе 3 дней въ теченіе одного мѣсяца. Въ помѣстьяхъ королевскихъ и духовенства число всѣхъ дней

въ году было отъ 3 до 6, нерѣдко даже 2. Работы состояли въ полевыхъ занятіяхъ, починкахъ зàмковъ, дорогъ, гатей, рытіи рвовъ, и т. п. Работники должны были сами прокармливать себя и свой скотъ во все время сгона.

Изъ вещественныхъ даней, первое мѣсто занимала подать съ земли, champart (campi pars, terræ census). Рѣдко платилась она деньгами; большею частію—произведеніями отъ земли и стадъ, и, притомъ, половиною урожая, чѣмъ объясняется и обычное названіе французскаго арендатора—métayer (medietarius), собственно половинникъ. Но самую тяжелую вещественную повинность составляли такъ-называемые banalités всѣхъ возможныхъ видовъ. Въ силу ихъ, помѣщикъ могъ требовать, чтобы всѣ, на его землѣ поселенныя лица, мололи хлѣбъ на его мельницѣ (moulin banal); ковали на его кузницѣ, пекли хлѣбъ въ его пекарнѣ (four banal), пьянствовали въ его кабакѣ (droit de ban-vin), пріобрѣтали солодъ изъ его складовъ (droit de grute).

Даже случка скотины составляла дворянскую привилегію: во многихъ мѣстахъ были жеребцы, кабаны, быки (taureau banier), обойти которыхъ было небезопасно крестьянину. Самки его конфисковались за подобное пренебреженіе помѣщичьихъ самцовъ, и виновнаго можно было преслѣдовать даже въ чужомъ владѣніи.... Съ этою цѣлью заключались особенные договоры между сосѣдями-владѣльцами. Само собою разумѣется, что названнымъ выше правамъ помѣщика соотвѣтствовала обязанность крестьянъ—платить, за навязанныя имъ и непрошенныя удобства, совершенно произвольно назначенную, нерѣдко очень высокую, плату.

Но самыми тяжелыми повинностями были ленныя, а между ними — военной службы. Постановленія объ ней, въ разныя эпохи феодализма, были неодинаковы. Съ службой этой была, обыкновенно, соединена обязанность охраненія зàмковъ, или защиты пограничныхъ мѣстъ. Не смотря на тяжесть этой повинности, она была, однако, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полезной для сельскаго населенія. Крестьянинъ, утратившій въ теченіе времени право носить оружіе, право, считавшееся, въ средніе вѣка, исключительною принадлежностью свободнаго человѣка, получалъ его обратно. Черезъ эту, повидимому, ребяческую привилегію, уровень его общественнаго положенія возвышался. Онъ дѣлался соучастникомъ военныхъ подвиговъ дворянина. Конечно, онъ сражался пѣшій (драться на конѣ считалось исключительно дворянскою привилегіею), а главное, сражался не за себя и не за свои интересы, въ службѣ чужой. Но, по средневѣковымъ поня-

тіямъ, и этимъ онъ приближался хоть-сколько нибудь къ людямъ, прежде такъ неизмѣримо выше его стоявшимъ.

Кромѣ того, каждый крестьянинъ обязанъ былъ нести чрезвычайныя денежныя субсидіи въ тѣхъ же четырехъ случаяхъ, въ какихъ несъ ихъ всякій вассалъ своему леннику, именно: а) когда послѣдняго слѣдовало выкупать изъ плѣна; б) когда онъ отправлялся ко святымъ мѣстамъ; в) когда старшій сынъ его посвящался въ рыцари, и г) когда старшая дочь его выходила замужъ. Случалось зачастую, что субсидіи эти не ограничивались «старшими» только дѣтьми, но требовались «для всѣхъ». Сумма этого вспомоществованія зависѣла совершенно отъ воли ленника.

Не менѣе тяжелымъ гнетомъ ложилась на крестьянъ обязанность—доставлять, даромъ, помѣщикамъ, его семейству и дворнѣ: помѣщеніе, харчи и напитки, равно кормъ лошадямъ, во время ихъ путешествій. Такъ-какъ крупные владѣльцы не могли фактически воспользоваться этимъ источникомъ дохода со всѣхъ своихъ помѣстій (потому-что имъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, путешествовать круглый годъ), то они предоставляли нѣкоторымъ изъ нихъ откупаться отъ этихъ субсидій. Помѣстья такія назывались gîtes abonnés. Не менѣе произвола представляло droit de prise. Помѣщикъ требовалъ различные съѣстные припасы и даже домашнюю рухлядь, за цѣну имъ самимъ опредѣленную, соединяя съ этимъ требованіемъ оговорку—не домогаться наличной уплаты, но ссужать вытребованное на извѣстный срокъ, чаще всего — навсегда!!

Исключительное и неограниченное право охоты помѣщика на всѣхъ земляхъ, ему принадлежащихъ, было источникомъ безчисленныхъ злоупотребленій, произвола и жестокостей. Охотники и заповѣдная дичь одинаковымъ образомъ опустошали поля крестьянъ, доводя ихъ до отчаянія своими нимвродовскими выходками. Не говоря уже о помѣщикахъ, посылавшихъ толпами нагихъ крестьянъ въ воду выгонять изъ нея дичь, были между ними и такіе, которые на охотѣ зимою отогрѣвали свои дворянскія ноги въ человѣческихъ внутренностяхъ своихъ крестьянъ!...

При переходѣ имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія, покупщикъ обязанъ былъ вносить владѣльцу помѣстья $^1/_{12}$ часть продажной суммы — laudemium, отъ laudatio, соизволеніе помѣщика на продажу.

Но этими повинностями не исчерпывались обязанности крестьянъ. Были еще болѣе тяжелыя, чѣмъ выше поименованныя. Къ нимъ относится обязанность представлять помѣщику, послѣ смерти крестьянина, самую лучшую скотину его, а послѣ кон-

чины крестьянки—лучшее ея платье, le droit de meilleur catel. Но и эта повинность была уже смягченіемъ болѣе тяжелой. Первоначально, никто изъ крѣпостныхъ не имѣлъ права завѣщать что-либо своимъ наслѣдникамъ, и потому рука ихъ считалась юридически мертвою, main morte, не имѣвшею возможности и силы располагать своимъ имуществомъ. Потому-то и встрѣчаемъ собирательное названіе для всѣхъ несвободныхъ — mainmortables. Помѣщики вскорѣ, однако, убѣдились, что пользованіе этимъ правомъ не представляетъ имъ особыхъ выгодъ, потому-что крестьяне, видя невозможность передавать плоды своихъ трудовъ потомкамъ, перестали заботиться объ улучшеніи имущества, переходившаго, послѣ смерти ихъ, въ ненавистныя имъ руки. Потому-то дворяне отказались отъ права на все наслѣдство, предоставивъ его роднымъ умершаго крестьянина, и оставивъ за собою только самый лакомый кусокъ въ видѣ droit de meilleur catel, который они исторгали у семейства въ ту именно минуту, когда оно лишалось главы, а часто и средствъ пропитанія.

Самою тяжелою, ненавистною и возмутительною обязанностью была необходимость—испрашивать разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, которое за-частую пріобрѣталось цѣной права первой ночи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи (напр., въ Гвіэннѣ и Беарнѣ), цинизмъ простирался даже до того, что молодой обязанъ былъ лично приводить помѣщику молодую для воспользованія этимъ правомъ! Какъ бы въ вознагражденіе за то, въ этихъ же провинціяхъ существовалъ обычай, по которому всѣ первенцы крестьянокъ рождались свободными!!! Предполагалось, что въ жилахъ ихъ течетъ благородная кровь. Замѣчательно, что владѣльцы изъ духовныхъ были самыми ярыми поборниками права первой ночи, и отстаивали эту привилегію свою еще въ XVI вѣкѣ, in natura, или въ видѣ денежнаго выкупа за отказъ отъ нея.

Таковъ перечень существеннѣйшихъ (далеко не всѣхъ!) повинностей и обязанностей французскаго крестьянина этой эпохи, цѣною которыхъ онъ изъ безправнаго крѣпостного дѣлался наслѣдственнымъ арендаторомъ, крѣпкимъ землѣ!! Изъ этого *улучшеннаго* быта его мы можемъ заключить, въ какомъ отчаянномъ положеніи находился онъ въ прежнее время. Воображеніе человѣка XIX столѣтія отказывается представить себѣ образъ ближняго, эксплуатируемаго подобнымъ своекорыстіемъ.

Крестьянское сословіе во Франціи не мало было обязано улучшеніемъ своего быта крестовымъ походамъ, усилившимъ королевскую власть, посредствомъ удаленія самой буйной части

дворянства въ Палестину. Кромѣ того, духовенство въ этотъ періодъ поняло правильнѣе роль свою относительно меньшой братіи своей. Изъ притѣснителя, какимъ оно было прежде, оно дѣлается защитникомъ угнетенныхъ. Оно теперь не только человѣчнѣе обращается съ своими крестьянами, не только старается объ улучшеніи ихъ быта, но и пользуется своимъ мощнымъ вліяніемъ на дворянъ, чтобы облегчить участь крестьянъ послѣднихъ. Большая часть освобожденій ихъ совершилась при посредствѣ духовенства, побуждавшаго сильныхъ міра сего, «для души спасенія», на смертномъ одрѣ, или въ минуты раскаянія, давать волю крестьянамъ. Если духовенству не удавалось достигнуть этого даромъ, тогда оно старалось устроить это освобожденіе за возможно легкій выкупъ. Дарованіе свободы совершалось чаще всего въ храмахъ, въ присутствіи священниковъ, черезъ что̀ церковь какъ будто принимала освобождаемыхъ подъ свою защиту и покровительство.

Собираясь въ далекій и опасный путь на востокъ, дворяне готовились къ смерти, и потому передъ отправленіемъ въ Палестину сердце ихъ смягчалось, было доступнѣе голосу справедливости и увѣщаніямъ духовниковъ. Этими минутами христіанскаго настроенія дворянъ пользовались послѣдніе, чтобы облегчить тяжелое положеніе крестьянина снисканіемъ для него льготъ. Обстоятельства помогали духовенству въ его благихъ намѣреніяхъ. Рыцарь, отправлявшійся въ крестовый походъ, оставлялъ въ своемъ за̀мкѣ семейство посреди крестьянскаго населенія. Естественно, что онъ старался объ обезпеченіи жены и дѣтей во время своего отсутствія, а оно достигалось только путемъ человѣческихъ, а не феодальныхъ и сословныхъ отношеній. Предоставивши крестьянамъ нѣкоторыя облегченія, онъ могъ разсчитывать на расположеніе ихъ къ оставляемому, посреди ихъ, семейству.

Но едвали не сильнѣе побуждалъ ихъ къ этимъ уступкамъ матеріальный интересъ: при всеобщемъ воодушевленіи, охватившемъ всѣ слои средневѣкового общества—освободить гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, каждый могъ отправляться въ Палестину; передъ этимъ желаніемъ умолкали всѣ права! Никто не имѣлъ силы воспрепятствовать своимъ подвластнымъ отправиться въ крестовый походъ. Сотни тысячъ крестоносцевъ, во время первыхъ двухъ походовъ, состояли изъ крѣпостныхъ, помимо воли помѣщиковъ ставшихъ подъ знамена, въ надеждѣ подъ сѣнью ихъ обрести облегченіе своей горькой доли. Понятно, что помѣщикамъ, при этомъ положеніи дѣлъ, предстояло только два пути: пытаться силою удержать своихъ крестьянъ на мѣ-

стахъ, что было невозможно; или же отклонить отъ ихъ намѣренія предоставленіемъ имъ разныхъ облегченій. Какъ люди разсчетливые, они рѣшились на послѣднее, какъ на единственное средство сохранить рабочія руки въ своихъ помѣстьяхъ.

Къ этому присоединились еще денежныя затрудненія крестоносцевъ, продававшихъ или закладывавшихъ свои имѣнія, для пріобрѣтенія звонкой монеты, необходимой въ походѣ. Это былъ удобный случай для крестьянъ выкупиться, или пріобрѣсти за деньги разныя льготы. Возвращавшіеся на родину рыцари, познакомившись на востокѣ съ разными новыми потребностями, нуждались для удовлетворенія ихъ опять въ деньгахъ, которыя добывались такимъ же путемъ уступокъ, или выкупа на волю крестьянъ.

Духовенство, также ссужавшее подъ залогъ дворянскихъ имѣній деньги, явилось, современемъ, обладателемъ значительнаго ихъ числа, и сейчасъ же занялось улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, понимая лучше дворянъ, что съ этимъ непосредственно находится въ связи и доходность имѣній.

Во время крестовыхъ походовъ возникаетъ множество городовъ, которыхъ общины, хотя и не достигшія никогда значенія итальянскихъ и нѣмецкихъ, оказывали, однако, мощное вліяніе на жителей окрестныхъ деревень, своею относительною свободою. Хотя французская знать, давая городамъ привилегіи, оговаривала въ нихъ, что городскія общины не имѣютъ права принимать, или укрывать у себя бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ,— однако, оговорки эти рѣдко исполнялись. И тутъ необходимо было на столько улучшить положеніе послѣднихъ, чтобы имъ не было повода искать спасенія внутри городскихъ стѣнъ.

Подъ вліяніемъ указанныхъ выше обстоятельствъ, въ теченіе XII и XIII вѣковъ, на цѣлой территоріи Франціи осталось очень немного крѣпостныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы увольненія, о которыхъ была выше рѣчь, дѣлали крестьянъ свободными въ современномъ смыслѣ. Слѣдствіемъ ихъ было только *относительное* улучшеніе ихъ положенія; облегченіе только самыхъ тяжелыхъ и возмутительныхъ обязанностей, спеціально обозначенныхъ въ отпускной; остальныя крестьянинъ обязанъ былъ нести по-прежнему. Нерѣдко, онѣ обращались въ разъ на всегда опредѣленныя отношенія въ такъ-называемомъ abonnement de taille [1]). Такія повинности были часто совершенно безполезны для по-

---

[1]) Слово taille производятъ отъ нарѣзокъ на деревѣ, слѣдовательно, отъ бирокъ, служившихъ для обѣихъ неграмотныхъ сторонъ разсчетными квитанціями.

мѣщика, многія изъ нихъ просто забавны, и, не смотря на это, все-таки онѣ удержались до XVIII вѣка, какъ напоминаніе о прежней зависимости и другихъ, гораздо болѣе тяжкихъ обязанностяхъ.

Увольненія, рѣдко бывшія совершенно полными, образовали особенный классъ людей полусвободныхъ, представлявшихъ нѣсколько ступеней. На самой низшей стояли colliberti, которыхъ, подобно крѣпостнымъ, можно было продавать, мѣнять, дарить и т. п. Положеніе ихъ соотвѣтствовало положенію франкскихъ колоновъ. Ступенью выше стояли hospites — не крѣпкіе землѣ и хотя свободные отъ многихъ обязанностей предшествующаго класса, но за-то не имѣвшіе наслѣдственнаго права на земли. Отношеніе ихъ къ помѣщику было основано на началахъ взаимности: первые могли оставить его помѣстье когда имъ вздумается, равно какъ и послѣдній могъ согнать этихъ hospites, когда ему заблагоразсудится. Еще свободнѣе были homines de suis manibus — отпущенные на волю, обязанные только нѣкоторыми барщинными работами.

Такъ такъ увольненія распространялись, большей частью, на цѣлыя деревни, то тѣ изъ нихъ, которыя пріобрѣли свободу путемъ выкупа, формулировали, обыкновенно, свои новыя отношенія къ помѣщику въ особенномъ увольнительномъ актѣ—charte d'affranchissement, или coutumes. Особенно важными статьями ихъ были права нѣкоторыхъ выкупившихся деревень—принимать къ себѣ постороннихъ крестьянъ, на которыхъ прежній помѣщикъ терялъ право послѣ пребыванія ихъ, въ теченіе извѣстнаго времени, въ такой деревнѣ; затѣмъ, право пользоваться лѣсомъ, пастбищемъ, право рыбной ловли (все это даромъ, или за незначительную повинность), а главное, улучшеніе суда и расправы. Правда, управленіе и судъ долго еще оставались въ патримоніальной формѣ. Начальникомъ деревни состоялъ, приставленный отъ помѣщика, мэръ (major, villicus), прежде помѣщичій староста надъ крѣпостными, а теперь сборщикъ помѣщичьихъ податей, исполнитель судебныхъ приговоровъ и, зачастую, предсѣдательствующій въ сельскомъ судѣ. Съ теченіемъ времени, и эти мэры, прежде сами крѣпостные, съумѣли сдѣлать должность свою наслѣдственною въ родѣ и затѣмъ перейти къ злоупотребленію ею. Потому, для крестьянъ было немаловажнымъ улучшеніемъ право, выговариваемое ими въ упомянутыхъ выше увольнительныхъ граматахъ—выбирать изъ своей среды засѣдателей мѣстнаго суда (scabini). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ помѣщики (особенно изъ духовныхъ) разрѣшали крестьянамъ избирать не только самихъ мэровъ, но даже такъ-называемыхъ jurats,

присяжныхъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ общественнаго сельскаго правленія.

До исхода XIII столѣтія, освобожденіе рѣдко распространялось на цѣлыя помѣстья. Причины этого явленія слѣдуетъ искать въ ленномъ законѣ, опредѣлявшемъ, что на уменьшеніе территоріальнаго и движимаго владѣнія каждаго вассала слѣдуетъ испрашивать разрѣшеніе не только непосредственно надъ нимъ стоявшаго ленника, но и всѣхъ выше его стоявшихъ, доходя до сузерена (короля). Освобожденный непосредственнымъ своимъ ленникомъ крестьянинъ, безъ согласія всѣхъ членовъ высшей ленной іерархіи, освобождался только отъ непосредственной зависимости его уволившаго, но оставался во власти остальныхъ. А такъ какъ послѣдніе рѣдко давали на это согласіе безъ денежнаго выкупа, и, кромѣ того, постоянно находились въ ссорахъ съ своими вассалами, то не трудно понять, съ какими затрудненіями сопряжено было увольненіе неимущихъ крестьянъ.

Потому-то, примѣненіе, совершившееся во французской ленной монархіи въ теченіе XIII вѣка, было значительнымъ шагомъ впередъ къ расширенію увольненій крестьянъ. Извѣстно, что, въ теченіе этого столѣтія, многіе крупные роды коренныхъ вассаловъ вымерли и помѣстья ихъ перешли къ Капетингамъ, которые, кромѣ того, разными другими средствами — куплей, войною, договорами, успѣли присоединить къ своимъ владѣніямъ почти половину тогдашней Франціи. Понятно, что этимъ способомъ сокращалась значительно ленная лѣстница, а при увольненіи — на столько же уменьшались и препятствія, прежде существовавшія, тѣмъ болѣе, что вольная получалась отъ лица, всегда дававшаго ее съ наименьшими затрудненіями, т. е. отъ короля. Короли французскіе, убѣдившись въ пользѣ, которую приносило ихъ интересамъ развитіе самостоятельнаго городского сословія, въ борьбѣ ихъ съ дворянствомъ и духовенствомъ, съ полною готовностью и, большею частью, даромъ, освобождали сельское населеніе, ожидая отъ него услугъ.

Филиппъ II - Августъ придумалъ еще средство, непосредственно ведшее къ этой же цѣли. При немъ является обычай, что *каждый* городъ, имѣющій общественное устройство, освобождается отъ всякого подданства лицу, которому онъ принадлежалъ, и подчиняется непосредственно королю. Тутъ не принималось въ соображеніе даже обстоятельства, что это общественное устройство могло быть даровано городу этимъ самымъ владѣльцемъ, отъ котораго онъ отнимался. Капетинги пошли далѣе по этому пути — они присвоили себѣ право возводить всѣхъ въ гражданъ на пространствѣ цѣлой Франціи, и притомъ гражданъ двоякого

рода: дѣйствительныхъ — bourgeois réel, обитателей какого-нибудь города, и фиктивныхъ — личныхъ, bourgeois personnel, bourgeois du roi. Для того, чтобы сдѣлаться послѣднимъ, было достаточно принести присягу въ отказѣ отъ своего прежняго владѣльца, и заявить желаніе приписаться въ «граждане короля» любого города, съ обязательствомъ вносить ежегодную подать. Такимъ образомъ, можно было обойти требовавшееся прежде *дѣйствительное* вступленіе въ число гражданъ извѣстнаго города и достаточно было одного заявленія въ пользу короля. Привилегіи отдѣляются отъ мѣстностей, и переходятъ на лица.

При принесеніи упомянутой присяги дѣлалась, правда, оговорка, что отношенія къ непосредственному владѣльцу отъ этого не измѣняются. Но это былъ пустой формализмъ! Жалобы этихъ владѣльцевъ на выходъ ихъ подданныхъ изъ-подъ ихъ власти оставлялись королевскими чиновниками, въ большей части случаевъ, безъ послѣдствій.

Филиппу IV (Красивому) принадлежитъ заслуга первой попытки освобожденія крестьянъ en masse, въ цѣлыхъ помѣстьяхъ, графствахъ и провинціяхъ, принадлежащихъ коронѣ. Побудительною причиною ея былъ, однако, болѣе денежный разсчетъ, чѣмъ чувство справедливости и гуманности. Этой же политики держался и сынъ его — Людовикъ X. Ей же, мало по-малу, слѣдовали и другіе крупные владѣльцы, но, вообще, они не спѣшили этимъ освобожденіемъ. Сильною союзницею послѣдняго является «черная смерть», та страшная зараза, которая столько разъ опустошала Европу съ конца XIV вѣка. Вслѣдствіе страшнаго процента смертности, скоро оказался большой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и помѣщики, желая удержать ихъ на мѣстахъ, принуждены были дѣлать крестьянамъ значительныя облегченія и уступки. Такъ какъ дворянство при этомъ сдѣлало неожиданное для него открытіе, что улучшеніе быта крестьянъ очень выгодно и для него, то нѣтъ повода сомнѣваться, что дѣло освобожденія приняло бы широкіе размѣры, но, къ несчастію, оно было пріостановлено крестьянскимъ возстаніемъ, jacquerie (1358).

Въ то самое время, когда граждане Парижа, подъ предводительствомъ Стефана Марселя, воспользовались униженіемъ дворянства (послѣ разгрома его у Пуатье (1356), гдѣ оно обратилось въ позорное бѣгство) и слабостью короля, чтобы захватить власть въ свои руки — крестьяне, выведенные изъ терпѣнія угнетеніями и непомѣрными сборами на выкупъ огромнаго ко-

личества дворянъ, попавшихъ въ этомъ сраженіи въ плѣнъ къ англичанамъ, восстали противъ своихъ притѣснителей.

Въ короткое время движеніе охватило весь сѣверъ Франціи. Цѣлью его было — уничтоженіе дворянъ. Болѣе двухъ сотъ зàмковъ были взяты и сравнены съ землею. Обитатели ихъ погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Превосходство вооруженія и навыкъ къ войнѣ дворянъ положили вскорѣ предѣлъ этимъ неистовствамъ черни, уступившимъ мѣсто новымъ, начавшимся уже со стороны дворянъ. Болѣе 20,000 крестьянъ были избиты дворянами въ теченіе 10 дней!!...

Упоенные побѣдой, руководимые только чувствомъ мести, они стали угнетать народъ еще сильнѣе прежняго. Этотъ поворотъ къ старому отодвинулъ на 150 лѣтъ освобожденіе крестьянъ въ большей части Франціи. Мы разумѣемъ здѣсь, однако, подъ словомъ «освобожденіе», одно уменьшеніе бремени, лежавшаго на крестьянахъ, которое до XIII вѣка снималось, какъ мы видѣли выше, съ отдѣльныхъ крестьянъ, семействъ и деревень, посредствомъ опредѣленнаго денежнаго взноса. Такого рода освобожденіе, а не освобожденіе въ смыслѣ XIX вѣка и римскаго права; стало теперь совершаться въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, въ періодъ крестовыхъ походовъ — въ малыхъ. Только немногимъ деревнямъ удавалось *вполнѣ* откупиться; остальныя должны были нести большую часть исчисленныхъ выше повинностей, освобождаясь только отъ самыхъ вопіющихъ и возмутительныхъ. Но и эти увольненія не были повсемѣстны во Франціи. Наканунѣ 1789 г., мы видимъ еще въ нѣкоторыхъ ея провинціяхъ (Шампаніи, Франшъ-Конте, Бурбоннэ) господство ничѣмъ не смягченной личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Съ развитіемъ и упроченіемъ королевской власти, она, хотя и не рѣшалась вдругъ приступить къ широкому ограниченію дворянскихъ привилегій относительно крестьянъ, но все-таки сдѣлала попытку устранить нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе всего вопіющія злоупотребленія. Сюда относятся: ограниченіе права охоты, droit de prise—слабо прикрытаго права грабежа; права на охраненіе, вызывавшаго столкновенія между помѣщиками и ихъ крестьянами, грозившія породить новыя крестьянскія войны.

Учрежденіемъ, въ теченіе XV вѣка, парламентовъ (судебныхъ палатъ) во всѣхъ частяхъ Франціи, крестьянинъ тоже получилъ возможность искать защиты отъ произвола помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что эти судебныя учрежденія отличались безпристрастіемъ и строгостью очень непріятною и чувствительною для послѣднихъ.

Въ этомъ состояніи полусвободы находилось большинство французскихъ крестьянъ съ начала XVI до исхода XVIII столѣтія.

Короли, захвативъ единодержавіе въ свои руки, не нуждались больше въ помощи крестьянъ противъ строптиваго дворянства и властолюбиваго духовенства, и потому оставались равнодушными къ судьбѣ сельскаго населенія. Этому не мало еще способствовало то обстоятельство, что правители Франціи заняты были въ это время, по преимуществу, внѣшними войнами. Внутреннія усобицы и религіозныя распри были дворянамъ наруку: они пользовались этими безпорядками, для того, чтобы подкопать юридическія ограды, которыми королевская власть такъ недавно успѣла нѣсколько оградить крестьянское сословіе. Поэтому, слабые слѣды королевскаго участія въ этотъ періодъ сводятся на защиту тѣхъ правъ, которыми крестьяне пользовались съ начала XVI вѣка; слѣдовательно, участіе это имѣло болѣе страдательный, чѣмъ дѣйствительный характеръ.

Если религіозныя войны были вызваны нетерпимостью духовенства, то продолжительность ихъ падаетъ на отвѣтственность дворянства. Оно хорошо понимало, что лучшимъ средствомъ возвратить утраченныя привилегіи было — поддержаніе въ странѣ анархіи, во время которой королевская власть была безсильна. Это явствуетъ не только изъ свидѣтельства безпристрастныхъ современниковъ, но и изъ характера крестьянскихъ возстаній той эпохи. Возстанія такъ-называемыхъ Gauthiers въ Нормандіи (1586), Croquants въ Перигорѣ, Кэрси и Лимузенѣ (1593), не носили на себѣ и слѣда религіознаго характера, а были просто вызваны дворянскими притѣсненіями.

Попытки Генриха IV, Сюлли и Ришельё обуздать дворянство, и стараніе ихъ поднять сельское населеніе—не имѣли прочныхъ послѣдствій. Причины этой неудачи слѣдуетъ искать не столько во внутреннихъ усобицахъ при Людовикѣ XIII, въ безпорядкахъ, порожденныхъ Фрондой, сколько въ характерѣ Людовика XIV и его полувѣковаго царствованія. Простирая свою ревность къ власти до маніи, этотъ вѣнчанный хищникъ, занятый постоянно внѣшними войнами, не могъ, вслѣдствіе недостаточнаго воспитанія, подняться на высоту безпристрастнаго властителя большого государства, и былъ, въ полномъ смыслѣ, дворянскимъ королемъ. Пренебреженіе его къ другимъ сословіямъ народа выразилось лучше всего въ его знаменитомъ эдиктѣ (1679) о поединкахъ, въ которомъ онъ всѣ недворянскіе классы народа называетъ «подлыми»; изъ этого одного уже можно легко заключить, что взглядъ его на крестьянъ не различествовалъ

ничѣмъ отъ взгляда на нихъ его вельможъ. Не сознавая важности этого сословія въ государствѣ, Людовикъ XIV и не помышлялъ о томъ, чтобы принять его подъ свою защиту.

Въ какомъ положеніи оно находилось въ его царствованіе, лучше всего можно видѣть изъ книги современника, впослѣдствіи знаменитаго проповѣдника Флешье: Mémoires sur les grands jours d'Auvergne (1665), исполненной животрепещущаго интереса. Именемъ этимъ назывались суды, посылаемые, по временамъ, въ разныя провинціи Франціи, составленные изъ членовъ парламентовъ и иныхъ юристовъ, съ цѣлью положить предѣлъ злоупотребленіямъ высокорожденныхъ притѣснителей простого народа. Вслѣдствіе неотступныхъ настояній Кольберта, Людовикъ XIV, наконецъ, рѣшился нарядить такіе подвижные суды въ Овернь, Бурбоннэ, Ниверну и пограничныя имъ провинціи. Достаточно было одного слуха о ихъ приближеніи, чтобы заставить большинство мѣстныхъ дворянъ искать спасенія въ бѣгствѣ отъ кары, которую они считали заслуженною, и которая готова была разразиться надъ ихъ преступными головами. Чтобы представить себѣ весь ужасъ совершенныхъ ими злодѣйствъ, намъ достаточно узнать, что, «въ одно засѣданіе» этихъ grands jours, произнесено было «пятьдесятъ три» смертныхъ приговора! Дѣйствительной пользы, которую можно было ожидать отъ этой, болѣе чѣмъ справедливой строгости суда, не было, впрочемъ, никакой. Приговоры были исполнены только en effigie (надъ куклами), а сами преступники, черезъ своихъ придворныхъ родныхъ и вліятельныхъ друзей, успѣли получить монаршее помилованіе!! Народъ стоналъ по прежнему. Это видно изъ того, что черезъ два года послѣ этихъ grands jours d'Auvergne, крестьяне этой провинціи опять умоляли Людовика XIV о защитѣ отъ изувѣрствъ дворянъ.

Понятно, что нѣсколько мѣропріятій Кольберта въ пользу крестьянъ не могли уравновѣсить вреда, причиненнаго цѣлой системой, основанной на привилегіяхъ съ одной стороны, и притѣсненіяхъ съ другой. Притомъ, и самого Кольберта можно упрекнуть въ нѣкоторой долѣ зла, испытаннаго французскими крестьянами отъ его распоряженій и ограниченій относительно хлѣбной торговли. Присоединивъ къ этому тяжелымъ гнетомъ на сельскомъ хозяйствѣ лежавшую податную систему, безпрестанныя и несчастныя войны, расточительность короля [1]) и двора, безсмысленнѣйшія постройки, и вспомнивъ, что все это должно

[1]) Людовикъ XIV, умирая, оставилъ долгу 3,081 милліонъ франковъ по теперешнему счету!!!

было платить своею кровью и потомъ французское крестьянство, не трудно составить себѣ понятіе, въ какомъ положеніи оно должно было находиться! Отмѣна Нантскаго эдикта не замедлила тоже сказаться на несчастной странѣ. Самая образованная, трудолюбивая, богатая часть французскаго общества потеряна была для своей родины.

Сельское населеніе Франціи не успѣло еще оправиться, во второй четверти XVIII вѣка, подъ разумнымъ и гуманнымъ управленіемъ Флёри, какъ Людовикъ XV, своимъ участіемъ въ Семилѣтней войнѣ, своею безграничною расточительностью, своими дворцовыми сатурналіями, довелъ сельское населеніе Франціи снова до отчаянія.

Для того, чтобы легче понять послѣдующія явленія въ исторіи французскихъ крестьянъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на положеніе ихъ въ началѣ царствованія Людовика XVI, наканунѣ готоваго совершиться мирового переворота.

Общераспространенное мнѣніе, будто бы до 1789 г. во Франціи существовало только крупное землевладѣніе, — основано на грубой ошибкѣ, пущенной въ ходъ ораторами Національнаго собранія и Конвента, и на совершенномъ незнаніи статистическихъ данныхъ современниками. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, до переворота 1789 г., третья часть территоріи Франціи принадлежала мелкимъ землевладѣльцамъ, пріобрѣвшимъ ее, съ XV вѣка, отъ дворянъ, постепенно разорявшихся въ военной и придворной службѣ. Но изъ этого еще нельзя выводить заключенія, что эти мелкіе землевладѣльцы были свободными собственниками. Крестьянинъ, покупая клокъ земли у своего помѣщика, оставался въ личной отъ него зависимости, несъ по прежнему всѣ ленныя обязанности, исключая champarts [1]. Французскій дворянинъ охотно продавалъ, въ минуту денежной невзгоды, часть своей недвижимой собственности, но его не легко было уговорить продать волю подвластному крестьянину.

Потому-то судьба этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ почти ничѣмъ не отличалась отъ судьбы арендаторовъ. Даже современные французскіе писатели смѣшивали оба класса, и это объясняется тѣмъ, что первые были тоже арендаторами. Ничтожный клокъ земли не могъ пропитать семейства. Кто изъ этихъ крестьянъ-собственниковъ не могъ пріобрѣсти средствъ заработками на сторонѣ, принужденъ былъ принанимать еще кусокъ земли для того, чтобы существовать.

Изъ остальныхъ двухъ третей французской территоріи, при-

---

[1]) См. выше, стр. 211.

надлежавшихъ дворянству и духовенству, какъ крупнымъ собственникамъ, восьмую часть нанимали барышники большими пространствами и, разбивъ ихъ на мелкіе участки, сдавали ихъ крестьянамъ, нанимавшимъ и остальныя семь восьмыхъ, чаще всего на правахъ половничества, иногда по системѣ третьяка. Для сравненія, слѣдуетъ здѣсь указать, что въ то же время въ Англіи четвертая часть валового дохода считалась уже высокою наемною платою и, нерѣдко, ограничивалась только шестою. Притомъ, англійскій землевладѣлецъ платилъ еще разныя десятины и подать въ пользу бѣдныхъ, между тѣмъ, какъ французскій арендаторъ несъ самъ всѣ высокія государственныя и церковныя подати и повинности, и, кромѣ того, на каждомъ шагу своей дѣятельности былъ стѣсняемъ патримоніальными правами землевладѣльца. Разнообразнѣйшіе виды барщины и banalités всѣхъ возможныхъ родовъ служили предлогами къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ. Право исключительной охоты и строгіе законы, его защищавшіе, доводили бѣдный народъ до отчаянія. Крестьянину запрещалось въ извѣстное время пахать, полоть, косить сѣно, даже ходить по своимъ полямъ, чтобы не спугнуть куропатокъ, или не разбить ихъ яицъ. Дикіе кабаны имѣли право безпрепятственно взрывать поля поселянъ. Горе тому крестьнину, который, защищая свое поле, и тѣмъ самымъ существованіе своего семейства, отъ этого неумытаго рыла, осмѣлился посягнуть на него!! Галеры ожидали неминуемо подобнаго смѣльчака!

Можно ли послѣ этого удивляться, что злоба накипѣла въ сердцахъ угнетеннаго народа противъ привилегированныхъ притѣснителей? Можно ли сѣтовать на него за то, что, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ возсталъ противъ нихъ и лживаго государственнаго строя, и устремился къ одной цѣли — къ его ниспроверженію? Одна только Вандея представляетъ исключеніе въ этомъ общемъ движеніи. Но это объясняется патріархальными отношеніями дворянства ея къ сельскому населенію. Вандейскіе помѣщики не прельщались блескомъ французской придворной жизни, и не гнушались простого народа. Они жили съ нимъ за одно, дѣлили его радости и горе, и когда пробилъ урочный часъ, долженствовавшій положить предѣлъ вѣковымъ неправдамъ, крестьяне Вандеи не поняли совершавшагося вокругъ ихъ движенія потому, что не понимали, по своему исключительному положенію, причинъ, вызвавшихъ его въ остальной Франціи. Геройскимъ самоотверженіемъ заплатили они свой долгъ дворянству, въ дни, получившіе такую печальную извѣстность, подъ именемъ вандейскаго возстанія (1793).

Необходимость въ улучшеніи быта крестьянъ была, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя такъ очевидна, что не скрылась даже отъ взоровъ мало дальновиднаго, плохо образованнаго, нерѣшительнаго, хотя и добраго сердцемъ, Людовика XVI. Казалось, что само Провидѣніе посылаетъ ему помощника для этого дѣла въ лицѣ благороднаго и образованнаго Тюргò, знавшаго превосходно сельскій бытъ Франціи, притомъ человѣка въ высшей степени честнаго и любившаго народъ. Онъ поставилъ себѣ задачей: освободить во владѣніяхъ короля не только поселянина, но и землю, отъ феодальныхъ путъ, и выкупить обусловленныя ими обязательства въ помѣстьяхъ дворянства и духовенства.

Первымъ шагомъ на этомъ пути, было уничтоженіе такъ-называемой королевской, или государственной барщины, состоявшей преимущественно въ подводной (для военныхъ цѣлей и доставки провіанта) и дорожной повинностяхъ. Всѣ эти повинности были очень обременительны для простого народа уже сами по себѣ, и дѣлались еще тяжелѣе черезъ многочисленныя злоупотребленія, съ взиманіемъ ихъ сопряженныя. Тюргò, зная, что подобныя мѣры вызовутъ сопротивленіе со стороны привилегированныхъ классовъ, и желая его обезоружить указаніемъ невыгодъ старой системы и удобствъ новой, предпослалъ эдикту un exposé des motifs, въ которомъ сказался его высокій государственный взглядъ на предметъ, не всѣми еще усвоенный даже во второй половинѣ XIX вѣка. Въ этомъ exposé онъ указывалъ, что человѣкъ, работающій по принужденію и безъ платы, работаетъ всегда хуже и медленнѣе, въ тотъ же самый періодъ времени, чѣмъ человѣкъ, получающій плату. Къ этому еще присоединяется трата времени на проходъ, или проѣздъ, нерѣдко значительный и единственный капиталъ рабочаго, безъ малѣйшей пользы для государства или помѣщика. Самое распредѣленіе и обученіе работѣ толпы, трудящейся неохотно и безъ знанія дѣла, требуетъ тоже не мало времени, уменьшая тѣмъ самымъ достоинство работы. Потому-то, обязательныя работы обходятся обыкновенно въ два, въ три-дорога, въ сравненіи съ трудомъ за плату. Послѣдній, при дорожной повинности, представляетъ еще то преимущество, что подрядчикъ старается исправить малѣйшее поврежденіе, потому-что оно обходится дешевле, тогда какъ починка дорогъ сгономъ барщинныхъ крестьянъ производится, обыкновенно, тогда уже, когда онѣ находятся въ такомъ положеніи, что починка ихъ равняется постройкѣ за-ново. Отъ этого страдаетъ и публика, и обязанные исправлять дорожную повинность. Принявъ еще во вниманіе, что самый рачи-

тельный контроль не въ силахъ защитить барщиннаго работника отъ произвола и притѣсненій мелкихъ чиновниковъ, нельзя не сознаться, что невозможно сдѣлать справедливую оцѣнку того, во что̀ обходится народу, и притомъ бѣднѣйшей части его, обязательная работа.

Не смотря на то, что предложеніе Тюрго—замѣнить дорожную барщинную повинность очень умѣренною денежною податью, распредѣленною на всѣхъ землевладѣльцевъ, не было нововведеніемъ въ строгомъ смыслѣ (въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и въ королевскихъ помѣстьяхъ она существовала уже и прежде), проектъ этотъ вызвалъ цѣлый взрывъ негодованія, посреди дворянства и духовенства, противъ дерзкаго, осмѣлившагося посягнуть на учрежденіе (вѣрнѣе — злоупотребленіе), существовавшее столько вѣковъ. Къ несчастію, возстановленные Людовикомъ XVI парламенты оказались сильной опорой привилегированнымъ классамъ. Прежде — защитники угнетенныхъ, теперь они выродились и стали защитниками всего существующаго, и противниками всякаго нововведенія. Парижскій парламентъ не устыдился представить Людовику XVI, что дворянство обязано служить государству только мечомъ и совѣтомъ, духовенство — молитвами, а мѣщане и крестьяне обязаны нести всѣ остальныя повинности!! Парламентъ этотъ увѣрялъ даже короля, что уничтоженіе обязательной работы поведетъ неминуемо къ возстанію!! Брошюра Бонсерфа (Les inconvéniants des droits féodaux), друга и помощника Тюрго, очень умѣренная и предлагавшая «выкупъ» (не даровое уничтоженіе) феодальныхъ правъ, была, по приговору парижскаго парламента, сожжена рукою палача, какъ сочиненіе, ведущее къ возмущенію, а авторъ спасся отъ преслѣдованія только заступничествомъ короля.

Правда, Людовикъ XVI имѣлъ столько мужества и сознанія своего достоинства, что поборолъ это сопротивленіе парламента, но это было послѣднее его усиліе. Черезъ два мѣсяца уволенъ былъ Тюрго, а черезъ пять — послѣдовала отмѣна эдикта объ уничтоженіи барщинныхъ работъ, вслѣдствіе представленій парламента.

Черезъ три года, Людовикъ XVI дѣлаетъ, однако, опять шагъ по указанному ему Тюрго̀ пути. Онъ уничтожаетъ (1779), въ королевскихъ помѣстьяхъ, личную и вещественную зависимость, полагая, что крупные собственники послѣдуютъ его примѣру; къ несчастію, онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ!

Какой выходъ оставался французскому народу изъ этого отчаяннаго положенія? Ихъ было два: реформа и революція. Первая была невозможна, вслѣдствіе слабохарактерности короля, его

политической близорукости, и неуступчивости привилегированныхъ классовъ. Его принудили обратиться къ крайнему средству— къ государственному перевороту, къ ultima ratio populorum.

Революція 1789 г., провозгласивъ доселѣ угнетенныхъ крестьянъ совершенно свободными, сдѣлала ихъ и собственниками, хотя невездѣ. Когда, не видя вскорѣ затѣмъ благихъ послѣдствій этого надѣленія сельскаго населенія недвижимымъ имуществомъ, многіе стали удивляться такому явленію, они упустили изъ виду, что иныхъ результатовъ и ожидать было невозможно. Революціи, въ большей части случаевъ, ограничиваются только уничтоженіемъ существовавшихъ злоупотребленій, не имѣя силы создать что-либо прочное. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы немногимъ истиннымъ патріотамъ французскаго Національнаго собранія удалось провести свои предложенія путемъ реформы и закона, еслибы имъ въ этомъ не помѣшала ослѣпленная часть дворянства, тогда надѣленіе крестьянъ землею имѣло бы другія послѣдствія. Еслибъ высшее общество французское меньше хвастало своимъ псевдолиберализмомъ и атеизмомъ, не выходившимъ за предѣлы салоновъ, какъ предметъ моды и роскоши, пользоваться которымъ въ правѣ, по его мнѣнію, только привилегированные классы; еслибъ оно проявляло въ жизни и дѣйствіяхъ своихъ больше справедливости и человѣчности, тогда ему удалось бы предотвратить много вызванныхъ его дѣйствіями злодѣйствъ. Достаточно было бы части той готовности, съ которою дворянство и духовенство, въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 г., пожертвовало своими привилегіями, чтобы успокоить умы. Но теперь это уже было поздно! 4-му августу предшествовало взятіе штурмомъ Бастиліи; народъ созналъ свою силу; онъ проливалъ уже кровь, и всѣ животные инстинкты, не сдерживаемые образованіемъ, въ которомъ привилегированные классы столько вѣковъ ему отказывали, проявились наружу. Потока остановить уже не было возможности!

Національное собраніе, въ памятную «варѳоломѣевскую ночь собственности и злоупотребленій», положило даровое уничтоженіе не всѣхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ, и сдѣлало справедливое различіе между тѣми, которыя были послѣдствіемъ феодальныхъ и крѣпостныхъ отношеній, и такими, которыя были законнымъ достояніемъ владѣльца собственности, предоставляющаго ее другому лицу, вытекавшими изъ свободнаго договора между равноправными лицами. Первыя, безъ околичностей, были уничтожены; послѣднія предполагалось выкупать. Но вскорѣ, иные элементы одержали верхъ надъ Національнымъ собраніемъ, и междоусобица возгорѣлась. Война, первоначально на-

чатая противъ привилегій и привилегированныхъ классовъ, выродилась въ войну противъ собственности. Послѣ разрушенія ненавистныхъ зáмковъ, грабежъ направился и къ хижинамъ, которыя первоначально предполагалось щадить. Къ этой причинѣ еще большаго обнищанія крестьянъ присоединилось давленіе такъназываемаго maximum'a, т. е. высшей цѣны, которая назначена была революціоннымъ правительствомъ, въ интересѣ Парижа и другихъ большихъ городовъ, за произведенія первыхъ потребностей. Крестьянинъ, подъ страхомъ наказанія, принужденъ былъ продавать плодъ своего труда за цѣны, платимыя ему потерявшими свою цѣнность бумажками. Этими обстоятельствами объясняется явленіе, почему, не смотря на освобожденіе крестьянъ отъ феодализма, въ бытѣ ихъ нельзя было замѣтить улучшенія; напротивъ, въ теченіе цѣлаго революціоннаго періода, Франція страдала отъ голода и неурожая. Крестьянинъ могъ знать, для кого онъ сѣялъ, но оставался въ постоянномъ невѣдѣніи: воспользуется ли онъ самъ плодомъ трудовъ своихъ?

«Они желаютъ быть свободными, а не умѣютъ быть справедливыми,» сказалъ Сіэсъ. И дѣйствительно, когда декретировано было превращеніе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ дворянства и духовенства въ національную собственность, одновременно съ даровымъ уничтоженіемъ всѣхъ повинностей, которыя Національное собраніе предполагало выкупить, можно было надѣяться, что крестьянство отъ этого выиграетъ. На дѣлѣ вышло, однакожъ, иначе! Не смотря на это «приданое революціи», равнявшееся цѣнностью 6 или 7 милліардамъ франковъ, и пространствомъ захватывавшее треть французской территоріи,—не выиграло отъ этой мѣры ни государство, ни крестьянство. Правительство надѣялось этими имѣніями обезпечить выпущенныя имъ бумажки, привязать къ себѣ всѣхъ покупщиковъ, и раздробленіемъ собственности достигнуть обезпеченія мелкихъ владѣльцевъ. Не только первыя двѣ цѣли не были достигнуты, но и послѣдняя—только отчасти. Если въ обыкновенное мирное время опасно бросать на рынокъ за-разъ громадную массу имѣній, то безразсудно было дѣлать это въ разгаръ революціи. Крестьянинъ, какъ мы видѣли выше, не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія обрабатывать даже владѣемыя имъ поля, а теперь, вдругъ, при непрочности владѣнія вообще, ему предлагаютъ пріобрѣтать новыя! Предположивши даже, что онъ пожелалъ бы купить предлагаемую, на выгодныхъ условіяхъ, собственность, но откуда же было ему взять капиталы, которые собрать не позволяла ему вся прошедшая историческая судьба его? Паденіе цѣнности предлагаемой земли было прямымъ послѣдствіемъ этой безразсудной мѣры.

Самою выгодною для государства сдѣлкою оказалась еще уплата конфискованными имуществами поставщикамъ арміи; но и они принимали ихъ въ шестой, нерѣдко даже въ осьмой части ихъ дѣйствительной стоимости. Это и неудивительно. Для расплаты съ поставщиками первой руки, они сами отдавали имъ полученныя имѣнія за безцѣнокъ. Такимъ образомъ, воспользовался ими не крестьянскій людъ, а собственно — кулаки и барышники.

Не смотря на освобожденіе земли и людей отъ феодальнаго гнета, не смотря на то, что значительная часть поземельной собственности перешла въ руки мелкихъ собственниковъ, положеніе ихъ, вслѣдствіе смутъ, непосредственно послѣдовавшихъ за эманципаціей, улучшилось не вдругъ. Только въ началѣ XIX столѣтія, съ возстановленіемъ внутренняго порядка, благіе плоды свободы, провозглашенные началами 1789 года, стали быть замѣтными, не смотря на то, что наполеоновскія войны не могли особенно способствовать благосостоянію Франціи. Страна эта представляетъ поучительное явленіе, убѣждающее насъ, что необузданная свобода, съ ея болѣзненными проявленіями, безъ порядка, не представляетъ надёжнаго залога къ счастію народа; равно какъ и порядокъ безъ свободы есть только форма безъ содержанія и, рано или поздно, доводитъ народъ до погибели. Параллель, проведенная между Франціей послѣ 1789 и до-революціонной, можетъ служить конкретнымъ примѣромъ для подтвержденія этой истины.

Революціонныя и наполеоновскія войны стоили Франціи еще дороже, чѣмъ всѣ походы Людовика XIV; но, тогда какъ страна эта въ теченіе цѣлаго столѣтія не могла оправиться отъ послѣдствій послѣднихъ, не смотря на увеличеніе территоріи и числа жителей,—съ какою, сравнительно, легкостью Франція XIX столѣтія, не увеличенная пространствомъ, уврачевала раны, нанесенныя ей войнами конца прошедшаго и начала настоящаго вѣка! Съ 1792 по 1815 годъ, войны стоили ей два милліона ея сыновъ, и, въ теченіе послѣднихъ только 12-ти лѣтъ (съ 1803—1815), шесть милліардовъ франковъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить три милліарда, заплаченные, въ видѣ контрибуціи, союзникамъ, издержанные на содержаніе оккупаціонной союзной арміи, и т. п. И что̀ же мы видимъ? Франція XIX вѣка, въ теченіе одного десятилѣтія, успѣла уврачевать эти тяжелыя раны!

Франція XVIII вѣка, не смотря на многіе годы мира, употребила почти цѣлое столѣтіе (1700 — 1791) на то, чтобы увеличить свое населеніе отъ 21 до 26 милліоновъ; во Франціи XIX вѣка, въ теченіе 23 лѣтъ (1818 — 1841), населеніе (въ

тѣхъ же границахъ) возрасло отъ 29 до 34 милліоновъ, на что потребовался бы въ XVIII вѣкѣ періодъ времени въ 4 раза большій.

Ежегодные доходы французской монархіи въ 1789 году простирались до 475 милліоновъ франковъ, съ ежегоднымъ дефицитомъ въ 56 милліоновъ. Въ блестящій годъ первой имперіи (1811), они равнялись 953, и, постепенно возрастая (въ 1847—1,342 милліоновъ), дошли до 1,566 милліоновъ, въ 1855 году, во время восточной войны.

Изъ приведенныхъ цифръ легко убѣдиться, что тѣ налоги и жертвы, подъ тяжестью которыхъ погибла бы Франція стараго порядка, выносятся обновленной страною безъ особенныхъ опасностей.

Исторія послѣднихъ французскихъ займовъ тоже можетъ свидѣтельствовать о громадныхъ средствахъ этой страны, прежде немыслимыхъ. Когда Наполеонъ III, въ мартѣ 1854, обратился къ займу въ 250 милліоновъ, по подпискѣ, то ему предложено было 468 милліоновъ, а 10 мѣсяцевъ спустя (въ январѣ 1855 года), вмѣсто спрошенныхъ имъ 500 милліоновъ — 2,198 милл.!! Черезъ полгода (въ іюлѣ), въ теченіе 10 дней, вмѣсто 700 милл. страна ему предложила 3,653 милліона! То же самое повторилось и во время послѣдней войны съ Австріей. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что деньги эти были предложены въ такомъ громадномъ количествѣ не смотря на то, что непроизводительность ихъ употребленія—военныя издержки—удерживала значительную часть капиталистовъ отъ предложенія.

Чѣмъ объяснить эту баснословно-производительную силу страны, которая, 80 лѣтъ тому назадъ, не въ силахъ была покрыть ежегоднаго дефицита въ 56 милліоновъ? Ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что мелкій землевладѣлецъ сдѣлался *«свободнымъ»* землевладѣльцемъ, что трудъ его и собственность, освобожденныя, пользуются законною защитой, равной для всѣхъ и каждаго; кромѣ того тѣмъ, что переворотъ 1789 создалъ во Франціи, давно существовавшее въ Англіи, крестьянское среднее сословіе.

Феодализмъ смотрѣлъ на политическую силу, какъ на частную собственность владѣльца ея, и эксплуатировалъ ее для частныхъ цѣлей. Народный трудъ долженъ былъ служить только имъ. Лучшія силы его уходили, въ теченіе многихъ вѣковъ, не на пользу общую, не на пользу цѣлаго государства, а служили только привилегированнымъ классамъ. Можно ли удивляться, что силы эти оставались въ постоянной дремотѣ, не обнаруживая стремленія къ развитію и совершенствованію?? Понятно, что въ странѣ,

гдѣ личныя собственности и всякая дѣятельность были въ пренебреженіи, гдѣ онѣ должны были уступать мѣсто случайности рожденія и связей, гдѣ свѣтская мишура предпочиталась основательному знанію и образованію, тамъ и государство должно было страдать отъ этого порядка вещей. Переворотъ 1789 года освободилъ Францію отъ этого неестественнаго положенія. Съ этой поры, всѣ слои народа получили возможность развиваться свободно, согласно съ своими способностями, стремленіями и средствами; съ этого времени только, они пріобрѣли неотъемлемое право пользоваться сами плодами своихъ трудовъ—этимъ сильнѣйшимъ рычагомъ человѣческой дѣятельности. Вотъ, простая разгадка явленій, представляемыхъ намъ Франціей до 1789 и послѣ этого года! Вотъ, причина ея прежней немощи и послѣдующей силы и производительности!

Чтобы указать, въ какихъ размѣрахъ Франція возрасла, не лишнимъ будетъ привести нѣсколько числовыхъ данныхъ. Въ 1789 году, французская промышленность производила на 930 милліоновъ въ годъ, въ 1812 году уже на 1,325, а въ 1848 году на 4,000 милліона франковъ! Но вліяніе свободныхъ началъ 1789 года не ограничилось только увеличеніемъ количества произведеній; самое распредѣленіе ихъ совершилось гораздо справедливѣе и благопріятнѣе для народа. Въ 1788 году, поденная плата фабричнаго работника не превышала: мужчины 26, а женщины—15 су; нынѣ же первые получаютъ, среднимъ числомъ, 42 — а послѣднія 26 су. Въ такомъ же отношеніи увеличилась и заработная плата сельскаго работника. Кромѣ того, она усилилась еще отъ уничтоженія 30-ти непроизводительныхъ праздничныхъ дней въ году. То же видимъ и въ цѣнѣ первыхъ жизненныхъ потребностей: до 1789 года, фунтъ хлѣба стоилъ въ Парижѣ 15 сантимовъ (въ провинціяхъ еще дороже); въ теченіе же періода 1820 — 1846, за него платили 17 сант., а въ Парижѣ 15 и даже 14 сантимовъ; слѣдовательно, дешевле даже, чѣмъ до революціи. Цѣны эти на хлѣбъ, повидимому, не соотвѣтствуютъ цѣнамъ на зерно, потому-что средняя цѣна пшеницы въ періодъ времени съ 1755—1788, стоила 14 фр., а съ 1817—1847 г., 19—20 франковъ, въ 1853 же—даже 22 франка за гектолитръ. Но это противорѣчіе только кажущееся: оно объясняется тѣмъ, что теперь изъ того же количества зерна вымалывается и выпекается третью, даже половиной болѣе хлѣба, чѣмъ въ періодъ, когда крестьянинъ обязанъ былъ молоть его и печь въ патримоніальныхъ дворянскихъ мельницахъ и печахъ!!

Другія отрасли сельскаго хозяйства представляютъ то же явленіе: въ 1789 году, на всемъ пространствѣ Франціи собрано было

34 милліона; въ 1815—44 милліона, а въ 1848, уже 70 милліоновъ гектолитровъ пшеницы. Овса собирается теперь въ 4 раза больше, чѣмъ до революціи. Скотоводство также развилось. Тюргб, преобразовывавшій почтовую гоньбу, не могъ пріобрѣсти (въ 1776 году) 6,000 лошадей; а въ 1854 году, во время восточной войны, военное министерство безъ труда пріобрѣло 30,000 лошадей, годныхъ для военныхъ потребностей. Словомъ, Франція настоящаго времени, производитъ ежегодно одними сельскими произведеніями на *шесть* милліардовъ франковъ, тогда какъ, до революціи, она производила ихъ едва на *два*!

Благосостояніемъ этимъ Франція обязана тому обстоятельству, что отчужденныя національныя и государственныя имущества перешли въ руки крестьянскаго средняго сословія, о которомъ было упомянуто выше, т. е., тѣхъ 350,000 поземельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ каждый владѣетъ, среднимъ счетомъ, 35 гектарами собственной земли. Они воздѣлываютъ около 11 милліоновъ гектаровъ (изъ 50 годной къ обработкѣ) земли, употребляя, для этой цѣли, не только свой трудъ, но имѣя возможность приложить къ нему и капиталъ. И до 1789 года, Франція имѣла мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, но они не могли оказать на ея сельское хозяйство того благотворнаго вліянія, неимѣя необходимыхъ капиталовъ, какъ имѣетъ теперь это, названное нами выше, среднее крестьянское сословіе. Ему Франція преимущественно обязана тѣмъ, что съ 1789 года, вмѣсто 10 милліоновъ гектаровъ невоздѣланныхъ земель, теперь осталось только 5; что, вмѣсто прежнихъ 4 милл. гектаровъ, занятыхъ пшеницей, теперь ихъ 6; вмѣсто 2 милл. гектаровъ, засѣянныхъ овсомъ, теперь 3, и т. д.

Взглянувъ ближе, мы увидимъ, что число мелкихъ землевладѣльцевъ увеличилось, послѣ 1789 года, не въ такомъ громадномъ размѣрѣ, какъ обыкновенно воображаютъ. До переворота, $^1/_3$ территоріи находилась въ ихъ рукахъ; теперь $3^1/_2$ милліона этихъ собственниковъ владѣютъ 20 милліонами гектаровъ (слѣдовательно, около $^2/_5$ поверхности Франціи); притомъ, около полумилліона имѣютъ не болѣе полугектара. Такимъ образомъ, среднимъ счетомъ приходится на этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ почти по 5 гектаровъ.

Не менѣе ошибочно общераспространенное мнѣніе, что дворянство французское чрезмѣрно пострадало отъ переворота 1789 года. Конечно, если подъ дворянскими привилегіями понимать право истязать разными неправдами крестьянъ и жить ихъ трудами, то дворянство французское понесло громадныя потери! 77 лѣтъ уже, какъ оно окончательно и невозвратимо утратило ихъ.

Но кто изъ нихъ не видѣлъ особенной чести состоять въ должности баскака, кто, проникнутый болѣе современными и гуманными понятіями, довольствовался, взамѣнъ прежняго тунеядства и жизни на чужой счетъ, развитіемъ благосостоянія вслѣдствіе болѣе обезпеченной личности и собственности, — тотъ не могъ жаловаться на потери, а, напротивъ, выигралъ еще. Правда, до-революціонная Франція представляла нѣсколько дворянскихъ родовъ, владѣвшихъ громадными помѣстьями, но большинство дворянъ ея были мелкопомѣстные, влачившіе жалкое, даже въ матеріальномъ отношеніи, существованіе. Да и крупнѣйшіе собственники старой Франціи не находились въ блестящемъ положеніи. Земли ихъ, плохо воздѣлываемыя арендаторамъ, подавленныя налогами и поборами, не могли приносить настоящаго дохода; огромныя пространства ихъ имѣній, занятыя парками, заповѣдными для охоты лѣсами и т. п., неприносившими дохода статьями, были мертвымъ капиталомъ; наконецъ, плутни управляющихъ заочно ихъ имѣніями лишали ихъ и той небольшой части дохода, на который они могли разсчитывать. Потому-то и эти крупные землевладѣльцы постоянно страдали отъ безденежья. О мелкихъ же, не на столько развитыхъ, чтобы отказаться отъ предразсудка вести барскую жизнь, т. е. коснѣть въ тунеядствѣ, считать всякое занятіе, требующее труда или знанія, и приносящее доходъ, неблагороднымъ и недостойнымъ дворянина,—и говорить нечего! Они чаще всего перебивались 2 или 3,000 франковъ! Народъ, съ свойственною ему мѣткостью, называлъ ихъ именемъ самой малой хищной птицы—hobereau (соотвѣтствуетъ русскому названію: *коноплянники*). Бѣдность французскаго дворянства явствуетъ и изъ распредѣленія эмигрантскаго милліарда. Нѣкоторые только изъ возвратившихся, вмѣстѣ съ союзниками, дворянъ получили по милліону, большинство по 50,000, а немалое количество по 1,000 франковъ вознагражденія за конфискованныя имѣнія.

Про это дворянство говорено было, что оно, подобно дому Бурбоновъ, ничего не забыло, ничему не научилось (въ изгнаніи). Теперь, о потомкахъ большинства ихъ можно сказать противное: они многому научились, и многое *принуждены* были забыть!! Они поняли, что не въ сохраненіи привилегій касты заключается ихъ интересъ; что пора смѣнить дворянскую заносчивость, мнившую стоять выше законовъ, уваженіемъ къ нимъ и поддержаніемъ ихъ; что во владѣніи, въ землѣ и ея раціональной обработкѣ заключается источникъ ихъ силы, благосостоянія и вліянія. Плоды этого убѣжденія уже успѣли сказаться: теперь во Франціи до 50,000 дворянъ—крупныхъ землевладѣль-

цевъ, платящихъ 1,000 франковъ ежегодной ренты съ земли, что̀ соотвѣтствуетъ чистому доходу въ 12,000 франковъ каждаго изъ нихъ, и образуетъ до 600 милліоновъ вмѣстѣ взятыхъ. Двѣ пятыхъ способной къ обработкѣ поверхности Франціи находится теперь въ ихъ рукахъ!

Сельское населеніе въ Англіи, въ періодъ англо-саксонскаго владычества, состоитъ изъ крѣпостныхъ и людей въ разной степени несвободныхъ. Завоеваніе Англіи норманнами оказало на это населеніе то благодѣтельное вліяніе, что, вмѣстѣ съ этимъ, въ странѣ этой возникаетъ сильная королевская власть и сельское свободное среднее сословіе. Власть эта хорошо понимала, что, въ новозавоеванной странѣ, ей грозитъ опасность съ одной только стороны — со стороны высшихъ туземныхъ классовъ, духовенства и дворянъ. Съ цѣлью обезсилить ихъ, у нихъ конфискуется большая часть имѣній; они не допускаются къ занятію высшихъ должностей, и т. п. Порожденная этими мѣрами вражда между высшими классами норманновъ и англо-саксовъ имѣла благопріятныя послѣдствія на судьбу простого народа. Норманны старались привлечь его на свою сторону, англо-саксонскіе дворяне (Thane) — на свою. Послѣднимъ Вильгельмъ-Завоеватель, вмѣстѣ съ личной свободой, оставилъ, въ видѣ королевскаго лена, небольшую часть ихъ прежнихъ помѣстій, необходимую для обезпеченія ихъ матеріальнаго существованія. Изъ этихъ-то лицъ и образовался классъ мелкихъ, но лично свободныхъ сельскихъ поземельныхъ собственниковъ (liberi homines) и людей, состоящихъ подъ покровительствомъ (liberi homines commendati). Хотя на собственности этихъ лицъ и лежали извѣстныя, опредѣленныя подати, платимыя королю, или леннику, но онѣ были незначительны; владѣніе же признавалось наслѣдственнымъ и ненарушимымъ. Классъ этихъ владѣльцевъ значительно увеличился уже существовавшими до норманнскаго завоеванія полусвободными крестьянами, Ceorls (Kerle), къ нему примкнувшими. Хотя они были крѣпки землѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣли ею на правахъ собственности и наслѣдственно, доколѣ исполняли принятыя на себя обязанности и уплачивали условленную повинность. Вѣроятно, потомки древняго римско-британскаго населенія, эти Ceorls не принимали участія ни въ битвѣ при Гастингсѣ, ни въ послѣдующихъ возстаніяхъ англо-саксовъ противъ норманновъ, которые, въ свою очередь, старались привлечь ихъ къ себѣ дарованіемъ имъ разныхъ льготъ и, вообще, признавали ихъ людьми свободными.

Среднее сословіе возникло, какъ извѣстно, въ эту же эпоху и на континентѣ Европы, но тамъ оно было городское, зани-

малось торговлей и промышленностью; здѣсь же оно было сельское. Континентальное среднее сословіе, хотя иногда и сочувствовало интересамъ сельскаго населенія, но окрѣпши, смотрѣло на послѣднее свысока и, при случаѣ не прочь было и угнетать его; между тѣмъ, какъ сельское англійское было уже вліятельно въ эпоху, когда городское едва начинало образовываться, и потому послѣднее должно было примкнуть къ первому. Вліяніе англійскаго средняго сословія въ эту эпоху основано было, преимущественно, на его военномъ значеніи. Разжалованные англо-саксонскіе дворяне, на поляхъ Гастингса, научились уважать, цѣною громадныхъ потерь, искусство стрѣлять изъ лука. Питая, вмѣстѣ съ тѣмъ затаенную надежду, что искусство это, при удобномъ случаѣ, избавитъ ихъ отъ иноземнаго ярма, они предались съ рвеніемъ упражненію въ немъ. Надежды ихъ не оправдались, но занятія принесли пользу странѣ во всѣхъ ея войнахъ. Побѣды, одерживаемыя англичанами надъ французами, обусловлены были превосходствомъ первыхъ въ этой техникѣ (они поражали непріятеля на разстояніи 800 шаговъ), и англичане удержали лукъ въ теченіе двухъ вѣковъ послѣ изобрѣтенія пороха. Понятно, что англійскіе короли дорожили подобнымъ классомъ людей, такъ необходимымъ въ ту кулачную эпоху. Съ другой стороны, не малымъ счастіемъ для послѣднихъ было обстоятельство, что короли англійскіе успѣли уже сосредоточить въ рукахъ своихъ гораздо больше власти, чѣмъ короли на континентѣ, и Вильгельму I удалось, вслѣдствіе этого, сдѣлать значительное видоизмѣненіе въ ленной системѣ. Онъ постановилъ, что король, будучи собственникомъ всѣхъ земель своего королевства, одинъ только имѣетъ право жаловать ихъ, а не кто-либо другой. Исходя изъ фикціи, что Англія была завоевана норманнами, не какъ народомъ, а лично имъ, Вильгельмомъ,—онъ дерзнулъ, вопреки средневѣковымъ понятіямъ, дѣлать, при раздачѣ земель, произвольныя условія, и разорвать тѣ узы, которыми на континентѣ Европы были связаны ленники съ своими вассалами. Въ 1086 году, ему удалось провести основной законъ, по которому всѣ вассалы бароновъ и иныхъ ленниковъ короля приносятъ ленную присягу ему, королю, и что никакою присягой, данной своему леннику, вассалъ не освобождается отъ первой. Законъ этотъ сообщилъ англійской коронѣ ту силу, которой короли на континентѣ добились гораздо позднѣе, послѣ продолжительной борьбы съ феодализмомъ. Напрасно норманнское дворянство пыталось нарушить его. Вильгельмъ II и Генрихъ I, поддерживаемые туземцами и даже упомянутыми выше разжалованными англо-саксонскими дворянами (ненавидѣвшими

норманнское дворянство гораздо сильнѣе, чѣмъ Вильгельма-Завоевателя и его преемниковъ), успѣли, однако, отстоять вліятельный, по своимъ послѣдствіямъ, законъ.

Послѣ изложеннаго выше, легко понять, что въ интересѣ англійскихъ королей было — защищать столь полезный для нихъ и необходимый средній сельскій классъ, противъ дворянъ и духовенства. И дѣйствительно, уже Генрихъ II дѣлаетъ его участникомъ въ судѣ. Путешествующіе судьи (justitiarii itinerantes), разъѣзжая по государству, не держали, однако, суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, а, собственно, 12 присяжныхъ, избираемыхъ четырьмя свободными, изъ среды рыцарей, или свободнаго средняго сельскаго сословія. Это уравненіе его съ первыми имѣло весьма важныя послѣдствія для ихъ политической судьбы.

Когда, при Іоаннѣ-Безземельномъ, дворяне и духовенство возстали противъ его безграничнаго произвола, они искали опоры и получили ее въ среднемъ классѣ, не менѣе первыхъ угнетаемомъ. Плодомъ этой борьбы была Magna charta (1215)—оплотъ свободы *всѣхъ* классовъ англійскаго народа, въ томъ числѣ и средняго сословія. Она была, вмѣстѣ съ тѣмъ, залогомъ окончательнаго и прочнаго примиренія доселѣ двухъ враждебныхъ лагерей—англо-саксонцевъ и норманновъ, начинающихъ съ этой минуты сливаться въ одинъ народъ. Норманнскіе бароны заискивали помощи у средняго сословія и послѣ, во время попытокъ наслѣдниковъ Іоанна возстановить status quo ante; а такъ какъ сословіе это видѣло для себя больше гарантій въ союзѣ съ ними, чѣмъ съ королевскою властью, возстановленіе которой могло быть пагубнымъ для всѣхъ классовъ, то и при Генрихѣ III (сынѣ Іоанна), оно дѣйствовало за одно съ баронами. Монфоръ, графъ Лейстеръ, предводитель дворянской партіи, взявши въ плѣнъ, въ битвѣ при Люисѣ (1264), короля, его брата и сына, хотя былъ фактическимъ обладателемъ Англіи, но сознавалъ, что, для легальной санкціи пріобрѣтеннаго успѣха, ему недостаточно согласія однихъ его приверженцевъ, и потому пригласилъ, съ этой цѣлью, кромѣ духовенства, дворянъ, рыцарей, еще по два представителя изъ свободнаго средняго сословія, сельскаго и городского, изъ каждаго графства, для образованія парламента. 20-е января 1265 года, день его перваго собранія, былъ днемъ рожденія англійской нижней палаты, получившей, правомъ исключительнаго вотированія податей, такое громадное вліяніе на судьбы своего отечества.

Королевская власть въ Англіи оказала не менѣе услугъ и несвободной части сельскаго населенія, о которой было упомя-

нуто въ началѣ. Можно предполагать, что въ судьбѣ его произошло уже значительное улучшеніе въ самый моментъ завоеванія Англіи, такъ какъ побѣдители вышли изъ той части Франціи, гдѣ положеніе крестьянства было, сравнительно, самое легкое, и они, вѣроятно, желали, кромѣ того, пріобщеніемъ значительной части населенія къ выгодамъ эманципаціи, пріобрѣсти его расположеніе. Къ этому ихъ побуждало еще обстоятельство, что эти несвободные, подобно Ceorls, были, по преимуществу, потомки древнихъ римско-британскихъ обитателей страны, слѣдовательно—населеніе, враждебное англо-саксонскому. Въ интересѣ завоевателей было поддерживать эту вражду, пользуясь ея выгодами. Но кромѣ этихъ предположеній, исторія представляетъ намъ прямыя указанія на участіе англійскихъ королей въ судьбѣ несвободныхъ. Уже Вильгельмъ-Завоеватель постановилъ, что крѣпостной, которому удалось бѣжать и скрываться безъ преслѣдованія, въ теченіе года, въ королевскихъ городахъ, замкахъ, и т. п., дѣлался eo ipso свободнымъ. Хотя подобный законъ встрѣчаемъ и въ континентальной Европѣ, гдѣ этимъ правомъ пользовались города, но онъ является въ гораздо позднѣйшую эпоху. Притомъ, при разбросанности королевскихъ замковъ, ихъ отдаленности, недостаткѣ путей сообщенія,—англійскому бѣглецу было гораздо легче укрыться, чѣмъ континентальному, по противоположнымъ причинамъ. Притомъ, владѣлецъ крѣпостного обязанъ былъ доказать принадлежность своей собственности передъ судомъ того графства, гдѣ былъ отысканъ бѣглый. Это постановленіе представляло не малыя затрудненія. Кромѣ того, бѣжавшій пользовался правомъ доказать свою свободу свидѣтельствомъ своихъ родственниковъ, если они были свободны. Законоположеніями Генриха I было строго запрещено убивать крѣпостныхъ, увѣчить, истязать ихъ. Въ случаѣ кражи, совершенной нѣсколькими крѣпостными, наказывался только болѣе всѣхъ виновный. Если кража была сдѣлана свободнымъ и крѣпостнымъ, то только первый подвергался наказанію. Между тѣмъ, какъ на континентѣ, рожденный отъ родителей, изъ которыхъ одинъ былъ свободный, другой несвободный, всегда слѣдовалъ сословію послѣдняго, — въ Англіи онъ слѣдовалъ сословію отца. А такъ какъ чаще всего случается (и случалось прежде), что мужчины дѣлаютъ гораздо чаще «мезальянсы», чѣмъ женщины, то понятно, что законъ Генриха I имѣлъ прямымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа свободныхъ, рождавшихся изъ этихъ смѣшанныхъ — сословныхъ браковъ. Не менѣе ограниченій представляетъ, сравнительно съ континентальной, и патримоніальная судебная власть англійскихъ бароновъ. Хотя она была до-

пущена въ принципѣ, но уже при Вильгельмѣ I встрѣчаемъ постановленіе, что въ каждомъ патримоніальномъ судѣ должны присутствовать, по крайней мѣрѣ, два свободные сельскіе обывателя (Sokeman). Кто изъ помѣщиковъ не могъ ихъ промыслить, терялъ право суда, доколѣ ихъ не пріобрѣтетъ. Притомъ, права патримоніальнаго суда были далеко не такъ обширны, какъ на континентѣ. Всякій, недовольный его рѣшеніемъ, имѣлъ право аппелировать въ королевскій судъ. Неоднократныя попытки бароновъ—образовать высшіе аппеляціонные суды изъ людей, имъ подчиненныхъ, не удались. Не мало способствовали ограниченію патримоніальныхъ судовъ и рано вошедшіе въ жизнь королевскіе судьи, переѣзжавшіе съ мѣста на мѣсто, равно какъ и судъ присяжныхъ. Не менѣе сдерживала бароновъ отъ злоупотребленій, такъ-называемыхъ amerciaments, карательная власть, присвоенная себѣ норманнскими королями, преслѣдовавшая всѣхъ, кто провинился въ чемъ-либо, особенно же противъ королевскихъ привилегій, или превысившихъ свои права. Хотя справедливость требуетъ сказать, что эти amerciaments нерѣдко употреблялись просто для пополненія истощенныхъ королевскихъ кассъ, но за-то они приносили и свою долю добра, обуздывая попытки къ злоупотребленіямъ. Впрочемъ, Magna charta и тутъ оказала свою пользу: опредѣленіемъ ея—amerciaments исторгнуты были изъ рукъ короны и перешли въ вѣдомство суда.

Совокупности всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ крестьянство англійское обязано тою долею законной защиты, которая на континентѣ, въ теченіе долгаго времени, оставалась еще на степени pium desiderium. Хотя оно (а именно, несвободная часть его) не имѣло права жалобы на помѣщика, но оно могло жаловаться на его управляющихъ, и за злоупотребленія послѣднихъ грозилъ помѣщику неотразимый amerciament; хотя несвободные и не пользовались правомъ собственности (не могли даже наслѣдовать и сами ее пріобрѣтать), но, съ другой стороны, нѣкоторое возмездіе за это они находили въ обязанности помѣщиковъ доставлять имъ все необходимое для веденія хозяйства, ремонтировать жилища, службы и т. п. Съ XIII вѣка опредѣляются уже точными правилами всѣ удѣльныя повинности крестьянъ и, притомъ, въ умѣренныхъ размѣрахъ. Генрихъ III, опасаясь популярности враждебныхъ ему бароновъ, старался противодѣйствовать ей разными мѣропріятіями, способными перетянуть вѣсы народнаго расположенія на его сторону. Такимъ образомъ, мы видимъ уже въ эту эпоху соревнованіе между королевскою властью и дворянствомъ, старавшимися, каждое въ своемъ интересѣ, облегчить судьбу сельскаго населенія. Этимъ

только можно и объяснить замѣчаемое при этомъ королѣ обращеніе огромнаго числа крѣпостныхъ въ такъ-называемые copyholder — наслѣдственные арендаторы.

Люди эти, освобожденные изъ крѣпости, получали въ наслѣдственное пользованіе разнообразный надѣлъ, котораго землевладѣлецъ не имѣлъ права отнять у нихъ до тѣхъ поръ, пока они исправно платили лежавшія на нихъ повинности. Такъ какъ для нихъ было очень важно имѣть всегда возможность доказать, въ чемъ послѣднія состояли, то имъ выдавались копіи изъ кадастровыхъ книгъ, замѣнявшія контракты. Это и было причиной носимаго ими названія copyholder, владѣльцы копій. Кромѣ этого класса, являются въ ту эпоху люди, отпущенные на волю, увольненію которыхъ не мало способствовало (въ большей гораздо степени, чѣмъ на континентѣ) англійское духовенство. При первыхъ трехъ Эдуардахъ, освобожденіе дѣлаетъ еще большіе успѣхи. Это можно заключить уже изъ того обстоятельства, что въ первой половинѣ царствованія Эдуарда III (1327—1377) мы встрѣчаемъ многочисленное подвижное сельское населеніе, вызвавшее, своими чрезмѣрными запросами заработной платы, вмѣшательство законодательства. Трудно опредѣлительно сказать, откуда явилось такое множество сельскихъ работниковъ, но есть поводъ думать, что они составились изъ выкупившихся, или просто отпущенныхъ на волю поселянъ, которые не нашли, или не желали принять занятій въ помѣстьяхъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Не смотря на страшныя опустошенія, произведенныя въ ту эпоху чумой, это подвижное свободное населеніе было очень многочисленно. Пользуясь недостаткомъ рабочихъ рукъ, люди требовали чрезмѣрной платы. Обстоятельство это, само по себѣ, указываетъ на то, что число крѣпостныхъ работниковъ уже въ эту эпоху было очень незначительно, и землевладѣльцы искали помощи у законодательной власти, прося ея вмѣшательства для доставленія имъ необходимой въ хозяйствѣ рабочей силы. Принятыя принудительныя мѣры, какъ и всегда, недостигли своей цѣли. За опредѣленную парламентомъ таксу работники отказывались трудиться, и эта борьба между землевладѣльцами и свободными сельскими рабочими длится во все царствованіе Эдуарда III и, вскорѣ послѣ его смерти, переходитъ въ открытое возстаніе. Было бы, однако, ошибочно приписывать его тѣмъ же причинамъ, которыя вызвали на континентѣ крестьянскія войны. Напротивъ, изъ сравненія положенія крестьянскаго сословія въ тогдашней Англіи и континентальной Европѣ, легко убѣдиться, что въ первой почти несуществовало тѣхъ причинъ, которыя принудили крестьянъ въ послѣдней къ открытому воз-

станію, а если онѣ и были, то въ такой незначительной степени, что совершенно отходятъ на задній планъ.

Выше уже было упомянуто, какое важное мѣсто занималъ, искони, въ борьбѣ внѣшней и внутренней, между королемъ и дворянствомъ, классъ yeomanry, стрѣлковъ изъ лука. Они съ тѣхъ поръ значительно умножились, а постоянные успѣхи должны были создать въ нихъ сознаніе своего достоинства и важности въ тогдашнемъ государственномъ строѣ Англіи. На эту воспріимчивую почву падаетъ сѣмя политическаго, или, вѣрнѣе, соціалистическаго фанатика, монаха Іоанна Беля (Balle). Съ 1356 г., странствуетъ онъ по селамъ и городамъ Англіи, вездѣ проповѣдуя свободу и равенство, какъ начала христіанскаго откровенія, приглашая народъ къ истребленію всѣхъ, кто только, по своему политическому или соціальному положенію, противился его осуществленію на землѣ. Жалобы современныхъ землевладѣльцевъ парламенту на строптивость рабочаго люда показываютъ, что проповѣди его не остались безъ вліянія. Къ этому присоединилось еще случайное обстоятельство, что Англія кишила въ ту пору, вслѣдствіе перемирія съ Франціей и отпуска по домамъ ничѣмъ не занятыхъ, привыкшихъ къ тунеядству, бранниковъ,—людьми, готовыми принять участіе во всякомъ движеніи, которое обѣщало имъ улучшеніе ихъ необезпеченнаго положенія. Ученіе Виклефа (который самъ, впрочемъ, не находился на сторонѣ возставшихъ, а напротивъ, былъ на сторонѣ ихъ противниковъ), непонятое массами, ложно ими истолкованное, но встрѣтившее сочувствіе между ними потому, что оно было направлено противъ злоупотребленій іерархіи, заключившей тѣсный союзъ съ феодализмомъ,—тоже способствовало этому движенію. Таковы были элементы волненія 1381 г., ложно называемаго крестьянскимъ возстаніемъ. Зачинщики его, скрывая свои настоящія цѣли, пріобрѣли сочувствіе находившихся еще въ зависимости низшихъ слоевъ общества провозглашеніемъ уничтоженія остатковъ крѣпостного права и всѣхъ съ нимъ сопряженныхъ повинностей, а неосторожная мѣра правительства, введеніе новаго, несправедливаго, ненавистнаго и унизительнаго налога, — поголовной подати — было сигналомъ къ возстанію. Ричардъ II, не видя возможности справиться съ движеніемъ, объявляетъ уничтоженіе крѣпостного права, замѣну барщинной работы постояннымъ, легкимъ оброкомъ, свободную продажу и покупку продуктовъ на площадяхъ и, наконецъ, всепрощеніе принявшимъ участіе въ возстаніи. Возмутившіеся кладутъ оружіе, вѣря королевскому слову. Но прежде, чѣмъ возстаніе повсюду

преклонило свое знамя, вѣроломный Ричардъ II беретъ свои обѣщанія назадъ, и начинаются нечеловѣческія, жестокія казни.

Парламентъ тоже былъ повиненъ въ потокахъ крови, пролитой въ это время въ Англіи. Онъ оказался на столько слабымъ, что не отказалъ королю своей санкціи для совершенія подобнаго вѣроломнаго поступка. Заслуга парламента состояла развѣ въ томъ, что онъ успѣлъ снискать помилованіе многимъ виновнымъ, и настоять на томъ, чтобы даже зачинщики судимы были обыкновенными судами, а не особенными судными коммиссіями, заготовляющими, обыкновенно, приговоръ еще до изслѣдованія виновности обвиняемаго.

Угроза Ричарда II эссекскимъ крестьянамъ, ссылавшимся на полученныя отъ него же привилегіи, что они впредь будутъ испытывать гораздо больше тягостей, чѣмъ прежде,—осталась пустымъ звукомъ. Обстоятельства были сильнѣе королевскаго гнѣва. Нескончаемыя войны съ Франціей вынуждали правительство пополнять убыль войска изъ этого же, доставлявшаго столько превосходныхъ и необходимыхъ стрѣлковъ, сословія, которому хотѣли мстить, и потому поневолѣ приходилось снисходить къ его требованіямъ высшей заработной платы, обусловленной недостаткомъ рукъ. Неменѣе благодѣтельное вліяніе на сельское населеніе оказала вѣковая брань бѣлой и алой розы. Воюющія стороны нуждались не только въ людяхъ, но и въ деньгахъ.

На мѣсто павшихъ приходилось призывать новыхъ ратниковъ изъ крѣпостныхъ (свободныхъ поселянъ принуждать къ вступленію въ ряды войска дворяне не имѣли ни достаточно силы, ни права). Для снисканія денежныхъ средствъ, англійскіе бароны принуждены были давать крѣпостнымъ своимъ свободу за деньги, а обязаннымъ арендаторамъ—дозволять обмѣнъ ихъ вещественныхъ повинностей на денежныя, или продавать имъ землю въ собственность. Кромѣ того, партія побѣдителей, конфискуя имѣнія побѣжденныхъ противниковъ, обязана была уступать пятую часть захваченныхъ имѣній коронѣ, а эта послѣдняя, для упроченія своей власти, спѣшила, разбивъ конфискованныя имѣнія на участки, продавать ихъ желающимъ, въ лицѣ которыхъ она пріобрѣтала, такимъ образомъ, сторонниковъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи существующаго порядка вещей. Все это не мало способствовало увеличенію благосостоянія сельскаго населенія, что̀ видно уже изъ того, что въ концѣ XV вѣка заработная плата возвысилась вчетверо противъ существовавшей за сто лѣтъ передъ тѣмъ.

Не смотря на то, что дворянство англійское сильно пострадало отъ войнъ алой и бѣлой розы, оно представляло, однако, еще

силу, которой пренебрегать было опасно новой неутвердившейся династіи. Естественно поэтому, что первые изъ Тюдоровъ искали болѣе прочной опоры, чѣмъ могла представить имъ сомнительной вѣрности дворянская партія. Этимъ стремленіемъ ихъ и объясняются мѣропріятія въ пользу низшихъ классовъ. При первыхъ Тюдорахъ видимъ систематическое стараніе—увеличить число мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Въ первые годы царствованія Генриха VII, издается законъ, уничтожающій существовавшую дотолѣ неотчуждаемость дворянскихъ потомственныхъ имѣній. Мотивомъ этому послужили финансовыя затруднительныя обстоятельства дворянства, но за нимъ скрывалась мысль — размельчить его собственность. Событіемъ, оказавшимъ еще болѣе благодѣтельное вліяніе на бытъ низшихъ классовъ, чѣмъ предъидущее, является разрывъ Генриха VIII съ папой. Пятьсотъ закрытыхъ монастырей, обладавшихъ пятою частью англійской территоріи, съ доходомъ, превосходившимъ въ три раза доходы государственные, перешли въ руки предпріимчиваго сельскаго населенія Англіи. Число свободныхъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ расло, какъ мы видимъ, съ каждымъ царствованіемъ, такъ-что при Эдуардѣ VI число крѣпостныхъ было ничтожно. Актъ 1574 г., которымъ Елизавета освободила всѣхъ крѣпостныхъ, жившихъ въ разныхъ ея помѣстьяхъ за деньги, есть послѣдній документъ, въ которомъ упоминается объ этихъ несчастныхъ въ Англіи. Итакъ, мы видимъ, что въ странѣ этой эманципація совершилась постепенно, и въ цѣлой государственной исторіи ея не находимъ закона, которымъ крѣпостное право было бы уничтожено. Правда, были попытки отмѣнить его, какъ фактически уже несуществующее, путемъ законодательнымъ, но онѣ остались безуспѣшны. Билль, предлагавшій это, въ 1526 г., былъ трижды отвергнутъ палатой лордовъ!!

Къ концу XVI вѣка, сельское населеніе Англіи состоитъ уже изъ тѣхъ четырехъ классовъ, изъ которыхъ оно составлено и теперь: первобытныхъ freeholders (yeomen) — небольшихъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ; copyholders — наслѣдственныхъ арендаторовъ; farmers—временныхъ съемщиковъ, и labourers—свободныхъ сельскихъ батраковъ. Раздѣленія этого не измѣнила вся послѣдующая исторія; его не коснулась и революція англійская, бывшая больше религіозной, чѣмъ политической. Тѣмъ страннѣе явленіе, что коренныя перемѣны совершались и совершаются въ сферахъ землевладѣльческой собственности Англіи — въ XVIII и XIX вѣкахъ, когда страна пользовалась почти все это время внутреннимъ спокойствіемъ. Замѣчательно также,

что перемѣны эти грозятъ совершеннымъ уничтоженіемъ того класса народа, который, казалось бы, долженъ былъ болѣе другихъ воспользоваться благодѣяніями конституціоннаго правленія, класса мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ много способствовавшихъ упроченію этой формы правленія въ Англіи.

Число этихъ собственниковъ въ ту эпоху, когда конституція окончательно окрѣпла, т. е. во время Вильгельма III, въ концѣ XVII вѣка, простиралось до ста шестидесяти тысячъ; слѣдовательно, они составляли съ семействами болѣе $1/7$ части всего населенія Англіи. Само собою разумѣется, что при выборахъ въ парламентъ голосъ такой массы имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что, будучи независимою и достаточно обезпеченною въ матеріальномъ отношеніи, она была недоступна подкупу, играющему, къ сожалѣнію, такую важную роль при выборахъ въ Англіи. Эта роль ея была одинаково непріятна и вигамъ и тори, попеременно стоящимъ у руля Англіи. На этой нейтральной почвѣ обѣ партіи сошлись и подали другъ другу руку для вытѣсненія общаго врага — массы freeholder'овъ. Они порѣшили сообща, вытѣснить ее и замѣнить классомъ зависимыхъ отъ землевладѣльца фермеровъ, также имѣющихъ право голоса при выборахъ, но очень доступныхъ высокому давленію собственниковъ земли, на которой они сидятъ. Разумѣется, въ странѣ, такъ конституціонно окрѣпшей, какъ Англія, нельзя прибѣгать къ открытому произволу и насилію. Пришлось употребить въ дѣло насиліе болѣе современное, не сразу всякому глазу замѣтное — насиліе капитала. И виги, и тори порѣшили — выкупивъ участки мелкихъ землевладѣльцевъ, раздѣлить ихъ фермерамъ. Мелкіе собственники не устояли противъ искушенія, убѣдившись, что подобная сдѣлка для нихъ очень выгодна. Они узнали по опыту, что, нанявши у крупныхъ землевладѣльцевъ большое помѣстье за цѣну стоимости прежде въ собственность имъ принадлежавшаго участка, и раздавъ его, мелкими частями, въ наемъ болѣе мелкимъ фермерамъ, они получатъ гораздо большій доходъ съ своего капитала, чѣмъ ежели бы они затратили его на покупку собственнаго имѣнія. Объяснимся примѣромъ, подтвержденіе котораго ежедневно можно видѣть въ Англіи. Поземельный собственникъ, владѣющій помѣстьемъ во 100,000 руб., получаетъ съ него около 3,000 руб. ежегоднаго дохода, между тѣмъ, какъ фермеръ получаетъ такую же сумму дохода, употребивъ на наемъ помѣстья — 30,000 руб. Понятно, что каждый предпочтетъ послѣднее первому! Кромѣ этой причины перехода мелкой собственности въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, не мало способствовало этому еще система государственныхъ займовъ: при

посредствѣ ея, собственникъ имѣлъ возможность, безъ труда и особенныхъ заботъ, сопряженныхъ съ управленіемъ имѣнія, пользоваться процентами своего капитала, нерѣдко бо̀льшими, чѣмъ тѣ, которые приносило ему имѣніе равной цѣнности. Присовокупивши къ этому еще возможность помѣстить выгодно свой капиталъ въ столь развитыя въ Англіи промышленныя и торговыя предпріятія, нельзя удивляться, что большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ охотно сбыла свою собственность крупнымъ.

Съ постояннымъ уменьшеніемъ первыхъ, расло число фермеровъ, которое уже въ концѣ XVIII вѣка было такъ значительно, что этимъ именемъ стали обозначать, безразлично, собственниковъ большихъ помѣстьевъ, мелкихъ freeholder'овъ, copyholder'овъ и собственно фермеровъ; оно сдѣлалось родовымъ названіемъ для всѣхъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Собственно фермеры, своимъ численнымъ превосходствомъ, даютъ имя разнымъ видамъ сельскихъ хозяевъ. Было бы ошибочно, однако, составить себѣ понятіе объ англійскомъ фермерѣ по континентальнымъ образчикамъ,—зависимѣйшимъ существамъ! Особенности англійскаго характера, вмѣстѣ съ свободными учрежденіями страны, увѣренностью въ законной защитѣ противъ произвола и угнетенія, и той чертою англійской аристократіи, которая такъ рѣзко отличаетъ ее отъ континентальной, создали здѣсь фермеровъ sui generis. Англійскій аристократъ старается жить въ ладу съ своими фермерами, не кляузничаетъ и не тягается изъ-за каждаго вздора, не видитъ ни чести, ни пользы угнетать ихъ.

Фермеры англійскіе уже въ началѣ XVIII вѣка дѣлятся на три класса, сохранившіеся и донынѣ.

Первый классъ составляли такъ-называемые gentlemen-fermers — помѣсь землевладѣльца, барышника и собственно фермера. Первоначально фермеры, разбогатѣвъ, успѣли пріобрѣсти поземельную собственность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снимали у высшаго дворянства значительныя помѣстья, и, раздробивъ ихъ на мелкіе участки, отдавали ихъ другимъ съемщикамъ.

Ко второму классу относятся, собственно, барышники имѣніями en gros, разбивающіе ихъ, для сдачи въ наемъ, тоже на мелкіе участки. Имъ Англія и обязана, по преимуществу, высокою степенью совершенства своего сельскаго хозяйства. Располагая значит льными капиталами, они имѣли возможность внести въ хозяйство тѣ улучшенія, которыя были бы немыслимы мелкому собственнику. При этомъ, рискъ ихъ былъ незначительный: затраченный капиталъ возвращался, нерѣдко, сторицей изъ карма-

новъ ихъ съемщиковъ. Ихъ можно сравнить съ крупными фабрикантами.

Кромѣ того, примѣръ ихъ предпріимчивости дѣйствовалъ благодѣтельно на сосѣдей и съемщиковъ, которымъ они часто помогали, дѣля, въ случаѣ успѣха предпріятія послѣднихъ, барыши. Исторія англійскаго сельскаго хозяйства представляетъ не одинъ примѣръ ихъ благодѣтельной дѣятельности. Возможенъ ли въ другой странѣ Robert Bakewell, подарившій Англіи новую породу овецъ? Гдѣ нашелъ бы на континентѣ бѣднякъ, подобный ему, необходимые значительные капиталы для своихъ опытовъ? Въ Англіи, благодаря соединенію знанія съ капиталомъ и благоразумною предпріимчивостью, это возможно.

Послѣдній классъ фермеровъ состоитъ изъ съемщиковъ мелкихъ участковъ у предъидущихъ двухъ классовъ. Отношенія всѣхъ ихъ къ землевладѣльцу оставались постоянно мирными, даже дружественными. Причину этого явленія, неизвѣстнаго на континентѣ, старались объяснить обстоятельствомъ, что въ Англіи договоры заключаются на продолжительные сроки. Но это положительно невѣрно. Большая часть договоровъ заключается на одинъ годъ, притомъ не письменно, съ правомъ сойти съ участка во всякое время — at will, предваривъ только о томъ землевладѣльца за полгода впередъ. Мирныя отношенія англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ фермерамъ скорѣе объясняются тѣмъ, что первые живутъ посреди послѣднихъ, въ деревнѣ.

Короли континентальной Европы, опасаясь дворянства, старались разорять его придворной жизнью, къ которой они привлекали его и соблазняли въ своихъ столицахъ. Короли англійскіе, со временъ Генриховъ VII и VIII, не опасаясь болѣе дворянства, не прибѣгали къ этому политическому средству обезсиленія дворянъ, оставляя ихъ въ помѣстьяхъ. Здѣсь успѣли образоваться между ними и ихъ фермерами тѣ отношенія, которыя мы видѣли, какъ исключеніе на континентѣ, въ Вандеѣ. Въ остальной Европѣ, дворяне, развращенные въ столицахъ, отчужденные отъ жизни и интересовъ народа, понимать которыя они утратили всякую возможность, возвращаясь въ свои деревни, смотрѣли на селянина, какъ на парія, какъ на двуногую скотину, созданную для благоденствія ея владѣльца. Этимъ абсентеизмомъ объясняются, безъ натяжки, враждебныя отношенія континентальныхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, и отсутствіемъ его въ англійской жизни противоположное явленіе на британскомъ островѣ. Пребываніе англійскаго дворянства въ своихъ помѣстьяхъ имѣло еще другое благодѣтельное послѣдствіе: въ ту пору, какъ континентальное дворянство разорялось въ

столицахъ на предметы придворной роскоши, приличія и прихотливой, непостоянной моды, когда весь трудъ крестьянина уходилъ на совершенно безполезные предметы, англійское дворянство, живя посреди своихъ фермеровъ, возвращало имъ же значительную часть своихъ доходовъ за удовлетвореніе своихъ потребностей, также роскоши, но роскоши *сельской*, а не городской. Самолюбіе, въ благородномъ смыслѣ этого слова, тоже не мало вліяло на отношенія англійскаго дворянства и ихъ фермеровъ. Дворянинъ англійскій, живя большую часть года въ своихъ помѣстьяхъ, принималъ въ немъ и своихъ друзей и пріятелей. Онъ сдѣлался бы, въ глазахъ ихъ, недостойнымъ имени англійскаго дворянина, и рисковалъ бы потерять ихъ уваженіе, если бы они увидѣли жалкія жилища фермеровъ его, плохія дороги, дурно воздѣланныя поля, плохо содержимый скотъ. Поэтому, англійскій помѣщикъ нерѣдко затрачивалъ изъ своего кармана на эти предметы, въ случаѣ, если средства фермеровъ были для этого недостаточны. Къ несчастію, на континентѣ слѣдовали долгое время не этому примѣру, а лозунгу, подаваемому дворянствомъ французскимъ.

Неудивительно послѣ сказаннаго, что англійское сельское хозяйство, уже со второй половины XVIII вѣка, постоянно совершенствуясь, достигло такого же цвѣтущаго состоянія, какъ и англійская промышленность и торговля. Общераспространенное мнѣніе, что только послѣднимъ Англія обязана своимъ развитіемъ,—едва ли справедливо. Промышленность и торговля ея возникли именно изъ сельскаго хозяйства, да и теперь статистическими данными можно доказать, что цѣнность сельскихъ ея произведеній и скотоводства не уступаетъ цѣнности, выручаемой англійскою промышленностью и торговлей.

Увеличеніе англійскаго населенія съ половины XVIII вѣка доказываетъ тоже, что оно идетъ рука объ руку съ развитіемъ сельскаго хозяйства, свободой, хорошимъ управленіемъ и обезпеченіемъ собственности и труда. Народонаселеніе Англіи, исключая Шотландіи и Ирландіи, немногимъ только превосходившее въ 1700 г. пять милліоновъ, въ 1800 г. превосходитъ уже 9, въ 1851 г. достигаетъ даже 18 милліоновъ душъ!! Сравнивъ эти цифры съ приведенными выше объ увеличеніи народонаселенія во Франціи, легко вывести разницу между этими двумя странами.

По сдѣланному, въ 1831 г., исчисленію, каждый англичанинъ потреблялъ, среднимъ числомъ, одного хлѣба на 8 фунт. стерлинговъ [1]) въ годъ. Выходя изъ этого факта, оказывается, что,

---

[1]) Фунтъ стерлинговъ стоитъ 6 руб. 26 коп.

въ періодъ времени съ 1750 по 1831 г., ежегодное потребленіе туземнаго хлѣба (здѣсь не принимается въ разсчетъ хлѣбъ привозный) возрасло, въ 1831 г., на 60 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ противъ потребленія его въ 1750 г.!! Цѣнность эта превосходитъ въ два раза цѣнность ежегоднаго потребленія всѣхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ Англіи въ тотъ же періодъ времени.

Но и потребители изъ класса животныхъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, тоже увеличились значительно. Удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей тоже легло на обязанность англійскаго сельскаго хозяйства. Достаточно привести здѣсь одинъ примѣръ, для доказательства, что оно удовлетворяетъ этой потребности вполнѣ. Въ первыя десятилѣтія текущаго столѣтія собственно, Англія имѣла въ 4 раза болѣе лошадей, чѣмъ въ половинѣ прошедшаго. Такъ какъ каждая лошадь потребляетъ ежегодно, среднимъ числомъ, 10 квартеровъ [1]) овса или ячменя, то, для покрытія этой одной потребности, англійское сельское хозяйство должно было доставить на рынокъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, ежегодно 10 милліоновъ квартеровъ ($2^1/_2$ милліона доставляла, правда, Ирландія) названныхъ сортовъ хлѣба болѣе, чѣмъ въ 1750 году! Количество привознаго хлѣба въ года, выбранные для сравненія, такъ незначительно, что не стоитъ даже принимать его въ разсчетъ. Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что Англія успѣла сама, усовершенствованіями сельскаго хозяйства, удовлетворить не только насущнымъ потребностямъ своего на 130 процентовъ увеличившагося народонаселенія, гораздо лучше питающагося чѣмъ прежде, но и покрыть $^3/_4$ всего расхода зерномъ на содержаніе столь значительно умножившагося числа лошадей. Есть ли другое государство въ Европѣ, которое могло бы представить примѣръ подобной увеличившейся производительности? И это въ странѣ, вовсе не отличающейся особенно хорошею почвою, притомъ обремененной неизвѣстными на континентѣ налогами. Изъ нихъ особенно чувствителенъ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Генрихъ VIII, для предупрежденія народныхъ возстаній бѣдняковъ, жившихъ подаяніями уничтоженныхъ имъ монастырей, принужденъ былъ удовлетворить ихъ средствами общественной благотворительности. Закономъ 1536 году, распространеннымъ при Елисаветѣ (въ 1601 г.), было опредѣлено, что каждый собственникъ, имѣвшій недвижимое имущество въ уѣздѣ, долженъ былъ вносить извѣстную подать на покупку льна, конопли, хлопка, предназначен-

---

[1]) Одинъ квартеръ равняется 11,08 русскихъ четвериковъ.

нихъ доставить занятіе работникамъ незанятымъ, содержать увѣчныхъ и неспособныхъ къ работѣ, а также на обученіе дѣтей. Съ теченіемъ времени, такса эта значительно уклонилась отъ своего первоначальнаго назначенія. Къ ней стали обращаться для содержанія рабочихъ, неимѣвшихъ работы, или обремененныхъ дѣтьми, и неимѣвшихъ средствъ ихъ содержать; изъ сбора этой же таксы стали покрывать разницу между возвысившеюся цѣною на хлѣбъ и недостаточною заработною платой. Посредствомъ этого уклоненія отъ своего первоначальнаго назначенія, англійскій налогъ въ пользу бѣдныхъ является не только средствомъ благотворительности, но и учрежденіемъ для уравненія заработной платы и, притомъ, не временнымъ, но постояннымъ на всѣ времена. Съ увеличившимся населеніемъ и въ случаѣ неурожая — poor'tax достигала значительной суммы. Не превосходя, въ половинѣ XVIII вѣка, семисотъ-тысячъ ф. ст., она достигла въ 1812 г. до 7, въ 1818 г. почти до 8 милліоновъ ф. ст. Хотя подать эта съ тѣхъ поръ и понизилась, но все-таки на нее расходуется ежегодно до 5 мил. ф. ст. по преимуществу изъ кармановъ сельскихъ хозяевъ.

Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что заработная плата сельскихъ работниковъ рѣдко достигала половины заработной платы фабричныхъ работниковъ и тѣмъ еще, что первые злоупотребляли постановленіемъ закона, вызваннаго желаніемъ подать помощь дѣйствительно нуждающимся между ними. Сельскіе рабочіе смотрѣли на подать для бѣдныхъ, какъ на пенсіонъ, который государство обязано было имъ платить, пока законъ 1834 г. не положилъ предѣлъ ихъ безстыднымъ требованіямъ.

Рядомъ съ этой тяжелой податью, сельскій житель обязанъ былъ платить тяжелый налогъ съ земли, десятину уплачивать церкви (притомъ не съ валового дохода, а съ затраченнаго капитала), нести подать съ оконъ, на содержаніе путей сообщенія, на наемъ солдатъ и т. п. Такимъ образомъ, на поземельной собственности Англіи лежатъ гораздо высшія повинности, чѣмъ на континентѣ; онѣ превосходятъ, напр., французскія — въ 5 разъ! Фактъ этотъ лучше всякихъ разсужденій доказываетъ, что можетъ сдѣлать свободное и развитое населеніе даже на землѣ, не облагодѣтельствованной природой, когда собственная польза побуждаетъ его къ напряженію всѣхъ его силъ.

Въ 1836 г., церковная десятина, платимая произведеніями, превращена въ денежную подать. Въ 1841 и 1851 г., повинности copyholder'овъ тоже переведены на деньги, а они сами обращены въ freeholder'овъ. Такимъ образомъ, число мелкихъ землевладѣльцевъ, въ 1831 г. не превосходившее 20,000, прости-

рается теперь до 200,000. Немало этому способствовало и уничтоженіе (въ 1849 г.) таможенной пошлины на хлѣбъ. Уничтоженіе это предвидѣли многіе уже за долго до его осуществленія и, опасаясь упадка цѣнности земли отъ уменьшенія наемной платы за нее, они старались сбыть ее. Болѣе дальновидные, нераздѣлявшіе этихъ опасеній, скупивъ дешево предлагаемыя земли, перепродали ихъ вскорѣ съ барышемъ. Хотя ввозъ въ Англію хлѣба значительно усилился, но отъ этого земледѣліе этой страны не пострадало. Напротивъ, статистическія данныя указываютъ на его увеличеніе съ тѣхъ поръ, какъ таможенная пошлина на хлѣбъ уничтожена, и поземельные собственники не только не пострадали отъ этого, а выиграли. Но если бы даже этого не случилось, предположимъ, что они пострадали бы какъ землевладѣльцы, то, во всякомъ случаѣ, отъ этого кесарскаго сѣченія Р. Пиля, они выиграли бы какъ потребители, хотя не въ такой степени, какъ рабочій людъ, для котораго средства пропитанія и цѣли ихъ играютъ такую важную роль.

Положеніе крестьянъ въ Шотландіи представляетъ, еще въ началѣ XVIII вѣка, неутѣшительное зрѣлище. Единственнымъ послѣдствіемъ безпрерывной борьбы между слабыми королями и сильными баронами было фактическое уничтоженіе крѣпостного права. Оно вышло изъ употребленія, хотя, по закону, еще существовало. Личное соединеніе шотландской короны съ англійскою на главѣ Якова I не отразилось на сельскомъ населеніи облегченіемъ его участи. Напротивъ, дворянство шотландское злоупотребляло своею патримоніальною юрисдикціей и выжимало, увеличеніемъ налоговъ, послѣднія средства у бѣднаго поселянина. Стюарты, опираясь на шотландское дворянство въ борьбѣ, которую приходилось имъ испытывать въ Англіи, отдавали ему въ жертву сельское населеніе Шотландіи. Въ судьбѣ послѣдняго не произошло особеннаго улучшенія, даже и послѣ 1707 года, т. е. послѣ соединенія англійскаго и шотландскаго правительствъ. Чтобы смягчить оппозицію, вызванную этимъ соединеніемъ въ Шотландіи во всѣхъ классахъ ея населенія, старались снискать расположеніе самаго сильнаго и опаснаго изъ нихъ — дворянскаго, оставленіемъ ему давнишней патримоніальной власти, въ самыхъ жестокихъ ея формахъ, съ правомъ не только гражданскаго, но даже уголовнаго суда, съ правомъ жизни и смерти. Несправедливость и неестественность этихъ отношеній длилась до половины XVIII вѣка, до битвы при Куллоденѣ, въ которой претендентъ изъ дома Стюартовъ, Карлъ-Эдуардъ, похоронилъ свои надежды. Побѣда эта была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пораженіемъ шотландской аристократіи, вѣрной союзницы претендента. Англій-

ское правительство, убѣдившись, что преслѣдованіе ея и казни не могутъ имѣть прочнаго успѣха, вскорѣ прекратило ихъ, обратившись къ мѣрѣ болѣе радикальной и вѣрной. Такъ какъ попытки претендентовъ и шотландскихъ аристократовъ были только до тѣхъ поръ опасны, пока въ возстаніяхъ ихъ участвовалъ обманутый ими народъ, на котораго они, по своему положенію, оказывали сильное вліяніе, то, естественно, должна была родиться мысль — исторгнуть сельскія массы изъ-подъ непосредственнаго вліянія дворянства, уничтоженіемъ патримоніальной ихъ власти. Но и въ этомъ политичномъ актѣ англійскаго парламента и короны, нельзя не замѣтить уваженія къ легальности. Побѣдители имѣли средства распорядиться съ побѣжденными по произволу; достаточно было парламентскаго акта, чтобы отнять у послѣднихъ патримоніальныя права ихъ, безъ всякого вознагражденія. Между тѣмъ, парламентъ выкупилъ ихъ у 148 помѣщиковъ за 164 тысячи фунтовъ (шотландскіе лорды требовали, правда, шестьсотъ тысячъ!). Не менѣе характеристично назначеніе, которое получили имѣнія самыхъ виновныхъ мятежниковъ, потерянныя ими по суду. Парламентъ назначилъ сто тысячъ фунтовъ *«для покупки»* этихъ имѣній съ тѣмъ, чтобы они, будучи обращены въ неотчуждаемыя государственныя имущества, были разбиты на небольшія фермы, отдаваемыя въ аренду мелкимъ съемщикамъ. Для облегченія, разрѣшено заключать контракты на 21 годъ. Этими мѣрами множество безплодныхъ гористыхъ мѣстъ превращены культурой въ плодоносныя. Съ этого времени только, бытъ крестьянъ и положеніе сельскаго хозяйства въ Шотландіи начинаютъ улучшаться, не смотря на сильныя эмиграціи въ сѣверную Америку, вызванныя превращеніемъ значительнаго числа почвы, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, въ выгоны для овецъ. Изъ полутора милліона жителей въ половинѣ XVIII столѣтія, число ихъ теперь возрасло до трехъ слишкомъ; нищіе, бродившіе по цѣлой Шотландіи, исчезли; въ селахъ заведены библіотеки; образованіемъ своего сельскаго населенія она далеко опередила Англію. И все это совершилось въ странѣ, суровой климатомъ, изрѣзанной горами, въ странѣ, въ которой въ окрестностяхъ столицы, Эдинбурга, еще въ 1727 году, народъ сбѣжался смотрѣть на поля, засѣянныя въ первый разъ пшеницей, какъ на чтò-то неслыханное, граничившее съ чудомъ,—въ странѣ, въ которой этотъ народъ тогда жилъ въ курныхъ избахъ, вмѣстѣ со скотиной, немногимъ отличаясь отъ нея. Теперь же, по свидѣтельству безпристрастныхъ авторитетовъ въ сельскомъ хозяйствѣ, значительное число усовершенствованій въ немъ заимствованы Англіей изъ Шотландіи. Чему же приписать

этотъ экономическій, умственный и нравственный переворотъ, совершившійся въ краѣ, назадъ тому полтора вѣка находившемся на низшей степени культуры?? Ничему иному, какъ громадному перевороту, происшедшему въ теченіе этой эпохи въ отношеніяхъ владѣльцевъ земли и ея воздѣлывателей; въ торжествѣ свободнаго труда! И въ настоящую минуту, въ Шотландіи число поземельныхъ собственниковъ изъ крестьянъ незначительно (около шести тысячъ, получающихъ около трехсотъ тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода); между тѣмъ, какъ число арендаторовъ, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ (а арендная плата, ими платимая, превосходитъ почти въ двадцать разъ доходъ, получаемый первыми) больше мелкихъ землевладѣльцевъ. Это странное явленіе объясняется отсутствіемъ стремленія шотландскихъ фермеровъ пріобрѣтать землю въ собственность. Собственникъ отдаваемой въ наемъ земли обращается съ ними человѣчно, всегда готовъ имъ помогать въ случаѣ предпринимаемыхъ улучшеній, такъ, что фермеръ только въ рѣдкихъ случаяхъ выигралъ бы отъ того, что онъ сдѣлался бы собственникомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ шотландскіе землевладѣльцы убѣдились, что чѣмъ лучше они обращаются съ фермерами, чѣмъ снисходительнѣе они къ нимъ, тѣмъ скорѣе возвышается доходъ съ ихъ земель, съ тѣхъ поръ они старались не только слѣдовать примѣру англійскаго дворянства, но даже превзойти его.

Страшный контрастъ съ англійскимъ и шотландскимъ сельскимъ населеніемъ представляетъ положеніе ирландскаго крестьянина. Несправедливо было бы, однако, винить въ этомъ однихъ англичанъ. Въ немъ повинны столько же и сами ирландцы. Генрихъ II (въ концѣ XII вѣка) успѣлъ подчинить своей власти только незначительную часть Ирландіи; большая же часть ея оставалась въ рукахъ туземныхъ владѣтелей, хотя и признававшихъ англійскаго короля своимъ сюзереномъ, но пользовавшихся, внутри своихъ владѣній, полною независимостью. Имъ не трудно было бы свергнуть чужеземное иго, но постоянныя распри, зависть мѣшали единству дѣйствій. Вся первоначальная исторія этого «Зеленаго» острова состоитъ изъ междоусобицъ внутри и внѣшнихъ войнъ съ англичанами. Внутренняя борьба была тѣмъ ужаснѣе, что ее вела феодальная аристократія, не сдерживаемая даже королевскою властью, ибо власть англійскихъ королей, въ теченіе четырехъ вѣковъ, была почти номинальной. Для упроченія ея, они, начиная съ Генриха II, не пренебрегали никакими средствами, пользуясь, въ особенности, національной враждой англичанъ и ирландцевъ (первые были германскаго, вторые—кельтическаго происхожденія). Уже Генрихъ II, оставляя помѣстья тѣмъ

туземнымъ старшинамъ, которые соглашались признавать его власть надъ собой, въ то же самое время раздавалъ огромныя пространства земли въ Ирландіи тѣмъ англійскимъ баронамъ, которые особенно помогали ему въ захватѣ, и которые были достаточно сильны, чтобы удержать за собою данныя имъ помѣстья и даже отразить силой приведенныхъ въ отчаяніе прежнихъ собственниковъ этихъ земель. При наслѣдникахъ Генриха II, племенная вражда между англичанами и ирландцами усиливается еще больше отъ постояннаго предпочтенія, оказываемаго королями первымъ, и отъ всевозможныхъ оскорбленій послѣднихъ. Ирландцы не пользовались благодѣяніями англійскаго законодательства: притѣсненіе ихъ доходило до того, что они не имѣли даже права жалобы. Англичанинъ, убившій ирландца, не подвергался даже преслѣдованію англійскихъ судовъ, а въ глазахъ англійскаго духовенства, подобное преступленіе, не считалось даже грѣхомъ!! Не смотря, однако, на эту коварную политику англійскихъ королей, опасавшихся сліянія поселившихся въ Ирландіи англичанъ съ туземцами, оно мало по малу совершалось. Чтобы помѣшать ему, изданъ былъ, въ 1367 г., знаменитый статутъ Килькени, запрещавшій англичанамъ, подъ страхомъ преслѣдованія и наказанія, какъ за государственную измѣну, входить въ какія бы то ни было родственныя отношенія съ ирландцами, говорить по-ирландски, носить туземное платье, или держаться ирландскихъ обычаевъ!! Англійское духовенство не устыдилось даже подкрѣпить этотъ варварскій статутъ угрозой анаѳемы всѣмъ, неисполняющимъ его! Прямымъ послѣдствіемъ этого драконова закона была потеря англійскою короною всѣхъ ея владѣній, лежавшихъ внутри острова, исключая нѣсколькихъ мелкихъ графствъ и портовъ. Независимая Ирландія находилась подъ властью 90 независимыхъ туземныхъ владѣтелей. Наученная горькимъ опытомъ въ несостоятельности насильственныхъ мѣръ, Англія готова была протянуть руку примиренія Ирландіи, но въ эту минуту реформація еще больше раздвинула бездну, созданную продолжительной недальновидной политикой. Недовѣріе ко всему, что̀ происходило изъ Англіи, и невѣжество народа, такъ долго поддерживаемое въ массахъ его, были причиной того, что онъ отвергъ тѣ улучшенія церковнаго устройства, которыя предлагала ему реформація. Племенная вражда превратилась теперь въ религіозную, а фанатизмъ раздулъ ее до крайнихъ предѣловъ.

Изъ сказаннаго можно легко составить себѣ понятіе, въ какомъ бѣдственномъ положеніи должно было находиться сельское населеніе страны, впродолженіе столькихъ вѣковъ опустошаемой. Болѣе $^9/_{10}$ способной къ воздѣлыванію почвы Ирландіи конфиско-

вано было у туземцевъ въ пользу ихъ англійскихъ побѣдителей; постановленіями такъ-называемыхъ popery laws (въ началѣ XVIII вѣка) запрещено было ирландцамъ владѣть недвижимою собственностью, или снимать участки долѣе чѣмъ на 31 годъ. Но и этихъ постановленій казалось еще недостаточно, и было опредѣлено, что арендная плата не могла быть ниже $^2/_3$ дохода! Въ заключеніе, постановлено, что протестантъ, открывшій какое-либо уклоненіе отъ опредѣленныхъ выше правилъ, и донесшій объ этомъ суду, получалъ въ награду все имущество ирландца, обошедшаго эти вопіющіе законы!

Можно-ли удивляться послѣ этого, что англичане вездѣ встрѣчали ирландцевъ въ рядахъ своихъ непріятелей, въ арміяхъ французской [1]) и сѣвероамериканской, и что ирландцы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ вредить своимъ притѣснителямъ? Такъ, съ 1761 года встрѣчаемъ въ самой Ирландіи толпы такъ-называемыхъ «бѣлыхъ молодцовъ» (whitebous), организованными партіями нападавшихъ по ночамъ на фермеровъ англійскихъ, грабившихъ, истязавшихъ и, нерѣдко, убивавшихъ ихъ. Названіе свое они получили отъ бѣлыхъ рубахъ, которыя они, отправляясь на свой промыселъ, накидывали поверхъ платья.

Несостоятельность мѣръ строгости для уничтоженія этихъ шаекъ и американская революція принудили, наконецъ, англичанъ къ нѣкоторымъ уступкамъ. Въ 1778 году, отмѣнены были упомянутые выше, возмутительные законы, касавшіеся владѣнія и найма, а, вслѣдъ затѣмъ, и гражданскія ограниченія, основанныя на религіозной нетерпимости. Французская революція тоже не мало способствовала этимъ перемѣнамъ. Не смотря на эти уступки, издавна подготовляемая революція вспыхнула въ 1798 году. Подавленная съ жестокостью, она кончилась соединеніемъ Англіи съ Ирландіей въ 1800 году. Соединеніе это было, однакожъ, сдѣлано не съ цѣлью представить Ирландіи возможность воспользоваться благодѣяніями англійской свободы, а, напротивъ, при этомъ имѣлось въ виду «наказать» страну. И дѣйствительно, соединеніе это состояло въ томъ только, что прежде самостоятельный, строптивый ирландскій парламентъ слитъ былъ съ англійскимъ, въ массѣ котораго онъ окончательно и утратилъ свою независимость. Довольно характеристиченъ фактъ, что политическое освобожденіе католиковъ, обѣщанное Ирландіи еще въ 1800 году, дѣйствительно совершилось только 30 лѣтъ спу-

---

[1]) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 450 тысячъ ирландцевъ погибло въ рядахъ французскихъ войскъ, сражавшихся противъ Англіи въ періодъ времени съ 1691 по 1745 года.

стя, въ 1829 году. Но и этотъ шагъ впередъ не оказалъ особенно благодѣтельнаго вліянія на бытъ сельскаго населенія этой страны. Не смотря на то, что, по свидѣтельству опытныхъ сельскихъ хозяевъ, почва Ирландіи могла бы, при другихъ обстоятельствахъ, производить въ пять разъ больше, чѣмъ она производитъ теперь, сельское населеніе этой страны, растленное страшной нищетой, невѣжествомъ и неимѣніемъ собственности, не успѣло еще выйти изъ бѣдственнаго положенія. Вѣковое угнетеніе несчастной страны легло проклятіемъ на ней, смягчить которое не удалось еще стараніямъ двухъ послѣднихъ поколѣній.

Мы видѣли, что почти все сельское населеніе Ирландіи до 1778 года состояло изъ людей, у которыхъ исторгнута была собственность, перешедшая въ руки англичанъ, или протестантовъ, отдававшихъ ее въ наемъ фермерамъ, своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, называемымъ ирландцами ternyBegs (мелкопомѣстные). Дѣйствуя въ духѣ правительственномъ, они имѣли единственною цѣлью — извлечь какъ можно больше дохода изъ трудовъ несчастныхъ туземныхъ второстепенныхъ съемщиковъ и батраковъ. Къ этому присоединилось еще несчастіе, что эти нищіе плодились съ непомѣрной быстротой: населеніе Ирландіи, простиравшееся въ 1672 году до милліона трехсотъ тысячъ жителей, постоянно увеличиваясь, превосходитъ, въ 1841 году, восемь милліоновъ! Фактъ этотъ стараются объяснить тѣмъ, что только семейныя радости (!!) и были доступны ирландскому пролетарію, который вступалъ въ бракъ едва выходя изъ отрочества; кромѣ того, въ обстоятельствѣ, что то же самое пространство земли, засѣянное картофелемъ, можетъ пропитать гораздо больше людей, чѣмъ засѣянное хлѣбомъ. Каково это питаніе и каковы физическія силы населенія, вскормленнаго картофелемъ — это вопросъ иной, непринимаемый въ соображеніе несчастными ирландцами!

Немалымъ источникомъ несчастій ихъ былъ абсентеизмъ землевладѣльцевъ и обстоятельство, что земледѣльца эксплуатировалъ не помѣщикъ одинъ, а цѣлая іерархія фермеровъ, другъ другу сдававшихъ участки, мельчавшіе при каждой сдачѣ. Наемныя цѣны за нихъ не уменьшались по мѣрѣ дробленія ихъ, а, напротивъ, расли въ ужасающей прогрессіи. Такимъ образомъ, случалось, что клокъ земли, за который землевладѣлецъ получалъ отъ главнаго фермера, положимъ—рубль арендной платы, ирландецъ, какъ послѣдній съемщикъ, платилъ предпослѣднему въ цѣлой вереницѣ этихъ спекуляторовъ — двѣнадцать рублей.

Положеніе это, длившееся до половины настоящаго вѣка,

сопровождалось, разумѣется, дробленіемъ полей, достигшимъ баснословнаго измельчанія.

Въ 1841 году, было въ Ирландіи 685 тысячъ семействъ, питавшихся плодами, собранными *менѣе* чѣмъ съ одного акра [1]), и 306 тысячъ—отъ одного до пяти акровъ!! Принимая семейство, среднимъ счетомъ, въ 4 души, число первыхъ дойдетъ до 2,741,000, а послѣднихъ до 1,227,000!! Итакъ, хотя въ теоріи крѣпостное право давно уже исчезло изъ ирландскаго законодательства, на фактѣ оно существовало, доходя даже до рабства. Человѣкъ, находящійся въ полнѣйшей фактической зависимости отъ барышника, поневолѣ будутъ исполнять всѣ его требованія, не смотря на то, что по закону онъ считается человѣкомъ свободнымъ. Ирландецъ, по закону—человѣкъ свободный, а, между тѣмъ, исполнялъ до послѣдняго времени еще барщинныя работы въ пользу фермера. Откажись онъ сдѣлать ему эти «маленькія услуги», его сейчасъ сгонятъ съ картофельнаго участка, отдавъ предпочтеніе «болѣе услужливому». А каково рабство тѣхъ, которые не внесли въ срокъ арендной платы, или задолжали фермеру?! Землевладѣлецъ имѣлъ право, послѣ истеченія 6 мѣсяцевъ, прогнать ихъ. Оффиціальныя данныя открыли, что еще въ теченіе одного 1844 года совершилось 6,522 такихъ «изгнаній» (ejectements), лишившихъ крова и пищи около 24 тысячъ ирландцевъ!!

При такомъ порядкѣ вещей нельзя и ожидать, чтобы сельское хозяйство могло сдѣлать какіе-либо успѣхи. Барышники, бывшіе посредниками между землевладѣльцемъ и ирландцемъ, послѣднимъ съемщикомъ въ цѣпи передачъ участковъ, не имѣли ни малѣйшаго интереса въ томъ, хорошо ли, или худо обрабатывается земля, и еще менѣе заботились о предохраненіи ея отъ истощенія, не говоря уже о томъ, чтобы затрачивать капиталъ на ея улучшеніе. Они были увѣрены, что и безъ этихъ заботъ земля не останется безъ съемщиковъ. Послѣдніе тоже не имѣли ни средствъ совершенствовать свое хозяйство, ни побудительныхъ причинъ къ этому. Они напередъ знали, что за всякимъ улучшеніемъ почвы послѣдуетъ или увеличеніе наемной платы, или же отдача участка другому лицу, которое и воспользуется, вмѣстѣ съ фермеромъ, плодами ихъ трудовъ.

Послѣ неурожаевъ картофеля, въ сороковыхъ годахъ, напомнившихъ ужасы голода въ средніе вѣка, правительство и парламентъ рѣшились, наконецъ, положить предѣлъ существовавшему въ Ирландіи порядку вещей.

---

[1]) Акръ равняется 0,370 русской десятинѣ.

Кромѣ трехъ милліоновъ фунтовъ, вотированныхъ на улучшеніе по части сельскаго хозяйства, особенно хорошее вліяніе оказали двѣ законодательныя мѣры, изъ которыхъ первою строго запрещено барышничество посредниковъ между землевладѣльцами и собственно земледѣльцами, и облегчены послѣднимъ способы пріобрѣтенія у первыхъ земли въ собственность. Второю мѣрою, еще болѣе дѣйствительною, чѣмъ первая, предписано было приступить къ немедленной продажѣ всѣхъ заложенныхъ, или обремененныхъ долгами имѣній, съ устраненіемъ разныхъ проволочекъ и формальностей. Къ этой смѣлой мѣрѣ парламентъ рѣшился приступить потому, что большая часть ирландскихъ землевладѣльцевъ была до того обременена долгами, что они превосходили почти вдвое цѣнность имѣній, которыми они были обезпечены. Сумма лежавшихъ на нихъ долговъ простиралась до 36 милліоновъ фунтовъ, такъ, что весь доходъ съ этихъ имѣній не былъ достаточенъ для уплаты процентовъ этого капитала. Вслѣдствіе этой мѣры, болѣе 4 милліоновъ акровъ земли перешли, въ теченіе 8 лѣтъ (съ 1849 — 1857), въ руки семи тысячъ покупщиковъ, по преимуществу ирландцевъ.

Правда, эта спеціальная реформа совершилась не безъ жертвъ отдѣльныхъ личностей. Упомянутые выше три съ половиною милліона акровъ, обремененные 36 милліоннымъ (въ фунтахъ) долгомъ, были проданы едва за 20 милліоновъ съ небольшимъ. Но эти потери, какъ ни чувствительно отразились онѣ на нѣкоторыхъ личностяхъ, были сторицей вознаграждены посредствомъ общаго благосостоянія. Сельское населеніе освободилось отъ вѣковаго гнета спекуляторовъ и барышниковъ; капиталы стали приливать въ Ирландію, и множество мелкихъ землевладѣльцевъ и фермеровъ принесли въ эту страну свой трудъ и знаніе. Подобное явленіе было возможно только послѣ устраненія существовавшаго порядка вещей, когда прекратилась вѣковая борьба несчастнаго ирландскаго пролетарія противъ алчныхъ барышниковъ и землевладѣльцевъ, когда первому не было больше повода прибѣгать къ поджогамъ и грабежу, какъ единственнымъ протестамъ противъ угнетенія и споліаціи; словомъ, когда прежде неизвѣстная въ этой странѣ безопасность привлекла въ нее необходимые для преуспѣянія земледѣлія капиталы.

Слѣдующіе примѣры покажутъ, лучше всякихъ разсужденій, послѣдствія мирнаго и законнаго преобразованія, совершившагося въ Ирландіи. Нѣкто Алланъ Поллакъ пріобрѣтаетъ, въ 1852 году, въ графствѣ Галуей, изъ поступившихъ въ продажу за долги земель, на 230 тысячъ фунтовъ, изъ которыхъ въ это время не болѣе 100 акровъ были воздѣлываемы. Употребивъ на

улучшеніе и обработку этихъ земель 150 тысячъ фунтовъ, владѣлецъ ея уже въ 1856 году, слѣдовательно, черезъ 4 года, вмѣсто 100 прежнихъ акровъ, снималъ уже плоды съ 5,000, и 409 человѣкъ болѣе, чѣмъ въ былое время, существовали ея произведеніями и жили на ней. Въ 1841 году, на пространствѣ всей Ирландіи число арендныхъ имѣній, имѣвшихъ болѣе 30 акровъ, составляло только 7% всей суммы ихъ; въ 1855, оно достигаетъ уже 26%; число невоздѣлываемой земли въ теченіе этихъ же 15-ти лѣтъ изъ 6,250,000 акровъ уменьшилось на 4,890,000, а цѣнность скота, въ промежутокъ этого же времени, изъ 19 милліоновъ фунтовъ, при неизмѣнившихся цѣнахъ, возвысилась на 33 милліона!!

Этотъ крупный фактъ приведенъ здѣсь въ примѣръ, какъ рѣзко выдающійся, но его можно было бы обставить множествомъ ему подобныхъ, болѣе мелкихъ, тоже доказывающихъ неоспоримое торжество свободнаго труда, положительнаго знанія и капитала надъ безпечностью, невѣжествомъ и затратой денегъ на непроизводительныя назначенія, обусловленныя предразсудкомъ и рутиной.

А. Скрѣвицкій.

Боннъ-на-Рейнѣ. 31 декабря 1866.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

VI.

ПІЙ IX И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Изъ «Записокъ» очевидца: 1848 и 49 гг. *).

I.

Обзоръ предъидущихъ событій. — Левъ XII, Пій VIII и Григорій XVI. — Кровавая реакція и дипломатическія ноты. — Гаэтанино и Григоріетто. — Брошюра Массимо д'Азеліо. — Смерть папы и Конклавъ 48-ми часовъ. — Пій IX и амнистія. — Характеръ новаго папы и недоразумѣніе. — Чичерваккіо. — Тщетныя мѣропріятія. — Неудавшійся заговоръ. — Учрежденіе національной гвардіи. — Неистовство народа и аллокуція отца Вентуры. — Австрійцы въ Феррарѣ и протестъ римскаго правительства. — Народный восторгъ въ Римѣ, и первыя идеи папы объ итальянскомъ единствѣ. — Попытки внутреннихъ реформъ со стороны папскаго правительства. — Торговый союзъ съ Піемонтомъ и Тосканою, и раздѣленіе Италіи на два враждебныхъ лагеря.

Исторія Италіи, отъ 1815 года и до революціи 1848 и 49 гг., въ промежуткѣ слишкомъ тридцати лѣтъ, была настоящею мартирологіею страны. Вѣнскій конгрессъ, положившій конецъ первой революціи, можно сказать, положилъ прочное начало будущимъ переворотамъ. Потому нельзя говорить и о послѣдней революціи въ Италіи безъ того, чтобы не подняться къ истинному ея источнику и не сдѣлать бѣглаго очерка итальянскихъ событій послѣ 1815 года, когда общество въ Италіи раздѣлилось на

---

*) Печатаемыя нами «Записки» о римскихъ событіяхъ 1848 и 49 годовъ составлены очевидцемъ на итальянскомъ языкѣ, по личнымъ воспоминаніямъ и сохранившимся у него документамъ, и переведены по неизданной рукописи, подъ руководствомъ автора. — *Ред.*

двѣ враждебныя партіи. Одна изъ нихъ стала за идею *реакціи*, другая избрала своимъ девизомъ: *прогрессъ*.

Первая партія, дѣйствуя смѣло и открыто подъ покровительствомъ папскаго престола, нашла себѣ многочисленныхъ поборниковъ при дворѣ государей, вновь призванныхъ къ управленію владѣніями, изъ которыхъ они, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, должны были удалиться. Вторая шла къ цѣли украдкой, окружая себя таинственностью въ городахъ, или скрываясь въ непроницаемой чащѣ лѣсовъ.

Партія реакціи имѣла въ своей главѣ, такъ-называемыхъ, *санфедистовъ* (Sanfedisti); *карбонаріи* (Carbonari) были представителями партіи прогресса.

Санфедисты образовались изъ древняго полу-политическаго, полу-религіознаго братства, нѣкогда извѣстнаго подъ именемъ *Святого союза* (Santa Unione), цѣль котораго состояла исключительно въ томъ, чтобъ поддерживать въ обширномъ обществѣ христіанъ миръ и согласіе. Съ теченіемъ времени, цѣль эта, равно-какъ и самое названіе вышеупомянутаго учрежденія подверглись различнымъ измѣненіямъ. Братство Святого союза переименовалось въ братство *Святой вѣры* (Santa Fede), а члены его объявили себя опорой католицизма и защитниками свѣтской власти папы. Они имѣли въ виду усилить прерогативы римскаго двора, положить преграду распространенію новѣйшихъ идей, и остановить въ самомъ началѣ стремленіе ко всякаго рода свободѣ: личной, политической и религіозной. Въ составъ этого общества входили монахи, важные духовные сановники, представители высшей аристократіи, капиталисты. Пользуясь расположеніемъ и одобреніемъ главы церкви, ему не къ чему было скрывать свое существованіе; напротивъ, оно во всеуслышаніе провозглашало начàла своего ученія и открыто трудилось надъ осуществленіемъ своихъ намѣреній.

Карбонаріи (угольщики) были продолжателями или, лучше сказать, подражателями массоновъ. Образовавъ тайное общество въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, они первоначально участвовали въ отважномъ предпріятіи Мюрата, который искалъ пересоздать Италію и погибъ на эшафотѣ. Затѣмъ, сбившись въ болѣе тѣсную массу, они дѣятельно принялись за распространеніе либеральныхъ идей, имѣя въ виду подготовить торжество конституціонныхъ началъ, и были не прочь, въ случаѣ необходимости, отстаивать права и свободу Италіи съ оружіемъ въ рукахъ. Карбонаріи вербовали своихъ сообщниковъ во всѣхъ слояхъ общества. Совѣщанія ихъ происходили на чердакахъ и въ подвалахъ; центромъ ихъ сборищъ были лѣсà. Храня въ тайнѣ свое

существованіе, они обнаруживали его только въ минуту дѣйствія.

Реакціонеры играли важную роль въ дѣлахъ римскаго правительства, вопреки благимъ намѣреніямъ Пія VII и не смотря на просвѣщенный умъ совѣтника его и министра-кардинала Консальви. Писатели и всѣ свободномыслящіе люди не замедлили сдѣлаться предметомъ, сначала, довольно легкихъ нападокъ, а наконецъ—и жестокаго гоненія санфедистовъ. По наущенію австрійскихъ коммиссаровъ, которымъ было предписано слѣдить за настроеніемъ умовъ въ римскихъ провинціяхъ, были произведены многочисленные аресты, и извѣстный политико-экономъ Пеллегрино Росси, профессоръ Болонскаго университета, спасся отъ заточенія только посредствомъ эмиграціи.

Среди смутъ, въ 1820 — 21 годахъ, почти одновременно охватившихъ Италію съ двухъ противоположныхъ концовъ, санфедисты нашли новый предлогъ къ преслѣдованію карбонаріевъ, хотя Церковная область и не принимала ни малѣйшаго участія въ революціонномъ движеніи Турина и Неаполя. Папа предалъ проклятію всю секту карбонаріевъ, а приверженцевъ ея отлучилъ отъ церкви. Правительство произносило смертные приговоры въ массѣ; духовенство въ церквахъ проповѣдывало ненависть и месть.

Пій VII, умирая въ 1823 году, оставилъ Римъ и его провинціи въ состояніи страшнаго безпокойства, которое отражалось одинаково на всѣхъ слояхъ общества. Преемникъ его, Левъ XII, отличался яростнымъ фанатизмомъ. Любя добро, онъ не умѣлъ его дѣлать; обладая твердой волей, но въ высшей степени невѣжественный, онъ, не смотря на честность и благородство собственнаго характера, окружилъ себя интригантами и людьми неблагонамѣренными. Онъ стремился все передѣлывать, но не въ смыслѣ прогресса, а въ смыслѣ реакціи.

Новый папа покровительствовалъ монашескимъ орденамъ и всевозможнымъ религіознымъ общинамъ. Онъ возстановилъ старинныя конгрегаціи кардиналовъ, подчинилъ духовенству народное образованіе, а также и всѣ благотворительныя учрежденія, даровалъ монахамъ и священникамъ множество льготъ и привилегій, отнялъ всякую свободу у муниципалитета, судебную власть подчинилъ своему произволу, лишилъ евреевъ всякихъ правъ передъ закономъ, отвелъ имъ для жительства тѣсное, грязное пространство, въ которое они запирались съ заходомъ солнца, и подчинилъ ихъ выполненію въ высшей степени унизительныхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства формальностей. Однимъ словомъ, Левъ XII хотѣлъ возстановить средніе

вѣка. Но въ то же самое время онъ искалъ очистить нравы духовенства и возвратить церковнымъ постановленіямъ ихъ первоначальную чистоту.

Подобнаго рода поступки возбудили противъ него негодованіе, не только карбонаріевъ, но и санфедистовъ, видѣвшихъ въ папѣ могущественное орудіе, которое, однако, они готовы были уничтожить, лишь только оно обратится противъ нихъ, то-есть, приступитъ къ преобразованію духовенства.

Подстрекаемый ловкими совѣтниками, папа, и безъ того уже враждебный духу свободы, предпринялъ окончательное уничтоженіе карбонаріевъ. Въ одной Равеннской области, заключавшей въ себѣ всего около 300,000 жителей и находившейся подъ управленіемъ кардинала Риваролы, одновременно было осуждено около 500 политическихъ преступниковъ, которые всѣ подверглись болѣе или менѣе строгому наказанію, начиная съ смертной казни и кончая изгнаніемъ. Слѣдствіе при этомъ производилось чисто-инквизиторскимъ способомъ; вся процедура велась тайно; защита обвиняемыхъ была пустой формальностью; безапелляціонные приговоры зависѣли отъ произвола судей и не терпѣли ни малѣйшаго замедленія въ исполненіи. Былъ изданъ законъ о подозрѣніяхъ: всякая подозрѣваемая личность подвергалась заключенію, а ея семейство строгому надзору полиціи. Уличенные въ распространеніи ученія какой-либо партіи подлежали смертной казни. Но мало того, что людей преслѣдовали за ихъ поступки и намѣренія, руководствуясь при этомъ одними подозрѣніями,—необходимо было еще найдти себѣ въ томъ сообщниковъ и помощниковъ. Жестокій, въ полномъ смыслѣ слова драконовъ законъ, присуждалъ къ семилѣтней каторжной работѣ всякаго мужчину или женщину, которые, зная или подозрѣвая въ комъ-нибудь приверженца и послѣдователя враждебной правительству партіи, не доносили на него.

Жизнь кардинала Риваролы подвергалась опасности, и его поспѣшили замѣнить другимъ прелатомъ, который въ жестокости даже превзошелъ своего предшественника. Монсиньоръ Инверницци, въ отправленіи своихъ кровавыхъ обязанностей, не ограничивался только тѣмъ, что вѣшалъ людей, но съ утонченнымъ злодѣйствомъ, вѣроятно въ видѣ острастки, оставлялъ трупы повѣшенныхъ на висѣлицѣ посреди площади, до тѣхъ поръ, пока они не начинали разлагаться.

Кровь, съ такимъ обиліемъ проливаемая въ провинціяхъ, не болѣе того щадилась и въ столицѣ. Въ самомъ центрѣ Рима, въ виду Ватикана, былъ воздвигнутъ эшафотъ, на которомъ, въ числѣ другихъ преступниковъ, погибли Таргини и Монтанари.

До сихъ поръ клерикальная камарилла дѣйствовала за-одно съ папой; желанія ихъ вполнѣ согласовались. Но лишь только папа выказалъ намѣреніе подчинить администрацію нѣкоторому контролю, положить преграду злоупотребленіямъ власти, ограничить взяточничество и ввести въ границы приличія распущенные нравы духовенства,—римская курія возстала противъ него. Внезапная, таинственная смерть, постигшая его посреди увеселеній карнавала, возбудила сомнѣнія насчетъ предшествовавшей ей болѣзни, причемъ не избѣгли подозрѣній нѣкоторыя изъ наиболѣе приближенныхъ къ папѣ лицъ [1]). Какъ бы то ни было, Левъ XII умеръ послѣ шестилѣтняго, весьма дѣятельнаго, но въ высшей степени непросвѣщеннаго царствованія, по исходѣ котораго государство оказалось въ гораздо худшемъ положеніи, нежели при началѣ его.

Правленіе Пія VIII, преемника Льва XII, продолжалось всего двадцать мѣсяцевъ. Объ этомъ папѣ ничего нельзя сказать, исключая того, что онъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ [2]). А между тѣмъ, неудовольствіе въ народѣ расло, и французская революція, въ силу которой изъ Франціи изгонялась одна отрасль Бурбоновъ и возводилась на престолъ другая, волновала умы и какъ бы предвѣщала грозу. Новый конклавъ, собранный послѣ

---

[1]) Въ пасквиляхъ, появившихся въ народѣ по случаю кончины Льва XII, заключались ясные намеки на насильственную смерть. Приводимъ по памяти одинъ изъ нихъ:

V'ha chi al chirurgo appone
La morte di Leone
Roma però sostiene
Ch' egli ha operato bene.

Т. е.: Многіе упрекаютъ доктора въ смерти Льва, но Римъ утверждаетъ, что онъ его хорошо лечилъ.

Вотъ другой, гдѣ говорится о печали народа, который въ смерти папы видѣлъ только событіе, прекратившее увеселенія карнавала:

Tre mali ci facesti o Padre Santo;
Accettare il Papato, e campar tanto,
Morir di carneval per esser pianto.

Т. е.: Три зла, св. отецъ, ты совершилъ: ты принялъ папство, долго жилъ и умеръ въ карнавалъ, чтобъ быть оплаканнымъ.

[2]) Вотъ одинъ изъ пасквилей, ходившихъ въ Римѣ послѣ смерти Пія VIII:

Al morir l'ottano Pio.
Presentossi innanzi a Dio,
Questi chiese: cosa hai fatto?
Ei rispose: niente affatto.

Т. е.: По смерти, Пій VIII явился къ Богу, который у него спросилъ: что ты сдѣлалъ? — Онъ отвѣчалъ: рѣшительно ничего!

смерти Пія VIII для избранія ему преемника, подалъ поводъ разразиться этой грозѣ.

Пока кардиналы были заняты преніями въ Квириналѣ, умы приходили все болѣе и болѣе въ тревожное состояніе. Волненіе, начавшееся въ провинціи, быстро перешло въ столицу. Густая толпа народа покрыла площади Рима; изъ нея раздалось нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, на которые солдаты отвѣтили ружейнымъ залпомъ. Весь городъ пришелъ въ смятеніе. Испуганные кардиналы поспѣшили прекратить пренія и единодушно избрали въ папы монаха Каппеллари, который и вступилъ на престолъ св. Петра подъ именемъ Григорія XVI.

Избраніе это было обнародовано 2-го февраля 1831, а два дня спустя, въ Романьѣ вспыхнула революція. Въ Болоньѣ немедленно учредилось временное правленіе. Отрядъ волонтеровъ двинулся къ столицѣ. Въ числѣ ихъ находились Наполеонъ и Людовикъ Бонапарте, сыновья Людовика, бывшаго короля голландскаго. Произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ, и въ одной изъ нихъ, близъ Отриколи, погибъ Наполеонъ Бонапарте.

Желанія либеральной партіи не были, на этотъ разъ, ни неблагоразумны, ни преувеличены. Она требовала отрѣшенія духовенства отъ участія въ управленіи свѣтскими дѣлами, равенства передъ закономъ всѣхъ гражданъ, открытаго судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ, независимости судей, административной реформы, финансоваго контроля, болѣе обширной муниципальной свободы и гарантій, которыя обезпечивали бы всѣхъ и каждаго отъ произвола правительственныхъ лицъ. Единственнымъ отвѣтомъ папы на эти требованія—было воззваніе его къ иностранному вмѣшательству. Австрія не замедлила явиться на помощь, и дѣйствія революціонеровъ, быстро подвигавшихся къ столицѣ, были ею совершенно парализированы. Имъ ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться на капитуляцію, условія которой были подписаны съ ихъ стороны главнѣйшими предводителями, а со стороны папы — кардиналомъ Бенвенути.

Но Григорій XVI, въ скоромъ времени, заблагоразсудилъ нарушить условія этой капитуляціи. Кардинала Бенвенути, подписавшаго ихъ въ качествѣ папскаго легата, онъ объявилъ сумасшедшимъ, и, вмѣсто обѣщанной амнистіи, воспослѣдовалъ длинный рядъ преслѣдованій и жестокихъ гоненій. Санфедисты съ яростью принялись мстить своимъ политическимъ противникамъ.

Невоздержность реакціонеровъ, важныя ошибки папскаго правительства и неизбѣжно слѣдовавшія затѣмъ выраженія народнаго неудовольствія, обратили, наконецъ, на себя вниманіе европейской дипломатіи. 10-го мая 1831 г., представители Австріи,

Франціи, Россіи, Пруссіи и Англіи подали папскому правительству ноту, которая, между прочимъ, заключала въ себѣ слѣдующіе пункты и указывала на необходимость:

1) Съ помощью нѣкоторыхъ реформъ создать правительственную систему на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

2) Даровать гарантіи, которыя обезпечивали бы эти реформы отъ измѣненій, совмѣстно съ избирательнымъ образомъ правленія.

3) Открыть мірянамъ доступъ къ участію въ судебныхъ и правительственныхъ дѣлахъ, куда дотолѣ допускались только лица духовнаго званія.

4) Преобразовать судебную часть, муниципалитетъ и администрацію провинцій.

5) Учредить контроль надъ государственными финансами.

6) Открыть сеймъ (Consulta) и государственный совѣтъ.

Кардиналъ Бернетти, управлявшій государствомъ отъ имени папы, при полученіи ноты отъ представителей великихъ европейскихъ державъ, сдѣлалъ видъ, будто придаетъ большую цѣну ихъ совѣтамъ и возвѣстилъ вѣрноподданнымъ святого отца начало новой эры. Это подавало большія надежды; на сколько онѣ оправдались, мы увидимъ далѣе. Немедленно затѣмъ, кардиналъ Бернетти посовѣтовалъ папѣ обнародованіе указа *(motu proprio)* насчетъ муниципальныхъ учрежденій. Въ силу этого документа, правительству предоставлялось право назначенія и утвержденія членовъ муниципалитета, выбора предметовъ, о которыхъ допускалось разсуждать въ муниципальныхъ собраніяхъ, и наложенія *veto* на ихъ совѣщанія. Такимъ образомъ, муниципалитетъ очутился въ прямой зависимости отъ министра, и Римъ по прежнему оставался безъ муниципалитета. Итакъ, несмотря ни на что, правительство продолжало дѣйствовать въ духѣ однажды принятой системы, увеличивая налоги, вслѣдствіе чего возрастало взяточничество и всякаго рода злоупотребленія.

Такимъ образомъ, правленіе Григорія XVI, начавшееся при столь грустныхъ предзнаменованіяхъ, оказалось истиннымъ бѣдствіемъ для государства. Инокъ Каппеллари, пользовавшійся репутаціей человѣка строгой нравственности и высокаго ума, повидимому, утратилъ всѣ свои качества и добродѣтели, лишь только тіара коснулась его головы. Григорій XVI окружилъ себя раболѣпными царедворцами, прелатами, не гнушавшимися разъигрывать роль шутовъ, людьми ничтожными и безнравственными, которые ему льстили и потворствовали всѣмъ его наклонностямъ. Посреди такой обстановки, въ чаду удовольствій и пировъ, папа

пренебрегалъ дѣлами государства, предоставляя заботу о нихъ всякому желающему.

Пятнадцать лѣтъ царствованія Григорія XVI составляютъ кровавый періодъ, ознаменованный частыми возстаніями, которыя подавлялись насильственными и жестокими мѣрами, сопровождавшимися множествомъ приговоровъ къ каторжной работѣ, къ изгнанію, къ тюремному заключенію и къ смертной казни. Всѣ провинціи находились въ осадномъ положеніи; военный судъ не прекращалъ своихъ дѣйствій; тюрьмы и мѣста ссылки были переполнены осужденными; висѣлица и эшафотъ соперничали другъ передъ другомъ.

Австрійцы, удалившіеся-было изъ Рима, снова возвратились по вторичному призыву папы, а французы въ то же самое время вступили въ Анкону. Нѣсколько отрядовъ швейцарскихъ солдатъ были завербованы въ службу папскаго правительства, которому ихъ содержаніе стоило очень дорого. Санфедисты организировали милицію изъ волонтеровъ, набранныхъ почти исключительно въ средѣ народной черни и получившихъ названіе центуріоновъ, *сотниковъ* (Centurioni). Во главѣ ихъ стояли самые ярые санфедисты, которые и воодушевляли ихъ словомъ и примѣромъ. Кардиналъ Альбани, чрезвычайный коммиссаръ въ легатствахъ [1]), отличался необыкновенной жестокостью. Кардиналъ Бриньоле, замѣнившій его въ Болоньѣ, объявилъ себя ревностнымъ покровителемъ центуріоновъ, которые были истиннымъ бичемъ селъ и городовъ, и повсюду, гдѣ ни появлялись, распространяли страхъ и ужасъ. Насиліе, грабежъ и убійства вошли у нихъ въ обычай и привычку, и совершенно естественно, вызывали столь же кровавые поступки со стороны противниковъ. И дѣйствительно, месть карбонаріевъ бывала ужасна, всякій разъ, когда имъ удавалось пускать ее въ ходъ. Кровь безпощадно лилась съ обѣихъ сторонъ: одни проливали ее во имя порядка и религіи, другіе—во имя свободы и любви къ отечеству. Все народонаселеніе, наприм., Фаэнцы было раздѣлено на два враждебные лагеря. Центръ города стоялъ за либераловъ и карбонаріевъ, предмѣстья — за реакцію и санфедистовъ. Члены одного и того же семейства нерѣдко сражались подъ различными знаменами, и это еще болѣе возбуждало духъ партій и дѣлало вражду непримиримѣе. Посреди бѣлаго дня, на улицахъ и площадяхъ происходили кровавыя стычки. Тамъ, гдѣ стояли австрійцы, еще существовала дисциплина и нѣкоторый порядокъ; но провинціи,

---

[1]) Легатствами называются провинціи: Феррара, Болонья, Равенна, Форли и Урбино, и Пезаро.

ввѣренныя надзору швейцарцевъ и центуріоновъ, представляли такое безотрадное зрѣлище, что можно было подумать, будто находишься между краснокожими дикарями въ безпріютныхъ, пустынныхъ степяхъ Америки. Въ городахъ, убійство считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; въ селеніяхъ производились страшныя опустошенія посредствомъ огня и меча; одно имя полиціи наводило ужасъ, а правительство возбуждало къ себѣ всеобщее недовѣріе.

Кардиналъ, исполнявшій должность перваго министра и по преданію еще носившій титулъ *государственнаго секретаря* (*Segretario di Stato*), ничуть не заботился о прекращеніи безпорядковъ и объ умиротвореніи партій—введеніемъ благоразумныхъ реформъ. Напротивъ, онъ даже отмѣнилъ тѣ мнимыя уступки, которыя будто бы были сдѣланы по настоянію пяти могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ. Онъ распустилъ муниципальныя собранія, учредилъ новые чрезвычайные суды и издалъ тайное предписаніе, по которому судьи должны были подвергать преступниковъ изъ либераловъ самому строгому наказанію, опредѣленному въ законѣ. Наконецъ, англійское правительство, видя, что ни одна изъ мѣръ, указанныхъ въ нотѣ, не принимается въ соображеніе папскимъ правительствомъ, сочло нужнымъ отозвать своего посла изъ Рима и перевести его обратно во Флоренцію. И дѣйствительно, сэръ Сеймуръ, согласно съ предписаніемъ сентъ-джемскаго кабинета, немедленно покинулъ Римъ, предварительно представивъ, на разсмотрѣніе дипломатическаго корпуса, объяснительную ноту, въ которой заключался энергическій протестъ противъ возмутительныхъ дѣйствій папскаго правительства. Этотъ документъ, вмѣстѣ съ нотой къ папѣ отъ пяти европейскихъ державъ, былъ помѣщенъ въ канцеляріи посольства, гдѣ онъ хранится въ качествѣ археологической рѣдкости.

Между тѣмъ, во главѣ правленія появилось новое лицо: кардиналъ Ламбрускини, замѣнившій кардинала Бернетти. Новый государственный секретарь былъ умнѣе, честнѣе и, можетъ быть, образованнѣе своего предшественника, но за-то еще упорнѣе стоялъ за реакцію, поступалъ еще деспотичнѣе, и въ своихъ усиліяхъ раздавить *гидру свободы* (его собственныя слова) опирался преимущественно на центуріоновъ, на санфедистовъ и на сбировъ. Власть послѣднихъ была до крайности расширена: они могли по произволу дѣлать обыски, заключать въ тюрьмы безъ предварительнаго распоряженія начальства, налагать штрафы и контрибуціи. Они запрещали подозрительнымъ, въ ихъ глазахъ, людямъ ѣздить на охоту, удаляться за черту города и даже

ходить по улицамъ послѣ солнечнаго заката. Подмѣченныхъ въ либерализмѣ молодыхъ людей, они не допускали до посѣщенія университетовъ, принуждали ихъ каждую недѣлю исповѣдываться и причащаться, и каждый день присутствовать при совершеніи божественной литургіи. Они самовластно удаляли отъ службы чиновниковъ, которые имъ не нравились, оскорбляли всякаго, кто не гнулъ передъ ними спины, и общипывали усы и бороды у смѣльчаковъ, дерзавшихъ не бриться.

Понятно, что, при такомъ порядкѣ вещей, смуты не прекращались, а волненіе умовъ распространялось. Напротивъ, все это еще болѣе подстрекало молодежь составлять заговоры и дѣлаться адептами различныхъ партій. Карбонаріи, лишенные своихъ предводителей, до крайности притѣсняемые въ отечествѣ, чувствовали свое настоящее безсиліѐ и рѣшились примкнуть къ новому тайному обществу, составлявшемуся за-границей. Во главѣ его стоялъ молодой генуэзецъ, изгнанникъ, имени котораго суждено было пріобрѣсти громкую извѣстность, какъ вслѣдствіе его неутомимой дѣятельности на поприщѣ политическаго агитатора, такъ и вслѣдствіе его многочисленныхъ заблужденій и легкомысленныхъ поступковъ.

Новая партія, образованная Іосифомъ Мадзини, носила названіе *Молодой Италіи* (*Giovane Italia).* Въ этомъ учрежденіи, къ политическимъ и соціальнымъ доктринамъ примѣшивалась еще нѣкоторая доля мистицизма, который придавалъ ему религіозный колоритъ, уносившій умъ въ воздушныя сферы германской философіи и пахнувшей ересью въ отношеніи къ католицизму. «Молодая Италія» проводила идею единства націи, оказывала предпочтеніе республиканскому образу правленія, и желала построить общество на чисто-демократическихъ началахъ. Для этого, она требовала отъ своихъ адептовъ денежныхъ взносовъ, оружія и военныхъ припасовъ. Въ среду свою она допускала только лица ниже 40-лѣтняго возраста. Уставы ея предписывали строгую дисциплину, слѣпое повиновеніе начальникамъ, дѣятельную пропаганду и изданіе журнала.

Но появленіе каждой новой партіи служило сигналомъ новыхъ бѣдствій. Въ Болоньѣ составилось общество изъ приверженцевъ австрійскаго правительства; они намѣревались отнять у папы легатства съ цѣлью присоединить ихъ къ Австріи, и группировались около нѣкоего Баротелли, который, будучи въ скоромъ времени вытѣсненъ папской полиціей, уступилъ мѣсто Кастаньоли, учредителю новой партіи, принявшей, въ честь австрійскаго императора, названіе *Фердинандеи* или Фердинандова общества. Въ Моденѣ, съ помощью газеты *Голосъ Истины* (La

voce della verita), дѣйствовала сильная пропаганда, болѣе или менѣе открыто признававшая покровительство герцога Франциска IV, и опиравшаяся на ученіе *санфедизма*, и даже старавшаяся расширить его границы. Душою этого общества былъ князь Каноза, нѣкогда основатель партіи *кальдерарiевъ* (мѣдниковъ), изгнанный изъ Неаполя и скитавшійся по Моденѣ и по Романьѣ. Отчасти по его внушенію, отчасти имъ самимъ было написано большое количество оскорбительныхъ памфлетовъ, исполненныхъ клеветы и разжигающихъ ненависть партій.

Среди этого хаоса мнѣній, враждующихъ партій, заговоровъ, интригъ, жестокостей, злоупотребленій, разврата и самовластія, народныя нравственность и вѣрованія совершенно естественно находились въ состояніи безпрерывнаго колебанія, а правительство все болѣе и болѣе утрачивало свой авторитетъ и свою силу.

Что̀ дѣлалъ между тѣмъ папа? Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на ввѣренный его попеченіямъ «челнокъ св. Петра», предоставляя ему по произволу носиться по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, а самъ беззаботно проводилъ дни въ роскошныхъ палатахъ Ватикана и въ волшебныхъ садахъ Квиринала, наслаждаясь жизнью и ея многочисленными удовольствіями. Что̀ касается литературнаго и духовнаго образованія, которымъ онъ славился въ былое время, онъ, повидимому, отказался отъ него въ пользу своего камердинера. Гаэтано Морони, извѣстный подъ уменьшительнымъ именемъ *Гаэтанино*, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался поденной работой у цирюльника, который брилъ отца Каппеллари, когда онъ былъ еще простымъ монахомъ. Возведенный въ достоинство кардинала, Каппеллари взялъ Гаэтано Морони къ себѣ въ услуженіе, а, со вступленіемъ на папскій престолъ, удержалъ его при себѣ въ званіи перваго камердинера. Такимъ образомъ, бывшій скромный цирюльникъ сдѣлался, не только приближеннымъ слугой папы Григорія XVI, но и другомъ и совѣтникомъ его святѣйшества. Женатый на женщинѣ, хотя и не блиставшей особенной красотой, но, однако, не лишенной нѣкоторой прелести, фаворитъ со всѣмъ своимъ семействомъ немедленно поселился въ великолѣнныхъ покояхъ папскаго дворца, и въ скоромъ времени сдѣлался центромъ интимнаго кружка Григорія XVI, который не переставалъ осыпать его разнаго рода милостями и знаками отличія.

Вмѣстѣ съ папскимъ благословеніемъ, на главу бывшаго цирюльника снизошли ученость и таланты. Европа внезапно услышала о появленіи въ свѣтъ большого энциклопедическаго сло-

варя по части исторіи и богословскихъ наукъ (Dizionario ecclesiastico). Словарь этотъ, съ содѣйствіемъ извѣстнѣйшихъ богослововъ, редактировался и издавался *кавалеромъ Гаэтано Морони*. (*Гаэтанино* былъ уже кавалеромъ нѣсколькихъ орденовъ). Циркуляръ, объявлявшій о выходѣ въ свѣтъ первыхъ выпусковъ этого весьма обширнаго труда, намекалъ, что августѣйшій первосвященникъ, который милостиво согласился принять посвященіе словаря, не оставлялъ совѣтами своего ученаго камердинера. Высшіе сановники духовнаго и гражданскаго міра въ Италіи и за границей, многія коронованныя особы поспѣшили подписаться на произведеніе, обѣщавшее такъ много и пользовавшееся столь высокимъ покровительствомъ. Такимъ образомъ, число подписчиковъ, собранныхъ въ пяти частяхъ свѣта, уже въ первые мѣсяцы достигло до 20,000 и быстро расло, такъ-что ловкій фаворитъ папы могъ надѣяться въ самое короткое время составить себѣ огромное состояніе. Академическіе дипломы, кресты и медали, какъ благотворный дождь, со всѣхъ сторонъ посыпались на импровизированнаго ученаго, а папа, въ присутствіи всего двора, поздравлялъ его съ необычайнымъ успѣхомъ....

Но даръ науки казался врожденнымъ во всемъ семействѣ Гаэтанино, и, повидимому, становился неотъемлемымъ достояніемъ каждаго изъ его членовъ со дня появленія ихъ на свѣтъ. При дворѣ Григорія XVI у него родился сынъ. Папа крестилъ его и, въ качествѣ крестнаго отца, передалъ ему свое имя. Грегоріетто (маленькій Григорій) вступалъ въ жизнь при самой счастливой обстановкѣ. Его окружали всевозможными попеченіями, и выбрали ему въ кормилицы самую красивую женщину изъ окрестностей Рима; придворные ласкали его и холили. Самъ папа наблюдалъ за воспитаніемъ своего крестника и особенно любилъ его благословлять. Но, къ сожалѣнію, жестокая смерть похитила его на второмъ году его жизни. Дворецъ облекся въ глубокій трауръ; въ городѣ только и было толку, что о преждевременной смерти малютки, къ похоронамъ котораго дѣлались великолѣпныя приготовленія. Но этого мало. *Тевcovered академія*, литературное учрежденіе въ родѣ Аркадіи, состоявшая большею частью изъ священниковъ, прелатовъ, кардиналовъ и ихъ адептовъ, созвала чрезвычайное собраніе и торжественнымъ засѣданіемъ почтила память необыкновеннаго ребенка. Безчисленное множество похвальныхъ рѣчей, итальянскихъ и латинскихъ одъ прославляли красоту, добродѣтели, сверхъестественныя качества и способности усопшаго. Мы сами имѣли въ рукахъ большой томъ in-folio, отпечатанный на веленевой бумагѣ и отличавшійся роскошью изданія, въ которомъ были собраны сочиненія, написанныя по

этому поводу. Между прочимъ, онъ заключалъ въ себѣ двѣ гравированныя на стали картинки, изъ которыхъ одна изображала самого малютку, а другая — памятникъ, воздвигнутый на его могилѣ. Краснорѣчивая эпитафія, заключавшая рядъ этихъ ребяческихъ произведеній, походила на ту, которую кардиналъ Бембо начерталъ на могилѣ Рафаэля [1]). Смыслъ всѣхъ рѣчей и похвалъ, какія раздавались вокругъ гроба маленькаго Грегоріетто, можетъ быть приведенъ къ слѣдующему знаменателю: еслибъ этотъ феноменальный ребенокъ остался живъ,—онъ въ добродѣтели превзошелъ бы св. Августина, въ учености — Пика делла Мирандола, въ поэзіи — Тассо, въ наукѣ — Гумбольдта.

Григорій XVI, говорятъ, тоже оплакивалъ смерть своего крестника; но онъ находилъ развлеченіе и утѣшеніе въ шутовскихъ представленіяхъ, которыя, по его приказанію, совершались въ садахъ Ватикана, и въ которыхъ особенно отличался монсиніоръ Солія, впослѣдствіи кардиналъ и первый министръ Пія IX. Величіе и достоинство, неразлучно связанныя съ высокимъ званіемъ монарха и первосвященника, были изгнаны изъ дворца, и о нихъ только на мгновеніе вспоминали въ день пасхальнаго торжества. Тогда шестнадцать слугъ выносили папу на одинъ изъ балконовъ Ватикана, и онъ, являясь народу въ полномъ блескѣ своего могущества, раздавалъ urbi et orbi свои ежегодныя благословенія.

Но, кромѣ такого забвенія всего, что было великаго въ его санѣ, престарѣлаго папу еще упрекали въ излишнемъ пристрастіи къ вину и къ удовольствіямъ стола, въ слишкомъ фамильярномъ обращеніи и въ эротическихъ наклонностяхъ, несовмѣстныхъ съ ученіемъ евангельскимъ, съ монашескимъ обѣтомъ, съ интересами государственными и съ обязанностями главы Церкви.

Въ 1838 году, австрійцы оставили Римъ, а французы вышли изъ Анконы, которую занимали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Энтузіазмъ волонтеровъ замѣтно охладѣвалъ, фанатизмъ центуріоновъ улегался, дѣйствія либераловъ становились смѣлѣе, матеріальныя средства правительства истощались, нрав-

---

[1]) Вотъ эпитафія, которую Бембо сочинилъ въ честь Рафаэля:

Ille hic est Raphael, timuit, quo sospite, vinci
Rerum magna parens, quo moriente, mori.

Вотъ итальянскій переводъ Саннаццаро:

Questi è quel Raffael, cui vivo, vinta
Esser temè natura, e morto, estinta.

Т. е.: Это тотъ Рафаэль, при жизни котораго природа боялась быть побѣжденной, а по смерти котораго думала, что погибнетъ.

ственное значеніе папы колебалось. Тогда люди, стоявшіе во главѣ государства, чтобъ возстановить собственную власть, устремили свои старанія къ тому, чтобъ поддержать папу. Обаяніе, неразлучное съ званіемъ папы-короля, по ихъ мнѣнію, неизбѣжно должно было отразиться на его министрахъ.

Римъ уже успѣлъ свыкнуться съ пышнымъ зрѣлищемъ, какое представляли ежедневныя прогулки папы по улицамъ столицы. Онъ обыкновенно выѣзжалъ въ сіяющей золотомъ каретѣ, запряженной восемью лошадьми въ богатыхъ сбруяхъ и перьяхъ. За нимъ слѣдовало шесть другихъ каретъ, каждая — шестерней, тѣлохранители, въ красныхъ съ золотомъ мундирахъ, и два эскадрона драгуновъ. Но въ провинціяхъ подобныя зрѣлища составили бы событіе, и совѣтники св. отца предложили ему совершить торжественное путешествіе по тѣмъ изъ подвластныхъ ему провинцій, которыя считались наиболѣе ему преданными. Средство это было уже не ново, но оно тѣмъ не менѣе всегда производило желаемое дѣйствіе. Итакъ, августѣйшій старецъ отправился въ путь. Онъ путешествовалъ медленно, совершая небольшіе переходы и останавливаясь во всѣхъ городахъ Умбріи и Мархіи (Marche). Вездѣ его принимали съ восторгомъ, заранѣе подготовленнымъ; народъ рукоплескалъ и высылалъ на встрѣчу депутаціи, за что̀ папа расточалъ благословенія и ордена. Но, вмѣстѣ съ благословеніемъ св. отца, на проѣзжаемыя имъ страны не всегда сходило благословеніе Божіе. Напротивъ, голодъ, свирѣпствовавшій тамъ и до его пріѣзда, съ появленіемъ его святѣйшества, въ сопровожденіи кардиналовъ и многочисленной свиты, еще усилился: хлѣбъ и всѣ другіе съѣстные припасы немедленно повышались въ цѣнѣ.

Государственныя деньги исчезали, какъ по волшебству, при разорительномъ управленіи министра финансовъ, кардинала Тости. Необходимо было прибѣгнуть къ займу. Для этого обратились къ банкиру Ротшильду, который пріѣхалъ въ Римъ, совершилъ обрядъ цѣлованія папской туфли, внесъ въ государственную казну требуемую сумму, пріобрѣлъ большія выгоды и, вдобавокъ, какъ утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, получилъ орденъ Христа.

Между тѣмъ, волненіе возобновилось въ Эмиліи и въ Анконѣ. Многіе города возмутились. Бунтовщики овладѣли казармами и разсѣялись по окрестностямъ. Итальянскіе офицеры, эмигранты, тайно возвратившіеся изъ Испаніи, гдѣ они дрались за конституцію, составили нѣсколько отрядовъ изъ восторженныхъ молодыхъ людей, которые, плохо вооруженные, бросились на папскія войска и были опрокинуты. Въ Болоньѣ вновь учре-

дилось военное судилище, подъ предсѣдательствомъ кардинала Ваннічелли, и снова полилась кровь, снова наполнились тюрьмы безчисленнымъ множествомъ несчастныхъ жертвъ. Санфедисты съ неистовствомъ предались мести; сбиры опустошали государственную казну подъ предлогомъ спасенія страны.

Правительство подозрѣвало всѣхъ и каждаго. Оно одинаково преслѣдовало старыхъ либераловъ и новыхъ республиканцевъ; оно не довѣряло собственнымъ своимъ слугамъ и начало опасаться честолюбивыхъ замысловъ принца Богарне (герцога Лейхтенбергскаго), который владѣлъ землями въ Церковной области. Опасенія не замедлили усилиться, и, въ минуту паническаго страха, правительству пришло на умъ, во что бы то ни стало, избавиться отъ угрожавшаго призрака, купивъ владѣнія мнимаго претендента. Для этого потребовался новый заемъ, съ помощью котораго правительство и купило всѣ земли, принадлежавшія принцу Богарне и извѣстныя подъ именемъ *удѣльныхъ земель.*

Пока правительство такимъ образомъ старалось оградить себя отъ всякихъ случайностей, въ римскомъ обществѣ вырабатывались и крѣпли новыя идеи и стремленія. Въ противоположность страстнымъ порывамъ, возбужденнымъ въ адептахъ Молодой Италіи пламенными прокламаціями Мадзини, появился болѣе спокойный и разумный взглядъ на вещи, проповѣдуемый писателями и мыслителями, которые, порицая духъ партій, заговоры и возстанія, какъ нѣчто безполезное и даже вредное, совѣтовали лучше обратить вниманіе на народное образованіе, и съ помощью его идти постепенно по дорогѣ къ различнымъ реформамъ. Извѣстный философъ и поэтъ Теренціо Маміани, родомъ изъ Пезаро, скромно жившій въ изгнаніи въ Парижѣ; шпильбергскій узникъ Сильвіо Пеллико, который, уединясь въ укромномъ уголку Піэмонта, писалъ свои трогательныя воспоминанія; ученый историкъ Цесарь Бальбо, выступившій впередъ съ произведеніемъ: *Надежды Италіи* (Delle speranze d'Italia); генералъ Дурандо, одинъ изъ испанскихъ героевъ, авторъ книги: *Объ итальянской народности* (Della nazionalita italiana) и, наконецъ, знаменитый Винченцо Джіоберти, этотъ могучій, хотя нѣсколько парадоксальный умъ, трактовавшій въ изгнаніи: *О гражданскомъ и нравственномъ превосходствѣ итальянскаго народа* (Del primato civile e morale degli Italiani),—всѣ эти личности, тѣсно связанныя единствомъ воодушевлявшей ихъ мысли, бросали въ общество сѣмена новой жизни. За исключеніемъ Маміани, они всѣ были піэмонтскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе, живительное слово, заключавшееся въ ихъ произведеніяхъ, находило себѣ отголосокъ въ сердцахъ всѣхъ свободно-

мыслящихъ итальянцевъ, въ какой бы части Италіи они ни родились. Эти люди старались отвратить общество отъ преждевременнаго созданія какихъ бы то ни было системъ и формъ правленія, и искали развить въ немъ духъ независимости, съ помощью котораго оно могло бы, впослѣдствіи, достигнуть свободы. У всѣхъ была одна и та же цѣль, хотя каждый шелъ къ ней различнымъ путемъ. Маміани, въ числѣ другихъ преобразованій, желалъ отдѣлить свѣтсвую власть отъ духовной. Пеллико полагалъ, что спасеніе Италіи неизбѣжно совершится само собой, въ силу естественнаго стеченія обстоятельствъ и въ силу прогрессивнаго хода образованія, и потому проповѣдывалъ покорность, забвеніе и прощеніе обидъ. Дурандо, ожидая для отечества наступленія болѣе счастливой годины, возлагалъ свои надежды на врожденное въ новѣйшихъ обществахъ стремленіе слагаться въ націи, которое, онъ полагалъ, несомнѣнно приведетъ и Италію къ желаемому исходу. Бальбо считалъ возможнымъ сближеніе народа съ государями, и на этой возможности воздвигалъ зданіе будущаго величія и благосостоянія итальянскаго народа, которому, по его мнѣнію, надлежало процвѣтать подъ сѣнью папскаго благословенія и подъ защитой меча піэмонтскаго короля. Джіоберти, увлекаемый величавой утопіей, мечталъ объ итальянской федераціи, во главѣ которой долженствовалъ стоять папа.

Эти теоріи, одобряемыя одними, опровергаемыя другими, были, однако, не болѣе, какъ отвлеченныя, неприміняемыя къ дѣлу ученія, а народъ, между тѣмъ, требовалъ осязательныхъ преобразованій и стремился къ дѣйствительной независимости. Массимо д'Азеліо, піэмонтскій патрицій, который провелъ въ Римѣ нѣсколько лѣтъ и составилъ себѣ тамъ репутацію художника, писателя и образцоваго джентльмена, видѣлъ всеобщее броженіе умовъ, но, въ то же время, сознавалъ недостаточность въ народѣ средствъ, могущихъ обезпечить счастливый исходъ какого бы то ни было серьёзнаго предпріятія. Поэтому, онъ совѣтовалъ: въ настоящемъ, вооружиться терпѣніемъ и ожидать всего хорошаго отъ будущаго. Онъ указывалъ на Піэмонтъ, какъ на путеводную звѣзду Италіи, какъ на щитъ итальянской независимости.

Но черезъ-чуръ строгія наказанія, къ какимъ прибѣгала партія реакціи всякій разъ, какъ къ тому представлялся удобный случай, и, въ особенности — излишества, которыми поспѣшилъ заявить свое присутствіе въ Равеннѣ кардиналъ Массимо, повидимому, стремившійся затмить кровавую славу своего предшественника, кардинала Риваролы, — наконецъ, превзошли всякую мѣру

народнаго терпѣнія. Не смотря на усилія благоразумныхъ либераловъ остановить возстаніе, оно вспыхнуло, сначала въ Римини, а потомъ и въ прилежащихъ къ нему провинціяхъ.

Возстаніе это не имѣло, однако, враждебнаго характера ни въ отношеніи къ папѣ, ни въ отношеніи къ правительству. Готовое чтить права папы и считать неприкосновенною его власть, оно объявляло, что поднимаетъ знамя войны только во имя реформы. Манифестъ, обращенный къ монархамъ и народамъ Европы отъ лица римскихъ провинцій, заключалъ въ себѣ намѣренія и требованія инсургентовъ. За подробнымъ историческимъ обзоромъ политическаго и административнаго положенія страны, авторы этого манифеста изъявляли свою преданность къ священной особѣ папы, говорили, какъ неохотно прибѣгаютъ они къ оружію, и выражали свою любовь къ миру и порядку. Они желали только «одинаковаго для всѣхъ правосудія, нѣкоторыхъ измѣненій въ законодательствѣ, и гарантій, обезпечивающихъ всеобщее благосостояніе». Затѣмъ, снова приводились удостовѣренія въ неизмѣнномъ уваженіи къ духовнымъ властямъ, въ безусловной покорности къ волѣ папы, какъ главы церкви, и въ повиновеніи ему, какъ свѣтскому владыкѣ, хотя и испрашивались у него важныя уступки, а именно: «Полной амнистіи, распространенной, безразлично, на всѣхъ политическихъ преступниковъ; пересмотра свода законовъ; прекращенія дѣйствій инквизиціи; уничтоженія судовъ, учрежденныхъ съ спеціальною цѣлью заниматься политическими преступленіями; новаго устройства муниципалитета и провинціальныхъ съѣздовъ (Consigli provinciali); расширенія административной власти государственнаго совѣта; секуляризаціи правительства; освобожденія народнаго образованія изъ-подъ вѣдомства духовенства; пересмотра законовъ о книгопечатаніи; распущенія наемныхъ войскъ; учрежденія національной гвардіи; прогрессивнаго хода правительства на пути административнаго усовершенствованія.»

На эти требованія правительство отвѣчало пушечными выстрѣлами. Отрядъ швейцарцевъ, высланный на встрѣчу къ инсургентамъ, легко одержалъ верхъ надъ толпой неопытныхъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ ни оружія, ни правильной организаціи, ни офицеровъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ удалось спастись, подъ предводительствомъ нѣкоего Піетро Ренци, перебрались черезъ границу Тосканы и искали тамъ убѣжища. Папа немедленно обратился къ великому герцогу съ требованіемъ выдачи преступниковъ, которыхъ намѣревался предать смертной казни. Леопольдъ II сначала отвѣчалъ отказомъ, но потомъ согласился и выдалъ папскимъ сбирамъ всѣхъ, укрывавшихся въ его владѣ-

ніяхъ инсургентовъ, и въ томъ числѣ Ренци. Послѣдній, однако, избѣгъ печальной участи своихъ товарищей: онъ предпочелъ пожертвовать честью и спасся отъ смертной казни цѣною низкой измѣны.

Во всѣхъ провинціяхъ немедленно были открыты военные суды, которые съ необычайнымъ рвеніемъ принялись за отправленіе своихъ кровавыхъ обязанностей. Они сотнями посылали жертвы на галеры, десятками приговаривали ихъ къ смертной казни, хотя въ этомъ послѣднемъ возстаніи инсургенты и не совершили никакого насилія. Кардиналы-префекты, съ своей стороны, принимали дѣятельное участіе въ гоненіи, воздвигнутомъ на либераловъ. Между ними особенно отличался кардиналъ делла-Дженга. Прежній архіепископъ Феррары, онъ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей этого города, оставилъ по себѣ воспоминаніе, тѣсно связанное съ похожденіями весьма подозрительнаго свойства, а теперь, въ качествѣ легата, былъ призванъ управлять провинціею Урбино и Пезаро. Одинъ кардиналъ Джицци, составивъ исключеніе изъ общаго правила, не допустилъ учрежденія подобнаго судилища въ ввѣренномъ его управленію городѣ Форли. Массимо д'Азеліо въ брошюрѣ, написанной имъ по поводу этихъ послѣднихъ событій и надѣлавшей, въ свое время, не мало шуму въ Италіи, осыпалъ кардинала похвалами. Мы приводимъ это обстоятельство, которое внезапно озарило свѣтомъ дотолѣ скрывавшуюся въ тѣни личность Джицци, потому только, что, впослѣдствіи, мы увидимъ этого кардинала призваннымъ къ гораздо болѣе обширной дѣятельности, силою общественнаго мнѣнія, которое признавало въ немъ либеральнѣйшаго изъ кардиналовъ и просвѣщеннѣйшаго изъ администраторовъ. Къ сожалѣнію, онъ своими дальнѣйшими дѣйствіями, какъ мы увидимъ скоро, ничуть не оправдалъ довѣрія, которое возбудили въ обществѣ его благородный поступокъ и лестный о немъ отзывъ брошюры, пользовавшейся популярностью.

Конецъ царствованія Григорія XVI былъ ознаменованъ двумя событіями, которыя, придавъ ему непривычный блескъ, на мгновеніе успѣли занять умы настоящимъ и отвратить ихъ отъ тревожныхъ думъ и опасеній за будущее. Пріѣздъ Пеллегрино Росси въ Римъ составлялъ первое изъ этихъ событій. Знаменитый ученый, профессоръ Болонскаго университета, эмигрантъ, который, живя во Франціи, былъ возведенъ въ званіе французскаго пэра, — явился теперь въ качествѣ посланника, чтобъ вести переговоры объ удаленіи съ французской территоріи іезуитовъ. Второе событіе заключалось въ посѣщеніи Рима русскимъ императоромъ Николаемъ I, который, какъ достовѣрно утверждали,

въ одномъ изъ свиданій съ св. отцемъ успѣлъ прійдти къ взаимному съ нимъ соглашенію насчетъ въ высшей степени щекотливаго вопроса о положеніи католическаго духовенства въ Россіи.

Но оба эти событія, надѣлавъ шуму въ дипломатическомъ мірѣ, однако, ни въ чемъ не могли измѣнить затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какія поставили страну пятнадцать лѣтъ гибельной для нея политики и разорительной администраціи. Постараемся въ нѣсколькихъ чертахъ изобразить бѣдственное положеніе Рима въ послѣднее время царствованія Григорія XVI.

Финансовая часть, съ постоянно расхищаемой государственной казною, находилась, какъ и теперь, въ рукахъ *казначея* (министра финансовъ), кардинала или прелата, который, удаляясь отъ должности, непремѣнно возводился въ кардинальское достоинство. Распоряженія казначея-кардинала не подлежали никакому контролю, такъ какъ кардиналы, вообще — считаются непогрѣшимыми въ своихъ дѣйствіяхъ.

Экономическое и общественное устройство страны было таково, что противилось всякому увеличенію народнаго богатства, которое постоянно находилось въ состояніи неподвижности, благодаря учрежденіямъ, въ родѣ: права первородства, фидеикоммисъ, маіоратства, духовной собственности и мертвой руки (mani-morte).

Судьба торговли и промышленности была отдана въ руки кардинала-камерлинга, который управлялъ ими по разорительной и устарѣлой системѣ *патентовъ*, *привилегій*, *протекторствъ*, *монополій*, *премій*, невозможныхъ *тарифовъ* и *запрещеній*.

Иностранныя дѣла, какъ тѣ, что̀ относятся къ внѣшней международной политикѣ, такъ и тѣ, которыя касаются исключительно вопросовъ религіозныхъ, сосредоточивались во власти одного всемогущаго кардинала, носившаго освященный преданіемъ титулъ *государственнаго секретаря* (Segretario di Stato).

Во главѣ управленія внутреннихъ дѣлъ стоялъ опять-таки кардиналъ, который не подчинялъ своихъ распоряженій никакой административной системѣ, никакому порядку, а руководствовался, единственно, своимъ личнымъ воззрѣніемъ на вещи.

Семь кардиналовъ, подобно семи головамъ миѳологической гидры, подъ именемъ легатовъ и префектовъ, деспотически управляли семью главными провинціями государства, гдѣ они особенно отличались на поприщѣ потворства семи смертнымъ грѣхамъ.

Малыя провинціи находились подъ вѣдѣніемъ прелатовъ, которые назывались *делегатами*. А такъ какъ всякій прелатъ имѣетъ претензію и надежду современемъ сдѣлаться кардина-

ломъ, то онъ и считалъ долгомъ во всемъ подражать кардиналамъ и управлять провинціями въ духѣ гордости и нетерпимости.

Муниципальныя собранія и провинціальные съѣзды находились въ совершенной зависимости отъ правительства и были обречены на полное молчаніе и бездѣйствіе.

Военный министръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дурно организованное, дурно дисциплинированное и недружелюбно расположенное къ правительству туземное войско и наемные отряды швейцарцевъ, которые, хотя и вѣрные своему долгу, не питали, однако, ни малѣйшаго уваженія къ своему начальнику. Тоже изъ числа прелатовъ, онъ, несмотря на свои воинственныя занятія, носилъ духовную одежду и управлялъ ввѣреннымъ ему отдѣломъ подъ скромнымъ названіемъ *президента оружій* (Presidente delle armi).

Дипломатическая часть состояла въ полномъ распоряженіи прелатовъ, слугъ и креатуръ всемогущаго кардинала — государственнаго секретаря.

Книгопечатаніе было подчинено столь же безразсудной, сколько и строгой цензурѣ, которая признавала единственнымъ закономъ произвольныя рѣшенія невѣжественнаго монаха, носившаго названіе *начальника священныхъ апостольскихъ палатъ* (Maestro de' sacri palazzi apostolici).

Во главѣ народнаго образованія стояла такъ-называемая *Священная конгрегація наукъ* (Sacra congregazione degli studi), въ которой засѣдали двѣнадцать кардиналовъ. Архіепископы и епископы хозяйничали въ университетахъ и гимназіяхъ въ качествѣ *архиканцлеровъ* и *канцлеровъ* (попечителей и ректоровъ). Викаріи и священники занимались преподаваніемъ.

Полиція, центръ которой номинально находился въ Римѣ подъ вѣдѣніемъ прелата-губернатора этого города, — въ провинціи также номинально была подчинена кардиналамъ-легатамъ и прелатамъ-делегатамъ, а въ сущности находилась въ рукахъ низшихъ чиновъ и сбировъ, по преимуществу вышедшихъ изъ галеръ.

Прелатъ, а иногда кардиналъ, съ титуломъ *аудитора священной апостольской камеры*, исправлялъ обязанности министра юстиціи. Въ судахъ, отданныхъ на произволъ этого сановника, засѣдали молодые прелаты, которые, обыкновенно, независимо отъ своихъ склонностей и способностей, всѣ съ этого начинали свою карьеру.

Судопроизводство, за отсутствіемъ сводовъ, которые сосредоточивали бы и приводили въ связь и порядокъ законы, разсѣянные въ безчисленномъ множествѣ томовъ, было чуждо со-

размѣрности въ организаціи и однообразія въ отправленіи своихъ дѣйствій. Суды раздѣлялись на двѣ категоріи: на *обыкновенные* и *чрезвычайные*. *La Sacra rota* соотвѣтствовала аппеляціонному суду, а *la Sacra Consulta* — кассаціонному. Но превыше всѣхъ судовъ и независимо отъ нихъ, не подлежа никакому контролю и не признавая надъ собой ничьей власти, во главѣ всего государственнаго строя, стояла грозная сила *трибунала кардинала-викарія и святой инквизиціи* (il Vicariato e il Sant' Offizio).

Таковы были составъ и организація римскаго правительства въ тотъ моментъ, когда опасная болѣзнь, внезапно постигнувъ Григорія XVI, уже осьмидесятилѣтняго старца, повергла его на одръ страданія и смерти.

Папа-король, какъ мы уже говорили, слишкомъ охотно предавался безмятежному и веселому препровожденію времени въ кругу своихъ придворныхъ, и часто пренебрегалъ двойными обязанностями, какія на него налагало двойное званіе—главы церкви и свѣтскаго главы государства. Его снисходительность къ царедворцамъ, пристрастіе къ шутамъ, милости къ приближеннымъ и фаворитамъ, включая и семейства послѣднихъ,—всѣ эти слабости и потворства чужимъ слабостямъ никому изъ окружавшихъ его не успѣли внушить искренней къ нему привязанности. Умирающему старцу пришлось вкусить горькіе плоды людской неблагодарности. Лишь только доктора объявили, что болѣзнь его принимаетъ серьёзный оборотъ и не оставляетъ почти никакой надежды на выздоровленіе, во дворцѣ поднялась суматоха. Приближенные папы хорошо понимали свое шаткое положеніе, и зная, какую ненависть питаетъ къ нимъ народъ, пришли въ неописанное смятеніе. Одни собирали свои пожитки, и, *insalutato hospite*, быстро удалялись изъ дворца. Другіе спѣшили укрывать въ надежныя мѣста свои дурно пріобрѣтенныя богатства, и съ безпокойствомъ старались угадать, какую участь готовитъ имъ судьба въ будущемъ. Иные же, пользуясь всюду водворившимся безпорядкомъ, гдѣ могли, подбирали крохи папскаго достоянія и скрывались съ ними — кто куда могъ.

Высшіе сановники, царедворцы, кардиналы, прелаты, уже начинали интриговать и подводить другъ подъ друга подкопы. Каждый старался пріобрѣсти себѣ побoлѣе друзей и приверженцевъ, искалъ узнать, на сколько расположены въ его пользу товарищи, и заискивалъ въ представителяхъ иностранныхъ державъ.

А больной, между тѣмъ, всѣми покинутый, лежалъ снѣдаемый горячкой, въ обширномъ богатомъ покоѣ, гдѣ одно эхо откликалось на его предсмертное хрипѣнье. Онъ былъ до такой

степени слабъ, что, не смотря на терзавшую его жажду, не могъ поднять руки и приблизить къ губамъ стаканъ воды, поставленный на столикѣ близъ постели. Тщетно глаза его съ жадностью устремлялись на живительную влагу, которая могла бы хоть нѣсколько умѣрить его страданія: въ комнатѣ не было никого, кто могъ бы помочь ему. Старый конюхъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобъ мести дворъ, случайно забрелъ въ опустѣлые чертоги, гдѣ не встрѣчалось лица и не слышалось звука. Переходя изъ комнаты въ комнату, онъ вдругъ наткнулся на умирающаго папу. Шумъ шаговъ заставилъ Григорія открыть глаза, уже подернутые туманомъ смерти, но которые съ выразительной мольбой устремились, сначала на стаканъ, а потомъ на конюха. Испуганный служитель хотѣлъ уже удалиться, но жалобный звукъ, съ трудомъ вырвавшійся изъ груди папы, остановилъ его. Новый взглядъ съ невыразимой тоской снова устремился на стаканъ, и слеза медленно скатилась по щекѣ умирающаго. Конюхъ еще съ минуту постоялъ въ нерѣшимости, видимо колеблясь между страхомъ и сожалѣніемъ; наконецъ, послѣднее одержало верхъ, и самый смиренный изъ слугъ папскихъ, выполняя при немъ обязанность перваго камердинера, замѣнилъ у постели умирающаго старца отсутствующаго фаворита. Грязными, грубыми руками поднесъ онъ стаканъ къ губамъ св. отца. Но въ ту самую минуту, какъ онъ приподнималъ ему голову, чтобъ влить въ ротъ нѣсколько капель воды, Григорій внезапно вытянулся, глаза его широко раскрылись, губы сжались въ предсмертныхъ мукахъ, раздался глухой стонъ, и—папы не стало!... Конюхъ въ ужасѣ уронилъ стаканъ, который, оросивъ водой лицо и постель умершаго, упалъ на мраморный полъ и разбился въ дребезги.

Такой печальной смертью погибъ, 1-го іюня 1846 года, Григорій XVI. Его кончина можетъ служить предостереженіемъ великимъ міра сего, которые, слишкомъ довѣряясь фаворитамъ и паразитамъ, рано или поздно испытываютъ на себѣ неблагодарность тѣхъ, кому они благодѣтельствовали.

Единственный свидѣтель смерти Григорія XVI еще долго въ страхѣ и недоумѣніи бродилъ по дворцу, пока, наконецъ, ему удалось оправиться. Тогда онъ обратился къ первому попавшемуся ему на встрѣчу лицу и разсказалъ о томъ, какъ ему привелось принять послѣдній вздохъ папы. Извѣстіе это распространилось съ быстротою молніи повсюду, и комната, остававшаяся во время болѣзни государя пустою, внезапно наполнилась толпой царедворцевъ, спѣшившихъ лично удостовѣриться въ справедливости дошедшаго до нихъ слуха.

Столица пришла въ тревожное состояніе; провинціи тоже начали волноваться. Умѣренные либералы, которыхъ партія была самая многочисленная, ничуть не намѣревались доводить вещей до крайности. Напротивъ, они очень желали избѣжать революціи, но, въ то же время, стремились воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ совершить тѣ изъ реформъ, на которыя наиболѣе указывали народныя нужды, и которыя предписывались прогрессомъ и цивилизаціей. Кардиналы, съ своей стороны, сознавали всю важность минуты и готовы были на все, лишь бы не допустить никакого рода манифестацій и предупредить всякое движеніе, могущее совершиться во имя реформы. Чрезвычайный коммиссаръ замѣнилъ въ провинціяхъ кардиналовъ-легатовъ, вызванныхъ въ столицу для участія въ конклавѣ. Обязанность избранія этого коммиссара лежала на временной правительственной коммиссіи, составленной, по обыкновенію, изъ кардиналовъ. Выборъ ея палъ на прелата Савелли, который уже успѣлъ заявить себя поступками, вполнѣ соотвѣтствовавшими желаніямъ коммиссіи. Монсиньоръ Савелли, еще занимая въ административной іерархіи только низшіе чины, уже отличался своими жестокими и корыстолюбивыми наклонностями. Исправляя должность делегата, онъ въ широкихъ размѣрахъ предавался лихоимству, входя въ соглашеніе съ подрядчиками и дѣлясь съ ними незаконными барышами, или угрозами собирая сверхположенныя контрибуціи. За то онъ всегда высказывался ревностнымъ католикомъ и восторженнымъ поклонникомъ Торквемады, въ честь котораго даже онъ изобрѣлъ новый способъ пытки для уничтоженія въ людяхъ богохульства. Онъ совѣтовалъ раскаленнымъ гвоздемъ просверливать языкъ богохулителя.

Благодаря энергіи и благочестію этого искуснаго администратора, кардиналы были спокойны насчетъ провинціальнаго народонаселенія. Что касается столицы, то они надѣялись занять ее пышными церемоніями папскихъ похоронъ и блестящимъ зрѣлищемъ ихъ собственнаго торжественнаго вступленія въ Квириналъ, гдѣ имъ надлежало засѣдать въ конклавѣ. Тѣмъ не менѣе, они были до такой степени озабочены настоящимъ положеніемъ вещей, что, на этотъ разъ, рѣшились отдать предпочтеніе общественной пользѣ передъ частными интересами партій, и хотѣли, скорымъ избраніемъ новаго папы, по возможности сократить время междуцарствія. Всѣмъ было извѣстно, что кардиналъ Ламбрускини, министръ Григорія XVI, имѣлъ въ числѣ избирателей большое количество приверженцевъ, и потому многіе ожидали, что онъ будетъ избранъ. Но противъ него составилась двойная оппозиція изъ самыхъ честолюбивыхъ и изъ самыхъ благо-

разумныхъ кардиналовъ. Одни стремились сами занять мѣсто на опустѣломъ престолѣ св. Петра, другіе страшились за безопасность государства, которому, если кормило правленія не будетъ отдано въ болѣе надежныя руки, угрожала революціонная буря.

Обыкновенно, пока длится конклавъ, народъ ежедневно съ заходомъ солнца собирается на площадь передъ Квириналомъ, чтобъ, съ помощью хорошо извѣстнаго ему знака, удостовѣриться въ томъ, избранъ ли новый папа. Знакъ этотъ состоитъ въ струѣ дыма, вылетающей изъ трубы камина, гдѣ обыкновенно сожигаются написанныя на листахъ мнѣнія кардиналовъ, послѣ неудачной подачи голосовъ. Если же изъ трубы не выходитъ дымъ, это—доказательство, что большинство голосовъ осталось за однимъ изъ кандидатовъ на папство, и новый папа уже избранъ. Въ первый день послѣ открытія конклава, дымъ (la fumata) возвѣстилъ всѣмъ о неудачѣ первой подачи голосовъ; впрочемъ, никто не былъ этимъ удивленъ, такъ-какъ всѣ ожидали продолжительной и упорной борьбы между различными партіями, внезапно очутившимися лицомъ къ лицу. Но пылъ, съ какимъ принялись за дѣло приверженцы Ламбрускини, въ первый день собравшіе въ его пользу значительное число голосовъ, одинаково испугалъ его противниковъ различныхъ мнѣній и убѣжденій. Благоразумные соединились съ честолюбивыми, и въ ту же ночь успѣли придти къ взаимному соглашенію. На другой день, народъ тщетно ожидалъ появленія дыма: на этотъ разъ подача голосовъ привела къ желанной цѣли.

Папа былъ избранъ; но на кого палъ выборъ конклава? Вотъ вопросъ, который всѣ задавали себѣ и на который никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Конклавъ, засѣдающій въ Квириналѣ, не имѣетъ никакого сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, и тайна его рѣшеній, до поры до времени, соблюдается строго. Посреди улицъ, на площадяхъ, въ кофейняхъ и въ кабакахъ, въ частныхъ домахъ, во дворцахъ и лачугахъ — всюду раздавались одни и тѣ же вопросы, всюду составлялись самыя разнородныя предположенія: кто предавался блестящимъ надеждамъ и строилъ воздушные замки, кто со страхомъ ожидалъ узнать имя вновь избраннаго папы.

Посреди этого смѣшенія рѣчей и возгласовъ, напоминавшихъ собой Вавилонское столпотвореніе, внезапно пронеслась вѣсть, повергшая всѣхъ въ изумленіе. Имя новаго папы стало извѣстно. То былъ самый либеральный, самый прогрессивный и самый просвѣщенный изъ кардиналовъ, тотъ, который удостоился похвалы Массимо д'Азеліо, однимъ словомъ — кардиналъ Джицци.

По мѣрѣ того, какъ великая новость переходила изъ устъ

въ уста, она росла и украшалась. Никто, въ сущности, не зналъ, въ чемъ именно состояли заслуги кардинала Джицци, но каждый основывалъ свое мнѣніе на лестномъ о немъ отзывѣ извѣстнаго и всѣми уважаемаго патріота. Самая живая радость не замедлила заступить въ народѣ мѣсто тревожныхъ ожиданій. Одному восторженному юношѣ внезапно пришло на мысль увѣдомить проживавшихъ въ Чеккано родственниковъ Джицци о счастливой участи, выпавшей на долю одного изъ членовъ ихъ семьи. Онъ отправляется на почтовый дворъ, садится въ коляску, запряженную четверней и, сопровождаемый двумя конюхами съ зажженными факелами, мчится по дорогѣ въ Чеккано. За два часа до солнечнаго восхода, онъ пріѣзжаетъ въ городъ, жители котораго всѣ покоятся мирнымъ сномъ. Съ шумомъ и трескомъ онъ останавливается передъ домомъ Джицци и безъ доклада проникаетъ въ спальню племянника кардинала. Тотъ, внезапно пробужденный, въ недоумѣніи смотритъ на ночного посѣтителя, который поспѣшно объявляетъ ему объ избраніи въ папы его дяди. Извѣствіе съ быстротою молніи облетаетъ весь городъ: поднимается колокольный звонъ, народъ высыпаетъ на улицы; дома горятъ огнями, на площадяхъ пылаютъ костры и смоляныя бочки. Юношу съ торжествомъ носятъ по улицамъ и закидываютъ его вопросами, на которые онъ, однако, не можетъ отвѣчать, такъ-какъ самъ не знаетъ никакихъ подробностей. Но что въ томъ? Сущность дѣла извѣстна, а подробности, безъ сомнѣнія, не замедлятъ явиться вмѣстѣ съ оффиціальнымъ извѣстіемъ.

Впрочемъ, къ чему ждать курьера, который выѣдетъ изъ Рима не прежде, какъ послѣ торжественнаго появленія папы жителямъ столицы? Лучше самимъ отправиться туда и на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости необычайнаго слуха. Тотчасъ въ коляску впрягаютъ свѣжихъ лошадей, и услужливый юноша, вмѣстѣ съ племянникомъ кардинала и еще двумя его родственниками, мчится обратно по дорогѣ въ вѣчный городъ.

Пріѣзжаютъ, и ихъ встрѣчаетъ полное разочарованіе, не менѣе глубокое, но, можетъ быть, сильнѣе выраженное, чѣмъ то, которое при этомъ случаѣ овладѣло жителями столицы.

Утромъ 17-го іюня, съ высоты Квиринала было торжественно провозглашено имя новаго папы, и самъ онъ въ полномъ облаченіи явился на балконѣ, чтобъ дать первое свое благословеніе народу, въ несмѣтномъ количествѣ толпившемуся на площади *Монте-Кавалло*.

Да, папа дѣйствительно былъ избранъ, но не въ лицѣ кардинала Джицци, имя котораго, въ настоящую минуту, сіяло, окруженное ореоломъ завидной популярности, а въ лицѣ его

собрата — кардинала Джіованни Мастаи. Возведеніе въ папское достоинство человѣка, дотолѣ скрывавшагося въ тѣни, и политическія убѣжденія котораго были для всѣхъ тайной, мгновенно разсѣяли свѣтлыя мечты, порожденныя въ предъидущую ночь пылкимъ воображеніемъ гражданъ. Мертвое молчаніе встрѣтило появленіе на балконѣ новаго папы. Римляне, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, упали духомъ, какъ солдаты послѣ проиграннаго сраженія.

Но что подало поводъ къ распространенію ложнаго слуха, который наканунѣ съ такой быстротой не только облетѣлъ столицу, но и былъ занесенъ въ провинцію? Въ сущности—весьма ничтожное обстоятельство, требующее, однако, нѣсколько предварительныхъ объясненій. При конклавѣ существуетъ должность церемоніймейстера, на которомъ, между прочимъ, лежитъ обязанность совершать приготовленія, необходимыя для церемоніи провозглашенія новаго папы. Церемонія эта, какъ мы видѣли, совершается на балконѣ Квиринала, и за ней немедленно слѣдуетъ торжественный выходъ папы въ полномъ облаченіи, состоящемъ изъ великолѣпнаго парчеваго одѣянія. Съ званіемъ церемоніймейстера неразлучно связаны извѣстнаго рода выгоды, которыя вытекаютъ прямо изъ его обязанностей. Прежде всего на немъ лежитъ забота о папскомъ одѣяніи и о томъ, чтобъ оно непремѣнно было готово во-время. Во избѣжаніе всякаго замедленія, обыкновенно, заблаговременно приготовляются три полные одѣянія: одно на высокій, другое на средній, а третье на маленькій ростъ. Конклавъ, тѣмъ временемъ, поставляетъ свое рѣшеніе, и вновь избранный папа облачается въ то изъ одѣяній, которое приходится ему въ пору, а два, остающіяся безъ употребленія, отдаются въ полное распоряженіе церемоніймейстера. Тотъ, обыкновенно, продаетъ ихъ евреямъ, чѣмъ и выручаетъ значительную сумму денегъ. Недоразумѣнія предъидущей ночи возникли именно изъ этого предоставленнаго церемоніймейстеру права, и вотъ— какимъ образомъ. Лишь только церемоніймейстеръ былъ утвержденъ въ своей должности, что обыкновенно дѣлается старѣйшимъ изъ кардиналовъ, онъ, съ похвальной предусмотрительностью, немедленно послалъ за папскимъ поставщикомъ и заказалъ ему три одѣянія, съ приказаніемъ сдѣлать ихъ со всевозможной поспѣшностью. Исправный поставщикъ, въ самый день открытія конклава доставилъ два одѣянія на большой и средній ростъ, прося для послѣдняго сорокавосьми-часовой отсрочки. «Избраніе не совершится такъ скоро—убѣждалъ онъ—да къ тому же я оставилъ на послѣдокъ одѣяніе самаго малаго размѣра, зная, что между засѣдающими въ конклавѣ кардиналами нѣтъ лили-

путовъ.» «Въ числѣ ихъ, однако, находится кардиналъ Джицци— отвѣчалъ, улыбаясь, церемонійместеръ—«и если его изберутъ, то у насъ не будетъ одѣянія, соразмѣрнаго его росту.... Впрочемъ, —прибавилъ онъ—на то не предвидится вѣроятностей.» Дѣйствительно, Джицци одинъ изъ всѣхъ кардиналовъ былъ малъ ростомъ и очень худощавъ. Поставщикъ возвратился домой и подъ впечатлѣніемъ только-что слышаннаго удостовѣренія, не торопясь принялся за приготовленіе послѣдняго, по его собственному остроумному замѣчанію, лилипутскаго одѣянія. На второй день, тотъ фактъ, что изъ залы конклава не вылеталъ условный дымъ, свидѣтельствовалъ о счастливомъ окончаніи преній; но это нисколько не смутило поставщика, который былъ увѣренъ, что, во всякомъ случаѣ, не лилипутскому одѣянію достанется честь сіять на особѣ новаго папы. Вдругъ, поздно вечеромъ, къ нему является посланный изъ Квиринала и отъ имени церемонійместера объявляетъ, что одѣяніе непремѣнно должно быть готово на слѣдующее утро съ солнечнымъ восходомъ. Догадливый поставщикъ тотчасъ соображаетъ, что, если находящееся еще въ его рукахъ одѣяніе, по словамъ самого церемонійместера, годное только для одного Джицци, требуется непремѣнно къ завтрашнему торжеству, то, слѣдовательно, въ папы избранъ никто иной, какъ этотъ самый кардиналъ-лилипутъ. Поставщикъ пришелъ въ неописанное изумленіе и, желая похвастаться тѣмъ, что обладаетъ тайной конклава, сообщилъ свою догадку женѣ. Та, какъ достойная дочь Евы, поспѣшила передать новость сосѣдкамъ, которыя, въ свою очередь, не замедлили разгласить ее гдѣ могли, такъ-что имя новаго папы въ скоромъ времени перестало быть тайной для всего города. Догадка поставщика была вполнѣ логична, но случай не всегда оправдываетъ подобные выводы. Заботливость, съ какою церемонійместеръ торопилъ окончаніемъ одѣянія, проистекала ничуть не изъ необходимости облечь въ него новаго папу, но единственно изъ страха, чтобъ кто-либо не сталъ оспаривать его собственныхъ правъ на это одѣяніе, если оно не будетъ доставлено ему до начала церемоніи.

Мы приводимъ здѣсь цѣликомъ этотъ, въ сущности, довольно забавный эпизодъ, потому, что онъ до нѣкоторой степени служитъ выраженіемъ того натянутаго состоянія, въ какомъ находились умы, и обрисовываетъ положеніе минуты.

Когда прошло смущеніе, которое овладѣло народомъ послѣ того, какъ его радостныя надежды были такъ внезапно разсѣяны, личность новаго папы стала привлекать на себя всеобщее вниманіе. Всѣмъ хотѣлось поближе познакомиться съ его прошед-

шимъ, чтобъ по немъ заключить, чего можно ожидать въ будущемъ. Джіованни-Марія изъ графскаго дома Мастаи-Ферретти, родился въ Сенигальи отъ родителей, принадлежавшихъ къ семьѣ, которая нѣкогда отличалась своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Младшій сынъ обѣднѣвшей отрасли благородной фамиліи, молодой Мастаи изъявилъ желаніе поступить въ число папскихъ тѣлохранителей (Guardie nobili), при особѣ Пія VII. По происхожденію своему, онъ имѣлъ на то полное право, но припадки падучей болѣзни, которымъ онъ былъ подверженъ съ дѣтства, дѣлали его неспособнымъ къ военной службѣ. Тогда онъ избралъ себѣ новую дѣятельность и, вступивъ въ духовное званіе, вскорѣ былъ возведенъ въ санъ каноника и прелата. Онъ произносилъ проповѣди въ церквахъ и на городскихъ площадяхъ, и участвовалъ въ экспедиціи миссіонеровъ, отправлявшихся въ Чили распространять свѣтъ христіанскаго ученія. Удачно избѣгнувъ многочисленныхъ опасностей, которымъ онъ неоднократно тамъ подвергался, молодой Мастаи возвратился въ Римъ, окруженный ореоломъ неудавшагося мученика. Здѣсь онъ всталъ во главѣ одного благотворительнаго учрежденія, за управленіе которымъ, побуждаемый чувствомъ человѣколюбія, принялся съ большимъ рвеніемъ. Возведенный въ званіе епископа города Сполето, онъ вскорѣ, уже украшенный кардинальской шапкой, былъ переведенъ въ Имолу и, наконецъ, вслѣдствіе страннаго стеченія обстоятельствъ, былъ совершенно неожиданно избранъ въ папы.

Но всѣ эти данныя, единственныя, которыя можно было собрать о предъидущей жизни и дѣятельности кардинала Мастаи, ни мало не бросали свѣта на политическія мнѣнія новаго папы, и оставляли, по прежнему, въ полной неизвѣстности насчетъ того, чего могло ожидать государство подъ его управленіемъ. Было бы слишкомъ наивно предаваться через-чуръ свѣтлымъ мечтамъ и на преждевременномъ довѣріи возводить зданіе несбыточныхъ надеждъ. Вновь обманутыя ожиданія, раздраживъ умы, могли бы повлечь за собой пагубныя послѣдствія. Всего благоразумнѣе было выжидать первыхъ дѣйствій новаго правительства, которыя, обрисовавъ нѣсколько его намѣренія, дали бы возможность составить себѣ о немъ вѣрное и опредѣленное понятіе. Таково было мнѣніе умѣренныхъ либераловъ, и совѣтъ ихъ былъ всѣми принятъ.

Первые затѣмъ дни прошли въ ожиданіи. Папа не высказывался и, вмѣсто того, чтобъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, немедленно избрать себѣ перваго министра или государственнаго секретаря, онъ окружилъ себя совѣтомъ изъ кар-

диналовъ, весьма ограниченныхъ по числу, и представлявшихъ большое разнообразіе политическихъ мнѣній и убѣжденій. И дѣйствительно, тамъ, между прочимъ, засѣдали: кардиналъ Бернетти, бывшій министръ Льва XII, тотъ самый, который въ крови потопилъ революціонное движеніе 1831 г.; кардиналъ Аматъ, другъ прогресса, человѣкъ просвѣщенный, кроткій и въ высшей степени миролюбивый; Ламбрускини, жестокій министръ послѣднихъ лѣтъ царствованія Григорія XVI, и, наконецъ, кардиналъ Джицци, въ пользу котораго было такъ расположено общественное мнѣніе. Изъ подобнаго соединенія столь разнородныхъ элементовъ трудно было вывести какое-либо заключеніе, и только выборъ секретаря совѣта какъ бы нѣсколько указывалъ на путь, по которому намѣревалось идти правительство. Выборъ этотъ палъ на монсиньора Корболи, молодого прелата, образованнаго, патріота, и отецъ котораго пятнадцатилѣтнимъ изгнаніемъ поплатился за свои либеральныя стремленія. Начали ходить слухи о намѣреніи папы преобразовать дворъ и сократить его расходы; говорили, что онъ собираетъ свѣдѣнія о нуждахъ народныхъ, съ цѣлью ихъ облегчить, и приказалъ остановить всѣ слѣдствія по дѣламъ политическимъ.

Между тѣмъ, совершилось коронованіе папы; проходили дни и недѣли, а ничто, повидимому, не подвигалось впередъ. Таинственность, окружавшая Квириналъ, тяготѣла надъ городомъ, который начиналъ терять терпѣніе. Наконецъ, ровно мѣсяцъ спустя послѣ вступленія на престолъ новаго папы, 16 іюля, съ заходомъ солнца, народъ увидѣлъ, что на улицахъ прибиваютъ афиши, украшенныя гербомъ Пія IX. Толпа кидается на нихъ, читаетъ и испускаетъ радостный крикъ: это не что иное, какъ приказъ объ амнистіи, распространенный на всѣхъ политическихъ преступниковъ. Неописанный восторгъ овладѣваетъ народонаселеніемъ Рима: мужчины, женщины, старики, всѣ толпятся на улицахъ и хотятъ собственными глазами прочесть радостную вѣсть. Наступаетъ ночь; весь городъ освѣщается въ одно мгновеніе, какъ по волшебству. Вдругъ, изъ одной группы раздается громкій голосъ: «Да здравствуетъ Пій IX! пойдемте въ Квириналъ!» Немедленно составляется процессія, и съ зажженными факелами, съ развѣвающимися по вѣтру бѣлыми и желтыми значками (папскіе цвѣта), направляется въ Квириналъ. На пути толпа растетъ и, наконецъ, остановясь у дворца, сплошной массой покрываетъ всю площадь. Папа, глубоко тронутый, выходитъ на балконъ, ярко освѣщенный множествомъ огней, и всѣ восклицаютъ, что это солнечный восходъ. Пій приближается къ периламъ, простираетъ руки, какъ бы желая обнять весь міръ, и дрожащимъ отъ

волненія, но внятнымъ голосомъ, призываетъ благословеніе Неба на колѣнопреклоненную у ногъ его толпу. Умиленіе, звучавшее въ его словахъ, мгновенно сообщается народу, который, въ порывѣ радостнаго восторга и безграничной признательности, оглашаетъ воздухъ однимъ нескончаемымъ и дружнымъ крикомъ: «Да здравствуетъ Пій IX!» (Viva Pio Nono!)

Это неожиданное и трогательное сближеніе папы съ народомъ, было первымъ шагомъ къ тому сочувствію, которое, не замедливъ между ними установиться, породило, впослѣдствіи, столько различныхъ недоразумѣній.

Чтобы вполнѣ понять глубину восторга, охватившаго въ эту минуту народъ, необходимо вполнѣ себѣ уяснить важность событія, вызвавшаго это чувство. Не было семьи, въ которую политическая амнистія не вносила бы утѣшенія и надежды. Сотни людей, осужденныхъ на страданіе и всякаго рода лишенія, внезапно освобождались отъ цѣпей; тысячи изгнанниковъ, дотолѣ томившихся на чужбинѣ, получали возможность возвратиться на родину. Всѣ классы общества испытывали на себѣ благодѣтельныя послѣдствія амнистіи, но образованный классъ—въ особенности. Немудрено, если не было конца толкамъ и комментаріямъ, а по городу ходили самые странные и разнообразные слухи.

Всю честь этого дѣйствія общественное мнѣніе приписывало исключительно Пію IX. Не только ему принадлежала иниціатива дѣла, но еще онъ долженъ былъ, для осуществленія ея, бороться съ сильной оппозиціей, какую нашелъ въ своихъ совѣтникахъ. Разсказывали, что, когда папа внесъ въ совѣтъ кардиналовъ предложеніе объ амнистіи, оно было встрѣчено, со стороны однихъ, открытымъ неодобреніемъ, со стороны другихъ— не менѣе упорнымъ, хотя и молчаливымъ, сопротивленіемъ. Св. отецъ пожелалъ собрать голоса. Тотчасъ были розданы кардиналамъ бѣлые и черные шары, и ящикъ, назначенный для сбора голосовъ, быстро обошелъ всѣхъ членовъ совѣта. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, высыпали на столъ шары, Ламбрускини радостно воскликнулъ: «Все черные!» — «Все бѣлые!» возразилъ Пій IX, и быстрымъ движеніемъ руки накрылъ шары своей бѣлой скуфьей [1]).

Изъ этой амнистіи были исключены духовныя лица и военные, для которыхъ, впрочемъ, составлялись особыя распоряженія, весьма благопріятнаго свойства. Взамѣнъ же, отъ помилованныхъ требовалось только письменное удостовѣреніе въ томъ, что «они не употребятъ во зло оказанную имъ милость, но

---

[1]) Извѣстно, что папа носитъ бѣлую скуфью, кардиналы — красную, прелаты — фіолетовую, а простые аббаты — черную.

станутъ честно выполнять всѣ обязанности добрыхъ гражданъ». Декретъ, отличавшійся сжатостью и умѣренностью выраженій, былъ написанъ съ большимъ достоинствомъ и нисколько не походилъ на положенія и указы, обыкновенно выходящіе изъ рукъ римскаго правительства. Составленіе этого декрета опять-таки приписывалось Пію IX; говорили, что монсиньоръ Корболи писалъ его со словъ самого папы въ святилищѣ его собственнаго кабинета.

Сердце человѣческое легко открывается надеждѣ. Такъ и теперь, въ обнародованіи амнистіи всѣ видѣли не простой, отдѣльный фактъ, посредствомъ котораго возвращалось отечеству значительное число гражданъ и облегчались страданія нѣсколькихъ сотенъ людей — а первый шагъ на новомъ политическомъ поприщѣ, который изобличалъ намѣреніе правительства измѣнить настоящій порядокъ вещей, искоренить всякаго рода злоупотребленія и неуклонно идти по пути прогресса и преобразованій, наравнѣ съ вѣкомъ, и съ цѣлью упрочить благосостояніе Италіи.

Пій IX вскорѣ пріобрѣлъ еще новыя права на всеобщее къ нему расположеніе. Кардиналъ Джицци, надѣлавшій столько шуму вслѣдствіе ложнаго слуха о его мнимомъ избраніи въ папы, былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Народъ несказанно радовался. Двѣ недѣли спустя, новый министръ циркуляромъ, обращеннымъ къ легатамъ и делегатамъ, освѣдомлялся о нуждахъ и желаніяхъ провинціальнаго народонаселенія. Лишь только циркуляръ сдѣлался извѣстенъ, какъ на папу посыпались новыя изъявленія признательности. Онъ ежедневно, съ высоты квиринальскаго балкона, посылалъ народу благословенія, и все болѣе и болѣе овладѣвалъ сердцами своихъ подданныхъ.

Но былъ ли дѣйствительно такъ просвѣщенъ и либераленъ этотъ папа, въ которомъ Римъ и вся Италія уже съ восторгомъ привѣтствовала своего избавителя, и на котораго Европа смотрѣла съ изумленіемъ? Постараемся набросать легкій эскизъ этой личности, въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ самимъ, и пусть дальнѣйшія событія покажутъ, правы мы или нѣтъ въ произносимомъ нами сужденіи.

Пій IX, по живописному выраженію Маміани, впослѣдствіи несправедливо приписанному Джіоберти, не что иное, какъ хорошій сельскій священникъ: таковъ онъ съ виду и такимъ его дѣлаютъ его наклонности и стремленія. Его почтенная, такъ сказать, патріархальная наружность, лишена всякаго величія. Пій IX—тò, чтò на обыкновенномъ языкѣ называется—«добрый человѣкъ». Онъ чувствителенъ, сострадателенъ къ ближнимъ, благочестивъ до суевѣрія и ревнителенъ въ выполненіи своихъ

обязанностей до фанатизма. Ограниченный по уму, онъ обладаетъ только весьма поверхностнымъ образованіемъ и не отличается ни знаніемъ свѣта, ни административными способностями, ни дипломатической тонкостью, и, если сердечныя стороны его личности достаточно развиты, за-то умственныя заключены въ весьма тѣсную рамку. Что касается политическихъ его мнѣній, то можно смѣло сказать, что онъ ихъ вовсе не имѣетъ. Любя добро какъ бы инстинктивно, чисто по влеченію своего сердца, онъ не всегда умѣетъ его отличать отъ зла. Общественное благо является ему въ видѣ отвлеченнаго понятія, опредѣленный, практическій смыслъ котораго отъ него ускользаетъ. Будучи безукоризненной нравственности и чистоты помысловъ, онъ полагаетъ, что добродѣтели, составляющія украшеніе частнаго лица, однѣ нужны для монарха. Слабый къ самому себѣ, упорный въ отношеніи къ другимъ, онъ легко увлекается и еще легче раздражается при малѣйшемъ противорѣчіи. Мелочный и малодушный, онъ не обладаетъ ни широтой взгляда государственнаго человѣка, ни величіемъ души, свойственнымъ великимъ монархамъ. Скорѣе подозрительный, нежели довѣрчивый, онъ чуждается правдивыхъ и смѣлыхъ совѣтовъ, и охотно слушаетъ ловкую лесть. Одержимый мелкимъ честолюбіемъ, онъ, ища популярности, никогда и не предвидѣлъ, къ какимъ послѣдствіямъ это должно было его привести. Смиренный тамъ, гдѣ дѣло касается его собственной личности, онъ называетъ себя служителемъ слугъ Господнихъ (servus servorum Dei), но, въ то же время, несказанно гордится своимъ званіемъ намѣстника Христова и представителя, правда, недостойнаго (его собственныя слова), Бога на землѣ. Одинаково преувеличенный въ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, онъ черезъ-чуръ быстро выводитъ заключенія, не разсуждая примѣняетъ ихъ къ дѣлу и часто дѣйствуетъ очертя голову. Искренно видя въ себѣ помазанника Св. Духа, онъ считаетъ своей обязанностью, ради интересовъ церкви, жертвовать трономъ, собственною личностью и народомъ. Какъ бы видя всѣ предметы сквозь уменьшительное стекло, онъ воображаетъ себѣ, что весь міръ сосредоточивается въ Римѣ, а человѣчество — въ Ватиканѣ. Скорѣе аскетъ, чѣмъ богословъ, онъ полагаетъ, что предназначенъ совершать чудеса не силою своихъ личныхъ заслугъ, но вслѣдствіе всемогущества, неразлучнаго съ ввѣренной ему властью. Однимъ словомъ, обладая многими добродѣтелями хорошаго священника, онъ не имѣетъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ для государства, и вмѣстѣ подверженъ всѣмъ слабостямъ деспота и богатъ предразсудками, свойственными папѣ. Такимъ образомъ, въ вѣрѣ онъ видитъ только форму, а въ ре-

лигіи одну обрядность, не понимаетъ значенія независимости и не сознаетъ преимуществъ свободы. Слово: отечество—пріятно ласкаетъ его слухъ, но не проникаетъ въ сердце; въ церкви онъ любитъ окружающую ее таинственность, въ королевскомъ санѣ—блескъ, въ папствѣ—безграничную власть. Онъ, въ теченіе всей своей жизни, колебался между прошедшимъ, преданія котораго уважалъ, настоящимъ, въ которомъ находилъ удовлетвореніе своему тщеславію, и будущимъ, въ которомъ надѣялся найдти славу. Не имѣя силы, ни разбить оковъ, налагаемыхъ предразсудками, ни отказаться отъ популярности, столь для него привлекательной, онъ, такъ сказать, постоянно носился въ пространствѣ, не находя твердой почвы, на которой могъ бы опереться и тѣмъ самымъ ясно обозначить свою личность.

Таковъ былъ Пій IX въ началѣ своего папства, когда его осѣнялъ блескъ популярности; такимъ является онъ постоянно въ теченіе своего двадцатилѣтняго смутнаго царствованія, и такимъ еще видимъ мы его нынѣ въ грустный періодъ его преклонной старости: вполнѣ достойный уваженія за свои добродѣтели и сердечныя качества, онъ заслуживаетъ хулы и сожалѣнія, вслѣдствіе своего упорства и неспособности. Но тотъ, у кого сердце такъ податливо, умъ такъ слабъ, а характеръ такъ пылокъ, какъ у Пія IX, тотъ легко увлекается и быстро падаетъ; для того всякій крутой поворотъ опасенъ, а реакція гибельна.

На прогрессивномъ пути, не скажу преобразованій, но уступокъ и льготъ, на который вступилъ папа, ему безпрестанно встрѣчались преграды, задерживавшія примѣненіе къ дѣлу его благихъ намѣреній, и которыя, совершенно естественно, ихъ охлаждали и даже парализировали. Такъ, условіе, включенное въ декретъ объ амнистіи и предписывавшее гражданамъ честное выполненіе ихъ обязанностей, было облечено въ такую форму, которая находилась въ совершенномъ разногласіи съ тономъ всего декрета. Вслѣдствіе этого, графъ Теренціо-Маміани, графъ Карло Пеполи и адвокатъ Филиппо Канути, не согласились дать требуемой отъ нихъ подписи и предпочли отказаться отъ даруемыхъ амнистіей льготъ. Свѣдѣнія о нуждахъ и желаніяхъ провинціальнаго народонаселенія, за которыми кардиналъ Джицци обратился къ легатамъ и делегатамъ, сообщались ему въ высшей степени вяло и неохотно. Къ прессѣ — самъ папа относился съ снисходительной благосклонностью, но она находилась въ совершенной зависимости отъ произвола грубаго и невѣжественнаго монаха. Св. отецъ высказывался въ пользу народнаго образованія, а, между тѣмъ, не предпринимались никакія мѣры

для того, чтобъ дать ему болѣе прочное и широкое развитіе. Пристрастіе государя къ ученымъ конгрессамъ не встрѣчало ни сочувствія, ни поддержки со стороны его министровъ. Народныя оваціи, столь лестныя для личности папы въ честь кого онѣ совершались, возбуждали неудовольствіе придворныхъ и даже были запрещены приказомъ государственнаго секретаря. Столь рѣзкія противорѣчія ясно доказывали, что правительство дѣйствовало безъ всякой опредѣленной цѣли и ни чуть не имѣло въ виду идти путемъ систематическихъ реформъ. Все это, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, безъ сомнѣнія, не замедлило бы охладить всеобщій энтузіазмъ. Но, въ настоящую минуту, умы были сильно возбуждены, и массы, во что бы то ни стало, хотѣли приписывать папѣ все, что было хорошаго въ окружавшемъ его административномъ хаосѣ, а все дурное взваливали на плечи его совѣтниковъ. Самъ Пій IX не придавалъ народному волненію большого значенія. Онъ зналъ, что ему стоило сказать нѣсколько словъ, и его станутъ носить на рукахъ; эти слова онъ охотно произносилъ, но почти всегда оставлялъ ихъ безъ послѣдствій. Мыслители, писатели и, вообще, люди развитые и образованные, скоро подмѣтили во всемъ какую-то двойственность. Наружное сближеніе папы съ народомъ было, въ ихъ глазахъ, не что иное, какъ слѣдствіе недоразумѣнія: въ сущности, народъ не получилъ еще ничего изъ того, чѣмъ воображалъ уже, что владѣетъ, а папа на дѣлѣ ничуть не желалъ того, къ чему, повидимому, склонялся. Уяснить это недоразумѣніе—значило вызвать духъ анархіи и поставить страну въ безвыходное положеніе. Всего разумнѣе было воспользоваться удобной минутой и постараться извлечь побольше выгодъ изъ этихъ обманчиво-дружественныхъ отношеній между папой и народомъ. Такимъ образомъ, мало по малу, составился таинственный тройной заговоръ, въ которомъ принимали равное, хотя совершенно различнаго свойства участіе — папа, народъ и передовые люди. Папа искалъ популярности, народъ желалъ реформъ, передовые люди старались въ обоихъ поддерживать иллюзіи, съ цѣлью обратить ихъ въ пользу свободы и независимости. Папа, при этомъ, являлся представителемъ своей собственной личности, передовые люди нашли себѣ поддержку въ возникавшей журналистикѣ; чувства и желанія народныхъ массъ вполнѣ выразились въ самой симпатичной изъ плебейскихъ знаменитостей, какія намъ представляетъ новѣйшая исторія. Анжело Брунетти, гораздо болѣе извѣстный подъ именемъ Чичерваккіо, представляетъ весьма типичное и интересное явленіе.

Чичерваккіо, зажиточный ремесленникъ, отецъ семейства и

малый, въ высшей степени честный, отличался большимъ здравымъ смысломъ, но не имѣлъ никакого образованія. Болѣе смѣлый, чѣмъ осторожный, великодушный, но не предусмотрительный, онъ оказывался въ высшей степени щекотливымъ въ вопросахъ, касавшихся чести. Простодушный, скромный добрякъ, онъ, однако, былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ собственнаго достоинства и преисполненъ стремленій къ независимости. Онъ любилъ веселое общество и хорошія яства и, въ одно и то же время, обладалъ качествами добраго товарища, патріота, филантропа и человѣка религіознаго. Этотъ римскій простолюдинъ, соединявшій въ себѣ всѣ качества и слабости людей своего класса, былъ восторженнымъ поклонникомъ Пія IX. Онъ считалъ себя его другомъ и повѣреннымъ и, въ случаѣ нужды, конечно, взялъ бы на себя роль его защитника. Онъ первый затѣвалъ празднества въ честь св. отца, сооружалъ тріумфальныя арки въ мѣстахъ, гдѣ ему надлежало проходить, устраивалъ оваціи, и постоянно ручался за папу и его добрыя намѣренія.

Около этого времени, извнѣ совершались два событія, которыя не мало содѣйствовали тому, чтобъ ярче обрисовать характеръ движенія, начинавшагося въ Римѣ. Ученый конгрессъ, собиравшійся на этотъ разъ въ Генуѣ, принималъ чисто политическое значеніе, частью, вслѣдствіе огромнаго стеченія либераловъ изъ всѣхъ концовъ Италіи, частью вслѣдствіе свободы мысли и слова, дарованной королемъ Альбертомъ, а, наконецъ, и вслѣдствіе пылкихъ рѣчей, произносимыхъ княземъ Канино, импровизированнымъ ораторомъ, которому вскорѣ надлежало блистать въ римскомъ парламентѣ своимъ острымъ саркастическимъ умомъ и эксцентричностью своихъ предложеній. Рядомъ съ личностью папы, внезапно выдвинулась изъ тѣни личность короля піемонтскаго, которая являлась какъ бы олицетвореніемъ военной силы Италіи, готовой соединиться съ нравственнымъ авторитетомъ папы, чтобъ возвысить Италію и возвратить ей сознаніе собственнаго достоинства. Годовщина столѣтія народной революціи, въ 1746 году изгнавшая изъ Генуи австрійцевъ, была единодушно празднуема во всѣхъ городахъ Италіи и, казалось, направляла на путь, идя по которому, порабощенная нація могла, или, вѣрнѣе сказать, должна была возвратить себѣ независимость.

При счастливомъ предзнаменованіи этихъ событій, значеніе которыхъ еще преувеличивало общественное мнѣніе, о которыхъ различно толковали иностранные журналы, и которыя, повидимому, возбуждали сочувствіе въ Піѣ IX, — наступалъ въ Римѣ 1847 годъ. Не смотря на строгость старыхъ цензурныхъ уставовъ,

правда, отчасти смягчаемыхъ въ примѣненіи, появилось нѣсколько періодическихъ изданій. Самыя замѣчательныя изъ нихъ въ Римѣ были: *Современникъ* (il Contemporaneo), *Вѣсы* (la Bilancia) и *Эпоха* (l'Epoca). Первое изъ этихъ изданій, душой котораго былъ поэтъ Стербини, бывшій политическій изгнанникъ, имѣло въ виду распространеніе чисто-демократическихъ понятій, и непрестанно твердило о древнемъ Римѣ, съ его консулами, трибунами и сенатомъ. Второе издавалось профессоромъ Оріоли, который, при революціонномъ правительствѣ 1831 года въ Романьѣ, занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, а потомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, находился въ изгнаніи. Его газета поддерживала, такъ-называемый, либеральный папизмъ, и стояла за тѣ незначительныя реформы, которыя предлагались самимъ папой и одобрялись кардиналами. Третья газета издавалась авторомъ настоящихъ записокъ, въ то время самымъ молодымъ изъ политическихъ писателей. Его органъ, не заботясь о формѣ, стремился къ прогрессу, указывая при этомъ на единство Италіи, какъ на средство, съ помощью котораго она могла достигнуть своей независимости. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ римскихъ владѣніяхъ вообще, а въ Римѣ въ особенности, идея независимости была господствующею въ кругу лучшихъ либераловъ. Секуляризація правительства, коллегіальныя учрежденія, всѣ эти преобразованія, которыхъ домогались съ такой настойчивостью, были только вспомогательными средствами, могущими ускорить осуществленіе великаго національнаго дѣла.

Между тѣмъ, звѣзда Джицци начинала блѣднѣть и видимо склонялась къ своему закату. Онъ не совершилъ и не предпринялъ ни одной серьозной реформы. Четыре свѣтскія лица, присоединенныя къ престарѣлому монаху, въ рукахъ котораго находилась судьба печати, должны были руководствоваться въ дѣлахъ цензуры все тѣми же устарѣлыми законами и уставами. Указъ отъ 14-го апрѣля 1847 года, излагавшій мысль объ учрежденіи государственнаго совѣта (Consulta di Stato) былъ, такъ сказать, исторгнутъ у государственнаго секретаря силою общественнаго мнѣнія, которое иначе считало бы насмѣшкой выраженное имъ желаніе—поближе ознакомиться съ нуждами народа. Но мысль эта такъ и оставалась только на бумагѣ. 14-го іюля, былъ изданъ указъ (motu proprio) о составленіи и открытіи совѣта министровъ. Членами этого совѣта назначались: кардиналъ-государственный секретарь, который производился въ министры внутреннихъ и, въ то же время, иностранныхъ дѣлъ; кардиналъ-камерлингъ, который становился министромъ промышленности и торговли; кардиналъ-начальникъ путей сообщенія, съ переименованіемъ

его въ министры публичныхъ работъ; прелатъ-президентъ оружій, который возводился въ званіе военнаго министра; прелатъ, бывшій казначей, нынѣ именовался министромъ финансовъ, а прелатъ-префектъ Рима, нынѣ министръ полиціи. Все это напоминало торговцевъ, которые на старый товаръ наклеиваютъ новые ярлыки съ цѣлью обмануть и привлечь покупателей. Нѣсколько комитетовъ, учрежденныхъ для разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ и для составленія нужныхъ проектовъ, не давали никакихъ результатовъ: инерція, лѣнь и пассивная оппозиція, представляемыя чиновниками низшаго разряда, нерадивость высшихъ сановниковъ, безхарактерность государственнаго секретаря, нерѣшительность папы и всеобщая неспособность—парализировали даже и тѣ слабыя попытки къ мнимымъ преобразованіямъ, которыя предпринимались, съ цѣлью успокоить умы, польстить общественному мнѣнію и заслужить громкія одобренія массы. Старая машина, очевидно, приходила въ разрушеніе и отказывалась служить; замѣнить ее было нечѣмъ, и вотъ, по-прежнему, пустили въ ходъ старыя колеса, приводя ихъ въ дѣйствіе орудіями, которымъ, безъ сомнѣнія, тоже скоро надлежало сломаться въ рукахъ столь же неловкаго, сколько и неосторожнаго механика.

«Еще ничего не сдѣлано — писалъ французскій посолъ графъ Росси къ министру Гизо: — до сихъ поръ все ограничивается одними обѣщаніями; не удивительно, если народъ начинаетъ волноваться и терять довѣріе. Впрочемъ, никто еще не обвиняетъ папу въ двойственности, но всѣ подозрѣваютъ его въ слабости». Дѣйствительно, ничего еще не было сдѣлано; даже проектъ объ учрежденіи національной гвардіи, которой всѣ такъ давно желали, и тотъ оставался невыполненнымъ, не смотря на то, что былъ одобренъ Піемъ IX. Тѣмъ не менѣе, народъ продолжалъ восхвалять папу; порицая министровъ, онъ устраивалъ въ честь его торжества, и праздновалъ годовщину его вступленія на престолъ иллюминаціями, пѣніемъ гимновъ, процессіями съ факелами и значками.

Но пока въ Римѣ все ликовало, въ провинціяхъ безпощадно проливалась кровь. Политическія убійства совершались въ массѣ, какъ при Григоріѣ XVI. Всѣ элементы стараго правительства: коммиссары, центуріоны, сбиры и шпіоны, не только существовали, но и безпрепятственно пользовались тѣмъ, что̀ успѣли накопить во дни своего неограниченнаго владычества. Гонимые обществомъ, но поддерживаемые своими прежними покровителями, они сбились въ одну тѣсную массу, которая стояла за реакцію и производила страшные безпорядки. Вскорѣ, какъ бы желая еще расширить кругъ своихъ злодѣяній, они перешли въ столицу.

Но тамъ они были немедленно узнаны и подверглись жестокому гоненію. Поднялись громкіе крики, неотступно требовавшіе учрежденія національной гвардіи, которая могла бы, при случаѣ, дать этимъ людямъ отпоръ. Кардиналъ Джицци, будучи не въ силахъ идти противъ бурнаго теченія столь единодушно и энергически выражаемаго желанія, 5-го іюля обнародовалъ указъ, дозволявшій, наконецъ, приступить къ составленію національной гвардіи подъ названіемъ *городской гвардіи* (Guardia civica). Но, въ то же время, кардиналамъ-префектамъ были разосланы тайныя инструкціи, предписывавшія имъ приводить въ исполненіе этотъ указъ не иначе, какъ только въ случаѣ крайней необходимости, при неотступномъ требованіи народонаселенія. На другой день, кардиналъ Джицци, какъ бы истощивъ въ этомъ подвигѣ всѣ свои силы, подалъ въ отставку. Такимъ образомъ, разсѣялся призракъ кратковременной славы, созданной случаемъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, преувеличенной молвой и уничтоженной болѣе трезвымъ взглядомъ на вещи исторіи.

Мѣсто кардинала Джицци было предложено кардиналу Ферретти, двоюродному брату Пія IX. Безукоризненной честности, прямодушный и пылкій, онъ отличался безграничной преданностью къ бѣднымъ, къ папѣ и къ католицизму. Онъ также, какъ и Пій IX, былъ миссіонеромъ и епископомъ, а, кромѣ того, и нунціемъ въ Неаполѣ, когда тамъ свирѣпствовала холера. Не разъ подвергалъ онъ опасности свою жизнь, посѣщая больныхъ и напутствуя умирающихъ. Онъ отдалъ бѣднымъ все свое имущество до послѣдняго креста, который носилъ на шеѣ. Кардиналъ Ферретти принялъ должность государственнаго секретаря единственно изъ преданности къ папѣ и къ государству, но тогда же объявилъ, что, при первой возможности, сложитъ съ себя званіе перваго министра. Сознавая свою неспособность къ дѣламъ политическимъ и административнымъ, онъ вызвалъ изъ Неаполя своего брата, графа Піетро Ферретти, жившаго въ изгнаніи, съ 1831 года, и просилъ его помощи и совѣтовъ.

Но если личность новаго государственнаго секретаря приходилась по сердцу всѣмъ либераламъ, за-то она въ высшей степени не нравилась реакціонерамъ, въ эту самую минуту занятымъ придумываніемъ средствъ для того, чтобъ разстроить празднества, которыя приготовлялись по случаю приближенія годовщины того дня, когда была обнародована амнистія. Но ихъ усилія и продѣлки, не смотря на таинственность, какою они себя окружали, отчасти сдѣлались извѣстны въ публикѣ. Народъ испугался и, подстрекаемый воображеніемъ, пришелъ въ волненіе. Ходили слухи о какомъ-то заговорѣ; говорили, что самымъ извѣст-

нымъ изъ либераловъ угрожаетъ смерть, что Чичерваккіо обреченъ сдѣлаться первою жертвой убійцъ. А, затѣмъ, полагали, вспыхнетъ пожаръ, начнутся грабежи, и самъ папа не будетъ пощаженъ.

Для отвращенія всѣхъ этихъ бѣдствій, существовавшихъ, впрочемъ, гораздо болѣе въ воображеніи гражданъ, нежели въ дѣйствительности, имѣлось въ виду только одно средство: немедленное устройство національной гвардіи. Народъ того требовалъ, а кардиналъ Ферретти изъявлялъ на то свое полное согласіе. Тотчасъ, въ разныхъ частяхъ города, были открыты конторы для составленія записей и пріема новобранцевъ. Многіе граждане уступали свои дома подъ военные пôсты, другіе обращались къ военному министру съ просьбою позаботиться о заготовленіи оружія. Въ два часа пополудни, на всѣхъ площадяхъ, желающіе могли вносить свои имена въ списки гвардіи, которая къ четыремъ часамъ числила въ своихъ рядахъ уже до восьми тысячъ человѣкъ. Въ шесть часовъ, новобранцы отправились къ зданію военнаго министерства, гдѣ и были приняты на большомъ дворѣ, освѣщенномъ множествомъ факеловъ, самимъ министромъ-прелатомъ, монсиньоромъ Спада. Вѣроятно, находя весьма ничтожнымъ совершавшееся передъ его глазами событіе, онъ не счелъ нужнымъ прилично одѣться и стоялъ въ халатѣ и туфляхъ, съ фіолетовой скуфьей на головѣ. Онъ не стѣснялся и съ плутовской улыбкой на тонкихъ, насмѣшливыхъ губахъ, отдавалъ приказъ о раздачѣ ружей, которыя были сложены въ пирамиды вокругъ эспланады. Въ восемь часовъ все было кончено, и всѣ разошлись съ криками: «Да здравствуетъ Пій IX!» Гвардія немедленно заняла отведенныя для нея квартиры, и гвардейцы, стоя на часахъ, отправляли свои обязанности въ платьѣ мирныхъ гражданъ съ заржавленными саблями черезъ плечо и съ старыми ружьями, изъ которыхъ нельзя было стрѣлять.

Ночь прошла въ тревожномъ ожиданіи. Къ утру, на всѣхъ перекресткахъ появились прибитые къ домовымъ стѣнамъ списки именъ мнимыхъ заговорщиковъ; то были почти исключительно имена людей, пользовавшихся весьма дурной репутаціей. Народъ бросился ихъ отыскивать. Самымъ ловкимъ изъ нихъ коекакъ удалось укрыться, другіе, попавшіеся въ руки черни, обязаны были своимъ спасеніемъ вмѣшательству вооруженной силы. Ихъ брали и сажали въ тюрьмы.

Во главѣ списка заговорщиковъ стоялъ нѣкто Минарди, заслуженный шпіонъ, ростовщикъ, человѣкъ, славившійся своимъ развратомъ и злодѣйствомъ, и хорошо знакомый всему городу, который питалъ къ нему страшную ненависть. Жилище его было

извѣстно всѣмъ и каждому. Большая толпа народа устремилась туда, и попадись онъ въ эту минуту въ руки озлобленной, разсвирѣпѣвшей черни, онъ, безъ сомнѣнія, немедленно былъ бы разорванъ на части. Но кто-то успѣлъ предупредить его о готовой разразиться надъ его головой грозѣ. Онъ хотѣлъ бѣжать, но улицы уже были полны народа, и его, не смотря на темноту наступившей ночи, безъ сомнѣнія, узнали бы по его огромному росту. Нѣсколько человѣкъ бросаются на дверь и выбиваютъ ее. Минарди бѣжитъ на верхъ изъ этажа въ этажъ, достигаетъ чердака и черезъ слуховое окно вылезаетъ на крышу. Его преслѣдуютъ; нѣсколько смѣльчаковъ устремляются за нимъ на крышу съ зажженными факелами въ рукахъ. Начинается страшная, безпощадная погоня. А толпа, стоящая внизу, наполняетъ воздухъ ужасными криками, ободрительными для преслѣдующихъ, исполненными проклятій для Минарди. Несчастному измѣняютъ силы; онъ спотыкается и замедляетъ свой бѣгъ. Вдругъ ему заграждаетъ путь огромная труба. Съ отчаяніемъ вскакиваетъ онъ въ ея отверзстіе и стремглавъ падаетъ въ огромную кухонную печь. Тамъ его встрѣчаетъ женщина, нѣкогда находившаяся съ нимъ въ связи, а теперь служившая кухаркою въ этомъ домѣ. Еле живого, всего избитаго, она, подъ опасеніемъ сама лишиться жизни, если ея поступокъ сдѣлается извѣстнымъ, скрываетъ его въ погребѣ.

Видя, что жертва ускользнула изъ рукъ, народъ въ изступленіи оглашаетъ площадь св. Андрея дикимъ, яростнымъ воплемъ. Вдругъ изъ монастыря, прилегающаго къ этой площади, выходитъ монахъ и, съ огромнымъ распятіемъ въ рукахъ, приближается къ волнующейся, какъ бурное море, толпѣ. Отецъ Вентура, знаменитый проповѣдникъ, начальникъ ордена театиновъ (Teatini), подозрѣваемый въ либерализмѣ и независимо отъ этого всѣми уважаемый за высокія качества ума и сердца, успѣлъ силою своего характера и краснорѣчія пріобрѣсти большое вліяніе надъ массами. Внезапно явясь посреди народа, воодушевленнаго ненавистью и чувствомъ мести, онъ взываетъ къ нему именемъ Христа и указываетъ на распятый ликъ Того, кто такъ умѣлъ любить и прощать. Толпа стихаетъ. Монахъ, ставъ на стулъ, обращается къ ней съ пламенною рѣчью, и именемъ Спасителя, своей кровью искупившаго родъ человѣческій, увѣщеваетъ простить врагамъ. Дрожащій свѣтъ факеловъ освѣщаетъ величественную, вдохновенную фигуру проповѣдника; голосъ его съ неотразимой силой раздается въ сердцахъ слушателей; слезы умиленія на всѣхъ глазахъ; слова примиренія на всѣхъ устахъ. «По этимъ признакамъ—съ торжествомъ восклицаетъ монахъ—

я узнаю въ васъ истинныхъ сыновъ Рима: величавыхъ въ покоѣ, ужасныхъ въ порывахъ гнѣва, дивныхъ въ своемъ великодушіи. Я вижу — продолжалъ онъ — прощеніе уже въ вашихъ сердцахъ, и да низойдетъ на васъ лучъ свѣта, ниспосланный всеблагимъ и всемогущимъ, который васъ благословляетъ моей рукой». И величавымъ, плавнымъ движеніемъ, разсѣкая воздухъ крестомъ, монахъ благословляетъ народъ, который въ раскаяніи склоняетъ передъ нимъ колѣна. Трудно себѣ представить болѣе трогательное зрѣлище, и тотъ, кому привелось его видѣть, конечно, не забудетъ его до послѣдняго дня своей жизни.

Такимъ образомъ, заговорщики, вымышленные или дѣйствительные—это навсегда осталось тайной—отдѣлались однимъ страхомъ. Министръ полиціи, подозрѣваемый въ участіи съ ними, былъ замѣненъ прелатомъ, о которомъ говорили много добра. Національная гвардія вступила въ отправленіе своихъ обязанностей, при чемъ кардиналъ Ферретти, въ рѣчи, обращенной къ ней, между прочимъ произнесъ слѣдующія достопримѣчательныя слова: *«Покажемъ Европѣ, что мы умѣемъ сами собой управляться!»* Чичерваккіо находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ государственнымъ секретаремъ и ежедневно посѣщалъ его брата, графа Піетро. Управленіе министерствомъ финансовъ было ввѣрено монсиньору Морикини, молодому прелату, хорошо знакомому съ финансовыми науками, природному римлянину и сыну извѣстнаго и всѣми уважаемаго доктора.

Но, въ тотъ самый моментъ, когда, повидимому, дѣла начинали принимать болѣе благопріятный оборотъ, внезапно разнеслась вѣсть о занятіи австрійцами Феррары, 17-го іюля, въ то самое время, когда реакціонеры пытались возмутить народонаселеніе столицы. Далѣе, 13-го августа, они учредили, въ занятомъ ими городѣ, военные посты, не смотря на энергичное сопротивленіе легата, кардинала Чіакки. Государственный секретарь посылалъ депешу за депешей къ нунцію въ Вѣну, съ предписаніемъ потребовать самаго строгаго отчета въ этомъ явномъ нарушеніи международныхъ правъ. Австрійское правительство на всѣ запросы отвѣчало уклончиво и, въ то же время, усиливало гарнизонъ. Все народонаселеніе римскихъ владѣній пришло въ волненіе. Пресса, вопреки цензурѣ и ея постановленіямъ, смѣло и открыто призывала гражданъ къ оружію; національная гвардія мобилизировалась, отовсюду присылались деньги и оружіе; сотни и тысячи волонтеровъ записывались въ ряды войска, чтобъ идти противъ чужеземныхъ, незваныхъ гостей; религіозныя корпораціи приносили на алтарь отечества богатыя жертвы, дамы вышивали знамена, которыя благословляли епи-

скопы; кардиналъ Ферретти писалъ грозныя ноты, а Пій IX въ негодованіи выражалъ желаніе издать буллу объ отлученіи австрійцевъ отъ церкви.

Святая любовь къ независимости охватила всѣ классы общества. Въ эту торжественную минуту народнаго увлеченія, Пій IX, тоже уступая теченію, внезапно увлекшему всѣ умы, задумался надъ осуществленіемъ идеи объ итальянскомъ единствѣ. Ему посовѣтовали вступить въ торговый союзъ (lega doganale) съ Тосканой и Піемонтомъ, въ томъ предположеніи, что это могло служить первымъ шагомъ къ союзу политическому. Проектъ пришелся папѣ по вкусу, и онъ съ поспѣшностью, свойственной его раздражительной и пылкой натурѣ, немедленно принялся за выполненіе его. Онъ отправилъ монсиньора Корболи открыть переговоры съ правительствами, съ которыми намѣревался вступить въ торговыя сношенія.

Въ то же самое время, и внутреннія реформы пошли нѣсколько живѣе и успѣшнѣе. Въ началѣ октября, былъ изданъ законъ (motu proprio) объ учрежденіи муниципальнаго совѣта въ Римѣ, который былъ его лишенъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Народъ прославлялъ папу, папа благословлялъ народъ, въ городѣ зажигались потѣшные огни.

Нѣсколько дней спустя, вышелъ указъ съ окончательными постановленіями насчетъ близкаго открытія государственнаго совѣта (Consulta di Stato), и тогда же были объявлены имена назначенныхъ въ немъ засѣдать особъ, выборъ которыхъ былъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ. Хвалебные клики со стороны народа не умолкали, благословенія въ изобиліи расточались папой.

Между тѣмъ, Карлъ-Альбертъ, король сардинскій, провозгласивъ себя защитникомъ итальянской независимости, еще разъ оскорбленной занятіемъ Феррары, принималъ угрожающее положеніе въ отношеніи къ Австріи. Онъ отдавалъ свой мечъ въ распоряженіе Пія IX и, въ своей безграничной преданности къ Италіи, непрестанно звалъ появленіе *свѣтила*, котораго такъ давно ожидалъ [1]).

Если, съ одной стороны, Карлъ-Альбертъ, король сардинскій, съ такимъ сочувствіемъ встрѣчалъ слабыя попытки папы къ осуществленію идеи національнаго единства, за-то, съ другой, Фердинандъ II, король неаполитанскій смотрѣлъ на нихъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Въ Туринѣ, подъ оглушительные крики:

[1]) Гербъ Карла-Альберта носилъ слѣдующій девизъ: *J'attends mon astre*, т. е., жду своего свѣтила.

«да здравствуетъ Пій IX!»—король и народъ вступали въ первый фазисъ того союза, которому черезъ двадцать лѣтъ надлежало, наконецъ, увѣнчать стремленія патріотовъ къ независимости и національному единству. Въ Калабріи народъ этими самыми криками сопровождалъ требованіе реформъ, и король неаполитанскій старался заглушить ихъ пушечнымъ громомъ.

Тогда же составлялся новый ученый конгрессъ въ Венеціи. Князь Канино, явясь туда въ мундирѣ національной гвардіи, былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями народа, который кричалъ: «Да здравствуетъ Пій IX и независимость Италіи!» Полиція поспѣшила выслать его за границу. Въ Миланѣ тоже совершались демонстраціи въ честь Пія, и австрійское правительство жестоко преслѣдовало зачинщиковъ.

Въ ноябрѣ былъ, наконецъ, заключенъ торговый союзъ и подписанъ въ Туринѣ представителями римскаго и тосканскаго правительствъ и лицомъ, уполномоченнымъ на то королемъ сардинскимъ. Монсиньоръ Корболи, главный виновникъ успѣшнаго окончанія этого дѣла, отправился въ Модену съ цѣлью склонить ея герцога къ участію въ союзѣ. Но входъ въ герцогскій кабинетъ тщательно оберегался австрійцами, и старанія прелата оказались тщетными.

Съ того времени, всѣ итальянскіе государи раздѣлились на два враждебные лагеря. Король сардинскій Карлъ-Альбертъ и великій герцогъ тосканскій Леопольдъ II, готовые на уступки и преобразованія, объявили себя приверженцами Пія IX и сторонниками прогресса и независимости. Король неаполитанскій, герцоги моденскій и луккскій и герцогиня пармская, составивъ оппозицію, стояли за реакцію и признали надъ собою покровительство Австріи.

Между тѣмъ, приближался день открытія государственнаго совѣта или консульты (Consulta di Stato), а именно 15 ноября. Мы увидимъ, какъ понялъ Пій IX народный восторгъ, возбужденный его же собственнымъ новымъ учрежденіемъ; уже тогда было легко предвидѣть многое въ будущемъ.

М. Пинто.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

VII.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

IV.

Троппау (Опава). — Лайбахъ (Любляны).

Революціонное броженіе видимо обходило Европу; затихало движеніе въ Германіи,—начиналось на южныхъ полуостровахъ, и здѣсь шло въ извѣстномъ порядкѣ: сначала обнаружилось на Пиренейскомъ, потомъ на Аппенинскомъ, наконецъ—на Балканскомъ.

Съ 1820 года, Испанія вступаетъ въ свой революціонный періодъ, періодъ долгій и тяжелый по условіямъ государственной и общественной жизни страны, по условіямъ историческаго воспитанія, полученнаго народомъ. Въ средніе вѣка, главное явленіе исторической жизни народовъ Пиренейскаго полуострова заключалось въ борьбѣ, которую они вели съ магометанскими завоевателями, аравитянами. Борьба эта поглощала всѣ другіе интересы жизни; народъ запечатлѣлся рыцарскимъ характеромъ; онъ жилъ въ постоянномъ крестовомъ походѣ; религіозный интересъ, въ борьбѣ съ невѣрными, стоялъ на первомъ планѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ, жители Пиренейскаго полуострова составили изъ себя населеніе преимущественно съ военнымъ и духовнымъ характеромъ: это былъ народъ рыцарей, дворянъ, борцовъ за христіанство противъ невѣрныхъ, и — народъ монаховъ. Въ этомъ постоянномъ крестовомъ походѣ, увѣнчавшемся, къ

концу XV вѣка, блестящимъ успѣхомъ, развились силы, требовавшія выхода. Португальцы и испанцы бросились на открытія; но дѣятельность ихъ въ новооткрытыхъ странахъ была продолженіемъ того же крестоваго похода противъ невѣрныхъ; цѣлію подвиговъ и завоеваній было распространеніе христіанства. Скоро, для испанцевъ и въ Европѣ нашлась дѣятельность по нимъ, походъ подъ религіознымъ знаменемъ, борьба съ протестантизмомъ. Главные герои Испаніи въ этой борьбѣ — Лойола и Филиппъ II-й. Въ 1521 году, когда на Вормскомъ сеймѣ нѣмецкій монахъ Лютеръ рѣшительно объявилъ, что не отречется отъ своихъ мнѣній относительно римской церкви, — молодой испанецъ Лойола, лѣчившійся отъ ранъ, полученныхъ въ войнѣ съ французами, воспламенялся житіями святыхъ, подвигами героевъ христіанства. Лойола основалъ знаменитый орденъ, въ которомъ католицизмъ получилъ превосходное войско для наступательнаго движенія, людей, отлично приготовленныхъ для нравственной ловли другихъ людей; всѣ способности іезуита были изощрены именно для захвата добычи. Но одною нравственною ловлею дѣло не ограничивалось: Испанія дала римской церкви не одного Лойолу,—она дала ей Филиппа II-го и герцога Альбу. Испанія начала блестящую роль въ Европѣ съ того времени, когда ея король Карлъ I-й сдѣлался императоромъ Карломъ V-мъ; но Карлъ V-й не былъ представителемъ испанскаго народа въ Европѣ. Знаменитый императоръ, котораго дѣятельность обхватывала всю Европу, котораго присутствіе нужно было и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ, оставался иностранцемъ для Испаніи; только при концѣ жизни испанскія наклонности какъ будто пробудились во внукѣ Фердинанда и Изабеллы: онъ удалился въ Испанію и умеръ въ монастырѣ. Карлъ V не былъ цѣльнымъ испанцемъ: онъ принадлежалъ къ двумъ или тремъ національностямъ, и уже по одному этому взглядъ его былъ шире, дѣятельность свободнѣе; эта широта и свобода развились при его обширной многосторонней дѣятельности; притомъ, Карлъ воспитался въ эпоху сильнаго движенія, сильнаго неудовольствія противъ римской церкви, и этимъ объясняются отношенія его къ протестантизму, возможность интерима, возможность сдѣлокъ. Но Филиппъ II принадлежалъ уже другому времени, тому времени, когда крайности и рознь въ протестантизмѣ оттолкнули отъ него религіозныхъ людей, заставили ихъ искать болѣе твердой почвы, чрезъ что была вызвана католическая реакція: представителемъ этой реакціи и былъ Филиппъ II-й. Притомъ, по природѣ и воспитанію своему, Филиппъ былъ соотечественникъ Лойолы, былъ цѣльный испанецъ. Зная пред-

шествовавшую исторію Испаніи, зная, какое значеніе имѣла здѣсь религія, церковь, мы поймемъ, почему Испанія должна была играть главную роль при католической реакціи, почему она выставила Лойолу и Филиппа II. И тотъ, и другой, въ разныхъ положеніяхъ, задали себѣ одну задачу: возстановить господство единой римской церкви, уничтожить ересь. Филиппъ не разъѣзжалъ по Европѣ, подобно отцу своему, не предпринималъ и походовъ въ Африку: онъ велъ неподвижную жизнь въ Испаніи; отъ этого горизонтъ его необходимо съуживался; вокругъ—однообразіе и мертвая тишина, и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ королемъ одна мысль, недопускающая ни малѣйшаго уклоненія, никакой сдѣлки. Филиппъ не чувствуетъ разнообразія, онъ не пойметъ, не признаетъ никогда правъ его. Филиппъ неподвиженъ въ своемъ кабинетѣ, но тѣмъ сильнѣе работаетъ голова человѣка съ энергическою природою; онъ хочетъ все знать, всѣмъ управлять. Борясь неуклонно, неутомимо съ ересью за единство церкви, Филиппъ продолжаетъ народную религіозную борьбу, которою знаменуется исторія Испаніи, и народъ видитъ въ немъ *своего*. Филиппъ II уничтожилъ начатки протестантизма, показавшіеся-было въ Испаніи; запылали костры и «лютеранская язва» исчезла изъ католической страны. Отличаясь особенною ревностью въ истребленіи «лютеранской язвы» и въ борьбѣ съ мусульманами въ сѣверной Африкѣ и на Средиземномъ морѣ, испанцы, понятно, не могли уживаться въ ладу съ маврами, остававшимися среди нихъ по уничтоженіи мусульманскаго государства на югѣ Испаніи. Кромѣ вражды религіозной, испанцы считали мавровъ своими заклятыми врагами, врагами домашними и тѣмъ болѣе опасными, особенно опасными въ то время, когда турецкое могущество висѣло грозною тучею надъ Европою. Испанія не могла переварить этого отдѣльнаго и враждебнаго народа среди своего народа, «народа въ народѣ», и мавры были изгнаны. Испанія покончила съ маврами у себя; въ Европѣ она являлась первенствующею державою; глаза всѣхъ католиковъ были постоянно обращены на нее, какъ на главную защитницу церкви; протестанты боялись Испаніи больше всего, и нельзя было не бояться перваго, по своей храбрости и искусству, войска въ Европѣ, которымъ постоянно предводительствовали знаменитѣйшіе полководцы. Славолюбіе рыцарскаго народа было удовлетворено; роль его обозначилась и въ томъ, что испанскія моды господствовали при дворахъ европейскихъ. Знаменитой роли соотвѣтствовало сильное литературное движеніе, самостоятельное, передовое, которымъ воспользовались народы, такъ сильно враждовавшіе съ Испаніею — англичане и французы. Сильно раз-

вивалась испанская жизнь, но развивалась односторонне. Народъ воиновъ, рыцарей, могъ бы въ древности покорить многіе народы, основать всемірную монархію; но въ новой Европѣ онъ долженъ былъ вести войны съ сильными народами, съ сильными союзами государствъ, долженъ былъ истощать свои силы въ продолжительной, далекой, славной, но безполезной для могущества страны борьбѣ, въ борьбѣ, преимущественно за принципъ, за католицизмъ противъ ереси. И когда религіозное движеніе въ Европѣ затихло, Испанія, по необходимости, отъиграла свою роль, сошла съ исторической сцены, ибо ей нечего было больше дѣлать въ Европѣ, не за что бороться, а между тѣмъ, въ другихъ условіяхъ, которыя поддержали бы ея историческую жизнь, оказался сильный недочетъ: развитіе было одностороннее; испанцы были народъ воиновъ и монаховъ; промышленность, торговля были занятіями не національными, были въ упадкѣ; матеріальныя средства истощились въ долгой борьбѣ, истощились финансы, истощилось народонаселеніе: много его погибло въ войнахъ по разнымъ концамъ Европы, еще больше ушло въ Новый Свѣтъ; маврискы изгнаны. Вслѣдствіе этихъ условій, испанцы явились неготовыми къ продолженію дѣятельной исторической жизни. Старое, чѣмъ такъ долго жилось, оказалось несостоятельнымъ, ненужнымъ, и потому страннымъ и смѣшнымъ, какъ все старомодное; знаменитѣйшее произведеніе испанской литературы, «Донъ-Кихотъ», представлялъ насмѣшку надъ рыцарствомъ, насмѣшку надъ основнымъ явленіемъ испанской національной жизни: стало быть, это явленіе изжилось. Старое изжилось, а новаго не было на готовѣ, и народъ не зналъ, что̀ дѣлать, погрузился въ продолжительный сонъ,—естественное состояніе послѣ долгой и изнурительной дѣятельности, изнурительной, потому что односторонней, ибо только разнообразіе занятій, широта сферы поддерживаютъ силы и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ народовъ; однообразіе же справедливо носитъ постоянное названіе мертвеннаго.

Война за наслѣдство испанскаго престола пробудила народный духъ, народныя силы, и съ этого времени въ Испаніи начинается движеніе, выражавшееся въ преобразовательныхъ попыткахъ, которыхъ нельзя приписывать только перемѣнѣ династіи и дѣятельности министровъ изъ иностранцевъ. Съ іезуитами поступлено было точно также, какъ прежде съ маврисками: 5,000 членовъ ордена были схвачены и вывезены изъ Испаніи; вмѣсто нихъ, вызваны были нѣмецкіе колонисты-протестанты: это уже указывало общее направленіе преобразованій. Но, по извѣстному закону, всякая новизна встрѣчаетъ сопротивленіе въ старомъ. Сила этого сопротивленія зависитъ отъ того, какъ глубоко ста-

рина пустила свои корни, тронуты или не тронуты еще они въ глубинѣ народнаго духа, измѣнились ли, и въ какой степени измѣнились условія, укоренившія старый порядокъ вещей; наконецъ, преобразователи имѣютъ ли достаточно личныхъ средствъ для успѣшнаго веденія своего дѣла? Старина въ Испаніи была укоренена долгимъ застоемъ, отсутствіемъ правильнаго, постепеннаго и самостоятельнаго движенія; старина была свое, освященное; новизна была чужое, извнѣ пришедшее; борьба и борьба продолжительная, упорная была необходима, тѣмъ болѣе, что знамена были подняты, а вождей искусныхъ, опытныхъ и сильныхъ недоставало. На сѣверѣ отъ Пиренеевъ—страшная революція, смѣненная могущественною имперіею,—опасное сосѣдство для Испаніи, носившей, по-прежнему, всѣ признаки государственнаго истощенія. Въ 1808 году, гроза разразилась; но сверженіе стараго королевскаго дома и возведеніе новаго короля, по волѣ чужого деспота, пробудили силы испанскаго народа. Страна была очищена отъ незваныхъ гостей; но это движеніе, это пробужденіе народныхъ силъ не могло остаться безслѣднымъ. Повидимому, всѣ части испанскаго народонаселенія дѣйствовали дружно въ борьбѣ съ французами, имѣли одну цѣль—возстановленіе независимости и самостоятельности родной страны; несмотря на то, тутъ были два знамени: масса билась за свое привычное противъ новаго и чужого; а народные представители, взявши старое названіе кортесовъ, провозглашали въ Кадиксѣ, въ 1812 г., новую крайне-либеральную конституцію, составленную по чужому образцу, и своими крайностями доказывавшую незрѣлость своихъ виновниковъ и приверженцевъ. По окончаніи общаго дѣла, различіе знаменъ ясно обозначилось и возвѣстило продолженіе борьбы между старымъ и новымъ,—борьбы, начавшейся во второй половинѣ XVIII вѣка. Возвращенный изъ французскаго плѣна, король Фердинандъ VII сталъ подъ старое знамя безъ всякой сдѣлки съ новымъ, до того, что съ уничтоженіемъ новой либеральной конституціи возстановлена была старая инквизиція. Гоненіе постигло не только всѣхъ *офранцуженныхъ* (afrancesados), т. е., приверженцевъ короля Іосифа Бонапарте, занимавшихъ при немъ какія-нибудь должности, но и вожаковъ и приверженцевъ кортесовъ, людей, получившихъ знаменитость въ войнѣ за освобожденіе, но нехотѣвшихъ возстановленія стараго порядка. Гоненія сдавили на время приверженцевъ новаго, но не уничтожили ихъ, не уничтожили духа и направленія, уже принявшагося въ Испаніи въ XVIII вѣкѣ и развившагося, съ 1808 года, направленія незрѣлаго, выражавшагося порывисто и странно, скачками, какъ обыкновенно бываетъ при условіяхъ новизны и незрѣлости, но

тѣмъ не менѣе, направленія принявшагося; это была уже не «лютеранская язва» XVI вѣка, для которой почва Испаніи была такъ мало приготовлена и съ которою, потому, легко было бороться. Сжатое правительственною силою и силою большинства, новое, преобразовательное направленіе притаилось на время и начало подземную работу посредствомъ тайныхъ масонскихъ обществъ, посредствомъ заговоровъ; а у правительства, кромѣ внѣшней матеріальной силы, не было другого средства въ борьбѣ: неспособный король былъ окруженъ людьми неспособными; онъ безпрестанно мѣнялъ министровъ, но смѣна одной бездарности другою не поправляла дѣла, государственная машина была въ полномъ разстройствѣ, и тѣмъ давалось оправданіе людямъ, стремившимся къ преобразованіямъ. Въ 1820 году, эти люди нашли и матеріальную поддержку, возможность дѣйствовать посредствомъ войска. Мы видѣли, что въ Германіи революціонное движеніе приливало, преимущественно, къ университетамъ, потому-что, при сильномъ развитіи образованія и при отсутствіи политической дѣятельности, это было самое чувствительное мѣсто. Но на южныхъ полуостровахъ Европы, Пиренейскомъ и Аппенинскомъ, университеты далеко не могли имѣть такого значенія, какое они имѣли въ Германіи, и здѣсь революціонное движеніе, созрѣвая въ тайныхъ обществахъ, начало приливать къ вооруженной силѣ, къ войску. Къ 1820 году, въ Испаніи войско было собрано въ Кадиксѣ, откуда должно было отправиться въ Америку, для подавленія возстанія въ колоніяхъ. Отдаленность экспедиціи и мысль, что надобно будетъ сражаться съ своими, возбуждали сильное неудовольствіе въ войскѣ, которое находилось и безъ того уже въ опасномъ бездѣйствіи по недостатку денегъ и средствъ къ перевозкѣ, и все это на революціонной почвѣ Кадикса. Вдругъ узнаютъ, что командующій войскомъ генералъ Одоннелль открылъ большой заговоръ, арестовалъ много офицеровъ, обезоружилъ и удалилъ тысячи солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ, другой слухъ, что самъ Одоннелль былъ главнымъ двигателемъ заговора, что онъ отставленъ; но войско все стоитъ у Кадикса. 1-го января 1820 года, въ немъ вспыхиваетъ возстаніе; предводители—полковникъ Квирога и подполковникъ Ріего провозглашаютъ конституцію 1812 года. Войска, высланныя правительствомъ противъ возставшихъ, дѣйствуютъ медленно, ибо предводители боятся дурного духа между солдатами. Уже другой мѣсяцъ идетъ борьба; по Европѣ распространяются противорѣчивые слухи: то мятежники доведены до крайности, то торжествуютъ. И то и другое—правда: въ то время, какъ возстаніе слабѣетъ на югѣ, оно вспыхиваетъ на сѣверѣ: въ Коруньѣ, въ Галисіи, генералъ-ка-

питанъ свергнутъ, и учреждается юнта, которая провозглашаетъ конституцію 1812 года. Движеніе распространяется по всей Галисіи; въ Наваррѣ за революцію дѣйствуетъ знаменитый партизанскій вождь Мина, скрывавшійся до сихъ поръ во Франціи. Аррагонія, Каталонія сильно волнуются. Въ Мадридѣ ужасъ. Экстраординарный государственный совѣтъ нѣсколько дней разсуждаетъ о мѣрахъ, какія надобно принять въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но несостоятельность правительства рѣзко обнаруживается въ ужасѣ, въ безплодныхъ совѣщаніяхъ, въ полумѣрахъ и колебаніяхъ. Главный вопросъ: кого назначить начальникомъ войска для усмиренія возстанія? Нѣтъ человѣка! Король, извѣстный своею подозрительностью, поручаетъ спасти свою власть человѣку, котораго, незадолго передъ тѣмъ, какъ подозрительнаго, отрѣшили отъ начальства надъ войскомъ — Одоннеллю! 3 марта, Одоннелль выступилъ изъ Мадрида, и на другой же день перешелъ на сторону революціонеровъ и провозгласилъ конституцію. При извѣстіи, что правительство уже не можетъ разсчитывать на войско, Мадридъ начинаетъ волноваться, и, 7 марта, король объявляетъ о немедленномъ созваніи кортесовъ, обѣщаетъ дѣлать все, что требуетъ интересъ государства и благо народовъ, представлявшихъ ему столько доказательствъ вѣрности. Но вожаки революціи не хотятъ дожидаться кортесовъ, хотятъ пользоваться благопріятною минутою, и толпы народа кричатъ передъ дворцомъ, требуютъ конституціи 1812 г. Правительство уступаетъ, и Фердинандъ VII клянется быть вѣрнымъ конституціи 1812 года. Инквизиція упраздняется, объявляется свобода печати, амнистія за всѣ политическія преступленія, и общественныя должности переходятъ въ руки либераловъ, гонимыхъ съ 1814 года.

Какъ же взглянули на этотъ переворотъ европейскіе кабинеты, уже напуганные революціонными движеніями въ Германіи и все болѣе и болѣе обезпокоиваемые насчетъ Франціи? Въ Вѣнѣ боялись уже давно, привыкли бояться, привыкли предусматривать, пророчить страшныя событія, предостерегать другихъ и принимать мѣры предосторожности, потому въ Вѣнѣ относились спокойнѣе къ революціоннымъ движеніямъ, какъ къ давно ожидаемымъ. Но въ Берлинѣ испугались подавно, и потому не могли еще придти въ себя отъ страха, били сильную тревогу, тѣмъ болѣе, что держава, за которую привыкли держаться, какъ ребенокъ держится за платье матери, Россія не входила, какъ желалось, въ виды берлинскаго кабинета относительно революціонныхъ страховъ: въ половинѣ съ графомъ Нессельроде иностранными дѣлами при императорѣ Александрѣ завѣдывалъ по-

ловѣкъ, котораго при германскихъ дворахъ величали *корифеемъ либерализма*—Каподистрія. При дворахъ, испуганныхъ испанскою революціею, прежде всего досталось Фердинанду VII-му: «Всѣ эти ужасныя событія могли быть въ Испаніи предупреждены гораздо легче, чѣмъ во всякой другой странѣ, еслибы король, постоянно окруженный дурными совѣтниками, впродолженіе шести лѣтъ не дѣлалъ ошибки за ошибкою, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ. И теперь всѣ эти ошибки увѣнчаны самою громадною: лучше бы ему было подвергнуться всевозможнымъ бѣдствіямъ, чѣмъ принять безусловно такую безумную конституцію. Въ ожиданіи выборовъ новыхъ кортесовъ, король будетъ совершенно въ рукахъ военныхъ вождей революціи. Армія потребуетъ вознагражденія за услуги, оказанныя ею отечеству, не удовлетворится тѣмъ, что̀ кортесы будутъ въ состояніи и захотятъ для нея сдѣлать. Она возстанетъ противъ кортесовъ, которые, найдя въ своей средѣ всѣ сѣмена раздоровъ, предадутъ Испанію въ жертву анархіи и военнаго деспотизма.» Въ Россіи, кажется, будутъ смотрѣть удовлетворительно на дѣло; но что̀ скажетъ Англія съ своимъ принципомъ невмѣшательства? Гарденбергъ обращается къ Кесльри: «Событія, происшедшія въ Испаніи, могутъ быть крайне опасны для спокойствія Европы. Примѣръ арміи, производящей революцію—гибельный. Петербургскій дворъ, не зная еще окончательныхъ слѣдствій возстанія, счелъ необходимымъ согласиться сообща въ мѣрахъ, какія должны быть приняты относительно Испаніи, и пригласить къ общему совѣщанію Францію, которая тутъ вдвойнѣ заинтересована. Петербургскій дворъ предлагаетъ воспользоваться, для этого, парижскими конференціями, открытыми для посредничества между Испаніею и Португаліею. Я считаю эту идею чрезвычайно благоразумною. Мы готовы согласиться на всякую полезную мѣру. Мы все надѣемся, что французскія дѣла примутъ благопріятный оборотъ, если только не подѣйствуетъ вредно примѣръ Испаніи. Людовикъ XIV говорилъ: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ!» «Какъ было бы хорошо, еслибъ теперь эти горы стали границею непроходимою!»

Новый страхъ: разнесся слухъ, что англійское посольство въ Мадридѣ принимало участіе въ произведеніи революціи. Слухъ, впослѣдствіи, оказался неосновательнымъ; тѣмъ не менѣе, Англія, и по поводу испанскихъ дѣлъ, высказалась также рѣзко въ пользу невмѣшательства. На вызовъ со стороны французскаго двора, лордъ Кесльри отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, державы должны ограничиться простымъ наблюденіемъ, и что Франція и Англія, какъ наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ, могутъ, впослѣд-

ствіи, войти въ соглашенія, если обстоятельства заставятъ ихъ принять роль болѣе дѣятельную. Такимъ образомъ, англійское правительство, волею-неволею, должно было впервые высказаться, что одинаковая форма правленія соединяетъ ея интересы съ интересами Франціи и ставитъ ихъ особою группою въ противоположность государствамъ съ монархическимъ неограниченнымъ правленіемъ. При другихъ дворахъ, англійское министерство повторяло, что вмѣшательство во внутреннія дѣла чужой страны можетъ быть оправдано только прямою опасностью, которою эти внутреннія дѣла грозятъ вмѣшивающемуся государству; но такая опасность не грозитъ никому со стороны Испаніи; притомъ, самый характеръ испанскаго народа неудобенъ для вмѣшательства, которое будетъ одинаково опасно и для державы вмѣшавшейся и для короля, въ пользу котораго она вмѣшается. Англійское министерство тѣмъ болѣе должно было настаивать на невмѣшательство, что извѣстіе объ испанской революціи было принято съ восторгомъ въ Англіи.

Австрія и Пруссія, видя отпоръ со стороны Англіи, успокоились; одна Россія считала нужнымъ, чтобъ Европа высказалась насчетъ событія, и этимъ дала нравственную опору умѣренно-либеральной партіи въ Испааніи противъ революціонеровъ и солдатъ. Фердинандъ VII, по обычаю, извѣстилъ всѣ дворы о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ испанскаго правительства. Приверженцамъ этой перемѣны въ Испаніи очень важно было знать мнѣніе объ ней могущественнѣйшаго изъ государей Европы; они надѣялись получить опору въ одобреніи русскаго императора. Зеа Бермудесъ, испанскій посланникъ въ Петербургѣ, зналъ, что здѣсь недовольны и крайностями конституціи 1812 года, и способомъ, какъ она вытребована у короля, и потому придумалъ средство вынудить у петербургскаго двора одобреніе конституціи, показавъ ему, что, иначе, онъ впадетъ въ противорѣчіе. Къ королевскому письму Зеа присоединилъ ноту, въ которой изъявлялъ желаніе узнать взглядъ императора на событіе, совершившееся въ Испаніи, причемъ дѣлалъ намекъ, что въ 1812 году, при заключеніи союза между Россіею и возставшею противъ Наполеона Испаніею, императоръ прямо одобрилъ конституцію, составленную кортесами въ Кадиксѣ, ту самую конституцію, которая теперь возстановлена въ Мадридѣ. Зеа получилъ отвѣтъ, что императоръ съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о происшедшемъ въ Мадридѣ; если даже въ этомъ происшествіи видѣть только плачевныя слѣдствія ошибокъ, которыя съ 1814 года предсказывали катастрофу на полуостровѣ, то и тогда нельзя оправдать покушенія, которое предаетъ отечество на жертву случайностямъ насильственнаго

кризиса. Будущее Испаніи представляется снова въ мрачномъ видѣ; въ цѣлой Европѣ возбуждены справедливыя опасенія; но чѣмъ важнѣе обстоятельства, чѣмъ болѣе возможно то, что они будутъ гибельны для общаго спокойствія, тѣмъ менѣе права у государствъ, поручившихся за общее спокойствіе, высказывать отдѣльно и поспѣшно свое окончательное сужденіе; безъ сомнѣнія, вся Европа единогласно будетъ говорить съ испанскимъ правительствомъ языкомъ правды, языкомъ откровенной дружбы. Свергая чуждое иго, наложенное французскою революціею, Испанія пріобрѣла вѣчное право на уваженіе и благодарность всѣхъ державъ европейскихъ. Россія выразила ей эти чувства въ союзномъ договорѣ 1812 года, продолжала оказывать ей сочувствіе и послѣ всеобщаго замиренія. Императоръ не разъ высказывалъ желаніе, чтобъ власть королевская утвердилась и въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, съ помощью прочныхъ учрежденій, особенно прочныхъ правильностью способа ихъ установленія. Исходя отъ трона, учрежденія получаютъ характеръ охранительный; исходя изъ среды мятежа, они порождаютъ хаосъ: опытъ всѣхъ временъ это доказываетъ. Испанскому правительству принадлежитъ судить, могутъ ли учрежденія, данныя насильственнымъ, революціоннымъ образомъ, осуществить благодѣянія, которыхъ Испанія и Америка ожидали отъ мудрости короля и отъ патріотизма его совѣтниковъ. Пути, которые Испанія изберетъ для достиженія этой цѣли, средства, которыми она постарается уничтожить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ мартовскими событіями, опредѣлятъ характеръ отношеній императора къ мадридскому кабинету. — Объявляя объ этомъ сообщеніи дворамъ вѣнскому, лондонскому, берлинскому, парижскому, с-петербургскій кабинетъ высказался противъ солдатской революціи, произведенной въ Мадридѣ, которая наврядъ можетъ держаться; кортесы могли бы еще ее умѣрить, но для этого они должны быть поддержаны нравственно великими союзными державами; представители этихъ державъ въ Парижѣ должны сообща объявить испанскому уполномоченному, что ихъ дворы съ прискорбіемъ узнали о мартовской революціи, и что на кортесахъ лежитъ обязанность смыть это пятно съ Испаніи: устанавливая благоразумно-либеральное правленіе, они должны, въ то же время, издать новые строгіе законы противъ возстаній и бунтовъ: только въ такомъ случаѣ союзныя державы могутъ сохранить съ Испаніею дружественныя сношенія, основанныя на довѣренности.— Но лондонскій кабинетъ снова возсталъ противъ вмѣшательства; кабинетъ парижскій предложилъ другую форму нравственнаго вмѣшательства: онъ объявилъ, что вмѣшательство прямое

и открытое раздражитъ испанскихъ патріотовъ, и потому предложилъ отправить къ представителямъ пяти великихъ державъ въ Мадридѣ одинакія инструкціи; когда всѣ посланники, вслѣдствіе этого, заговорятъ однимъ языкомъ съ испанскимъ правительствомъ, то это должно произвести сильное впечатлѣніе на испанцевъ и удержать ихъ отъ крайностей. Въ случаѣ, если король не будетъ болѣе находиться въ безопасности, или, если опасность будетъ угрожать сосѣднимъ державамъ, то пять посольствъ выскажутъ формальное неодобреніе такому порядку вещей, могутъ даже оставить Мадридъ, и тогда державы будутъ совѣщаться, что̀ дѣлать? Но лондонскій кабинетъ отвергъ и это средство, потому-что, если допустить подобное вмѣшательство въ чужія дѣла, то надобно допустить его и въ свои; впрочемъ, лондонскій кабинетъ допускалъ возможность вмѣшательства въ двухъ случаяхъ: 1) если Испанія нападетъ на Португалію, и лиссабонскій кабинетъ, на основаніи договора, потребуетъ помощи у Англіи; 2) если жизнь Фердинанда VII будетъ дѣйствительно въ опасности.

Въ то время, когда происходили эти сношенія по дѣламъ испанскимъ, Италія уже горѣла революціоннымъ пожаромъ. Какъ въ Испаніи, такъ и здѣсь, тайныя общества взрыли вулканическую почву; самое многочисленное и вліятельное изъ нихъ носило названіе карбонари, которые дѣлились на пять степеней: ученики, магистры, великіе магистры, просвѣтленные и высоко-просвѣтленные; во главѣ ихъ находился патріархъ. Карбонари, для своихъ цѣлей, раздѣлили Италію на одиннадцать областей, въ которыхъ главные города были: Римъ, Неаполь, Козенца, Матера, Флоренція, Болонья, Генуа, Венеція, Миланъ, Туринъ и Анкона. Правленіе состояло изъ пяти сенаторовъ, находившихся въ Римѣ; въ другихъ главныхъ городахъ находился трибуналъ изъ семи трибуновъ; въ городахъ менѣе значительныхъ, находившихся въ округахъ главныхъ городовъ, трибуналы изъ пяти трибуновъ; послѣдніе сносятся съ трибуналами главныхъ городовъ, а тѣ съ сенаторами. Сенаторы избирались трибунами главныхъ городовъ, послѣдніе назначались сенаторами; трибуны менѣе значительныхъ городовъ—трибунами городовъ главныхъ. Обязанность трибуновъ была — направлять духъ нисшихъ членовъ общества, которые не должны знать высшихъ властей. Цѣль общества—возстановленіе независимости Италіи. Кромѣ карбонари, были еще другія тайныя общества: *гвельфы*, имѣвшіе цѣлію итальянскую независимость и введеніе конституціоннаго образа правленія; *консисторіалы*, имѣвшіе цѣлію освобожденіе Италіи отъ нѣмцевъ и раздѣленіе ея, потомъ,

на три равныя части между папою, Сардиніею и Моденою. Менѣе значительныя общества были: *общество съ знакомъ смерти*, члены котораго были обязаны истреблять всякого, кто покусится на итальянскую корону; *реформированные иллюминаты*, хотѣвшіе соединенія Италіи подъ одну власть; *адельфы* въ Піемонтѣ, дѣйствовавшіе въ пользу принца Кариньянскаго, которому приписывались либеральныя стремленія.

Революціонное движеніе обнаружилось не тамъ, гдѣ такъ сильно было неудовольствіе на чужеземное иго, не въ италіанскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Австріи; не тамъ, гдѣ такъ сильно тяготились злоупотребленіями клерикальнаго управленія и гдѣ находился карбонарскій сенатъ, не въ Римѣ: возстаніе вспыхнуло въ Неаполѣ, гдѣ меньше всего могло быть неудовольствія на правительственный гнётъ; ибо король Фердинандъ, благодаря, какъ мы видѣли, внушеніямъ императора Александра, правилъ очень кротко, и страна процвѣтала относительно матеріальнаго благосостоянія. Явленіе понятное: трудно найти другую страну, гдѣ народъ былъ бы такъ слабъ, такъ младенчески мягокъ, какъ въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Кто не завоевывалъ этого королевства, и всякому было такъ легко завоевать его! Во время борьбы Испаніи съ Франціею, Неаполь переходилъ отъ одной державы къ другой, какъ мячъ въ рукахъ играющихъ имъ дѣтей; также легко перешелъ онъ потомъ отъ Австріи опять къ Испаніи; также легко былъ захваченъ французскою республикою, и также легко былъ отнятъ у нея; необыкновенно быстро вспыхиваетъ здѣсь революція, съ такою же быстротою и потухаетъ; народъ обнаруживаетъ полное нравственное безсиліе предъ всякою силою; слабый ребенокъ или разбитый параличемъ старикъ— съ кѣмъ его сравнить? недоумѣваетъ историкъ.

2 іюля 1820 года, кавалерійскій офицеръ Морелли и священникъ Миникини, оба изъ общества карбонари, вышли изъ города Нолы съ эскадрономъ и отрядомъ національной гвардіи, при крикахъ: «Богъ, король и конституція!» Они направлялись къ Авеллино, главному городу провинціи, и были встрѣчены здѣсь такими же криками; изъ Неаполя пришелъ къ нимъ цѣлый полкъ подъ начальствомъ генерала Пепе, также карбонари, которому и передано было главное начальство. Войска, высланныя противъ Пепе правительствомъ, обнаруживали явное сочувствіе къ возставшимъ; революція распространялась по провинціямъ самымъ отдаленнымъ; даже въ Неаполѣ правительство потеряло всякую способность къ дѣйствію, и тамъ сильнѣе дѣйствовали карбонари. Въ ночь съ 5 на 6-е іюля, пять человѣкъ карбонари явились во дворцѣ, и отъ имени войска, гражданъ и тай-

ныхъ обществъ, потребовали конституціи, давая королю только два часа сроку. Король согласился; но какая же будетъ конституція? Съ начала года глаза всѣхъ были обращены на Испанію, гдѣ революція торжествовала; тамъ провозгласили конституцію 1812 года; должно быть хорошая конституція, и въ Неаполѣ провозглашаютъ испанскую конституцію 1812 года. Говорятъ, когда стали освѣдомляться, чтò это за конституція 1812 года, то ни одного экземпляра ея не могли найти въ Неаполѣ. «Одна изъ самыхъ странныхъ революцій! — писалъ англійскій резидентъ изъ Неаполя: королевство въ высшей степени цвѣтущее и счастливое, находившееся подъ самымъ кроткимъ правленіемъ, вовсе не отягченное податями, падаетъ предъ шайкою инсургентовъ, которую полбаталіона хорошихъ солдатъ уничтожили бы въ минуту! Такова сила дурного примѣра и слòва, непонимаемаго половиною тѣхъ, которые его употребляютъ. Каждый офицеръ теперь хочетъ быть Квирогою, и слово «конституція» производитъ на всѣхъ чародѣйственное вліяніе. Мы не должны себя обманывать: дѣло не въ конституціи, а въ торжествѣ якобинства, т. е., войны бѣдности противъ собственности; низшіе классы выучились сознавать свою силу. — Такого отеческаго и либеральнаго правленія никогда еще не было въ этой странѣ. Съ большею строгостью и съ бòльшимъ недовѣріемъ можно было бы достигнуть другихъ результатовъ; но судьба хотѣла, чтобъ крайность либерализма повела здѣсь совершенно къ такому же концу, къ какому въ Испаніи повела крайность почти противоположнаго направленія. Тайныя общества и неслыханная измѣна войска, хорошо одѣтаго, получающаго хорошее жалованье, ни въ чемъ не нуждающагося, низвергли правительство, популярное въ большей части народа, о которомъ будутъ долго и сильно жалѣть; и надобно замѣтить, что эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ самому правительству, низверженію котораго они такъ много теперь содѣйствовали. Они были изобрѣтены и поощряемы, какъ машина, способная подкопать могущество французовъ, владѣвшихъ тогда страною.»

Какъ бы то ни было, неаполитанская революція должна была встревожить европейскіе кабинеты гораздо сильнѣе, чѣмъ испанская. Послѣдняя объяснялась ошибками правительства и могла оказать вредное вліяніе на одну Францію; но королевство Обѣихъ Сицилій не было отдѣлено отъ другихъ государствъ чѣмъ-нибудь въ родѣ Пиренеевъ; революціонный пожаръ могъ быстро обхватить всю Италію, благодаря карбонари, а на сѣверѣ Италіи — австрійскія владѣнія. Сама Англія, настаивая на невмѣшательство, исключала, однако, тотъ случай, когда вну-

тренія волненія въ одной странѣ будутъ грозить опасностью сосѣднимъ державамъ. Австрія немедленно усилила свои войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ и, въ то же время, императоръ Францъ пригласилъ русскаго императора и короля прусскаго на свиданіе въ Пестъ, для совѣщанія о мѣрахъ противъ революціи. Меттернихъ переслалъ кабинетамъ с.-петербургскому, берлинскому, лондонскому и парижскому планъ дѣйствія: австрійская армія двинется на Неаполь для потушенія революціи; пять великихъ державъ не будутъ признавать ни одного акта правительства, созданнаго революціею, не будутъ принимать отъ него никакихъ объясненій; ихъ посланники въ Вѣнѣ составятъ постоянную конференцію съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, для того, чтобъ объединить виды пяти дворовъ и употреблять одинъ языкъ. Въ другомъ мемуарѣ, адресованномъ къ дворамъ италіанскимъ, австрійскій кабинетъ, выставляя себя естественнымъ покровителемъ полуострова, объявлялъ, что приложитъ попеченіе о средствахъ возстановить на немъ порядокъ, и отстранялъ мысль, что можно предотвратить новыя волненія уступками конституціоннымъ идеямъ, при чемъ ясно высказывалось намѣреніе возстановить и въ Неаполѣ старый порядокъ вещей.

Такъ хотѣла дѣйствовать Австрія въ виду ближайшей опасности, дѣйствовать твердо во имя извѣстнаго начала, не позволять себѣ никакой сдѣлки съ началомъ противоположнымъ. Но что̀ скажутъ другія державы? Разумѣется, Пруссія будетъ согласна на такой образъ дѣйствія; но констуціонныя державы, Франція и Англія согласятся ли дѣйствовать для поддержанія стараго порядка вещей въ Италіи; а, главное, согласится ли на это русскій императоръ, сильно высказавшійся противъ революцій, но не отрекшійся отъ своего прежняго либеральнаго взгляда? Франція, основываясь на ахенскихъ рѣшеніяхъ, потребовала конгресса и пригласила другіе дворы объявить предварительно, что они уважаютъ независимость и права государствъ, но не могутъ причислить къ этимъ правамъ — право ниспровергать учрежденія страны посредствомъ возстанія войска; что они не могутъ признать конституціи королевства Обѣихъ Сицилій законною, пока король и народъ, освобожденные отъ ига партій, свободно дадутъ себѣ законы, по ихъ мнѣнію, лучшіе, и если, для этого освобожденія короля и народа, необходимо употребить силу, то австрійскія войска двинутся къ Неаполю и будутъ, въ случаѣ надобности, поддержаны войсками всѣхъ союзниковъ, съ согласія государей италіанскихъ. — Если Франція требовала конгресса, то понятно, что Австрія должна была ждать такого же требованія и отъ Россіи, ибо конгрессъ

былъ любимою формою русскаго государя для рѣшенія европейскихъ дѣлъ. Императоръ Александръ отклонилъ съѣздъ въ Пестѣ и потребовалъ другого мѣста свиданія, потребовалъ конгресса именно въ Троппау, безъ согласія котораго австрійская армія не могла перейти границы неаполитанскихъ владѣній; притомъ, императоръ Александръ не требовалъ полнаго возстановленія стараго порядка вещей въ Неаполѣ, какъ хотѣлось Австріи, но установленія новаго порядка на законныхъ основаніяхъ, какъ хотѣлось Франціи. Въ письмѣ къ австрійскому императору, Александръ указывалъ, что еще по поводу испанской революціи онъ предлагалъ общее совѣщаніе о мѣрахъ для сдержанія дальнѣйшихъ революціонныхъ движеній; но тогда его предложеніе не было принято, а теперь онъ видитъ съ удовольствіемъ, что державы возвращаются къ предложенному имъ средству.

Австріи очень не нравился конгрессъ: протянется время въ совѣщаніяхъ, тогда-какъ пожаръ надобно тушить какъ можно скорѣе; надобно будетъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, а нѣтъ надежды, чтобъ конгрессъ согласился на полное возстановленіе стараго порядка въ Неаполѣ; ясно, что Россія и Франція будутъ за одно противъ этого. Меттернихъ отправилъ австрійскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, Лебцельтерна, въ Варшаву, гдѣ тогда находился императоръ Александръ — уговаривать послѣдняго согласиться на немедленное движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю; Лебцельтернъ представлялъ противъ конгресса, что Англія, вѣроятно, откажется въ немъ участвовать, но получилъ отвѣтъ, что, дѣлать нечего, можно обойтись и безъ содѣйствія Англіи въ вопросѣ чисто-континентальномъ. Англія, дѣйствительно, была противъ конгресса, и основанія этому лордъ Кесльри высказалъ въ длинномъ письмѣ къ англійскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ, лорду Стюарту (Stewart):

«Еслибы опасность произошла отъ нарушенія нашихъ договоровъ, то чрезвычайное собраніе государей и министровъ ихъ было бы лучшимъ средствомъ для поправленія дѣла; но когда опасность проистекаетъ отъ внутреннихъ волненій въ независимыхъ государствахъ, въ такомъ случаѣ политичность подобнаго шага подлежитъ сомнѣнію: вспомнимъ, какъ вредны были, въ началѣ войны съ революціонною Франціею, конференціи въ Пильницѣ и манифестъ герцога брауншвейгскаго; какое раздраженіе произвелъ онъ во Франціи! Впрочемъ, я надѣюсь, что русскій императоръ не выведетъ троппаускаго свиданія изъ тѣхъ благоразумныхъ границъ, которыя предложены союзникомъ его, императоромъ австрійскимъ; что министерскія конферен-

ціи здѣсь могутъ быть разсматриваемы только какъ дополненіе къ нашимъ другимъ мѣрамъ конфиденціальнаго объясненія, и что все будетъ постановлено относительно только частнаго случая, безъ общихъ провозглашеній. Разсужденія объ отвлеченныхъ принципахъ не имѣютъ никакого дѣйствія въ настоящее время. Принять предложеніе Австріи относительно плана дѣйствій противъ Неаполя — значитъ, со стороны пяти державъ, составить союзъ, враждебный существующему на фактѣ неаполитанскому правительству. Британское правительство не можетъ вступить въ такой союзъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) Союзъ заставитъ его принять на себя такія обязательства, которыхъ оно не можетъ оправдать передъ парламентомъ. 2) Союзъ можетъ каждую минуту привести британское правительство къ необходимости употребить силу: ибо ясно, что существующее на фактѣ неаполитанское правительство можетъ, по обыкновеннымъ международнымъ законамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, положить секвестръ на британскую собственность въ Неаполѣ и закрыть свои гавани для британскихъ торговыхъ кораблей, причемъ продолжительность союза будетъ зависѣть отъ общаго рѣшенія всѣхъ державъ, его составляющихъ. 3) Союзъ противорѣчитъ нейтралитету, который британское правительство объявило посредствомъ своего посланника въ Неаполѣ въ видахъ безопасности королевской фамиліи. 4) Союзъ наложитъ на британское правительство нравственную и парламентскую отвѣтственность за всѣ его послѣдствія, отвѣтственность за дѣйствія Австріи, которая двинетъ свое войско въ неаполитанскія владѣнія, дѣйствія, которыя британское правительство не имѣетъ возможности контролировать въ подробностяхъ, а только такой контроль могъ бы оправдать принятіе на себя подобной отвѣтственности. 5) Прежде, чѣмъ Австрія получитъ право дѣйствовать противъ Неаполя, всѣ мѣры должны быть постановлены съ общаго согласія: такимъ образомъ, австрійскій главнокомандующій долженъ дѣйствовать по указанію совѣта союзныхъ министровъ, пребывающихъ въ главной квартирѣ, что̀ неудобоисполнимо и неприлично. 6) Союзъ навѣрное не будетъ одобренъ нашимъ парламентомъ; но и въ противномъ случаѣ, каждое дѣйствіе австрійской арміи въ Неаполитанскомъ королевствѣ будетъ подлежать непосредственному вѣдѣнію и суду британскаго парламента, точно такъ, какъ если бы это было дѣйствіе британскаго войска, британскаго главнокомандующаго. — Изложивши всѣ препятствія къ союзу, я постараюсь указать на болѣе естественный ходъ дѣла. Неаполитанская революція хотя собственно не подходитъ подъ условія и предположенія

Союза, однако, по своей важности, по своему нравственному вліянію на соціальную и политическую систему Европы, необходимо должна обратить на себя самое серьёзное вниманіе союзниковъ; они согласно смотрятъ на событіе, какъ заключающее въ себѣ опасность и дурной примѣръ, потому-что произведено бунтующимъ войскомъ и тайнымъ обществомъ, цѣль котораго—уничтожить всѣ существующія въ Италіи правительства, и создать изъ нея единое государство. Эта опасность, однако, касается въ такой различной степени членовъ Союза, что каждый изъ нихъ, въ отношеніи къ ней, долженъ принимать совершенно различныя мѣры. Возьмемъ двѣ державы, именно Великобританію и Австрію: послѣдняя держава можетъ чувствовать, что ей никакъ нельзя медлить принятіемъ непосредственныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ опасности; Англія же понимаетъ, что опасность для нея вовсе не такова, чтобъ можно было оправдать ея вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла согласно съ ученіемъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла другой державы, ученіемъ, которое до сихъ поръ поддерживалось въ британскомъ парламентѣ. Если таково положеніе этихъ двухъ державъ, то онѣ никакъ не могутъ быть вмѣстѣ въ одномъ союзѣ, который имѣетъ цѣлію употребленіе силы и возлагаетъ общую и равную отвѣтственность. То же самое, болѣе или менѣе, прилагается и ко всѣмъ другимъ союзнымъ державамъ. Изъ этого, естественно, слѣдуетъ, что Австрія должна принять на себя исполненіе предложенной мѣры; она можетъ, по предварительному и конфиденціальному сношенію, узнать образъ мыслей своихъ союзниковъ, удостовѣриться, что она не навлечетъ на себя ихъ неодобренія; но она должна вести войну подъ своею собственною отвѣтственностью, отъ своего имени, а не отъ имени пяти державъ. И прежде, чѣмъ Австрія получитъ согласіе или одобреніе отъ союзниковъ насчетъ своихъ дѣйствій, она должна удостовѣрить союзниковъ, что предпринимаетъ войну противъ Неаполя не въ видахъ расширенія своихъ владѣній, не съ цѣлію получить въ Италіи преобладаніе, несогласное съ существующими договорами, коротко сказать, что она не имѣетъ никакихъ корыстныхъ цѣлей, но что ея планы ограничиваются самосохраненіемъ. Князь Меттернихъ, безъ сомнѣнія, такъ и думаетъ ограничить свои виды; но, для внушенія необходимой довѣренности и огражденія себя отъ зависти другихъ державъ, онъ долженъ высказаться точнѣе, чѣмъ какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ мемуарѣ. Если это будетъ сдѣлано, то ни одна держава не сочтетъ себя въ правѣ затруднить Австрію въ ея дѣйствіяхъ, необходимыхъ для ея собственной безопасности. Мы желаемъ,

чтобъ никто не мѣшалъ Австріи дѣйствовать какъ она хочетъ; но мы должны требовать и для самихъ себя такой же свободы дѣйствій. Въ интересахъ Австріи мы должны сохранять такое положеніе. Оно даетъ намъ возможность, въ парламентѣ, смотрѣть на ея мѣры и уважать ихъ какъ дѣйствія независимаго государства; а этого намъ нельзя будетъ дѣлать, если мы сами будемъ участвовать въ дѣлѣ. Австрія должна быть довольна, если назначенныя конференціи облегчатъ ей достиженіе ея цѣлей; но она не должна посредствомъ этихъ конференцій вовлекать другія державы въ совершенную общность интересовъ и отвѣтственности; результатомъ послѣдняго будетъ то, что она свяжетъ собственную свободу дѣйствія.»

Когда русскій посланникъ высказалъ лорду Кесльри взглядъ своего государя на италіанское дѣло, какъ на дѣло общее, которое, поэтому, нужно рѣшить сообща, объявить Европѣ общую мысль и бороться со зломъ общими силами, то Кесльри отвѣчалъ: «Нельзя не благоговѣть предъ императоромъ, высказывающимъ подобные принципы, принципы консервативные, обезпечивающіе безопасность всѣхъ государствъ. Но, быть можетъ, приложеніе ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтитъ важныя возраженія. Эти возраженія могутъ быть встрѣчены со стороны всѣхъ государствъ вообще, и со стороны Англіи въ особенности. Всѣ государства могутъ возразить противъ впечатлѣнія, какое произведетъ на мнѣніе нашего вѣка коллегія государей, располагающая жребіемъ народовъ: ибо такова точка зрѣнія, съ какой смотрятъ на конгрессы недовольные всѣхъ странъ и даже масса вообще. Что же касается до Англіи въ особенности, то ея нравственное положеніе препятствуетъ ей даже принимать какое-либо участіе въ совѣтахъ, назначаемыхъ для обсужденія подобныхъ вопросовъ, и ея содѣйствіе здѣсь можетъ сдѣлаться источникомъ большого вреда, не принося ни малѣйшей пользы.

Такимъ образомъ, одинъ изъ членовъ союза, Англія отказалась отъ участія въ конгрессѣ, указывая, какъ на главное препятствіе къ этому участію, на свою парламентскую форму правленія. Она не прислала своего уполномоченнаго въ Троппау, ни лорда Кесльри, ни герцога Веллингтона, котораго желалъ императоръ Александръ; въ Троппау пріѣхалъ англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, лордъ Стюартъ (Stewart), подъ тѣмъ предлогомъ, что посланникъ долженъ быть тамъ, гдѣ государь, при которомъ онъ аккредитованъ; ему запретили подписывать протоколы конгресса. Положеніе лорда Стюарта было очень затруднительно, и онъ не умѣлъ избѣжать непослѣдова-

тельности въ своемъ поведеніи: то являлся, какъ простой зритель, то какъ представитель страны, участвующей въ переговорахъ, спохватывался, и въ рѣшительныя минуты уѣзжалъ въ Вѣну подъ предлогомъ свиданія съ молодою женою. Франція, какъ держава конституціонная, сочла своею обязанностью подражать Англіи: она также не послала особаго уполномоченнаго на конгрессъ; но въ Троппау пріѣхали два французскіе дипломата: маркизъ Караманъ, посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, и графъ Ла Ферроннэ, посланникъ при дворѣ петербургскомъ, оба на томъ же основаніи, на какомъ явился и лордъ Стюартъ.

20 октября, въ одинъ и тотъ же день, пріѣхали въ Троппау императоры русскій и австрійскій; король прусскій, по нездоровью, могъ пріѣхать не ранѣе 5 ноября, но онъ прислалъ наслѣднаго принца; съ императоромъ Францомъ пріѣхалъ князь Меттернихъ; съ императоромъ Александромъ—графы Каподистріа и Нессельроде, представители двухъ направленій въ политикѣ, либеральнаго и консервативнаго; съ прусской стороны явились старый канцлеръ князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ.

Конгрессъ открылся 23 октября, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Предсѣдатель представилъ уполномоченнымъ мемуаръ, въ которомъ изложилъ виды своего двора; въ этомъ мемуарѣ развивалась мысль, что каждое правительство имѣетъ право вмѣшиваться, по поводу политическихъ измѣненій, происшедшихъ въ чужомъ государствѣ, если эти измѣненія грозятъ его интересамъ, грозятъ основамъ его существованія. Выставлены были опасности, которыми неаполитанская революція грозитъ Австріи и всей Италіи. Императоръ австрійскій собралъ силы, достаточныя для дѣйствія противъ Неаполя, и надѣется на нравственную поддержку союзниковъ. Если, по возстановленіи законной власти, нужно будетъ оставить оккупаціонную армію въ *австрійскихъ* владѣніяхъ, то императоръ Францъ готовъ и на это; король неаполитанскій, получивши свободу, можетъ устроить свое государство какъ ему угодно, сообразуясь, впрочемъ, съ секретною статьею договора, заключеннаго имъ съ Австріею, въ іюнѣ 1815 года: въ статьѣ говорилось, что король Фердинандъ не допуститъ въ своемъ государствѣ никакой перемѣны, которая была бы противна древнимъ монархическимъ учрежденіямъ и принципамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи своими италіанскими провинціями. Эта статья была тайною для дипломатовъ, и Меттернихъ объявилъ ее преждевременно. Разумѣется, онъ не могъ ждать возраженій со стороны Пруссіи, также и со стороны Англіи, ко-

торой все равно, какія правительственныя формы существуютъ на континентѣ — сходны онѣ съ ея формами, или нѣтъ, лишь бы ея ближайшіе интересы были охранены. Но другое дѣло — Франція: пропаганда—въ духѣ ея народа, которому непремѣнно надобно защищать и распространять всюду извѣстныя начала, у него господствующія. Находившійся въ Троппау, французскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, Ла Фероннэ заговорилъ первый противъ австрійскаго мемуара: какъ французъ, приверженецъ конституціоннаго порядка, онъ вооружился противъ секретной статьи; какъ французъ, онъ также не могъ помириться съ мыслью, что Австрія будетъ распоряжаться въ Италіи, господствовать въ ней, утверждая всюду свои правительственныя формы, свою правительственную систему. Императоръ Францъ, увидавши его въ первый разъ въ Троппау, сказалъ ему прямо: «Неизмѣняемость моей системы составляетъ всю ея силу; я буду проводить ее до конца моей жизни». Зная эту систему, убѣдившись изъ Меттернихова мемуара, изъ знаменитой секретной статьи, какъ система рѣзко проводится, Ла Ферроннэ началъ говорить всѣмъ собравшимся въ Троппау дипломатамъ, не исключая и самого Меттерниха, что, въ австрійскомъ мемуарѣ, съ дѣйствіями Австріи противъ неаполитанской революціи связаны такіе принципы, которые дѣлаютъ невозможнымъ содѣйствіе конституціонныхъ государствъ. Идеи сокрушаются нравственною силою, а не силою оружія. Если прибѣгнуть къ военному дѣйствію, то надобно потребовать большихъ денежныхъ пожертвованій отъ страны, въ дѣло которой хотятъ вмѣшаться, и оставить въ ней оккупаціонную армію. Это прямое неудобство. Но еще больше неудобства въ требованіи исполненія секретной статьи договора 1815 года: изъ нея видно рѣшительное намѣреніе Австріи противиться всюду, гдѣ только ей возможно, установленію свободныхъ учрежденій; это значитъ возбуждать народы къ мятежамъ, приводя ихъ въ отчаяніе. Ненависть италіанцевъ къ Австріи питаетъ болѣе всего революціонный духъ; движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю усилитъ эту ненависть и ускоритъ взрывъ революціи; очень можетъ статься, что въ сѣверной Италіи вспыхнетъ мятежъ въ то самое время, какъ австрійцы будутъ заняты на югѣ.

Легко можно понять, какъ должно было раздражить австрійскаго императора и Меттерниха указаніе на ненависть италіанцевъ къ Австріи. Меттернихъ отвѣчалъ, что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ народное большинство не участвуетъ; что не должно принимать желанія нѣсколькихъ честолюбцевъ за выраженіе народнаго мнѣнія и потребности времени; что, если бу-

дутъ имѣть неблагоразуміе уступить революціонерамъ, то послѣдніе воспользуются этими уступками для того, чтобы низвергнуть сдѣлавшихъ уступки; что революція въ Италіи имѣетъ единственнымъ основаніемъ владычество секты, партіи, арміи надъ народными массами; что должно идти уничтожить въ Неаполѣ это владычество и освободить народъ. Вслѣдствіе этого спора Ла Ферроннэ съ Меттернихомъ въ Троппау, мнѣнія раздѣлились: Каподистріа былъ согласенъ съ Ла Ферроннэ; Нессельроде склонялся къ Меттерниху; Пруссія была за австрійское предложеніе; Англія не высказывалась; наконецъ, Меттернихъ выигралъ тѣмъ, что Караманъ не раздѣлялъ мнѣнія Ла Ферроннэ; эти два француза представляли двѣ разныя Франціи, по выраженію Меттерниха, и когда Ла Ферроннэ написалъ мемуаръ, въ которомъ высказался противъ вооруженнаго вмѣшательства въ неаполитанскія дѣла, Караманъ объявилъ, что здѣсь высказано не его мнѣніе и не мнѣніе французскаго правительства, а только личное мнѣніе Ла Ферроннэ. Опасность отъ французскаго мемуара исчезала или, по крайней мѣрѣ, очень уменьшалась для Меттерниха, и главный вопросъ заключался въ томъ, что̀ скажетъ русскій мемуаръ? Каподистріа былъ на сторонѣ Ла Ферроннэ! Наконецъ, Каподистріа сообщилъ Меттерниху страшный мемуаръ: въ немъ говорилось, что прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія, снова покориться королю, истребить революціонныя общества, согласиться на установленіе такого порядка вещей, который соотвѣтствовалъ бы настоящему народному желанію, законно выраженному. Только въ случаѣ отказа, австрійская армія, дѣйствуя въ значеніи арміи европейской, должна двинуться къ Неаполю, освободить короля и народъ, которые, по взаимному соглашенію, установятъ свободныя учрежденія. Мемуаръ очень не понравился Меттерниху; но всѣ старанія его убѣдить императора Александра отказаться отъ него или измѣнить его, остались тщетными. 7-го ноября, мемуаръ былъ прочтенъ въ конференціи; Меттернихъ долженъ былъ согласиться, чтобъ прежде похода приняты были увѣщательныя мѣры, согласился не настаивать на исполненіе секретной статьи договора 1815 года; но за-то настоялъ, чтобы королю Фердинанду дана была полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не обязывать его непремѣнно дать конституцію, что̀ выходило одно и тоже, ибо Меттернихъ зналъ, что король добровольно не дастъ конституціи. Наконецъ, Меттернихъ предложилъ пригласить Фердинанда на конгрессъ: «Если король пріѣдетъ — говорилъ Меттернихъ — то мы заставимъ его

играть роль, исполненную благородства и приличія; мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и народомъ неаполитанскимъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ идти освобождать его.» При этомъ Меттернихъ предложилъ перемѣнить мѣсто конгресса: вмѣсто Троппау, назначить ближайшій къ Италіи Лайбахъ, чтобы не заставлять старика Фердинанда ѣхать такъ далеко на сѣверъ.

Россія и Пруссія приняли охотно предложеніе пригласить Фердинанда на конгрессъ; Ла Ферроннэ согласился на пріѣздъ неаполитанскаго короля въ Лайбахъ, но утверждалъ, что недопущеніе Фердинанда къ отъѣзду со стороны народа нисколько не должно давать права на объявленіе войны противъ Неаполя. Каподистріа высказывался въ томъ же смыслѣ: «Я скорѣе соглашусь — говорилъ онъ — отрубить себѣ руки, чѣмъ подписать объявленіе несправедливой войны; а что̀ можетъ быть несправедливѣе войны, которую начинаютъ, не истощивши прежде всѣхъ средствъ къ соглашенію.» Англійскаго посланника, лорда Стюарта, не было въ это время въ Троппау; его замѣнялъ секретарь посольства Гордонъ, который, согласно съ основнымъ взглядомъ своего правительства, твердилъ одно, что не нужно конгресса, не нужно вмѣшательства цѣлой Европы въ неаполитанскія дѣла: надобно предоставить все одной Австріи, которой интересы непосредственно замѣшаны въ италіанскомъ движеніи: «Зачѣмъ конгрессъ при рѣшеніи вопроса, который касается одной Австріи? Дѣло идетъ не о принципахъ, а о фактѣ. У вѣнскаго двора былъ договоръ съ Неаполемъ; договоръ нарушенъ, гроза собралась противъ Австріи въ Италіи, и Австріи не остается ничего больше, какъ двинуть войско противъ Неаполя. Какая нужда Европѣ вмѣшиваться въ это дѣло?» До сихъ поръ, англичане боялись больше всего преобладающаго вліянія Россіи; но теперь они увидѣли еще другую опасность: ненавистная Франція оправляется, начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы, и Гордонъ открыто говоритъ въ Троппау: «Мы не можемъ сносить, чтобы Франція играла роль, пріобрѣтала опять вліяніе.»

Такимъ образомъ, Англія прямо поддерживала Меттерниха; но онъ имѣлъ возможность извлечь изъ этой поддержки пользу для себя въ другомъ смыслѣ. Англія упорно противилась вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ цѣлою Европою сообща, упорно противилась общему управленію европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ, во-первыхъ, потому, что эта форма давала возможность высказываться преобладанію сильнѣйшаго

изъ континентальныхъ государствъ—Россіи; во-вторыхъ, потому, что эта форма была неудобна для Англіи, какъ государства конституціоннаго; Франція, также государство конституціонное, волею-неволею, должна была оттягиваться на сторону Англіи; и чрезъ это пять великихъ державъ необходимо дѣлились на двѣ группы: три государства съ неограниченнымъ правленіемъ и два конституціонныхъ. Императоръ Александръ, для котораго форма конгресса была любимою формою, видя явное сопротивленіе Англіи и уклоненіе Франціи, долженъ былъ ограничиться совокупнымъ дѣйствіемъ съ Австріею и Пруссіею. Австрійскій министръ пользовался этими отношеніями и, поддѣлываясь подъ взгляды русскаго государя, твердилъ о необходимости скрѣпленія Священнаго Союза, какъ оплота противъ революціонныхъ движеній, повсюду обнаруживающихся; твердилъ, что Священный Союзъ возможенъ только между тремя неограниченными государями; что Франція, очагъ революціи, не можетъ быть членомъ Союза; старался, такимъ образомъ, отдалить императора Александра отъ Франціи, подорвать прежнее расположеніе его къ ея народу.

Раздѣленіе между великими державами обозначилось въ Троппау тѣмъ, что уполномоченные только трехъ государствъ—Россіи, Пруссіи и Австріи подписали слѣдующій протоколъ 19-го ноября, въ четвертой конференціи: «Государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничатся провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются, другъ передъ другомъ, не признавать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, и когда союзныя державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ они употребляютъ, для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо.» Въ приложеніи этихъ общихъ постановленій къ частному случаю, именно, къ неаполитанскому вопросу, Россія, Австрія и Пруссія постановляли употребить свое вмѣшательство для возвращенія свободы королю и его народу, оставить въ странѣ оккупаціонную армію, образовать, подъ предсѣдатель-

ствомъ Австріи, конференцію для приведенія въ исполненіе означенныхъ распоряженій, а, прежде всего, три двора постановляли пригласить короля Обѣихъ Сицилій пріѣхать въ Лайбахъ для совѣщаній съ союзными государствами. Дворы парижскій и лондонскій приглашаются объявить свое мнѣніе насчетъ содержанія протокола и, съ своей стороны, постараться убѣдить неаполитанскаго короля пріѣхать въ Лайбахъ.

Представители Франціи и Англіи были очень удивлены протоколомъ, который имъ не показывали до 19 ноября; имъ сообщили его прямо для пересылки къ своимъ державамъ. Лордъ Стюартъ и Ла Ферроннэ высказались на этотъ разъ согласно противъ отдѣльныхъ совѣщаній и соглашеній между уполномоченными трехъ державъ. «Кто нàмъ поручится — говорилъ лордъ Стюартъ — что вы не займетесь вопросами и странами, совершенно чуждыми настоящему предмету, для котораго мы собрались?» — «Обратите вниманіе—говорилъ Ла Ферронэ—на неудобство положенія, въ какое вы ставите мое правительство: оно принуждено или принять или отвергнуть актъ такой важности, и мы при этомъ не можемъ ему объяснить побужденія, которыми вы руководствовались въ приготовленіи этого акта.» — Меттернихъ въ отвѣтъ представлялъ необходимость спѣшить дѣломъ; лучшимъ отвѣтомъ былъ бы вопросъ: въ какомъ отношеніи представители Англіи и Австріи находятся къ конгрессу? Такіе ли они уполномоченные, какъ Меттернихъ, Каподистріа или Гарденбергъ? Соглашался ли лордъ Стюартъ подписывать протоколы и гдѣ онъ былъ, когда дѣло шло о приглашеніи неаполитанскаго короля на конгрессъ? Ла Ферроннэ просилъ Меттерниха высказаться, кàкъ три двора намѣрены были поступить въ случаѣ, если королю неаполитанскому не будетъ возможности пріѣхать на конгрессъ? Меттернихъ отвѣчалъ, что если неаполитанцы воспрепятствуютъ отъѣзду короля, то надобно будетъ прибѣгнуть къ крупнымъ средствамъ; а если отказъ будетъ полученъ лично отъ короля, то въ самыхъ причинахъ отказа, выставленныхъ королемъ, будутъ искать побужденія продолжать переговоры или начать новые. Графъ Каподистріа прибавилъ: «Безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не подумаетъ употребить военныя средства прежде, нежели исчезнетъ всякая надежда успѣть посредствомъ переговоровъ.» Было рѣшено пріостановить конференцію до полученія отъ неаполитанскаго короля отвѣта на пригласительныя письма троихъ государей: императоровъ русскаго, австрійскаго и короля прусскаго. Письма были написаны 20 ноября.

Если лордъ Стюартъ сильно высказался противъ протокола въ Троппау, то еще сильнѣе высказался противъ него лордъ

Кесльри въ Лондонѣ, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ: «Неслыханное дѣло! три двора, безъ сообщенія, безъ предварительнаго соглашенія съ двумя другими дворами, которыхъ содѣйствія они искали, позволяютъ себѣ постановить окончательно кодексъ международной полиціи. Это—всемірная монархія, провозглашенная и осуществленная тремя державами, тѣми самыми, которыя нѣкогда сговорились раздѣлить Польшу. Если англійскій король подпишетъ протоколъ, то этимъ самымъ подпишетъ свое отреченіе. Если государи неограниченные дѣйствуютъ такимъ образомъ, то правительства конституціонныя должны соединиться для противодѣйствія.» Положеніе французскаго правительства было самое затруднительное: съ одной стороны, какъ правительство конституціонное, оно тянуло къ Англіи и раздѣляло ея взглядъ на знаменитый троппавскій протоколъ 19-го ноября; съ другой стороны, оно хорошо понимало, что изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ Франція можетъ полагаться только на русское, ибо всѣ другія ей враждебны, и потому нужно было сохранять доброе расположеніе императора Александра и не дать торжества Австріи, старавшейся поссорить его съ Франціею; наконецъ, Франціи, какъ государству континентальному, нельзя было принять уединеннаго положенія на континентѣ, не принимать участія въ общихъ дѣлахъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, хотѣли выйти изъ затрудненій среднею дорогою — удовлетворить и той и другой сторонѣ. Людовикъ XVIII написалъ письмо королю неаполитанскому съ приглашеніемъ исполнить желаніе союзныхъ государей — пріѣхать на конгрессъ; въ письмѣ говорилось, что короля Фердинанда ожидаетъ самая чистая слава, что онъ будетъ содѣйствовать утвержденію въ Европѣ основъ общественнаго порядка, предохранитъ свой народъ отъ грозящихъ ему бѣдъ, и обезпечитъ его благоденствіе сочетаніемъ власти съ свободою. Въ то же время, Караманъ и Ла Ферроннэ объявили въ Троппау, что Франція будетъ дѣйствовать сообща съ союзными державами для умиротворенія Европы; и если, въ случаѣ войны, Англія откажется принимать участіе въ совѣщаніяхъ союзниковъ, Франція не послѣдуетъ ея примѣру и будетъ участвовать въ совѣщаніяхъ, чтобъ умѣрить бѣдствія войны. Представители Франціи настаивали при этомъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на войну, надобно истощить всѣ средства соглашенія, и что, вмѣсто оккупаціонной арміи, надобно установить въ Неаполѣ твердое правительство, которое удовлетворяло бы всѣмъ интересамъ, т. е., правительство конституціонное.

Императоръ Александръ былъ очень доволенъ поступкомъ

Людовика XVIII и объявленіемъ его посланниковъ: «Это все, чего я желалъ и даже больше, чѣмъ сколько я надѣялся», сказалъ онъ Ла Ферроннэ,—причемъ поздравилъ его съ рѣшеніемъ, которое освобождало Францію отъ нѣкотораго рода зависимости отъ правительства англійскаго, не хотѣвшаго объяснить союзникамъ, чего оно хочетъ. Императоръ прибавилъ, что съ помощью Франціи онъ надѣется избѣжать войны, уничтожая, въ то же время, революцію. Но это удовольствіе, которое доставило русскому государю поведеніе французскаго правительства, было непродолжительно: знаменитый протоколъ 19 ноября былъ публикованъ; Франція должна была высказаться на его счетъ. Въ депешѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которую Караманъ и Ла Ферронэ должны были сообщить конгрессу, французское правительство, хотя въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, однако, довольно ясно высказало свое несочувствіе къ протоколу; въ депешѣ было сказано, что король не имѣетъ средствъ высказаться насчетъ принциповъ, къ разсужденію о которыхъ его посланники не были допущены, и которые не получили въ протоколѣ полнаго развитія; король считаетъ неизмѣннымъ правиломъ для своего поведенія—постановленія ахенскаго конгресса. Хотя эти постановленія и не налагаютъ на него положительныхъ обязанностей, однако, онъ, сообразуясь съ ними, считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать утвержденію порядка, установленнаго въ Европѣ договорами; король всегда расположенъ, въ интересахъ своихъ союзниковъ, дѣлать все то, чего не запрещаетъ рѣшительно его личное положеніе.—И этотъ отзывъ французскаго правительства о протоколѣ уже никакъ не могъ понравиться; но Караманъ, подпавшій въ Вѣнѣ вліянію Меттерниха и вполнѣ ему довѣрявшій, имѣлъ неосторожность показать австрійскому министру другую депешу, гдѣ французское правительство высказывалось откровенно противъ протокола, депешу, которая вовсе не назначалась для сообщенія кому-либо изъ иностранныхъ министровъ. Меттернихъ, которому хотѣлось ссорить Россію съ Франціею, уговорилъ Карамана показать депешу и графу Каподистріа; цѣль была достигнута: императоръ Александръ высказалъ сильное неудовольствіе противъ французскаго двора, какого прежде никогда не высказывалъ. Что касается англійскаго правительства, то лордъ Стюартъ прочелъ конгрессу мемуаръ лорда Кесльри, въ которомъ повторялось то же самое, что уже было высказано въ приведенной выше депешѣ Кесльри Стюарту: установлять систему общаго вмѣшательства неудобоисполнимо и опасно; въ случаѣ существенной, явной необходимости, каждое государство имѣетъ право вмѣшательства для защиты собственныхъ инте-

ресовъ, но этотъ случай не можетъ сдѣлаться *a priori* предметомъ союза между великими державами Европы; если подобнаго рода союзъ и былъ заключенъ въ 1815 году противъ Франціи, то онъ былъ основанъ на завоевательномъ характерѣ, который приняла французская революція, и этотъ примѣръ не можетъ быть приложенъ ко всѣмъ революціямъ. Поведеніе англійскаго правительства, не нравившееся въ Троппау, возбудило сильное сочувствіе во второстепенныхъ государствахъ Европы, боявшихся, чтобъ аристократическая, по выраженію Меттерниха, форма господства нѣсколькихъ сильнѣйшихъ державъ не замѣнила монархическую форму наполеоновскаго господства. Нидерландскій король сказалъ британскому посланнику при своемъ дворѣ, что всѣ второстепенныя государства, для сохраненія своей независимости, должны соединиться около Англіи, заслужившей ихъ довѣріе своею политикою. Въ Мюнхенѣ, Штутгардѣ и Карлсруэ, нѣкоторое время думали о конгрессѣ въ Вюрцбургѣ, который хотѣли противопоставить конгрессу великихъ державъ. Но въ это время въ Германіи только *думали*, и воображаемый вюрцбургскій конгрессъ нисколько не былъ опасенъ дѣйствительнымъ конгрессамъ троппавскому и лайбахскому.

5 декабря, въ Неаполѣ, въ совѣтѣ министровъ, наслѣдникъ престола, герцогъ калабрійскій объявилъ, что король, отецъ его, получилъ отъ союзныхъ государей пригласительныя письма на конгрессъ въ Лайбахѣ. Въ совѣтѣ было рѣшено, что король долженъ принять приглашеніе. На третій день, министры извѣстили отъ имени короля объ этомъ рѣшеніи парламентъ, которому Фердинандъ объявлялъ, что употребитъ всѣ усилія для обезпеченія своему народу благоразумной и либеральной конституціи, и изъявлялъ желаніе, чтобъ въ его отсутствіе, до окончанія переговоровъ, парламентъ не предлагалъ никакихъ нововведеній и ограничилъ свои занятія устройствомъ арміи; герцогъ калабрійскій останется правителемъ королевства. Для обсужденія этого объявленія, парламентъ нарядилъ особую коммиссію. Между тѣмъ, карбонари сильно волновались. Боясь, въ одинаковой степени, и возстановленія прежней формы правленія и установленія правильной конституціонной формы, при которой они также потеряли бы всякое значеніе, карбонари стали поднимать провинціи; созваны были *венты* или частныя собранія; общее собраніе объявило себя постояннымъ и отправило увѣщаніе къ членамъ парламента, чтобъ они оставались вѣрными конституціи. Вооруженныя шайки бѣгали по городу съ крикомъ: «Испанская конституція или смерть!» Во дворцѣ царствовалъ ужасъ; члены парламента были не въ меньшемъ страхѣ. 8-го

декабря, передъ тѣмъ, какъ идти въ парламентъ, многіе изъ нихъ написали завѣщанія, другіе исповѣдались и пріобщились; они должны были проходить чрезъ толпы карбонари, грозившихъ кинжалами тѣмъ, кто вздумалъ бы измѣнить испанской конституціи. Парламентъ постановилъ отвѣчать королю, что не можетъ согласиться на отъѣздъ его величества, если это путешествіе не будетъ имѣть цѣлію — поддержаніе настоящей конституціи. Король Фердинандъ, испуганный народнымъ волненіемъ, считалъ свою жизнь въ опасности, и, желая, какъ можно скорѣе, убѣжать отъ этой опасности, согласился на все. 10 декабря, онъ объявилъ, что его пребываніе въ Лайбахѣ будетъ имѣть единственною цѣлію поддержать конституцію и отклонить войну; 12 числа, парламентъ согласился на отъѣздъ Фердинанда и объявилъ регентомъ герцога калабрійскаго; 16 числа, король отплылъ на англійскомъ кораблѣ въ Ливорно; на платьи его виднѣлись карбонарскіе знаки. Но 19 числа, когда онъ прибылъ въ Ливорно, этихъ знаковъ уже на немъ не было; въ присутствіи англійскаго посланника, онъ объявилъ, что вырвался отъ убійцъ и ѣдетъ въ Лайбахъ для того, чтобъ броситься въ объятія союзниковъ и отдать въ ихъ распоряженіе свое государство и свою собственную особу; онъ тотчасъ же отправилъ къ союзнымъ государямъ письмо, въ которомъ отрекался отъ всего сдѣланнаго имъ въ Неаполѣ *по принужденію.* Узнавъ объ этомъ поведеніи Фердинанда, Кесльри писалъ Стюарту: «Еслибъ я былъ Меттернихомъ, то не согласился бы впутывать своего дѣла въ эту паутину двоедушія и неискренности, которыми изобилуетъ жизнь короля Фердинанда. Я остаюсь при мнѣніи, что Меттернихъ существенно ослабилъ свое положеніе, сдѣлавши изъ австрійскаго вопроса—европейскій. Онъ скорѣе привлекъ бы на свою сторону общественное мнѣніе (особенно у насъ), еслибъ просто настаивалъ на опасный характеръ карбонарскаго правительства для каждаго италіанскаго государства, чѣмъ спустивши свой корабль въ безграничный океанъ. Но нашъ другъ Меттернихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, предпочитаетъ сложную негоціацію смѣлому и быстрому удару».

Изъ Ливорно король Фердинандъ отправился во Флоренцію, и отсюда медленно ѣхалъ въ Лайбахъ, чтобъ дать собраться въ этотъ городъ государямъ и министрамъ. 4 января 1821 г., пріѣхалъ въ Лайбахъ императоръ Францъ, 7-го — императоръ Александръ; король прусскій не пріѣхалъ. Министры въ Лайбахѣ были тѣ же, что и въ Троппау; только съ французской стороны къ Караману и Ла Ферроннэ былъ присоединенъ Блака, могшій имѣть большое значеніе по своимъ отношеніямъ къ Лю-

довику XVIII, по твердости своего характера и по обширнымъ свѣдѣніямъ, какія онъ имѣлъ объ италіанскихъ дѣлахъ. Италіанскіе государи: папа, король сардинскій, великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій прислали своихъ министровъ; герцогъ моденскій пріѣхалъ и самъ. 8 января, пріѣхалъ въ Лайбахъ король неаполитанскій, и съ самаго начала разразился въ жалобахъ на то, что съ нимъ случилось въ Неаполѣ, прямо высказалъ желаніе, чтобъ все было возстановлено здѣсь по старому, для чего необходимо употребить силу; Фердинандъ нашелъ совѣтъ и поддержку въ князѣ Руффо, посланникѣ своемъ въ Вѣнѣ, который находился совершенно подъ вліяніемъ меттерниховскихъ идей. Каподистріа, который и въ Лайбахѣ продолжалъ съ Меттернихомъ борьбу, начатую еще въ Ахенѣ, рѣшился сказать Руффо, что его вліяніе пагубно для его отечества, что онъ больше австріецъ, чѣмъ неаполитанецъ. Но борьба съ Меттернихомъ въ Лайбахѣ была трудна: его поддерживалъ король Фердинандъ и князь Руффо; его поддерживали министры всѣхъ италіанскихъ государей; герцогъ моденскій прямо говорилъ: «Если дадутъ конституцію Неаполю, то мнѣ не останется ничего больше, какъ продать мои владѣнія съ аукціона и выѣхать изъ Италіи». Наконецъ, Меттернихъ нашелъ себѣ опору тамъ, гдѣ никакъ не надѣялся найти ея; онъ нашелъ ее въ Поццо-ди-Борго, который еще въ Троппау, куда былъ вызванъ изъ Парижа, высказался рѣзко насчетъ италіанскихъ событій, представилъ, что неаполитанцы, да и всѣ италіанцы, по своей общественной неразвитости и врожденнымъ недостаткамъ, неспособны къ либеральной формѣ правленія. Знаменитый корсиканецъ [1]) пользовался большимъ авторитетомъ; сужденіе италіанца объ Италіи производило сильное впечатлѣніе, которое увеличи-

---

[1]) Извѣстна фамильная вражда Поццо-ди-Борго къ соотечественнику своему Наполеону. Поццо былъ тамъ, гдѣ можно было сильнѣе вредить ненавистному Бонапарту. Въ 1805 г., онъ поступилъ въ русскую службу, съ чиномъ статскаго совѣтника, въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и посланъ съ порученіями въ Вѣну и Неаполь. Въ 1807 г., переименованъ въ полковники свиты. Послѣ тильзитскаго мира, съ перемѣной русской политики въ отношеніи къ Франціи, не перемѣнились отношенія Поццо къ Наполеону, и его дѣйствія, шедшія наперекоръ политикѣ с.-петербургскаго кабинета, возбуждали гнѣвъ императора Александра. Такъ, когда въ январѣ 1810 года, императору дали знать изъ Вѣны, что тамъ подозрѣваютъ канцлера Румянцева въ связяхъ съ Франціею, правительству которой онъ все открываетъ, то императоръ отвѣчалъ: «Я сейчасъ узналъ источникъ извѣстій — это Поццо-ди-Борго. Это совершеннѣйшій интриганъ, пенсіонеръ Англіи, человѣкъ, готовый на всѣ средства, готовый воспламенить всеобщую войну, чтобъ заставить насъ измѣнить систему». Но когда система измѣнилась независимо отъ Поццо, когда вся Европа вооружилась противъ Наполеона, Поццо понадобился и дѣйствительно оказалъ большія услуги.

валось еще тѣмъ, что Поццо былъ человѣкъ независимый, нисколько не находившійся подъ вліяніемъ австрійскаго министра, напротивъ, боровшійся съ нимъ. Когда, въ Лайбахѣ, Ла Ферроннэ, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, выразилъ опасеніе, что справедливое негодованіе на революціи испанскую и неаполитанскую можетъ охладить императора къ конституціоннымъ учрежденіямъ, которыхъ онъ былъ до сихъ поръ ревностнымъ покровителемъ, то Александръ отвѣчалъ: «Чѣмъ я былъ, тѣмъ остаюсь теперь, и останусь навсегда. Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно ли вводить ихъ безъ различія у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы въ равной степени готовы къ ихъ принятію; ясное дѣло, что свобода и права, которыми можетъ пользоваться такая просвѣщенная нація, какъ ваша, нейдутъ къ отсталымъ и невѣжественнымъ народамъ обоихъ полуостровъ». Въ этихъ словахъ нельзя не признать близкой связи съ словами Поццо-ди-Борго. И теперь, когда императоръ Александръ все еще выражалъ надежду, что дѣло можетъ кончиться мирными соглашеніями, Поццо настаивалъ, чтобъ не входить въ сношенія съ бунтовщиками; онъ говорилъ: «Какъ скоро король возвратится и порядокъ будетъ возстановленъ, тогда можно будетъ видѣть, что̀ сдѣлать; но, во всякомъ случаѣ, не должно учреждать въ Неаполѣ ничего такого, что не можетъ быть учреждено и въ Миланѣ».

16 января, конгрессъ сообщилъ князю Руффо оффиціальное свое рѣшеніе — не признавать неаполитанскую революцію и положить ей конецъ или мирными средствами, если возможно, или силою, если будетъ необходимо. По уничтоженіи новаго правительства и по возстановленіи спокойствія въ странѣ, у государей будетъ одно желаніе, чтобы король, окруживъ себя людьми самыми мудрыми и честными, изгладилъ самую память о печальной революціонной эпохѣ установленіемъ такого порядка вещей, который въ самомъ себѣ носилъ бы ручательство за свою прочность, который соотвѣтствовалъ бы истиннымъ интересамъ народа, и былъ способенъ успокоить сосѣднія государства насчетъ ихъ безопасности. 19 января, Руффо отвѣчалъ отъ имени королевскаго, что Фердинандъ, видя неизмѣнное рѣшеніе великихъ державъ, подчиняется необходимости, и, чтобъ избавить своихъ подданныхъ отъ бѣдствій войны, дастъ знать герцогу калабрійскому о состояніи дѣла. Письмо стараго короля къ сыну, одобренное конгрессомъ, заключалось въ слѣдующемъ: «Государи рѣшительно высказались противъ порядка вещей, который, по ихъ мнѣнію, нарушаетъ спокойствіе Италіи; они даже опредѣ-

лили уничтожить его оружіемъ, если увѣщательныя средства не помогутъ. Если въ Неаполѣ откажутся отъ него добровольно, то дальнѣйшія распоряженія будутъ сдѣланы при моемъ посредничествѣ; но и въ этомъ случаѣ, дворы требуютъ ручательствъ, необходимыхъ для безопасности сосѣднихъ державъ. Не стѣсняя свободы моихъ дѣйствій, союзники, однако, указали мнѣ общую точку зрѣнія, съ какой они смотрятъ на систему, долженствующую смѣнить нынѣшній порядокъ вещей въ Неаполѣ: они желаютъ, чтобы я, окруженный самыми честными и самыми мудрыми людьми въ королевствѣ, согласилъ постоянные интересы моего народа съ сохраненіемъ общей безопасности». Къ этому письму, которое герцогъ калабрійскій долженъ былъ опубликовать, приложено было еще письмо конфиденціальное, въ которомъ король объяснялъ, чтò должно разумѣть подъ гарантіями, которыхъ требовали союзники: должно было разумѣть временное пребываніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ корпуса австрійскихъ войскъ, которыя, впрочемъ, будутъ находиться подъ начальствомъ герцога калабрійскаго. Противъ этого тщетно спорили французскіе уполномоченные: король Фердинандъ и Руффо объявили, что они безъ австрійскаго войска ни подъ какимъ видомъ не возвратятся въ Неаполь.

Въ ожиданіи отвѣта изъ Неаполя на королевское письмо, австрійскія войска перешли р. По, 5 февраля, и вступили въ Папскія владѣнія, а конгрессъ занялся обсужденіемъ вопроса о будущемъ устройствѣ Неаполитанскаго королевства, чтò подало поводъ къ сильнымъ спорамъ.

Меттернихъ хотѣлъ, чтобы король Фердинандъ сдѣлалъ въ Лайбахѣ какое-нибудь рѣшеніе, разумѣется, согласное съ видами Австріи, и оставался ему вѣренъ въ Неаполѣ. Представители Франціи требовали, чтобъ предоставить королю полную свободу рѣшать дѣла въ Неаполѣ: въ Лайбахѣ — говорили они — въ странѣ чужой, у него только одинъ совѣтникъ, князь Руффо, тогда какъ въ Неаполѣ онъ будетъ окруженъ самыми свѣдущими людьми въ цѣломъ королевствѣ. Меттернихъ выразился на этотъ счетъ очень откровенно: «Но если король, по возвращеніи въ Неаполь, приметъ вашу хартію?» — Блака̀ отвѣчалъ ему съ такою же откровенностью: «Въ этомъ случаѣ, мы будемъ поддерживать волю его сицилійскаго величества». Каподистріа, какъ обыкновенно, былъ противъ Меттерниха. Когда онъ, однажды, произнесъ слово: «конституція», Меттернихъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что это слово не должно быть произносимо на конгрессѣ; Австрія не потерпитъ, чтобъ въ Неаполѣ была конституція. «Но если самъ король ее дастъ?» спросилъ Каподистріа. — «Въ такомъ

случаѣ, отвѣчалъ Меттернихъ, мы объявимъ войну королю, чтобъ заставить его отказаться отъ конституціи, ибо для насъ она всегда опасна, какъ бы ни явилась; и это рѣшеніе не одной Австріи, но всѣхъ государей италіанскихъ». Впрочемъ, Меттернихъ видѣлъ, что надобно идти на сдѣлку; онъ заявилъ Блака, что онъ вовсе не врагъ благоразумной свободы, понимаетъ необходимость благоразумныхъ реформъ, и жаловался, что никакъ не можетъ убѣдить Руффо въ выгодѣ серіознаго совѣщательнаго собранія: «Если онъ не образумится, прибавилъ Меттернихъ, то мы отошлемъ его въ Вѣну, и обдѣлаемъ дѣло безъ него». 14-го февраля, Руффо и Меттернихъ представили конференціи два проекта, сходные въ основѣ: большой государственный совѣтъ для цѣлаго королевства; двѣ консульты: одна въ Неаполѣ изъ 20 членовъ, для твердой земли, другая въ Палермо изъ 12 членовъ для Сициліи, составленныя изъ самыхъ богатыхъ собственниковъ, подаютъ свои голоса по всѣмъ вопросамъ администраціи, по всѣмъ проектамъ, поступающимъ въ государственный совѣтъ, и спеціально разсматриваютъ бюджеты для обѣихъ частей монархіи; въ каждой провинціи совѣтъ, члены котораго избираются королемъ изъ знатнѣйшихъ собственниковъ; обязанность совѣта состоитъ въ разложеніи податей и въ распоряженіи другими предметами мѣстнаго интереса; для той же цѣли, муниципальные совѣты въ каждой общинѣ. По проекту Меттерниха, болѣе либеральному, каждая консульта сама избирала своего президента; провинціальные совѣты имѣли участіе въ выборѣ членовъ консульты, которые отправляли свою должность въ продолженіе трехъ лѣтъ и не могли снова быть избраны. Конференція поручила князю Руффо соединить общія черты обоихъ проектовъ въ одну редакцію, предоставляя королю, впослѣдствіи, опредѣлить подробности. 21-го февраля, представители италіанскихъ государствъ объявили, что основанія, изложенныя въ проектѣ, могутъ содѣйствовать утвержденію спокойствія въ Италіи; но сардинскій министръ прибавилъ условіе, чтобъ совѣщательный корпусъ былъ организованъ въ монархическихъ формахъ; а министръ моденскій потребовалъ — избѣгать всякаго вида соглашенія съ революціонною партіею. Уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи изъявили желаніе, чтобъ проектъ оказалъ благопріятное вліяніе на страну и былъ счастливо и совершенно приведенъ въ исполненіе. Французскіе министры, отказываясь выразить свое мнѣніе, объявили, однако, что король ихъ узнаетъ съ удовольствіемъ о рѣшеніи короля неаполитанскаго — окружить себя самыми вѣрными подданными, для установленія учрежденій, которыя должны обезпечить счастіе его подданныхъ и спокойствіе Италіи. Лордъ Стюартъ говорилъ

въ томъ же смыслѣ. По этому смыслу выходило, что король Фердинандъ окружитъ себя вѣрными подданными — это главное; но, что̀ выйдетъ вслѣдствіе такого окруженія? Ла Ферроннэ, обратившись къ Меттерниху, спросилъ его: ка̀къ смотрѣть на трудъ, представленный княземъ Руффо — смотрѣть ли на него, какъ на простой проектъ, который король Фердинандъ можетъ, впослѣдствіи, измѣнить, или это обязательство съ его стороны? Меттернихъ смутился неожиданнымъ вопросомъ и, помолчавши нѣсколько времени, отвѣчалъ, что это — обязательство. «Значитъ, если король, возвратясь въ свои владѣнія, захотѣлъ бы измѣнить проектъ, то онъ не властенъ этого сдѣлать?» спросилъ опять Ла Ферроннэ. «Конечно, отвѣчалъ Меттернихъ: италіанскія государства не могутъ смотрѣть иначе на дѣло, не могутъ потерпѣть учрежденій, несовмѣстимыхъ съ ихъ спокойствіемъ». — «Благодарю васъ, князь, сказалъ Ла Ферроннэ, мнѣ это только и нужно было знать».

Двѣ противоположныя системы олицетворялись въ это время въ двухъ дѣятеляхъ — Меттернихѣ и Каподистріа; конгрессъ представлялся боемъ между этими соперниками; могущественный русскій государь стоялъ между бойцами, и на чью сторону онъ склонится, та и получитъ торжество. Держится русскій императоръ либеральнаго направленія — значитъ вліяніе Каподистріа сильно; уклоняется отъ этого направленія — значитъ вліяніе Меттерниха усилилось, русскій императоръ находится въ его рукахъ. Такъ смотрѣли современники; такъ повторяется въ сочиненіяхъ, описывающихъ эпоху конгрессовъ. Но мы не считаемъ согласнымъ съ историческою осторожностью и точностью представлять дѣло именно такимъ образомъ; мы не можемъ приписать Меттерниху такого сильнаго вліянія на императора Александра, на перемѣну его образа мыслей, не можемъ допустить и рѣзкости этой перемѣны. Не Меттернихъ, но революціонныя движенія, обхватывавшія всю Европу, должны были производить сильное впечатлѣніе на императора Александра; эти движенія не могли заставить его перемѣнить своего прежняго взгляда, но должны были, какъ обыкновенно бываетъ при столкновеніи извѣстнаго взгляда съ дѣйствительностью, повести къ извѣстнымъ ограниченіямъ, опредѣленіямъ, какъ напримѣръ: либеральныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ; не всѣ народы въ равной степени способны пользоваться одними и тѣми же учрежденіями, при введеніи которыхъ, слѣдовательно, надобно наблюдать постепенность. Эти опредѣленія, особенно второе, должны были очень нравиться, ибо успокоивали: основное направленіе оставалось нетронутымъ, только развивалось въ подробностяхъ, въ при-

ложенія, согласно съ событіями. Но Меттернихъ не могъ пріобрѣтать вліянія предложеніемъ такихъ успокоительныхъ опредѣленій, ибо къ нимъ можно было придти, отправляясь отъ принциповъ, противоположныхъ принципамъ австрійскаго министра. Поццо ди-Борго могъ утверждать, что италіанцы не способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и производить своими словами сильное впечатлѣніе, ибо отправлялся отъ мысли, что другіе народы, болѣе зрѣлые, способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и императоръ Александръ, основываясь на словахъ Поццо, могъ говорить французскому посланнику: «Что полезно вамъ, просвѣщеннымъ французамъ, то вредно отсталымъ, невѣжественнымъ италіанцамъ». Но Меттернихъ не могъ отправляться отъ мысли, отъ которой отправлялся Поццо: его взглядъ, его система были слишкомъ хорошо извѣстны; подчиняться вліянію Меттерниха могли только люди, или не имѣвшіе собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, или издавна согласные съ направленіемъ австрійскаго канцлера и находившіе въ его системѣ и дѣятельности лучшее и полнѣйшее выраженіе своихъ убѣжденій, или, наконецъ, люди, изъ страха передъ революціоннымъ движеніемъ, круто повернувшіе въ противоположную сторону. Но императоръ Александръ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ людей; онъ не могъ разорвать съ своимъ прошедшимъ; онъ могъ, въ силу обстоятельствъ, изъ словъ Поццо вывести извѣстное ограниченіе или опредѣленіе для своего взгляда, ибо этотъ взглядъ былъ у него одинаковъ съ Поццо, но не могъ подчиниться вліянію Меттерниха, котораго основной взглядъ былъ совершенно иной, и который, съ вѣнскаго конгресса, не пользовался расположеніемъ русскаго императора. Вся сила, все значеніе Меттерниха основывались на благопріятныхъ для него, для его системы обстоятельствахъ, которыми онъ умѣлъ пользоваться; то, что̀ должно было преимущественно приписать силѣ обстоятельствъ, приписали личной нравственной силѣ Меттерниха, тѣмъ болѣе, что онъ употреблялъ всѣ усилія овладѣть вниманіемъ и волею русскаго государя; но успѣхъ австрійскаго канцлера на конгрессѣ не былъ полонъ уже и потому, что онъ долженъ былъ входить въ сдѣлку съ прямо противоположнымъ направленіемъ, какъ то видно изъ его проекта, несравненно болѣе либеральнаго, чѣмъ проектъ, составленный Руффо.

7-го февраля, пріѣхалъ въ Неаполь курьеръ съ письмомъ отъ короля Фердинанда къ герцогу калабрійскому: старый король писалъ, что государи приняли неизмѣнное рѣшеніе не признавать порядка вещей, созданнаго въ Неаполѣ революціею и, въ случаѣ необходимости, сокрушить его силою оружія, слѣдовательно, неот-

лагательная покорность есть единственное средство предохранить королевство отъ бѣдствій войны. Затѣмъ, Фердинандъ давалъ знать сыну, что государи и въ этомъ случаѣ требуютъ нѣкоторыхъ гарантій; чтò же касается до будущаго, то указывалъ на основанія, находившіяся въ проектѣ Меттерниха-Руффо. 9-го числа, русскій, австрійскій и прусскій посланники объявили регенту, что австрійская армія получила приказъ выступить въ походъ; что она или займетъ королевство дружественнымъ образомъ, или проникнетъ въ него силою; что если австрійскія войска будутъ отражены, то русскія выступятъ въ слѣдъ за ними; что союзныя державы полагаются на благоразуміе самого герцога, который съумѣетъ привесть націю къ желаемому порядку вещей. Герцогъ отвѣчалъ, что если бы даже онъ имѣлъ въ рукахъ необходимую силу, то и тогда не употребилъ бы этой силы противъ націи, отъ которой никогда не отдѣлится. 13-го числа, лайбахскія рѣшенія были объявлены парламенту; 15-го—парламентъ объявилъ ихъ несовмѣстными съ достоинствомъ, честью и независимостью неаполитанскаго народа. Герцогъ калабрійскій отвѣчалъ отцу, что онъ не можетъ смотрѣть на его письмо, какъ на свободное выраженіе его воли, и что онъ рѣшился раздѣлить опасности и судьбу націи, и пожертвовать своею жизнью и жизнью своего семейства для защиты правъ, независимости и чести родной страны.

Посланники русскій, австрійскій и прусскій выѣхали изъ Неаполя; повѣренные въ дѣлахъ англійскій и французскій остались. Нерѣшительныя дѣйствія Франціи, ея колебанія между политикою континентальныхъ великихъ державъ и политикою Англіи, возбуждали неудовольствіе императора Александра, который прямо высказалъ Ла Ферроннэ, къ чему повело такое поведеніе французскаго правительства. «Я не менѣе вашего огорченъ въ глубинѣ сердца, что неаполитанскій вопросъ не разрѣшился примирительнымъ образомъ, но для этого было необходимо, чтобъ верховное рѣшеніе принадлежало Россіи и Франціи; Австрія и Пруссія всегда хотѣли войны; такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ, естественно, призвана къ главной роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разрушивши великій союзъ, чтò повело бы къ переворотамъ въ Италіи, быть можетъ и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядомъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ, это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, которыя подрываютъ основанія общественнаго порядка». 26-го февраля, лайбахскій конгрессъ оффиціально закрылся, причемъ положено было собраться на новый

конгрессъ во Флоренціи, въ сентябрѣ будущаго 1822 года. Неаполитанскій король долженъ былъ отправиться во Флоренцію и тамъ дожидаться, чѣмъ кончатся дѣла въ его королевствѣ. Фердинанда должны были сопровождать дипломатическіе агенты со стороны великихъ державъ. Австрійскій агентъ получилъ отъ своего двора инструкцію не позволять удаляться отъ основаній, изложенныхъ въ проектѣ Меттерниха-Руффо. Со стороны Россіи отправлялся Поццо-ди-Борго, котораго инструкція предоставляла ему только право совѣта, причемъ онъ долженъ былъ обращать вниманіе на мнѣнія короля и націи. Меттернихъ понапрасну старался заставить зачеркнуть послѣднее слово. Прусскій уполномоченный Бернсторфъ сказалъ по этому случаю: «Мы было-думали, что императоръ обяжетъ короля Фердинанда употребить нѣсколько примѣровъ строгости». — «Значитъ, вы ошибаетесь относительно намѣреній императора, отвѣчалъ Каподистріа: совѣтъ его величества королю Фердинанду можетъ состоять только въ томъ, чтобъ оказывать наибольшую умѣренность».

Не смотря на оффиціальное закрытіе конгресса, оба императора и министры разныхъ дворовъ оставались въ Лайбахѣ, дожидаясь успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя; но пришли тревожныя вѣсти изъ сѣверной Италіи: въ Піемонтѣ вспыхнула революція.

Давно уже политическая жизнь, изсякшая въ другихъ частяхъ Италіи, сохранялась только въ Піемонтѣ, въ значеніи котораго для раздробленной и безсильной Италіи нельзя не замѣтить сходства съ значеніемъ Пруссіи для раздробленной и безсильной Германіи. Находясь постоянно между двухъ огней, между двумя великими державами—Франціею и Австріею, стремившимися утвердить свое вліяніе и владычество въ Италіи, слабые владѣльцы Піемонта, герцоги савойскіе умѣли держаться ловкою и далеко небезупречною политикою, сходною съ политикою великаго курфирста бранденбургскаго въ борьбѣ между Швеціею и Польшею. Мѣнять, по обстоятельствамъ, союзъ съ одною соперничествующею державою на союзъ съ другою, выговаривая себѣ разныя вознагражденія за эти союзы — служило основаніемъ піемонтской политики. Какъ бранденбургскіе курфирсты добились, наконецъ, королевскаго титула по освобожденіи изъ польскаго вассальства Пруссіи, чѣмъ, по словамъ Фридриха II, заброшено было въ гогенцоллернскій домъ сѣмя честолюбія, которое рано или поздно должно было дать плодъ: такъ и герцоги савойскіе добились королевскаго титула по островамъ, сначала Сициліи, потомъ Сардиніи. И здѣсь этотъ титулъ былъ, какъ видно, сѣменемъ честолюбія. Сардинскіе короли начали также хлопотать объ усиленіи себя, объ округленіи своихъ владѣній въ Италіи, причемъ не спускали глазъ съ

Миланской области: «Сынъ!» говаривалъ король Карлъ-Эммануилъ своему наслѣднику: «Миланская область — это артишокъ, который надобно кушать листикъ за листикомъ». Еще въ 1733 году, между парижскимъ и туринскимъ дворами былъ заключенъ договоръ, по которому австрійцы должны были быть изгнаны изъ Италіи; Миланъ присоединяется къ Піемонту и составляетъ Ломбардское королевство; Мантуа также присоединяется къ Піемонту, за-то Савоія уступается Франціи. Бурныя движенія революціонной Франціи смыли съ карты континентальной Европы Сардинское королевство; послѣ паденія Наполеона, королевство было возстановлено съ придаткомъ Генуи; но правительство и народъ возстановленнаго королевства вынесли изъ эпохи испытанія непримиримую ненависть къ Австріи, которая своимъ поведеніемъ, во время очищенія Италіи Суворовымъ, доказала всю свою враждебность къ Піемонту, а теперь, съ 1814 года, Австрія пользовалась въ Италіи самымъ могущественнымъ вліяніемъ. Знаменитый савоаръ, Жозефъ де Местръ писалъ въ 1804 году: «Пока живъ, не перестану повторять, что Австрія есть естественный и вѣчный врагъ короля (сардинскаго). Чего хочетъ король?—утвержденія своей власти въ сѣверной Италіи. Чего боится Австрія? — этого самаго утвержденія. Итакъ...» Это: «итакъ» очень хорошо понимали въ Піемонтѣ. Теперь Австрія распоряжается въ Италіи, хочетъ ввести свои войска въ Неаполь, уничтожить тамъ новый порядокъ вещей, а этотъ порядокъ имѣетъ въ Піемонтѣ многочисленныхъ приверженцевъ; адвокаты, купцы, литераторы, студенты недовольны возстановленіемъ привилегій, вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о равенствѣ, которое было у нихъ во время французскаго владычества; карбонаризмъ пустилъ корни и въ Піемонтѣ; сосѣдство волнующейся Франціи, революціи испанская, неаполитанская оказывали сильное вліяніе. Гостиная французскаго посланника, герцога Дальберга, была мѣстомъ свиданія недовольныхъ, которые изъ словъ посланника имѣли право заключить, что, въ случаѣ возстанія, они будутъ поддержаны Франціею. 11-го января, произошла въ Туринѣ студенческая вспышка; солдаты усмирили студентовъ, но этимъ дѣло не кончилось, потому-что обширный заговоръ зрѣлъ въ войскѣ и даже въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ хотѣли французской хартіи. Молодой принцъ кариньянскій, глава младшей линіи королевскаго дома, и ближайшій наслѣдникъ престола послѣ герцога генуезскаго, брата королевскаго, не имѣвшаго, также какъ и король, сыновей, не былъ чуждъ замысламъ заговорщиковъ; мы видѣли, что существовало особое тайное общество «адельфовъ», дѣйствовавшее въ пользу либеральнаго герцога кариньянскаго. 10-го марта, часть

александрійскаго гарнизона съ нѣсколькими сотнями патріотовъ или, такъ-называемыхъ, *италіанскихъ федератовъ*, провозгласили конституцію, овладѣли крѣпостью и учредили временную юнту; въ тотъ же день, революція вспыхнула въ Пиньероли, и на другой день—въ самомъ Туринѣ; здѣсь революціонеры овладѣли крѣпостью при крикахъ: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ испанская конституція! война австрійцамъ!» Скоро эти крики раздались по всему городу. Король Викторъ-Эммануилъ, видя, съ одной стороны, невозможность сладить съ революціею, а съ другой, не желая уступить ей, отрекся отъ престола, и такъ какъ братъ его, герцогъ генуезскій, находился въ это время у зятя своего, герцога моденскаго, то регентомъ въ Туринѣ провозглашенъ былъ принцъ кариньянскій, который принужденъ былъ уступить требованіямъ народа и провозгласить испанскую конституцію. Сильное волненіе обнаружилось и въ Ломбардіи, гдѣ также дѣйствовали карбонари.

Извѣстія о событіяхъ въ Алессандріи и Туринѣ произвели въ Лайбахѣ такое же громовое впечатлѣніе, какое, въ 1815 г., было произведено въ Вѣнѣ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона на берега Франціи; смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ ужасѣ. Боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и въ другихъ частяхъ полуострова, что народныя массы, поддержанныя войсками Неаполя и Сардиніи, подавятъ ненавистную италіанцамъ австрійскую армію; опасались, что движеніе отзовется во Франціи, въ Германіи, въ Польшѣ. Страхъ овладѣлъ Меттернихомъ, который вовсе не отличался твердостью духа въ опасностяхъ. Но какъ въ 1815 году въ Вѣнѣ, такъ и теперь въ Лайбахѣ, императоръ Александръ положилъ конецъ этому всеобщему ужасу; онъ сказалъ императору Францу: «Мои войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя». Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью, и стотысячная русская армія получила приказъ вступить въ Галицію; прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ, она должна была явиться въ Италіи.

Сто тысячъ русскаго войска! Да кромѣ этихъ ста тысячъ, русскій императоръ приказалъ готовить еще двѣ другія арміи! Значитъ, опять судьба Европы въ рукахъ русскаго государя, и разъ уничтоживши революціонныя движенія своимъ войскомъ, императоръ Александръ можетъ распорядиться въ Италіи не такъ, какъ бы хотѣлось Австріи: Поццо-ди-Борго получилъ же инструкцію принимать въ соображеніе мнѣніе короля и націи! Меттерниху стало страшно; но когда австрійскому министру становилось страшно предъ Россіею, то онъ могъ быть увѣренъ,

что найдетъ полное сочувствіе въ Англіи. Сочувствіе выразилось въ томъ, что Меттернихъ и Гордонъ, оба ненавидѣвшіе Францію, рѣшились обратиться къ этой державѣ, чтобъ ея силами уравновѣсить силы Россіи. Императоръ Францъ выразилъ Ла-Ферроннэ желаніе, чтобъ Франція взялась потушить піемонтскую революцію для отнятія у Россіи предлога двигать свои войска. «Мы не можемъ — говорилъ императоръ — дѣйствовать противъ Піемонта, какъ дѣйствуемъ противъ Неаполя: австрійцы и піемонтцы ненавидятъ другъ друга, насъ заподозрятъ въ корыстныхъ видахъ». Ла Ферроннэ отвѣчалъ, что какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Туринѣ французское правительство не позволитъ себѣ вооруженнаго вмѣшательства и, сильно порицая возмущеніе піемонтской арміи, ограничится дѣйствіемъ чисто нравственнымъ. Дѣлать нечего, надобно было ждать страшной русской помощи. Но движеніе русскихъ войскъ наводило страхъ не на одну Австрію и Англію; безпокойство овладѣло всею Европою: сомнѣвались, чтобъ такая огромная армія была нужна для потушенія піемонтской революціи; подозрѣвали, нѣтъ ли соглашенія между неограниченными монархами уничтожить всюду либеральныя учрежденія и потушить самый очагъ пожара — во Франціи. Ла Ферроннэ, отправляясь во Францію, счелъ своею обязанностью высказаться откровенно предъ императоромъ Александромъ насчетъ этихъ опасеній. Императоръ сталъ торопить его, чтобъ поскорѣе ѣхалъ во Францію и старался тамъ, съ одной стороны, уничтожить ложныя опасенія, съ другой — внушить своему кабинету болѣе твердую политику. На прощаньи и императоръ Францъ старался разувѣрить Ла Ферроннэ насчетъ враждебныхъ намѣреній противъ французской конституціи: «Признаюсь — говорилъ Францъ — что я не люблю всѣ эти новыя конституціи; но мнѣ никогда не приходило въ голову касаться существующихъ учрежденій. И потомъ, относительно Франціи, большая разница: эта страна такъ просвѣщенна!» Императоръ Александръ сказалъ ему, что скорѣе пожертвуетъ половиною своей арміи, чѣмъ допуститъ какое-нибудь государство посягнуть на территорію или на учрежденія Франціи: «Столкновеніе — сказалъ онъ — можетъ произойти только отъ васъ. Мои войска пойдутъ медленно, и если въ Піемонтѣ все уладится, то они получатъ приказъ тотчасъ же остановиться».

Случилось послѣднее. Неаполитанцы остались вѣрны своей исторіи, вѣрны преданію не биться съ чужими войсками, которымъ, зачѣмъ бы то ни было, вздумается войти въ ихъ владѣнія. Сначала, впрочемъ, можно было подумать, что неаполитанскій характеръ измѣнился: 7 марта, карбонарскій генералъ Пепе

напалъ на австрійцевъ при Ріэти; но, убивъ у непріятеля человѣкъ 60, неаполитанцы сочли это совершенно достаточнымъ, и обратились въ бѣгство. Другая неаполитанская армія, стоявшая при Гарильяно подъ начальствомъ генерала Карасковы, услыхавъ о пораженіи Пепе, начала исчезать: волонтеры и старые солдаты толпами покидали знамена; не бѣжала одна гвардія королевская, но та стояла за короля Фердинанда, какимъ онъ былъ до революціи. Герцогъ калабрійскій, пріѣхавшій-было принять начальство надъ войскомъ, счелъ за лучшее какъ можно скорѣе возвратиться въ Неаполь. Австрійскій генералъ Фримонъ, какъ видно, плохо знавшій прежнюю неаполитанскую исторію, растерялся при видѣ такого страннаго явленія; сначала подумалъ-было, что ему готовятъ западню, но скоро успокоился: дорога была совершенно чиста, никакой западни, никакого сопротивленія. 12 марта, собрался парламентъ и вотировалъ адресъ королю Фердинанду: извиняясь въ томъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, парламентъ думалъ, что дѣйствовалъ согласно съ королевскимъ желаніемъ. Парламентъ умолялъ Фердинанда явиться среди народа и высказать откровенно свои намѣренія, объявить какъ можно скорѣе улучшенія, какія онъ признаетъ нужными; но чтобы иностранцы, *ультрамонтаны*, не становились между народомъ и его главою. Король отвѣчалъ напоминаніемъ о своемъ письмѣ изъ Лайбаха: тамъ сказано все, что нужно знать его подданнымъ о его будущихъ намѣреніяхъ. 24 марта, австрійцы вступили въ Неаполь при крикахъ народа: «да здравствуетъ король»!

Піемонтская революція также скоро прекратилась; но при этомъ нельзя останавливаться на одномъ видимомъ сходствѣ явленій. Въ Піемонтѣ только половина войска была за революцію; въ остальномъ народонаселеніи — меньше половины; между людьми, желавшими перемѣны, образовались двѣ партіи — умѣренная и крайняя. Умѣренная партія, сильная въ Туринѣ, имѣла вождя въ принцѣ кариньянскомъ, и хотѣла конституціи съ прекращеніемъ революціоннаго движенія; крайняя партія, господствовавшая въ Алессандріи, хотѣла соединенія всей Италіи въ одно государство, требовала немедленнаго объявленія войны Австріи и нападенія на Ломбардію, для отвлеченія австрійскихъ силъ отъ Неаполя. Крайняя партія брала явный перевѣсъ; тогда принцъ кариньянскій, принужденный каждый день соглашаться на мѣры, которыхъ не одобрялъ, тайно ночью (съ 21-го на 22-е марта) выѣхалъ изъ Турина въ Новарру, гдѣ сосредоточивалось вѣрное прежнему порядку войско, и объявилъ, что отказывается отъ должности регента; многіе изъ умѣренныхъ либераловъ по-

слѣдовали его примѣру и отказались отъ своихъ должностей. Такимъ образомъ, направленіе движенія сосредоточилось въ крайней партіи, слабой отпаденіемъ умѣренныхъ и не пользовавшейся сочувствіемъ большинства. Для низложенія этой крайней партіи, не стоило двигать сто тысячъ войска, и императоръ Александръ выразилъ желаніе, чтобъ Піемонтъ былъ успокоенъ увѣщательными средствами. Русскій посланникъ въ Туринѣ, графъ Мочениго предложилъ революціонному правительству свое посредничество; французскій посланникъ присталъ къ нему. Графъ Моченито требовалъ, чтобъ революціонное правительство оказало безусловную покорность новому королю и, въ такомъ случаѣ, не только австрійцы не вступятъ въ Піемонтъ, но будетъ дана полная амнистія и сдѣланы будутъ улучшенія, административныя реформы. Туринская юнта согласилась бы на это охотно; но алессандрійская объявила, что не откажется отъ испанской конституціи, и революціонная армія приняла наступательное движеніе противъ роялистской, сосредоточенной, какъ мы видѣли, въ Новаррѣ, подъ начальствомъ графа Латура. Но въ самомъ началѣ битвы, австрійскій корпусъ явился на помощь роялистамъ; продержавшись нѣсколько часовъ противъ сильнѣйшаго вдвое непріятеля, конституціонисты должны были отступить, и отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Революція была сломлена; члены временного правительства, ночью, бѣжали изъ Турина, и на другой день графъ Латуръ, приближавшійся къ столицѣ, встрѣтилъ депутацію, которая просила его вступить въ городъ только съ сардинскими войсками. Латуръ согласился, и 10-го апрѣля занялъ Туринъ; герцогъ генуезскій принялъ корону подъ именемъ Карла-Феликса.

Италія была успокоена, и Меттернихъ торжествовалъ, пѣлъ побѣдную пѣснь, перемѣшанную съ пророчествами о новыхъ опасностяхъ, съ жалобами на слабость правительствъ: «Результаты мѣръ, принятыхъ монархами въ Лайбахѣ, осязательны для всѣхъ, положительны, несомнѣнны. Мы имѣли счастіе аттаковать машину, на сооруженіе которой наши противники употребили много иждивенія, разсчитывая на непремѣнное ея дѣйствіе, но ни одно желаніе ихъ не исполнилось, ни одно намѣреніе ихъ не осуществилось. Лагерь противниковъ въ полномъ разгромѣ, и хотите доказательствъ этого разгрома, — вы ихъ найдете въ усиленіи радикализма; либеральные цвѣта почти всюду поблѣднѣли, роли обозначились яснѣе, желанія высказались положительнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ число противниковъ уменьшается. Правительства всѣ безъ исключенія отдаютъ справедливость намѣреніямъ и поведенію твердому, благородному и великодушному

великихъ монарховъ. Съ 1814 года, я не видалъ единодушія, такъ рѣзко выразившагося. Люди благонамѣренные довольны и позволяютъ себѣ это говорить. Идеалисты стыдятся того, что они передъ тѣмъ проповѣдывали, и люди чистые между ними довольны; между ними господствуетъ раздраженіе противъ малодушія италіанскихъ реформаторовъ. Послѣдовательные революціонеры, т. е., радикалы признаютъ себя побитыми, ибо они осмѣливаются провозглашать, что одно проигранное сраженіе часто не рѣшаетъ еще судьбу войны. Они правы; одушевляемые этою надеждою, они находятъ средства изгладить память о своемъ пораженіи и вознаградить свои потери новыми побѣдами. Я желалъ бы, чтобъ мнѣ доказали съ другой стороны, что слабость правительствъ менѣе опасна, чѣмъ какъ мнѣ кажется. Извѣстія изъ Неаполя и Піемонта сообщаютъ много данныхъ насчетъ неспособности обоихъ дворовъ. Мы идемъ по условленной дорогѣ; какъ скоро узнаемъ о ложномъ шагѣ, такъ сейчасъ же высказываемся противъ него, и мы, надѣюсь, кончимъ тѣмъ, что вытащимъ корабль, безпрестанно готовый потонуть. Представители дворовъ стоятъ прямо и твердо, ибо дѣйствуютъ согласно — громадное благодѣяніе и естественное послѣдствіе совершеннаго согласія между монархами. Мы сильно хлопочемъ около римскаго двора, чтобъ вывести его изъ неподвижности; есть нѣкоторая надежда, что успѣемъ. Немного бодрости и смысла у италіанскихъ правительствъ — и Италія будетъ поставлена внѣ всякой опасности въ настоящую минуту. Во Франціи правительство могло бы сдѣлать много, еслибъ было такъ сильно, какъ должно было бы быть. Великій революціонный очагъ постоянно тамъ въ наибольшей дѣятельности, и средства потушить его — найти чрезвычайно трудно, потому-что главные его агенты служатъ сами въ полиціи. Я сдѣлалъ, въ этомъ отношеніи, значительныя открытія. Послѣднія пренія въ палатѣ депутатовъ отличаются большою горячностью; мнѣ это нравится, ибо, чѣмъ болѣе ожесточенія, тѣмъ болѣе спадаетъ масокъ. Англійское правительство отдаетъ справедливость поведенію монарховъ. Послѣ битвъ, которыя оно дало противъ Троппау, борьба кажется не находитъ новой пищи въ актахъ лайбахскихъ. Британскіе агенты за границею сбиты съ дороги, ибо они никогда не могли хорошо усвоить себѣ сущности вопроса. Шведскій король Карлъ-Іоаннъ становится автоматомъ; кажется, онъ любитъ радикаловъ только на другихъ полуостровахъ. Испанія, эта бездна нечестія, стремится къ неминуемой погибели, ибо, неестественно, чтобъ принципы, которые тамъ проповѣдуются, не погубили государства.

Эти принципы оттуда не выйдутъ. Португалія идетъ по той же дорогѣ, и будетъ имѣть ту же участь».

Результаты дѣятельности тайныхъ обществъ, италіанскія революціи были уничтожены; но не уничтожены были тайныя общества, распространившіяся по всей Европѣ и повсюду имѣвшія одинакія цѣли. Меттернихъ начерталъ ихъ исторію и придумалъ планъ дѣйствія противъ нихъ со стороны правительствъ. Въ исторіи указаны были три главныя эпохи, съ которыхъ идетъ чрезвычайное распространеніе тайныхъ обществъ въ послѣднее время. «Французская революція, при началѣ своемъ, остановила ихъ работу: когда арена была открыта для всѣхъ заблужденій человѣческаго разума и для всякаго рода честолюбій, что могли выиграть адепты въ таинственныхъ сборищахъ? Они всѣ бросились на поприще, которое, льстя мечтамъ ихъ воображенія, открывало имъ возможность блистательно устроить свою судьбу. Такимъ образомъ, революціонныя правительства во Франціи набирались изъ членовъ тайныхъ обществъ, и масонскія ложи опустѣли. Но во время имперіи, когда Бонапартъ поочистилъ администрацію, тайныя общества начали возстановляться. Паденіе Наполеона освободило міръ отъ громадной тяжести, но такъ какъ эта тяжесть лежала одинаково на хорошемъ и на дурномъ, хорошее и дурное одновременно почувствовали себя освобожденными отъ нея, и скоро революціонный духъ пріобрѣтаетъ новыя силы. Организація тайныхъ обществъ во Франціи, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, не восходитъ далѣе 1820 года. Съ 1821 года, прямыя сношенія устанавливаются между революціонерами нѣмецкими и французскими, и въ челѣ первыхъ находятся нѣмецкіе бонапартисты. Самыя значительныя теперь мѣстности Германіи, относительно сосредоточенія революціонныхъ средствъ нѣмецкихъ и французскихъ, суть королевство Виртембергское, городъ Франкфуртъ и нѣкоторые города швейцарскіе. Люди, играющіе въ этихъ мѣстностяхъ главныя роли, суть братья Мургардъ, нѣкоторые франкфуртскіе литераторы и редакторы «Неккарской Газеты». Эта газета подчинена прямому вліянію главнаго комитета въ Парижѣ, и ея главный редакторъ, докторъ Линднеръ, служилъ долгое время дѣятельнымъ агентомъ Бонапарта въ Германіи. До 1820 г., французскіе радикалы имѣли образцомъ свою собственную революцію; но многія попытки поднять массы должны были доказать этимъ людямъ, что подобныя предпріятія теперь уже не представляютъ такой возможности успѣха, какъ въ 1789 году, и вотъ, ихъ вниманіе обратилось на новое средство, употребленное съ успѣхомъ въ Испаніи; и когда то же самое средство въ три дня ниспровергло законное правительство

въ Неаполѣ, то французскіе революціонеры должны были усвоить его, какъ самое дѣйствительное и скорое. Изъ всѣхъ тайныхъ обществъ, самое практическое — это карбонизмъ. Рожденный среди народа мало цивилизованнаго, но страстнаго, карбонизмъ носитъ отпечатокъ характера этого народа; отличаясь впечатлительностью, южный италіанецъ какъ легко воспринимаетъ, также легко и приводитъ въ исполненіе. Цѣль, ясно высказанная въ высшихъ степеняхъ общества; средства къ достиженію цѣли простыя и свободныя отъ метафизическихъ бредней масонства; крѣпкое правленіе въ рукахъ у вождей; извѣстное число степеней для классификаціи членовъ; кинжалъ для наказанія непослушныхъ, нескромныхъ или враговъ — таковъ карбонизмъ, самая совершенная изъ политическихъ сектъ по своей практической организаціи.

«Но какія же средства могутъ правительства противопоставить этому злу? Есть два средства. Во-первыхъ — объединеніе интересовъ самосохраненія. Во-вторыхъ — установленіе центра свиданій. Революціонеры враждебны всѣмъ государствамъ, монархіямъ чистымъ, монархіямъ конституціоннымъ, республикамъ: всѣмъ грозитъ одинакая опасность отъ *уравнителей* (нивелёровъ). Никогда еще не было такого единства между великими тѣлами политическими, какое существуетъ въ два послѣдніе года между Россіею, Австріею и Пруссіею. Заботливо отдѣляя интересъ охраненія отъ интересовъ обыкновенной политики, и подчиняя общему интересу всѣ интересы частные, три монарха нашли настоящее средство поддержать свой святой союзъ и совершить благое дѣло громадной важности. Франція теперь дорого платитъ за мечты, которымъ предавались ея послѣднія правительства; настоящее министерство, кажется, слѣдуетъ по дорогѣ, сближающей его съ принципомъ союза. Англія, по вопросу, насъ занимающему, должна всегда стоять одиноко, ибо никогда ея политика не можетъ совершенно отождествиться съ политикою державъ континентальныхъ. При этомъ тождествѣ политики, существующемъ между тремя сѣверными государствами, существенно важно присоединить къ нимъ и правительство французское. Этого легче достигнуть путемъ фактическимъ, чѣмъ разсужденіями о необходимости этого тождества; а фактическій путь долженъ состоять въ образованіи центра взаимныхъ сообщеній. Такимъ образомъ, пусть императоръ россійскій и король прусскій назначатъ отъ себя по довѣренному лицу въ Вѣну; императоръ австрійскій назначитъ такое же лицо съ своей стороны. Эти три довѣренныя лица составятъ секретный комитетъ, который составитъ центральный пунктъ, куда будутъ стекаться извѣстія. Каждое правитель-

ство съ этою цѣлью, приметъ мѣры для указанія комитету слѣдовъ всѣхъ заговоровъ, которое оно откроетъ. Центральная слѣдственная коммиссія, учрежденная въ Майнцѣ, будетъ продолжать свою дѣятельность, согласно съ единодушнымъ почти желаніемъ всѣхъ членовъ германской конфедераціи. Работы этой коммиссіи будутъ сообщаемы центральному комитету. Австрійское правительство занято теперь составленіемъ коммиссіи италіанской, похожей, по цѣли, на майнцскую, но существенно различной по формамъ: та будетъ составлена изъ членовъ, назначенныхъ всѣми правительствами полуострова. Открытія, сдѣланныя италіанскою коммиссіею, будутъ представляемы также центральному комитету. Будетъ полезно обратиться и къ французскому правительству, чтобъ оно назначило отъ себя довѣренное лицо, для принятія участія въ этихъ занятіяхъ.»

Изобрѣтательность австрійскаго канцлера развивалась въ борьбѣ съ революціонными движеніями. До сихъ поръ, эти движенія выражались въ извѣстныхъ, одинакихъ повсюду, формахъ, и противъ нихъ могли быть употребляемы извѣстныя, одинакія повсюду, средства; противъ революціонныхъ движеній—правительства могли высказать правила охранительной политики, какъ напримѣръ, что извѣстныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ, что не всѣ народы одинаково способны къ принятію тѣхъ или другихъ учрежденій, и т. п. Но въ то самое время, какъ вниманіе правительствъ было обращено на революціонныя движенія на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, на Балканскомъ полуостровѣ обнаружилось явленіе, повидимому, сходное, и австрійскій канцлеръ старается именно заставить смотрѣть на него, какъ на обыкновенное революціонное движеніе; но старанія его остаются тщетными, не смотря на благопріятныя обстоятельства, на сильную поддержку со стороны Англіи: Меттернихъ не можетъ приложить своихъ взглядовъ, своихъ мѣръ—къ греческому возстанію.

С. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

VIII.

ДРЕВНОСТИ МОСКВЫ

И

ИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изд. А. Мартынова. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ издателя. Москва, 1865.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Время Петра I, въ исторіи Москвы, есть время окончательнаго счета съ ея стариною. Отсюда начинается ея новая исторія. Поэтому, отъ новѣйшаго изслѣдованія надобно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, возможно-круглаго, если еще не полнаго отчета о томъ, въ какомъ видѣ, въ какомъ устройствѣ явилась Москва предъ лицомъ всенародной реформы. Очень было бы и умѣстно, и любопытно свести такіе итоги. Но, къ сожалѣнію, изъ массы разнообразныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ было, и что̀ дѣлалось въ Москвѣ въ петровское время, читатель все-таки не получаетъ, въ изслѣдованіи нашихъ авторовъ, никакого опредѣленнаго, отчетливаго понятія, какой именно характеръ приняла съ этого времени исторія города. Онъ не можетъ даже опредѣлить, сколько, напримѣръ, было церквей въ городѣ. На страницѣ XXXVII, какъ и выше, на стр. XXXII (при царѣ

*) См. выше, т. I, отд. II, стр. 367—418.

Михаилѣ), собраны самыя противорѣчивыя цифры, безъ всякого отзыва, какая изъ нихъ справедлива.

Упоминая о свидѣтельствѣ Голикова, что въ Москвѣ при Петрѣ считалось до 300,000 жителей, авторы вовсе не касаются вопроса о числѣ дворовъ; между тѣмъ, давно уже изданъ очень любопытный матеріалъ, вполнѣ уясняющій этотъ вопросъ (Московскія Губернскія Вѣдомости, 1856 г., № 1: «Матеріалы для исторіи Москвы и ея окрестностей»), и которымъ необходимо слѣдовало бы воспользоваться всякому новѣйшему изслѣдователю древностей Москвы. Какъ ни сухъ самъ по себѣ такой матеріалъ, состоящій почти изъ однѣхъ цифръ, но эти цифры весьма драгоцѣнны: въ нихъ воскресаетъ предъ нашими глазами послѣдняя минута старинной Москвы, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ матеріаломъ.

Въ 1701 году, Петръ I въ Ближней канцеляріи собралъ свѣдѣнія, отъ всѣхъ вѣдомствъ управленія, о наличной казнѣ въ деньгахъ, вещахъ и всякихъ другихъ предметахъ и о доходахъ и расходахъ каждаго вѣдомства. По этому случаю, и Земскій приказъ въ Москвѣ составилъ счетъ всѣмъ дворамъ, съ которыхъ собирались мостовыя и другія деньги. Въ поданной имъ въ Ближнюю канцелярію запискѣ значилось:

«По писцовымъ и по переписнымъ книгамъ 187 (1679) и 188 (1680) и нынѣшняго 701 годовъ, въ Кремлѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ и въ Земляномъ и за Землянымъ городомъ дворовъ всякихъ чиновъ людей написано [1]):

	Кремль.	Китай.	Бѣлый.	Земляной.	За Землянымъ.	Итого.
Патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ подворей. .	9	27	38	30	35	139
Соборныхъ протопоповъ, ключарей, поповъ, дьяконовъ, пѣвчихъ, крестовыхъ дьяковъ и приходскихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ. . .	29	119	438	431	219	1,236
Книгъ Печатнаго двора и мастеровыхъ.	—	6	—	—	—	6

[1]) Мы сокращаемъ эту записку и дѣлаемъ общій сводъ ея указаній.

	Кремль.	Китай.	Бѣлый.	Земляной.	За Земля-нымъ.	Итого.
Патріаршихъ дѣтей боярскихъ и Печатнаго двора разныхъ чиновъ	—	—	—	118	—	118
Царевичевыхъ (Грузин. Касим. Сибирск.)	—	2	4	1	1	8
Боярскихъ	3	17	68	45	62	195
Кравчаго	1	—	—	—	1	2
Окольническихъ	—	7	37	18	29	91
Генеральскихъ	—	—	—	3	6	9
Думныхъ дворянъ	—	3	25	16	15	59
Постельничаго	—	—	—	1	—	1
Думныхъ дьяковъ	—	2	10	13	13	38
Стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, вдовъ, недорослей	1	23	954	1,398	455	2,831
Дьяковъ и подъячихъ	—	24	83	90	64	261
Подъяческихъ	—	—	299	837	—	1,136
Дворовыхъ людей, ключниковъ, стряпчихъ, подключниковъ и проч.	—	6	59	559	590	1,214
Нижняго чину дворцовыхъ . .	—	—	16	—	—	16
Конюшеннаго чину	—	—	9	187	278	474
Гостей и гостиной сотни. . .	—	21	49	156	98	324
Разныхъ слободъ посадскихъ людей	—	8	358	3,208	2,670	6,244
Оружейныхъ и пушкарскихъ мастеровыхъ людей	—	—	—	50	—	50
Подвящиковъ и кузнецовъ . .	—	—	—	23	—	23
Живописцовъ, золотописцовъ, станошниковъ, столяровъ и проч.	—	—	—	—	89	89
Денежныхъ, Печатнаго дворовъ мастеровыхъ людей и каменнаго дѣла подмастерей, каменщиковъ, ожигальщиковъ .	—	—	—	—	173	173
Солдатскихъ полковъ начальныхъ людей	—	—	2	36	53	91

	Кремль.	Китай.	Бѣлый.	Земляной.	За земля-нымъ.	Итого.
Генеральнаго писаря	—	—	—	—	1	1
Полковыхъ и ротныхъ писарей и подъячихъ.	—	—	—	—	372	372
Драгунскихъ, пушкарскихъ, зелейщиковъ, рейтарскихъ, солдатскихъ	—	—	—	54	142	196
Иноземцовъ аптекарскихъ и переводчиковъ и толмачей . .	—	—	37	46	3	86
Иноземческихъ кормовщиковъ и торговыхъ и ремесленныхъ людей	—	—	—	—	43	43
Приказныхъ и рѣшоточныхъ сторожей, приставовъ . . .	—	6	24	65	66	161
Боярскихъ людей и крестьянъ государ., оброчн., бояр., архіерейск., монастырскихъ. .	—	1	22	9	637	669
Нищихъ	—	—	—	—	2	2
	43	272	2,532	7,394	6,117	16,358
Такимъ образомъ, изъ общаго числа 16,358 дворовъ въ Москвѣ, принадлежало:						
Духовенству (со включеніемъ разныхъ служебныхъ лицъ Печатнаго двора).	38	152	476	579	254	1,499
Дворянству	5	54	1,098	1,495	582	3,234
Дьячеству	—	24	382	927	64	1,397
Дворцовымъ чиновникамъ и служителямъ	—	6	84	746	868	1,704
Посадскимъ	—	29	407	3,364	2,768	6,568
Мастеровымъ, ремесленникамъ.	—	—	—	73	262	335
Военному сословію	—	—	2	90	568	660
Иноземцамъ.	—	—	37	46	46	129
Городовымъ служителямъ . .	—	6	24	65	66	161
Крѣпостнымъ	—	1	22	9	637	669
Нищимъ	—	—	—	—	2	2

Если къ этому присовокупить измѣреніе окружности городовыхъ стѣнъ, произведенное въ томъ же 1701 году[1]), то получимъ довольно точное, опредѣленное понятіе и о величинѣ старинной Москвы. «А по мѣрѣ Кремля-города и съ проѣзжими воротами и съ глухими башнями $1055\frac{1}{2}$ саж.; по Китаю съ проѣзжими воротами и глухими башнями $1205\frac{1}{2}$ саж.; Бѣлаго города около городовой стѣны и башенъ $4463\frac{3}{4}$ саж.; Землянаго валу съ проѣзжими воротами и проч. 7026 саж. съ $\frac{1}{2}$ арш.» Можетъ быть, эти цифры необходимо повѣрить, но во всякомъ случаѣ онѣ, такъ сказать—документы. Авторы, къ сожалѣнію, и ихъ не приводятъ.

Итакъ, въ этомъ пространствѣ, съ небольшимъ на четырнадцать верстъ въ окружности, помѣщалось, къ 1701 году, 10,241 дворъ. Затѣмъ, 6,117 дворовъ находилось за Землянымъ городомъ, или за чертою Землянаго вала и его деревянныхъ стѣнъ и воротъ, изъ которыхъ въ это время одни были уже каменныя (Сухарева башня). Припомнимъ кстати, что окружность теперешняго камеръ-коллежскаго вала, обнимающаго всю городскую мѣстность, за Землянымъ городомъ, простирается на 32 версты слишкомъ.

Подобные итоги необходимо и весьма возможно было свести и по всѣмъ другимъ вопросамъ, вообще, о состояніи Москвы въ петровское время, начиная съ характеристики ея внѣшняго устройства и оканчивая характеристикою ея внутренней общественной и даже домашней жизни. Этого именно и требовала исторія города въ виду рубежа между его завѣтною стариною и нарождавшеюся заморскою новизною, съ которою, въ той же Москвѣ, шла такая отчаянная борьба, сводились такіе кровавые счеты и разсчеты. Еслибъ историкъ съ точностью подвелъ сказанные итоги, они, быть можетъ, и раскрыли бы, почему реформа искала для себя новаго мѣста не только въ государствѣ, но даже и въ самомъ городѣ. Въ самой Москвѣ образовалась новая столица преобразованія, знаменитый, но теперь совсѣмъ забвенный *Преображенскъ* или Преображенское, о которомъ можно было бы очень многое сказать, и о которомъ авторы, къ великому сожалѣнію, говорятъ только, что въ этой колыбели гвардіи (развѣ одной гвардіи?) устроены Петромъ хамовный и шляпный дворы, лабораторія, сооруженъ новый дворецъ....» (XXXIX); и не указываютъ даже настоящаго мѣста Преображенска—этой царской резиденціи, которая находилась въ старомъ (царя Але-

[1]) «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства», собр. *Ив. Кириловымъ*. М. 1831, стр. 90—94.

В. Государь изволилъ кушать и бояре и всѣ полатные люди [1]).» Самые тріумфальные въѣзды въ Москву совершались уже не въ Кремль, а большею частію въ Преображенское. Въ тамошнемъ дворцѣ или въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта происходило обыкновенно и *тріумфованіе*, торжественное пиршество. Памятникомъ тріумфальныхъ петровскихъ въѣздовъ въ Преображенское остаются до сихъ поръ *Красные ворота*, которые первоначально построены были деревянные на *магистратское иждивеніе*, т. е., на счетъ купцовъ и посадскихъ. Купечество, при каждомъ такомъ случаѣ, возобновляло и укрѣпляло ихъ, и потомъ выстроило каменные. Въ послѣдній разъ, они возобновлены были, также на счетъ купечества, къ коронаціи Елисаветы Петровны. Это заставило, естественнымъ образомъ, просить именитыхъ горожанъ, чтобъ ворота, въ память ихъ усердія, именовались *красными купеческими*, на что и послѣдовалъ высочайшій указъ. Но въ народѣ до сихъ поръ сохранилось только первое ихъ названіе. Во время Петра, они назывались *трехвальными*, т. е., тріумфальными.

Иногда, во время тріумфальнаго въѣзда, государь отъ Красныхъ воротъ отправлялся въ церемоніальномъ порядкѣ прямо въ слободу (Нѣмецкую), наприм., 1702 г. декабря 4, въ тріумфъ по случаю взятія Шлиссельбурга. Не говоримъ о частной жизни Петра, которая въ Москвѣ проводилась въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ, какъ въ мѣстахъ, гдѣ жила вся его компанія, всѣ его друзья, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе свободнымъ. Упомянемъ объ извѣстномъ Рожественскомъ *славленьи*, процессіи и церемоніи котораго совершались, въ теченіе праздника, преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ [2]).

Какъ часть города, въ которой, въ замѣнъ Кремля, болѣе всего приливала въ то время общественная жизнь, слобода съ каждымъ годомъ приходила въ лучшій видъ, обстроивалась, украшалась и распространялась. Русскіе вельможи, сподвижники

---

[1]) Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 105, 144.

[2]) Въ 1737 г., изъ *славленыхъ вещей* въ казнѣ еще сохранялись: «Евангеліе, въ немъ шесть скляницъ стеклянныхъ, четыре жестянки, ветхи. Апостолъ, въ немъ, въ верхнемъ ярусѣ 52, въ нижнемъ 25 скляницъ, въ томъ числѣ одна разбита—ветхъ и гнилъ. Три шапки жестяныя славленыя, измяты и изоржавѣли. Два подсвѣчника деревянные, трубки жестяные съ крышки, изломаны. Чашка мѣдная въ деревѣ, въ которой жгли вино. Кресла съ верхомъ, въ чемъ во время Славленья носили князь-папу, обиты кожею, всѣ изломаны. (Вѣдомости 1737 г. о томъ, что сгорѣло и что осталось послѣ пожара.) Въ Оружейной Палатѣ до сихъ поръ сохраняется большой деревянный, рѣзной, золоченый ящикъ, устроенный въ видѣ книги съ разгороженными мѣстами внутри для скляницъ и съ изображеніемъ, на исподней сторонѣ кровли, пьяной вечери (быть можетъ портретно), а на наружной, рѣзного золоченаго Бахуса на бочкѣ.

Петра, селились также или въ самой слободѣ или вблизи ея: дворецъ Меншикова находился въ ближайшемъ селѣ Семеновскомъ; домъ Головина — противъ самой слободы за Яузою; въ слободѣ былъ домъ Лефорта, построенный въ итальянскомъ вкусѣ и убранный весьма великолѣпно. По смерти Лефорта, домъ этотъ перешелъ къ государю и получилъ значеніе царскаго дворца. Впослѣдствіи, Петръ увеличилъ его новыми постройками, что видно изъ его письма въ Москву, во время шведской войны, въ 1707 г., когда начавшееся укрѣпленіе Москвы произвело въ жителяхъ не малый страхъ. Лефортовскій домъ былъ первымъ основаніемъ здѣшнихъ, яузскихъ, императорскихъ дворцовъ. Точно также къ государю перешелъ и головинскій дворецъ за Яузою, стоявшій противъ лефортовскаго. Государь купилъ его у наслѣдниковъ въ 1723 г., и повелѣлъ выстроить тамъ деревянный дворецъ и развести по берегу Яузы садъ. Въ то же время, здѣсь были вырыты пруды и подлѣ Яузы каналы, а садъ разбитъ (садовникомъ Брантгофтомъ или Брантовымъ, какъ его звали порусски) до самой рѣки, такъ-что соединился съ садомъ Лефортовскимъ. Въ 1724 г., Петръ самъ лично осматривалъ этотъ садъ и приказалъ воду въ Яузѣ и каналахъ «содержать по препорціи съ брусьями (т. е. бревенчатыми берегами) нà-ровень», для чего дана была мѣра и наказъ содержателю яузской площильной мельницы, Меэру. По всему замѣтно, что память о Лефортѣ и Головинѣ не остывала у государя и, можетъ быть, потому самому ихъ домы, гдѣ въ первое время онъ такъ часто посѣщалъ своихъ любимцевъ, перешли въ царскую собственность. Послѣ Петра, и головинскій и лефортовскій домы сдѣлались постояннымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности, для исторіи Москвы очень любопытныя, и скажемъ вообще, что съ Петра эта мѣстность получила очень важное значеніе въ общественной жизни Москвы. Впослѣдствіи, головинскій дворецъ сдѣлался главнымъ императорскимъ дворцомъ въ Москвѣ. Во время высочайшихъ пріѣздовъ, въ немъ и во дворцѣ лефортовскомъ всегда останавливался дворъ, а это было очень важно для окружныхъ мѣстъ, для Нѣмецкой слободы особенно, и даже для тѣхъ улицъ, которыя вели сюда изъ центра города. Само собою разумѣется, что всѣ знатныя фамиліи того времени, по необходимости, селились въ этой сторонѣ, въ сосѣдствѣ дворца, или въ Нѣмецкой слободѣ, или на пути къ Яузѣ, по улицамъ Мясницкой, Покровкѣ, Старой и Новой Басманнымъ, на Разгуляѣ, на Гороховомъ полѣ, и проч. Отъ того, можетъ быть, ни въ одномъ кварталѣ Москвы вы не замѣтите въ постройкахъ такого барскаго характера, ко-

торый видѣнъ здѣсь почти на каждомъ шагу. Огромные каменные дома, съ широкими дворами, неизмѣримыми садами, прудами и т. п., поступившіе теперь или подъ учебныя и другія заведенія, или въ руки купечества, до сихъ поръ еще остаются краснорѣчивыми свидѣтелями прежняго барскаго широкаго житья, прежняго цвѣтущаго состоянія этой московской мѣстности, нѣкогда шумной и оживленной, а нынѣ, большею частью, безмолвной, подобно другимъ удаленнымъ мѣстамъ: здѣсь жили Салтыковы у Салтыкова моста, впослѣдствіи—домъ архіерейскій; Бестужевы—подлѣ лефортовскаго дворца; Головины—на Басманной у Петра и Павла; Остерманы—у Красныхъ воротъ; Разумовскіе—на Гороховомъ полѣ; Мусины-Пушкины — на Разгуляѣ; Демидовы — на Гороховомъ полѣ и въ новой Басманной; Куракины — на обѣихъ Басманныхъ; въ Нѣмецкой слободѣ: Брюсъ, Чеглоковы, графы Орловы, графы Ефимовскіе, Апраксины, Скавронскіе, Безбородко, Нарышкины; на Покровкѣ — Румянцовы-Задунайскіе, и проч. Постоянное пребываніе въ этихъ мѣстахъ «стольких ъ знатныхъ персонъ» придавало особый оттѣнокъ и остальному населенію. Здѣсь, по преимуществу, жило высшее, лучшее, образованное общество Москвы; слѣдовательно, здѣсь же мы должны искать и все то, что̀ должно было отвѣчать потребностямъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ по преимуществу сосредоточивались въ то время всѣ заведенія, лавки, магазины иностранцевъ, посвящавшихъ свои знанія и занятія на пользу или удовольствіе московскихъ баръ. Въ теченіе бо̀льшей половины XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была для Москвы тѣмъ же, чѣмъ съ конца XVIII столѣтія и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія сталъ Кузнецкій мостъ, — эта уже французская колонія, явившаяся на смѣну нѣмецкой, — явившаяся, вообще, выраженіемъ французскаго вліянія на нашу общественность, смѣнившаго вліянія нѣмецкое или, правильнѣе — голландско-остзейское.

Ограничимся сказаннымъ, ибо, для характеристики остального въ трудѣ нашихъ авторовъ, полагаемъ, будетъ весьма достаточно изложенныхъ выше указаній. Дальше идутъ страницы, на которыхъ такимъ же образомъ пересказываются, вообще, свѣдѣнія о событіяхъ, указахъ, разныхъ случаяхъ, безъ всякой общей мысли, безъ всякого единства въ изложеніи, такъ-что очень трудно и даже совсѣмъ невозможно усвоить себѣ изъ всего этого матеріала какое-либо цѣльное, сколько-нибудь связное представленіе объ исторіи Москвы въ XVIII столѣтіи, о томъ, ка̀къ она постепенно измѣняла свой древній видъ, свою внутреннюю городскую жизнь, свой старый порядокъ жизни, свой нравъ

и обычай. Авторы заключають повѣствованіе, сравнительно, чрезвычайно обширнымъ разсказомъ о 12-мъ годѣ.

Розысканія о московскихъ урочищахъ авторы начинаютъ съ библіи, и даже съ книги Бытія. Оказывается, что «участки земли, запечатлѣнные особеннымъ прозваніемъ, составляли (?) урочища». Это простое и вѣрное объясненіе загромождается, однакожъ, послѣдующими разсужденіями такъ, что въ концѣ мы получаемъ объ урочищѣ понятіе самое сбивчивое. Филологическое разсужденіе (стр. 3) указываетъ, что «отъ *урока* произошло и *урочище*, что нарощеніе этого окончанія выражаетъ что-либо бывшее на какомъ-либо мѣстѣ, урочище, — значитъ, гдѣ *былъ урокъ*, какимъ обложено было (?) самое мѣсто». Но что̀ такое былъ этотъ *урокъ*, авторы не объясняютъ, а, вмѣсто того, разсказываютъ, что въ Сибири урочище именуется *урѣчищемъ*, отъ того, что обыкновенною межей, предѣломъ служатъ рѣки, производя, такимъ образомъ, это слово отъ рѣки, и забывая, что приведенное ими же, нѣсколько строкъ выше, областное слово *уречь* значитъ околотокъ, приходъ, — что, стало быть, уречище скорѣе всего можетъ происходить отъ этого *уречь*. Дальше, авторы говорятъ, что у южныхъ славянъ урочищами называютъ городища, у болгаръ — мѣста, гдѣ нѣкогда была церковь, что это послѣднее значеніе урочища сближается и съ нашимъ, потому-что у насъ большая часть церквей пріурочивается къ извѣстнымъ мѣстностямъ (т. е., по просту, онѣ стоятъ на извѣстныхъ урочищахъ). Затѣмъ слѣдуетъ довольно смутное объясненіе, что̀ значило урочище въ русскомъ мірѣ. «Въ книгѣ «Большаго чертежа» мѣста̀ въ городахъ и поляхъ обозначаются по ихъ признакамъ и именамъ *призначными* и *именными* (?). Поэтому, собственно, урочище въ русскомъ мірѣ почти то же, что̀ *прозвище какого-либо участка земли* и *самый участокъ*. Въ такомъ прозвищѣ часто заключается глубокій смыслъ, отголосокъ доисторическихъ и печать историческихъ временъ, точное опредѣленіе мѣстности. Какъ съ правомъ обладанія неразлучны и обязанности, то въ нареченіи имени участкамъ земли видно не одно опредѣленіе, но и *обязательная сторона*». О чемъ хотѣли сказать авторы словами, обозначенными здѣсь курсивомъ, трудно объяснить. Затѣмъ урочища дѣлятся на *естественныя* и *искусственныя*, на *уѣздныя*, входящія въ *объемъ* уѣзда, и *городскія*, заключающіяся въ *объемѣ* города. Раздѣленіе странное! Подъ естественными авторы разумѣютъ собственно *живыя* урочища, которыя такъ бы слѣ-

довало и назвать; подъ искусственными: «ровъ, городище, валъ, острожекъ, просѣкъ, наконецъ, значительные по чему-либо *дворы* и *домы* (!) и образовавшіяся изъ урочищныхъ мѣстъ улицы, переулки и тупики. Урочище, какъ родовое понятіе, подчиняетъ себѣ происшедшія отъ него улицы съ крестцами и площадями, слободы, также *географическія* и *статистическія* данныя» (стр. 5). Не можемъ понять, что̀ хотѣли сказать авторы, указывая эти *данныя*. Дальше: уѣздныя урочища «принимались въ значеніи мѣстъ, какъ видно изъ книги (какой?) царя Ивана Вас. 1571 г., гдѣ отмѣчено, что въ урочищахъ на полѣ стояли на сторожахъ станичные головы, вожи и станичники на крымскихъ и ногайскихъ сонмахъ (чит. сокмахъ)». Но какія же урочища принимаются не въ значеніи мѣстъ. Сами авторы уже рѣшили, кажется, что урочище — мѣсто, запечатлѣнное особеннымъ прозваніемъ. Степныя или *польскія* урочища, извѣстныя по сторожевой и станичной, пограничной, службѣ, лучше всего это и подтверждаютъ, и странно видѣть, что объ нихъ-то именно и упомянуто какъ-то вскользь, тогда какъ-сколько-нибудь внимательное обозначеніе ихъ смысла могло бы принести большую пользу въ разрѣшеніи вопроса — что̀ должны мы признавать урочищемъ въ собственномъ смыслѣ? Такая темнота и сбивчивость понятій объ урочищѣ приводитъ авторовъ къ тому, что они смѣшиваютъ собственно урочище съ церковью, которая стоитъ на урочищѣ, такъ-что, вмѣсто урочищъ, предметомъ ихъ розысканій становятся уже церкви. Они говорятъ: «Городскія урочища, подобно уѣзднымъ, не имѣютъ опредѣленной величины, ограничиваются или *одною только церковью съ ея погостомъ*, такъ-называемымъ *монастыремъ*, или всѣмъ ея приходомъ, или *особою мѣстностью* безъ церкви на ней» (стр. 6). Но эта особая мѣстность, въ сущности, самое урочище, все-таки непонятна для авторовъ безъ отношенія къ церкви. Они спѣшатъ объяснить (не слишкомъ складно), что «на особенныхъ участкахъ земли въ городѣ, отмѣченныхъ особеннымъ названіемъ, хотя уже и нѣтъ пріуроченныхъ къ нимъ церквей, но они входятъ въ объемъ одного изъ шести сороковъ, напр. *Моховая*, *Балчугъ*, *Болото*, *Балканъ*», и проч. Чтожъ изъ того, что урочища входятъ въ составъ церковныхъ округовъ или сороковъ? Они вѣдь входятъ и въ составъ частей города по древнему ѐго распредѣленію (Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной), и въ составъ полицейскихъ частей по нынѣшнему распредѣленію. Но дѣло въ томъ, что авторы какъ бы не представляютъ себѣ возможности, что урочище существовало само по себѣ, само для себя; они, повидимому, думаютъ, что церковь только и даетъ смыслъ уро-

чищу, что она-то и есть ядро урочища. Вообще должно замѣтить, что во всемъ разсужденіи объ урочищахъ, мысль о церквахъ господствуетъ надъ мыслью собственно объ урочищахъ, и приводитъ къ нѣкоторымъ несообразностямъ, какъ увидимъ ниже.

Говоря объ урочищахъ, но думая о церквахъ, авторы продолжаютъ: «Какъ въ одномъ урочищѣ иногда заключается по нѣскольку церквей, такъ и къ одной церкви принадлежитъ по нѣскольку урочищъ. Сколько храмовъ найдете въ *объемѣ* урочищъ Арбатъ, Остожье — нынѣ Остаженка, Черторье — нынѣ Пречистенка, Кисловка, Кулижки, Сущово, Срѣтенка съ урочищемъ Пушкари, къ коему присвоиваются двѣ церкви: Спаса Преображенія и преп. Сергія. Къ Козихѣ, или Козьему болоту, въ XVII вѣкѣ приписывались три церкви, въ немаломъ, одна отъ другой, разстояніи: св. Спиридонія, Ермолая и Власія (?)». Но чтожъ изъ этого? Вѣдь, то же можно сказать и объ улицахъ. Однимъ словомъ, какое значеніе для урочища имѣетъ та или другая церковь, что̀ выясняетъ церковь въ отношеніе урочища? Она, какъ памятникъ, болѣе другихъ долговѣчный, сохраняетъ только долгое время память объ имени урочища. Она своимъ именемъ даетъ иногда имя мѣсту, стало быть, даетъ этому мѣсту значеніе урочища. Вотъ, отношеніе церкви къ урочищу. Но, во всякомъ случаѣ, урочище существуетъ независимо отъ церкви, существуетъ само по себѣ, на что̀, намъ кажется, и слѣдовало обратить вниманіе. На урочищѣ можетъ стоять и церковь и нѣсколько церквей, и ворота, и башня, и т. д., можетъ стоять всякій памятникъ. Но всѣ такіе памятники будутъ предметами побочными, сторонними; главнымъ же, о которомъ должна идти рѣчь, останется все-таки урочище. Такимъ образомъ, было бы соотвѣтственнѣе съ дѣломъ, вмѣсто церквей, поставить на первый планъ самыя урочища и не задвигать ихъ разсужденіями, собственно, о нахожденіи церквей на такихъ или другихъ урочищахъ, не ставить урочища какимъ-то придаткомъ только однѣхъ церквей. Но мы уже упомянули, что авторы, говоря объ урочищахъ, постоянно думаютъ только о церквахъ. Очевидное тому доказательство они предлагаютъ въ одномъ изъ общихъ своихъ замѣчаній объ урочищахъ, именно въ § 6 (стр. 11). «Смотря по тому, говорятъ они, *находится ли урочище на возвышеніи или въ углубленіи*, имя его сочиняется съ предлогами *на*, *въ* и *подъ*, напр.: *на* Бору и *подъ* Боромъ, *на* Псковской горѣ и *въ* Лужникахъ, *на* Пескахъ и *въ* Садѣхъ. Впрочемъ, употребляется и безразлично: *на* и *въ* Хлыновѣ, *на* Поляхъ и *въ* Поляхъ, даже *у* Поль, *въ* Столпахъ, *на* Столпѣ». Здѣсь, вмѣсто слова: *урочище*, слѣдуетъ поставить слово—*церковь*, и тогда все объяснится надлежащимъ образомъ.

Извѣстно, что имя урочища никогда не требуетъ для своего прямого указанія какого либо предлога. Оно выговаривается просто: Боръ, Псковская гора, Лужники, Пески, Сады, Поле, Поля и т. д. Но, разумѣется, когда потребуется обозначить мѣстность церкви, или жилища, то являются, по необходимости, и предлоги. Такъ-какъ авторы разсуждаютъ главнымъ образомъ о церквахъ, а не объ урочищахъ, то и понятно, что они сочиняютъ ихъ имена съ предлогами даже и въ § 5 своихъ общихъ заключеній, стр. 10, гдѣ указывается, что «названія многихъ урочищъ, *прежде* употреблявшіяся въ единственномъ числѣ, *нынѣ* употребляются во множественномъ.... Спасъ *на Глинищѣ*, на Глинищахъ, Всѣхъ Святыхъ *на Кулижкѣ*, на Кулижкахъ, ц. св. Николая *на Столпѣ*, *въ Столпѣ*, *у Столпа* — въ *Столпахъ*, на *Столпахъ*», и т. д. Нельзя только ограничивать такое употребленіе обозначеніемъ *прежде* и *нынѣ;* равнымъ образомъ и, въ свое время, урочища нерѣдко обозначались и единственнымъ и множественнымъ числомъ.

Не отдѣливъ понятія объ урочищѣ отъ понятія о церкви, стоящей на урочищѣ, авторы, естественно, должны были причислить къ урочищамъ всякій памятникъ, всякое зданіе, служившее простымъ обозначеніемъ, т. е., указаніемъ мѣста. «Въ значеніи урочищъ, говорятъ они, нерѣдко *принимаются* (кѣмъ и гдѣ?) не одна только поименная мѣстность, не одинъ участокъ земли, *какъ основаніе всѣхъ отношеній владѣльца къ общинѣ* (рѣшительно недоумѣваемъ, для чего здѣсь эта фраза, и что̀ она хочетъ объяснить), но и самыя замѣчательнѣйшія зданія и даже мѣста, кои прежде они занимали, служатъ пріурочкою другимъ, съ ними смежнымъ (стр. 9). Къ числу послѣднихъ отнести должно въ Москвѣ: городскія ворота, башни, мосты, старыя и бражныя тюрьмы, бывшія въ Китаѣ и Бѣломъ городахъ, Кремлевскіе застѣнки, Лобное мѣсто, осадные дворы, подворья монастырскія и купеческія, убогіе домы, богадѣльни, бани торговыя, кружала, или кружечныя избы, кабаки и истеріи. Однѣ изъ нихъ донынѣ существуютъ, другія извѣстны по названіямъ, какъ урочищныя мѣста». Съ этой точки зрѣнія, каждый домъ, носящій имя своего владѣльца, будетъ урочищнымъ мѣстомъ, каждая постройка или другой какой предметъ во дворѣ каждаго дома будетъ также урочищнымъ мѣстомъ; выраженія: у воротъ, въ саду, у колодца и т. п., развѣ это не урочищныя обозначенія, развѣ это не одно и то же, что у бражныхъ тюремъ, у Колымажнаго двора, у Сухаревой башни, у Суконныхъ бань, и т. д.? При означеніи мѣста церквей упоминаются нерѣдко дворы, мосты, тюрьмы, подворья, богадѣльни и т. п. Но развѣ эти дворы, мосты и проч.—все уро-

чища? Такимъ образомъ, потерявъ изъ виду настоящее значеніе, настоящій смыслъ урочища, авторы стали почитать урочищемъ всякое собственное имя, какое только встрѣчали въ извѣстіяхъ о мѣстоположеніи или о прозваніи церкви и, какъ упомянуто, вмѣсто изслѣдованія объ урочищахъ, ведутъ изслѣдованіе, собственно, о церквахъ. Это очевиднѣе всего раскрывается въ собранномъ *текстѣ* урочищъ или въ ихъ спискѣ, которому авторы даютъ заглавіе: «*Московскія урочища въ хронологическомъ отношеніи*», и дѣлятъ его на два отдѣла, помѣщая въ первомъ отдѣлѣ *древнія урочища*, до XVII ст., а во второмъ — *старыя и новыя*, *отъ XVII до XVIII вѣка*. Первый отдѣлъ разбивается, сверхъ того, на XII параграфовъ, по раздѣленію города на Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной, за Землянымъ, Заяузье, Замоскворѣчье. Второй отдѣлъ также разбивается на семь частей: Кремль и шесть сороковъ церквей.

Въ Кремлѣ авторы насчитываютъ 18 урочищъ древнихъ, до XVII ст., да 14 старыхъ и новыхъ, отъ XVII ст. Пространство Кремля извѣстно, и мы думаемъ, что каждый, кто бывалъ въ немъ, очень подивится такому числу кремлевскихъ урочищъ. Если урочище происходитъ отъ слова *урокъ* и означаетъ уреченное, названное, обозначенное, указанное мѣсто, если оно въ нарощеніи своего окончанія: *ище*, заключаетъ смыслъ или понятіе не о вмѣстимости или совокупности предметовъ или о чемъ-либо бывшемъ на какомъ-либо мѣстѣ, какъ толкуютъ авторы (стр. 3), а вообще о *пространствѣ*, какъ городище, пожарище, становище, усадище и проч., то сколько же такихъ пространствъ, отличенныхъ особымъ именемъ, можетъ существовать по всей площади Кремля? Простое разумѣніе можетъ остановиться на урочищѣ *Боръ* (Спасъ на Бору, Боровицкія ворота), можетъ припомнить древнѣйшее имя этого урочища *Московъ*, рекше *Кучково*, которое, однакожъ, не попадаетъ у авторовъ въ число урочищъ. Простое разумѣніе можетъ, пожалуй, причислить къ урочищамъ мѣстности Кремля, № 2, *подъ горою, подолъ*, площадь посреди Кремля, №№ 3, 4, 6, 8; но оно едва ли съумѣетъ объяснить себѣ такія урочища, какъ Ярославовъ дворъ (котораго не было, а былъ *Ярославичскій дворъ*), № 4; приказы, верхнія Тайницкія ворота (что относится уже къ XVII вѣку), № 5; государевъ дворъ, царскія сѣни, царскую казну, казенный дворъ, № 6; митрополичій дворъ, дворъ святителя Петра, № 7; подъ колоколами, т. е. собственно въ зданіи колокольни, № 8; дворецъ, сѣни, № 9, 10; Фроловскія ворота, Кирилловское подворье, Вознесенскій монастырь, дьячьи палаты, № 11; симоновскій дворъ, № 12; троицкій дворъ, подворье, старый Борисовъ дворъ (Году-

нова), № 13; угрѣшскій дворъ, городъ (какъ стѣна), № 14; патріаршій дворъ, сѣни царицы Натальи Кириловны (XVII ст.), № 15; ховринъ дворъ, № 16; труба каменная для стока нечистой воды, № 17; наконецъ, Чудовъ монастырь, № 18. Вотъ, текстъ древнихъ урочищъ Кремля. Разсудительный читатель можетъ спросить, почему же въ этотъ счетъ не попали другія древнія урочища, т. е., имена дворовъ, зданій, которыя существовали въ Кремлѣ въ тѣ же времена, напр.: Свиблова стрѣльница (1488 г.), безъ сомнѣнія, подлѣ двора боярина *Свибло*, Беклемишева стрѣльница (1487 г.) у двора Беклемишева, гдѣ сидѣлъ въ оковахъ Тривизанъ въ 1473 г.; Гавшинъ дворъ (1368), дворъ Юрья Патрекѣевича (1446 г.), дворъ Шемякинъ, дворъ Поповкѣнъ (1446 г.), Носовъ дворъ (1470 г.) Тимоѳеевскія ворота (1476 г.), Чишковы ворота. А сколько дворовъ и мѣстъ упомянуто въ духовныхъ граматахъ князей XIII—XV ст.! Почему же всѣ *такія* урочища не собраны сюда же? Отвѣтъ одинъ: потому, что эти урочища не обозначаютъ своими именами мѣстности какой-либо церкви, потому, что для авторовъ вопросъ о церквахъ—вопросъ преимущественный. Урочища, хотя бы домы и дворы, важны для нихъ только, какъ придатокъ церкви. Но и съ этой точки зрѣнія, ихъ списокъ древнихъ урочищъ оказывается также неполнымъ. Они пропустили: церковь Николы *Льняного*, Гостунскаго, церковь Георгія, что у *Фроловскихъ воротъ* (каменная построена въ 1527 г.); ц. Воскресенія *на площади* (1532 г.); ц. Рождества Христова у *Мстиславскаго двора* (1552 г.), Вознесенія Христова (монаст.), что въ *Старомъ въ Большомъ городѣ у Фроловскихъ воротъ* (1584 г.); также монастырь Чудовъ, на мѣстѣ ханскаго конюшеннаго двора. Кромѣ того, не вездѣ полонъ текстъ урочищъ или мѣстныхъ указаній и при обозначенныхъ церквахъ. Такъ, Спасъ на Бору, обозначался еще: *на Дворцѣ, что на Большомъ дворцѣ* (1584 г.); цер. Рождества Іоанна Предтечи, № 7, обозначалась: *что за Дворцомъ у старыхъ конюшенъ, у стараго конюшеннаго двора, у конюшенъ за дворцомъ у Боровицкихъ воротъ* (1584 г.), *противъ Аргамачьей конюшни, у Государевой большой конюшни,* и т. п.; ц. Аѳанасія и Кирилла, № 11, *что у Мстиславскаго двора* (1584 г.); церковь Введенія, № 12—*что на Князь Юрьевскомъ дворѣ* (1584 г.).

Но послѣдуемъ за авторами къ старымъ и новымъ урочищамъ Кремля, т. е., извѣстнымъ съ XVII столѣтія. Здѣсь первымъ урочищемъ является церковь Рождества Христова *въ горахъ* у Ивановской колокольни. Авторы не одинъ разъ упоминаютъ въ своей книгѣ, что мѣстность Кремля значительно из-

мѣнилась въ теченіе вѣковъ, что, первое его будто бы *планированіе* началось еще въ концѣ XV вѣка (стр. 88). Стало быть, извѣстіе *о горахъ* на кремлевской возвышенности скорѣе всего можно было бы встрѣтить въ спискѣ *древнихъ* урочищъ до XVII столѣтія. Какъ же случилось, что горы явились у Ивановской колокольни въ половинѣ XVII столѣтія, между тѣмъ, какъ въ предъидущіе вѣка на этомъ именно мѣстѣ значится *площадь* (Іоанна Лѣствичника на площади)? Ссылка указываетъ на рисунки къ путешествію Мейерберга въ 1661 — 1662 годахъ, гдѣ на планѣ Москвы обозначена эта церковь цифрою *3*, помѣщенною на самомъ зданіи, такъ-называемой, Филаретовской пристройки къ Ивановской колокольнѣ, гдѣ висятъ самые большіе колокола. Въ 1661 году, эта церковь именовалась *Рожество подъ колоколы* и находилась въ самомъ зданіи этой колокольни. Помѣщеніе этой церкви *подъ колоколами* относится къ 1555 году. Дѣло было такъ: въ 1532 году, была заложена церковь Воскресенія возлѣ «Иванъ Святый подъ колоколами». Въ 1552 году, ее додѣлали окончательно. Это было основаніемъ, такъ-называемой впослѣдствіи, Филаретовской пристройки къ Ивану Великому. Въ 1555 году, царь и митрополитъ въ ту же церковь (Воскресенія) перенесли Рождество Христово *отъ Мстиславскаго двора* (см. выше), и соборъ уставили. (И. Г. Р., т. VIII, пр. 153). Въ XVII столѣтіи; этотъ соборъ именовался еще Воскресенскимъ, что̀ подъ колоколами (1669 года). Почему Мейербергъ обозначилъ ее *въ горахъ* — неизвѣстно; быть можетъ, это ошибка, описка писца или переводчика. Требовалось все-таки сдѣлать какое-либо розысканіе. Дворъ Мстиславскаго стоялъ на окраинѣ нынѣшняго плацъ-парада, надъ горою; такимъ образомъ, церковь у этого двора могла стоять въ горѣ и, перенесенная на новое мѣсто, могла сохранить свое старое обозначеніе; но это все только предположенія, требующія фактическаго утвержденія. Второе урочище: Рождество Богородицы *на каменной трубѣ*, обозначено было уже, хотя и не на своемъ мѣстѣ, въ числѣ древнихъ, № 17, съ ссылкою на тотъ же источникъ: Строильн. кн. 1626 года. Мы можемъ сообщить авторамъ, что объ этой церкви съ придѣломъ Сергія чудотворца упоминается, въ 1616 году, съ обозначеніемъ: *позади Николы Гостунскаго*, а въ 1626 году: позади Николы Гостунскаго, *что на боярскомъ, на Василья Петровича Морозова дворѣ*. Затѣмъ идутъ урочища: на патріаршемъ дворѣ, № 3; на дворѣ Милославскаго, на Потѣшномъ дворѣ, въ Потѣшномъ домѣ, № 4; на сѣняхъ за золотою рѣшеткою, № 5; на сѣняхъ вверху у царевенъ, *противъ*

Потѣшнаго дворца[1]), № 6; на сѣняхъ № 7, 8; на дворѣ кн. Трубецкаго, № 9; у государева новаго запаснаго дворца, у Троицкаго подворья, № 10; у Чудова монастыря, противъ стараго Борисова двора, № 11; у Чудова за конюшеннымъ дворомъ, № 12; на житномъ дворѣ у Благовѣщенскихъ воротъ, № 13; противъ Одоевскаго двора у Никольскихъ воротъ, № 14.

Такимъ образомъ, всѣ эти древнія, старыя и новыя урочища, въ сущности, суть только указанія мѣстности церквей. Послѣдуемъ въ Китай-городъ, въ которомъ авторы обозначаютъ 19 урочищъ древнихъ и 23 урочища старыхъ, т. е., съ XVII столѣтія. Древнѣйшими урочищами Китай-города съ сѣверной стороны были *Пески* (Спасъ старый, Заиконоспасск. м.). Затѣмъ, къ Бѣлому городу—*Кучково поле* (Троица старыхъ поль); къ востоку—*Глинище* (Грузинская Богородица); къ югу, къ Москвѣ-рѣкѣ—*Болото*, также *Мокрое* (Зарядье), надъ которымъ возвышается взгорье (гора Псковская). Впослѣдствіи, разселившійся здѣсь посадъ образовалъ, къ юговостоку, *острый конецъ*, перемѣнившій это имя на *уголъ*, когда выстроены были городовыя стѣны. Съ запада, *торгъ* отдѣленъ былъ отъ Кремля *Красною площадью* и *рвомъ*, получившимъ значеніе урочища, обозначавшаго мѣстность церквей; онъ былъ проведенъ изъ Неглинной въ Москву-рѣку, вдоль кремлевской стѣны. Подлѣ него стояло нѣсколько церквей, *на рву*, и въ томъ числѣ Василій Блаженный (Троица, Покровъ) на рву, но никакъ не *подъ горою*, какъ отмѣтили авторы. Всякому видно, что Василій Блаженный стоитъ на горѣ, служащей продолженіемъ горы Кремлевской, и никогда не обозначался: *подъ горою*. Подъ горою обозначались тѣ мѣста подлѣ этой церкви, которыя дѣйствительно и были подъ горою, ниже ея, къ Москвѣ-рѣкѣ. Покровъ обозначался: на рву по конецъ Фроловскаго мосту, на рву у Фроловскихъ воротъ (1584 г.).

Крестцы или уличные перекрестки Никольскіе, Ильинскіе, Варварскіе также дали свое обозначеніе нѣсколькимъ церквамъ, стоявшимъ подлѣ нихъ: №№ 3, 6, 7, 9, 10, а также №№ 11 и 12 церкви Воскресенія и Максима, которыя обозначались: что̀ на Варварскомъ крестцѣ, о чемъ авторы не упоминаютъ. Такое же обозначеніе мѣстности церквей дали: *торгъ* (ряды), № 6; панскій дворъ — въ Панѣхъ, въ Паньѣ, № 13 и № 12, 14; Гостиный дворъ, Ковчинъ дворъ, Микитниковъ дворъ и подворья разныхъ монастырей, № 14 — 22 (стр. 42). Самыя

[1]) Церкви Спаса и Успенія никогда не стояли *противъ* Потѣшнаго дворца. Онѣ стояли близъ дворцовыхъ Куретныхъ воротъ, почти противъ Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ. Откуда авторы взяли это обозначеніе — неизвѣстно.

церкви имѣли нерѣдко прозванія: Никола старый, Большая голова, Спасъ старый, Никола большой крестъ, Красный звонъ, Красные колокола, и т. п. Всѣ такія прозвища должно ли принимать за урочища? Другое дѣло, если прозвище церкви переходитъ въ прозвище всей окружной мѣстности, напримѣръ, Пятница Божедомка, и т. д.; тогда эта мѣстность, по необходимости, принимаетъ смыслъ урочища, является уреченною мѣстностью. Но подобныя прозвища цѣлыхъ мѣстностей происходили гораздо чаще не отъ церквей, а напр., отъ фартинъ, или подревнему—кружалъ, а по-новому питейныхъ домовъ; таковы: Разгуляй, Плющиха, Варгуниха, Козиха, Зацѣпа, Щипокъ, Подвязки, Подберезки, и т. д. Нельзя же и въ самомъ дѣлѣ принимать за урочища—обозначенія: у воротъ, у тюремъ, у золотой фабрики, у двора, противъ воротъ, за биржею, въ переулкѣ, на подворьѣ, у моста, у стѣны, подъ вязомъ, подъ горою, и т. п., и даже на *вымлѣ*, № 8—слово, настоящее значеніе котораго авторы недостаточно выяснили. Они, стр. 96, толкуютъ его *вымоиною*. Указаніе городской мѣстности: *вымлъ*, изъ одного корня со словомъ: *вымя*,—означало, вообще, выдвинувшуюся, выдавшуюся на улицу или на площадь часть построекъ, напримѣръ, рядовъ или домовъ, или, вообще, выдавшуюся часть уличной межи. При большой неправильности въ расположеніи старинныхъ московскихъ строеній и улицъ, подобныхъ *вымловъ* на каждой улицѣ могло быть довольно, а особенно ихъ было много въ торговыхъ рядахъ Китай-города. При обозначеніи мѣстъ тамошнихъ лавокъ, это слово часто употреблялось, напримѣръ: *лавка на вымлѣ* на оба лица, на четыре затвора, по конецъ кафтаннаго ряду; *лавка на вымлѣ* серебрянаго ряду, и т. п. (Окладныя книги земскаго приказу 202 и 207 г.). Или объ улицахъ: въ Кадашовѣ у Воскресенья Христова въ приходѣ, въ Алымовѣ переулкѣ *съ вымла* отъ Ордынскіе улицы. (1631 г.). Въ томъ же самомъ смыслѣ слово *вымолъ* употребляетъ Русская Правда въ статьѣ «о городскихъ мостѣхъ» (мостовыхъ), гдѣ она распредѣляетъ поплату за мостовыя: «отъ нѣмецкаго вымола нѣмцемъ до Иваня вымола, отъ Иваня вымола Готамъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола огнищанамъ до Будитина вымола, ильинцамъ до Матеева вымола...» Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о такихъ признакахъ улицъ, которые служили наиболѣе виднымъ указаніемъ границы мостовыхъ, а такою границею въ дѣйствительности представлялась выпускная, выдающаяся часть уличныхъ построекъ, *вымя* или *вымлъ*, обозначавшій въ то время раздѣлы уличнаго пространства, а вовсе не то, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ авторы.

Однакожъ, въ Китай-городѣ, церкви Рождества Богородицы *на вымлѣ* никогда не существовало. Это подтверждаетъ приведенная авторами ссылка на Собр. госуд. грам. I. 337, откуда они берутъ указаніе, и гдѣ въ духовной кн. Ив. Юр. Патрекѣевича, говорится слѣдующее: «Князь великій взялъ у меня мои мѣста загородскіе за Неглинною... конецъ Боровицкаго мосту по обѣ стороны *большіе улицы*, да моя же купля Кобеловское мѣсто за Семеномъ святымъ, да у Бориса и Глѣба (на Арбатѣ)... да *на большой же улицѣ* за Ваганковымъ мѣсто, идучи къ сполью на право.... а далъ ми.... мѣста, гдѣ Семенъ святый стоялъ, на *большой улицѣ*, надъ площадью за *Сокольнею*.... да *на той же улицѣ на большой мѣсто на вымлѣ у Рожества Пречистыя*.... да мои же мѣста купля *на той же на большой улицѣ* по обѣ стороны....» Здѣсь Большая улица идетъ отъ Боровицкаго мосту за Ваганково, слѣдовательно, нынѣшняя Знаменка, на чтò указываетъ и *Сокольня*, ибо здѣсь былъ государевъ потѣшный дворъ. На той же улицѣ стояла и церковь Рождества Богородицы и притомъ не на вымлѣ, а только подлѣ нея было *мѣсто на вымлѣ*, которое кн. Ив. Юр. получилъ отъ в. князя себѣ въ промѣнъ. Мы убѣждены, что такъ не обозначена эта церковь даже и въ томъ указѣ 1626 года іюня 17-го, изъ котораго выписанъ текстъ о вымлѣ на Варварскомъ крестцѣ, и о которомъ авторы, къ сожалѣнію, не упомянули, гдѣ его искать. Текстъ они выписываютъ такъ: по Варварскому крестцу, отъ Кремля-города идучи, на лѣвой сторонѣ *передъ ея* выходомъ на вымлѣ гостиной сотни. На стр. 96, тотъ же текстъ читается вмѣсто: *передъ ея выходомъ — погребъ съ выходомъ*, чтò вѣрнѣе. На той же 96 стр. сказано, что вымлъ — должно быть вымоина, кàкъ, будто бы, значится въ межевой граматѣ 1504 года; но въ граматѣ этого не значится. Тамъ сказано: «да къ изгороде *на вымолъ* въ Водомѣровской деревнѣ, къ Радонежской, да изгородою по Ямамъ....» С. Г. Гр., т. I. № 138; — или въ другой граматѣ, № 140: «да поперекъ болота поросникомъ *къ вымлу* по ямамъ къ изгородѣ, да изгородою въ каменой врагъ...» Здѣсь понятіе о вымоинѣ можетъ явиться лишь изъ нѣкотораго сходства словъ: вымолъ и вымоина, ибо смыслъ текста ничего опредѣленнаго не даетъ, а указываетъ только на соотношеніе вымла съ изгородою, которая, какъ пограничная черта, всегда могла образовывать и вымолъ. Вымлъ значитъ, какъ объяснено выше, вообще—выпускъ строенія или улицы, выдавшуюся часть чего-либо, а, стало быть, и выдавшуюся часть межевой границы двухъ земель, которую описываютъ приведенные тексты межевыхъ граматъ.

Замѣтимъ кстати нѣкоторые недосмотры: въ № 9 (стр. 19) повторены церкви, обозначенныя каждая особо въ №№ 10 и 12. Въ № 16 обозначено о церкви Николы, *гдѣ крестъ цѣлуютъ*, неправильно, ибо у этой церкви судебнаго крестоцѣлованья никогда не было, о чемъ ниже мы будемъ еще говорить. Въ № 19, въ обозначеніи: на синодальномъ *осадномъ* дворѣ, надо сказать также и на патріаршемъ, какъ сказано и на митрополичьемъ, ибо этотъ осадный дворъ существовалъ, безъ сомнѣнія, еще и въ то время, когда не было стѣнъ Бѣлаго-города, и когда, во время осады, митрополичьи, а, впослѣдствіи, патріарши люди собирались на этотъ китайгородскій дворъ изъ подгородныхъ посадовъ и селъ. Обозначеніе на синодальномъ — позднѣйшее.

Въ № 2, обозначеніе Никольскаго греческаго монастыря: у *большаго креста* — сомнительно; ибо такъ обозначалась только церковь Николы у Ильинскихъ воротъ, хотя авторы и ссылаются на какіе-то акты, стр. 41, но ихъ не указываютъ. Наконецъ, въ числѣ древнихъ урочищъ, не была означена церковь Введенія, что *за Торгомъ*, Введеніе Златоверхая, построенная въ 1514 году. Авторы исправляютъ этотъ пропускъ въ означеніи ошибокъ и дополненій стр. 198, но приводятъ при ней позднѣйшее обозначеніе ея мѣстности, *у гостинаго ряду* (правильнѣе — *у гостинаго двора*).

Затѣмъ, въ № 23 старыхъ урочищъ Китая, обозначена церковь Воскресенія, которая помѣщена уже въ древнихъ № 11, безъ объясненія, что это та же самая.

Въ Бѣломъ-городѣ, одно изъ древнѣйшихъ урочищъ было Кучково поле (1379 года), начинавшееся тотчасъ у Никольскихъ воротъ Китай-города отъ церкви Троицы, что у *старыхъ поль*. Оно занимало мѣстность Лубянки, съ площадью, и всего пространства по Срѣтенкѣ, на востокъ до Мясницкой, гдѣ начинался *боръ* (церковь Гребенскія Богородицы или *Грибневскія*, какъ она обозначена въ 1584 году). Отъ Кучкова поля на западъ и на югъ тянулось *Занеглименье*, по правому берегу Неглинной. Здѣсь находились урочища: *Высокое* — взгорье петровскаго монастыря, *Высокое*—взгорье на Тверской, *Красная горка* (близъ охотнаго ряда) и *Островъ* (Воздвиженскій монастырь), *Старое Ваганково* (гдѣ теперь музей), съ *Моховою* у береговъ Неглинной. За этими взгорьями, за Ваганковомъ и Островомъ— *Арбатъ;* отъ Ваганкова къ югу, къ берегу Москвы-рѣки, *Черторья*, которая переходила и за Земляной-городъ и прозывалась отъ ручья Черторыя, отдѣлявшаго, впослѣдствіи, Бѣлый-городъ отъ Земляного. Отъ Кучкова поля, на востокъ, возвышенность была покрыта *боромъ* отъ церкви Гребневскія Богородицы

на бору до Ивановскаго монастыря *подъ* боромъ, стоящей на южномъ взгорьѣ этой возвышенности, которая здѣсь оканчивалась *садами* в. князя, а прямо на югъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, *Кулижкою* или *Кулижками*, низменнымъ, болотнымъ мѣстомъ, отъ слова: кулига — лужа, и обширнымъ *Васильевскимъ лугомъ*, а, впослѣдствіи, *садомъ* (гдѣ теперь Воспитательный домъ).

Вотъ, главнѣйшія урочища Бѣлаго-города. Требовалось показать текстами и годами, съ какого времени они становятся извѣстными въ письменныхъ памятникахъ, а обозначеніемъ церквей опредѣлить пространство или мѣстоположеніе каждаго урочища. Въ такомъ случаѣ, церкви служили бы только указателями урочищъ. Но у авторовъ, на оборотъ, урочища служатъ указателями церквей и потому нѣсколько разъ повторяются, безъ мысли о ихъ границахъ: см. №№ 4 и 5; 12, 15 и 16; 18, 19 и 20; 21 и 22. При этомъ, въ № 25 неправильно обозначена церковь Флора и Лавра въ Мясникахъ (на Мясницкой) еще: *у конюшенъ. У конюшенъ* великаго князя, находившихся у Николы Подкопаева, подъ воронцовскимъ велико-княжескимъ дворомъ, стояла другая церковь Флора и Лавра, неупомянутая авторами, сгорѣвшая въ пожаръ 1547 года, изъ описанія котораго и авторы черпаютъ свое свидѣтельство, неправильно относимое ими къ церкви на Мясницкой (Царств. кн., стр. 139; сравн. также П. С. Р. Л. VIII, 227). Затѣмъ въ № 28, стр. 25, ошибочно приведенъ годъ 1452, вмѣсто 1389.

Въ Земляномъ-городѣ, отдѣляя отъ него Заяузье и Замоскворѣчье, авторы насчитываютъ древнихъ урочищъ до XVII столѣтія всего 4, и въ томъ числѣ помѣщаютъ одно подъ № 3, изъ Бѣлаго-города — это Спасъ на *Глинищѣ*, на *Коневой площадкѣ*, находящееся противъ китай городскихъ Ильинскихъ воротъ и упоминаемое лѣтописью подъ 1547 годомъ (Цар. кн., 140). Этотъ недосмотръ, впрочемъ, два раза оговоренъ на стр. 81 и 198. Остаются Бараши (слобода), *Воронцово поле*, гдѣ былъ великокняжескій загородный дворъ, и *Драчи* или *Грачи* (Никола въ грачахъ). Но въ Земляномъ-городѣ, начиная отъ Москвырѣки, съ запада отъ Кремля, были еще древнія урочища: *Черторья*, *Семчинское* село, *Остожье*, которое авторы помѣщаютъ за Землянымъ-городомъ подъ № 7, *Козья Борода*, *Могильцы* (церковь Успенія), которое авторы также помѣщаютъ за Землянымъ подъ № 12; *Арбатъ*, *Козье болото*, *Ольховецъ*, *Дербь* и друг., извѣстность которыхъ должна восходить раньше XVII столѣтія.

Въ числѣ 14 древнихъ урочищъ за Землянымъ-городомъ, мы находимъ первые пять №№, принадлежащихъ *Заяузью*, для кото-

раго авторы уже отдѣлили особую главу VI; № 6, находящійся въ Замоскворѣчьѣ, для котораго тоже отдѣлена глава VII. Въ числѣ остальныхъ №№ 7, 12 и 14, принадлежатъ Земляному-городу. Пять урочищъ №№ 8, 9, 10, 11 и 13, которыя затѣмъ остаются, конечно, составляютъ только долю того, что можно было отмѣтить о древнихъ подгородныхъ урочищахъ Москвы. Здѣсь могли быть помѣщены еще слѣдующія урочища: *Три горы*, гдѣ былъ загородный дворъ князя Владимира Андреевича съ церковью; *Большое Кудрино*, *Сущово*, *Напрудское*, *Хвостовское*, *Красное село подъ великимъ прудомъ у города* (1423, 1462), *Лущиньское*, съ мельницею и псарнею, слободка *Ромодановская*, и др.

Обозрѣніе Заяузья, какъ мы видѣли, разбито на двѣ части: пять нумеровъ урочищъ помѣщено въ главѣ за Землянымъ, городомъ, валомъ. Послѣ того можно было думать, что въ главѣ, собственно Заяузье, авторы обозрятъ урочища, находившіяся только въ чертѣ Земляного-города; однакожъ, и здѣсь они помѣщаютъ два урочища, № 5 и 6, лежащія за Землянымъ. Само собою разумѣется, что слѣдовало обозрѣть все Заяузье въ одномъ мѣстѣ, безъ раздѣла.

Въ обозрѣніи Замоскворѣцкихъ древнихъ урочищъ пропущено очень замѣчательное урочище *Перевѣсіе*, противъ Симонова (1431 г.[1]); также *Настасьинъ плесъ* (вѣроятно, противъ дачи Студенецъ) и *Кобылій врагъ*, подъ Дорогомиловою слободою, гдѣ, въ 1669 году, была построена *татарская тюрьма*, «а ходить изъ той тюрьмы татарамъ на каменную ломку бутоваго камени»[2]), который добывается тамъ и теперь[3]). Пропущено также сельцо *Григорьевское—Колычева* (1472 г.) близъ Бабьяго-городка.

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII. 95.

[2]) Расх. Кн. Пр. Тайн. Дѣлъ.

[3]) Въ сентябрѣ прошлаго года, рабочіе, доставлявшіе здѣсь камень и грунтовую краску, дорылись на глубинѣ 5 саженъ до отверзтія въ подземный ходъ. За этимъ отверзтіемъ или входомъ слѣдовало подземелье, родъ залы, съ четырьмя галлереями, которыя направляются въ разныя стороны, и тянутся весьма далеко, мѣстами превращаясь въ широкія залы и потомъ съуживаясь до аршина ширины; высота ихъ различна: въ иныхъ мѣстахъ доходитъ до 4 аршинъ, а въ иныхъ, по случаю обваловъ, трудно пробираться и ползкомъ; направленіе ходовъ неправильно, идетъ изворотами и зигзагами, переплетаясь между собою. Галлерея, идущая вдоль Москвы-рѣки, вымѣрена на 200 саж. и тянулась еще дальше. Никакихъ вещей въ этихъ ходахъ не найдено. Мѣстами дно ихъ покрыто водою (Моск. Вѣдом. 1866 г. № 210). Нѣтъ сомнѣнія, что это остатки здѣшнихъ древнихъ каменоломенъ, начало которыхъ должно восходить даже и не къ XVII столѣтію, а къ началу каменныхъ построекъ въ Москвѣ.

Списокъ урочищъ отъ XVII столѣтія раздѣленъ авторами также на семь отдѣловъ: Кремль и шесть *сороковъ*, на которые распредѣлены московскія церкви относительно ихъ благочинія. «Разсматривая московскія урочища въ связи съ церквами», т. е. (вѣрнѣе) разсматривая ихъ лишь только по отношенію къ церквамъ, авторы, конечно, не могли иначе и распредѣлить ихъ. Но тогда было бы соотвѣтственнѣе ихъ цѣли, было бы послѣдовательнѣе озаглавить весь собранный текстъ *таковыхъ* урочищъ въ этомъ же смыслѣ, и вмѣсто: *урочища Москвы* или *московскія урочища въ хронологическомъ ихъ отношеніи*, слѣдовало бы сказать: *московскія урочища* по отношенію ихъ къ церквамъ, или *московскія церковныя урочища*, какъ авторы принуждены были выразиться, распредѣляя урочища по церковнымъ *сорокамъ*, что, разумѣется, даже и имъ представлялось не слишкомъ сообразнымъ. Тогда нельзя было бы придавать этому частному, спеціальному вопросу, собственно объ урочищахъ церковныхъ, смыслъ вопроса общаго, вообще объ урочищахъ Москвы въ ихъ прямомъ и непосредственномъ значеніи, какъ то дѣлаютъ авторы въ своихъ трехъ предисловіяхъ (стр. 1, 13, 33) къ собранному ими тексту урочищъ. Отъ сліянія этихъ двухъ понятій объ урочищѣ, самомъ по себѣ, и объ урочищѣ только *церковномъ*, произошли всѣ несообразности, на которыя мы уже указывали; произошло то, что со смысломъ урочища явилось всякое простое обозначеніе, указаніе извѣстной мѣстности, всякое зданіе, всякое прозваніе этого зданія, и т. п.; произошло совершенное затемнѣніе очень простого, непосредственнаго понятія объ урочищѣ, которое авторами было извлечено изъ библейскаго текста и высказано въ началѣ статьи. Послѣдовавшій вскорѣ рѣшительный перевѣсъ только къ церковному значенію урочищъ отвлекъ авторовъ отъ розысканій объ урочищахъ въ собственномъ смыслѣ, заставилъ ихъ надѣлать много пропусковъ и заслонилъ отъ ихъ вниманія цѣлый отдѣлъ урочищъ, получившихъ свои имена, напр., отъ питейныхъ домовъ. Да и церковныя урочища собраны и размѣщены, даже въ тѣхъ же сорокахъ, безъ всякой системы, безъ всякого порядка, въ разбитную. Авторы переносятся съ своими обозначеніями урочищъ, напр., отъ Поварской на Дѣвичье поле, оттуда, изъ Лужниковъ, прямо въ Левишно, отсюда къ Никитскимъ воротамъ, отсюда въ Дорогомилово, или съ Ордынки подъ Донской монастырь, къ Андреевскому, и оттуда прямо опять на Ордынку, отсюда въ Таганку, и т. п. (стр. 49, 50, 77, 78 и мн. другія). Между тѣмъ, очень легко было идти, въ этомъ отношеніи, топографически, округляя церквами каждую мѣстность, а, стало быть, и каждое ея особое на-

званіе, или урочище. Тогда выяснилась бы для читателя и самая топографія Москвы. Вообще должно сказать, что, несмотря на трудъ, который употребленъ на составленіе этого текста или свода урочищъ, этотъ текстъ все-таки не можетъ замѣнить (а казалось бы такъ слѣдовало) тѣхъ простыхъ *росписей* церквей, какія были изданы нѣсколько разъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, и собраны въ книгѣ г. Хавскаго «Семисотлѣтіе Москвы», съ добавленіемъ *росписей*, извлеченныхъ изъ патріаршихъ казенныхъ книгъ XVII столѣтія. Авторы даютъ текстъ, не вполнѣ извлеченный даже изъ этихъ книгъ и значительною долею ошибочный, расположенный безтолково и вовсе не очищенный въ хронологическомъ отношеніи, ибо указанія не отмѣчены годами, каждое особо, а ссылки дѣланы вообще и очень глухо, такъ-что *новое* перемѣшано съ *старымъ* и нѣтъ возможности опредѣлить то и другое отдѣльно. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ текстъ поражаетъ своими несообразностями и недосмотрами.

Такъ, въ Пречистенскомъ сорокѣ—церковь Власья, стр. 47, № 23, показана: «*въ старой большой Конюшенной слободѣ, на Козихѣ, на Козьемъ болотѣ.* Кто знаетъ Москву, тому хорошо извѣстна церковь Власья въ старой Конюшенной, извѣстна также хорошо и мѣстность *Козихи*, отстоящей отъ церкви Власья, по крайней мѣрѣ, на двѣ версты по прямой линіи къ сѣверу. На стр. 95, авторы пишутъ, что «въ старинныхъ описяхъ (въ какихъ—не говорится) урочища церквей Ермолая и *Власія* именовались также *на Козьемъ болотѣ.* Положимъ, что, дѣйствительно, въ какихъ-нибудь описяхъ церковь Власія обозначена Козихою, въ чемъ мы крѣпко сомнѣваемся; но въ ученомъ трудѣ развѣ возможно было оставлять безъ оцѣнки, безъ розысканія и объясненія такую несообразность? Легко было, по крайней мѣрѣ, оговорить сомнѣніемъ въ этомъ указаніи, а не утверждать его повтореніемъ того же на дальнѣйшей страницѣ. Дальше, церковь Николы Явленнаго обозначена: *на Арбатѣ, на Пречистенкѣ*, на большой Смоленской улицѣ, за Смоленскими, Арбатскими воротами. Пречистенка и Арбатская улица разстоянія имѣютъ другъ отъ друга около версты. Какъ же разумѣть это церковное несообразное урочище? Дѣло въ томъ, что здѣсь смѣшаны въ одно двѣ различныя церкви. Одна Николы *Явленнаго въ Пречистенской улицѣ*, иначе: Никола, *что въ Башмаковѣ;* также Похвалы Богородицы, да въ придѣлѣ Николы, *что у Водяныхъ воротъ, въ Чертольѣ;* также Похвалы Богородицы *Старые прощи*, въ отличіе отъ *Новой прощи* [1]) — церкви Ни-

[1]) Арх. Ор. Пал. Кн. №№ 882 и 743.

колы же Явленнаго, *что за Арбатскими вороты*. Авторы обозначили ц. Николы въ Башмаковѣ подъ № 11, стр. 45, не приведя (какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ) полнаго текста урочищныхъ обозначеній, какія здѣсь нами указаны, а отъ того, неизбѣжно, и должны были принять двѣ церкви за одну.

Еще: церковь Спаса на Пескахъ № 27, стр. 47, смѣшана съ церк. Покрова на Пескахъ, въ Стрѣлецкомъ Приказѣ Коковинскаго, иначе, по придѣлу, Николы на Пескахъ; и придѣлы этой послѣдней отнесены къ Спасской: Николы и Трехъ Святителей. Покрова или Николы на пескахъ, доселѣ существующая, вовсе не обозначена въ этомъ сорокѣ [1]).

Еще: въ число древнихъ урочищъ за Землянымъ-городомъ попала церковь Св. Николая *за Никитскими воротами въ Псаряхъ*, во *Псаренной слободѣ* съ ссылкою на книгу 7179 г. (стр. 28, № 13). Та же церковь, съ тѣмъ же обозначеніемъ урочища, помѣщена и въ Пречистенскомъ сорокѣ, № 45, стр. 50, съ указаніемъ книги 1657 г. Та же церковь, съ обозначеніемъ *на Новомъ Ваганьковѣ, за Преснею*, помѣщена и въ Никитскомъ сорокѣ, № 46, стр. 58. О той же церкви говорится на стр. 155, что она прежде стояла за Пресненскою заставою на Черногрязкѣ, потомъ переставлена на Три-горы, когда — не обозначено; впереди рѣчь идетъ о 1696 г. Наконецъ, о той же церкви упоминается *въ замѣченныхъ ошибкахъ и дополненіяхъ*, стр. 199 — съ ссылкою на указъ 1683 г., однакожъ, безъ объясненія, что это одна и та же церковь, указанная въ разныхъ мѣстахъ выше.

Вообще, должно замѣтить, что изслѣдовательность, критика собираемыхъ свѣдѣній очень мало руководила авторами въ ихъ выписках о церквахъ и урочищахъ Москвы. Они ставили рядомъ самыя несообразныя показанія безъ всякого отзыва о томъ, чему наиболѣе долженъ вѣрить читатель.

Замѣтимъ еще: въ Никитскомъ сорокѣ № 25, стр. 55, они обозначаютъ церковь Спаса на *Житной площадкѣ у Охотнаго ряду*, присовокупляя, что у Мичурина на планѣ и у Рубана она означена по урочищу *въ Китаѣ*, и указывая, что эта церковь была извѣстна по придѣлу подъ названіемъ *Анастасіи Узорѣшительницы*. Но у Мичурина церковь Спаса въ Китаѣ означена на планѣ, № 63, отдѣльно отъ церкви Анастасіи (означенной тамъ подъ № 60). Въ *Китаѣ* — явная ошибка у Мичурина; должно быть въ *Копьѣ* — церковь Спаса (въ топографическомъ смыслѣ то же, что на *Стрѣлкѣ*, а, быть можетъ, то же, что и на *Козьей бородѣ*, какъ обозначена церковь Благовѣщенья въ

---

[1]) Вивліоѳ. XI. 292. г. Хавскій, § 241 и 242.

Черторьѣ, въ 1508 году), которую указываютъ авторы подъ № 26. Церковь Настасьи Вмч., что на *Житной площадкѣ, у Полѣ* (упом. 1616 года), была впослѣдствіи извѣстна подъ именемъ Спаса, что у *Мучнаго ряда* (противъ теперешней гостинницы Барсова, на площади). Спасъ въ *Копьѣ*, или у Мичурина — въ Китаѣ, находился между теперешнимъ Большимъ театромъ и Георгіевскимъ монастыремъ.

Всѣ такіе недосмотры и ошибки могли произойдти, главнымъ образомъ, отъ того, что авторы не потрудились составить текстъ урочищъ тѣмъ простымъ способомъ, какой принятъ наукою, какъ единственно-вѣрный и основательный. Слѣдовало взять, какъ основу, старѣйшій списокъ или роспись церквей, напр., по книгамъ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 1625 г., или еще ранній, если такой есть. Затѣмъ, сличая этотъ списокъ съ послѣдующими, вносить варіанты или новыя церкви и новыя обозначенія ихъ мѣстъ или урочищъ съ отмѣтками самыхъ росписей и ихъ годовъ. Тогда составился бы точный и, безъ сомнѣнія, полный сводъ церковныхъ урочищъ за XVII столѣтіе. Провѣривъ его съ росписями XVIII столѣтія, авторы получили бы вѣрное и основательное исчисленіе церквей съ ихъ урочищами. Само собою разумѣется, что собираемые тексты должны быть приводимы съ великою точностью и вовсе не такъ, какъ это сдѣлано теперь, т. е. смѣшано и спутано древнее съ новымъ, или предшествовшее съ позднѣйшимъ. Напр., церковь Успенія № 21, стр. 47, означена: на *Остоженкѣ*, въ *Семчевскомъ сельцѣ*, *близъ Остоженскаго конюшеннаго двора* — три обозначенія разнаго времени; какое изъ нихъ древнѣе, какое позднѣе—авторы никогда не задавали себѣ подобнаго вопроса и продолжають ставить такимъ же образомъ всѣ, собранныя ими, урочищныя обозначенія. Между тѣмъ, годъ, въ этомъ случаѣ, весьма важенъ, ибо онъ можетъ раскрывать исторію урочища и яснѣе опредѣлять его значеніе. Церковь Козьмы и Дамьяна на *Шубинѣ*, за *Гагаринскимъ дворомъ*, за *Золотою рѣшоткою* (стр. 52); или стр. 22: на старомъ Ваганьковѣ, на Козьей бородѣ, у Государева двора; или стр. 24: на *Стрѣлкѣ*, на *Солянкѣ*, на *Кулижкахъ;* или стр. 71, № 10: въ *Казенной*, въ *Хлѣбникахъ*, въ *Ромодановѣ;* или на стр. 74, № 5: на *Полянкѣ*, въ *Кадашахъ*, въ *Морозовой слободѣ*, въ *Земляномъ городѣ*, и пр. и пр. Всѣ такія разнообразныя и, по большей части, разновременныя указанія, сведенныя въ одно, безъ годовъ, безъ опредѣленій времени, вносятъ чрезвычайно много сбивчивости въ исторію урочищъ и даютъ ложныя основанія для изслѣдователя. Въ ученой обработкѣ предмета не въ томъ дѣло, чтобы только

знать имя урочища, надо еще опредѣлить, по возможности, что это за имя, когда оно появляется, когда смѣняется другимъ, третьимъ, когда употребляется рядомъ съ этимъ другимъ, третьимъ именемъ; стало быть, годъ здѣсь имѣетъ особенную цѣну. Собрать имена церковныхъ урочищъ было не слишкомъ трудно изъ однѣхъ лишь напечатанныхъ уже росписей, которыя, напр., указаны авторами на стр. 3, даже изъ одной книги г. Хавскаго: «Семисотлѣтіе Москвы».

Собирая списокъ старинныхъ урочищъ и, разумѣется, не ограничиваясь лишь одними урочищами церквей, нельзя миновать тѣхъ любопытныхъ прозваній, какими московскій народъ обозначилъ многія фартины или питейные дома, отъ которыхъ потомъ получали свои имена цѣлыя мѣстности и улицы, до сихъ поръ сохраняющія память о старинѣ XVII и XVIII столѣтія. Такъ, въ Китай-городѣ, питейный домъ *Санапальный*, на Ильинкѣ у Юшкова переулка, указываетъ на существовавшій *Санапальный* рядъ (отъ самопалъ, ружье), такъ-какъ *Замочный*, у Варварскихъ воротъ, *Котельники*, въ Зарядьѣ, указываютъ мѣста торговли замками и котлами; *Истерія*, въ рядахъ, близъ Никольской, сохраняетъ память о существовавшей при Петрѣ въ этой мѣстности истеріи (австеріи); *Черкасскій*, на Толкунѣ, *Корунинскій*, *Волхонка* у Ильинскихъ воротъ, напоминаютъ фамиліи бывшихъ тамошнихъ домовладѣльцевъ; *Кобыльскій* на Подолѣ, въ Зарядьѣ и другой у Варварки обозначаютъ, можетъ быть, своимъ именемъ даже какую-либо старинную топографическую черту тамошней мѣстности, подобно церквеннымъ урочищамъ: Никола въ Кобыльскомъ, или названіямъ деревень: Кобылья лужа, Кобылій врагъ. Въ топографическомъ смыслѣ, это, по всему вѣроятію, должно означать мѣстность, покрытую лужами, рѣдко просыхаемыми и оттого дававшими особую характеристику мѣстности.

Въ Бѣломъ-городѣ, въ Охотномъ ряду, *Помѣрный*, на Неглинной, указываетъ на существовавшую здѣсь, въ XVII столѣтіи, *Помѣрную избу; Стеклянный* — на торговый стеклянный рядъ. *Старо-Панкратьевскій*,—на Дербеновкѣ, въ Стрѣлецкомъ переулкѣ, указываетъ на старую Панкратьевскую слободу, такъ-какъ *Старые кожевники*—въ Кожевнической улицѣ, *Старая Таганка* — въ Таганкѣ. *Староконный*, на болотѣ за Москвою-рѣкою, указываетъ на *Старую конную* торговую *площадь*, какъ *Ново-конный* — на теперешнюю, за Серпуховскими воротами. *Коковинка* на Смоленскомъ рынкѣ сохраняетъ своимъ названіемъ память о Стрѣлецкой слободѣ въ Приказѣ стрѣлецкаго головы Степана *Коковинскаго*, котораго фамиліей обозначалась

и находившаяся въ слободѣ церковь Трехъ Святителей (стр. 47, № 27, въ Коковинкѣ); такъ, какъ Троица—въ *Зубовѣ* (приказѣ) сохраняетъ въ своемъ обозначеніи фамилію стрѣлецкаго головы Ивана *Зубова*, Покрова въ *Левшинѣ*, Николы въ *Пыжовѣ*. Фартина *Малороссіянка* дала имя улицѣ *Маросѣйкѣ; Волхонка*, близъ Каменнаго моста — Волхонкѣ; *Солянка* — Солянкѣ; *Гавриковъ*, давшій имя переулку. *Разгуляй* обозначилъ своимъ именемъ цѣлую мѣстность, какъ *Тишина*—въ Грузинахъ; *Ладога*—въ Нѣмецкой слободѣ; *Плющиха*—близъ Дѣвичьяго поля; *Козиха*—на древнемъ Козьемъ болотѣ; *Зацѣпа* и *Щипокъ*—за Москвою-рѣкою, въ Коломенской ямской.

Многіе до сихъ поръ сохраняютъ или имена своихъ старинныхъ хозяевъ, или собственную характеристику, данную имъ мѣстными обывателями. Напр., *Татьянка*—на Софійкѣ; *Агашка*—на Дѣвичьемъ полѣ; *Варгуниха*—у Срѣтенскихъ воротъ; *Варгуниха*—у Дорогомиловскаго моста; *Ѳеколка*—въ Семеновскомъ; *Архаровскій*—на Пречистенкѣ; *Брегадирскій*—близъ Головинскаго дворца, сведенный оттуда еще въ 1753 г. Затѣмъ, *Веселуха*—въ Больш. Садовникахъ; *Хива*—у Андроньева мон. (отъ пребыванія будто бы хивинскаго посольства, стр. 116); *Палиха*—въ Сущовской ул. за Подвязками; *Красилка* — въ Дорогомиловской слободѣ; *Казенка*—у казеннаго виннаго двора; *Лѣнивка*—на Пятницкой (сравн. *Лѣнивый торжокъ*, бывшій въ Бѣломъ городѣ, противъ каменнаго моста).

Другіе указываютъ различные топографическіе признаки или примѣты своихъ мѣстностей: *Катокъ*, существовавшій вначалѣ XVIII ст. въ Кремлѣ, у приказовъ, на взгорьѣ; *Скачекъ* — на Неглинной, у Охотнаго ряда, недалеко отъ Помѣрнаго; *Тычекъ*—у Краснаго пруда; *Стрѣлка* — на Земляномъ валу, въ Садовой, у Спиридоновки; *Пролетка* — у Страстнаго монастыря; *Стремянка*—у Серпуховскихъ воротъ; *Подберезки*—на большой Прѣсненской улицѣ; *Подвязки* — въ Сущовѣ; *Роушки* — за Москворѣцкимъ мостомъ; *Устье* — у устья Яузы; *Пометный врагъ* — у Благовѣщенія на Бережкахъ; *Ольховецъ* — у Земляного-города, въ Левшинскомъ переулкѣ; *Полянка*—на Полянкѣ; *Высокопятницкій* — на Пятницкой, у канавы; *Крутоярь* — у Андроньева монастыря.

Стоявшіе у городскихъ воротъ назывались именами тѣхъ воротъ; у заставъ —именами заставъ, а иногда—*розстанями*, напр., *Тверскія розстани* — у Тверской заставы. Стоявшіе между воротами и заставою назывались *Серединою*, съ именемъ улицы, на которой находились. Такъ существовали: *Тверская середина* (у Леонтьевскаго переулка), *Калужская середина;* а питейный домъ

Мѣщанская середина далъ имя *Серединкѣ*, среднему перекрестку первой Мѣщанской улицы.

Большая часть всѣхъ этихъ именъ, давшихъ свои прозванія улицамъ и цѣлымъ мѣстностямъ, появилась, однакожъ, не раньше XVIII ст., и именно первой его половины, когда устроены были по городу *фартины* (штофныя) винныхъ компанейщиковъ (фарта, фартина значитъ кварта, штофъ).

Составивши текстъ московскихъ урочищъ, авторы распредѣляютъ ихъ еще по *содержанію* (?) на: «1) Естественныя или топографическія, означающія наружный видъ или характеръ мѣстности, какъ-то: горки, крутицы, поля, и пр. 2) Этнографическія, заимствовавшія свое названіе отъ разноплеменныхъ и разноземельныхъ насельниковъ и переселенцевъ, напр.: Ордынка, Крымскій дворъ, и проч. Сюда же относятся урочища, усвоившія себѣ имена храмосоздателей и первоначальныхъ или послѣдовавшихъ за ними собственниковъ. 3) Относящіяся къ *городскому устройству* и, вообще, свидѣтельствующія о прежнемъ *юридическомъ бытѣ*, напр., трети, сотни, служилыя слободы, площади, поля, въ значеніи судебныхъ поединковъ и пр. 4) Историческія *въ тѣсномъ смыслѣ*, происшедшія *отъ какого-либо особеннаго событія* въ московскомъ мірѣ, таковы: Кучково поле, Лобное мѣсто, Убогіе домы, Бабій городокъ, Болвановка, Капельки, Наливки», и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ распредѣленіи урочищъ по *содержанію*, которое не менѣе странно въ своихъ отдѣлахъ, какъ и раздѣленіе урочищъ по церковнымъ сорокамъ, и займемся прямо урочищами топографическими.

Можно было полагать и даже иначе нельзя было и думать, что топографическія урочища Москвы дадутъ авторамъ не скудный матеріалъ для нагляднаго очерка ея древней топографіи. Топографическія урочища должны возстановить намъ древній образъ Москвы, ея топографическій обликъ. Для этого, конечно, необходимо взглянуть на топографическія урочища древней Москвы не въ розбить, а въ ихъ топографической же совокупности. Для этого необходимо хорошее знакомство съ топографическою физіономіею современной Москвы, потому что, какъ ни измѣнился ея видъ въ теченіе вѣковъ, но главныя, основныя формы ея мѣсторасположенія все-таки остались прежнія. Намъ кажется, что авторы имѣютъ самое смутное и сбивчивое понятіе не только о древней, но даже и о современной московской

топографіи. Весь смыслъ ихъ статьи о топографическихъ урочищахъ заключается въ томъ, что въ Москвѣ *были*, въ извѣстныхъ мѣстахъ, горы, лѣса, пески, глинища, овраги, сады, рѣчки, и т. д. Съ этою цѣлью, авторы сводятъ въ одно мѣсто урочищныя имена горъ, лѣсовъ, садовъ, рѣчекъ, прудовъ, болотъ, грязей, овраговъ и ямъ, рвовъ, яровъ, песковъ и глинищъ, полей, вспольевъ, луговъ, площадей, и тѣмъ оканчиваютъ (стр. 89—99). Мы не думаемъ, чтобы изъ такого перечисленія урочищъ образовалось въ умѣ читателя сколько-нибудь понятное представленіе о топографическомъ видѣ древней Москвы. Мы думаемъ, что читатель, бывавшій въ Москвѣ, слыхавшій приходскія названія ея урочищъ, и безъ того знаетъ, что все это было, а для кореннаго москвича это былое даже и теперь въ иныхъ случаяхъ дѣлается очевиднымъ, какъ, напр., Черторый у Пречистенскихъ воротъ, отъ котораго вся мѣстность называлась нѣкогда Черторьею, и теперь очень нерѣдко весною или въ сильные дожди своимъ разливомъ вовсе прекращаетъ пѣшеходное сообщеніе на этой улицѣ. И теперь иной разъ должно прибѣгать къ помощи извощика, чтобъ перебраться на другую сторону этого потока грязной уличной воды. Легко вообразить, что̀ же *было*, когда *не было* каменныхъ мостовыхъ. Москвичамъ старыя урочища ихъ очень хорошо извѣстны; они каждый день называютъ ихъ по именамъ, дѣлая адресы на письмахъ или нанимая извощиковъ, такъ-что, для москвичей, печатное перечисленіе московскихъ урочищъ ничего новаго не даетъ. Но москвичу было бы очень любопытно узнать именно топографическій древній видъ своего родного города. Для этого недостаточно свести или собрать въ одно мѣсто тѣ или другія урочищныя имена. Надо положить ихъ рѣзкими чертами въ общемъ очеркѣ древней физіономіи Москвы, надо дать имъ одинъ цѣльный, понятный строй и порядокъ, какой будетъ указывать характеръ самой мѣстности. Для выполненія такой задачи, конечно, требуется очень хорошее знакомство вообще съ топографіею города. «Какъ Москва составляетъ—говорятъ авторы—такую *котловину*, коей *дно усѣяно холмами* съ ихъ пригорками, покрытыми, по большой части, лѣсомъ, то ея населеніе, *подобно первоначальному населенію древняго міра послѣ потопа, вѣроятно*, началось на горахъ и холмистыхъ мѣстахъ, обросшихъ лѣсомъ» (стр. 86). Совершенно справедливо, что вначалѣ никому въ голову не могло придти селиться на болотахъ, когда было можно жить, если не на высокомъ, то на сухомъ мѣстѣ. Но съ какой же точки зрѣнія Москва представляетъ *котловину?* Гдѣ края или берега этой котловины? Сами же авторы, въ противорѣчіе себѣ, тотчасъ же

приводятъ слова Ломоносова, который говорилъ, что Москва «стоитъ на многихъ горахъ и долинахъ». Сами же авторы, вслѣдъ затѣмъ, разсуждаютъ о пресловутыхъ *седми* холмахъ и находятъ ихъ, не обозначая только того *дна* котловины, гдѣ эти холмы расположены. Это разсужденіе о седми холмахъ вполнѣ и обнаруживаетъ малое знакомство вообще съ топографіею города, съ основнымъ его топографическимъ расположеніемъ. Понятіе о холмахъ предполагаетъ ровную мѣстность, надъ которою господствуютъ эти холмы. Но если эта ровная мѣстность промыта и прорыта въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками и ручьями, вообще притоками Москвы-рѣки, если такія промоины представляютъ во многихъ мѣстахъ низины, болота, луга, то правильно ли принимать за ровную мѣстность такое дно котловины, напр., именно эти низины и луга, и разсматривать основную равнину какъ рядъ холмовъ? Мы не думаемъ, чтобы такой взглядъ, такая точка зрѣнія могла дать точное опредѣленіе топографіи города. Москва, дѣйствительно, лежитъ «на горахъ и долинахъ»; но эти горы и долины образовались собственно отъ потоковъ ея рѣкъ и рѣчекъ. Въ сущности же, въ общемъ очертаніи, Москва большею частію занимаетъ ровную мѣстность, что замѣчали и иностранные путешественники еще въ XVI ст. Въ ея чертѣ нѣтъ даже такихъ переваловъ, какіе находятся, напр., въ ея ближайшихъ окрестностяхъ подъ именемъ «Поклонныхъ горъ». Горы и холмы Москвы суть высокіе берега ея рѣкъ; долины и болота — низменные, луговые ихъ берега; такимъ образомъ, эти горы будутъ горами только въ относительномъ смыслѣ. Кремль — гора въ отношеніи къ Замоскворѣчью, такъ, какъ мѣстность Ильинки или Варварки — гора въ отношеніи къ низменному Зарядью; но и Кремль, и Ильинка суть ровныя мѣста въ отношеніи къ Срѣтенкѣ, Мясницкой, и т. д. Потокъ Москвы-рѣки, какъ и всѣхъ почти мелкихъ рѣкъ московской области, въ своемъ извилистомъ теченіи, безпрестанно поворачивая въ разныхъ направленіяхъ, образуетъ почти при каждомъ, болѣе или менѣе значительномъ, поворотѣ обширные луга, долины, которыя, нерѣдко, своимъ общимъ видомъ, окруженныя высокими берегами, представляютъ дѣйствительныя котловины. Въ отношеніи такихъ-то котловинъ высокіе берега, разумѣется, становятся горами. Мѣсторасположеніе Москвы и состоитъ изъ такихъ горъ и долинъ; въ этомъ и заключается общая характеристика ея топографіи; но это же самое не даетъ точнаго основанія представлять мѣстность Москвы — «котловиною, усѣянною на ея днѣ холмами».

Ровная мѣстность, на которой, главнымъ образомъ, располо-

жена Москва, бѣжитъ къ Москвѣ-рѣкѣ съ сѣвера отъ троицкой (ярославской) дороги. Оттуда же, съ сѣвера отъ боровой лѣсистой стороны къ югу, въ Москву-рѣку, текутъ Неглинная, посрединѣ; къ востоку отъ нея—Яуза, а къ западу—рѣчка Прѣсня. Приближаясь къ городу, эта ровная мѣстность начинаетъ распредѣляться указанными потоками Яузы, Неглинной и Прѣсни, на нѣсколько возвышеній, т. е. возвышеній относительно русла этихъ потоковъ, относительно тѣхъ небольшихъ долинъ, которыя ими промыты. Главная, такъ сказать, становая возвышенность, направляется отъ троицкой заставы, сначала по теченію рѣчки Напрудной (Самотека), а потомъ Неглинной, прямо въ Кремль; проходитъ Мѣщанскими черезъ Сухареву башню (наиболѣе высокій пунктъ), идетъ по Срѣтенкѣ и Лубянкѣ (древнимъ Кучковымъ полемъ) и вступаетъ между Никольскими и Ильинскими воротами—въ Китай-городъ, а между Никольскими и Спасскими воротами—въ Кремль, въ которомъ, поворачивая нѣсколько къ юго-западу, образуетъ, при впаденіи въ Москву-рѣку Неглинной, *Боровицкій мысъ*, срединную точку Москвы и древнѣйшее ея городище, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшней Оружейной палаты, противъ разобранной церкви Рождества Іоанна Предтечи на Бору, первой на Москвѣ, были найдены даже *курганныя* серебряныя вещи: два витыя шейныя кольца (гривны) и двѣ серьги, что̀, разумѣется, служитъ свидѣтельствомъ о незапамятномъ поселеніи на этомъ же Боровицкомъ мысу, или острогѣ.

Съ восточной стороны, эта продольная возвышенность, образуя по срединѣ въ Земляномъ городѣ, между Сухаревой башней и Красными воротами или между Срѣтенкою и Мясницкою *Дебрь* или Дербь (Никола Дербенскій) съ ручьемъ Ольховцемъ, постепенно скатывается къ Яузѣ, сходя въ иныхъ мѣстахъ въ верхней, сѣверной части, почти *на-нѣтъ*, а въ иныхъ, по нижнему теченію Яузы, образуя довольно значительныя взгорья, особенно подлѣ Маросѣйки въ Бѣломъ-городѣ и подлѣ Зарядья въ Китай-городѣ, и выпуская отъ себя въ Яузу, въ верхней части, нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, прежде *Рыбенку* (на планѣ 1805 г.— Синичку), текущую черезъ Сокольничье поле, потомъ *Чечеру*, на которой *Красный прудъ*, съ ручьями *Ольховцемъ* и *Кокуемъ*, теперь уже забытымъ, текущимъ въ Чечеру съ сѣвера изъ Елохова (Ольхова) и, наконецъ, ручей—Рачку (на которомъ *Чистый прудъ*), текущій чрезъ Кулижки и впадающій въ Москву-рѣку подлѣ устья Яузы (планъ 1805 г.).

По сторонамъ этого ручья Рачки, возвышенность образуетъ въ Земляномъ-городѣ береговое взгорье: Воронцово, Воробино, Гостину гору, а въ Бѣломъ—взгорья древняго урочища Боръ

и Сады, впереди которыхъ къ Яузѣ лежитъ обширная низменность Кулижка и Васильевскій лугъ (гдѣ Воспитательный домъ). Въ Китай-городѣ та же возвышенность образуетъ Псковскую гору, по которой идетъ улица Варварка съ низменностью урочищъ: *Мокрое, Болото* (Зарядье). Затѣмъ, возвышенность съ той же стороны дѣлаетъ по Москвѣ-рѣкѣ Кремлевское береговое взгорье съ низиною впереди къ рѣкѣ или Кремлевскимъ *Подоломъ*.

Другая часть той же сѣверной ровной мѣстности идетъ въ городъ отъ сѣверо-запада, отъ дорогъ дмитровской и тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается къ рѣкѣ, вообще, довольно покато. Съ западной стороны этой возвышенности, также отъ сѣвера, течетъ *Прѣсня*, съ ручьями, опуская мѣстность постепенно къ своимъ берегамъ или Прѣсненскимъ прудамъ.

Та же мѣстность, приближаясь съ западной стороны къ Москвѣ-рѣкѣ по сю сторону Прѣсни, образуетъ крутые берега въ Дорогомиловѣ (горы Варгуниха, Дорогомиловская, Бережки), которыя, идя дальше, постепенно понижаются къ Дѣвичьему монастырю. За Прѣснею тѣ же берега дѣлаютъ урочище *Три горы*, съ новымъ Ваганьковымъ.

Проходя по *Занеглименью*, эта же возвышенность дѣлится у Бѣлаго-города на двѣ вѣтви Сивцевымъ вражкомъ и Черторьею (по Пречистенскому бульвару). Одна вѣтвь, восточная, въ Бѣломъ-городѣ образуетъ урочище Островъ (Воздвиженка) и, при впаденіи въ Москву-рѣку Черторьи — мысъ, гдѣ теперь новый храмъ Спасителя; другая, западная вѣтвь, въ Земляномъ городѣ, образуетъ возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-западъ уходитъ въ Дѣвичье поле и въ Москворѣцкіе луга за Дѣвичьимъ монастыремъ, къ Воробьевымъ горамъ.

Лѣвый восточный берегъ Яузы, вообще довольно возвышенный, оканчивается у Москвы-рѣки мысомъ же съ горками Лыщиковою и Вшивою, отъ которыхъ береговое взгорье идетъ и по Москвѣ-рѣкѣ, образуя Красный холмъ, Крутицы, Симоново.

Замоскворѣчье представляетъ луговую низменность, гдѣ по берегу противъ Кремля и Китая находился великокняжескій *великій лугъ* и *Садовники*. Въ срединѣ, ближе къ западу, на Полянкѣ эта низменность имѣла также Дебрь или Дербь (церковь Григорія Неокесарійскаго, *что въ Дербицахъ* [1]), а къ Москвѣ-рѣкѣ, съ той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями — урочищами: *Бабьимъ городкомъ*, *Васильевскимъ* (Не-

---

[1]) У авторовъ, это урочище не обозначено.

скучное), *Плѣницами* [1] (Андреевскій монастырь), проходя такими же взгорьями къ Воробьевымъ горамъ.

Такова общая характеристика мѣсторасположенія Москвы; ею могутъ опредѣляться и всѣ ея частности. Этими-то частностями можно было бы характеризовать каждую мѣстность отдѣльно, что̀ еще яснѣе изобразило бы и положеніе, и состояніе древней Москвы, а, затѣмъ, рельефнѣе выдвинуло бы наружу ея основной топографическій скелетъ, если можно такъ выразиться. Такой характеристики требуютъ Кремль, Китай, Занеглименье или, западная часть Бѣлаго-города и, отдѣльно, восточная его часть, начиная съ Кучкова поля отъ Срѣтенки и оканчивая Кулижкою и Васильевскимъ лугомъ. На такіе же два отдѣла можетъ раздѣлиться и Земляной городъ, а потомъ слѣдуютъ Зарѣчье, Заяузье, Прѣсня, верхнее теченье Неглинной съ Напрудною, верхнее теченье Яузы, сторона Преображенская, Покровское-Рубцово съ слободою Нѣмецкою (Кокуй въ XVII ст.), сторона Краснопрудская, и т. д.

Самая характерная черта древней Москвы, какъ города, заключалась въ великомъ множествѣ *полей* и *всполій*, луговъ, находившихся внутри города и отдѣлявшихъ другъ отъ друга его слободы, отдѣлявшихъ, вообще, постройки отъ его стѣнъ, и оставившихъ по себѣ память въ урочищныхъ обозначеніяхъ многихъ церквей. Поля и всполья, разумѣется, способствовали образованію *грязей* въ однихъ мѣстахъ, или *песковъ*—въ другихъ. Затѣмъ, къ полевымъ пространствамъ должно отнести *болота*, *мхи*, *ольхи* [2]) или ольховцы, вообще, мѣста *мокрыя* (Никола Мокрый). Въ древнее время существовали подлѣ города (и въ самомъ Кремлѣ) *боры*, а впослѣдствіи, съ распространеніемъ населенія, явилось великое множество *садовъ*. Все это придавало Москвѣ типъ чисто

---

[1]) *Плѣницами* и въ Москвѣ и на югѣ, напр., на нижнемъ Днѣпрѣ, называютъ связки плотовъ или, собственно, плоты всякого лѣса, прогоняемаго по весенней водѣ до назначеннаго мѣста. Московское урочище *Плѣницы* оттого и получило свое имя, что въ этой мѣстности искони собирались шедшіе съ верху рѣки плоты-плѣницы, пригоняемые для городского потребленія. Книжное толкованіе этого прозванія плѣнниками и т. п. — не выдерживаетъ критики.

[2]) *Ольхи* значитъ собственно — мокрыя, болотистыя мѣста, и въ этомъ смыслѣ, а не въ значеніи лѣса, служатъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Москвы. Ольховецъ-ручей, протекавшій Дербью-Дебрью (Дербеновка, съ церк. Николы), къ сѣверо-востоку отъ Бѣлаго-города, и дающій до сихъ поръ, близъ Краснаго села, ложе нѣсколькимъ прудамъ. «На рѣкѣ, на Соснѣ перелазовъ (переправъ) нѣтъ. Рѣка Сосна идетъ самыми крѣпкими мѣсты и проходятъ *ржавцы* и *ольхи* великія и до устья до самого, до Дону рѣки» — такъ обозначали болотныя мѣста на степныхъ сторожахъ въ XVII ст.... «Крѣпости на немъ (на Вязовскомъ перелазѣ) зашли *болота* и *займища* великая.... и *ржавцы* большія....» (Чтенія О. И. и Д. Р. 1846 г., № 4, стр. 55).

деревенскій. По улицамъ, почти у каждаго пятаго дома, можно было встрѣтить часовню (Олеарій); по улицамъ же, для спасенія отъ пожаровъ, отъ каждыхъ 10 дворовъ устраивался колодезь.

Недостаточное знакомство съ общимъ характеромъ мѣсторасположенія Москвы, собственно съ ея топографіею, вводитъ авторовъ въ большія неточности и даже невѣрности при описаніи нѣкоторыхъ мѣстностей. Такъ, описывая холмъ, стр. 86, на которомъ *положена основа селенію*, они говорятъ, что онъ *обтекаемъ Москвою рѣкою съ одной стороны и Яузою съ другой, что его одна часть выступаетъ изъ-подъ западной стѣны Кремля на берегъ Неглинной*.... Но въ томъ и дѣло, что холмъ омывается съ этой другой стороны Неглинною и у него нѣтъ еще другой стороны, которая омывалась бы рѣкою, а тѣмъ болѣе Яузою, которой устье отстоитъ на версту отъ него. Далѣе: «*на гребнѣ этого холма, отдѣленнаго длиннымъ оврагомъ или черторыемъ отъ другаго*, покрытаго боромъ, стояла.... первая церковь Рождества Предтечи....» (стр. 87). Трудно понять, что хотѣли сказать авторы. Длинный оврагъ есть опять та же Неглинная, и никакого другого черторыя подлѣ этого мѣста не существовало и нѣтъ.

Далѣе, стр. 89: «въ сѣверозападной (чит. въ югозападной) части Бѣлаго города находимъ *холмистый* островъ» (Воздвиженка), который вовсе не холмистъ, а самъ собою представляетъ только бо́льшую противъ окрестныхъ мѣстъ возвышенность, почему и названъ *островомъ*. Слѣдуя далѣе отъ этого острова къ сѣверовостоку, встрѣтимъ за Неглинною *Красную горку*....» Какимъ же образомъ за Неглинною, когда Красная горка есть продолженіе той же возвышенности острова, которая находится за Неглинною отъ Кремля? «Въ восточной части Бѣлаго города на Рождественкѣ и на Покровкѣ *простираются* безъимянныя высоты и горки съ ихъ пригорками.... безъимянная возвышенность (въ Земляномъ городѣ) отъ Самотеки и Трубы къ Сухаревой башнѣ, идущая къ Рождественскому монастырю и Лубянкѣ, потомъ къ востоку *Гостина* или *Гостиныя горы*, также Воробино....» (стр. 89). Такъ сбивчиво описана главная возвышенная мѣстность, кончающаяся у Москвы-рѣки Кремлевскимъ взгорьемъ. Авторы, видимо, не имѣютъ о ней отчетливаго, вѣрнаго представленія, и слѣдятъ собственно не за нею, а указываютъ ея скаты, принимая ихъ какъ особенныя *высоты и горки* и сопоставляя ихъ, вслѣдствіе этого, въ рядъ и съ Треми

горами, и съ Воробьевыми горами, и съ горами Заяузья, и даже съ Поклонною горою, лежащею въ нѣсколькихъ верстахъ за Дорогомиловскою заставою.

Стр. 90: «Къ западу *Кремлевскій боръ* оканчивался обрывами съ одной стороны въ Бѣломъ городѣ у церкви св. Николая Стрѣлецкаго, а съ другой оврагами и бакалдинами[1]) (черторыями), близъ церкви Покрова Б. М. у Пречистенскихъ воротъ. Кто не знакомъ съ мѣстностью, для того совсѣмъ невозможно понять это топографическое указаніе. Дѣло въ томъ, что къ западу, Кремлевскій боръ омывался Неглинною, противоположный, т. е., правый, западный берегъ которой у Николы Стрѣлецкаго не могъ и въ древности имѣть обрывовъ, а имѣетъ довольно отлогую высоту, которая продолжается, еще болѣе возвышаясь, уже по берегу Москвы-рѣки, далѣе къ западу, по Волхонкѣ и Лѣнивкѣ и оканчивается у Пречистенскихъ воротъ черторьею, дѣлая у впаденія этой черторьи въ Москву-рѣку крутой мысъ, на которомъ стоялъ Алексѣевскій монастырь, а теперь воздвигнутъ храмъ Спаса. Такимъ образомъ, эта другая сторона Кремлевскаго бора есть не что иное, какъ сторона Москворѣцкаго Занеглименья.

Стр. 94: «Въ западной части Кремля изъ-за Боровицкихъ воротъ *выступала* давно уже засыпанная *котловина*, образовавшая оврагъ или черторье, о коемъ выше сказано». Опять нѣтъ возможности понять, о чемъ здѣсь говорится: объ устьѣ Неглинной у Боровицкихъ воротъ, или объ упомянутой черторьи у Пречистенскихъ воротъ; но, во всякомъ случаѣ, ни тамъ, ни здѣсь котловины нѣтъ, а есть ложе потока. Далѣе: «Переступивъ съ запада на востокъ, въ Китай-городѣ встрѣчаемъ на *холмистой* Варваркѣ урочище церкви Покрова Б. М. *Мокрое*, которое такъ слыло отъ вымоины или болотины». Варварку нельзя назвать холмистою, ибо она сама по себѣ есть только ровное береговое взгорье Китай-города, Псковская гора. Покрова Б. М. *Мокрое* — есть тотъ же Никола *Мокрый* въ Зачатской улицѣ, т. е., на подолѣ Китай-города, въ Зарядьѣ, на *болотѣ*, у самаго низменнаго берега Москвы-рѣки, а не на Варваркѣ, т. е., на высотѣ этого берега.

---

[1]) Слово это часто употребляютъ авторы; но оно не часто употребляется въ Москвѣ и есть слово степное, приволжское, значитъ глухой заливецъ, ямину съ стоячею водой, а въ московской сторонѣ — ямину, зажору на дорогѣ въ распутицу. Объяснять же бакалдину черторьемъ, означающимъ, вообще—быстрый, сильный потокъ, *рóющій* свое ложе, думаемъ, будетъ не совсѣмъ основательно. Сами авторы производятъ это слово не отъ *черты*, вопреки Ходаковскому, а отъ *чёрта*, чѣмъ и обозначаютъ настоящій смыслъ черторья.

Упомянемъ еще нѣсколько мелкихъ топографическихъ неточностей. На 95 стр., авторы смѣшиваютъ Чертольское урочище: на *Козьей Бородѣ*, съ Козьимъ болотомъ или Козихою, лежащею версты на двѣ отъ Чертолья. На стр. 96, *Заразы* объясняютъ *ущельями, тѣснинами*, тогда-какъ это—отвѣсныя кручи, обрывы (Воробьевскія *заразы*, Кунцовскія *заразы*). На стр. 98, въ числѣ полей помѣщаютъ *Ширяево* поле, находящееся уже въ рощѣ Сокольникахъ, т. е. далеко за чертою города. На стр. 99-й говорятъ, что у Семчинскаго села, на Стоженкѣ, находились *Ходынскій* и Самсоновскій луга, тогда-какъ Ходынскій лугъ находился у рѣчки Ходынки, выше Прѣсни, впадающей въ Москву-рѣку, слѣдовательно, далеко за чертою города и отъ Семченскаго. Тутъ же, въ числѣ городскихъ площадей помѣщаютъ *боярскую площадку*, т. е. — дворцовое крыльцо!

Въ главѣ: *Этнографическія урочища*, авторы помѣщаютъ такъ-названныя ими, *народовыя* урочища и *родовыя* или *фамильныя* (отъ личныхъ прозвищъ), т. е., собственно мѣста, а чаще зданія (дворы, подворья), получавшія въ разное время свои имена отъ тѣхъ или другихъ пріѣзжихъ иногородныхъ, а, отчасти, иноземныхъ обывателей древней Москвы, и мѣста и дворы, получавшіе свое имя по фамиліи или прозвищу владѣльца. Какъ это относится къ этнографіи, и почему такія урочища должны называться этнографическими, мы судить не станемъ. Намъ кажется, что всѣ такія имена гораздо больше принадлежатъ исторіи города, чѣмъ этнографіи. По нимъ, прежде всего, мы узнаемъ исторію самаго урочища, откуда оно произошло, чѣмъ его этнографію. Вся этнографія тутъ заключается въ имени Псковичи, Хлыново, Англійскій дворъ, Нѣмецкая слобода, Панскій дворъ, Крымскій дворъ, Ордынка, Татарская, Греческая слобода, Арбатъ, Больчугъ, Таганка, и т. п. Но если иногородный и иноземческій элементъ населенія, дававшій свои имена дворамъ, слободамъ и мѣстамъ, можетъ присвоить своимъ урочищамъ раздѣлъ урочищъ этнографическихъ, то все-таки непонятно, какимъ образомъ, къ тому же раздѣлу должны принадлежать и личныя прозвища, напр., всѣ боярскія и, вообще, дворянскія фамиліи, жившія обыкновенно въ Москвѣ и владѣвшія дворами. Между тѣмъ, глава почти на половину наполнена только этими именами, да притомъ и не именами урочищъ, а фамиліями домовладѣльцевъ. На-сколько носятъ въ себѣ этнографическій смыслъ Буйносовы, Хворостинины, Телятевскіе, и т. д., или, напр., имена мо-

настырскихъ подворій, стр. 111? Вообще, этотъ отдѣлъ главы еще болѣе подтверждаетъ высказанное нами выше замѣчаніе, что въ глазахъ авторовъ, всякій дворъ, стр. 107, и всякій огородъ, стр. 109, съ именемъ владѣльца получаетъ значеніе урочища. Настоящія же урочищныя мѣста, улицы, переулки, принявшіе названіе отъ жившихъ тамъ домовладѣльцевъ, вовсе не описаны, а личныя имена только и важны въ этомъ смыслѣ, если вопросъ долженъ идти объ урочищахъ, а не о томъ, на какой улицѣ какіе были княжескіе и боярскіе дворы, о чемъ было бы складнѣе говорить въ особомъ отдѣлѣ — о характерѣ населенія города.

Необходимо было ожидать, по крайней мѣрѣ, точнаго опредѣленія мѣстностей, на которыхъ жило пришлое иногородное и иноземческое населеніе, напр., сотни иногородцевъ: Новгородская, Устюжская, Ростовская, и т. п. или ихъ слободы и слободы иноземцевъ; но ничего этого нѣтъ, а сказывается объ этомъ частицами, какъ-то случайно, мимоходомъ и вовсе не поставляется на первый планъ, на главное подобающее мѣсто. Вы слушаете какого-то разсказчика, свободно и безо всякаго отчета для себя переносящагося въ своихъ указаніяхъ съ мѣста на мѣсто, и вовсе не видите ученаго описателя, который дорожитъ основательностью, опредѣленностью, точностью и ясностью своихъ указаній, цѣльностью своего изслѣдованія.

Между прочимъ, авторы входятъ въ сличеніе названій московскихъ урочищъ съ иногородными, и какъ бы удивляются осязательному сходству и буквальному тождеству между ними. «Въ росписи селъ, деревень, погостовъ и пустошей, разсѣянныхъ по великой, малой и бѣлой Россіи, сколько представляется соименныхъ московскимъ урочищамъ!» —восклицаютъ авторы, стр. 112. Они выводятъ изъ своихъ сличеній, что Москва имѣла взаимное сближеніе съ другими областями Россіи. «Подобное сходство—свидѣтельствуютъ они—могло быть *заимствованнымъ* и *случайнымъ*. Еслибъ извѣстно было историческое значеніе каждаго изъ такихъ урочищъ, тогда можно было бы опредѣлить происхожденіе тождества названій и придти къ новымъ заключеніямъ», стр. 113. Изъ всего этого видно, что авторы въ самомъ дѣлѣ не представляютъ себѣ возможности одному и тому же народу, говорящему однимъ и тѣмъ же языкомъ, жившему подъ одними и тѣми же условіями природы, исторіи, всего своего развитія,—не представляютъ возможности такому народу называть и обозначать мѣста своихъ жилищъ, занятій и т. д., одними и тѣми же словами на всемъ пространствѣ его земли. Трудно понять, что̀ удивительнаго и мудренаго въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ

мы найдемъ и Николы Кобыльскіе, и Хохловки, и Красныя горки, Красные холмы, Сущовы, Кудрины, Драчовы, Новинскіе и пр., и пр. Стоитъ почитать, напр., старинную опись любого великорусскаго города, чтобы подумать, не о Москвѣ ли идетъ дѣло. Возьмемъ, напр., Сотную на Муромскій посадъ (Акты Юрид., № 229), на которую ссылались авторы. Читаемъ: «на посадѣ въ *Ильинской* улицѣ *во рву*.... у Успенія Пречистой ко *всполью*.... въ Спасской слободѣ.... улицею отъ Николы Чудотворца *Мокрого*.... по той же улицѣ отъ *государева двора*.... со *вспольи* отъ Димитрія святого.... въ *большомъ ряду* отъ *площади* идучи къ *Гостину двору*.... на *рву* Лубеники.... на право на *вымлъ* къ *рыбному ряду*....» Этотъ предметъ и при неизвѣстности историческаго значенія каждаго урочища, подавалъ поводъ идти къ любопытнымъ и новымъ заключеніямъ въ раскрытіи общихъ условій и, такъ сказать, общихъ законовъ быта и понятій, заставлявшихъ нашихъ предковъ называть и обозначать одними и тѣми же именами одни и тѣ же, повсюду существующіе предметы и топографическія черты мѣстности.

Глава: *Урочища историческія*, заключаетъ въ себѣ сказанія или, собственно, воспоминанія о Кучковомъ полѣ, Лобномъ мѣстѣ, Божедомкѣ, Крестѣ, Москворѣцкихъ воротахъ, Подберезкахъ на Прѣснѣ, Кулижкахъ, Капелькахъ, Ваганковѣ, Гороховомъ полѣ, Берсеневкѣ, *Каиновой горѣ*, Болвановкѣ, Бабьемъ городкѣ, Кукуѣ, Наливкахъ, Ендовѣ. Частію, здѣсь собраны историческія данныя, частію преданія и даже басни, сложенныя въ позднѣйшее время, по образцу Макаровскихъ (Русскія преданія), каковы Капельки, Горохово поле, Бабій городокъ. Но, неужели только и есть въ Москвѣ урочищъ, которыя должны именоваться историческими? Неужели Каинова гора, Москворѣцкіе ворота, Ендова—остроги, Берсеневка и пр. имѣютъ больше историческаго значенія, чѣмъ, напр., Воронцово, Плѣницы, Крутицы, самая Прѣсня, не въ качествѣ питейнаго дома, Подберезки, а въ качествѣ прямого урочища, особенно Преображенское, Семеновское, Рубцово-Покровское, Лефортово, и мног. друг., о которыхъ гораздо больше можно сказать историческаго, чѣмъ объ упомянутыхъ; да и сами авторы, въ разныхъ мѣстахъ своей книги, указываютъ иной разъ столько же историческаго объ иныхъ урочищахъ, которыя, однакожъ, не помѣщаютъ въ число историческихъ. Неужели историческое только то, о чемъ можно разсказать нѣкоторыя басенки, въ родѣ басенки о Гороховомъ полѣ, стр. 155?

Исторію Лобнаго мѣста авторы разсказываютъ *слитно* съ исторіей Красной площади, отчего въ умѣ читателя остается все-таки довольно смутное понятіе собственно о Лобномъ мѣстѣ. Сравнивъ его съ Іерусалимской Голгофой, и приведя свидѣльство иностранцевъ, которые единогласно утверждаютъ, что Лобное мѣсто служило амвономъ, чертогомъ для царскаго моленія и всенароднаго объявленія указовъ, авторы, ни съ того ни съ сего, вдругъ заключаютъ, стр. 122: «Изъ такого объясненія открывается, что подъ словомъ *Лобное мѣсто* разумѣли не только описанное зданіе (а именно это-то и разумѣли иноземные путешественники), но и занимаемое имъ пространство (конечно) или площадь Лобную (это уже не Лобное мѣсто), гдѣ совершались казни: «площадь для казней». Нѣтъ, этого не говорятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ свидѣтельства, которыя привели авторы. Такое смѣшеніе двухъ различныхъ предметовъ принадлежитъ самимъ авторамъ, которые въ разныхъ мѣстахъ своей книги проводятъ это смѣшеніе до полнаго затмѣнія истины. Сравнивая съ Іерусалимскою Голгофою, и даже положительно говоря, что она послужила образцомъ и для Московской (т. е. Голгофы), они тѣмъ самымъ утверждаютъ путаницу своихъ свидѣтельствъ и представленій объ этомъ памятникѣ. Мы не станемъ подробно раскрывать эту путаницу, и замѣтимъ только, что въ концѣ концовъ выходитъ, что кровавыя казни происходили не то на Лобномъ мѣстѣ или у самаго мѣста, не то на Красной площади, ибо «*предъ ступенями его казнили преступниковъ*», говорятъ авторы, стр. XVI и XXIII; «тамъ, на Красной площади, *у Лобнаго мѣста*, только никогда на Лобномъ (спѣшатъ оговориться авторы), преступниковъ сѣкли кнутомъ и плѣтьми, вѣшали, обезглавливали, четвертовали, колесовали, живыхъ сожигали, и т. п.» стр. XXXV; далѣе отмѣчаютъ: «несправедливо почитаемое за позорище казней», стр. LVII; затѣмъ указываютъ, что «казнили между Лобнымъ мѣстомъ и Спасскимъ мостомъ», стр. 123; дальше указываютъ, «что Лобное мѣсто обставлено было головами, воткнутыми на рожны (при Петрѣ, во время стрѣлецкихъ казней, но этого не было[1]), стр. 130.» Надо, вообще, замѣтить, что и на Красной-то площади, собственно на ея срединѣ, казни происходили только въ очень важныхъ случаяхъ.

---

[1]) Извѣстно только, что въ 1697 году, во время казней стрѣльцовъ, *на Красной площади* былъ выстроенъ каменный столбъ, и «на томъ столбу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень.» Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 111.—На площадь къ Лобному мѣсту народъ обыкновенно вытаскивалъ *свои* жертвы. Такъ, въ 1682 г., были сюда выволочены, побитые стрѣльцами въ Кремлѣ, сторонники и родные малолѣтнаго Петра.

Казнили обыкновенно «на Болотѣ», за Москвою-рѣкою, а прежде — на Кучковѣ полѣ (Лубянка).

Какъ бы то ни было, но нѣтъ и малѣйшей возможности *смѣшать*, въ этомъ отношеніи, Лобное мѣсто съ Красною площадью, которая весьма обширна, и на которую смотрятъ, кромѣ Лобнаго мѣста, и весь *Торгъ*, соборы Казанскій и Покровскій, слѣдовательно, и о нихъ съ тою же основательностью можно говорить, что и о Лобномъ мѣстѣ. Но авторы вѣрны себѣ. Во II т. стр. 16, они говорятъ слѣдующее: «До 1685 года, въ Кремлѣ совершались казни надъ преступниками; но въ этомъ году отмѣнена тамъ казнь и велѣно производить ее предъ Спасскими воротами на Лобномъ рынкѣ». Изъ этихъ словъ можно заключить, что дѣло идетъ о смертной казни, чего въ Кремлѣ не бывало. Въ указѣ, на который сдѣлана ссылка, говорится о торговой казни — кнутомъ, исполнявшейся въ Кремлѣ передъ Московскимъ суднымъ приказомъ, неподалеку отъ Спасскихъ воротъ, на окраинѣ горы, собственно на подолѣ Кремля. Въ этомъ году велѣно «чинить такую казнь, бить кнутомъ за Спасскими вороты, въ Китаѣ на площади (Красной, а не Лобной, и не передъ Спасскими воротами) противъ рядовъ».

«На площади, противъ рядовъ»—вотъ, гдѣ совершались кровавыя казни XVI и XVII столѣтій. Площадь противъ рядовъ есть та именно мѣстность, во главѣ которой теперь стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому.

Въ XVI столѣтіи, это пространство, между Спасскими и Никольскими воротами Кремля, отдѣленное въ то время отъ кремлевской стѣны широкимъ рвомъ, обозначалось просто *полымъ мѣстомъ*, а также *пожаромъ*, т. е., пожарищемъ, что также означало полое мѣсто, оставшееся послѣ пожара, безъ сомнѣнія, еще со временъ Ивана Васильевича III, который, именно отъ пожаровъ, оградилъ весь Кремль такими полыми мѣстами и сносилъ для этого даже существовавшія подлѣ его постройки и самыя церкви (напр., за Москвою-рѣкою и Неглинною). Въ 1570 году, по случаю казней за новгородскую измѣну, царь Иванъ Васильевичъ и царевичъ Иванъ Ивановичъ церемоніально «выѣзжали въ Китай-городъ на полое мѣсто сами и велѣли измѣнникомъ вины ихъ вычести передъ собою и ихъ казнить». (Карамз. IX, пр. 299).

Съ именемъ *Пожара*, это полое мѣсто оставалось до половины XVII столѣтія, такъ-что выстроенная въ его сѣверовосточномъ углу, въ 1636 году, церковь Казанской Богородицы обозначалась также: *что на Пожарѣ*. Съ 1662 года, имѣемъ уже оффиціальное свидѣтельство, называющее этотъ «пожаръ» *Кра-*

свою площадью, а церковь—что на Красной площади у стараго земскаго двора. (Теперь зданіе, въ которомъ помѣщалась тоже *старая* уже шестигласная дума и помѣщаются другія присутственныя мѣста.) Но если сѣверовосточный уголъ этой мѣстности слылъ, какъ и вся площадь, подъ именемъ Пожара, то юговосточный ея уголъ, гдѣ находится Лобное мѣсто, никогда не причислялся къ этому Пожару, т. е., къ площади, и никогда не обозначался выраженіемъ: что на пожарѣ или на площади. Ясно, что это былъ уголъ отдѣльный, это былъ Ильинскій крестецъ, на которомъ, противъ Спасскихъ воротъ и прямо противъ улицы Ильинки, и стояло Лобное мѣсто, быть можетъ—*вѣчевая степень* древней, еще княжеской Москвы, вѣчевая степень не въ смыслѣ новгородскомъ, а въ смыслѣ вотчинномъ, московскомъ, гдѣ московскіе первые князья или ихъ тысяцкіе могли судить объ общихъ дѣлахъ съ людьми своего города, особенно съ торговыми людьми. Въ этомъ смыслѣ вѣче не умирало ни въ одномъ русскомъ городѣ.

Лобное мѣсто, названное такъ отъ взлобья или взгорья улицы, на которой оно стояло, отдѣлялось, въ XVI и XVII столѣтіи, отъ пожара-площади *мостомъ*, т. е., деревянною мостовою изъ Спасскихъ воротъ на Ильинку. Эта-то «мостовая» черта и служила границею Пожара, давая углу Лобнаго мѣста отдѣльное отъ площади положеніе и, стало быть, отдѣльный свой смыслъ и значеніе. Поляки, въ своихъ запискахъ 1606 года, называютъ этотъ именно уголъ *Лобнымъ рынкомъ*, а наши авторы неправильно распространяютъ это обозначеніе на всю Красную площадь (см. выше), и называютъ ее даже «лобною».

Мѣстность Лобнаго мѣста и его отношеніе къ Красной площади, въ актахъ XVII столѣтія, обозначены слѣдующимъ образомъ: въ 1674 году, въ Вербное воскресеніе, при торжественномъ выходѣ, государь «изволилъ притти на Лобное мѣсто.... бояре и окольничіе и думные и ближніе люди стояли по близку Лобнаго мѣста, а стольники и стряпчіе и дворяне стояли въ надолобахъ (родъ забора) отъ Лобнаго мѣста къ Спасскому мосту (Кремлевскихъ воротъ) на лѣвой сторонѣ; а дьяки и гости стояли *противъ Лобнаго мѣста къ надолобамъ, по конецъ большаго мосту* (мостовой) *къ Красной площади*.... Свейскіе послы для смотрѣнія поставлены были по конецъ Спасскаго мосту, за *каменнымъ перилом*, на *писчей площадной избушкѣ*... гдѣ площадные подъячіе сидятъ» и пишутъ всякіе акты и сдѣлки (Дворц. разр., т. III, 945—948). Ясно, что Красная площадь и Лобное мѣсто были раздѣльны и понимались въ то время раздѣльно, какъ двѣ особыя, независимыя другъ отъ друга, мѣстности, от-

дѣленныя надолобами, перилами, вообще — перегородками, заборами.

Мы упомянули, что древній Пожаръ или площадь отдѣлялась также и отъ стѣны Кремля между Спасскими и Никольскими воротами широкимъ рвомъ, черезъ который изъ воротъ тянулись каменные мосты. У этого рва собственно и происходили казни; по его линіи стояли и церкви, числомъ 15, сооруженныя надъ самыми мѣстами кроворазлитія: «Казни царь Иванъ Васильевичъ на Москвѣ многихъ людей *на площади*, гостей и торговыхъ людей, и воинскихъ, *на пожарѣ*, идѣ же нынѣ стоятъ храмы по рву на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови поставлены» (Карамз. IX, пр. 309). Эти грозныя казни грознаго и кровожаднаго царя не могли не оставить особаго впечатлѣнія въ памяти народа. Существуетъ легенда, рисующая, вѣроятно, упомянутое же событіе, и которая, кромѣ разсказовъ и записокъ современниковъ, можетъ достаточно характеризовать страшную мѣстность этого пожара-площади во времена Грознаго.

Легенда разсказываетъ: «Царь уразумѣ, что смерть царевичу Ивану (котораго онъ самъ убилъ) учинилась отъ злыхъ измѣнниковъ, повелѣлъ *на пожарѣ*, среди Москвы, уготовить 300 плахъ, а въ нихъ 300 топоровъ, и 300 палачей стояли у плахъ. Московскіе князья и бояре и гости, всякаго чину люди, зрящe такую належащую бѣду страхомъ одержими быша... Съ утра, въ 3 часѣ дни, царь выѣхалъ на площадь въ черномъ платьѣ и на черномъ кони съ сотники и съ стрѣльцы и повелѣ палачамъ имать по человѣку изъ бояръ, изъ окольничихъ, изъ стольниковъ, изъ гостей и изъ гостиной сотни, по росписи, именитыхъ людей... Взяли прежде изъ гостиныя сотни семь человѣкъ и казнили ихъ... Взяли осмаго, именемъ *Харитона Бѣлеуленева* и не могоша на плаху склонити; былъ великъ ростомъ и очень силенъ и вскричалъ онъ къ царю съ грубостью: «почто царь великій неповинную нашу кровь проливаешь?» Многіе псари стали помогать палачамъ и едва могли приклонить его на плаху; отсѣкли ему голову, но отрубленная голова изспрянула изъ ихъ рукъ на землю и тамъ, сѣмо и овамо спрядывая, глаголала несвѣдомая... трупъ же его скочилъ на ноги свои и началъ трястися на всѣ стороны, обливая кровью вокругъ стоящихъ... многіе палачи сбивали съ ногъ тѣло и никакъ не могли его уронить.... а падающая съ него кровь, гдѣ упадала, тамъ еще больше свѣтлѣлась и играла красно вельми, какъ живая, и неотмывалась.... Все видѣвшій царь пришелъ въ смущеніе и страхъ и отъиде въ свои палаты. Палачи тоже остались недвижимы. Въ 6 часъ дни отъ царя пришелъ вѣстникъ и объявилъ всѣмъ помилованіе.

Площадь опустѣла, убраны были плахи и топоры; но трупъ Белеуленева трясся весь день и во 2 часъ ночи упалъ самъ на землю. На утру по царскому повелѣнію тѣла казненныхъ погребли ихъ сродники.» Легенда, разумѣется, ошибочно относитъ это страшное событіе къ 7082 (1574) году. Итакъ, казни совершались на Пожарѣ, на площади, противъ рядовъ у рва, между Спасскими и Никольскими воротами, на довольномъ разстояніи отъ Лобнаго мѣста, которое стояло противъ Ильинской улицы, на ея крестцѣ, отдѣльно отъ площади. Сказанія о казняхъ на этой площади—XVIII вѣкъ, скоро забывшій старину, отнесъ къ Лобному мѣсту потому, что, забывъ о его настоящемъ назначеніи, видѣлъ въ немъ только оригинальный и не совсѣмъ понятный монументъ старой исторіи. Карамзинъ, не обративъ должнаго вниманія на это обстоятельство, закрѣпилъ своимъ авторитетомъ соображенія своихъ современниковъ, а мы, по привычкѣ, безъ всякой повѣрки, слѣдуемъ укоренившемуся ошибочному представленію, толкуя его даже народнымъ преданіемъ. Все это можетъ служить весьма яркою характеристикою того, какимъ путемъ созидаются наши мѣстныя преданія. Мы еще встрѣтимъ въ этой книгѣ столько же яркія черты такой характеристики, указывающей, вообще, съ какою великою осторожностью, съ какимъ строгимъ критическимъ разборомъ должно поступать въ разработкѣ всякихъ мелкихъ и мелочныхъ фактовъ мѣстной исторіи.

Описывая Ваганьково, которыхъ было два, старое въ Бѣломъ и новое за Землянымъ городомъ, авторы говорятъ, что старое показано въ лѣтописи подъ 1508 г. на урочищѣ *Козьей Бородѣ*, стр. 153 (которое, напротивъ, въ лѣтописи показано въ Черторьи за Бѣлымъ городомъ), что это, вѣроятно, *бродъ* или *болото*, ибо «на старомъ Ваганьковѣ могло быть *болото* отъ дождей въ весеннее время»; что «на этомъ самомъ «Козьемъ болотѣ» стояли нѣмецкіе острожки, отбитые въ 1610 году русскими». Такова смѣсь свидѣтельствъ о мѣстахъ совершенно различныхъ, ибо послѣднее, «Козье болото» (1610 г.), есть уже не Ваганьково, а именно *Козиха*, какъ можно вполнѣ убѣдиться изъ лѣтописнаго разсказа (Лѣт. о мятеж., 221). Не смотря на то, дальше авторы положительно говорятъ, что въ 1508 году тамъ, на Ваганьковѣ, стояла церковь Благовѣщенія съ придѣломъ Николы, тогда-какъ придѣлъ былъ во имя Троицы, а во имя Николы была тамъ особая церковь, которой придѣлы авторы относятъ къ Благовѣщенской же, стр. 154. О новомъ Ваганьковѣ авторы ничего почти не говорятъ, а оно не менѣе стараго важно въ историческомъ отношеніи. Они дополняютъ, въ концѣ книги, стр. 199, что тамъ, 1683 года, былъ потѣшный

звѣриный и псаренный дворы, а въ текстѣ указываютъ, что «съ умноженіемъ населенія на старомъ Ваганьковѣ отведено было мѣсто-на новомъ для церкви и кладбища въ 1696 году». Выше мы говорили о Ваганьковѣ новомъ, подлѣ котораго въ это время находилось новое село Воскресенское съ государевымъ дворомъ.

Переходимъ къ главѣ: *Урочища юридическаго* и *административнаго* быта. Вначалѣ сдѣлано короткое, «поверхностное обозрѣніе», какъ сознаются авторы, довольно сбивчивое, отрывочное, разныхъ урочищъ, указывающихъ, вообще, или на городскую жизнь древней Москвы или на мѣста ея управленія. Между тѣмъ, послѣ вступленія, стр. 169, позволительно было ожидать, если не полнаго, то болѣе обстоятельнаго очерка внутренней московской жизни. Къ сожалѣнію, авторы думаютъ, что только по однимъ именамъ урочищъ можно возстановить эту жизнь, забывая вовсе, что для этого предмета существуютъ неоглядныя груды матеріаловъ въ тѣхъ же архивахъ, въ которыхъ, къ великому сожалѣнію, они съ такою заботливостью отыскивали лишь одни имена урочищъ. Но и самыя имена урочищъ, съ точки зрѣнія этого вопроса, представляютъ тоже добрый матеріалъ. Стоило только обратить на него вниманіе, посмотрѣть на него окомъ ученаго изыскателя, а не простого разсказчика, гдѣ что̀ было. Стоило только распредѣлить эти имена по отдѣламъ, оглавленія которыхъ указывали бы различныя стороны городского быта древней Москвы, напримѣръ: судъ, управленіе, торговля, ремесла, промыслы, даже увеселенія, и т. д. Подъ всѣ подобныя заглавія можно поставить ряды урочищныхъ именъ. Одна такая роспись уже наглядно ознакомила бы съ условіями и силами этого быта. Такая роспись съ большею пользою могла бы замѣнить обрывочное вступленіе къ этой главѣ, единственный смыслъ которой заключается именно въ раскрытіи древняго московскаго городскаго быта. Мы полагаемъ, что и самый текстъ урочищъ полезнѣе было бы, вмѣсто церковныхъ *сороковъ*, распредѣлить именно по такимъ рубрикамъ, если топографическое ихъ распредѣленіе оказалось почему-то ненадобнымъ. Но возвратимся къ тому, что̀ сдѣлано авторами.

За вступленіемъ слѣдуютъ статьи: урочища—Ивановская площадь, Московскіе крестцы; Поля, какъ судебные поединки, Толмачи—и только! Непонятно, почему въ этотъ же отдѣлъ не попала Божедомка, помѣщенная въ урочищахъ историческихъ. Само собою разумѣется, что всякое урочище—прежде всего историче-

ское, о чемъ, впрочемъ, авторы, кажется, мало думали; а затѣмъ оно же можетъ выражать и какое-либо бытовое явленіе или условіе, по которому и относится въ область городского быта. Божедомка — замѣчательное явленіе общественной жизни, столько же урочище историческое, сколько *административное* или *юридическое*, ибо ея цѣлью и заботою было призрѣніе убогихъ мертвыхъ.

Въ статьѣ: *Московскіе крестцы*,—авторы не даютъ отчетливаго понятія о томъ, что̀ такое крестцы. Сначала они говорятъ, что это *перекрестки*, *распутія*, стр. 176; затѣмъ, вдругъ оказывается, стр. 178, что изъ трехъ китай-городскихъ крестцовъ одинъ, сохранившій донынѣ свое названіе, Варварскій, простирается *по всей почти* Варварской улицѣ; что «Никольскій крестецъ, стр. 181, заключаетъ *почти всю* Никольскую улицу съ средоточіемъ у монастыря Николы стараго» (греч. мон.); что «Ильинскій крестецъ, стр. 185, заключенъ въ предѣлахъ Ильинской улицы съ ея Ильинскимъ торговищемъ; что на такомъ незначительномъ пространствѣ, каковъ Ильинскій крестецъ, *сосредоточивалось* столько замѣчательныхъ памятниковъ городской жизни и административнаго быта, т. е.: Лобное мѣсто, Лобная, нынѣ Красная площадь, Тіунская или Поповская изба» (находившаяся, однакожъ, у Василія-Блаженнаго, ближе къ Варваркѣ). Такимъ образомъ, крестецъ, изъ простого перекрестка переходитъ уже въ самое неопредѣленное пространство: то—*почти вся* улица, то—улица и съ торговищемъ и съ Красною площадью... Съ какимъ же понятіемъ о крестцѣ остается соображеніе читателя? Неужели и въ самомъ дѣлѣ цѣлыя улицы носили имя и имѣли значеніе крестцовъ, т. е., въ сущности, все-таки перекрестковъ. Если это было такъ, то было необходимо объяснить и причину, почему такъ было. Дѣйствительно, напримѣръ, церкви Варвары, Максима Испов., Воскресенья (даже «на Пяти улицахъ»), Іоанна Предтечи, Георгія («подлѣ Варварскаго крестца, къ тюрьмамъ»), стоявшія по Варваркѣ, обозначались, что на Варварскомъ крестцѣ или *у*, *подлѣ* Варварскаго крестца. Но эти церкви стояли именно на перекресткахъ улицы и ея переулковъ, такъ-какъ стояли на перекресткахъ Ильинки церковь Пророка Ильи, Дмитрія Селунскаго, на Никольской: Казанской Богородицы, Женъ-мироносицъ (у Печатнаго двора), также обозначавшіяся: *что на крестцѣ*. Тѣ же церкви, которыя стояли не на перекресткахъ, не обозначались выраженіемъ: что на крестцѣ, напримѣръ, на Ильинкѣ— Никола большой крестъ, на Никольской—Спасъ старый, церковь Владимирской Богородицы. Изъ этого очевидно, что нѣсколько уличныхъ перекрестковъ носили одно имя своей улицы и другъ отъ

друга никакимъ другимъ обозначеніемъ не отличались; стало быть, крестцомъ прозывался собственно только перекрестокъ улицы, главнымъ образомъ—площадь этого перекрестка, или же, вообще, та мѣстность улицы, которая лежала въ предѣлахъ такихъ перекрестковъ. Если изрѣдка, при обозначеніяхъ мѣстности, и протяженіе всей улицы неопредѣленно именовалось крестцомъ, отъ преобладающаго значенія на ней перекрестковъ, то, намъ кажется, эта неопредѣленность не могла служить характеристикою при выясненіи существеннаго смысла уличнаго крестца. Въ наукѣ необходимо распутывать, а не запутывать еще болѣе подобные узлы. Крестецъ, вообще, и особенно въ Китай-городѣ, до сихъ поръ носящемъ имя *города* въ исключительномъ смыслѣ по преимуществу торговой части Москвы, по естественной причинѣ былъ самымъ бойкимъ мѣстомъ, мѣстомъ многолюдья, которое толпилось тутъ за разными надобностями съ утра до вечера. Поэтому, *крестецъ*, какъ вообще *всегдашній* торгъ, всегдашній базаръ, являлся необходимымъ мѣстомъ для цѣлей старинной правительственной публичности, гласности. На *торгу*, на торговой площади, объявлялись указы и всякія распоряженія государственнаго и городского управленія. Очень понятно, почему и Лобное мѣсто, эта государева трибуна, находится у торгу, у Ильинскаго крестца. Крестцомъ, однакожъ, вовсе не условливалось *цѣлованіе креста*, какъ можно заключить изъ описанія Никольскаго крестца, куда авторы сближаютъ и это цѣлованіе. Между крестцомъ и цѣлованіемъ креста никакого соотношенія не было. Цѣловали крестъ у Николы стараго, но этотъ монастырь вовсе не былъ *средоточіемъ* Никольскаго крестца, хотя и стоялъ у перекрестка улицы.

Остановимся еще на статьѣ: *Поля, какъ судебные поединки*. «О такихъ Поляхъ — говорятъ авторы—напоминаетъ намъ урочище церкви Троицы на Никольской въ *старыхъ поляхъ*, у *старыхъ поль*, теперь: *въ поляхъ*, «гдѣ, въ XVI вѣкѣ, ся поля били». Въ Бѣломъ-городѣ, урочище церкви св. Пятницы Парасковеи Бѣлогритскіе, что позадь Житного ряду (въ Охотномъ ряду), въ актахъ 1631 года обозначено у *поль* и у *старыхъ поль*. (Припомнимъ тутъ же недалеко стоявшую церковь Великомученицы Анастасіи, на Житной площадкѣ, у *поль*.) Татищевъ *указываетъ* мѣста судебныхъ поединковъ при церкви св. Георгія Побѣдоносца, по урочищу, въ *поляхъ* и на *всполѣ*, а Голиковъ—около того мѣста, гдѣ нынѣ храмъ Покрова Божіей Матери въ Кудринѣ, который въ рукописяхъ XVII вѣка называется Покровскій на *полѣ* и на *полянѣ*. Изъ этого можно заключить — оканчиваютъ авторы — что судебныя битвы, дозволенныя закономъ, происхо-

диди не въ одномъ Китай-городѣ, но и въ другихъ частяхъ Москвы» стр. 189.

А намъ *изъ этого* позволительно заключить, что, при всѣхъ упомянутыхъ церквахъ, никакихъ *судебныхъ поль* не бывало, что это все позднѣйшія басни, соображенія, основанныя на сходствѣ, на сближеніи словъ, что церкви обозначали только поля,864 вполья въ собственномъ смыслѣ, и прежде всего китайгородская *Троица старыхъ поль*, или у старыхъ поль, стоявшая первоначально по конецъ посада, а потомъ города Китая, *у Кучкова поля.* Когда поле застроилось, она стала обозначаться у *стараго поля* или у *старыхъ поль*, полей, по общему обычному употребленію урочищныхъ именъ и во множественномъ числѣ, какъ отмѣчаютъ и авторы на стр. 10, § 6.

Гдѣ несомнѣнное, прямое, фактическое указаніе, по которому возможно было бы связывать съ этою церковью у обыкновеннаго поля и мѣсто судебнаго поля? Если оно существуетъ, то необходимо выставить это впереди всего. Ни Татищевъ, ни Голиковъ не знаютъ его и указываютъ свои церкви единственно по сходству словъ. Алексѣевъ, въ Церковномъ Словарѣ, указываетъ *свое поле* у Троицы въ поляхъ въ Китай-городѣ, и разсказываетъ объ этомъ древнее преданіе, присовокупляя слово *яко-бы* и выражая тѣмъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣроятности преданія. Намъ кажется, что это преданіе, какъ и очень многія другія, сочинено въ его время. Если Татищевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ соображенію о «Георгіѣ въ поляхъ», то понятно, что Троица въ поляхъ подавала еще бо̀льшій поводъ къ сочиненію преданія, находясь вблизи Кремля и, слѣдовательно, вблизи суда. Алексѣевъ такъ разсказываетъ: «Есть древнее преданіе, что въ городѣ Китаѣ, что̀ въ Москвѣ близъ Никольскихъ воротъ, напредь сего были три полянки съ нарочною канавою, у которой по сторонамъ ставши соперники, и наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетянетъ, тотъ и былъ правъ, отчего *якобы* до днесь осталось урочищу прозваніе у «*Троицы въ поляхъ*» (Церк. Словарь, ч. III, Спб. 1818).

Авторы прибавляютъ къ этому, стр. 193: «Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ черезъ Неглинную. Предъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и мировую, о чемъ напоминаетъ намъ старая пословица: *Подавайся по рукамъ! легче будетъ волосамъ!* Въ противномъ случаѣ, они хватались, какъ говорится, за *святые волосы*». Но пословица не значитъ: подавать руки на миръ, бить по рукамъ, какъ думаютъ авторы, а значитъ, что когда дерутъ за волосы — подавайся по рукамъ, куда тянутъ руки, будетъ легче

волосамъ. Такимъ способомъ, складывалъ многія преданія покойный Макаровъ (Русскія преданія. М. 1838—1840). Вотъ, напр., что разсказываетъ онъ о *Прѣснѣ:* «Гостепріимная Россія имѣла въ старину свои обычаи для своихъ гостей. Гости новгородскіе, смоленскіе, нѣмцы, люди отъ свейскаго народа не имѣли въ Москвѣ *мѣстъ безъ договора.* Безъ осуды святительской, безъ приговора князя Великаго не ступали *нежданные* по землямъ города Русскаго!... Для гостей заѣзжихъ была слобода *пріѣздная,* и въ этой *пріѣздни* отбирали у гостя показаніе по крестному цѣлованью: какъ, зачѣмъ и по какому дѣлу пріѣхалъ онъ на Русь православную. Въ позднѣйшее время, слобода *пріѣздная,* со всѣми ея приселками, поступила во власть и дань царевичей грузинскихъ — усердныхъ слугъ государей московскихъ; и вотъ, *пріѣздня* скоро изъ пріѣздни преобразовалась въ *пріѣсню* и въ Прѣсню!..» Разсказъ почти вѣроподобный, хотя и нельзя ручаться за историческую достовѣрность — оговариваетъ авторъ — этого разсказа, взятаго имъ (будто бы) изъ рукописи своего родственника Кропотова. «При этомъ къ мѣсту будетъ замѣтить — продолжаетъ авторъ — что и въ другихъ нашихъ городахъ есть еще слободы *въѣздныя* и *выѣздныя.* Это сколокъ, можетъ быть, съ родоваго обычая». Мы полагаемъ, что основаніемъ этой сказкѣ-складкѣ послужило сближеніе словъ: *въѣздныя* слободы и *пріѣздныя,* которыхъ, если и не было на самомъ дѣлѣ, такъ онѣ должны были явиться вслѣдствіе указаннаго соображенія. Очень жаль, что авторы, во многихъ мѣстахъ своей книги, слѣдуютъ и теперь этому застарѣлому, вовсе не научному пріему, объяснять наши древности, который въ такомъ ходу былъ въ первыя времена нашей исторической и археологической науки именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

И. Забѣлинъ.

Редакція покорнѣйше проситъ исправить въ первой статьѣ «Древностей Москвы» И. Е. Забѣлина (см. выше т. I, отд. II, стр. 367—418) слѣдующія ошибки, незамѣченныя въ корректурѣ:

На стр. 371, въ прим. 1: напечатано Жовскій, вм. *Оковскій.*

На стр. 389, строч. 7 снизу: напечатано 500, вм. *50.*

IX.

РУССКОЕ МАСОНСТВО

ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ.

Новиковъ и московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Лонгинова. Москва, 1867.

«Имя Новикова—такъ начинаетъ г. Лонгиновъ свою книгу— стало пользоваться громкою извѣстностью въ Россіи болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія общее вниманіе образованныхъ людей было обращено на дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка и его друзей. Несчастіе, постигшее Новикова, положило конецъ не только этой дѣятельности, но и толкамъ и разсужденіямъ о ней. Предметъ такого рода не могъ подлежать, по весьма понятнымъ причинамъ, вѣдѣнію печати въ теченіе длиннаго періода времени. Послѣдователи Новикова, такъ-называемые мартинисты и масоны, ограничивали также очень долго свои бесѣды и воспоминанія о немъ и объ его обществѣ тѣснымъ кружкомъ немногихъ избранныхъ. Причины тому были, преимущественно, слѣдующія. Люди эти не хотѣли выступать передъ публикой съ разсказами о прошедшемъ и подвергать завѣтныя свои убѣжденія презрительнымъ насмѣшкамъ несвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей, которыхъ ободряло осужденіе, поразившее оффиціально Новикова и его дѣйствія. Притомъ же, послѣ гоненія, испытаннаго Новиковымъ, разсказы о немъ могли возбуждать подозрѣнія въ сочувствіи къ дѣлу его, ославленному опаснымъ, и къ людямъ, провозглашеннымъ зловредными. Такимъ образомъ, молчаніе объ обстоятель-

ствахъ, касавшихся до Новикова, происходившее изъ скромности и изъ опасеній, обратилось надолго въ какую-то привычку. Даже въ то время, когда масонскія ученія, близкія по духу къ новиковскому, опять взяли силу и стали (около 1810 года) проповѣдываться въ довольно значительномъ числѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, выходившихъ не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ, — молчаніе о лицахъ, составлявшихъ новиковскій кругъ и участвовавшихъ въ его дѣятельности, все-таки почти не нарушалось. Развѣ изрѣдка прерывалось оно въ печати полунамеками и загадочными иносказаніями.....»

Эти замѣчанія достаточно объясняютъ, какимъ образомъ могло случиться, что личность, подобная Новикову, личность, имѣвшая, въ свое время, чрезвычайно обширное вліяніе, не смотря на то могла, на долгое время, почти совершенно изгладиться изъ памяти общества, такъ что теперь историкъ не безъ особеннаго труда возстановляетъ факты жизни и дѣятельности этого человѣка,— будучи лишенъ почти всякихъ прямыхъ преданій (Новиковъ умеръ въ 1818 году) и вынужденный ограничиваться почти одними оффиціальными документами, изображающими послѣднюю насильственную катастрофу этой дѣятельности. Историческій интересъ къ Новикову появился очень недавно, собственно говоря— всего нѣсколько лѣтъ назадъ, и историкамъ пришлось собирать о немъ свѣдѣнія по крохамъ и отрывкамъ. Непосредственной памяти объ этой дѣятельности уже не было. Таковъ фатумъ, не одинъ разъ падавшій на нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Къ сожалѣнію, такая неизвѣстность лежитъ въ большей или меньшей степени на всей внутренней исторіи нашего общества. Мы знаемъ военныя дѣянія и, вообще, внѣшнюю оффиціальную исторію государства, но внутренняя исторія общества, идущая медленно, но твердо къ цѣли своего развитія, и представляющая наиболѣе глубокій нравственный интересъ,—эта исторія до сихъ поръ остается для насъ покрыта или полнымъ туманомъ, или тѣми же «полу-намеками» и «загадочными иносказаніями». Ревнивые патріоты очень нерѣдко упрекали общество за его равнодушіе къ прошедшему и къ его славнымъ дѣятелямъ; но эти упреки едва ли были справедливы, когда общество, вмѣсто исторіи, находило въ существовавшемъ запасѣ одни послужные списки и реляціи, или одинъ сырой матеріалъ, безъ связи и безъ освѣщенія. Не всякій можетъ самъ сдѣлаться историческимъ изслѣдователемъ, чтобы понимать полу-намеки, наполнять соображеніями пробѣлы и создавать цѣлую картину изъ сырого матеріала, притомъ весьма недостаточнаго (даже и не по винѣ самыхъ ревностныхъ спеціальныхъ изыскателей). Подобныя обви-

ненія казались намъ всегда не совсѣмъ справедливыми,—а за послѣднія десятилѣтія—и вполнѣ несправедливыми. Та часть общества, которую сколько-нибудь можно называть образованною, всегда интересовалась тѣми книгами, гдѣ она могла находить нѣчто похожее на настоящую исторію, особенно новѣйшую. Въ надеждѣ найти эту исторію, русскій читатель покушался на самыя неудобоваримыя произведенія; онъ и теперь съ самоотверженіемъ читаетъ «Русскій Архивъ»,—книгу, которая во всякой нормальной литературѣ осталась бы только книгой для спеціалистовъ, а никакъ не для «большой публики», и которая у насъ могла, однако, въ короткое время имѣть два изданія. Съ другой стороны, книга, дѣйствительно говорящая объ этой настоящей и интересной для общества исторіи, книга дѣйствительно живая, всегда будетъ имѣть несомнѣнный и быстрый успѣхъ;—такъ было недавно съ книгой Е. П. Ковалевскаго, если не ошибаемся, уже не существующей въ продажѣ.

Такимъ образомъ, общество можно было бы винить за равнодушіе развѣ къ той только исторіи, какая ему обыкновенно предлагалась. А предлагались, почти всегда, вещи, едва ли заслуживающія названія исторіи. Мы не будемъ входить здѣсь въ мудреное изслѣдованіе причинъ, которыя дѣлали невозможнымъ появленіе исторіи настоящей. Онѣ довольно понятны изъ самаго характера нашей общественной жизни и положенія литературы. Еще очень недалеко время, когда изъ литературнаго изложенія были положительно исключаемы цѣлыя историческія эпохи, и обсужденіе историческихъ событій затруднялось разнообразными ограниченіями, которыя, въ концѣ концовъ, часто дѣлали это обсужденіе совершенно невозможнымъ. Исторія есть публичность въ прошедшемъ; и въ этомъ прошедшемъ она можетъ быть только тогда, когда получаетъ извѣстныя права и въ настоящемъ, потому что настоящее и прошедшее связываются слишкомъ крѣпкими и разнообразными узами. Поэтому, исторія растетъ съ публичностью и общественнымъ мнѣніемъ; наше время, взятое въ цѣломъ, поставлено, въ этомъ отношеніи, нѣсколько выгоднѣе прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія стала нѣсколько возможнѣе прежняго. Пожелаемъ, чтобы она еще больше имѣла успѣха въ этомъ направленіи,—это не можетъ принести ничего иного, кромѣ пользы, и пользы глубокой и существенной.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе исторіи своего отечества есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ достиженію общественнаго самосознанія, безъ котораго невозможна никакая разумная общественная жизнь, никакая дѣятельность, желающая руководиться истинными интересами общества и истинными нравственными нача-

лами. О необходимости этого самопониманія говорили въ последнее время весьма различныя стороны и оттѣнки нашей литературы и общества (хотя большинство ихъ все еще не уразумѣвало, въ чемъ именно оно должно состоять), потому что всѣмъ чувствовался его недостатокъ, и всѣмъ казалось, что оно подтвердитъ своими аргументами ихъ мнѣнія, а не мнѣнія ихъ противниковъ. Одно изъ лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ этому самопониманію и даетъ именно то историческое изученіе, которое теперь болѣе глубоко, чѣмъ когда-нибудь, стремится къ разъясненію внутренняго развитія общества, къ точнѣйшему опредѣленію условій, содѣйствующихъ или мѣшающихъ этому развитію. Польза исторіи, конечно, не такова, какъ понимали ее въ старину; ея уроки не похожи на мораль басни: будь послушенъ, будь прилеженъ, и т. д., потому-что прямо и непосредственно исторія, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ много примѣровъ успѣха зла и несправедливости, гибели добра и правды; ея уроки шире и глубже: объясняя великія внутреннія движенія общества, она научаетъ понимать въ извѣстныхъ фактахъ и явленіяхъ ихъ основную идею, отличать то, что̀ бываетъ въ нихъ требованіемъ времени и процесса развитія, и то, что̀ составляетъ только тупую инерцію старой отживающей силы, дошедшей до конца своей роли,—ясно видѣть въ этихъ явленіяхъ то, что̀ впервые является въ жизнь новымъ элементомъ, справедливо требующимъ себѣ мѣста, и рано или поздно долженствующимъ достичь его, и то, что̀ бываетъ только упрямой неподвижностью старыхъ преданій, упорство которыхъ только усиливаетъ напряженіе борьбы и дѣлаетъ ее только болѣе тяжкимъ трудомъ и испытаніемъ для общества. Такая наука не даетъ правилъ ходячей морали, но она можетъ опредѣлять всю дѣятельность мыслящаго человѣка, указать ему свѣтлый идеалъ, которому долженъ отдаться человѣкъ, уважающій свое достоинство и желающій служить своему обществу, и можетъ помочь ему извлечь изъ этого идеала твердое понятіе о своемъ человѣческомъ и гражданскомъ долгѣ.—Въ здоровой и сильной націи, идущей съ дѣйствительнымъ сознаніемъ и путями цивилизаціи, историческое движеніе можетъ быть только прогрессомъ, постояннымъ совершенствованіемъ,—иначе были бы безплодны всѣ усилія геніальныхъ людей, всѣ успѣхи наукъ и искусствъ, всѣ громадные труды націй. Судьба отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, геніальныхъ умовъ или друзей человѣчества, часто бывала печальна,—но ихъ трудъ рѣдко пропадалъ, и если потомство, наконецъ, оцѣняетъ ихъ, эта оцѣнка есть нравственное и умственное завоеваніе, которое сдѣлано обществомъ съ тѣхъ поръ, и сдѣлано во имя стремленій и при помощи этихъ

самыхъ людей. А если таково значеніе историческаго развитія, то изученіе исторіи можетъ быть однимъ изъ самыхъ благотворныхъ изученій, указывая смыслъ идей, составляющихъ предметъ общественной борьбы, и укрѣпляя часто упадающее передъ трудностями мужество тѣхъ, кто стоитъ за дѣло истины и дѣйствительной пользы общества.

Назидательность этого рода имѣетъ всякая исторія, или всякая историческая книга, которая разсказываетъ о внутренней жизни человѣческаго общества, а не объ однихъ фактахъ его внѣшней судьбы. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, какъ ни безконечно разнообразіе историческихъ явленій, какъ ни различна бываетъ обстановка историческаго процесса, которую производятъ раса, или нація, географическая мѣстность, климатъ, преданія, религія, правленіе, формы общественной жизни, нравы, и т. д., — но самый внутренній процессъ до замѣчательной степени единообразенъ и простъ по своей сущности, потому что онъ весь построенъ на физическихъ потребностяхъ и нравственныхъ потребностяхъ человѣческой природы. А эта природа вездѣ одна и та же человѣческая природа. Поэтому, для тѣхъ, кто способенъ понимать уроки исторіи, можетъ быть чрезвычайно поучительна и исторія Англіи, Германіи или Франціи, и даже исторія Испаніи, Турціи или Бухары. Но, естественно, что исторія отечественная, изложенная въ упомянутомъ смыслѣ, имѣетъ для насъ высокую степень этого интереса и назидательности, потому что передаетъ судьбу народа, личностей и идей, совершавшуюся, если не при совершенно тѣхъ же, то при значительной долѣ тѣхъ же самыхъ условій, въ какихъ совершается наша судьба и судьба нашихъ идей. Не говоримъ уже о томъ, что естественная привязанность къ своему сообщаетъ намъ несравненно бо̀льшую степень воспріимчивости и участія къ историческимъ событіямъ, идеямъ и личностямъ нашего народа.

Понятно изъ этого, что мы съ особеннымъ любопытствомъ встрѣтили книгу г. Лонгинова: предметъ ея есть, именно̀, одно изъ тѣхъ явленій нашей внутренней общественной жизни, которыя намъ, вообще, такъ мало извѣстны и большинству такъ мало понятны, и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, а личность, около которой группируются описываемыя событія, есть замѣчательная личность, имѣвшая ту странную судьбу въ нашихъ историческихъ воспоминаніяхъ, какая представлена въ приведенныхъ выше первыхъ строкахъ книги. Эта книга старается, если не разъяснить, то описать обстоятельнѣе цѣлое общественное явленіе, обнимающее довольно продолжительный періодъ времени, и до сихъ поръ извѣстное крайне-отрывочно и неясно. Нови-

ковъ составлялъ центръ франкъ-масонскаго движенія въ концѣ прошлаго столѣтія, и его дѣятельность въ обширной степени простиралась на общественную жизнь и литературу. Въ нашей новѣйшей исторіи онъ стоитъ едва ли не первымъ человѣкомъ, который, если не самъ исключительно создалъ, то сосредоточилъ и оживилъ нравственно-общественное движеніе, исходившее изъ самостоятельной инціативы общества, а не изъ однихъ оффиціальныхъ указаній. До него, наша общественная жизнь, образованіе и литература были почти только выполненіемъ программы, данной петровскою реформой, выполненіемъ, не выходившимъ за предѣлы указанныхъ правилъ и образцовъ. Съ Новикова, къ этой оффиціальной инціативѣ едвали не въ первый разъ присоединяется свободная общественная инціатива, дѣйствовавшая съ тѣми же цѣлями гражданскаго улучшенія и образованности, но уже вполнѣ самостоятельно опредѣлявшая свою точку зрѣнія, свои средства и пріемы. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы до Новикова не являлось замѣчательныхъ личностей, посвящавшихъ себя на служеніе общественному благу: вовсе нѣтъ — были личности, даже несравненно болѣе талантливыя, какъ Ломоносовъ; были люди, которые столько же искренно и съ своего рода увлеченіемъ трудились для общества, какъ, напр., Сумароковъ и многіе другіе; въ трудахъ этихъ людей была иногда и значительная степень самостоятельнаго сужденія, въ результатахъ были полезныя слѣдствія, распространялось образованіе, возбуждалась любовь къ чтенію, усвоивались полезныя знанія. Но ихъ дѣятельность оставалась, по преимуществу, индивидуальной; они не создавали школы, не увлекали за собой людей общества на опредѣленную практическую дѣятельность въ духѣ одной идеи; просвѣщеніе оставалось оффиціально академическимъ или школьнымъ; литература въ своемъ воспитательномъ значеніи продолжала походить на тѣ книги, корректуру которыхъ держалъ еще самъ Петръ Великій своей царской рукой; пріобрѣтавшіяся знанія и понятія не расширялись дальше тѣхъ, которыя требовались, какъ существенная, элементарная необходимость для государственнаго хозяйства. Словомъ, общество еще утопало въ государствѣ; индивидуальныя силы, возбужденныя реформой, стали являться на ея поддержку и укрѣпили ее въ общемъ сознаніи, — но собственная инціатива общества сдѣлала еще мало, она обнаруживалась только въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ и еще не успѣла найти себѣ ни опредѣленной дороги, ни ясной цѣли, и не умѣла соединять людей для свободнаго стремленія къ совершенствованію, для общественной самодѣятельности въ тѣхъ задачахъ, которыя до тѣхъ поръ бралось исполнять только государство. Между тѣмъ, государство

могло успѣшно достигать цѣлей національнаго развитія только при условіи, когда оно могло имѣть за эти цѣли и самодѣятельность общества; а для того, чтобы могла явиться эта самодѣятельность, нужно было, чтобы заявила свои требованія индивидуальная личность, свобода нравственной человѣческой природы, которая, только при извѣстномъ просторѣ развитія, могла обнаруживать свою плодотворную энергію. На дѣлѣ, эта нравственная свобода личности имѣла въ жизни слишкомъ мало мѣста, и ея законныя и естественныя требованія слишкомъ мало укладывались въ существовавшія рамки оффиціальныхъ порядковъ: но общественная самодѣятельность была возможна только на этомъ условіи, — и создать его было именно той задачей, которая предстояла русскому обществу въ XVIII-мъ столѣтіи, послѣ усвоенія реформы Петра. Заслуга первой широкой попытки къ разрѣшенію этой задачи, въ значительной мѣрѣ принадлежитъ Новикову, и этимъ, въ общихъ чертахъ, опредѣляется его историческое значеніе. Путь его былъ указанъ обстоятельствами времени; Новиковъ могъ сильно ошибаться въ средствахъ, которыя должны были вести къ этой цѣли, во многомъ онъ положительно заблуждался, но заслуга его, тѣмъ не менѣе, остается высокой: онъ искренно и преданно служилъ общественному благу и жертвовалъ этому служенію своимъ трудомъ и — своей личной безопасностью.

Г. Лонгиновъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ началъ свои первыя изслѣдованія по этому предмету; въ настоящей книгѣ онъ завершаетъ ихъ полнымъ изложеніемъ тѣхъ свѣдѣній и матеріаловъ, которые ему удалось накопить до сихъ поръ. Критическая часть книги положительно слаба; но біографическіе факты собраны старательно. Труды г. Лонгинова были прежде, по преимуществу—библіографическіе; и здѣсь существенное достоинство книги заключается въ собраніи фактическихъ данныхъ для біографіи Новикова. Въ этомъ отношеніи, книга сообщаетъ весьма много цѣннаго и, отчасти, до сихъ поръ неизвѣстнаго матеріала, дающаго чрезвычайно интересныя черты для исторіи русскаго просвѣщенія. Таковы оффиціальные документы по «дѣлу Новикова», особенно нѣкоторые изъ указовъ императрицы Екатерины и отвѣты Новикова его слѣдователю, Шешковскому, въ первый разъ изданные г. Лонгиновымъ. Можно сказать, что эти документы впервые выставляютъ «дѣло Новикова» въ его настоящемъ свѣтѣ и вмѣстѣ разсказываютъ намъ темныя стороны нашего XVIII-го вѣка, которыя, печальнымъ образомъ, нарушаютъ ту картину этого вѣка, какую привыкли рисовать наши историки.

Личность Новикова и судьба его достаточно, впрочемъ, из-

вѣстны въ общихъ чертахъ, чтобы нужно было напоминать о нихъ читателю подробно. Изложивъ вкратцѣ содержаніе книги г. Лонгинова, мы достаточно напомнимъ факты извѣстные и укажемъ то, чѣмъ дополняетъ ихъ новая біографія. Г. Лонгиновъ разсказываетъ о происхожденіи Новикова, о его скудномъ первоначальномъ воспитаніи, недостаточность котораго оказывалась потомъ и въ его зрѣлые годы, о его первой службѣ въ измайловскомъ полку; характеризуетъ, затѣмъ, общество и журналистику до начала литературной дѣятельности Новикова, и переходитъ потомъ къ самой этой дѣятельности. Извѣстно, что она началась въ 1769—1774 г. изданіемъ сатирическихъ журналовъ, которые вошли тогда въ моду — по замѣчанію г. Лонгинова, не безъ вліянія прямого желанія императрицы, которая хотѣла развлечь вниманіе публики и отклонить его отъ шедшей тогда турецкой войны: хотя можно думать, что, принимая на себя эту журнальную инициативу, императрица могла просто слѣдовать своимъ непосредственнымъ вкусамъ — именно въ то время эти вкусы были весьма либеральны, императрица была наклонна возбуждать общественную мысль и, сама съ охотой занимаясь литературными развлеченіями, она, быть можетъ, просто желала имѣть для этого нѣсколько оживленную арену. Прекратились потомъ эти журналы не оттого, что прекратилась турецкая война, а оттого, что произошла нѣкоторая перемѣна въ самыхъ литературныхъ вкусахъ императрицы: вызванное ею литературное движеніе оказалось не вполнѣ таково, какъ она этого ожидала. Извѣстно, что журналы Новикова, въ особенности знаменитый «Живописецъ», представляютъ зачатки той, совершенно серьёзной и глубокой сатиры, которая такъ рѣдка въ нашей литературѣ, хотя за этой литературой и считаются большія сатирическія свойства. Еще раньше, чѣмъ Новиковъ окончательно оставилъ свои сатирическіе журналы, и, вѣроятно, уже чувствуя непрочность этого направленія по обстоятельствамъ литературы, отъ него независѣвшимъ, онъ обратился въ другую сторону, гдѣ, если не надѣялся принести больше непосредственной пользы, то ожидалъ гораздо бо̀льшихъ удобствъ для самаго труда. Это были его историческія изданія и собранія старыхъ памятниковъ: «Словарь о россійскихъ писателяхъ», «Древняя русская Идрографія», «Древняя русская Вивліоѳика», и пр. Новый періодъ дѣятельности Новикова начинается съ 1779 г. Это—періодъ масонства и мартинизма, время дружбы и союза съ Шварцемъ, Дружескаго общества и Типографической компаніи, наиболѣе оживленный, занятой и вліятельный періодъ въ трудовой жизни Новикова, окончившійся катастрофой 1792 года, которая разрушила лите-

ратурныя и филантропическія предпріятія Новикова и его друзей, нанесла имъ огромныя потери, нанесла еще болѣе сильный нравственный ударъ самому Новикову, и окончательно прекратила его дѣятельность. Въ 1796 г., по вступленіи на престолъ императора Павла, Новиковъ былъ немедленно освобожденъ изъ шлиссельбургской тюрьмы, и прожилъ еще лѣтъ двадцать тяжелой жизни. Но старое время уже не вернулось.

Этотъ отдѣлъ біографіи, естественно, изложенъ у г. Лонгинова съ особенной подробностью: здѣсь сосредоточивается главнѣйшій интересъ, и въ рукахъ біографа было достаточно матеріаловъ. Это былъ масонскій періодъ дѣятельности Новикова, и, чтобы ввести читателя въ область масонства, авторъ посвящаетъ этому предмету двѣ главы, подъ названіемъ: «Древніе вольные каменщики, мистики, теософы, алхимисты», и — «Новые франкъ-масоны, возобновленные тампліеры, розенкрейцеры, иллюминаты»; наконецъ, третья предварительная глава посвящена началу и распространенію масонства въ Россіи въ 1732—1779 годахъ, т. е., до того времени, когда окончательно опредѣлилось масонское направленіе въ самомъ Новиковѣ. Затѣмъ, авторъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ дальнѣйшую исторію своего героя. Мы скажемъ дальше о точкѣ зрѣнія г. Лонгинова, а теперь обозначимъ только главнѣйшія событія, разсказанныя въ его книгѣ. Новиковъ дѣлается въ первый разъ настоящимъ масономъ, т. е., вступаетъ въ ложу, еще съ 1775 г. Съ этого времени, его издательская дѣятельность (журналъ «Утренній Свѣтъ») принимаетъ мистическо-религіозной характеръ, и онъ начинаетъ свое филантропическое поприще основаніемъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Въ началѣ 1779 года, убѣжденный своими московскими друзьями-масонами, кн. Трубецкимъ и Херасковымъ, онъ переселяется въ Москву, гдѣ Херасковъ, одинъ изъ кураторовъ университета, предложилъ ему снять университетскую типографію. Новиковъ дѣйствительно снялъ ее, и съ того же года началась его московская издательская дѣятельность, принявшая, вскорѣ, весьма обширные размѣры и уже рѣшительно проникнутая масонскими тенденціями. Въ то же время, онъ встрѣтился съ Шварцемъ. Это была одна изъ самыхъ привлекательныхъ личностей всего русскаго масонства—сильный мистикъ, но едва ли не болѣе энергическій филантропъ и ревнитель просвѣщенія, хотя, конечно, понимаемаго въ мистическомъ смыслѣ. Новые друзья стали дѣйствовать въ одномъ направленіи и для одной цѣли: была, правда, разница въ ихъ взглядахъ на формы ихъ масонскаго мистицизма, но это не мѣшало ихъ дружной дѣятельности. Шварцъ, вѣроятно, не безъ ближайшаго

содѣйствія Новикова, основываетъ учительскую или Педагогическую семинарію, которая, между прочимъ, приготовляла и литературныхъ исполнителей для их масонскихъ изданій. Это было начало другихъ, еще болѣе широкихъ предпріятій. Но, рядомъ съ этимъ, начинаются и неблагопріятныя обстоятельства и предзнаменованія. Въ 1780 году пріѣзжалъ въ Россію знаменитый мистическій шарлатанъ и проходимецъ Каліостро, такъ не нравившійся Екатеринѣ, и къ этому времени относятъ первое очевидное нерасположеніе императрицы къ масонству, — хотя наше масонство, или простодушное и искреннее, или даже пустое и легкомысленное, едва ли было способно къ шарлатанству и къ политической интригѣ, и Екатерина очень ошибочно связывала наше невинное масонство съ похожденіями этого авантюриста. Въ началѣ 1781 года, масонскій кружокъ основалъ въ Москвѣ Дружеское ученое общество: главнымъ образомъ, это были Новиковъ и Шварцъ, затѣмъ двое князей Трубецкихъ, кн. Черкасскій, Херасковъ, Татищевъ, Чулковъ, Тургеневъ, Кутузовъ и братъ Новикова, — впослѣдствіи сюда вошли всѣ дѣятельные московскіе масоны. Въ слѣдующемъ году, Дружеское общество открыто было оффиціально и публично, съ разрѣшенія московскаго главнокомандующаго, гр. Чернышева, и съ благословенія митрополита Платона. Къ прежнимъ учрежденіямъ прибавилась Переводческая семинарія при университетѣ, служившая для переводныхъ масонскихъ изданій Новикова. Гр. Чернышевъ былъ расположенъ къ людямъ и предпріятіямъ этого кружка очень благосклонно. Засѣданія общества происходили публично и привлекали многочисленныхъ посѣтителей; общество мало по малу расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Поѣздка Шварца за границу (1781—82) и сношенія съ нѣмецкими ложами доставили русскому масонству самостоятельное положеніе орденской провинціи, что̀, при настроеніи кружка, дало ему еще больше нравственной увѣренности. Впрочемъ, съ 1783 г. московскіе масоны почти прерываютъ сношенія съ иностранными ложами и обращаютъ все вниманіе на ходъ своихъ предпріятій. Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ доставилъ имъ еще новыя средства: Новиковъ стѣснялся пользоваться университетской типографіей для своихъ чисто-масонскихъ изданій, а потому, тотчасъ послѣ указа, основаны были двѣ частныя типографіи, Новиковымъ и Лопухинымъ, откуда, главнымъ образомъ, и выходили спеціально масонскія изданія. Къ этому они присоединили еще тайную типографію, гдѣ издано было нѣсколько, впрочемъ, немного, книгъ, которыя предназначались собственно для избраннаго масонскаго

кружка, и которыя, впослѣдствіи, послужили однимъ изъ главныхъ формальныхъ обвиненій противъ Новикова.

Въ началѣ 1784 г., умеръ профессоръ Шварцъ, еще молодымъ человѣкомъ 33 лѣтъ. Это была существенная потеря для масонскаго дѣла, потому что Шварцъ былъ чрезвычайно ревностный, вѣроятно, наиболѣе талантливый и, несомнѣнно, наиболѣе ученый изъ всего Дружескаго общества. Но дѣла Общества продолжали процвѣтать. Рядомъ съ Дружескимъ обществомъ появляется — и, мало по малу, замѣняетъ его — Типографическая компанія, учрежденная въ 1784 году формальнымъ образомъ между главными членами московскаго масонства, какъ настоящее коммерческое предпріятіе, въ средства котораго вошли капиталы, внесенные разными членами (до 60,000 руб.) — и также цѣлый огромный запасъ изданій Новикова. Въ то же время поддерживались и разныя филантропическія заведенія кружка, школы, больницы, и т. п.

Съ 1785 г. уже открыто обнаруживаются неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства. Чернышевъ умеръ; мѣсто его, въ званіи главнокомандующаго, занялъ Брюсъ, человѣкъ суровый и вовсе нерасположенный къ филантропіи. Какъ бываетъ очень часто, Брюсъ сталъ дѣйствовать прямо наперекоръ обычаямъ своего предшественника, и началъ притѣснять масоновъ, — или мартинистовъ, какъ ихъ теперь чаще называли, — которымъ Чернышевъ покровительствовалъ. Около этого же времени, въ Баваріи поднятъ былъ іезуитами извѣстный процессъ противъ иллюминатовъ, и преслѣдованіе этого ордена (такого же тайнаго, какъ масонство, и такого же фантазерскаго, но радикально противоположнаго, по тенденціи своихъ затѣй, и потому ославленнаго масонскими іезуитами нѣмецкихъ ложъ за разбойничій вертепъ), о которомъ тогда много говорили, вѣроятно, не мало содѣйствовало успѣху наговоровъ Брюса и другихъ недоброжелателей московскаго масонства,—хотя эти московскіе масоны были, по своимъ политическимъ понятіямъ, совершенные агнцы и сами считали иллюминатовъ злодѣями рода человѣческаго и своего ордена. Но у насъ этого не понимали, или не хотѣли понимать. Къ этому прибавилось новое обстоятельство. Императрица стала подозрѣвать московскихъ масоновъ въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, который, какъ было извѣстно, имѣлъ расположеніе къ масонскому ордену. На дѣлѣ, эти сношенія были рѣдки; они ограничивались, наприм., поднесеніемъ великому князю двухъ-трехъ невинныхъ масонскихъ изданій умозрительно-мистическаго содержанія. Но, какъ бы то ни было, со

второй половины 1785 года начинаются все болѣе и болѣе возрастающія строгости противъ «мартинистовъ».

Главнѣйшіе факты этого преслѣдованія были слѣдующіе. Въ 1785 г. велѣно было Брюсу составить роспись книгамъ, изданнымъ у Новикова, а митрополиту Платону «испытать Новикова въ законѣ Божіемъ» и разсмотрѣть новиковскія изданія. Отзывъ Платона (1776) говорилъ съ высокимъ уваженіемъ о христіанскихъ качествахъ Новикова, и одобрялъ почти всѣ книги, изданныя Новиковымъ — (преимущественно религіозно-нравственныя, въ числѣ которыхъ были и сочиненія самого Платона) — Платонъ отозвался *непониманіемъ* масонско-мистическихъ книгъ, и сильно осуждалъ нѣсколько сочиненій, «гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ», которыя вышли также въ числѣ другихъ изъ типографіи Новикова, и вовсе однако не были поставлены ему въ вину. Впрочемъ, обвиненіе было уже высказано впередъ въ новомъ указѣ (отъ 23 янв. 1786 г.), присланномъ еще до полученія донесеній Платона, и гдѣ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, «наполненныхъ новымъ расколомъ (т. е. масонствомъ), для обмана и уловленія невѣждъ»; въ другомъ указѣ, присланномъ отъ того же 23 янв., повелѣвалось, между прочимъ, имѣть надзоръ за школами и осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими «скопище извѣстнаго новаго раскола». Въ томъ же 1786 г. изъ-подъ пера императрицы вышли три комедіи, имѣвшія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ масонамъ: «Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій». Въ 1787 г., является новая мѣра, хотя и общая, но, главнымъ образомъ, направленная противъ Новикова: велѣно было отобрать изъ книжныхъ лавокъ всѣ книги, «до святости (т. е. до религіи) касающіяся», которыя напечатаны не въ синодальной типографіи. Самая крупная цифра книгъ, отобранныхъ по этому указу и вѣроятно сожженныхъ, приходилась на долю новиковскихъ изданій: впрочемъ, важнѣйшія изъ масонскихъ книгъ, изданныхъ въ тайной типографіи, уцѣлѣли отъ обоихъ осмотровъ; отъ перваго онѣ ускользнули, потому что были спрятаны особо, а затѣмъ онѣ были перевезены въ деревню князя Черкасскаго. Этотъ послѣдній ударъ былъ опять очень тяжелъ; онъ уже окончательно отнималъ у масоновъ возможность продолжать свое дѣло въ прежнемъ направленіи: книги религіозныя или касавшіяся до «святости» составляли главный отдѣлъ въ ихъ изданіяхъ и главное средство для распространенія дорогихъ имъ мистическихъ идей. Но Типографическая Компанія не могла бросить книжныхъ предпріятій: они были на-

чаты слишкомъ широко, интересы были слишкомъ далеко заведены и спутаны, чтобы можно было ликвидировать дѣла,—тѣмъ больше еще, что ликвидація должна была быть крайне убыточной, когда предпріятіе главнымъ образомъ держалось именно тѣмъ, что̀ стало теперь чистой невозможностью. Такимъ образомъ, дѣло продолжалось. Новиковъ, въ 1788—89 г., жилъ уже почти постоянно въ своей деревнѣ, но все еще управлялъ дѣлами Компаніи, и послѣ мѣропріятія 1787 г. опять обратился къ тѣмъ историческимъ и археологическимъ изданіямъ, какія были первымъ предметомъ его издательскихъ предпріятій. Въ числѣ книгъ этой новой исторической серіи является второе, значительно распространенное изданіе «Вивліоѳики», «Дѣянія Петра Великаго», Голикова, «Лѣтопись о мятежахъ» и пр., книги, которыя еще до недавняго времени составляли необходимѣйшій матеріалъ, для людей занимавшихся русской исторіей. Въ 1788 г., вѣроятно по какимъ нибудь новымъ доносамъ на Новикова, императрица запретила вновь отдавать ему университетскую типографію по истеченіи срока его аренды въ 1789 году. Эта новая аренда, конечно, и не состоялась: Новиковъ простился съ своими читателями въ «Моск. Вѣдомостяхъ» и кончилъ дѣла съ университетомъ. Недолго продолжалась и Типографическая Компанія. Обстоятельства становились все тяжелѣе; событія французской революціи отразились паникой и въ русскихъ высшихъ сферахъ, какъ намъ ни странно теперь читать, что въ то время въ Россіи могли быть какія нибудь опасенія подобнаго рода. Но тутъ же случилось «дѣло Радищева», — какъ извѣстно, совершенно одинокаго фантазера или мечтателя, который былъ простодушенъ до того, что находилъ въ это время возможнымъ печатать книгу въ родѣ своего «Путешествія». Императрица сочла его за «мартиниста», тогда какъ онъ просто начитался Руссо. Въ Москву назначенъ былъ между тѣмъ новый главнокомандующій Прозоровскій, старый фрунтовой генералъ, видѣвшій всю политическую мудрость въ строжайшей дисциплинѣ, человѣкъ надменный по характеру, ограниченный по уму и плохо образованный, о назначеніи котораго Потемкинъ писалъ императрицѣ такъ: «Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества» (Лонгин., стр. 301). Нечего и говорить, что опять это былъ недругъ масонскаго кружка, и впослѣдствіи онъ всячески старался повредить имъ. Они остались безъ покровителей: прежніе сотрудники императрицы, свидѣтели лучшихъ лѣтъ ея царствованія, Панины,

Чернышевъ, Бибиковъ, гр. Орловъ, Тепловъ, Олсуфьевъ и др. уже не существовали въ это время, и общество Новикова не могло имѣть съ этой стороны помощи, какую могло бы имѣть прежде. Въ 1791 г., Типографическая Компанія, наконецъ, закрылась подъ давленіемъ обстоятельствъ, за невозможностью дѣлать что нибудь при столь неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и подъ тяжелыми и крайне несправедливыми подозрѣніями. Въ этомъ году императрица уже думала объ арестѣ Новикова и послала въ Москву графа Безбородко изслѣдовать положеніе дѣла, давъ ему полномочіе арестовать Новикова, если найдетъ къ этому достаточное основаніе. Безбородко очевидно не желалъ брать на себя дѣло, казавшееся ему несправедливымъ, и не воспользовался своимъ полномочіемъ къ большой досадѣ Прозоровскаго. Но это не на долго отсрочило развязку. Въ 1792 г., она совершилась. Назначено было слѣдствіе, по поводу, совершенно постороннему главнымъ подозрѣніямъ противъ Новикова; при слѣдствіи, эти главныя подозрѣнія (все тѣ же несчастныя политическія подозрѣнія) не оправдались, но за Новиковымъ нашлись нарушенія типографскихъ и цензурныхъ правилъ, и онъ, безъ суда, заключенъ былъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость: при немъ позволено было находиться только одному изъ его молодыхъ друзей. Это было въ 1792 г. Но въ 1796 году воцарился Павелъ I, и Новиковъ былъ тотчасъ освобожденъ. Онъ прожилъ еще въ своемъ деревенскомъ уединеніи до 1818 года, и умеръ 74 лѣтъ.

Таковы общія черты этой исторіи. Мы постараемся дальше разобрать подробности «дѣла Новикова», которое составляетъ такой печальный и, къ сожалѣнію, такой характеристическій эпизодъ въ исторіи русскаго образованія. Обратимся къ тѣмъ объясненіямъ, какія даетъ г. Лонгиновъ дѣятельности Новикова и вообще русскому масонству. Въ «изслѣдованіи» о подобномъ предметѣ передъ нами естественно являются вопросы: какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ, столь мало развитомъ и только что разбуженномъ реформой, еще съ половины прошлаго столѣтія могло начаться движеніе, которое могло пріобрѣсти при Новиковѣ такіе обширные размѣры? Какой былъ смыслъ этого движенія, чтò привлекало въ немъ людей русскаго общества и привязывало къ нему? Какіе были его результаты и какіе могли бы явиться еще, еслибы то не было прервано? Вообще, къ какому роду общественной дѣятельности принадлежали стремленія Новикова, и были-ли они, въ цѣломъ, полезны или вредны?

Это — существенные вопросы, на которыхъ долженъ остановиться изслѣдователь, желающій опредѣлить значеніе Новикова

и примкнувшаго къ нему общественнаго кружка. До сихъ поръ эти вопросы еще мало разъяснены, и однакоже они исторически необходимы [1]). Мы привыкли уважать имя Новикова, несомнѣнно и заслуживающее большого уваженія, но исторически мы еще не опредѣлили: въ чемъ же состоитъ заслуга Новикова, гдѣ ея сущность и — гдѣ ея границы, а она имѣетъ свои очень опредѣленныя границы. Принципъ, которому служилъ Новиковъ, нельзя принимать на-слово и слишкомъ легко мириться съ нимъ изъ-за личныхъ достоинствъ его защитника. Изъ того же принципа, которымъ руководились Новиковъ и его друзья, вышли и люди, достойные презрѣнія. Мистицизмъ имѣлъ у насъ свою благопріятную сторону въ литературныхъ и филантропическихъ трудахъ Новикова, и свою ужасную и позорную сторону въ подвигахъ Магницкаго и ему подобныхъ. Далѣе, извѣстные вкусы и понятія, когда они доходятъ до размѣровъ общественнаго направленія, какъ это было въ масонствѣ новиковскаго кружка, не могутъ быть приписываемы ни модѣ, ни личному вліянію одного человѣка, увлекающаго другихъ своею энергіею и талантомъ: для того, чтобы образовалось направленіе, тенденція, нужны болѣе обширныя причины, нужно, чтобы общественное настроеніе было способно къ этой тенденціи, могло дать ему пищу и опору. Такимъ образомъ, вопросъ о Новиковѣ сводится къ цѣлому вопросу о состояніи русскаго общества въ XVIII-мъ столѣтіи.

Но такого изслѣдованія нѣтъ въ книгѣ г. Лонгинова. Онъ собралъ факты о жизни и трудахъ Новикова, но не съумѣлъ объяснить ихъ связи съ временемъ и историческаго значенія. Однимъ словомъ, въ своей исторической критикѣ, авторъ обнаружилъ столько же пониманія вещей, сколько обнаруживаетъ въ своихъ публицистическихъ опытахъ. Къ сожалѣнію, онъ и не знаетъ даже, какимъ образомъ нужно было подойти къ историческому объясненію подобнаго явленія. Приведемъ два-три примѣра. Чтобы ввести читателя въ масонскую дѣятельность Новикова, онъ употребляетъ на то три упомянутыя выше главы о мистикахъ, теософахъ, алхимикахъ, иллюминатахъ, тампліерахъ и т. д., очевидно, самымъ смутнымъ образомъ представляя себѣ, откуда брались эти мистики, теософы и иллюминаты, зачѣмъ они вообще были нужны, чего имъ хотѣлось, и съ какой стати наши предки XVIII-го столѣтія тоже захотѣли быть мистиками,

[1]) Лучшее, что до сихъ поръ написано объ этомъ, были статьи Ешевскаго; къ сожалѣнію, работы Ешевскаго остались неконченными, и написанное имъ не обнимаетъ вопроса вполнѣ.

масонами, теософами, и т. д. Эти главы, вѣроятно, будутъ сильно запутывать читателя, если онъ самъ мало знакомъ съ описываемыми вещами. Г. Лонгиновъ объясняетъ, что такое алхимія или теософія, пересчитываетъ алхимиковъ и теософовъ, начиная съ «древней» Греціи, припоминаетъ объ элевзинскихъ таинствахъ, о еврейскихъ ессеяхъ, о римскихъ содаліяхъ, о первыхъ христіанахъ въ Римѣ изъ каменьщиковъ, пересчитываетъ затѣмъ Алманзора, Разеса, Алфарабія «у аравитянъ», приводитъ кучу именъ изъ среднихъ вѣковъ и т. д.; переходя потомъ собственно къ масонству, разсказываетъ преданіе о началѣ масонской мудрости и происхожденіи ея отъ луча свѣта, который озарялъ рай и освѣтилъ Адама въ странѣ изгнанія; разсказываетъ о рабочихъ, строившихъ Соломоновъ храмъ; находитъ, что въ средніе вѣка, около X вѣка, «образовалась корпорація (изъ художниковъ и рабочихъ каменьщиковъ), имѣвшая сходство съ существовавшею при постройкѣ Соломонова храма и, подобно послѣдней и римскимъ содаліямъ, признаваемая многими (?) за учрежденіе, положившее основаніе новѣйшему франкъ-масонству» (стр. 47); онъ упоминаетъ и о томъ, что братъ англійскаго короля Адельстана, Эдвинъ, «любитель и знатокъ архитектуры», выпросилъ у короля хартію, дававшую этимъ рабочимъ право самоуправленія, и, сдѣлавшись великимъ мастеромъ этой обширной корпораціи или братства, онъ «въ 926 году созвалъ всѣхъ членовъ его и вручилъ имъ *письменный статутъ*, правила котораго предписывали братьямъ: почитаніе и соблюденіе божественныхъ законовъ, вѣрность государю, любовь къ ближнимъ безъ различія ихъ вѣрованій и тому подобныя правила частной и общественной нравственности» (стр. 47). Однимъ словомъ, г. Лонгиновъ, взявши себѣ въ руководство двѣ-три масонскія мнимо-историческія книги, принимаетъ за чистую исторію масонскія бредни, которыми черезъ мѣру усердные масоны прикрашивали исторію своего ордена, между прочимъ приписывая ему, за неимѣніемъ лучшихъ основаній, авторитетъ по его мнимо-глубокой, незапамятной древности. На все это достаточно пока замѣтить, что «многіе, признающіе» англійскую корпорацію каменьщиковъ X-го вѣка, *подобно* обществу рабочихъ, строившему Соломоновъ храмъ, и *подобно* римскимъ содаліямъ, за начало масонства XVIII и XIX вѣка — или большіе чудаки, или крайніе невѣжды въ исторіи; а «письменный статутъ» принца Эдвина есть простая поддѣлка новѣйшихъ ревнителей масонства, вздорность которой доказана и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ томъ же родѣ у г. Лонгинова и новѣйшая исторія масонства: онъ набираетъ именъ и кличекъ, прибавляетъ какіе-нибудь эпитеты,

и это объясняетъ ему все: одинъ — истинный масонъ и порядочный человѣкъ; другой — ложный масонъ и потому негодяй; третій — иллюминатъ и, слѣдовательно, извергъ и т. п. Направленія происходятъ очень просто: является неизвѣстно откуда человѣкъ и выдумываетъ направленіе, и затѣмъ набираетъ послѣдователей, какъ набираютъ грибы; неужели люди идутъ за всякимъ, кто захочетъ взять ихъ въ свои послѣдователи, неужели общественное направленіе есть только личный капризъ, люди только бараны, и какъ будто направленія, даже самыя ошибочныя, не имѣютъ своихъ общихъ причинъ и основаній — въ характерѣ и состояніи цѣлаго общества? Подобными вопросами г. Лонгиновъ не затрудняется. Онъ вычиталъ, напр., гдѣ-то, что иллюминаты были изверги, желавшіе ниспровергнуть общественный порядокъ, и затѣмъ онъ уже и не называетъ ихъ иначе, какъ злодѣями, не зная, между прочимъ, того, что эту репутацію сдѣлали имъ главнымъ образомъ баварскіе іезуиты и берлинскіе обскуранты изъ розенкрейцеровъ; онъ не понимаетъ, что между иллюминатами (какъ и между масонами) были и дикіе фантазеры и люди благородные и просвѣщенные: на дѣлѣ оказывается, что между иллюминатами, этими разбойниками съ большой дороги по понятіямъ г. Лонгинова, были люди, какъ Гёте, Гердеръ, Песталоцци, были нѣмецкіе владѣтельные государи (напр., извѣстный веймарскій Карлъ-Августъ и др.), — конечно, не враги самимъ себѣ. Очень жаль, что взявшись изображать исторію русскаго масонства, посвятивъ на это много труда и собравши много полезныхъ свѣдѣній, г. Лонгиновъ не потрудился заглянуть въ какую нибудь порядочную книгу, которая бы объяснила ему положеніе европейскаго общества въ XVIII вѣкѣ и значеніе тогдашняго масонства.

На самомъ дѣлѣ, для объясненія историческаго значенія масонства вовсе не нужно идти до Адама. То масонство, о которомъ мы говоримъ, начинается не дальше полутораста лѣтъ тому назадъ. Всѣ толки самихъ масоновъ о строеніи Соломонова храма, объ элевзинскихъ таинствахъ, объ ессеяхъ и пиѳагорейцахъ, даже о происхожденіи свободныхъ каменьщиковъ отъ заговора приверженцевъ Карла I, хотѣвшихъ отомстить за его казнь, или, наоборотъ, происхожденіе ихъ отъ коварныхъ мѣръ Кромвеля для утвержденія своей власти, — всѣ эти и подобныя толкованія, усердно повторяемыя нашимъ изслѣдователемъ, не имѣютъ исто-

рическаго значенія, и здравыя новѣйшія изысканія о началѣ ордена представляютъ его очень просто и естественно [1]).

Масонство, какъ дружеское и братское общество людей, соединяющихся для собственнаго нравственнаго совершенствованія, въ этомъ смыслѣ есть явленіе новое и восходитъ, какъ мы сказали, только къ началу XVIII вѣка. Единственная историческая связь его съ давнимъ прошедшимъ есть внѣшняя связь его съ средневѣковыми строительными гильдіями или цѣхами. Эти гильдіи, трудъ которыхъ создалъ великіе готическіе соборы западной Европы, существовали и въ Англіи; они здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ и какъ многія другія корпоративныя учрежденія (напримѣръ, университеты) имѣли свои различныя корпоративныя отличія и привилегіи, между прочимъ право суда, и потому назывались свободными каменьщиками (Free-Masons), названіе, оставшееся за новѣйшими франкъ-масонами и дававшее имъ поводы къ выдумкамъ о своемъ древнемъ происхожденіи. Старые обычаи и нравы этихъ строительныхъ цѣховъ представляли много сходства въ разныхъ странахъ съ обычаями многихъ другихъ средневѣковыхъ цѣховъ: ихъ внутреннее устройство имѣло цѣлью сохраненіе и распространеніе переходившихъ по преданію правилъ и секретовъ искусства, нравственную дисциплину между то-

---

[1]) Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе ознакомиться съ *дѣйствительной* исторіей масонства, мы сдѣлаемъ слѣдующія указанія. Эта настоящая критическая исторія, болѣе или менѣе свободная отъ масонскаго баснословія, начинается только недавно, — послѣ того, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія лучшіе масоны стали заботиться о томъ, чтобы освободить орденъ отъ шарлатанскаго мистицизма и миѳологическихъ выдумокъ. Таковы были стремленія Боде, извѣстнаго «просвѣтителя», книгопродавца Николаи, Фесслера и др. (Лессингъ еще принималъ происхожденіе масонства отъ храмовыхъ рыцарей). Вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ очистить самый орденъ, явилась и критическая мысль объ его исторіи. Таковы были прежде всего труды Шрёдера (котораго не надо смѣшивать съ другимъ Шрёдеромъ, играющимъ незавидную роль въ нѣмецкомъ масонствѣ XVIII вѣка), Шнейдера, Краузе и Гельдманна. Этотъ послѣдній доказалъ, между прочимъ, подложность извѣстной Кёльнской грамоты 1535 г. Но въ особенности имѣютъ значеніе новѣйшіе труды *Клосса* (J. G. B. Fr. Kloss): Die Freimaurerei in ihrer wahren Bedeutung, Frankf. a. M. 1846; Geschichte der Freim. in England, Irland und Schottland, Frankf. 1848; Geschichte der Freim. in Frankreich, 2 Bde, Frankf. 1851—53; и Bibliographie der Freim., Frankf. 1844. Клоссъ, вообще, есть лучшій и самый основательный изъ историковъ этого общественнаго явленія новой Европы; онъ въ первый разъ опредѣлительно указалъ генетическую связь масонства съ средневѣковыми цѣхами. Далѣе, *Фаллу* (Fr. Albert Fallou): Mysterien der Freimaurerei, oder die verschleierte Gebrüderung, Verfassung und Symbolik der teutschen Baugewerke etc. Leipzig 1848, — представляетъ критическую попытку объясненія внутренняго содержанія масонскихъ орденовъ и символики. См. также сочиненія Келлера (Gesch. der Freim. in Deutschland, Giessen. 1859), и Финделя (Gesch. der Freimaurerei, 2-te Aufl. Leips. 1866). Книга Финделя представляетъ, впрочемъ, скорѣе только внѣшній перечень событій, чѣмъ строгую исторію внутренняго развитія.

варищами и общественное равенство среди цѣха. Но затѣмъ эти цѣхи вовсе не имѣли никакихъ тайныхъ знаній о природѣ, ея силахъ и свойствахъ, о числѣ и мѣрѣ и т. п., никакихъ преданій незапамятной древности, которыя приписываются имъ масонскими историками, и которыми хвалятся сами масоны. Фактическое изслѣдованіе средневѣковыхъ цѣховъ показало, что всѣ разсказы подобнаго свойства — совершенная выдумка и обманъ, какъ упомянутая выше мнимая іоркская конституція принца Эдвина, 926 года. Этотъ послѣдній обманъ весьма доказательно разоблаченъ Шнаазе въ его «Исторіи искусства», а Шнаазе въ въ этомъ предметѣ — авторитетъ очень надежный. Другіе обманы, напримѣръ, производство извѣстныхъ отраслей ордена отъ средневѣковыхъ тампліеровъ, разоблачались даже въ глазахъ самихъ масоновъ. Но если въ этихъ цѣхахъ не было преданій, идущихъ отъ сотворенія міра или даже отъ строенія Соломонова храма, и не было глубокаго знанія таинственныхъ силъ природы, то въ нихъ были однако оригинальныя учрежденія, любопытные обычаи и символическая обрядность — какъ подобная обрядность вообще проникала средневѣковой бытъ; была строгая дисциплина и стремленіе къ образованію не только ремесленному, но и нравственному. Общество дѣлилось и тогда на степени: ученика, товарища (подмастерья) и мастера, стоявшихъ между собой въ извѣстной естественной іерархіи; каменьщики имѣли свои условные знаки, слова и т. п., по которымъ они узнавали другъ друга; происходили особые торжественные обряды, когда являлся странствующій товарищъ или вступало въ корпорацію новое лицо. Наконецъ, какъ и многіе другіе цѣхи и учрежденія въ средніе вѣка, каменьщики имѣли своихъ святыхъ и свои легенды, естественно относившіяся къ ихъ цѣховымъ качествамъ. Наконецъ, мѣсто собраній корпораціи называлось обыкновеннымъ словомъ lodge (какъ у нѣмцевъ Bauhütte, у французовъ logis, у итальянцевъ loggia), — квартира или помѣщеніе для рабочихъ и ихъ инструментовъ. Итакъ, обрядовыя формы корпорацій были довольно общей чертой всѣхъ общественныхъ отношеній средневѣковаго быта, чтобы въ нихъ можно было видѣть какую-нибудь исключительную принадлежность одного цѣха; благочестивыя и нравственныя тенденціи цѣховыхъ корпорацій или ложъ также достаточно понятны: это было время полнаго и безраздѣльнаго господства мистицизма, обнимавшаго всѣ слои народа; и если этотъ мистицизмъ былъ таковъ, что могъ увлекать цѣлыя народныя толпы въ крестовый походъ, то могло весьма естественно случиться, что этотъ же мистицизмъ, только съ большей силой, чѣмъ въ другихъ примѣрахъ, могъ отражаться

и на тѣхъ корпораціяхъ, которыя по самому свойству ремесла должны были быть къ нему воспріимчивы, служа народному благочестію строеніемъ великихъ готическихъ каѳедраловъ и аббатствъ.

Однимъ словомъ, старые масоны (Free-Masons) Англіи, строительныя гильдіи Германіи и т. д. не представляютъ по сущности своей ничего исключительнаго въ общемъ религіозно-мистическомъ характерѣ среднихъ вѣковъ и въ корпоративномъ устройствѣ цѣховъ и гильдій. Въ Англіи, гдѣ это учрежденіе, быть можетъ, развилось сильнѣе и по обыкновенной инерціи англійскихъ учрежденій сохранялось дольше съ своими особенностями, старинныя ложи процвѣтали до конца XVI вѣка; но съ упадкомъ готическаго искусства, которому они особенно служили, и съ успѣхами стиля возрожденія упали и самыя ложи. Поэтому, съ начала XVII столѣтія больше и больше входило въ обычай, что знатные покровители и любители искусства стали принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ и положеніи цѣховъ, какъ думаютъ, для того, чтобы сблизить рабочихъ и строителей. Они назывались принятыми каменьщиками (accepted Masons). Такъ, въ послѣдніе годы XVII-го вѣка вступилъ въ ложу Вильгельмъ Оранскій, и съ той поры ремесло каменьщиковъ получило названіе «королевскаго ремесла», — что̀ позднѣйшіе масоны стали употреблять въ символическомъ смыслѣ. Но старый духъ гильдій уже изчезъ. Знаменитый лондонскій пожаръ 1666 года и постройка собора св. Павла снова оживили старое учрежденіе, но не надолго; ложи опять пришли въ упадокъ, и возстановленіе ихъ относится уже къ 1717 году, когда лондонскія ложи, оставленныя въ пренебреженіи престарѣлымъ Кристофомъ Вреномъ, строителемъ собора св. Павла, рѣшились сблизиться, имѣя одного общаго великаго мастера или гросмейстера и общій порядокъ. «Въ своемъ началѣ — замѣчаетъ одинъ историкъ — эта Великая ложа (имѣвшая такую знаменитость между масонами), быть можетъ, и сама не сознавала, какая здѣсь совершилась перемѣна и какое глубокое направленіе должно было изъ нея выйти». Но, дѣйствительно, великая перемѣна произошла: если Кристофъ Вренъ, заключившій собою старую исторію цѣха, былъ еще самъ архитекторъ и имѣлъ къ ложамъ понятное практическое отношеніе, то въ новой ложѣ являются уже далеко не одни ремесленники, а образованные люди изъ всѣхъ сословій. Великая ложа должна была получить новое устройство, которое, сохраняя извѣстный смыслъ отъ стараго учрежденія, удовлетворяло бы вмѣстѣ и потребностямъ новыхъ «принятыхъ» членовъ братства. Такимъ образомъ, вмѣсто чисто-ремесленныхъ цѣлей

старой цѣховой корпораціи на первый планъ выдвинулась его нравственная сторона: мало по малу она стала господствующей и ремесленная техника дала новому масонству только его наружныя техническія формы и метафорическій языкъ. Требованіе нравственнаго и религіознаго совершенствованія, которымъ прежніе каменьщики освящали свой ремесленный трудъ, стало теперь единственной цѣлью, соединявшей въ братство людей всякаго званія, которые стали теперь быстро стекаться въ ложи, надѣясь найти въ нихъ отвѣтъ на свои индивидуальныя нравственныя стремленія.

Итакъ, старыя ложи дали только приблизительную форму, въ которую вылилось новое содержаніе. Въ чемъ же состояло это содержаніе?

«Вся эта эпоха — говоритъ Геттнеръ въ своей книгѣ о литературѣ XVIII-го вѣка — проникнута была глубокимъ стремленіемъ сдѣлать человѣка, чистаго и свободнаго по своей природѣ, еще прекраснѣе и сильнѣе, освободить его отъ всѣхъ внѣшнихъ путъ и предразсудковъ, дать ему опору его въ немъ самомъ, въ чистотѣ и благородствѣ его собственнаго существа! Вся Англія была въ это самое время подъ живымъ впечатлѣніемъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, которыя свирѣпствовали, не переставая, со временъ Кромвеля и обоихъ послѣднихъ Стюартовъ. Всѣ благородныя сердца были утомлены безплодной враждой; вездѣ раздавался призывъ ко всеобщей терпимости и любви къ ближнему. Локкъ и великіе англійскіе деисты, Шафтсбери, Коллинзъ и Толандъ, открыто оспаривали господствующія церковныя понятія и искали такъ-называемой естественной религіи, въ которой человѣкъ, удовлетворяемый простымъ почитаніемъ всемогущаго Творца, извлекаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго Откровенія, а изъ собственнаго человѣческаго разума: за христіанствомъ оставалось его достоинство и значеніе только потому, что его содержаніемъ было чистѣйшее нравственное ученіе и самое благородное счастіе было его цѣлью». Если образованіе Великой ложи въ это самое время и было чистой случайностью, то эта случайность вполнѣ совпадала съ потребностями времени, и если Великая ложа стала разсадникомъ цѣлаго множества ложъ, распространившихся по всей Европѣ, то возможность этого явленія основывалась именно на томъ, что сама Великая ложа уже заключала въ себѣ тѣ вліянія и черты духа времени, которыя одни и могли дать этому учрежденію такую силу надъ обществомъ Англіи и другихъ европейскихъ странъ, представлявшихъ тѣже или подобныя условія. «Развѣ въ этомъ товариществѣ — продолжаетъ тотъ же авторъ —

уже не были уничтожены всякія отличія сословій и вѣроисповѣданія? Поэтому легко было сдѣлать еще шагъ дальше и также уничтожить всякія другія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка, или, если бы это не удалось, по крайней мѣрѣ ослабить и смягчить самыя вредныя ихъ стороны. Почему бы изъ этого товарищества не могъ образоваться, мало по малу, союзъ, въ которомъ бы братски встрѣчались люди всякихъ вѣроисповѣданій, сословій и климата? И если вся эта эпоха уже давно чувствовала потребность, чтобы этотъ чистый и свободный человѣкъ для своихъ новыхъ воззрѣній имѣлъ и осязательное выраженіе, новый культъ и обрядъ, гдѣ бы тѣ вещи, которыя могли казаться дѣломъ головы и пытливой мысли, стали также и дѣломъ фантазіи и сердца,—то здѣсь и были именно такіе осязательные символы и обряды... Дѣло состояло только въ томъ, чтобы этимъ стариннымъ словамъ, знакамъ и формамъ дать теперь новое значеніе и освѣтить ихъ въ духовномъ смыслѣ. Теперь надо было строить уже не внѣшній видимый храмъ, а храмъ внутренній и невидимый. Матеріаломъ для «королевскаго ремесла» должны были служить съ этихъ поръ не дерево, не камень или другія земныя средства и вещи, а жизнь и душа человѣка.— Сѣмена, заключавшіяся въ этомъ новомъ обществѣ, были, конечно, такъ плодотворны и жизненны, что нуженъ былъ только опытный и старательный уходъ нѣсколькихъ благородныхъ и умныхъ людей, чтобы довести ихъ до неожиданно высокаго развитія».

Такіе люди нашлись въ Великой ложѣ, и отсюда началась исторія масонства, которое быстро распространилось по Европѣ, потому что вездѣ находило себѣ удобную почву въ общественныхъ отношеніяхъ, благопріятствовавшихъ его утвержденію тѣмъ или другимъ способомъ. Самый первый и вмѣстѣ основной документъ этого масонства есть знаменитая въ свое время «Книга Конституцій» Андерсона (The book of Constitutions of the Free-Masons, containing the History, Charges, Regulations etc., или также просто: «Old Charges»), утвержденная и принятая за основной законъ англійскими масонами въ 1723 г. Она заключаетъ въ себѣ руководящія нравственныя и общественныя идеи, которыхъ держалось и европейское масонство въ своихъ лучшихъ формахъ, и съ которыми мы встрѣчаемся также у лучшихъ нашихъ масоновъ, напримѣръ у Новикова и Лопухина. Существенными чертами этого «стараго англійскаго» масонства, какъ называли его у насъ, были—внѣшняя обрядность средневѣковыхъ ложъ, растолкованная и измѣненная въ символическомъ смыслѣ, и деистическія и филантропическія идеи XVIII-го столѣтія. «Книга Конституцій» выражаетъ эти идеи весьма опредѣленно:

«Каменьщикъ обязанъ своимъ призваніемъ повиноваться нравственному закону; если онъ вѣрно понимаетъ это искусство, онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни наглымъ развратникомъ.... Каменьщики обязываются только къ той религіи, въ которой люди согласны, и затѣмъ имъ предоставляется имѣть свои особенныя мнѣнія; то есть, они обязываются быть людьми добрыми и вѣрными, людьми чести и честности, какими бы названіями они ни отличались. Черезъ это, масонство становится вершиной всякаго человѣческаго соединенія и средствомъ утвердить вѣрную дружбу между людьми, которые иначе должны бы были оставаться въ вѣчномъ разъединеніи». Общественное положеніе масона опредѣляется такъ: «Каменьщикъ есть мирный подданный тѣхъ гражданскихъ властей, при которыхъ онъ живетъ и работаетъ, и никогда не долженъ вмѣшиваться въ заговоры, противные миру и благосостоянію народа, ни нарушать обязанностей къ властямъ.... Поэтому, если бы братъ возмутился противъ государства, то его не слѣдуетъ въ этомъ поддерживать, но сострадать о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ». «Книга Конституцій» не исключаетъ однако возмутителя изъ ложи; но позднѣйшая редакція усилила эту статью, и возмутителя должно было удалять изъ братства. Въ ложи допускались только люди добрые и съ честнымъ именемъ, свободные по рожденію, и взрослые; крѣпостные, люди безнравственные и женщины въ братство не принимались; въ отношеніяхъ между братьями рекомендуется братская любовь, взаимная помощь и поученіе. Въ своихъ нравственныхъ правилахъ и въ своемъ способѣ выраженія, «Конституціи» Андерсона еще показываютъ несомнѣнную близость новаго учрежденія къ старому, которую мы все меньше видимъ въ позднѣйшихъ развѣтвленіяхъ масонства.

Первоначально масонство является именно съ такимъ характеромъ. Первая пропаганда шла вѣроятно въ томъ же смыслѣ, и хотя масонство уже скоро начало подвергаться порчѣ, становиться дѣломъ моды или средствомъ интриги, но лучшіе люди и въ концѣ XVIII столѣтія оставались вѣрны первымъ нравственнымъ идеаламъ. Пропаганда имѣла чрезвычайный успѣхъ: въ двадцатыхъ годахъ, масонскія ложи, кромѣ Ирландіи и Шотландіи, появляются уже во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи; въ тридцатыхъ — въ разныхъ краяхъ Германіи, въ Италіи, Швейцаріи, Португаліи, Польшѣ, даже Турціи и пр. Къ 1732 (по другимъ даннымъ, 1731) относятъ первыя ложи въ Россіи. Фридрихъ Великій еще наслѣднымъ принцемъ былъ принятъ въ масоны въ Брауншвейгѣ; въ масонство вступили и многіе другіе государи Европы и лица изъ владѣтельныхъ домовъ — въ исто-

ріи масонства извѣстны имена Густава III шведскаго, герцога Зюдерманландскаго, Фердинанда Брауншвейгскаго, и т. д. [1]).

Мы не будемъ входить въ подробности этой внѣшней исторіи масонства, и замѣтимъ еще только нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія его успѣхъ въ европейскомъ обществѣ. Русскіе получили свое масонство изъ двухъ главныхъ источниковъ: англійскаго и шведскаго, а потомъ, въ особенности, нѣмецкаго. Поэтому, для разъясненія характера русскаго масонства, полезно познакомиться съ тѣми каналами, которыми оно проникло въ русское общество. Мы видѣли, въ какихъ условіяхъ масонство сложилось въ Англіи. Подобныя отношенія дали ему дорогу и во Францію. Въ первое время оно могло быть принято здѣсь въ своей чистой, по преимуществу деистическо-нравственной формѣ; но этого рода стремленія здѣсь легко обращались къ болѣе свободной просвѣтительной литературѣ и къ начинавшемуся скептицизму, и масонство скорѣе становилось орудіемъ мистическаго невѣжества, интриги и шарлатанства. Мы упомянемъ дальше о политическихъ тенденціяхъ и мистическомъ фантазерствѣ, которыя во Франціи уже рано проникли въ масонскій орденъ, и отразились на его отрасляхъ въ другихъ земляхъ. — Что касается Германіи, которая въ этомъ отношеніи стояла къ намъ всего ближе, — то условія нѣмецкой жизни были очень благопріятны для усвоенія масонскихъ идей даже въ той строгой формѣ, какую представляютъ «Конституціи» Андерсона. Прежде всего, вопросъ существеннымъ образомъ стоялъ на религіозной почвѣ, а эта почва была въ Германіи особенно удобна: церковныя отношенія, господствовавшія послѣ реформаціи, не удовлетворяли ни свободному религіозному чувству, ни духу изслѣдованія, возбужденному реформой; католическая символика и слишкомъ мірское властолюбіе съ одной стороны, и сухой протестантскій догматизмъ, переходившій въ невыносимую школьную рутину съ другой, вызывали реакцію въ обоихъ направленіяхъ. Поэтому, еще съ конца XVII-го вѣка, мы видимъ въ умственной жизни Германіи два параллельныя явленія: постоянно возрастающее вліяніе философіи свободныхъ мыслителей англійскихъ, французскихъ и голландскихъ (Декартъ, Спиноза, Локкъ, Толандъ), и рядомъ

[1]) Новѣйшіе историки принимаютъ, однако, что Великая ложа 1717 г. была только полнымъ окончательнымъ утвержденіемъ новаго масонства, но что, собственно говоря, дѣйствіе тѣхъ нравственно-общественныхъ идей, которыя нашли здѣсь свое полное выраженіе, получило свое начало еще раньше, съ послѣднихъ годовъ XVII-го вѣка; и первыя ложи на континентѣ, — какъ, напр., въ Германіи, — встрѣчаются уже въ концѣ того же XVII-го вѣка. Но главнѣйшее распространеніе масонства, во всякомъ случаѣ, идетъ только съ Великой ложи.

съ этимъ — чрезвычайное усиленіе направленія, долго господствовавшаго въ нѣмецкой литературѣ и обществѣ съ именемъ піэтизма. Въ извѣстномъ смыслѣ, свободное мышленіе и піэтизмъ выросли здѣсь изъ одного источника, какъ реакція противъ давящаго гнёта дѣйствительности въ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Эта реакція давала двоякій исходъ для свободныхъ индивидуальныхъ стремленій, и произвела два направленія, которыя были, однако, враждебны одно другому и, впослѣдствіи, вступаютъ въ борьбу, наполняющую XVIII-е столѣтіе — борьбу свободнаго мышленія съ мистическимъ туманомъ и фанатизмомъ. Одно изъ этихъ направленій, естественно, было принято болѣе смѣлыми и логическими умами, другое — умами, менѣе сильными и больше способными на сантиментальныя увлеченія. Та дѣйствительность, противъ которой выступили эти новыя направленія, еще усложняла борьбу, въ которую вошли и политическіе элементы, такъ-что къ концу XVIII-го вѣка, это броженіе идей представляло самую пеструю картину разнообразныхъ столкновеній. Въ началѣ XVIII-го столѣтія, эти явленія еще только обозначались; умы находились въ тревожномъ исканіи и ожиданіи какихъ-нибудь новыхъ принциповъ — оффиціальное протестантство такъ мало удовлетворяло людей, что многіе уже въ это время переходили обратно въ католицизмъ; другіе успокоивались на раціонализмѣ, или скептической философіи, третьи впадали въ піэтизмъ. Исторія нѣмецкаго піэтизма далеко не ограничивается предѣлами церковныхъ отношеній; піэтизмъ не былъ одной опредѣленной школой, и своими различными оттѣнками могъ удовлетворять разнымъ степенямъ свободно-религіозныхъ стремленій, или мистическаго настроенія, и своими лучшими сторонами много способствовалъ улучшенію той церковной жизни, недостатки которой были первоначальнымъ предметомъ его оппозиціи. Въ различныхъ явленіяхъ піэтизма уже легко видѣть зародыши тѣхъ понятій, которыя мы находимъ потомъ въ масонствѣ и, вообще, онъ открывалъ дорогу и лучшимъ и худшимъ проявленіямъ масонства, напр., его филантропіи и его мистической экзальтаціи. Піэтистъ Франке еще въ концѣ XVII-го столѣтія основываетъ знаменитый «Сиротскій домъ», до сихъ поръ существующій въ Галле. Любопытно и главнѣйшее литературное произведеніе піэтизма, знаменитая «Исторія церкви и ересей» (1698 — 1700) Готтфрида Арнольда, громадный и ученый трудъ, направленный противъ мертваго догматизма и нетерпимости протестантской ортодоксіи. Чтобы доказать, что его собственный піэтизмъ, преслѣдуемый протестантскими формалистами, и составляетъ истинную сущность христіан-

ства, а господствующая іерархія — ея извращеніе, Арнольдъ старается доказать въ своей книгѣ, что истинное христіанство уже издавна находилось только въ преслѣдуемыхъ и подавляемыхъ сектахъ. Книга, конечно, очень одностороння, она преувеличиваетъ ошибки противниковъ, прикрашиваетъ слабыя стороны религіознаго фантазёрства и мистицизма ересей, но, тѣмъ не менѣе, своимъ характеромъ она отвѣтила на потребности времени и возбудила самый оживленный интересъ. Понятно, что люди, которые были затронуты книгой Арнольда, съ ожесточеніемъ напали на нее, но преслѣдуемые піэтисты приняли ее съ восторгомъ, и этотъ восторгъ представляетъ уже серьёзное свидѣтельство о настроеніи общества. Замѣтимъ, наконецъ, что піэтизмъ уже началъ и то мистическое фантазёрство, которое, впослѣдствіи, овладѣваетъ масонскими ложами: піэтисты склонны были вѣрить въ тайныя силы природы, въ дѣланіе золота, въ добываніе жизненнаго эликсира, и т. п. — они думали, что Богъ обнаруживаетъ силу чудесъ и на подобныхъ земныхъ вещахъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ піэтистовъ конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, Диппель, уже представляетъ собою примѣръ этой связи религіознаго фантазёрства съ фантазёрствомъ алхимическимъ: въ 1704 г., онъ купилъ помѣстье, чтобы заняться тамъ алхиміей въ широкихъ размѣрахъ, и хотѣлъ расплатиться за покупку золотомъ, которое должна была дать ему алхимія. Съ конца XVII-го вѣка, въ средѣ піэтизма появляются и другіе спутники крайней экзальтаціи: являются вдохновенные, экстатики, духовидцы, и т. п. Эти «возрожденные» думали, что ихъ вѣра, широкая, какъ вѣра первыхъ христіанъ, дастъ имъ право видѣть и переживать такія же чудеса и сверхъестественныя видѣнія, какими ознаменованы первые вѣка; — немудрено, что они ихъ и видѣли. Наконецъ, послѣдней степенью піэтизма бывалъ и переходъ въ совершенно противную сторону, въ смѣлыя попытки свободнаго мышленія; очень любопытный психологически примѣръ этой борьбы мысли представляетъ исторія замѣчательнаго эксцентрика и писателя этихъ временъ—Эдельмана.

Такимъ образомъ, англійское масонство, предлагавшее болѣе или менѣе чистый деизмъ внѣ всякихъ конфессіональныхъ ограниченій и съ бо́льшимъ просторомъ для индивидуальныхъ стремленій, въ этомъ отношеніи должно было встрѣтить совершенно подготовленную почву: піэтизмъ, въ разрывѣ съ оффиціальной теологіей и, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, проникнутый христіанской любовью, былъ близкимъ предшествіемъ масонства. Развитіе послѣдняго объясняется въ большой мѣрѣ также политическими и общественными условіями нѣмецкой жизни, гдѣ гнётъ

учрежденій ложился на личность еще тяжеле, чѣмъ въ области конфессіональныхъ отношеній, и гдѣ нравственное чувство мыслящаго человѣка еще сильнѣе могло возмущаться существовавшей дѣйствительностью. Въ началѣ XVIII-го вѣка, еще не было той системы «просвѣщеннаго деспотизма», которая въ послѣдней половинѣ этого столѣтія, если не уничтожила, то, по крайней мѣрѣ, значительно смягчила прежнее зло. Время, о которомъ мы говоримъ, было временемъ феодально-канцелярскаго режима; деспотическій произволъ множества мелкихъ владѣльцевъ (вспомнимъ, что до наполеоновскихъ войнъ они считались въ Германіи сотнями) крайне истощалъ страну, которая должна была содержать множество большихъ и маленькихъ дворовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, терпѣть отъ тяжести налоговъ, отъ дурныхъ судовъ и канцелярской администраціи; политическая жизнь вертѣлась на интригѣ и не допускала свободной публичности. Все это оказывало свое дѣйствіе: религіозное броженіе соединялось съ общественнымъ; потребность дѣйствовать для общаго блага производила филантропію піэтистовъ и развивала манію къ братствамъ и тайнымъ обществамъ тягость общественнаго положенія поддерживала мечты о первоначальномъ христіанствѣ,—піэтисты вѣрили въ утвержденіе царства Христова на землѣ....

Понятно, поэтому, что англійское масонство должно было быть для подобной среды желаннымъ явленіемъ, и когда оно явилось въ Германію готовою опредѣленною формой, со всѣми аттрибутами высокихъ нравственныхъ цѣлей, таинственности и ритуала, оно должно было имѣть и, дѣйствительно, имѣло чрезвычайный успѣхъ. Самые искренніе, наиболѣе доброжелательные люди могли искать въ немъ отвѣта на вопросы времени: символическая іерархія представляла перспективу высшихъ знаній и высшей добродѣтели. Уже въ первое время распространенія ложъ въ Германіи, въ числѣ адептовъ масонства являются владѣтельныя лица, въ первый разъ является сближеніе между людьми, столько раздѣленными общественнымъ положеніемъ, сближеніе въ интересахъ чистой нравственности и человѣческой любви....

Но такое положеніе вещей продолжалось, повидимому, короткое время. Новая среда должна была оказать свое вліяніе на характеръ ордена, и идеальныя представленія уступить передъ ограниченностью и грязью жизни. Въ Англіи, орденъ стоялъ выгоднѣе, потому-что былъ до нѣкоторой степени естественнымъ продолженіемъ стараго учрежденія и существовалъ въ обществѣ болѣе свободномъ. Здѣсь, обстоятельства были иныя, и орденъ уже скоро подпалъ тому извращенію, которымъ отличается онъ

во второй половинѣ XVIII-го столѣтія... Онъ подвергся различнымъ вліяніямъ и видоизмѣненіямъ.

Во-первыхъ, орденъ представлялъ только немногіе положительные пункты содержанія; мы видѣли, что это было содержаніе деистическо-нравственное. Но онъ не имѣлъ строго опредѣленнаго кодекса вѣрованій, которыя могли бы составить точную догматическую религію, нужную для массы, и понятно, что при каждомъ переходѣ въ новую обстановку, орденъ долженъ былъ опредѣляться характеромъ самихъ людей. Масонство представляло внѣшнія формальности, проповѣдывало нравственную «работу» надъ «камнемъ», взаимную братскую помощь,—но ближайшее опредѣленіе религіозныхъ тенденцій, которыя, однако, могли существенно дѣйствовать на самый основной его характеръ, особенно при сильно развитомъ религіозномъ интересѣ XVIII-го вѣка, было предоставлено индивидуальному выбору. Поэтому, въ ордену могли принадлежать и люди довольно свободныхъ религіозныхъ воззрѣній, раціоналисты, отдѣлившіеся отъ оффиціальной церковности или равнодушные къ ней, и піэтисты со всѣми свойствами религіозной мечтательности и фантастики; здѣсь были и люди просвѣщенные, и здѣсь же, какъ увидимъ, могли найти себѣ пріютъ всевозможное мистическое шарлатанство, наглый обманъ и крайній обскурантизмъ. Наконецъ, въ орденѣ, вѣроятно также довольно рано, могло появляться и не мало людей совершенно пустыхъ и ничтожныхъ, которые искали въ немъ одного развлеченія, потому-что масонскія собранія дѣлались и простой застольной бесѣдой; или людей избалованныхъ аристократической лѣнью и желавшихъ, цѣною нѣсколькихъ формальностей, достигнуть высшаго знанія, на которое имъ не хотѣлось потратить времени, нужнаго для серьёзной науки.

Но болѣе существенно подѣйствовали на орденъ другія обстоятельства. Это были политическія интриги и простой обманъ. Еще при первомъ основаніи французскихъ ложъ, въ двадцатыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, приверженцы изгнанныхъ Стюартовъ вздумали воспользоваться орденомъ для своихъ цѣлей—возстановленія Стюартовъ на англійскомъ престолѣ. При ревностномъ содѣйствіи іезуитовъ, претендентъ основалъ особую ложу, которая носила названіе Клермонскаго высокаго капитула и ввела новую форму или «систему» масонства, гдѣ, между прочимъ, принято было гораздо большее число масонскихъ степеней, что, съ одной стороны, давало больше возможности пользоваться людскимъ тщеславіемъ и больше удобства для цѣлей политическаго заговора. Клермонская система была подъ ближайшимъ вліяніемъ іезуитовъ, которые приписали ей происхожденіе отъ Готфрида

Бульонскаго, и потомъ также проникла въ Германію. Затѣмъ, явилась еще новая система, игравшая потомъ важную роль и въ нѣмецкомъ масонствѣ, и начало которой было въ общихъ чертахъ такое. Около половины столѣтія, одинъ нѣмецкій масонъ, баронъ Гундъ, вступилъ въ Парижѣ въ сношенія съ англійскимъ претендентомъ (это былъ уже третій претендентъ, Карлъ-Эдуардъ) и его совѣтниками, и здѣсь рѣшена была новая интрига. Для приданія Клермонской системѣ большей важности, пущена была въ ходъ исторія (для которой сфабриковали фальшивыя грамоты и пергамены) о непосредственномъ происхожденіи этого масонства отъ знаменитаго средневѣковаго ордена Тампліеровъ. Это была извѣстная въ исторіи масонства система «строгаго наблюденія» (stricta observantia), которая при крайнемъ легковѣріи адептовъ опять нашла въ Германіи множество ревностныхъ приверженцевъ. Баронъ, очевидно, имѣлъ при этомъ и свои соображенія: интересы Карла-Эдуарда отступали на второй планъ, и въ виду имѣлось сдѣлать изъ масонства настоящій рыцарскій союзъ дворянства, и, покамѣстъ союзъ еще не основался въ полной формѣ, Гундъ умѣлъ извлечь выгоды изъ своей масонской индустріи [1]). Мы скажемъ дальше, какъ, подобнымъ образомъ, но совсѣмъ для другой цѣли, хотѣли воспользоваться формами

---

[1]) Такъ какъ «тампліерство» играетъ извѣстную роль и въ нашемъ масонствѣ, то мы приведемъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей объ этомъ орденѣ, разсказываемыхъ Мовильономъ (который самъ былъ въ числѣ посвященныхъ) въ его «Исторіи Фердинанда Брауншвейгскаго»:

«Гундъ показалъ полномочіе, будто бы полученное имъ отъ истинныхъ хранителей и преемниковъ тайны тампліерства, и назначавшее его провинціальнымъ гросмейстеромъ всей Германіи и сѣвера. Онъ самъ составилъ себѣ орденскій совѣтъ изъ членовъ, которыхъ содѣйствіе считалъ особенно нужнымъ и полезнымъ для достиженія своей цѣли. Этимъ способомъ и нѣкоторыми другими средствами, дѣло пріобрѣло большой успѣхъ. Въ самомъ тайномъ кружкѣ этого союза былъ введенъ весь церемоніалъ и все устройство рыцарскаго ордена....; при раздачѣ степеней, онъ соображался съ происхожденіемъ, связями, богатствомъ.... Эта система отдѣлилась отъ всѣхъ вѣтвей масонства, и правители ея требовали отъ подчиненныхъ имъ ложъ, чтобы онѣ не допускали въ свой составъ никакихъ другихъ братьевъ изъ другихъ ложъ, — какъ дѣлаютъ люди, ожидающіе и надѣющіеся получить большія богатства, относительно всякого, кто желалъ бы получить долю вмѣстѣ съ ними.... Видя, что множество богатыхъ и знатныхъ людей ревностно предавались этой отрасли масонства, очень многіе стремились попасть въ ихъ общество. Но доступъ былъ не легокъ и открытъ далеко не каждому: особеннымъ затрудненіемъ были огромныя издержки и правило, по которому принимались въ члены почти только богатые люди, чтобы ихъ приношеніями покрывались расходы и составлялись капиталы. Разумѣется, съ перваго взгляда видно, что вся эта продѣлка была обманомъ.» (Шлоссеръ, Ист. восемн. стол., т. III.) Замѣтимъ только тенденцію обмана; и успѣхъ ея показываетъ, какія стремленія проникали въ масонство и чѣмъ дѣлалось это нравственно-религіозное братство въ извѣстныхъ слояхъ общества.

масонства такъ-называемые иллюминаты, а теперь укажемъ еще одну сторону дѣла.

Очевидно, что при цѣляхъ и способѣ дѣйствій «тамплієрства», масонство прекращалось, и начинался подлогъ и обманъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, масонскія дѣла находились въ особенномъ оживленіи, и въ средѣ ложъ происходили усиленныя интриги и волненіе: въ масонство проникаютъ новыя формы мистицизма и новые извращающіе элементы. Такъ, является въ нѣмецкихъ ложахъ новый оттѣнокъ — розенкрейцерство, или, какъ оно называлось у насъ—«орденъ златорозоваго креста»,—темная мистическая и каббалистическая секта, заявившая о себѣ еще въ началѣ XVII-го столѣтія, но теперь, впрочемъ, приписывавшая себѣ болѣе древнее происхожденіе. Розенкрейцеры хвалились, по обыкновенію, глубокимъ знаніемъ теософіи и тайнъ природы, перешедшимъ къ ихъ ордену по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка они успѣли занять въ нѣмецкихъ ложахъ вліятельное мѣсто. Для бо̀льшаго авторитета, они выдавали свои познанія за высшія степени обыкновеннаго масонства, которыхъ, поэтому, и стали всѣми силами добиваться простодушные люди, искренно искавшіе разрѣшенія вопросовъ о божествѣ, человѣкѣ и природѣ,—безсильные для ихъ разъясненія путями философской мысли и точнаго знанія, и потому совершенно безоружно отдавшіеся во власть самаго безграничнаго мистицизма. Мы увидимъ, что «розенкрейцерскія степени» — главнѣйшимъ раздавателемъ которыхъ былъ, подъ конецъ столѣтія, нѣкто Вѐлльнеръ, въ Берлинѣ—было предметомъ горячихъ стремленій и для нашихъ масоновъ. Въ образчикъ этой тайной мудрости розенкрейцеровъ, намъ достаточно привести нѣсколько строкъ изъ «Мистической Таблицы», розенкрейцеровъ, описанной г. Лонгиновымъ по русскому экземпляру. Опуская разныя внѣшнія и формальныя подробности о числѣ членовъ ордена, о количествѣ степеней, объ управленіи, и пр., укажемъ только изъ этой таблицы программу розенкрейцерскихъ знаній, по девяти степенямъ ордена:

а) «Первая часть института, правила порядка, церемоніалъ, катихизисъ и химическіе знаки. б) Коллегіальныя книги и теоретическая часть института. в) Приготовленіе хаосскаго минеральнаго электрума, но безъ открытія истиннаго его опредѣленія. г) Познаніе минеральныхъ силъ природы и соединеніе знанія съ дѣломъ на бѣло, если не на черно. д) Познаніе совершенное земно-философскаго солнца и произведеніе чудесныхъ исцѣленій. е) Изготовленіе нѣкоторыхъ изъ четырехъ первыхъ минеральныхъ партикуляръ-камней, и тингированіе на бѣло и

на черно. ж) Знаніе о великомъ дѣлѣ натуры, кабалѣ и магіи натуральной. з) Познаніе, вмѣстѣ съ тремя главными науками о царствахъ природы, великаго универсала, совершеніе дѣла и имѣніе у себя камня мудрыхъ. и) Открытіе въ натурѣ всего, кромѣ божественныхъ силъ и тайнъ, обладаніе надъ всѣмъ и сравненіе въ знаніяхъ съ Моисеемъ, Аарономъ, Гермесомъ, Соломономъ и Гирамомъ-Апифомъ» (Лонг., стр. 84).

Этотъ вздоръ, распространяемый розенкрейцерами и имъ подобными орденами, братствами или шайками, и самъ по себѣ былъ вреденъ; но къ этому прибавлялись еще положительныя іезуитскія интриги и злостный обскурантизмъ. Мы видѣли, что іезуиты, уже при первомъ появленіи масонства на континентѣ, съумѣли попасть въ него и захватить часть его въ свои руки; баронъ Гундъ также стоитъ къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ,—орденъ казался для іезуитовъ удобнымъ средствомъ для различныхъ цѣлей: онъ могъ доставлять многочисленныя связи, съ помощью которыхъ можно было обдѣлывать разныя нужныя дѣла; онъ могъ приносить имъ и болѣе обширную пользу, потому-что масонство, съ развитіемъ его теософско-мистическаго вздора, могло успѣшно служить для помраченія головъ, къ которому они всегда стремились. Интриги іезуитовъ, въ этомъ смыслѣ, въ особенности усилились при запрещеніи ордена (1773): это запрещеніе уничтожило оффиціальныя формы «Общества Іисуса», но, конечно, не уничтожило людей и ихъ коренныхъ стремленій; множество эксъ-іезуитовъ, явныхъ и тайныхъ, сохранили вліятельныя положенія, особенно придворныя, при которыхъ имъ было очень удобно работать втихомолку для возвращенія прошедшаго и для поддержанія принципа. Мы встрѣтимся дальше съ нѣкоторыми ихъ дѣяніями, отражавшимися и на русскомъ масонствѣ.

Отчасти въ связи съ іезуитскими продѣлками, стоитъ и необычайное развитіе шарлатанства. Весьма крупными шарлатанами были уже и сами основатели тампліерства или розенкрейцерства; не мудрено, что и потомъ шарлатанство въ подобномъ вкусѣ могло сдѣлать орденъ сценой своихъ подвиговъ. Явились люди, положительно промышлявшіе масонской мудростью или мистическими чудесами. Таковы были, напр., пасторъ Роза, проповѣдывавшій каббалистическую философію въ іенской ложѣ, которая пріобрѣла этимъ большую славу,—и извѣстный въ лѣтописяхъ масонства Джонсонъ. Этотъ мнимый Джонсонъ (собственно Беккеръ, или Лейксъ) выдавалъ себя за посланнаго отъ высшихъ орденскихъ властей въ Шотландіи въ Германію, для преобразованія масонства, и ему удалось собрать, съ этой цѣлью,

братьевъ «строгаго наблюденія» на масонскій конгрессъ въ 1764 г. Здѣсь выбранъ былъ гросмейстеромъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Джонсонъ утверждалъ, что его преслѣдуетъ по пятамъ Фридрихъ Великій; поэтому, на конгрессѣ онъ разставилъ братьевъ на стражу въ полномъ тампліерскомъ вооруженіи, и, покамѣстъ эти патрули разъѣзжали, а остальные братья занялись глупыми церемоніями, Джонсонъ сдѣлался невидимъ — вмѣстѣ съ кассой ордена. Противъ этого чуда были, однако, приняты мѣры: Джонсонъ былъ изловленъ и посаженъ въ Вартбургъ, — потому, вѣроятно, что обманывалъ уже слишкомъ крупныхъ людей. Наконецъ, подъ фирмой масонства стали совершаться шарлатанства неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ; орденъ становился гнѣздомъ самаго наглаго обмана и пошлаго невѣжества. Въ немъ пропадали послѣднія искры прежняго нравственно-просвѣтительнаго характера, и онъ все больше становился на дорогу мистическаго фанатизма, злобной вражды къ просвѣщенію и эксплуатаціи невѣжества и дурныхъ страстей. Въ то же время, когда патеръ Гаснеръ, стоявшій въ ближайшемъ отношеніи къ іезуитамъ, совершалъ свои чудесныя исцѣленія, доходившія до настоящаго скандала, но, впрочемъ, приводившія въ восторгъ Лафатера [1], — въ средѣ самого ордена происходили не менѣе дикія вещи: одни были духовидцы, по Сведенборгу; другіе обращали на мистическія цѣли животный магнитизмъ, провозглашенный тогда Месмеромъ; содержатель кофейной въ Лейпцигѣ, Шрёпферъ, занимался вызываніемъ духовъ; мы видѣли, въ чемъ состояли занятія розенкрейцеровъ; наконецъ, стоитъ назвать имена Сенъ-Жермена, Казановы, Каліостро, чтобы показать размѣры мистификаціи, обходившей всю Европу и опять выбиравшей орденъ сценой своихъ подвиговъ. Каліостро выдумалъ даже, для бо̀льшаго удобства своихъ представленій, особый, «древне-египетскій орденъ», основателями котораго онъ называлъ уже не меньше, какъ Еноха и Илію, и находилъ простяковъ, которые шли къ нему. — Надобно прибавить, что были и теперь люди, проникнутые искренней любовью къ человѣчеству и старавшіеся возвра-

[1] Этотъ оракулъ тогдашняго моднаго свѣта отличался самымъ нелѣпымъ легковѣріемъ; онъ не только находился въ сантиментально-мистической перепискѣ съ Гаснеромъ, но и вѣрилъ въ чудотворенія авантюриста Каліостро. «Кто былъ бы выше его, восклицалъ Лафатеръ, еслибы онъ понималъ простоту Евангелія!» Въ 1781 г., онъ посѣтилъ Каліостро въ Страсбургѣ, но Каліостро принялъ его довольно жестко и сказалъ ему слѣдующее: «Если изъ насъ двоихъ больше знаете вы, то я вамъ вовсе не нуженъ; если же больше знаю я, то вы мнѣ вовсе ненужны.» Лафатеръ, кажется, долженъ былъ понять, на какую доску ставилъ его Каліостро; но извѣстно, что онъ не исправился и послѣ.

тить ордену его прежній нравственный характеръ; но эти люди были безсильны противъ іезуитства и мистическаго помраченія. Мы увидимъ дальше, какъ это извращенное положеніе вещей отразилось своими дикими вліяніями и на тѣхъ людяхъ нѣмецкаго общества, которые хотѣли бороться съ іезуитами и обскурантами: иллюминатство, основанное съ этой послѣдней цѣлью, носитъ на себѣ столько же дикія и непривлекательныя черты.

Чтобы закончить характеристику этого положенія вещей — бросающаго много свѣта и на складъ тогдашняго русскаго масонства — мы приведемъ нѣсколько сужденій Шлоссера, который былъ близокъ къ эпохѣ этого удивительнаго броженія умовъ и, по своей общей точкѣ зрѣнія, можетъ быть признанъ вполнѣ компетентнымъ судьей. Начиная свой разсказъ о разныхъ тайныхъ орденахъ въ Германіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка, онъ говоритъ:

«Большинство всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ мы будемъ разсказывать, не были ни шарлатанами въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни людьми пустыми, ни совершенно презрѣнными людьми (какъ баронъ Книгге), думавшими только о выгодѣ и житейскихъ удобствахъ, отрицавшими и презиравшими все высокое и благородное въ человѣкѣ, — большинство главныхъ дѣятелей въ этихъ обществахъ было вовсе не таково.... Эти люди и эти ордена, съ ихъ пристрастіемъ къ таинственнымъ церемоніямъ и ученіямъ, представляются намъ не столько виновниками, сколько результатами медленно развивавшагося новаго порядка вещей, слѣдовательно, представляются средствами и орудіями вѣчнаго хода судебъ, порождающаго и уничтожающаго міры, пользующагося то формою для выработки содержанія, то содержаніемъ для выработки формы...

«Почти всѣ основатели тайныхъ обществъ старались пользоваться, для своихъ цѣлей, символами, гіероглифами и ложами масоновъ, и невинныя игрушки этого тайнаго общества часто употреблялись во зло. Обрядъ принятія въ члены, съ клятвами и торжественностью, повышеніе изъ степени въ степень, подчиненіе однихъ другимъ,—все это привлекало въ орденъ членовъ; символы и гіероглифы возбуждали въ простякахъ и глупцахъ надежду получить за свои деньги знаніе важныхъ тайнъ; ловкіе люди, сластолюбцы и авантюристы искали и находили въ орденѣ покровителей, протекцію, рекомендацію, свѣтскія удовольствія, пріятность которыхъ усиливалась замкнутостью для непосвященныхъ. Скептикъ могъ говорить въ ложахъ свободнѣе, чѣмъ въ простомъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ слѣдила за нимъ государственная и церковная полиція. Люди, хотѣвшіе пользоваться орде-

6*

номъ для своихъ выгодъ, завлекали своихъ масонскихъ братьевъ, придумывая формы «строгаго» и «слабаго наблюденія», циннендорфства и розенкрейцерства, мартинизма, тампліерства, и т. д. Принцы, графы, бароны, празднопатратели и богачи искали въ тайныхъ обществахъ философскаго камня и пріобрѣтаемой безъ труда мудрости,—эти привилегированные въ гражданскомъ быту люди хотѣли получать и знаніе по привилегіи... Люди, находящіе слишкомъ обременительнымъ медленный, предписанный человѣку Провидѣніемъ путь къ цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій посредствомъ труда, усилій, мышленія, всегда возлагали свою надежду на внезанное раскрытіе тайны извѣстныхъ знаковъ и символовъ.

«Самъ Фридрихъ Великій, при окончаніи Силезской войны, еще принадлежалъ къ ордену, и вышелъ изъ него лишь незадолго передъ Семилѣтней войной, въ ту самую эпоху, когда начали злоупотреблять орденомъ для всякихъ обмановъ, и запретилъ посѣщать ложи своимъ министрамъ, бывшимъ членамъ ордена. Обманщики стали пользоваться ложами и тайнами масоновъ еще въ 1760—70 годахъ, и нѣкоторые изъ этихъ людей пріобрѣли огромное вліяніе на орденъ, имѣвшій тогда множество членовъ.... Мечтатели и плуты находили для себя большое удобство пользоваться для своихъ цѣлей орденомъ, который, по своему устройству, только не многимъ посвященнымъ давалъ ключь таинственнаго тумана... Такъ-называемое масонство «строгаго наблюденія» сдѣлало многихъ нѣмецкихъ государей, бароновъ и графовъ орудіями и жертвами плутовъ; нѣкоторые, напримѣръ, храбрый Фердинандъ Брауншвейгскій, не образумились и тогда, когда всѣ обманщики, одинъ за другимъ, были публично разоблачены.

«Эксъ-іезуитамъ — замѣчаетъ Шлоссеръ о томъ же предметѣ въ другомъ мѣстѣ—была очень пріятна и полезна мечтательность, появившаяся тогда между протестантами, какъ реакція противъ легкомыслія энциклопедистовъ..... Наклонность нѣмецкихъ и, вообще, сѣверныхъ натуръ сочинять себѣ очаровательные призраки въ туманахъ фантазіи, и подъ суровымъ небомъ, при скудости и тяжести общественной жизни, создавать себѣ другую жизнь въ мечтѣ, — эта наклонность, возведенная въ философскую систему Лафатеромъ, Клавдіусомъ, Гаманномъ и др., увлекала тогда всѣ чувствительныя нѣмецкія натуры къ мистическому сантиментализму.

«Этою наклонностью добродушныхъ нѣмцевъ уноситься духомъ изъ страны рабства, повиновенія и смиренія, въ которой живетъ ихъ тѣло, въ воздушныя высоты фантазіи, а не однимъ вліяніемъ іезуитства и шарлатанства надобно объяснять тогдаш-

нее фиглярство тайныхъ обществъ и мистически-сантиментальный лунатизмъ многихъ модныхъ писателей того времени» [1]).

Мы съ намѣреніемъ долго останавливались на нѣмецкомъ масонствѣ въ 1760—80 гг., потому-что здѣсь былъ главнѣйшій источникъ, откуда почерпалось русское масонство конца XVIII-го столѣтія, и потому, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ образованіи и характерѣ русскихъ ложъ повторяются, съ извѣстными ограниченіями, многія черты нѣмецкаго масонства. Читатель могъ бы замѣтить нѣкоторыя черты этого сходства и по приведенной только-что характеристикѣ нѣмецкаго масонства у Шлоссера, еслибы сравнилъ ее съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о нашемъ старомъ масонствѣ, — конечно, ограничивъ только самые размѣры явленія, которыя у насъ, какъ ни были сами по себѣ необыкновенны для русскихъ нравовъ, все-таки были очень тѣсны.

Общія причины этого распространенія масонства, или, вообще, мечтательнаго мистицизма, въ русскомъ образованномъ обществѣ XVIII-го столѣтія, лежатъ, конечно, въ самыхъ условіяхъ и характерѣ нашего общественнаго развитія со временъ Петра Великаго. Реформа стряхнула упорную неподвижность XVIII-го вѣка и хотя она сама не имѣла, собственно говоря, цѣлью прямо возбудить общественную самодѣятельность (потому-что не давала обществу свободы выбора, а принуждала его идти по указанному направленію), но принесенный ею запасъ новыхъ понятій не могъ не оказать своего дѣйствія. Если только въ обществѣ находились живые люди, искавшіе развитія, въ ихъ умахъ должны были пустить свой корень тѣ идеи, которыя выражались европейскими знаніями и европейскими формами быта, какъ бы ихъ объемъ ни былъ ограниченъ въ первое время. Русскіе люди теперь сами могли видѣть европейскую жизнь и присматриваться къ ея руководящимъ тенденціямъ; и просвѣщеніе, за которымъ Петръ отправлялся самъ въ Европу и посылалъ своихъ подданныхъ, не могло не привить, хотя въ нѣкоторой степени, своего содержанія и нравственнаго смысла. Однимъ изъ первыхъ очевидныхъ дѣйствій этого просвѣщенія было возникновеніе литературы: въ эпоху самого Петра ея почти не существовало; она почти вся состояла только изъ непосредственно нужныхъ книгъ; Петръ самъ указывалъ, что̀ надо перевести и напечатать, самъ поправлялъ и составлялъ книги, — эта оригинальная литература

---

[1]) Шлоссеръ, Ист. восемн. столѣт., т. III.

похожа была на продолженіе и объясненіе указовъ. Но затѣмъ она является уже съ признаками индивидуальнаго характера: писатель выходитъ на литературное поприще по внутреннему побужденію и въ первый разъ выражаетъ собой зарождающуюся общественную иниціативу. Таковы были Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ. Извѣстно, что эта первая литературная дѣятельность въ европейскомъ стилѣ не осталась незамѣченной обществомъ; напротивъ, она обратила на себя особенное вниманіе со стороны наиболѣе образованныхъ людей—несомнѣнный знакъ, что въ этомъ обществѣ совершались первыя движенія общественной мысли и общественныхъ интересовъ. Существенной чертой содержанія этой литературы было стремленіе къ просвѣщенію, желаніе, чтобъ отечество сдѣлалось жилищемъ музъ и наслаждалось плодами «насажденныхъ» наукъ: писатели старались какъ можно скорѣе создать «Россійскій Парнассъ», этотъ миѳологическій палладіумъ литературнаго образованія, по тогдашнимъ понятіямъ, и наполнить въ отечественной литературѣ всѣ принятыя рубрики прозы и поэзіи. Все это было тогда пылкимъ, но еще очень неопредѣленнымъ стремленіемъ усвоить европейское образованіе, которое становилось передъ обществомъ, какъ неизбѣжный и могущественный авторитетъ. Эти неопредѣленныя или слишкомъ общія по смыслу стремленія литературы выражали и неопредѣленность самыхъ инстинктовъ общества, которые только мало по малу и постепенно пріобрѣтали нѣкоторую ясность и сознательность. Если сатира Кантемира еще слишкомъ отзывается преслѣдованіемъ оффиціально указанныхъ недостатковъ, то въ сатирѣ Сумарокова мы видимъ уже болѣе самостоятельную попытку общества судить о своихъ вопросахъ. Нравственныя понятія начинаютъ образовываться независимо отъ подобныхъ оффиціальныхъ указаній, и общество уже само начинаетъ искать себѣ идеаловъ и руководящихъ идей. Естественно, что при этомъ общественная мысль, уже съ самыхъ первыхъ шаговъ, должна была натолкнуться на противорѣчіе и препятствія.

Если мы припомнимъ фактическое состояніе нашей жизни въ XVIII столѣтіи, мы увидимъ, что для этой зарождающейся мысли представлялось здѣсь много явленій, вызывавшихъ на протестъ. Понятія, внушаемыя образованіемъ, не могли мириться съ тѣми мрачными сторонами быта, которыми такъ изобиловало наше XVIII столѣтіе. Нравы, даже нѣсколько отполированные европейскими формами, еще слишкомъ часто носили на себѣ черты до-петровскаго, полуазіатскаго быта, которыя мы можемъ одинаково наблюдать и въ пріемахъ управленія и въ частной жизни даже наиболѣе образованнаго высшаго класса. Не входя

въ большія подробности, намъ достаточно припомнить, что многія изъ событій царствованія Петра, быстрыя смѣны правительствъ послѣ него, крайній произволъ администраціи, судебное грабительство, крайнее невѣжество и дикость крѣпостныхъ нравовъ, все это слишкомъ мало способствовало общественной и частной нравственности, а прикрываясь лоскомъ европейскаго образованія, становилось еще болѣе вопіющимъ диссонансомъ. Между тѣмъ, понятія развивались своимъ путемъ, и для лучшихъ людей общества представлялся настоятельный вопросъ: чѣмъ поправить это положеніе вещей, гдѣ искать средства противъ этихъ мрачныхъ явленій, какимъ путемъ разрѣшить противорѣчіе? Послѣ Петра реформаторская дѣятельность правительства, какъ извѣстно, очень ослабѣла, иногда даже останавливалась вовсе, и мудреный вопросъ становился еще рѣзче передъ обществомъ, которому приходилось уже больше разсчитывать на свой собственный выборъ средствъ и собственныя усилія. Куда же обратился этотъ выборъ?

Умственный запасъ и нравственныя силы самого общества были еще слишкомъ ограниченны, чтобы оно могло теперь одно, безъ чужой помощи, рѣшать трудныя задачи развитія, и естественно, что и теперь, какъ при первомъ началѣ реформы, оно обратилось за этой помощью къ европейскимъ источникамъ. Изъ нихъ почерпались первыя знанія, заимствовались цивилизованные обычаи, скопировывались формы администраціи, и изъ нихъ же стала теперь почерпаться литература, изъ нихъ брало свою форму и свои понятія, то броженіе общественной мысли, о которомъ мы говоримъ. Это броженіе повторило, конечно въ весьма тѣсныхъ границахъ и въ слабой степени, тѣ направленія мысли, какія господствовали въ тогдашней европейской литературѣ и общественной жизни. Извѣстно, какія были въ общихъ чертахъ эти направленія. Съ одной стороны, это было постепенное развитіе знанія, усиленіе раціонализма и разсудочной философіи, стоявшія въ связи съ успѣхами точныхъ наукъ и къ концу столѣтія доходившія до положительнаго сенсуализма и до философіи энциклопедистовъ; съ другой стороны — мистика, которая въ началѣ столѣтія питалась умствованіями, диспутаціями и чудесами іезуитовъ и янсенистовъ во Франціи, или піэтизмомъ и его экзальтаціей въ Германіи; эта мистика, въ концѣ столѣтія, почти вполнѣ овладѣла (первоначально деистическимъ) масонскимъ обществомъ, и въ заключеніе дошла до того невообразимаго тумана, дикаго фантазерства и шарлатанства, о которыхъ мы говорили выше. Оба направленія иногда странно перепутывались: мистикъ иногда питался широкими идеями сво-

боднаго мышленія, передѣлывая ихъ на свой ладъ и поднимая споръ противъ оффиціальной церковности съ помощью аргументовъ, указанныхъ скептиками; и на оборотъ, свѣтскіе люди, воспитанные на скептицизмѣ, вѣрили въ мистическія чудеса фантастовъ, въ родѣ Сведенборга, или ловкихъ шарлатановъ, въ родѣ Казановы или Каліостро, своимъ смѣлымъ и насмѣшливымъ обманомъ наказывавшихъ общество за недостатокъ серьезной мысли и знанія. Но при всей коренной противоположности раціонализма, или точнаго знанія, и мистицизма, при всей ожесточенной борьбѣ, которая шла между обоими направленіями въ литературѣ и общественной жизни, а, наконецъ, и на широкой политической аренѣ, оба направленія имѣли то общее, что оба, каждое съ своей точки зрѣнія и своими способами, искали нравственнаго освобожденія отъ гнетущихъ формъ всемогущей оффиціальной государственности и школьной теологіи; оба искали средствъ противъ упадка общественной нравственности и для установленія иныхъ между-человѣческихъ отношеній. Эти направленія перешли, слабымъ отголоскомъ, и въ нашу собственную жизнь, перешли мало по малу, часто почти незамѣтно для глаза, проникая въ литературу и общество при каждомъ новомъ заимствованіи, какими наше образованіе постоянно питалось въ XVIII-мъ столѣтіи. Ко второй половинѣ этого вѣка оба направленія выразились и у насъ весьма явственно, и мы видимъ ихъ идущими параллельно, потому что оба они отвѣчали общественнымъ потребностямъ и вкусамъ. Эти потребности и вкусы являлись въ самой русской жизни, какъ слѣдствіе нѣкоторой степени образованія и какъ естественная реакція противъ тяжелой и неудовлетворявшей дѣйствительности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались и усиливались той самой пищей, какой искали въ европейскихъ источникахъ. Требованія раціональнаго знанія уже имѣли свое выраженіе въ Ломоносовѣ, который былъ у насъ представителемъ Вольфовой философіи и положительнаго естествознанія, — и извѣстно, что это точное знаніе уже вызывало оппозицію доморощенныхъ мистиковъ. При Екатеринѣ II, когда общество въ началѣ ея царствованія замѣтно встрепенулось и оживилось, эти направленія выказались уже гораздо опредѣленнѣе: на одной сторонѣ ясно обнаруживается живой интересъ къ французскому просвѣщенію и энциклопедистамъ, на другой—наклонность къ отвлеченной религіозности и мистицизму; разсудочная философія и идеи о естественныхъ правахъ и достоинствѣ человѣка находятъ себѣ мѣсто въ «Наказѣ», — мистика и піэтизмъ открываютъ свою пропаганду въ масонскихъ ложахъ.

Чтобы ближе и яснѣе понять, какимъ образомъ такая странная, темная и наконецъ дико-фантастическая вещь, какъ масонство, могла овладѣть умами съ такой силой, и увлекать такихъ достойныхъ людей, каковы, несомнѣнно, были очень многіе изъ русскихъ масоновъ, — мы должны припомнить вообще тѣ условія, которыя открыли ему путь въ европейское общество, — потому что, какъ мы видѣли, эти условія существовали въ извѣстной мѣрѣ и у насъ. Но притомъ человѣкъ русскаго общества былъ еще беззащитнѣе противъ мистическаго тумана потому, что другое, болѣе разумное направленіе было очень слабо. Наше серьезное знаніе было вполнѣ чужое, и русская мысль разрабатывала и усвоивала его содержаніе только въ той ограниченной мѣрѣ, какую могла допустить незначительная степень ея зрѣлости. При русскихъ условіяхъ, при крайнемъ недостаткѣ правильныхъ средствъ образованія, настоящая зрѣлость мысли вообще должна была приходить крайне медленно, и кромѣ того, даже сильный умъ, вооруженный всѣми средствами существовавшей науки, едва-ли былъ бы въ состояніи сдѣлать много при тогдашнемъ положеніи массы общества: общественная дѣятельность писателя не можетъ принять большихъ размѣровъ тамъ, гдѣ его голосу приходится быть голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; суровый режимъ нисколько не поощрялъ индивидуальныхъ стремленій, если бы они на шагъ удалились отъ предписанныхъ рамокъ; число образованныхъ людей было слишкомъ ничтожно, чтобы они могли составить серьезное общественное мнѣніе. Поэтому попытки просвѣтительной дѣятельности высказывались только въ самыхъ невинныхъ формахъ, робко и нерѣшительно, изъ страха передъ людьми и вещами, съ которыми шутить было нельзя. Понятно, что эти попытки были крайне блѣдны и недѣйствительны: писатель и не помышлялъ о какомъ-нибудь систематическомъ проведеніи своей мысли, онъ даже и не привыкалъ къ этой систематической мысли; изъ богатаго источника западныхъ литературъ онъ пользовался немногими крохами, которыя былъ въ силахъ высказать въ русской книгѣ и примѣнить къ русской жизни; если онъ пытался иногда расширять свою точку зрѣнія, онъ тотчасъ наталкивался на неодолимое препятствіе, возвращавшее его назадъ.... Императрица Екатерина сама отдала дань уваженія западному просвѣщенію, когда наполнила его идеями знаменитый «Наказъ», который она дала своимъ подданнымъ; она переписывалась съ Вольтеромъ, любезно покровительствовала Дидро, переводила «Велизарія» въ то время, когда его запрещали въ Парижѣ, — но это не касалось русской литературы, и сущность ея зависимаго и слабосильнаго

характера измѣнилась мало. Общій уровень образованія былъ все еще весьма не высокъ: у насъ, правда, переводили энциклопедистовъ, но едва-ли хорошо понимали ихъ, и притомъ въ переводъ не попадали главнѣйшія произведенія, которыя могли бы оказывать вліяніе; наиболѣе смѣлый писатель, на которомъ можно видѣть сильное ихъ вліяніе, Радищевъ, кажется скорѣе чудакомъ, не отдававшимъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, пожалуй искреннимъ и благороднымъ мечтателемъ, но никакъ не серьезнымъ или глубокимъ умомъ; комедія и сатира, «бичевавшія» недостатки общества, ратовали противъ г-жъ Простаковой и Ворчалкиной и преслѣдовали подъячихъ, — дальнѣйшіе ранги остались нетронутыми, и не только въ печати, но въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, и въ помышленіи. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ писатель выходилъ изъ этого уровня, дѣйствительно, или даже только повидимому, онъ встрѣчалъ упомянутыя препятствія и иногда платился за неосторожность; вспомнимъ мелкіе и крупные примѣры фонъ-Визина, Княжнина, Новикова, Радищева... Мы вовсе не хотимъ унижать этимъ достоинства нашей литературы XVIII столѣтія, — она все-таки предпринимала полезные труды; мы не будемъ также и опредѣлять здѣсь, насколько ея слабость и недостатки были слѣдствіемъ слабости общественной и личной иниціативы, и насколько они были дѣломъ обстоятельствъ, — для насъ важно здѣсь только то заключеніе, не подлежащее спору, что все это литературное движеніе было не въ силахъ произвести въ результатѣ то дѣйствіе, чтобы идеи просвѣщенія могли стать для общества руководящимъ началомъ. При ограниченности литературныхъ средствъ и при особенныхъ неудобствахъ развитія, изъ всего содержанія, которое наша литература могла бы извлекать изъ европейскихъ источниковъ, и которое она могла бы получить собственными усиліями, въ результатѣ для большинства оставалось темное сознаніе, почти только инстинктъ неудовлетворительности существующихъ общественныхъ отношеній и неясное стремленіе къ чему-нибудь лучшему, къ какому-нибудь разрѣшенію мудреныхъ вопросовъ, — и это желаніе, предоставленное самому себѣ, не вооруженное достаточно знаніемъ и логикой противъ мистическаго фантазерства, открыло свободную дорогу европейскому масонству и притомъ, къ сожалѣнію, въ самыхъ сомнительныхъ его формахъ.

Это масонство, въ которомъ подъ конецъ выросло у насъ цѣлое мистическое направленіе, было такой же заимствованной вещью, какъ множество другихъ явленій нашей цивилизаціи, хорошихъ и дурныхъ. Прежде всего, оно явилось къ намъ, повидимому, изъ своего первоначальнаго источника, англійскихъ

ложъ. Оно принесено было къ намъ извѣстнымъ генераломъ, англичаниномъ Кейтомъ (1732), перешедшимъ потомъ на службу къ Фридриху Великому[1]); какъ предполагаютъ съ большой вѣроятностью, первые адепты его были иностранцы, т. е. въ особенности нѣмцы, которыми переполнялась тогда русская служба. Но съ теченіемъ времени являются и русскіе масоны, которые, наконецъ, увеличиваются въ числѣ и усвоиваютъ дѣло вполнѣ. Въ 1756 году, въ петербургской ложѣ были уже членами люди съ знатными фамиліями, Голицыны, Мещерскіе, Трубецкіе, Апраксины и т. д., и люди, пріобрѣвшіе потомъ извѣстныя имена въ литературѣ, какъ Сумароковъ, князь М. М. Щербатовъ, Болтинъ, и др. Великимъ мастеромъ (гросмейстеромъ) ложи былъ графъ Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой и ея извѣстной сестры. Правительство, которому были совершенно непривычны подобныя вещи, уже съ этого времени подозрѣвало масоновъ и имѣло за ними тайный надзоръ. Въ остальной массѣ общества, которая у насъ часто въ подобныхъ случаяхъ была склонна къ самымъ дикимъ инстинктамъ, масоны уже тогда пріобрѣли репутацію еретиковъ и отступниковъ и возбуждали тотъ нелѣпый страхъ и вмѣстѣ озлобленіе, память которыхъ осталась въ словѣ «фармазонъ», обогатившемъ тогда русскій языкъ и долго послѣ служившемъ для обозначенія всякаго безбожія и вольнодумства,— пока не были изобрѣтены другія слова той же силы и такого же количества смысла[2]). Елагинъ, который былъ потомъ однимъ

---

[1]) Такъ это указывалъ Ешевскій; по другимъ свѣдѣніямъ, англійская Великая ложа основала въ 1731 году въ Москвѣ первую ложу, которая держала свои собранія въ большой тайнѣ. См. Ersch und Gruber, Allg. Encycl. I Sect., томъ 49, стр. 70.

[2]) Ешевскій, въ одной изъ своихъ статей о масонахъ, приводитъ отрывки изъ силлабическихъ виршей, подъ названіемъ «Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ»,—которыя принадлежатъ очевидно этой первой эпохѣ масонства и могутъ служить образчикомъ упомянутыхъ дикихъ инстинктовъ. (Въ рукописи замѣчено, гдѣ стихи списаны въ 1765 году и получены отъ нѣкотораго полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка, Безпалова.) Вирши наполнены самыми нелѣпыми обвиненіями противъ масоновъ и проникнуты крайнимъ ожесточеніемъ противъ «Антихристовыхъ рабовъ». Вотъ, для примѣра:

Проявились недавно въ Руссіи франкъ - масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ Антихристу привесть отъ Христовы вѣры, и т. д.

Обряды принятія въ общество изображаются такъ:

Къ начальнику своего общества приводятъ,
Потомъ въ темны отъ него покои заводятъ,
Гдѣ хотяй въ сей сектѣ быть терпитъ разны страсти,
Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.

изъ важнѣйшихъ лицъ въ нашемъ масонствѣ, разсказываетъ, что онъ вступилъ въ масонство въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ [1], но не нашелъ тогда въ ложахъ никакого ученія; а видѣлъ только странные обряды, слышалъ непонятныя рѣчи, пустые споры и т. п., которые оканчивались «празднествами Вакха», такъ что доступъ въ масонскія собранія льстилъ только тщеславію, устанавливая во время ихъ мнимое равенство между юношами и знатными и чиновными людьми (Лонг., стр. 93). Можно думать, дѣйствительно, что масонство входило какъ мода и прививалось сначала только внѣшнимъ образомъ; однако уже происходили какія-то рѣчи и споры, непонятные для новичка, разбирались какіе-то вопросы. Елагину эти споры казались пустыми (какими они очень вѣроятно и могли быть), и не находя въ масонствѣ серьезнаго смысла, онъ не придавалъ ему значенія, смотрѣлъ на ложи, какъ на мѣсто забавы и развлеченія, пока одинъ заѣзжій англичанинъ не объяснилъ ему смысла учрежденія, — объяснилъ, безъ сомнѣнія, по англійскимъ понятіямъ о предметѣ. Съ тѣхъ поръ Елагинъ усердно занялся масонствомъ, и черезъ это пріобрѣлъ потомъ важное положеніе въ русскихъ ложахъ. Въ 1770 году учреждена была въ Петербургѣ великая провинціальная ложа, а въ 1772 г. гросмейстеръ англійскаго масонства утвердилъ Елагина намѣстнымъ мастеромъ этой ложи, которая вообще и извѣстна въ исторіи русскаго масонства подъ именемъ общества

Выбѣгаютъ отсюду, рвутъ тѣло щипцами,
Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ;
Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ....

Подъ «муринами» авторъ разумѣетъ дьяволовъ. Самое значеніе франкъ-масонства объясняется слѣдующимъ образомъ:

Что же значитъ такое масонъ по французски?
Не иное что другое, вольный каменьщикъ по русски.
Каменьщикомъ зваться вамъ, масоны, прилично.
Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
Въ коемъ Антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устрояете, и въ немъ берете надежду
Всякія утѣхи въ немъ получить одежду.
(Русск. Вѣстн. 1857, № 21).

Какая рука могла начертать эти вирши, можно догадываться по ихъ формѣ: но содержаніе ихъ занимало и нравилось и въ другихъ слояхъ общества, какъ доказываетъ примѣръ полковника Тобольскаго полка. Извѣстно, что и Гавріилъ Романовичъ Державинъ смотрѣлъ на масоновъ крайне неодобрительно и посильно вооружалъ противъ нихъ свою музу.

[1]) Онъ род. въ 1725, ум. 1796 г.

«Елагинской системы». Съ этого времени ложи начали, кажется, особенно распространяться и въ самомъ Петербургѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ.

Новиковъ, убѣжденный своими друзьями, вступилъ въ масонство въ 1775 году, въ одну изъ петербургскихъ ложъ Елагинской системы. Къ этой порѣ особеннаго оживленія русскаго масонства, оно стало больше и больше вступать въ отношенія съ нѣмецкими ложами и, наконецъ, къ тому времени, когда начинается ревностная масонская дѣятельность Новикова, оно окончательно подпало нѣмецкимъ вліяніямъ и, слѣдовательно, восприняло весь тотъ нелѣпый сумбуръ, который господствовалъ въ то время въ нѣмецкихъ ложахъ. Это происходило очень последовательно. Какъ скоро наши масоны стали на дорогу таинственныхъ ученій, они, естественно, начали стремиться къ тому, чтобы сколько можно полнѣе владѣть этими ученіями. Сношенія съ англійскими ложами были рѣдки и неудобны, и эти ложи мало удовлетворяли нашихъ масоновъ по части мистическихъ секретовъ; между тѣмъ до нихъ доходили свѣдѣнія о другихъ «системахъ», будто бы обладающихъ глубокими тайными знаніями. Это конечно еще больше раздражало возбужденное воображеніе, и у нашихъ масоновъ являлось понятное желаніе опредѣлить свое положеніе между этими различными системами и выбрать себѣ между ними наиболѣе надежное руководство; и по мѣрѣ того какъ усиливались ихъ ожиданія и утверждалось въ нихъ мистическое настроеніе, тѣмъ больше возрастала въ нихъ довѣрчивость и легковѣріе, и наконецъ они остановились на той формѣ масонства, которая съ наибольшимъ фанатизмомъ предавалась всѣмъ мистическимъ крайностямъ или съ наибольшей наглостью выдавала ихъ за непреложную и единственную истину.

Въ семидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ существовала уже одна изъ тѣхъ нѣмецкихъ ложъ новѣйшаго изобрѣтенія, о которыхъ мы говорили выше. У насъ масонство этой ложи называлось «Рейхелевской системой», по имени барона Рейхеля, который вывезъ эту систему изъ Берлина, — и сначала встрѣчено было со стороны членовъ Елагинской системы недружелюбно, какъ отщепенское. Эта система («слабое наблюденіе» или циннендорфство) выдѣлилась изъ нѣмецкаго тампліерства или «строгаго наблюденія», сохранивъ однако нѣкоторыя его свойства, и ссылалась на свои связи съ шведскимъ масонствомъ, которому тогда приписывали особенную древность и слѣдовательно авторитетъ. Рейхелевская система имѣла въ Петербургѣ своихъ приверженцевъ, и ея репутація (вѣроятно, не безъ вліянія личныхъ качествъ самого Рейхеля) сдѣлала наконецъ то, что большая

часть ложъ Елагинской системы вступили съ ней въ соглашеніе и союзъ, и въ 1776 г. признали главенство берлинской или потсдамской ложи «Минервы», откуда шла система Рейхеля.

Между тѣмъ интересъ къ масонскимъ тайнамъ усиливался, и петербургскіе масоны вступили въ сношеніе съ Швеціей, ложи которой считались глубокимъ источникомъ масонской мудрости. Сношенія происходили черезъ кн. Куракина, ѣздившаго тогда въ Стокгольмъ (1776—77) съ дипломатическимъ порученіемъ, и Куракинъ дѣйствительно вывезъ оттуда высшія орденскія степени для себя и для князя Гагарина,—этому послѣднему и были подчинены ложи, обратившіяся къ шведскому масонству. Но эта «Шведская система» оказалась именно «строгимъ наблюденіемъ» или тампліерствомъ, которое тѣмъ временемъ успѣло проникнуть въ Швецію и оттуда, какъ видимъ, получило свою роль и въ Россіи. Въ томъ же 1777 г., шведскій король Густавъ III былъ въ Петербургѣ, и этому обстоятельству приписываютъ новый успѣхъ шведскаго масонства въ русскихъ ложахъ: братъ короля, герцогъ Зюдерманландскій, былъ гросмейстеромъ шведскаго ордена. Самъ Рейхель, совѣтовавшій эти сношенія съ Швеціей, увидѣлъ, кажется, свою ошибку; онъ не подчинялся шведской системѣ и остался съ своей ложей подъ начальствомъ Елагина, система котораго существовала рядомъ съ ложами князя Гагарина. Новиковъ былъ также предубѣжденъ противъ «строгаго наблюденія», которому приписывались политическія тенденціи,—въ его основаніи, какъ мы видѣли, дѣйствительно существовавшія. Но эта осторожность къ «строгому наблюденію» не избавила Новикова отъ нелѣпостей другого рода. Въ Москвѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1779 г., Новиковъ, послѣ новыхъ исканій масонской тайны и новыхъ недоумѣній и волненій, сдѣлался наконецъ розенкрейцеромъ,—послѣдователемъ одной изъ самыхъ шарлатанскихъ и дикихъ системъ нѣмецкаго масонства. Этимъ розенкрейцерствомъ наполнены были всѣ, самые дѣятельные годы его, весь московскій періодъ его жизни, и этому розенкрейцерству онъ, кажется, остался вѣренъ до послѣднихъ дней [1]).

---

[1]) Названіе *мартинистовъ*, которое даютъ кружку Новикова,—какъ видитъ читатель,—не вполнѣ точно; оно было приложено къ нему, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ немъ пользовалась большимъ уваженіемъ извѣстная мистическая книга Сенъ-Мартена: «О заблужденіяхъ и истинѣ»; но само французское обозначеніе людей извѣстнаго мистическаго оттѣнка «les Martinistes» весьма неопредѣленно и едва ли не относится больше къ послѣдователямъ перваго учителя Сенъ-Мартена въ мистицизмѣ,—Мартинеца Паскалиса или Паскалиса (Martinez de Pasqualis), и только послѣ приложено было и къ почитателямъ Сенъ-Мартена,—который, собственно говоря, не основывалъ никакой особой секты. Ср. объ этомъ: Matter, Saint-Martin, sa vie etc. p. 71.

Въ наше время совершенно ясно, гдѣ было больше правды, какое изъ двухъ направленій тогдашней мысли ближе подходило къ истиннымъ путямъ человѣческаго развитія,—идеи тогдашняго «просвѣщенія» (какъ ни были они иногда преувеличенны), или необузданное фантазерство и обскурантизмъ мистиковъ? Новиковъ впалъ въ печальное и вредное заблужденіе; но мы знаемъ его однако за человѣка искренняго и глубоко преданнаго интересамъ человѣческой любви, и потому его заблужденіе становится знакомъ времени, тѣмъ больше, что и кромѣ его мы знаемъ другихъ людей, вполнѣ достойныхъ уваженія по своимъ нравственнымъ качествамъ и также раздѣлявшихъ это заблужденіе. Успѣхъ масонства, предавшагося, хотя и странно — исканію тайнъ о божествѣ, природѣ и человѣкѣ, есть доказательство того, что въ обществѣ дѣйствительно были пламенныя стремленія къ разрѣшенію представлявшихся ему нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ успѣхъ есть доказательство полной безпомощности этихъ людей. — Роль нашего масонства была особенно печальна въ этомъ отношеніи. Въ Англіи насъ можетъ всего меньше поражать эта несообразность средневѣковаго фантастическаго братства среди XVIII-го вѣка, послѣ Бэкона, Ньютона, Локка, Толанда и другихъ свободныхъ мыслителей: англійское масонство все-таки понятнѣе потому, что оно было своимъ туземнымъ произведеніемъ, которое держалось въ жизни на тѣхъ же правахъ, на какихъ держится въ Англіи столько другихъ остатковъ отъ среднихъ вѣковъ, и притомъ этотъ средневѣковой остатокъ былъ оживленъ новыми религіозно-нравственными воззрѣніями. Во Франціи и Германіи орденъ былъ поставленъ уже нѣсколько иначе; но какъ мы видимъ, въ Германіи онъ нашелъ однако подготовленную почву и могъ естественно войти въ колею, хотя и получилъ новую окраску и понизился въ уровнѣ своихъ первоначальныхъ идей. Правда, здѣсь начинаются уже нелѣпыя и вредныя злоупотребленія мистицизма, но историкъ, заинтересованный успѣхами здраваго развитія, можетъ все-таки спокойнѣе относиться къ этимъ увлеченіямъ и даже совершеннымъ сумасбродствамъ, потому что, съ другой стороны, эти вещи имѣли свой противовѣсъ въ разумномъ прогрессѣ. Во Франціи мистика никогда не поднималась до сильнаго вліянія въ обществѣ; въ Германіи, — которая оказала здѣсь наиболѣе сильное вліяніе на броженіе умовъ въ Россіи, рядомъ съ самыми крайними нелѣпостями піэтизма и мистическаго масонства, уже дѣйствовали раціоналисты, Гердеръ, Лессингъ; начинали свое поприще Шиллеръ и Гёте, полагались основанія Кантовой философіи.—Совсѣмъ иное положеніе было у насъ: общественное

образованіе еще только дѣлало свои первые шаги, и люди, искавшіе разрѣшенія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ недоумѣній, впадали въ мистицизмъ даже не имѣя почти возможности выбора, не имѣя никакого критеріума, по которому они могли бы отдать себѣ отчетъ въ своихъ понятіяхъ. И мы едва ли имѣемъ большое право обвинять Новикова за то, что онъ, повидимому, такъ легко обошелся безъ критики: эта критика не всякому была по силамъ, потому что для нея требовалась извѣстная широта мысли и значительная степень настоящихъ знаній, а отсутствіе этихъ знаній было общимъ свойствомъ, и недостаткомъ не одного Новикова, а цѣлой эпохи. Гдѣ же было Новикову учиться у раціоналистовъ или у Лессинга, когда эти раціоналисты, этотъ Лессингъ и до сихъ поръ недоступны русской литературѣ въ цѣломъ объемѣ ихъ понятій, когда средній уровень даже въ образованномъ классѣ нашего общества до сихъ поръ,— почти черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Новикову приходилось принимать свое рѣшеніе,—не въ силахъ возвыситься до настоящей точки зрѣнія Лессинга? Но все таки, скажутъ на это, Новиковъ былъ черезъ мѣру легкомысленъ и легковѣренъ, когда довѣрялся розенкрейцерству, которое, кромѣ тупого обскурантизма, могло рекомендовать еще только безсмысленную алхимію, добываніе философскаго камня и прочій каббалистическій вздоръ, о которомъ даже странно и говорить.... Правда, что легкомысліе было слишкомъ велико; но мы опять думаемъ, что было бы несправедливо слишкомъ винить Новикова за легкомысліе, когда это легкомысліе было болѣзнью вѣка. Новиковъ могъ вѣрить въ алхимію, когда Лафатеръ, европейская знаменитость, чудо философскаго глубокомыслія, передъ которымъ преклонялся образованный свѣтъ Европы, когда этотъ Лафатеръ вѣрилъ во всякій безсмысленный метафизическій вздоръ, вѣрилъ въ патера Гаснера и Каліостро, писалъ сантиментальныя посланія къ одному и ставилъ себя въ описанное выше глупое положеніе передъ другимъ. И однако же Лафатеръ имѣлъ передъ собой всѣ средства европейскаго знанія и критики, которыхъ было бы достаточно, чтобы научиться въ этихъ вещахъ здравому смыслу.... Не забудемъ, наконецъ, что въ масонствѣ была еще другая сторона, которая сохранялась въ его уставахъ при всѣхъ его теософскихъ и мистическихъ бредняхъ: это — братская любовь къ людямъ. Между масонами было, конечно, не мало дурныхъ людей и лицемѣровъ, но въ числѣ ихъ были и люди искренніе, способные къ глубокому убѣжденію, готовые ревностно служить общественному благу, — и для этихъ людей принципъ нравственнаго закона и человѣколюбія долженъ былъ получать особенную силу и могъ доставлять имъ

полное нравственное удовлетвореніе. Новиковъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу этихъ искреннихъ и убѣжденныхъ людей: таковы были и друзья его Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ и вѣроятно еще многіе другіе, о которыхъ мы слишкомъ мало знаемъ, чтобы сказать о нихъ тоже и столько же утвердительно.

Исторія обращенія Новикова въ масонство именно и представляетъ намъ черты, въ которыхъ мы видимъ и эту безпомощность мысли и познаній, и горячее стремленіе знать истину и знать настоящій путь къ полезной дѣятельности; въ тоже время мы видимъ здѣсь и боязливыя опасенія навлечь какое-нибудь неудовольствіе властей: онъ крайне опасается всего «политическаго» и всячески отъ него удаляется, — эти опасенія его представляютъ странный и печальный контрастъ съ тѣми подозрѣніями, изъ-за которыхъ эти власти обрушили на него потомъ свое преслѣдованіе.

Мы упоминали о томъ, что онъ сталъ масономъ по убѣжденіямъ своихъ друзей, которые, сами будучи масонами, желали имѣть его въ орденѣ какъ человѣка съ благородными стремленіями и энергіей въ трудѣ. Онъ сдѣлался членомъ общества въ ту смутную его пору, когда оно само тревожно доискивалось источника знаній, которыхъ у него недоставало. Новиковъ колебался, и впослѣдствіи онъ самъ говоритъ о борьбѣ, которая тогда совершалась въ немъ: «Находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество», т. е. въ масонство (Лонг., стр. 99). На него, конечно, подѣйствовало то, что̀ онъ слышалъ о возвышенныхъ цѣляхъ ордена, но все-таки, раньше окончательнаго вступленія, онъ хотѣлъ увѣриться въ дѣлѣ и вступилъ въ масонство только на условіяхъ: «чтобы не дѣлать *никакой присяги* и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса (т. е. масонскія степени) *напередъ*, и если я найду что противное совѣсти, то чтобы меня *не считать* въ числѣ масоновъ» (Лонг., стр. 074), — что́ и было исполнено по его желанію. Но, вѣроятно, онъ скоро положительно успокоился относительно смысла и цѣлей ордена: онъ вошелъ окончательно въ дѣло и сталъ посѣщать ложи. Но тогдашнее положеніе масонства не удовлетворяло его: ложи производили на него такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда на Елагина, потому что «въ собраніяхъ почти играли масонствомъ какъ игрушкою, ужинали и веселились, и хотя въ ложахъ и дѣлались» — какъ онъ показываетъ въ отвѣтахъ Шешковскому — «изъясненія по градусамъ (т. е. смотря

по разнымъ степенямъ масонства) на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты» (стр. 075). Неясность и таинственность только раздражали любопытство, онъ искренно желалъ «основать» на чемъ-нибудь свое душевное спокойствіе и понять предметы, разъяснять которые бралось масонство, и мы вскорѣ видимъ, что Новиковъ увлекается въ тѣ мудреные поиски за истиннымъ масонствомъ, о которыхъ мы говорили. Понятно, что онъ долго его не находилъ, и что затронутая фантазія искала такихъ формъ масонства, которыя бы могли увлекать признаками высшей мудрости; онъ дѣйствовалъ даже не безъ критики, потому что отвергалъ многія системы, которыя имѣли успѣхъ въ русскомъ обществѣ, но въ которыхъ онъ видѣлъ посторонніе заднія мысли или пустое шарлатанство. «Елагинская система» не удовлетворяла его по ограниченности тайныхъ знаній; «стриктъ-обсерванскіе градусы», т. е. тамплиерство, казались ему подозрительны политически; французское масонство онъ считаетъ за «глупую игру и дурачество»; — но онъ слышитъ въ тоже время, что тамъ-то есть «старое масонство», и снова волнуется и ищетъ. Политическія тенденціи онъ отвергаетъ совершенно; онъ удаляется отъ «строгаго наблюденія» и всѣми силами противодѣйствуютъ проникновенію иллюминатовъ, которые, по словамъ его, «суть истинные и злѣйшіе враги масонскаго ордена» и могутъ почитаться «злодѣями человѣческаго рода». Въ отвѣтахъ Новикова Шешковскому, изъ которыхъ мы беремъ эти послѣднія указанія, мы можемъ достаточно видѣть, съ какой искренностью и съ какой тревожной любознательностью искалъ Новиковъ разрѣшенія задачи: трогательныя черты этой внутренней борьбы странно поражаютъ насъ, когда мы вспомнимъ, въ какой обстановкѣ приходилось Новикову писать свои признанія. Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ упомянутымъ выше барономъ Рейхелемъ, отъ котораго Новиковъ, въ началѣ своего масонства, доспрашивается сущности ордена: «Въ сіе время бывъ однажды у барона Рейхеля и разговаривая чрезъ переводчика (Новиковъ не зналъ по нѣмецки), *не помню кто былъ*, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него *въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ:* Я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже о изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому я могъ бы безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго, чтобы нехотя не зайти въ ложное; что я посему признаку вѣрно слѣдовать буду, — но что ежели онъ мнѣ дастъ несправедливый, то онъ Богу отвѣт-

ствовать будетъ. Подъ именемъ истиннаго масонства разумѣли мы то, которое ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію кратчайшимъ путемъ, по стезямъ христіанскаго нравоученія;—и просилъ его о томъ *со слезами.* Онъ также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное; и ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанія словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ. Но ежели увидишь, что чрезъ самопознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія, въ строгомъ смыслѣ нераздѣльно ведущее; чужду всякихъ политическихъ видовъ и союзовъ, пьянственныхъ пиршествъ и развратности нравовъ членовъ его; гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, — такое масонство, или ужъ есть истинное, или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго; что истинное масонство есть, что оно весьма малочисленно, что они не стараются нахватывать членовъ, что они, по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать предъ Богомъ» (Лонг. стр. 076). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя представленія о масонствѣ, какъ нравственномъ совершенствованіи, составляли существенную черту въ масонскихъ понятіяхъ Новикова. Около того же времени онъ встрѣчается къ княземъ Репнинымъ, такимъ же искателемъ истинной масонской тайны, и между ними происходитъ разговоръ того же рода. «Въ 1776, или седьмомъ году, въ бытность князя Петра Ивановича Репнина въ Петербургѣ (а знакомъ ему сдѣлался въ бытность мою на короткое время въ Москвѣ, кажется чрезъ брата моего, и одинъ разъ обѣдалъ у князя Петра Ивановича Репнина и онъ меня очень обласкалъ), былъ я у него и по причинѣ его болѣзни и обѣдалъ у него одинъ: узнавъ, что я масонъ, онъ сказалъ, что и онъ масонъ, что онъ въ разныхъ государствахъ бывши искалъ масонства и что, не жалѣя денегъ, старался онъ доставать всевозможные градусы, но всегда находилъ лживые. Но наконецъ познакомился съ однимъ человѣкомъ, — а гдѣ, не сказалъ, — который далъ ему понятіе такое, что истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе, что у нихъ скрываются великія таинства; что ученіе ихъ просто и клонится къ познанію Бога, натуры и себя; что много ложныхъ обществъ, называющихся симъ име-

немъ, что много шарлатановъ и обманщиковъ называются симъ именемъ, и потому-то весьма трудно найти истинныхъ: и многое говоря, заключилъ, что *счастливъ* тотъ, кто найдетъ истинныхъ [1]), и на сей конецъ хотѣлъ онъ познакомиться съ барономъ Рейхелемъ, чтобы узнать его. Я спросилъ его, что онъ нашелъ и вступилъ-ли? На сіе онъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ объ нихъ хорошее понятіе, и хотѣлъ послѣ еще говорить, но не было случая» (Лонг., стр. 077). Послѣ, въ 1782 году такія же разсужденія съ Шварцемъ по поводу розенкрейцерства, которое Шварцъ предлагалъ принять московскому кружку:—какой «предметъ», т. е. цѣль этого ордена? нѣтъ-ли въ немъ чего противнаго христіанскому ученію или противъ государей и т. д.

Какъ мы уже говорили, розенкрейцерство было послѣднимъ пунктомъ, на которомъ остановился кружокъ Новикова, быть можетъ не безъ вліянія разсказовъ князя Репнина, а главнымъ образомъ по убѣжденіямъ Шварца, который ревностно предался розенкрейцерству въ свою поѣздку въ Берлинъ въ 1781—1782 годахъ. Мы видѣли впрочемъ, что и розенкрейцерство, къ которому приходили наши масоны, по своему характеру далеко не было похоже на «истинное» или «старое» масонство. Въ глазахъ Новикова и его друзей, эта форма имѣла вѣроятно то преимущество передъ другими, что она не заявляла никакихъ прямыхъ политическихъ тенденцій, которыя замѣтны были въ «рыцарскихъ градусахъ» или разныхъ видахъ тампліерства, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма представляла обширный запасъ мистической фантастики: здѣсь была и алхимія и разныя каббалистическія упражненія.

Но чѣмъ же могла быть общественная дѣятельность, построенная на подобныхъ основаніяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, въ цѣломъ, масонство играетъ весьма сомнительную роль въ общественномъ развитіи. Какъ мы уже замѣтили, успѣхъ нашего масонства, — въ свою наиболѣе дѣятельную пору вполнѣ мистическаго, — прежде всего обнаруживалъ безсиліе передъ рѣше-

---

[1]) Это, конечно, одинъ изъ многихъ примѣровъ упорнаго исканія масонскихъ истинъ; тѣ же недоумѣнія, вѣроятно, овладѣвали многими людьми, увлекавшимися въ мистицизмъ и вѣрившими въ привилегированную мудрость масонства. Нѣсколько русскихъ именъ является въ біографіи Сенъ-Мартена; кн. Алексѣй Голицынъ былъ особенный другъ и почитатель этого мистика; въ числѣ другихъ (Воронцовъ, Кошелевъ, Зиновьевъ, Скавронскій, гр. Разумовская и пр.), Сенъ-Мартенъ также находитъ людей, способныхъ подниматься до его возвышенныхъ умозрѣній, какъ напр. Воронцовъ, — кажется, братъ княгини Дашковой; съ однимъ Репнинымъ Сенъ-Мартенъ былъ въ перепискѣ. См. Matter, Saint-Martin, sa vie et ses écrits. 2-me édit. 1864. p. 134 слѣд.

ніемъ вопросовъ религіи, нравственности и общественной жизни. Мистицизмъ есть тоже суевѣріе, быть можетъ даже болѣе нелѣпое, чѣмъ суевѣріе народной массы, потому что это суевѣріе людей, считающихся образованными и, конечно, могущихъ быть образованными. Также какъ суевѣріе, мистицизмъ неспособенъ стоять рядомъ съ положительной точной наукой, не можетъ выдерживать ея критики, и потому инстинктивно боится науки и отвергаетъ ее. Это — такая форма дѣятельности ума, или воображенія, которая всего больше доступна и интересна для массъ, въ которыхъ фантазія всегда дѣйствуетъ сильнѣе ума. Въ отдѣльныхъ людяхъ мистицизмъ точно также соотвѣтствуетъ низшей степени развитія, или составляетъ его болѣзненную односторонность, происходящую отъ отсутствія точнаго знанія. Такова и была, дѣйствительно, среда, въ которой мистическое масонство находило наибольшее число своихъ ревностныхъ адептовъ. Люди съ строгимъ логическимъ умомъ или владѣвшіе точными знаніями, не могли быть масонами мистическаго толка; и если мы видимъ въ орденѣ людей, какъ Фридрихъ Великій, котораго нельзя заподозрить въ мистицизмѣ, то эти люди увлекались въ масонствѣ только его нравственной стороной, идеей человѣколюбія и благотворенія. Понятно, что Екатерина, по положительности своего ума, должна была не любить масонства, — хотя бы оно и не возбуждало въ ней ни малѣйшихъ политическихъ подозрѣній. И понятно также, что оно должно было быть популярно между умами, вышедшими изъ простого невѣжества, но слишкомъ мало дисциплинированными настоящей наукой.— Условія русскаго общества XVIII-го вѣка, какъ мы видѣли, вполнѣ способствовали успѣху подобнаго направленія. Образованность была еще слишкомъ слаба; единственный университетъ, основанный только въ 1755 году, едва выходилъ изъ размѣровъ средней школы; литературное вліяніе, въ смыслѣ просвѣщенія, ограничивалось небольшимъ кружкомъ читающей публики, — и если однако при этомъ уровнѣ образованія въ обществѣ являлась уже нѣкоторая потребность вдумываться въ трудные вопросы о человѣкѣ и природѣ, и зарождалась въ людяхъ первая попытка нравственнаго самосознанія, то мистицизмъ былъ первой представлявшейся формой, въ которую могли уложиться эти стремленія. Когда эта форма была вывезена къ намъ изъ-за границы, она была принята прежде всего людьми того легкаго образованія, которое было тогда почти единственнымъ свѣтскимъ образованіемъ, но которое уже могло открывать возможность болѣе глубокихъ потребностей умственныхъ и нравственныхъ. Но и здѣсь масонство было сначала только модной забавой и развлече-

ніемъ, братья собирались въ «столовыя ложи» для ужиновъ и пріятнаго препровожденія времени, и только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ложахъ являются болѣе серьезные люди и серьезные вопросы. Еще нѣсколько лѣтъ, и эти люди ѣздятъ по Европѣ, «не жалѣютъ денегъ» на разысканіе драгоцѣнной тайны, и считаютъ «счастливымъ» человѣка, которому удастся найти ее. Этимъ людямъ, безъ сомнѣнія, искренно хотѣлось найти истину.... Самъ Новиковъ вовсе не представляетъ исключенія изъ большинства людей, которые искали истины въ масонствѣ, не имѣя возможности найти ее инымъ путемъ. Его собственное образованіе было очень скудное, онъ ограниченъ былъ въ своемъ чтеніи одними русскими книгами, которыя сто лѣтъ тому назадъ давали очень мало пищи и для ума и для сердца; и нельзя не видѣть большого историческаго смысла въ томъ фактѣ, что масонство явилось для него исходомъ «на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей». Это была, слѣдовательно, первая популярная философія, какая могла быть по силамъ для людей обиходнаго образованія въ половинѣ прошлаго столѣтія. «Сохраняя въ глубинѣ души уваженіе къ религіи, внушенное ему съ дѣтства,—разсказываетъ біографъ Новикова, — онъ высказалъ, напримѣръ, по обыкновенію своему независимое свое мнѣніе о Дидро, который посѣтилъ Петербургъ въ 1773 году и былъ въ большой модѣ при дворѣ и въ обществѣ: «это умный французъ, да ему, какъ невѣрующему, *вѣрить* нельзя». Не знаемъ, въ чемъ тутъ можно видѣть особую «независимость» мнѣнія, — какъ будто дѣло въ томъ, что человѣку надо разбирать, кому *вѣрить*, а не въ томъ, чтобы самому *судить* объ аргументахъ, и притомъ судить по самымъ свойствамъ аргументовъ, а не по свойствамъ человѣка, который ихъ предлагаетъ. Мнѣніе это показываетъ не столько «независимость» Новикова, сколько слабость его логики и знаній. Естественно, что при такихъ умственныхъ средствахъ (а это и были средства значительнаго большинства въ образованномъ классѣ) нельзя было бы и думать о какомъ-нибудь глубокомъ и логическомъ направленіи. Для общества, мало развитаго въ умственномъ отношеніи и чуждаго серьезной наукѣ, масонство было наиболѣе доступнымъ содержаніемъ изъ того, что представляли иностранные источники; оно и было принято.

Сообразно съ этими тѣсными размѣрами умственнаго развитія въ обществѣ, дававшемъ среду для дѣятельности Новикова, были очень скромны и размѣры самой иниціативы. Дѣйствія Новикова были крайне осмотрительны, даже робки. Отдаваясь дѣлу искренно и готовясь трудиться для разъ принятаго принципа, онъ долго медлилъ этимъ принятіемъ, онъ опасливо осма-

тривался, не нарушаетъ ли этотъ принципъ чѣмъ нибудь господствующихъ нравовъ и преданій. Онъ видѣлъ, что какъ бы этотъ принципъ ни былъ невиненъ и безобиденъ въ этомъ смыслѣ (въ своихъ показаніяхъ онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что этотъ принципъ есть не больше, какъ только «самопознаніе, строгое исправленіе самаго себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія»), этотъ принципъ представлялъ въ русской жизни нѣчто новое, къ чему отнеслись бы на первый разъ съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Новиковъ дѣйствительно считалъ принятое имъ ученіе только болѣе глубокимъ пониманіемъ и болѣе дѣятельнымъ выполненіемъ истинной, церковной нравственности,—приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ думали нѣмецкіе піэтисты, но только несравненно менѣе смѣло и послѣдовательно, чѣмъ они; и митрополитъ Платонъ вѣроятно съ полной увѣренностью могъ написать въ своемъ донесеніи императрицѣ: «Молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ» (Лонг. стр. 035):—но, во всякомъ случаѣ, Новиковъ чувствовалъ, что масонскій принципъ вводитъ новый элементъ въ общественный обиходъ, и отсюда его мелочная, медлительная и боязливая осторожность. Онъ былъ повидимому хорошо знакомъ съ русской жизнью и зналъ, что существующіе нравы крайне непривычны къ подобнымъ вещамъ, что самый невинный принципъ, выставленный передъ обществомъ, какъ индивидуальное независимое убѣжденіе и какъ программа общественной дѣятельности, рискуетъ большими опасностями. Если съ одной стороны въ своихъ поискахъ за «истиннымъ масонствомъ» онъ ищетъ удовлетворенія самому себѣ, старается обезпечить вѣрность своихъ личныхъ убѣжденій, то съ другой онъ старается обезпечить себя и отъ упомянутыхъ опасностей, — онъ ожидалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что истинное масонство и въ этомъ отношеніи дастъ ему бо́льшую увѣренность. Почти тягостно читать въ его признаніяхъ разсказъ обо всѣхъ этихъ страхахъ и недоумѣніяхъ. Масонство была вещь, не запрещенная закономъ; ему уже давно было положительно извѣстно, что въ масонскихъ ложахъ собираются «не малое число знатнѣйшихъ особъ въ государствѣ», что главная ложа управляется «его высокопревосходительствомъ» Ив. Перф. Елагинымъ; друзья положительно завѣряютъ его, что въ ложахъ не дѣлается ничего законопротивнаго,—но онъ тѣмъ не менѣе ограждаетъ себя всевозможными предосторожностями и отъ «ложнаго масонства», т. е. собственно отъ всякаго соприкосновенія съ политическими тенденціями, и отъ малѣйшаго

нарушенія правилъ государственной полиціи или господствующей религіи, чтобы ничто не могло быть противно его совѣсти. Его совѣсть была совершенно ортодоксальна въ обоихъ отношеніяхъ, и, вступивъ въ ложу, онъ увидѣлъ, что ея секреты могутъ совершенно мириться съ его совѣстью.... Конечно, такъ не дѣлали другіе: они смѣло вступали въ орденъ, устроивали ложи, носили титулы,—и остались потомъ здравы и невредимы, потому что остались ничтожествами. Для Новикова, человѣка серьезныхъ убѣжденій, вступленіе въ ложу было началомъ дѣятельности, гдѣ ему — хотя крайне скромно и безобидно — предстояло однако идти своей дорогой, внѣ оффиціальной программы и начальственныхъ приказовъ, — и его мелочныя предосторожности представляютъ для насъ, позднѣйшихъ наблюдателей, барометръ тогдашней общественной дѣятельности. Новиковъ чувствовалъ, что барометръ вообще стоитъ на перемѣнѣ, — скоро онъ перешелъ на бурю.

Итакъ, умственныя средства, съ которыми открылась инипіатива Новикова, были ограниченны, соотвѣтственно цѣлому состоянію тогдашняго образованія; способъ дѣйствій былъ крайне умѣренный и боязливый, потому что общество было слишкомъ мало приготовлено къ прямой самодѣятельности и не давало начинающему никакой гарантіи, не обѣщало никакой поддержки въ трудную минуту. Въ самомъ содержаніи его пропаганды было много туманной фантастики и вреднаго мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшаго отъ нея. Печально за судьбу русскаго образованія — видѣть, что люди достойные, доброжелательные и преданные общественному благу, приходили къ тому, что поучались у пустого обскуранта Вёлльнера и закрывали глаза на все, что̀ было истиннаго и глубокаго въ лучшихъ проявленіяхъ просвѣтительной европейской мысли; что желая трудиться для просвѣщенія, эти люди сами ставили ему помѣхи и препятствія, и въ то время, когда европейская мысль отвергала средневѣковой хламъ и установляла идеи, на которыхъ должно было потомъ основаться новое развитіе общества и новые положительные успѣхи человѣческаго совершенствованія, эти люди хватались за алхимію и каббалистику и погружались въ этотъ самый средневѣковой хламъ.... Но при всей этой ограниченности и безпомощности, въ понятіяхъ и предпріятіяхъ Новикова и его друзей были однакоже стороны, по которымъ эти люди имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ исторіи успѣховъ русскаго образованія: потому что здѣсь, во всякомъ случаѣ, является самостоятельная инициатива, которую мы можемъ считать первымъ обширнымъ примѣромъ общественной

самодѣятельности со временъ реформы; это было служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими оффиціальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ дѣлѣ Новикова, исторія его борьбы за идею принимаетъ особенно-печальный и возбуждающій участіе характеръ, еще и потому что, вообще говоря, онъ дѣйствовалъ крайне умѣренно, постоянно держался на почвѣ законности (мы объяснимъ дальше, почему мы не придаемъ значенія тѣмъ нарушеніямъ закона о печати, изъ которыхъ сдѣлали главное формальное обвиненіе противъ него); онъ принималъ съ своей стороны всѣ, описанныя выше, мѣры предосторожности, дѣлалъ всѣ уступки (напр. при самомъ началѣ правительственныхъ неудовольствій изъявилъ готовность совершенно оставить ложи, если бы отъ него потребовали этого,—но этого однако не требовали),—и несмотря на все это подвергся тяжкому преслѣдованію изъ-за своей скромной дѣятельности. Наконецъ, мы не должны забывать, что одной чертой его убѣжденій, получавшихъ въ масонствѣ свое практическое выполненіе, было стремленіе къ нравственному улучшенію согражданъ, братская *любовь къ людямъ*. Эти мотивы проходятъ существенной чертой въ дѣятельности Новикова и его ближайшихъ друзей, Шварца и Лопухина. И масонство въ этомъ случаѣ вовсе не осталось практически безплоднымъ: благотворительная дѣятельность Новикова есть фактъ; достаточно прочесть записки Лопухина, чтобы видѣть, какъ въ людяхъ честныхъ и порядочныхъ масонство становилось источникомъ тѣхъ гуманныхъ отношеній къ людямъ, человѣколюбія и вѣротерпимости (вспомнимъ отношенія *сенатора* Лопухина къ дѣлу духоборцевъ, въ гораздо позднѣйшія времена), которыя такъ мало были вразумительны для стараго русскаго общества и которыя такъ полезно было бы ему уразумѣть. Въ обществѣ XVIII-го вѣка, которое подъ внѣшними манерами европейской образованности еще сохраняло такъ много стараго варварства, подобныя идеи были отраднымъ проблескомъ человѣчности. Что дѣятельность Новикова не приняла другого, болѣе вѣрнаго по своимъ основаніямъ, пути, это было въ значительной мѣрѣ не личной ошибкой, а слѣдствіемъ странныхъ условій времени, и въ особенности отсутствія прочнаго и здраваго образованія въ цѣлой средѣ. Мистицизмъ послѣ временъ Новикова еще разъ выдвинулся на сцену въ нашей общественной исторіи. Это были времена Магницкаго, двадцатые года нынѣшняго столѣтія. На этотъ разъ онъ являлся въ роли господствующаго элемента и вполнѣ раскрылъ свои ненавистныя свойства,—весь объемъ которыхъ мы пока еще не можемъ оцѣ-

нить по тому, что̀ стало до сихъ поръ извѣстно. Но исторически этотъ мистицизмъ, сколько мы думаемъ, нельзя производить отъ новиковскаго масонства. Въ этотъ промежутокъ времени наша общественная и политическая жизнь подвергалась многимъ новымъ вліяніямъ, которыя могли совершенно заслонить собой масонство новиковскаго кружка. Это былъ уже новѣйшій мистицизмъ, порожденіе воскресшаго іезуитизма и европейской реакціи, начавшей свое господство послѣ Вѣнскаго конгресса, мистицизмъ Гёрреса, г-жи Крюднеръ, графа Жозефа де-Местра и цѣлой ихъ школы. Поэтому, намъ кажется, мы можемъ освободить память Новикова отъ нареканія, что его пропаганда породила впослѣдствіи такихъ нравственныхъ уродовъ и презрѣнныхъ людей, каковы были Магницкій и его креатуры. Личность Новикова остается чистой въ нашихъ глазахъ; по своей печальной судьбѣ, Новиковъ, хотя и мистикъ, остается дѣятелемъ и, къ сожалѣнію, мученикомъ русскаго просвѣщенія.

Мы постараемся, въ слѣдующей статьѣ, разсмотрѣть внутренній смыслъ этого направленія, кругъ понятій нашего мистицизма и его послѣднюю катастрофу: мы постараемся разобрать обвинѣнія, взвѣсить факты и обстоятельства, и, сколько возможно, опредѣлить, — въ чемъ будетъ состоять вѣроятный приговоръ исторіи объ этомъ жизненномъ трудѣ и этой катастрофѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Іюнь, 1867.

Литературное совершенство, литературные успѣхи всякаго политическаго общества составляютъ, безъ сомнѣнія, наилучшую цѣль его существованія, въ которой заключено само собою все остальное. Если бы мы встрѣтили общество, которое не имѣетъ никакой литературы, — о такомъ обществѣ можно было бы сказать, что въ немъ отдѣльныя лица одарены словомъ, но «общественнаго слова» не существуетъ, и такое общество, вмѣстѣ взятое, остается, тѣмъ не менѣе, безсловеснымъ. Успѣхи исторической литературы имѣютъ еще особенное значеніе, какъ мѣрило національнаго и гражданскаго самопознанія. Среди разнообразія мнѣній и взглядовъ на характеръ современной исторической литературы новѣйшихъ европейскихъ языковъ между самими западными учеными, при противоположности требованій на историческую науку, а особенно, въ виду тѣхъ споровъ, и, къ сожалѣнію, только споровъ, которые по временамъ возникаютъ у насъ со стороны людей, требующихъ «науки для науки» и указывающихъ намъ на германскую историческую науку, какъ на идеалъ совершенства, — будетъ не только любопытно, но и назидательно, представить отечественнымъ любителямъ всего историческаго исповѣдь знаменитаго нѣмецкаго историка Ранке, которую онъ самъ назвалъ своимъ «историческимъ завѣщаніемъ».

Мы, въ свое время *), извѣстили о томъ, какъ праздновался въ Берлинѣ, $^{8}/_{20}$ февраля нынѣшняго года, юбилей полустолѣтняго служенія исторической наукѣ Леопольда Ранке, въ званія доктора. Самую торжественную минуту праздника составляла отвѣтная рѣчь юбиляра другому, также знаменитому историку Раумеру, — рѣчь, которою Ранке превосходно заключилъ все торжество дня.

*) См. выше, т. I, отд. IV, стр. 15.

«Прежде всего — такъ началъ Ранке — я желалъ бы выразить свою благодарность нашему любезному другу, Раумеру, за тѣ прекрасныя слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ, а потомъ и всѣмъ прочимъ за всю оказанную сегодня дружбу; но я не имѣю намѣренія — повторять снова то, что было уже мною сказано поутру. Позвольте лучше мнѣ, какъ человѣку восьмого десятка, высказать нѣсколько общихъ мыслей, познакомить васъ до нѣкоторой степени съ моимъ историческимъ завѣщаніемъ. Если я сравню нашу современную нѣмецкую исторіографію съ чужеземною, то окажется, что первая все еще не отличается особенными преимуществами. *Итальянцы*, даже и современные намъ, выражаются болѣе краснорѣчиво, съ большею полнотою, нежели мы (т. е. нѣмецкіе историки); *англичане* приводятъ все къ интерессамъ настоящей минуты, они и въ бытописаніи, такъ сказать, болѣе конституціонны, нежели мы; *французы* живутъ совершенно настоящею минутою: они совсѣмъ входятъ въ нее, а потому они всегда самые назидательные, самые привлекательные, если дѣло идетъ о томъ, чтобы пріобрѣсть непосредственный взглядъ на современность. О нихъ, какъ и о другихъ, можно сказать, что они вполнѣ національны. Въ этомъ состоитъ ихъ преимущество передъ нами. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что существуетъ одна сторона, въ которой мы превосходимъ ихъ. Если мы спросимъ о самомъ содержаніи историческихъ свѣдѣній у тѣхъ народовъ, то получимъ въ отвѣтъ, что тѣ народы (т. е. итальянцы, англичане и французы) хотя превосходно владѣютъ національною исторіею, но ихъ познанія въ чужеземной исторіи, и именно нашей (т. е. нѣмецкой), весьма ограничены. Такъ, наприм., о среднихъ вѣкахъ мы знаемъ больше, нежели англичане объ этой же эпохѣ въ своей исторіи. У насъ ожидаютъ отъ каждаго, кто только хочетъ говорить объ исторіи, что онъ долженъ быть одинаково силенъ, какъ въ отечественной, такъ и въ чужеземной исторіи. И это составляетъ наше огромное преимущество. Наши изслѣдованія разностороннѣе и глубже; слѣдствіемъ того является болѣе общій взглядъ на вещи, мы больше соприкасаемся дѣлу, нашъ кругозоръ шире. Мы выше ихъ въ всеобщеисторическомъ обозрѣніи цѣлаго. Къ этому у насъ присоединяется всегда еще живое и глубокое отношеніе къ классическому міру; всегда еще у насъ цѣнятся тѣ великіе образцы всеобщаго образованія. Такимъ образомъ, національность въ исторіографіи у насъ заключается не только въ самомъ предметѣ, но и въ пониманіи его, и потому можно сказать, что наше національное пониманіе болѣе обще, къ чему другимъ предстоитъ еще придти. Намъ недостаетъ только силы обнять полноту настоящаго момента, но мы достигнемъ и этого, какъ я мечталъ то сдѣлать въ соединеніи съ нашимъ направленіемъ къ общему. Видя, съ какою силою и прилежаніемъ новое поколѣніе усиливается стать

на такую дорогу, и какъ оно старается воспользоваться моментомъ, я могу, какъ Моисей, смотрѣть издалека на эту Обѣтованную страну будущей нѣмецкой исторіографіи, хотя, какъ и онъ, не увижу этой страны, въ которой исполнится то, къ чему я стремился въ теченіе всей своей жизни, и достиженіе чего усиливался возложить на другихъ......»

Никто, по нашему мнѣнію, съ такою искренностью, и притомъ съ такимъ авторитетомъ не коснулся вопроса о значеніи національности въ исторіи. Слова Ранке, по справедливости, могутъ быть названы духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ мысль и воля человѣка являются выше условій, поставляемыхъ преходящими воззрѣніями и теоріями. Національность въ исторіи составляетъ не одинъ предметъ ея изученія; тамъ, гдѣ занимаются исключительно или преимущественно исторіею отечества, тамъ нѣтъ еще національной исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова,—тамъ не выработались пока своеобразныя историческія воззрѣнія, своеобразная историческая форма. Русская исторіографія, съ точки зрѣнія Ранке, должна быть скорѣе отнесена къ тому разряду, къ которому принадлежитъ исторіографія Франціи и Италіи. Ранке, однако, не отказываетъ въ преимуществѣ такому направленію, между тѣмъ, какъ у насъ многіе видятъ въ этомъ безусловный недостатокъ. Какъ видно изъ сознанія самого Ранке, нѣмецкіе ученые сами грѣшатъ въ своихъ научныхъ добродѣтеляхъ; сами нѣмцы сдѣлали бы лучше, не относясь презрительно, напр., къ французской школѣ исторіи. Только такой высокій умъ, какъ умъ Л. Ранке, былъ въ состояніи сказать въ лицо нѣмецкимъ ученымъ, что, такъназываемая, глубокая ученость и всесторонность представляетъ свои недостатки, и французская легкость формы, привлекательность, умѣнье писать такъ, чтобы простые смертные могли понимать читаемое,— вовсе не составляютъ недостатка, а даже могутъ стоить глубокой учености. Мы такъ сильно завязаны въ интересы общей цивилизаціи, у насъ такъ легко обращаются между нами западныя теоріи и западные взгляды, у насъ такъ многое уже построено на вѣру этимъ теоріямъ и взглядамъ, что безкорыстный, трезвый голосъ Ранке долженъ имѣть и для насъ, и для нашихъ интеллектуальныхъ отношеній, такой же интересъ, какъ если бы Ранке принадлежалъ нашей научной семьѣ. Взглядъ Ранке, у насъ, особенно долженъ поразить тѣхъ, которые считали себя почитателями и послѣдователями его, и имъ-то, именно, придется болѣе другихъ задуматься надъ словами «учителя», который даже и въ Германіи сомнѣвается въ возможности достигнуть скоро Обѣтованной земли исторіографіи.

I.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

А. РУССКАЯ.

Собраніе анекдотовъ о князѣ Григоріѣ Александровичѣ Потемкинѣ - Таврическомъ, съ біографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями, составленными *С. Н. Шубинскимъ*. Спб. 1867. Стр. 193. Ц. 1 р.

Заглавіе этого труда, вѣроятно, обманетъ нашихъ читателей, какъ оно обмануло сначала и насъ. Мы имѣемъ столько уже сборниковъ подобнаго же заглавія, начиная съ «Анекдотовъ о Балакиревѣ», что невольно относимся подозрительно ко всему, чтó можетъ хотя нѣсколько напомнить тѣ, впрочемъ, невинныя спекуляціи, которыя разсчитаны на такихъ же невинныхъ любителей какого угодно чтенія, лишь бы оно обѣщало быть забавнымъ, и которыя можно назвать лубочною литературою. Самое слово: «анекдотъ» давно уже утратило свое истинное значеніе, какъ форма извѣстнаго рода исторической литературы, и сдѣлалось въ просторѣчьи синонимомъ казуснаго происшествія, болѣе или менѣе забавнаго, даже выдуманнаго для удовольствія слушателей или читателей. «Это — анекдотъ», возражаютъ всякой разъ, когда хотятъ сказать: «выдумка, вздоръ!».

По заглавію, мы отнесли-было и трудъ г. Шубинскаго къ этой литературѣ sui generis, но, познакомившись съ самою книжкою, пришли къ другому заключенію, хотя, однако, все же не нашли въ ней ничего, чтó дало бы намъ право видѣть въ этомъ сборникѣ возстановленіе весьма древняго рода исторической литературы, отцомъ которой былъ византійскій писатель VI вѣка, Прокопій. Отъ него осталось намъ сочиненіе, историческое по своему содержанію, но оригинальное по идеѣ. Прокопій написалъ исторію правленія великаго императора византійскаго Юстиніана, въ которой онъ показалъ всю ничтожную сторону этой великой, по оффиціальнымъ источникамъ эпохи; однимъ словомъ, онъ показалъ намъ оборотную сторону медали, блестящей и вмѣстѣ весьма тусклой. Разумѣется, при жизни Прокопія трудно было явиться въ свѣтъ такому произведенію, и потому оно было, впослѣдствіи, отнесено къ числу его *неизданныхъ* (ἀνέκδοτα) сочиненій. Такимъ образомъ, названіе классификаторское замѣнило книгѣ недостовавшее ей заглавіе и сдѣлалось само заглавіемъ одного изъ замѣчательныхъ трудовъ Прокопія; потомъ, новѣйшіе языки овладѣли этимъ же словомъ для собственнаго употребленія, такъ хорошо знакомаго всѣмъ. Мы назвали бы нынѣ сочиненія Прокопія «секретною исторіею», mystéres, и т. п. Вотъ, первоначальное значеніе исторіи

анекдотическаго рода, т. е. такого, который пишется современниками, но безопасно для автора узнается только потомствомъ.

Трудъ г. Шубинскаго, отличаясь отъ новѣйшей анекдотической литературы, весьма подозрительнаго свойства, не принадлежитъ также и къ анекдотической литературѣ древнихъ временъ. Это — весьма достовѣрное и съ знаніемъ дѣла выполненное собраніе всего замѣчательнаго о Потемкинѣ, что́, однако, намъ было уже *извѣстно* изъ различныхъ сочиненій, касающихся эпохи князя Тавриды, а, слѣдовательно, не можетъ быть названо ἀνέκδοτα, въ смыслѣ *неизданныхъ* извѣстій. Авторъ предпослалъ этому собранію обширное предисловіе съ краткими біографическими свѣдѣніями о Г. А. Потемкинѣ, которыя, однако, занимаютъ почти половину его книжки, а въ концѣ ея помѣстилъ довольно обширныя приложенія съ болѣе пространнымъ описаніемъ важныхъ моментовъ въ жизни князя, и примѣчанія, объясняющія судьбу лицъ, упоминаемыхъ въ анекдотахъ, и указывающія тѣ источники, изъ коихъ заимствованы самые анекдоты. Однимъ словомъ, изданіе выполнено, можно сказать, съ надлежащею, даже научною, обстановкою. Но, при всемъ томъ, мы не можемъ отнестись вполнѣ одобрительно къ такому роду исторической литературы, которая — есть опасность — можетъ разростись скоро съ легкой руки г. Шубинскаго, и которая, вообще, напоминаетъ намъ извѣстную александрійскую эпоху паденія греческой литературы, когда необходимо было усталому и пресыщенному обществу подносить классическія литературныя произведенія, такъ - сказать, въ очищенномъ видѣ, въ сокращеніяхъ, извлеченіяхъ, выборкахъ, и т. п., чтобы можно было научиться безъ труда, безъ напряженія мысли, безъ затраты времени. Мы вовсе еще не устали, за нами нѣтъ назади богатой литературы, а потому пріемы александрійской школы нейдутъ къ нашему обществу.

Мы имѣемъ у себя настоящаго «византійскаго Прокопія» въ лицѣ журнала «Русскій Архивъ»; наше XVIII столѣтіе представляетъ также много блестящаго, какъ и эпоха Юстиніана Великаго, и также, какъ эпоха Юстиніана, это столѣтіе имѣетъ свою оборотную сторону; въ такую эпоху всегда существуетъ двойная литература: издаваемая и *неиздаваемая*, т. е. ἀνέκδοτα, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. «Русскій Архивъ» преимущественно знакомитъ насъ съ тою стороною XVIII вѣка, которая современниками сдавалась въ архивъ, и оказываетъ тѣмъ *наукѣ* громадную услугу. Но мы не скажемъ, чтобы «Русскій Архивъ» былъ книгою для легкаго и занимательнаго чтенія; между тѣмъ, изданіе г. Шубинскаго есть именно тотъ же «Русскій Архивъ», но ограничивающійся однимъ предметомъ, однимъ лицомъ, и приведенный въ хронологическій порядокъ; мы, и дѣйствительно, встрѣчаемъ въ этомъ изданіи, между прочимъ, и все то, что́ было написано о Потемкинѣ въ «Русскомъ Архивѣ»; но у г. Шубинскаго

это же самое помѣщается въ послѣдовательномъ порядкѣ времени. Стоитъ только теперь начать приводить «Русскій Архивъ» въ порядокъ по предметамъ: наприм., собраніе анекдотовъ о Минихѣ, о Биронѣ, о Екатеринѣ II, и т. д., дополнить еще это выборкою извѣстій изъ другихъ сочиненій, и мы получимъ цѣлый рядъ совершенно подобныхъ же трудовъ, весьма пріятныхъ для любителей легкаго чтенія, но — признаемся — весьма мало содѣйствующихъ къ развитію историческаго вкуса и разумѣнія, даже отталкивающихъ отъ настоящаго историческаго самообразованія.

Чтобы подтвердить нашъ взглядъ, воспользуемся примѣромъ изъ настоящаго сочиненія, и выберемъ на-удачу два изъ 80 анекдотовъ о Потемкинѣ. Вотъ, напримѣръ, 54-й:

Когда вышла въ свѣтъ книга Радищева [1]) «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы», въ которой Потемкинъ изображенъ восточнымъ сатрапомъ, роскошествующимъ въ великолѣпной землянкѣ подъ стѣнами какой-то крѣпости, то императрица поспѣшила отправить экземпляръ этого сочиненія своему любимцу, осаждавшему въ то время Очаковъ. Потемкинъ отвѣчалъ ей: «Я прочиталъ присланную мнѣ книгу. Не сержусь. Разрушеніемъ Очаковскихъ стѣнъ отвѣчаю сочинителю. Кажется, онъ и на васъ взводитъ какой-то поклепъ. Вѣрно и вы не негодуете. Ваши дѣянія — Вамъ щитъ [2])!»

Положимъ, вы прочли этотъ анекдотъ, и предъ вами обрисовался Потемкинъ; вы составили себѣ о немъ высокое понятіе, и идете дальше; предъ вами анекдотъ 57-й, котораго начàло позволимъ себѣ привести въ сокращеніи.

Потемкинъ, въ молодыхъ лѣтахъ, задолжалъ, получая отъ отца мало денегъ, въ мелочной лавкѣ мѣщанина Яковкина 495 руб. 21 к. съ деньгой, и потомъ, забывъ объ этомъ долгѣ, уѣхалъ изъ Петербурга. Когда Потемкинъ достигъ своей высоты, Яковкинъ рискнулъ явиться къ нему, и князь вспомнилъ о кредиторѣ, который ему откровенно разсказалъ все о своемъ бѣдственномъ положеніи.

Потемкинъ, выслушавъ его, спросилъ: «Скажи-ка мнѣ, Яковкинъ, не хочешь ли ты быть поставщикомъ всего нужнаго въ полевые лазареты для больныхъ моей арміи?» — Яковкинъ не понялъ вопроса и отвѣчалъ: «Ваша свѣтлость! да у меня не только лошади съ повозкой, но и кнутовища нѣтъ; я радъ бы душою служить вашей свѣтлости!» — «Не то, возразилъ князь, ты не понялъ!» И, обращаясь къ Попову, сказалъ: «Василій Степановичъ! стараго поставщика долой, расчесть, — онъ испортился; а Яковкина на его мѣсто; онъ первой гильдіи купецъ здѣшней губерніи. Растолкуй ему, въ чемъ дѣло. Для первыхъ оборотовъ дать ему денегъ въ займы, дать и всѣ способы. Всѣ бумаги приготовить и представить ко мнѣ. Ну! Яковкинъ! Теперь

[1]) При этомъ имени, въ «Примѣчаніяхъ» помѣщается краткое біографическое извѣстіе о лицѣ, объясняющее смыслъ отвѣта Потемкина.

[2]) Ссылка у издателя указываетъ, откуда заимствовано все это извѣстіе, а именно: «Отрывокъ изъ записокъ С. Н. Глинки» въ Русск. Вѣстн. 1842. № 7, стр. 18.

ти главный подрядчикъ. Поздравляю!......» Яковкинъ залился слезами и осыпалъ поцѣлуями ноги князя.

Итакъ, безпаспортный бѣднякъ внезапно сдѣлался купцомъ первой гильдіи и подрядчикомъ на всѣ припасы для госпиталей огромной арміи. Года черезъ три онъ былъ уже титулярный совѣтникъ и ѣздилъ въ роскошной коляскѣ; а еще черезъ три года получилъ штабъ-офицерскій чинъ и ворочалъ сотнями тысячъ......

Скоро молодому Яковкину показалось мало быть подрядчикомъ для продовольствія госпиталей; онъ торопился нажить капиталъ и получилъ винный откупъ въ трехъ губерніяхъ. Однажды у него случился недостатокъ въ деньгахъ; онъ обратился къ Попову, который, по приказанію свѣтлѣйшаго, далъ отношеніе N казенной палатѣ объ отпускѣ Яковкину нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Палата, руководствуясь законами, отказала и почтительно донесла о томъ князю. „Тогда-то воспослѣдовала на имя членовъ палаты извѣстная своеручная записка Потемкина, въ двухъ коротенькихъ стихахъ. Послѣ этой выразительно-убѣдительной записки, деньги Яковкину тотчасъ же были выданы. — Старики долго помнили содержаніе знаменитаго двустишія, и, покачивая головой, говорили: «Силенъ былъ Потемкинъ!» [1])

Такимъ образомъ, долгъ молодости Потемкина въ 495 рублей, 21 коп. съ деньгой былъ заплаченъ съ процентами на счетъ нашихъ больныхъ въ госпиталяхъ арміи, и Казенная палата также была вынуждена принять въ этомъ участіе. Припомните Потемкина № 54, и сравните теперь съ нимъ другого Потемкина № 57. Впечатлѣніе довольно различное! Правда, составитель указалъ намъ, что № 54 разсказанъ С. Н. Глинкою, а № 57 — старымъ воиномъ; но и это не выведетъ изъ затрудненія того, кто обстоятельно не знаетъ отношеній разсказчиковъ къ описываемому предмету и источники, откуда они почерпали свои свѣдѣнія; всякій останется въ странномъ положеніи флюгарки, поворачивающейся подъ вліяніемъ того или другого вѣтра. Вотъ, почему мы признаемъ значеніе анекдотической исторіи съ большою оговоркою и опасеніемъ, чтобы въ обществѣ не укоренилась мало по малу мысль, что исторія занимательна по степени, въ какой она изобилуетъ анекдотами.

Очерки Восточной войны. 1854—1855 гг. Составилъ кн. *С. С. Урусовъ*. Москва 1866. Стр. 217.

Авторъ, самъ неучаствовавшій въ кампаніи, прочелъ о ней, какъ увѣряетъ, извѣстнѣйшія сочиненія русскія, англійскія и нѣмецкія. Въ особенности, онъ останавливается на обзорѣ Карской кампаніи 1855 года, превознося заслуги Николая Николаевича Муравьева. При этомъ же рекомендуется читателямъ читать сочиненія о Крымской войнѣ англичанина Кинглека и Тотлебена; а относительно Карской кампаніи, оказывается, нельзя ничего рекомендовать кромѣ этого краткаго обзора, гдѣ событія изложены, по собственному выраженію автора,

---

[1]) Собиратель указываетъ источникъ: «Изъ записокъ стараго воина» въ Москвитянинѣ, 1852. № 2, стр. 15.

«точно, кратко, логично и осязательно.» Не ограничиваясь изложеніемъ событій вообще, авторъ часто входитъ въ разборъ ошибокъ, имѣвшихъ пагубныя послѣдствія, и при этомъ представляетъ свои соображенія: какіе вышли-бы результаты, если бы въ оное время поступлено было такъ, какъ автору *теперь* кажется лучшимъ. Справедливость извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ, и правдивость его сужденій могутъ быть оцѣнены, конечно, только живыми участниками дѣла, которые, пока еще живы, въ состояніи, не на одномъ сопоставленіи источниковъ, а на основаніи собственныхъ воспоминаній представить въ дѣйствительномъ свѣтѣ видѣнное ими. Кромѣ достоинствъ тактика и военнаго историка, авторъ хочетъ показать также достоинства историка-философа, и потому предпосылаетъ своему очерку введеніе, исполненное размышленій о противоположности между западомъ, порицаемымъ за его «гнилыя нравственныя начала», и востокомъ, очень похваляемымъ за его хорошія качества. Къ востоку принадлежимъ и мы, а у насъ, по словамъ автора, который, въ этомъ случаѣ, опирается на приговоръ одного великаго ученаго, науки развиваются съ такою силою, какъ нигдѣ; мы скоро опередимъ всѣ народы въ научномъ образованіи, а если насъ ненавидятъ и называютъ варварами, то это единственно за то, что мы православные христіане.

Собственно на мнѣнія и взгляды автора «Очерковъ Восточной войны» обращать вниманія не предстояло бы надобности, еслибъ здѣсь наивно и прямо не высказывалось того, чтó у другихъ и при другой обстановкѣ высказывается не такъ ясно. Вооружать умы (по сознанію самого автора, пока незрѣлые) противъ Запада, пугая ихъ западною гнилью, и указывать имъ надежду на какой-то свѣтлый востокъ — не новость въ нашей литературѣ, и, конечно, это уже многихъ повернуло къ заманчивой прадѣдовской умственной лѣни въ ту эпоху нашей жизни, когда трудъ, для собственнаго усовершенствованія и для пользы своихъ ближнихъ, наиболѣе можетъ быть плодоносенъ. Не принадлежа къ слѣпымъ поклонникамъ Запада, вполнѣ сознаемся, что на Западѣ, какъ и на Востокѣ, можетъ быть есть и довольно гнили, да какъ же и быть иначе? Каждый живой организмъ выдѣляетъ ежедневно изъ себя все, чтó ему излишне; но кому придетъ въ голову именно остановиться на такихъ отдѣленіяхъ, чтобы по нимъ опредѣлять сущность организма?!

Несомнѣнно одно, что, въ исторіи человѣческаго развитія, Западу суждено было выработать науку, и мы ее по необходимости должны получать оттуда, не ради самаго Запада, а по той простой причинѣ, что получать ее намъ болѣе не откуда. А какъ съ наукою тѣсно связывается развитіе гражданственное, то неизбѣжно мы должны будемъ усвоивать пріемы западнаго строя жизни. Мы не можемъ отъ этого избавиться, какъ бы ни хотѣли. Конечно, совершенно справедливо

можетъ возмущать душу то раболѣпное обезьянничество въ несмысленномъ усвоеніи пріемовъ западной жизни, то ребяческое хвастовство ими, то лакейское поклонничество Западу, все, что мы, къ сожалѣнію, видимъ въ неразлучномъ соединеніи съ несмысленнымъ въ равной степени пренебреженіемъ къ своему — все это дѣйствительно гнететъ душу, все это крайне противно; но избавить наше общество отъ этихъ пороковъ можно только путемъ бо́льшаго усвоенія западной образованности, побѣжденія въ себѣ праотеческой лѣни и неразлучнаго съ нею праотеческаго самохвальства и самобытностью трудовъ гражданскихъ, научныхъ, промышленныхъ, возрастающею при большей зрѣлости размышленія и при бо́льшемъ запасѣ свѣдѣній. Но всему этому ничто столько не противорѣчитъ, ничто столько не вредитъ, какъ лжепатріотическія упоенія собственнымъ достоинствомъ, въ родѣ увѣренности, что науки развиваются у насъ съ необычайною силою какъ нигдѣ, и что мы скоро опередимъ другихъ въ научномъ образованіи. Эти нелѣпости, бывшія когда-то въ ходу, замолкли-было у насъ, сколько можемъ прослѣдить прошедшее, именно, съ эпохи, описываемой княземъ Урусовымъ: назадъ тому нѣсколько лѣтъ высказать ихъ врядъ ли кто-нибудь рѣшился бы, съ увѣренностью не только не найти нигдѣ себѣ отголоска, но еще быть всѣми осмѣяннымъ. Въ то недавнее время мы старались себя какъ можно построже разбирать и похуже бранить — и это было отрадное явленіе: чѣмъ болѣе кто собою недоволенъ, тѣмъ болѣе способенъ къ самоулучшенію. Теперь у насъ опять проявляется прежнее самоуспокоеніе и хвастовство собственными успѣхами, а такія воззрѣнія, какими, и не совсѣмъ кстати, наполнено сочиненіе кн. Урусова, какъ будто готовы подкрѣпить всѣ эти недостатки печатнымъ заявленіемъ.

Акты, собранные Кавказскою археографическою коммиссіею. Архивъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго, т. I. Тифлисъ. 1866 г. 816 стр.

Въ предисловіи, предпосланномъ этому собранію, объясняется, что, съ окончаніемъ Кавказской войны, признано нужнымъ оглянуться на прошлое и собрать историческіе матеріалы, хранящіеся въ мѣстныхъ архивахъ. Какъ видно, главнымъ образомъ, имѣются въ виду преимущественно матеріалы позднѣйшаго времени, времени борьбы за пріобрѣтеніе Кавказскаго края. Г. начальникъ главнаго управленія намѣстника, баронъ Николаи, подалъ мысль объ основаніи Кавказской археографической коммиссіи; Намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ одобрилъ эту мысль, и въ 1864 г. была высочайше утверждена коммиссія. Теперь эта коммиссія предлагаетъ результаты своей дѣятельности за два года.

Напечатанные документы, главнымъ образомъ, почерпнуты изъ архива главнаго управленія намѣстника кавказскаго архива, основан-

наго въ первую эпоху введенія въ здѣшнемъ краѣ русской администраціи. Въ этомъ архивѣ находится 128,000 дѣлъ и, сверхъ того, 877 переплетенныхъ книгъ, куда включены дѣла, относящіяся къ эпохѣ—отъ занятія русскими Закавказья до 1844 г. Достойно замѣчанія, что количество дѣлъ въ этомъ архивѣ чрезвычайно возрасло за послѣдніе двадцать два года, ибо въ 1844 году было только 43,544 дѣла. Изъ нихъ 32,976 дѣлъ, да кромѣ того 249 книгъ (изъ числа 877), были осуждены на сожженіе по ненадобности и неважности, но приговоръ надъ ними не былъ исполненъ. Изъ этого обстоятельства видно, что въ кавказскомъ архивѣ (какъ, разумѣется, и во всѣхъ подобныхъ) громадное количество дѣлъ не даетъ еще понятія о чрезвычайномъ качественномъ богатствѣ архива. Кромѣ дѣлъ главнаго архива, здѣсь помѣщены акты, поступившіе изъ Грузино-Имеретинской конторы въ 1852 г., по случаю перехода церковныхъ имѣній въ казенное вѣдомство. Это, болѣе или менѣе—древніе гуджары, тарханныя граматы монастырямъ грузинскимъ и церквамъ; поступило ихъ 415, но важными изъ нихъ признала коммисія только 76.

По разбору, учиненному членомъ коммиссіи, г. Берзеновымъ, первая часть изданнаго тома заключаетъ въ себѣ исключительно эти гуджары и нѣкоторые фирманы персидскихъ шаховъ. Старѣйшая изъ гуджаръ, печатаемая здѣсь безъ подлинника (котораго не оказалось), относится къ XIV вѣку, но академикъ Броссе не считаетъ за нею, по уважительнымъ причинамъ, такой древности, и полагаетъ, что съ бо́льшимъ основаніемъ ее можно отнести къ концу XV в.

Подобно тому, какъ наши древніе князья и цари, грузинскіе владѣтели давали церквамъ и монастырямъ имѣнія съ цѣлію оставить по себѣ вѣчное поминовеніе. На того, кто, послѣ смерти дателя, нарушилъ бы тарханство, датель заранѣе просилъ Бога послать неумолимый гнѣвъ и взыскать съ него всѣ грѣхи дателя. Такимъ образомъ, существовало вѣрованіе, что нарушитель завѣщанія наказывается за это пріемомъ на себя, по силѣ завѣщанія, того наказанія, какое слѣдовало бы завѣщателю за грѣхи — вѣрованіе, сколько намъ извѣстно, чуждое нашихъ предковъ, также точно, какъ въ нашихъ граматахъ не встрѣчается, по этому поводу, тѣхъ ужасныхъ проклятій, какими надѣляетъ грузинскій завѣщатель будущаго нарушителя своей воли. Мы укажемъ хоть на слѣдующій примѣръ подобнаго проклятія: «Кто изъ Адамова рода отважится не признавать сего нами утвержденнаго гуджара и граматы царя Леона, тотъ да будетъ судимъ за наши грѣхи въ день второго пришествія. Если отмѣнитъ ихъ царь, — о Царь царей! Отрѣши его отъ царства; если царица — о Царица царицъ, пресвятая Дѣва Богородица! отрѣши ее отъ ея царства; если же владѣтель или дворянинъ, то да лишится онъ своего владѣнія. Да будетъ (отрѣшившійся) отступникомъ отъ христіанской вѣры, да постигнетъ

его трепетъ Каина, проказа Гіезія, Діоскорово пораженіе громомъ, удавленіе Іуды, поглощеніе заживо землею Дасана и Авирона; никакимъ покаяніемъ да не будетъ душѣ его избавленія, да сбудется надъ нимъ проклятіе 108 псалма, который говоритъ: да будутъ дѣти его сиротами и жена его вдовою и постигнетъ ихъ потрясеніе, и т. д., да услышитъ онъ гнѣвный гласъ Царя небеснаго въ страшный тотъ день, гласъ отсылающаго въ огонь вѣчный: идите проклятые отъ отца моего въ огонь превѣчный, уготованный діаволу и его ангеламъ, да тяготѣетъ надъ нимъ зависть Христовыхъ распинателей, и пусть никогда не оскудѣетъ въ домѣ его рыданіе Іова. Аминь.»

Часто эти грамоты начинаются высокопарными длинными исчисленіями свойствъ божіихъ, величаніями пресвятой Дѣвы и святыхъ мѣстныхъ Нины и Давида, чего, какъ извѣстно, почти не встрѣчается въ нашихъ подобныхъ граматахъ. Гуджары чаще всего даются не отъ одного лица, но также отъ супруги и дѣтей вмѣстѣ. Граматы эти не одними царями давались, но и владѣтелями, также съ ихъ женами и дѣтьми. Изъ граматъ — 22 принадлежатъ періоду до XVIII вѣка, прочія восемнадцатому столѣтію, и, притомъ, большая часть—второй его половинѣ. Всѣ эти гуджары представляютъ много данныхъ по внутреннему быту. Здѣсь, какъ и въ нашихъ подобнаго рода граматахъ, исчисляются разные поборы и налоги, отъ которыхъ освобождались получившіе тарханы; есть въ нихъ данныя, относящіяся къ хозяйству края. Кромѣ тарханныхъ граматъ, между актами XVIII вѣка, есть грамата (1761) на приданое царевнѣ, гдѣ, по восточному образу выраженія, царевна называется *солнцеподобная на землѣ, прозванная луною, освѣщающею ночь;* есть граматы на муравство и княжество. Послѣ сорока̀ граматъ слѣдуетъ отдѣлъ договоровъ, купчихъ, просьбъ, судебныхъ рѣшеній, и т. п.; нѣсколько граматъ отъ владѣтелей, воспрещающихъ продажу плѣнниковъ; есть одно любопытное обязательство, заключенное нѣсколькими лицами о томъ же; другое — указываетъ на замѣчательный обычай: паства, живущая въ вотчинѣ Машука-Швали — какъ духовные, такъ и мірскіе — обязывается не ѣсть, не пить, не плакать и не смѣяться съ единоземцемъ своимъ, который покинулъ законную жену и сочетался бракомъ съ другою женщиною; по поводу чего владыка запечаталъ церкви и запретилъ богослуженіе въ вотчинѣ, гдѣ совершилось беззаконіе. Заключившіе обязательство противъ грѣховодника обязывались оказывать ему вражду изо всѣхъ силъ. Почти то же въ другой граматѣ; по поводу какого-то преступника, запечатана была церковь, и духовенство дало обязательство: не пускать въ церковь преступника, не посѣщать его и не хоронить его, когда онъ умретъ, а также поступать со всѣми тѣми, которые войдутъ съ нимъ въ общеніе. Есть третій подобный актъ: въ немъ монахи обязуются вырыть изъ земли тѣло монаха, получившаго прокля-

тіе отъ владыки. Вообще, въ религіозно-нравственныхъ взглядахъ Грузіи было болѣе мрачнаго и суроваго, чѣмъ у насъ, гдѣ, подъ вліяніемъ славянскаго добродушія, православіе являлось съ болѣе кроткимъ, человѣколюбивымъ, милосердымъ характеромъ, достойнымъ христіанскаго духа любви. Фирманы шаховъ, помѣщенные за граматами грузинскихъ владѣтелей, относятся къ утвержденію духовныхъ лицъ въ ихъ званіи и къ пожалованіямъ ихъ.

Вторая часть сборника начинается рапортами генераловъ екатерининскаго вѣка, по дѣламъ, касающимся Большой и Малой Кабарды, и содержитъ въ себѣ извѣстіе о ихъ набѣгахъ и о сношеніяхъ русскихъ властей съ ними; кромѣ рапортовъ, здѣсь помѣщены рескрипты и указы по тому же предмету. Нѣкоторые акты касаются также калмыковъ. Далѣе слѣдуютъ акты, относящіеся къ первымъ годамъ, когда Грузія поступила подъ русское владычество, именно ко времени управленія Кнорринга. Тутъ есть рапорты Коваленскаго и Лазарева Кноррингу, граматы къ царю грузинскому, къ эриванскому владѣтелю, записка о Грузіи Коваленскаго, замѣчаніе генерала Лазарева о тогдашнихъ обстоятельствахъ Грузіи, письма, отписки и, вообще, разнаго рода бумаги, касающіяся царицы Марьи и грузинскихъ царевичей, собранныя порознь о каждомъ лицѣ, предписанія, рапорты, письма, касающіяся смутъ, возникшихъ въ Грузіи по смерти царя Георгія и поступленія Грузіи въ непосредственное русское управленіе. Съ этихъ поръ, помѣщаемые здѣсь акты содержатъ въ себѣ болѣе предъидущихъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи Иверской земли; извѣстія о приходахъ и расходахъ, объ экономическихъ средствахъ края, о торговлѣ, объ учебной и горной части, о состояніи духовенства, о дѣлахъ относящихся къ Имеретіи, Осетіи, закавказскимъ мусульманскимъ владѣніямъ, кавказскимъ горцамъ и, наконецъ, къ сношеніямъ, возникшимъ, по поводу присоединенія Закавказья, съ Персіею и Турціею. Акты, писанные первоначально по-грузински, напечатаны въ переводахъ, съ приложенными тутъ же подлинниками. Это начало обѣщаетъ важный вкладъ въ сокровищницу матеріаловъ для русской исторіи XIX вѣка. Жаль только, что изданный теперь томъ у насъ составляетъ почти библіографическую рѣдкость. Конечно, изданіе такихъ матеріаловъ не можетъ быть общечитаемою книгою, тѣмъ не менѣе, желательно было бы, чтобъ занимающіеся русскою исторіею не затруднялись возможностью пріобрѣтать его.

Памятная книжка Олонецкой Губерніи на 1867 г. Петрозаводскъ.

Обращаемъ вниманіе на отдѣлъ для мѣстной исторіи и этнографіи, гдѣ помѣщены: «Алфавитный указатель» монастырей и пустынь упраздненныхъ и существующихъ въ Олонецкой эпархіи, съ перечисленіемъ ихъ настоятелей; «Путевыя замѣтки по Повѣнецкому уѣзду»,

съ описаніемъ мѣстъ прежнихъ приморскихъ раскольничьихъ монастырей и съ воспоминаніями объ ихъ прошедшемъ; «Біографія Ивана Филиппова», составителя извѣстной «Исторіи Выговской обители», написанная занимательно г. Барсовымъ; и «Хронологическій списокъ управителей Каргополя».

Особенно любопытна статья: «Чудесные памятники и преданія о панахъ». Давняя борьба славянскаго племени съ чудскимъ оставила слѣды въ курганахъ, съ которыми соединены въ народѣ преданія, здѣсь приведенныя. Другого рода народныя сказанія «о панахъ» — относятся къ смутной эпохѣ. Подъ панами разумѣются польскіе и литовскіе люди и черкесы, опустошавшіе сѣверный край, преимущественно при окончаніи смутнаго времени. Народъ указываетъ разныя мѣста, гдѣ, по его преданію, жили паны и дѣлали набѣги на крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились объ нихъ цѣлыя легенды. Паны нападаютъ на церковь, прострѣливаютъ образа, но Богъ посылаетъ на нихъ слѣпоту (тёмень), и они истребляютъ другъ друга. Это — самая распространенная легенда: она примѣняется къ разнымъ мѣстностямъ съ разными видоизмѣненіями въ разсказѣ. Существуютъ разсказы о дѣвицахъ, спасавшихся отъ преслѣдованія сластолюбивыхъ пановъ. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ легенды о панахъ оканчиваются тѣмъ, что они передерутся между собою и перебьютъ другъ друга. Эти преданія о ихъ несогласіи между собою, равно какъ и о ихъ падкости къ женскому полу, вѣрно изображаютъ характеръ шаекъ, опустошавшихъ въ тѣ времена Русь. Также точно имѣетъ историческое основаніе — сохранившееся у народа преданіе о легковѣріи и простоуміи пановъ; ихъ легко было обмануть и воспользоваться ихъ оплошностью, неосторожностью, малою сметкою. Напр.: напали паны на мужика, связали его и оставили въ избѣ съ малолѣтними дѣтьми, а сами напились пьяны и залегли спать въ чуланѣ; мужикъ велѣлъ дѣтямъ себя развязать, взялъ топоръ и сорокъ человѣкъ пановъ изрубилъ одинъ. Въ другомъ мѣстѣ показываютъ озеро, гдѣ погибли паны. Стали они допрашивать у мужиковъ имущества: мужики сдѣлали заранѣе продушины по срединѣ озера, увѣрили пановъ, что въ озерѣ спрятаны ихъ сокровища; паны туда отправились и утонули. Близъ Свирскаго монастыря есть могила, гдѣ, по преданію, лежатъ тѣла избитыхъ крестьянами пановъ, ограбившихъ свирскую обитель. Суевѣрный страхъ окружаетъ съ тѣхъ поръ эту могилу; изъ нея слышатся стоны, а иногда являются мертвецы огромнаго роста, выше березы, съ лицами, обращенными къ мѣсяцу, и т. под. Любопытна также статья изъ обычаевъ обонежскаго народа, гдѣ изложены способы празднованія Ильина дня, Купалы, праздника Рождества Богородицы, и другихъ дней; въ этихъ празднованіяхъ видны древніе языческіе остатки.

Прилагаемъ, въ заключеніе, указатель болѣе замѣчательныхъ статей по русской исторіи, разсѣянныхъ въ журналахъ и вѣдомостяхъ за прошлый 1866 годъ.

Русскій Вѣстникъ. 12 книгъ. Москва.

Между статьями, относящимися къ отечественной исторіи, первое мѣсто здѣсь, по нашему мнѣнію, принадлежитъ статьѣ г. Мельникова (май, сентябрь): «Историческіе очерки Поповщины», продолженіе статей, печатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прежнихъ годовъ, которыя, вѣроятно, составятъ, впослѣдствіи, матеріалы для полной исторіи раскола. Въ этомъ изслѣдованіи, мы находимъ, какъ расколъ усилился въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда, какъ извѣстно, происходили во множествѣ отпаденія изъ православія въ разное сектанство, что и побудило правительство, въ царствованіе Николая, принять противъ нихъ строгія мѣры. Чтобы показать, какъ возросталъ расколъ въ благословенное для него время Александра I, достаточно остановиться на слѣдующемъ извѣстіи, сообщаемомъ г. Мельниковымъ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Москвѣ считалось раскольниковъ 20,000, а въ 1822 году прихожанъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ было, по извѣстію жившаго на кладбищѣ двадцать лѣтъ сряду протоіерея Арсеньева — 35,000, а въ слѣдующіе три года расколъ возросъ до того, что Рогожское кладбище насчитывало, въ 1825 году, въ Москвѣ 65,000 прихожанъ. Причины такого знаменательнаго умноженія числа раскольниковъ заключаются, главнымъ образомъ, въ ихъ бережливости и трудолюбіи; сохраняя простоту прадѣдовскихъ обычаевъ, противоположныхъ мотовству и прихотямъ, освоеннымъ, съ преобразованною на европейскій ладъ, жизнью, они успѣли нажить, сосредоточить и сохранить у себя большіе капиталы; прибавить къ этому слѣдуетъ ихъ благодушіе, съ которымъ они помогали обращавшимся къ нимъ неимущимъ, и способствовали благосостоянію всѣхъ тѣхъ, которые дѣлались участниками ихъ трудовъ, склонялись къ нимъ по чувству благодарности, поражались ихъ благочестіемъ и, такимъ путемъ, приставали къ ихъ религіознымъ толкамъ. Много способствовало ихъ благосостоянію то, что богатые раскольники успѣли захватить въ свои руки значительныя вѣтви фабричной промышленности около Москвы, и давали на своихъ заведеніяхъ для рабочаго народа выгодный трудъ, и тѣмъ привлекали его въ расколъ. Не малымъ подспорьемъ для раскольниковъ послужила, кромѣ того, контрабанда и дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій послѣ французской войны. Въ сентябрской книжкѣ, въ продолженіи этой статьи, описаны судьба и бытъ петербургскихъ поповцевъ, особенно королёвскихъ, такъ названныхъ отъ главной моленьи ихъ, помѣщенной въ домѣ Королева.

Въ іюньской книжкѣ помѣщена статья г. Желѣзкова: «Русское село

въ Малой Азіи», гдѣ, кромѣ географическаго и этнографическаго очерка, замѣчательны, въ историческомъ отношеніи, данныя о состояніи и судьбѣ некрасовцевъ послѣ ихъ переселенія въ Турцію. — Въ двухъ нумерахъ (апрѣль, май) начато печатаніе дневника Корба, секретаря при императорскомъ посольствѣ въ Москву въ 1642—1699 гг. Дневникъ этотъ, написанный на латинскомъ языкѣ, теперь сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Но подобнаго рода источники полезнѣе издавать не въ журналахъ и не въ однихъ переводахъ, а въ подлинникахъ съ переводами и особыми книжками, или же въ собранія такихъ источниковъ. Разсѣянные въ повременныхъ изданіяхъ, такого рода историческіе источники не могутъ удобно быть подъ руками, по мѣрѣ надобности, у тѣхъ, которые изучаютъ исторію по источникамъ. Давно уже чувствуется потребность для отечественной исторіи въ систематическомъ изданіи иностранныхъ путешественниковъ и писателей, писавшихъ о Россіи, въ подлинникахъ, съ переводами и съ необходимыми объясненіями. Такихъ предпріятій, конечно, нельзя ожидать отъ частныхъ лицъ, когда мало или вовсе нѣтъ богатыхъ меценатовъ, готовыхъ на пожертвованія съ научными цѣлями. Изданія эти могли быть предприняты только на иждивеніе и средства правительственныхъ учрежденій, и этого желательно было бы дождаться отъ Археографической коммиссіи, которая, безъ сомнѣнія, могла бы исполнить это великое дѣло, еслибъ получила необходимыя, для этой цѣли, средства. — Въ августовской книжкѣ помѣщена статья г. Семевскаго: «Семенъ Андреевичъ Порошинъ». Это — добавленіе къ извѣстнымъ запискамъ Семена Порошина, сообщающимъ нѣкоторыя данныя объ отрочествѣ императора Павла I. — Въ іюльской книжкѣ напечатана составленная на основаніи разныхъ, большею частью въ недавнее время изданныхъ матеріаловъ и монографій, статья: «Судьба брауншвейгской фамиліи съ 1741 до 1780 года».

Отечественныя Записки. 24 книги. С.-Петербургъ.

Въ теченіе 1866 года, мы встрѣчаемъ въ нихъ слѣдующія статьи историческаго содержанія:

1) *Наполеонъ I-й и поляки въ 1812 г.*, *Дубровина* (Т. CLXIV); 2) *Взглядъ русскаго министра первой половины XIX столѣтія. Графъ Канкринъ и его путевыя замѣтки, изд. граф. Кейзерлингомъ* (Т. CLXIV); 3) *Графъ Лестокъ. М. Д. Хмырова* (Т. CLXV и CLXVI). 4) *Іоаннъ VI Антоновичъ 1740—1764 г. Очеркъ изъ русской исторіи. Семевскаго* (Т. CLXV), гдѣ описаны: перемѣщенія Іоанна изъ одной тюрьмы въ другую, его трагическая смерть, судъ надъ Мировичемъ и его участниками; между прочимъ, здѣсь есть свѣдѣнія, заимствованныя изъ рукописи барона Мододеста Ивановича Корфа: «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи въ Холмогоры», составленной по подлиннымъ докумен-

тамъ. 5) *Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 г.*, Семевскаго (Т. CLXVII) — интересный эпизодъ изъ исторіи борьбы русскаго народа съ реформою Петра; 6) *Кузька, мордовскій богъ. Разсказъ изъ исторіи мордовскаго народа. К.* (Т. CLXVII и CLXVIII), и 7) *О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ. Влад. Фармаковскаго.* (Т. CLXIX).

Военный Сборникъ. 12 книгъ. С.-Петербургъ.

Въ этомъ спеціальномъ журналѣ, по отношенію къ отечественной исторіи, первое мѣсто обращаетъ на себя статья г. Гейнса (январь, мартъ, май) подъ названіемъ «Пшехскій отрядъ», гдѣ разсказана исторія послѣдняго очищенія Абхазіи отъ горскихъ племенъ, перевороты съ ними по поводу выселенія абадзеховъ на назначенныя имъ мѣста на рѣкѣ Лабѣ, или же, въ случаѣ нежеланія, необходимость перейти въ Турцію. Твердость и дипломатическое поведеніе полковника Геймана, не поддававшагося никакимъ уловкамъ, и настоявшаго на томъ, чтобы горцы выселились не иначе, какъ въ трехнедѣльный срокъ, съ предоставленіемъ, однако, срока до весны для тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ отдаленныхъ мѣстахъ. Русское войско проводило дороги, строило станицы и, во время даннаго горцамъ перемирія, подвигалось далѣе и далѣе въ горы. Появленіе его въ горахъ было поводомъ освобожденія множества русскихъ плѣнниковъ, которые, уже съ давняго времени, въ неволѣ жили между горцами — иные лѣтъ по 25 и болѣе, принимали, для облегченія своей горькой участи, мусульманство и, не смотря на свое притворное отступничество, мало получали отрады. Иные женились на туземкахъ. Эти плѣнники сообщали свѣдѣнія о дѣйствіяхъ турецкихъ мусульманъ и западныхъ, враждебныхъ намъ, эмиссаровъ, поджигавшихъ горцевъ на борьбу съ Россіею и обнадеживавшихъ ихъ помощью со стороны другихъ державъ. По мѣрѣ углубленія въ горы, русскіе подвергались большимъ тягостямъ и лишеніямъ, уже давно неразлучнымъ съ жизнью кавказскихъ солдатъ, которыхъ кротости и терпѣнію нельзя не удивляться, какъ ровно нельзя не цѣнить той огромной жертвы, какою куплено было Россіею господство надъ этимъ краемъ. Русскіе дошли до земли хакучинцевъ, упорныхъ нашихъ недоброжелателей; нужно было истребить насущное пропитаніе передъ зимою и лишить горцевъ возможности достать его хотя бы дорогою цѣною. Мѣры были очень суровы, но необходимы, чтобъ сломать непреклонность хакучинцевъ, и на будущее время, вообще, избавить себя отъ необходимости вести съ горцами истощительную борьбу. Никто, однако—говоритъ авторъ—не поручится за то, что тамъ не осталось жителей, хотя наши исходили край по всѣмъ направленіямъ, но могли ли они перебывать во всѣхъ ущельяхъ и заглянуть во всѣ прогалины? Горькое положеніе горцевъ, осужденныхъ

на переселеніе, также какъ и лишенія нашихъ солдатъ въ этомъ истребительномъ походѣ, изображены довольно живыми красками и, вообще, статья эта отличается яснымъ и занимательнымъ изложеніемъ. Въ концѣ статьи приложено извѣствіе о колонизаціи края, между Бѣлой и Лабой, въ началѣ 1862—1864 гг. Въ 1862 г., завелось тамъ пятнадцать станицъ, а между Адагумомъ и Чернымъ моремъ двѣнадцать, всего двадцать семь; въ нихъ водворено 4,185 семей, изъ нихъ образовалось три полка; въ 1863, за Бѣлой и Лабой—тринадцать станицъ, а между Адагумомъ и Илемъ восемь, переселено 3,431 семья, уничтожено два полка; въ 1864, прибыло 4,407 семей. Въ этотъ годъ быстро воздвигнуто пятьдесятъ двѣ станицы съ тремя поселками, а всего, въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ Закубанской области воздвигнуто стоодиннадцать станицъ, съ тремя поселками, въ которыхъ водворено 14,396 семей. Кавказъ, край такъ дорого купленный, послѣ такого долгаго и труднаго времени, долженъ, наконецъ, сдѣлаться достояніемъ русской жизни и европейской цивилизаціи. На него долженъ быть обращенъ интересъ не только государства, но и русскаго общества. Великое дѣло колонизаціи его русскимъ племенемъ, развитіе его экономическихъ силъ, возможность его богатой природы вознаградить Россію сколько-нибудь за понесенныя ею потери для его обладанія — важнѣйшія задачи нашего времени, одинъ изъ первыхъ общественныхъ вопросовъ нашихъ, и нельзя было бы не упрекать насъ въ непростительномъ и легкомысленномъ равнодушіи къ собственнымъ нашимъ выгодамъ, еслибъ мы не обратили энергически туда усилій нашей дѣятельности — промышленной, торговой и научной.

Любопытная статья г. Гейнса вызвала, въ сентябрской книжкѣ «Военнаго Сборника» «Воспоминанія о верхне-абадзехскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ прежде пшехскаго, съ 1 сентября 1861 по мартъ 1862 г.», составленная Гонборскимъ, бывшимъ участникомъ въ дѣлѣ. Кромѣ того, въ № 7 помѣщена статья г. Введенскаго: «Дѣйствія и занятіе средне-фарскаго отряда, гдѣ излагаются дѣйствія, предшествовавшія пшехской экспедиціи. Статья эта ограничивается одними военными событіями въ тѣсномъ смыслѣ. Къ исторіи Кавказа относится также, помѣщенныя въ № 5 г. Филипповичемъ нѣсколько словъ о взятіи Гуниба и Шамиля. Кромѣ этихъ статей, которыя, въ свое время, послужатъ въ извѣстной степени матеріалами для будущаго историка покоренія Кавказа, въ «Военномъ Сборникѣ» 1866 г. помѣщены: Поѣздка въ Персію въ 1863 (№ 11), Посольство въ Хиву полковника Данилевскаго въ 1842 г. (№ 5), а въ сентябрской книжкѣ біографическій перечень сановниковъ, управлявшихъ военною частью въ Россіи съ 1701 года до нашего времени.

Православный Собесѣдникъ. 12 книгъ. Казань.

Изъ статей, относящихся къ русской исторіи, въ прошедшемъ году преимущественно можно указать на статью: «О единовѣріи въ нижнетагильскомъ заводѣ и его округѣ». Эта мѣстность, какъ мы узнаемъ изъ настоящаго изслѣдованія, имѣла очень важное значеніе въ исторіи старообрядства и раскола, особенно въ послѣднія десять лѣтъ, предшествовавшія явленію тамъ единовѣрія (1822—1832). Нижнетагильскіе раскольники — говоритъ авторъ — составляли свой особый міръ, и главнымъ гнѣздомъ ихъ было большое общество Троицкой часовни въ нижнетагильскомъ заводѣ. Начало этого общества единовременно съ началомъ самаго завода, основаннаго въ 1725 г. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, въ 1735 году, тамъ было уже 1,250 муж. и 661 жен. душъ раскольниковъ. Во главѣ заводскаго управленія у нихъ были покровители. Часовня Троицы построена, въ 1745 году, Андреемъ Ивановымъ Рябининымъ, вмѣсто существовавшей прежде Іововской, при которой жилъ, уважаемый раскольниками, священноинокъ Іовъ, ревнитель старопечатной письменности. Рябининъ обновилъ, въ 1781 году, свою часовню послѣ пожара и устроилъ келіи для старухъ, называвшихся по его имени рябининскими. Къ этой часовнѣ тянули общества демидовскихъ заводовъ, отстоящихъ отъ нижнетагильскаго на различномъ разстояніи, четыре общества казенныхъ заводовъ и нѣсколько деревень, всего 20 обществъ, которыхъ населеніе составляло, въ 1823 г., до 15,411 д. Всѣ эти общества составляли между собою федерацію подъ главенствомъ Троицкой часовни. Память Іова, ихъ перваго священника, и его ученика Максима, почиталась, какъ память мѣстныхъ угодниковъ. Раскольники были поповской секты. Попы у нихъ были бѣглые, преимущественно изъ Иргиза, и потому, для укрывательства ихъ, при часовнѣ былъ каменный домъ съ замысловатыми потайниками и подвалами. Раскольники при часовнѣ имѣли казну изъ денежныхъ сборовъ, простиравшихся, примѣрно, за два года до 11,441 р. Вся федерація управлялась совѣтомъ выборныхъ старшинъ изъ богатыхъ и вліятельныхъ начальныхъ людей. Зависимыя отъ Троицкой часовни общества управлялись также старшинами, которые относились всѣ къ троицкому совѣту, давали письменныя свидѣтельства своимъ общественникамъ, собирали въ своихъ обществахъ и отсылали въ Троицкую часовню деньги; приговоромъ старшинъ въ зависимыхъ обществахъ избирались сотрудники, находившіеся при главныхъ старшинахъ. Федерація была въ сношеніяхъ съ другими подобными обществами, также разсѣянными по Россіи. Подъ такимъ устройствомъ, общества процвѣтали свободно, благодаря данному, въ 1822 г., дозволенію раскольникамъ строить часовни и имѣть свое духовенство. Число часовень возрастало, и скоро увеличилось до девяти. Но въ 1831 году начинается внутреннее раздвоеніе: одинъ изъ членовъ при-

няли единовѣріе, и съ тѣхъ поръ начальство духовное и свѣтское стало дѣйствовать для обращенія раскольниковъ въ единовѣріе, подъ вліяніемъ пермскаго владыки Аркадія. Управляющій заводами содѣйствовалъ этому. Миссіонеры духовные стали, вопреки ихъ желанію, увѣщевать ихъ; а между тѣмъ, указомъ запрещено было имъ держать бѣглыхъ поповъ; преслѣдовали, какъ бродягъ, именовавшихъ себя монахами и монахинями, не допускали служить при заводахъ по распорядительной части раскольникамъ, и опредѣляли на такія мѣста православныхъ; нѣкоторые, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стали колебаться; старшины хотѣли удержать ихъ отъ отпаденія и стали поступать сурово, деспотически, а это возбудило противъ нихъ оппозицію и вражду, и умножались отходившіе въ единовѣріе. Расположенные къ единовѣрію подавали прошеніе о постройкѣ у нихъ единовѣрческой церкви; раскольники, отъ имени 46,034 т. человѣкъ, подали на высочайшее имя прошеніе, жалуясь на стѣсненіе отъ начальства и умоляя оставить имъ религіозную свободу. Само собою разумѣется, что при тогдашнемъ направленіи, просьба ихъ не была удовлетворена, и въ борьбѣ возникавшаго единовѣрія съ расколомъ правительство содѣйствовало единовѣрію. Стали назначать священниковъ къ часовнямъ и даже къ самой Троицкой. Раскольники упорствовали, прогоняли священниковъ, и въ 1840 году, по высочайшему повелѣнію, Троицкая часовня была отобрана при помощи полиціи, въ присутствіи жандармскаго штабъ-офицера. Много было возни съ раскольниками. Они рѣшались лучше умереть, чѣмъ отдать свою святыню. Заперпись въ часовнѣ, они ни за что не хотѣли впустить туда начальства. Женщины были упрямѣе мужчинъ. Ихъ всѣхъ, однако, выгнали оттуда водою. Женщины до послѣдней защищались мѣдными крестами противъ полицейскихъ, которые вытаскивали ихъ изъ часовни.

Къ исторіи же раскола относится статья, подъ названіемъ «О раскольникахъ нижегородской епархіи» (декабрь), замѣчательная потому, что тамъ разсказывается о легендахъ, распущенныхъ раскольниками о существованіи чудесныхъ монастырей Нестіара и Китежа; воображеніе помѣщаетъ ихъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ; имъ дается историческое основаніе, какъ будто бы до татаръ. Оба эти монастыря существуютъ до сихъ поръ, но невидимо. Въ первомъ постоянно живетъ семь святыхъ иноковъ, и это число никогда не оскудѣваетъ и пополняется каждый разъ новымъ пришельцемъ, кому дается свыше способность увидѣть ни для кого незримый монастырь. Онъ будетъ невидимъ до тѣхъ поръ, пока старая вѣра не восторжествуетъ надъ новою. Монастырь этотъ находится при озерѣ Свѣтло-ярѣ. Приводится, кромѣ того, извѣстіе о народномъ поклоненіи Девворѣ, которая, будто бы, была тетка Петра I. Ея память очень дорожатъ, и ходятъ на поклоненіе ея могилѣ, которую воображаютъ въ Арзамасскомъ

уѣздѣ. О Петрѣ I сохранилось повѣрье, что онъ былъ не коренной потомокъ русскихъ государей, а шведъ подмѣненный. Вотъ, какъ въ народѣ слагаются преданія объ историческихъ лицахъ.

Кромѣ этихъ статей, относящихся къ расколу, въ «Православномъ Собесѣдникѣ» помѣщены: «О сборахъ съ низшаго духовенства въ Россіи въ XVI вѣкѣ» (январь); «Постановленія древней русской церкви касательно времени общественнаго богослуженія» (январь), гдѣ обращено вниманіе на мѣстные праздники святыхъ русскихъ, объединенные не ранѣе XVI вѣка митрополитомъ Макаріемъ, и гдѣ приводятся разныя мѣста, почерпнутыя изъ актовъ Археографической Коммиссіи, о безпорядкахъ въ древней русской церкви; «Правила митрополита Фотія» (мартъ), гдѣ излагается содержаніе этого памятника, напечатаннаго въ актахъ Археографической Коммиссіи; «Служеніе Филарета, митрополита ростовскаго, отечеству» (апрѣль); «Служеніе Ермогена патріарха бѣдствующему отечеству» (іюнь); «О церкви и иконѣ св. Николая въ Казани» (мартъ); «О поступленіи въ Россіи на церковныя должности въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (іюль), гдѣ разсматривается обособленіе духовнаго званія въ формѣ отдѣльнаго родового сословія. Въ XVIII вѣкѣ, развился существующій теперь обычай передавать мѣсто роднѣ или зятьямъ. Прежде, главное условіе поступленія на священническое мѣсто былъ выборъ прихожанъ, а въ XVIII вѣкѣ, стали требовать ученія; но это не было непремѣнное условіе до самаго конца XVIII вѣка. — Въ октябрской книжкѣ напечатана статья: «Мѣры Іоанна IV къ удержанію духовной побѣды надъ Казанью, въ связи съ миссіонерскою дѣятельностью первосвятителя Гурія и его помощниковъ Гермогена и Варсонофія».

Въ отдѣлѣ памятниковъ древне-русской письменности, отдѣлѣ, который особенно былъ всегда замѣчателенъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», напечатано: «Повинное посланіе св. Діонисія, архіепископа суздальскаго, къ великому князю Димитрію Донскому», писанное въ 1383 году. Издатели приписываютъ это посланіе Діонисію на основаніи одного мѣста въ немъ: «Азъ же Ди... епископъ... се же по судбамъ Божіимъ, аще не достоинъ», и пр. Кромѣ начальнаго слога имени Діонисіева, словà: «по судьбамъ Божіимъ» и «недостоинъ», указываютъ на Діонисія по извѣстнымъ его отношеніямъ къ великому князю, возникшимъ по поводу его посвященія въ Цареградѣ. О языкѣ его замѣчаютъ, что посланіе это, какъ и другія сочиненія Діонисія, кажется, какъ будто переведеннымъ съ греческаго языка, на которомъ составлено было первоначально.

Кромѣ этого посланія, въ «Православномъ Собесѣдникѣ» напечатано: «Посланіе къ Аѳанасію, ктитору великія лавры св. Николая о трегубой аллилуйи, извлеченныя изъ Макарьевскихъ Миней за іюнь мѣсяцъ» (іюль), въ сличеніи съ варіантомъ въ одномъ изъ сборниковъ соло-

вецкой библіотеки письма XVI вѣка. Дѣйствительно ли можно приписать эти посланія митрополиту Макарію, какъ дѣлаютъ издатели, мы не станемъ разбирать, хотя сомнѣваемся. Авторъ посланія — сторонникъ трегубаго аллилуйя, пишетъ къ поборнику сугубаго и упрекаетъ послѣдняго за то, что онъ въ спорѣ объ этомъ предметѣ употреблялъ бранныя, непристойныя слова (подобное употребленіе бранныхъ словъ приписывается св. Евфраиму въ его житіи, составленномъ клирикомъ Василіемъ); здѣсь упоминается объ Іовѣ, псковскомъ философѣ, о которомъ также говорится въ житіи Евфраима, писанномъ клирикомъ Василіемъ и, такимъ образомъ, здѣсь мы находимъ подтвержденіе старины послѣдняго памятника, о которомъ, какъ извѣстно, существовало мнѣніе, что оно сложено гораздо позже. Печатаніе нынѣ посланія имѣетъ значеніе для дальнѣйшаго разъясненія научнаго спора объ аллилуйѣ, одномъ изъ вопросовъ, сильно волновавшихъ умственную жизнь древнихъ русскихъ. Приверженность нашихъ предковъ въ церковныхъ дѣлахъ къ буквѣ, доходившая даже до смѣшного, съ современной для насъ точки зрѣнія, происходила отъ того, что они боялись, чтобъ такое или другое измѣненіе церковнаго пѣснопѣнія или молитвы не повлекло къ ереси; такимъ образомъ, и въ спорѣ объ аллилуйѣ трегубцы и сугубцы думали, что такой или иной способъ произношенія церковной пѣсни знаменовалъ неправильное понятіе о св. Троицѣ, и могъ привести къ еретическимъ толкамъ о богословскихъ предметахъ.

Труды Кіевской Коммиссіи Духовной Академіи. 12 книгъ. Кіевъ.

Изъ статей по русской исторіи, въ этомъ журналѣ обращаетъ на себя вниманіе изслѣдованіе г. Петрова—немаловажный матеріалъ для исторіи просвѣщенія въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь излагаются разныя понятія о стихосложеніи и, вообще, теорія стиходѣйства, господствовавшая въ тогдашней кіевской академіи, потомъ авторъ переходитъ къ произведеніямъ эпической, драматической, лирической и эпиграмматической поэзіи порознь. Эпическая поэзія у кіевцевъ не имѣла значенія и состояла въ копировкѣ іезуитскихъ произведеній этой формы. Важнѣе поэзія драматическая. Въ исторіи кіевской драмы усматривается три періода: 1) подражанія іезуитскимъ произведеніямъ; 2) возрожденія эпохи Ѳеофана Прокоповича, когда малорусская драма стала касаться новыхъ тогдашнихъ интересовъ юго-западнаго края, и 3) упадка ея.

Въ XVII вѣкѣ, кіевская драма касалась исключительно священныхъ предметовъ и олицетворяла разныя отвлеченныя понятія. Древнѣйшимъ предметомъ дѣйствъ были страсти Христовы, съ примѣсью образовъ изъ греческаго баснословія, напр.: противъ Христа выходитъ изъ бездны злая богиня языческая. Была въ ходу мистерія «Мудрость

предвѣчная», гдѣ изображается исторія паденія человѣка, и тутъ выходятъ на сцену въ лицахъ разныя добродѣтели, пороки, страсти. Съ Ѳеофана Прокоповича вводиться начинаютъ историческія лица и предметы современнаго интереса, съ признаками комизма и юмора. Есть того времени драма «Владимиръ», гдѣ изображается борьба христіанства съ язычествомъ, и принятіе христіанства въ Кіевѣ. Язычество изображается въ комическомъ видѣ. Въ 1729 году, явилась драма, представляющая эпоху Богдана Хмѣльницкаго. Комическій элементъ до того преобладалъ въ тѣ времена, что даже входилъ въ драмы, которыхъ предметы взяты изъ религіозной сферы. Вѣроятно, къ той эпохѣ принадлежатъ многія извѣстныя намъ вирши, гдѣ выводятся разныя лица изъ священной исторіи, и гдѣ изложеніе проникнуто господствомъ комизма, облекающаго, обыкновенно, такія лица, которыя въ исторіи являются враждебными святымъ личностямъ, напр.: Иродъ, Іуда, фарисеи, первосвященники, и пр. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя касаются политической судьбы Украйны и особенностей ея соціальнаго строя. Этимъ характеромъ отличались стихотворенія Михаила Довголевскаго. Напр., лякъ, чувствуя, что *такая перемѣна стала, что до сихъ поръ святая вольность продолжалась*, а теперь *наши хлопы противъ насъ бунтуютъ*,—вывозитъ мужиковъ своихъ въ клѣткѣ и продаетъ жиду за сто злотыхъ. Напрасно молитъ его о пощадѣ мужикъ. Вдругъ является казакъ и говоритъ:

Штобъ то се за причина и якъ развяжати [1]), што ляхи шилихвисти [2]) людей продавати почали? Да не знаю што зъ того выйде, за те што християнску кровь жидамъ орендуютъ [3]).
Де-сь то [4]) на себе лихо якесь віщують [5]).
Да ще будетъ имъ лихо: нехай [6]) пождуть трохи [7]).
Бо ми вже взнали добре ляховецки здохи [8]).
Гулки [9]) ихъ помаленку будемо нуздати,
То вони заречутся [10]) христіанъ продавати.

Казакъ вызволиваетъ мужиковъ изъ неволи и самого пана-ляха вмѣстѣ съ жидомъ запрягаетъ въ ярмо.

Нѣтъ надобности распространяться о чрезвычайной исторической важности такого памятника для уразумѣнія понятій и взглядовъ, опредѣлявшихъ явленія народной жизни въ оное время.

Кромѣ статьи г. Петрова, достойна замѣчанія статья г. Елпидифора Барсова (февр., іюнь, декабрь) о Денисовѣ. Здѣсь разсказывается занимательно жизнь и письменная дѣятельность знаменитѣйшаго изъ

---

[1]) Какъ тутъ разсудить. [2]) Хвастунишки. [3]) Отдаютъ въ аренду. [4]) Вѣрно. [5]) Бѣду какую-то себѣ предчувствуютъ. [6]) Пусть. [7]) Немного. [8]) Мы ужъ хорошо узнали, какъ ляхи дышатъ. [9]) Только вм. тільки, сѣверно-малороссійское нарѣчіе. [10]) Они зарекутся.

дѣятелей раскола, на основаніи не однихъ общеизвѣстныхъ памятниковъ, но также и до сихъ поръ необнародованныхъ, которыя авторъ нашелъ въ библіотекѣ олонецкой семинаріи. Есть еще статья о происхожденіи раскола (мартъ), гдѣ авторъ хочетъ доказать, вопреки г. Щапову, что причинъ явленія и распространенія раскола, въ XVII вѣкѣ, слѣдуетъ искать не столько въ отдаленныхъ исторических явленіяхъ, сколько въ ближайшихъ ко времени появленія раскола: то были неосторожность, съ какою принимались за дѣло исправленія книгъ, страхъ латинства, естественный послѣ смутнаго времени, побуждавшій подозрѣвать латинство во всякомъ измѣненіи противъ прежняго, наконецъ, моровая язва, которую русскій народъ привыкъ считать божіимъ наказаніемъ за грѣхи, въ особенности за нарушенія вѣры.

Православное Обозрѣніе. 12 книгъ. Москва.

Здѣсь мы встрѣчаемъ историческій очеркъ въ статьѣ *«О попыткахъ къ соединенію англійской епископальной церкви съ православною»*, *П. Образцова.* Такія попытки начались съ 1716 года, когда ѳиваидскій митрополитъ Арсеній пріѣзжалъ въ Англію просить пособія угнетеннымъ въ Египтѣ православнымъ христіанамъ. Онъ вступилъ въ сношенія съ епископами, по религіознымъ убѣжденіямъ неприсягнувшими новому королю изъ дома Оранскаго, и составлявшими религіозное общество неприсяжниковъ. Исторія этой попытки въ первый разъ напечатана была въ церковной исторіи Скиннера, и оттуда уже свѣдѣнія заимствовали въ «Вѣстникъ Европы» (1806 года, т. XXX), «Всеобщій памятникъ достопримѣчательныхъ происшествій» (Москва 1820 г. т. X. стр. 302—312), и другія сочиненія. Но настоящая статья главнымъ образомъ основывается на документахъ архива свят. синода и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, неизвѣстныя Скиннеру, хотя и въ ней пропущены нѣкоторые, довольно важные факты, напр.: о церкви, построенной въ Англіи на сумму, пожертвованную Петромъ В. и др., о священникѣ, отправленномъ туда изъ Петербурга въ 1726 г. Попытка неприсягнувшихъ епископовъ одна только отличалась коллективнымъ характеромъ. Одиночныя присоединенія къ православію людей малозначительныхъ, о которыхъ въ настоящей статьѣ говорится, нельзя собственно считать попытками къ соединенію церквей. Даже попытка пьюзеиста Пальмера — убѣдить свят. синодъ въ православіи англиканской церкви, осталась безъ послѣдствій. Только въ недавнее время въ Сѣверной Америкѣ началась вторая коллективная попытка къ соединенію церквей. Она сильно отозвалась и въ Англіи. Въ странѣ самой широкой вѣротерпимости—Америкѣ, положеніе англиканской церкви весьма незавидно. Она и готова вступить въ союзъ съ православною церковію «даже съ огромными уступками, тѣмъ болѣе, что народъ желаетъ быть въ союзѣ съ Россіею и русскою церковію». (Письмо прот. Попова

къ оберъ-прокур. св. син., отъ 17 декаб. 1863 г.). И въ Англіи «высокая церковь» отличается безсиліемъ и существуетъ благодаря покровительству парламента, въ которомъ, однако, засѣдаютъ иновѣрцы и даже нехристіане. Это и побуждаетъ нѣкоторыхъ епископовъ къ мысли принять православіе. Но этотъ же парламентъ даетъ епископу отъ ста до четырехъ сотъ тысячъ франковъ, а декану—отъ двадцати пяти до пятидесяти тысячъ жалованья и все это можно потерять, принявъ православіе. Это главная причина, почему единеніе церквей не находитъ въ Англіи всеобщаго сочувствія. Впрочемъ, въ настоящее время въ англиканской церкви составилось общество ученыхъ, спеціально занимающихся разработкою отличительныхъ пунктовъ вѣроученія англиканской церкви въ связи съ ученіемъ о преданіяхъ и таинствахъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, съ этою же цѣлію, въ Англіи самими же англичанами издается журналъ «Православно-Каѳолическое Обозрѣніе» (The Orthodoxe Catholical Rewiew).

Въ № 6 помѣщены статьи: 1) *Первые христіане въ Сибирскомъ краѣ (1566 — 1631 г.), свящ. Быстрова* — составлено на основаніи общеизвѣстныхъ источниковъ; 2) *Приходское духовенство на Руси. П. В. Знаменскаго* (не кончено), и 3) *О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія. А. Ряжскаго.* Изъ послѣдней узнаемъ, что церковное пѣніе, появившись у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, подвергалось различнымъ измѣненіямъ; говоря о русскомъ пѣніи, авторъ не обратилъ вниманія на музыку народную, которая у насъ, какъ и въ Греціи, имѣла большое вліяніе на церковное пѣніе. Въ западныхъ губерніяхъ, херувимскія еще недавно пѣлись по народнымъ напѣвамъ. Очеркъ состоянія у насъ народной музыки уяснилъ бы, почему осьмогласіе Дамаскина у насъ еще упрощалось, и въ тоже время нѣкоторые гласы получили по два напѣва. Мало также сказано о вліяніи италіанской музыки на наше церковное пѣніе.

Странникъ. С.-Петербургъ. 12 книгъ.

Укажемъ на статьи, имѣющія болѣе близкое отношеніе, по своему содержанію, къ отечественной исторіи:

1) *Преосвященный Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичъ) митрополитъ казанскій и свіяжскій. Свящ. Мих. Архангельскаго.* Статья эта составлена на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ неизданныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ свят. синода и с.-петербургской духовной консисторіи. Читатели найдутъ здѣсь свѣдѣнія объ основаніи перваго училища въ Казани и судьбѣ его въ первой половинѣ XVIII в. Нынѣшняя казанская академія основана была 19 марта 1723 г., когда митрополитъ Тихонъ собралъ въ Казань 52 человѣка дѣтей «священно-служительскаго званія для перваго обученія». Чрезъ мѣсяцъ, 9 изъ нихъ отпущены были въ домы впредь до востребованія,

по недостатку пищи и одежды, 14 бѣжали изъ школы; нѣкоторые высланы были за тупость, двухъ преосвященный рукоположилъ въ священники, и въ школѣ осталось только 5 мальчиковъ. Казанская школа устроена была по образцу іезуитскихъ и западно-русскихъ, съ тѣми же «комидійными акціями», которыя привлекали молодежь въ западныя школы и, не смотря на это, въ Казани никто не хотѣлъ идти въ школу. Были и такіе, которые платили въ годъ по рублю въ пользу семинаріи за одно право — не учиться. Преосвящ. Веніаминъ занималъ петербургскую каѳедру съ 14 сентября 1761 по 25 іюля 1762 г. Въ это время скончалась императрица Елисавета и на престолъ вступилъ Петръ III, издавшій два замѣчательные указа. По вступленіи на престолъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе, «чтобы, по причинѣ смерти Елисаветы, въ Петербургѣ, отъ 29 декабря, впредь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, ни одной свадьбы не вѣнчать». 5 марта 1762 г., повелѣно было свят. синоду доставить вѣдомость «домовымъ церквамъ въ Петербургѣ», и впредь, безъ царскаго соизволенія, «въ партикулярныхъ домахъ церквей строить не позволять». Въ Петербургѣ находилось тогда 46 церквей приходскихъ, соборныхъ, кладбищенскихъ и при казенныхъ заведеніяхъ, и 30 въ частныхъ домахъ. Получивъ вѣдомость, Петръ оставилъ церкви только въ трехъ частныхъ домахъ; а остальные повелѣлъ «отрѣшить». Эта мѣра была принята потому, что, съ умноженіемъ церквей въ частныхъ домахъ, уменьшились доходы соборовъ и приходскихъ церквей, и онѣ приходили въ упадокъ. При каждой почти частной церкви находились священники безприходные, пріѣзжавшіе изъ чужихъ эпархій и невсегда отличавшіеся доброю нравственностью. Притомъ, церкви въ частныхъ домахъ большею частію устроены были безъ высочайшаго вѣдома, вопреки указу Петра I отъ 24 октября 1722 г., которымъ предписывалось «безъ разрѣшенія его въ Петербургѣ вновь церквей не строить, понеже небреженіе о славѣ Божіей въ многихъ церквахъ и множествѣ поповъ». Это возбудило въ народѣ ропотъ и сомнѣніе въ царскомъ благочестіи. Объ этомъ распоряженіи невыгодно выразилась Екатерина II въ манифестѣ, изданномъ при вступленіи ея на престолъ. Екатерина II, какъ видно, почему-то не расположена была къ Веніамину, и, послѣ воцаренія ея, онъ долженъ былъ удалиться въ Казань. Тамъ, впослѣдствіи, онъ испыталъ ужасы пугачовщины. Его загородный домъ въ селѣ Савиновѣ былъ разграбленъ мятежниками. Это не спасло его отъ подозрѣній. Пушкинъ говоритъ, что оклеветанный мятежникомъ Аристовымъ, Веніаминъ нѣсколько времени находился въ немилости (2 прим. къ VII гл.). Оказывается, что эта немилость состояла въ томъ, что его содержали подъ стражею, не позволяя вступать въ сношенія даже съ самыми близкими людьми; строго наблюдали за каждымъ словомъ, каждою строчкою; доказательства невинности или не признавались достаточными, или даже вовсе не при-

нимались. Веніаминъ не вынесъ такого обращенія, — его поразилъ параличъ и онъ едва не умеръ. Три мѣсяца испытывалъ онъ такое униженіе; наконецъ, онъ съумѣлъ послать письмо къ императрицѣ и — былъ оправданъ. За терпѣніе, Екатерина II наградила его бѣлымъ клобукомъ. Митрополитъ умеръ на покоѣ 1783 г. Много и другихъ интересныхъ свѣдѣній заключается въ этой біографіи.

2) *Санктпетербургская эпархія, отъ основанія Санктпетербурга до воцаренія Анны Іоанновны* (1703—1730). *Составлено на основаніи источниковъ необнародованныхъ. Свящ. Михаила Архангельскаго.* До 1721 г., с.-петербугская эпархія подчинена была новгородскому митрополиту, который два раза самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ: въ 1704 и 1711 г. Съ 1708 г., наблюденіе за церковными дѣлами въ Петербургѣ поручено было хутынскому архимандриту Ѳеодосію Яновскому, съ нѣкоторыми особенными правами въ предѣлахъ его сана и, для производства дѣлъ, заведена была особенная канцелярія въ Александроневскомъ монастырѣ. Такъ было до учрежденія св. синода въ 1721 г., а съ того времени петербургская эпархія подчинена была прямо синоду и управлялась тіунскою конторою. Наблюденіе за благочиніемъ и правильнымъ исполненіемъ указовъ поручено было закащику архимандриту Трифилію, снабженному особенною инструкціей. Для Петербурга и его окрестностей синодъ замѣнялъ эпархіальнаго архіерея, рѣшалъ всѣ дѣла, касающіяся духовенства, не только православнаго, но и иновѣрнаго, назначалъ препозитовъ, декановъ и пасторовъ и иновѣрцы не жаловались на эту подчиненность, были довольны назначеніями. Самою богатою въ Петербургѣ считалась церковь св. Самсонія, при которой находилось кладбище. Другое кладбище открыто было, въ 1719 г., въ Ямской слободѣ, и наблюденіе за нимъ поручено было почтмейстеру. Церкви содержались только добровольными пожертвованіями. До 1721 г., свѣчная продажа была вольною. Свѣчи продавались въ разноску и на нарахъ подлѣ церквей, — и продавцы, чтобы привлечь покупателей, придавали свѣчамъ затѣйливыя формы, дѣлали смѣшныя, а иногда и пошлыя выходки, внушали народу суевѣрныя о свѣчахъ понятія [1]). Петръ I установилъ существующій порядокъ продажи свѣчей, и на свѣчной доходъ повелѣлъ при церквахъ устраивать богадѣльни, что́, впрочемъ, не исполнялось. Существовавшія при Самсоніевской и Успенской (князя Владиміра) церквахъ богадѣльни основаны были и поддерживались частными лицами, хотя и состояли подъ надзоромъ мѣстнаго духовенства. Священническій, или діаконскій сынъ, научившись читать и писать, поступалъ въ церковники. Въ 25 лѣтъ, при «добропорядочномъ» поведеніи, рукополагался

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ такой способъ свѣчной продажи существовалъ еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго вѣка.

во діаконы, а въ 30—и въ священники. Отъ него требовалось только знаніе «Книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ» и о «должностяхъ всѣхъ чиновъ» духовной іерархіи. Далѣе, рукополагаемаго испытывали «не ханжа ли есть, не притворяетъ ли смиренія, не сказуетъ ли своихъ о себѣ, или о иномъ сновъ и видѣній». Такія испытанія не предохраняли духовенства отъ наплыва людей необразованныхъ и грубыхъ. Одни только важнѣйшіе іерархи и то, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, произносили проповѣди въ Троицкомъ и Петропавловскомъ соборахъ. За-то въ домахъ своихъ и чужихъ, на улицахъ, даже въ церкви, во время совершенія таинствъ, пастыри ругались между собою и съ прихожанами. Доходило иногда до драки. Члены причта мало уважали чужую собственность, и въ селахъ нерѣдко похищали другъ у друга сѣно и хлѣбъ. Особенно порочны были священники и монахи, приходившіе въ Петербургъ изъ другихъ эпархій и здѣсь «шатавшіеся сѣмо и овамо». Между ними были безпаспортные, ходившіе въ мірскомъ платьѣ, запрещенные и, тѣмъ не менѣе, совершавшіе таинства. Въ 1721 г., такихъ набралось въ Петербургѣ 30 человѣкъ; они страшно безобразничали, чтó и побудило архимандрита Трифиллія «надзоръ за ними поручить синодальному сторожу, преображенскаго полка солдату Өеодору Волкову». Онъ обязанъ былъ «соборныхъ, приходскихъ и полковыхъ священниковъ, которые явятся лежащіе пьяные по улицамъ въ пьянствѣ, и входящіе въ кабаки для пьянства, таковыхъ брать и представлять въ тіунскую контору». Распоряженіе Трифиллія не принесло особенной пользы. Волковъ представилъ въ контору одного только священника; — другіе, вѣроятно, откупались. Примѣръ духовенства, конечно, находилъ себѣ послѣдователей между невѣжественными мірянами. Авторъ не говоритъ объ училищахъ, хотя они и находились въ Петербургѣ, за-то указываетъ первую книжную лавочку, гдѣ, на-ряду съ богослужебными книгами и проповѣдями на погребеніе Петра, коронацію и погребеніе Екатерины, стояли букварн въ стихахъ, азбука нѣмецкая, практика артиллеріи, табели о рангахъ, комплименты. Здѣсь же продавались портреты коронованныхъ особъ, чертежи, географическія карты, виды покоренныхъ городовъ и — потѣшные огни. Лавочка находилась въ вѣдѣніи свят. синода. Эта «Исторія с.-петербургской эпархіи» во многомъ не полна. Мало о состояніи народной нравственности, чтó составляетъ важнѣйшую задачу церковной исторіи. Мало также объ отношеніи священниковъ къ архіереямъ и мірянамъ, и о частной жизни нашего духовенства, а было бы желательно видѣть, чтó ѣлъ и пилъ священникъ, какъ одѣвался, какъ дома время проводилъ. Авторъ ограничился неизданными источниками.

3) *Нектарій, третій архіепископъ сибирскій и тобольскій* (1636—1640 г.). *Статскаго совѣтника Николая Абрамова.* Въ этой статьѣ, какъ и вообще въ другихъ сочиненіяхъ того же автора, посвятившаго

свои труды сибирской церковной исторіи (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», «Тобольск. Губ. Вѣдом.» и «Страннникѣ»), слишкомъ много безусловной вѣры источникамъ XVII вѣка, нѣтъ критики и много риторики.

4) *Преосвященный Августинъ, бывшій епископъ уфимскій и оренбургскій (свѣдѣнія о его жизни и учено-литературныхъ трудахъ). Профес. семинаріи Николая Калинникова.* Въ этой, составленной по неизданнымъ источникамъ, статьѣ, можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Оренбургскаго края во время пребыванія въ немъ преосв. Августина (род. 1768, ум. 1842), а также о лицахъ, входившихъ въ сношенія съ нимъ. Таковы напр.: графъ Сперанскій, митрополиты Гавріилъ и Филаретъ кіевскій.

5) *Блаженный мученикъ Василій Мангазейскій. Стат. сов. Н. Абрамова.* Житіе этого мученика, уже напечатанное въ Иркутскѣ въ 1864 г., являясь теперь въ болѣе распространенномъ видѣ, сообщаетъ черты сибирскихъ нравовъ и судопроизводства въ началѣ XVII вѣка. Василій служилъ прикащикомъ у торговца пушнымъ товаромъ. Въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія 1602 г., онъ молился въ церкви, а въ это время воры похитили изъ лавки товаръ и деньги. Хозяинъ заподозрилъ Василія въ стачкѣ съ ворами и началъ мучить его, добиваясь признанія. Потомъ, ничего недобившись, предалъ мученика воеводѣ Пушкину «во истязаніе лютое». Начались пытки, отъ которыхъ Василій нѣсколько разъ падалъ замертво, но, конечно, не сознавался, и это еще больше раздражило хозяина. Онъ ударилъ мученика въ високъ связкою тяжелыхъ желѣзныхъ ключей, и тотъ упалъ мертвымъ. Чтобы избѣжать народной молвы, купецъ и воевода положили Василія въ наскоро сдѣланный гробъ и, какъ нераскаяннаго грѣшника, зарыли въ болотѣ безъ отпѣванія. Тамъ и найдены его мощи въ 1649 г. Долго онѣ покоились открыто, составляли предметъ благоговѣйнаго поклоненія для жителей Сибири, служившихъ молебны мученику; но 22-го марта 1775 г., тобольская духовная консисторія распорядилась мощи положить подъ спудъ и, вмѣсто молебновъ, служить панихиды.

Указатель къ Епархіальнымъ и Губернскимъ вѣдомостямъ, по русской исторіи, за 1866 г., мы вынуждены, за недостаткомъ мѣста, отложить до слѣдующаго тома.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Geschichte des Russischen Staats, *von Dr. Ernst Hermann*. Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. 1791—1797. Gotha. 1866. Стр. 670. (Исторія Русскаго государства. Соч. д-ра Э. Германна. Дополнительный томъ. Дипломатическая корреспонденція изъ временъ революціи. 1791—1797. Гота. 1866. Стр. 670).

Многотомный трудъ достопочтеннаго марбургскаго профессора надъ исторіею Россіи по своему безпристрастію, добросовѣстности, важности выбора данныхъ, осмысленному расположенію фактовъ и, всего болѣе—по богатству свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ иностранныхъ архивовъ, представляетъ самое безукоризненное явленіе въ ряду сочиненій, написанныхъ современными иностранцами о нашемъ отечествѣ. Для изученія дипломатическихъ сношеній Россіи и взглядовъ иностранцевъ на политику, внѣшнюю силу, управленіе и состояніе русскаго государства, книга г. Германна для насъ незамѣнима,—разумѣется, по отношенію къ XVIII вѣку. Настоящій томъ, составляя приложеніе къ изданному уже шестому тому «Исторіи Русскаго Государства», обнимающему большую часть царствованія Екатерины II, а отчасти и сборникъ матеріаловъ для будущаго VII тома, долженствующаго обнимать окончаніе царствованія этой государыни и царствованіе Павла, заключаетъ въ себѣ разные отрывки изъ писемъ и донесеній политическихъ агентовъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, а также и письма къ намъ отъ разныхъ лицъ по поводу дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ дворамъ этихъ городовъ, извлеченныя изъ государственныхъ архивовъ лондонскаго, берлинскаго и дрезденскаго и изъ берлинскаго архива генеральнаго штаба. Издаваемые здѣсь документы раздѣлены по предметамъ на двадцать два отдѣла, но всѣ они главнѣйшимъ образомъ относятся къ дѣлу европейской коалиціи европейскихъ державъ противъ французской революціи и соединенныхъ съ нею вопросовъ, въ числѣ которыхъ, ближайшій къ русской исторіи, былъ вопросъ польскій; поэтому, въ настоящемъ сборникѣ документовъ преимущественный и непосредственный интересъ возбуждаютъ тѣ документы, которые относятся къ исторіи паденія Польши и ея послѣднимъ усиліямъ спасти себя, къ Тарговицской конфедераціи, къ политикѣ сосѣднихъ державъ, приступившихъ къ рѣшенію судьбы ея областей, ко второму раздѣлу, къ возстанію 1794 г. и, наконецъ, къ третьему раздѣлу. Есть также донесенія, заключающія въ себѣ извѣстія о современныхъ придворныхъ событіяхъ и о внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины II и въ первыхъ годахъ царствованія Павла.

Русскій историкъ, занимающійся XVIII вѣкомъ, останется весьма благодарнымъ проф. Германну за такую отличную подготовку матеріаловъ, отдаленныхъ отъ насъ, по мѣсту ихъ храненія, и весьма важ-

ныхъ, какъ дополненія къ свѣдѣніямъ, почерпаемымъ нами изъ отечественныхъ архивовъ.

Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit, von *Dr. Moritz Posselt.* 2 Bände, 1866. Frankfurt am Main *), bei Jos. Baer. (Печатано въ типографіи II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи). (Генералъ и Адмиралъ Францъ Лефортъ. Его жизнь и его время. Соч. д-ра Морица Поссельта. 2 т. 1866. Франкфуртъ на Майнѣ, у I. Бэра).

Русская историческая литература, въ превосходныхъ изслѣдованіяхъ Н. Г. Устрялова и С. М. Соловьева, уяснила совершенно значеніе личности Лефорта въ великой реформѣ Петра Великаго. Остается несомнѣннымъ, что Лефортъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Петру, что, слѣдовательно, Лефортъ не могъ не имѣть вліянія при томъ или другомъ случаѣ; но таковъ ли былъ Лефортъ, чтобы это вліяніе относилось къ самымъ важнымъ сторонамъ нашей общественной и государственной жизни, чтобы мы были, такимъ образомъ, обязаны видѣть въ Лефортѣ главнаго виновника всего величія реформы Петра? Наши историки положительно доказали противное; Петръ Великій цѣнилъ въ Лефортѣ его привязанность, его нравъ; Лефортъ, по своей предъидущей жизни, не могъ и обладать ни достаточными познаніями, ни образованностью, чтобы имѣть высшее значеніе при Петрѣ.

Г. д-ръ Морицъ Поссельтъ, одинъ изъ библіотекарей нашей Императорской Публичной библіотеки, задумалъ издать въ свѣтъ новые документы, объемлющіе жизнь Лефорта, и хранившіеся въ домашнемъ архивѣ этой фамиліи: письма Ф. Лефорта къ роднымъ въ Женеву, письма его жены, брата, племянника, корреспонденціи женевскаго сената съ Лефортомъ и съ Петромъ, и записки о Лефортѣ, составленныя синдикомъ Людевикомъ Ами. Авторъ, комментируя эти новые документы, пришелъ къ особеннымъ результатамъ, и вознамѣрился возвратить Лефорту то сказочное значеніе, которымъ онъ пользовался до серьёзнаго труда нашихъ новѣйшихъ историковъ. Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ опровергать автора по пунктамъ, но, намъ кажется, что даже многіе его документы скорѣе могутъ служить въ подтвержденіе, а не въ опроверженіе взглядовъ на Лефорта у Н. Г. Устрялова и С. М. Соловьева.

Достаточно указать на письмо датскаго резидента Розенбуша, въ 1691 г., гдѣ послѣдній пишетъ въ Женеву о возвышеніи Лефорта:

---

*) Мы не въ состояніи объяснить нашимъ читателямъ странную особенность изданія этого труда: книга напечатана въ типографіи II Отдѣленія собственной Е. В. Канцеляріи, т. е. въ *Петербургѣ*, а на обложкѣ: *Франкфуртъ на Майнѣ*, какъ мѣсто изданія книги. Можетъ быть, книга печаталась въ Петербургѣ, а одна обертка — во Франкфуртѣ; но если отдавать такое преимущество мѣсту изданія обертки, то нужно, чтобы обертка была важнѣе самой книги, чего, безъ сомнѣнія, не допуститъ авторъ. Предоставляемъ объясненіе этого курьеза библіофиламъ.

«Возвышеніе вашего брата, и столь чрезвычайное, основано не столько на нашей рекомендаціи, сколько *на его доблестяхъ и великодушіи* (vient plus de sa bonne vertu et générosité que de notre recommendation), и все, что мы сдѣлали въ этомъ отношеніи, ограничивается только тѣмъ, что мы засвидѣтельствовали предъ его величествомъ и знатными придворными, изъ какой знаменитой и славной фамиліи онъ происходитъ, и, слѣдовательно, достоинъ занимать высокія мѣста, не унижая ихъ».

Современникъ, поставившій себѣ задачею объяснить причину возвышенія Лефорта, не упустилъ бы случая сослаться на его обширныя познанія, ученость, опытность въ дѣлахъ, а, между тѣмъ, онъ говоритъ исключительно о его *доблестяхъ и великодушіи*, т. е. именно то, чтó утверждаютъ и наши историки, приписывая близость Лефорта къ Петру одному его веселому нраву, открытому характеру, и справедливо сомнѣваясь въ томъ, чтобы Лефортъ могъ имѣть серьёзное значеніе въ реформѣ Петра Великаго.

Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Поссельта не излишенъ; документы, изданные имъ, представляютъ много любопытнаго въ другомъ отношеніи, и мы желали бы автора упрекнуть въ одномъ. Ему не можетъ быть неизвѣстно, что документъ, напечатанный въ оригиналѣ, имѣетъ несравненно болѣе научнаго значенія; спрашивается, почему же онъ счелъ нужнымъ переводить документы, издавая книгу въ Россіи, на нѣмецкій языкъ? Лефортъ и прочіе писали на французскомъ, который у насъ болѣе распространенъ, нежели нѣмецкій, да притомъ и нѣмецкіе ученые въ своихъ сочиненіяхъ нынѣ приводятъ французскіе документы въ оригиналѣ; можно подумать, что г. Поссельтъ заботился исключительно о тѣхъ нѣмцахъ, которые не знаютъ французскаго языка, но онъ лишилъ нѣмцевъ же, знающихъ французскій языкъ, и всѣхъ русскихъ, для которыхъ оба языка одинаково чужіе — возможности и удобства пользоваться оригиналомъ. Это — ошибка, которую мы никакъ не можемъ себѣ объяснить. Вообще, трудъ г. Поссельта много выигралъ бы, еслибъ онъ ограничился изданіемъ одного текста памятниковъ въ оригиналѣ, присоединивъ одни необходимые комментаріи.

II.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Соч. *В. Уэвелля*. Въ трехъ томахъ. Перев. съ 3-го англ. изд. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Съ біографическими приложеніями. Изданіе «Русской Книжной Торговли». Томъ I. Спб. 1867. Стр. 589.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что состояніе наукъ въ извѣстную эпоху должно служить лучшимъ мѣриломъ уровня общественнаго развитія

во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какія только можетъ представлять наблюдателю общественная жизнь. Весь процессъ умственной жизни, въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, есть *наблюденіе* надъ отдѣльными фактами, явленіями, въ которыхъ скрытъ общій законъ, общая истина, и которыя только потому представляются намъ чѣмъ-то случайнымъ, иногда противорѣчащимъ, сбивчивымъ до того, что каждый новый шагъ человѣка ставитъ его, повидимому, каждый разъ, въ новое положеніе, въ новый міръ, среди котораго нѣтъ руководящей нити: человѣкъ на каждомъ шагу долженъ считать себя жертвою случая, игрушкою какихъ-то невидимыхъ силъ. Изъ такого положенія насъ выводитъ самымъ вѣрнымъ образомъ наша способность не только наблюдать, но и посредствомъ такъ-называемой индукціи (inductio — наведеніе) восходить до общихъ опытныхъ познаній о свойствахъ вещей, о законахъ, въ нихъ вложенныхъ. Индукція не только освобождаетъ насъ отъ страха предъ внѣшнимъ міромъ, но и отдаетъ этотъ внѣшній міръ въ полное наше распоряженіе. Науки, ведущія насъ этимъ индуктивнымъ путемъ къ господству разума надъ физическимъ міромъ, очевидно, должны были имѣть весьма медленное развитіе, какъ безконечная работа нашей способности изъ отдѣльныхъ опытовъ выводить общіе законы и, мало по малу, расширять предѣлы нашего разумнаго господства. Состояніе индуктивныхъ наукъ потому есть лучшее мѣрило того, на сколько извѣстное общество способно было достигнуть какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, рядомъ съ тою исторіею человѣчества, какъ мы привыкли представлять ее себѣ въ политической формѣ по преимуществу, тянется другая исторія того же человѣчества, наполненная также битвами, торжествомъ, паденіемъ, также миромъ, какъ и въ политикѣ, не вѣчнымъ, но до необходимости первой новой борьбы стараго убѣжденія съ новымъ; такая исторія человѣчества, разсматриваемая какъ исторія его познаній, какъ исторія наукъ, имѣетъ свои царства, своихъ царей, своихъ предводителей, своихъ героевъ. Написать такую, въ высшей степени любопытную исторію, взялъ на себя современный намъ англійскій ученый, Вильямъ Уэвелль (кажется, было бы правильнѣе произносить: Юэль), другъ знаменитаго Гершеля, которому онъ и посвятилъ свой трудъ.

Цѣль моя — говоритъ авторъ въ своемъ «Введеніи» — написать исторію нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ физическихъ наукъ, отъ древнѣйшаго до новѣйшаго времени. Я разскажу поэтому судьбу нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія, отъ ихъ первыхъ зародышей до того времени, когда онѣ выросли въ обширное и разнообразное собраніе неоспоримыхъ истинъ, — отъ остроумныхъ, но безплодныхъ попытокъ древней греческой философіи, до обширныхъ системъ и доказанныхъ общихъ истинъ, составляющихъ въ наше время такія науки, какъ механика, астрономія и химія.

Полнота историческаго обзора при подобномъ планѣ состоитъ не въ томъ, чтобы собрать всѣ подробности разработки каждой науки, а въ томъ, чтобы указать основныя черты ея образованія. Историкъ долженъ стараться показать, какъ сдѣланъ былъ каждый изъ тѣхъ важныхъ успѣховъ, которыми науки достигли своего нынѣшняго состоянія, когда и кѣмъ была пріобрѣтена каждая изъ великихъ истинъ, собраніе которыхъ составляетъ теперь драгоцѣнное научное сокровище.

Исполненный какъ слѣдуетъ, трудъ подобнаго рода справедливо долженъ имѣть интересъ для всѣхъ, кто съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотритъ на нынѣшнее состояніе человѣческаго знанія. Настоящее поколѣніе видитъ себя наслѣдникомъ обширнаго достоянія науки, и для насъ важно знать, какимъ образомъ это достояніе было пріобрѣтено, и какіе документы навсегда обезпечиваютъ его намъ и нашимъ наслѣдникамъ. Со времени своего созданія, человѣкъ постоянно стремился къ отысканію истины; и теперь, когда мы достигли высокаго, господствующаго пункта, гдѣ окружаетъ насъ яркій дневной свѣтъ, намъ должно быть пріятно оглянуться на пройденную нами дорогу, на сдѣланные успѣхи — обозрѣть путешествіе, начатое въ древнемъ сумракѣ среди первобытной пустыни, и потомъ медленно, долго подвигавшееся впередъ, съ тяжкими затрудненіями, и мало по малу приведшее насъ въ послѣднее время на болѣе открытые и свѣтлые пути, въ обширную и плодородную страну....

Но подобная исторія можетъ также имѣть и другой интересъ; она можетъ быть нетолько занимательна, но и поучительна; представляя читателю прошедшую судьбу науки, она можетъ представить ему и ея настоящую форму и объемъ, ея будущія надежды и ожиданія. Возвышенность, на которой мы теперь стоимъ, позволяетъ намъ видѣть вмѣстѣ и Обѣтованную землю и пройденную нами пустыню. Изслѣдованіе путей, которыми наши предки пріобрѣли наше умственное достояніе, можетъ показать намъ и то, чѣмъ мы владѣемъ, и чего мы можемъ ожидать,— можетъ не только привести намъ на память тотъ запасъ, который мы имѣемъ, но и научить насъ, какъ его увеличить и улучшить. Совершенно справедливо можно ожидать, что исторія индуктивной науки доставитъ намъ философскій обзоръ существующаго запаса знанія и дастъ намъ указаніе о томъ, какъ всего плодотворнѣе могутъ быть направлены наши будущія усилія для расширенія и дополненія этого запаса.

Въ настоящемъ трудѣ, авторъ только подготовилъ путь для себя, чтобы современемъ представить всѣ уроки, какіе мы можемъ извлечь изъ прошедшей исторіи человѣческаго знанія, и вскорѣ за изданіемъ «Исторіи индуктивныхъ наукъ» составилъ отдѣльный трактатъ, подъ заглавіемъ: «Философія индуктивныхъ наукъ». Русскій переводъ знакомитъ нашихъ читателей послѣдовательно съ первымъ произведеніемъ Уэвелля, какъ основою дальнѣйшихъ трудовъ автора.

Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ русскаго перевода, авторъ разсматриваетъ въ первыхъ трехъ книгахъ исторію физической философіи, физическихъ наукъ и астрономіи въ древней Греціи. Четвертая книга посвящена обозрѣнію длиннаго, десятивѣковаго періода застоя индуктивной науки; это — эпоха среднихъ вѣковъ, отличавшаяся неясностью всякой идеи, безусловнымъ поклоненіемъ авторитету и исключительною наклонностью къ комментаріямъ древнихъ писателей и къ мистицизму. Пятая книга, заключающая собою первый томъ, представляетъ очеркъ исторіи формальной астрономіи послѣ періода застоя: Коперникъ, Кеплеръ и примѣненія теоріи послѣдняго.

При всей отрицательности результатовъ средневѣковой науки, она представляетъ въ своей судьбѣ весьма много замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ, какъ высшій типъ болѣзненнаго склада ума, находившаго особое наслажденіе въ таинственности, неизвѣстности и неопредѣленности — во всемъ, что́ для насъ теперь могло бы составить предметъ однихъ нравственныхъ мученій и пытокъ. Между такими «сладкими недугами» среднихъ вѣковъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, мистицизму, корень котораго глубоко хранится въ душѣ человѣка, и потому мистицизмъ время отъ времени повторяется въ исторіи всѣхъ обществъ. Вотъ, какъ очерчиваетъ нашъ авторъ главные симптомы и отправленія вообще мистицизма:

«Вмѣсто того, чтобы относить событія внѣшняго міра къ пространству и времени, къ осязательной связи и причинамъ, люди старались подвести тонкія явленія подъ духовныя и сверхчувственныя отношенія и зависимость; они относили ихъ къ высшимъ разумнымъ существамъ, къ теологическимъ обстоятельствамъ, къ прошедшимъ и будущимъ событіямъ въ нравственномъ мірѣ, къ состояніямъ ума и чувствъ, къ созданіямъ воображаемой миѳологіи или демонологіи. И такимъ образомъ, ихъ физическая наука сдѣлалась *магіей;* ихъ астрономія — *астрологіей;* изученіе состава тѣлъ — *алхиміей;* математика обратилась въ созерцаніе духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, и философія стала *теософіей.*

Изслѣдованіе этой черты въ исторіи человѣческаго ума важно для насъ, по своему вліянію на дѣятельность и образъ мыслей своего времени. Это направленіе существенно дѣйствовало на мышленіе людей и на ихъ труды въ изысканіи знанія.... Оно задерживало или вовсе останавливало прогрессъ истинной науки, потому что человѣческое знаніе больше потеряло отъ этого извращенія умовъ и фальшиваго направленія усилій, чѣмъ сколько выиграло отъ всего усердія, происходившаго изъ особенныхъ надеждъ и цѣлей мистиковъ.

Читая этотъ превосходно задуманный трудъ, можно пожалѣть только о чрезвычайной краткости его изложенія; авторъ почти вездѣ ограничивается однѣми самыми крупными чертами, чтобы намѣтить самое направленіе мысли. Но въ замѣнъ того, онъ представляетъ намъ въ стройной системѣ весь ходъ научныхъ воспріятій у древнихъ и новыхъ народовъ. Въ отношеніи систематики, онъ грѣшитъ только тѣмъ, что опускаетъ совершенно Востокъ, и вслѣдствіе того, напримѣръ, у него «новый Платонизмъ (т. е. Неоплатонизмъ) есть *первый* примѣръ мистической философіи», что̀ совершенно несправедливо, при связи Александрійской школы съ преданіями восточныхъ цивилизацій, откуда мистицизмъ ведетъ свое прямое начало.

Въ слѣдующихъ двухъ томахъ перевода, которые, какъ обѣщаютъ, будутъ изданы въ нынѣшнемъ году, мы найдемъ исторію механическихъ, механико-химическихъ, классификаторныхъ, органическихъ и палетіологическихъ наукъ. Ко второму тому будетъ приложенъ краткій біографическій очеркъ Уэвелля, и къ третьему — указатель. Сверхъ того, переводчики намѣрены приложить четвертый томъ съ дополне-

ніемъ новѣйшихъ открытій отъ того времени, на которомъ остановился авторъ. У насъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, рѣдко издаются переводы такъ обстоятельно: обыкновенно довольствуются пассивнымъ переводомъ текста, неприлагая, съ своей стороны, ни малѣйшаго труда. Переводчики Уэвелля составляютъ, въ этомъ отношеніи, счастливое исключеніе вмѣстѣ съ немногими другими. При томъ шаткомъ понятіи, которое существуетъ у насъ объ *индуктивныхъ* наукахъ, весьма кстати было ввести въ нашу литературу такое изслѣдованіе, гдѣ сама исторія ихъ опредѣляетъ ту важную роль, которую эти науки занимали въ общихъ судьбахъ человѣчества.

По обширности статей, вошедшихъ въ составъ настоящаго тома, мы были вынуждены отложить обзоръ иностранной литературы по всеобщей исторіи до слѣдующаго выпуска.

III.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Соч. г. Градовскаго. Спб. 1866.

По мѣрѣ того, какъ изученіе русской исторіи все болѣе и болѣе сосредоточивается на XVIII вѣкѣ, начинаютъ нѣсколько выясняться вопросы, чѣмъ были въ этотъ вѣкъ наши государственныя учрежденія, какое ихъ отношеніе къ древнимъ до-петровскимъ учрежденіямъ, и какія задачи преслѣдовала государственная администрація. Много матеріаловъ въ этомъ отношеніи должно храниться еще въ архивахъ, но и того, что́ обнародовано,—достаточно, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ ходѣ развитія нашихъ государственныхъ учрежденій съ эпохи преобразованія, и о тѣхъ мало-выгодныхъ условіяхъ, въ которыя развитіе это было поставлено. Интересъ при изученіи этого періода нашей государственной жизни—двоякій. Если историческое прошедшее вообще тѣмъ поучительнѣе, чѣмъ ближе оно къ настоящему, то изученіе нашихъ учрежденій, именно съ XVIII вѣка, любопытно особенно, какъ ключъ къ пониманію того, что́ у всѣхъ, если уже не на глазахъ, то въ свѣжей еще памяти. Что это такъ,—достаточно вспомнить совершившееся и еще совершающееся упраздненіе самыхъ крупныхъ началъ екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ — положеніемъ о земскихъ

учрежденіяхъ и, въ болѣе значительной степени, судебною реформою. Но, независимо отъ этого чисто-практическаго интереса, изученіе часто столь превратныхъ судебъ учрежденій нашихъ XVIII вѣка представляетъ еще иного рода и болѣе научный интересъ. Общій результатъ лучшихъ изслѣдованій о московской центральной и областной администраціи XVII вѣка, о приказахъ и воеводахъ, приблизительно таковъ: древне-русское государственное развитіе ими исчерпано было вполнѣ; изъ тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ этихъ учрежденій, русское государство дальше развиваться не могло; недоставало теоретической подкладки этимъ учрежденіямъ; и отсюда ихъ нестройность, многочисленность и нераціональность; теорія могла прійти только съ запада, столь богатаго и политическимъ опытомъ, и политическою наукою. Естественно, поэтому, спросить: въ какихъ же учрежденіяхъ XVIII вѣка воплотилась, послѣ реформы, эта теорія, и какова она вообще была? И не случилось ли въ этомъ отношеніи того, что̀ было во многихъ другихъ отношеніяхъ, т. е. не приняли ли за теорію и за общеобязательные образцы такія учрежденія чужихъ народовъ, которыя, всего менѣе, могли служить идеалами? Къ тому же, новыя формы невсегда заключаютъ въ себѣ новое содержаніе. А такъ какъ унаслѣдованные нравы медленнѣе измѣняются, чѣмъ законы и учрежденія, расчитанныя въ пору общаго преобразованія скорѣе на будущее, чѣмъ на настоящее, то необходимо, при оцѣнкѣ новыхъ, частью заимствованныхъ учрежденій, брать въ разсчетъ и тѣ элементы, которыми они могли въ дѣйствительности располагать. Но и это не все. Если новыя учрежденія выгодно отличались отъ старыхъ своимъ стройнымъ, порядочнымъ видомъ, то тотъ же западъ, къ которому обращались за матеріаломъ для преобразованія, выставилъ, впослѣдствіи, еще другое мѣрило годности учрежденій: на сколько они, кромѣ внѣшней своей порядочности, привлекаютъ къ участію народныя силы и двигаютъ ихъ по пути гражданственности и свободы? Примѣнять эти требованія къ источникамъ нашихъ учрежденій XVIII вѣка, конечно, дѣло нелегкое и — въ виду того злорадства, съ какимъ нѣкоторые останавливаются на печальныхъ явленіяхъ того вѣка — не очень благодарное. Было бы, однако, жаль, если бы по полемическому чувству къ подобному злорадству, мы съ излишнимъ оптимизмомъ стали обращаться къ той, особенно пестрой, картинѣ, которую представляютъ наши различныя системы учрежденій, начиная съ эпохи преобразованія и кончая проектами графа Сперанскаго въ началѣ нашего столѣтія. Намъ кажется, что самое пламенное сочувствіе къ реформѣ Петра Великаго вовсе не требуетъ того, чтобы мы на порогѣ XVIII столѣтія оставляли тѣ довольно строгіе критическіе пріемы, съ которыми мы обыкновенно обращаемся къ древне-русскимъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе, что слабыя стороны учрежденій преобразованной Россіи были все-таки,

по большей части, лишь послѣдствіемъ внесенія въ нихъ старыхъ приказныхъ нравовъ. Къ тому же, въ дѣлѣ учрежденій всякій дѣйствительный успѣхъ вообще медленно дается, и ускорять его, разумѣется, не могла та крайняя бѣдность политическаго образованія, которая была общимъ нашимъ удѣломъ въ самыя блестящія, на видъ, историческія эпохи. По возвышеннымъ, истинно-политическимъ взглядамъ Петра Великаго на государственное дѣло, которые такъ часто высказываются въ началѣ его указовъ и составляютъ какъ бы введеніе къ нимъ, нельзя судить о дѣйствительномъ состояніи созданныхъ имъ учрежденій; еще менѣе могутъ руководить, при оцѣнкѣ административной практики въ царствованіе Екатерины II, тѣ великодушныя начала, которыя провозглашены были императрицей въ ея Наказѣ.

При изученіи русскихъ государственныхъ учрежденій XVIII вѣка, важно, прежде всего, имѣть общій ихъ обзоръ: этой именно цѣли и удовлетворяетъ, по нашему мнѣнію, магистерская диссертація г. Градовскаго, вышедшая осенью прошлаго года; вотъ почему мы немного остановимся на самой книгѣ, и обратимъ больше вниманія на тотъ предметъ, которому она посвящена. Сочиненіе г. Градовскаго, впрочемъ, не обнимаетъ собою всего государственнаго строя Россіи въ XVIII вѣкѣ. Ограничившись высшимъ, центральнымъ управленіемъ, авторъ только мимоходомъ касается *областной* администраціи, и преимущественно тогда, когда являлось въ XVIII вѣкѣ нѣчто похожее на попытку привлечь къ участію въ этой администраціи помѣстное дворянство. Еще менѣе останавливается онъ на подробномъ разсмотрѣніи судебныхъ учрежденій XVIII вѣка, бывшихъ уже предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій въ нашей литературѣ. Но задача автора, и въ этомъ ограниченномъ объемѣ, была все еще до того обширна, что трудъ его представляетъ не столько изслѣдованіе, исчерпывающее государственныя учрежденія XVIII вѣка, сколько обзоръ и общую характеристику ихъ. Ближайшая цѣль автора была—изобразить дѣятельность генералъ-прокуроровъ, поэтому мы и вправѣ собственно требовать, чтобы онъ останавливался на другихъ учрежденіяхъ лишь на столько, на сколько ихъ касается эта дѣятельность. Но такъ какъ генералъ-прокуроръ въ пору самаго большаго своего значенія, именно при императрицѣ Екатеринѣ II, обнималъ почти все, т. е. совмѣщалъ въ себѣ, до учрежденія министерствъ, должности министровъ юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, при чемъ внѣ круга его дѣятельности оставались только обѣ военныя коллегіи и иностранная, то понятно, что рамка здѣсь, для картины управленія того времени, довольно обширная. Мы увидимъ далѣе, что трудно согласиться со взглядомъ автора на историческое значеніе генералъ-прокуроровъ, особенно въ періодъ времени отъ Петра Великаго до Екатерины II, и именно, на отношенія въ это время генералъ-прокуроровъ къ сенату; но во всякомъ слу-

чаѣ, тѣсная связь, въ какой они находились, заставляетъ автора прослѣдить судьбу сената и въ тѣ годы, когда на время исчезъ генералъ-прокуроръ, и сенатъ лишился своего руководителя. Если мы къ этому прибавимъ, что исторія генералъ-прокуроровъ любопытна, какъ постепенное образованіе и отдѣленіе отъ коллегіальнаго начала, представляемаго сенатомъ, — начала личнаго, министерскаго управленія, то мы этимъ самымъ уже обозначили и тѣ предѣлы, которые поставилъ себѣ авторъ, и тотъ интересъ, который связанъ съ сочиненіемъ, заключающимъ въ себѣ хорошо написанный историческій очеркъ русской администраціи отъ эпохи преобразованія до учрежденія министерствъ.

Въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія, г. Градовскій разсматриваетъ: «матеріалы для реформы Петра I» [1]). Матеріалъ отечественный заключался, какъ извѣстно, не въ прочно-сложившихся учрежденіяхъ, почтенныхъ по своей древности и сколько-нибудь дорогихъ для народа, но въ служиломъ сословіи, прикрѣпленномъ къ государеву дѣлу, и матеріально, болѣе или менѣе, обезпеченномъ системой кормленій и, сверхъ того, закрѣпленіемъ всего земледѣльческаго населенія; матеріалъ иностранный для будущихъ учрежденій былъ вывезенъ, преимущественно, изъ Швеціи.

Политическая годность общественнаго класса, имѣющаго своимъ наслѣдственнымъ призваніемъ государственную службу, опредѣляется болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ въ немъ общаго блага и способностію ставить выше собственныхъ своихъ исключительныхъ интересовъ общіе интересы края. Другого мѣрила для оцѣнки служащаго и, въ верхнихъ слояхъ своихъ, правящаго класса ни историкъ, ни публицистъ не имѣетъ. При этомъ приходится, прежде всего, обращать вниманіе на тѣ владѣльческія отношенія, въ которыя служащій классъ вездѣ ставится первоначальными хозяйственными условіями самого правительства. Бѣдное деньгами, московское правительство, прикрѣпляя служилыхъ людей къ государеву дѣлу, не нашло другого средства обезпечить ихъ, какъ испомѣстить ихъ, прикрѣпивъ къ нимъ все земледѣльческое населеніе. Система кормленій, господствовавшая въ московской службѣ и пустившая такіе глубокіе корни, что въ нѣкото-

---

[1]) Авторъ до-того предпочитаетъ писать: *Петръ I*,—что невольно приводитъ на память слова стараго нашего историка князя Щербатова: «Тако уже память моя (не) застигнетъ, когда излишно угождая ли, или по какимъ другимъ причинамъ (ибо не можно подумать, чтобъ кто преемникъ Петра Великаго его не любилъ) монарха сего Петромъ Первымъ именовали, но само собою, безъ указа и безъ повелѣнія, имя Великаго превозмогло; и дѣти наши въ юности своей едва ли и знаютъ кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго, купно съ благодарностію и удивленіемъ, въ сердцахъ ихъ напечатлѣно». Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи П. В. въ «Чтеніяхъ Общ. И. и Др.». 1860 г. Кн. I.

рихъ видахъ своихъ она, отчасти, встрѣчается еще даже послѣ Петра Великаго,—не спасла, такимъ образомъ, массы народа отъ крѣпостного права. Оно установилось вслѣдствіе необходимости создать для служилыхъ людей «даровую рабочую силу, которая бы ихъ кормила, поила и тѣмъ давала возможность служить царю». И съ тѣхъ поръ, какъ это совершилось, и крѣпостныя отношенія на столько установились, что представилась возможность хозяйничать въ деревняхъ при помощи даровой рабочей силы,—въ средѣ служилыхъ людей, когда ихъ поголовно не требуютъ въ полки, замѣтно проявляются двоякія стремленія: къ Москвѣ притягиваетъ служилаго человѣка его наслѣдственное призваніе, туда тянетъ его родовая честь, необходимость занять на служебной лѣстницѣ приличную ступень, чтобы родъ не захудалъ; съ другой стороны, хозяйственные интересы все сильнѣе и сильнѣе начинаютъ его манить въ деревни, въ помѣстья. Послѣднее стремленіе во второй половинѣ XVII вѣка, непосредственно предъ реформой, беретъ положительно верхъ, и въ то время, какъ число московскихъ приказовъ непомѣрно увеличивается, вся государственная машина усложняется и запросъ на людей становится все настоятельнѣе,—служилое сословіе, вкусившее сладость сельской жизни, все болѣе и болѣе начинаетъ тяготиться принудительной службой. Къ тому же, самыя занятія на службѣ становятся постепенно труднѣе, требуютъ бо́льшаго навыка, и въ упорномъ трудѣ трудно сравниться съ усиливающимся приказнымъ людомъ, удерживаемомъ пока на нисшихъ мѣстахъ мѣстническими распорядками. Стремленіе отбывать отъ службы, отбояриваться отъ нея, вызываетъ, въ теченіе всего XVII вѣка и особенно предъ преобразованіемъ, все болѣе строгія мѣры противъ служилаго сословія. Было бы, кажется, рисковано объяснять усиливающееся, въ послѣднее время предъ реформой, уклоненіе отъ службы послѣдовавшею незадолго предъ тѣмъ отмѣной мѣстничества, тѣмъ болѣе, что изъ Дворцовыхъ разрядовъ мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ служебныхъ сферахъ, въ царствованіе первыхъ двухъ Романовыхъ, мѣстническія понятія пробудились съ особенною силою, и они должны были держаться въ этихъ сферахъ еще довольно долго послѣ отмѣны мѣстничества. Но вѣрно то, что сожженіе разрядныхъ книгъ, нанесшее такой ударъ старой организаціи служилаго сословія, ставило это сословіе въ крайне неопредѣленное состояніе и ни въ какомъ случаѣ не могло усилить въ большинствѣ его, осѣдавшемъ въ деревняхъ, рвеніе къ службѣ, въ которой старыя начала износились и все готовилось уже къ табели о рангахъ.

Такимъ образомъ, разсматривая положеніе служилаго сословія предъ реформой, нельзя не остановиться на способѣ его матеріальнаго обезпеченія. Этотъ способъ обезпеченія служащаго и правящаго класса посредствомъ закрѣпленія земледѣльческаго населенія существовалъ вездѣ,

и въ государствахъ, основанныхъ на завоеваніи, установился еще въ самомъ началѣ ихъ, а не послѣ многовѣковой исторической жизни государства, какъ у насъ. Но въ другихъ мѣстахъ, даже при худшемъ характерѣ этого закрѣпленія, подѣйствовавшемъ на земледѣльческое населеніе гораздо болѣе притупляющимъ образомъ, — въ государственной жизни принимали участіе несравненно болѣе разнообразные общественные элементы, чѣмъ у насъ; рядомъ съ этимъ шло развитіе юридическихъ идей и установлялось, плодотворное для всѣхъ отправленій государственной жизни, различіе между сферой публичнаго и частнаго права, а болѣе счастливыя экономическія условія облегчили гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, переходъ государственнаго хозяйства изъ натуральнаго состоянія въ денежное. По всѣмъ этимъ причинамъ, закрѣпленіе сельскаго люда не имѣло въ другихъ мѣстахъ такого громаднаго значенія, какъ у насъ, въ странѣ исключительно земледѣльческой; оно не становилось тамъ такимъ исключительнымъ условіемъ всего быта служилаго сословія и не клало на него самого, а чрезъ него на весь государственный строй, такого сильнаго отпечатка. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право стало достояніемъ исторіи и не составляетъ теперь больного мѣста государственнаго организма, изслѣдователю дана возможность безпристрастной оцѣнки того вліянія, которое—закрѣпленіе оказало на весь порядокъ государственной жизни и, въ особенности, на самый служилый классъ. Но г. Градовскій, слѣдя за судьбами этого класса, къ сожалѣнію, только мимоходомъ и вскользь касается этого вліянія. Къ вопросу же о тѣсной связи между матеріальнымъ бытомъ служилаго сословія и устройствомъ управленія — хотя это не совсѣмъ то же самое, что упомянутое сейчасъ вліяніе — авторъ всего ближе подходитъ на стр. 13-й. Мы не раздѣляемъ мнѣнія автора, чтобы служилое сословіе, съ его обязательною службою, сложилось въ до-петровской Россіи «такъ крѣпко и оригинально, какъ можетъ быть ни въ одномъ изъ государствъ западной Европы», и, не играя словами, могли бы замѣтить, что крѣпостное право нѣсколько мѣшало, въ этомъ отношеніи, дѣйствительно крѣпкому складу; но нельзя не согласиться, что, въ виду раздвоенія служилаго сословія, одна часть котораго стремилась къ Москвѣ, а другая въ помѣстья, много общественныхъ вопросовъ нашей политической жизни зависѣло отъ того, какую форму управленіе наше приметъ при реформѣ.

«....Часть служилаго сословія — говоритъ авторъ — продолжала сосредоточиваться въ Москвѣ, наполняя собою всѣ мѣста центральнаго управленія и придворныя должности; другая собралась по деревнямъ, гдѣ удерживали ее интересы новые и незнакомые старой Россіи. Сообразно этому, и самая администрація Россіи могла принять двоякій исходъ; она могла усилить значеніе той части сословія, которая наполняла Москву, слѣдовательно, передать всю силу въ центральныя мѣста, или она могла воспользоваться новымъ элементомъ, образованіе котораго совершалось уже довольно бы-

стро, именно—помѣстнымъ дворянствомъ, слѣдовательно, создать сильные мѣстные органы управленія... Если исходъ дѣла былъ бы въ пользу мѣстныхъ учрежденій, то нѣтъ сомнѣнія, что, съ образованіемъ мѣстныхъ учрежденій, явилось бы сильное помѣстное дворянство, установилась бы тѣсная связь между нимъ и земледѣльческимъ сословіемъ, изгладилось бы рѣзкое, въ древности установившееся различіе между служащими и мужиками, вслѣдствіе чего дворянство съ бо̀льшимъ уваженіемъ смотрѣло бы на сельскохозяйственную дѣятельность; наконецъ, что всего важнѣе, между землевладѣльцами и земледѣльцами установилась бы связь, съ возможностью совокупной экономической дѣятельности и общими интересами. При такихъ условіяхъ, крѣпостное право потеряло бы свою суровую форму, и постепенно видоизмѣняясь, уступило бы мѣсто болѣе разумнымъ экономическимъ отношеніямъ, къ которымъ Россія пришла чрезъ столько лѣтъ горькаго опыта. Къ сожалѣнію вопросъ не могъ разрѣшиться въ этомъ смыслѣ въ старомъ Московскомъ государствѣ. Оно еще не понимало другой формы службы внѣ военной и придворной дѣятельности».

Реформа, начавшись съ преобразованія войска, разрѣшила этотъ вопросъ въ смыслѣ приписки служилаго сословія къ Москвѣ, хотя, впрочемъ, въ законодательной дѣятельности Петра Великаго встрѣчается не одна попытка привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи, какъ это видно въ особенности изъ указа 10 марта 1702 г., коимъ опредѣлены въ приказы дворяне по выборамъ, для засѣданія въ приказныхъ избахъ вмѣстѣ съ воеводами, и изъ указа 24 апрѣля 1713 г. о ландратахъ.

По первому указу, мѣстное дворянство получило значительное участіе въ судѣ, смѣшанномъ съ управленіемъ: къ воеводамъ въ большихъ городахъ выбирались уѣздами по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человѣка изъ тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, добрыхъ и знатныхъ людей; выборы эти производились мѣстными помѣщиками и вотчинниками, и избранные такимъ образомъ, замѣнивъ прежнихъ губныхъ старостъ, слушали и рѣшали дѣла вмѣстѣ съ воеводами, «и одному воеводѣ, безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать». Какъ ни сжатъ приведенный указъ о ландратахъ, назначаемыхъ, смотря по величинѣ губерніи, въ числѣ отъ 8 до 12 человѣкъ, но видно, что они составляютъ при губернаторѣ совѣтъ, и губернаторъ у нихъ—«не яко властитель, но яко президентъ». Назначаются они сенатомъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ въ двойномъ числѣ губернаторами. Нѣсколько позже (въ 1715 г.) опредѣлено, что изъ ландратовъ всегда должны находиться при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу или по два мѣсяца. По окончаніи года, ландраты съѣзжаются къ губернаторамъ съ вѣдомостями, чтобы составить отчетъ и совокупными силами исправить дѣла. Однако, всѣ эти попытки привлечь мѣстное дворянство къ участію въ губернской администраціи, не оставили по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ. Можетъ быть, только въ томъ отношеніи авторъ правъ, что чѣмъ раньше дворянство освободилось бы отъ московской исключительной

службы и сблизилось съ народомъ, тѣмъ скорѣе явилась бы, по выраженію его, «возможность постепеннаго уничтоженія необходимости крѣпостного права» (стр. 68). Но и тутъ представляется то соображеніе, что гораздо позже, при Екатеринѣ II, учрежденіе о губерніяхъ — можетъ быть, самый замѣчательный памятникъ ея законодательства — было разсчитано, именно, на привлеченіе помѣстнаго дворянства въ губернскія и уѣздныя учрежденія, а, между тѣмъ, привлеченіе это, въ формѣ выборной службы, оказалось безсильнымъ и безплоднымъ, чтобы создать что-нибудь похожее на мѣстное самоуправленіе. Мѣстный судъ и мѣстная земская полиція, основанныя на выборномъ началѣ, мало отъ того выиграли. Чѣмъ же это объяснить, какъ не тѣмъ именно, что провинціальное дворянство могло бы участіемъ своимъ въ мѣстной администраціи содѣйствовать образованію сильныхъ мѣстныхъ органовъ управленія только въ томъ случаѣ, когда оно само уже пріобрѣло бы земское значеніе. А этому-то и мѣшало крѣпостное право. Учрежденіе о губерніяхъ должно было ограничиться весьма односторонне-сословной организаціей мѣстныхъ учрежденій потому, что огромная масса населенія находилась, опять-таки вслѣдствіе крѣпостного быта, внѣ гражданскаго права. Сравнительно съ предшествовавшимъ порядкомъ мѣстнаго управленія, учрежденіе о губерніяхъ означаетъ, конечно, огромный успѣхъ, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ лучшимъ историческимъ доказательствомъ той истины, что сколько-нибудь надежныя формы мѣстнаго самоуправленія возможны лишь съ того момента, какъ всѣ классы народа пользуются одинаковымъ гражданскимъ правомъ, личнымъ и имущественнымъ. Нѣкоторые, приписывая неуспѣхъ выборнаго начала, положеннаго въ основаніе екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ, одновременному усиленію въ губерніяхъ мѣстныхъ органовъ центральной власти, окруженныхъ обширнымъ штатомъ канцелярскаго чиновничества, забываютъ при этомъ, что усиленіе мѣстной бюрократіи обусловлено было отсутствіемъ свободнаго земства и что, при крѣпостномъ состояніи большинства населенія, самоуправленіе землевладѣльческаго сословія могло бы только выразиться въ безобразныхъ формахъ вотчинной полиціи и вотчиннаго суда. Именно поэтому намъ кажется трудно согласиться съ г. Градовскимъ, когда онъ, вслѣдъ за характеристикою приказнаго и воеводскаго управленія, возвращается къ своей мысли и говоритъ, «что усиленіе служилаго сословія, какъ помѣстнаго элемента, дало бы правительству возможность организаціи сильныхъ мѣстныхъ органовъ» (стр. 39). Опытъ этотъ позже былъ сдѣланъ, но сильные органы мѣстнаго управленія почерпали свою силу вовсе не въ помѣстныхъ элементахъ. Еще труднѣе согласиться съ авторомъ, когда онъ, послѣ обзора тѣхъ матеріаловъ, которыми располагалъ Петръ Великій для реформы, замѣчаетъ, что «живая сторона нашихъ учрежденій, эта гармоническая и

совокупная дѣятельность служилыхъ сословій, дѣятельность по тому времени далеко не совершенная, но полная надеждъ и національныхъ силъ, навсегда ускользнула отъ преобразователя» (стр. 67). Едва ли бы эта гармонія отъ него ускользнула, еслибъ она проявилась въ чемъ-нибудь иномъ, кромѣ едва замолкнувшихъ мѣстническихъ споровъ. Можно, разумѣется, и въ мѣстничествѣ открывать хорошую сторону, говоря, «что оно противопоставляло произволу администраціи хоть какія-нибудь правила, хоть нѣкоторую организацію, освященную опытомъ нѣсколькихъ столѣтій». Все это возможно, но едва ли исторически-вѣрно, особенно, когда на порогѣ петровской реформы приходится взвѣсить общую сумму добра и зла, которую представляютъ коренныя формы и явленія старой жизни, и когда находить оправданіе злу, можно лишь на основаніи поговорки: «нѣтъ худа безъ добра».

Другимъ матеріаломъ для реформы Петра Великаго служили, въ нѣкоторой степени, и притомъ въ гораздо менѣе значительной, чѣмъ обыкновенно думаютъ, шведскія учрежденія. Несомнѣнно, что, учреждая «по примѣрамъ другихъ христіанскихъ областей» *коллегіи*, Петръ именно имѣлъ въ виду Швецію, славившуюся своимъ благоустройствомъ, но геніальный умъ преобразователя былъ слишкомъ практическаго свойства, чтобы не принимать въ разсчетъ «сетуацію россійскаго государства». Чтó общаго, въ самомъ дѣлѣ, между Россіей и тогдашней Швеціей, политическая исторія которой проходитъ въ борьбѣ между короной, опирающейся на четырехъ-сословный сеймъ и въ немъ, въ особенности, на свободное крестьянство,—и олигархическимъ государственнымъ совѣтомъ, заключавшимъ въ себѣ, кромѣ представителей пяти высшихъ государственныхъ должностей, титулованное дворянство и тѣ элементы, которые въ современныхъ нѣмецкихъ государствахъ находятъ себѣ мѣсто въ палатѣ господъ? Чтò общаго между нашимъ служилымъ сословіемъ начала XVIII вѣка и шведскимъ дворянствомъ, въ которомъ проведена исторіей рѣзкая черта между аристократическими родами, имѣющими мѣсто и голосъ въ государственномъ совѣтѣ, и остальнымъ рыцарствомъ и дворянствомъ, составляющимъ первую курію сейма и имѣющимъ въ немъ перевѣсъ надъ тремя остальными сословіями, вслѣдствіе обширнаго землевладѣнія, объемъ котораго составляетъ пять седьмыхъ частей всей почвы Швеціи? Во время, предшествующее воцаренію Карла XI и послѣдовавшему при немъ государственному перевороту 1680 г., послѣ котораго королевская власть стала почти неограниченной, матеріальное положеніе короны было таково, что, по историческому слову одного изъ членовъ рыцарскаго собранія, Венгтъ Горна, у короля изъ коронныхъ земель осталось едва лишь столько, чтобы имѣть пастбища для своихъ коней. При таких общественныхъ элементахъ, лежащихъ въ основѣ государственнаго устройства Швеціи,—вліяніе, которое это устройство

могло имѣть на преобразовательныя идеи Петра Великаго, очевидно, не слѣдуетъ преувеличивать. Авторъ, излагая, на основаніи сочиненія Норденфлихта (Die schwedische Staatsverfassung), существенныя черты шведскихъ государственныхъ учрежденій (стр. 46—58), придаетъ особенно важное значеніе тому обстоятельству, что именно во время Петра Великаго монархическая власть въ Швеціи была возстановлена въ давно небывалой уже тамъ силѣ, и корона, устранивъ отъ кормила правленія аристократію, стала опираться на бюрократію. Еслибъ, вообще, шведское вліяніе имѣло въ преобразовательныхъ планахъ Петра Великаго то значеніе, которое авторъ ему приписываетъ, то и тогда, намъ кажется, можно бы возразить, что предъ глазами Петра Великаго былъ не одинъ періодъ шведскихъ учрежденій, а были два періода ихъ, и что со смертью Карла XII и 1718 годомъ,—т. е., именно тѣмъ годомъ, съ котораго начали у насъ постепенно вводить по шведскому образцу коллегіи—въ Швеціи кончается періодъ абсолютизма, и начинается, какъ о томъ можно справиться у того же Норденфлихта, такъ-называемое время свободы (1719—1772). Вообще же, намъ кажется, что для оцѣнки того, что̀ дѣйствительно было заимствовано у насъ изъ шведскихъ учрежденій, мало одного общаго очерка государственнаго устройства Швеціи, а нужно болѣе спеціальное изслѣдованіе подробностей этихъ учрежденій. Коллегіи были введены по образцу шведскихъ, и, подобно тому, какъ президенты пяти государственныхъ коллегій въ Швеціи то входятъ въ составъ государственнаго совѣта, то выдѣляются изъ него, такъ и у насъ отношенія между сенатомъ и президентами коллегій нѣсколько времени колеблются; надворные суды заимствованы были у насъ не непосредственно изъ Швеціи, а изъ остзейскихъ губерній; фискалы также шведскаго происхожденія. Но всѣ эти учрежденія были болѣе похожи на шведскія по названіямъ и внѣшнимъ признакамъ, чѣмъ по внутреннему устройству, за исключеніемъ развѣ коллегій, которыми заимствованіе, главнымъ образомъ, и ограничивается. Петровскій же сенатъ не представляетъ и тѣни сходства съ государственнымъ совѣтомъ Швеціи, хотя оба учрежденія имѣютъ контроль надъ всѣмъ государственнымъ управленіемъ; также мало общаго у нашего сената съ высшимъ шведскимъ судомъ, заключавшимъ въ себѣ выборныхъ отъ дворянства членовъ, и пользовавшимся нѣкоторою независимостью. Швеція и послѣ Петра Великаго считалась у насъ весьма благоустроенной страной, и образомъ ея правленія интересовался, какъ извѣстно, наиболѣе замѣчательный изъ верховниковъ, князь Голицынъ, бывшій по этому предмету въ перепискѣ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, иноземцомъ Фикомъ, сосланнымъ за то при Аннѣ Іоанновнѣ въ Сибирь. Обращеніе къ Швеціи и самого преобразователя, и государственныхъ людей слѣдовавшей за нимъ эпохи, можетъ дать преувеличенное понятіе о швед-

скомъ вліяніи, и до болѣе подробнаго сравненія учрежденій Петра Великаго, какъ съ шведскими, такъ и съ тѣми, которыя дѣйствовали тогда въ другихъ «христіанскихъ областяхъ», нужно быть какъ можно осторожнѣе въ общихъ выводахъ. Говоря о перенесеніи Петромъ на русскую почву шведскихъ учрежденій просто потому, что они на родинѣ были хороши, г. Градовскій замѣчаетъ: «Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе вопроса, на-сколько вѣренъ или невѣренъ этотъ пріемъ; для насъ важенъ тотъ фактъ, что Петръ переносилъ въ Россію учрежденія, взятыя въ одинъ изъ моментовъ ихъ историческаго развитія, вырывалъ изъ чуждой исторіи одинъ изъ періодовъ ея на удачу» (стр. 45). Этотъ приговоръ авторъ произноситъ въ самомъ началѣ обращенія своего къ шведскимъ учрежденіямъ, но затѣмъ, покончивши съ ними, онъ убѣждается, что учрежденія эти не составляли даже для Петра Великаго теоріи, такъ какъ на теоретическіе взгляды Петра Великаго на государственное дѣло имѣлъ всего болѣе вліянія Лейбницъ; шведскія же учрежденія послужили только частью того практическаго матеріала, которымъ преобразователь воспользовался; теоретическими же они были для Россіи лишь въ томъ смыслѣ, что, «вообще, учрежденія странъ образованныхъ кажутся теоріями въ странахъ менѣе образованныхъ» (стр. 62). Это совершенно справедливо, но, въ такомъ случаѣ, вышеприведенный приговоръ автора, кажется, болѣе чѣмъ строгъ.

Средоточіемъ всѣхъ государственныхъ преобразованій Петра Великаго и вмѣстѣ самымъ любимымъ его созданіемъ, которое онъ окружилъ наибольшимъ почетомъ, является сенатъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его учрежденія, преобразователь далъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ (22 дек. 1718 г.), такое опредѣленіе новому политическому тѣлу: «...тотъ высшій сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть...» И это высокое значеніе Петръ Великій приписывалъ сенату уже тогда, когда нѣкоторые изъ государственныхъ сановниковъ, на первыхъ же порахъ по назначеніи ихъ сенаторами, не совсѣмъ оказывались достойными того высокаго положенія, которое они занимали, и когда на нихъ доходило до царя множество жалобъ, изъ которыхъ, какъ онъ зналъ, далеко не всѣ были неосновательны. Но вѣра его, если не въ сенаторовъ, то въ сенатъ, все-таки не колебалась. И дѣйствительно, учрежденіе это пережило много другихъ его созданій, и геній Петра точно хранилъ его среди всѣхъ послѣдующихъ невзгодъ и превратностей. Несмотря на всѣ неясныя и безцѣльныя колебанія нѣкоторыхъ преемниковъ Петра въ дѣлѣ государственнаго устройства, несмотря на всѣ перемѣны системъ управленія, несмотря на частое, въ теченіе цѣлыхъ историческихъ эпохъ, униженіе достоинства сената посредствомъ другихъ учрежденій и, главное, посредствомъ неразборчи-

выхъ назначеній — результатомъ которыхъ былъ часто столь немощный личный составъ сената, — высшая эта коллегія хранила, особенно до учрежденія министерствъ, единство управленія, контроль надъ нимъ, и не всегда была безсильна въ обузданіи административнаго произвола. Если сенатъ не образовалъ собою ту школу управленія, надежды на которую преобразователь возлагалъ, вообще, на *коллегіумъ*, то ему суждено было, по крайней мѣрѣ, стать школою суда. Какъ хранитель идеи законности въ государственной жизни, сенатъ имѣетъ свою долю участія въ водвореніи въ новой Россіи основъ гражданственности.

Матеріалы для исторіи сената еще въ значительной степени находятся въ архивахъ, и для самыхъ любопытныхъ моментовъ этой исторіи, переплетенной съ исторіей другихъ государственныхъ учрежденій, время еще нескоро можетъ наступить: для исторіи необходима нѣкоторая даль. Въ настоящее время дѣйствительно изслѣдованы только наиболѣе крупныя, выдающіяся черты этой исторіи, и, судя по тѣмъ, крайне любопытнымъ свѣдѣніямъ о сенатѣ, которыя, между прочимъ, встрѣчаются въ разныхъ запискахъ, обнародованныхъ за самые послѣдніе года, особенно въ «Русскомъ Архивѣ», нельзя не думать, что еще очень многое въ исторіи сената намъ неизвѣстно. Чтобы лучше судить о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился генералъ-прокуроръ къ сенату, остановимся здѣсь, по крайней мѣрѣ, на исторіи его при самомъ основателѣ.

Первый указъ Петра Великаго о сенатѣ изданъ, какъ извѣстно, въ тотъ самый день, когда обнародованъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, 22 февраля 1711 года: «Опредѣлили быть, для отлучекъ нашихъ, правительствующій сенатъ для управленія». Слѣдуютъ имена первыхъ девяти сенаторовъ. Этимъ же краткимъ указомъ учрежденъ при сенатѣ, вмѣсто прежняго разряднаго приказа, бывшаго наиболѣе дѣятельнымъ органомъ центральнаго управленія, разрядный столъ, и опредѣлены при сенатѣ, для сношеній его съ губерніями, по два коммиссара съ каждой. Среди заботъ военнаго времени, сенатъ первыми своими указами разрѣшаетъ доношеніе воинскаго приказа, какъ поступать со всякаго рода служилыми людьми, которые въ самомъ началѣ войны бѣжали съ государевой службы, и опредѣляетъ изо всѣхъ тогдашнихъ губерній, кромѣ Петербургской, рекрутскій наборъ изъ дворовыхъ людей, за кѣмъ бы они ни состояли. Точнѣе нѣсколько опредѣлено обширное значеніе новаго учрежденія тремя указами, изданными въ мартѣ 1711 года: сенатскіе указы имѣютъ равную силу съ указами самого государя; по отбытіи государя, сенатъ долженъ имѣть судъ нелицемѣрный, смотрѣть во всемъ государствѣ за расходами, съ правомъ ихъ сокращать; «денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны»; собирать молодыхъ дворянъ для запаса въ офицеры, и особенно сыскивать тѣхъ, которые укрываются отъ службы; испра-

вить векселя, заботиться о торговлѣ, соль отдать на откупъ, образовать «добрую компанію» для китайскаго торга и умножить персидскій торгъ; учредить фискаловъ, «а какъ быть имъ, пришлется извѣстіе». Въ ожиданіи же этого извѣстія, разъяснена пока должность оберъ-фискала, который долженъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать, провѣдывать про неправый судъ и открывать нарушенія казеннаго интереса. Какую бы высокую степень кто ни занималъ, оберъ-фискалъ въ правѣ позвать его предъ сенатъ и тамъ уличать. Органами оберъ-фискала назначены по губерніямъ провинціалъ-фискалы. Съ устройствомъ затѣмъ сенатской канцеляріи и раздѣленіемъ ея, по роду дѣлъ, на столы,—сенатъ, въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ, оставался до учрежденія коллегій въ 1718 г., и могъ уже своею дѣятельностью обнять всѣ части управленія, не только гражданскаго, но и военнаго. Это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ сенатскихъ указовъ, которые наполняютъ, за это время, Полное собраніе законовъ. Особенно обращено вниманіе сената, въ это первое время, на умноженіе средствъ казны, и съ этою цѣлью онъ требуетъ присылки, какъ изъ приказовъ, такъ и изъ губерній, приходныхъ и расходныхъ книгъ, а также ежемѣсячныхъ вѣдомостей о питейной продажѣ и таможенной пошлинѣ, требуетъ свѣдѣній о числѣ приходящихъ въ Архангельскъ кораблей и привозимыхъ туда товарахъ, о пониженіи и повышеніи вексельнаго курса, заботится о торговлѣ, требуетъ, чтобы купечество, въ случаѣ какихъ-либо по торговлѣ обидъ, доносило о нихъ въ сенатскую канцелярію, и т. д. Другой предметъ дѣятельности сената съ самаго начала — это привлеченіе къ государевой службѣ всѣхъ обязанныхъ ею, и съ этой цѣлью ведутся въ сенатской канцеляріи списки дворянскимъ недорослямъ, которые, время-отъ-времени, ставятся «на смотръ» предъ правительствующій сенатъ. Гораздо позже еще, именно въ 1722 г., встрѣчается указъ, обязывающій являться на такой смотръ шляхетство и отставныхъ офицеровъ, и угрожающій имъ шельмованіемъ за неявку. Съ самаго же начала, сенату подвѣдомы дѣла по набору рекрутъ и рабочихъ людей. Эти дѣла, впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ завѣдыванія ими, уже въ августѣ 1711 года переданы были, по прежнему, помѣстному приказу. Видно, что отъ этихъ дѣлъ сенатъ всячески хотѣлъ освободиться, потому-что, когда, въ слѣдующемъ 1712 году, сенатъ взялъ въ свое вѣдѣніе помѣстный приказъ, то изъ него выдѣлены были именно, весьма хлопотливыя, по тогдашнему времени, дѣла по набору рекрутъ и рабочихъ людей, и переданы московской губернской канцеляріи. Мотивъ, по которому, въ этомъ случаѣ, дѣйствовалъ сенатъ, открывается изъ тѣхъ, въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній, которыя извлечены изъ архивовъ и въ первый разъ напечатаны въ послѣднемъ (XVI) томѣ исторіи профессора Соловьева. Именно, престарѣлый московскій губернаторъ князь

Ромодановскій, съ которымъ у сената возникли столкновенія, между прочимъ, жалуется, въ 1712 году, царю: «*Сенаты* сами собою, безъ моей вины, помѣстный приказъ съ помѣстными дѣлами взяли у меня изъ губернскаго правленія къ себѣ подъ вѣдомство, чиня московской губерніи и мнѣ напрасную обиду, знатно того ради: въ томъ приказѣ есть ихъ сенатскія (сенаторовъ) многія дѣла, такъ чтобъ имъ самимъ тѣ дѣла вершить было всячески способно безъ всякаго препятствія. А наинужнѣйшія государственныя дѣла — наборъ рекрутъ, работниковъ, плотниковъ, они, сенаты, перенесли изъ помѣстнаго приказа въ губернскую канцелярію, не давъ къ тѣмъ наборамъ прежнихъ дьяковъ и подьячихъ, въ чемъ самая сильная государственная нужда и неуправленіе; а помѣстныя дѣла челобитчиковы, а не вашего величества. Этихъ наборовъ они, сенаты, подъ вѣдомство къ себѣ не взяли, знатно желая меня въ тѣхъ наборахъ за какое либо хотя малое отъ онаго безлюдства неисправленіе видѣть въ сущей напасти и штрафовать...» (стр. 181). Составъ сената началъ колебаться съ учрежденіемъ коллегій, когда явилась необходимость опредѣлить ихъ отношенія къ сенату. Штатъ коллегій изданъ былъ въ декабрѣ 1717 г.; съ новаго, 1718 г., президенты должны были начать «сочинять» свои коллегіи и вѣдомости отовсюда брать, въ дѣла же не вступаться до 1719 г.; въ теченіе 1719 года управлять «старымъ манеромъ» и затѣмъ уже, съ 1720 г.,—новымъ. Президентамъ коллегій съ 1718 г. велѣно сидѣть въ сенатѣ, составъ котораго, такимъ образомъ, увеличился. Но такъ какъ дѣла изъ коллегій поступали на ревизію въ сенатъ, то въ 1722 году предположено было во всѣ коллегіи, кромѣ двухъ воинскихъ и иностранной, выбрать новыхъ президентовъ, а прежнихъ оставить сенаторами, «дабы сенатскіе члены... непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ и смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?» Здѣсь проглядываетъ та въ высшей степени справедливая мысль, упущенная впослѣдствіи изъ виду, что принадлежность къ сенату, въ собственномъ интересѣ этого установленія, можетъ означать только дѣйствительную должность, но не званіе. Остановиться, однако, на этой мысли Петръ Великій не могъ, потому-что не находилъ достаточнаго числа способныхъ людей для занятія сенаторскихъ должностей, и потому, въ томъ же 1722 г., велѣно было президентамъ коллегій «для малолюдства» снова сидѣть въ сенатѣ, съ тою только разницею, что, во уваженіе ихъ обязанностей по коллегіямъ, имъ дозволено засѣдать въ сенатѣ двумя днями менѣе другихъ сенаторовъ, неотвлеченныхъ посторонними занятіями. Но, разумѣется, что при принудительномъ характерѣ сенатской службы въ то время, даже тѣ члены сената, которые занимали другія должности, не могли еще находиться отъ сената на той почтенной дистанціи, какая постепенно,

въ теченіе исторіи, образовалась для многихъ, носившихъ званіе сенатора, но обремененныхъ многочисленными обязанностями нѣсколькихъ другихъ должностей.

Всѣ стремленія Петра Великаго, въ дѣлѣ внутренняго устройства, были направлены къ тому, чтобы основать управленіе на учрежденіяхъ, чтобы заставить ихъ самостоятельно дѣйствовать и пріучить народъ искать въ этихъ ново-созданныхъ учрежденіяхъ защиты и суда, а не обращаться, обходя ихъ, прямо къ лицу монарха, какъ было въ древней Россіи. Но старый московскій обычай былъ крѣпокъ, и челобитчики не переставали ловить случай лично подавать жалобы царю. Въ 1718 г., Петръ Великій принужденъ былъ издать, по этому поводу, особый указъ, которымъ запрещено челобитчикамъ, обходя коллегіи и сенатъ, обращаться прямо къ государю, или же приносить жалобы на рѣшенія сената. Въ высшей степени любопытно начало этого указа (22 декабря) 1718 г.: «... хотя съ ихъ (челобитчиковъ) стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но при томъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть: и хотябъ и такихъ трудовъ не было, возможно-ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже ангелу: понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ...» Поэтому челобитчикамъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено приносить жалобы на окончательныя рѣшенія сената, и только по тѣмъ особенно сложнымъ дѣламъ, которыхъ нельзя было рѣшить по Уложенію (1649 г.), сенатъ самъ долженъ былъ докладывать государю и, получивъ на нихъ указъ, рѣшить ихъ.

Новыя учрежденія не сразу прививаются и они должны пройти пору искуса. Сенатомъ въ самомъ началѣ многіе были недовольны, особенно нѣкоторые губернаторы, видѣвшіе въ немъ причину умаленія ихъ собственной власти и страшившіеся немилосердо высокихъ штрафовъ, налагаемыхъ на нихъ сенатомъ за всякое неисполненіе его указовъ. Съ другой стороны, и сенатомъ не всегда руководилъ одинъ государственный интересъ. Мы видѣли столкновеніе сената съ московскимъ губернаторомъ: правда, въ этомъ случаѣ, очевидно была не на сторонѣ сената. Вообще же, жалобы того времени на сенатъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ одного подметнаго письма (напечатаннаго въ прилож. къ XVI т. «Исторіи» г. Соловьева) сводятся, главнымъ образомъ, на то, что сенатъ охотнѣе занимается челобитчиковыми дѣлами, чѣмъ государственными. Точно Немезида какая низвела, впослѣдствіи, сенатъ на степень судебной инстанціи! Государь, самъ часто присутствуя въ сенатѣ, могъ убѣдиться, что старые бояре, перенесенные въ новое учрежденіе, плохо ладятъ съ коллегіальной формой. Не-

престанно Петръ Великій долженъ напоминать сенаторамъ, посредствомъ указовъ, когда имъ съѣзжаться, какъ сидѣть въ сенатѣ и какъ говорить: «рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ». Строгое, неизвѣстное въ древней Россіи, подчиненіе всѣхъ мѣстъ и должностей одному правительственному учрежденію, при не точно еще разграниченныхъ предѣлахъ власти между различными органами, повело къ особаго рода злу, о которомъ законодательство того времени часто упоминаетъ. Это такъ-называемое испрашиваніе указа на указъ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на собственный страхъ и подъ собственною отвѣтственностью, подчиненныя мѣста охотно обращались, при всякомъ недоумѣніи и когда законы были совершенно ясны, за новымъ указомъ. Часто такое испрошеніе указа на указъ дѣлалось, по выраженію Петра Великаго (употребленному имъ въ указѣ 17 апрѣля 1722 г.), «дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить». Привычка къ произволу и беззаконію, вообще, была сильна, и чѣмъ болѣе увеличивалась масса новыхъ регламентовъ, тѣмъ чаще доходили до государя жалобы на ихъ неисполненіе. Преобразователь видѣлъ въ этомъ прежде всего наслѣдіе прошлаго, и въ приведенномъ сейчасъ указѣ такъ выражается: «понеже ничто такъ къ управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ, какъ у насъ было, а отъ части и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды: того ради симъ указомъ...» строго запрещается вершить дѣла противъ регламентовъ.

Коллегія, поставленная во главѣ всего государственнаго управленія и съ такимъ разнообразіемъ дѣлъ, какое поручено было сенату, очевидно, сама управлять не можетъ. Она можетъ имѣть надзоръ за государственной администраціей, контроль надъ нею, блюсти ея единство, но не можетъ, притягивая къ себѣ всѣ отрасли управленія, разрѣшать всѣ его подробности. Чтобы дѣйствовать въ качествѣ высшей контролирующей инстанціи въ государствѣ, сенатъ самъ, прежде всего, долженъ былъ строго держаться законности. Другими словами, сама надзирающая коллегія нуждалась еще въ нѣкоторомъ надзорѣ. Въ началѣ, этотъ надзоръ порученъ былъ сенатскому оберъ-секретарю, управлявшему сенатской канцеляріей, и еще въ 1720 году, ему предоставляется, въ случаѣ нарушенія сенаторами порядка преній, доносить о томъ лично царю. Нѣкоторый надзоръ за сенатомъ имѣлъ и генеральный ревизоръ; по крайней мѣрѣ, въ 1716 г. генеральный ревизоръ Зотовъ жаловался государю, что сенатъ даетъ ему къ его дѣламъ выписки, а не копіи съ указовъ и не со всѣхъ указовъ, но выборомъ, къ тому же не въ самые тѣ дни, какъ указы состоялись. Съ годами, когда преобразованія

были большею частію уже приведены къ концу, а, между тѣмъ, старые служилые элементы, втиснутые въ новыя государственныя учрежденія, освоившись съ ними, заводили въ нихъ старые приказные порядки,— потребность надзора въ государственной жизни чувствовалась все настоятельнѣе. Неясно было только, въ какой формѣ этотъ надзоръ лучше учредить. Собственно требовался такой новый органъ, который, наблюдая за законностію дѣйствій сената и за тѣмъ, чтобы указы его исполнялись, этимъ самымъ сдѣлалъ бы контроль его надъ государственной администраціей болѣе дѣятельнымъ и дѣйствительнымъ. Въ 1721 году, Петръ Великій хотѣлъ учредить особаго государственнаго фискала, который наблюдалъ бы за всѣми фискалами, установленными съ самаго учрежденія сената, но онъ не нашелъ лица, достойнаго занять эту новую должность. Однако, годъ спустя, надзоръ за сенатомъ, и чрезъ сенатъ за всѣмъ управленіемъ, окончательно установленъ въ лицѣ генералъ-прокурора. Потребность окружить сенатъ личными должностями повела, въ то же время, къ учрежденію при немъ рекетмейстера («персона знатная»—для пріема челобитень уже два года тому назадъ была назначена, но она не имѣла еще оффиціальнаго названія) и герольдмейстера, который долженъ былъ вѣдать дворянъ и, въ случаѣ запроса на нихъ, представлять ихъ на мѣста. Въ помощь генералъ-прокурору приданъ ему въ сенатѣ оберъ-прокуроръ, а при коллегіяхъ находились, въ зависимости отъ него, прокуроры. На всѣ эти новыя должности самому сенату поручено было избрать кандидатовъ, и притомъ позволено выбирать изъ всякихъ чиновъ, а особливо въ прокуроры, «понеже дѣло нужно есть». Затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, должность генералъ-прокурора подробно опредѣлена, и при этомъ въ особенности видно, чѣмъ страдала сенатская коллегія. Сенатъ, рѣшая дѣла, которыя вносились въ него изъ коллегій, не имѣлъ средствъ наблюдать за дѣйствительнымъ исполненіемъ своихъ указовъ. Поэтому, генералъ-прокурору, управляющему сенатской канцеляріей, прежде всего поручается имѣть надзоръ, чтобы дѣла въ сенатѣ «не на столѣ только вершились», и чтобы по сенатскимъ указамъ дѣйствительно чинилось исполненіе. Протестуя противъ неправильныхъ дѣйствій сенаторовъ и останавливая ихъ своимъ протестомъ, генералъ-прокуроръ обязанъ по болѣе важнымъ дѣламъ тотчасъ доносить государю, а по другимъ—во время личнаго присутствія его въ сенатѣ. При этомъ, однако, генералъ-прокурору рекомендуется нѣкоторая осторожность въ случаяхъ, когда бы встрѣтилось дѣло, «два вида имѣющее». Доношенія прокуроровъ, состоящихъ при коллегіяхъ, генералъ-прокуроръ обязанъ предлагать сенату и *инстиговать*, чтобы по такимъ доношеніямъ сенатъ что-либо предпринималъ. Не одинъ прокурорскій надзоръ находится въ зависимости отъ генералъ-прокурора; фискалы ему также подчинены. Тѣ изъ нихъ, которые состоятъ при коллегіяхъ и надвор-

ныхъ судахъ, обращаются къ генералъ-прокурору не прямо, но чрезъ прокуроровъ при тѣхъ коллегіяхъ и судахъ. Если бы, однако, прокуроры, по доношеніямъ фискаловъ, мѣшкали взысканіемъ, то фискалы обращаются сначала къ оберъ-фискалу, а если бы и онъ не хотѣлъ ничего предпринять, то уже, непосредственно, къ генералъ-прокурору. Такимъ образомъ, явный и тайный надзоръ во всемъ государствѣ былъ сосредоточенъ въ лицѣ генералъ-прокурора. «Чинъ сей яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ» отвѣчаетъ предъ монархомъ за всякое неисполненіе законовъ; за намѣренное ихъ неисполненіе Петръ грозитъ ему карой «яко раззорителю государства».

Предъ отъѣздомъ своимъ въ персидскій походъ, Петръ Великій въ собраніи государственныхъ сановниковъ, составлявшихъ тогдашній сенатъ: Меньшикова, Апраксина, Головкина, Шафирова, Голицына и др., объявилъ Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ. Какую же роль, спрашивается, играютъ генералъ-прокуроры въ исторіи нашихъ учрежденій? Прежде всего многое, разумѣется, зависѣло отъ личности, которая занимала эту должность. Назначеніе Павла Ягужинскаго первымъ генералъ-прокуроромъ было чрезвычайно удачно, — а не совсѣмъ лестные для Ягужинскаго отзывы, въ письмахъ леди Рондо, опровергаются другими болѣе достовѣрными историческими свидѣтельствами. Еще прежде, когда Ягужинскому порученъ былъ надзоръ за вновь учрежденными коллегіями, Петръ Великій говорилъ про него: «что осмотритъ Павелъ, то такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ.» Извѣстная записка Ягужинскаго о состояніи Россіи, поданная имъ, впослѣдствіи, императрицѣ Екатеринѣ I (она напечатана въ чтеніяхъ О. И. и Др.), доказываетъ, что онъ не даромъ пользовался такимъ довѣріемъ Петра. Лучшаго представителя личной системы управленія, которая должна была явиться на помощь сенату, трудно было найти. Но этими личными достоинствами перваго генералъ-прокурора, поддерживавшаго связь между сенатомъ и государемъ, не разрѣшается еще вопросъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ генералъ-прокуроровъ къ сенату. Въ сущности, вопросъ здѣсь сводится на то, не измѣнитъ ли учрежденіе генералъ-прокурора, приставленнаго къ сенату, основного характера послѣдняго, не подорветъ ли его самостоятельности, и не этому ли учрежденію сенатъ, преимущественно, обязанъ будетъ постепеннымъ превращеніемъ своимъ въ судебную инстанцію, которая не пользуется даже необходимою для правосудія гарантіею независимости? Г. Градовскій выходитъ изъ той мысли, что «сила сената въ то же время—могущество генералъ-прокурора; паденіе генералъ-прокурора несомнѣнно указываетъ на упадокъ власти сената.» Формулируя, такимъ образомъ, свою основную мысль, авторъ упускаетъ изъ виду еще одну возможность, т. е., что могущество генералъ-прокурора, хотя онъ и почерпалъ въ началѣ свою силу отъ

сената, будетъ совмѣстно съ весьма подчиненнымъ состояніемъ сената, какъ это окончательно и случилось въ царствованіе императрицы Екатерины II. Впрочемъ, такъ какъ, говоря о всесильномъ значеніи генералъ-прокурора въ то царствованіе, авторъ въ концѣ концовъ долженъ сознаться, «что генералъ-прокуроры служили вовсе не своему дѣлу» (стр. 239), т. е., другими словами: работали не на пользу того коллегіальнаго начала, представителями котораго онъ ихъ продолжалъ считать, то спрашивается, насколько справедливъ взглядъ автора относительно предшествующаго времени? При Петрѣ Великомъ, учрежденіе генералъ-прокурора дѣйствительно не могло низвести сенатскую коллегію съ той высоты, на которую она сознательно поставлена была всѣми государственными преобразованіями, а, напротивъ, должно было способствовать коллегіальному началу установиться на болѣе твердомъ основаніи, хотя обширныя полномочія, данныя генералъ-прокурору относительно самаго сената, свидѣтельствовали, въ то же время, что коллегіальное устройство оказалось на новой и непривычной для него почвѣ нѣсколько несостоятельнымъ, и нуждалось въ сильной помощи лица, облеченнаго довѣріемъ государя и приставленнаго къ сенату для надзора. Близкіе къ той эпохѣ государственные люди видѣли въ учрежденіи генералъ-прокурора, уже съ самаго начала, ограниченіе власти сената. Въ разсказѣ о назначеніи Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ, Минихъ восклицаетъ: «Quelle maxime de soumettre le suffrage des premiers hommes de l'empire à celui d'un jeune homme étranger!» И если авторъ, вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ, замѣчаетъ, что «въ сущности это было новымъ торжествомъ коллегіальнаго начала», то это, конечно, такого рода торжество, которое выпадаетъ на долю всякого несовершеннолѣтняго, когда ему назначаютъ опекуна. Во всякомъ случаѣ, торжество это заключалось развѣ въ томъ, что, учреждая генералъ-прокурорскую власть, Петръ Великій имѣлъ въ виду не ронять коллегіальнаго начала, представляемаго прежде всего сенатомъ, а оградить его отъ собственныхъ его немощей и дать ему развиться. Распространяясь далѣе о томъ, что генералъ-прокурорскій институтъ, устроенный въ интересахъ высшихъ центральныхъ учрежденій, не шелъ въ глубь страны, и что даже въ качествѣ центральнаго установленія этотъ институтъ не пошелъ далеко, авторъ говоритъ: «Сначала онъ (т. е. прокурорскій надзоръ или *прокураторъ*, какъ пишетъ авторъ) былъ учрежденъ при коллегіяхъ, а послѣ при надворныхъ судахъ, считавшихся также центральными учрежденіями, хотя они были расположены въ областныхъ городахъ» (стр. 120). Это не совсѣмъ точно. Во-первыхъ, что́ значатъ здѣсь выраженія *сначала* и *послѣ?* При коллегіяхъ, какъ оказывается по справкѣ въ Полномъ собраніи законовъ, прокуроры учреждены были 12 января 1722 г., а при надворныхъ судахъ шестью днями позже, именно 18

января того же года. Кромѣ того, считать надворные суды центральными установленіями, хотя и расположенными въ областныхъ городахъ—очевидная натяжка: важно здѣсь, что генералъ-прокуроръ имѣлъ, въ восьми тогдашнихъ главныхъ областныхъ городахъ, своихъ органовъ въ лицѣ прокуроровъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что прокурорскій надзоръ и при коллегіяхъ, и внутри государства при надворныхъ судахъ, является уже съ самаго начала одновременно съ генералъ-прокуроромъ. Точно также авторъ несовсѣмъ правильно обобщаетъ нѣкоторые факты, когда онъ, проводя различіе между учрежденіями фискаловъ и прокуроровъ, и указывая на то, что только при Екатеринѣ II оба эти учрежденія успѣли слиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ общаго вывода, заключаетъ, что «учрежденіе фискаловъ осталось связаннымъ съ интересами областнаго управленія, прокуроратъ съ центральными учрежденіями». Этому выводу, такъ безусловно поставленному, нѣсколько противорѣчитъ изданный, въ царствованіе Анны Іоанновны, указъ 3 сентября 1733 г. о прокурорской должности, такъ какъ по этому указу прокуроры находятся при губернаторскихъ канцеляріяхъ и наблюдаютъ за правильностью дѣйствій самихъ губернаторовъ, донося о всемъ генералъ-прокурору. Прокурорскій надзоръ здѣсь видимо идетъ въ глубь страны. Правда, Ягужинскаго въ это время не было въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе, должность генералъ-прокурора не была упразднена, и исправлялъ его обязанности, какъ всегда во время отсутствія генералъ-прокурора, его помощникъ — оберъ-прокуроръ, дававшій предложенія сенату. Поэтому, считать губернскихъ прокуроровъ въ это время—послѣ торжественнаго возстановленія генералъ-прокурорской должности манифестомъ 2 октября 1730 года [1])—«окомъ несуществовавшаго тѣла» (стр. 155), несправедливо. Очевидно, что прокурорскій надзоръ, развиваясь, растетъ внутри государства, не смотря на то, что, по личнымъ комбинаціямъ заправлявшихъ тогда государственными дѣлами лицъ, признано было болѣе удобнымъ, не имѣть въ средѣ центральнаго правленія через-чуръ сильнаго, хотя уже болѣе по преданію, представителя прокуратуры, и Ягужинскій, вслѣдствіе того, отсутствовалъ. Въ дополненіе замѣ-

---

[1]) Къ сожалѣнію, книга г. Градовскаго издана съ огромнымъ количествомъ опечатокъ, которыя встрѣчаются даже и въ годахъ и нумерахъ указовъ. Такъ, о манифестѣ 2 октября 1730 г., въ одномъ мѣстѣ (стр. 149), сказано: «Въ октябрѣ *1740 г.* изданъ былъ *указъ* о назначеніи при сенатѣ генералъ-прокурора и въ помощь къ нему оберъ-прокурора»; въ примѣчаніи, на стр. 113, гдѣ говорится, что сенаторы должны неотложно сидѣть въ сенатѣ по три дня въ недѣлю, а когда генералъ-прокуроръ будетъ требовать, то и болѣе, сдѣлана слѣдующая цитата: (*№ 3,891 февр. 6. 1723*), а по справкѣ въ П. С. З. оказывается, что это указъ 5 февраля 1722 г., № 3,896. Такія опечатки затрудняютъ повѣрку. Начало и конецъ стр. 281 такъ напечатаны, что нѣтъ возможности добраться до какого-либо смысла; не говоримъ о мелочахъ.

тимъ, что съ самаго учрежденія верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, Ягужинскій, не получивъ въ немъ мѣста, былъ отправленъ резидентомъ въ Польшу. Такимъ образомъ, въ періодъ перваго униженія сената, онъ былъ лишенъ своего руководителя въ лицѣ генералъ-прокурора: взглядъ автора въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдывается. При этомъ слѣдуетъ сказать, что должность генералъ-прокурора и въ это время не была отмѣнена какимъ-нибудь положительнымъ актомъ, такъ-что, когда, пять лѣтъ спустя, она была возстановлена приведеннымъ сейчасъ манифестомъ 1730 года, то въ немъ должны были сознаться: «какимъ же указомъ оный чинъ, по кончинѣ дяди нашего и государя, отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ, о томъ намъ неизвѣстно». На возстановленную должность генералъ-прокурора снова назначенъ, бывшій уже членомъ сената, Ягужинскій. Но тутъ и оказывается, что, съ перемѣною обстоятельствъ, и прежній генералъ-прокуроръ ничего не могъ сдѣлать для возвышенія сената, потому-что съ учрежденіемъ, въ 1731 г., по мысли Остермана, кабинета, на этотъ кабинетъ, установленный какъ будто только для иностранныхъ дѣлъ, перенесены всѣ аттрибуты высшаго правительственнаго учрежденія, принадлежавшіе сенату. Однако, къ концу царствованія Анны Іоанновны, судьба опять начинаетъ улыбаться петровскому учрежденію. Чѣмъ болѣе кабинетъ сталъ сосредоточивать свое вниманіе на дипломатическихъ интригахъ, тѣмъ болѣе вся внутренняя политика переходитъ снова къ сенату. Это видно, въ особенности, изъ многихъ тогдашнихъ указовъ, состоявшихся въ разрѣшеніе доношеній коллегій. А между тѣмъ, именно въ это время, когда значеніе сената опять замѣтно выросло, вовсе не было генералъ-прокурора, такъ какъ Ягужинскій умеръ въ 1736 году, а новый генералъ-прокуроръ, князь Трубецкой, назначенъ былъ не ранѣе 1740 года. Такимъ образомъ, возрождающееся могущество сената совпадаетъ, на этотъ разъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ генералъ-прокурора: это уже положительно противорѣчитъ взгляду автора на отношенія между сенатомъ и генералъ-прокуроромъ, тѣмъ болѣе, что о помощникѣ его, именно, объ оберъ-прокурорѣ, дававшемъ, въ это время, вмѣсто генералъ-прокурора, предложенія сенату, авторъ, кажется, вообще не очень высокаго мнѣнія. Говоря, что новый генералъ-прокуроръ, назначенный въ 1740 г., былъ человѣкъ подозрительной репутаціи и, къ тому же, одна изъ креатуръ кабинета, авторъ, тѣмъ не менѣе, приписываетъ его назначенію тотчасъ значительное увеличеніе сенатскаго вліянія (стр. 159) и видитъ его въ томъ, напримѣръ, что въ сенатъ велѣно было присылать всѣ именные указы, не исключая и тѣхъ, которые исходили изъ кабинета; что всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ, конторамъ и коммиссіямъ предписано было обращаться въ сенатъ съ такими дѣлами, которыхъ онѣ сами не могли рѣшить, и т. д. Разсматривая, однако, внимательно тѣ указы,

которыми велѣно было съ подобнаго рода дѣлами обращаться въ сенатъ, нельзя не прійти къ заключенію, что въ этихъ указахъ очень мало новаго и что они, по большей части, суть лишь подтвержденія уже прежде изданныхъ. Администрація наша въ тѣ эпохи постоянно нуждалась въ томъ, чтобы ей, время отъ времени, приводили на память изданные для нея указы. Независимо отъ того, вліяніе сената усилилось, какъ мы видѣли, ещѐ прежде назначенія новаго генералъ-прокурора, а что онъ самъ тутъ былъ ни при чемъ, въ этомъ убѣждаетъ пассивная роль, которую онъ игралъ, когда съ новой организаціей, данной кабинету Минихомъ, принявшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, званіе перваго министра, государствомъ опять управлялъ кабинетъ, а не сенатъ. Въ правленіе Анны Леопольдовны, на первомъ планѣ стоятъ резолюціи кабинетъ-министровъ, а на второмъ—сенатскіе указы. Между тѣмъ, при сенатѣ, былъ тотъ же генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, продолжавшій занимать эту должность во все почти царствованіе Елисаветы Петровны и, очевидно, невиновный въ томъ, что въ это царствованіе сенатъ возстановленъ былъ въ своемъ первоначальномъ петровскомъ значеніи. Авторъ, излагая дѣятельность сената въ царствованіе императрицы Елисаветы, находитъ, между прочимъ, замѣчательнымъ то, «что генералъ-прокуроръ до такой степени сливается съ сенатомъ, что дѣятельность его, по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ документахъ, тѣсно сливается съ дѣятельностью сената» (стр. 195). Это, кажется, объясняется просто тѣмъ, что, съ одной стороны, сама императрица слѣдовала въ отношеніи къ сенату примѣру своего отца, а съ другой, что не такова, вообще, была личность тогдашняго генералъ-прокурора, чтобы возвышаться надъ сенатомъ. Въ лицѣ князя Трубецкого личный элементъ генералъ-прокурорской дѣятельности даже стирается предъ сенатомъ. Возстановленный Елисаветою, сенатъ начинаетъ притягивать къ себѣ такую массу дѣлъ управленія, что уже самъ едва въ состояніи съ нею справиться. Дѣятельность сената за это время выражается, между прочимъ, въ невѣроятной регламентаціи народнаго труда и народной промышленности. Образцики этой регламентаціи въ изобиліи собраны у г. Градовскаго, и изъ нихъ, какъ болѣе любопытный, приводимъ слѣдующій: «Подъ предлогомъ сохраненія лѣсовъ, сенатъ, въ 1754 году, приказалъ уничтожить всѣ хрустальные, стеклянные и желѣзные заводы, отстоящіе отъ Москвы менѣе, чѣмъ въ 200 верстномъ разстояніи, и впредь дозволено заводить ихъ не ближе этой же дистанціи. То же самое, въ 1759 г., было сдѣлано для Петербурга» (стр. 175). Естественнымъ послѣдствіемъ непомѣрнаго прилива дѣлъ въ сенатъ и его регламентаторской дѣятельности является потомъ при Екатеринѣ II, въ самомъ началѣ ея царствованія, постепенное выдѣленіе изъ вѣдомства сената такихъ дѣлъ, для которыхъ, по мнѣнію императрицы, требовались личные органы

управленія. Сенату это вредить не могло бы, и истинное значеніе его, какъ высшей контролирующей инстанціи, могло бы только выиграть, какъ отъ этого выдѣленія, такъ и отъ распредѣленія судебныхъ и административныхъ дѣлъ между шестью департаментами, на которые онъ теперь былъ раздѣленъ, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе важныя государственныя дѣла систематически не признавались именно такими, которыя слѣдуетъ поручить или генералъ-прокурору, или какой-нибудь коммиссіи, и если бы и въ томъ кругѣ дѣйствія, который оставлялся за сенатомъ, власть его незаслонялась обширными полномочіями генералъ-прокурора. Чѣмъ болѣе эти полномочія растутъ, тѣмъ болѣе сенатъ, какъ коллегія, теряетъ свое правительственное значеніе, и остается при одномъ судебномъ, пока, наконецъ, не утрачивается всякое равновѣсіе между властью сената и властью генералъ-прокурора. Извѣстное «Секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому» доказываетъ, что императрица Екатерина II дѣйствовала, въ этомъ направленіи, вполнѣ намѣренно и сознательно и руководилась тѣмъ, что сенатъ въ прежнее время вышелъ изъ своихъ границъ. Взгляда г. Градовскаго на отношенія генералъ-прокурора къ сенату въ это время мы уже выше касались, и потому прибавимъ только, что если бы тѣ дѣла, которыя теперь поручались императрицею генералъ-прокурору, не выдѣлялись именно изъ вѣдомства сената, то можно бы вмѣстѣ съ авторомъ сказать (стр. 217), что генералъ-прокурору Екатерина поручила «безраздѣльно особый родъ дѣлъ, не подлежащихъ, по ея мнѣнію, коллегіальнымъ учрежденіямъ».

Изъ всего сказаннаго достаточно видно, что тѣ матеріалы, которые заключаются въ самомъ сочиненіи г. Градовскаго, при нѣсколько внимательномъ разборѣ ихъ и неизбѣжныхъ притомъ справкахъ съ источниками, далеко не подтверждаютъ взгляда автора на историческое значеніе генералъ-прокуроровъ. Не смотря на всѣ усилія, которыя дѣлаетъ авторъ, ему не удается доказать, чтобы значеніе сената поднималось и падало за-одно съ значеніемъ генералъ-прокурора. Но для чего же автору требовалось доказывать то, чему историческія данныя такъ часто противорѣчатъ? Чтобы не подумали, что генералъ-прокуроръ при первомъ появленіи своемъ представляетъ то бюрократическое начало, которое, впослѣдствіи, такъ часто было въ явномъ противорѣчіи съ самостоятельностью сената? Но не гораздо ли естественнѣе было выйти изъ того положенія, что въ петровское время и несмотря на всѣ усилія самого преобразователя служилые наши элементы, тѣ, которые завѣщаны были древнею Россіей, просто недостаточно были приготовлены для принятія коллегіальнаго начала? Что удивительнаго, что самая развитая форма управленія не могла по простому указу пустить корней! Привить должнымъ образомъ коллегіальное начало несравненно труднѣе, чѣмъ найти способнаго исполнителя,

въ родѣ Ягужинскаго или князя Вяземскаго, хотя, впрочемъ, и для этого требуется нѣкоторый даръ выбирать людей. Въ экономіи государственной жизни, какъ коллегіальное начало, такъ и начало личнаго управленія, имѣютъ свой raison d'être, и все зависитъ отъ того, какое сочетаніе сдѣлано изъ этихъ двухъ началъ, изъ которыхъ каждое хорошо на своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще, что одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ и, вмѣстѣ, наименѣе изслѣдованныхъ моментовъ въ исторіи сената, это тотъ, когда въ началѣ царствованія императора Александра I необходимо было опредѣлить отношенія стараго петровскаго учрежденія къ задуманнымъ уже министерствамъ. Что эти отношенія были, въ самомъ началѣ того царствованія, опредѣлены невполнѣ удовлетворительно,—доказывается тѣмъ, что, къ концу того же царствованія, опять возникли планы объ организаціи особаго правительственнаго и судебнаго сената. При этомъ, разумѣется, приходилось не разъ обращаться и къ исторіи сената. Главнѣйшіе недостатки сената, послѣ раздѣленія его при императрицѣ Екатеринѣ II на департаменты, по словамъ одной записки изъ двадцатыхъ годовъ, состояли въ томъ: что всѣ департаменты соединены подъ однимъ министромъ съ названіемъ генералъ-прокурора, который не былъ въ состояніи обнять всѣхъ многоразличныхъ дѣлъ, поступавшихъ въ эти департаменты;—что дѣла гражданскія, политическія и финансовыя, смѣшаны были въ сенатскихъ департаментахъ съ дѣлами судными;—что въ департаментахъ дѣла управленія, точно также, какъ и судебныя, рѣшались, не иначе, какъ единогласно;—что, во время существованія коллегій, сенатъ былъ поставленъ въ противоборство съ ними, а послѣ уничтоженія ихъ, уже вовсе недоставало центральнаго мѣста управленія, такъ какъ исполнительная власть, предоставленная императрицею Екатериною II, новымъ губернскимъ учрежденіямъ, находилась въ чрезмѣрномъ отдаленіи отъ сената, а сосредоточенная въ лицѣ генералъ-губернаторовъ, уже вовсе не зависѣла отъ него;—и, наконецъ, что когда изъ первоначальныхъ шести департаментовъ, два оказались недостаточными для рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ, тогда всѣ остальные департаменты, за исключеніемъ перваго, превращены были въ судебные, и одинъ департаментъ оставленъ былъ для всѣхъ тѣхъ правительственныхъ дѣлъ, для которыхъ еще въ 1763 г. признано было необходимымъ имѣть четыре департамента. Отдѣляя судебный сенатъ отъ правительственнаго, предполагали дать послѣднему такое же значеніе въ порядкѣ исполнительномъ, какое въ началѣ столѣтія усвоено было государственному совѣту въ порядкѣ законодательномъ. При этомъ, чтобы согласить устройство правительствующаго сената съ учрежденіемъ министерствъ, предполагали, въ соотвѣтствіе тому, что существуетъ во французскомъ государственномъ совѣтѣ (Conseil d'état), раздѣлить се-

нать на столько присутствій, сколько существуетъ министерствъ, за исключеніемъ лишь министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла этого министерства, составляя, по большей части, государственную тайну, не должны были входить въ сенатъ... Вопросы, связанные съ отдѣленіемъ правительствующаго сената отъ судебнаго, сильно занимали людей александровскаго вѣка и не утратили своего значенія, отчасти, и по настоящее время, хотя протекло уже съ тѣхъ поръ около полувѣка.

Судебная реформа разрѣшила окончательно вопросъ о судебномъ сенатѣ, и на ближайшей очереди становится, затѣмъ, вопросъ о преобразованіи перваго департамента сената, въ которомъ, со времени Екатерины II, исключительно сосредоточились оставшіяся за нимъ дѣла управленія. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто касаться тѣхъ проектовъ, которые существуютъ въ настоящее время относительно преобразованія 1-го департамента, и мы, поэтому, ограничимся только замѣчаніемъ, что коренныя начала, положенныя въ основаніе преобразованія судебныхъ департаментовъ сената, рано или поздно, найдутъ себѣ, по всей вѣроятности, признаніе и при преобразованіи административнаго департамента сената, такъ какъ, несмотря на различіе въ предметахъ вѣдомства, и судебный и административный сенатъ — двѣ части одного и того же цѣлаго. Но въ какомъ бы направленіи ни совершилось это преобразованіе, тотъ моментъ въ исторіи сената, о которомъ мы выше упомянули, сохранитъ навсегда свой интересъ для исторіи нашихъ учрежденій. Мы сказали, что этотъ моментъ мало изслѣдованъ, потому-что не всѣ необходимые для того матеріалы еще напечатаны. Прежде всего, мы имѣемъ въ виду тѣ оставшіяся послѣ императрицы Екатерины II бумаги о преобразованіи сената, о которыхъ упоминаетъ графъ Сперанскій («О государственныхъ установленіяхъ», въ «Архивѣ» Калачева, 1859 г. кн. 3 стр. 32). Кромѣ того, изданы далеко не всѣ матеріалы, касающіеся сената въ началѣ царствованія императора Александра I, когда сдѣлана была попытка поднять сенатъ изъ того крайняго упадка, въ которомъ онъ находился, въ предшествующее царствованіе, при генералъ-прокурорѣ Куракинѣ. Извѣстны мнѣнія сторонниковъ сената, но мало извѣстны мнѣнія его противниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи, особенно любопытна записка графа Валеріана Зубова о правахъ сената, представленная при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 29 апрѣля 1802 г. Насилуя нѣсколько исторію сената, авторъ этой записки ставитъ вопросъ: «Чтó такое сенатъ? — Верховное мѣсто правосудія — отвѣчаютъ мнѣ — высшее правительство, хранилище законовъ, ходатай народа, власть исполнительная. Пустыя, напыщенныя слова, такъ какъ братъ солнца и луны и обладатель всѣхъ звѣздъ... Сенатъ, въ самомъ началѣ своемъ, на важность коего такъ нынѣ ссылаются, не что другое былъ, какъ

общее собраніе всѣхъ коллегій. Но чтó такое суть коллегіи? департаменты министровъ...» Авторъ этой записки, очевидно, судитъ о коллегіяхъ по тому виду, который онѣ представляли по возстановленіи ихъ въ царствованіе императора Павла и непосредственно предъ обращеніемъ ихъ въ министерскіе департаменты. «Сенатъ—утверждаетъ онъ далѣе—не будучи никогда мѣстомъ прямо государственнымъ, не имѣлъ даже власти исполнительной (pouvoir exécutif), но имѣлъ власть отправленія извѣстныхъ дѣлъ (pouvoir expéditif)... То, что называютъ сіи господа правами, въ истинномъ смыслѣ не что другое есть, какъ разныя сената должности, иногда вѣжливо, иногда съ негодованіемъ ему выраженныя». Болѣе глубокій взглядъ на центральныя установленія и на отношенія ихъ къ сенату встрѣчается въ извѣстной запискѣ д. т. с. графа Кочубея объ учрежденіи министерствъ, отъ 28 марта 1806 года, написанной имъ послѣ четырехлѣтняго управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Эта записка, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, важна въ особенности потому, что показываетъ, какія были отношенія между начальниками различныхъ отраслей управленія и генералъ-прокуроромъ, непосредственно предъ учрежденіемъ министерствъ. Дѣла, вносимыя отъ этихъ новыхъ представителей единоличнаго управленія въ сенатъ, «были столько зависимы отъ генералъ-прокурора, что разсмотрѣніе ихъ въ сенатѣ было, такъ какъ и большая часть дѣлъ въ сенатѣ производимыхъ, только простой обрядъ; рѣшеніе же всегда зависѣло отъ согласія начальника съ генералъ-прокуроромъ, а часто и отъ единаго мнѣнія сего послѣдняго.» Графъ Кочубей затѣмъ показываетъ, какъ, съ учрежденіемъ министерствъ, значеніе сената должно было возвыситься, особенно вслѣдствіе предоставленной ему тогда власти разсматривать отчеты по министерскому управленію.

В. УТИНЪ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Іюнь, 1867.

Споръ педагоговъ-классиковъ съ педагогами-реалистами у насъ прекратился, и, кажется, противники остались каждый при своемъ мнѣніи; но достовѣрно одно, что ни классическое, ни реальное образованіе не заявили себя ничѣмъ на дѣлѣ, въ самой жизни. Прежде спорили и ничего не дѣлали, теперь не спорятъ, но также ничего не дѣлаютъ! А мы продолжаемъ, по-прежнему, желать успѣха и тѣмъ и другимъ, полагая, что именно въ дѣйствительномъ успѣхѣ и заключается вся польза какъ реальнаго, такъ и классическаго образованія, а не въ разсужденіяхъ о ихъ относительной пользѣ. Надобно думать, что благоразумные родители, долго прислушиваясь къ спорамъ и толкамъ,—наконецъ, должны были съ отчаяньемъ воскликнуть: «Да хоть бы что-нибудь у насъ было, все равно:— классицизмъ или реализмъ!»

Въ нашей педагогической литературѣ, этотъ вопросъ, повидимому, заключился, и заключился превосходнымъ, по нашему мнѣнію, изслѣдованіемъ г. Погребова, подъ заглавіемъ: «Что такое классическое образованіе?» *) Нельзя болѣе справедливо анализировать странные доводы классиковъ въ пользу того, что латинскій и греческій языки составляютъ нѣчто въ родѣ «философскаго камня» педагогіи, способнаго производить золото! Изслѣдованіе г. Погребова замѣчательно также и въ томъ отношеніи, что онъ самъ лично проникнутъ классическимъ образованіемъ и пріобрѣлъ отличныя филологическія познанія. Мы рекомендуемъ нашимъ преподавателямъ трудъ г. Погребова, и перейдемъ къ другому вопросу, чтобъ насъ не заподозрили въ намѣреніи вновь оживлять угасшій мало-по-малу споръ.

Въ послѣднее время, выступилъ на педагогическую сцену, если можно такъ выразиться, «новый классицизмъ» и, что особенно замѣ-

*) Отеч. Зап. 1867. Мартъ, 2.

чательно, мѣсторожденіемъ этого новаго классицизма является именно округъ, близкій къ древне-классической почвѣ, нынѣ принадлежащей намъ. Однимъ словомъ, это — славянскій, или, вѣрнѣе—церковно-славянскій классицизмъ. Намъ пишутъ изъ Харькова, что «въ таблицу магистерскихъ испытаній по русской исторіи думаютъ ввести славянскую исторію, какъ особый предметъ (исключивъ при этомъ политическую экономію), и поручить экзаменъ *филологу* (?!); кромѣ того, хотятъ запрудить гимназіи славянскими языками, и на послѣднемъ съѣздѣ учителей, по этому поводу, только одинъ изъ нихъ осмѣлился сопротивляться филологическому потоку».

Только этого бѣдствія не доставало еще, чтобы, послѣ всѣхъ уже испытанныхъ экспериментовъ надъ нашими гимназіями, имъ пришлось бы снова лѣзть въ реторту церковно-славянскаго классицизма! Мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что опасенія нашего почтеннаго корреспондента не сбудутся, и все окончится однимъ разсужденіемъ, чему примѣровъ видѣли у насъ не мало; но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ долгомъ остановиться предъ этимъ новымъ фактомъ изъ исторіи нашей педагогіи, которая, рѣшительно, имѣетъ всѣ свойства баснословной гидры: отрубятъ ей одну голову, у ней на томъ же мѣстѣ выростетъ двѣ!

Мы не хотимъ думать, чтобы наши славянисты (такъ называемъ ученыхъ, посвятившихъ свои труды изученію славянской филологіи, литературы и древностей), въ своихъ педагогическихъ соображеніяхъ могли руководиться какими-нибудь политическими, національными, однимъ словомъ, другими какими-нибудь цѣлями, а не цѣлями школы и воспитанія. Какъ ни спеціальны они въ своихъ познаніяхъ, но на столько могутъ быть уже опытны, чтобы знать, напримѣръ, что нынѣ порохомъ не стрѣляютъ изъ деревянныхъ пушекъ; точно также имъ извѣстно, что, наканунѣ и задолго до нынѣшняго объединенія Германіи, ни одному нѣмецкому учителю на учительскихъ съѣздахъ не пришло въ голову, для скорѣйшаго объединенія этой страны, поставить на первое мѣсто во всѣхъ гимназіяхъ преподаваніе древне-готскаго языка, на который Ульфила перевелъ св. Писаніе, ни языка средневѣковаго эпоса, или что-нибудь подобное. Недалеко ушелъ бы первый министръ Пруссіи, если бы онъ, для борьбы съ Австріей, прибѣгнулъ къ подобной подготовкѣ страны.

Нѣтъ сомнѣнія, что *слово* всегда останется и лучшимъ орудіемъ воспитанія, и лучшимъ его содержаніемъ, какъ оно всегда остается и лучшимъ орудіемъ и лучшимъ содержаніемъ самой жизни. Но весь вопросъ состоитъ въ томъ: необходимо ли, чтобы это *слово* было исключительно древнее и притомъ древнее свое? Сдѣлали ли ошибку римляне, что они ввели въ своихъ школахъ греческій языкъ, а не языкъ осковъ и этрусковъ, который у нихъ былъ всегда языкомъ религіи? Видимъ ли мы, что Франція страдаетъ отъ невозможности введенія въ свои

школы языка кельтическаго, а въ Англіи, большой недостатокъ — отсутствіе въ школахъ общаго образованія языка англо-саксовъ, на который было въ древности переведено св. Писаніе? Едва ли наши славянисты осудятъ вышеупомянутыя цивилизаціи за такой пробѣлъ. Но мы совершенно понимаемъ, что во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, древнія формы ихъ отечественныхъ языковъ должны составить важный предметъ научныхъ изслѣдованій, что наши ученые должны сдѣлать то же самое для церковно-славянскаго языка, что профессора въ университетѣ должны подготовлять молодыхъ людей для этой специальности, и всѣ вмѣстѣ вводить въ общество, чрезъ посредство литературы, добытые результаты своихъ изслѣдованій. Все это прекрасно, все это сдѣлаетъ честь нашей странѣ, увеличитъ массу свѣдѣній въ обществѣ, и т. д. Но думать достигнуть этой цѣли непосредственно, т. е., чтобы всѣ съ дѣтства ничему не учились, кромѣ церковно-славянскимъ склоненіямъ и спряженіямъ, даже достигли бы искусства писать славянскія вирши — все это, мы полагаемъ, заставляетъ думать, что нѣкоторые изъ нашихъ славянистовъ не питаютъ должнаго уваженія ни къ своему предмету, ни къ своимъ трудамъ, если, по ихъ мнѣнію, церковно-славянскій языкъ, при настоящихъ требованіяхъ науки, можетъ быть главнымъ предметомъ преподаванія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. Мы постараемся, современемъ, посвятить этому предмету особую статью и разобрать подробнѣе доводы защитниковъ «новаго классицизма».

I.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

ШТАТНАГО СМОТРИТЕЛЯ Т. УЧИЛИЩЪ.

(По поводу вопросовъ о народномъ образованіи.)

М. Г.

Я обращаюсь къ вашему журналу въ надеждѣ, что его редакція не оставитъ подающаго голосъ — вопіющимъ въ пустынѣ, и выведетъ насъ провинціаловъ изъ того убѣжденія, что наше дѣло и слово будто бы теперь ни къ чему не служатъ, а потому и дѣлать и говорить намъ ничего не слѣдуетъ *).

Вопросъ о народномъ воспитаніи уже не разъ подвергался многостороннимъ обсужденіямъ. Статьи о немъ разбросаны по всѣмъ почти органамъ нашей печати; но сколько объ этомъ ни пишутъ, все-таки прямого уясненія объ учителяхъ для народа, и чтó народъ желаетъ знать, и чтó для него необходимо — никто настояще не далъ. У насъ же дома — въ провинціи, вотъ чтò говорятъ о народномъ воспитаніи: жалуются, что сельскія общества съ большою неохотою выдаютъ суммы на содержаніе училищъ; крестьяне неохотно посылаютъ своихъ дѣтей учиться, говоря: «Намъ грамота не нужна». Совѣтуютъ, потому, ждать развитія народа, не принуждая его къ ученію. Нѣкоторые же добавляютъ, что, «если явится въ обществахъ охота къ ученію, намъ нечего вмѣшиваться: пусть сами устраиваютъ школы; найдутъ себѣ учителей; они лучше знаютъ кого имъ нужно; что намъ нечего враждебно смотрѣть на то, что школами ихъ будутъ заправлять отставные солдаты, причетники, писаря; пусть народъ разовьется: онъ самъ найдетъ и недостатки въ своихъ школахъ, тогда и лучшіе учителя явятся». Изъ этихъ словъ приходится заключить, что дѣло о воспитаніи слѣдуетъ оставить безъ ухода до будущаго поколѣнія, а намъ только

---

*) Мы будемъ весьма довольны, если авторъ настоящаго письма и другіе, раздѣляющіе его убѣжденіе, измѣнятъ его, по крайней мѣрѣ, относительно насъ; мы даже думаемъ, что и по отношенію ко многимъ другимъ такое убѣжденіе — не больше, какъ предубѣжденіе. Намъ приходилось чаще слышать жалобы на равнодушіе въ провинціи къ публичному заявленію своихъ мнѣній.—Не раздѣляя вполнѣ иныхъ частныхъ взглядовъ автора на отдѣльныя стороны вопроса о народномъ образованіи, мы отдаемъ полную справедливость его искренности и горячей любви къ дѣлу — качества, которыми нельзя не дорожить даже и въ своихъ противникахъ. Но мы надѣемся, что и авторъ позволитъ намъ не только воспользоваться его практическими замѣтками, но и указать съ равною искренностью тѣ преувеличенія, которыхъ, по нашему мнѣнію, онъ не избѣгнулъ, преслѣдуя настойчиво свою основную идею. — *Ред.*

присматривать, на-гулянкахъ, какъ старыя училища будутъ уничтожаться, а новыя рости безъ всякаго толка и смысла.

Въ этихъ разсужденіяхъ не мало и правды; но жаль одно, что наши мыслители не хотятъ поглубже всмотрѣться въ причины, отчего все такъ дѣлается, а не иначе,—и слишкомъ скоро кладутъ рѣшенія свои.

Правда, что наши сельскія общества съ большою неохотою выдаютъ сумму на содержаніе училищъ; но скажите: на какой предметъ они охотно ихъ выдаютъ? Крестьяне наши и безъ того обременены большими налогами, а тутъ еще предлагаютъ новый налогъ на устройство школъ. Какъ ни говорите, а при такой обстановкѣ не легко и грамота на умъ пойдетъ. Нужно слишкомъ быть увѣреннымъ въ пользѣ ученія, чтобы съ полною охотою жертвовать иногда послѣднюю копѣйку на школы. Правда и то, что нашъ крестьянинъ неохотно отдаетъ своихъ дѣтей въ школу; но это потому, что, такимъ образомъ, онъ лишается не малой помощи для дома; онъ хлопоталъ, растилъ сына, и, когда онъ началъ развиваться, понимать отцовское дѣло, — его оторвать отъ дѣла и отдавать въ школу; это лишеніе не малое. Тутъ нужно слишкомъ быть увѣреннымъ, что это лишеніе современемъ вполнѣ вознаградится. А между тѣмъ, онъ часто видитъ примѣры, что мальчикъ, выучившись въ школѣ, совершенно бросаетъ отцовское дѣло, поступаетъ куда-нибудь писаремъ и забываетъ семью. Допустимъ и то, что любовь родительская велика: что родители не будутъ жалѣть, если сынъ и не помогаетъ имъ, лишь бы ему было хорошо; но вѣдь попадаются примѣры и похуже. Часто бываетъ, что мальчикъ, поучившись въ школѣ, и отъ одного дѣла отстанетъ и къ другому не пристанетъ: работать лѣнится, да и грамотой только помазали... и живетъ онъ трутнемъ, въ тягость семьѣ. Можетъ быть, и безъ школы былъ бы онъ такимъ же ледащимъ, но ужъ тутъ непремѣнно грамота будетъ всему виною. Изъ этого, однакожъ, нельзя заключать, что наши крестьяне не любятъ ученія. Почти уже каждый смекаетъ пользу его, и недовѣрчивость является только потому, что мало видятъ грамотныхъ между своими, да и эти немногіе нерѣдко бываютъ хуже неграмотныхъ.

Правда и то, что и насильно заставлять учиться — тоже дѣло плохое: насильно милъ не будешь. Но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно оставаться спокойными наблюдателями относительно народнаго воспитанія. Въ народѣ необходимо возбудить довѣріе къ ученію и любовь къ нему; и теперь эта забота, главное, падаетъ на наше *земство* и *училищные совѣты*.

Мнѣніе же — предоставлять самому обществу заботу объ учителяхъ и равнодушно смотрѣть на то, если эти должности будутъ занимать малограмотные отставные солдаты, причетники, да пьяные пи-

саря — совершенно ложно. Этимъ только мы можемъ отдалить наше народное воспитаніе. Школа должна стоять, и словомъ и дѣломъ, выше обыденной семейной жизни для учащихся. А поставятъ ли такіе учителя школу на высшую уровень сравнительно съ семейною жизнью?.. Никогда! При нихъ, въ школѣ ученикъ увидитъ и услышитъ многое похуже, нежели въ своей семьѣ. Иное общество готово взять въ учители кто первый попадется подъ руку; благо, платы требуетъ немного, а псалтирь и часословъ читаетъ бойко: чего же болѣе для нихъ и желать? А иной учитель, при выборѣ, для общества и магарыча поставитъ. Такъ часто и ладятся общественныя школы, предоставленныя на произволъ обществу. На первый разъ, оно бываетъ и довольно ими, пока изъ нихъ не выйдутъ ребята, которые пьянствомъ и лѣнью перещеголяютъ и неграмотныхъ. И вотъ, еще съ большею недовѣрчивостью это общество посмотритъ на ученье; еще съ большею неохотою крестьянинъ отпуститъ своихъ дѣтей въ школу. Тутъ-то главная задача земства и нашихъ совѣтовъ: не разрушать, а усилить довѣріе. Чтобы были школы хороши, нужно, чтобы были и хороши учителя. Дайте ихъ народу, и вы увидите, какъ улучшится наше народное воспитаніе. Посмотримъ же повнимательнѣе, какъ облегчить эту трудную задачу въ будущемъ, — такъ какъ въ настоящее время у насъ собственно нѣтъ еще народныхъ учителей на лицо.

Устройство училищныхъ семинарій, заведеніе педагогическихъ курсовъ въ губерніяхъ, по моему, нейдетъ къ нашему народному воспитанію. Мнѣ что-то больно не вѣрится, чтобы эти заведенія дали для нашихъ сельскихъ школъ нужныхъ для нихъ учителей. Сначала спрошу я: кто пойдетъ туда? Вѣдь перспектива въ будущемъ для сельскаго учителя весьма неутѣшительна: 100, много 200 рублей годового содержанія; жизнь въ глуши и не малая зависимость отъ необразованныхъ волостныхъ властей, — вотъ, что́ имъ предстоитъ! Едва ли на эту приманку пойдутъ люди способные и даровитые, въ губернскомъ городѣ. Далѣе, если изъ этихъ заведеній выйдутъ и хорошіе учителя, съ полнымъ знаніемъ своего дѣла, — такъ-какъ въ нихъ, вѣроятно, будутъ всѣ источники къ подобному приготовленію, — то я все-таки не вѣрю, чтобы они съумѣли выдержать себя: развить новое поколѣніе въ народѣ, не вооруживъ противъ него стараго, расположить нашего простолюдина къ себѣ, чтобы онъ уважалъ ихъ и школу.

Мнѣ пришлось бы слишкомъ распространяться, еслибъ я захотѣлъ, въ лицахъ, привести десятки примѣровъ, изъ опыта своего долголѣтняго пребыванія въ провинціи, того, какъ лучшіе молодые люди изъ столицъ и губерній терялись, а иные совершенно падали, будучи брошены судьбой въ глухой уголъ провинціи. Тутъ, въ селѣ, гдѣ часто не отъ кого услышать свѣжаго слова, не съ кѣмъ подѣлиться своими мыслями, онъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Ему хотѣлось бы сойтись

съ народомъ, представлять въ себѣ лучшій примѣръ въ жизни для нихъ; но это недосягаемо ему, когда онъ не знаетъ народа, и народъ его не разумѣетъ. И вотъ, чрезъ какой-нибудь годъ времени, вы видите въ томъ же молодомъ человѣкѣ совершенное перерожденіе. Съ какимъ-то болѣзненнымъ раздраженіемъ смотритъ онъ на все его окружающее, бранитъ все, и, если судьба не поможетъ ему выбраться изъ этого непривѣтливаго мѣста, то, часто, съ тѣмъ же сосѣдомъ, о которомъ недавно говорилъ съ презрѣніемъ, онъ же услаждаетъ горестную жизнь свою сивухою.

Такого рода примѣры, а ихъ, какъ я сказалъ, на моихъ глазахъ было не мало, заставляютъ въ непривлекательномъ видѣ представлять участь нашихъ будущихъ учителей изъ губернскихъ семинарій, въ особенности же педагогическихъ курсовъ. Они ближе всѣхъ другихъ должны стоять къ народу. Но что же будетъ, если эти учители не сойдутся съ народомъ и имъ будетъ угрожать такая же участь, какъ и моимъ знакомымъ?

Не лучше ли вамъ, гг. земскіе, вмѣсто того, чтобъ вызывать учителей въ села изъ будущихъ семинарій и прочее, постараться приготовить ихъ *дома?* Посмотрите: вѣдь у насъ, хоть плохенькія, а есть кое-гдѣ сельскія училища. Присмотритесь къ ихъ ученикамъ, и вы тамъ найдете не мало способныхъ, дѣльныхъ мальчиковъ. Разузнайте хорошенько: каковы ихъ родители, не испорчена ли ихъ нравственность. Если нѣтъ, то и берите изъ нихъ кого по-лучше; пусть онъ поучится три года въ уѣздномъ училищѣ, да года два пробудетъ въ приходскомъ, — попрактикуется тамъ, а потомъ, послѣ неслишкомъ притязательнаго экзамена, пусть себѣ поступаетъ учителемъ въ свое ли село или ближайшее, и, право, онъ въ состояніи будетъ передать своимъ ученикамъ очень недурно то, что требуется въ новѣйшей програмѣ для народныхъ школъ. Я это знаю изъ опыта, а поэтому и говорю такъ утвердительно. Скажу вамъ при этомъ, что эти учители дорого не будутъ и стоить. Зная нѣсколько русскій народъ, я почти увѣренъ, что изъ десяти обществъ развѣ одно не согласится пожертвовать по 40 и 50 руб. въ годъ, чтобы въ ихъ селѣ былъ свой же родной и учитель; а если обѣщать, что онъ же будетъ у нихъ и сельскимъ писаремъ, то они еще съ большею охотою согласятся на такія пожертвованія. А исправлять добросовѣстно эти двѣ должности не такъ трудно. Тамъ же, гдѣ нельзя найти такихъ средствъ, помогите г-да земскіе: расходъ не великъ!

Правда, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ будущій учитель не узнаетъ тѣхъ педагогическихъ премудростей и пріемовъ, какіе преподаны были бы ему въ училищныхъ семинаріяхъ, или въ педагогическихъ курсахъ; но на сторонѣ нашихъ учителей то, что ихъ, для приготовленія, можно выбрать любого; тутъ только задача въ томъ, чтобы сами

выбирающіе были посмышленѣе. А въ семинарію, какъ мнѣ кажется, пойдутъ не по выбору, а большею частію тѣ, кому негдѣ и не къ чему пристроиться; или иной пойдетъ такъ-себѣ, безсознательно, не понимая, куда онъ поступаетъ; но этотъ послѣдній вскорѣ очень разочаруется своимъ выборомъ. Нашъ же учитель будетъ свой, родной, которому не только вся жизнь его собратій знакома, но, можетъ быть, и каждый кустикъ изученъ. И что ни говорите, а то правда, что дорого намъ все родное. Наконецъ, теперь нельзя же сказать, чтобы изъ нашихъ училищъ окончившіе курсъ ученики выходили полуграмотными, какъ бывало въ старые годы; хотя ихъ свѣдѣнія и не велики, но все-таки достаточны, чтобы послѣ двухлѣтней практики быть сельскимъ учителемъ; если же нѣтъ, то мы—наканунѣ преобразованія нашихъ уѣздныхъ училищъ. А я думаю, что всякому гражданину не менѣе нужно знать, какъ и сельскому учителю; а такъ какъ у насъ навѣрное $^9/_{10}$ изъ учащихся ограничиваются только воспитаніемъ въ уѣздныхъ училищахъ, то преобразованія этихъ училищъ — какъ приуготовительныхъ классовъ для сельскихъ учителей, не помѣшаютъ никому.

Другіе замѣтятъ: отчего не взять этихъ же сельскихъ школьниковъ да не отправить въ училищную семинарію для приготовленія? На это отвѣчу: что такое приготовленіе дорого станетъ; а притомъ, послѣ двухлѣтняго и трехлѣтняго пребыванія въ губернскомъ городѣ, покажется скучнымъ и свое родное село. Зачѣмъ ихъ далеко увозить; не всѣмъ же жить въ шумномъ свѣтѣ! Шумъ этотъ какъ онъ и ненадеженъ, такъ вмѣстѣ и приманчивъ. Не то наши уѣздные города: они почти всѣ небогаты увеселеніями и развлеченіями. Притомъ, здѣсь, часто нашъ новобранецъ можетъ видѣться на рынкѣ съ своими односельцами, ходить по праздникамъ въ свое родное село; такъ онъ мало отвыкнетъ отъ своей прежней жизни, и переселеніе обратно домой не будетъ ему въ тягость, а въ радость.

Училищныя семинаріи пригодны въ томъ государствѣ, которое пространствомъ небольше нашей любой губерніи; а для Россіи, которая заняла половину Европы, нужно слишкомъ много семинарій, чтобы удовлетворить ее вдругъ. Да если ихъ будетъ и много, то сомнительно: удовлетворятъ ли онѣ нашъ народъ? Если для насъ нужны семинаріи, такъ именно какъ образцовыя заведенія, куда можно будетъ посылать совершенствоваться уже приготовленныхъ учителей.

На сторонѣ выбора и приготовленія народныхъ учителей изъ народа же еще то важное обстоятельство, что этотъ простенькій учитель легче сойдется и будетъ уважать мѣстнаго священника (участіе котораго въ школѣ тоже необходимо), нежели учитель изъ губерніи; и такимъ путемъ удобнѣе достигнуть того, что школы будутъ имѣть религіозно-нравственное направленіе, которое такъ необходимо для на-

рода. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, всецѣло не поручить школу самому священнику? Онъ же поставленъ духовнымъ отцомъ для его прихода: пусть же онъ самъ съ дѣтства приготовляетъ своихъ чадъ; пусть развиваетъ ихъ умъ и учитъ жить нравственно въ страхѣ божіемъ. Чего намъ добиваться лучшаго? для чего раздѣлять эти двѣ, такъ нравственно-связанныя обязанности между двумя лицами?.. Да, дѣйствительно: лучшихъ учителей, какъ мѣстные священники, намъ не нужно, но тогда, если эти священнослужители съ *охотою* и *умѣньемъ* возьмутся за это благое дѣло. Спросите любого священника оффиціально: желаетъ ли онъ устроить у себя школу? Всякій отвѣтитъ — что съ радостью готовъ. Такое заявленіе ему весьма выгодно для карьеры, для мнѣнія духовнаго начальства о немъ. Спросите же иного священника стороною, по-пріятельски и, вы услышите, сколько церковныя требы и хозяйственныя дѣла мѣшаютъ ему заниматься школой. А по моему: дурны результаты школы, въ которой принуждаютъ учиться, а еще хуже результаты той школы, въ которой принуждаютъ учить [1]). Что касается до умѣнья заниматься въ школѣ, то въ этомъ случаѣ нельзя не сознаться, что изъ священниковъ не только людей пожилыхъ, но и людей, недавно окончившихъ свое семинарское воспитаніе, немного найдется сколько-нибудь способныхъ учителей. Это явленіе прискорбное, но истинное. Поэтому, какъ ни желательно было бы, чтобы учителями народныхъ школъ были мѣстные священники, но и здѣсь необходимъ серьёзный, внимательный выборъ. Теперь вводятся педагогическіе курсы въ семинаріяхъ; слѣдовательно, изъ нихъ выйдутъ люди съ педагогическими свѣдѣніями: они, впослѣдствіи, могутъ занять мѣста учителей. При такой подготовкѣ съ успѣхомъ могутъ оправдать свое назначеніе. Прекрасно! если эти будущіе семинаристы-педагоги будутъ въ томъ же селѣ и священнослужителями; но если, какъ и теперь, они будутъ искать этихъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ, много два, перейти на какое-нибудь штатное мѣсто; если должности учителей будутъ занимаемы ими только по необходимости, то, въ такомъ случаѣ, не гораздо ли лучше имѣть учи-

---

[1]) На оффиціальныя свѣдѣнія, получаемыя изъ епархій, вполнѣ полагаться трудно. Можетъ быть, количество духовныхъ школъ и соотвѣтствуетъ статистическимъ даннымъ; но нужно знать, каковы эти школы.

Одинъ почтенный землевладѣлецъ разсказывалъ намъ, что, узнавъ о заведенной школѣ въ его приходѣ, онъ просилъ батюшку познакомить его съ нею.

На это добродушный священникъ откровенно отвѣчалъ, что хвалиться нечѣмъ.

— Какъ же говорятъ, что въ вашей школѣ до 50-ти учениковъ считается?

— Да; по списку такъ: 48 значится, а ходятъ только двое.

— Гдѣ же они у васъ?

— Да больше на посылкахъ. Думаю, послѣ Рождества на букварь посадить, а теперь, на свободѣ, молитвы учимъ.

телей постоянныхъ, которыхъ привязывать будетъ къ мѣсту, кромѣ интереса, самая родина. Вліяніе на школу хорошаго учителя въ самихъ результатахъ воспитанія обнаруживается не раньше, какъ лѣтъ черезъ 5, не менѣе; а въ одинъ или два года, хотя хорошій учитель можетъ сдѣлать для школы много хорошаго, но результаты его вліянія на нее будутъ все-таки весьма незамѣчательны, и притомъ, при перемѣнныхъ учителяхъ, наши школы никогда не выработаютъ своего самостоятельнаго характера, который также необходимъ.

Кстати, преслѣдуя мысль о приготовленіи народныхъ учителей изъ народа же, мы должны высказать свое мнѣніе о преобразованіи самыхъ училищъ нашихъ, которыя многими признаны несостоятельными. Не считая себя способнымъ вполнѣ разрѣшить этотъ трудный вопросъ и предоставляя его спеціалистамъ,—мы ограничимся здѣсь только практическою стороною его; покажемъ, какъ большая часть нашего городского народонаселенія смотритъ на наши уѣздныя училища, и какія знанія считаемъ полезнѣйшими для нашего простолюдина, кромѣ тѣхъ, которыя обозначены въ программѣ для сельскихъ школъ.

Вся наша братія штатные смотрители и учители уѣздныхъ училищъ враждебно смотрятъ на то, что большая часть учениковъ училища выходятъ, не окончивъ курсъ. Иные не успѣютъ перевалиться изъ приходскаго, смотришь — имъ уже и довольно учиться: чрезъ мѣсяцъ или два родители берутъ ихъ домой; другіе выходятъ изъ 2-го класса: такъ-что почти всегда къ концу года четвертой части учениковъ не досчитаешься, и на долю училища приходится выдавать окончательныя свидѣтельства очень немногимъ, большею частію, если нѣтъ въ уѣздѣ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, то сыновьямъ нашихъ уѣздныхъ чиновниковъ, которые жаждутъ этого свидѣтельства для служебныхъ правъ сыновьямъ, какъ воронъ крови. Прежде и меня не мало огорчало это обстоятельство, и я, какъ и другіе, приписывалъ нежеланіе продолжать учить дѣтей — неразвитости родителей; но теперь перемѣнилъ свое мнѣніе и этому причиною слѣдующій случай.

Однажды, въ половинѣ года, изъ 2-го класса нашего училища уволился ученикъ, о которомъ нельзя было не пожалѣть: мальчикъ былъ способный, хорошей нравственности: краса училища. Я зналъ отца его, какъ человѣка, хотя простого, но умнаго, съ хорошими средствами и заботливаго о дѣтяхъ, поэтому не мало удивлялся его поступку. Думая же, что онъ взялъ сына по какому-нибудь неудовольствію на училище, я пошелъ въ домъ его, поосновательнѣе разузнать причину. Сначала онъ заговорилъ, что много благодаренъ и доволенъ училищемъ; взялъ же сына потому, что «дома нужно присмотрѣть коечто; а онъ у меня дѣло смекать началъ». Однакожъ, я не повѣрилъ этимъ словамъ, зная, что у него и безъ двѣнадцатилѣтняго сына есть кому присмотрѣть дѣло. Думая же подѣйствовать на него своими убѣ-

дѣніями — пустился въ мораль: заговорилъ о томъ, какъ важно умственное развитіе человѣка въ жизни; совѣтовалъ ему еще поучить сына по-дальше и прибавилъ къ этому, что онъ, какъ человѣкъ со средствами, могъ бы образовать сына въ гимназіи и далѣе; но, нечаянно схвативъ его двусмысленную улыбку, пріостановился и началъ снова выпытывать причину: почему онъ не хочетъ воспитывать сына дальше. Наконецъ (вѣроятно ему наскучили мои рѣчи), и онъ пустился въ откровенности. «Знаете, батюшка — началъ онъ — мы маленько побаиваемся, чтобы сынъ не зазнался: у васъ что-то слишкомъ премудреныя, заморскія царства учатъ. Я самъ прислушивался, какъ сынъ уроки училъ; вижу чтó-то не къ дѣлу, да и взялъ его, думая: пусть онъ дома лучше своему дѣлу поучится; терять времени нечего. Вотъ, если бы у васъ пріучили сына какъ пенечку сортировать, да въ товарахъ изъяны находить, или чтó другое, подходящее, — то пусть бы учился; я, пожалуй, хоть бы и еще года на три его оставилъ. Въ гимназію же отдавать? Богъ съ нею! тамъ онъ уже совсѣмъ зазнается; дѣло свое броситъ; служить захочетъ; а кто же для нашего дѣла останется?..» И началъ онъ высчитывать тѣхъ, которые учили своихъ дѣтей въ гимназіяхъ... Вышло, что почти всѣ воспитанники гимназіи бросили торговлю, и если нѣкоторые и остались при дѣлѣ, то по принужденію, а не по желанію, и эти послѣдніе совсѣмъ торговаго дѣла не понимаютъ, живутъ тѣмъ, чтó отецъ оставилъ, а другіе еще и отцовское промотали. «Вотъ — оно, чтó выходитъ отъ высшихъ гимназій, сказалъ онъ, улыбаясь; намъ такого ученья не надо!»

Такой складъ рѣчи простого русскаго ума, съ наличными доказательствами, заставилъ меня призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ: какую пользу приносятъ нашимъ училищамъ исторія и географія? Большій кругозоръ свѣдѣній и развитіе. Но не ошибаемся ли мы, давая крátенькое понятіе о странахъ намъ неизвѣстныхъ; о царяхъ и герояхъ, давно окончившихъ свое существованіе, оставляя безъ всякого вниманія то, чтó дѣлается у насъ передъ носомъ?

Нѣкоторые педагоги, одною изъ главныхъ задачъ при воспитаніи считаютъ—пріучить учащихся къ усидчивому труду. Мнѣ кажется, у насъ въ провинціи, этотъ трудъ непримѣнимъ: ибо у насъ не тотъ выигрываетъ, кто сводитъ счеты да строитъ планы въ кабинетѣ, а тотъ, кто съумѣетъ усмотрѣть за всѣмъ, во-время посѣетъ и сожнетъ, во-время купитъ и продастъ. Намъ нужно больше соображенія, нежели глубокомыслія, труда подвижного, а не сидячаго, дѣятельности больше физической, нежели умственной. Нѣкоторые говорятъ: чтобы развить умъ, нужно изучать предметы болѣе серьёзно, и что лучше знать ихъ немного основательно, нежели всего понемножку. Я согласенъ съ этимъ. Но доступно ли въ уѣздныхъ училищахъ, которымъ данъ трехлѣтній срокъ для ученія, изучить какой-нибудь предметъ

основательно, — хоть бы, напримѣръ, всемірную исторію? Для изученія ея назначено два урока въ недѣлю, не болѣе 70-ти уроковъ въ годъ. Скажите же: можно ли передать, въ такое короткое время, дѣтямъ лѣтъ 11-ти или 12-ти, этотъ обширный предметъ сколько-нибудь основательно? Самый даровитый преподаватель едва ли съумѣетъ что-нибудь тутъ сдѣлать; и намъ нельзя слишкомъ быть притязательными къ тѣмъ учителямъ, у которыхъ изъ этого важнаго предмета выходитъ перечень царей, героевъ, государствъ, и прочее. Не лучше ли же намъ промѣнять на полезныя, хотя энциклопедическія свѣдѣнія, примѣнимыя къ жизни, сказанный перечень? Для русскаго человѣка нужно знать исторію и географію свою — народную русскую; пусть же они и остаются въ такомъ же видѣ, въ какомъ и преподаются теперь; все же остальное, касающееся до этихъ предметовъ, должно бы, кажется, быть у насъ преподано для связи кратко. Еще у насъ въ 3-мъ классѣ уѣзднаго училища преподаютъ кратенькую геометрію съ доказательствами. Зачѣмъ она? Для развитія соображеній? Но тутъ нужно слишкомъ геніальнаго учителя, чтобы въ одинъ академическій годъ развить сколько-нибудь соображеніе, преподавая такимъ образомъ геометрію. Если она нужна для насъ, такъ именно какъ очертательная геометрія, примѣнимая къ землемѣрію и, отчасти, къ домостроительству. Изъ геометріи намъ нужно преподать ученикамъ то, чтобы въ будущемъ ихъ не могъ обойти сосѣдъ землею, не надуть плотникъ на постройкахъ.

Теперь я разскажу вамъ, какъ произвожу ревизію въ сельскихъ училищахъ, чего требую отъ учащихся и чего еще желалъ бы требовать отъ нихъ, сообразно съ желаніемъ и потребностями народа, еслибъ бы наши сельскіе учители были въ состояніи толково и разумно передать то, что̀ полезно ему.

При входѣ моемъ въ школу, ученики поютъ, или одинъ изъ нихъ читаетъ молитву. Послѣ привѣтствія учителю и ученикамъ, я начинаю экзаменовать часто съ того, что требую отъ болѣе развитаго ученика разъясненія смысла той молитвы, которую читали; потомъ расспрашиваю, какіе праздники ближайщіе къ тому времени они знаютъ; въ честь какого событія они установлены; требую отыскать евангеліе, которое читается въ день этого праздника; ученикъ читаетъ его и долженъ объяснить смыслъ читаннаго; иногда приносится евангеліе русское для сличенія текста и болѣе вѣрнаго уясненія смысла; спрашиваю символъ вѣры и, при разъясненіи членовъ; требую разсказа изъ священной исторіи, о таинствахъ, о церкви и прочее. Подобнымъ же образомъ спрашиваются заповѣди и молитва Господня; требую разъясненія богослуженія и, разсматривая какую-нибудь часть, ученикъ долженъ разсказать, въ послѣдовательномъ порядкѣ, дѣйствія и слова священника и діакона, чтеніе и пѣніе, а также и значеніе каждаго дѣй-

ствія священнослужителей. Этимъ заканчивается испытаніе по закону Божію. Потомъ я требую, чтобы мнѣ читали по-русски и по-славянски и разсказали смыслъ сначала отдѣльныхъ словъ славянскихъ или русскихъ книжныхъ, не употребляемыхъ въ рѣчи простолюдина, и смыслъ всего прочитаннаго. Потомъ диктую имъ и, при незатѣйливомъ предложеніи, требую найти предметъ, о которомъ говорится, что́ о немъ говорится, и въ вопросахъ, не касаясь разъясненія подлежащихъ, сказуемыхъ и прочаго, идетъ у насъ логическій разборъ. При диктантѣ требую строгаго вниманія для того, чтобы, по звуку самой рѣчи, они, сколько возможно, писали правильно и отдѣляли отдѣльныя мысли знаками препинанія. Наконецъ, иногда, въ рѣдкость, они описываютъ мнѣ семейныя работы, поѣздку въ городъ, продажу, покупки, и прочее. Изъ ариѳметики вычисленія у меня идутъ не свыше милліоновъ (по очень простой причинѣ: что въ жизни имъ не придется хлопотать съ большими числами); эти вычисленія примѣняются къ мѣстнымъ потребностямъ. Я, напримѣръ, распрашивалъ у мальчика: сколько твой отецъ въ этомъ году собралъ конопли, пеньки, замашки, пакли и прочаго? и требую вычислить доходъ съ этого продукта. Въ подобныхъ вычисленіяхъ на доскѣ или на счетахъ я узнаю ихъ знанія первыхъ четырехъ дѣйствій простыхъ и именованныхъ чиселъ. Я не говорю здѣсь о первоначальномъ обученіи потому, что, вѣроятно, вездѣ забота одна: уничтожить *азъ-буки* и прочія подобныя методы, а совѣтовать учителю методъ звуковой, наглядный,—и этотъ способъ постепенно, хотя и не вездѣ, входитъ въ употребленіе. Признаюсь, весьма рѣдко приходится возвращаться удовлетвореннымъ съ своей ревизіи. Очень немногіе ученики удовлетворяютъ моимъ требованіямъ; но я не могу сказать, чтобы никогда не достигалъ желаемыхъ результатовъ, а, слѣдовательно, при улучшеніи школъ, подобныхъ свѣдѣній отъ учащихся требовать возможно. При этомъ, кстати скажу, что намъ трудно произвести желаемую ревизію потому, что, пріѣхавши, мы скорѣе спѣшимъ и возвратиться: во-первыхъ потому, что намъ дано слишкомъ мало средствъ для этихъ ревизій (бѣда съ этими недостатками!), да и времени недостаетъ.

Разсказавъ, какихъ знаній я требую отъ учениковъ теперешнихъ народныхъ школъ, я скажу, чего желалъ бы требовать отъ нихъ, еслибъ это было возможно. — У васъ земля глинисто-песчаная. Какое свойство этой земли? для какого хлѣба она больше пригодна? какъ слѣдуетъ пахать эту землю: глубоко ли, или мелко? какое удобреніе больше для него въ пользу? если навозъ, то какой именно? нѣтъ ли удобренія для этой земли кромѣ навоза? — У васъ есть луга, сѣно съѣдобное и несъѣдобное, крупное и мелкое. Разскажите мнѣ (но только на русскомъ народномъ языкѣ, а не на латинскомъ): какія травы у васъ растутъ? нельзя ли какую-нибудь изъ несъѣдобныхъ травъ уни-

чтожить, а съѣдобную увеличить?—У васъ вокругъ лѣса. Какія деревья растутъ въ нихъ? какія идутъ на какое производство? какъ сохранить дерева отъ порчи, пожара, и прочее?—У васъ довольно скота. Какую пользу онъ приноситъ? Какъ улучшить породу? какія болѣзни въ нашей мѣстности бываютъ со скотомъ? какъ предохранить его отъ нихъ, какъ вылечить?—У васъ, большею частью, строятъ курныя избы. Разскажите: какой вредъ производитъ на здоровье дымъ? чтó причиняетъ спертый воздухъ, дурная пища? какое разрушительное дѣйствіе производитъ на человѣка водка, и прочее?—Въ настоящее время погода сухая. Отчего это? отчего происходитъ сырость, дождь, снѣгъ, роса, иней, громъ, молнія и прочее?—У васъ въ лѣсныхъ селеніяхъ многіе ловятся на порубкахъ. Какіе штрафы берутся за эти порубки? какіе отвѣты вы должны давать слѣдователямъ, становому или будущему мировому судьѣ при извѣстномъ дѣлѣ? и прочее, и прочее.

Вникните въ смыслъ моихъ желаній, которыя я считаю важными для знанія простолюдина, и которыя съ удовольствіемъ пожелали бы узнать не только школьники, но и взрослые. Вѣдь эти вопросы составляютъ самую насущную, необходимую потребность его. По моему: узнать точнѣе и многостороннѣе тѣ предметы, которые постоянно передъ глазами, постоянно подъ рукою, значитъ—подвинуть живущихъ къ тому убѣжденію, какъ бы усовершенствовать, улучшить свой бытъ, свою производительность. Знакомство съ простѣйшими физическими явленіями, кромѣ существенной пользы, какъ знанія, современемъ можетъ устранить многіе предразсудки, которыми зараженъ нашъ народъ; краткое знакомство съ современнымъ законовѣдѣніемъ можетъ устранить кляузничество и злоупотребленіе мѣстныхъ властей.

Въ сельскія школы поступаютъ дѣти лѣтъ 7 или 8-ми, учатся тамъ до 12 или 13-ти лѣтъ; часто, способные изъ нихъ въ началѣ, дѣлаются баловнями впослѣдствіи. Причина этому видимая: что ихъ учатъ то же самое, что въ первый годъ, то и во второй и третій, до самаго окончанія ученія. А если имъ нѣтъ пищи для ума, чтó же дѣлать, какъ не шалить, не баловаться? Изъ этого вы видите, что у насъ времени въ школахъ достаточно для уясненія тѣхъ и подобныхъ имъ вопросовъ, на которые я желалъ бы, чтобы ученики школъ умѣли удовлетворительно отвѣчать... Ш. С. Ф.

«Въ народѣ необходимо возбудить довѣріе и любовь къ ученію»—говоритъ, и весьма справедливо, обратившійся къ намъ г. Ш. С. Ф.—и теперь эта забота—заключаетъ онъ еще справедливѣе—главное, па-

дуетъ на наше земство и училищные совѣты». Никто также не найдетъ ничего возразить и противъ другого его положенія: «Чтобы были школы хороши, нужно, чтобы были и хороши учителя». Совершенно справедливая мысль! Но кто намъ дастъ хорошихъ учителей для подобныхъ школъ? Слѣдуетъ ли спокойно выжидать, когда такіе учители явятся сами собою? И если — нѣтъ, то приготовленіе учителей, устройство съ этою цѣлью учительскихъ семинарій, есть дѣло первой необходимости. Между тѣмъ, г. Ш. С. Ф., приводя своими предъидущими положеніями къ мысли о настоятельной потребности у насъ учительскихъ семинарій, выражаетъ взглядъ прямо противоположный, повидимому, тому, что выше утверждаетъ онъ самъ. «*Устройство учительскихъ семинарій, заведеніе педагогическихъ курсовъ въ губерніяхъ, по моему*—говоритъ онъ—*нейдетъ къ нашему народному воспитанію.*» Вотъ, именно, случай, гдѣ, мы находимъ, авторъ увлекся современною обстановкою, и возвелъ въ принципъ то, что заключаетъ въ себѣ только долю правды, вслѣдствіе печальнаго современнаго положенія дѣла народнаго образованія. Но оставимъ увлеченіе автора въ сторонѣ, и обратимся къ той долѣ правды, которую признаёмъ въ его положеніяхъ.

Мы, дѣйствительно, часто и невольно грѣшимъ въ своей общественной жизни, имѣя легкую возможность идти въ нашихъ мечтахъ, планахъ и идеяхъ далеко впередъ, и потому приступаемъ иногда къ самому простому вопросу съ самыми хитросплетенными и утонченными теоріями, и потомъ сами удивляемся, отчего дѣло не удалось, не смотря на то, что предварительно составлялись комитеты, строились планы, писались програмы, задавались конкурсы, и т. п. Мы часто, такимъ образомъ, походимъ на человѣка, который, для того, чтобы поднять съ полу карандашъ, считаетъ слишкомъ первобытнымъ для себя просто наклониться, и задается мыслью объ устройствѣ подъемной машины. Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ и будничной жизни, и жизни общественной, иногда бываетъ цѣлесообразнѣе просто наклониться, нежели подходить къ дѣлу съ самыми строгими пріемами механическихъ наукъ. Нашъ народъ напоминаетъ намъ пріятеля въ извѣстной баснѣ, которому понесчастливилось попасть въ яму невѣжества, а мы, должно сознаться, играемъ часто незавидную роль Метафизика, разсуждающаго чуть не цѣлые десятки лѣтъ весьма умно, тонко и витіевато, о качествахъ того вервія, которымъ подобало бы наиприличнѣйшимъ образомъ вытащить пріятеля изъ ямы. Кромѣ потери времени въ дѣлѣ, нетерпящемъ ни малѣйшаго отлагательства, мы, съ нашими пріемами, наталкиваемся всегда еще на одно тяжелое препятствіе, которое не разъ останавливало самыя лучшія начинанія; затѣвая все на широкую ногу, мы внезапно получаемъ колоссальныя цифры расхода, необходимаго для той или другой реформы, для того

или для другого общественнаго предпріятія. Наши предки, на мѣдные алтыны, сдѣлали для насъ относительно больше, нежели мы дѣлаемъ на рубли для своего потомства, особенно, если принять въ соображеніе скудость ихъ средствъ и обиліе въ средствахъ нашего времени. А причина этого заключается единственно въ томъ, что они по необходимости возлагали много надежды на самую природу вещей, между тѣмъ какъ мы обращаемъ очень мало вниманія на эту природу, и даже, какъ будто боимся, чтобы прирожденное каждому не развилось само собою безъ нашего ухода или безъ особо составленнаго на этотъ случай комитета. *Сельскаго* учителя въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е., человѣка изъ своего села, но уже стоящаго неизмѣримо выше своихъ соотечественниковъ по колокольнѣ (пользуемся извѣстной французской поговоркой), можно добыть легко и скоро, и въ самомъ огромномъ количествѣ, почти безъ особенной траты денегъ изъ общественнаго бюджета. Такой сельскій учитель, по справедливому замѣчанію г. Ш. С. Ф., представитъ большія практическія удобства; а, между тѣмъ, учительскія семинаріи начнутъ исподволь приподнимать уровень образованности сельскихъ учителей, начиная съ мѣстностей, средства которыхъ позволятъ имъ принять къ себѣ и содержать на свой счетъ человѣка съ бо̀льшими потребностями. Вотъ, почему мы желали бы, чтобы наши земскія собранія обратили бы свое вниманіе, именно, на эту сторону проэкта г. Ш. С. Ф. Вопросъ о скорѣйшемъ и практическомъ устройствѣ дѣла народнаго образованія у насъ—ключъ ко всѣмъ преобразованіямъ совершённымъ и имѣющимъ совершаться; въ народномъ образованіи лежитъ ручательство прочности того, что̀ уже сдѣлано, и возможности всего, что̀ остается сдѣлать. Народное образованіе улучшаетъ финансы несравненно лучше, нежели займы; развитіе промышленности тѣсно связано съ народнымъ же образованіемъ; уменьшеніе преступленій есть прямой результатъ успѣховъ народнаго образованія; средства къ защитѣ у народа образованнаго несравненно выше и дѣйствительнѣе; администрація несравненно дешевле, потому-что главная ея часть будетъ отправляться собственными средствами; однимъ словомъ, за что̀ ни возьмись, въ основаніи всего лежитъ народное образованіе, какъ почва обусловливаетъ всякую жизнь.

II.

О ДОКЛАДѢ «ПОСТОЯННОЙ ЗЕМСКОЙ КОММИССІИ» ВЪ МОСКВѢ

ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

При современномъ состояніи у насъ дѣла народнаго образованія, отношеніе къ нему новыхъ земскихъ учрежденій представляетъ во-

просъ первостепенной важности. Намъ приходится думать не о поднятіи уровня народнаго образованія, но почти о его началѣ; невѣжество народныхъ массъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть могущественнѣйшимъ врагомъ успѣховъ земскаго дѣла, и потому въ борьбѣ съ этимъ врагомъ земство не должно жалѣть никакихъ средствъ. Мы имѣли случай (1866, т. III, отд. V, стр. 5) представить общій очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій по народному образованію; въ настоящую минуту предъ нами — первый рѣшительный шагъ Московскаго губернскаго собранія къ тому, чтобы осуществить практически идею, о распространеніи народнаго образованія. Составленная на этотъ предметъ изъ среды московскаго земства «Постоянная земская Коммиссія» окончила теперь свою работу, изложивъ свой проектъ въ формѣ «Доклада» *). Постараемся познакомить нашихъ читателей съ его содержаніемъ, и вмѣстѣ выскажемъ откровенно тѣ мысли, которыя невольно представились намъ, при внимательномъ его прочтеніи.

«Губернское (Московское) Земское Собраніе — такъ начинается «Докладъ» — возложило на Постоянную Коммиссію обязательное порученіе собрать свѣдѣнія о существующихъ народныхъ училищахъ (т. е., въ предѣлахъ своей мѣстности) и представить свои соображенія о возможномъ участіи земства въ народномъ образованіи, и о тѣхъ основаніяхъ, которыми обусловливается подобное участіе».

Всѣ эти свѣдѣнія о наличныхъ народныхъ училищахъ были доставлены изъ всей Московской губерніи въ Губернскую Управу, и Коммиссія представила, съ своей стороны, по данному вопросу, очередному Губернскому Земскому Собранію три доклада, относящіеся къ слѣдующимъ пунктамъ:

А) О составѣ и программѣ земскихъ народныхъ училищъ.

Б) О Земской Учительской Семинаріи для смотрительницъ народныхъ училищъ.

В) О даровомъ и обязательномъ обученіи.

Остановимся на этихъ трехъ пунктахъ.

Приступая къ разсужденію о составѣ и программѣ земскихъ народныхъ училищъ, Коммиссія положила въ основаніе, по нашему мнѣнію, самый справедливый, ясный и простой взглядъ на цѣль и значеніе народныхъ училищъ. «Обученіе народа во всѣхъ образованныхъ государствахъ принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ *обязанностей* страны, и обученіе это должно быть всегда *соразмѣрно съ настоящимъ состояніемъ самого народа*, т. е., оно должно постепенно развиваться соразмѣрно съ развитіемъ самой страны.» Мы желали бы те-

*) Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы выразить свою признательность г. предсѣдателю Коммиссіи, графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову, обязательно доставившему намъ этотъ документъ. — *Ред.*

перь только одного, чтобы выполненіе самаго дѣла не вышло изъ предѣловъ взгляда о необходимости соразмѣрить не только обученіе народа съ его настоящимъ состояніемъ, но и самое приготовленіе народныхъ учителей.

«Докладъ» въ этомъ послѣднемъ отношеніи высказывается весьма опредѣлительно: предполагается «повсемѣстно ввѣрить *женщинамъ* надзоръ и ученіе въ земскихъ училищахъ». Вотъ, причины, побудившія Коммиссію рѣшиться на такую мѣру:

Извѣстно, при равныхъ познаніяхъ, что женщина лучше мущины умѣетъ передавать дѣтямъ все то, чему она училась. У нея менѣе сухости и педантизма и гораздо болѣе терпѣнія и кротости, благотворно дѣйствующихъ на характеръ дѣтей, смягчая его суровость и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчая начала обученія, всегда тяжелыя для тѣхъ, которые не привыкли еще къ усидчивому труду. Къ этимъ соображеніямъ о преимуществѣ смотрительницъ передъ смотрителями, надо еще добавить, что существующія женскія заведенія и пріюты могутъ, въ довольно скорое время, подготовить для земскихъ училищъ достаточное число смотрительницъ, хотя не совершенно соотвѣтствующихъ требованіямъ программы, но, по крайнѣй мѣрѣ, неподверженныхъ общему пороку нетрезвости.

Для приготовленія такихъ смотрительницъ земскихъ училищъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и преподавательницами всѣхъ предметовъ, кромѣ закона Божія, предполагается устроить «Земскую Учительскую Семинарію», куда поступали бы дѣвицы немоложе 16 лѣтъ, съ познаніемъ Закона Божія, исторіи В. и Н. Завѣта, изъясненія литургіи и другихъ службъ, катихизиса, грамматики, обзора русской исторіи, четырехъ первыхъ дѣйствій ариѳметики до дробей, и географіи Россіи, при письмѣ, по возможности, правильномъ. Курсъ ученія продолжается три года, за которые слѣдуетъ отслужить шесть лѣтъ. 150 воспитанницъ въ три года, что̀ дастъ ежегодно 50 смотрительницъ, обойдется въ 20 тысячъ слишкомъ, сверхъ первоначальнаго образованія, въ 5,000 рублей. Такая семинарія учреждается *въ Москвѣ*.

Мы вовсе не думаемъ останавливаться на подробностяхъ самаго проекта Коммиссіи, потому-что у насъ мало страдаютъ отъ недостаточности уставовъ, и было бы очень хорошо, еслибъ только существующее выполнялось разумно. Обратимся прямо къ практической сторонѣ дѣла. Въ Москвѣ уже основано пять женскихъ гимназій; но Коммиссія нашла полезнымъ устроить особую учительскую семинарію, «потому-что воспитанницы, выпускаемыя изъ казенныхъ заведеній, по образованію, не соотвѣтствуютъ (!) всѣмъ требованіямъ программы земскихъ училищъ и, сверхъ того, лишены всякой подготовки по части педагогики.» Мы не могли не выразить своего удивленія при словѣ: *несоотвѣтствуютъ!* Какія же могутъ это быть программы земскихъ училищъ, которымъ не соотвѣтствуютъ познанія воспитанницъ уже существующихъ пяти московскихъ женскихъ гимназій?! Какая же нужна особая

подготовка по части педагогики, которую такъ часто въ наше время призываютъ всуе? Мы не отрицаемъ важности специальнаго преподаванія педагогики, но думаемъ, однако, что самое преподаваніе какой бы то ни было науки, веденное искусно и съ знаніемъ дѣла, и хорошее устройство воспитательной части школы есть уже отличный практическій урокъ изъ педагогики, который иногда, можетъ быть, дѣйствуетъ полезнѣе, нежели систематическое изложеніе принциповъ педагогическихъ. Если же это справедливо, если сельскому учителю нѣтъ надобности въ прохожденіи какой-нибудь особой програмы высокаго свойства, то не было ли бы лучше употребить предполагаемую сумму на устройство учительской семинаріи — на то, чтобы имѣть земству своихъ пансіонерокъ въ существующихъ уже гимназіяхъ?

Очевидно, Коммиссія задалась желаніемъ поставить новое дѣло съ перваго шага на высокую точку, какъ то случается у насъ безпрерывно, и не хотѣла воспользоваться наличными средствами только потому, что можно сдѣлать лучше. Въ крайности, приходится тушить пожаръ ведрами, и никто не вздумаетъ запретить такое первобытное средство, только потому, что лучше было бы дѣйствовать паровыми пожарными трубами; во время пожара мы, дѣйствительно, позволяемъ себѣ отступленіе отъ правилъ пожарнаго искусства, а во многихъ другихъ обстоятельствахъ общественной жизни, между прочимъ, и въ дѣлѣ народнаго образованія, мы соглашаемся лучше терпѣть невѣжество, нежели гасить его какими-нибудь простыми средствами, имѣющимися на лицо.

Дешевизна средствъ къ народному образованію, по нашему мнѣнію, есть самое краснорѣчивое пока убѣжденіе для нашего простолюдина въ пользѣ, вообще—образованія. И простолюдинъ, до извѣстной степени, весьма правъ; нельзя требовать отъ него, что было бы тягостно и для насъ, еслибъ свое образованіе мы должны были получать подъ тяжкими и невыносимыми условіями. Московская Коммиссія, имѣя въ виду на первое время основать 180 училищъ въ губерніи по числу волостей, полагаетъ на расходъ ассигновать 75,000 рублей. Хотя она и признаетъ, что налогъ, которымъ покрылась бы эта сумма, не долженъ быть обременителенъ, но въ то же время думаетъ возложить этотъ налогъ на «одно крестьянское сословіе, для котораго учреждаются эти училища.»

Совершенно справедливо, что эти училища учреждаются для крестьянскаго сословія, но крестьянское сословіе существуетъ не для одного себя; дѣти крестьянъ не доходятъ до гимназій и университетовъ, но, тѣмъ не менѣе, крестьянское сословіе участвуетъ своими податями въ расходахъ на ихъ содержаніе. Отчего же и на-оборотъ, другимъ сословіямъ, которыя не будутъ пользоваться сельскими училищами, не нести на себѣ части расходовъ по ихъ содержанію? Притомъ, всякое

улучшеніе быта крестьянина не составляетъ одной его личной выгоды; развитіе благосостоянія и образованности простолюдина вызоветъ успѣхи торговли. Купечество, сообразивъ свои выгоды, должно было бы само жертвовать частью своихъ барышей на устройство сельскихъ школъ. Относительно же самихъ крестьянъ, мы считали бы справедливымъ назначить сборъ, по состоянію, при вступленіи въ бракъ и при рожденіи дѣтей. Сопровождая такія событія въ своей жизни пирушками и, вообще, лишними расходами, крестьянинъ менѣе тяготился бы такого рода сборомъ, и въ то время, когда небогатый отпустилъ бы въ сельскую казну мѣрку ржи, зажиточный поселянинъ видѣлъ бы въ своемъ взносѣ новое средство дать сосѣдямъ почувствовать, какъ онъ состоятеленъ, и не пожалѣлъ бы своего добра въ такія минуты, когда и бѣдный, какъ говорится, ставитъ копейку ребромъ.

Отдавая всю справедливость превосходнымъ намѣреніямъ Постоянной Земской Коммиссіи Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія, вѣрности взгляда на все дѣло вмѣстѣ взятое и на большой педагогическій тактъ въ составленіи самой программы преподаванія, гдѣ строго отдѣлено *ученіе* и *упражненіе*, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми подробностями, въ которыхъ видно желаніе сдѣлать это простое дѣло какимъ-нибудь утонченнымъ способомъ и поставить себѣ самыя далекія цѣли, между тѣмъ, какъ есть еще много близкихъ цѣлей и пока недостигнутыхъ. Такъ, подобное стремленіе замѣтно въ § 5 (А), въ силу котораго считается полезнымъ не оставлять смотрительницы въ одномъ и томъ же училищѣ болѣе шести лѣтъ, «чтобы долговременнымъ служеніемъ не впасть ей въ рутину и въ равнодушіе къ ввѣренной ей должности». Но о какой рутинѣ можетъ идти дѣло при объемѣ и характерѣ предметовъ сельскаго обученія? Мы поняли бы такую заботу въ вопросѣ о продолжительности службы на одномъ мѣстѣ университетскаго профессора, который долженъ слѣдить за быстрыми успѣхами всей науки и новыми открытіями и взглядами; но что̀ подобное можетъ случиться въ вопросахъ сельскаго преподаванія? Не излишнее ли это усиліе позаботиться обо всемъ, предвидѣть все, даже и то, чего не можетъ случиться? Мы представляемъ себѣ другой идеалъ сельскаго учителя, который, думаемъ, ближе къ дѣйствительной обстановкѣ. Въ селѣ учитель не можетъ ограничиться, какъ въ городѣ или столицѣ, однимъ класснымъ преподаваніемъ; онъ дѣлается самымъ важнымъ членомъ въ общинѣ вмѣстѣ съ священникомъ; это — интеллигенція села, и если учитель стоющій человѣкъ, то онъ — предметъ гордости и любви своей общины, съ которою онъ вполнѣ срастается, не думая о томъ, чтобы его чрезъ 6 лѣтъ перевели въ училище второй степени, потомъ третьей, и т. д. Такимъ путемъ можно ввести чиновническія отношенія даже въ сельскую школу, но отъ такого порядка нельзя ожидать большихъ успѣховъ. Положе-

ніе сельскаго учителя у насъ не имѣетъ своей исторіи; нашему времени приходится только полагать основаніе этому почтенному и симпатическому званію; при невѣжествѣ массъ, хорошій, честный, трудолюбивый сельскій учитель является въ нашихъ глазахъ потомкомъ тѣхъ древнихъ миссіонеровъ, которые заложили зданіе новаго міра, и если въ устройствѣ какого дѣла нужна особенно премудрость въ простотѣ, то это именно въ дѣлѣ образованія народныхъ массъ.

Мы замѣтили, что въ исторіи нашей образованности не сложился типъ сельскаго учителя, но онъ могъ бы, однако, образоваться, еслибъ наше духовенство было давно уже, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, проникнуто тѣми идеями, которыми оно начинаетъ воодушевляться только въ послѣднее время. Но, къ несчастью, этого не случилось, да и теперь еще положеніе сельскаго духовенства далеко не таково, чтобы сельскій священникъ, которому слѣдовало бы быть патріархомъ своей общины, могъ: во 1) вынести изъ своей школы то образованіе, которое можетъ доставлять XIX вѣкъ своимъ сынамъ, и во 2), если бы его жизнь была обставлена такъ, чтобы онъ имѣлъ *otium*, досугъ, это неизбѣжное условіе для всякого умственнаго преуспѣянія. Какъ можетъ отнестись сельскій священникъ къ своей школѣ? На это отвѣчаетъ намъ § 7 (А) «Доклада» той же Коммиссіи:

Законоучитель, вмѣсто годового содержанія, получаетъ плату по часамъ, посвященнымъ имъ обученію, *во избѣжаніе пропуска уроковъ*, и по необходимости, по случаю требъ, замѣщать его иногда діакономъ.

Земская Коммиссія, знающая хорошо условія дѣйствительности, какъ мы видимъ, нашла себя вынужденною принять мѣры противъ пропуска уроковъ со стороны законоучителя; очевидно, она не находитъ возможности положиться на его свободное время, и заботится, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы затрата денегъ не превышала его трудовъ. Въ нашихъ глазахъ, такая забота, какъ она ни справедлива, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ много печальнаго. Оказывается, что школа не можетъ имѣть для себя своего пастыря въ цѣлости, а, между тѣмъ, на народную школу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на преддверіе церкви.

Перейдемъ къ послѣдней части «Доклада:» о даровомъ и обязательномъ обученіи. Этотъ вопросъ, при всей своей простотѣ, раздѣляетъ мнѣнія всѣхъ педагоговъ, не у однихъ насъ, на два противоположные лагеря. «Московская Коммиссія» весьма справедливо поставляетъ на видъ то обстоятельство, что у насъ этотъ вопросъ не новъ, и рѣшенъ давно законодательною властью: «Родители — какъ выражено въ Сводѣ законовъ *) — *обязаны* давать несовершеннолѣт-

*) Т. X. ч. I, ст. 172.

нимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и *воспитаніе* доброе и честное, по своему состоянію». Итакъ, наше законодательство, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, признаетъ воспитаніе дѣтей *обязательнымъ* для родителей. Законъ присоединяетъ, что это воспитаніе должно быть *доброе* и *честное*, соразмѣрно съ состояніемъ каждаго. Собственно говоря, каждое воспитаніе есть расходъ; спрашивается, справедливо ли обязывать кого-нибудь къ расходу, если мы не содѣйствуемъ доходу того или другого лица? Но во 1) воспитаніе есть дѣйствительно расходъ только въ настоящую минуту, между тѣмъ, какъ невоспитаніе есть для родителей расходъ, такъ сказать, въ будущемъ, т. е. оно лишаетъ родителей въ будущемъ найти въ своихъ дѣтяхъ опору для себя, и даже дѣлаетъ дѣтей бременемъ; потому, родители всегда находятся въ выборѣ между двумя потерями: незначительною потерею въ настоящемъ и громаднымъ убыткомъ въ будущемъ, и законъ собственно принуждаетъ ихъ къ сравнительно меньшей затратѣ; — во 2) жизнь человѣка въ обществѣ тѣмъ именно отличается отъ жизни дикаря, что общество имѣетъ право требовать отъ отдѣльнаго лица — исполненія нѣкоторыхъ обязательствъ, которыя, повидимому, ограничиваютъ свободную волю и даже право на имущество: нельзя считать, напримѣръ, ограниченіемъ права на собственность — запрещеніе сжечь свой домъ, потому-что пользованіе такимъ правомъ повлекло бы за собою опасность для другихъ. Не въ правѣ ли общество требовать даже, какъ то и дѣлается, чтобы каждый домовладѣлецъ имѣлъ наготовѣ тотъ или другой огнегасительный снарядъ и, слѣдовательно, участвовалъ бы въ расходахъ по пожарной части или натурою, или деньгами? Не въ правѣ ли еще болѣе общество требовать, чтобы членъ общины избавилъ ее отъ опасности получить въ потомствѣ того или другого лица грубаго невѣжду, склоннаго ко всѣмъ возможнымъ порокамъ? А такой субъектъ для общества не менѣе опасенъ, какъ огонь, если даже не болѣе. Потому, наше законодательство, какъ нельзя болѣе справедливо, выразилось въ пользу обязательнаго для родителей воспитанія дѣтей.

Теперь остается вопросъ: какъ практически привести въ исполненіе такое обязательство? Это обязательство у насъ не выполняется цѣлыми милліонами населенія, для которыхъ указанный нами законъ остается мертвою буквою: нѣсколько поколѣній сельскаго населенія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, остается безъ всякаго воспитанія, не говоря уже о добромъ и честномъ, какъ того требуетъ законъ. Бѣдность рождаетъ невѣжество, — невѣжество рождаетъ бѣдность: и мы не можемъ выйти изъ этого круга! Прошедшая исторія ничего у насъ не приготовила по этому предмету, и потому намъ предстоитъ начинать исторію народнаго образованія, дѣлать, такъ сказать, первые ея факты. Къ числу такихъ первыхъ фактовъ мы относимъ, именно, дѣя-

тельность Московскаго Губернскаго Собранія. Вотъ, какимъ образомъ рѣшила практически его Коммиссія вопросъ о даровомъ и обязательномъ обученіи:

Если мы взглянемъ на этотъ вопросъ съ точки экономической, то увидимъ, что расходъ Земства на народное училище, разсчитанный по извѣстному числу учениковъ, дѣлается несоразмѣрнымъ съ средствами не только нашего, но всякого Земства въ Россіи, если посѣщать училище будетъ не предположенное число учениковъ, а только пятая или десятая часть того числа. Такимъ образомъ, смѣта расходовъ на одно Земское народное училище, предполагаемое въ 420 руб. на сто учениковъ, составитъ 4 руб. 20 к. на каждаго изъ нихъ; но, при отсутствіи обязательности, если, вмѣсто ста учениковъ, училище будетъ посѣщаемо только десятью, то обученіе каждаго ребенка обойдется ежегодно въ 42 рубля, а въ шесть лѣтъ въ 252 рубля, и тогда возникнетъ вопросъ: можетъ ли земство тратить такую сумму на каждаго ученика первоначальнаго народнаго училища? И что же пришлось бы Земству платить пропорціонально съ этою цифрою за обученіе каждаго ученика въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Такая несоразмѣрность расхода можетъ легко возникнуть, и этимъ самымъ принуждаетъ насъ къ принятію мѣръ для обезпеченія земскихъ училищъ положеннымъ числомъ учениковъ. Такія соображенія убѣдили Постоянную Коммиссію въ необходимости введенія обязательнаго обученія, причемъ Коммиссія не упустила изъ вида, что самое введеніе обусловливается состояніемъ существующихъ училищъ для народнаго образованія; отъ того повсемѣстное въ губерніи введеніе обязательнаго обученія требуетъ предварительнаго учрежденія такого количества народныхъ училищъ, которое было бы соразмѣрно съ численностью всего народонаселенія губерніи. По этой причинѣ, обязательность обученія невольно ограничивается и должна, на первое время, довольствоваться слѣдующею мѣрою:

1) Земство учреждаетъ народныя училища по усмотрѣнію Уѣздныхъ Земскихъ Собраній, поддерживаетъ своими средствами уже существующія училища, *только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ сельское общество мірскимъ приговоромъ поставитъ обязательность обученія*, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстное взысканіе съ родителей за неисполненіе этого приговора.

2) Такая мѣра распространяется и на другія села и деревни, лежащія не далѣе двухъ верстъ отъ мѣста, гдѣ учреждено земское училище.

3) За точнымъ исполненіемъ этого приговора отвѣчаетъ передъ закономъ мѣстный старшина.

4) Родителямъ ребенка, непринятаго въ училище, предоставляется право судебнымъ порядкомъ взыскивать отъ училищнаго начальства вознагражденіе за убытокъ.

5) Дѣти, учащіяся внѣ народныхъ училищъ, должны передъ началомъ вакацій ежегодно выдержать экзаменъ въ одной изъ мѣстныхъ школъ въ присутствіи одного изъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта, и родители тѣхъ дѣтей, которыя окажутся неумѣющими ни читать, ни писать, подвергаются установленному взысканію за неученіе своихъ дѣтей.

6) При окончаніи шестилѣтняго воспитанія въ земскомъ народномъ училищѣ, выдается ученику мѣстнымъ Училищнымъ Совѣтомъ свидѣтельство въ выдержанномъ имъ экзаменѣ.

7) Подобныя свидѣтельства выдаются и постороннимъ дѣтямъ, выдержавшимъ въ училищѣ экзаменъ наравнѣ съ учениками училища, но не прежде 14 лѣтъ или того возраста, когда оканчивается шестилѣтнее ученіе въ училищѣ.

Коммиссія остановилась на весьма справедливой мысли: каждая обязанность влечетъ за собою право; если родителей обязать воспи-

тывать дѣтей, то ихъ слѣдуетъ также снабдить правомъ отдать дѣтей въ школу, а для этого необходимо, чтобы прежде всего существовали школы. Если община требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они исполняли обязанность въ отношеніи дѣтей, то такая община должна предварительно устроить школу; гдѣ школа устроена, тамъ ученіе становится обязательнымъ само по себѣ.

Тамъ, гдѣ, такимъ образомъ, грамотность сдѣлалась обязательною, земство могло бы ввести различныя постановленія, которыя послужили бы сильною поддержкою для родителей, озаботившихся образованіемъ своихъ дѣтей. Кромѣ установленнаго § 5 штрафа за неученіе дѣтей, община могла бы постановить, чтобы неграмотные лишались права получать паспорты для удаленія въ города на заработку, и чтобы въ военную службу поставлялись прежде всѣ неграмотные и, затѣмъ, очередь доходила бы до грамотныхъ. Послѣднее постановленіе имѣло бы тотъ смыслъ, что въ наше время военная служба сдѣлалась, въ извѣстномъ смыслѣ, народною школою, при усиліи военнаго начальства обучать молодыхъ солдатъ грамотѣ и, такимъ образомъ, не нашедшій средствъ обучиться у себя дома, пріобрѣлъ бы такое средство чрезъ поступленіе въ военную службу. Мы увѣрены, что послѣднее постановленіе имѣло бы такой результатъ, что чрезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ трудно было бы сыскать у насъ неграмотнаго человѣка.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Іюнь, 1867.

Память считаютъ органомъ исторіи по преимуществу; классическіе греки даже назвали музу исторіи, именно—«Памятью». Не отказывая памяти въ ея важности для исторіи, мы думаемъ, однако, что историку можетъ приносить не малую пользу, въ извѣстной степени, и способность забвенія. Только отходя на нѣкоторое разстояніе отъ событій, другими словами, забывая временную обстановку, игру чувствъ и страстей, мы видимъ себя въ состояніи взглянуть спокойнѣе, вѣрнѣе на дѣла и людей; только по прошествіи извѣстнаго періода времени мы помнимъ ровно столько, сколько нужно, чтобы схватить существенныя черты, и забываемъ все, что роилось, копошилось предъ нашими глазами въ минуту совершенія факта, когда намъ часто приходится быть и зрителями и дѣятелями вмѣстѣ. Вотъ, почему можно утверждать, что для историка иногда столько же нужна память, сколько нужно и забвеніе, или историкъ потерялъ бы также много, какъ потеряли Бурбоны Реставраціи тѣмъ, что не умѣли иное забывать.

Справедливость этого замѣчанія можетъ повѣрить каждый на себѣ, и мы даже опасаемся, не слишкомъ ли уже искусно сдѣлалось наше время въ забвеніи недавно прожитого, только-что прочувствованнаго; не слишкомъ ли мы скоро обращаемся сами изъ дѣятелей въ историковъ самихъ себя и, такимъ образомъ, несемъ почти за плечами цѣлый архивъ того, что жило полною жизнью въ насъ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Въ такія эпохи, есть опасность—дѣлать много, но сдѣлать мало.

Въ началѣ нынѣшняго года, наша общественная мысль ходила почти исключительно около своихъ новыхъ учрежденій земскихъ и судебныхъ; но нельзя сказать, чтобы во второмъ триместрѣ имъ же принадлежало все наше вниманіе. Мы не жалѣемъ о томъ, если только это происходитъ отъ начинающейся въ насъ привычки, и отъ образованія полной увѣренности въ томъ, что иначе жить нельзя, что тутъ

нечего болѣе и разсуждать: быть можетъ, восторги новичковъ, зависть и подозрительность, вызванная новымъ порядкомъ, начали смѣняться солиднымъ трудомъ, когда люди начинаютъ дѣлать больше, нежели говорить. Лѣтописи нашей старой исторіи сохранили намъ память о другомъ переворотѣ, который совершился съ такою же легкостью, а именно, когда мы оставили язычество и приняли христіанство: весьма немного раздалось въ ту пору голосовъ, крикнувшихъ въ послѣдній разъ: «Выдыбай, нашъ боже»! Истуканъ опустился на дно и однимъ этимъ увлекъ за собою невозвратно весь прежній порядокъ вещей. Мы слышали этотъ же голосъ и нынѣ, въ годину послѣднихъ реформъ, но онъ также былъ рѣдокъ, и также скоро замеръ крикъ: *выдыбай!* какъ и тогда. Отходя въ сѣдую старину, наши изслѣдователи нерѣдко задумывались надъ причинами той легкости, съ которою у насъ совершился переворотъ 988 года; приводились этому факту различныя объясненія, доходили даже до мысли объ обвиненіи народа въ отсутствіи крѣпкихъ привязанностей къ старинѣ, въ историческомъ, такъ сказать, легкомысліи. Но, когда дѣло идетъ о такой древности, мы можемъ еще защищать своихъ предковъ тѣмъ, что до насъ не дошли свидѣтельства отъ противной стороны, что новый порядокъ, во имя котораго писались лѣтописи, неохотно говорилъ о встрѣченномъ сопротивленіи и, такимъ образомъ, мы утратили навсегда возможность произвести полное наблюденіе надъ фактомъ, а отсюда одностороннее освѣщеніе событія и, можетъ быть, ложный выводъ о народномъ характерѣ. Но замѣчательно то, что наша исторія повторяла и послѣ это явленіе не разъ, и прошедшее и нынѣшнее столѣтіе удивятъ позднѣйшаго изслѣдователя не менѣе, какъ мы изумляемся десятому вѣку. При Петрѣ, былъ вычеркнутъ старый порядокъ вещей, и нельзя сказать, особенно по сравненію съ исторіею другихъ странъ, чтобъ въ обществѣ того времени раздались сожалѣнія о прежнемъ государственномъ строѣ; измѣненія въ частномъ быту вызвали несравненно сильнѣйшую оппозицію, нежели политическія измѣненія. При Екатеринѣ, воеводства уступили также легко свое мѣсто губерніямъ; въ наше время, въ другихъ видахъ повторяется то же самое. Однимъ словомъ, мы совершенно неимѣемъ, такъ сказать, политическихъ древностей, привязанности къ политической старинѣ, и за-то являемся тѣмъ упорнѣе въ частной жизни и нравахъ, гдѣ старина сохраняетъ свои права иногда даже въ ущербъ успѣхамъ образованности. Указываемъ только на эту черту нашей народной исторіи, но объяснять ее можно весьма различно. Быть можетъ, у насъ политическія формы не имѣли возможности выработаться самостоятельно, и потому перемѣна въ государственномъ строѣ не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія на общество; другіе скажутъ, что старыя формы были такъ обременительны, что всякая перемѣна всегда встрѣчалась съ охотою; или, наконецъ, то же

явленіе могло происходить и отъ того, что, при какующейся перемѣнѣ во внѣшнемъ порядкѣ, сущность всегда оставалась одна и та же, и потому съ новыми формами легко уживались старыя злоупотребленія. Которое изъ этихъ предположеній справедливѣе, можетъ рѣшить одно время; но вѣрно одно, что прогрессъ въ нашей исторіи несомнѣненъ, и каждая реформа была, тѣмъ не менѣе, шагомъ впередъ. Доказательствомъ того можетъ послужить первый годъ исторіи нашихъ земскихъ учрежденій, продолженіе очерковъ котораго наши читатели встрѣтятъ ниже.

Вслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій, наша внѣшняя политика, по крайней мѣрѣ, главная ея часть, имѣетъ, можно сказать, болѣе внутренній характеръ, нежели внѣшній. Европейскій востокъ носитъ на себѣ всѣ слѣды какого-то урагана, который прошелъ надъ нимъ и перемѣшалъ и вещи и людей. Ураганъ исчезъ давно; прежніе владѣтели и до сихъ поръ бродятъ по развалинамъ, отъискивая каждый свое, но, между тѣмъ, уже успѣли явиться посторонніе и захватили все, что попало имъ подъ-руку. Длинная безконечная историческая тяжба сдѣлалась неизбѣжною. Наши преданія и племенныя связи не позволяютъ намъ оставаться въ сторонѣ отъ этой тяжбы, и вотъ, почему греко-славянскій вопросъ для насъ не можетъ имѣть того внѣшняго характера, какой могла бы имѣть наша политика, напримѣръ, въ какомъ-нибудь международномъ процессѣ Англіи съ Франціею, или Франціи съ Германіей. Но есть ли возможность опредѣлить точнѣе наши отношенія къ греко-славянскому вопросу? другими словами, на сколько этотъ вопросъ имѣетъ для насъ внутренній характеръ? Желательно прежде всего, чтобы, при рѣшеніи этого вопроса, мы не обманывали невинно ни себя, ни другихъ. Съ того времени, когда турки и нѣмцы подѣлили между собою греко-славянскій міръ, времени прошло много; тогдашняя *Русь* сдѣлалась *Россіей*. Россія, нѣтъ сомнѣнія, славянская держава, какъ напримѣръ, Пруссія, — германская держава; но и Пруссія и Россія выработали изъ себя такое конкретное, самостоятельное цѣлое, что едва ли будетъ справедливо требовать отъ нихъ отказаться отъ своей личной исторіи и вступить въ область, имѣющую одно названіе, но теряющуюся въ своихъ предѣлахъ. Мы понимаемъ логическую необходимость для каждаго видового понятія включать въ себѣ признаки понятія родового; необходимо каждому, какой бы онъ націи ни принадлежалъ, быть въ то же время *человѣкомъ;* всѣ народы, живущіе въ Европѣ, считаютъ себя *европейцами;* восточные европейцы, вмѣстѣ взятые, могутъ составлять особую группу славянъ; но нельзя остановиться ни при одномъ изъ этихъ опредѣленій и, такимъ образомъ, мы сдѣлались *русскими.* Если бы отъ насъ потребовали болѣе точнаго опредѣленія, въ чемъ же состоитъ особенность этого послѣдняго видового понятія? — мы отвѣ-

чали бы на это словами перваго изъ ораторовъ, привѣтствовавшихъ, 11-го мая, славянскихъ гостей на торжественномъ обѣдѣ въ домѣ Дворянскаго Собранія: «Вы видѣли—говорилъ онъ, между прочимъ, нашимъ гостямъ — это сочувствіе, какъ только ступили на *русскую землю,* — я разумѣю границы Царства польскаго»; взрывъ рукоплесканій, продолжавшихся нѣсколько минутъ, былъ комментаріемъ къ этимъ словамъ и доказывалъ, что самая мысль принадлежитъ не оратору, а носится надъ нами въ воздухѣ и принадлежитъ всѣмъ. Мысль весьма простая: славянскій міръ можетъ соединяться съ нами, но онъ долженъ знать (и это онъ хорошо знаетъ), что границы въ этомъ соединеніи будутъ не славянскія, а опять *русскія.* Это условіе мы должны высказывать откровенно, да еслибъ мы не были откровенны, то можно было бы справиться въ исторіи. Славянами — мы всѣ, славяне, родились, — русскими же мы сдѣлались, послѣ величайшихъ вѣковыхъ трудовъ и браней; вотъ, почему, нельзя требовать отъ насъ, чтобъ въ своей политикѣ мы были прежде славянами, а потомъ русскими. Какое же наше ближайшее отношеніе къ славянскому міру, въ чемъ состоитъ наша обязанность, практическая, безъ всякой поэзіи, безъ всякихъ мечтаній, и безъ утопій?

Въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ сѣверо-американскаго посольства, мы узнали, что не ранѣе, какъ въ прошедшемъ году, Сѣверо-американскіе Штаты приняли въ себя 40,000 чеховъ; тамъ они были встрѣчены какъ дорогіе гости, тамъ они нашли себѣ пріютъ и свободу, тамъ, дѣйствительно, произошло *духовное* единеніе людей разнаго племени. Между тѣмъ, Сѣверная Америка дальше отъ Богеміи, нежели Россія; языкъ и вѣра различны, и тѣ 40,000 не требуютъ, чтобы земля, ими населенная, сдѣлалась status in statu; она осталась американскою землею. Отчего же славяне увѣряютъ насъ въ привязанности къ намъ и не переселяются въ Россію, какъ въ Америку, — хотя Россія въ состояніи была бы подъ своимъ небомъ поселить чуть не два славянскихъ міра? Мы не хотимъ ставить славянъ въ затруднительное положеніе откровенно отвѣтить намъ на этотъ вопросъ; но мы думаемъ, что всякій нашъ успѣхъ въ гражданственности есть шагъ къ соединенію съ славянскимъ міромъ. Не всегда нужно имѣть длинныя руки, какими гордились Капетинги, собиратели французской земли, чтобы притянуть къ себѣ что-нибудь; магнитъ притягиваетъ безъ рукъ, одною силою своихъ внутреннихъ качествъ, а потому-то и мы думаемъ, что и въ славянскомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ политики, лучшимъ ея орудіемъ всегда останется хорошее и широкое развитіе внутренней жизни общества и государства.

I.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗЕМСТВА ВЪ 1866 ГОДУ.

«Новгородское земство полутора-годовымъ опытомъ, къ величайшему своему удовольствію, удостовѣрилось, что можно вести земское дѣло безъ ссоры съ администраціей: для этого слѣдуетъ обѣимъ сторонамъ только строго исполнять одно правило — дѣлать каждому свое дѣло и не вторгаться въ область распоряженій, ему не принадлежащихъ».

Заключеніе въ отчетѣ Новгород. управы г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Очеркъ второй.

Уравненіе натуральныхъ повинностей и, преимущественно, дорожной. — Попеченіе о народномъ здравіи. — Предупрежденіе скотскихъ падежей. — Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія. — Взаимное земское страхованіе. — Сельскія почты. — Прекращеніе пьянства и нищенства.

Мы обѣщали, заключая предъидущій очеркъ *), перейти далѣе, отъ обзора условій дѣятельности земства за истекшій годъ, къ разсмотрѣнію самой этой дѣятельности. Въ дѣятельности же земскихъ учрежденій мы даемъ первое мѣсто именно тому ея отдѣлу, къ которому относятся предметы, порученные ихъ заботливости самимъ «Положеніемъ», а во главѣ такихъ предметовъ справедливо будетъ поставить уравненіе натуральныхъ повинностей. Этимъ вопросомъ и начнемъ.

1) *Уравненіе натуральныхъ повинностей.* Можно сказать утвердительно, что, въ первый же годъ своего существованія, земскія учрежденія поняли необходимость обращенія тяжелыхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя и равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми платящими сословіями. Эта заслуга съ ихъ стороны огромная: ея одной достаточно, чтобы признать за земскими учрежденіями вѣрное и справедливое отношеніе къ дѣлу и принесеніе истинной пользы большинству населенія. Необходимость эта, *въ принципѣ*, сознана всѣми собраніями, но она, мало по малу, переходитъ и въ *дѣло*; большинство уѣздныхъ собраній вноситъ эту статью въ свои бюджеты, не загораживаясь отъ нея дальними соображеніями и уклончивою отсрочкою для собиранія данныхъ; на губернскихъ собраніяхъ по этому по-

*) См. выше, т. I, отд. V. стр. 6—29.

воду не происходило такой ожесточенной борьбы, которую подняла, на Псковскомъ собраніи 2-й сессіи, землевладѣльческая партія, защищавшая сомнительное право освобожденія своего отъ всякаго участія въ натуральныхъ повинностяхъ. Обращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, по бюджету Самарскаго земства за 1866 г. (за исключеніемъ Бугурусланскаго уѣзда), обошлось ему 224,292 руб., въ Пензенской губерніи (по 5 уѣздамъ) — 54,962 руб., въ Нижегородской по одному Арзамасскому уѣзду — 18,160, въ Костромской губерніи (по 7 уѣздамъ) — 42,866, и т. д.

Земство, въ различныхъ пунктахъ, обратилось къ переложенію на деньги слѣдующихъ натуральныхъ повинностей: дорожной, подводной для чиновъ земской полиціи и проходящихъ войскъ, квартирной для постоянныхъ и приходящихъ войскъ, этапной, окарауливанія арестантовъ, пикетной, содержанія сотскихъ и выборныхъ низшихъ полицейскихъ служителей въ деревняхъ, отвода пастбищъ и лагерныхъ мѣстъ. Изъ нихъ мы остановимся, преимущественно, на *дорожной* повинности, какъ важнѣйшей, тѣмъ болѣе, что мы разсмотрѣли уже въ отдѣльной статьѣ заботы земства объ устройствѣ улучшенныхъ путей сообщенія *).

Отбываніе дорожной повинности представляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей земскаго бюджета: не смотря на то, что *нигдѣ* оно не снято вполнѣ и по всей губерніи на денежную повинность, земство затрачиваетъ на этотъ предметъ по Самарской губерніи 70,726, по Пензенской 33,828 руб., по Херсонской 65,727 руб., по Новгородской 43,856 р. (сверхъ уѣздныхъ тратъ), и т. д. Въ отношеніи къ этой повинности представляются, главнымъ образомъ три вопроса, различное разрѣшеніе которыхъ въ земскихъ собраніяхъ должно остановить наше вниманіе:

a) *Способъ отбыванія дорожной повинности на мѣстахъ.* При переложеніи натуральной дорожной повинности на денежную, одни уѣздныя собранія (какъ, напр., въ Самарской, Новгородской и др. губ.) совершенно снимали ее съ крестьянскаго населенія, ассигнуя извѣстную цифру для устройства дорогъ хозяйственнымъ способомъ, или отдачею съ торговъ; другіе — прямо принимали на свою обязанность устройство и ремонтъ всѣхъ или нѣкоторыхъ сооруженій (мостовъ, гатей, трубъ и перевозовъ), оставляя на обязанности крестьянскаго населенія только исправленіе полотна дороги; третьи (большинство) — ту же обязанность принимали на себя постепенно, разсрочивая ремонтъ и устройство таковыхъ сооруженій на 4, 5, 6, 10 лѣтъ. О первой системѣ Новгородская управа въ своемъ отчетѣ выражается слѣдующимъ образомъ: «Многія уѣздныя собранія сожалѣютъ о переводѣ безусловно

*) См. выше, 1866, т. IV, отд. V, стр. 7—25.

дорожной повинности на денежную и охотно перешли бы къ смѣшанной, но этому препятствуетъ стат. 24 Врем. прав.; нѣкоторыя земскія собранія сдѣлали ошибку и безъ пользы для дѣла отяготили себя по неопытности, но изъ достойнаго похвалы побужденія—облегчить крестьянъ и привлечь къ исправленію этой повинности всѣ сословія. Смѣшанная система вполнѣ достигаетъ этой цѣли, почему Губернская управа ходатайствуетъ объ измѣненіи статьи 24 Временныхъ правилъ въ томъ смыслѣ, чтобы, по постановленію уѣзднаго земскаго собранія, дозволялось дорожную повинность съ денежной переводить на натуральную, но съ тѣмъ, чтобы *остальныя имущества*, кромѣ крестьянскихъ, были обложены въ пособіи, соотвѣтствующимъ денежнымъ сборамъ.»

По мнѣнію Новгородской управы, крестьяне не тяготятся оставленіемъ на нихъ части натуральной повинности (напримѣръ, въ видѣ исправленія полотна дороги), и безъ ущерба могутъ пожертвовать на эту работу весною и осенью по нѣсколько дней; но они тяготились въ прежнее время отдаленностью отводимаго участка, требованіемъ во время полевыхъ работъ для исправленія дороги и обязанностью устраивать то, что могутъ дѣлать только опытный плотникъ и землекопъ, а не обыкновенный крестьянинъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ виду другихъ значительныхъ, на земствѣ лежащихъ и возлагаемыхъ расходовъ, немедленное обращеніе всей натуральной повинности въ денежную можетъ затруднить земство и отнять у него средства къ выполненію другихъ, не менѣе, если не болѣе настоятельныхъ и производительныхъ расходовъ. Но, въ такомъ случаѣ, всего справедливѣе, — по принятіи на денежный сборъ всѣхъ построекъ, требующихъ значительныхъ издержекъ и техническихъ познаній, какъ-то: мостовъ, гатей и трубъ, а также содержаніе перевозовъ,—оставить полетно на натуральной повинности *всѣхъ* обывателей уѣзда, разверзставъ его по принятому масштабу и дозволивъ каждому: или исправлять свой участокъ натурою, или вносить въ управу за отбываніе повинности на своемъ участкѣ соразмѣрный денежный выкупъ. Такая *смѣшанная* система, кромѣ справедливости и уравнительности, можетъ доставить наибольшія выгоды земству. Серьёзная и значительная экономія возможна только при возведеніи цѣнныхъ, легко усчитываемыхъ и доступныхъ надзору построекъ. Въ этомъ случаѣ, многія управы уже заявили блестящимъ образомъ свою дѣятельность, сравнительно съ затратами прежнихъ производителей работъ,—напримѣръ Коммиссія, ревизовавшая по выбору Ветлугскаго земскаго собранія дѣйствія тамошней уѣздной управы, замѣтила между прочимъ, что по ремонту мостовъ чрезъ рѣки Красницу, Юрьевку, Пыщугъ, Пызмасъ, Косиху, Шистому и Пятунинскій оврагъ, ремонту до сихъ поръ ежегодно производившемуся изъ суммъ губернскаго сбора по смѣтному назначенію бывшей строи-

тельной и дорожной коммиссіи въ количествѣ до 300 руб., управа истратила всего, при содѣйствіи гласнаго г. Мошонкова и нищугскаго старшины Разуваева—56 руб. 98 коп.; что изъ отпущенной управѣ, по смѣтѣ утвержденной собраніемъ, суммы въ 4,100 р. на устройство мостовъ, верстовыхъ столбовъ и содержаніе перевозовъ, управа сберегла 1,330 руб., и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что подобные примѣры добросовѣстной бережливости составляютъ *общее правило* при производствѣ работъ земскими управами, но такая бережливость невозможна при сдачѣ участковъ полотна дороги, гдѣ невозможно заранѣе опредѣлить количество и стоимость работъ, а по исполненіи ея — повѣрить на самомъ дѣлѣ. Поэтому, съемщикъ всегда будетъ или требовать цѣну, несоразмѣрную съ дѣйствительною стоимостью работы, или часть работы оставлять безъ выполненія и получать деньги даромъ: вотъ, почему исправленіе полотна натуральною повинностью съ правомъ выкупа, при справедливомъ и удобномъ (т. е., для всѣхъ сподручномъ) разверстаніи участковъ,—всегда для земства обойдется несравненно дешевле и облегчитъ значительно самихъ крестьянъ.

b) *Способъ разверстанія тягости дорожной повинности между уѣздами.* Пути сообщенія, вообще, нельзя признать уѣздною потребностью: дороги, какъ потребность всего населенія — за исключеніемъ проселочныхъ, существующихъ для извѣстной мѣстности — суть потребность государственная или, по крайней мѣрѣ, если завѣдываніе ими передано мѣстному земству, — потребность губернская. Тяжесть лежащей на уѣздѣ дорожной повинности зависитъ отъ положенія уѣзднаго города, или протяженія уѣзда, а также отъ совпаденія почтоваго тракта съ государственными дорогами. Такъ по Новгородской губерніи на уѣздной земской повинности въ уѣздѣ Крестецкомъ не лежитъ содержаніе ни одной версты грунтовой почтовой дороги, въ Новгородскомъ около 40 верстъ, тогда какъ на Тихвинскомъ и Старорусскомъ до 150 верстъ. Причина та, что въ уѣздахъ Крестецкомъ и Новгородскомъ почтовыя дороги совпадаютъ съ шоссейными, содержимыми на государственный сборъ, и эти уѣзды, пользуясь отличными путями сообщенія, не участвуютъ въ обязательной по губерніи повинности, тогда какъ другіе два названные уѣзда, вслѣдствіе положенія своего, относительно къ другимъ уѣзднымъ городамъ, отбываютъ повинность, стоющую уѣзду 7,500 р. ежегоднаго расхода. Неравномѣрность эту сознали семь уѣздныхъ собраній въ губерніи и представили ходатайства объ отнесеніи на губернскія повинности содержанія почтовыхъ грунтовыхъ дорогъ, пролегающихъ по ихъ уѣздамъ, и только четыре уѣзда не просятъ объ этомъ, а именно: Крестецкій потому, что онъ не имѣетъ этихъ дорогъ, а Бѣлозерскій и Новгородскій уѣзды, имѣющіе всего до 50 верстъ почтоваго тракта, а также Кирилловскій,

ходатайствуютъ только о томъ, чтобы всѣ мосты и перевозы на почтовыхъ трактахъ были перенесены въ губернскія повинности.

Такимъ образомъ, вопросъ о разверстаніи тяжести дорожной повинности представляетъ обширное поле для уѣзднаго антагонизма, и справедливое его разрѣшеніе, дѣйствительно, заключаетъ много затрудненій. На съѣздѣ представителей и членовъ Рязанскихъ Земскихъ управъ, предсѣдатель губернской управы, кн. Волконскій высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Всѣ дорожныя сооруженія, по устроенію и содержанію ихъ, должны быть поуѣздно отнесены къ числу уѣздныхъ повинностей; участіе же губернскихъ учрежденій должно ограничиваться лишь изысканіемъ средствъ къ уравненію въ сихъ тягостяхъ уѣздовъ. Для достиженія этого, самымъ удобнымъ представляется слѣдующій способъ: всѣмъ сооруженіямъ, какъ равно и ремонту на нихъ, произвести оцѣнку поуѣздно; затѣмъ, тотъ уѣздъ, въ которомъ окажется наименьшая оцѣнка, принять за общую норму, т. е. постановить, что эту именно сумму каждый уѣздъ долженъ покрывать собственнымъ уѣзднымъ сборомъ; весь же излишекъ противъ этой суммы, который образуется въ уѣздахъ, наиболѣе обремененныхъ дорожными сооруженіями, отнести на общій губернскій сборъ, раздѣливъ его между уѣздами, по мѣрѣ ихъ потребностей.» Собраніе одобрило это мнѣніе, но призвало примѣненіе его невозможнымъ въ настоящее время. Дѣйствительно, предложенный кн. Волконскимъ способъ есть самый справедливый, но приложеніе его требуетъ, чтобы или всѣ дороги были вполнѣ переведены на денежную повинность, — что̀ едва ли осуществимо въ скоромъ времени, или, чтобы при оцѣнкѣ всякого рода сооруженій и работъ для всѣхъ уѣздовъ, найденъ былъ равномѣрный масштабъ, что̀ чрезвычайно затруднительно. Оттого земскія собранія до сихъ поръ прибѣгали къ различнымъ условнымъ комбинаціямъ или системамъ для распредѣленія тяжести дорожной повинности между уѣздами.

Системы *централизаціи дорожной повинности* въ отношеніи ко всѣмъ пролегающимъ въ губерніи почтовымъ дорогамъ держатся Пензенское, Херсонское, Воронежское, Тульское и Саратовское собранія. Пензенское собраніе, вслѣдствіе ходатайства нѣкоторыхъ уѣздныхъ управъ[1]), постановило: *всѣ почтовыя дороги признать губернскими путями сообщенія.* Сообразно съ этимъ, сумму, необходимую на содержаніе всѣхъ мостовъ, гатей и трубъ на этихъ дорогахъ, внести какъ губернскую денежную повинность въ смѣту губернскихъ земскихъ сборовъ на 1867 годъ, а по натуральной повинности оставить содержаніе самаго полотна дороги, но съ тѣмъ, чтобы уѣзды болѣе обремененные этою повинностью были соразмѣрно облегчены въ денежномъ сборѣ. Съ

[1]) О томъ же ходатайствуютъ уѣздныя собранія Новгородской губерніи.

этою цѣлію, собраніе поручило управѣ составить подробное техническое описаніе всѣхъ дорожныхъ сооруженій и требующихъ исправленія полотна мѣстъ по почтовымъ трактамъ въ губерніи и, по возможности, приблизительную стоимость предполагаемыхъ сооруженій; для этого, управѣ предоставлено пригласить техника на сумму, заимствованную изъ остатковъ земскаго сбора. Возможность такого постановленія для пензенскаго собранія объусловливалась тѣмъ, что уѣздныя собранія Саранское, Краснослободское, Инсарское, Нижне-Ломовское и Наровчагское опредѣлили: исправленіе мостовъ, трубъ и гатей на почтовыхъ трактахъ отнести на денежный сборъ, Пензенское только мосты и трубы, а Моршанское назначило извѣстную сумму въ замѣнъ поставки матеріяловъ частными землевладѣльцами на исправленіе дорожныхъ сооруженій. Такимъ образомъ, въ Пензенской губерніи дорожная натуральная повинность сохранилась лишь въ 3 уѣздахъ (Керенскомъ, Чембарскомъ и Городищенскомъ, да и то послѣдній призналъ нужнымъ перевести ее, съ 1867 года, на денежную); слѣд., Пензенское губернское собраніе, переводя устройство всѣхъ, вообще, дорожныхъ сооруженій, исправляемыхъ натурою, на денежный сборъ, имѣло въ виду, согласно ст. 62 пун. 1, Пол. Зем. Учр. заявленное о томъ желаніе большинства уѣздныхъ собраній. Преимущество своей системы — Пензенское собраніе, въ докладѣ коммиссіи, доказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Раскладка этой повинности между уѣздами будетъ уравнительнѣе, всѣ подряды на производство работъ по содержанію дорогъ успѣшнѣе могутъ быть произведены въ губернскомъ городѣ, и всѣ хозяйственныя распоряженія получатъ единство, необходимое для содержанія въ исправномъ состояніи главной сѣти путей сообщенія въ губерніи; въ случаѣ непредвидимыхъ исправленій, отъ внезапнаго поврежденія сооруженій или дороги, сосредоточеніе средствъ, употребляемыхъ нынѣ въ каждомъ уѣздѣ особо, доставитъ возможность исправить поврежденіе и обезпечить проѣздъ по почтовому тракту, чтó не всегда можетъ быть исполнено средствами одного уѣзда; наконецъ, одинъ техникъ можетъ завѣдывать всѣми работами, производимыми по линіи главныхъ дорогъ въ губерніи, для чего могутъ быть заранѣе установлены сроки для начала и окончанія работъ по различнымъ направленіямъ этихъ путей сообщенія».

Херсонское собраніе постановило: «Всѣ нынѣ существующія почтовыя дороги, вмѣстѣ съ сооруженіями на нихъ, теперь же признать губернскими; отнесеніе же того или другого пути къ уѣзднымъ предоставить вполнѣ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, съ тѣмъ, чтобы они, вмѣстѣ съ соображеніями по этому предмету, представили свое заключеніе о тѣхъ непочтовыхъ торговыхъ путяхъ сообщенія, которые, какъ служащіе непосредственно интересамъ всей губерніи, а не одного уѣзда, могутъ быть, по справедливости отнесены, къ губерн-

скимъ». Такъ какъ еще въ первую сессію, херсонское собраніе въ инструкціи управѣ приняло за правило: «Выполненіе на мѣстахъ потребностей губернскихъ (составленіе кондицій, производство торговъ, заключеніе договоровъ, наблюденіе за работами, пріемъ матеріяловъ и разсчеты съ подрядчиками) производить чрезъ уѣздныя управы»,—то отношеніе уѣздныхъ управъ къ губернской по дорожной повинности опредѣлено собраніемъ слѣдующимъ образомъ: «Предоставить уѣзднымъ управамъ на счетъ губерніи приглашать техниковъ для составленія смѣтъ по постройкамъ, отнесеннымъ къ губернскимъ потребностямъ; губернской же управѣ, для повѣрки построекъ не приглашать техниковъ, а имѣть контроль, въ этихъ случаяхъ, чрезъ своихъ членовъ, только въ хозяйственномъ отношеніи». Такимъ образомъ, здѣсь система централизаціи уже уступаетъ самое производство работъ мѣстному завѣдыванію и оставляетъ за собою только *право наблюденія.* Такимъ образомъ, этотъ способъ на дѣлѣ есть самый практическій, ибо расходы на исправленіе дорогъ въ губерніи распредѣляются совершенно равномѣрно между уѣздами, а невыгоды централизаціи и распоряженія сверху и издалека уничтожаются самостоятельнымъ хозяйствомъ всего ближе въ своемъ дѣлѣ заинтересованныхъ уѣздныхъ управъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ подобной системѣ рано или поздно обратятся всѣ собранія, но она предполагаетъ предварительно *обращеніе дорожныхъ сооруженій на денежный сборъ во всѣхъ уѣздахъ.*

Совершенно противоположной системы *полной централизаціи* въ отношеніи къ дорожной повинности придерживается Костромское собраніе, которое перенесло въ уѣздныя смѣты всѣ расходы по дорожнымъ сооруженіямъ, даже и производившіеся прежде на губернскій счетъ, и отвергло 13,000 руб., ассигнованныхъ управою на вспомоществованіе болѣе отягченнымъ уѣздамъ, на томъ основаніи, что свѣдѣнія, представленныя управою и доставленныя отъ уѣздовъ, недостаточны для распредѣленія этого пособія, а на дѣлѣ большинство уѣздныхъ собраній включило уже въ уѣздныя смѣты расходъ на мосты и перевозы, содержавшіеся доселѣ на губернскій счетъ. Впрочемъ, на такой порядокъ нельзя смотрѣть какъ на постоянный, ибо, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ его нераздѣляетъ и само собраніе. Въ первую сессію, при раздѣленіи путей сообщенія на губернскіе и уѣздные, оно заключило: «Въ настоящее время всѣ дороги, которыя по росписанію отправляются уѣздною повинностью, въ дѣйствительности суть уѣздныя». По поводу раздѣленія путей сообщенія на губернскіе и уѣздные, собраніе полагаетъ: «Что по мѣстнымъ условіямъ губерніи, не существуетъ ни одной дороги, которая могла бы быть, преимущественно предъ другою, признана губернскою, слѣдовательно, необходимо *или признать всѣ почтовыя и торговыя дороги губернскими, или оставить ихъ всѣ на уѣздахъ*, съ *тѣмъ*, *однако*, *условіемъ*, *чтобы*

уѣзды, излишне обремененные противъ прочихъ этою повинностью, могли получать помощь съ цѣлой губерніи».

с) Третья система составляетъ средину между этими двумя крайними и стремится къ правильному уравненію дорожной повинности между отдѣльными мѣстностями, исходя изъ того начала, что пути сообщенія имѣютъ сложное значеніе: мѣстное и общее, губернское. Практически, эта система сводится къ тому, чтобы уѣздамъ, болѣе обремененнымъ дорожною повинностью, оказать вспомоществованіе на счетъ губернскаго сбора, но опредѣлить необходимость и размѣръ этого вспомоществованія не на основаніи прежнихъ произвольныхъ соображеній, но примѣняясь къ дѣйствительной потребности каждаго уѣзда [1]). Очевидно, что достиженіе этой цѣли зависитъ, главнымъ образомъ, отъ совершенства приготовительныхъ работъ по приведенію въ извѣстность настоящаго состоянія путей сообщенія и сравнительной стоимости исправленія ихъ въ каждомъ уѣздѣ.

Въ смыслѣ этихъ приготовительныхъ работъ особенною дѣятельностью выдѣлилась Новгородская губернская управа, заслужившая, вообще, по своимъ трудамъ такое справедливое и общее уваженіе. Съ этою цѣлью, управа еще въ первый годъ составила, чрезъ своихъ членовъ, съ помощью техника, описаніе всѣхъ сооруженій, которыя до сихъ поръ лежали на общемъ губернскомъ счету, равно и тѣхъ, о перенесеніи которыхъ на губернскій сборъ предполагаютъ ходатайствовать сами уѣздныя собранія. Коммиссія, разсматривавшая это описаніе по порученію собранія, отозвалась о нёмъ съ особенною похвалою.

Но, несмотря на такую подготовку, собраніе не нашло возможнымъ теперь же признать всѣ почтовыя дороги губернскими, особенно въ виду затрудненій, представляющихся какъ по содержанію ихъ и соединенному съ нимъ контролированію потребныхъ для сего расходовъ, такъ и по переложенію повинности этой съ натуральной въ денежную. Но, дабы приготовить матеріялы къ рѣшенію этого вопроса, оно постановило: «Просить губернскую управу, пригласивъ къ содѣйствію всѣ уѣздныя управы, сдѣлать подробное описаніе всѣхъ почтовыхъ и главнѣйшихъ обывательскихъ дорогъ губерніи и вывести заключеніе свое объ относительной обременительности дорожною повинностью однихъ уѣздовъ сравнительно съ другими, а также и о способѣ возможнаго уравненія этой повинности, и заключеніе это внести на разсмотрѣніе будущаго собранія». Такимъ образомъ, вопросъ о распредѣленіи тягостей дорожной повинности между уѣздами вездѣ только поставленъ, нигдѣ онъ не получилъ еще правильнаго, вполнѣ удовлетво-

---

[1]) Нижегородское собраніе прямо опредѣлило включить въ смѣту губернскихъ повинностей по дорожнымъ сооруженіямъ *половину* отпускавшейся по прежнимъ смѣтамъ ассигновки.

рительнаго и даже просто окончательнаго рѣшенія. Большинство собраній (Ярославское, Черниговское, Полтавское, Казанское, Орловское и Самарское) ограничились пока status quo: они внесли въ губернскую смѣту сумму на сооруженіе и ремонтъ тѣхъ только сооруженій, которыя и прежде содержались на губернскій счетъ. Другія (какъ, напримѣръ, Харьковское собраніе) постановило: «Отнести къ губернскимъ денежнымъ повинностямъ ремонтъ мостовъ *и значительныхъ* гатей на почтовыхъ и торговыхъ дорогахъ, устройство вновь мостовъ и значительныхъ гатей на тѣхъ же дорогахъ и содержаніе на нихъ паромныхъ переправъ.» Но такое постановленіе рѣшаетъ вопросъ только весьма общимъ способомъ; вслѣдъ затѣмъ является множество практическихъ затрудненій, въ которыхъ и состоитъ вся сущность дѣла. Чтó такое эти значительныя сооруженія, какъ ихъ опредѣлить: цѣнностью? но въ такомъ случаѣ какъ найти масштабъ измѣренія этой цѣнности, равномѣрной для всѣхъ уѣздовъ, и т. д.

Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что, вообще, приведеніе въ окончательную исправность путей сообщенія болѣе всего будетъ содѣйствовать обѣщанная правительствомъ передача почтовыхъ станцій въ завѣдываніе земства, о чемъ продолжаютъ ходатайствовать многія губернскія собранія (Саратовское и др.). Распоряженіе станціями со стороны земства даетъ средства: 1) соблюсти значительную экономію, какъ въ содержаніи почтовыхъ станцій, такъ и въ соединеніи почтовой гоньбы съ отбываніемъ по найму подводной повинности, причемъ вся эта экономія можетъ быть обращена на улучшеніе путей сообщенія; 2) придать главнымъ путямъ сообщенія въ губерніи то естественное направленіе, которое вызывается экономическими и торговыми потребностями населенія. Паровое перемѣщеніе совершенно измѣнило взаимное тяготѣніе различныхъ мѣстностей и проложенные между ними пути: сѣть старыхъ почтовыхъ дорогъ, имѣвшихъ преимущественно административное значеніе, вовсе не удовлетворяетъ нуждамъ населенія. Образованіе въ губерніи новой сѣти почтовыхъ сообщеній,—приводящей всѣ мѣстности губерніи въ ближайшее соприкосновеніе съ сосѣдними пунктами желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, — какъ о томъ уже было высказано во многихъ собраніяхъ, — можетъ быть удобно исполнено только при предоставленіи земству извѣстной свободы въ распоряженіи станціями. Между тѣмъ, это нововведеніе, въ свою очередь, будетъ сопровождаться также или значительною экономіею расходовъ на содержаніе станціи и устройство главныхъ путей сообщеній, или несравненно живѣйшимъ обмѣномъ промышленныхъ и торговыхъ сношеній въ губерніи, чтó также должно составлять одну изъ главнѣйшихъ работъ и выгодъ земскаго хозяйства.

Къ числу натуральныхъ повинностей относится, собственно, и *рекрутская*, хотя она въ Сводѣ Законовъ отдѣлена отъ другихъ повин-

ностей и, по Положенію, вовсе не касается земскихъ учрежденій. Рѣчь о ней возбуждена была въ одномъ Тверскомъ губернскомъ собраніи.

Новоторжское уѣздное собраніе, по предложенію гл. Гололобова, постановило: какъ рекрутская повинность, личная и денежная, лежитъ на одномъ крестьянскомъ сословіи, то предложить сословіямъ, вовсе изъятымъ отъ этой повинности, принять на себя соединенные съ нею денежные расходы. Это заключеніе Новоторжскаго собранія предложилъ на обсужденіе Тверскаго губернскаго—гл. Бакунинъ. Предсѣдатель возразилъ, что вопросъ этотъ есть сословный и потому не можетъ быть возбуждаемъ въ собраніи; а на слова гласнаго Бакунина, что по этому поводу можетъ быть только ходатайство, на которое земство имѣетъ право, — предсѣдатель отвѣчалъ, что ходатайство по подобнымъ вопросамъ должно идти отъ сословій, а не отъ земства. Тогда гл. Бакунинъ предложилъ передать возбужденный имъ вопросъ на обсужденіе дворянскаго собранія, чрезъ присутствующихъ на земскомъ предводителей дворянства; но послѣдніе заявили, что земство не можетъ касаться этого вопроса, какъ сословнаго, и потому они не могутъ согласиться на обсужденіе его, предоставляя лицамъ, возбудившимъ вопросъ, передать его непосредственно въ сословныя собранія. На сколько намъ извѣстно, вопросъ этотъ поднимался на открывшемся, вслѣдъ за тѣмъ, Тверскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, но большинствомъ былъ отстраненъ.

2) *Народное здравіе.* По части народнаго здравія, принимая въ соображеніе недавнее хозяйство земскихъ учрежденій и совершенное отсутствіе, въ этомъ случаѣ, какихъ-либо мѣръ въ послѣднее время, земство сдѣлало очень много. По всѣмъ губерніямъ назначены поуѣздно довольно значительныя суммы на устройство земскихъ больницъ въ городахъ, наемъ медиковъ, устройство фельдшерскихъ пунктовъ, введеніе оспопрививанія, наемъ повивальныхъ бабокъ или повитухъ для крестьянъ, и т. д. Такъ, въ Самарской губерніи, по смѣтѣ на 1866 г., назначено было на этотъ предметъ 74,316 р., по Пензенской 8,091 (въ уѣздахъ Чембарскомъ, Керенскомъ и Мокшанскомъ), въ Нижегородской 4,184 (въ уѣздахъ Княгининскомъ, Горбатовскомъ и Ардатовскомъ), въ Костромской 24,970 (кромѣ Макарьевскаго и Кинешемскаго). Вызовы медиковъ и фельдшеровъ со стороны земства повторяются почти ежедневно въ газетахъ; но, къ сожалѣнію, они часто остаются безъ отвѣта, за недостаткомъ желающихъ, не смотря на хорошее обезпеченіе, предлагаемое земствомъ своимъ врачамъ (по 1,000 р. и болѣе). Недавно еще Ростовская управа заявила, что московская фельдшерская школа не нашла возможнымъ удовлетворить просьбу ея о присылкѣ 2 фельдшеровъ, по недостатку воспитанниковъ, и обѣщала исполнить это на будущій годъ. Судить, какую дѣйствительную пользу принесли эти заботы земства и на сколько настоящій способъ устрой-

ства медицинской части въ селеніяхъ, посредствомъ земскихъ врачей и фельдшеровъ, удовлетворяетъ насущнымъ требованіямъ населенія,— едва ли возможно въ настоящее время, ибо мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одного печатнаго медицинскаго отчета, ни со стороны земскихъ управъ, ни со стороны земскихъ врачей; но мы можемъ указать, по этому вопросу, на земскія учрежденія двухъ губерній: Казанской и Новгородской. Казанское губернское собраніе утвердило докладъ проф. Якоби, въ которомъ съ полною основательностью опредѣлены теоретическія научныя требованія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ устройства медицинской части, какъ въ цѣлой губерніи, такъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ; Новгородская губернская управа, въ своемъ отчетѣ г. министру внутреннихъ дѣлъ, первая сообщила краткій отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ по охраненію народнаго здравія въ теченіе $1^1/_2$ года. Такое сопоставленіе требованій людей науки съ практическими выводами земскихъ дѣятелей, снискавшихъ общее уваженіе добросовѣстностью и дѣльностью своей земской службы, лучше всего укажетъ, на-сколько могутъ быть удовлетворены, при настоящихъ средствахъ, разумныя желанія и честная заботливость объ участи бо̀льшинства нашего населенія, такъ безвременно погибающаго отъ совершеннаго отсутствія медицинской помощи, не только въ селеніяхъ, но и въ отдаленныхъ городахъ.

Коммесія, занимавшаяся по порученію Казанскаго губернскаго собранія разработкою доклада объ устройствѣ медицинской части въ губерніи [1]), признала необходимость совмѣстнаго осуществленія слѣдующихъ мѣръ:

а) *Составленія полнаго описанія Казанской губерніи въ отношеніи народнаго здравія*, на томъ основаніи, что, безъ статистическихъ данныхъ и мѣстнаго изслѣдованія, нѣтъ правильнаго понятія о дѣлѣ, а безъ спеціальнаго знанія невозможно рѣшеніе спеціальныхъ вопросовъ. Коммиссія набросала полную программу составленія подобныхъ описаній; но, по трудности задачи, она сама признала нужнымъ ограничиться, на первый годъ, только тѣми вопросами, которые особенно важны, и тѣми, которые легче исполнимы, лишь бы работы давали *полные отвѣты* на поставленные вопросы.

б) *Устройство при губернской управѣ постояннаго губернскаго, а при уѣздной—постоянныхъ уѣздныхъ земскихъ совѣтовъ уѣзднаго здравія.* Въ эти совѣты приглашаются, кромѣ членовъ управы,—члены существующихъ уже губернскаго и уѣдзныхъ комитетовъ народнаго здравія, земскіе врачи и ветеринары, другіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, сельскіе хозяева и нѣкоторые изъ особенно уважаемыхъ гражданъ города. Уѣздные земскіе совѣты состоятъ не болѣе

[1]) Гласные проф. Якоби, проф. Бутлеровъ, Крамеръ, Филипсонъ и Еремѣевъ.

какъ изъ 10-ти лицъ, въ томъ числѣ предсѣдателя и секретаря по выбору членовъ совѣта; губернскій земскій совѣтъ—изъ 20 лицъ, въ томъ числѣ предсѣдателя и секретаря, по выбору членовъ совѣта. Уѣздные земскіе совѣты собираются одинъ разъ въ мѣсяцъ въ помѣщеніи соотвѣтствующихъ земскихъ управъ и, кромѣ того, по ихъ приглашенію, по мѣрѣ надобности. Предметы занятій уѣздныхъ совѣтовъ суть: 1) Собраніе, вообще, медицинско-статистическихъ свѣдѣній, по составленной заранѣе программѣ, а равно тѣхъ, которыя уѣздная управа найдетъ нужными. 2) Сравнительное изученіе цѣнъ на главные жизненные припасы и о количествѣ заработной платы, а также заботы объ улучшеніи благосостоянія рабочаго класса и мѣрахъ благотворительности. 3) Устройство правильной врачебной помощи сельскому населенію и бѣднымъ городскимъ жителямъ. 4) Заботы о распространеніи и улучшеніи оспопрививанія; о мѣрахъ противъ мѣстныхъ постоянныхъ и временныхъ повальныхъ болѣзней человѣка и домашняго скота. 5) Осмотръ каждые четыре мѣсяца заведеній земства. 6) Совѣтъ служитъ техническимъ совѣтомъ уѣздной управѣ при проектахъ, или исполненіяхъ новыхъ построекъ и заведеній, каналовъ, рынковъ и, вообще, во всѣхъ случаяхъ, когда того пожелаетъ управа. 7) Составленіе годовыхъ отчетовъ о состояніи всего уѣзда и представленіе ихъ чрезъ уѣздную управу, въ уѣздныя земскія собранія. Предметы занятій губернскаго земскаго совѣта народнаго здравія суть: 1) руководить уѣздные совѣты въ исполненіи ихъ обязанностей, когда они того пожелаютъ; 2) заниматься производствомъ работъ по вопросамъ народнаго здравія, касающимся всей губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ; 3) пересмотръ каталога лекарствъ и его дополненіе, сокращеніе или измѣненіе, смотря по требованіямъ науки или необходимости; 4) составленіе изъ работъ и отчетовъ уѣздныхъ совѣтовъ общихъ отчетовъ по губерніи, и представленіе ихъ чрезъ губернскую управу въ губернское земское собраніе; 5) губернскій совѣтъ служитъ техническимъ совѣтомъ губернской управѣ.

Но вотъ, что на это могутъ отвѣтить практическія наблюденія и труды Новгородской земской управы:

Новгородское земство—говоритъ управа въ своемъ отчетѣ—широко поняло свои обязанности подавать помощь страждущему человѣчеству, уѣздныя собранія ассигновали на этотъ предметъ отъ 1,500 до 3,000 р. на уѣздъ,—для увеличенія числа медиковъ, улучшенія уѣздныхъ больницъ и водворенія почти въ каждой волости опытнаго оспопрививателя; губернское собраніе ассигновало до 30,000 р. на предупредительныя мѣры противъ холеры, 2,000 р. на леченіе возвратной горячки и 2,000 р. на мѣры противъ сибирской язвы. Наблюденія земскихъ управъ, вообще, по оказанію народу медицинскаго пособія, дали слѣдующіе выводы: Новгородская губернія, по предмету народнаго

здравія, находится въ самомъ невыгодномъ положеніи: по ней проходятъ 3 водяныя системы и слишкомъ на 200 верстъ ее разрѣзаетъ николаевская желѣзная дорога. По этимъ путямъ ежегодно, начиная съ февраля, проѣзжаетъ въ Петербургъ до 150,000 человѣкъ рабочихъ, отправляющихся на лѣто для заработокъ, а потомъ, въ октябрѣ, возвращающихся домой. Вообще, рабочіе, отправлясь на работы, получаютъ задатки, изъ которыхъ уплачиваютъ подати и оставляютъ себѣ денегъ только на дорогу. Въ продолженіе лѣта, заболѣвшіе поступаютъ въ больницу, большею частью не заработавъ своего задатка, слѣдовательно, денегъ не имѣютъ, и, по выздоровленіи, часть ихъ, не находя работы или не имѣя силъ ее производить, отправляются домой. Петербургскія больницы, переполненныя больными, не имѣютъ возможности оставлять въ нихъ больныхъ до совершеннаго укрѣпленія въ силахъ, вслѣдствіе чего эти рабочіе безъ денегъ и неимѣющіе возможности во время пути покупать теплую питательную пищу, а часто безъ теплой одежды, дорогой вновь заболѣваютъ и они-то служатъ главной причиной, что разносятся по селеніямъ повальныя болѣзни и существуетъ между рабочими такая смертность. Такіе больные, попавъ въ городскую больницу или домой, находятся въ такомъ положеніи, что всякая медицинская помощь дѣлается безполезною, а въ селеніи, часто въ цѣлой волости, развивается повальная болѣзнь. Положеніе рабочихъ, заболѣвшихъ на судахъ не лучше: судохозяева заболѣвшаго серьёзно рабочаго, изъ опасенія слѣдствія въ случаѣ смерти и остановки судна, высаживаютъ на берегъ, часто далеко отъ селенія. Новгородская управа, для прекращенія подобнаго печальнаго порядка вещей, считаетъ необходимымъ, въ пунктахъ, гдѣ скопляется большое число рабочаго народа, устроить пріемные покои, состоящіе изъ простыхъ крестьянскихъ избъ, съ самою простою обстановкою и несложными лекарствами. Пріюты эти, куда принимаются безплатно даже безпаспортные, должны дѣйствовать съ марта по октябрь, и на нѣсколько такихъ пріютовъ долженъ быть одинъ докторъ.

Такимъ образомъ, больные вездѣ будутъ получать медицинское пособіе, Петербургъ освободится отъ такихъ больныхъ, которые захворали дорогой и сейчасъ же, по приходѣ, поступаютъ въ больницы; леченіе ихъ будетъ производиться не въ самомъ дорогомъ пунктѣ государства, а въ деревнѣ, гдѣ содержаніе и леченіе будетъ стоить несравненно дешевле, и, наконецъ, заболѣвшіе при возвращеніи поступятъ въ эти пріюты и избавятъ уѣзды отъ зараженія. За устройствомъ подобныхъ пріютовъ, городскія больницы будутъ служить только для городского населенія, которое должно принять на свой счетъ ихъ содержаніе съ пособіемъ отъ земства на тотъ предметъ, чтобы больные изъ пріютовъ, требующіе особаго леченія или операціи, помѣщались въ городскихъ больницахъ.

Для устройства подобныхъ пріютовъ, расходы, по мнѣнію Новгородской управы, должны разлагаться на всѣ имущества государства, согласно ихъ доходности, по распоряженію и по раскладкѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и вносятся ежегодно въ земскія смѣты. Губернская Новгородская управа пришла, съ своей стороны, къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что у насъ недостаточно медиковъ и другихъ медицинскихъ чиновъ до такой степени, что во многихъ уѣздныхъ городахъ не заняты вакансіи уѣздныхъ и городскихъ врачей, по неимѣнію желающихъ занять эти вакансіи; 2) содержаніе медицинскихъ чиновъ крайне скудно, вслѣдствіе чего молодые люди избѣгаютъ этой спеціальности, какъ видно изъ уменьшенія числа слушателей въ медицинскихъ факультетахъ и въ академіи; 3) увеличить скоро число медицинскихъ чиновъ нѣтъ возможности: для этого нужно время, слѣдовательно, остается теперь пока единственное средство — правильно распредѣлить настоящій медицинскій составъ, улучшить содержаніе медиковъ и тѣмъ увеличить ихъ дѣятельность. Между тѣмъ, въ настоящее время всѣ медицинскіе чины раздѣлены по вѣдомствамъ, каждое дѣлаетъ отдѣльныя распоряженія, и оказывается, что по одному вѣдомству есть много свободныхъ медиковъ, фельдшеровъ, заготовлены медикаменты и припасы, тогда какъ другое вѣдомство, въ томъ же городѣ, крайне во всемъ нуждается и, за неимѣніемъ медиковъ, больные остаются безъ пособія, а за медикаментами посылаютъ нарочныхъ на дальнія разстоянія, и тѣмъ непроизводительно тратится много денегъ.

Раздѣлить даже по губерніямъ оказаніе народу медицинскаго пособія—въ настоящее время нѣтъ возможности. Войска, значительныя общественныя работы и центры, гдѣ скопляется много народа, распредѣляются непропорціонально населенію собственно губерніи. Нѣкоторыя изъ нихъ должны будутъ принять на себя такіе расходы, которыхъ онѣ не въ состояніи вынести, и не будетъ оказано медицинскаго пособія тамъ, гдѣ оно болѣе необходимо.

По этимъ соображеніямъ, губернская управа положительно убѣждена, что необходимо управленіе всѣми больницами, госпиталями, лазаретами и пріютами сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а хозяйственную часть поручить земству; впослѣдствіи, при устройствѣ земства, эта часть можетъ быть раздѣлена по губерніямъ.

Такимъ образомъ, добросовѣстная практическая дѣятельность привела земство новгородское къ сознанію собственнаго безсилія устроить дѣло народнаго врачеванія средствами одной губерніи. Въ этомъ результатѣ есть своя доля правды, какъ во всякой попыткѣ разъединенныхъ земствъ найти общій для себя центръ, неизбѣжно вызываемый совмѣстною дѣятельностью радіусовъ, къ нему стягивающихся, но на самомъ дѣлѣ его не отыскивающихъ. Но совершенное устраненіе земства отъ надзора за врачебною частью, ограничивая его рѣчью чисто-

хозяйственнаго распорядителя, т. е., другими словами — поставщика припасовъ и сборщика суммъ на расходы, далеко не можетъ обратиться въ идеалъ земскихъ заявленій. Въ этомъ-то смыслѣ и имѣетъ огромное значеніе казанскій докладъ, какъ теоретическо-научное заявленіе необходимости врачебной децентрализаціи, возможной только при содѣйствіи земства. Умѣть воспользоваться наличными медицинскими средствами съ тѣмъ усердіемъ и добросовѣстностью, какъ это сдѣлала Новгородская управа, и направить ихъ такъ сознательно-полезно, при общемъ сочувствіи общественныхъ силъ—какъ предлагаетъ Казанская коммиссія — представляется ближайшею задачею земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго врачеванія.

Дѣятельность земства по этой части не ограничилась нравственными результатами. Земство тѣмъ уже оказало важную услугу странѣ, что оно повсемѣстно встрѣтило прошлогоднюю гостью, съ болѣе энергическимъ отпоромъ, нежели въ первое время администраціи. Въ свое время печатались въ газетахъ предупредительныя мѣры противъ холеры, принятыя Казанскимъ губернскимъ собраніемъ и выработанныя тою же коммиссіею, которой принадлежитъ приведенный нами докладъ: эти мѣры не остались безъ вліянія на другія мѣстности и во многомъ послужили примѣромъ для санитарнаго комитета, учрежденнаго при с.-петербургской градской думѣ. Въ Новгородѣ, впродолженіе прошлаго лѣта было открыто по губерніи 13 санитарныхъ округовъ, изъ нихъ 1 округъ дѣйствовалъ до начала прошлой зимы; на нихъ ассигновано было изъ губернскаго запасного капитала 4,233 р. Г. начальникъ губерніи—говоритъ въ своемъ отчетѣ управа—можетъ засвидѣтельствовать, что при требованіи имъ содѣйствія по этому предмету, земскія управы доставляли денежныя средства и личный трудъ своихъ членовъ.

3) *Предупрежденіе скотскихъ падежей.* Оно тѣсно связано съ вопросомъ о народномъ здравіи, ибо, для большинства нашего населенія, скотъ составляетъ самый существенный и, можно сказать, единственный источникъ существованія. Должно отдать справедливость земскимъ учрежденіямъ, что они на первыхъ же порахъ приступили къ изслѣдованію причинъ такъ опустошительно и постоянно свирѣпствующей у насъ заразы. Причиняемый ею вредъ достигаетъ ежегодно самыхъ громадныхъ размѣровъ. Въ запискѣ секретаря Южно-русскаго общества сельскаго хозяйства, г. Палимпсестова, внесенной въ Херсонское земское собраніе, между прочимъ, изложено: «Чума и нѣкоторыя другія повальныя болѣзни, поражающія нашъ рогатый скотъ, могутъ считаться въ числѣ первыхъ причинъ, ставящихъ южно-русское хозяйство на шаткомъ основаніи и ежегодно уменьшающихъ массу народнаго богатства на сотни тысячъ рублей, а иной годъ на цѣлые милліоны. По показанію доктора Тиле, Россія отъ одной чумы теряетъ ежегодно до 10 милліоновъ рублей, полагая по 10 рублей за голову. На югѣ Россіи,

нерѣдко изъ 350 или 400 головъ послѣ чумы остается 5—10—15. Въ Харьковской губерніи, съ 1 января по 1 октября 1865 г., одни государственные крестьяне понесли убытку отъ скотскихъ падежей на 60,000 р. сер. Главными причинами у насъ эпизоотіи, по наблюденіямъ земскихъ учрежденій, представляются слѣдующія:

а) *Изнуреніе рабочаго скота работою, при дурномъ содержаніи и уходѣ.* Вслѣдствіе того, зараза появляется, главнымъ образомъ, на водяныхъ путяхъ, гдѣ средствомъ движенія судовъ остались лошади и на югѣ Россіи, гдѣ клади перевозятся на волахъ (чумаки). Такъ, по свѣдѣніямъ управы, въ Новгородской губерніи, въ теченіе 12-ти лѣтъ, погибло 41,305 головъ лошадей и рогатаго скота, въ томъ числѣ 24,684 шт. въ одномъ 1864 году. Падежи свирѣпствуютъ, въ особенности, около скотопригонной дороги въ Петербургъ и около бичевниковъ водяныхъ системъ. Въ первомъ случаѣ, болѣзнь развивается во время лѣтнихъ жаровъ отъ изнуренія скота, при недостаткѣ корма, а во второмъ — отъ скопленія и усиленной работы лошадей при поднятіи грузовъ противъ теченія, а также отъ недостатка корма.

Въ Ярославской губерніи замѣчено тоже, что «одна изъ важнѣйшихъ причинъ развитія сибирской язвы есть излишнее обремененіе лошадей грузомъ, на водяныхъ путяхъ, и что зараза появляется первоначально на водяныхъ путяхъ въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ (В. Н. Хомутовъ). Въ Херсонской губерніи коммиссія при губернскомъ собраніи признала первоначальною причиною развитія заразы не прогонъ гуртовъ, а изнуреніе скота работою во время извочекъ. Гласный Волохинъ такъ описываетъ положеніе чумаковъ во время пути: «Надо видѣть, какое бѣдствіе претерпѣваютъ ихъ волы по крымской дорогѣ: въ лѣтнее время всѣ пастбищныя мѣста покрыты пылью, которую скотъ по необходимости долженъ ѣсть; рѣдкіе водопои, возлѣ которыхъ толпятся сотни паръ воловъ и пьютъ воду, смѣшанную съ грязью; по дорогѣ и на пастбищахъ десятки павшихъ и незарытыхъ воловъ, которыхъ здоровая скотина окружаетъ и нюхаетъ. Вотъ главныя причины болѣзней. Возвращаясь изъ Крыма домой, чумаки пускаютъ своихъ воловъ въ череды, которыя отъ нихъ и заражаются, не имѣя и безъ того хорошаго присмотра; отсюда зараза распространяется и далѣе.»

b) *Невозможность давать скоту въ пищу соли,* по дороговизнѣ ея, тогда-какъ это составляетъ одно изъ главныхъ предохранительныхъ средствъ противъ заразы: обстоятельство, которое мы разсмотримъ послѣ съ надлежащею подробностію.

c) *Слабость врачебно-полицейскаго надзора, установленнаго закономъ:* въ Калужскомъ собраніи было заявлено, что около города Мещовска гніютъ незарытыми тысячи лошадиныхъ труповъ, въ Казанскомъ, что волостное начальство не заботилось о зарытіи палаго скота, а про-

сто валили въ овраги и по недѣлямъ не доносили полиціи о появленіи заразы, и т. д., Вообще, жалобы на недостатокъ ветеринаровъ и бездѣйствіе полицейскихъ и сельскихъ начальствъ, при осмотрѣ проходящихъ гуртовъ и во время заразы, повторялись повсемѣстно, и справедливость ихъ общеизвѣстна.

Нѣкоторыя, впрочемъ, немногія, губернскія собранія тотчасъ же взялись за палліативныя мѣры противъ ежегодно усиливающихся эпизоотій. Такъ, Новгородское собраніе поручило губернской управѣ пригласить, за условное вознагражденіе, постороннихъ лицъ для наблюденія на дорогахъ и бичевникахъ за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій, и за принятіемъ врачебно-полицейскихъ мѣръ, а также для сообщенія управамъ объ отступленіяхъ отъ закона; просило губернатора предписать мѣстнымъ полиціямъ, чтобы они извѣщали управы о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по предупрежденію и прекращенію скотскихъ падежей и, въ свою очередь, исполняли требованія управъ по этому предмету; просило губернатора, чтобы тяговыя лошади на Маріинской системѣ были возвращаемы по бичевнику же, а не по внутреннимъ дорогамъ уѣзда; ассигновало въ распоряженіе губернской управы 5,000 р., для найма предположенныхъ надзирателей и на покрытіе расходовъ по найму ветеринаровъ, на принятіе предупредительныхъ мѣръ и зарытіе труповъ павшихъ животныхъ.

Но гораздо важнѣе для насъ *намеки*, высказанные многими собраніями, для принятія радикальныхъ мѣръ противъ эпизоотіи.

Самою радикальною мѣрою, въ настоящемъ случаѣ, было бы *введеніе взаимнаго страхованія скота въ сельскомъ населеніи*, на чтó и обратила вниманіе Новгородская управа.

4) *Обезпеченіе народнаго продовольствія.* Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые наименѣе затронуты до сихъ поръ земскими учрежденіями. Повсемѣстное состояніе сельскихъ запасныхъ магазиновъ Новгородская управа въ своемъ отчетѣ изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Общественные магазины поступили въ земство пустыми, не только у временно-обязанныхъ крестьянъ, но и у крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ имуществъ. Положеніе 1861 года предоставило крестьянскимъ обществамъ по своему усмотрѣнію выдачу изъ магазиновъ хлѣба, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобы не раздавали хлѣба всѣмъ вкладчикамъ поголовно, а только истинно нуждающимся, и чтобы по снятіи перваго послѣ раздачи урожая выданный хлѣбъ былъ возвращенъ. Постановленій этихъ крестьянскія общества не исполняли, изъ магазиновъ хлѣбъ былъ розданъ и раздѣленъ между всѣми крестьянами и не пополненъ; раздача эта произведена тогда, когда въ этомъ не было никакой существенной надобности, а въ прошломъ году, когда,

по случаю почти повсемѣстнаго неурожая въ Новгородской губерніи, населенія крайне нуждались въ хлѣбѣ, магазины оказались пустыми.

Продовольственный капиталъ, по своей незначительности, можетъ оказать очень слабую помощь при голодѣ въ нѣсколькихъ уѣздахъ, а потому все стараніе должно быть обращено на пополненіе магазиновъ. Четверть на душу ржи и 4 мѣры овса, лежащія въ магазинахъ, въ голодный годъ равняются $3^1/_2$ милліонамъ продовольственнаго капитала на Новгородскую губернію.

Въ Новгородской губерніи въ прошломъ году роздано было 76,000 руб. въ пособіе нуждающимся изъ продовольственнаго капитала, но опытъ этотъ не принесъ никакой существенной пользы.

Первоначально, крестьяне не соглашались приговорами, какъ требовалъ законъ, обозначать изъ среды своей крайне нуждающихся и только имъ опредѣлять пособіе, между тѣмъ ручаться всѣмъ обществомъ за возвратъ полученнаго пособія, а требовали раздачи поголовно всѣмъ членамъ общества. Губернская управа отказала въ выдачѣ пособія на такихъ условіяхъ, и тогда нѣкоторыя общества вовсе отказались отъ пособія, а нѣкоторыя составили требуемые закономъ приговоры, указали нуждающихся, но, получивъ пособіе, раздѣлили поровну между всѣми членами. Ежели бы раздѣлить пособіе только между нуждающимися, то они получили бы значительную помощь, раздѣленное же между членами всего общества, оно дало каждому около 60 к., деньги, окончательно не принесшія существенной пользы и были примѣры, что они тутъ же были пропиты съ прибавкою и собственныхъ. Болѣе разумные крестьяне совершенно одинаковаго мнѣнія съ управой, которая на основаніи этихъ заявленій, составила свое заключеніе.

Обстоятельства эти вынудили земство изыскивать средство, какъ сдѣлать капиталъ народнаго продовольствія болѣе производительнымъ. Въ настоящее время отъ Демьянскаго земскаго собранія поступило ходатайство отпустить заимообразно изъ губернскаго запаснаго капитала не нуждающимся, а всему уѣздному земству, 12 т. руб. на покупку теперь же по дешевой цѣнѣ хлѣба. Это земское собраніе отвергаетъ пользу раздачи денегъ, а находитъ достаточнымъ—этимъ купленнымъ хлѣбомъ конкурировать съ торговцами въ томъ случаѣ, ежели они поднимутъ на хлѣбъ цѣну, недоступную небогатымъ крестьянамъ, безъ денегъ хлѣба выдавать не будутъ, и затѣмъ считаетъ достаточнымъ этимъ ограничить пособіе. Для подобнаго распоряженія, переданнаго земству капитала народнаго продовольствія совершенно достаточно, и онъ принесетъ губерніи большую и существенную пользу. Губернская управа отъ этого перваго опыта, въ случаѣ его неудачи, ожидаетъ разрѣшенія вопроса о производительномъ употребленіи капитала народнаго продовольствія. Такимъ образомъ, пополненіе магазиновъ, чрезъ возвратъ взятаго крестьянами хлѣба, есть главнѣйшая

забота земства, но исполнить это губернская управа считаетъ почти невозможнымъ. Главное затрудненіе составляетъ получать хлѣбъ отъ недостаточныхъ крестьянъ, у которыхъ постоянно не хватаетъ своего хлѣба на годовое продовольствіе, а купить они не имѣютъ средствъ. Достаточные же крестьяне не вносятъ своей доли, указывая на недостаточныхъ, и притомъ объясняютъ совершенно основательно, что все, ими внесенное на слѣдующій годъ, будетъ съѣдено недостаточными, такъ какъ кормить нуждающихся обязаны общества. Всѣ эти соображенія привели Новгородскую управу къ заключенію, что «только заведеніе въ каждомъ селеніи *общественныхъ запашекъ* можетъ пополнить магазины. Тѣ селенія, которыя соберутъ и внесутъ въ магазины слѣдующій по закону хлѣбъ, могутъ быть избавлены, ежели пожелаютъ, отъ заведенія общественной запашки, а которыя не внесутъ, то должны завести ихъ обязательно.»

5) *Взаимное земское страхованіе.* Результаты взаимнаго страхованія опубликованы только въ отчетѣ Новгородской управы, гдѣ страхованіе введено: съ 15 марта прошлаго года для временно обязанныхъ крестьянъ, и съ 1 іюля для частныхъ лицъ въ городахъ и уѣздахъ.

По 19 октября 1866 года, застраховано было въ земствѣ строеній:

Крестьянъ временно обязанныхъ и удѣльныхъ на	4,277,511 р.
Государственныхъ имуществъ [1]	1,187,654 »
Частныхъ лицъ	45,713 »

Незначительность частнаго страхованія происходитъ отъ того, что земское страхованіе открылось въ половинѣ прошлаго года, когда владѣльцы, страхующіе строенія, уже застраховали ихъ въ разныхъ компаніяхъ, но управа имѣетъ заявленія отъ многихъ лицъ, желающихъ страховать свои строенія въ земствѣ. Страховыя компаніи берутъ незначительный процентъ за городскія строенія и очень возвышенный за сельскія; земство, на-оборотъ, избѣгаетъ большихъ городскихъ построекъ чтобы не заплатить значительнаго капитала за нѣсколько сгорѣвшихъ зданій, и назначило всего 1% страховаго взноса за сельскія, желая оказать пособіе бóльшему числу лицъ и привлечь къ страхованію большее число строеній. Земство, по страхованію, стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели частныя компаніи: оно не имѣетъ надобности въ дивидендѣ и не обязано содержать особаго управленія, возложеннаго на земскія управы.

По 19 октября 1866 года, получено страховыхъ премій за строенія удѣльныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ . . . . 19,678 руб.

Выдано страховыхъ платежей	10,892 »
Въ остаткѣ	8,786 »

[1]) Кромѣ уѣздовъ Новгородскаго, Старорусскаго и Крестецкаго.

Состоитъ въ недоимкѣ, и платежа 2 половины года, которая будетъ уплачена къ новому году . . . . . . 25,912 руб.

За строенія государственныхъ крестьянъ съ 1 января 1866 года выдано страховыхъ платежей . . . . 23,922 »

Земское страхованіе въ истекшемъ году, кромѣ Новгородской губерніи, введено въ Ярославской, Пензенской, Самарской, Московской, и ему положено начало въ Нижегородской, Костромской и др.

Новгородская управа первая пригласила къ земскому страхованію города. Примѣру этому послѣдовала Нижегородская управа и на ея вызовъ отозвались согласіемъ Сергачъ, Макарьевъ и Арзамасъ, послѣдній съ условіемъ, чтобы приступить къ страхованію не цѣлымъ обществомъ, а каждому домовладѣльцу порознь. По этому случаю Нижегородская управа совершенно справедливо замѣчаетъ, что «для скудныхъ средствами и мало чѣмъ отъ обыкновенныхъ селъ отличающихся уѣздныхъ городовъ нашихъ, взаимное страхованіе по истинѣ будетъ великимъ благодѣяніемъ: ибо сами собой города эти никогда не соберутся съ силами, чтобъ образовать у себя отдѣльныя страховыя конторы, и повести это, столь важное, многостороннее, экономическое предпріятіе правильно и съ полнымъ успѣхомъ; поэтому, уѣздные города, по всей вѣроятности, найдутъ для себя выгоднѣе приступить къ земскому страхованію, нежели отъ него отдалиться, тѣмъ болѣе, что, имѣя въ земскихъ учрежденіяхъ своихъ представителей, они могутъ поручить имъ постоянно слѣдить за правильнымъ ходомъ страхованія и за охраненіемъ городскихъ интересовъ.»

Въ связи съ земскимъ страхованіемъ, земскія собранія обратили вниманіе на необходимость предупрежденія пожаровъ въ селеніяхъ, какъ одно изъ существенныхъ условій земскаго страхованія. Этой важной цѣли думали достигнуть: 1) учрежденіемъ надзора надъ соблюденіемъ различныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ, и надъ производствомъ построекъ въ уѣздѣ; 2) введеніемъ обязательнаго устройства пожарной части въ селеніяхъ.

6) *Сельскія почты.* При самомъ открытіи земскихъ учрежденій, въ Самарской, Костромской, Ярославской и Новгородской губерніяхъ положено было начало устройству сельскихъ почтъ. На предметъ этотъ, вслѣдъ затѣмъ, обратило вниманіе и правительство: министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ по всѣмъ земскимъ собраніямъ проектъ устройства сельской почты въ Демьянскомъ уѣздѣ, а министръ почтъ и телеграфовъ — положеніе объ устройствѣ подвижныхъ почтъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ—съ закрытіемъ саратовскаго тракта затруднено было передвиженіе частныхъ лицъ — земство, дабы помочь этому и, вмѣстѣ, собрать доходъ съ отправленія подводной повинности, — положило

устроить *земскіе дилижансы*. Движеніе дилижансовъ открыть не вдругъ, но постепенно, по болѣе проѣзжимъ трактамъ. Устройство дилижансовъ произвести или съ торговъ, чрезъ частныхъ лицъ, или хозяйственнымъ образомъ земской управѣ, постепенно, изъ суммъ, ассигнованныхъ на подводную повинность. Дилижансы должны отправляться въ дни и часы, назначенные по особому, составленному для нихъ уѣздною управою и утвержденному земскимъ собраніемъ росписанію, на 4 лошадяхъ, содержимыхъ на станціонныхъ пунктахъ отъ земства. Если къ приходу дилижанса оказывается на станціи менѣе 4 лошадей, то содержатель станціи обязанъ заблаговременно нанять недостающее количество изъ вольныхъ, за указные прогоны, которые и выдаются ему тотчасъ кондукторомъ, если при немъ есть деньги, иначе удовлетворяется при слѣдующемъ приходѣ дилижанса. На этихъ дилижансахъ могутъ отправляться какъ частныя, такъ и должностныя лица. Каждый изъ первыхъ платитъ $2^1/_2$ к. за версту; изъ послѣднихъ же, если имѣетъ билетъ отъ земства на безплатное взиманіе земскихъ лошадей, — безплатно, а если нѣтъ, то съ платежемъ $2^1/_2$ к. за версту. Дѣти моложе 10 лѣтъ платятъ половину.

Стоимость содержанія сельской почты показана по смѣтамъ: въ Ветлугскомъ уѣздѣ на 1866 г. — 1,055 р., въ Самарскомъ на вознагражденіе почтарямъ 260 р., въ Ставропольскомъ 360, въ Бугурусланскомъ 327, и т. д. Въ Ветлугскомъ уѣздѣ сельскія почты принялись отлично, такъ-что, не смотря на заявленное отсутствіе обезпеченія пересылаемой страховой корреспонденціи, значительныя денежныя суммы пересылаются по сельской почтѣ и доставляются весьма аккуратно; — между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (Ардатовскомъ, Семеновскомъ), уѣздныя собранія признали сельскія почты *безполезными*.

7) *Прекращеніе пьянства и нищенства.* Новгородское собраніе первое высказало опредѣленно ту несомнѣнную истину, что у насъ вопросъ о прекращеніи нищенства неразрывно связанъ съ вопросомъ объ уменьшеніи пьянства. Дѣйствительно, у насъ, бóльшею частью, предавшійся пьянству неминуемо разоряется, а раззорившійся бѣднякъ безъ средствъ пропитанія, при отсутствіи возможности поднять свое упавшее благосостояніе честнымъ и подручнымъ трудомъ, — ищетъ самозабвенія въ водкѣ и погибаетъ навсегда.

Вопросъ о пьянствѣ былъ поднятъ одновременно, какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ губернскихъ собраніяхъ.

Одно изъ первыхъ уѣздныхъ собраній, обратившихъ вниманіе на зло, проистекающее отъ пьянства [1]), было Романо-Борисоглѣбское, собирав-

---

[1]) Въ Самарскомъ губернскомъ собраніи въ мартѣ 1865 г., священникъ Грекуловъ возбудилъ первый вопросъ о прекращеніи пьянства посредствомъ обществъ трезвости.

шееся еще въ іюнѣ 1865 года. Предсѣдатель собранія, Мамоновъ, внесъ слѣдующее предложеніе: «При безпрерывныхъ моихъ сношеніяхъ съ крестьянами, замѣчено мною, что большая часть сельскихъ властей и лучшіе изъ крестьянъ жалуются на постоянный упадокъ нравственности и, при отсутствіи строгихъ мѣръ, на невозможность противодѣйствовать этому упадку въ тѣхъ членахъ, которые уже пошли по худой дорогѣ. Власти эти почти единогласно говорятъ, что только рѣзкія мѣры и *наказанія тѣлесныя* могли бы подѣйствовать внушительно; что домы, хозяйства и самыя семейства безнравственныхъ крестьянъ, идя быстро къ разоренію, дѣлаются въ тягость обществамъ, которыя должны за нихъ оплачивать казенныя и мірскія повинности; продавать тутъ нечего, потому-что все пропито, и даже то, что̀ съ трудомъ добываетъ жена для прокормленія себя и дѣтей, и то идетъ въ кабаки, а женѣ, вмѣсто спасибо, достаются побои за то, что она хлопочетъ спасти что-нибудь отъ пропоя и отъ разграбленія самимъ хозяиномъ дома и отцомъ семейства». Предложеніе это для обсужденія передано было въ коммиссію. Въ ноябрѣ, на вторичномъ съѣздѣ, г. Мамоновъ повторилъ свое предложеніе. Оно вызвало, какъ записано въ журналѣ, «единодушное, вообще, сочувствіе всего собранія и, преимущественно, представителей сельскихъ обществъ».

Затѣмъ, въ большинствѣ уѣздныхъ собраній заявлялись жалобы на нестерпимое распространеніе пьянства и на отсутствіе всякихъ мѣръ къ его обузданію. «Жалобы наши рѣшительно оставляются безъ всякихъ послѣдствій — заявляетъ гл. Еропкинъ въ Ряжскомъ собраніи — частью потому, что полиція предоставленныя ей, въ этомъ случаѣ, права употребляетъ слабо и нерѣшительно изъ опасенія ссоры съ акцизными чиновниками, а частью и потому, что принимаемыя ею по жалобамъ мѣры встрѣчаютъ отпоръ въ заступничествѣ акцизнаго управленія. Нечего и говорить уже объ акцизныхъ чиновникахъ, которыхъ прямой интересъ заключается въ сколь возможно-большемъ усиленіи расхода на вино: они не только не принимаютъ мѣръ къ прекращенію неправильной торговли въ штофныхъ лавкахъ виномъ на выносъ, но видимо ей покровительствуютъ. Да и естественно ли было бы ожидать, чтобы нынѣшняя система акцизнаго управленія не встрѣтила въ служащихъ ей лицахъ усердныхъ поборниковъ распространенія пьянства, съ которымъ сопряжено и ихъ собственное обогащеніе; чтобы акцизные чиновники, въ ущербъ своего кармана, стали заботиться о поддержаніи народной нравственности, о развитіи народнаго богатства, а не воспользовались столь благодатнымъ временемъ для составленія себѣ капиталовъ, безъ всякого притомъ, съ ихъ стороны, труда и риска? На насъ—говоритъ гл. Еропкинъ—на представителяхъ земства лежитъ обязанность выразить предъ правительствомъ желаніе о сколь возможно скорѣйшемъ измѣненіи закона о питейно-акцизномъ управленіи, быстро

влекущемъ народъ къ разоренію и несостоятельности въ уплатѣ государственныхъ повинностей, слѣд., къ уменьшенію государственнаго дохода отъ прямыхъ налоговъ.»

Особенное вниманіе на этотъ предметъ обратило Новгородское губернское собраніе: два самыя оживленныя засѣданія посвящены были выслушанію различныхъ заявленій и мнѣній гласныхъ отъ всѣхъ сословій. Болѣе всего противъ пьянства и соединеннаго съ нимъ разстройства народнаго быта возстали крестьяне-гласные отъ Старорусскаго уѣзда—Богачевъ, отъ Боровичскаго—Тарасовъ и Васильевъ, и отъ Череповскаго—Смирняковъ. Они представили собранію, въ живыхъ чертахъ, поверженіе цѣлыхъ подгородныхъ и недавно богатыхъ селеній въ нищенство отъ развитія пьянства. Всѣ выработанные крестьянами этихъ селеній продукты, привозимые на базаръ въ городъ, обмѣниваются тутъ же на вино, которое выпивается, трудъ и деньги погибаютъ даромъ, и они привозятъ домой вмѣсто хлѣба, ожидаемаго семьею, тревогу и горе, а часто—отмороженныя руки или ноги. Затѣмъ, семья отправляется по міру и увеличиваетъ собою число нищихъ. Тоже повторяется и въ селеніяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ города. При этомъ, гласный Тарасовъ прибавилъ, что всѣ благомыслящіе крестьяне ожидаютъ, какъ милости, чтобы правительство обратило, наконецъ, вниманіе на бѣдственное ихъ положеніе и приняло какія-нибудь мѣры дѣйствительныя къ уменьшенію пьянства, какъ зла, которое уже до того имъ наболѣло, что если бы даже потребовалась какая-нибудь матеріальная жертва отъ народа, то они надѣются, что, очнувшись, народъ искупилъ бы ею зло, «если бы даже 2 р. съ души сошло за закрытіе всѣхъ кабаковъ въ уѣздѣ, то при всей бѣдности, мы бы внесли этотъ откупъ», сказалъ онъ.

По мнѣнію Новгородской управы, пьянство распространено, преимущественно, между рабочимъ и мастеровымъ, населеніемъ, и поэтому управа считаетъ нужнымъ введеніе болѣе опредѣлительныхъ правилъ для строгаго взысканія за всякое неисполненіе договора со стороны рабочихъ и разсчетныхъ книжекъ. Что же касается до нищенства, то, по мнѣнію управы, «нищіе бываютъ или дѣйствительно несчастные отъ причинъ, независящихъ отъ нихъ самихъ, какъ-то отъ болѣзней, пожаровъ и другихъ несчастій, или отъ праздности, пьянства и другихъ пороковъ, но здоровые и по силамъ — къ труду годные.

Первые, по справедливости, заслуживаютъ участія и призрѣнія, послѣдніе же возвращаются на мѣста постояннаго ихъ жительства, или поступаютъ съ ними, какъ съ бродягами; но такого рода люди, возвращаемые въ общества, составляютъ только вредное для общества бремя, и нерѣдко, вскорѣ по возвращеніи ихъ на родину, вновь уходятъ и принимаются опять за тотъ же порочный промыселъ.

Для этого втораго разряда нищихъ, необходимо бы принять болѣе

строгія и дѣйствительныя мѣры, какъ, напримѣръ: употребленіе ихъ временно на общественныя работы, или учреждать для сего особыя заведенія, въ которыхъ они могли бы имѣть постоянные заработки подъ должнымъ надзоромъ, и тому подобное.

Во время происходившихъ преній, гл. кн. Шаховскій обратилъ вниманіе собранія на то, что въ печати неоднократно высказывались мнѣнія о преувеличенности жалобъ на распространеніе пьянства въ народѣ. По его убѣжденію, собраніе исполняетъ свой долгъ, заявивъ правительству объ ошибочности этого мнѣнія и о крайней необходимости принять неотложно всѣ возможныя мѣры къ ослабленію этого зла. Такія мѣры, по его мнѣнію, независимо отъ развитія народнаго образованія, должны состоять, главнѣйше, въ возвышеніи платы за патенты на питейныя заведенія, въ ограниченіи числа этихъ заведеній, въ возвышеніи акциза на вино, наконецъ, въ содѣйствіи къ распространенію потребленія чая, сбитня и пива.

Гл. кн. Васильчиковъ сказалъ: «Въ преніяхъ упомянуто о коммиссіи, которая была учреждена при. министерствѣ финансовъ, для соображенія о мѣрахъ къ сокращенію чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Я былъ приглашенъ въ эту коммиссію, и потому не излишнимъ считаю сообщить собранію впечатлѣніе, которое вынесъ изъ этихъ совѣщаній. Впечатлѣніе — то, что коммиссія эта была не серьёзная: она открыла свои дѣйствія заявленіями и чтеніями записокъ, составленныхъ чиновниками питейно-акцизнаго управленія, въ коихъ оспаривался, отвергался самый фактъ распространенія пьянства, и всѣ жалобы на это печальное явленіе приписывались партіи прежнихъ откупщиковъ, и чиновники утверждали, что народъ пьетъ не болѣе, какъ и прежде, но что порокъ этотъ болѣе бросается въ глаза потому, что прежніе откупщики имѣли прямой интересъ скрывать безпорядки, причиняемые ихъ торговлею, между тѣмъ, какъ нынѣшнее управленіе не имѣетъ къ тому никакихъ средствъ. Далѣе, при совѣщаніяхъ обнаружилось (что́ впрочемъ, и безъ того было извѣстно), что всякія дѣйствительныя мѣры противъ пьянства, какъ-то: возвышеніе акциза, или патентнаго сбора, ограниченіе числа питейныхъ заведеній, не могутъ быть приняты потому, что стѣснили бы казенные интересы. Весь вопросъ заключается въ томъ, изъ какихъ источниковъ покрыть дефицитъ, который неминуемо произойдетъ въ государственномъ бюджетѣ, если продажа вина будетъ стѣснена и ограничена». Упомянувъ о важности заявленія гл. Тарасова, изъявившаго готовность на замѣну питейнаго акциза подушною податью, кн. Васильчиковъ заключилъ: «Русскій народъ, если онъ пойметъ свои прямыя выгоды и поставитъ свои нравственные прочные интересы выше временныхъ, долженъ признать и признаетъ необходимость замѣнить

прямыми налогами питейно-акцизный доходъ: тогда только представится возможность принять противъ пьянства дѣйствительныя мѣры.»

Факты, собранные многими изъ земскихъ собраній, подтверждаютъ убѣжденіе Новгородскаго земства, что пьянство не уменьшается; если же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и сокращается расходъ на вино, то причина этому, какъ объясняетъ гл. Кисловскій въ Тверскомъ собраніи—уменьшеніе благосостоянія. Дѣйствительно, тяжкіе голода во многихъ мѣстахъ, всеобщій застой промышленности и обѣднѣніе народа, вслѣдствіе излишняго пользованія, на первыхъ порахъ, дешевкою, содѣйствовали уменьшенію въ общей сложности акциза; но тѣмъ не менѣе, зло на столько еще сильно, что требуетъ серьёзной и настойчивой борьбы. Въ Рязанской губерніи, по указанію гласнаго Рѣткина, питейнаго дохода за первыя двѣ трети 1865 г. собрано 1,696,665 р., что превышаетъ доходъ за то же время 1864 г. на 109,478 р., а 1863 г. на 146,600 р. Число умирающихъ отъ невоздержанія въ той же губерніи возрастаетъ въ слѣдующей неутѣшительной прогрессіи:

Въ	1854 году	умерло	отъ невоздержанія	17	человѣкъ.
»	1855	»	»	24	»
»	1856	»	»	26	»
»	1857	»	»	28	»
»	1858	»	»	32	»
»	1859	»	»	31	»
»	1860	»	»	29	»
»	1861	»	»	45	»
»	1862	»	»	48	»
»	1863	»	»	98	»
»	1864	»	»	117	»

Такимъ образомъ, въ послѣдній одинъ годъ умерло столько же, сколько въ *первыя пять лѣтъ!* Гл. Кисловскій заявилъ, что въ его Тверскомъ имѣніи крестьяне, при прежней откупной системѣ, выпивали по ведру на душу, а теперь выпиваютъ по пяти. Полтавское собраніе напомнило, что, по мнѣнію С.-Петербургскаго комитета общественнаго здравія, пьянство, развившееся въ ужасающемъ размѣрѣ, вслѣдъ за открытіемъ непомѣрнаго количества кабаковъ, имѣло значительное вліяніе на развитіе въ Петербургѣ особаго вида тифа (febris recurrens), отъ котораго, въ теченіе зимы на 1864 годъ, погибло огромное количество народа, такъ-что пришлось выводить войска изъ города и казармы превращать въ госпитали.

Даже въ Малороссіи новая система имѣла разрушительное дѣйствіе. Число шинковъ—говоритъ Черниговское собраніе—возрасло въ страшной пропорціи, а конкурренція ихъ стала выражаться разбавленіемъ водки и примѣсью къ ней всякихъ вредныхъ веществъ, для крѣпости. Малороссійскій сельскій шинокъ сдѣлался кабакомъ прежнихъ

чарочныхъ откуповъ; шинкари, не находя средствъ къ правильнымъ заработкамъ въ предѣлахъ своей торговли, стали расширять ее, въ ущербъ народа, незаконными путями.

Переходя затѣмъ къ своду мѣръ, предложенныхъ земскими собраніями противъ пьянства, нельзя не начать съ того общаго разсужденія, которое предпослали своему докладу соединенныя коммиссіи Московскаго губернскаго собранія: «Коммиссіи пришли къ тому печальному заключенію, что, при настоящемъ положеніи дѣла, отъ предложенныхъ собраніями мѣръ нельзя ожидать большой пользы. Къ этому грустному убѣжденію привели слѣдующія соображенія. Винный акцизъ составляетъ, въ настоящее время, одну изъ главныхъ статей государственнаго дохода. Для того, чтобы поддержать этотъ доходъ, правительство поставлено въ необходимость невольно покровительствовать возможно бóльшей продажѣ крѣпкихъ напитковъ и принимать мѣры, клонящіяся не къ уменьшенію, а скорѣе къ распространенію пьянства. Такъ, въ 50-хъ годахъ, общества трезвости, возникавшія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, не только не нашли поддержки со стороны правительства, но даже принуждены были закрыться, вслѣдствіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ распоряженій: запрещенія обнародывать сельскіе приговоры объ учрежденіи такихъ обществъ, противодѣйствія къ открытію ихъ со стороны полицейскаго и другихъ начальствъ, и т. п. Такъ, при введеніи новаго акцизнаго управленія, принимались мѣры для открытія возможно-бóльшаго числа питейныхъ заведеній подъ разными наименованіями. Не смотря на положительныя постановленія закона о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ продажи вина, мы видимъ, что вслѣдствіе малаго наблюденія со стороны лицъ, на которыхъ это возложено, законъ не исполняется, кабаки устраиваются близъ самыхъ церквей, продажа вина безпрепятственно производится во время сельскихъ и волостныхъ сходовъ, и т. п. Подобный порядокъ ведетъ къ тому, что пьянство, усиливаясь годъ отъ году, возрасло до громадныхъ размѣровъ. Народъ теряетъ физическія силы и всякое влеченіе къ труду, а отсюда и всякую потребность къ честнымъ заработкамъ. Безъ того уже слабое чувство уваженія къ закону становится еще болѣе шатко. Нетрезвость между женщинами, бывшая до сихъ поръ исключеніемъ, дѣлается явленіемъ обыденнымъ. Послѣдствіе этого — совершенное разореніе крестьянъ, накопленіе недоимокъ и полная несостоятельность уплачивать, какъ частныя, такъ и государственныя повинности»....... «Всякое ограниченіе торговли, замѣтилъ, говоря о пьянствѣ, гл. Кисловскій въ Тверскомъ собраніи, признается вреднымъ; но въ этой *торговлѣ народной нравственностью* — другое дѣло!.....» Впрочемъ, пріискивая мѣры противъ распространенія пьянства, земскія собранія сами вдались въ регламентацію, нисколько не обѣщающую практической пользы для дѣла. Одни отмѣривали разстоя-

ніе, въ которомъ кабакъ долженъ находиться отъ жилья, какъ будто это можетъ остановить желающихъ; другіе разсчитывали число кабаковъ по числу душъ, какъ будто отсутствіе явныхъ кабаковъ можетъ помѣшать, еще болѣе вредной, тайной продажѣ; третьи, наконецъ, предлагали возвысить акцизъ на вино, забывая, что, при расположеніи къ пьянству, часто вызываемому горечью вседневной жизни, цѣна купленнаго виномъ самозабвенія не страшна для бѣдняка. Всего лучше вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію пьянства разрѣшенъ Петербургскимъ собраніемъ, гдѣ, по этому поводу, происходили продолжительныя и оживленныя пренія. Петербургское собраніе пришло къ сознанію необходимости слѣдующихъ мѣръ: 1) чтобы открытіе заведеній для продажи питей, на принадлежащихъ частнымъ лицамъ земляхъ, находящихся внутри селеній, обусловливалось согласіемъ сельскаго схода въ томъ случаѣ, когда на крестьянскихъ земляхъ не существуетъ заведеній для продажи питей; 2) чтобы открытіе заведеній для продажи питей въ полуверстномъ разстояніи отъ усадьбы какъ крестьянскихъ, такъ и лицъ другихъ сословій, обусловливать согласіемъ владѣльцевъ этихъ усадьбъ, если на этихъ усадьбахъ еще не существуетъ питейныхъ заведеній; 3) чтобы, съ разрѣшенія мирового судьи, дозволяемо было открывать питейныя заведенія и производить въ оныхъ продажу питей только лицамъ, представившимъ ручательства о своей доброй нравственности трехъ зажиточныхъ благонадежныхъ домохозяевъ; и 4) чтобы питейныя заведенія виноторговцевъ, навлекшихъ на себя злоупотребленіями неудовольствіе мѣстныхъ обывателей, закрывались, по просьбѣ сихъ послѣднихъ, судебною мировою властью, если произведеннымъ дознаніемъ подтвердятся незаконныя ихъ дѣйствія по продажѣ крѣпкихъ напитковъ.

Прекращеніе привилегированнаго положенія виноторговцевъ, — этого послѣдняго остатка прежнихъ откуповъ, и подчиненіе ихъ общему судебному разбирательству, какъ о томъ ходатайствуетъ Петербургское собраніе, было бы лучшею гарантіею противъ пьянства: этимъ уничтожается самая вредная, развращающая сторона винной торговли, состоящая въ спаиваніи, изъ собственныхъ выгодъ, окрестнаго населенія ловкими и безнравственными продавцами. Большинство ихъ, по справедливому выраженію гл. Голенищева-Кутузова, получаютъ выгоды, въ сущности, не отъ продажи водки, а отъ тѣхъ непозволительныхъ способовъ, которыми ведется эта торговля, на разореніе крестьянамъ.

Изъ многочисленныхъ мѣръ, предложенныхъ къ уничтоженію нищенства, бродяжничества и всѣхъ связанныхъ съ ними пороковъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе *введеніе книжекъ для рабочихъ*. Эта идея занимала, въ особенности, первое Московское собраніе, въ которомъ гл. Коваленскій сдѣлалъ предложеніе о введеніи для

сельскимъ смотрителей и рабочихъ *разсчетныхъ листовъ* или *тетрадей*. Но такое преобразованіе потребовало предварительнаго пересмотра устава о паспортахъ, и потому собраніе передало всё дѣло въ управу, а управа образовала, для разработки этого важнаго вопроса, постоянную коммиссію.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

II.

ПЕРВОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Очеркъ первый.

Въ XV столѣтіи, пала обширная восточная Римская или Византійская имперія, которая, по своему населенію, въ границахъ послѣдняго времени, могла быть справедливо названа греко-славянскою имперіею. Окончательное завоеваніе ея турками, въ 1452 году, породило для западной Европы весьма важный вопросъ; но этотъ вопросъ долгое время былъ вопросомъ объ одной личной безопасности западной Европы отъ новаго мусульманскаго сосѣда. Порабощеніе турками греко-славянскаго міра, въ первые вѣка, было только угрозою для его сосѣдей, а потому всѣ войны съ турками до нынѣшняго столѣтія имѣли характеръ болѣе оборонительный. Но западная Европа, раздираемая 30-лѣтнею войною, войнами Людовика XIV и безконечною борьбою за политическое равновѣсіе, перешедшею, наконецъ, въ революціонныя войны, спасалась отъ турокъ не столько силою своего оружія, сколько внутреннимъ разложеніемъ Порты, начавшимся чуть не съ первыхъ дней ея существованія. Только по окончаніи революціи, когда былъ основанъ Священный союзъ, явился на сцену снова восточный вопросъ, но уже не въ формѣ страха предъ Оттоманскою Портою, а какъ стремленіе христіанскихъ государствъ устроить новыя отношенія греко-славянскихъ племенъ къ ихъ мусульманскимъ повелителямъ. Въ наше время, этотъ восточный, или, какъ правильнѣе слѣдовало бы его называть— греко-славянскій вопросъ завершаетъ благополучно первое пятидесятилѣтіе своего существованія, и трудно было бы ручаться за то, что мы теперь начинаемъ не новое пятидесятилѣтіе, а болѣе короткій промежутокъ времени: такъ мало было сдѣлано для рѣшенія этого вопроса въ первыя пятьдесятъ лѣтъ! Всѣ другіе вопросы возникали и возникаютъ быстро и такъ же быстро сходятъ со сцены: всѣ они имѣютъ характеръ острый—одинъ восточный вопросъ, обратившись въ хроническую болѣзнь, безпрерывно носится надъ Европой въ болѣе или ме-

нѣе измѣненномъ видѣ — то въ видѣ всеобщей европейской войны изъ-за преобладанія на юго-всстокѣ Европы, то въ видѣ частныхъ возстаній въ различныхъ христіанскихъ областяхъ Турецкой имперіи; — но, въ сущности, всѣ эти различныя политическія явленія суть не что иное, какъ видоизмѣненія одной и той же задачи: можно ли согласовать существованіе въ одномъ политическомъ тѣлѣ мусульманскаго фанатизма съ законными желаніями и стремленіями христіанъ? какъ создать такое политическое тѣло, въ которомъ голова была бы мусульманская, а члены христіанскіе? и что́, наконецъ, должно замѣнить на юго-востокѣ Европы османо-мусульманское владычество?

Въ Европѣ долгое время господствовало убѣжденіе, что первое греческое возстаніе двадцатыхъ годовъ было вызвано интригами Россіи. Въ доказательство этому мнѣнію приводилось, между прочимъ, то обстоятельство, что лица, стоявшія весьма высоко въ русской государственной службѣ, состояли членами тайныхъ обществъ, направленныхъ къ возстановленію Греціи. Въ тридцатыхъ годахъ явилось немало писателей, которые утверждали, что греки никогда не возстали бы безъ внѣшняго подстрекательства, потому-что турецкое управленіе было вполнѣ удовлетворительно и не могло подать имъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Къ числу этихъ писателей принадлежатъ, между прочимъ, Ламартинъ («Исторія Турціи»), Паришъ («Дипломатическая исторія греческаго королевства»), Урквартъ («Турція и ея средства», «Духъ Востока»), Блакъ («Голоса европейской прессы о восточномъ вопросѣ»), и друг. Всѣ эти писатели утверждали, что Европа относится съ предубѣжденіемъ ко всѣмъ турецкимъ порядкамъ, потому-что недостаточно знакома съ ними, но что учрежденія эти, въ сущности, далеко не такъ плохи, какъ то обыкновенно полагаютъ. Съ одной стороны, они превозносятъ терпимость мусульманской религіи. «Турки — говоритъ, напримѣръ, Ламартинъ—являются въ дѣлахъ религіи болѣе великодушными или болѣе благоразумными, нежели европейцы. У нихъ нѣтъ ни Варѳоломеевской ночи, ни войны Альбигойцевъ, ни уничтоженія Нантскаго эдикта, ни проклятій, ни конфискацій имущества, вызванныхъ различіемъ вѣроученій. Множество христіанскихъ святынь, церквей, монастырей, монаховъ, которыми усыпана турецкая почва отъ Аѳона до Ливанскихъ горъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ терпимости потомковъ Османа». Ламартинъ полагаетъ, что грекамъ и, вообще, турецкимъ христіанамъ недостаетъ не религіозной, но гражданской свободы. Но другіе, упомянутые нами выше писатели, взявшіеся разбить предубѣжденія, составлявшіяся противъ турецкихъ учрежденій, опровергаютъ и это мнѣніе Ламартина, и доказываютъ, что подъ турецкимъ владычествомъ греки пользовались весьма значительной степенью гражданской свободы. Такъ, напримѣръ, Паришъ и Урквартъ сообщаютъ въ своихъ сочиненіяхъ основанія общиннаго

устройства въ Турціи, которое, по ихъ мнѣнію, на столько либерально, что могло бы быть признано удовлетворительнымъ въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ Европы. Затѣмъ, эти писатели сравниваютъ положеніе Греціи при турецкомъ управленіи съ тѣмъ жалкимъ политическимъ существованіемъ, которое она влачила впослѣдствіи (по винѣ европейской дипломатіи, какъ мы увидимъ ниже), и приходятъ къ тому заключенію, что прежде положеніе грековъ было гораздо лучше, нежели впослѣдствіи. А отсюда слѣдуетъ — такъ заключаютъ они — что греки не имѣли никакого серьёзнаго основанія поднять оружіе противъ турокъ, и что возстаніе ихъ является ни чѣмъ инымъ, какъ результатомъ иноземныхъ интригъ.

Но ошибочность подобнаго взгляда на причины греческаго возстанія и на отношенія турокъ къ христіанскимъ подданнымъ ихъ — слишкомъ очевидна для того, чтобы этотъ взглядъ могъ долго держаться даже въ западной литературѣ, которая, по большей части, относится съ замѣтнымъ предубѣжденіемъ къ русской политикѣ на востокѣ, и къ покровительствуемымъ Россіей турецкимъ христіанамъ. Даже поклонники мусульманскихъ религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій должны были, современемъ, сознаться, что жалоба грековъ на турецкое управленіе отнюдь не была основана на однихъ только вымыслахъ и преувеличеніяхъ. Желая согласовать прежнія свои увѣренія о превосходствѣ мусульманскихъ учрежденій съ фактами, опровергавшими ихъ увѣренія, они стали утверждать, что простой и здоровый принципъ турецкаго управленія не могъ принести желаемыхъ плодовъ, не могъ поднять духа востока, способствовать развитію Турціи и устранить злоупотребленія до тѣхъ поръ, пока Турція находилась подъ гнетомъ военной олигархіи; а между тѣмъ, во время начала греческаго возстанія, янычары находились еще въ полной силѣ своей. Съ другой стороны, эти же поклонники исламизма должны были сознаться въ томъ, что масса турецкаго народа, вообще, груба и легко можетъ быть нафанатизирована противъ иновѣрцевъ. «Причина дурного положенія дѣлъ на востокѣ заключалась въ томъ—говоритъ одинъ изъ этихъ писателей — что всякій визирь, кади и даже всякій мелкій чиновникъ считалъ себя въ правѣ закрыть книгу Магометову и открыть книгу своего собственнаго произвола».

Такимъ образомъ, увѣренія о томъ, что положеніе турецкихъ христіанъ было вполнѣ удовлетворительнымъ и не оставляло желать ничего лучшаго, опровергались тѣми самыми лицами, которыя пытались-было выставить эти увѣренія. Съ другой стороны, не замедлила обнаружиться несправедливость того увѣренія, будто греческое возстаніе возбуждено было интригами Россіи. Писатели, наиболѣе враждебно расположенные къ Россіи, должны были убѣдиться, впослѣдствіи, въ томъ, что Россія не только не возбуждала греческаго возстанія, но

что, напротивъ, восстаніе это было, вообще, явленіемъ въ высшей степени непріятнымъ для тогдашней европейской дипломатіи, и что возстаніе грековъ вызвало даже въ началѣ противодѣйствіе со стороны русскаго кабинета. Если же, впослѣдствіи, Россія и высказывала сочувствіе попыткѣ грековъ отдѣлиться отъ турецкаго владычества, то это сочувствіе объясняется весьма удовлетворительнымъ образомъ слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, оно объясняется религіозными связями Россіи съ Греціей; во-вторыхъ, сочувствіе къ Греціи высказано было не одной Россіей, а почти всей Европой; и въ-третьихъ, оно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что дипломатія, взявшись за устройство судьбы греческаго народа, сразу высказала желаніе создать Грецію слабую, ничтожную, неспособную къ самостоятельному существованію, лишенную возможности обойтись безъ чужого покровительства. Но, вообще, сочувствіе Россіи къ Греціи стало проявляться по мѣрѣ проявленія къ ней сочувствія другихъ европейскихъ народовъ. Въ первое же время греческаго возстанія, Россія, оставаясь вѣрною принципамъ, положеннымъ въ основаніе учрежденія Священнаго союза, рѣшилась противодѣйствовать всякой революціонной попыткѣ, гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни проявлялась.

Въ самомъ началѣ греческаго возстанія, болѣе всего сочувствія къ грекамъ высказывала Англія. Кромѣ нѣкоторой доли симпатіи къ геройской попыткѣ грековъ освободиться отъ ненавистнаго имъ турецкаго владычества, тутъ дѣйствовалъ также, въ значительной степени, политическій расчетъ — а именно, опасеніе, чтобы, въ случаѣ совершеннаго отступничества Англіи отъ Греціи, не усилилось вліяніе Россіи на греческія дѣла. Поэтому, въ парламентскихъ преніяхъ, въ которыхъ обсуждались дѣйствія англійскаго правительства по отношенію къ Греціи, тѣми же самыми ораторами высказывались и платоническія симпатіи къ Греціи, и опасенія честолюбивыхъ замысловъ со стороны Россіи. Такъ, напр., лордъ Эрскинъ, въ 1822 году, выражался слѣдующимъ образомъ о политикѣ Англіи по отношенію къ греческому возстанію: «Съ одной стороны, нельзя не признать позоромъ для англійской націи того обстоятельства, что министерство не отозвало англійскаго посланника изъ Константинополя и не прекратило всякихъ сношеній съ турецкимъ правительствомъ, послѣ тѣхъ ужасныхъ сценъ убійствъ, которыя совершены были по предписанію турецкаго правительства; съ этими сценами не могутъ сравниться всѣ ужасы торговли невольниками. Союзъ съ такой націей, какъ турецкая нація, всегда былъ недостоинъ англійскаго правительства и англійскаго народа. Теперь же подобный союзъ становится просто позоромъ. Задача Европы состоитъ, собственно, въ томъ, чтобы выбросить турокъ изъ Европы; для этой цѣли должны бы соединиться всѣ цивилизованные народы». Съ другой стороны, лордъ Эрскинъ находитъ, что и самое

простое политическое благоразумие требуетъ энергическаго вмѣшательства Англіи въ отношенія грековъ къ туркамъ: «Иначе можно опасаться вмѣшательства Россіи, говоритъ онъ — Россія не всегда будетъ подчинять свои любимые планы принципу законности. Если нынѣшній императоръ россійскій, или одинъ изъ его преемниковъ овладѣетъ когда-либо Константинополемъ, то мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго права протестовать противъ этого, такъ какъ мы долго молчали въ виду ужасовъ турецкаго владычества. Для Англіи ничего не можетъ быть невыгоднѣе и опаснѣе, какъ то, что Константинополь сдѣлается морской столицей русской имперіи: а это, именно, можетъ случиться, при настоящей политикѣ англійскаго правительства». — Но, кромѣ русскаго вліянія, лордъ Эрскинъ опасался еще и проявленія вліянія другой державы, которое можетъ явиться слѣдствіемъ бездѣйствія англійской политики на Востокѣ: держава эта — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. «Если сѣверо-американцы помогутъ Греціи пріобрѣсти свободу — говорилъ Эрскинъ — то весьма понятно, что они пожелаютъ пріобрѣсти себѣ, въ возмездіе за это, морскую станцію въ Мореѣ: мы не должны ожидать, чтобы другіе народы отказывались отъ собственныхъ своихъ выгодъ потому только, что мы не хотимъ обратить должнаго вниманія на наши интересы». Подобныя же опасенія не разъ высказывались и другими государственными людьми Англіи. «Невмѣшательство Англіи въ восточныя дѣла — говорилъ, нѣсколько послѣ того, радикалъ Коббетъ — можетъ имѣть чрезвычайно опасныя послѣдствія для англійскихъ интересовъ: оно можетъ повести къ истинному союзу между Россіей и Соединенными Штатами, къ которому, впослѣдствіи, можетъ приступить и Франція, и который неминуемо долженъ будетъ повести къ униженію Англіи». Такимъ образомъ, мы видимъ, что опасенія, высказываемыя въ прошломъ году по поводу прибытія въ Россію посольства капитана Фокса, и по поводу проявленія симпатій между русскими и сѣверо-американцами, были дѣломъ не новымъ: эти же самыя опасенія были высказаны уже болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, и они не остались даже безъ вліянія на политику Англіи въ восточномъ вопросѣ и на отношенія ея къ греческому возстанію.

Симпатіи англійской націи и англійскихъ политическихъ дѣятелей къ геройской попыткѣ грековъ, а, главнымъ образомъ, опасеніе, чтобы враждебная политика Англіи относительно греческаго возстанія не повела къ усиленію вліянія Соединенныхъ Штатовъ и, преимущественно, Россіи, побудили англійское правительство измѣнить свою политику въ восточномъ вопросѣ. Этотъ поворотъ въ англійской политикѣ совпадаетъ со вступленіемъ въ управленіе лорда Каннинга. Онъ очень хорошо понималъ, что быстрый поворотъ отъ традиціонной туркофильской политики Англіи къ политикѣ благопріятной грекамъ соединенъ будетъ съ извѣстными затрудненіями. Но онъ понималъ также, что,

не смотря на вѣрность принципамъ Священнаго союза, Россіи нельзя будетъ остаться нѣмою зрительницею варварской рѣзни на островѣ Мореѣ, и что она, рано или поздно, явится покровительницей грековъ. Онъ, поэтому, рѣшился сдѣлать попытку къ тому, чтобы согласовать требованія человѣколюбія съ тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ требованія государственной мудрости. Первымъ шагомъ его на этомъ новомъ поприщѣ было то, что онъ приказалъ англійскому флоту признать дѣйствительною блокаду турецкихъ портовъ греческими судами. Въ то же время, англійское правительство дѣлало попытки склонить Порту къ болѣе благопріятной политикѣ относительно грековъ: представитель Англіи старался убѣдить Порту положить конецъ варварству, съ которымъ агенты ея подавляли греческое возстаніе, и дѣлать грекамъ нѣкоторыя уступки, которыя, по мнѣнію Англіи, могли бы повести къ умиротворенію этой страны. Франція и Австрія, руководимые подобными же побужденіями, какъ и Англія — т. е., опасеніями насчетъ усиленія русскаго вліянія — тоже дѣлали попытки дипломатическаго вмѣшательства въ пользу грековъ: представители ихъ въ Константинополѣ не разъ дѣлали Портѣ совокупныя или отдѣльныя представленія, въ томъ же смыслѣ, какъ и представитель Англіи, и указывали ей на опасность дальнѣйшаго упорнаго сопротивленія. Но всѣ попытки дипломатіи оставались тщетными: султанъ Махмудъ ничего не хотѣлъ слышать о вмѣшательствѣ чужихъ государствъ въ дѣло, въ которомъ онъ видѣлъ не что иное, какъ возмущеніе и государственную измѣну.

Опасенія западныхъ державъ насчетъ того, что невмѣшательство Россіи въ восточныя дѣла должно будетъ когда-нибудь окончиться, были вполнѣ основательны, хотя и въ западной Европѣ проявлялись горячія симпатіи къ возставшимъ грекамъ, но эти симпатіи далеко не выдерживали сравненія съ тѣми, которыя высказались во всѣхъ слояхъ русскаго общества. И это весьма понятно: ко всѣмъ причинамъ, возбуждавшимъ симпатію западной Европы къ Греціи, здѣсь присоединялись еще религіозныя побужденія, которыхъ тамъ не было. Въ глазахъ западной Европы, греки сражались только за свою свободу. Въ глазахъ русскихъ, они сражались не только за свою свободу, но и за свою религію, за ту же религію, которая служитъ религіею девятидесятыхъ населенія Россіи. Поруганія, совершаемыя турками надъ греческими святынями и духовными лицами, варварское умерщвленіе константинопольскаго патріарха и многихъ православныхъ епископовъ — все это касалось столь же близко русскихъ, какъ и грековъ. Миролюбивыя наклонности императора Александра I не допустили до открытаго разрыва между Россіей и Турціей; но дипломатическое вмѣшательство Россіи въ пользу возставшихъ грековъ началось еще въ последнее время царствованія Александра I. Въ началѣ 1825 года, въ Петербургѣ происходили совѣщанія между европейскими дипломатами.

Эти совѣщанія имѣли цѣлью устроить судьбу Греціи. Предполагалось дать Греціи административную независимость, при сохраненіи турецкаго владычества. Предполагалось раздѣлить Грецію на нѣсколько государствъ, которыя пользовались бы извѣстной автономіей, но продолжали бы составлять, по прежнему, нераздѣльныя владѣнія Турціи. Эти первыя робкія попытки дипломатіи — приступить къ разрѣшенію греческаго вопроса имѣли самый плачевный результатъ: какъ Турція, такъ и Греція, остались равно недовольны предположеніями дипломатіи. Порта продолжала видѣть въ нихъ незаконное вмѣшательство постороннихъ державъ во внутреннія дѣла ея, и отказывалась подчиняться рѣшеніямъ дипломатіи. Греческое же временное правительство протестовало торжественнымъ образомъ противъ проекта европейской дипломатіи. Оно прямо объявило, что греки предпочитаютъ славную смерть тому позорному игу, которое готовило для нихъ дипломатія. Они въ то время надѣялись еще на энергическое содѣйствіе Англіи, и объявили, что ожидаютъ спасенія своего отъ этой державы. 2-го августа 1825 г., греческое національное правительство издало манифестъ, въ которомъ сказано было, что греки добровольно отдаютъ свою свободу, свою независимость и свое политическое существованіе подъ безусловное покровительство Англіи, такъ какъ англійское правительство выказало до сихъ поръ наибольшую симпатію къ греческому народу. Къ этому манифесту присовокуплены были адресы, полученные народнымъ правительствомъ изъ разныхъ мѣстъ Греціи, и покрытые болѣе нежели 2,000 подписей народныхъ представителей, духовныхъ лицъ, чиновниковъ, офицеровъ и другихъ извѣстнѣйшихъ гражданъ. Въ то время полагали, что, опираясь на желанія грековъ, Англія приметъ Грецію подъ свое непосредственное покровительство, и станетъ къ ней въ такія же отношенія, въ какихъ она уже стояла къ Іонническимъ островамъ. Но Англія не оправдала надеждъ грековъ. Она побоялась сдѣлать такой рѣшительный шагъ, она побоялась подать этимъ сигналъ къ началу раздробленія Турціи и, поэтому, она продолжала выказывать свои симпатіи къ Греціи однимъ только безплоднымъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, да еще знакомъ сочувствія, проявленаго отдѣльными лицами. Правительство же, несмотря на то, что во главѣ его стоялъ умный и рѣшительный Каннингъ, продолжало вести себя, по прежнему крайне сдержанно и осторожно.

Между тѣмъ Россія, недовольная неуспѣшнымъ исходомъ вызванной ею конференціи 1825 года, сообщила другимъ европейскимъ правительствамъ, что она считаетъ совершенно безполезными всякіе дальнѣйшіе переговоры съ ними, что впредь она будетъ руководствоваться, въ восточной политикѣ — своею, исключительно только своими собственными интересами и соображеніями. Въ то же время, съ перемѣной царствованія въ Россіи, русская политика въ восточномъ вопросѣ ста-

новилась все болѣе и болѣе рѣшительной. Оскорбленная тѣмъ, что въ высшей степени умѣренныя предложенія Россіи были отринуты съ высокомѣріемъ въ Константинополѣ, русское правительство послало въ Константинополь энергическій протестъ противъ турецкой политики относительно грековъ и, вслѣдъ затѣмъ, прервало дипломатическія сношенія съ Портой. Такой рѣшительный образъ дѣйствій Россіи побудилъ англійскихъ министровъ снова искать случая сблизиться съ Россіей въ восточномъ вопросѣ, чтобы устранить этимъ опасность одиночнаго вмѣшательства Россіи въ отношенія Турціи и Греціи. Это повело къ тому, что, во время пребыванія Веллингтона въ Россіи, весною 1826 года, между Англіей и Россіей заключено было условіе— требовать для Греціи приблизительно такого же отношенія къ Турціи, въ какія поставлена была къ ней Сербія. Она должна была признать верховную власть Турціи, платить ей ежегодную дань, и т. д., но во внутреннемъ управленіи Греція должна была пользоваться полною самостоятельностью. Турки не должны были имѣть собственности въ Греціи, и для этого греки должны были скупить у турокъ всѣ ихъ недвижимыя имѣнія въ Греціи. Проведеніе границъ между Турціей и Греціей, становившейся въ такія отношенія къ Портѣ, предоставлялось соглашенію между этими двумя державами. Хотя греки собственно желали большаго, хотя они стремились къ пріобрѣтенію полной независимости и поэтому не могли быть особенно довольны этимъ способомъ разрѣшенія вопроса: однако, за неимѣніемъ лучшаго, они готовы были принять его. Но за-то Порта на-отрѣзъ отказалась отъ принятія этихъ условій, предложенныхъ въ 1826 году Англіею и Россіею. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ съ надменностью на представленія означенныхъ двухъ державъ, что Порта никогда не согласится на подобное вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла свои. Онъ указывалъ также въ своемъ отвѣтѣ на непослѣдовательность политики ходатайствующихъ державъ, которыя въ другихъ мѣстахъ поддерживали законныхъ государей противъ революціи, а въ Греціи желали оказать поддержку бунтовщикамъ противъ законнаго правительства ихъ. «Если Турціи до сихъ поръ не удалось справиться съ греческимъ возстаніемъ — говорилъ министръ — то это происходило оттого, что турецкимъ военнымъ начальникамъ предписано было поступать «съ кротостью», относительно инсургентовъ, и потому что Англія организовала и поддерживала возстаніе. Порта никогда не допуститъ иноземнаго вмѣшательства; она готова, въ случаѣ надобности, отразить силу силою. Она предпочтетъ славную погибель позорной сдѣлкѣ, которой затемнялась бы славная исторія столькихъ столѣтій».

Послѣ такого категорическаго отказа Порты—принять посредничество Англіи и Россіи, означенныя двѣ державы стали хлопотать о томъ,

чтобы склонить къ совокупному посредничеству также и другія европейскія державы и, главнымъ образомъ, Францію и Австрію. Послѣдняя изъ этихъ державъ отклонила предложеніе о совокупномъ ходатайствѣ; князь Меттернихъ не желалъ, повидимому, подвергнуться упреку въ непослѣдовательности, которой заслужили отъ турецкихъ министровъ русское и англійское правительства. Но со стороны Франціи, попытки Англіи и Россіи встрѣтили болѣе благопріятный пріемъ. Во Франціи общественное мнѣніе давно уже стало относиться съ замѣтнымъ энтузіазмомъ къ геройской борьбѣ грековъ. Правительство Карла X не могло и не хотѣло отстать отъ Англіи и Россіи въ восточномъ вопросѣ. Результатомъ сближенія между означенными тремя державами было то, что между ними былъ подписанъ въ Лондонѣ, 6 іюля 1827 года, договоръ, имѣвшій цѣлью «возстановить порядокъ и спокойствіе на юго-востокѣ Европы и положить конецъ борьбѣ между турками и греками, которая противна интересамъ человѣколюбія, а также торговымъ интересамъ европейскихъ державъ». Рѣшено было обратиться къ Портѣ съ новымъ предложеніемъ посредничества, которое въ главныхъ основаніяхъ своихъ было сходно съ посредническимъ предложеніемъ Англіи и Россіи 1826 года, съ тою разницею, что опредѣленіе границъ между Портой и Греціей предоставлялось позднѣйшему соглашенію между Турціей, Греціей и ходатайствующими тремя державами. Въ секретныхъ статьяхъ лондонскаго договора 1827 года условлено было, что если та или другая изъ враждующихъ сторонъ не примутъ въ теченіе мѣсячнаго срока предложеннаго имъ посредничества, то посредничествующія три державы примутъ сообразныя съ тѣмъ мѣры, для чего начальникамъ эскадръ ихъ въ греческихъ и турецкихъ водахъ даны будутъ соотвѣтствующія инструкціи. Но и на этотъ разъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на представленія трехъ державъ. Онъ даже отказался принять коллективную ноту отъ представителей ихъ, и ограничился ссылкой на прошлогоднія свои заявленія. Посланники Россіи, Англіи и Франціи объявили послѣ того, что такъ какъ Порта въ теченіе мѣсячнаго срока не приняла предложеннаго ей посредничества, то означенныя три державы считаютъ себя въ правѣ поступить сообразно съ обстоятельствами и съ требованіями своихъ собственныхъ интересовъ.

Затѣмъ послѣдовала наваринская катастрофа. Однако, Порта не думала уступать. Раздраженная уничтоженіемъ своего флота, она рѣшилась довести дѣло, въ случаѣ крайности, до отчаянной борьбы. Она потребовала отъ трехъ державъ, уничтожившихъ флотъ ея при Наваринѣ, чтобы онѣ вознаградили Турцію за нанесенные ей убытки и, кромѣ того, дали Портѣ должное удовлетвореніе за нарушеніе ими нейтралитета. Что касается до греческаго возстанія, то она потребо-

вала, чтобы означенныя державы отступились отъ покровительства, оказываемаго имъ греческимъ инсургентамъ. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ наваринской катастрофы, еще разъ объявилъ посланникамъ Россіи, Англіи и Франціи, что всякій мусульманинъ согласится скорѣе умереть, нежели допустить возможность сближенія съ греками. Онъ объявилъ, что султанъ готовъ простить грековъ, если они покорятся, что онъ готовъ возвратить имъ прежнія имущества и привилегіи, что онъ отказывается отъ взиманія подати съ нихъ за послѣднія шесть лѣтъ и готовъ даже освободить ихъ отъ всякихъ податей еще на одинъ годъ; онъ даже объявилъ, что султанъ готовъ назначить имъ въ губернаторы пашу, характеръ котораго служилъ бы для нихъ гарантіей благополучія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ, что уступки Порты не пойдутъ дальше, что, продолжая посредническую роль свою, великія державы только поддерживаютъ возстаніе, и что предложенія державъ, въ сущности, имѣютъ цѣлью совершенно извратить отношенія турокъ къ райямъ, поставить побѣдителей на мѣсто побѣжденныхъ и наоборотъ. Напрасно представители европейскихъ державъ доказывали турецкому министру, что никто не желаетъ оскорблять мусульманъ и касаться ихъ религіозныхъ вѣрованій; онъ продолжалъ увѣрять, что требованія ихъ могутъ быть исполнены только подъ условіемъ совершеннаго разрушенія турецкой монархіи. Посланники, разумѣется, объявили недостаточными тѣ уступки, которыя Порта соглашалась сдѣлать Греціи; они, въ то же время, отклонили также требованія Турціи касательно вознагражденія и удовлетворенія за наваринскій разгромъ. Порта отвѣчала тѣмъ, что наложила секвестръ на иностранныя суда, находившіяся въ то время въ Босфорѣ. А это повело къ перерыву дипломатическихъ сношеній между Портой съ одной, и Англіей, Франціей и Россіей съ другой стороны: въ декабрѣ мѣсяцѣ 1827 г., представители означенныхъ трехъ державъ выѣхали изъ Константинополя, и турки начали готовиться къ отчаянной борьбѣ.

До сихъ поръ, т. е., до наваринской катастрофы и до послѣдовавшей, затѣмъ, войны между Россіей и Турціей, нельзя было усмотрѣть почти никакого различія въ восточной политикѣ трехъ главныхъ европейскихъ государствъ — Россіи, Англіи, Франціи. Сначала всѣ онѣ одинаково недружелюбно отнеслись къ попыткѣ грековъ избавиться отъ турецкаго ига, въ которой видѣли только нарушеніе европейскаго мира и спокойствія, недавно купленнаго столь дорогою цѣною, и нарушеніе принциповъ, положенныхъ въ основаніе учрежденія Священнаго союза. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ возстаніе становилось все болѣе и болѣе упорнымъ и кровопролитнымъ, державы эти начали обращать на него болѣе серьёзное вниманіе, и стали придумывать различные способы для того, чтобы примирить притязанія обѣихъ сторонъ, и этимъ положить конецъ возстанію. Правда, мы видѣли, что за-

падно-европейскія державы руководились при этомъ въ значительной степени желаніемъ предупредить и ослабить, по возможности, одиночное вмѣшательство и вліяніе Россіи. Но каковы бы ни были при этомъ ихъ побужденія, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что въ первыхъ попыткахъ дипломатическаго вмѣшательства въ отношенія Турціи и Греціи, Англія и Франція не только не отставали ни въ чемъ отъ Россіи, но даже заходили отчасти далѣе ея. Не говоря уже о томъ, что инниціатива въ переговорахъ 1826 года принадлежитъ Англіи, укажемъ только на то обстоятельство, что французская и англійская эскадры прибыли къ Наварину ранѣе русской эскадры, что французскій и англійскій посланники выѣхали изъ Константинополя ранѣе русскаго посланника. Но послѣ дипломатическаго разрыва 1827 года, оканчивается согласіе между Англіей, Франціей и Россіей по восточному и, преимущественно, по греческому вопросу. Съ этихъ поръ, означенныя три державы уже не идутъ ровнымъ шагомъ къ разрѣшенію этого вопроса. Съ этихъ поръ, восточная политика Россіи и начинаетъ раздѣляться рѣзкою чертою отъ восточной политики Англіи и Франціи, и черта эта далеко не изгладилась и въ настоящее время. Если усилія дипломатіи для разрѣшенія восточнаго вопроса не могли увѣнчаться успѣхомъ даже въ то время, когда три важнѣйшія европейскія государства шли рука объ руку къ одной цѣли, то съ этихъ поръ всѣ усилія ея въ этомъ направленіи заранѣе обречены на то, чтобы остаться безсильными и безплодными; потому что она принимается за дѣло безъ должнаго согласія, съ различными задними мыслями. Она съ этихъ поръ сама разрушаетъ одной рукой то, что созидается другою рукой, и сама обрекаетъ себя на безконечную Сизифову работу.

Послѣ наваринскаго разгрома и отъѣзда посланниковъ изъ Константинополя, Порта проявила весьма замѣтное различіе въ отношеніяхъ своихъ къ тремъ державамъ, взявшимъ подъ свое покровительство Грецію. Она не только не объявила войны Франціи и Англіи, но, напротивъ не переставала дѣлать попытки къ сближенію съ означенными двумя державами. Въ то самое время, какъ начинались военныя дѣйствія между Турціей и Россіей, турецкій министръ приглашалъ посланниковъ Франціи и Англіи возвратиться въ Константинополь [1].

[1] Еще ранѣе того, англійское правительство высказало, довольно прозрачнымъ образомъ, что оно жалѣетъ о наваринской катастрофѣ, и этимъ какъ бы одобряло Порту искать случая сближенія съ западными державами. Въ тронной рѣчи, которою король Георгъ IV открылъ засѣданія парламента въ началѣ 1828 года, сказано было, что въ Архипелагѣ произошло неожиданное столкновеніе, и что, несмотря на храбрость, выказанную англійскимъ флотомъ, король взираетъ съ глубокимъ огорченіемъ на эту борьбу противъ стараго союзника; вмѣстѣ съ тѣмъ, была выражена надежда, что это прискорбное происшествіе не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Они отвѣтили ему, что правительства ихъ одушевлены самымъ искреннимъ желаніемъ возобновить сношенія съ Турціей, и что они готовы сдѣлать это, если Порта приметъ предложенное ими посредничество въ греческомъ вопросѣ и согласится на перемиріе. Писанныя ими по этому поводу депеши отличаются чрезвычайно миролюбивымъ, даже дружественнымъ тономъ. Турецкій министръ повторилъ свое приглашеніе; онъ не уклонялся отъ переговоровъ касательно Греціи, и выражалъ надежду, что, до возвращенія французскаго и англійскаго посланника въ Константинополь, всѣ затрудненія будутъ улажены въ теченіе одной недѣли; только онъ подчинялъ веденіе этихъ переговоровъ двумъ условіямъ: чтобы, во-первыхъ, въ нихъ не принимала участія Россія, которая въ это время воевала съ Турціей; во-вторыхъ, чтобы не было сдѣлано попытки къ окончательному отдѣленію Греціи отъ турецкаго владычества.

Но еще прежде, нежели возобновлены были дипломатическія сношенія между западно-европейскими державами и Портой, три державы, взявшія на себя роль посредниковъ между Турціей и Греціей, стали изыскивать новыя средства къ разрѣшенію греческаго вопроса. Но при этомъ уже обнаружилось господствовавшее между ними несогласіе и взаимное недовѣріе ихъ. Наваринское дѣло собственно не повело къ желаемымъ результатамъ: съ одной стороны, не смотря на уничтоженіе турецкаго флота, оно не склонило рѣшительной побѣды на сторону грековъ; съ другой стороны, оно не принудило турокъ прекратить кровопролитіе и принять предлагаемое перемиріе и посредничество. Борьба въ Греціи продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ; хотя съ прибытіемъ графа Каподистріа и съ принятіемъ имъ правленія въ свои руки, уменьшились распри между предводителями возстанія, и управленіе возстаніемъ получило большее единство — однако, греки были еще далеки отъ того, чтобы окончательно утвердить за собою свою независимость одними только собственными своими силами. Тремъ посредничествующимъ державамъ приходилось: или принять новыя, энергическія мѣры для прекращенія кровопролитія въ Греціи, или отступиться отъ своей посреднической роли и склониться передъ упорствомъ Порты. Послѣдняго онѣ не могли сдѣлать, не уронивши окончательно своего достоинства. Поэтому, Англіи и Франціи, ради сохраненія своего достоинства, приходилось снова сговариваться съ Россіей касательно средствъ для осуществленія условій лондонскаго договора 1827 года. Англійское правительство, желая устранить, по возможности, вліяніе Россіи въ Греціи, и усилить собственное вліяніе, предложила занять Морею своими войсками. Франція и Россія воспротивились этому, такъ какъ онѣ опасались, чтобы Англія, воспользовавшись притомъ своимъ выгоднымъ положеніемъ на Іоническихъ островахъ, не утвердилась на-всегда въ этой части Греціи. На-

конецъ, рѣшено было, что въ Морею отправленъ будетъ французскій корпусъ, которому поручено будетъ положить конецъ тамошнему кровопролитію, и принудить Порту къ очищенію полуострова отъ турецко-египетскихъ войскъ. Но какъ только было принято это рѣшеніе, Англія тотчасъ же стала хлопотать о томъ, чтобы предупредить походъ французовъ въ Морею, а если это не удастся, то, по крайней мѣрѣ, устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы ограничить и сократить военное вмѣшательство Франціи. Уже двѣнадцать дней спустя послѣ подписанія этой конвенціи, англійскій адмиралъ Кодрингтонъ явился передъ Александріей съ семью большими военными судами, и потребовалъ отъ паши египетскаго, чтобы тотъ отозвалъ свои войска изъ Мореи; въ противномъ случаѣ, онъ угрожалъ ему блокадой египетскихъ гаваней. Мегеметъ-Али тѣмъ скорѣе склонился на это требованіе, что втайнѣ самъ желалъ того же, и затруднялся только изъявить это желаніе Турціи. Теперь же онъ послалъ своему сыну, Ибрагиму-пашѣ, приказаніе очистить Морею, оставивши тамъ только 1,200 человѣкъ войска для подкрѣпленія турецкихъ гарнизоновъ. Когда, въ концѣ августа 1828 года, французскій генералъ Мезонъ прибылъ съ 14,000 корпусомъ къ Мореѣ, адмиралъ Кодрингтонъ предъявилъ ему конвенцію, заключенную съ Мегеметомъ-Али, и старался доказать, что ему не зачѣмъ даже высаживать французскихъ войскъ на берегъ. Хотя французскій генералъ высадилъ свои войска, однако, такъ какъ Ибрагимъ-паша дѣлалъ уже приготовленія къ очищенію Мореи, то французскій корпусъ остался мирнымъ зрителемъ удаленія египетскихъ войскъ, съ которыми онъ долженъ былъ воевать. Послѣ удаленія египетскихъ войскъ, генералъ Мезонъ принялся за завоеванія тѣхъ укрѣпленныхъ мѣстностей Мореи, которыя были еще заняты турецкими войсками; но эти форты не оказали ему почти никакого сопротивленія, такъ-что все это дѣло было окончено въ какія-нибудь три недѣли. Послѣ того не было уже никакихъ причинъ для продленія пребыванія французовъ въ Мореѣ, и генералъ Мезонъ возвратился назадъ съ большею частью своего корпуса, оставивъ въ Мореѣ около 5,000 человѣкъ въ видѣ обсерваціоннаго корпуса.

«Такимъ образомъ—замѣчаетъ Розенъ въ своей новѣйшей исторіи Турціи—фактически осуществилось то разрѣшеніе греческаго вопроса, которому султанъ Махмудъ такъ энергически противился въ теченіе семи лѣтъ: ибо нельзя было ожидать, чтобы западныя державы когда-либо отдали Турціи завоеванную у нея часть Греціи. Однако, обстоятельства въ послѣднее время такъ сложились, что этотъ оборотъ дѣла долженъ былъ казаться Портѣ спасительнымъ. На сѣверѣ затронуты были гораздо болѣе важные интересы, на которые Турція должна была обратить все свое вниманіе. Такимъ образомъ, она могла видѣть въ

занятіи западными державами Мореи событіе, избавляющее ее отъ лишнихъ заботъ, которыя только отвлекали ея вниманіе».

Послѣ очищенія Мореи отъ турецко-египетскихъ войскъ, представители трехъ покровительствующихъ державъ снова собрались въ Лондонѣ для конференціи о томъ, что́ слѣдуетъ сдѣлать теперь для разрѣшенія греческаго вопроса. Конвенціей, подписанной 16 ноября 1828 года, рѣшено было, что вопросъ о предѣлахъ Греціи будетъ оконченъ впослѣдствіи, и что покуда Россія, Франція и Англія возьмутъ подъ свое покровительство только Морею и Цикладскіе острова. Рѣшено было, что Франція сообщитъ Портѣ объ этихъ постановленіяхъ конференціи. Неудачи, постигшія въ послѣднее время Порту, уже на столько сломили упрямство султана, что онъ не отказывался, какъ прежде, вступить въ какіе-либо переговоры о Греціи. Поэтому, когда французскій чрезвычайный уполномоченный прибылъ въ Константинополь, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ охотно вступилъ съ нимъ въ переговоры касательно Греціи. Онъ объявилъ, что Порта воздержится отъ всякого нападенія на Морею и Цикладскіе острова, и не будетъ посылать подкрѣпленій въ другія мѣста Греціи; онъ предлагалъ открыть въ Константинополѣ конференцію между представителями Англіи, Франціи и Порты для разрѣшенія греческаго вопроса. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требовалъ, чтобы Россія была исключена изъ этой конференціи, и чтобы Порта сохранила надъ Греціей верховное владычество. Французскій уполномоченный старался доказать Портѣ, что условіе объ исключеніи Россіи отъ участія въ переговорахъ уничтожаетъ всѣ прочія уступки Порты, и что, такимъ образомъ, Порта сама упуститъ всѣ выгоды, которыя она могла бы извлечь изъ немедленнаго разрѣшенія греческаго вопроса. Но всѣ эти представленія ни къ чему не повели. Турецкій министръ продолжалъ твердить, что Порта ни за что не вступитъ въ переговоры съ Россіей, съ которой она въ это время воевала, что Россія не можетъ быть въ одно и то же время и воюющей, и посредничествующей стороной, и т. д.

Такимъ образомъ, Порта, съ свойственнымъ ей упорствомъ отклонила въ высшей степени благопріятныя для нея постановленія конвенціи 16 ноября 1828 года. Между тѣмъ, европейскія державы все-таки чувствовали необходимость разрѣшить какъ-нибудь греческій вопросъ. Борьба въ Греціи не только не прекращалась, но, напротивъ, велась съ особеннымъ ожесточеніемъ послѣ того, какъ управленіе графа Каподистріа придало греческому возстанію болѣе единства; только теперь, послѣ удаленія турокъ изъ Мореи, оно сосредоточилось въ Ливадіи, въ Эпирѣ, и на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага — Кандіи, Самосѣ, и т. д. Первая изъ этихъ провинцій, которая, за нѣсколько времени передъ этимъ, почти окончательно была завоевана турками,

снова перешла въ руки грековъ. Тогда Франція указала на необходимость прійти къ какому-нибудь окончательному результату по греческому вопросу. По предложенію французскаго правительства, между покровительствующими державами возобновились конференціи, которыя привели къ новой сдѣлкѣ — къ такъ-называемому лондонскому договору 22 марта 1829 года. Въ этомъ договорѣ опредѣлены были новыя границы для греческаго государства и новыя отношенія его къ Портѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ, было установлено, что эти постановленія должны служить основой для дальнѣйшихъ политическихъ переговоровъ съ Портой. Въ протоколѣ 22 марта, границы Греціи опредѣлены были въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ и доселѣ; рѣшено было, что всѣ земли къ югу отъ линіи, простирающейся отъ заливовъ Артъ до Воло, должны принадлежать Греціи. Далѣе постановлено было, что греки должны остаться подъ верховнымъ владычествомъ Порты и платить ей ежегодную дань въ $1\frac{1}{2}$ милліона піастровъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было, что Греція должна получить такое правительство, которое обезпечивало бы ея религіозную и политическую свободу. Эта форма должна, по возможности, приблизиться къ монархической формѣ; Греція должна получить правителя изъ христіанъ, который будетъ назначенъ по соглашенію покровительствующихъ державъ съ Портою, но не долженъ принадлежать къ царствующимъ династіямъ покровительствующихъ державъ. Наконецъ, въ этомъ новомъ договорѣ упомянуто было о вознагражденіи турокъ, которые должны были лишиться своей поземельной собственности въ Греціи.

Эти новыя постановленія лондонской конференціи послужили поводомъ къ возобновленію правильныхъ дипломатическихъ сношеній между Портою и западными державами. Англійскій и французскій посланники прибыли въ Константинополь и были приняты съ большимъ почетомъ. Они немедленно вступили въ переговоры съ турецкимъ правительствомъ, и предложили ему новыя постановленія покровительствующихъ державъ касательно Греціи; австрійскому и прусскому посланникамъ велѣно было поддерживать ихъ ходатайство, но Порта, не смотря на угрожавшую ей опасность съ сѣвера, сохранила прежнее свое упорство. Она не только отказалась принять постановленія лондонскаго протокола 22 марта 1829 года, но и постановленія того договора, которымъ покровительствующія державы брали подъ свою защиту одну только Морею съ Цикладскими островами: она повторила увѣреніе, что никогда не признаетъ возстанія, что въ этомъ она увидала бы посягновеніе на права и религію мусульманъ, что она считаетъ невозможнымъ очистить греческія крѣпости, и т. д. Отказъ Порты явился, въ настоящемъ случаѣ, слѣдствіемъ той мягкой формы, въ которой ей были предложены требованія: западныя державы не

сочли даже нужным погрозить ей разрывомъ въ случаѣ отверженія ихъ требованій. Порта имѣла полное право предполагать, что Англія и Франція дорожатъ гораздо болѣе неприкосновенностью Турціи, нежели независимостью Греціи, и что онѣ не будутъ очень настаивать на исполненіи своихъ требованій. Такимъ образомъ оказалось, что князь Меттернихъ былъ совершенно правъ, когда, за нѣсколько времени передъ этимъ, онъ высказалъ мнѣніе, что греческій вопросъ будетъ разрѣшенъ не посланниками западныхъ державъ, а русскими солдатами.

Дѣйствительно, Порта въ первый разъ объявила о своемъ согласіи приступить къ постановленіямъ лондонскихъ протоколовъ въ то самое время, когда она послала своихъ уполномоченныхъ въ главную квартиру фельдмаршала Дибича для переговоровъ о мирѣ: только она объявила при этомъ, что опредѣленіе мѣры ея уступокъ и подробностей исполненія постановленій лондонскихъ протоколовъ предоставляется дальнѣйшимъ переговорамъ. Въ 10 статьѣ адріанопольскаго мирнаго договора Порта соглашалась признать постановленія лондонскихъ протоколовъ 6 іюля 1827 и 22 марта 1829 года. А западныя державы, желая хоть чѣмъ-нибудь парализировать вліяніе Россіи, пригласили Порту заранѣе приступить ко всѣмъ постановленіямъ лондонской конференціи касательно исполненія условій означенныхъ договоровъ.

Во всѣхъ переговорахъ, которые вела до сихъ поръ европейская дипломатія касательно Греціи, поражаетъ одно обстоятельство, а именно то, что всѣ эти переговоры имѣли гораздо болѣе въ виду интересы постороннихъ государствъ, нежели интересы двухъ, наиболѣе заинтересованныхъ народовъ, и что результаты этихъ переговоровъ удовлетворяли болѣе или менѣе ту или другую изъ посредничествующихъ державъ, но ни мало не удовлетворяли тѣхъ, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, т. е.—турокъ и грековъ. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли признавать сдѣлокъ, придумываемыхъ для нихъ дипломатіей. Турки, какъ мы видѣли, и слышать не хотѣли о томъ, чтобы дѣлать грекамъ такія значительныя уступки. Съ другой стороны, греки не переставали выражать своего неудовольствія по поводу тѣхъ комбинацій, которыя придумывала дипломатія, и которыя казались имъ слишкомъ недостаточными. Дипломаты находились въ затруднительномъ положеніи. Съ величайшимъ трудомъ удалось имъ сломить сопротивленіе Порты, а тутъ имъ приходилось имѣть дѣло съ еще болѣе рѣшительнымъ сопротивленіемъ грековъ. Имъ предстояло или сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ впередъ по пути уступокъ Греціи, или же прибѣгнуть, относительно грековъ, къ такимъ же принудительнымъ мѣрамъ, къ которымъ они прибѣгали относительно турокъ. При такихъ обстоятельствахъ

возникла мысль о созданіи изъ Греціи совершенно независимаго государства.

Спрашивается, чтó подало поводъ къ возникновенію этой мысли? Съ перваго раза могло бы показаться, что мысль эта возникла вслѣдствіе сопротивленія грековъ принять придуманныя дипломатами сдѣлки, которыя имѣли въ виду образованіе изъ Греціи нѣсколькихъ господарствъ, установленіе платежа ежегодной дани Портѣ, и т. д. Но какъ предшествовавшія событія, такъ и послѣдующія, доказали самымъ несомнѣннымъ образомъ, что подобныя причины не могли бы повліять на рѣшенія западныхъ державъ. Англія и Франція не разъ имѣли случай доказать, какъ мало вниманія онѣ обращаютъ на желанія грековъ. Понятно было, что внезапное рѣшеніе ихъ — создать изъ Греціи независимое государство, должно было явиться результатомъ другихъ причинъ. Но какія же были эти причины? Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что не малую роль тутъ играло желаніе доказать Греціи, что она обязана своимъ положеніемъ не Россіи, а именно западнымъ державамъ, и что она, поэтому, должна чувствовать особенную признательность къ Англіи и Франціи.

Прежде всего нельзя не замѣтить того, что эту новую сдѣлку дипломатіи постигла та же участь, которая постигала и всѣ прежнія ея сдѣлки; обѣ стороны, наиболѣе въ ней заинтересованныя, остались ею въ высшей степени недовольны, и не переставали протестовать противъ нея. Когда дипломаты взялись опредѣлить правительственную форму для Греціи и предѣлы новаго государства, имъ и въ голову не пришло спросить грековъ о томъ, чего они желаютъ. Они нисколько не обратили вниманія на то, что греки избрали графа Каподистріа президентомъ своимъ на семь лѣтъ, что національное собраніе утвердило этотъ выборъ, а что, между тѣмъ, въ то время изъ этихъ семи лѣтъ не прошло и трехъ. Дипломаты, не спрашиваясь грековъ, вздумали измѣнить форму правленія, введенную въ Греціи и ими же одобренную. Тщетно греческое временное правительство представляло неоднократно требованія, чтобы представители Греціи допущены были къ участію въ занятіяхъ конференціи. Это справедливое требованіе не было исполнено, и дипломатія, преслѣдуя только свои собственныя цѣли, ни мало не затруднилась оскорбить рѣшеніями своими чувство національной самостоятельности грековъ. Съ другой стороны, и Порта поражена была самымъ непріятнымъ образомъ извѣстіемъ о новыхъ предположеніяхъ дипломатіи касательно Греціи. Еще въ концѣ 1829 года, она сдѣлала попытку измѣнить предположенія дипломатіи въ томъ смыслѣ, что она соглашалась признать Морею и Цикладскіе острова совершенно самостоятельными, но требовала, чтобы Ливадія оставлена была подъ верховнымъ владычествомъ Порты. Но европейскіе дипломаты обратили столь же мало вниманія на желанія турокъ,

какъ и на желанія грековъ: 3 февраля 1830 г., между представителями Россіи, Англіи и Франціи, въ Лондонѣ подписанъ былъ новый протоколъ, устраивающій судьбу Греціи, и одинаково противорѣчащій желаніямъ какъ турокъ, такъ и грековъ. Этимъ протоколомъ Греція объявлена была независимымъ государствомъ, и определены были предѣлы ея въ томъ видѣ, въ какомъ они были опредѣлены въ лондонскомъ же протоколѣ 22 марта 1829 года; другимъ протоколомъ опредѣлено было предложить корону Греціи принцу Леопольду саксенъ-кобургскому. 8 апрѣля того же года, покровительствующія державы обратились къ Портѣ съ коллективной нотой, въ которой онѣ требовали отъ нея признанія новыхъ постановленій, содержащихся въ двухъ вышеозначенныхъ лондонскихъ протоколахъ; онѣ сослались при этомъ на то, что Порта еще прежде обязалась признать постановленія европейскихъ державъ касательно Греціи. Это приглашеніе было поддержано угрозой: державы объявили, что если Порта не дастъ скораго и удовлетворительнаго отвѣта на это ихъ требованіе, то все-таки приступлено будетъ къ осуществленію постановленій лондонскаго протокола 3 февраля 1830 года. Съ другой стороны, Портѣ обѣщано было, что, въ случаѣ скораго изъявленія ею согласія на требованія державъ, Россія подаритъ ей одинъ милліонъ червонцевъ изъ тѣхъ 10 милліоновъ, которыя Турція должна была заплатить Россіи въ видѣ вознагражденія за военныя издержки. Въ виду этой угрозы и этого обѣщанія, Порта нашла, конечно, болѣе благоразумнымъ забыть прежнее свое упорство, и согласиться на признаніе постановленій лондонской конференціи. Въ депешѣ отъ 24 апрѣля, она объявила, что приступаетъ къ постановленіямъ перваго лондонскаго протокола, «такъ какъ видитъ въ нихъ мѣры, имѣющія цѣлью доставленіе странѣ спокойствія и порядка, и укрѣпленіе всеобщаго мира и благосостоянія». Что же касается до постановленія второго протокола — о предложеніи греческой короны принцу Леопольду, то Портѣ нечего было изъявлять согласіе или несогласіе свое на это постановленіе, такъ какъ къ тому времени принцъ самъ отказался отъ этой короны, увидѣвъ, что новому государству не хотятъ дать тѣхъ предѣловъ, на которые онъ разсчитывалъ.

Дѣйствительно, въ протоколѣ 3 февраля 1830 г., говорилось только о Ливадіи, Мореѣ и Цикладскихъ островахъ, а, между тѣмъ, въ возстаніи участвовали точно также значительная часть провинцій Ѳессаліи и Эпира, и почти всѣ острова Архипелага, населенные исключительно, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно—греками. Изъ островитянъ, кандійцы и самосцы, съ самаго начала греческаго возстанія, принимали въ немъ самое дѣятельное участіе. Дипломаты, окончательно рѣшившіе, въ лондонской конференціи 1830 года, оставить эти острова подъ турецкимъ владычествомъ, не могли, однакожъ, не почувствовать

нѣкоторой неловкости при представленіи той участи, которая ожидаетъ населеніе этихъ острововъ, принужденное возвратиться подъ турецкое владычество. Поэтому, они нашли необходимымъ включить въ протоколъ, устраивающій судьбу Греціи, одинъ параграфъ, которымъ обѣщана была защита покровительствующихъ державъ кандійцамъ и другимъ грекамъ, остающимся подъ турецкимъ владычествомъ. Въ депешѣ отъ 8 апрѣля, въ которой Порта приглашалась приступить къ постановленіямъ конференціи, высказано было также желаніе, чтобы Порта обязалась не подвергать кандійцевъ и самосцевъ никакимъ преслѣдованіямъ за участіе ихъ въ возстаніи, и дать жителямъ этихъ острововъ, по возможности, самостоятельное управленіе и извѣстныя привилегіи. Но между жителями этихъ двухъ острововъ, которые во время подписанія означеннаго протокола находились въ состояніи открытаго возстанія, постановленія лондонской конференціи вызвали сильнѣйшее негодованіе. Они немедленно объявили о непремѣнномъ желаніи своемъ соединиться съ освобожденными братьями своими, и энергически протестовали противъ самовольныхъ распоряженій дипломатіи. Кандійцы отвѣтили начальникамъ европейскихъ эскадръ, приглашавшимъ ихъ положить оружіе, что они исполнятъ приказанія графа Каподистріа; а самосцы не дозволили чиновникамъ, присланнымъ Портою, высадиться на берегъ. Хотя, конечно, христіанское населеніе этихъ двухъ острововъ имѣло тѣ же права на сочувствіе европейскихъ державъ и на освобожденіе отъ турецкаго ига, какъ и остальная Греція, хотя и тутъ можно было найти тѣ же побужденія человѣколюбія, которыя въ теченіе восьми лѣтъ предъявляемы были относительно Греціи,—однако, времена перемѣнились: дипломатія не только не находила никакой надобности въ освобожденіи Самоса и Кандіи, но ей даже въ высшей степени непріятно было продолженіе возстанія на этихъ островахъ, и никто не нашелъ ничего возразить противъ того, что Порта прибѣгала, для усмиренія этихъ острововъ, къ тѣмъ мѣрамъ, которыя казались ей наиболѣе полезными. Дипломатія ограничилась вышеупомянутымъ ходатайствомъ въ пользу самосцевъ и кандійцевъ. Когда же тѣ и другіе сами отвергли распоряженія дипломатовъ, и продолжали требовать присоединенія къ Греціи, дипломатія совершенно отступилась отъ нихъ и предоставила ихъ собственной участи. Впрочемъ, участь самосцевъ, сравнительно, была гораздо легче участи кандійцевъ. Жители острова Самоса убѣдились весьма скоро въ томъ, что сопротивленіе будетъ безполезно, послѣ того, какъ ихъ предоставили въ полное распоряженіе Турціи. Они изъявили желаніе признать верховное владычество Порты. Тогда европейскія державы, въ награду за эту покорность, возобновили въ Константинополѣ ходатайство свое въ пользу самосцевъ: онѣ потребовали, чтобы изъ Самоса сдѣлано было самостоятельное княжество, которое платило бы султану еже-

годную дань, и которое управлялось бы христіанскимъ княземъ, назначаемымъ султаномъ. Переговоры относительно этого предмета подвигались впередъ довольно медленно; но, наконецъ, они повели къ желаемому результату, и въ 1833 году, назначенъ былъ султаномъ первый самосскій князь. Съ тѣхъ поръ, самосцы избавлены были отъ притѣсненій и отъ жестокости турецкихъ управителей; они аккуратно платятъ султану ежегодную дань, и исполняютъ всѣ другія свои обязанности относительно его: за-то они и до сихъ поръ пользуются, сравнительно, значительною степенью благосостоянія.

Другая участь ожидала кандійцевъ. Вся исторія острова Кандіи, послѣ 1831 года, есть не что иное, какъ рядъ возстаній, частныхъ или всеобщихъ. Происходило это оттого, что кандійцы не пожелали подобно самосцамъ, прекратить вооруженное сопротивленіе туркамъ. Они не удовольствовались словесными и письменными протестами противъ распоряженій дипломатіи: они протестовали противъ нихъ фактически. Дѣло доходило до того, что предводители трехъ союзныхъ эскадръ въ Архипелагѣ нашли необходимымъ принять съ своей стороны мѣры для того, чтобы помочь туркамъ справиться съ сопротивленіемъ кандійцевъ. Но, не смотря на эту помощь, оказанную ей европейскими державами, Турція встрѣчала, однако, величайшія затрудненія въ подавленіи кандійскаго возстанія. Кандійцы не соглашались положить оружіе; сопротивленіе ихъ угрожало превратиться въ истребительную войну противъ турецкаго населенія на островѣ. Гористая мѣстность острова значительно затрудняла туркамъ преслѣдованіе отрядовъ инсургентовъ, а финансовое и военное истощеніе турецкаго государства не дозволяло Портѣ употребить, для подавленія возстанія, тѣхъ значительныхъ средствъ, которыя для этого требовались. Всѣ эти обстоятельства заставили султана подарить островъ Кандію могущественному вассалу своему, египетскому пашѣ Мегемету-Али «въ награду за услуги, оказанныя имъ Портѣ въ борьбѣ противъ грековъ.» Мегеметъ-Али съумѣлъ справиться съ кандійцами. Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1830 года, онъ послалъ на островъ Кандію 8,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ, за которыми послѣдовали еще новыя подкрѣпленія. И, не смотря на храбрость кандійцевъ и на помощь, получаемую ими изъ Греціи, они должны были уступить огромному превосходству силъ, и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на островѣ было возстановлено, по крайней мѣрѣ, внѣшнее спокойствіе. Но кандійцы никакъ не могли помириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое они были поставлены стараніями европейской дипломатіи, и новые правители ихъ, конечно, не были въ состояніи примирить ихъ съ этимъ положеніемъ. Будучи лишены покуда возможности выказать неудовольствіе свое въ открытомъ возстаніи, они выражали его тѣмъ, что въ огромномъ числѣ переселялись въ сво-

бодное греческое королевство. Мегеметъ-Али не только не получалъ никакихъ выгодъ отъ обладанія Кандіей, но, напротивъ, управленіе островомъ и содержаніе значительнаго войска на островѣ Кандіи причиняли ему немало расходовъ. А когда борьба, начавшаяся вскорѣ послѣ того между египетскимъ пашею и султаномъ, принудила перваго изъ нихъ вывести большую часть своихъ войскъ съ острова Кандіи, на немъ снова стали обнаруживаться признаки открытаго возстанія. Мегеметъ-Али попытался-было усмирить возстаніе личнымъ появленіемъ своимъ въ Кандіи и различными обѣщаніями. Онъ объявилъ, что удовольствуется тѣми налогами, которые кандійцы прежде платили Портѣ, и отмѣнитъ всѣ новые налоги, введенные со времени подчиненія Кандіи Египту. Но обѣщанія эти остались обѣщаніями, и никогда не переходили въ дѣйствительность. А между тѣмъ, по улаженіи затрудненій своихъ съ Портой, Мегеметъ-Али снова сталъ прибѣгать, относительно кандійцевъ, къ мѣрамъ строгости. Возстаніе снова было подавлено силою. Но съ этихъ поръ, на островѣ неоднократно повторялись попытки къ возстанію до 1841 года, когда, послѣ окончательной побѣды Турціи надъ Египтомъ, вице-король снова долженъ былъ возвратить островъ подъ непосредственное владычество Турціи. Положеніе острова, которымъ снова стали управлять турецкіе паши, отъ этого не только не улучшилось, но стало даже еще хуже: не прекращались и попытки кандійцевъ къ возстанію, и въ такомъ видѣ дѣла эти продолжались до прошлаго года, когда возстаніе кандійцевъ вспыхнуло въ такихъ размѣрахъ, что обратило на себя вниманіе всей Европы. Результатомъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ попытокъ къ возстанію, а также результатомъ многочисленныхъ переселеній грековъ изъ Кандіи въ Грецію было то, что населеніе Кандіи, съ начала нынѣшняго столѣтія уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, и что производительность этого острова, столь богато одареннаго отъ природы, равняется почти нулю.

Планъ англійскаго правительства возвести на престолъ Греціи одного изъ родственниковъ англійскаго королевскаго дома, принца Леопольда саксенъ-кобургскаго, не удался, вслѣдствіе отказа принца принять предлагаемое ему королевство въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ дипломатіи. Кромѣ того, принцъ мотивировалъ еще отказъ свой тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что его выбрала не греческая нація, а дипломатія, и что убѣжденія его не позволяютъ ему навязываться народу, который не желаетъ имѣть его государемъ. Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ о личности будущаго короля Греціи становился съ этихъ поръ вопросомъ второстепеннымъ. Главная цѣль дипломатіи была достигнута договоромъ 3 февраля 1830 года: дипломатія изо всѣхъ силъ старалась о томъ, чтобы создать государство, лишенное политической самостоятельности, лишенное всякихъ здоро-

ныхъ политическихъ элементовъ. Она заботилась о томъ, чтобы создать политическое тѣло, которое не было бы въ состояніи проявлять притягательную силу свою на сосѣднія племена. Подобное политическое тѣло представляло обширное поприще для всякихъ постороннихъ вліяній — а этого то и хотѣлось дипломатіи, которая ни мало не заботилась о политической будущности народа, взятаго ею подъ свое покровительство. Когда, вскорѣ послѣ учрежденія іюльской монархіи, министры Людовика-Филиппа возвѣстили палатѣ депутатовъ объ окончательномъ образованіи греческаго королевства, одинъ изъ депутатовъ, генералъ Ламаркъ, взошелъ на трибуну, и произнесъ слѣдующее сужденіе о новомъ созданіи дипломатіи: «Дипломатія воображаетъ, что совершила чудо, создавши то дѣло, о которомъ она насъ извѣщаетъ теперь. Посмотримъ, имѣетъ ли она дѣйствительно какое-нибудь основаніе радоваться своему созданію; посмотримъ, имѣютъ ли назначеніемъ подобные звуки, которые мы слышимъ, возвѣщать о дѣйствительной побѣдѣ дипломатіи, или, напротивъ, они имѣютъ только цѣлью оглушить публику? Результаты, для достиженія которыхъ пришлось пролить потоки крови и вести въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самые затруднительные переговоры, могутъ быть резюмируемы слѣдующимъ образомъ: на юго-восточной оконечности Европы создано государство безобразное, лишенное всякихъ жизненныхъ условій, государство, которое, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считать уродомъ. Ему дали голову, несоразмѣрную съ туловищемъ, и къ тому же, у этой головы выкололи глаза — Кандію и Іоническіе острова; у государственнаго организма этого вынули внутренности его — Эпиръ; у него отрѣзали двѣ ноги его — Македонію и Өессалію. Этотъ-то безобразный уродъ дипломатія представляетъ намъ нынѣ, величая его громкимъ именемъ Греческаго королевства.» Но дипломатія какъ будто не удовольствовалась тѣмъ, что создала такое жалкое политическое тѣло. Она и послѣ того какъ будто нарочно употребила всѣ старанія свои на то, чтобы поставить его въ возможно-худшія условія существованія. Послѣ того, какъ іюльская революція отвлекла на нѣкоторое время вниманіе Европы отъ Греціи, дипломатія снова стала хлопотать о томъ, чтобы найти короля для столь неудачно-созданнаго ею греческаго королевства. Весьма понятно, что тѣ же самыя причины, которыя побудили принца Леопольда отказаться отъ предлагаемой ему короны, побуждали и другихъ принцевъ Европы отклонять отъ себя честь быть облеченнымъ въ званіе короля Греціи; при томъ объемѣ, который данъ былъ новому королевству, при тѣхъ условіяхъ, которыми была обставлена королевская власть въ этомъ несчастномъ государствѣ, престолъ Греціи ни для кого не могъ представлять ничего особенно привлекательнаго. Дипломатіи не легко было остановиться на выборѣ короля Греціи, въ особенности, если принять въ соображеніе тѣ разногласія, кото-

рыя существовали между покровительствующими державами. А къ этому присоединились еще происки греческихъ партій и, въ особенности, партіи президента Каподистріа, которая желала, чтобы греческая корона отдана была такому лицу, при которомъ президентъ могъ бы сохранить прежнее свое вліяніе. Наконецъ, дипломатія пришла къ мудрому рѣшенію — посадить на шаткій престолъ Греціи 16-лѣтняго ребенка, чѣмъ она какъ бы нарочно открывала доступъ усиленнымъ проискамъ различныхъ партій, и лишала Грецію возможности успокоиться отъ десятилѣтнихъ треволненій, и ввести у себя ту степень благоустройства, какую только возможно было ввести въ такомъ безобразномъ политическомъ тѣлѣ. Протоколомъ 13 февраля 1832 года, покровительствующія державы постановили предложить корону Греціи принцу Оттону баварскому, а 7 марта того же года, между этими державами — Баваріей и Греціей, заключенъ былъ договоръ, которымъ принцъ Оттонъ назначался королемъ Греціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлено было назначить, до совершеннолѣтія его, регенство, и баварское правительство обязалось отправить въ Грецію, вмѣстѣ съ королемъ, членовъ регентства и вспомогательный отрядъ въ 3,500 человѣкъ; покровительствующія державы, въ свою очередь, гарантировали новому правительству заемъ въ 60 милліоновъ фр. Наконецъ, 8 августа того же года, греческое національное собраніе провозгласило Оттона королемъ Греціи, а въ началѣ 1833 года, новый король прибылъ въ Грецію съ баварскимъ войскомъ, и съ назначеннымъ къ нему совѣтомъ регентства, состоявшимъ изъ одного баварскаго каммергера, одного баварскаго генерала и одного государственнаго совѣтника. Такимъ образомъ, новому государству, которое, при самомъ рожденіи своемъ, явилось, по остроумному выраженію генерала Ламарка, политическимъ уродомъ, дана была самая худшая форма правленія, какую только можно было придумать. Въ государи этого новаго королевства назначенъ былъ ребенокъ, который предназначался къ духовному званію, въ которомъ родственники его видѣли въ немъ будущаго римскаго кардинала, который получилъ соотвѣтствующее къ тому воспитаніе, и который отъ природы не былъ одаренъ никакими государственными способностями. Этотъ король-ребенокъ, этотъ кардиналъ in spe, явился въ свое новое государство съ иноземною вооруженною силою, которая должна была возбуждать неудовольствіе туземцевъ. Такъ какъ онъ ни по возрасту, ни по воспитанію своему, ни по природнымъ способностямъ своимъ не былъ способенъ управлять, то онъ привезъ съ собою управителей-нѣмцевъ. Эти иноземные совѣтники короля, незнакомые съ страною и націей, незнакомые съ языкомъ, обычаями, понятіями, степенью развитія грековъ, стали управлять новымъ государствомъ, только-что вышедшимъ изъ четырехъ-вѣкового рабства, по образцу западной бюрократіи, возбуждая своимъ управленіемъ не-

удовольствіе націи и зависть туземныхъ политическихъ людей, доходившія не разъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, до открытаго возстанія. Кромѣ многочисленныхъ туземныхъ партій и кромѣ партіи баварской, въ Греціи были еще партіи англійская, французская, русская, которыя интриговали другъ противъ друга, старались вытѣснить другъ друга, и пр. Однимъ словомъ, не входя здѣсь въ изложеніе греческой исторіи послѣ образованія Греческаго королевства, мы укажемъ только на то, что греческая нація, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, выказала немалую жизненную силу, и скажемъ даже болѣе — немалое политическое развитіе.

Народъ, который не носилъ бы въ самомъ себѣ задатковъ политическаго развитія, и который не обладалъ бы значительной жизненной силой, непремѣнно погибъ бы окончательно при томъ политическомъ устройствѣ, которое дипломатія дала Греціи, и при томъ правительствѣ, которое навязали ему его благодѣтели. Исторія Греціи, за послѣднія тридцать пять лѣтъ, конечно, въ высшей степени печальна; мы въ ней постоянно встрѣчаемся съ внутренними раздорами, интригами партій, открытыми возмущеніями, финансовыми затрудненіями, дурнымъ управленіемъ и народною бѣдностью. Но удивляться слѣдуетъ не тому, что мы встрѣчаемся въ новѣйшей исторіи Греціи съ подобными явленіями, а тому, что греческое государство 1830 года, этотъ «политическій уродъ», продолжаетъ еще существовать, что этотъ уродъ достигъ даже извѣстной степени матеріальнаго и умственнаго развитія (что̀ доказывается самымъ неопровержимымъ образомъ статистическими данными), что онъ не разъ находилъ даже возможность помогать своимъ отрубленнымъ членамъ въ попыткѣ ихъ соединиться съ своимъ туловищемъ. Вотъ, чему слѣдуетъ удивляться, вотъ, что̀ доказываетъ, что иногда и всѣ старанія дипломатіи не въ состояніи бываютъ умертвить народъ, въ которомъ еще не совершенно иссякла жизненная сила. W.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

III.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Очеркъ второй *).

Мы начали свои очерки современной Франціи картиною общественнаго настроенія и политическаго состоянія самой страны. Перейдемъ

*) См. выше, т. I, отд. V, стр. 93.

теперь послѣдовательно къ французской журналистикѣ и французской литературѣ, какъ научной, такъ и изящной.

Журналистика, или пресса по преимуществу, стоитъ, вообще, несравненно въ большей зависимости отъ характера господствующихъ политическихъ учрежденій, нежели литература, и потому состояніе журналистики, въ данной странѣ и въ данную эпоху, отражаетъ на себѣ быстрѣе политическое состояніе общества. Французская пресса, съ 1852 по 1867 годъ, при давленіи на нее сверху, кончила тѣмъ, что обратилась почти исключительно въ оффиціальные органы; всякая другая газета, или, какъ называютъ французы и ежедневныя изданія, — журналъ, являющійся скромно, чтобы высказать сколько-нибудь свободное, независимое слово, впередъ осуждается на безцвѣтность или эфемерное существованіе.

Къ этому пятнадцатилѣтнему періоду французской прессы можно примѣнить слова, сказанныя еще въ 1816 году однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ публицистовъ нашего столѣтія: «Авторитетъ правительства, господа — вотъ великое слово во Франціи! Въ другихъ мѣстахъ говорятъ законъ — здѣсь авторитетъ! О! какъ бы доволенъ былъ нами отецъ Canaye (одно изъ лицъ Saint-Evremont), еслибъ онъ могъ хоть на минуту воскреснуть; онъ нашелъ бы вездѣ написанными слова: «безъ разсужденій! авторитетъ!» Конечно, это не авторитетъ соборовъ или отцовъ церкви, и еще гораздо менѣе юрисконсультовъ; но это авторитетъ жандармовъ, который стоитъ всякого другого». Пресса послѣдняго времени во Франціи, въ самомъ дѣлѣ, должна была отказаться отъ свободныхъ разсужденій и обсужденій всего, что̀ касалось или внѣшней политики Франція, или ея внутреннихъ дѣлъ, а еще болѣе—поступковъ и дѣйствій самаго правительства. Волей-неволей, пресса потеряла свой главный интересъ, она почти отказалась служить своему назначенію, своей цѣли — говорить о событіяхъ дня, минуты, и должна была ограничиться чуть не перепечатываніемъ оффиціальныхъ извѣстій, помѣщеніемъ объявленій, рекламъ, да изрѣдка, отъ времени до времени, какою-нибудь небольшою статьею, не относившеюся ни къ внутренней, ни къ внѣшней французской политикѣ. Заключенная въ такой тѣсный кругъ, и не имѣя возможности его переступить, такъ какъ всякая попытка изъ него выйти, всякое стремленіе заглянуть въ ту или другую недозволенную область подвергало журналъ или газету, рисковавшую на такое незаконное любопытство, если не окончательной, безапелляціонной смертной казни, то, по крайней мѣрѣ, лишенію всѣхъ правъ, въ томъ числѣ, разумѣется— и права подавать и возвышать свой голосъ на опредѣленное или даже неопредѣленное время. Но вотъ, что̀ заслуживаетъ при этомъ особеннаго вниманія: какимъ образомъ, не смотря на такое фальшивое, невыгодное положеніе, созданное во Франціи для всѣхъ журналовъ, —

какимъ образомъ они могли сохранить, если не жизнь, то все-таки извѣстный характеръ? Одинъ журналъ защищаетъ одно, другой другое; одинъ смотритъ на такое-то событіе, даже не касающееся Франціи, о которой совсѣмъ нельзя высказывать свободно своего мнѣнія, съ такой-то точки зрѣнія, другой съ другой, и смотрятъ иногда такъ различно, что забываютъ даже подчасъ парламентскія формы, которыя, впрочемъ, быстро возстановляются. Никто не станетъ спорить, что, пока въ странѣ борятся различные интересы (я, разумѣется, не говорю объ интересахъ матеріальныхъ), пока въ ней приходятъ въ тѣсное столкновеніе различныя партіи, защищающія свои мнѣнія, свои воззрѣнія, защищающія право своего существованія, до тѣхъ поръ нельзя сказать, чтобы эта страна умерла. Во Франціи, что́ бы тамъ ни говорили, партіи продолжаютъ существовать и при нынѣшнемъ порядкѣ вещей; онѣ даже имѣютъ значительную силу, а эту силу онѣ имѣютъ потому, что здѣсь партіи не явились всѣ вмѣстѣ, въ одинъ прекрасный день; онѣ не явились только оттого, и только для того, чтобы были партіи, онѣ не явились изъ духа подражанія какой-нибудь другой странѣ; нѣтъ, онѣ родились сами собою, какъ результатъ прожитой жизни общества; онѣ образовывались мало по малу, формировались, расли, развивались, боролись другъ съ другомъ, оспаривали другъ у друга свою жизнь, свое существованіе, однимъ словомъ — онѣ были всегда принадлежностью всей исторіи народа. Одна партія растетъ, мужаетъ, получаетъ силу, вѣсъ, — другая старѣетъ, увядаетъ, теряетъ свое значеніе, умираетъ; вмѣсто отжившей является новая, молодая, оспаривающая мѣсто у первой, и т. д., и т. д. Каждая изъ этихъ партій имѣетъ свой органъ, на который она налагаетъ свою печать, свое направленіе, свой характеръ, до того рѣзко отдѣляющій ее отъ всѣхъ другихъ, что онъ выходитъ на наружу, не смотря ни на какое давленіе; онъ сказывается во всякой мелочи, во всякомъ вздорѣ, самымъ косвеннымъ образомъ, если не имѣетъ возможности сказаться въ чемъ-нибудь важномъ, въ самой сущности того или другого вопроса.

Я не говорю о настоящей минутѣ, когда всякій органъ во Франціи опять прямо говоритъ и защищаетъ свои интересы, но даже и въ самые трудные, деликатные дни французской журналистики, когда она не смѣла думать о томъ, что́ будетъ завтра, самый характеръ журнала, сокращавшійся въ тонѣ, манерѣ, въ именахъ редакторовъ, позволялъ и тогда уже различать нѣсколько направленій во французской прессѣ.

Первое направленіе и которое имѣетъ самое большое число представителей, это, разумѣется — правительственное: *Большой Монитёръ*, *Малый Монитёръ* и, затѣмъ, еще большой *Pays*, признаны оффиціальными журналами, присяжными защитниками не только дѣйствій и поступковъ правительства, но и каждаго правительственнаго лица, на-

чиная отъ Наполеона III и кончая парижскимъ сержантомъ. Правительство во Франціи поставлено, однимъ своимъ происхожденіемъ, какъ всякая восторжествовавшая партія, въ необходимость имѣть свой органъ и даже органы, которые объясняли бы Франціи необъяснимое, представляли бы ей черное бѣлымъ, увѣряли бы въ несуществующемъ и разувѣряли въ существующемъ. Эту обязанность, кромѣ трехъ оффиціальныхъ органовъ, исполняетъ еще цѣлый рой оффиціозныхъ журналовъ, какъ: *La France*, *L'Epoque*, *La Patrie*, *L'Etendard* и т. д., безъ конца. Всѣ они гораздо болѣе стараются о благѣ имперіи, чѣмъ самые оффиціальные органы; они, какъ говорятъ, sont plus imperialistes que l'empereur! Я позабылъ привести еще самый яркій изъ оффиціозныхъ журналовъ, именно *Le Constitutionnel* съ его редакторомъ Лимейракъ, который каждое свое слово цѣнитъ на вѣсъ золота; что же касается его самого, то его совсѣмъ не цѣнятъ, вѣроятно потому, что онъ самъ себя считаетъ безцѣннымъ! Одни изъ этихъ органовъ получаютъ отъ правительства субсидіи, другіе же служатъ ему безкорыстно, т. е., въ надеждѣ будущихъ благъ, и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, тѣ, которые еще ждутъ, служатъ болѣе усердно, чѣмъ, тѣ, которые уже дождались! Назначеніе этихъ журналовъ понятно само собою, и многіе изъ нихъ въ своемъ стараніи, въ своемъ рвеніи переходятъ границу до того, что сама власть считаетъ себя вынужденною остановить ихъ, приговаривая, вѣроятно: trop de zèle, trop de zèle, messieurs! Такъ, было недавно съ Patrie, у которой до того лежатъ на сердцѣ интересы настоящаго порядка, что она начала даже колоть правительство, какъ будто бы за черезъ-чуръ либеральныя реформы 19-го января 1867 года. Безсовѣстность оффиціозныхъ органовъ доходитъ иногда до поразительныхъ размѣровъ! Изуродовать фактъ, дать ему совершенно противоположный смыслъ, сказать ложь, это все ни почемъ! Законодательный корпусъ дѣлаетъ, напр., интерпелляцію по поводу циркуляра Вандаля, предписавшаго просмотръ всѣхъ частныхъ писемъ для того, чтобы убѣдиться: не заключаютъ ли они въ себѣ копіи съ автографнаго письма графа Шамбора (Генрихъ V) къ генералу Saint-Priest, документа, неизвѣстно почему не пропущеннаго во Францію. Правительство, въ лицѣ самого Вандаля извиняется за этотъ варварскій циркуляръ, сознается, что ничѣмъ не можетъ оправдать такого поступка, и обѣщаетъ этого больше не дѣлать. Оппозиція, держась того правила, что лежачаго не бьютъ, ограничивается нѣсколькими упреками, принимаетъ извиненіе, тѣмъ поднятый вопросъ и заканчивается. Что же дѣлаютъ оффиціозные органы? Они всѣ въ одинъ голосъ начинаютъ кричать: «Ну! что? хорошо вы разбиты? какую побѣду одержало правительство!»—«Вы одержали побѣду, спрашиваютъ оппозиціонные органы, когда же? Вѣдь вы сами сознались въ беззаконномъ поступкѣ,—что же было еще дѣлать?»

Но имъ нѣтъ до этого воззрѣнія никакого дѣла; они продолжаютъ трубить о побѣдѣ правительства въ столкновеніи съ оппозиціей, на всѣхъ столбцахъ и на всѣхъ страницахъ. Они отлично знаютъ, что ими уродуются факты, и съ каждымъ днемъ продолжаютъ ихъ уродовать еще больше.

Другое направленіе, которое рѣзко выдѣляется во французской прессѣ, это направленіе клерикальное. Оно имѣетъ своими представителями нѣсколько журналовъ, изъ которыхъ два главные: *Le Monde* и *L'Union*. Къ этой партіи принадлежатъ ревностные католики всевозможныхъ партій; есть тутъ чистые католики, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи, для которыхъ католицизмъ съ свѣтскою властію папы все, чѣмъ они только бредятъ, которые готовы продать Францію, Европу, весь міръ, лишь бы Пій IX не потерялъ ни единаго клочка земли! Въ католицизмѣ они видятъ единую истину, въ немъ только они видятъ свое спасеніе: пусть все гибнетъ, лишь бы папа сидѣлъ въ Ватиканѣ! Всѣ партіи, всѣ убѣжденія, всѣ формы правительства сводятся для нихъ только къ одному: неприкосновенность свѣтской власти папы! Кромѣ этихъ чистыхъ католиковъ, есть еще католики-легитимисты, католики-орлеанисты, католики-имперіалисты и, можетъ быть, даже найдутся католики-республиканцы. Во главѣ *Le Monde*, во главѣ *L'Union* стоятъ чистые католики. Вслѣдствіе этого выходитъ то, что эти журналы, ненавидящіе даже призракъ, тѣнь, слово свободы, враги открытые, заклятые всякого либеральнаго направленія, нетерпящіе оппозиціонной партіи во Франціи, съ другой стороны—сами находятся въ оппозиціи къ правительству. Правительство—говорятъ они—предало католицизмъ въ руки враговъ его, оно измѣнило вѣковому преданію, дѣлавшему Францію главною его защитницею, оно добровольно отказалось за Францію отъ драгоцѣннаго титула старшей дочери Рима! Правительство—восклицаютъ они аккуратно каждый день—губитъ Францію, сложивъ съ себя защиту интересовъ католичества! Вопль начался съ италіанской войны, и съ этой поры не перестаетъ расти все больше и больше.—Что́ вы дѣлаете?—спрашиваютъ они правительство—вы заключили союзъ съ проклятою самимъ Богомъ страною! вы дружитесь съ Италіей, т. е., съ самимъ дьяволомъ, антихристомъ! и тутъ всевозможные эпитеты сопровождаютъ Гарибальди, Виктора-Эммануила, всѣхъ италіанцевъ вмѣстѣ и каждаго по-одиночкѣ. Они спятъ и видятъ только во снѣ этого кровожаднаго звѣря, который зовется Италіей. Когда, въ 1864 году, была заключена сентябрская конвенція, въ силу которой французы должны были оставить Римъ, тогда этотъ вопль перешелъ въ такой крикъ, что можно было подумать, что въ ту минуту, когда французскій флагъ перестанетъ развѣваться надъ за̀мкомъ Св. Ангела въ Римѣ, что въ то самое мгновеніе настанетъ, по крайней мѣрѣ, конецъ свѣту.

Описывать тотъ скрежетъ зубовный, который поднялся въ началѣ декабря 1866 г., когда французы начали въ самомъ дѣлѣ оставлять Римъ, нѣтъ возможности! На каждомъ словѣ *Le Monde* и *L'Union* видна была пѣна у рта ихъ редакторовъ; бѣшенству, злости, проклятіямъ не было конца; они становились самыми свирѣпыми, самыми неумолимыми и открытыми врагами правительства. Кого не требовали они къ своему суду, кого не объявляли они измѣнниками отечества, кого не отлучали они отъ церкви, кого не исключали они изъ мягкаго лона католицизма, кому, наконецъ, не обѣщали они вѣчныя мученія ада! Литературу, науку, литераторовъ и ученыхъ, желѣзныя дороги, телеграфы, машинистовъ и телеграфщиковъ, всѣхъ замѣчательныхъ людей не только Франціи, но обоихъ полушарій, они прогоняли черезъ устроенный ими католическій сквозь-строй. Часто, на помощь этимъ поборникамъ римскаго католичества являлся, съ своими святыми брошюрами, монсиньоръ Дюпанлу, въ которыхъ онъ плакался надъ безбожіемъ всей французской молодежи [1]), указывалъ на пропасть, въ которую стремглавъ летитъ общество, вслѣдствіе отсутствія твердой католической вѣры. Но всѣ эти возгласы, нападки, обвиненія, упреки блѣднѣютъ передъ языкомъ главнаго защитника католицизма—Louis Veuillot, редактора ежедневнаго журнала *L'Univers*, который былъ запрещенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ за слишкомъ ярые нападки противъ правительства. На-дняхъ онъ снова появился на политической аренѣ прессы, и появился, сопровождаемый громомъ и молніею. *L'Univers* началъ съ того, что въ первомъ же нумерѣ объявилъ, что редакція жертвуетъ тысячу франковъ въ годъ на содержаніе двухъ зуавовъ въ папской арміи, и съ перваго же нумера вытащилъ на свѣтъ тотъ лексиконъ, который, казалось, былъ забытъ французскою прессою. Какою квинтъ-эссенціею, какимъ чистымъ экстрактомъ безобразія и грязи католическаго фарисейства будетъ наполняться новый органъ этого направленія, можно видѣть по той книгѣ, которую выпустилъ, въ прошломъ году, его редакторъ, подъ названіемъ «Les odeurs de Paris» [2]). Не нужно думать, чтобы эта партія не имѣла вовсе вліянія; напротивъ, она имѣетъ еще слишкомъ большое значеніе, если не въ самомъ Парижѣ, то во всей остальной Франціи и, преимущественно, въ южной. Имя г. Veuillot почитается этою партіею наравнѣ со святыми; его умъ, талантъ, стиль — восьмое чудо свѣта! На самомъ же дѣлѣ — нѣтъ ничего вульгарнѣе этого ума, который весь состоитъ только и исключительно изъ площадной брани; талантъ его заключается въ стилѣ, который, мнѣ кажется, онъ не иначе могъ пріобрѣсти, какъ просиживая цѣлыя ночи во всевозможныхъ кабакахъ, и подслушивая, какъ бранятся между

[1]) L'athéisme et le péril social. Paris. 1866.

[2]) Les odeurs de Paris, par Louis Veuillot. Paris. 1866.

собою горькіе пьяницы. Я хочу дать понятіе объ этомъ чудѣ, потому-что никто, какъ Veuillot, не характеризуетъ этой партіи, никто въ этой партіи не обладаетъ этимъ слогомъ, который составляетъ предметъ зависти для *Le Monde* и подобной компаніи. Вся книга его, отъ первой до послѣдней страницы, есть не что иное, какъ одна безостановочная брань, брань направо и налѣво, брань безъ разбору, безъ уваженія къ таланту, къ честности, къ генію человѣка. Ему нѣтъ нужды до того, живъ человѣкъ или умеръ; онъ мѣшаетъ XIX и XVIII вѣкъ, на всѣхъ накладываетъ свою грязную руку, во всѣхъ бросаетъ своею бранью, для которой я, къ сожалѣнію, долженъ употребить очень сильное слово: но его брань не иначе можно назвать, какъ бранью кабацкою. Говоря про Мюргера, автора «Scènes de la vie de Bohême», онъ отзывается такъ: «Бѣдный малютка, ты ничего больше не читалъ, какъ г. Абу». Про Виктора Гюго онъ говоритъ: «Этотъ блистательный питомецъ музъ принадлежитъ къ тѣмъ умамъ, которые питаются на кухнѣ газеты Siècle. Гюго тщеславенъ, онъ обладаетъ грубою и жестокою душою». Гейне, у него, не что иное, какъ одна изъ тѣхъ головъ, которыя сотнями гуляютъ по бульварамъ, и есть непремѣнно по одной такой головѣ при каждой маленькой газетѣ.» Говоря о Гумбольдтѣ, онъ восклицаетъ: «Никто не знаетъ, зачѣмъ существовалъ этотъ знаменитый, фамозный, колоссальный Гумбольдтъ.» Beranger, Alfred de Musset— нечего и говорить, онъ ихъ третируетъ какъ полныя ничтожности! Вольтера онъ не иначе называетъ, какъ: «гнусный Вольтеръ», да и весь XVIII вѣкъ честитъ «вѣкомъ пагубнымъ и крайне наглымъ». Довольно. И то уже, можетъ быть, я заслуживаю упрекъ, что останавливаюсь на книгѣ, отъ которой такъ и вѣетъ клоакою. Если я заговорилъ о ней, то только потому, что она ясно показываетъ, до чего дошла католическая партія въ прессѣ. Книга эта разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и объ этомъ нечего жалѣть; она, конечно, оттолкнула навсегда многихъ отъ направленія, представляемаго господиномъ Veuillot. Она вызвала всеобщее отвращеніе; и можно ручаться, что явись еще нѣсколько подобныхъ книгъ, и ряды католической партіи станутъ рѣдѣть.

Gazette de France стоитъ особнякомъ отъ другихъ журналовъ, и представляетъ собою направленіе легитимистское. Она, по своему положенію, точно также, какъ органы католической партіи, находится въ оппозиціи и къ правительству и къ другимъ оппозиціоннымъ органамъ. Но главная ея борьба направлена, разумѣется, противъ правительства, которое не остается глухимъ къ аттакамъ. Я не знаю, какая газета получала чаще предостереженія, какъ Gazette de France. Она рѣдко выступаетъ походомъ противъ оппозиціонныхъ органовъ, такъ какъ она хорошо понимаетъ, что они борятся противъ общаго врага; до поры до времени имъ нечего особенно обнаруживать своихъ противоположныхъ

интересовъ. Если она сходится въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ католическими органами, и даже вторитъ имъ, то никогда, однако, она не прибѣгаетъ къ ихъ тону, къ ихъ выраженіямъ, напротивъ, языкъ ея, часто острый, всегда сохраняетъ умѣренность, извѣстную деликатность, то умѣнье говорить и безъ грубости давать удары своимъ врагамъ, которымъ такъ отличался XVII вѣкъ. Видно, что редакторы Gazette de France любятъ преданіе и заглядываютъ иногда къ изящнымъ писателямъ Людовика XIV.

До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ такими органами, которыхъ направленіе совершенно ясно для всѣхъ, съ журналами, которые рѣзко отличаются отъ остальныхъ, и которые, вѣроятно, желали бы каждый для себя изобрѣсть новую азбуку, лишь бы ихъ не смѣшивали другъ съ другомъ. Лица, принимающія участіе въ редакціи того или другого изъ упомянутыхъ журналовъ, извѣстны, какъ лица, принадлежащія къ той или къ другой партіи, такъ-что обмануться нѣтъ возможности, и никакъ не примешь правительственный органъ за оппозиціонный, и наоборотъ. Теперь задача становится труднѣе. Начинается цѣлый рядъ оппозиціонныхъ правительству журналовъ, съ которыми нужно обходиться крайне осторожно, если не желаешь попасться на удочку нѣсколькихъ красныхъ словъ, и принять журналъ псевдо-оппозиціонный за истинно-оппозиціонный, или мирящійся съ имперіею—за республиканскій. Точно также трудно сказать про нѣкоторые оппозиціонные журналы, какія ихъ истинныя стремленія, какой ихъ идеалъ: республика или конституціонный образъ правленія, который во Франціи, большею частью, олицетворяется орлеанскою династіею.

Я отдѣлю прежде всего *Journal des Débats*, который очень долго считался и теперь считается многими, не смотря на то, что онъ живетъ въ большомъ ладу съ правительствомъ, за органъ орлеанской партіи. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ его редакторовъ открытые орлеанисты, и всѣ, по большей части, принадлежатъ къ тѣмъ сорока безсмертнымъ, которые составляютъ французскую Академію. Въ послѣднее время, французская Академія, почитающаяся главнымъ зерномъ орлеанской партіи, избрала въ свои члены молодыхъ редакторовъ Débats, въ прошломъ году Прево-Парадоля, въ этомъ — Кювилье-Флери, хотя ни тотъ ни другой ничѣмъ, кромѣ развѣ своего орлеанизма, не заслужили своего выбора, особенно, если подумать, что такія лица, какъ Мишле, Кинэ, Литре, Мартенъ, стоятъ внѣ Академіи. Во всякомъ случаѣ, хотя академическіе Débats и наполнены орлеанистами, они далеко неревностно служатъ своей партіи, и настоящему правительству не причиняютъ много безпокойства. За Débats слѣдуетъ цѣлый рядъ оппозиціонныхъ органовъ, изъ которыхъ, въ строгомъ смыслѣ слова, только два заслуживаютъ дѣйствительно это имя: *Le Temps* и *L'Avenir National*—вотъ, два органа истинно оппозиціонныхъ и либераль-

ныхъ; всѣ же другіе, какъ: *Siècle, Opinion Nationale, La Presse, Liberté* не имѣютъ выдержаннаго направленія, дѣлаютъ оппозицію правительству, когда имъ это кажется выгоднымъ, и потомъ, черезъ нѣсколько дней идутъ рука объ руку съ этимъ самымъ правительствомъ.

Изъ всѣхъ этихъ журналовъ, пользующихся именемъ оппозиціонныхъ, самый распространенный это—*Siècle.* Онъ имѣетъ болѣе 50,000 подписчиковъ. Редакторъ его Havin, человѣкъ бывалый, взросшій въ журнальномъ мірѣ и считающій себя патріархомъ журналистики. Главный порокъ этого органа — полное отсутствіе всякихъ принциповъ. Онъ воюетъ съ военнымъ порядкомъ, господствующимъ во Франціи, онъ въ двадцати, какой въ двадцати, въ сотняхъ нумерахъ толкуетъ о свободѣ народовъ располагать своею судьбою, отъ времени до времени напоминаетъ старинные годы французской республики, съ пѣною у рта отзывается объ уродливыхъ, всепоглощающихъ, громадныхъ постоянныхъ арміяхъ и, въ то же самое время, лишь только началась послѣдняя прусская война, онъ рукоплещетъ Пруссіи, завоевывающей другія нѣмецкія маленькія государства, уничтожающей свободу мирнаго Франкфурта, и восхищается тѣми, которые вводятъ и утверждаютъ у себя военщину бо́льшую, нежели ту, на которую онъ нападаетъ во Франціи. Нападаетъ на страшную централизацію, но лишь только появится довольно сильное движеніе въ обществѣ, какъ это было въ 1865 г., въ минуту образованія комитета въ Нанси въ пользу децентрализаціи, Siècle отказывается пристать къ этому движенію, давая ту причину, что въ этомъ движеніи принимаетъ участіе не исключительно демократія. Какъ будто бы дѣло проигрываетъ отъ того, что къ нему пристаютъ безъ разбору всѣ партіи! Но больше всего боятся такіе журналы какъ Siècle, чтобы ихъ не обличили или не упрекнули въ томъ, что они не служатъ дѣлу оппозиціи, и потому, отъ времени до времени, они выпускаютъ какую-нибудь рѣзкую статью, направленную противъ той или другой правительственной мѣры. Кромѣ того, для поддержанія своего имени, чести и славы либеральнаго направленія они устраиваютъ иногда какую-нибудь демократическую манифестацію. Такъ, два-три мѣсяца назадъ, Siècle открылъ у себя въ редакціи народную подписку для воздвиженія памятника Вольтеру. Подписка эта идетъ крайне успѣшно, и я предвижу уже ту минуту, когда Siècle будетъ указывать на вновь поставленную гдѣ-нибудь статую Вольтера, съ гордостью прибавляя: «Это мое дѣло!» Въ одной задачѣ, впрочемъ, всѣ подобные органы оказываются крайне послѣдовательными—это въ преслѣдованіи католической партіи. Не проходитъ почти нумера, въ которомъ не говорилось бы о злѣ этого направленія и не доказывалось бы необходимости уничтожить центръ силы католицизма: Римъ, свѣтскую власть папы, со всѣми ея притязаніями.

Все, что́ я сказалъ о *Siècle*, все это одинаково относится и къ

Opinion Nationale, съ нѣкоторыми, можетъ быть, измѣненіями. Редакторъ ея Геру, бывшій ученикъ Сенъ-Симона, членъ Менильмонтантской общины, до сихъ поръ еще мечтаетъ и внутренно поклоняется мысли объ устройствѣ высшей, духовной, центральной власти. Авторитетъ «духовнаго отца» до сихъ поръ еще не даетъ ему спокойной минуты, и надо полагать, что онъ предпринялъ походъ противъ папы Пія IX единственно съ тою цѣлью, чтобы сокрушить его власть въ Римѣ, въ надеждѣ перенести ее въ Парижъ, и тайно помышляя возложить на себя санъ «духовнаго отца» всего французскаго общества. Этотъ, мечтаемый имъ единый высшій авторитетъ дѣлаетъ изъ Геру врага децентрализаціи и постоянно заставляетъ его колебаться между правительствомъ и оппозиціей. До тѣхъ поръ, пока французская пресса была крѣпко обуздана, Opinion Notionale считался однимъ изъ самыхъ передовыхъ оппозиціонныхъ органовъ, такъ какъ молчаніе въ томъ или другомъ вопросѣ объяснялось невозможностью высказаться, но съ тѣхъ поръ, какъ вѣтеръ перемѣнился и пресса стала говорить о всѣхъ вопросахъ съ большею свободою, часто замѣчаемое молчаніе Opinion Nationale объясняется просто-на-просто нежеланіемъ говорить, нежеланіемъ объявить себя открытымъ врагомъ правительства.

Гораздо любопытнѣе, гораздо оригинальнѣе органъ Эмиля Жирардена, *Liberté;* онъ представляетъ собою блистательный образецъ политическаго хамелеона. У него въ запасѣ бездна шкурокъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; то онъ вытащитъ одну и является передъ публикой горячимъ консерваторомъ, то одѣнетъ другую и предстаетъ передъ зрителемъ—умѣреннымъ либераломъ, то, наконецъ, разсердится и напялитъ на себя пунцовую, ярко красную шкурку. Въ началѣ онъ является защитникомъ второй имперіи просто и безъ всякихъ условій; потомъ, когда въ воздухѣ почувствовалась какая-то перемѣна, еще не хорошо опредѣленная, онъ пристаетъ къ образующейся tiers-parti, или, вѣрнѣе, не пристаетъ, потому-что Эмиль Жирарденъ всегда желаетъ быть во главѣ: онъ принимаетъ эту партію подъ свое покровительство и старается выдвинуть ее впередъ, говоря правительству: переходите на новую дорогу! Являются реформы 19-го января: Эмиль Жирарденъ торжествуетъ, онъ громко провозглашаетъ побѣду протежируемой имъ партіи, восхваляетъ либерализмъ, просвѣщенность, искренность правительства, и опять говоритъ ему: «Вы перешли на новую дорогу, это хорошо! но теперь, чтобы идти по этому новому пути, вамъ нужно новыхъ вожатыхъ, новыхъ людей; ваши старые слишкомъ потерлись, они не годятся больше! вотъ вамъ люди, я даю вамъ ихъ, принимайте и благодарите меня!» Правительство сдѣлало непонятную оплошность, не послушалось Жирардена, не взяло новыхъ людей.—А! такъ-то!—восклицаетъ Жирарденъ—вы не слушаетесь, такъ погодите

же, я васъ! и въ передовой статьѣ своей *Liberté* онъ торжественно и громогласно разрываетъ всякую связь съ правительствомъ, и отказывается быть защитникомъ второй имперіи. Правительство приговариваетъ его къ уплатѣ пяти тысячъ франковъ. Но это не останавливаетъ его, и съ тѣхъ поръ каждый день появляются въ Liberté статьи одна рѣзче другой. Общая подача голосовъ—говоритъ этотъ самостоятельный органъ — одна только можетъ возвратить намъ потерянную свободу! Отъ правительства мы ея никогда не дождемся!

Мнѣ остается сказать еще о двухъ парижскихъ газетахъ, о двухъ, серьёзно либеральныхъ, всегда вѣрныхъ себѣ, всегда честныхъ органахъ; это объ *Avenir National* и о *Le Temps*. Редакторъ перваго изъ этихъ органовъ Peyrot, второго—Nefftzer. За исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, нѣкоторыхъ взлядовъ на прошедшія событія, на историческія фигуры, эти два органа всегда идутъ дружно по тяжелой дорогѣ оппозиціи, всегда встрѣчаются въ главныхъ современныхъ вопросахъ. Оба они принуждены были долго сохранять крайне умѣренный тонъ, всегда они говорили безъ особенныхъ рѣзкостей, но за-то никогда тоже они не относились къ правительству дружелюбно. Если въ нихъ трудно было отыскать извѣстную заносчивость, то еще труднѣе какое-нибудь мягкое слово для правительства: всѣ событія, всѣ вопросы, всѣ мѣры правительства они судили всегда съ тою сдержанностью, съ тою строгостью, которая заставляетъ серьёзно смотрѣть на журналъ. Ни одинъ вопросъ они не обходили молчаніемъ, какъ ни трудно было о немъ говорить, и никогда они, для личной какой-нибудь выгоды, не хвалили правительства, когда его слѣдовало порицать. Всегда и на все они имѣли и имѣютъ свое мнѣніе и всегда его твердо высказывали. Если это не трудно теперь, когда вся пресса, въ силу общественнаго мнѣнія, вырвалась изъ того тѣснаго круга, въ который она была заключена, то прежде, еще годъ тому назадъ, это было вовсе не легко.

Къ парижской прессѣ присоединю, въ заключеніе, мало значущую прессу провинціальную, о которой до сихъ поръ я не сказалъ еще ни слова. Да много, впрочемъ, о ней говорить нельзя; и вотъ—причина. Нигдѣ, можетъ быть, нѣтъ такой страшной интеллектуальной централизаціи, какъ во Франціи. Все, чтó мыслитъ, все, чтó пишетъ и желаетъ писать, все, чтó печатаетъ, или хочетъ печатать, все, однимъ словомъ, чтó стремится завербовать себя въ литературу—все это стекается въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи. Недавно, очень недавно, можетъ быть, какой-нибудь годъ, показались, и то какъ исключеніе, первые признаки умственной децентрализаціи. Въ одномъ городѣ была съиграна одна или двѣ пьесы, не являвшіяся въ Парижѣ, да въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, появилась какая-нибудь брошюра и книженка. Изъ этого можно было бы заключить, что такъ какъ Парижъ, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ все пишущее, то провинціальная пресса не пред-

ставляетъ собою ничего интереснаго. Думать такъ было бы ошибочно. Изъ органовъ, печатающихся въ провинціи, есть нѣсколько, которые нисколько не уступаютъ лучшимъ парижскимъ журналамъ; напротивъ даже, въ нихъ говорятся такія вещи, которыя въ Парижѣ попадаются не такъ часто. Болѣе другихъ замѣчательны *Phare de la Loire* и *La Gironde*. Но секретъ весь заключается въ томъ, что главные ихъ редакторы живутъ постоянно въ Парижѣ и отсюда уже редактируютъ свои журналы. Для чего же они печатаются въ провинціальныхъ городахъ? Во-первыхъ, изданіе въ провинціи стоитъ несравненно дешевле, а потомъ еще и то, что на эти журналы не такое обращается вниманіе, такъ какъ они расходятся въ несравненно меньшемъ количествѣ экземпляровъ, и потому въ нихъ говорить можно гораздо свободнѣе. И есть много именъ крайне талантливыхъ публицистовъ, которые никогда не пишутъ въ парижскихъ органахъ, а только въ провинціальныхъ.

Какое же направленіе этихъ журналовъ, къ какой партіи примыкаетъ оппозиціонная провинціальная пресса? На этотъ вопросъ точно такъ же трудно отвѣтить, какъ и на тотъ: въ какой партіи принадлежатъ, напр., *Le Temps* и *L'Avenir National*? Никогда ни одинъ изъ этихъ журналовъ прямо не высказывался, никогда ни одинъ изъ нихъ не объявлялъ, что имъ защищаются интересы такой именно партіи; да этого и нельзя было требовать; высказаться прямо до сихъ поръ еще не было возможности. Все, что мы знаемъ, это то, что они ведутъ правильную, систематическую оппозицію правительству; они защищаютъ всегда свободу печати, право собранія, постоянно требуютъ расширенія вольностей, но изъ всего этого никакъ нельзя заключить: помирятся ли они съ широкою конституціею, или единственно, чѣмъ они могутъ быть удовлетворены — это республика?

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ органовъ, кромѣ этой политической прессы, во Франціи есть еще бездна другихъ журналовъ. Одни изъ нихъ служатъ только для развлеченія общества, другіе занимаются разработкой философскихъ вопросовъ, какъ вопросъ о независимой нравственности, третьи, наконецъ, посвящены разбору соціальныхъ вопросовъ, какъ ассосіаціи, и т. д. Но объ этого рода прессѣ я буду имѣть случай говорить особо въ связи съ очеркомъ обыденной жизни во Франціи. Перейдемъ отъ прессы къ литературѣ.

Литература во Франціи гораздо вѣрнѣе отражаетъ на себѣ нравственное состояніе общества, чѣмъ пресса, которая легче подчиняется произволу. Одного декрета достаточно, чтобы заставить прессу замолчать, чтобы заставить ее отказаться отъ того направленія, по которому она шла еще вчера, между тѣмъ, какъ литература, разъ достигнувъ извѣстной высоты, не являясь прямымъ результатомъ настоящей минуты, стоя въ тѣсной связи съ прошедшимъ, не такъ легко поддается внѣшнему вліянію. Что извѣстный порядокъ вещей, продол-

жаясь много времени, сѣя каждый день дурныя сѣмена, кончаетъ тѣмъ, что покрываетъ все поле плевелами, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но литература не можетъ быть результатомъ пятнадцати лѣтъ! Чтобы остановить развитіе литературы, чтобы выжечь въ ней все, что́ было вписано вѣками, для этого нуженъ тихій, медленный, продолжительный огонь. Для того, чтобы разорвать всякую связь современной литературы съ ея сѣдою предшественницею, мало еще отнять у нея одну какую-нибудь сторону общественной жизни, какъ, напр., область политики; литература находитъ себѣ другую тему для разработки и уходитъ во всѣ сферы, всѣ области человѣческаго мышленія. Чтобы прервать ея развитіе, нужно отравить во Франціи весь воздухъ, и бѣда, если оставляется какая-нибудь щель, чрезъ которую незамѣтно проходитъ каждую минуту свѣжая струя. Нужно до того развратить массу, чтобы погибло у нея всякое желаніе мысли, а это именно одно изъ тѣхъ желаній, тѣхъ стремленій, отъ которыхъ человѣкъ отказывается труднѣе всего. Чтобы успѣть въ задачѣ, какъ уничтожить въ цивилизованной странѣ литературу, т. е., заставить общество отказаться отъ мысли или заставить его мыслить извѣстнымъ образомъ, для этого нужно не только перевоспитать цѣлое общество, но надо еще усыпить въ немъ преданіе; нужно не только выростить новое, молодое поколѣніе въ желаемомъ направленіи, но надо, чтобы вымерли предшествовавшія ему поколѣнія, выросшія въ другое время, держащіяся другихъ воззрѣній, другихъ стремленій, отъ которыхъ можетъ иногда отказаться отдѣльно взятый человѣкъ, но которымъ цѣлое поколѣніе измѣнить не въ силахъ, такъ какъ оно не зависитъ отъ его произвола. Покамѣстъ такое преданіе, результатъ всей жизни народа, мало по малу вовсе не уничтожится, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ обществѣ стремленіе мыслить, не погибнетъ и результатъ этой мысли — литература. Кто скажетъ, что во французскомъ обществѣ потерялось преданіе? Нѣтъ, оно живетъ въ цѣломъ обществѣ, живетъ во всѣхъ поколѣніяхъ, во всѣхъ классахъ, живетъ даже въ тѣхъ, которые стремятся его уничтожить. Мысль во Франціи далеко не умерла, вотъ, почему я и называю огульными тѣ воззрѣнія, тѣ сужденія, которыя провозглашаютъ, что французская литература погибла, исчезла, потеряла всякій серьёзный характеръ.

Говоря о современной французской литературѣ, я не могу относить къ ней такихъ дѣятелей, какъ Луи Бланъ, Викторъ Гюго, Кинэ, Мишле, Жоржъ-Сандъ; всѣ эти имена составляютъ славу другой эпохи; ихъ успѣхъ, ихъ главная дѣятельность принадлежатъ проходящему поколѣнію; если они имѣютъ вліяніе на современное общество, то все-таки вліяніе это уже не то, какимъ пользовались они двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ въ самую полную пору ихъ жизни. Относить ихъ къ современной литературѣ значило бы увеличивать ея

достоинство, приписывать ей слишкомъ большой, незаслуженный блескъ. Если они продолжаютъ писать, если ихъ сочиненія читаются съ жадностью, то, тѣмъ не менѣе, дѣятельность ихъ считается уже законченною; на сочиненія ихъ смотрятъ болѣе или менѣе какъ на посмертные труды; приговоръ надъ ними давно произнесенъ; однимъ словомъ, они сдѣлали уже свое дѣло, и сдѣлали его съ честью и славою.

Главная, существенная сторона современной французской литературы, направленіе, которое она выражаетъ собою, заключается въ одномъ словѣ—критика. Критика въ философіи, критика всѣхъ ея прежнихъ теорій, доктринъ, критика во всѣхъ практическихъ вопросахъ, вопросахъ соціальныхъ, критика нравовъ, обычаевъ, наклонностей, стремленій общественныхъ, полное критическое отношеніе къ своей исторіи, своей литературѣ, критика всего, чтó составляетъ жизнь общества, однимъ словомъ—вездѣ и во всемъ критика и одна критика! Откуда же явилось это направленіе во французской литературѣ? Направленіе это дѣлается совершенно понятнымъ, если припомнить себѣ историческія судьбы французскаго народа за послѣднія восемдесятъ лѣтъ. Послѣ бурной эпохи революціи, французское общество впало въ летаргію, въ полную зависимость отъ воли одного человѣка, который сократилъ въ себѣ всю Францію, и потому его личное паденіе было вмѣстѣ и паденіемъ страны. Не имѣя силъ для внѣшней борьбы безъ Наполеона I, Франція, истощенная тѣмъ же Наполеономъ, должна была покорно переносить свою судьбу, и считать себя еще счастливою, когда великодушная Европа дала ей короля-француза. Передъ Лудовикомъ XVIII носится тѣнь его несчастнаго брата, живо рисуется вся кровавая эпоха только что исчезнувшаго XVIII вѣка, и образцы эти устрашаютъ его. Онъ чувствуетъ, что монархія Лудовика XIV погибла навсегда, и что безумно было бы стараться объ ея возстановленіи. Онъ отказывается отъ нея, отказывается отъ всякой мысли о мести, и даетъ Франціи конституцію, которая показалась ей сносною, даже либеральною, послѣ первой имперіи и послѣ нашествія Европы. Его личный характеръ помогалъ успокоенію страны. Вслѣдъ за нимъ является Карлъ X, человѣкъ слабаго, мелочного характера; его самолюбіе стѣсняется конституціею, и онъ начинаетъ ее урѣзывать. Первый страхъ уже исчезъ во французскомъ обществѣ, въ немъ пробудилось сознаніе себя, сознаніе всего, чтó оно совершило въ послѣднія сорокъ лѣтъ; оно сдѣлало сравненіе между 1789 и 1829, и въ 30 году вспыхнула новая революція. Но силы общества не были еще достаточно возстановлены, ихъ хватило на нѣсколько дней, но не на то, чтобы установить новый и прочный порядокъ дѣлъ. Въ самомъ началѣ царствованія Лудовика-Филиппа, рабочія движенія напомнили Франціи, что рядомъ съ политическимъ вопросомъ существуетъ и соціальный. Но правительство не хотѣло обратить на него

вниманіе, и думая, что главная сила лежитъ въ буржуазіи, стало до того покровительствовать ей, до того руководиться исключительно ея интересами, что самъ король получилъ имя: король-буржуа. Столкновеніе между интересами цѣлаго общества и исключительными интересами одного класса, желаніе освободиться отъ владычества буржуазіи, и приложить къ дѣлу то, что̀ казалось возможнымъ въ соціальныхъ теоріяхъ, привели Францію къ 1848 году. Но то, что̀ казалось легко въ теоріи, на практикѣ оказалось болѣе труднымъ: общество съ дѣтскою нетерпѣливостью хотѣло и требовало, чтобы все было устроено по мановенію ока, съ волшебною быстротою, какъ будто бы, чтобъ измѣнить всѣ экономическія и нравственныя отношенія людей между собою, достаточно сказать: пусть будетъ такъ! и на самомъ дѣлѣ будетъ такъ! Съ другой стороны, испуганное нѣкоторыми крайними, невозможными фантастическими теоріями, и перемѣшивая ихъ со всѣми остальными, объятое страхомъ, оно поддалось на брошенный ему крючекъ, запуталось въ разставленныя ему сѣти.

Послѣ 1852 года, французы еще разъ сдѣлали сравненіе съ 89 годомъ и невольно спросили себя: отчего же? что за причина? отчего всѣ усилія, всѣ жертвы погибаютъ почти безъ прока? гдѣ кроется корень зла, разрушающій всякія начинанія? Такъ, умъ общественный легко началъ сходить на дорогу къ критикѣ всѣхъ общественныхъ явленій и искать повсюду причинъ невѣрнаго хода государственной машины. Всѣ чувствуютъ необходимость подвергнуть самому обстоятельному слѣдствію весь процессъ общественной жизни, войти въ самую душу общества, и въ ея самыхъ темныхъ изгибахъ найти то, что̀ задерживаетъ или толкаетъ неожиданно развитіе націи на такія дороги, о которыхъ никто и не думалъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей современной литературы, въ ея критикующемъ направленіи, является Ипполитъ Тэнъ.

Тэнъ родился 21 апрѣля 1828 года. Блистательно окончивъ первоначальное образованіе въ Collège Bourbon, и получивъ почетную награду за реторику, онъ былъ принятъ однимъ изъ первыхъ въ École Normale. Въ 1853 году, Тэнъ получилъ дипломъ доктора словесныхъ наукъ, представивъ диссертацію подъ названіемъ: «Этюдъ о басняхъ Лафонтена». Въ 1855, французская Академія предлагаетъ на конкурсъ: этюдъ о Титѣ Ливіѣ, и Вильменъ въ своемъ отчетѣ говоритъ: «Академія, изъ трехъ работъ, которыя были представлены ей, съ удовольствіемъ даетъ премію серьёзному и новому труду, въ которомъ такъ удачно соединено пониманіе древности съ современнымъ методомъ...» и далѣе: «для того, чтобы исполнить такой трудъ, нужно быть литераторомъ на столько же, на сколько и философомъ, на столько же художникомъ, на сколько и ученымъ». Трудъ этотъ принадлежалъ Тэну, и, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ сочиненіи есть уже всѣ тѣ до-

стоинства, которыми полны всѣ его послѣдующіе труды. Почти съ перваго своего шага онъ заявляетъ себя философомъ, литераторомъ, художникомъ; но на какую бы точку онъ ни становился, въ немъ прежде всего поражаетъ его критическая способность и тотъ пріемъ, тотъ методъ, который онъ вноситъ во всѣ свои сужденія. На первомъ трудѣ его: Essai sur Tite Live [1]), отражается уже глубокое изученіе философіи и, преимущественно, нѣмецкихъ философовъ. Спиноза и Гегель равно были его руководителями. Онъ самъ весьма поэтически разсказываетъ, какъ онъ работалъ надъ Гегелемъ. «Вѣроятно — говоритъ онъ — я никогда больше не буду испытывать тѣхъ ощущеній, которыя дало мнѣ чтеніе Гегеля. Изъ всѣхъ философовъ нѣтъ ни одного, который поднялся бы на подобную вышину, или котораго геній дошелъ бы до такихъ громадныхъ размѣровъ. Это—Спиноза, помноженный на Аристотеля и усѣвшійся на ту научную пирамиду, которую новый опытъ строитъ уже триста лѣтъ. Когда въ первый разъ взберешься на высоту его логики и энциклопедіи, испытываешь то же чувство, какъ на вершинѣ высокой горы. Дыханіе прерывается, въ глазахъ становится смутно, чувствуешь себя въ необитаемой странѣ; сначала больше ничего не видишь, какъ скопленіе грозныхъ абстракцій, такое метафизическое уединеніе, съ которымъ, кажется, не можетъ помириться живое существо. Съ давленіемъ на груди катишься черезъ Бытіе (l'Être), Небытіе (Néant), Существованіе въ будущемъ (le Devenir), Предѣлъ (la Limite) и Сущность (l'Essence), и не знаешь, отыщешь ли снова когда-нибудь ровную почву и землю. Мало по малу, зрѣніе раздираетъ тучи, мелькомъ видишь свѣтлыя отверзтія; туманъ разсѣевается, передъ глазами разстилаются безконечныя перспективы; цѣлые материки представляются охваченнымъ однимъ взглядомъ, и можно вообразить себя достигнувшимъ вершины науки и точки зрѣнія міра, еслибы тамъ гдѣ-нибудь, на концѣ стола, не показался томъ Вольтера, положенный на томъ Кондильяка».

Всего полнѣе развитъ новый методъ Тэна въ его сочиненіи, которое выдвинуло автора на первый планъ французской современной литературы: «Французскіе философы XIX столѣтія»; вотъ—трудъ, который навсегда останется однимъ изъ лучшихъ его произведеній [2]). Тэна обвиняли во многомъ, но всѣ отдавали справедливость его удивительному безпристрастію. Въ своихъ критическихъ пріемахъ, Тэнъ больше всего боится тѣхъ огульныхъ нападокъ, которые заключаются въ нѣсколькихъ общихъ мѣстахъ, ничего незначущихъ фразахъ, восклицательныхъ и вопросительныхъ знакахъ. Но онъ знаетъ, что именно

---

[1]) Essai sur Tite Live, par H. Taine, 1856, Paris.

[2]) Les Philosophes Français du XIX siècle, par H. Taine, deuxième édition. Paris, 1860.

такого рода критики только и читаются, только и слушаются, только и нравятся публикѣ, которая не любитъ разсужденій, размышленій. «Нападайте на психологію — говоритъ онъ — психологіею, и вы убѣдите пять или шесть серьёзныхъ умовъ, но толпа не пойметъ васъ. Напротивъ, прокричите громко, что, если будутъ продолжать вѣрить вашимъ противникамъ, Богъ, истина, общественная нравственность въ опасности: тотчасъ всѣ ваши слушатели навострятъ себѣ уши; собственники станутъ безпокоиться о своихъ имѣніяхъ, и чиновники о своихъ должностяхъ; и всѣ станутъ смотрѣть на оклеветанныхъ философовъ съ недовѣріемъ.... [1])»

Въ этой своей замѣчательной книгѣ, по тонкости критики, по своей ясности, по силѣ и меткости выраженій, по живости, по стилю, Тэнъ разобралъ тѣхъ нѣсколькихъ философовъ, доктрины которыхъ были закономъ для французскаго общества во всю первую половину XIX столѣтія. Больше всего останавливается онъ на Royer-Collard, Cousin и Jouffroy, трехъ философахъ, которые въ основаніе своей философіи клали не стремленіе къ истинѣ, а желаніе доказать, что практическая мораль есть единственно законная, единственно вѣрная и единственно спасительная.

Разбирая Royer Collard, онъ находитъ, что главная его сторона, главная способность, которая подчиняла себѣ все остальное, была способность законодателя; отсюда онъ показываетъ, какъ Royer Collard презиралъ все, чтó выходило изъ строгой дисциплины, какъ онъ обращался съ скептиками и всѣми философами, которые рѣшались поддерживать противныя ему теоріи. «Источникъ теоріи—говоритъ Тэнъ,— очевиденъ. Royer Collard — любитель порядка. Его философія, практическая и моральная, цѣлью своею имѣетъ не истину, но правило. Помимо его воли, его привычка и наклонность направляютъ его къ доктринамъ, которыя задерживаютъ и гнутъ насъ. Онъ любитъ преграды и разставляетъ ихъ. Изъ философіи онъ дѣлаетъ орудіе полиціи. Я не думаю — продолжаетъ онъ — чтобы слѣдовало задаваться цѣлью, оправдывать то, чтó зовется здравымъ смысломъ, и опровергать скептицизмъ. Изученіе внѣшнихъ явленій имѣетъ одну задачу: знаніе этихъ внѣшнихъ явленій. Если ищутъ другое что, можно быть увѣреннымъ, что его найдутъ. Философъ всегда достигаетъ своей цѣли. Ничто такъ не гнется, какъ факты, нѣтъ ничего легче системы. Исторія философіи представляетъ намъ ихъ тридцать или сорокъ [2])......» «Чтобы заниматься философіей — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ общества, ему не должно быть дѣла ни до какихъ принятыхъ, установленныхъ мнѣній. Онъ не долженъ забо-

---

[1]) Les Philosophes français, p. 6.

[2]) Les Phil. français, p. 34.

титься, убавляетъ ли онъ въ чемъ-нибудь, или во многомъ, или во всемъ вѣру въ то, чтó принято считать достовѣрнымъ; главное для него то, чтобы ничего не убавить отъ истины!»

Переходя къ другому философу, который такъ долго былъ идоломъ Франціи, и который только-что умеръ, именно къ Cousin, онъ разбираетъ его съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Сначала онъ смотритъ на него, какъ на писателя, потомъ какъ на историка, біографа, ученаго, филолога и философа, и всю дѣятельность его выводитъ изъ его главной способности, изъ его первой наклонности — быть ораторомъ. На всей его дѣятельности лежитъ печать ораторскаго таланта; онъ возвышаетъ его, онъ выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ дѣятелей, онъ же и бросаетъ его въ число посредственностей, когда Cousin берется за дѣло, въ которомъ нѣтъ мѣста ораторскому таланту. «Кругъ Кузена, говоритъ онъ, это быть въ сферѣ общепринятыхъ идей; разъ, что онъ изъ него выходитъ, онъ не на мѣстѣ. Онъ обладаетъ искусствомъ превосходно сочинять, широкими и легкими фразами, простымъ и благороднымъ тономъ, чистымъ стилемъ, богатымъ и спокойнымъ воображеніемъ, однимъ словомъ, всѣми ораторскими способностями, но лишь только онъ вступаетъ на полѣ глубокаго размышленія—продолжаетъ Тэнъ—сухого анализа, строгаго доказательства, какая страшная перемѣна! Вся философія его построена на практикѣ и морали; она не зависитъ ни отъ фактовъ, ни отъ анализа! Первая цѣль его, его главный принципъ, это удовлетворять честныхъ хорошихъ людей, и нравиться отцамъ семейства. Если доктрина имѣетъ этотъ характеръ, онъ принимаетъ ее, если нѣтъ, онъ отказывается отъ нея. Наблюденія и анализъ, это не болѣе, какъ аксессуары, которые онъ употребляетъ, чтобы дать своей доктринѣ наружность науки. Вопросъ достовѣрности для него рѣшенъ заранѣе. Всякій скептицизмъ, абсолютный или умѣренный — безнравственъ. Если сомнѣваешься въ одномъ пунктѣ, можно сомнѣваться во всѣхъ остальныхъ, а ничто не можетъ быть болѣе опасно для практической жизни. Слѣдовательно, нужно отбросить всѣ системы, которыя отрицаютъ или ослабляютъ достовѣрность, и вмѣсто нея полагаютъ сомнѣніе или вѣроятность». И тутъ, послѣ нѣсколькихъ страницъ серьёзнаго разбора такого рода философіи, у Тэна вдругъ выливается цѣлый потокъ самой тонкой ироніи, которая какъ будто бы говоритъ: да зачѣмъ я разбираю, развѣ подобныя доктрины могутъ быть оспариваемы, развѣ онѣ стоятъ этого труда? Но потомъ вспомнивъ, что эти самыя доктрины были закономъ въ теченіе полувѣка, онъ снова принимается преслѣдовать ихъ, понимая, что для того, чтобы дать просторъ истинной философіи, которая выходила бы изъ фактовъ, а не изъ впередъ опредѣленной идеи о морали, нужно разбить прежде оффиціальную философію. Онъ показываетъ, къ какимъ ошибкамъ вела впередъ назначенная

себѣ цѣль, какъ она уничтожала всѣ труды, всѣ попытки даровитыхъ писателей и талантливыхъ философовъ. Онъ присутствуетъ при борьбѣ Жуфруа съ самимъ собою, онъ видитъ, какъ въ немъ борятся два начала: одно—истинной философіи, другое—теологіи; какъ онъ колеблется, блуждаетъ между этими двумя принципами; какъ онъ начинаетъ смотрѣть на міръ натуралистомъ, и кончаетъ, разсматривая его только съ точки зрѣнія вѣры. «Жуфруа забываетъ—говоритъ Тэнъ—что аксіомы натуралиста не могутъ привести къ положеніямъ теолога, ни положенія теолога не могутъ основываться на аксіомахъ натуралиста [1])». Тэнъ хочетъ, чтобы наукѣ было оставлено то, что́ принадлежитъ ей, чтобы ее не гнули подъ свои воззрѣнія, подъ свои теоріи, чтобы ее не уродовали, заставляя служить тѣмъ догматамъ, которые признаются полезными, но съ которыми она не имѣетъ ничего общаго. «Утверждать—говоритъ Тэнъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Essais»—что доктрина вѣрна потому, что она полезна или прекрасна, это значитъ заносить ее въ число политическихъ орудій или поэтическихъ изобрѣтеній. Утверждать истину чуждыми ей авторитетами, это значитъ отнимать у нея ея авторитетъ. Доказательства, которыя она гдѣ-нибудь занимаетъ, похожи на невѣрныхъ солдатъ, которые окружаютъ ее шумомъ и блескомъ битвы, но которые покидаютъ ее во время опасности и предаютъ безъ защиты въ руки враговъ. Отдѣлимъ же науку отъ поэзіи и практической морали, какъ мы отдѣлили ее отъ религіи; оставимъ каждой свои доказательства, свой авторитетъ и главное—свой методъ; оставимъ каждой принадлежащее ей владѣніе и, главнымъ образомъ, оставимъ его философіи. Философъ не долженъ быть общественнымъ поставщикомъ, обязаннымъ изобрѣтать системы, согласныя съ капризами своего вѣка и своей страны. Его задача ограничивается доказательствомъ. Тѣмъ хуже для чувствительности людей, если она не можетъ помириться съ доказанными фактами. «Наука не должна соображаться съ нашими вкусами, наши вкусы должны гнуться подъ ея догматы [2])...»

Разобравъ главныхъ философовъ XIX столѣтія, показавъ ихъ громадный успѣхъ, Тэнъ долженъ былъ спросить себя, отчего же удался такъ этотъ эклектизмъ? Отвѣтъ онъ находитъ въ состояніи общества послѣ революціи, послѣ богатаго XVIII вѣка. Успѣхъ эклектизма объясняется наклонностями эпохи; причины его лежали въ самомъ обществѣ: необходимость подчинить науку морали и жажда абстрактныхъ словъ. Духъ XVIII столѣтія имѣлъ основаніемъ своимъ недовѣріе и цѣлью, главнымъ дѣломъ—критику. Всѣ стремленія были направлены къ тому, чтобы провѣрить всѣ, до сихъ поръ существовавшія мнѣнія, и отбросить всѣ тѣ, которыя не выносили доказательствъ.

---

[1]) Les Philos. français, p. 275.

[2]) Nouveaux Essais de Critique, p. 40.

Никто не хотѣлъ довѣрять своему сердцу, всѣ требовали анализа, разсужденій. «Эта жажда точнаго метода росла—говоритъ Тэнъ — какъ волна, которая увеличивается, растетъ, подымаетъ цѣлое море, потомъ опускается, мало по малу сглаживается, пока совсѣмъ не уничтожится; около 1810 года, исчезло послѣднее волненіе. То, что́ прежде такъ хорошо понималось, какъ Кондильякъ, становилось смутно, неясно; всѣ ищутъ чего-то другого, какого-то выхода; люди стали смотрѣть косо на критику, на сомнѣніе, на скептицизмъ. Воспитанные въ вѣрѣ, отцы сомнѣвались; воспитанные въ сомнѣніи, дѣти хотѣли вѣрить.» Среди этого умственнаго броженія возвысился Руссо съ своимъ идеаломъ, и половина общества перешла на его сторону. Какъ прежде все уходило въ анализъ, такъ теперь все ушло въ мечтаніе, но самое это мечтаніе было метафизическое; въ одно и то же время люди были сантименталисты и систематики, и если, по старой памяти, требовали теорій, то требовали ихъ не отъ разсудка, а искали ихъ въ сердцѣ. Это породило какой-то особенный стиль, до сихъ поръ неизвѣстный во Франціи, стиль абстрактный. «Страшныя нѣмецкія существительныя — говоритъ Тэнъ — слова длиною въ сажень, затопили ясную прозу Вольтера и Аламбера, и казалось, что Берлинъ всею своею тяжестью обрушился на Парижъ.» Этотъ стиль и эта наклонность сообразоваться съ сердцемъ больше, чѣмъ съ разсудкомъ, и породили эклектизмъ, сдѣлали изъ него оффиціальную и предписанную философію, которая господствовала болѣе сорока лѣтъ. Но эта философія съ каждымъ днемъ теряетъ все больше и больше свое вліяніе; она потеряла уже почти всю свою власть надъ обществомъ, которое начинаетъ сознавать, что сердце должно служить для того, чтобы чувствовать, а не для того, чтобы видѣть. Реакція противъ этого отжившаго уже направленія сильна, и не по днямъ, а по часамъ растетъ страсть къ анализу, къ опыту, къ критикѣ. «XVIII вѣкъ снова начинаютъ перечитывать—говоритъ Тэнъ; подъ легкими насмѣшками находятъ глубокія идеи; подъ вѣчною ироніею находятъ привычное великодушіе, подъ видимыми развалинами находятъ незамѣченныя до сихъ поръ зданія. Нѣсколько человѣкъ начинаютъ опасаться чувства, обсуждать энтузіазмъ, искать факты, любить доказательства. Если такихъ людей встрѣтится много — образуется новая философія [1]». Весь конецъ своей книги о французскихъ философахъ Тэнъ посвящаетъ изложенію своего метода, который постараюсь передать, какъ можно болѣе сжато.

Въ мірѣ все приводится къ фактамъ и отношеніямъ, помимо ихъ нѣтъ ничего вѣрнаго въ познаніи. Какъ всѣ выраженія естественныхъ наукъ подводятся подъ факты и подъ отношенія, то же са-

---

[1]) Les Philos. français, p. 308.

мое должно быть и въ нравственномъ мірѣ. Чтобы достигнуть такого результата, необходимо въ нравственныя науки ввести строгій анализъ. «Анализировать—значитъ слова переводить на факты [1]). Анализъ состоитъ изъ двухъ частей: перевода точнаго и перевода полнаго. При переводѣ точномъ, всѣ темныя, абстрактныя, неопредѣленныя слова, слова сложнаго и сомнительнаго смысла приводятся къ тѣмъ фактамъ, къ тѣмъ отношеніямъ или къ тѣмъ комбинаціямъ фактовъ, которыя эти слова обозначаютъ. Чтó, напримѣръ, обозначаетъ собою: «геній Франціи есть монархическій»? Сдѣлаемъ точный переводъ этихъ словъ. Это значитъ, «что уже пять сотъ лѣтъ, какъ у французовъ существуютъ почти непрерывно абсолютныя правительства; что французы, обладая тщеславіемъ и общительностью, не умѣютъ изобрѣтать своихъ мнѣній и своихъ дѣйствій; что, отъ природы теоретики и насмѣхающіеся надо всѣмъ, они дурно составляютъ свои законы и дурно ихъ уважаютъ; что, отъ природы живые и неосторожные, они воспламеняются энтузіазмомъ и отдаются испугу во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ и революціяхъ слишкомъ быстро, слишкомъ сильно и некстати. Фаталистическая аксіома сводится къ факту политической исторіи и цѣлой группѣ нравственныхъ привычекъ; теперь она понята, и съ этой минуты можно ее обсуждать, провѣрять, доказывать, опровергать и ограничивать [2]). Такимъ образомъ нужно поступать со всѣми словами; каждое слово нужно перевести фактомъ сомнительнымъ или несомнительнымъ, полнымъ или неполнымъ. Мы передѣлали всѣ наши идеи, исправили нашъ умъ; и чтобы достигнуть этого, мы употребили самое простое средство: мы привели всѣ сложныя и общія имена къ тѣмъ частнымъ случаямъ, изъ которыхъ они вытекаютъ. Это первый шагъ анализа: переводъ точный. При переводѣ же полномъ, который представляется вторымъ шагомъ анализа, къ знанію каждаго извѣстнаго факта прибавляется знаніе неизвѣстныхъ, которые его окружаютъ. Анализъ точный ведетъ за собою анализъ полный. Нѣтъ ничего яснѣе, какъ фраза: «животное перевариваетъ пищу»; ее тотчасъ можно перевести на фактъ: я видѣлъ хлѣбъ и мясо, которое оно проглотило; часъ спустя, открывъ его желудокъ, я нахожу совершенно измѣненную массу: эта перемѣна и есть пищевареніе. Но этотъ фактъ окруженъ и предшествуется длиннымъ рядомъ неизвѣстныхъ фактовъ. Черезъ какія посредственныя ступени перешла эта пища? Какія положенія она занимала въ желудкѣ? Какая матерія измѣнила эту пищу? От-

---

[1]) Traduire les mots par des faits — Id., 336.

[2]) Les Phil. français, p. 323. Мы нарочно приводимъ этотъ примѣръ, который даетъ Тэнъ между многими другими, чтобы еще разъ показать, какъ несправедливы тѣ, которые обвиняютъ французовъ въ шовинизмѣ. Никто такъ не строгъ къ самимъ себѣ, какъ они. Мы это увидимъ еще много разъ.

куда она явилась? Какъ она образовалась? Какъ она была примѣнена къ этой пищѣ? Какого рода превращеніе она произвела? Изъ этого видно, что сдѣланный переводъ не полонъ; данное выраженіе указываетъ на фактъ, но не на части этого факта. Возьмемъ другой примѣръ. Путешественникъ стоитъ на верху горы; издали онъ видитъ большое сѣрое пятно, онъ говоритъ: «это — Парижъ»; имя соотвѣтствуетъ факту, но фактъ не полно переводитъ это имя. Тутъ является вторая ступень анализа; нужно замѣнить сѣрое пятно подробнымъ планомъ всѣхъ домовъ. Эта замѣна составляетъ истинный прогрессъ положительныхъ наукъ. Тотъ самый анализъ, который приводитъ естественныя науки къ подробному, точному и полному знанію, напр., процесса пищеваренія, долженъ быть примѣненъ и къ нравственнымъ наукамъ. «Рабле написалъ le Pantagruel»: всякій переводитъ немедленно эту фразу самымъ точнымъ образомъ. Представляешь себѣ старый маленькій томикъ, переплетъ изъ пергамена, разсказанныя событія, всѣ подробности пяти или шести сотъ страницъ... Но замѣтьте, что этотъ внѣшній и очевидный фактъ влечетъ за собою цѣлый кортежъ неизвѣстныхъ фактовъ. Какая философія Раблэ? Какъ онъ разсуждаетъ? Какой родъ, какой размѣръ его воображенія? Въ какомъ порядкѣ, съ какою силою, въ какомъ отношеніи образы и идеи переплетаются въ его мозгу? Какая сообразность между его книгою и нравами общества? Отчего грязь и безуміе занимаютъ у него такое большое мѣсто? Какой его стиль?.... Какія личныя способности и какіе окружающіе нравы создали этого исполина въ весельи, этого пьянаго метафизика, этотъ безстыдный и величественный мозгъ, этотъ удивительный волшебный фонарь, въ которомъ копошится головокружащій сбродъ извивающихся формъ, въ которомъ напутывается хаосъ всѣхъ идей и всѣхъ наукъ, въ которомъ чувственность разноситъ свой красный и курящійся факелъ, въ которомъ геній заставляетъ сверкать всѣ свои молніи? Вы видите, что въ сочиненіи нужно сдѣлать такой же анализъ, какъ въ пищевареніи. Издали это фактъ одиночный; вблизи—многосложный. При первомъ взглядѣ замѣчаешь только очевидное дѣйствіе: въ желудкѣ — метаморфозу пищи, въ книгѣ — сборъ двадцати тысячъ фразъ. Но сборъ двадцати тысячъ фразъ, какъ метаморфоза пищи, сопровождается безконечнымъ количествомъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Въ изслѣдованіи Раблэ, какъ въ исторіи пищеваренія, наши умноженные факты дополнили нашъ переводъ и составили нашъ анализъ. Въ нравственныхъ наукахъ, какъ и въ физическихъ, прогрессъ состоитъ въ употребленіи анализа, и все усиліе анализа заключается въ умноженіи фактовъ, которые обозначаетъ какое нибудь имя [1])». Такова главная черта метода Тэна; изъ него вы-

---

[1]) Les Philosophes français, p. 232.

ходитъ вся его критика. Разбирая того или другого поэта или романиста, онъ ни хвалитъ, ни порицаетъ его; онъ созерцаетъ его и старается понять, откуда явилась въ немъ та или другая сторона его таланта, какъ образовалось его направленіе. Онъ больше, чѣмъ судитъ его; онъ рисуетъ предъ читателемъ картину того общества, въ которомъ родился, выросъ, воспитывался поэтъ; онъ не выставляетъ писателя отдѣльнымъ явленіемъ, безсвязно являющимся въ ту или другую эпоху; напротивъ, Тэнъ показываетъ, какая тѣсная связь существуетъ между писателемъ и обществомъ; онъ выставляетъ его какъ результатъ этого общества, въ немъ отражаются всѣ страсти, всѣ стремленія, весь идеалъ современнаго ему общества. Если между какимъ-нибудь писателемъ и обществомъ существуетъ видимый разладъ, Тэнъ показываетъ всѣ его причины, его зародышъ, даетъ осязать въ самомъ обществѣ тотъ тайный уголокъ, который породилъ поэта, становящагося въ оппозицію къ обществу. Онъ не хочетъ произносить суда надъ тѣмъ или другимъ великимъ произведеніемъ; онъ хочетъ его сдѣлать понятнымъ, хочетъ показать въ писателѣ этотъ геній, который въ данную минуту есть принадлежность цѣлаго общества. «Когда писатель — говоритъ Тэнъ—достигаетъ того, что превосходно выражаетъ собою геній своего вѣка, это значитъ, что геній живетъ въ немъ. Его умъ есть какъ бы сокращеніе ума всѣхъ другихъ, и въ немъ находишь болѣе сильными, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, характеръ и событія, вслѣдствіе которыхъ сложился вкусъ современнаго общества [1].» Но для того, чтобы провѣрить, въ самомъ ли дѣлѣ въ немъ отражается цѣлое общество, Тэнъ уходитъ въ данную эпоху, въ нравы, обычаи страны поэта; онъ невольно заставляетъ перенестись въ то время, когда жилъ разбираемый имъ писатель, заставляетъ чувствовать, какъ чувствовало то общество, заставляетъ смотрѣть его глазами и жить его интересами. Вотъ, почему въ своихъ критическихъ этюдахъ Тэнъ является такимъ истиннымъ художникомъ; онъ возсоздаетъ цѣлое общество, цѣлую эпоху, и когда читаешь его критику, невольно начинаешь жить тѣмъ временемъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, котораго онъ разбираетъ. Болѣе всего заботится онъ, чтобы уничтожить въ критикѣ полный личный произволъ человѣка; нравы, обычаи, нравственное состояніе окружающаго общества, черты эпохи, характеръ времени, преобладающія наклонности, — все это для Тэна представляется тѣми фактами, которые обусловливаютъ его сужденіе о писателѣ. Стараніе приложить къ критикѣ великихъ художественныхъ произведеній, къ области искусства, такой, болѣе точный, болѣе совершенный методъ, есть одно изъ неоспоримыхъ достоинствъ и заслугъ Тэна. Каждая страница, каждая строчка его превосходнаго, капитальнаго сочиненія

[1] Nouveaux Essais de critique, p. 255.

«Исторія англійской литературы», блещетъ этимъ здоровымъ, раціональнымъ воззрѣніемъ какъ на отдѣльныя произведенія, такъ и на цѣлую литературу народа. Тѣмъ же достоинствомъ отличаются и тѣ его критическіе этюды, которые онъ собралъ въ одинъ томъ: «Nouveaux Essais de critique et d'histoire». Я не знаю ничего лучше, какъ два его этюда, одинъ о Бальзакѣ, другой о Расинѣ, которые одни должны были бы ему дать видное мѣсто въ современной французской литературѣ, если бы даже онъ и не написалъ ни своей критики на Шекспира, ни на Мильтона, ни на Байрона, ни на Свифта — эти превосходныя главы его «Исторіи англійской литературы». «Если есть климаты въ физическомъ мірѣ—говоритъ Тэнъ — то они точно также есть и въ мірѣ нравственномъ». Чтобы показать тотъ климатъ, въ которомъ жилъ и развивался Расинъ, онъ всего нѣсколькими чертами обрисовываетъ состояніе современнаго ему общества, но черты эти такъ удачны, такъ мѣтки, что онѣ поднимаютъ цѣлую эпоху. «Одинъ вкусъ господствовалъ: желаніе превосходно говорить...... Никто не искалъ пылкости страстей, новизны идей, блеска образовъ, но только послѣдовательности мыслей, вѣрности идей, гармонія періодовъ. Всѣ питали гораздо меньше симпатіи къ страстнымъ и истиннымъ чувствамъ, чѣмъ любопытства къ тонкимъ отличіямъ, гладкимъ мадригаламъ, остроумнымъ разсужденіямъ. Выраженіе любили гораздо больше, чѣмъ то, что выражалось; стиль больше, чѣмъ душу. Мѣрный, правильный, *приличный* стиль Расина начинаетъ объясняться. Когда читаешь описаніе этого общества [1]) въ которомъ главная добродѣтель—быть «свѣтскимъ человѣкомъ», главное искусство — это писать хорошіе мадригалы, умѣть хвалить, злословить, въ самыхъ благородныхъ и тонкихъ выраженіяхъ; когда вамъ наглядно представляютъ всю жизнь общества, тогда васъ меньше поражаетъ неумѣстная, подчасъ, вѣжливость дѣйствующихъ лицъ такой или другой трагедіи, напыщенность слога и отсутствіе истиннаго чувства. Всѣ подобные недостатки, дурныя свойства начинаешь вмѣнять не поэту, а только обществу, отраженіемъ котораго онъ служитъ. Говоря о жизни, характерѣ Бальзака, Тэнъ изображаетъ его парижаниномъ до конца ногтей. Нужно самому быть артистомъ, чтобы сдѣлать на двухъ страницахъ такое живое описаніе этой суеты, этой лихорадки въ мысляхъ, поступкахъ, этого вѣчнаго стремленія куда-то, однимъ словомъ, всѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ жизнь парижанина. «Посмотрите, говоритъ онъ, на Парижъ въ тотъ часъ, когда въ провинціяхъ все уже клонится къ покою: газъ зажигается, бульвары наполняются народомъ, въ театрахъ давка, толпа жаждетъ наслажденій; вездѣ, гдѣ ротъ, уши или глаза подозрѣваютъ какое-нибудь удовольствіе, она

---

[1]) Nouveaux Essais, p. 215.

тѣснится; утонченное, искусственное удовольствіе, — родъ нездоровой кухни, назначенной, чтобы возбуждать, но не для того, чтобы питать, предлагаемой разсчетомъ и развратомъ пресыщенію и распутству. Даже до самыхъ умственныхъ наслажденій, все ѣдко и чрезмѣрно; притупленный вкусъ требуетъ, чтобы его будили; нужны парадоксы стиля, уродливыя выраженія, развратныя идеи, грубые анекдоты, все остальное безсильно; разумъ здѣсь долженъ наряжаться въ одежду сумасшедшаго; непредвидѣнное, странное, преувеличенное, безпокойное — здѣсь обыкновенный нарядъ. Здѣсь прокапываются въ самыя сокровенныя раны души и исторіи; съ четырехъ концовъ свѣта, съ самой глубины жизни, со всѣхъ высотъ философіи и искусства, накопляются образы, идеи, истина, парадоксы; все это перекипаетъ вмѣстѣ, и странный напитокъ, который перегоняется, проникаетъ всѣ нервы какимъ-то болѣзненнымъ и ядовитымъ удовольствіемъ....... Бальзакъ впитывалъ въ себя всѣ эти соки». Сколько тонкихъ наблюденій Тэна въ его анализѣ ума Бальзака; онъ съ такою же любовью анатомируетъ его, какъ самъ Бальзакъ анатомировалъ, разрѣзалъ своихъ героевъ. Говоря о сильномъ, странномъ, разбросанномъ стилѣ Бальзака, въ самомъ Тэнѣ видишь такой же, если еще не болѣе сильный стиль. На каждомъ шагу у Тэна встрѣчаются богатые образы, сильныя сравненія, ясность, опредѣлительность выраженій! — Мнѣ слѣдовало бы сказать еще объ одномъ его трудѣ; это — недавно изданныя его лекціи о философіи искусства въ Италіи и объ италіанскихъ школахъ; но я буду имѣть случай сказать объ этомъ въ связи съ публичнымъ преподованіемъ во Франціи, а потому оставлю теперь Тэна только на время.

Е. О.

Парижъ. 1/13 мая 1867.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И ЗАМѢТКИ.

I.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА 1867 ГОДА.

Письмо первое изъ Парижа.

Если я не начинаю обычною фразою: «намъ предстоитъ трудная задача» — то только потому, что эти слова были уже повторены тысячу разъ и на всѣхъ языкахъ дававшими отчетъ о нынѣшней Всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Чтобы снять съ себя долю отвѣтственности, — поспѣшу только оговорить, что я вовсе не дѣлаю притязанія составить подробное, до мелочей, описаніе всего того, чѣмъ не только наполнено, но даже переполнено все Марсово поле, т. е., пространство *въ 446,000 квадратныхъ метровъ.* Главное, для этого нужно было бы быть спеціалистомъ чуть не во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Представить общую картину выставки, дать общее понятіе объ этомъ смѣшеніи племенъ и языковъ, поговорить нѣсколько болѣе о произведеніяхъ современнаго намъ художества — вотъ вся моя цѣль.

«Всемірная выставка», вообще, составляетъ такой предметъ гордости XIX столѣтія, что нельзя не позволить себѣ, хоть не на долго, остановиться и пробѣжать исторію происхожденія ея идеи. Нашъ вѣкъ не совсѣмъ справедливо гордился бы этимъ изобрѣтеніемъ. Мысль устройства выставки вовсе не принадлежитъ нашему времени и теряется въ глубокой древности. Если мы не знаемъ, существовали ли выставки у вавилонянъ, персовъ или египтянъ, то мы имѣемъ подробныя свѣденія о томъ, какъ идея выставки осуществлялась, напр., уже въ древней греческой цивилизаціи. Олимпійскіе холмы, чуть не за 800 л. до Р. Х., превращались въ амфитеатры и призывали всю Грецію къ праздникамъ и къ народному состязанію. Состязаніе это касалось не однихъ

физическихъ упражненій; нѣтъ, всѣ произведенія народнаго генія, все, что создавалъ греческій духъ, все стекалось сюда на славную борьбу. Каждые четыре года, сѣверная Греція, Пелопоннезъ, Малая Азія, всѣ острова, южная Италія посылали тысячи своихъ жителей въ Олимпійскую долину, наполнявшуюся шумомъ, веселіемъ и движеніемъ. Физическая борьба греческихъ атлетовъ никогда не занимала одна цѣлаго дня; даже религіозныя церемоніи, декламація поэтовъ, чтенія историковъ оставляли грекамъ еще много времени, чтобы разсматривать и восхищаться, сверхъ того, только-что выставленными произведеніями искусства. Фидіасъ выставлялъ своего Юпитера, Поликлетъ своего атлета; тутъ ученики Праксителя, тамъ сыновья Лизиппа; одни защищали дорійскую школу, другіе іоническую, одни поддерживали скульпторовъ Спарты, другіе Сикіона, третьи защищали искусство Коринѳа. Малая Азія боролась съ Великой Греціей: одна передъ другою оспаривала славу своихъ артистовъ. Всѣ эти вопросы, касавшіеся произведеній греческаго генія, занимали собою образованные умы, которые одни составляли общественное мнѣніе и произносили приговоръ надъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ. Каждая олимпіада снова призывала вниманіе общества къ твореніямъ великихъ художниковъ, и раздавала побѣдителямъ лавровые вѣнки. Такая выставка, пожалуй, можно сказать, непохожа на современныя выставки. Но такъ кажется только съ перваго раза: въ сущности же, между нашими выставками и греческими разницы почти нѣтъ никакой. Мы выставляемъ все, что интересуетъ общество, все, на чемъ сосредоточивается наше вниманіе; греки дѣлали тоже; если у нихъ все производство страны, всѣ усилія были направлены на произведенія искусства, и если у насъ оно стоитъ почти на послѣднемъ планѣ, а предметы матеріальные заняли главный, то въ этомъ нѣтъ ни ихъ вины, ни нашей. Перемѣна произошла въ условіяхъ цивилизаціи, но не въ принципѣ выставки. Подобныя періодическія выставки греческихъ произведеній происходили не только во время олимпійскихъ игръ, онѣ дѣлались также въ Дельѳахъ, Коринѳѣ и другихъ греческихъ городахъ. Менѣе правильный характеръ имѣютъ выставки въ Римѣ, но за-то на нихъ больше лежитъ отпечатокъ всемірности. Чуть не со всѣхъ сторонъ свѣта стекались сюда дорогія ткани, парчи, всевозможныя оружія, драгоцѣнные каменья, рѣдкія деревья, художественныя произведенія, которыя, впрочемъ, римляне едва удостоивали своего вниманія. Еслибъ нужно было отыскать идею выставки въ средніе вѣка, можно было бы найти ее въ тѣхъ ярмаркахъ, которыя устроивались, отъ времени до времени, въ различныхъ городахъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, выставки, почти одинаковыя съ нынѣшними, появляются во Франціи, и отсюда переходятъ уже во всѣ другія страны Европы. Первая такая выставка была въ Парижѣ въ 1798 году. Мысль устроить выставку

произведеній промышленности явилась по случаю торжества, которое желала устроить Директорія, чтобы отпраздновать годовщину основанія республики. Директорія хотѣла, чтобы праздникъ этотъ носилъ на себѣ какой-нибудь особенный характеръ, и тогда министръ внутреннихъ дѣлъ François de Neufchâteau собралъ совѣтъ для обсужденія: чтò нужно сдѣлать? Одинъ предлагалъ устроить огромную ярмарку, другой сдѣлать выставку художественныхъ произведеній, всѣ были согласны, что нельзя ограничиться одними танцами, играми, иллюминаціями. François de Neufchâteau предложилъ, чтобы къ выставкѣ художественныхъ произведеній присоединена была выставка мануфактурныхъ и фабричныхъ произведеній Предложеніе это было принято единодушно, такъ какъ подобная выставка, говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, должна была доказать Европѣ, что революція не раззорила Францію и не уничтожила ея производительныхъ силъ. Эта первая правильная выставка всѣхъ произведеній Франціи соединяла въ себѣ характеръ и греческихъ выставокъ; она напоминала ихъ по сопровождавшимъ ее праздникамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была прототипомъ настоящихъ выставокъ. Характеръ этой первой французской выставки можно видѣть изъ програмы празднествъ, которыя сопровождали ее. На Марсовомъ полѣ, т. е., на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Всемірная выставка 1867 года, выстроено было въ VI году республики (1798) большое четырехугольное зданіе, украшенное портиками, подъ которыми и расположены были самыя драгоцѣнныя вещи французскихъ мануфактуръ и фабрикъ. Каждый вечеръ, эти портики великолѣпно освѣщались, и въ срединѣ зданія огромный оркестръ исполнялъ самыя лучшія симфоніи композиторовъ того времени. Открытіе выставки сопровождалось крайне оригинальными празднествами. Тутъ была и гонка на водѣ, и борьба на землѣ; всѣ лодки должны были быть украшены трехцвѣтными знаменами, всѣ бойцы одѣты въ костюмы: одна половина въ голубое платье, другая въ красное. Побѣдители въ этихъ мирныхъ сраженіяхъ получали торжественныя награды. Это была выставка, состязаніе физическихъ силъ и ловкости. Послѣ окончанія этой борьбы, двѣ огромныя колесницы, украшенныя знаменами, лавровыми вѣнками и различными эмблемами верховной власти народа, выѣзжали на арену выстроеннаго зданія. Колесницы же были наполнены гражданами, представлявшими собою французскій народъ; всѣ граждане должны были носить лавровые и дубовые вѣнки. На одной колесницѣ красовалась надпись: «Французскій народъ побѣдитель 14 іюля», на другой: «Французскій народъ побѣдитель 10 августа». Граждане, возсѣдавшіе на колесницахъ, выйдя изъ нихъ и вооружившись зажженными факелами, должны были приблизиться къ двумъ колоссальнымъ статуямъ, изображавшимъ собою Деспотизмъ и Фатализмъ, и торжественно поджечь ихъ. Вокругъ костра, сказано въ программѣ празд-

ника, должны начаться танцы и музыка. Когда от этих статуй останется один только пепел, всѣ отправляются и усаживаются за накрытые столы. Побѣдители въ играхъ угощаются на общественный счетъ, всѣ же другіе на свой собственный. При этомъ было сдѣлано одно узаконеніе, недостатокъ въ которомъ слишкомъ чувствуется на выставкѣ 1867 года. Рестораторы не смѣли брать больше тѣхъ цѣнъ, которыя были установлены главною коммиссіею выставки. За этою первою серіею увеселеній слѣдовала другая, болѣе серьёзная. Передъ собравшимся народомъ проходила процессія съ знаменами, на которыхъ были написаны имена всѣхъ департаментовъ. Всѣ, участвовавшіе въ ней, были одѣты въ старинные костюмы главныхъ народовъ, которые занимаютъ Галлію, и посреди ихъ несли большое знамя со словами: «Республика соединила ихъ всѣхъ! они составляютъ теперь одинъ народъ». Рядомъ съ этимъ знаменемъ несли трофей, образовавшійся изъ гербовъ республикъ Батавійской, Цизальпинской, Лигурійской, Гельветической и Римской. Трофей этотъ поддерживался эмблематическими фигурами; рядомъ съ нимъ на другомъ знамени красовалась надпись: «Пусть будетъ вѣчный ихъ союзъ съ французскимъ народомъ!» Тогда, какъ и теперь, съ празднествомъ выставки хотѣли связать мысль прочнаго мира; какъ тогда эта мысль не получила осуществленія, и миръ достался только тѣмъ грудамъ тѣлъ, которыя легли на поляхъ безчисленныхъ сраженій, такъ и теперь эта мысль имѣетъ мало надежды, чтобы перейти въ дѣйствительность. Шествіе это должно было сопровождаться пѣніемъ тріумфальнаго гимна. Вслѣдъ за этимъ, президентъ Директоріи публично объявлялъ имена тѣхъ гражданъ, которые своими геройскими поступками, полезными открытіями или успѣхами въ искусствахъ заслужили благодарность отечества. Министръ внутреннихъ дѣлъ провозглашалъ имена тѣхъ, которые получили привилегіи на разныя новыя изобрѣтенія, точно также, какъ и имена мануфактуристовъ, произведенія которыхъ оказались лучшими. Кромѣ этого, президентъ Директоріи давалъ отчетъ о лучшихъ научныхъ работахъ, совершенныхъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, лучшихъ элементарныхъ книгахъ, и сообщалъ имена авторовъ трагедій или комедій, или оперъ, которыя появились со времени революціи и были признаны лучшими. Этимъ заканчивалось празднество, и народъ разсыпался разсматривать выставленныя произведенія почти по всѣмъ частямъ человѣческой дѣятельности. Подобныя выставки повторились потомъ въ 1800, въ 1801, въ 1806 и потомъ только въ 1819 году. Хотя и опредѣлено было, чтобы выставки дѣлались въ назначенные, правильные сроки, но политическія событія, взгляды на выгоду или ихъ безполезность постоянно перемѣнявшихся министровъ внутреннихъ дѣлъ и торговли, дѣлали то, что выставки эти то появлялись, то снова пропадали на время. Но

всѣ подобныя выставки носили на себѣ характеръ исключительности, онѣ ограничивались однимъ народомъ, одною страною; состязаніе происходило между гражданами одного и того же государства; борьба между разными народами допускалась только на штыкахъ и пушкахъ, но не на мирномъ полѣ искусства и промышленности.

Первая мысль созвать всѣ народы вмѣстѣ на такой, относительно доблестный, бой, принадлежитъ точно также Франціи. Но она явилась въ несчастную минуту, когда умы были заняты другимъ, когда страна была неспокойна, когда политическія страсти господствовали надъ всѣми остальными интересами. Мысль эта явилась въ 1848 году; понятно, что Франція не могла примѣнить ее къ дѣлу. Идеею этою воспользовалась Англія, и въ 1851 году воспослѣдовало открытіе первой всемірной выставки въ Лондонѣ. Вслѣдъ за нею, Франція сдѣлала точно также всемірную выставку въ 1855, потомъ опять Англія въ 1862 и, наконецъ, четвертая — это настоящая выставка въ Парижѣ. По количеству экспонентовъ и по пространству, занимаемому зданіями для выставки, можно уже судить о тѣхъ увеличивающихся размѣрахъ, которые она принимаетъ каждый разъ. Кристальный дворецъ первой всемірной выставки въ Лондонѣ занималъ пространство въ 95,000 квадратныхъ метровъ, а число экспонентовъ было только 14,000. На парижской выставкѣ 1855 года, не смотря на крайне невыгодныя политическія обстоятельства, не смотря на то, что нѣкоторыя государства, какъ Россія, не могли принимать въ ней участія вслѣдствіе восточной войны, число экспонентовъ дошло до двадцати четырехъ тысячъ. Французское правительство, разсчитывая, что выставка не приметъ большихъ размѣровъ, думало ограничиться только дворцомъ въ 56,000 квадр. метровъ, но потомъ нашлось вынужденнымъ добавить еще пространство въ 25,000 кв. метровъ. На лондонской выставкѣ 1862 года экспонентовъ было уже 29,000, а мѣсто, занимавшееся зданіемъ, превышало 120,000 кв. метровъ. Наконецъ, зданіе, выстроенное для настоящей выставки, занимаетъ 146,000 кв. метровъ и, кромѣ того, огромное пространство въ 300,000 кв. метровъ наполнено всевозможными зданіями и садами, дополняющими выставку. Число экспонентовъ возвысилось до 45,000.

Говоря безъ всякихъ преувеличеній, трудно повѣрить, чтобы то самое мѣсто, на которомъ возвышается теперь этотъ колоссъ, гдѣ тянутся, просто безъ конца, сады, домики, дворцы, избушки, деревья, и т. д., и т. д., чтобы годъ тому назадъ, или какихъ-нибудь тринадцать мѣсяцевъ, все это пространство не представляло ничего иного какъ одну ровную площадь, по которой скакала взадъ и впередъ французская кавалерія, да упражнялись въ шагистикѣ разноцвѣтные солдаты французской арміи. А между тѣмъ, это такъ. Только годъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1866 года, былъ поставленъ на Марсовомъ

полѣ первый желѣзный столбикъ. Время быстро приближалось къ опредѣленному сроку, а постройка, казалось, не была еще и на половинѣ. За два мѣсяца до открытія, глядя нà эти пустыя, голыя стѣны, на отсутствіе даже половъ, на далеко не конченныя галлереи, на груды камней, кирпичей, лѣсовъ, разбросанныхъ повсюду, какъ внутри зданія, такъ и внѣ его, глядя на эти безконечныя кучи мусору, мѣсто которыхъ долженъ былъ занимать, по плану, великолѣпный паркъ, можно было смѣло спорить что выставка не будетъ готова не только къ 1 апрѣля 1867, но даже и къ 1 апрѣля 1868 года. Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. За четыре дня до открытія, казалось еще болѣе грязи, болѣе хаоса, болѣе сумятицы, чѣмъ за два мѣсяца. Трудно вообразить себѣ, что̀ тогда дѣлалось на выставкѣ? Тамъ поднимаютъ картину, здѣсь кладутъ полъ, рядомъ везутъ громадный ящикъ; съ одной стороны валяются на полу драгоцѣнныя мозаики, съ другой—разбросаны рогожи и канаты; тутъ уставляютъ машину, здѣсь тащутъ статую. Передъ глазами вертятся тысячи человѣческихъ рукъ, тысячи суетятся фигуръ, перебѣгающихъ съ одной стороны на другую; въ ушахъ раздается стукъ милліоновъ, кажется, топоровъ и молотковъ, какой-то громъ людскихъ голосовъ; ногами и руками невольно задѣваешь то одно, то другое; въ воздухѣ стоятъ грозные столбы пыли, обдающіе васъ волною на каждомъ шагу, при каждомъ движеніи; однимъ словомъ—адъ, такой полный адъ, какой только можно вообразить себѣ! Это только внутренность зданія; что̀ же дѣлается внѣ? гдѣ эти роскошные сады, гдѣ эти фонтаны, пруды, аквaріумы, кіоски, восточные дворцы? одна только, кажется, русская изба да русскія конюшни стоятъ себѣ одиноко и пустынно, совсѣмъ уже готовыя, посреди этого моря грязи и мусора. Съ одной стороны, раздается голосъ: выставка не будетъ открыта! съ другой: будетъ! съ третьей: она отложена! съ четвертой: черезъ мѣсяцъ, не раньше! Послѣдній голосъ, казалось, былъ самый благоразумный, но и его благоразуміе представлялось еще крайне сомнительнымъ. Черезъ мѣсяцъ! когда хотелось сказать: черезъ десять!

Въ назначенный день и назначенный часъ, въ два часа пополудни 1 апрѣля 1867 г., выставка была открыта. Въ добрыя старыя времена навѣрное сказали бы, что дѣло не обошлось безъ чуда, или, по крайней мѣрѣ, безъ какого-нибудь чародѣйства Наполеона III. Говоря, что выставка была открыта, я не хочу сказать, чтобы она была готова: деревья въ одну ночь не выросли, зданія не были выстроены, даже множество ящиковъ, пожалуй, даже большинство не было и открыто, но, по крайней мѣрѣ, по выставкѣ можно было ходить, не часто спотыкаясь; грязь, мусоръ, соръ не наполняли больше всего пространства, окружающаго зданіе; и это уже было такъ много, такой успѣхъ, что казалось чѣмъ-то волшебнымъ.

Если съ матеріальной стороны открытіе выставки было, болѣе или менѣе, удачно, такъ какъ главныя работы были кончены, даже погода покровительствовала празднеству; то съ другой стороны, нравственное впечатлѣніе этого открытія было далеко неудовлетворительно. Такой праздникъ, какъ открытіе всемірной выставки требуетъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, полнаго политическаго спокойствія страны. Онъ требуетъ, чтобы на дипломатическомъ горизонтѣ не было ни одной тучки, ни одного облачка, чтобы нельзя было и подозрѣвать близости пороховыхъ тучъ. Именно этого спокойствія, этой увѣренности въ будущемъ, этого довѣрія и не существовало 1 апрѣля. Вслѣдствіе того, праздникъ открытія и не удался. Въ самый день открытія, публика была допущена всюду только по окончаніи церемоніи, когда были сняты всѣ загородки, и можно было начать прогулку по всему зданію выставки. Оно раздѣлено на нѣсколько круговъ, которые идутъ постоянно съуживаясь и доходятъ до средины зданія, которое превращено въ садъ. Первый, самый большой кругъ, посвященъ машинамъ, второй сырымъ матеріаламъ, дальше идетъ кругъ мебели, фарфора, стекла, бронзы, потомъ кругъ всего, что̀ относится къ одеждѣ, кругъ художествъ, кругъ посвященный исторіи труда, т. е., гдѣ собраны произведенія, по возможности, всѣхъ временъ и столѣтій, такъ-что можно прослѣдить, какъ усовершенствовался мало по малу человѣческій трудъ. Каждой націи принадлежитъ часть всѣхъ этихъ круговъ, такъ-что, обходя одинъ кругъ, напримѣръ, кругъ машинъ, видишь сначала французскія машины, потомъ англійскія, италіанскія, испанскія, русскія и т. д., пока опять доходишь до французскихъ. Точно тоже и во всѣхъ остальныхъ кругахъ, которые кто-то мило назвалъ Дантовскими кругами ада. Нужно отдать справедливость, что устройство парижской выставки прекрасно. Если зданіе грѣшитъ въ художественномъ отношеніи, за то, съ практической стороны, оно удовлетворяетъ рѣшительно всѣмъ условіямъ. Все такъ хорошо примѣнено для того, чтобы дѣлать сравненіе между произведеніями разныхъ странъ, что ничего не остается желать. Главнымъ центральнымъ пунктомъ служитъ садъ, находящійся въ серединѣ зданія. Садъ этотъ могъ быть гораздо изящнѣе. Не смотря на хорошенькую бесѣдку посреди сада, не смотря на разбросанныя въ немъ статуи, не смотря на маленькіе луга, посреди которыхъ играютъ фонтаны, въ немъ нѣтъ того вкуса, которымъ такъ гордятся французы. Въ немъ чего-то недостаетъ, глазъ чего-то ищетъ и не находитъ. Садъ этотъ окруженъ галлереею, на которую спускается кругомъ одна маркиза, поддерживаемая тонкими желѣзными колоннами. Въ этой галлереѣ размѣщены статуи, развѣшаны фотографіи и рисунки. Изъ сада расходятся нѣсколько аллей, которыя пересѣкаютъ все зданіе. Устройство это такъ просто, такъ наглядно и понятно, что невозможно ни заблу-

диться, ни запутаться, какъ въ какомъ-нибудь лабиринтѣ; у этихъ аллей, которыя идутъ отъ сада, сдѣланы всѣ надписи, которыя указываютъ дорогу во всѣ отдѣленія. Садъ долженъ служить точкою отправленія въ это всесвѣтное путешествіе. Что касается наружной части зданія, то вся она пошла подъ рестораны; и тутъ соблюденъ тотъ же порядокъ, т. е., вся внѣшняя часть точно также раздѣлена на отдѣлы, которые продолжаютъ собою внутренніе отдѣлы, принадлежащіе каждой націи, такъ-что, выходя изъ французскаго отдѣла попадаешь прямо во французскіе рестораны, изъ русскаго въ русскій трактиръ, и т. д. Трактиры представляютъ собой большой интересъ для массы, посѣщающей выставку; это можно видѣть изъ того, что нигдѣ никогда не бываетъ такъ много народа, нигдѣ нѣтъ такой толкотни, какъ у ресторановъ. Кулинарная часть составляетъ самый главный предметъ изученія. При этомъ нельзя не сказать, чтó особенно привлекаетъ массу въ эти трактиры. Каждый ресторанъ убранъ въ національномъ вкусѣ, носитъ народный характеръ, и тѣ, которые прислуживаютъ въ немъ, одѣты въ національные костюмы. У англичанъ роскошная строгость и важность, у французовъ роскошь, бросающаяся въ глаза, у американцевъ изысканная простота, у нѣмцевъ пиво, пиво и пиво, и, главное, пиво это подается нѣмками, одѣтыми въ кокетливые костюмы. У оконъ русскаго трактира вѣчная давка. Женскій нарядъ, сарафанъ и кокошникъ, положительно приковываютъ къ себѣ вниманіе. Тутъ тѣмъ больше давки, что мѣсто, занимаемое русскимъ трактиромъ, очень мало. Не нужно думать, чтобы всѣ націи имѣли по одинаковому мѣсту, по отдѣлу одной и той же величины. Разница между ними огромная, да иначе и быть не могло. Нельзя же было дать, напр., Испаніи и Франціи одинаковое пространство, когда и тотъ кусочекъ, который получила Испанія, едва-едва занятъ. Вотъ, пространства, занимаемыя нѣкоторыми изъ государствъ: Франція взяла себѣ львиную часть, 61,314 кв. метровъ, Великобританія занимаетъ 21,653 кв. метровъ, Пруссія 7,880, Австрія получила такое же точно мѣсто; южная Германія имѣетъ 7,879 кв. метр., Бельгія 6,881 кв. метр., Италія 3,249 кв. метр., Россія занимаетъ 2,853 кв. метр., Швейцарія 2,691 кв. метр., Испанія 1,664 кв. метр., и т. д. Кромѣ этихъ мѣстъ, отведенныхъ каждой странѣ, всѣ по большей части выстроили себѣ въ паркѣ (подъ именемъ парка слыветъ все пространство въ 300,000 кв. метровъ, окружающее зданіе выставки) различные домики, котеджи, избушки, кіоски, и т. д., какъ дополненія къ своимъ выставкамъ. Такихъ отдѣльныхъ построекъ въ паркѣ накопилось, трудно повѣрить, до трехъ сотъ. Чего тутъ нѣтъ: и театръ, и клубъ, и зданіе для фотографіи, и китайскіе фокусники, и тунисскія кафè, все есть; но все это я оставляю покамѣстъ въ сторонѣ, ни на чтó не гляжу и возвращаюсь въ желѣзный дворецъ, не останавливаясь даже передъ колоссальною конною

статуею великаго побѣдителя, передъ торжественною фигурою прусскаго короля. Куда же отправиться прежде всего, съ какого круга начать свое странствованіе? Возьмемъ въ свои путеводители толпу: гдѣ больше всего народу, туда и пойдемъ.

Безспорно, что больше всего народу, послѣ ресторановъ, толпится въ художественномъ отдѣлѣ, гдѣ французская школа занимаетъ самое большое мѣсто, по крайней мѣрѣ, по пространству. Три огромныя залы наполнены картинами современныхъ художниковъ, изъ которыхъ три четверти можно было бы, мнѣ кажется, смѣло не выставлять. Французы утверждаютъ, что выставка 1867 года доказала, что ихъ школа, ихъ живопись стоитъ выше всѣхъ остальныхъ; согласиться съ этимъ рѣшительно невозможно. Въ ихъ художественномъ отдѣлѣ есть бездна милыхъ картинъ, много вкуса, граціи, но едва ли есть хоть одна, которая поразила бы по силѣ своего исполненія или по силѣ своей мысли, по своей оригинальности. Въ этомъ можно убѣдиться, когда остановишься и посмотришь внимательно на лучшія ихъ произведенія. Слава Франціи — Кабанель, получившій почетную медаль, выставилъ нѣсколько картинъ, всѣ почти одинаковаго достоинства. Видно большое знаніе, большое умѣнье, но за-то полное отсутствіе той души, которая необходима для истиннаго художника. Люди его, можетъ быть, хорошо нарисованы, хорошо написаны, но въ нихъ недостаетъ того, что̀ придало бы имъ жизнь, дѣйствительность. Самые сюжеты выставленныхъ картинъ Кабанеля обличаютъ въ немъ человѣка, слѣпо слѣдующаго по стопамъ другимъ, держащагося узкой традиціи, человѣка, который не вноситъ ничего своего, ничего новаго, никакой свѣжей мысли. Тотъ, кто рѣшается брать сюжеты изъ священной исторіи, послѣ Леонарда да Винчи, Тинторето, Рафаэля, Доминикина и другихъ великихъ италіанскихъ мастеровъ XV и XVI столѣтій, тотъ необходимо долженъ выполнить одно условіе, это — внести въ эти сюжеты новое слово, освѣтить ихъ новымъ свѣтомъ, представить ихъ такъ, чтобы на нихъ отражался тотъ путь, то пространство, которое пробѣжала мысль отъ XV до XIX столѣтія. Отъ всякого современнаго художника, избирающаго такіе сюжеты, мы вправѣ требовать того, что̀ такъ прекрасно понялъ нашъ художникъ г. Ге, который далъ намъ Тайную Вечерь, и который теперь написалъ «Воскресеніе». Огромное полотно Кабанеля представляетъ собою «Потерянный рай»; подъ большимъ деревомъ сидитъ какой-то преступникъ, только-что сбѣжавшій съ цѣпи, съ злодѣйскими глазами и съ злодѣйскимъ видомъ—это Адамъ. Ниже его извивается Ева, запутанная въ свои волоса и съ закрытымъ лицомъ. Древніе, желая изобразить страшное отчаяніе, печаль, иногда набрасывали на фигуру бѣлое покрывало, чтобы скрыть лицо. Вѣроятно, Кабанелю нравится этотъ способъ представленія отчаянія. Въ углу укрывается дьяволъ въ че-

ловѣческомъ тѣлѣ съ большими желтыми шарами вмѣсто глазъ. Немножко повыше, съ одинаковымъ выраженіемъ, какъ и Адамъ, посаженъ Іегова, въ большомъ лиловомъ плащѣ или облакѣ—сказать трудно, поддерживаемый тремя дюжими ангелами. Вся однообразно освѣщенная картина производитъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе. Рядомъ съ нею стоитъ знаменитый портретъ Наполеона III, который критики справедливо упрекаютъ въ вульгарности позы, въ тяжелой головѣ, которая не выражаетъ собою ни мысли, ни характера оригинала [1]).—Съ гораздо бо́льшимъ удовольствіемъ останавливаешься передъ небольшими картинками Жерома. Тутъ всѣ его лучшія произведенія, которыя сдѣлали ему славу одного изъ первыхъ современныхъ мастеровъ. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ французскихъ художниковъ, у которыхъ есть мысль, которые думаютъ и, главное, умѣютъ выражать свою идею на полотнѣ. Что это такъ, довольно взглянуть на его «Гладіаторовъ въ Колизеѣ» на его «Смерть Цезаря», и т. д., вездѣ видѣнъ умъ, умъ въ выборѣ сюжетовъ, умъ въ составленіи картины. Уму его помогаетъ и вкусъ, и большое умѣнье. Тутъ же стоитъ его «Фрина передъ Ареопагомъ», картина; въ ней особенно нравятся выраженія засѣдающихъ старцевъ, которые до того поражены чуднымъ сложеніемъ и красотою Фрины, что прощаютъ совершенное ею преступленіе, не имѣя духу предать смерти такое прекрасное тѣло. Безспорно, что одна изъ лучшихъ его картинокъ, это «Перевозъ связаннаго арестанта въ Турціи»; тутъ такъ много силы въ выраженіяхъ, такъ много естественности, что невольно чувствуешь, что въ картинкѣ этой сказалась правда. Никто во французской школѣ такъ не заканчиваетъ, такъ не отдѣлываетъ, такъ не вычищаетъ своихъ фигурокъ, какъ г. Жеромъ и, что́, при этомъ важно, эта законченность не дѣлаетъ его письма особенно сухимъ. Подчасъ, правда, хотѣлось бы, чтобы въ его фигурахъ было больше жизни, хотѣлось бы видѣть въ немъ больше свободы, больше размашистости, хотѣлось бы, чтобы не все было закончено, не все было выписано въ одинаковой силѣ. Можно было бы желать, чтобы г. Жеромъ прибавилъ къ своему уму, къ своему вкусу, къ своему такту немножко больше чувства, которое вносило бы въ его произведенія болѣе теплоты. — Рядомъ съ Жеромомъ стоитъ другая слава Франціи—г. Мессонье. Всѣ его картинки миніатюрны, и тѣ, которыя содержаніемъ своимъ имѣютъ простую, обыденную жизнь, крайне милы. Его чрезвычайно правильный рисунокъ, спокойный и пріятный колоритъ, простая, незамысловатая композиція дѣлаютъ то, что предъ его картинками всегда остановишься съ удо-

[1]) Нужно, впрочемъ, сказать, что г. Кабанель могъ быть представленъ на выставкѣ лучше: онъ сдѣлалъ вещи болѣе достойныя, чѣмъ его Потерянный рай да Нимфа, похищенная Фавномъ.

вольствіемъ, но остановишься на минуту, надъ ними не задумаешься, онѣ не увлекутъ васъ, къ нимъ остаешься спокойнымъ и все, что скажешь про себя: «прелесть какъ мило!» и отойдешь. Ему ставятъ въ особенную заслугу, что онъ никогда никому не подражалъ, что всегда онъ оставался вѣренъ себѣ и всегда самобытенъ въ своей маленькой рамкѣ. Настойчивость, желаніе все сдѣлать хорошо, удивительное терпѣніе, которое видно въ его картинкахъ, пріобрѣло ему много поклонниковъ. Про него можно смѣло сказать, что онъ добросовѣстный художникъ, онъ не выпуститъ изъ своей мастерской вещи, въ которой онъ не былъ бы увѣренъ. На выставкѣ Мессонье представленъ очень полно. Его «Ожиданіе», «Капитанъ» и, особенно «Чтеніе у Дидро» несравненно лучше рядомъ стоящихъ историческихъ жанровъ: «Наполеонъ при Сольферино» «Походъ 1812 года», и т. д.

Самая, можетъ быть, сильная сторона французской школы это пейзажъ. Добиньи (Daubigny), Бюссонъ (Busson), Коро (Corot), Дюпрэ представляютъ всевозможныя стороны роскошной природы. Коро представляетъ ее таинственною; въ его пейзажахъ есть много сумрачной фантазіи, онъ точно подсматриваетъ ее ночью, когда все спитъ. Онъ, можетъ быть, и страшится этого затишья, этой угрюмости природы, но страхъ этотъ сладокъ ему, онъ любитъ, ласкаетъ его и ему жаль съ нимъ разстаться. Въ природѣ у Коро есть какая-то оригинальность, которая нравится, хотя, правда, она не есть еще его сильная сторона. У Добиньи природа всегда спокойна, свѣтла; она не наводитъ ни страха, ни ужаса; напротивъ, она приглашаетъ остаться съ ней, отдохнуть на травѣ, на берегу озера, рѣчки, пруда. Вода у Добиньи неизбѣжный аттрибутъ, потому конечно, что онъ самъ знаетъ, какъ мастерски она у него выходитъ. Вода его такъ прозрачна, такъ чиста, что какъ бы чувствуешь, что если бросишься въ нее, то не задрожишь отъ холоду, нѣтъ, это лѣтняя, теплая вода, которая по всему тѣлу распространитъ какую-то нѣгу. Добиньи не вводитъ въ свою природу человѣческаго элемента, онъ бѣжитъ его, боясь, что это нарушитъ спокойствіе его тихой, мирной природы. Воздухъ его такъ чистъ, такъ свѣжъ, что хочется вдохнуть его; опустившіяся вѣтки деревьевъ такъ лѣниво окунулись въ кристальную воду, что боишься потревожить ихъ своимъ дыханіемъ; его даль такъ заманчива, что мечтою улетаешь въ нее. А когда пейзажъ произвелъ такое впечатлѣніе — задача художника выполнена. — Другой пейзажистъ, достоинства котораго слишкомъ преувеличиваютъ, это Теодоръ Руссо. Если у него и есть удачныя вещи, то все-таки большинство его картинъ непріятно поражаютъ своею рѣзкостью. Онъ смотритъ на природу и видитъ ея сильные тоны, онъ желаетъ передать на полотно эту силу, и потому всѣмъ своимъ деревьямъ, корнямъ, землѣ, травѣ, растеніямъ даетъ самые яркіе тоны; но то, что хорошо выходитъ въ природѣ, совершенно не удается Руссо: онъ пере-

даетъ сильные тоны природы, но не передаетъ ихъ гармоніи, ихъ связи, ихъ перелива, потому-то, что въ природѣ колоритно, у Руссо выходитъ только рѣзко, то, что въ природѣ мягко и нѣжно, у него грубо и сухо.

Сельскій жанръ имѣетъ двухъ хорошихъ представителей. Самый сильный въ немъ это Жюль Бретонъ, и рядомъ съ нимъ можно поставить Милле. Между многими, выставленными картинами Бретона, есть нѣсколько очень интересныхъ, такъ, напр.: «Созывъ сбирательницъ колосьевъ», «Полольщицы», «Чтеніе» и др. Всѣ его картины реальны, но реализмъ Бретона не исключаетъ поэзіи, напротивъ, въ немъ есть какая-то свѣжесть, какое-то чувство, которое привлекаетъ къ себѣ. Его нѣкоторыя фигуры отличаются изящнымъ рисункомъ, красивою формою, которая остается въ памяти, но этому изяществу, этой красотѣ онъ не жертвуетъ ни правдою, ни простотою. Въ его картинѣ «Чтеніе» мы видимъ старика, упершагося подбородкомъ на палку, и внимательно слушающаго чтеніе напротивъ него сидящей молодой дѣвушки; какъ въ той, такъ и въ другой его фигурѣ есть много экспрессіи, чего въ остальныхъ его картинахъ совсѣмъ нѣтъ, но другія за-то отличаются милою композиціею, хотя нѣсколько однообразною, пріятнымъ колоритомъ и красивыми линіями. Милле точно также, какъ Бретонъ, беретъ содержаніе для своихъ картинъ изъ сельской жизни. Онъ рисуетъ намъ деревенскіе нравы, онъ подмѣчаетъ характеръ ихъ, въ его картинахъ видна наблюдательность. Его «Пастушка со стадомъ», «Вечерняя молитва», полны какой-то милой наивности и пониманія природы. Если ему нужно отказать во многихъ техническихъ достоинствахъ, въ особенномъ знаніи рисунка, то, съ другой стороны, за нимъ необходимо признать и много чувства, и много вкуса. Эти двѣ фигуры,—мущина и женщина, безъ осмысленнаго выраженія, стоящіе среди широкаго поля, уперши глаза въ землю, и тихо произнося про себя молитву, говорятъ, что у художника есть оригинальность и остроуміе. Кромѣ этихъ, исключительно сельскихъ жанристовъ, есть еще нѣсколько художниковъ жанра, которые справедливо обращаютъ на себя вниманіе публики. Всѣ почти произведенія Гебера и Бонна, которыя выставлены, взяты изъ италіанской жизни. Одна изъ лучшихъ вещей Гебера, это дѣвушка у фонтана, такъ-называемая Rosa nera. Какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ его картинахъ есть много поэзіи, мечтательности, какой-то задумчивости и глубины въ выраженіяхъ. Колоритъ его, можетъ быть, нѣсколько мрачный, имѣетъ какую-то особенность, которая нравится, которая поражаетъ пріятно. Почти всѣ его картины сочинены какъ нельзя болѣе удачно; правда, что онъ и не задается трудными задачами, сложными сюжетами; большею частью это или одна женщина, или женщина съ дѣвочкой, и т. д. Реализмъ его болѣе поэтиченъ, чѣмъ у кого-нибудь другого изъ фран-

цузскихъ художниковъ. Бонна точно также, какъ и Геберу, жизнь итальянцевъ послужила матеріаломъ для тѣхъ его картинъ, которыя мы видимъ на всемірной выставкѣ. «Неаполитанцы у дворца Фарнезе» прямо переносятъ въ Римъ; онъ очень живо схватилъ и передалъ одну изъ сценъ, которыя попадаются тамъ на каждомъ шагу у дверей церкви, у колоннады Св. Петра, да пожалуй у стѣны любого дворца. Одинъ итальянецъ, растянувшись, спитъ или просто жарится на солнцѣ, другой, сидя, наслаждается просто бездѣльемъ, а тамъ, смотришь, молодая парочка перешептывается-себѣ и назначаетъ свиданіе. Все въ этой картинѣ мило: и композиція, и колоритъ, и рисунокъ, во всѣхъ фигурахъ много жизни и простоты. Тутъ же висятъ восемь или десять картинъ Розы Бонёръ и нѣсколько произведеній Fromentin. Никто во Франціи не пишетъ такъ хорошо, какъ Роза Бонёръ, быковъ, коровъ, стада барановъ, никто не составитъ такъ ловко своей картины, въ которой всегда скажется сила, жизнь, широкая кисть. Пастухъ со стадомъ, бараны на берегу моря, быки, запряженные въ плугъ, это ея постоянные сюжеты, изъ нихъ она почти никогда не выходитъ, но за-то она передаетъ ихъ съ такою вѣрностью, съ такимъ умѣньемъ, что нельзя и сѣтовать на ея однообразность. Въ ея быкахъ, въ ея стадѣ всегда столько движенія, что точно видишь, какъ это стадо приближается или уходитъ отъ васъ, видишь, какъ ея быки то упираются, то со всею силою, напряженно потащутъ. Фромантенъ всѣ свои сюжеты заимствуетъ изъ Африки, и заимствуетъ крайне удачно. Произведенія его соединяютъ въ себѣ и нѣкоторую оригинальность, и изящность, и вкусъ. Его «Арабскій сокольничій», «Арабскій бивуакъ» «Охота за цаплей въ Алжирѣ» и почти всѣ остальныя произведенія полны жизни, движенія, изящества. На картинахъ его останавливаешься, можетъ быть, оттого, что онѣ пріятно поражаютъ своими переливающимися тонами, которыя показываютъ въ немъ хорошаго колориста.

Мнѣ, можетъ быть, давно уже слѣдовало упомянуть имена двухъ художниковъ, посвятившихъ себя болѣе или менѣе исторической живописи, это Робертъ Флёри и Шарль Коитъ. На выставкѣ есть только одна картина перваго изъ нихъ, это — «Карлъ V въ монастырѣ Св. Юста» взятый въ тотъ моментъ, когда къ нему является посланный отъ Филиппа II просить его оставить монастырь и помочь ему своими совѣтами въ критическое время Испаніи въ 1557 году. Въ картинѣ этой есть много хорошаго и въ выраженіяхъ лицъ, и въ рисункѣ, и въ законченности вещи, и въ довольно сильномъ, хотя и мягкомъ колоритѣ, но, тѣмъ не менѣе, она не производитъ большого впечатлѣнія: можетъ быть, въ этомъ виновата ея несовсѣмъ удачная, какая-то растянутая композиція. Гораздо лучше одна изъ выставленныхъ небольшихъ картинъ Комта: «Вдова Франсуа Гиза заставляетъ дать клятву

передъ одной семейной картиной своего молодого еще сына Генриха Гиза, что онъ отомстить за смерть его отца, зарѣзаннаго въ 1563 году». Въ картинѣ этой есть много чувства и много энергіи; въ обѣихъ головахъ, очень похожихъ одна на другую, въ выраженіяхъ матери и сына, заключается столько рѣшительности, столько жизни, какъ въ немногихъ французскихъ картинахъ. Движеніе матери, поза молодого Гиза представляетъ въ себѣ вмѣстѣ съ простотою, съ естественностью, какую-то величественность и рѣшимость. И рисунокъ, и письмо, и колоритъ — все хорошо въ этой небольшой картинкѣ, на которой съ удовольствіемъ останавливаешься послѣ цѣлаго ряда картинъ, лишенныхъ, по большей части, всякой мысли.

Если я скажу, что во французскомъ отдѣлѣ есть двѣ или три хорошихъ баталическихъ картины г. Ивона, въ которомъ — и много движенія, и много жара, если я прибавлю къ нимъ безобразное произведеніе г. Пиласа, изображающее собою праздникъ въ Алжирѣ съ фигурами Наполеона и Евгеніи, и, вѣроятно, за это только получившаго медаль, и потомъ, назову только еще нѣкоторыхъ художниковъ, какъ: Бріонъ, Жалаберъ, оба написавшіе Іисуса Христа на морѣ, Делё, жанръ котораго иногда очень милъ, Амонъ, который пишетъ съ большою граціею фантастическія вещи, Белли, съ его египетскими сюжетами, Тульмушъ, съ его картинками изъ свѣтской жизни, отличающіяся большою отчетливостью и окончательностью, — тогда я смѣло могу выйти изъ французскаго отдѣленія живописи. Послѣ мною упомянутыхъ художниковъ начинается цѣлый сонмъ всякихъ неестественностей, манерности, вульгарности, толпа подражателей того или другого, толпа, которая только вредитъ художнику, котораго стараются копировать. Но, оставляя французскую школу, невольно спрашиваешь себя: какое же, вообще, впечатлѣніе выносишь изъ этихъ двухъ огромныхъ залъ, говорящихъ о состояніи искусства во Франціи? Впечатлѣніе это куда невеселое! это полное отсутствіе серьёзной мысли, идеи, отсутствіе той сильной думы, которая проникала бы въ самую глубину, въ самую сущность жизни. На все смотрится легко, вездѣ поверхностно, всѣ ищутъ того, что̀ только мило, граціозно, и не идутъ дальше. Мило, вотъ — слово, которое часто срывалось у многихъ гуляющихъ по заламъ, слово, которое болѣе всего подходитъ и характеризуетъ французское отдѣленіе. Нѣтъ тутъ высокаго искусства, которое захватываетъ великія историческія фигуры, вѣчные человѣческіе вопросы, которое вдохновляется грандіозными моментами исторіи человѣчества; нѣтъ тутъ стремленій углубиться въ тѣ сокровенныя стороны жизни, въ ту бездну, въ ту пропасть людскихъ страстей, которыя всегда будутъ служить богатымъ матеріаломъ для истиннаго художника. Нѣтъ тутъ ни одного такого серьёзнаго произведенія, предъ которымъ можно было бы надолго остановиться, задуматься, которое задѣло бы всѣ

фибры вашего существа. Нѣтъ тутъ того вдохновенія, нѣтъ тутъ той отважной мысли, которая возвышается надъ проходящими интересами, нѣтъ, однимъ словомъ, того, что́ только и способно создать великое произведеніе, нѣтъ тутъ ни творчества, ни богатой фантазіи.

Тѣ немногіе хорошіе художники, какъ, напр., Жеромъ, какъ нельзя лучше доказываютъ, какую роль играетъ мысль въ искусствѣ; только воодушевленная ею, техническая сторона получаетъ и значеніе и смыслъ. Все, что́ нужно желать, и на что́ нужно надѣяться, это то, чтобы такое состояніе искусства было только переходнымъ, и что съ полнымъ пробужденіемъ современнаго французскаго общества подымется и французская школа. Для этого нужно только, чтобы въ господствующее, преобладающее теперь реалистическое направленіе, чтобы въ этотъ реализмъ, который еще неосмысленъ, который ограничивается пока только копировкою, фотографіею жизни, была внесена идея, серьёзное пониманіе жизни, глубина мысли. в. о.

Парижъ, 15/27 мая, 1867.

II.

ПО ПОВОДУ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ.

Театръ имѣетъ столько же средствъ распространять въ обществѣ свѣдѣнія о прошедшей жизни, сколько знакомить съ теченіемъ и побужденіями современной, сколько, вообще, можетъ служить важнымъ орудіемъ для расширенія умственнаго кругозора общества. Что́ для современной жизни значитъ пьеса, которой предметъ взятъ изъ окружающей насъ среды, то для прошедшей — пьеса, съ личностями и нравами прошлыхъ временъ. Въ современной жизни, повѣрка съ знакомыми, каждый день встрѣчаемыми, пріемами жизни можетъ служить мѣриломъ вѣрности — главнаго достоинства во всякомъ драматическомъ сочиненіи; въ пьесѣ исторической — такимъ мѣриломъ можетъ быть только свѣрка съ тѣми источниками, которые могли автора ввести въ тотъ міръ, откуда онъ почерпаетъ свое вдохновеніе. Отсюда уже понятно, что историческая сцена не должна пренебрегать научными требованіями, и только историческая наука можетъ рѣшить, заслуживаетъ ли драматическое сочиненіе названія историческаго, которое на себя принимаетъ; одно это названіе само по себѣ не даетъ ему еще права быть на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ оно хочетъ казаться; также точно и наука не можетъ считать своимъ достояніемъ такихъ ученыхъ сочиненій, гдѣ у автора, принявшагося за историческіе предметы, не достаетъ ни критики, ни вѣрнаго размышленія, ни знаній, ни удачнаго изображенія дѣйствительности. Долго доку-

сказались очень невѣрныя понятія объ исторической драмѣ, и даже теперь они не исчезли изъ сужденій. Думали, напримѣръ, и теперь еще иные думаютъ, что историческая драма подлежитъ не только инымъ, но даже противоположнымъ условіямъ суда, чѣмъ исторія. Отъ исторіи требуютъ строгой истины, точности въ подробностяхъ, но историческому драматургу дозволяютъ анахронизмы въ изображеніи внутреннихъ и внѣшнихъ явленій прошедшей жизни, даже выдумываютъ для него обязательныя правила въ разрѣзъ съ требованіями исторіи. Какъ ни обветшалъ такой взглядъ, но намъ приходится встрѣчать его въ современныхъ сужденіяхъ.

Если на афишѣ обѣщаютъ намъ пьесу, гдѣ выводятся *такого-то рода* личности, то не въ правѣ ли мы желать увидѣть на сценѣ именно то, что намъ обѣщаютъ, и судить объ исполненіи обѣщанія на основаніи тѣхъ знаній и понятій, какія пріобрѣли о такихъ личностяхъ въ наукѣ? — Вѣдь считаютъ же достоинствомъ пьесы, если выведенный въ ней современный купецъ, мужикъ или чиновникъ окажутся похожими на такихъ, какихъ мы знаемъ въ дѣйствительности, и говорятъ тѣмъ языкомъ и складомъ рѣчи, съ какимъ мы привыкли ихъ слушать, сообразно дѣйствительному ихъ воспитанію, образу жизни и строю ихъ понятій. То же требованіе должно быть и относительно историческихъ лицъ: по крайней мѣрѣ, мы не видимъ разумныхъ причинъ, по которымъ для послѣднихъ можно было бы допустить какого-нибудь рода исключенія въ этомъ отношеніи,—причинъ, по которымъ бы русскому 1767 года на сценѣ позволительно не быть похожимъ на того русскаго, какой существовалъ въ 1767 году въ обществѣ, тогда какъ русскій 1867 года долженъ быть тождественъ съ тѣмъ, какого мы встрѣчаемъ посреди насъ. Вѣдь жизнь во времена прошедшія имѣла также свою дѣйствительность, какъ и жизнь въ наше время имѣетъ свою. Если нѣкоторые, требующіе натуральности въ пьесахъ изъ быта настоящаго, довольствуются и не соблазняются тѣмъ, когда лица, жившія за двѣсти или триста лѣтъ до насъ, говорятъ и дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ то было на самомъ дѣлѣ, то это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ недостаточнаго знакомства съ исторіею, безъ котораго невозможно оцѣнить правду или разоблачить неправду; также точно, и по отношенію къ пьесамъ изъ современнаго быта невозможно было бы оцѣнить ихъ достоинства тому, кто не знаетъ изображаемой въ нихъ дѣйствительной жизни. Требованіе строгой вѣрности въ историческихъ драмахъ сознается, однако, безпрекословно всѣми относительно тѣхъ сторонъ, которыя сдѣлались общеизвѣстными. Не сочли бы, напримѣръ, дозволительнымъ, еслибъ люди XVI-го вѣка явились на сценѣ во фракахъ XIX вѣка, оттого, что всѣ уже знаютъ, что тогда фраковъ не носили: это показываетъ, что историческая вѣрность для сцены признается и прежде признавалась. Ей

потребность можетъ расширяться и съуживаться, обнимать бóльшую и меньшую сумму пріемовъ выражаемой на сценѣ жизни, смотря по тому, до какой степени знакомы съ исторіею тѣ, которые произносятъ судъ надъ историческими пьесами. Что для одного, при незнаніи, кажется хорошимъ, то для другого, при знаніи, дурно; иначе: чего одинъ, дурно знающій исторію, не замѣчаетъ, то другой, знающій её, хорошо видитъ и чувствуетъ.

Драматическія положенія могутъ трогать сердце, вызывать чувство въ душѣ слушателей, пробуждать мысли, но это по ихъ общечеловѣчности, а не по историчности; да и правду сказать, возвышенію многихъ изъ такихъ произведеній въ свое время пособлялъ и поверхностный взглядъ общества, воспитаннаго болѣе на риторикѣ, чѣмъ на внутреннемъ мышленіи и на фактическомъ изученіи вещей. Доказательствомъ послѣднему можно привести громкую славу многихъ псевдоклассическихъ твореній прошлаго вѣка и ихъ полное забвеніе въ наше время. Если въ обществѣ нѣтъ потребности истины въ искусствѣ, если ему, при воспитаніи, внушатъ считать ложь за правду или считать ложь прекрасною, то само собою разумѣется, что обществу временно могутъ нравиться произведенія, отъ которыхъ оно, при другомъ воспитаніи, отвернется. Прежнему довольству фальшивыми историческими драмами способствовало малознаніе большинства публики въ исторіи и тотъ поверхностный, часто также фальшивый, какъ историческая драматургія, способъ изложенія исторической науки, который былъ въ ходу. Когда разработкою исторіи стали заниматься съ большею требовательностью и глубокомысліемъ, когда, въ то же время, и въ обществѣ здравыя историческія понятія распространялись болѣе и болѣе, — и въ исторической драматургіи должна была произойти перемѣна; а потому прежнія правила драматическаго и сценическаго искусства въ настоящее время подлежатъ строгому пересмотру; они уже значительно обветшали и, кромѣ того, что несомнѣнно есть потребность вѣчныхъ законовъ стройности, удовлетворяющей чувству изящнаго, найдется еще много рутинныхъ пріемовъ, стѣсняющихъ истину, которые также легко можно отбросить, какъ отброшены многіе пріемы псевдоклассицизма, въ свое время считавшіеся за непреложные эстетическіе законы. Каковы бы ни были требованія сценической эстетики, требованія художественной цѣльности, соразмѣрности и послѣдовательности въ драматическихъ пьесахъ, — вѣрность природѣ, вообще, есть первое требованіе; а въ историческихъ драмахъ — эта вѣрность можетъ быть только историческая.

Разумѣется, поэтъ можетъ выдумать личности, но личности эти должны дѣйствовать, думать, чувствовать и выражаться такъ, какъ поступали дѣйствительно люди въ изображаемое имъ время; слѣдуетъ вывести ихъ такъ, чтобы самый строгій историкъ и археологъ призналъ

въ нихъ все до мелочи вѣрнымъ тому, что онъ видитъ результатомъ своихъ изслѣдованій; тутъ между историкомъ и драматургомъ, собственно, различіе состоитъ въ томъ, что историкъ сказалъ бы тоже, говоря не о лицахъ, а обо всемъ обществѣ, и притомъ говоря извѣстіями, тогда какъ поэтъ изобразитъ это въ лицахъ и въ стройности дѣйствія; иначе — тутъ поэтъ переноситъ въ форму былевой жизни то, что́ историкъ относитъ только къ бытовой. Вымышленныя имъ лица должны быть до того вѣрны исторіи, чтобы историкъ имѣлъ основаніе сказать не только, что такія лица могли быть, но что такія лица непремѣнно должны быть, что ихъ черты обнаруживались во множествѣ неизвѣстныхъ для исторіи лицъ стараго времени. Художественное творчество драматурга въ томъ и проявляется, что онъ съумѣетъ изъ данныхъ историческихъ элементовъ возсоздать живыя личности отгаданнаго имъ, на основаніи историческихъ матеріаловъ, общества. Поэтъ можетъ помогать и самому историку, какъ и историкъ помогаетъ поэту; если историкъ поэту даетъ способы къ уразумѣнію и художественному воспроизведенію, то поэтъ будетъ способствовать историку къ болѣе ясному и болѣе глубокому созерцанію данныхъ своей науки. Если художникъ, при истинномъ талантѣ, будетъ строго и неуклонно руководствоваться тѣмъ, что дала ему исторія, то непремѣнно, съ своей стороны, освѣжитъ историческую науку своими произведеніями.

Все это относится собственно къ бытовой исторіи, гдѣ художнику представляется значительный просторъ для вымысла. Но вѣрность художника-драматурга исторіи тамъ, гдѣ онъ не вымышляетъ лицъ, а беретъ готовыя лица историческія, имѣвшія, по своимъ дѣйствіямъ, значительное вліяніе на судьбу своей страны или на теченіе событій въ свое время — гораздо труднѣе перваго случая. Здѣсь драматургъ не только долженъ быть вѣренъ быту стараго времени, но и лица, которыя онъ выводитъ, должны быть именно тѣ лица, которыя знаетъ исторія; отвѣтственность его передъ исторіею еще строже. Онъ не долженъ вымышлять ничего, въ чемъ историкъ не могъ бы поручиться, что такъ должно было быть по ходу событій и сцѣпленію обстоятельствъ; онъ не долженъ, вопреки яснымъ историческимъ свидѣтельствамъ, измѣнять мѣста дѣйствія и время извѣстныхъ событій, не долженъ произвольно переставлять ихъ, ни придавать своимъ лицамъ ничего такого, что́ не имѣло бы прямого, непремѣннаго основанія въ исторической дѣйствительности, не долженъ дѣлать, вообще, того, что́ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, считалось и многими считается дозволительнымъ. Отчего бы, скажутъ, такимъ-то событіямъ не совершаться ранѣе или позже того времени, когда они совершились, отчего двумъ изъ нихъ, происходившимъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, не совершиться вмѣстѣ; отчего бы здѣсь и не участвовать такимъ-то лицамъ, которыя на самомъ дѣлѣ не участвовали;

отчего бы даже нѣкоторымъ не жить тогда, когда они на самомъ дѣлѣ уже не жили; отчего бы между такою-то и такою-то личностью не быть извѣстнымъ отношеніямъ, хотя на это и нѣтъ никакого намека въ исторіи? Отчего бы не дать выдуманнымъ лицамъ важнаго значенія? Почему не дозволить художнику сдѣлать подобныхъ перемѣнъ, ради требованій искусства, если онъ сохраняетъ и характеръ лицъ, и духъ эпохи, и пріемы тогдашней жизни, слѣдовательно, и историческую вѣрность въ сущности предметовъ?—Если событіе не случилось такъ, какъ хочется автору, значитъ, оно и не могло случиться; были причины, по которымъ оно происходило именно такъ, какъ происходило, а не иначе: нарушить эту связь, значитъ, нарушить истину; тогда и лица будутъ уже не тѣ, какими представляетъ ихъ исторія, и дѣйствія ихъ не того характера. Но эта строгая зависимость поэта-драматурга отъ исторіи все еще оставляетъ довольно широкое поле для его творчества. Ему предстоитъ угадать какъ было то, о чемъ говорится въ исторіи только то, что оно было, представить въ живыхъ образахъ другое, о чемъ существуютъ скудныя извѣстія или намеки;—впрочемъ, короче можемъ сказать, слѣдуетъ дозволить драматургу надъ историческими лицами вымышлять, что ему угодно, но только подъ условіемъ, чтобы историкъ объ этихъ вымыслахъ долженъ былъ сказать: «хотя исторія объ этомъ не говоритъ, но по ходу вещей, по характеру лицъ, по духу времени, тогдашнимъ пріемамъ жизни — непремѣнно должно было происходить такъ, какъ представилъ поэтъ.» Вотъ, по нашему понятію, чего слѣдуетъ требовать отъ исторической драмы.

Это, конечно, идеалъ, но идеалъ истинный, единственный, къ которому долженъ стремиться поэтъ, какъ историческій драматургъ. Безъ сомнѣнія, уклоненія неизбѣжны, споры и несогласія относительно взглядовъ, пониманія и умѣнья представить понимаемое, всегда будутъ; но вѣдь это неизбѣжно и въ наукѣ: неразрѣшимые вопросы всегда будутъ оставлять мѣсто предположеніямъ: хотя бы строгій историкъ и избѣгалъ ихъ высказывать (какъ часто и слѣдуетъ), но они все-таки будутъ приходить въ голову читателя, какъ только онъ начнетъ думать и соображать все совершившееся. Поставивъ, такимъ образомъ, поэту-драматургу главнымъ достоинствомъ его произведеній историческую вѣрность—мы, естественно, придемъ къ тому заключенію, что и первое достоинство артиста, исполняющаго на сценѣ произведеніе драматурга, должна быть также историческая вѣрность. Артистъ, рѣшающійся играть роль историческаго лица, долженъ понять вполнѣ автора, а чтобы его понять, артистъ долженъ хорошо ознакомиться, вообще, съ духомъ и бытомъ того времени и общества, изъ котораго драматургъ доставилъ ему личности для сцены, и изучить окончательно исторію тѣхъ лицъ, роли которыхъ онъ хочетъ играть. Такъ

какъ это вовсе не легкое дѣло, то изученіе и усвоеніе пріемовъ прежней жизни у артистовъ, желающихъ играть историческія роли, должно составлять кругъ особенной художественной подготовки, которая, при условіи природнаго дарованія, можетъ съ пользою быть усвояема только особымъ спеціальнымъ изученіемъ, при чтеніи нужныхъ для этого произведеній, которымъ руководить должны знающія лица. Мы думаемъ, что *такимъ образомъ* на будущее время приготовлялись бы артисты для историческихъ драмъ; въ настоящее время, успѣху историческихъ предметовъ на сценѣ будетъ мѣшать та *рутина*, которую называютъ *художествомъ*, трудность разстаться съ извѣстными пріемами, получаемыми на сценѣ, право этихъ пріемовъ быть прилагаемыми ко всякимъ родамъ пьесъ, а, можетъ быть, и самые авторы, пишущіе не безъ вліянія старой рутины, будутъ задерживать правильное развитіе исторической сцены.

Въ послѣдніе годы на русскую сцену стала выступать русская исторія съ большимъ стремленіемъ къ исторической вѣрности, какимъ не отличались, до нашего времени, сочиняемыя у насъ историческія драмы. Наша сцена также стала отступать отъ прежней уродливой рутины; явилась потребность, чтобы необходимая для драматическихъ произведеній постановка была сообразна съ историческою вѣрностью. Превосходная трагедія графа Толстого, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и талантѣ автора невполнѣ подходящая къ нашему идеалу исторической вѣрности, потребовала декорацій и костюмовъ сообразно съ историческою дѣйствительностью. Еще прежде того, при постановкѣ оперы «Рогнѣда», также высказалась потребность археологической вѣрности въ костюмахъ. Это — доказательство, что потребность исторической вѣрности на сценѣ уже признается; возникаетъ мысль, что сцена должна не только развлекать праздное общество, но удовлетворить просвѣщенному вкусу и сдѣлаться школою познанія жизни, не только настоящей, но и прошедшей [1]). Само собою разумѣется, что мы будемъ еще слышать благовидные возгласы о томъ, что въ драмѣ должны быть на первомъ планѣ общечеловѣческія, а не историческія и археологическія требованія. Но исторически вѣрное можетъ и должно быть общечеловѣчески вѣрнымъ, а для тѣхъ, кто не хочетъ подчиняться изученію исторіи, а желаетъ ограничиваться общими психологическими изображеніями, ничто не мѣшаетъ помѣщать мѣсто дѣйствія для своихъ созданій въ какомъ угодно созданномъ имъ мірѣ, только не называя ихъ историческими. Если же авторы изъявляютъ притязаніе вступать

---

[1]) Мы съ удовольствіемъ узнали, что Дирекція театровъ обращалась къ г. Прохорову (издателю археологическаго журнала «Христ. Древностей») съ просьбою, составить сообразные съ историческою вѣрностью костюмы для «Жизни за Царя».

въ міръ исторія, то вполнѣ законно должны подвергаться сужденію на основаніи вѣрности съ тѣмъ, чтó они обѣщаютъ намъ изобразить.

И. К—ОВЪ.

1 мая, 1867.

III.

РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РОМАНѢ И. С. ТУРГЕНЕВА: „ДЫМЪ."

И. С. Тургеневъ не измѣнилъ своему литературному призванію и въ новомъ произведеніи, о которомъ собираемся говорить. Какъ прежде въ «Рудинѣ», «Дворянскомъ Гнѣздѣ», «Отцахъ и Дѣтяхъ», такъ и нынѣ, онъ выводитъ передъ нами явленія и характеры изъ современной русской жизни, важные не по одному своему психическому или поэтическому значенію, но вмѣстѣ и потому, что они помогаютъ распознать мѣсто, гдѣ въ данную минуту обрѣтается наше общество, и мысль, которою оно занято передъ намѣткой послѣдующаго своего шага. Самая участь новаго романа въ публикѣ, вѣроятно, будетъ походить на участь многихъ старыхъ произведеній Тургенева: понятый одними, какъ выраженіе личныхъ антипатій автора къ извѣстнымъ людямъ и партіямъ, привѣтствуемый другими, какъ горькое разоблаченіе домашнихъ нашихъ язвъ,—новый романъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро перейдетъ въ общественное сознаніе, какъ художническая картина, не искавшая ни указать на кого-либо, ни кого-либо оскорблять, еще менѣе исцѣлять болѣзненные организмы, существующіе въ обществѣ, а только исполнившая настоящую свою задачу: олицетворить въ искусствѣ извѣстное историческое мгновеніе, переживаемое обществомъ. Покуда состоится, однакожъ, такой приговоръ—(а онъ состоялся же по другимъ произведеніямъ Тургенева, возбуждавшимъ, въ свое время, не малыя пренія), новый романъ нашего автора, конечно, не будетъ имѣть недостатка въ укоризнахъ, упрекахъ и осужденіи. Можно уже предвидѣть, по нѣкоторымъ начаткамъ, самыя вины, которыя укажутся автору гласно и путемъ *приватнаго дознанія:* романъ скажутъ, наговорилъ много лишняго на тайныя стремленія и пожеланія нѣкоторыхъ литературныхъ партій нашихъ; романъ, утаилъ весьма существенныя стороны общаго нашего развитія, романъ не представилъ намъ ни свѣтлаго лица, ни отраднаго явленія, которыя вознаграждали бы насъ за муку созерцанія его мрачной картины, и, наконецъ, точка зрѣнія романа противна и недостойна знаменитаго писателя, который по милости ея утерялъ всякую патріотическую стыдливость въ своихъ изображеніяхъ. Главные пункты великаго процесса, ожидающаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, нашего автора, уже помѣчены и теперь съ должной ясно-

стью, но какъ бы они искусно и тщательно ни были разработаны впослѣдствіи публичными и приватными обвинителями, все-таки останется еще весьма трудный вопросъ, грозящій уничтоженіемъ всей аргументаціи преслѣдователей. Имъ придется отвѣчать именно на вопросъ — слышится ли въ романѣ біеніе той жизни, которою мы окружены, переливаются ли въ немъ тѣ самыя краски, которыя по-одиночкѣ поражали на каждомъ шагу нашъ собственный глазъ, но которыхъ мы собрать въ картину никакъ не могли, не будучи художниками. Намъ сдается, что не всякій, даже заклятый противникъ романа, рѣшится, въ виду его, отвѣчать на вопросъ отрицательно; но чего не бываетъ на свѣтѣ?! Можетъ найтись толпа, готовая и на этотъ смѣлый шагъ, особенно, если она будетъ состоять изъ людей, не получившихъ литературнаго образованія съ одной стороны, и изъ такихъ, съ другой, которые судятъ о достоинствѣ произведенія по глубинѣ «всемірной скорби» — Weltschmerz — встрѣчаемой у дѣйствующихъ лицъ съ самого появленія ихъ на свѣтъ, и по жгучести «всемірной ироніи» — Weltironie — на какую они способны. Ничего не будетъ удивительнаго, если отрицаніе подобнаго рода прошумитъ и въ какомъ-нибудь уголкѣ журнальнаго міра; но для насъ, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что произведеніе Тургенева, еще до окончанія любопытнаго процесса, превратится, для большинства читающей и образованной публики, какъ именно это случилось съ романомъ «Отцы и дѣти» — въ историческій документъ, свидѣтельствующій о современной намъ эпохѣ столько же, сколько и всякіе другіе, оффиціальные и неоффиціальные документы, намъ доселѣ извѣстные.

Съ этой точки зрѣнія мы и намѣрены разобрать повѣсть «Дымъ», прибавивъ ко всему сказанному, что она имѣетъ значеніе весьма серьёзнаго документа еще и по другому качеству, кромѣ живописи нравовъ и понятій, а именно, по необычайной искренности своего изложенія, по характеру душевной исповѣди и твердаго убѣжденія, который сообщенъ ей авторомъ. Такіе документы особенно цѣнны для изслѣдователей извѣстныхъ эпохъ и культуръ.

Уже вскорѣ послѣ появленія романа въ печати замѣчено было, что часть его, посвященная анализу русскихъ направленій, изображенію нравовъ, характеристикѣ лицъ и партій, желающихъ дать свою окраску, сообщить свой духъ всему строю насущной нашей жизни, написана бойчѣе, рѣзче, энергичнѣе, чѣмъ все, что въ этомъ родѣ написано доселѣ Тургеневымъ. Онъ такъ пріучилъ читателей къ тонкимъ чертамъ, мягкимъ очеркамъ, къ лукавой и веселой шуткѣ, когда ему приходилось смѣяться надъ людьми, къ изящному выбору подробностей, когда онъ рисовалъ ихъ нравственную пустоту, что многіе не узнали любимаго своего автора въ нынѣшнемъ сатирикѣ и писателѣ, высказывающемъ всѣ свои впечатлѣнія прямо и на чистоту. Нѣкото-

рые даже спрашивали: чтó съ нимъ сдѣлалось?—Съ нимъ ничего не сдѣлалось, кромѣ того, что на него низошла минута, часто являющаяся въ жизни замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, когда потребность быть искреннимъ и откровеннымъ превозмогаетъ у нихъ всѣ другія соображенія. Такія минуты хорошо знакомы были Пушкину, Гоголю, Руссо, Гёте и многимъ другимъ писателямъ, и приходъ ихъ обыкновенно совпадаетъ еще съ какимъ-либо, болѣе или менѣе, важнымъ событіемъ внутренней жизни тѣхъ лицъ. Относительно Тургенева слѣдуетъ прибавить, что къ такой внутренней, субъективной правдивости мысли и рѣчи призывало уже его, кромѣ многаго другого, и самое положеніе дѣлъ и умовъ въ Россіи. Никогда еще, можетъ быть, не чувствовалась у насъ такъ полно и сознательно крайняя необходимость для каждаго человѣка, уважающаго свое дѣло и призваніе, занять то самое мѣсто, которое, въ ряду другихъ, онъ *долженъ* занять. Тургеневъ только подчинился условіямъ своего времени, когда выбралъ себѣ *«мѣсто»*, обнаруживающее его нравственныя влеченія, и сдѣлалъ притомъ свой выборъ прямо, откровенно, безъ наглости вызова и безъ низости лицемѣрныхъ оговорокъ. То, что нѣкоторые расположены считать у него непривычнымъ и отчасти непристойнымъ хлопаніемъ сатирическаго бича, есть не болѣе, какъ его разсчетъ съ своимъ прошлымъ; то, чтó инымъ кажется нападками, личностями, даже пасквилями, есть не болѣе, какъ старая, давно сдѣланная повѣрка зрѣлища, котораго онъ долго самъ былъ свидѣтелемъ.

Тургеневъ, въ новомъ романѣ, сводитъ правдивый итогъ впечатлѣній за послѣднее время своей многосторонней жизни, и мы думаемъ, что послѣ этой работы образъ его нисколько не уступитъ въ нравственномъ значеніи тому симпатическому образу, который сложился въ большинствѣ публики на основаніи прежнихъ его произведеній. Если вспомнить притомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отступился, ради истины, отъ обычныхъ художническихъ пріемовъ своихъ, на успѣхъ которыхъ всегда могъ положиться, то уваженіе наше къ новому проявленію его дѣятельности должно еще увеличиться. Единственно изъ потребности выразить вполнѣ свое мнѣніе, рѣшился онъ освѣтить яркими, скажемъ, багровыми полосами свѣта, грубо и прямо кинутыми на уродливую сторону выводимыхъ лицъ—нѣкоторыя сцены своего романа, которыя могъ бы легко окаймить полу-прозрачной атмосферой, поглощающей добрую часть настоящаго выраженія физіономій. Свидѣтелями его новой «манеры» остаются знаменитая сцена пикника на террасѣ Баденскаго замка, вечеръ у Ратмировой, засѣданіе у Губарева, и проч. Все это написано имъ непосредственно съ натуры, какъ случалось ему писать прежде только въ видѣ исключенія. Онъ понасиловалъ обычныя свойства своего таланта для того, чтобъ сознательно не упустить рѣзкія черты жизненной правды, какъ

она ему представилась. Критика ли, общество ли не замѣтятъ этого явленія?

Но искренности еще мало для писателя. Это не такой флагъ, который во всякомъ случаѣ покрывалъ бы товаръ или упрочивалъ ему вѣрный сбытъ. Какъ ни почтенно это качество само по себѣ, все его нравственное значеніе зависитъ отъ того, чему оно служитъ проводникомъ. Достоинство и важность содержанія — вотъ, чтó требуется еще отъ искренности. Посмотримъ же, чтó говоритъ намъ у Тургенева поэтическая завязка романа, обработанная вездѣ, гдѣ являются человѣческія сердца, человѣческія страсти и душевная борьба совершенно иначе, чѣмъ полемическая сторона повѣсти, а именно — съ неимовѣрной тониной анализа, съ жаромъ и вниманіемъ юношескаго пера, и чтó говоритъ само созерцаніе романа, представителемъ котораго служитъ второстепенное лицо, нѣкто Потугинъ, играющій тутъ роль древняго хора и подобно ему ведущій рѣчь отчасти за себя, весьма часто за автора, и постоянно, неуклонно за литературную партію, олицетвореніемъ которой онъ и долженъ считаться?

Потугинъ—представитель извѣстнаго созерцанія, Потугинъ—олицетвореніе литературной партіи! Да какъ же это можетъ статься? Посмотрите — есть ли въ немъ что-либо отвѣчающее понятію о главѣ и руководителѣ школы или какого-либо распространеннаго ученія? Гдѣ же у него величіе представителя, самоувѣренность наставника, всѣми признаннаго, наслажденіе самимъ собой, какъ это бываетъ у людей, вознесенныхъ надъ собратами? Развѣ мы не видимъ, что это робкій, сосредоточенный въ себѣ полу-семинаристъ, полу-разночинецъ, который, большею частью, скромно молчитъ, а, вступая въ разговоръ съ другими, страшно конфузится при началѣ? Намъ знакома отчасти и его жизнь. Онъ дозволилъ себѣ однажды поползновеніе — правда, также робко, застѣнчиво, какъ все, чтó онъ дѣлаетъ — возвести изъ низменной сферы, гдѣ онъ влачитъ свое существованіе, молящіе глаза къ верху и помѣстить самое глубокое чувство своего сердца на голову высоко стоявшей надъ нимъ женщины. Чтó же вышло? Онъ платится за одно это поползновеніе годами покорныхъ и неоцѣненныхъ услугъ, цѣлымъ рядомъ безропотныхъ, молчаливыхъ и нескончаемыхъ жертвъ. Какой же это представитель, чтó въ немъ напоминаетъ «вождя оппозиціи» или «премьера» господствующей партіи, и какъ могъ Тургеневъ именно въ уста подобнаго человѣка вложить всѣ самыя меткія, бойкія, горячія сатирическія выходки, часть которыхъ, можетъ быть, и не износится никогда паціентами, ихъ вызвавшими?

Поступивъ такимъ образомъ, Тургеневъ, однакожъ, по нашему мнѣнію, обнаружилъ именно весь художническій свой инстинктъ. Потугинъ — отчаянный *«западникъ»*, продолжающій лучшія преданія нашей литературы 40-хъ годовъ. Онъ дѣлаетъ это въ эпоху реакціи про-

тивъ нихъ, въ то время, когда люди озлобились противъ вѣковѣчнаго, нескончаемаго ученія, на которое присуждались этой литературой, и противъ послушничества, неизбѣжно съ нимъ сопряженнаго. Носить одно прозваніе ученика европейской жизни и цивилизаціи всю жизнь, на безсрочное и неопредѣленное время, сдѣлалось уже не въ моготу русскому образованному міру. Неодолимая жажда повышенія, выхода въ иное, болѣе высшее и почетное званіе, на какихъ бы то ни было основаніяхъ и резонахъ, почувствовалась всѣмъ обществомъ сразу. Движеніе имѣло, какъ всякое соціальное движеніе, свою законную причину и свою долю необходимости. Оно было вызвано отчасти надменностью, нестерпимымъ самохвальствомъ ближайшихъ нашихъ учителей изъ нѣмецкой братіи, которая и не скрывала своего презрѣнія къ обществу, опекаемому имъ на всѣхъ пунктахъ. Сюда присоединилось еще и вліяніе кровной ненависти Европы къ государству, которое никогда не жило съ ней общей жизнью, вошло какъ проходимецъ, въ ея составъ, помимо ея воли и гаданій, и располагаетъ остаться на своемъ мѣстѣ, не слушая ругательствъ и проклятій. Потугинъ умалчиваетъ о всѣхъ этихъ вызывающихъ причинахъ, обращая только вниманіе на полученные результаты движенія. Скромность во всякомъ случаѣ не похвальная, но представители партій всегда такъ дѣлаютъ. О правѣ ихъ такъ дѣлать, мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи. Можетъ быть, Потугинъ даже неясно и сознаетъ прямые источники свершившагося переворота: они заслонены для него послѣдующимъ развитіемъ дѣла. Онъ ясно видитъ только, что ученики, возставшіе противъ своихъ менторовъ, у нихъ же и выучились настоящимъ пріемамъ возстанія — низверженію мѣшающихъ почему-либо авторитетовъ, искусной діалектикѣ, логическому анализу и полемикѣ. Передъ нимъ также проходили и тѣ формулы, которыя торжествующее возстаніе, уже увѣренное въ своемъ успѣхѣ, придумывало одну за другою, какъ оправданіе поднятого ею знамени и какъ доказательство своей способности замѣнить обветшалыя теоріи прежнихъ учителей общества свѣжими и новыми положеніями. Первоначально формулы эти носили всѣ признаки поспѣшности: онѣ были отчасти матеріяльнаго, отчасти сантиментальнаго содержанія и скоро пали, покинутыя всѣми. Трудно было и сохраниться положеніямъ, напримѣръ, въ родѣ: «мы всѣхъ шапками закидаемъ», «земля наша обильна и потому мы ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаемся», или, наконецъ, такому афоризму: «исторія наша написана не кровью людской, какъ другія, а слезами народа, и мы заслуживаемъ быть учителями человѣчества по смиренію, терпѣнію и выносливости, которыя отличаютъ наше племя». Афоризмами подобнаго рода, теперь уже окончательно преданными забвенію, пробавляются еще нѣкоторые изъ прежнихъ бойцовъ, оставшихся на аренѣ, состарѣвшихся и повторяющихъ эффектную тему своей мо-

ходости, но вліянія они не имѣютъ никакого. Гораздо болѣе посчастливилось другой формулѣ, найденной тоже въ жару поголовнаго возстанія на европейское вліяніе. Ее можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Въ русскомъ народѣ заключается такое богатство духа и разума, что отъ него и должно ожидать основаній, на которыхъ слѣдуетъ утвердить просвѣщеніе вообще: тотъ только и достоинъ носить званіе учителя, кто чувствуетъ въ самомъ себѣ мудрость народа и способенъ сообщить нѣкоторыя черты ея». На этомъ афоризмѣ Потугинъ и остановился: съ нимъ онъ только и воюетъ. Для того, чтобъ нѣсколько оправдать или, лучше—пояснить его злобную рѣчь, вспомнимъ, что, вскорѣ послѣ обрѣтенія вышеупомянутой формулы, произошло торжество неописанное, баснословное, устроилось пированіе общее, шумъ котораго продолжается доселѣ, да и не скоро еще кончится. Съ тѣхъ поръ люди европейской школы и европейскихъ воззрѣній, хотя бы они всѣми силами души отвергали наглость иноземнаго господства надъ русскимъ обществомъ, подъ предлогомъ науки, хотя бы горячо любили тотъ самый народъ, во имя котораго раздавались многочисленныя *«отлученія»* — всѣ эти люди, говоримъ, были отодвинуты на задній планъ. Шумъ торжества, праздновавшаго возстановленіе — resorgimento — «народнаго духа», заглушалъ всѣ ихъ слова, оправданія и предостереженія. Напрасно утверждали они, что пріемы для воспитанія и полученія плодовъ цивилизаціи одни и тѣ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, имъ отвѣчали, что только Фамусовъ умѣлъ *принанять* для своей дочери вторую мать въ m-me Розье, но что образованіе и способы образованія народъ, имѣющій цѣлые вѣка своей обычной культуры, создаетъ самъ или, по крайней мѣрѣ, призванъ создать. «Западники» умолкли и разошлись по сторонамъ; партія была разсѣяна; члены ея, очутившіеся на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, принялись, по мѣрѣ силъ и по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ имъ, работать на пользу просвѣщенія и развитія въ отечествѣ. Вліяніе ихъ чувствовалось вездѣ, самихъ ихъ не было видно: они отказались отъ шума и отъ имени. Какая же была возможность автору выбрать эффектнаго представителя для разбитой партіи? Гдѣ бы онъ нашелъ въ ней блестящаго *«реномиста»*, какъ величаютъ нѣмцы человѣка, живущаго рукоплесканіями и способнаго собирать вокругъ себя толпу поклонниковъ съ грохотомъ, трескомъ и оваціями; гдѣ бы онъ взялъ въ уничтоженной партіи ту смѣсь непогрѣшимости патентованнаго муллы, толкующаго законъ хитрости, діалектика, сбивающаго съ толку своихъ противниковъ, и искуснаго дипломата, вывертывающагося изъ всѣхъ затрудненій—которую торжествующіе литературные кружки любятъ осуществлять въ своихъ представителяхъ? Ему оставалось заявить, при посредствѣ искусства, что основная мысль европофиловъ нисколько не умерла на Руси, но что она живетъ, пре-

имущественно, въ мыслящихъ людяхъ, много видѣвшихъ на своемъ вѣку, сильно испытанныхъ жизнью, богатыхъ опытомъ и наблюденіемъ. И вотъ, какимъ образомъ случилось, что представителемъ нѣкогда знаменитаго кружка западниковъ явился, послѣ Бѣлинскаго и Грановскаго, скромный, безвѣстный, ничѣмъ себя не заявившій, но глубоко-убѣжденный полу-семинаристъ и полу-разночинецъ.

Пойдемъ на встрѣчу вопросовъ, возникающихъ отовсюду по поводу романа. Зачѣмъ было Тургеневу поднимать старый споръ, кончившійся благополучно, хотя и очень недавно—со времени редакціонныхъ коммисій, если не ошибаемся—полнымъ примиреніемъ обѣихъ партій, къ великому удовольствію образованной публики? Извѣстно, что торжествующая сторона съ тѣхъ поръ признала возможнымъ допустить необходимость примиренія «народной мудрости» съ европейскимъ смысломъ и обще-человѣческими началами, а бывшіе противники ея, въ замѣнъ этой любезности, признали настоятельную потребность совѣщаться во многихъ случаяхъ съ привычками, убѣжденіями и представленіями народныхъ массъ. Чего же лучше желать? Если отъ времени до времени и являются у насъ отголоски прошлой, еще недавней борьбы, если тамъ и сямъ какой-нибудь ревнитель народности броситъ грязью въ почтенное имя уже замолкшаго дѣятеля западной партіи, если на-оборотъ, какой-либо неумѣренный «западникъ» разразится внезапно хулою на свѣтлыя личности, дорогія не одному кругу ихъ знакомыхъ и друзей — то это ничего не доказываетъ. Генеральная баталія уже кончилась на всѣхъ пунктахъ; досадныя перестрѣлки, нарушающія общее затишье, исходятъ отъ прежнихъ *сорви-головъ*, которыхъ годы не могли укротить, и которые продолжаютъ, не будучи въ состояніи успокоиться, обмѣниваться ударами уже отъ одного своего имени и на свой страхъ. Такъ зачѣмъ же было — повторяемъ вопросъ — воскрешать въ романѣ 1867 года духъ, пріемы, сущность полемики 40-хъ годовъ и снова начинать битву, но теперь уже передъ пустыми лагерями и съ двойной опасностью: во-первыхъ, прослыть врагомъ спокойствія и порядка, съ такимъ трудомъ водворенныхъ, а во-вторыхъ, имѣть подобіе писателя, подогрѣвающаго свое произведеніе ѣдкими воспоминаніями прошлаго — на маперъ нашихъ романистовъ и драматурговъ, обращающихся за тѣмъ же къ упраздненному крѣпостному праву?

Мы позволяемъ себѣ, однакожъ, думать совсѣмъ на-оборотъ, что настояла полная, совершенная необходимость поднять снова старый, забытый споръ, и что Тургеневъ, выдвинувъ его теперь впередъ при самомъ началѣ романа, какъ будто онъ никогда не разрѣшался или разрѣшился преждевременно, тѣмъ самымъ показалъ глубокое пониманіе, вѣрное художническое чутье современныхъ задачъ.

Потугинъ, въ одну изъ минутъ своего злобнаго вдохновенія, объ-

явилъ, что онъ тогда только признаетъ за русскимъ обществомъ способность къ творчеству и самодѣятельности, когда оно изобрѣтетъ *зерносушилку*, совершенно необходимую ему и ненужную въ Европѣ. Но что это за вызовъ? Пишущій эти строки самъ видѣлъ на Волгѣ образецъ доморощенной зерносушилки, который, правду сказать, имѣлъ еще довольно аляповатый видъ, но съ годами и опытомъ, вѣроятно, получитъ болѣе стройную форму и всѣ нужныя качества для исполненія своего предназначенія. Нѣтъ ничего мудренаго русскому человѣку выдумать зерносушилку, особенно съ помощью американскихъ образцовъ того же инструмента. Зерносушилка будетъ нами сочинена, безъ участія Европы — въ томъ нѣтъ сомнѣнія: не труднѣе же она коноводки, амосовскихъ печей и прочаго, что́ русскій человѣкъ сочинилъ вполнѣ уединенно и независимо. Напрасно Потугинъ не предложилъ другихъ условій для своего публичнаго покаянія и не сдѣлалъ, напримѣръ, вызова русскому образованному обществу сочинить, безъ содѣйствія европейской цивилизаціи, что-либо похожее на публичные и домашніе нравы, т. е., что-либо заслуживающее названія нравовъ въ человѣческомъ смыслѣ. Онъ могъ бы также задать и другую тему обществу, напримѣръ, изобрѣсть, безъ употребленія въ дѣло европейской мысли и европейскаго развитія, что-либо похожее на жизненные, руководящіе *идеалы* личнаго и семейнаго существованія, которые достойны были бы признанія и, въ то же время, способными оказались устроить разумно внутренній бытъ людей, складъ ихъ мыслей и самый способъ выраженія—языкъ ихъ сношеній между собою. Если бы пріобрѣтеніе всего этого зависѣло отъ восторженнаго и — прибавимъ — вполнѣ законнаго поклоненія доблестямъ избранныхъ русскихъ людей, которые засвидѣтельствованы исторіей, или отъ невольнаго удивленія къ силѣ народнаго дара, создавшаго громадное государство, имѣющее не менѣе громадную будущность передъ собой, или отъ поразительныхъ примѣровъ дѣятельной жизни нашего великаго племени, вѣрующаго въ себя и никогда не унывающаго, — то зачатки достойныхъ нравовъ и благородныхъ жизненныхъ идеаловъ оказались бы повсемѣстно. Но именно очевидное, изумляющее отсутствіе тѣхъ и другихъ, за малыми исключеніями, почти во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ обычныхъ отправленіяхъ публичной жизни нашей, даже иногда въ лицахъ, одушевленныхъ горячимъ желаніемъ добра, и въ такихъ, которые, повидимому, обладаютъ высокимъ свѣтскимъ образованіемъ—ясно свидѣтельствуетъ, что обыкновенныхъ нынѣшнихъ уроковъ нашихъ намъ еще мало, и что мы лишены какого-то весьма важнаго двигателя развитія и образованности. Когда романъ Тургенева представляетъ намъ живые образцы нѣкоторыхъ существующихъ теперь нравовъ и понятій на Руси, онъ обнаруживаетъ только пустоту, оставленную между нами и этимъ отсутствующимъ двигателемъ. Значеніе его особенно понижается послѣ разсказа о

томъ, какъ выразилась чистая самодѣятельность русской жизни и, вдобавокъ, на высшихъ ея ступеняхъ? Съ одной стороны, это великолѣпный Губаревъ со своей командой изъ нигилистовъ и соціалистовъ нисшаго порядка; съ другой—«благоухающій» генералъ Ратмировъ со своими сослуживцами и ровесниками, готовыми ринуться на всѣ уже существующія завоеванія гражданственности и порядка. Каковы они съ виду и въ своихъ бесѣдахъ,—читатель можетъ увидать въ созданіи Тургенева. Картина, имъ написанная, становится еще мрачнѣе при мысли, что обѣ партіи стараются, каждая съ своей стороны, овладѣть вліяніемъ, получить мысль и нравственное воспитаніе общества въ свое распоряженіе, и что между ними обѣими ничего нѣтъ, кромѣ кликовъ празднества, все еще продолжающагося по случаю побѣды «народнаго духа» надъ его отрицателями.

Можно попытаться, однакожъ, взять Потугина съ другой стороны и ослабить его желчную аргументацію, показавъ, что, въ сущности, она не имѣетъ цѣли и направлена на борьбу съ призраками. Потугинъ стоитъ за сближеніе съ Европой, а кто же не видитъ, что наше сближеніе съ Европой только увеличилось за послѣднее время, что мы никогда не переставали изучать всѣ ея распорядки, а теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Проповѣдуя необходимость общенія съ ней въ духѣ и разумѣ, Потугинъ, по французской пословицѣ, занимается ломаніемъ отворенной двери. Мы по уши стоимъ въ европейской цивилизаціи! Развѣ не ей приписывали у насъ появленіе самаго нигилизма, хотя Европа, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчать за него не можетъ, такъ какъ онъ есть, собственно, произведеніе невѣжественныхъ отношеній къ ея серьёзнымъ соціальнымъ ученіямъ и весьма солидному реалистическому направленію въ наукахъ. Но, кромѣ того, чего мы не перенимали и не перенимаемъ у нея доселѣ? Развѣ не переводимъ мы и не издаемъ каждый день произведеній ея знаменитыхъ мыслителей, ученыхъ, моралистовъ, и проч., что̀ даетъ намъ возможность наслаждаться всѣми ихъ положеніями и страстно принимать ихъ къ сердцу? Переходя къ нисшему порядку явленій, спрашиваемъ: есть ли въ Европѣ какое-нибудь общественное увеселеніе, какая-нибудь народившаяся мода, какая-нибудь свѣтлая идея, хоть, напримѣръ, идея о вводѣ героинь *demi-monde*'а въ жизнь высшихъ и среднихъ круговъ общества,—которыя не нашли бы тотчасъ отголоска и повторенія на нашей почвѣ? Съ достовѣрностью можно сказать, что нѣтъ мѣры, выдуманной на западѣ для устройства толпы по извѣстному порядку и на извѣстный образецъ, нѣтъ бойкой статьи и искусной ораторской рѣчи, закрѣпляющихъ что-либо въ готовую форму, съ которыхъ, при самомъ ихъ появленіи, не были бы сняты у насъ вѣрные списки для домашняго употребленія, при случаѣ. Можно идти и еще далѣе въ вопросахъ. Трудно сомнѣваться, напримѣръ, въ томъ, чтобъ

успѣхъ какого-либо предпріимчиваго человѣка во Франціи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, смѣло расталкивающаго людей кругомъ себя и опрокидывающаго, для достиженія однѣхъ собственныхъ цѣлей, всѣ ихъ вѣрованія, лучшія надежды и стремленія — не заставлялъ нѣкоторыя головы мечтать и здѣсь о такомъ же успѣхѣ. Наконецъ, тѣсный, неразрывный союзъ нашъ съ Европой подтверждается и явленіями, въ высшей степени необычайными. Развѣ мы не знаемъ людей, до того породнившихся со всѣми взглядами сосѣдняго намъ запада, что они его глазами смотрятъ и на Россію, осуждая ея усилія къ сохраненію себя въ цѣлости и единствѣ, потому-что и сосѣдъ не одобряетъ этихъ усилій, не считаетъ нужными мѣръ, принимаемыхъ для возвышенія и укрѣпленія русской національности, потому-что и сосѣдъ не считаетъ ихъ особенно полезными и желательными. Какого же еще бо̀льшаго сближенія съ Евро̀пой нужно Потугину, и съ чего дозволилъ ему почтенный авторъ, создавшій этотъ замѣчательный типъ, распространяться о необходимости любовныхъ отношеній къ западу, когда они уже достигаютъ иногда степени, близкой къ самозабвенію и экстазу, и подчасъ напоминаютъ дѣтскую игру «въ гуси-летѣли», когда ребенокъ, повторяя движенія руки своего партнёра, поднимаетъ палецъ даже и на его слова: «собаки летѣли»!?

Да, мы находимъ, что Литвиновъ слабо отвѣчалъ Потугину, когда, въ видахъ охлажденія его восторга къ иноземнымъ чудесамъ развитія и къ матеріаламъ для нашего подражанія, существующимъ въ Европѣ — указалъ ему только на игорные дома и на толпу *кокодесокъ*, французскихъ остроумцевъ и нашихъ князей и дворянъ, ихъ окружающую. Благодаря слабости возраженій, можно подумать, будто Литвиновъ считаетъ игорные дома единственнымъ пятномъ Европы: отсюда такой выводъ, что если Пруссія и Бельгія согласятся, напримѣръ, закрыть ихъ на своихъ территоріяхъ, то никакого пятна на Европѣ уже не останется болѣе. Нѣтъ — у ней есть пятна покрупнѣе и, притомъ, такія, которыя служатъ признаками серьёзныхъ болѣзней, и отъ которыхъ она силится освободиться со всѣми муками страдающаго организма. Но, можетъ статься — и это всего вѣрнѣе, что Литвиновъ, предлагая слабое свое возраженіе, невольно чувствовалъ, что собесѣдникъ его говоритъ не о той Европѣ, которой мы подражаемъ, а о той, которую мало видимъ и почти не знаемъ. Боже мой! Какая же это малоизвѣстная намъ Европа, намъ, исколесившимъ ее во всѣхъ направленіяхъ и изучившимъ ее болѣе своей родины? Да вотъ та самая, на которую авторъ романа только и указываетъ своимъ читателямъ черезъ посредство Потугина. Отличіе ея отъ видимой нами Европы состоитъ въ томъ, что, посреди множества отрицательныхъ, часто возмутительныхъ явленій своего быта, иногда подъ гнетомъ грубаго давленія матеріальной силы, еще далеко не устраненной ею,

иногда въ пылу національныхъ увлеченій, подвигающихъ ее на вопіющія несправедливости—она занята устройствомъ человѣческой личности, ближайшей среды, ее окружающей, и возвышеніемъ духовной природы человѣка вообще. Нашимъ туристамъ по Европѣ (да и однимъ ли туристамъ?) кажется, что знаменитые ея университеты, богатѣйшая литература и музеи, сохраняющіе геніяльныя произведенія искусствъ, направлены къ тому, чтобы украшать жизнь, и безъ того достаточно красивую, избранныхъ классовъ, или производить какъ можно болѣе ораторовъ, депутатовъ, профессоровъ, ученыхъ и писателей, между тѣмъ какъ они служатъ орудіемъ у той малоизвѣстной намъ Европы, о которой говоримъ—поднять мысль самаго послѣдняго человѣка въ государствѣ. Генрихъ IV, по свидѣтельству, впрочемъ, крайне подозрительному своихъ современниковъ, опредѣлялъ назначеніе внутренней и внѣшней политики Франціи единственно цѣлью—доставить каждому изъ его подданныхъ возможность имѣть по праздникамъ «курицу» на своемъ столѣ. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этой «курицы», вошедшей въ программы всѣхъ партій и всѣхъ европейскихъ правительствъ, малоизвѣстная намъ Европа нашла и другое назначеніе для политики государствъ. Главной ея задачей она поставляетъ точное, общедоступное опредѣленіе идей нравственности, добра и красоты, и такое распространеніе ихъ, которое помогло бы самому скромному и темному существованію выйти изъ сферы животныхъ инстинктовъ, воспитать въ себѣ чувства справедливости, благорасположенія и состраданія къ другимъ, понять важность разумныхъ отношеній между людьми и, наконецъ—получить способность къ прозрѣнію *«идеаловъ»* единичнаго, семейнаго и общественнаго существованія. Послѣдняя часть задачи, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ реалистамъ, считается, при этомъ, и самой важной, существенной ея частью. На-сколько успѣла эта, въ половину скрытая отъ насъ Европа—осуществить свою неписанную, нигдѣ не заявленную, но, тѣмъ не менѣе, страстно исполняемую программу—составляетъ опять другой вопросъ, хотя признаки таинственной работы, ею производимой, обнаруживаются уже и для глазъ, мало различающихъ предметы, которые имъ сначала не указаны. Появленіе у насъ такихъ энтузіастовъ иноземщины, какъ Потугинъ, объясняется именно тѣмъ, что они успѣли прозрѣть эту, а не другую какую-либо Европу; да подъ ея же вліяніемъ написанъ и разбираемый нами романъ, чему достаточнымъ подтвержденіемъ служитъ исторія Ирины Ратмировой и Литвинова, вся направленная къ тому, чтобы показать, какъ складывается жизнь, даже на высшихъ ступеняхъ общества, если она лишена прозрѣнія и творчества *идеаловъ* и ихъ поддержки. На этой исторіи мы теперь и остановимся.

Это весьма любопытная и поучительная исторія. Прежде всего выступаетъ въ ней впередъ одно изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій Турге-

нева, образъ героини любовнаго романа, ею же и завязаннаго — Ирины Ратмировой. Чтó это за женщина? Трудно себѣ представить болѣе скудный запасъ предметовъ для мышленія въ образованной женщинѣ, при болѣе благородной натурѣ и при болѣе ослѣпительныхъ качествахъ тѣла. За-то Ирина и опирается единственно на свой смѣлый, честный и откровенный характеръ, который, однакожъ, не можетъ дать ей, не смотря на всѣ благороднѣйшіе порывы ея души—ничего, кромѣ сознанія своего превосходства передъ другими, да пустыхъ наслажденій гордости и мести. Большая часть прежнихъ героинь Тургенева были, по своему, мыслящія головы (вспомнимъ Асю, Лизу «Дворянскаго Гнѣзда»), даже глубоко-мыслящія головы, и читатели, конечно, не забыли того обаянія, которое онѣ производили, вообще, на публику, благодаря столько же ихъ женственной граціи, сколько и выраженію своеобычной идеи, игравшей на ихъ физіономіяхъ. Послѣдней черты мы именно и не можемъ уловить въ образѣ Ирины. Она осталась такой, какой вышла изъ рукъ благодатной природы, показавшей къ ней истинно-материнскую щедрость: ни семья, ни общество, ни жизнь, ничего ей не дали сверхъ того, и сама она ничего не пріобрѣла. Рѣдко случалось намъ въ литературѣ нашей встрѣчать такое поразительное изображеніе томленій одного страстнаго сердца по какой-то лучшей жизни, къ которой, однакожъ, оно совершенно неспособно. Не пожалѣлъ же авторъ и труда для того, чтобъ достойнымъ образомъ обрисовать этотъ типъ съ двойнымъ его характеромъ, способнымъ дать высокое понятіе о природныхъ, естественныхъ силахъ почвы, его породившей и, въ то же время, обнаружить всю безпомощность ея образованія и недостатокъ воздуха для самаго существованія подобныхъ типовъ.

Ирина презираетъ и ненавидитъ окружающій ее міръ, который вознесъ ее, однакожъ, на высшую ступень благосостоянія, почестей и довольства. Никакой благодарности она не чувствуетъ къ нему, и по одной причинѣ. Онъ нѣмъ и молчаливъ передъ нею, какъ могила. Чѣмъ болѣе даетъ онъ ей изъ того, чтó только можетъ дать—средствъ, денегъ, комфорта, тѣмъ настоятельнѣе становятся ея требованія, взятыя изъ другого порядка идей, и на которыя окружающій ее міръ можетъ отвѣчать только вопросомъ: «да чего же ей надобно еще?» И вопросъ этотъ, во всей его оскорбительной наглости, именно и предлагается ей постоянно, ежедневно, нѣмымъ, но несомнѣннымъ образомъ, всѣми ея окружающими. У нихъ нѣтъ средствъ представить себѣ даже мысленно ея положеніе. Душевный голодъ, ее поѣдающій, кажется имъ просто темной, загадочной болѣзнью женскаго организма; но для Ирины муки этой болѣзни тѣмъ ощутительнѣе, что она ясно сознаетъ — почти физически чувствуетъ въ себѣ присутствіе всѣхъ качествъ ума и сердца, которыя обыкновенно спасаютъ отъ нея людей.

Неожиданная встрѣча въ Баденѣ съ Литвиновымъ, прежнимъ своимъ женихомъ, давно покинутымъ ею, сразу возбуждаетъ въ ней предчувствіе, что въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ заключается для нея единственный послѣдній исходъ изъ того состоянія духовнаго сиротства, въ которомъ она находится. Съ невыразимой нѣжностью прильнула она къ воображаемому своему спасителю, Литвинову, и въ награду за первое слово сочувствія, за одинъ призракъ настоящей, полной жизни, за одно обладаніе человѣческимъ обликомъ, отъ котораго она уже отвыкла, Ирина отдается ему вся, со своей честью, со своимъ именемъ и со своей будущностью. Но сдѣлавъ это, она останавливается. Литвиновъ, пожертвовавшій ей невѣстой и цѣлымъ, уже опредѣленнымъ строемъ жизни, продолжаетъ опрометчивую свою игру и требуетъ у нея разрыва съ міромъ, бѣгства и вѣчныхъ связей съ собой. Разница между ними обнаруживается тотчасъ: покуда онъ бродитъ во тмѣ, она уже умѣетъ трезво распознать, сквозь весь чадъ и облако неподдѣльной страсти, голую истину: ей невозможно покинуть мѣста, къ которому она прикована всѣми своими привычками, она способна пожертвовать жизнью, оказать примѣры героической рѣшимости, бороться съ судьбой до послѣдняго издыханія, но только на своемъ, на одномъ — презираемомъ мѣстѣ — и нигдѣ болѣе!

На что́ же сводятся послѣ того сношенія Ирины съ Литвиновымъ? Она прямо высказала свой взглядъ на нихъ, ужаснувшій Литвинова, когда предложила ему остаться другомъ ея сердца безъ дальнѣйшихъ условій. Спрашивается: какую же помощь, въ концѣ концовъ, оказываютъ Иринѣ всѣ силы, способности и преимущества, которыми осыпала ее природа безъ разсчета и бережливости? Дѣло въ томъ, что какъ бы ни велики были дары природы, всегда отыщутся, въ нравственномъ существѣ человѣка, сторонніе и темные уголки, куда не запала ни одна крупинка этихъ даровъ. Всѣ такіе закоулки внутренняго нашего міра уже очищаются мыслью, вѣяніемъ идей, существующихъ въ обществѣ, собственною работою человѣка надъ собой. Самыми великими цѣлителями этихъ душевныхъ, тайныхъ недуговъ, признаны повсемѣстно жизненные идеалы. Гдѣ ихъ нѣтъ, гдѣ они не могутъ народиться, гдѣ, вмѣсто нихъ или подъ ихъ именемъ, являются уродливыя исчадія испорченной и сластолюбивой фантазіи — тамъ нѣтъ и свѣтлыхъ личностей. Спасеніе человѣка зависитъ отъ нихъ. Ирина представляетъ разительный примѣръ благородной натуры, лишенной даже предчувствія—той единственной силы, которая могла бы дать содержаніе ея жизни. Она вся состоитъ изъ стремленій, чаяній и прозрѣній, которыя никакъ не могутъ сложиться въ мысль и правило. По милости этого отсутствія жизненнаго идеала, она лишена и всякого оружія для борьбы съ собой, хотя необычайная зоркость сознанія и совѣсти, отличающая ее, помогаетъ ей ясно видѣть всю нравственную

свою безпомощность. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ богатства своего сердца и своей природы вообще, она ничѣмъ не связана съ душевнымъ міромъ. Самый простой, скромный, незатѣйливый жизненный идеалъ помогъ бы ей освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ слѣпой привязанности къ внѣшнимъ изысканнымъ формамъ существованія, чего она теперь не въ состояніи сдѣлать при всемъ своемъ умѣ и характерѣ. Нельзя забыть одной сцены романа, когда передъ первымъ своимъ выѣздомъ на балъ въ Москвѣ, рѣшившимъ ея судьбу, Ирина берется за конецъ вѣтки, украшавшей ея молодую голову, и ждетъ только слόва Литвинова, чтобъ сорвать ее и отказаться отъ вечера. Въ эту минуту она лучше своего пламеннаго обожателя, тогда еще студента, прозрѣвала будущность и чувствовала, что дѣлаетъ выборъ между простой жизнью, озаряемой любовью и мыслью, и жизнью въ шумѣ и блескѣ пустыхъ призраковъ; но Литвиновъ не сказалъ ожидаемаго слόва, и она ринулась въ потокъ, который принесъ ее въ объятія Ратмирова. Этой превосходной сценѣ можно противопоставить только другую въ концѣ романа, когда, спустя нѣсколько лѣтъ и передъ тѣмъ же Литвиновымъ, успѣвшимъ поумнѣть съ тѣхъ поръ, но все еще много уступающимъ ей въ пониманіи вещей и положенія, Ирина плачетъ искренними слезами любви, раздирая и топча ногами великолѣпныя кружева, съ которыми, однакожъ, разстаться не можетъ. Имѣй эта женщина возможность обрѣсти, съ какой-либо стороны, свѣтлое представленіе жизни, руководящій и обязательный нравственный идеалъ, она, можетъ быть, не сдѣлалась бы непремѣнно Литвиновой, но не была бы и Ратмировой, а главное, не прошла бы всего того, чтό ей пришлось пройти!

Послѣ всего сказаннаго рождается, самъ собою, вопросъ — откуда же беретъ Ирина ту власть надъ людьми, то неодолимое обаяніе, которое захватило Литвинова тотчасъ, какъ онъ подпалъ снова подъ дѣйствіе этой чарующей силы, которое разбило въ прахъ всѣ его мудрыя предначертанія, и не только разбило ихъ, но заставило его измѣнить еще самымъ священнымъ обязанностямъ, превратило его почти въ лжеца и обманщика. Вмѣстѣ съ Литвиновымъ, конечно, только безъ горестныхъ послѣдствій, имъ испытанныхъ — обаянію этому невольно подчиняется и самъ читатель романа. Одна красота, какъ бы превосходно ни была она изображена писателемъ, не имѣетъ средствъ согласить всѣ мнѣнія и сообщить всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, значительному большинству читателей одно и то же ощущеніе, потому-что пониманіе и представленіе физической красоты разнообразны до безконечности. Въ Иринѣ подчиняющее начало—есть духъ независимый, который отвѣчаетъ протестомъ и горькимъ обличеніемъ на то, чему она сама уже покорилась; это неумолкаемый гнѣвъ благороднаго сердца противъ пошлости и ничтожества, часто обращенный на себя, не за-

говариваемый ни лестью, ни подкупомъ, ни коварными оправданіями самолюбія. Приближаясь къ Иринѣ, люди испытываютъ такое же чувство, какъ при встрѣчѣ съ опасностью. Отъ этого чувства не былъ свободенъ и Литвиновъ, завязывая съ ней вторичное знакомство, какъ никогда не былъ свободенъ отъ него и мужъ ея. Вообще, надо сказать, что все созданіе этого образа изумительно по своей цѣлостности: нигдѣ нельзя найти въ немъ спайки, которая указала бы мѣсто, гдѣ произошло механическое сближеніе двойного характера, его отличающаго. Процессъ его созданія напоминаетъ почти химическій процессъ, когда изъ соединенія различныхъ минераловъ получается какъ бы новый, самостоятельный минералъ. Тайна такого производства образовъ уже утеряна съ Пушкина и его школы, послѣднимъ представителемъ которой остается, вмѣстѣ съ И. А. Гончаровымъ, и авторъ романа. Какъ бы то ни было, но Ирина, благодаря художническому воспроизведенію типа, выражаетъ уже не одно какое-либо частное лицо, выхваченное изъ жизни, говоритъ не за себя только, но дѣлается выраженіемъ и олицетвореніемъ цѣлаго строя жизни въ извѣстномъ отдѣлѣ общества.

Не менѣе важенъ и любопытенъ, въ смыслѣ изъясненія нѣкоторыхъ сторонъ современной нашей исторіи, и характеръ Литвинова. Къ нему одному Ирина подошла простой, любящей, отчасти даже молящей женщиной, и этого было довольно, чтобы раскрыть прежнія раны его сердца. Да это еще бы ничего. Приближенія ея достаточно было, чтобы уничтожить всѣ здоровыя жизненныя начала и правила, выработанныя имъ съ такимъ трудомъ дома и за границей. Онъ мгновенно сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ. Очевидно—честный, строгій къ себѣ и размышляющій Литвиновъ принадлежитъ къ числу русскихъ людей, которыхъ всегда можно застать *въ расплохъ*. Воспоминаніе о первой любви еще плохо объясняетъ въ немъ ту невыразимую степень увлеченія, какой онъ поддался: все-таки по ней прошелъ уже долгій промежутокъ времени, занятый серьёзнымъ трудомъ, что́ должно было умѣрить ея ходъ. Ничего этого не случилось, и намъ остается предполагать въ увлеченіи Литвинова, сразу достигающемъ послѣднихъ границъ возможнаго, какое-либо особенное психическое свойство, общее ему со многими изъ его соотечественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, герой этотъ напоминаетъ намъ тѣхъ спокойныхъ, часто весьма здравомыслящихъ нашихъ людей, которые необъяснимымъ образомъ оказываются замѣшанными въ планы и предпріятія, противорѣчащія ихъ настоящему характеру, образу мыслей и привычкамъ сужденія. Сколько такихъ примѣровъ непонятнаго, противоестественнаго увлеченія представила намъ современная наша исторія за послѣднее время! Разъ обнаружившееся или возникшее чувство любви ведетъ Литвинова, по первому призыву, мимо всѣхъ существующихъ дорогъ. Онъ долженъ достигнуть геркулесовыхъ

столбовъ нелѣпости (бѣгство съ Ириной въ Италію, безъ всякой матеріальной возможности къ тому), прежде чѣмъ остановился, да и то не онъ останавливается, а его покидаетъ въ послѣдній часъ сама Ирина, какъ было сказано. Можно было бы объяснить его поведеніе слѣпой страстью, но и слѣпая страсть имѣетъ еще свою логику, свое представленіе лучшаго исхода для себя. Въ Литвиновѣ это уже не просто слѣпая страсть, а съ примѣсью психическаго порока, свойственнаго нашему «образованному» міру. Разъ попавъ на стезю безумія, Литвиновъ долженъ изжить безуміе до конца. Прежде, чѣмъ онъ увидитъ передъ собой зіяющую пустоту, предѣлъ всякого реальнаго существованія и всякой возможности жизни — лихорадка его не покидаетъ. Только тогда онъ падаетъ и исцѣляется.

Что касается до нравственной сущности этого лица, помимо черты, упоминаемой нами, то всѣ соображенія о его «индифферентизмѣ», о неприличной воздержности его слова при встрѣчѣ съ противными ему мнѣніями и дѣлами, и прочее въ томъ же родѣ, кажутся намъ лишенными достаточныхъ основаній. Литвиновъ просто—зритель въ комедіи, разъигрываемой губаревской и ратмировской партіей въ Баденѣ. У него есть свое важное дѣло, какъ ему кажется, а у кого есть что-либо похожее на дѣло, тотъ неохотно расточаетъ себя и свою мысль по сторонамъ и на побочныя дѣла. Онъ сосредоточенъ въ себѣ и молчаливъ, какъ человѣкъ, имѣющій свой запасъ наблюденій и свою ношу матеріаловъ опыта и науки, которыхъ нужно еще помѣстить достойнымъ образомъ. Въ такомъ настроеніи онъ слушаетъ и горячую рѣчь Потугина. Авторъ романа, очевидно, имѣлъ въ виду представить знакомое намъ лицо, русскаго человѣка, приготовляющагося къ какой-то задачѣ, повидимому, весьма твердо намѣченной имъ для себя, который пріобрѣлъ даже всѣ внѣшнія очертанія серьёзнаго и порядочнаго человѣка, достигнувъ уже и пониманія условій дѣльнаго существованія на землѣ. Съ обычнымъ своимъ тактомъ, авторъ не говоритъ только, чтó выйдетъ изъ всего этого добра. Онъ ограничивается указаніемъ въ Литвиновѣ человѣка, такъ сказать, разнородныхъ *возможностей*, и совсѣмъ умалчиваетъ о его вѣрованіяхъ, политическихъ убѣжденіяхъ и проч., потому-что все это должно развиться у него съ началомъ жизненнаго труда, когда только и развиваются всѣ вѣрованія и убѣжденія, достойныя вниманія. А затѣмъ авторъ разсказываетъ намъ печальную исторію погибели, или, по крайней мѣрѣ, остановки дальнѣйшаго развитія своего героя. Въ самую послѣднюю минуту— въ двѣнадцатый часъ—долгаго европейскаго искуса, пройденнаго Литвиновымъ, онъ забываетъ все, къ чему готовился, поворачиваетъ совсѣмъ въ другую сторону, и уносится за тридевять земель отъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Это ли наговоръ и напраслина, взведен-

ная на русскій бытъ да еще эпохи 1862 года, и за это ли необходимо нужно мстить Литвинову униженіемъ, преслѣдованіемъ и нареканіями?

Такъ намѣчены характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и между этими-то характерами завязывается драма, перипетіи которой прослѣжены авторомъ съ подробностью и художнической выдержкой, вынуждающими признаніе у самыхъ строгихъ его судей. Ирина Ратмирова и Литвиновъ идутъ другъ на друга не просто быстрыми шагами: это каждый разъ смертельныя встрѣчи, оставляющія послѣ себя изумленіе съ обѣихъ сторонъ и вопросъ — какая сила выноситъ ихъ изъ бѣды? И не смотря на это, не смотря на самыя рѣшительныя доказательства взаимной страсти — сойтись дѣйствительно другъ съ другомъ они не могутъ. Авторъ не пропустилъ безъ вниманія ни одной изъ тѣхъ нравственныхъ препонъ, которыя образуютъ бездну между ними, и картина ихъ безплодныхъ усилій къ настоящему сближенію, помимо раздѣляющей ихъ бездны, выходитъ у него такъ жизненна и вѣрна, что неразрѣшимый вопросъ, составляющій ея содержаніе, волнуетъ читателя, какъ будто онъ былъ его собственный. Когда не удались имъ всѣ попытки отыскать связь, которая не уничтожала бы возможности существованія для одного изъ нихъ, или не приводила къ вѣрной гибели обоихъ — они, измученные и полуживые, расходятся въ разныя стороны, и каждое лицо возвращается опять въ свою сферу, откуда недавно вынесъ его слѣпой случай. Море, кипѣвшее такъ бурно сейчасъ — затягивается снова невозмутимой тишиной. Никакихъ признаковъ или остатковъ кораблекрушенія на немъ не видно. Въ голову приходитъ мысль — да полно и было ли тутъ что-либо похожее на крушеніе?! Романъ кончился, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей. Перенесите исторію, разсказанную имъ, изъ любовной сферы въ другую общественную сферу — это будетъ исторія множества явленій соціальнаго порядка, происходившихъ на нашихъ глазахъ, исторія проектовъ, предпріятій, начинаній, родившихся изъ тѣхъ же побужденій и случайностей, которыя управляли Ириной и Литвиновымъ, представлявшихъ такую же незаконную помѣсь, рядъ такихъ же усилій до чего-либо договориться, и также разлетѣвшихся «дымомъ» при первыхъ попыткахъ ихъ осуществленія.

Но мы не можемъ еще разстаться съ романомъ, не сказавъ еще одного и послѣдняго слова.

Изъ всѣхъ сужденій, возникшихъ по поводу «Дыма», наибольшаго вниманія заслуживаетъ то, которое называетъ романъ не вполнѣ справедливымъ. Въ основаніе этого мнѣнія положены слѣдующія соображенія. Авторъ, взявшійся за изображеніе нравственнаго быта нашего, представляетъ одну только сторону его, менѣе важную, и забылъ о другой, существенной сторонѣ его, которая одна только надлежащимъ образомъ его и выражаетъ. Пускай не отговаривается онъ

тѣмъ, что имѣлъ въ виду положеніе дѣлъ и умовъ въ 1862 году, когда многого задачъ, теперь поднятыхъ русской жизнью, много великихъ начинаній, теперь приводимыхъ въ исполненіе ею, еще не стояли на-очереди. Пониманіе этой серьёзной стороны общественнаго быта нашего должно было, все-таки, сказаться въ духѣ и настроеніи романа, но оно тамъ не сказалось. Романъ несправедливъ и потому, что въ своей характеристикѣ лицъ и партій умалчиваетъ о важныхъ заслугахъ обществу, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ нихъ, и поддается искушенію представлять ихъ на основаніи уже обветшалыхъ воззрѣній на ихъ дѣло. Затѣмъ въ романѣ есть черты, позволяющія думать, что авторъ заподозрѣваетъ даже духовную сущность русскаго народа, его силы и способности, умѣвшія создать, однакожъ, наше громадное государство. Вообще, на послѣднемъ произведеніи Тургенева лежитъ отпечатокъ того отрицанія, которое можно назвать *заграничнымъ* отрицаніемъ русской жизни и которое разнится съ домашнимъ, туземнымъ ея отрицаніемъ тѣмъ, что боится малѣйшей живой и свѣжей черты, такъ какъ всякая подобная черта уже не укладывается въ отвлеченное, мертвое, закостенѣлое представленіе русскихъ порядковъ и должна быть устраняема имъ, для собственнаго его спасенія, всѣми силами и средствами.

Мы не умалили, кажется, смысла возраженій, на которыя намекали уже и въ началѣ статьи. Теперь приходится къ слову разобрать ихъ подробнѣе. Допустимъ, что они всѣ, безъ исключенія, справедливы и вѣрны, но остается еще узнать—возможно ли было автору, памятуя вышеприведенныя наставленія написать не только художнически-полемическій романъ, какъ онъ это сдѣлалъ, но выразить просто какое-нибудь личное мнѣніе о вопросѣ нашего внутренняго строя, не прибѣгая, при этомъ, къ формѣ застольнаго *спича*, обязаннаго помянуть добромъ всѣхъ присутствующихъ. По горячности и искренности, съ какими написано произведеніе, можно, почти безошибочно, заключить, что авторъ, создавая его, имѣлъ въ виду сказать *нужное* слово, по его мнѣнію, для нашей эпохи.—Найдутся, конечно, люди, которые ни этого и никакого другого слова не согласятся признать нужнымъ, какъ только оно отвлекаетъ вниманіе публики отъ нихъ самихъ; но мы можемъ противопоставить имъ другую массу людей, считающихъ романъ автора не только замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ, но и благороднымъ дѣломъ, сдѣланнымъ въ самую настоящую, потребную минуту. Какъ же дѣлаются всѣ такія дѣла? Отличались ли они когда-либо тѣмъ родомъ отвлеченнаго безпристрастія, который требуется точнымъ смысломъ возраженій, сейчасъ приведенныхъ. Любопытно было бы ознакомиться хоть съ однимъ примѣромъ такого воображаемаго безпристрастія, когда у писателя, или вообще, у публичнаго дѣятеля зародилось намѣреніе отвѣчать, по мѣрѣ своихъ силъ,

призыву общества и помочь ему въ сознаніи своихъ случайныхъ, преходящихъ или хроническихъ, застарѣлыхъ болѣзней. Не думаемъ, чтобы скоро могъ отыскаться примѣръ сухого, невозмутимаго безпристрастія при такихъ условіяхъ, да оно просто и не совмѣстно, по нашему крайнему разумѣнію, ни съ какой, мало-мальски серьёзной задачей мысли. Покуда мысль эта вся покорена стремленіемъ достичь общеполезной цѣли, она не можетъ глазѣть по сторонамъ, привѣтливо раскланиваться съ явленіями жизни, стоящими на ея дорогѣ, какъ бы они знакомы ни были ей: она оставляетъ ихъ всѣхъ на своихъ мѣстахъ, безъ вниманія, торопясь исполнить свое главное призваніе. Если явленія эти дѣйствительно обладаютъ нравственной силой и имѣютъ будущность, они найдутъ себѣ свой путь рядомъ, о-бокъ съ движеніемъ посторонней имъ мысли, и въ своемъ родѣ будутъ неизбѣжно поступать точно также, какъ и она. Это законъ существованія для стойкихъ идей и сильныхъ убѣжденій, и трудно представить себѣ, какія благопріятныя послѣдствія могли бы выйти изъ ограниченія или поправки закона условіями мечтательнаго безпристрастія — развѣ только онъ предназначался бы въ новомъ своемъ видѣ на то, чтобы ослабить энергію дѣятелей и лишить ихъ на полудорогѣ силъ для достиженія своихъ цѣлей. Абсолютное безпристрастіе есть достояніе и принадлежность однихъ только правительствъ — только отъ правительствъ и можно ожидать его и требовать; да и то, уравновѣшивающее дѣйствіе органовъ государственной власти обнаруживается тогда, когда частныя стремленія вполнѣ высказались и опредѣлились, безъ утайки, какъ и безъ потаенныхъ сдѣлокъ между собою и подозрительныхъ соглашеній. Вообще, различныя направленія тѣмъ честнѣе и тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ значенія, чѣмъ ярче отдѣляются отъ другихъ, смежныхъ съ ними. Въ природѣ ихъ, такъ сказать, лежитъ уже потребность жертвовать всѣми пунктами соглашенія съ противниками, какими только пожертвовать можно; да и къ оставшимся затѣмъ они приближаются еще не-хотя и съ большими предосторожностями. Это не значитъ распаденіе общества на враждебные лагери, потому-что у всѣхъ дѣльныхъ направленій есть всегда одно связующее начало — благо и сохраненіе страны, которое, въ извѣстныя великія минуты ея исторіи, и заставляетъ ихъ всѣхъ говорить однимъ и тѣмъ же голосомъ. Но безъ перечисленныхъ теперь условій частной дѣятельности, общество обращается въ безличную смѣсь элементовъ, топкую, неспособную ничего выдержать и обыкновенно заваливаемую чѣмъ ни попало, когда кому-либо приходится на ней строиться. Нужды нѣтъ, если писатель самъ, въ глубинѣ своей совѣсти почувствуетъ несправедливость, сдѣланную имъ въ пылу работы: она ему простится и благоразумнѣйшими изъ его противниковъ, если помогла обнаружить свойство и сущность его мысли. Обидчиковъ и

обиженныхъ разсудитъ затѣмъ общественное мнѣніе, время и свидѣтельство — неумытное свидѣтельство самихъ обстоятельствъ, окончательно подтверждающихъ или опровергающихъ всякое обвиненіе: это судьи надежные.

До какой степени несостоятельно въ литературномъ дѣлѣ требованіе отрѣшенной отъ жизни, мелкой справедливости праздныхъ или равнодушныхъ людей—можно составить понятіе, позволивъ себѣ весьма небольшое усиліе фантазіи. Пусть вообразитъ кто-нибудь, хоть на одно мгновеніе, романъ нашего автора въ той формѣ, которую онъ непремѣнно получилъ бы, еслибъ написанъ былъ по рецепту этой справедливости. Чтó, если бы каждое изъ его рѣзкихъ, мѣткихъ и горячихъ опредѣленій нашей современности сопровождалось вѣжливой оговоркой, на половину уничтожающей смыслъ и значеніе прежде-сказаннаго? Чтó, если бы, рядомъ съ картиной безобразнаго явленія въ томъ или другомъ кругу общества, предложено было читателю и посильное утѣшеніе въ противоположномъ примѣрѣ, тамъ же отысканномъ, или, наконецъ — если бы подъ каждымъ указаніемъ романа обрѣтался приличный комментарій, предупреждающій опасность недоразумѣній и принятія кѣмъ-либо на свой счетъ дурного намека, не ему адрессованнаго? Справедливость была бы полная, авторъ избавился бы навѣрное отъ всякого нареканія, но чтó сталось бы съ его романомъ? Вмѣсто художнической картины, тревожащей теперь нашу мысль и воображеніе, мы имѣли бы подобіе пансіоннаго менуета, гдѣ всѣ сходятся и расходятся по рисунку, никогда не задѣвая другъ друга. А между тѣмъ, въ словахъ возражателей слышится, отчасти, нѣчто подобное такому требованію справедливости, конечно, не обнаруживающему въ нихъ ни громаднаго политическаго смысла, ни особенно глубокаго пониманія условій творчества.

Что же касается до предположенія, что авторъ потерялъ чутье разнообразныхъ задачъ, за которыми трудится современное наше общество, что онъ не видитъ и лишенъ возможности видѣть восходъ солнца, которое начинаетъ прогонять тѣни прежняго застоя и возбуждать повсюду новую жизнь, что онъ глухъ къ голосу замѣчательныхъ людей, вынесенныхъ впередъ движеніемъ проснувшихся общественныхъ силъ — то мы оставляемъ предположеніе это на совѣсти тѣхъ, кому оно принадлежитъ. Намъ кажется на-оборотъ, что единственная и исключительная причина созданія романа можетъ быть отыскана именно только въ страхѣ за судьбу многочисленныхъ элементовъ развитія, существующихъ въ нашей странѣ. Романъ ихъ хорошо знаетъ, потому-что всѣмъ своимъ содержаніемъ и общимъ тономъ изложенія направленъ противъ настоящихъ, дѣйствительныхъ помѣхъ, которыми усѣянъ ихъ нынѣшній путь. Правда, избѣгая пошлости, онъ не перечисляетъ доблестныхъ пріобрѣтеній послѣдняго вре-

мени, но онъ только ихъ и имѣетъ въ виду, когда показываетъ дикія силы, еще тѣснящіяся и гарцующія вокругъ молодыхъ зачатковъ нашего развитія, когда говоритъ о всемъ томъ, что, по его мнѣнію, отводитъ глаза кажущимся достоинствомъ и величіемъ представленій отъ прямыхъ условій этого развитія. Въ томъ и положительная сторона романа, которую такъ напрасно ищутъ его цѣнители. Никогда произведенія подобнаго рода не писались и не пишутся для возбужденія циническаго хохота надъ всѣмъ строемъ народной жизни: надо умѣть различать, сквозь художническую форму ихъ, ту степень пониманія настоящихъ нуждъ этой жизни и благорасположенія къ ней, которую они несомнѣнно заключаютъ въ себѣ.

П. Анненковъ.

19 мая, 1867 г.

Всего 658 страницъ.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный ре...ъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Т. III. Спб. 1867. Стр. 377. Ц. 2 р.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, два обширныя изслѣдованія: 1) «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», гдѣ разсматривается подготовка церковной Уніи, бунтъ Косинскаго и Наливайка и, наконецъ, самое утвержденіе Уніи; 2) «Ливонская война», при Іоаннѣ Грозномъ, и паденіе Ордена. Въ числѣ монографій, укажемъ на статью «Литовская народная поэзія»—предметъ столько же любопытный, сколько мало изученный въ нашей литературѣ. Въ заключеніе тома, помѣщена лекція: «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», читанная въ Геогр. Общ., въ 1863 г.— «Этнографія — говоритъ авторъ — должна вообще идти рука объ руку съ исторіей; жизнь настоящая и жизнь прошедшая должны взаимно объяснять самихъ себя..... Исторія становится только археологіей съ однимъ богатствомъ признаковъ и даже съ ихъ критикой и сочетаніемъ, если это богатство не приводитъ къ цѣльности образа народной жизни; такъ и этнографическое богатство служитъ матеріаломъ для науки, но не составляетъ еще, даже при научномъ построеніи, науки о народѣ». По мнѣнію автора, недостатокъ нашей этнографіи состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ «современный русскій человѣкъ не былъ подвергнутъ, по соотношенію его къ предкамъ, такому анализу, при которомъ черты его душевной жизни и матеріальнаго быта могли быть разобраны въ связи съ прошедшимъ..... Вмѣсто того, чтобы погружаться въ неизвѣстность и изъ мрака ея постепенно доходить до извѣстнаго,—пойдемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, изъ свѣта въ сумракъ и темноту». Желаніе автора, повидимому, сбывается; учрежденіе постоянной этнографической выставки въ Москвѣ не мало можетъ содѣйствовать къ успѣхамъ истинной науки о народѣ, въ основаніе которой слѣдуетъ положить ближайшее знакомство съ его настоящимъ бытомъ.

Исторія французской революціи. Соч. Минье. Перев. съ 9-го франц. изд. подъ редакц. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Т. II. Спб. 1867. Стр. 441. Ц. 1 р. 50 к.

Второй томъ продолжаетъ исторію революціи отъ 1793 г. и доходитъ до 1814 г. Въ этотъ періодъ времени, Франція переходила постепенно отъ крайней демократіи къ умѣренной республикѣ, уступившей мѣсто военному деспотизму. Сочиненіе Минье, какъ тенденціозное, но написанное съ замѣчательнымъ талантомъ, должно было утратить свое первое значеніе, но тѣмъ не менѣе осталось литературнымъ фактомъ. Въ прошедшемъ, Минье настаиваетъ преимущественно на томъ, что даетъ ему возможность подвергнуть критикѣ современность т. е. реставрацію Бурбоновъ; отсюда—односторонность Минье и необходимость для переводчиковъ снабдить свой трудъ предисловіемъ, что весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла выполнено въ «Предисловіи» К. К. Арсеньева. Кромѣ того, издатели присоединили весьма кстати извлеченіе изъ «Революціи» Эдг. Кинé, чтобы въ идеяхъ этого писателя заимствовать противовѣсъ увлеченіямъ Миньé.

Новѣйшее образованіе, его истинныя цѣли и требованія. Сборникъ статей, въ защиту научнаго воспитанія, составл. Эд. Юмансомъ. Перев. съ англ. съ предислов. М. А. Антоновича. Спб. 1867. Стр. 415. Ц. 2 р. 25 к.

Въ настоящій сборникъ вошли статьи такихъ ученыхъ, какъ Тиндаль, Даубени, Генфри, Гексли, Педжетъ, Уэвелль, Фарадэй, Дрэперъ, Массонъ, Овенъ, Гукеръ, Спенсеръ, Дж. Гершель, Ляйэлль и др. Переводчики приложили въ концѣ рѣчь Дж. Стюарта Милля объ университетскомъ воспитаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ поймутъ всю пользу знакомства съ мнѣніями и взглядами на истинныя цѣли и требованія новѣйшаго образованія, высказанныя не диллетантами науки, но по большей части ея представителями, и притомъ въ странѣ, гдѣ исторія образованія считаетъ за собою цѣлыя столѣтія. Мы не вполнѣ раздѣляемъ нѣкоторые взгляды автора «Предисловія», но объ этомъ постараемся сказать современемъ подробнѣе въ нашей Педагогической хроникѣ.

Авраамъ Линкольнъ и великая борьба между сѣвер. и южн. америк. штатами, въ продолженіе 1861 — 1865 гг. Д-ра Макса Ланге. Пер. съ нѣм. Съ портр. Линкольна. Спб. 1867. Стр. 474. in 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ начинаетъ очеркомъ всей исторіи Штатовъ и въ сжатыхъ чертахъ объясняетъ тѣмъ причины послѣдней катастрофы, въ которой Линкольнъ явился вмѣстѣ и героемъ, и жертвою. Изъ массы монографій по этому предмету, трудъ Ланге принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые умѣли соединить съ небольшимъ объемомъ интересъ и живое изложеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ", за прошедшій 1866 годъ, продается въ С.-Петербургѣ, при книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова, Я. А. Исакова и Д. Е. Кожанчикова, четыре тома 8 рублей. Иногородные могутъ обращаться прямо въ Редакцію, съ приложеніемъ къ упомянутой суммѣ 1 рубля для пересылки.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1867 году,

выходитъ въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, отдѣльными томами, отъ 500 до 600 страницъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1. Для **городскихъ** подписчиковъ въ *С.-Петербургѣ*, безъ доставки **8** руб., съ доставкою **9** руб.
2. Для **иногородныхъ**, съ пересылкою **9** руб.
3. Для **иностранныхъ**, съ пересылкою: въ *Пруссію* и въ *Германію* — *11* руб.; въ *Бельгію* — *12* руб.; во *Францію* и *Данію* — *13* руб.; въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію* и *Португалію* — *14* руб.; въ *Швейцарію* — *15* руб.; въ *королевство Италію* и въ *Римъ* — *16* руб.

От **городскихъ** подписчиковъ **подписка принимается** въ вышеупомянутыхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Иногородные и **иностранные** подписчики обращаются съ требованіями въ Газетную Эспедицію Почтамта С.-Петербурга и Москвы, или прямо: «Въ редакцію Вѣстника Европы, въ С.-Петербургѣ»; и только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за своевременную и точную сдачу экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

